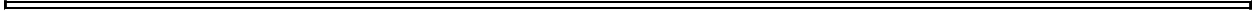

- [Голсуори Джон](#)

-

Голсуори Джон

Конец главы

Джон Голсуори

Конец главы

Содержание:

В ожидании Цветок в пустыне Через реку

В ОЖИДАНИИ

(Конец главы)

I

Епископ Портминстерский быстро угасал. Уже вызвали четырех его племянников и двух племянниц, одну из них с мужем. Все были убеждены, что он не переживет ночь.

Тот, кого в шестидесятых годах однокашники по Хэрроу, а затем Кембриджу прозвали Щеголем Черрелом (так уж произносили свою фамилию Черруэлы), кто в обоих своих лондонских приходах был известен как преподобный Катберт Черрел, кто в те дни, когда был модным проповедником, именовался каноником Черрелом, а за последние восемнадцать лет - Катбертом Портминстерским, - никогда не состоял в браке. Он прожил восемьдесят два года и пятьдесят пять из них (духовный сан он принял сравнительно поздно) представлял господу в различных уголках земной юдоли. Такая жизнь, равно как привычка подавлять свои естественные порывы, выработанная им с двадцати шести лет, наложила на его лицо отпечаток достоинства и сдержанности, который не могло стереть даже приближение смерти. Он ожидал ее спокойно, пожалуй, чуть насмешливо, судя по тому, как приподнялись у него брови, когда он еле слышным голосом сказал сиделке:

- Завтра выспитесь, сестра: я не задержусь. Облачать меня вам не придется.

Тот, кто умел носить облачение изящнее всех епископов Англии, отличался несравненной изысканностью манер и внешности и до конца сохранял ту элегантность, за которую его в свое время прозвали Щеголем, лежал не в силах пошевелиться, с желтым как слоновая кость лицом, но тщательно причесанный. Он был епископом долго, очень долго, и никто уже не знал, что он думает о смерти и думает ли вообще о чем-нибудь, кроме обряда богослужения, в котором он не допускал никаких новшеств.

Он всегда умел скрывать свои чувства, и жизнь - этот долгий обряд - была для его замкнутой натуры тем же, чем золотое шитье и драгоценные камни для епископского облачения, ткань которого с трудом различается под ними.

Он лежал в доме, построенном еще в шестнадцатом веке и примыкавшем к собору. Комната напоминала келью аскета и была так пропитана запахом старины, что его не мог заглушить даже сентябрьский ветерок, врывающийся сквозь стрельчатые окна. На подоконнике в старинной вазе стояло несколько цинний - единственное красочное пятно в комнате. Сиделка заметила, что умирающий, открывая глаза, всякий раз смотрел на цветы. Около шести часов ему доложили, что вся семья его покойного старшего брата уже прибыла.

- Вот как? Позаботьтесь, чтобы их устроили поудобнее. А Эдриена попросите ко мне.

Когда, час спустя, он снова открыл глаза, перед ним, в ногах постели, сидел его племянник Эдриен. Некоторое время епископ пристально и с несколько неожиданным удивлением смотрел на его увенчанную седой шевелюрой голову, словно племянник, чье худое, смуглое, с тонкими чертами лицо было изборождено глубокими морщинами, оказался старше, чем он ожидал. Затем, приподняв брови, с той же чуть иронической ноткой в слабеющем голосе заговорил:

- Как мило с твоей стороны, дорогой Эдриен, что ты приехал. Сядь-ка поближе. Вот так. Сил у меня мало, но те, что остались, я хотел бы употребить тебе на пользу, хотя ты, может быть, и предположишь противное. Придется сразу сказать тебе все или уж ничего не говорить. Ты - не духовное лицо. Поэтому то, что я обязан сказать, скажу словами светского человека - каким я и сам был когда-то, может быть - всегда. До меня дошли слухи, что у тебя есть, как бы это выразиться, привязанность. Ты увлечен женщиной, на которой не можешь жениться. Так ли это?

Доброе морщинистое лицо племянника стало трогательно озабоченным.

- Так, дядя Катберт. Сожалею, если это огорчает вас.

- Чувство взаимное?

Племянник пожал плечами.

- Дорогой Эдриен, теперь, конечно, не так смотрят на вещи, как в годы моей юности, но брак все еще остается святыней. Впрочем, это дело твоей совести. Речь идет о другом. Дай-ка мне воды.

Глотнув из поданного племянником стакана, епископ продолжал все более слабеющим голосом:

- С тех пор как умер твой отец, я был всем вам в какой-то мере in loco parentis [1] и, смею надеяться, главным хранителем традиций, священных для тех, кто носит наше имя - древнее и славное имя, должен я сказать. Известное наследственное чувство долга - это все, что осталось теперь у старинных родов. То, что можно извинить в юноше, непростительно в зрелом человеке, тем более когда он занимает такое положение, как ты. Мне было бы горько расстаться с жизнью, зная, что пресса не сегодня-завтра начнет трепать наше имя, что оно станет предметом пересудов. Прости за вмешательство в твою личную жизнь. Мне пора попрощаться с вами. Передай всем мое благословение. Боюсь, что оно немногочего стоит. Звать никого не надо, - так легче. Прощай, милый Эдриен, прощай!

Голос упал до шепота. Говоривший закрыл глаза. Эдриен постоял еще с минуту, глядя на заострившееся восковое лицо; потом, высокий, чуть ссутуленный, на цыпочках подошел к двери, открыл ее и вышел.

Вернулась сиделка. Губы епископа шевелились, брови вздрагивали, но заговорил он только раз:

- Буду признателен, если вы присмотрите, чтобы голова не свалилась набок и рот был закрыт... Простите, что вхожу в такие подробности. Не хочется удручать близких моим видом...

Эдриен прошел в длинную комнату с панелями, где собралась вся семья:

- Отходит. Он посылает всем свое благословение.

Сэр Конуэй откашлялся. Хилери пожал Эдриену руку, Лайонел отошел к окну. Эмили Монт вынула крохотный платочек и вложила свободную руку в руку сэра Лоренса. Одна Уилмет спросила:

- Как он выглядит, Эдриен?

- Как мертвый воин на щите.

Сэр Конуэй снова откашлялся.

- Славный старик! - мягко заметил сэр Лоренс.

- О да! - сказал Эдриен.

Никто не двинулся с места. Всем было не по себе, как всегда бывает в доме, который посетила смерть. Подали чай, но, словно по молчаливому уговору, никто не притронулся к нему. Внезапно зазвонил колокольчик. Семеро собравшихся в гостиной людей подняли головы. Взгляды их скрестились в какой-то точке пространства, пытаюсь увидеть нечто такое, что одновременно и находилось там и не существовало.

С порога донеслись слова:

- Если вам угодно взглянуть, прошу войти.

Первым, как старший, за капелланом епископа двинулся сэр Конуэй;

остальные последовали за ним.

На узкой кровати, стоявшей у стены, как раз напротив стрельчатых окон, вытянулась белая прямая фигура епископа. Смерть преисполнила весь его облик новым достоинством. Он сумел скончаться еще изысканней и сдержанней, чем жил. Никто из присутствующих, даже восьмой из них - капеллан покойного, не знал, верил ли Катберт Портминстерский во что-нибудь, кроме обязанности блюсти это внешнее, мирское достоинство служителя церкви обязанности, которой он так ревностно служил. Близкие смотрели на него, испытывая все те противоречивые чувства, которые смерть пробуждает у людей разного душевного склада. Общим было только одно чувство - эстетическое восхищение зрелищем столь незабываемо достойной кончины.

Конуэй - генерал сэра Конуэй Черрел - не раз видел смерть. Он стоял, сложив руки, как когда-то стоял в Сендхерсте по команде "вольно". Лицо у него было слишком худое и аскетическое для солдата: темные впалые щеки, обтягивающие широкие скулы и переходящие в твердый подбородок; решительный взгляд темных глаз; тонкие губы и нос; подстриженные темные усики с проседью. Оно было, пожалуй, самым спокойным из всех восьми; лицо высокого Эдриена, который стоял рядом с генералом, - самым взволнованным. Сэр Лоренс Монт держал под руку Эмили, свою жену. Его худое подергивающееся лицо, казалось, говорило: "Не плачь, дорогая: зрелище на редкость красивое".

Лица Хилери и Лайонела, стоявших бок о бок с Уилмет, - одно изборожденное, другое гладкое, хотя оба в равной мере длинные, худощавые и волевые, - выражали что-то вроде участливого недоверия, словно и тот и другой ожидали, что покойник вот-вот откроет глаза. На щеках Уилмет, высокой худой женщины, горел густой румянец, рот был сжат. Капеллан, потупившись, шевелил губами, словно творя про себя молитву.

Так они простояли минут пять, затем со вздохом, вырвавшимся почти одновременно, направились к дверям и разошлись по отведенным им комнатам.

За обедом они сошлись опять. Все - и мысли, и слова - снова стало обычным, повседневным. Конечно, дядя Катберт возглавлял их род, но никому из них не был особенно близок. Поговорили о том, где его хоронить - в Кондафорде, рядом с предками, или здесь, в соборе. Видимо, вопрос решится, когда вскроют завещание. Вечером все, кроме генерала и Лайонела душеприказчиков покойного, вернулись в Лондон.

Братья сидели в библиотеке и молчали. Они прочли завещание, очень

краткое, так как завещать было почти нечего. Наконец генерал произнес:

- Хочу посоветоваться с тобой, Лайонел. Насчет Хьюберта, моего мальчика. Читал, какие обвинения предъявили ему в парламенте перед закрытием сессии?

Лайонел, скупой на слова и к тому же ожидавший, что его должны назначить судьей, кивнул:

- Я видел в газетах, что был запрос. Но мне неизвестно, как сам Хьюберт объясняет дело.

- Могу рассказать. Чертовски скверная история! Мальчик, конечно, вспыльчив, но абсолютно правдив. Тому, что он говорит, можно верить безоговорочно. Скажу честно, я на его месте, вероятно, поступил бы так же.

Лайонел раскурил трубку и опять кивнул:

- Продолжай.

- Так вот, ты знаешь, что он прямо из Хэрроу, еще несовершеннолетним, ушел на фронт. Год прослужил в авиации, был ранен, вернулся в строй, а после войны остался в армии. Служил в Месопотамии, затем его перебросили в Египет, потом в Индию. Там он тяжело заболел - малярия, - и в октябре прошлого года ему дали годичный отпуск по состоянию здоровья. Врачи рекомендовали ему попутешествовать. Он получил разрешение по команде, отплыл в Панаму, оттуда поехал в Лиму. Там встретил одного американца, профессора Халлорсена, знаешь, того, что приезжал в Англию читать лекции о каких-то раскопках в Боливии, куда он в то время снаряжал экспедицию. Хьюберт прибыл в Лиму чуть ли не накануне выступления. Халлорсену нужен был человек, который ведал бы транспортом. После путешествия Хьюберт чувствовал себя неплохо и ухватился за эту возможность. Он ведь не выносит безделья. Халлорсен взял его. Это было в декабре. Вскоре Халлорсен оставил его в своем базовом лагере, поручив ему начальство над целой кучей погонщиков мулов. Все индейцы-полукровки, один Хьюберт белый. К тому же его снова свалила лихорадка. Судя по его рассказам, среди этих метисов попадаются сущие дьяволы: понятия о дисциплине никакого, обращаются с животными позверски. Хьюберт пришелся им не по душе: я уже сказал, он - парень вспыльчивый и, оказывается, ужасно любит животных. Метисы все больше отбивались от рук. Один из них, - Хьюберту пришлось отхлестать его за бесчеловечное обращение с мулами, - все время мучил остальных и наконец бросился на мальчика с ножом. По счастью, Хьюберт не расставался с револьвером и уложил негодяя на месте. Тогда вся эта проклятая шайка, за исключением трех человек, немедленно сбежала,

прихватив с собой мулов. Заметь: Хьюберт один, без всякой помощи, ждал там почти три месяца, не получая никаких известий от Халлорсена. Словом, полумертвый, он все-таки кое-как продержался с оставшимися погонщиками. Наконец возвращается Халлорсен и, вместо того чтобы попытаться понять трудности, с которыми столкнулся Хьюберт, набрасывается на него с упреками. Мальчик не смолчал, выложил ему все, что думал, и уехал. Больше никуда заезжать не стал и теперь живет с нами в Кондафорде. От лихорадки, к счастью, отделался, но очень изнурен, даже сейчас. А тут еще этот Халлорсен осрамил его в своей книге: взваливает на него фактически всю ответственность за провал экспедиции, обвиняет в жестокости и неумении обращаться с людьми, обзывает спесивым аристократом - словом, мелет трескучую ерунду, которая в наши дни так нравится публике. Кто-то из военных придрался к этому и сделал запрос в палате. Не страшно, когда такую возню затевают социалисты: от них ничего лучшего и не ждут. Но когда представитель вооруженных сил намекает на неблаговидное поведение британского офицера, - это совсем особая статья. Халлорсен сейчас в Штатах, так что в суд на него не подашь. Кроме того, у Хьюберта нет свидетелей. Похоже, что эта история навсегда испортит ему карьеру.

Длинное лицо Лайонела Черрела вытянулось еще больше.

- А он не пробовал обратиться в министерство?

- Пробовал. Он ездил туда в пятницу. Встретили его прохладно. В наши дни их пугает любая дешевая выдумка, если речь идет о превышении власти. Думаю все-таки, что дело замнут, если прекратится шумиха. Но разве дна прекратится? Хьюберта публично раскритиковали в книге, а затем, по существу, обвинили перед палатой в невыдержанности, которая не к лицу офицеру и джентльмену. Молча он это проглотить не может, а что остается?

Лайонел сделал глубокую затяжку и сказал:

- Знаешь, лучше ему не обращать внимания.

Кулаки генерала сжались:

- Черт побери, Лайонел, я этого не нахожу!

- Но ведь Хьюберт не отрицает ни выстрела, ни факта порки. Публика лишена воображения. Кон: она никогда не взглянет на вещи с точки зрения мальчика. Ей важно одно: во время мирной экспедиции он застрелил человека, а других наказывал плетьюми. Ты ей не втолкуешь, что он поступал так лишь в силу обстоятельств.

- Значит, ты серьезно советуешь ему смириться и промолчать?

- Как мужчина - нет; как человек с опытом - да.

- Боже правый! Куда идет Англия? Что обо всем этом сказал бы дядя Катберт? Ему так дорога была честь нашего имени!

- Мне тоже. Но как Хьюберту отпарировать удар?

Генерал помолчал, потом прибавил:

- Такое обвинение порочит всю армию. Но руки у мальчика действительно связаны. Подай он в отставку, он еще мог бы защищаться. Но он не мыслит себе жизни вне военной службы. Скверная история. Кстати, Лоренс говорил со мной насчет Эдриена. Диана Ферз - урожденная Диана Монтжой, так ведь?

- Да, она троюродная сестра Лоренса. Очень интересная женщина, Кон. Тебе приходилось ее встречать.

- До замужества видел. Каковы ее семейные дела?

- Вдова при живом муже: двое детей, супруг в сумасшедшем доме.

- Весело, нечего сказать! Он что, неизлечим?

Лайонел кивнул:

- Говорят. Впрочем, определенно никогда нельзя сказать.

- Боже правый!

- Вот именно. Она бедна, Эдриен еще беднее. Это его давнишнее увлечение. Началось еще до ее замужества. Он потеряет должность хранителя музея, если наделает глупостей.

- То есть сбежит с ней, - ты это имел в виду? Ерунда, ему ведь уже пятьдесят!

- Нет большего дурака, чем... Она - очаровательная женщина. У Монтжоев в роду все красавицы. Скажи, Кон, а тебя он не послушает?

Генерал покачал головой:

- Скорее уж Хилери.

- Бедняга Эдриен! А ведь замечательный человек, таких на земле мало. Я поговорю с Хилери, хоть он и занят по горло.

Генерал поднялся:

- Ну, пойду спать. У нас в поместье, хоть оно и древнее, древность ощущается как-то меньше.

- Тут просто слишком много ветхого дерева. Спокойной ночи, старина.

Братья обменялись рукопожатием, взяли подсвечники и разошлись по своим комнатам.

II

Поместье Кондафорд перешло от де Канфоров (отсюда его название) к Черрелам в 1217 году, когда их фамилия еще писалась Кервел, а то и Керуаль - в зависимости от склонностей писца. История перехода поместья к их роду была романтической: тот Кервел, который получил его,

женившись на одной из де Канфоров, покорил ее тем, что спас от вепря. Сам он был человек безземельный. Отец его, француз из Гиени, осел в Англии после крестового похода Ричарда. Девушка же была наследницей де Канфоров, владевших многими землями. Вепря внесли в родовой герб, хотя кое-кто и высказывал предположение, что единственным вепрем во всей этой истории был тот, который красуется в гербе. Во всяком случае архитекторы-эксперты установили, что некоторые части здания восходят к двенадцатому столетию. Несомненно также, что когда-то оно было обнесено рвом, наполненным водой. Однако при королеве Анне один из Черрелов, видимо успокоенный многими веками мира и, возможно, обеспокоенный мошкаррой, воспытал страстью к перестройкам и осушил ров, от которого теперь не осталось и следа.

Покойный сэръ Конуэй, старший брат епископа, получивший титул в 1901 году перед назначением в Испанию, служил по дипломатической части и поэтому запустил поместье. В 1904 году он скончался на своем посту, но процесс обветшания Кондафорда не прекратился и при его старшем сыне, теперешнем сэре Конуэе, который, будучи военным, постоянно переезжал с места на место и вплоть до окончания мировой войны редко имел счастье пожить в фамильном поместье. Когда же он поселился там, мысль, что оно было гнездом его рода с самого норманнского завоевания, побудила его сделать все возможное для приведения Кондафорда в порядок. Поэтому дом стал снаружи опрятным, а внутри комфортабельным, хотя у генерала едва хватало средств, чтобы жить в нем. Поместье не приносило дохода: слишком много земли было занято лесом. Хотя и незаложенное, оно давало всего несколько сотен в год. Генеральская пенсия и скромная рента его супруги, урожденной высокочтимой Элизабет Френшем, позволяли сэру Конуэю платить умеренный подоходный налог, содержать двух егерей и спокойно существовать, еле-еле сводя концы с концами.

Жена его, одна из тех англичанок, которые кажутся незаметными, но именно поэтому играют очень заметную роль, была милой, ненавязчивой и вечно чем-нибудь занятой женщиной. Одним словом, она всегда держалась в тени, и ее бледное лицо, спокойное, чуткое и немного застенчивое, постоянно напоминало о том, в какой незначительной мере уровень внутренней культуры зависит от богатства или образованности. Ее муж и трое детей неколебимо верили в то, что при любых обстоятельствах найдут у нее полное сочувствие и понимание. Они были натурами более живыми и яркими, но фоном для них служила она.

Леди Черрел не поехала с генералом в Портминстер и сейчас ожидала

его возвращения. Ситец, которым была обита мебель в доме, поизносился, и хозяйка, стоя в гостиной, прикидывала, продержится ли он еще год, когда в комнату ворвался шотландский терьер в сопровождении старшей дочери генерала Элизабет, более известной в семье под именем Динни. Это была тоненькая, довольно высокая девушка: каштановые волосы, вздернутый нос, рот как у боттичеллиевских женщин, широко расставленные васильковые глаза, - цветок на длинном стебле, который, казалось, так просто сломать и который никогда не ломался. Выражение ее лица наводило на мысль о том, что она идет по жизни, не пытаясь воспринимать ее как шутку. Она и в самом деле напоминала те родники, в воде которых всегда содержатся пузырьки газа. "Шипучка Динни", - говорил о ней ее дядя сэр Лоренс Монт. Ей было двадцать четыре года.

- Мама, оденем мы траур по дяде Катберту?

- Не думаю, Динни. Во всяком случае - ненадолго.

- Его похоронят здесь?

- Скорее всего в соборе. Отец расскажет.

- Приготовить чай, мамочка? Скарамуш, ко мне. Перестанешь ты грызть "Отраду джентльмена"? Оставь журнал.

- Динни, я так волнуюсь за Хьюберта.

- И я, мамочка. Он сам на себя не похож - не человек, а рисунок, плоский как доска. И зачем он поехал в эту ужасную экспедицию? Ведь с американцами можно общаться только до определенного предела, а Хьюберт доходит до него скорее, чем любой другой. Он никогда не умел с ними ладить. Кроме того, военным вообще нельзя иметь дело со штатскими.

- Почему, Динни?

- Да потому что военным не хватает динамизма: они еще отличают бога от мамоны. Разве ты этого не замечала, мамочка?

Леди Черрел это замечала. Она застенчиво улыбнулась и спросила:

- Где Хьюберт? Отец скоро вернется.

- Он пошел на охоту с Доном. Решил принести к обеду куропаток. Десять против одного - либо совсем забудет их настрелять, либо вспомнит об этом в последнюю минуту. Он сейчас в состоянии заниматься лишь тем, что бог на душу положит, - только вместо "бога" читай "дьявол". Он все думает об этом деле, мама. Влюбиться - вот единственное для него спасение. Не можем ли мы найти ему подходящую девушку? Позвонить, чтобы подавали чай?

- Да, дорогая. А цветы в гостиной нужно сменить.

- Сейчас принесу. Скарамуш, за мной!

Когда, выйдя на озаренную сентябрьским солнцем лужайку, Динни заметила зеленого дятла, ей вспомнились стихи:

Уж коль семь дятлов ствол один
Долбить в семь клювов стали,
Им, леди, и один червяк
Достанется едва ли.

Погода на редкость сухая. А все-таки циннии в этом году роскошные. Динни принялась рвать цветы. В ее руке засверкала красочная гамма - от багрового до розового и лимонно-желтого. Да, красивые растения, но любви к себе не внушают. "Жаль, что современные девицы не растут на клумбах, подумала девушка. - Можно было бы пойти и сорвать одну для Хьюберта". Динни редко выставляла напоказ свои чувства, но они у нее были - по крайней мере два, и притом тесно переплетенные меж собой: одно - к брату, другое - к Кондафорду. Все ее существо срослось с помещьем; девушка любила его со страстью, в которой ее никто не заподозрил бы, слыша, как она отзывается о нем. Динни испытывала глубокое, непреодолимое желание пробудить такую же привязанность к нему и в брате. Она ведь родилась здесь в дни, когда Кондафорд был запустелым и обветшалым, помещье воскресло на ее глазах. А Хьюберт приезжал сюда лишь по праздникам да во время отпусков. Хотя Динни меньше всего была склонна разглагольствовать о древности своей семьи или всерьез воспринимать разговоры посторонних на эту тему, она в душе глубоко верила в род Черрелов и его призвание, и эту веру ничто не могло поколебать. Здесь, в помещье, каждое животное, птица, дерево и даже цветы, которые она собирала; любой из окрестных фермеров, живущих в крытых соломой коттеджах; и церковь в староанглийском стиле, которую она посещала, хотя верила только по привычке; серые кондафордские рассветы, взглянуть на которые она выходила так редко, лунные ночи, оглашенные криками сов, и яркие полдни, когда солнце заливает жнивье; ароматы, звуки и порывы ветра - все было частицей ее самой. Когда Динни уезжала отсюда, она никогда не сознавалась, что тоскует по дому, но тосковала; когда оставалась тут, никогда не сознавалась, что радуется этому, но радовалась. Лишись Черрелы Кондафорда, она не стала бы его оплакивать, но чувствовала бы себя не лучше, чем выдернутое с корнем растение. Отец ее питал к Кондафорду равнодушную симпатию человека, который всю свою сознательную жизнь провел вдали от него; мать с покорностью женщины, всегда выполнявшей свой долг, видела в помещье нечто такое, что заставляло ее без отдыха трудиться, но никогда понастоящему ей не принадлежало; сестра относилась к нему с

терпимостью практичной натуры, которая предпочла бы жить в другом, более интересном месте; а Хьюберт... Что видел в нем Хьюберт? Этого Динни как следует не знала. Согретая медлительным солнцем, светившим ей в спину, она вернулась в гостиную с охапкой цинний в руках.

Мать ее стояла у чайного столика.

- Поезд опаздывает, - сказала она. - Как я не люблю, когда Клер слишком быстро гонит машину!

- Не вижу связи, мамочка, - заметила Динни.

Неправда, она видела ее: мать всегда беспокоится, когда отец задерживается.

- Мама, я настаиваю, чтобы Хьюберт опубликовал в газетах все, как было.

- Посмотрим, что скажет отец. Он, наверно, переговорил об этом с дядей Лайонелом.

- Машина идет. Слышу! - воскликнула Динни.

Вслед за генералом в гостиную вошел самый жизнерадостный член семьи его младшая дочь Клер. У нее были красивые, темные, коротко подстриженные волосы. Лицо - бледное, выразительное, губы слегка подкрашены, взгляд карих глаз - открытый и нетерпеливый, лоб - низкий и очень белый. Спокойная и в то же время предприимчивая, она казалась старше своих двадцати лет и, обладая превосходной фигурой, держалась подчеркнуто уверенно.

- Мама, бедный папа с утра ничего не ел! - бросила она, входя.

- Жуткая поездка, Лиз. Виски с содовой, бисквит и больше ни крошки с самого завтрака.

- Сейчас ты получишь гоголь-моголь с подогретым вином, милый, - сказала Динни и вышла. Клер последовала за ней.

Генерал поцеловал жену.

- Старик держался замечательно, дорогая, хотя мы все, за исключением Эдриена, увидели его уже мертвым. Мне придется вернуться на похороны. Думаю, что церемония будет пышная. Дядя Катберт - видная фигура. Я говорил с Лайонелом насчет Хьюберта. Он тоже не знает, что делать. Но я все обдумал.

- И что же. Кон?

- Вся штука в том, придадут ли этому значение военные власти. Они могут предложить ему выйти в отставку, а это для него конец. Лучше уж пусть сам подаст. Он должен явиться на медицинскую комиссию первого октября. Сумеет ли мы до тех пор нажать, где нужно, но так, чтобы он ничего не знал? Мальчик слишком горд. Я мог бы съездить к Топшему, а ты

созвониться с Фоленби. Как ты считаешь?

Леди Черрел сделала гримасу.

- Знаю, - прибавил генерал, - это противно. Саксенден - вот был бы настоящий ход. Но как к нему пробиться?

- Может быть, Динни что-нибудь придумает?

- Динни? Ну что ж! Ума у нее, кажется, больше, чем у всех нас, кроме тебя, дорогая.

- У меня, - возразила леди Черрел, - его и вовсе нет.

- Какой вздор! Ага, вот и она.

Динни подала генералу стакан с пенистой жидкостью.

- Динни, я говорил маме, что нужно потолковать о Хьюберте с лордом Саксенденом. Не придумаешь ли, как до него добраться?

- Через кого-нибудь из деревенских соседей, папа. Есть же у него такие.

- Его имение граничит с поместьем Уилфрида Бентуорта.

- Вот и нашли. Будем действовать через дядю Хилери и дядю Лоренса.

- Каким образом?

- Уилфрид Бентуорт - председатель комитета по перестройке трущоб, созданного дядей Хилери. Немножко здоровой семейственности, а, дорогой?

- Гм! Хилери и Лоренс приезжали в Портминстер... Жаль, что не подумал об этом.

- Поговорить мне с ними вместо тебя, папа?

- О, если бы ты взяла это на себя!.. Видит бог, терпеть не могу устраивать собственные дела.

- Конечно, возьму. Это ведь женское дело, правда?

Генерал недоверчиво взглянул на дочь: он никогда не был до конца уверен, говорит она серьезно или шутит.

- А вот и Хьюберт, - торопливо объявила Динни.

III

Действительно, по истертым серым плитам каменной террасы, с охотничьим ружьем и в сопровождении спаниеля шел Хьюберт. Черрел, стройный худощавый молодой человек выше среднего роста, с некрупной головой и лицом, на котором пролегли не по возрасту многочисленные морщины. Коротко подстриженные темные усики, тонкие нервные губы, виски, уже тронутые сединой, смуглые худые щеки, довольно широкие скулы, живые блестящие карие глаза, широко посаженные под изломом бровей над тонким прямым носом, Хьюберт был вылитый отец в молодости. Человек действия, обреченный на праздные раздумья, всегда

чувствует себя несчастным. С тех пор как бывший начальник Хьюберта обвинил его в недостойном поведении, молодой человек все время нервничал, так как был убежден, что действовал правильно, или, вернее, соответственно обстоятельствам. А поскольку ни воспитание, ни характер не позволяли ему публично выступить с самооправданием, он нервничал еще больше. Солдат по призванию, а не по воле случая, он видел, что его карьера под угрозой, что его репутация офицера и джентльмена опорочена, и был лишен возможности ответить ударом на удар тем, кто его порочил.

Ему казалось, что голова его, как у боксера, зажата рукой противника и каждый может по ней щелкнуть, - самое отвратительное ощущение для самолюбивого человека.

Хьюберт вошел через балконную дверь, оставив на террасе ружье и собаку и чувствуя, что за минуту до этого в гостиной говорили о нем. Такие сцены повторялись теперь постоянно, потому что в семье Черрелов огорчения одного немедленно становились общими. Приняв из рук матери чашку чая, Хьюберт рассказал, что лес сильно поредел и птицы стали очень осторожны. Затем наступило молчание.

- Пойду посмотрю почту, - бросил генерал, вставая. Жена вышла вслед за ним.

Оставшись наедине с братом, Динни собралась с духом и выпалила:

- Хьюберт, ты обязан что-то предпринять.

- Оставь, девочка. История, конечно, мерзкая, но сделать ничего нельзя.

- Почему ты не хочешь опубликовать отчет о том, что случилось? Ведь ты же вел там дневник. Я все отпечатаю, а Майкл найдет тебе издателя. У него есть знакомства в этих кругах. Мы просто не имеем права сидеть сложа руки.

- Выставлять свои переживания напоказ? Да мне даже подумать об этом противно! А другого выхода нет.

Динни нахмурилась:

- А мне противно смотреть, как этот янки сваливает на тебя свою вину. Как офицер британской армии, ты обязан дать ему отпор.

- При чем здесь армия? Я поехал с ним как штатское лицо.

- Почему бы тогда не опубликовать дневник целиком?

- Это только ухудшит дело. Ты ведь его не читала.

- Можно кое-что вычеркнуть, кое-что подчистить и печатать. Знаешь, папа того же мнения.

- Ты бы лучше сперва прочитала эту штуку. Там куча всякого жалкого вздора. Когда человек остается вот так, один, он распускается.

- А кто тебе мешает выбросить все лишнее?

- Добрая ты душа, Динни!

Динни погладила брата по руке:

- Что за человек этот Халлорсен?

- Надо отдать ему должное - у него масса достоинств: смел, вынослив, нервы железные. Но дорого ему только одно - он сам, Халлорсен. Плохо переносит неудачи. Поэтому, когда они случаются, виноваты в них всегда другие. Он утверждает, что экспедиция провалилась из-за отсутствия транспорта. А транспортом ведал я, хотя, брось он там вместо меня самого архангела Гавриила, и тот не сумел бы ничего сделать. Халлорсен допустил просчет, а сознаться в нем не желает. Все это ты найдешь в моем дневнике.

- Ты уже видел? - Динни достала газетную вырезку и прочла:

"Мы надеемся, что капитан Черрел, кавалер ордена "За боевые заслуги", примет меры, чтобы снять с себя обвинения, выдвинутые против него профессором Халлорсеном в книге об экспедиции в Боливию, провал которой автор объясняет отказом капитана Черрела поддержать его в критический момент". Видишь, травля уже начинается.

- Где это напечатано?

- В "Ивнинг сан".

- Меры! - с горечью произнес Хьюберт. - Какие там еще меры! На что, кроме честного слова, я могу сослаться? Бросив меня одного с этими даго, он позаботился, чтобы свидетелей не было.

- Значит, остается одно: дневник.

- Я дам тебе эту проклятую штуку.

Ночью Динни сидела у окна и читала "эту проклятую штуку". Полная луна плыла между вязами. Кругом царило гробовое молчание. Только бубенчик позвякивал на холме в овчарне, только цветок магнолии, распускаясь, заглядывал в окно. Все казалось таким неземным, что Динни по временам отрывалась от чтения и устремляла взгляд наружу, в фантастический мир. Полная луна десятки тысяч раз вот так же проплывала над этим куском земли, с тех пор как он достался ее предкам. Чувство покоя и безопасности, всегда охватывающее человека в таком старом доме, лишь усугубляло одинокую боль и тоску, которыми дышали прочитанные девушкой страницы. Жестокие слова о жестоких вещах - один белый среди дикарейметисов, единственный друг животных среди замороженных мулов и людей, не знающих жалости. За окном простирался холодный, безмятежный и прекрасный мир, а Динни с пылающими щеками читала и чувствовала себя несчастной.

"Эта грязная гадина Кастро снова колет мулов своим чертовым ножом.

Несчастливые животные тощи как жерди и окончательно выбились из сил. Предупредил его в последний раз. Если опять примется за свое, отведаёт плетей... Ночью трясла лихорадка".

"Утром как следует всыпал Кастро - дал дюжину. Посмотрим, не уймётся ли теперь. Не могу сладить с негодяями: в них нет ничего человеческого. Ох, хоть бы на денек очутиться в Кондафорде, поездить верхом, забыть об этих болотах и несчастных, похожих на скелеты мулах!.."

"Пришлось отстегать ещё одного мерзавца, будь они все прокляты. Обращаются с животными просто по-зверски... Опять был приступ..."

"Теперь хлопот не оберёшься: сегодня утром вспыхнул бунт. Они накинулись на меня. К счастью, Мануэль успел предупредить, - он славный парень. Кастро чуть не перерезал мне глотку и сильно поранил левую руку. Я собственноручно пристрелил его. Может быть, хоть теперь заставлю их повиноваться. От Халлорсена - ничего. Сколько, по его мнению, я ещё могу продержаться в этом болотном аду? Рана здорово даёт себя знать..."

"Итак, произошло самое страшное: ночью, пока я спал, эти дьяволы увели мулов и удрали. Остались только Мануэль и ещё два парня. Мы долго гнались за беглецами, наткнулись на трупы двух мулов, - и это всё. С таким же успехом можно искать звезду на Млечном Пути. Вернулись в лагерь полумертвые от усталости. Выберемся ли мы живыми - один бог знает. Очень болит рука. Только бы не заражение крови..."

"Сегодня решили как-нибудь выбираться отсюда. Навалили кучу камней, спрятали под ними письмо к Халлорсену. Я изложил в нём всю историю на тот случай, если он всё-таки пришлёт за мной. Потом передумал. Буду ждать здесь, пока он не вернется или мы не сдохнем, что, видимо, вероятнее..."

И так - до самого конца. Повесть о борьбе. Динни положила истрепанную пожелтевшую тетрадь и облокотилась на подоконник. Тишина и холодный лунный свет охладили её боевой задор. Воинственное настроение прошло. Хьюберт прав: зачем обнажать душу, выставлять свои раны на всеобщее обозрение? Нет! Всё что угодно, только не это. Нажать на все пружины. Да, нужно нажать, и она нажмет, чего бы ей это ни стоило.

IV

Эдриен Черрел был одним из тех убежденных сторонников сельской жизни, которые встречаются только в городах. Работа приковывала его к Лондону: он был хранителем антропологического музея.

Погруженный в изучение челюсти из Новой Гвинеи, которой пресса оказала весьма радушный прием, он только что сделал вывод: "Ерунда - обыкновенный низкоразвитый Homo sapiens", - когда сторож доложил:

- К вам молодая леди, сэр. Мисс Черрел, как я понимаю.

- Просите, Джеймс, - ответил Эдриен и подумал: "Если это не Динни, значит, я совсем выжил из ума". - О, Динни! Взгляни-ка. Канробер считает эту челюсть претринильской. Мокли - позднепилтдаунской, Элдон П. Бербенк - родезийской. А я утверждаю, что это просто Номо sapiens. Ты только посмотри на этот коренной зуб...

- Я смотрю, дядя Эдриен.

- Совершенно как у человека. Его хозяину была знакома зубная боль, а это несомненный признак эстетического развития. Недаром альтамиранская живопись и кроманьонская пещера найдены одновременно. Этот парень был Номо sapiens.

- Зубная боль - признак мудрости? Забавно! Я приехала повидаться с дядей Хилери и дядей Лоренсом, но решила сначала позавтракать с вами, чтобы чувствовать себя увереннее.

- Тогда пойдем в "Болгарское кафе".

- Почему именно туда?

- Потому что там хорошо кормят. Это сейчас рекламный ресторан, дорогая. Следовательно, там можно рассчитывать на умеренные цены. Хочешь попудрить носик?

- Да.

- В таком случае - вон в ту дверь.

Динни вышла. Эдриен стоял, поглаживая бородку и соображая, что можно заказать на восемнадцать шиллингов шесть пенсов. Будучи общественным деятелем без частных доходов, он редко имел в кармане больше фунта.

- Дядя Эдриен, - спросила Динни, когда им подали яичницу поболгарски, - что вам известно о профессоре Халлорсене?

- Это тот, который ездил в Боливию искать истоки цивилизации?

- Да, и взял с собой Хьюберта.

- А! И, насколько я понимаю, бросил его?

- Вы с ним встречались?

- Да. Я столкнулся с ним в тысяча девятьсот двадцатом, взбираясь на Малого грешника в Доломитовых Альпах.

- Он вам понравился?

- Нет.

- Почему?

- Видишь ли, он был вызывающе молод и побил меня по всем статьям. К тому же он напоминал мне игрока в бейсбол. Ты видела, как играют в бейсбол?

- Нет.

- А я видел один раз в Вашингтоне. Издеваешься над противником, чтобы вывести его из себя. Когда он бьет по мячу, орешь ему под руку: "Эх ты, вояка!", "Ну и ловкач!", "Президент Вильсон!", "Старая дохлятина!" и прочее в том же роде. Таков уж ритуал. Важно одно - выиграть любой ценой.

- Вы тоже за выигрыш любой ценой?

- Разве в таких вещах сознаются, Динни?

- Значит, как только доходит до дела, все поступают так же?

- Я знаю только, что так бывает, Динни, - даже в политике.

- А вы сами, дядя, согласились бы выиграть любой ценой?

- Вероятно.

- Вы-то - нет, а я - да.

- Ты очень любезна, дорогая, но зачем такое самобичевание.

- Потому что история с Хьюбертом сделала меня кровожадной, как москит. Вчера я целую ночь читала его дневник.

- Женщина еще не утратила своей божественной безответственности, задумчиво вставил Эдриен.

- Вы полагаете, что нам угрожает ее потеря?

- Нет. Что бы там ни говорили представительницы вашего пола, вам никогда не уничтожить в мужчинах врожденного стремления опекать вас.

- Дядя Эдриен, чем легче всего уничтожить такого человека, как Халлорсен?

- Если не прибегать к палке, - насмешкой.

- Его гипотеза о боливийской культуре абсурдна, правда?

- Совершенно. Там, конечно, попадаются кое-какие любопытные каменные чудища, происхождение которых не выяснено, но теория Халлорсена, насколько я понимаю, не выдерживает критики. Только помни, дорогая: во все это окажется замешанным и Хьюберт.

- Не в научном плане: он же ведал только транспортом, - улыбнулась Динни, в упор взглянув на дядю. - Было бы неплохо высмеять этого шарлатана. Вы бы великолепно справились с этим, дядя.

- Змея!

- Разве разоблачать шарлатанов не долг честного ученого?

- Будь Халлорсен англичанином, - пожалуй. Но он американец, а это меняет дело.

- Почему? Я полагаю, наука стоит выше государственных границ?

- Только в теории. Практически же кое на что приходится закрывать глаза. Американцы очень обидчивы. Помнишь, какой шум они подняли

недавно из-за эволюции? Если бы мы позволили себе посмеяться, дело могло дойти чуть ли не до войны.

- Но ведь большинство американцев и сами смеялись.

- Верно. Но они не желают, чтобы иностранцы смеялись над их соотечественниками. Положить тебе суфле по-софийски?

Они молча продолжали завтракать, сочувственно поглядывая друг на друга. Динни думала: "Его морщины мне нравятся, и борода у него симпатичная". Эдриен размышлял: "Как приятно, что носик у нее чуть-чуть вздернутый. У меня очаровательные племянницы и племянники". Наконец девушка заговорила:

- Дядя Эдриен, вы все-таки постарайтесь придумать, как наказать этого человека за то, что он так подло поступил с Хьюбертом.

- Где он сейчас?

- Хьюберт говорит, что в Штатах.

- А известно ли тебе, дорогая, что семейственность - вещь не слишком похвальная?

- Точно так же, как несправедливость, дядя. А кровь гуще воды.

- А это вино, - заметил Эдриен с гримасой, - гуще и той, и другой.

Зачем тебе вдруг понадобился Хилери?

- Хочу поклянчить, чтобы он представил меня лорду Саксендену.

- Это зачем?

- Отец говорит, что он влиятелен.

- Значит, ты намерена, как говорится, нажать на все пружины?

Динни утвердительно кивнула.

- Но ведь порядочный и щепетильный человек не способен с успехом нажимать на все пружины.

Брови девушки дрогнули, широкая улыбка обнажила ровные белые зубы.

- А я никогда такой и не была, милый дядя.

- Посмотрим. Пока что - вот сигареты. Реклама не врет - в самом деле превосходные. Хочешь?

Динни раскурила сигарету, затянулась и спросила:

- Вы видели дедушку Катберта, дядя Эдриен?

- Да. Величавая кончина. Прямо не покойник, а изваяние. Жаль дядю Катберта: был превосходным дипломатом, а растратил себя на церковь.

- Я видела его только два раза. Значит, он тоже не мог добиться своего, потому что, нажав на все пружины, утратил бы свое достоинство? Вы это хотели сказать?

- Не совсем. Умение нажимать на все пружины было не так уж важно

при его светскости и обаянии.

- В чем же тогда секрет? В манерах?

- Да, в манерах в широком смысле слова. Он - один из последних, кто обладал ими.

- Ну, дядя, я должна идти. Пожелайте мне оказаться непорядочной и толстокожей.

- А я, - сказал Эдриен, - вернусь к челюсти новогвинейца, которой рассчитываю поразить моих ученых собратьев. Если Хьюберту можно помочь честным путем, все будет сделано. Во всяком случае, буду иметь его в виду. Передавай ему привет, дорогая. До свиданья.

Они расстались, и Эдриен возвратился в музей. Но, снова склонившись над челюстью, он думал отнюдь не об этой находке. Конечно, Эдриен уже достиг тех лет, когда кровь в жилах скромного одинокого мужчины начинает замедлять свой бег, и его увлечение Дианой Ферз, начавшееся задолго до ее рокового замужества, носило в значительной мере альтруистический характер. Он жаждал счастья не столько для себя, сколько для нее и, непрестанно думая о Диане, всегда руководствовался при этом одной мыслью: "Как будет лучше ей?" Эдриен столько лет прожил вдали от нее, что ни о какой навязчивости (и без того ему несвойственной) с его стороны вообще не могло быть речи. Но овал ее спокойного и немного печального лица, черные глаза, очаровательный нос и губы все-таки заслоняли очертания челюстей, берцовых костей и прочих увлекательных предметов его разысканий. Диана с двумя детьми занимала небольшой дом в Челси и жила на средства мужа, который вот уже четыре года состоял пациентом частной психиатрической лечебницы и не подавал никаких надежд на выздоровление. Ей было под сорок, и, прежде чем Ферз окончательно потерял рассудок, она пережила много страшного. Человек старого закала по складу ума и манере держаться, приученный к широкому взгляду на историю и людей, Эдриен принимал жизнь с фатализмом, не лишенным юмора. Он не принадлежал к породе реформаторов, и печальное положение любимой женщины не преисполняло его желанием уничтожить узы брака. Он хотел, чтобы она была счастлива, но не знал, как добиться этого при существующих обстоятельствах. Сейчас она по крайней мере обрела покой и могла безбедно существовать за счет того, кого раздавила судьба. Помимо этого, Эдриену было не чуждо то суеверное почтение, с которым простые натуры относятся к людям, пораженным подобным недугом. До того как болезнь порвала узду здоровья и воспитания, Ферз был вполне приличным человеком, хотя даже безумие едва ли могло оправдать его поведение в последние два года, предшествовавшие полной

утрате рассудка. Но сейчас он был, что называется, человек, убитый богом, и его беспомощность обязывала окружающих к предельной щепетильности.

Эдриен отложил в сторону челюсть и взял в руки реставрированный череп питекантропа, загадочного существа из Триниля на Яве, о котором так долго шел спор, следует ли считать его человекообезьяной или обезьяночеловеком. Какая дистанция между ним и черепом современного англичанина, вон там, на камине! Сколько ни копайся в трудах специалистов, все равно не найдешь ответа на вопрос: где же колыбель *Homo sapiens*, где он развился в человека из тринильца, пилтдаунца, неандертальца или иного, еще не найденного их собрата? Если Эдриен и питал какую-нибудь страсть, кроме любви к Диане Ферз, то это, несомненно, было пламенное желание отыскать нашу общую прародину. Ученые носятся с мыслью о происхождении человека от неандертальца, но он, Эдриен, чувствует, что здесь что-то не то. Раз дифференциация зашла так далеко даже у этих звероподобных существ, как мог развиваться из них столь противоположный им вид? С равным успехом можно предполагать, что благородный олень произошел от лося. Эдриен подошел к огромному глобусу, на котором его собственным четким почерком были нанесены все известные на сегодня места первобытных стоянок с указанием на геологические изменения, эпоху и климат. Где, где искать? Это чисто детективная задача, разрешимая только на французский лад, - интуитивный выбор наиболее подходящего района и затем, для проверки догадки, раскопки на избранном месте. Самая сложная детективная задача на свете! Предгорья Гималаев, Файюм или области, лежащие сейчас на дне морском? Если они действительно затоплены, ничего не удастся установить окончательно. И не слишком ли академична вся проблема? Нет, ибо она неотделима от вопроса о человеке вообще, о подлинной первобытной природе его существа, на которой может и должна строиться социальная философия, - от вопроса, с такой остротой вновь поставленного в наши дни: на самом ли деле человек в основе своей добр и миролюбив, как это позволяет предположить изучение жизни животных и некоторых так называемых диких племен, или он воинствен и хищен, как утверждает мрачный летописец - история? Если будет найдена прародина *Homo sapiens*, тогда, возможно, выяснятся такие данные, опираясь на которые удастся решить, кто же он - дьявол в образе ангела или ангел в образе дьявола? Для человека такого склада, как Эдриен, эта воскрешенная мысль о прирожденной доброте себе подобных обладала большой притягательной силой, но его критический разум отказывался легко и безоговорочно

принять ее. Даже кроткие звери и птицы руководствуются инстинктом самосохранения; так же поступал первобытный человек. Когда его мышление усложнилось, область деятельности расширилась, а число соперников умножилось, он, естественно, стал жестоким. Иными словами, жестокость, этот видоизмененный инстинкт самосохранения, воспитана в нем так называемой цивилизацией. Примитивность существования дикаря давала меньше поводов для проявления этого инстинкта в наиболее мрачных формах. Впрочем, это едва ли что-нибудь объясняет. Лучше принять современного человека таким, как он есть, и попытаться подавить в нем склонность творить зло. Не следует чрезмерно полагаться на прирожденную доброту первобытных людей. Ведь еще вчера Эдриен читал об охоте на слонов в Центральной Африке. Дикари, мужчины и женщины, нанятые белыми охотниками в качестве загонщиков, накидываются на убитых животных, разрывают трупы на части, пожирают мясо сырым, а затем, пара за парой, исчезают в лесу, чтобы завершить оргию. В конце концов, в цивилизации тоже есть кое-что хорошее!

В этот момент сторож доложил:

- К вам профессор Аллорсен, сэр! Хочет посмотреть перуанские черепа.

- Халлорсен! - воскликнул пораженный Эдриен. - А вы не ошиблись, Джеймс? Я думал, он в Америке.

- Да нет, сэр, фамилия - Аллорсен. Такой высокий джентльмен, выговор как у американца. Вот его карточка.

- Гм... Просите, Джеймс, - распорядился Эдриен и подумал: "Бедная Динни! Что я ей скажу?"

В кабинет вошел очень высокий, очень представительный мужчина лет тридцати восьми. Его гладко выбритое лицо дышало здоровьем, глаза сияли, в темных волосах кое-где пробивалась ранняя седина. Он сразу же заговорил:

- Господин хранитель музея?

Эдриен поклонился.

- Послушайте, мы же с вами встречались. Помните, как взбирались вместе на гору?

- Да, - ответил Эдриен.

- Вот и отлично. Я - Халлорсен. Возглавлял боливийскую экспедицию. Мне сказали, что у вас великолепные перуанские черепа. Я захватил с собой несколько боливийских. Хотелось бы сравнить их с вашими перуанцами прямо на месте. Вы же знаете, сколько чуши пишут о черепах люди, никогда не державшие их в руках.

- Совершенно верно, профессор. Я с восторгом взгляну на ваших боливийцев. Кстати, вам, кажется, неизвестна моя фамилия? Вот, прошу.

Эдриен протянул Халлорсену визитную карточку. Тот взял ее.

- Ого! Вы не родственник капитану Черруэлу, который точит на меня нож?

- Дядя. Но, знаете, у меня создалось впечатление, что нож точит не он, а вы.

- Видите ли, он подвел меня.

- А он, насколько я понимаю, считает, что это вы подвели его.

- Поймите, мистер Черруэл...

- Мы, с вашего позволения, произносим нашу фамилию Черрел.

- Черрел? Да, да, теперь вспоминаю. Так вот, господин хранитель, что вы будете делать, если возьмете человека на работу, а она окажется ему не под силу и он из-за этого бросит вас в беде? Дадите ему золотую медаль?

- Но вы, я надеюсь, прежде чем выгащить нож, выясните, возможно ли вообще выполнить ту работу, для которой вы наняли человека?

- Это уж дело человека, взявшегося за нее. Да и что в ней было особенного? Держать в узде нескольких даго, - вот и все.

- Мне известно очень немного, но, насколько я понимаю, в его ведении находились также и мулы?

- Безусловно. И он все выпустил из рук. Что ж! Я не жду, что вы станете на мою сторону против собственного племянника. Но на перуанцев вы мне все же разрешите взглянуть?

- Разумеется.

- Вы чрезвычайно любезны.

Во время последовавшего затем совместного осмотра Эдриен то и дело бросал взгляд на великолепный экземпляр *Homo sapiens*, стоявший рядом с ним. Ему редко доводилось встречать человека, из которого с такой силой били бы жизнь и здоровье. Естественно, что каждое препятствие раздражает Халлорсена. Сама его жизнерадостность не позволяет ему видеть оборотную сторону медали. Как и его страна, он убежден, что все должно идти только его путем. Его брызжущая через край энергия исключает всякую мысль о возможности иного пути. "В конце концов, - подумал Эдриен, - он же не виноват, что бог для него воплощен в нем самом, в *Homo atlanticus superbus*". [2] И лукаво заметил:

- Итак, в будущем солнце начнет всходить на западе, профессор?

Халлорсен улыбнулся, но улыбка получилась чересчур сладкая.

- Мы, антропологи, господин хранитель, кажется, уже договорились, что прогресс начинается с земледелия. Если удастся доказать, что кукурузу

на американском континенте выращивали задолго, может быть, за тысячи лет до того, как в долине древнего Нила стали разводить ячмень и пшеницу, то почему бы солнцу и не обратиться вспять?

- А удастся вам это?

- Людям известны двадцать - двадцать пять сортов кукурузы. Хрдличка утверждает, что для дифференциации и выведения их требуется примерно двадцать тысяч лет. Это весьма укрепляет нас в убеждении, что Америка родина земледелия.

- Увы! Но ведь до открытия Америки Старый Свет не знал ни одного сорта кукурузы.

- Но, сэр, до этого и в Америке не существовало ни одного злака из числа известных Старому Свету. Подумайте сами: если цивилизация Старого Света проложила себе путь к нам через Тихий океан, то почему она не захватила с собой свои злаки?

- Однако все это еще не делает Америку путеводной звездой для остального мира, не так ли?

- Может быть, и так. Но даже если она не была ею, то все-таки создала свою древнюю цивилизацию самостоятельно и самостоятельно, первая в мире, открыла хлебные злаки.

- Вы, кажется, верите в Атлантиду, профессор?

- Эта гипотеза нередко доставляет мне удовольствие, господин хранитель.

- Ясно, ясно. Разрешите спросить: нападать на моего племянника вам тоже доставляет удовольствие?

- Признаюсь, я был страшно зол, когда писал книгу. Мы с вашим племянником не сошлись.

- Мне кажется, это обстоятельство тем более должно было заставить вас усомниться в своей правоте.

- Я покривил бы душой, взяв обратно свои обвинения.

- А сами вы насколько не повинны в том, что не достигли поставленной цели? Вы в этом убеждены?

Гигант нахмурился, и вид у него стал такой озабоченный, что Эдриен решил: "Во всяком случае, человек он честный".

Халлорсен с расстановкой произнес:

- Не понимаю, куда вы метите.

- Вы, кажется, сами выбрали моего племянника.

- Да. Из двадцати других.

- Совершенно верно. Значит, вы выбрали не того, кого нужно?

- Несомненно.

- Плохо разбираетесь в людях?

Халлорсен рассмеялся.

- Ловко подцепили, господин хранитель. Но я не из тех, кто афиширует собственные ошибки.

- Вам нужен был, - сухо заключил Эдриен, - человек, лишенный чувства жалости. Вы его не получили, полагаю?

Халлорсен вспыхнул:

- Вряд ли мы найдем общий язык, сэр. Позвольте собрать мои черепа? Весьма признателен за любезность.

Через несколько минут он ушел.

Эдриен остался наедине со своими довольно противоречивыми впечатлениями. Этот человек оказался лучше, чем он предполагал. Физически - великолепный экземпляр, в смысле интеллекта - заслуживает внимания, а нравственно... Что ж, типичный представитель нового мира, в котором каждая ближайшая цель, пока она не достигнута, - самое важное на свете, а достижение этой цели - важнее способов, какими она достигается. "Жалость! - думал Эдриен. - Какая там жалость в собачьей драке! И все-таки он неправ: надо же быть милосердным, нельзя так накидываться на человека в прессе. Чересчур много в тебе эгоизма, приятель Халлорсен!"

И, размышляя об этом, он спрятал челюсть в шкаф.

V

Динни направлялась к церкви святого Августина в Лугах. В этот прекрасный день нищета прихода, по которому она шла, казалась особенно безотрадной девушке, привыкшей к картинам сельской жизни. Тем более поразила ее жизнерадостность детей, игравших на мостовой. Спросив у одного из них, где живет священник, она пошла дальше в сопровождении целых пяти. Они не отстали от нее и тогда, когда Динни позвонила, из чего она сделала вывод, что ими руководят не вполне альтруистические побуждения. Ребятишки действительно попытались даже войти вместе с ней в дом и убежали лишь после того, как получили от нее по пенни каждый. Девушку провели в опрятную комнату, которая выглядела так, словно ей приятно, что у кого-то нашлось время в нее заглянуть.

Динни остановилась перед репродукцией "Мадонна со св. Франциском" Кастельфранко и принялась ее рассматривать, как вдруг услышала: "Динни!" - и увидела тетю Мэй. У миссис Хилери Черрел был ее обычный вид - вид человека, который старается одновременно попасть в три места, но лицо дышало непринужденным спокойствием и неподдельной радостью: она любила племянницу.

- Приехала за покупками, дорогая?
- Нет, тетя Мэй. Хочу, чтобы дядя Хилери представил меня одному человеку.

- Твой дядя вызван в полицейский суд.

Динни забурлила. Первый пузырек поднялся на поверхность.

- Как! Что он наделал, тетя Мэй?

Миссис Хилери улыбнулась:

- Покуда ничего, но я не ручаюсь за Хилери, если судья окажется недостаточно сговорчивым. Одну из наших прихожанок обвиняют в том, что она приставала к мужчинам.

- Не к дяде же Хилери!

- Нет, дорогая, думаю, что не к нему. Твой дядя просто должен отстоять ее репутацию.

- А ее можно отстоять, тетя Мэй?

- В том-то весь вопрос. Хилери утверждает, что можно, но я не очень уверена.

- Мужчины всегда слишком доверчивы. Кстати, мне никогда не приходилось бывать в полицейском суде. Я не прочь сходить туда за дядей Хилери.

- Вот и прекрасно. Мне как раз самой нужно в ту же сторону. Дойдем до суда вместе.

Через пять минут они уже шли по улочкам, еще более поразившим Динни, которой до сих пор была знакома лишь живописная бедность деревень.

- Я раньше не представляла себе, - внезапно сказала она, - что Лондон - это словно кошмарный сон...

- От которого не избавишься, встав с постели. Почему бы, при нашей безработице, не создать национальный комитет по перестройке трущоб? Затраты оправдались бы меньше чем за двадцать лет. Политики проявляют чудеса энергии и принципиальности, пока они не в правительстве. Стоит им войти в него, как они становятся просто придатком машины.

- Они ведь не женщины, милая тетя.

- Ты потешаешься надо мной, Динни?

- Что вы! Нет. Женщины не знают той боязни трудностей, которая присуща мужчинам. У женщины трудности - всегда осязаемые, материальные, у мужчины - теоретические, отвлеченные. Мужчины вечно твердят: "Ничего не выйдет!" Женщины - никогда. Они сперва берутся за дело, а уж потом решают, выйдет или не выйдет.

Миссис Хилери немного помолчала.

- Мне кажется, женщины больше живут настоящей минутой. Взгляд у них острее, а чувства ответственности меньше.

- Ни за что бы не согласилась быть мужчиной.

- Это утешительно, дорогая. Но в целом им все-таки легче живется, даже сейчас.

- Это они так думают. Я в этом сомневаюсь. По-моему, мужчины ужасно похожи на страусов. Они лучше, чем мы, умеют не видеть того, что не хотят видеть, но я не считаю это преимуществом.

- Может быть, и сочла бы, Динни, поживи ты в Лугах.

- Я в Лугах и дня бы не протянула, милая тетя.

Миссис Хилери внимательно посмотрела на свою племянницу по мужу. Девушка слишком хрупка, это верно. Того и гляди переломится. А все же Б ней чувствуется порода и дух господствует над плотью. Такие часто оказываются стойкими, и любые удары жизни от них отлетают.

- Не уверена в этом, Динни, - порода у вас крепкая. Будь это не так, твоего дяди давно бы уж не было в живых. Ну, вот и полицейский суд. К сожалению, я не могу зайти - тороплюсь. Но там с тобой все будут любезны. Это очень человеческое, хотя и несколько неделикатное учреждение. Не прислоняйся также к тем, кто сидит рядом.

Брови Динни приподнялись:

- Вши, тетя Мэй?

- Боюсь уверять тебя в противном. Если сможешь, возвращайся к чаю.

И миссис Хилери ушла.

Аукцион и биржа человеческой неделикатности был битком набит: у публики безошибочное чутье на все драматическое, и дело, по которому Хилери выступал в качестве свидетеля, не могло не привлечь ее, так как касалось вопроса о полномочиях полиции. Допрашивали уже второго свидетеля, когда Динни заняла последние еще свободные пятнадцать квадратных дюймов прохода. Соседи справа напомнили ей детскую песенку: "Пекарь, мясник и ламповщик". Слева от нее стоял высокий полисмен. В толпе, заполнявшей зал, было много женщин. В спертом воздухе пахло заношенной одеждой. Динни посмотрела на судью, тощего, словно вымоченного в уксусе, и удивилась, почему он не распорядится поставить себе на стол курильницу с чем-нибудь ароматическим. Потом перевела взгляд на скамью подсудимых. У скамьи стояла опрятно одетая девушка ее роста и примерно того же возраста. Довольно красивое лицо, только рот, пожалуй, слишком чувственный, - не очень выгодное обстоятельство в ее положении. Динни нашла, что волосы у обвиняемой скорее светлые. Девушка стояла неподвижно. На щеках - багровые пятна, в

глазах - испуг и растерянность. Выяснилось, что зовут ее Миллисент Пол. Как услышала Динни, констебль обвинял девушку в том, что та приставала к мужчинам на Юстен-род, хотя никто из пострадавших в суд не явился; В свидетельской ложе молодой человек, похожий на содержателя табачной лавочки, подтверждал, что видел, как девушка прохаживалась взад и вперед по тротуару. Он заметил ее, как "лакомый кусочек". Ему показалось, что она была встревожена и словно что-то искала.

Не хотел ли свидетель сказать "кого-то"?

"Что-то" или "кого-то" - откуда ему знать. Нет, в землю она не смотрела, нет, не наклонялась; мимо него, во всяком случае, прошла и даже не оглянулась. Заговорил ли он с ней? Вот еще не хватало! Что он там делал? Да ничего - просто запер лавку и стоял, дышал воздухом. Видел он, чтобы она с кем-нибудь заговаривала? Нет, не видел. Он вообще простоял там недолго.

- Преподобный Хилери Черруэл.

Динни увидела, как с одной из скамей поднялся дядя и вошел под балдахин свидетельской ложи. Вид у него был энергичный, он мало напоминал священника, и Динни с удовольствием остановила взгляд на его длинном решительном лице, морщинистом и слегка насмешливом.

- Ваше имя Хилери Черруэл?

- Черрел, с вашего позволения.

- Понятно. Вы викарий церкви святого Августина в Лугах?

Хилери поклонился.

- Давно?

- Тринадцать лет.

- Вы знаете обвиняемую?

- С детства.

- Мистер Черрел, изложите, пожалуйста, все, что вам о ней известно.

Динни увидела, как дядя решительно повернулся лицом к судье.

- Ее родители, сэр, были люди, которых я всячески уважал. Они хорошо воспитали своих детей. Отец ее был сапожник - бедняк, конечно; в моем приходе все бедняки. Могу также сообщить, что он умер от нищеты пять лет тому назад, мать - шесть. Обе их дочери жили с тех пор под моим наблюдением - более или менее. Они служат у Петтера и Поплина. Дурных отзывов о Миллисент я у себя в приходе не слышал. Насколько мне известно, она хорошая, честная девушка.

- Полагаю, мистер Черрел, у вас было не так уж много случаев судить об этом?

- Видите ли, я посещаю дом, где она живет с сестрой. Если бы вы его

видели, сэр, вы бы согласились, что лишь человек, обладающий достаточной долей самоуважения, способен достойно вести себя в таких условиях.

- Она ваша прихожанка?

Улыбка мелькнула на губах Хилери и отразилась на лице судьи.

- Едва ли, сэр. В наше время молодежь чересчур дорожит своими воскресными днями. Но Миллисент - одна из тех, кто проводит праздники в нашем доме отдыха в Доркинге. Там всегда бывают очень порядочные девушки. Жена моего племянника миссис Майкл Монт, которая заведует домом, дала о ней прекрасный отзыв. Не разрешите ли мне огласить его?

"Дорогой дядя Хилери,

Вы спрашивали о Миллисент Пол. Она гостила у нас три раза, и сестрахозяйка утверждает, что она славная девушка и совсем не легкомысленная. У меня создалось такое же впечатление".

- Итак, мистер Черрел, по вашему мнению, в данном случае была допущена ошибка?

- Да, сэр, я в этом убежден.

Девушка у скамьи подсудимых поднесла к глазам платок. И Динни с внезапным возмущением почувствовала, насколько унижительно положение девушки. Стоять вот так перед всеми этими людьми, даже если она совершила то, в чем ее обвиняют! Почему она не вправе предложить мужчине составить ей компанию? Ведь его же никто не заставляет соглашаться.

Высокий полисмен зашевелился, искоса взглянул на Динни, словно почуяв не слишком ортодоксальный образ мыслей, и откашлялся.

- Благодарю вас, мистер Черрел.

Хилери вышел из свидетельской ложи, заметил племянницу и помахал ей рукой. Динни поняла, что слушание дела закончено и судья сейчас вынесет приговор. Он сидел молча, сложив вместе кончики пальцев обеих рук и пристально глядя на девушку, которая перестала утирать слезы и в свою очередь уставилась на него. Динни затаила дыхание. Еще минута - и на чашу весов ляжет человеческая жизнь! Высокий полисмен переступил с ноги на ногу. Кому он сочувствует - сослуживцу или девушке? Всякое перешептывание в зале прекратилось. Слышался только скрип пера. Судья разжал кончики пальцев и заговорил:

- Состав преступления отсутствует. Подсудимая освобождается. Можете идти.

Девушка всхлипнула. Справа от Динни "ламповщик" прохрипел:

- Ну и ну!

- Эх! - выдавил высокий полисмен.

Динни увидела, что дядя провожает девушку. Проходя мимо племянницы, он улыбнулся:

- Подожди меня, Динни... Освобожусь через две минуты.

Выскользнув в коридор вслед за высоким полисменом, Динни остановилась, ожидая дядю. При виде того, что ее окружало, у девушки мурашки поползли по коже, словно ей предстояло пойти ночью зажечь свет в кухне. Запах карболки щипал ей ноздри. Динни отошла поближе к выходу. Полисмен с сержантскими нашивками осведомился:

- Чем могу служить, мисс?

- Благодарю вас, я жду дядю. Он сейчас выйдет.

- Его преподобие?

Динни кивнула.

- Хороший человек наш священник. А девушку выпустили?

- Да?

- Что ж, бывают ошибки. Да вот и он, мисс.

Хилери подошел к Динни и взял ее под руку.

- А, сержант! - воскликнул он. - Как хозяйка?

- Превосходно, сэр. Вызволили-таки девчонку?

- Да. Теперь можно и трубку выкурить. Пойдем, Динни, - сказал Хилери и, кивнув сержанту, вывел девушку на воздух.

- Как тебя занесло сюда, Динни?

- Я зашла за вами, дядя. Тетя Мэй проводила меня. Эта девушка в самом деле не виновата?

- Почему я знаю? Но осудить ее - значит прямиком толкнуть в ад. Она должна за квартиру, сестра у нее болеет. Постой минутку, я закурю.

Он выпустил клуб дыма и снова взял Динни под руку:

- Что я могу сделать для тебя, дорогая?

- Представьте меня лорду Саксендену.

- Бантамскому петуху? Зачем?

- Чтоб он помог Хьюберту.

- Собираешься обольстить его?

- Так вы устройте мне встречу с ним?

- Я учился с Петухом в Хэрроу. Он тогда был только баронетом. С тех пор мы не виделись.

- Но у вас же в кармане Уилфрид Бентуорт, а они соседи по имению.

- Ну что ж! Полагаю, что Бентуорт даст мне к нему записку насчет тебя.

- Нет, это не то, что нужно. Я должна встретиться с ним в обществе.

- Гм, верно. Без этого тебе его не обольстить. О чем же все-таки идет речь?

- О будущем Хьюберта. Мы обязаны дойти до самых верхов, пока еще не поздно.

- Понимаю. Послушай, Динни, Лоренс - вот кто тебе нужен. Во вторник Бентуорт едет к нему в Липпингхолл охотиться на куропаток. Ты тоже могла бы поехать.

- Я уже думала о дяде Лоренсе, но не хотела упустить случай повидаться с вами.

- Дорогая, - воскликнул Хилери, - прелестные нимфы не должны вести таких речей: это ударяет в голову! Вот мы и пришли. Зайди выпей чаю.

В гостиной Динни с удивлением увидела дядю Эдриена. Подобрал под себя длинные ноги, он сидел в углу в окружении двух молодых особ, по виду похожих на учительниц. Эдриен помахал Динни ложечкой и немедленно подошел к ней:

- Можешь себе представить, Динни, кто явился ко мне сразу же после тебя? Сам злодей! Решил посмотреть моих перуанцев.

- Что? Халлорсен?

Эдриен протянул ей карточку: "Профессор Эдуард Халлорсен". Внизу карандашом приписано: "Отель "Пьемонт".

- Он оказался приятнее, чем я думал, когда столкнулся с ним в Доломитах. Он был тогда такой здоровенный, весь заросший бородой. Я бы даже сказал, что он - неплохой парень, если к нему подобрать ключ. Вот я и решил с тобой посоветоваться: не стоит ли поискать к нему ключ?

- Дядя, вы же не читали дневника Хьюберта!

- А хотел бы прочесть.

- Еще прочтете. Он, вероятно, будет опубликован.

Эдриен тихо свистнул.

- Обдумай все хорошенько, дорогая. Собачья драка интересна для всех, кроме собак.

- Время Халлорсена истекло. Теперь очередь Хьюберта бить по мячу.

- Прежде чем ударить по мячу, на него не вредно взглянуть, Динни. Разреши мне устроить небольшой обед. Диана Ферз пригласит нас к себе. Ночевать останешься у нее. Как насчет понедельника?

Динни наморщила чуть вздернутый носик. Если на будущей неделе поехать в Липпингхолл, как она собирается, то в понедельник - удобнее всего. В конце концов, может быть, и стоит увидеться с этим американцем, до того как объявлять ему войну.

- Хорошо, дядя. Я вам очень признательна. Если вы налево, можно мне

с вами? Хочу повидать тетю Эмили и дядю Лоренса. Маунт-стрит - это вам по дороге.

- Отлично. Подкрепляйся и пойдем.

- Я уже подкрепилась, - ответила Динни и встала.

VI

Удача не покинула Динни, и она застала своего третьего по счету дядю на Маунт-стрит около его собственного дома, который он созерцал с таким видом, словно собирался его продавать.

- А, Динни! Входи, входи. Твоя тетка хандрит и будет рада видеть тебя.

Они вошли в холл, и сэр Лоренс прибавил:

- Мне недостает старого Форсайта. Я как раз прикидывал, сколько запросить за дом, если мы решим сдать его на будущее лето. Ты не знала старого Форсайта, отца Флер. Это была фигура.

- Что с тетей Эм, дядя Лоренс?

- Ничего особенного, дорогая. Просто вид бедного старого дяди Катберта, вероятно, заставил ее призадуматься о будущем. А ты о нем задумываешься, Динни? В известном возрасте оно всегда кажется печальным.

Сэр Лоренс распахнул дверь:

- Дорогая, у нас Динни.

Леди Эмили Монт стояла в своей отделанной панелями гостиной и метелочкой из перьев обмахивала какую-то семейную реликвию.

На плече у нее сидел попугай. Она положила метелочку, с отсутствующим видом приблизилась к гостье, предупредила ее: "Не столкни Полли!" - и поцеловала племянницу. Попугай переместился на плечо к Динни, нагнул голову и вопросительно заглянул ей в лицо.

- Он такой милый, - сказала леди Монт. - Ты не боишься, что он ущипнет тебя за ухо? Я так рада, что ты пришла, Динни. Я все время думаю о похоронах. Скажи, как ты себе представляешь за'робную жизнь?

- А такая существует, тетя?

- Динни! Ты меня просто убиваешь!

- Может быть, те, кому она нужна, все-таки обретают ее.

- Ты - вылитый Майкл. Он такой же рассудочный. Где ты поймал Динни, Лоренс?

- На улице.

- Ты становишься неприличен. Как твой отец, Динни? Надеюсь, он не заболел в этом ужасном Портминстере. Дом весь пропах мышами.

- Мы все очень тревожимся за Хьюберта, тетя Эм.

- Ах да, да, Хьюберт! Ты знаешь, он, по-моему, напрасно отсте'ал этих

людей. Пристрелить их - куда ни шло, но пороть - это так грубо и старомодно!

- А вам, тетя, не хочется отстегать возчиков, когда они бьют перегруженных лошадей на подъеме?

- Конечно, хочется. Значит, вот они чем занимались!

- На деле было еще хуже. Они выкручивали мулам хвосты, кололи их ножами и вообще зверски мучили бедных животных.

- Неужели? Как хорошо, что он их отсте'ал! Впрочем, со дня, ко'да мы перевалили Гемми, я терпеть не мо'у мулов. Помнишь, Лоренс?

Сэр Лоренс кивнул. Лицо его приняло нежное, чуть ироническое выражение, которое, как давно заметила Динни, всегда появлялось на нем в присутствии тети Эм.

- Почему, тетя?

- Они скатились на меня. Не все, конечно, а тот, на котором я до это'о ехала. Говорят, редко случается, чтобы мул, не споткнувшись, скатился на ко'о-нибудь.

- Какой ужас, тетя!

- Да, пренеприятно - внутри так все и холодеет. Как ты думаешь, Хьюберт приедет на будущей неделе в Липпин'холл пострелять куропаток?

- Не думаю. Хьюберта сейчас никуда не вытащить. Настроение у него жуткое. А мне можно приехать, если у вас найдется местечко?

- Разумеется. Места сколько у'одно. Считай сама: будут только Чарли Масхем со своей новой женой, мистер Бентуорт, Хен, Майкл с Флер, Диана Ферз, может быть, Эдриен и твоя тетка Уилмет. Ах да, забыла - еще лорд Саксенден.

- Неужели? - воскликнула Динни.

- А что? Он, по-твоему, недостаточно респектабелен?

- Но, тетя, милая, это же замечательно! За ним-то я и гоняюсь!

- Какое ужасное слово! Нико'да не слышала, чтоб так говорили. Кроме то'о, где-то существует леди Саксенден, хоть она и прикована к постели.

- Что вы, тетя Эм! Я хочу увидаться с ним, чтобы он помог Хьюберту. Папа говорит, что ему достаточно пальцем шевельнуть.

- Динни, ты и Майкл употребляете невозможные выражения. Каким пальцем?

Сэр Лоренс нарушил каменное молчание, которое обычно хранил в присутствии жены:

- Дорогая моя, Динни хочет сказать, что Саксенден - крупная закулисная фигура в военных делах.

- Что он собой представляет, дядя Лоренс?

- Бантам? Я познакомился с ним давным-давно - он тогда был еще мальчишкой.

- Это меня чрезвычайно тревожит, - вставила леди Монт, отбирая у Динни попугая.

- Тетя, милая, я в полной безопасности.

- А лорд... э-э... Бантам тоже? Я так стараюсь, чтобы в Липпин'холле все было респектабельно. В этом смысле Эдриен внушает мне опасения, но... - она посадила попугая на камин, - ...он мой любимый брат. Для любимого брата пойдешь на все.

- Да, на все, - подтвердила Динни.

- Все будет в порядке, Эм, - вмешался сэр Лоренс. - Я присмотрю за Динни и Дианой, а ты - за Эдриеном и Бантамом.

- Твой дядя год от году становится фривольнее, Динни. Он рассказывает мне невозможные вещи.

Эмили стояла рядом с сэром Лоренсом, и муж взял ее под руку. "Как в шахматах: черный король и белая королева", - подумала Динни.

- Ну, до свидания, Динни, - неожиданно объявила тетка. - Мне пора ложиться. Моя шведская массажистка с'оняет мне вес три раза в неделю. Я действительно начала худеть.

Взгляд Эмили скользнул по Динни:

- Интересно, а у тебя есть что с'онять?

- Я толще, чем кажусь, милая тетя.

- Я тоже. Это о'орчительно. Не будь твой дядя худ как жердь, я бы волновалась меньше.

Она подставила девушке щеку. Та звонко поцеловала ее.

- Какой приятный поцелуй! Меня уже мно'о лет так не целовали. Ключнут - и все. Идем, Полли, - сказала леди Монт и с попугаем на плече выплыла из комнаты.

- Тетя Эм выглядит просто замечательно.

- Да, дорогая. Полнота - ее навязчивая идея. Она сражается с ней не на жизнь, а на смерть. Стол у нас самый невероятный. В Липпингхолле легче: там командует Огюстина, а она осталась все такой же француженкой, какой мы привезли ее из нашего свадебного путешествия тридцать пять лет назад. До сих пор готовит так же, как птичка поет. К счастью, я ни от чего не толстею.

- Тетя Эм не толстая.

- Н-нет...

- И она великолепно держится. Мы так не умеем.

- Умение держаться исчезло вместе с Эдуардом, - заметил сэр Лоренс.

Теперь все ходят вприпрыжку. Вы, молодые женщины, вечно подпрыгиваете, словно вот-вот вспорхнете куда-то и улетите. Я не раз думал, какая же походка войдет в моду после этой. Рассуждая логически - скачкообразная. Впрочем, все может перемениться, и вы опять начнете расхаживать с томным видом.

- Дядя, все-таки что же за человек лорд Саксенден?

- Он из тех, кто выиграл войну благодаря тому, что с его мнением никогда не соглашались. Ты же, наверно, таких встречала. "Конец недели провели у Кукеров. Приехали Кейперы и Гуэн Блендиш. Она была в ударе и много говорила о боях на польском фронте. Я, конечно, больше. Беседовал с Кейпером. Он убежден, что боши выдохлись. Не согласился с ним. Он напустился на лорда Т. Артура Проуза, приехавшего в воскресенье. Тот считает, что у русских теперь два миллиона винтовок, но нет патронов. Говорит, что война закончится к Новому году. Встревожен нашими потерями. Если бы он знал то, что знаю я! Была еще леди Трип с сыном, который потерял правую ногу. На редкость обаятельная женщина! Обещал заехать осмотреть ее госпиталь и посоветовать, как его наладить. В воскресенье очень приятно пообедали. Все были в отличной форме. После десерта играли. К вечеру приехал Эйлик. Утверждает, что последнее наступление стоило нам сорок тысяч человек, но французы потеряли больше. Я высказал мнение, что все это очень серьезно. Никто с ним не согласился".

Динни расхохоталась.

- Неужели такие бывали?

- Еще бы, дорогая! Ценнейшие ребята! Что бы мы делали без их умения прятать концы в воду, без их выдержки и разговоров? Нет, кто сам этого т видел, тот в это не поверит. И вот такие выиграли войну. У Саксендена особенно большие заслуги. Он все время выполнял чрезвычайно полезную функцию.

- Какую же?

- Был на виду. Больше чем кто-либо другой, судя по тому, что он о себе рассказывает; помимо этого, он отличный яхтсмен, великолепно сложен и умеет это показать.

- Заранее предвкушаю встречу с ним.

- О встрече с людьми, подобными Бантаму, приятнее вспоминать, вздохнул сэр Лоренс. - Останешься ночевать, Динни, или поедешь домой?

- Сегодня придется вернуться. Поезд отходит в восемь с Пэддингтонского вокзала.

- В таком случае пройдемся по парку, на вокзале закусим, а потом я

посажу тебя в поезд.

- О, не беспокойтесь из-за меня, дядя Лоренс!

- Отпустить тебя одну в парк и не воспользоваться случаем попасть под арест за прогулку с юной особой? Ни за что! Мы даже можем посидеть там и попытаться счастья. У тебя как раз такой тип, из-за которого старички нарываються на неприятности. В тебе есть что-то боттичеллиевское, Динни. Идем.

Наступил вечер, - в сентябре около семи часов уже смеркается, - когда они, ступая по увядшей траве, вошли под платаны Хайд-парка.

- Слишком рано, - заметил сэра Лоренс. - Дневной свет нас спасает. Нарушение приличий принимается во внимание только с восьми. Сомневаюсь, стоит ли нам сидеть, Динни. А ты сумеешь распознать агента в штатском? Это совершенно необходимо. Прежде всего на нем котелок - чтобы кто-нибудь не стукнул по голове чересчур неожиданно. В уголовных романах эта штука всегда сваливается. Далее, он старается как можно меньше походить на агента. Рот энергичный - им в полиции бесплатно вставляют зубы. Глаза опущены, если, конечно, не вылуплены на тебя. Главная примета - равномерно опирается на обе ноги и держится так, словно проглотил линейку. Ботинки, разумеется, общепринятого фасона.

Динни заворковала:

- Я знаю, что мы можем сделать, дядя Лоренс. Инсценировать приставание! У Пэддингтонских ворот всегда стоит полисмен. Я немножко обгону вас, а когда вы подойдете, начну к вам приставать. Что я должна говорить?

Сэр Лоренс наморщил лоб:

- Насколько мне помнится, что-нибудь вроде: "Как живем, котик? Свободен вечером?"

- Итак, я подхожу и выпускаю всю обойму под носом у полисмена.

- Он раскусит, в чем дело, Динни.

- Идем на попятный?

- Видишь ли, уже так давно никто не принимает всерьез моих предложений. Кроме того, "жизнь прекрасна, жизнь чудесна, не в тюрьме же ее кончать".

- Дядя, я разочаровываюсь в вас.

- Я к этому привык, дорогая. Подожди, вот станешь серьезной и почтенной дамой и тоже будешь постоянно разочаровывать молодежь.

- Но только подумайте, сколько дней подряд газеты посвящали бы нам целые полосы: "Инцидент с приставанием у Пэддингтонских ворот. Ложные ссылки на дядю". Неужели вы не жаждете оказаться лжедядей и

оттеснить европейские события на последнюю страницу? Наделать хлопот полиции? Дядя, это малодушие!

- Soit! [3] - заметил сэр Лоренс. - Один дядя в полиции за день этого вполне доволен. Ты опаснее, чем я предполагал, Динни.

- Нет, правда, за что арестовывать этих девушек? Это все остатки прошлого, когда женщина была зависима.

- Полностью разделяю твою точку зрения, Динни, но что поделаешь, - в вопросах нравственности мы все еще пуритане, да и полиции надо чем-то заниматься. Численность ее уменьшить нельзя, иначе возрастет безработица. А бездействующая полиция - угроза для кухарок.

- Когда вы станете серьезным, дядя?

- Никогда, дорогая! Что бы нам ни уготовила жизнь - никогда. Впрочем, предвижу время, когда вместо нынешней единой библейской морали введут варианты для мужчин и для женщин. "Сударыня, хотите пройтись?" - "Сэр, желательна ли вам мое общество?" Это будет век если уж не золотой, то по крайней мере позолоченный. Ну, вот и Пэддингтонские ворота. И у тебя хватило бы духу обмануть этого почтенного блюстителя порядка? Идем на ту сторону.

- Твоя тетка, - продолжал сэр Лоренс, когда они вошли в Пэддингтонский вокзал, - сегодня уже не встанет. Поэтому я пообедаю с тобой в буфете. Выпьем по бокалу шампанского. Что касается остального, то, насколько я знаком с нашими вокзалами, мы получим суп из бычьих хвостов, треску, ростбиф, овощи, жареный картофель и сливовый пирог - все очень добротные блюда, хотя чуточку слишком английские.

- Дядя Лоренс, - спросила Динни, когда они дошли до ростбифа, - что вы думаете об американцах?

- Динни, ни один патриот не скажет тебе по этому поводу "правду, одну правду, только правду". Впрочем, американцев, как и англичан, следует разделять на две категории. Есть американцы и американцы. Иными словами - симпатичные и несимпатичные.

- Почему мы с ними не ладим?

- Вопрос нетрудный. Несимпатичные англичане не ладят с ними потому, что у них больше денег, чем у нас. Симпатичные англичане не ладят с ними потому, что американцы обидчивы и тон их режет английское ухо. Или скажем по-другому: несимпатичные американцы не ладят с англичанами потому, что тон англичан режет им ухо; симпатичные - потому, что мы обидчивы и высокомерны.

- Не кажется ли вам, что они слишком уж стараются все делать посвоему?

- Так поступаем и мы. Не в этом суть. Образ жизни - вот что нас разделяет. Образ жизни и язык.

- Язык?

- Мы пользуемся языком, который когда-то был общим, но теперь это фикция. Следует ожидать, что развитие американского жаргона скоро заставит каждую из сторон изучать язык другой.

- Но мы же всегда говорим об общем языке как о связующем звене.

- Откуда у тебя такой интерес к американцам?

- В понедельник я встречаюсь с профессором Халлорсеном.

- С этой боливийской глыбой? Тогда, Динни, прими мой совет: соглашайся с ним во всем и сможешь с ним делать все что захочешь. Если начнешь спорить, не добьешься ничего.

- О, я постараюсь сдерживаться.

- Словом, держись левой стороны и не толкайся. А теперь, если ты кончила, дорогая, нам пора: без пяти восемь.

Сэр Лоренс посадил ее в вагон и снабдил вечерней газетой. Когда поезд тронулся, дважды повторил:

- Смотри на него боттичеллиевским взглядом, Динни! Смотри на него боттичеллиевским взглядом.

VII

В понедельник вечером, приближаясь к Челси, Эдриен размышлял об этом районе, который теперь так сильно изменился. Он помнил, что даже в поздневикторианское время местные жители чем-то напоминали троглодитов. Все они были немножко пришибленные, хотя и среди них попадались типы, достойные внимания историка. Прачки, художники, питающие надежду уплатить за квартиру, писатели, существующие на шесть-семь пенсов в день, леди, готовые раздеться за шиллинг в час, супружеские пары, созревшие для бракоразводного процесса, любители промочить глотку и поклонники Тернера, Карлейля, Россетти Уистлера соседствовали там с грешными мытарями, хотя в Челси, как и всюду, преобладали те, кто четыре раза в неделю ест баранину. Чем дальше линия домов отступала от реки, приближаясь к дворцу, тем все респектабельней они становились, пока наконец, достигнув неугомной Кингз-род, не превращались в бастионы искусства и моды.

Домик, который снимала Диана, находился на Оукли-стрит. Эдриен помнил те времена, когда это здание не отличалось никакими индивидуальными особенностями и было населено семейством пожирателей баранины. Однако за шесть лет пребывания в нем Дианы дом стал одним из самых уютных гнездышек Лондона. Эдриен знал всех

разбросанных по высшему свету красавиц-сестер Монтжой, но самой молодой, красивой, изящной и остроумной среди них была, конечно, Диана, одна из тех женщин, которые, обладая более чем скромными средствами и безупречной репутацией, умеют тем не менее окружать себя такой элегантностью, что возбуждают всеобщую зависть. Все в доме - от двух ее детей до овчарки-колли (одной из немногих оставшихся в Лондоне), старинных клавикордов, кровати с пологом, бристольских зеркал, обивки мебели и ковров - дышало вкусом и успокаивало глаз. Такое же спокойствие навевал и весь облик Дианы: превосходно сохранившаяся фигура, ясные и живые черные глаза, удлиненное лицо цвета слоновой кости, привычка отчетливо выговаривать слова. Эта привычка была свойственна всем сестрам Монтжой, унаследовавшим ее от матери, урожанки Горной Шотландии, и за последние тридцать лет, без сомнения, оказана значительное влияние на выговор высшего общества: из глотающего "г" мяуканья он превратился в гораздо более приятное произношение с подчеркнута выделенными "р" и "л".

Когда Эдриен раздумывал, почему Диана при ее ограниченных средствах и душевнобольном муже все-таки принята в свете, ему всегда рисовался среднеазиатский верблюд. Два горба этого животного воплощали для Эдриена два слоя высшего общества - Знати: между ними, как между двумя половинками прописного З, лежит промежуток, усидеть в котором редко кому удастся. Монтжой, древний землевладельческий род из Дамфришира, в прошлом связанный с аристократией бесчисленными брачными узам, располагал чем-то вроде наследственного места на переднем горбу - места, впрочем, довольно скучного, так как с него из-за головы - верблюда мало что видно. Поэтому Диану часто приглашали в знатные дома, где важные персоны охотились, стреляли, благотворительствовали, занимались государственными делами и предоставляли дебианткам известные шансы. Эдриен знал, что она редко принимает такие приглашения. Она предпочитала сидеть на заднем горбу, откуда, поверх верблюжьего хвоста, открывался широкий и увлекательный вид. О! Здесь, на заднем горбу, собралась занятная компания. Многие, подобно Диане, перебрались сюда с переднего, другие вскарабкались по хвосту, кое-кто свалился с небес или - как люди порой называли их - Соединенных Штатов. Чтобы получить сюда доступ, - Эдриен знал это, хотя никогда его не имел, - необходимо было обладать некоторыми способностями в известных вопросах, - например, либо природной склонностью к острословию, либо превосходной памятью, дающей возможность достаточно точно пересказать то, что прочел или услышал.

Если же вы не обладали ни той, ни другой, вам позволяли появиться на горбу один раз - и не более. Здесь полагалось быть индивидуальностью - без особой, разумеется, эксцентричности, но такой, которая не зарывает свои таланты в землю. Выдающееся положение в любой области - желательно, но отнюдь не *sine qua non*. [4] Воспитанность - также, но при условии, что она не делает вас скучным. Красота могла служить пропуском сюда, но лишь в том случае, если она сочеталась с живостью характера. Деньги были опять-таки желательны, но сами по себе еще не обеспечивали вам места. Эдриен замечал, что познания в искусстве, если они высказывались вслух, ценились здесь выше, чем творческий талант, а способность к руководству получала признание, если не проявлялась в слишком сухой и немногословной форме. Бывали люди, которые попадали сюда благодаря своей склонности к закулисным политическим интригам или причастности к различного рода делам. Но главным достоинством считалось умение говорить. С этого горба во все стороны тянулись нити, но Эдриен не знал, действительно ли они управляют движением верблюда, хотя многие из тех, кто дергал за них, думали именно так.

Он знал другое: Диана имела такое прочное и постоянное место за столом у этой разношерстной группы, что могла от рождества до рождества питаться бесплатно и не возвращаться на Оукли-стрит, чтобы провести там конец недели. И он был тем более благодарен ей за то, что она неизменно жертвовала всем этим, стремясь почаще бывать с детьми и с ним. Война разразилась сразу же после ее брака с Роналдом Ферэом. Поэтому Шейле и Роналду, родившимся уже после возвращения отца с фронта, было сейчас всего семь и шесть лет. Эдриен никогда не забывал повторять Диане, что дети - настоящие маленькие Монтжой. Они безусловно напоминали мать и внешностью и живым характером. Но лишь один Эдриен знал, что тень, набегавшая на лицо Дианы в минуты покоя, объяснялась только страхом за них: в ее положении детей лучше не иметь. И опять-таки один Эдриен знал, что напряжение, которого потребовала от нее жизнь с таким неуравновешенным человеком, каким стал Фрез, убила в ней всякие плотские желания. Все эти четыре года она прожила вдовой, даже не испытывая потребности в любви. Он верил, что Диана искренне привязана к нему, но понимал, что страсти в ней пока что нет.

Он явился за полчаса до обеда и сразу же поднялся на верхний этаж в классную комнату, чтобы взглянуть на детей. Гувернантка француженка поила их перед сном молоком с сухариками. Они встретили Эдриена шумным восторгом и требованием продолжать сказку, которую тот не закончил в прошлый раз. Француженка, зная, что последует за этим,

удалилась. Эдриен уселся напротив детей и, глядя на два сияющих личика, начал с того места, на котором остановился:

- Так вот, человеку, оставленному у пирог, огромному, черному как уголь детине, поручили их охранять потому, что он был страшно сильный, а побережье кишело белыми единорогами.

- Ну-у, дядя Эдриен, единорогов не бывает.

- В те времена бывали, Шейла.

- А куда они делись?

- Теперь остался только один, и живет он в местах, где белым нельзя появляться из-за мухи бу-бу.

- А что это за муха?

- Бу-бу - это такая муха, Роналд, которая садится тебе на икры и выводит там целое потомство.

- Ой!

- Так вот, я рассказывал, когда вы меня перебили, что побережье кишело единорогами. Звали этого человека Маттагор, и с единорогами он управлялся очень ловко. Выманив их на берег кринибобами...

- А что такое кринибобы?

- По виду они похожи на клубнику, а по вкусу на морковь. Так вот, приманив единорогов, он подкрадывался к ним сзади...

- Как же он мог подкрадываться к ним сзади, если их нужно было заманивать кринибобами?

- Он нанизывал кринибобы на веревку, сплетенную из древесных волокон, и натягивал ее между двух могучих деревьев. Как только единороги принимались поедать плоды, Маттагор вылезал из-за куста, где прятался, и, бесшумно ступая - он ходил босой, - связывал им попарно хвосты.

- А они не чувствовали, как он им связывает хвосты?

- Нет, Шейла. Белые единороги ничего хвостом не чувствуют. Потом он снова прятался за куст и начинал щелкать языком. Единороги пугались и убегали.

- И у них отрывались хвосты?

- Никогда. Это было очень важно для Маттагора, потому что он любил животных.

- Значит, единороги больше не приходили?

- Ошибаешься, Ронни. Они слишком лакомы до кринибобов.

- А он ездил на них верхом?

- Да. Он часто вскакивал им на спину и уезжал в джунгли, стоя на двух единорогах сразу и посмеиваясь. Так что под его охраной, как сами

понимаете, пироги были в безопасности. Сезон дождей еще не начался. Поэтому акул было немного, и экспедиция уже собиралась выступить, как вдруг...

- Дальше, дальше, дядя Эдриен. Это же мамочка.

- Продолжайте, Эдриен.

Но Эдриен молчал, не сводя глаз с приближавшегося к нему видения. Наконец он перевел взгляд на Шейлу и заговорил опять:

- Теперь вернусь назад и объясню вам, почему луна играла во всем этом такую важную роль. Экспедиция не могла выступить, пока луна не приблизится и не покажется людям сквозь деревья.

- А почему?

- Сейчас расскажу. В те времена люди, и особенно это племя удоносов, поклонялись всему прекрасному - ну, скажем, такому, как ваша мама, рождественские гимны или молодой картофель. Все это занимало в их жизни большое место. И прежде чем за что-нибудь приняться, люди ожидали знамения.

- А что такое знамение?

- Вы знаете, что такое "аминь"? Оно всегда следует в конце. А знамению полагается быть в начале, чтобы оно приносило удачу. И оно обязательно должно было быть прекрасным. В сухое время года самой прекрасной вещью на свете считалась луна, и удоносы ожидали, чтобы она приблизилась к ним сквозь деревья - вот так же, как мама вошла к вам сейчас через двери.

- Но у луны же нет ног!

- Правильно. Она плывет. И в один прекрасный вечер она выплыла, несравненно светлая, такая ласковая и легкая, с такими ясными глазами, что все поняли - экспедиция будет удачной. И они пали ниц перед ней, восклицая: "Знамение! Не покидай нас, луна, и мы пройдем через все пустыни и все моря. Мы понесем твой образ в сердце и во веки веков будем счастливы счастьем, которым ты нас даришь. Аминь!" И, сказав так, удоносы с удоносами, удоноски с удоносками стали рассаживаться по пирогам, пока наконец все не уселись. А луна стояла над вершинами деревьев и благословляла их взглядом. Но один человек остался. Это был старый удонос, который так любил луну, что забыл обо всем на свете и пополз к ней в надежде припасть к ее ногам.

- Но у нее же не было ног!

- Он думал, что были: она казалась ему женщиной, сделанной из серебра и слоновой кости. И он все полз и полз под деревьями, но никак не мог до нее добраться, потому что это все-таки была луна.

Эдриен замолчал. На мгновение воцарилась тишина. Затем он сказал: "Продолжение следует", - и спустился в холл, где его нагнала Диана.

- Вы портите мне детей, Эдриен. Разве вы не знаете, что басни и сказки отбивают у них интерес к машинам? Когда вы ушли, Роналд спросил: "Мамочка, неужели дядя Эдриен на самом деле верит, что ты - луна?"

- И вы ему ответили?..

- Дипломатично. Но они сообразительны, как белки.

- Что поделаешь! Спойте мне "Мальчика-водоноса", а то скоро явится Динни со своим поклонником.

И пока Диана играла и пела, Эдриен смотрел на нее и поклонялся ей. У нее был красивый голос, и она хорошо исполняла эту странную, незабываемую мелодию. Едва замерли последние звуки "Водоноса", как горничная доложила:

- Мисс Черрел. Профессор Халлорсен.

Динни вошла с гордо поднятой головой, и Эдриен увидел, что взгляд ее не предвещает ничего доброго. Так выглядят школьники, когда собираются "задать жару" и новичку. За девушкой шел Халлорсен, казавшийся непомерно высоким в этой маленькой гостиной. Американца представили Динни. Он поклонился и спросил:

- Ваша дочь, господин хранитель, я полагаю?

- Нет, племянница. Сестра капитана Хьюберта Черрела.

- Счастлив познакомиться, мэм.

Эдриен заметил, что их скрестившиеся взгляды с трудом оторвались друг от друга, и поспешил вмешаться:

- Как вам нравится в "Пьемонте", профессор?

- Кормят хорошо, только слишком много наших, американцев.

- Слетаются туда целыми стаями?

- Ничего, через две недели мы все упорхнем.

Динни явилась сюда как воплощение английской женственности, и контраст между измученным видом Хьюберта и всеподавляющим здоровьем Халлорсена мгновенно вывел ее из равновесия. Она уселась подле этого воплощения победоносного мужского начала с твердым намерением вонзить в его шкуру все имевшиеся у нее стрелы. Однако Халлорсен немедленно углубился в беседу с Дианой, и Динни, украдкой разглядев его, не успела доесть суп (с обязательным черносливом), как уже пересмотрела свой план. В конце концов, он иностранец и гость. К тому же предполагается, что она будет вести себя как подобает леди. Свое она возьмет другим путем - не станет выпускать стрелы, а покорит его

"улыбками и лестью". Это будет деликатнее по отношению к Диане и послужит более надежным оружием при длительной осаде. С коварством, достойным ее задачи, Динни выждала, пока американец увязнет в вопросах британской политики, которую он, кажется, рассматривал как вполне заслуживающую внимания область человеческой деятельности. Потом окинула его боттичеллиевским взглядом и вступила в разговор:

- Нам следовало бы подходить к американской политике с такой же серьезностью, как вы к нашей, профессор. Но она ведь несерьезна, правда?

- Полагаю, что вы правы, мисс Черрел.

- Порок и нашей и вашей политической системы в том, профессор, - сказал Эдриен, - что целый ряд реформ, диктуемых здравым смыслом, не может быть осуществлен, так как наши политические деятели не желают их проводить из боязни потерять ту минутную власть, которой они на деле и не получают.

- Тетя Мэй, - тихонько вставила Динни, - удивляется, почему мы не избавимся от безработицы, начав в национальном масштабе перестройку трущоб. Таким путем можно было бы сразу убить двух зайцев.

- Боже мой, это же замечательная мысль! - воскликнул Халлорсен, поворачивая к девушке пышущее здоровьем лицо.

- Бесплодные надежды, - возразила Диана. - Владельцы трущоб и строительные компании чересчур сильны.

- И, кроме того, где взять денег?

- Но это же так просто! Ваш парламент вполне способен привести в действие силы, необходимые для осуществления такой великой национальной задачи. Почему бы вам не выпустить займа? Деньги вернутся: это же не военный заем, когда они превращаются в порох и уходят на ветер. Как велики у вас пособия по безработице?

На этот вопрос никто ответить не смог.

- Я уверен, что, сэкономив на них, можно будет выплачивать проценты по очень кругленькому займу.

- Вы совершенно правы, - любезно согласилась Динни. - Для этого нужно одно: бесхитростно верить в дело. Вот тут-то вы, американцы, и сильнее нас.

Лицо Халлорсена на мгновение выразило нечто вроде "черта с два!"

- Да, конечно, мы тоже бесхитростно верили в него, когда ехали драться во Францию. Но с нас хватит. В следующий раз мы в чужое пекло не полезем.

- Так ли уж бесхитростна была ваша вера в прошлый раз?

- Боюсь, что очень, мисс Черрел. На двадцать наших не нашлось бы и

одного, кто согласился бы спустить немцам все, что те натворили.

- Профессор, я посрамлена!

- Что вы! Нисколько! Вы просто судите об Америке по Европе.

- Вспомните Бельгию, профессор, - сказала Диана. - Вначале даже у нас была бесхитростная вера.

- Простите, мэм, неужели участь Бельгии действительно могла заставить вас выступить?

Эдриен, молчаливо водивший вилкой по скатерти, поднял голову:

- Если говорить об отдельном человеке - да. Не думаю, чтобы она повлияла на людей военных, флотских, деловых, даже на целые определенные круги общества - политические и иные. Они знали, что в случае войны мы будем союзниками Франции. Но для простого непосвященного человека, как я, например, для двух третей населения, для трудовых классов это имело огромное значение. Нам всем казалось, что мы смотрим на ринг: страшный тяжеловес, Человек-гора, приближается к боксеру веса мухи, а тот стоит и твердо, как мужчина, изговливается к защите.

- Замечательно сказано, господин хранитель!

Динни вспыхнула. Значит, этот человек не лишен великодушия. Затем, раскаиваясь, что чуть не предала Хьюберта, едко процедила:

- Я читала, что это зрелище покорило даже Рузвельта.

- Оно покорило многих из нас, мисс Черрел, но мы были далеко, а некоторые вещи нужно увидеть вблизи, чтобы почувствовать.

- Разумеется. А вы, как только что заметили сами, явились лишь под конец.

Халлорсен пристально посмотрел на невинное лицо Динни, поклонился и умолк. Но вечером, прощаясь с нею после этого странного обеда, прибавил:

- Боюсь, вы что-то имеете против меня, мисс Черрел.

Динни молча улыбнулась.

- Тем не менее надеюсь встретиться с вами.

- Вот как! Зачем?

- Видите ли, я хочу верить, что смогу заставить вас переменить мнение обо мне.

- Я очень люблю брата, профессор Халлорсен.

- Я все-таки убежден, что вправе предъявить вашему брату больше претензий, чем он мне.

- Надеюсь, что это убеждение вскоре поколеблется.

- Это звучит угрозой.

Динни гордо вскинула голову и отправилась спать, кусая губы от злости. Ей не удалось ни задеть, ни очаровать противника. К тому же она испытывала к нему не откровенную вражду, а какое-то смешанное чувство. Его огромный рост давал ему обескураживающее преимущество. "Он похож на тех великанов в кожаных штанах, которые похищают в кинофильмах полунагих пастушек, - думала девушка. - Выглядит так, словно сидит в седле". Первобытная сила во фраке и пикейном жилете! Человек могучий, но не бессловесный.

Комната выходила на улицу. За окном виднелись платаны набережной, река и бескрайний простор звездной ночи.

- Не исключено, - произнесла вслух Динни, - что вы уедете из Англии, не так быстро, как рассчитываете, профессор.

- Можно войти?

Девушка обернулась. На пороге стояла Диана.

- Ну-с, Динни, что вы скажете о нашем симпатичном враге?

- Наполовину Том-хитрец, наполовину великан, которого убил Джек.

- Эдриену он нравится.

- Дядя Эдриен слишком много времени проводит среди костей. Вид человека с красной кровью всегда возбуждает в нем восторг.

- Да, Халлорсен - мужчина с большой буквы. Предполагается, что женщины должны сходить по нему с ума. Вы хорошо держались, Динни, хотя вначале глаза у вас были чересчур круглые.

- А теперь и подавно. Он ведь ушел без единой царапины.

- Не огорчайтесь. У вас будут другие возможности. Эдриен пригласил его на завтра в Липпингхолл.

- Что?

- Вам остается только сравнить его с Саксенденом, и дело Хьюберта выиграно. Эдриен не сказал вам, боясь, что вы не сумеете скрыть свою радость. Профессор пожелал познакомиться с тем, что называют английской охотой. Бедняга и не подозревает, что угодит прямо в логово львицы. Ваша тетя Эм будет с ним особенно обворожительна.

- Халлорсен? - задумчиво протянула Динни. - В нем должна быть скандинавская кровь.

- Он говорит, что мать его из старинной семьи в Новой Англии, но брак ее был смешанный. Его родной штат - Уайоминг. Приятное слово "Уайоминг".

- "Широкие бескрайние просторы". Скажите, Диана, почему выражение "мужчина с большой буквы" приводит меня в такую ярость?

- Это понятно: оно слишком напоминает вам подсолнечник. Но

"мужчина с большой буквы" не ограничивается широкими бескрайними просторами. Это вам не Саксенден.

- В самом деле?

- Конечно. Спокойной ночи, дорогая. Да не тревожит ваших сновидений "мужчина с большой буквы".

Раздевшись, Динни вытащила дневник Хьюберта и перечитала отмеченное ею место. Вот что там было написано:

"Чувствую себя страшно подавленным, словно жизнь покидает меня. Держусь только мыслью о Кондафорде. Интересно, что сказал бы старый Фоксхем, увидев, как я лечу мулов? От снадобья, которым я их пользую, оцетинился бы бильярдный шар, но оно помогает. Творец был явно в ударе, изобретая желудок мула. Ночью видел сон: стою в Кондафорде на опушке, фазаны летят мимо целой стаей, а я никакими силами не могу заставить себя спустить курок. Какой-то жуткий паралич! Постоянно вспоминаю старика Хэддона. "А ну-ка, мистер Берти, лезьте туда и хватайте его за башку!" Славный старый Хэддон! Вот это был характер. Дождь прекратился - в первый раз за десять дней. Высыпали звезды.

Остров, корабль и луна в небесах.

Редкие звезды, но как они ясны!..

Только бы уснуть!.."

VIII

Тот неистребимый беспорядок, который присущ любой из комнат старого английского поместья и отличает его от всех загородных домов на свете, был в Липпингхолле особенно ощутим. Каждый устраивался у себя в комнате так, словно собирался обосноваться в ней навсегда; каждый немедленно привыкал к атмосфере и обстановке, делающей ее столь непохожей на соседние. Никому даже не приходило в голову, что помещение следует оставить в том виде, в каком его застали, ибо никто не помнил, как оно выглядело. Редкая старинная мебель стояла вперемежку со случайными вещами, приобретенными ради удобства или по необходимости. Потемневшие и порыжелые портреты предков висели рядом с еще более потемневшими и порыжелыми голландскими и французскими пейзажами, среди которых были разбросаны восхитительные старинные олеографии и не лишенные очарования миниатюры. В двух комнатах возвышались красивые старинные каминные, обезображенные кое-как приделанными к ним современными каминными решетками. В темных переходах вы то и дело натыкались на неожиданно возникающие лестницы. Местоположение и меблировку вашей спальни было трудно запомнить и легко забыть. В ней как будто находились

бесценный старинный ореховый гардероб, кровать с балдахином, также весьма почтенного возраста, балконное кресло с подушками и несколько французских гравюр. К спальне примыкала маленькая туалетная с узкой кушеткой и ванная, порой изрядно удаленная от спальни, но непременно снабженная ароматическими солями. Один из Монтов был адмиралом. Поэтому в закоулках коридоров таились старинные морские карты, на которых изображены драконы, пенящие моря. Другой Монт, дед сэра Лоренса и седьмой баронет, увлекался скачками. Поэтому на стенах была запечатлена анатомия чистокровной лошади и костюм жокея тех лет (1860 - 1883). Шестой баронет, занимавшийся политикой, благодаря чему он и прожил дольше остальных, увековечил ранневикторианскую эпоху - жену и дочь в кринолинах, себя с бакенбардами. Внешний облик дома напоминал о Реставрации, хотя на отдельных частях здания лежал отпечаток времени Георгов и - там, где шестой баронет дал волю своим архитектурным склонностям, - даже времени Виктории. Единственной вполне современной вещью в доме был водопровод.

Когда в пятницу утром Динни вышла к завтраку, - начало охоты было назначено на десять часов, - трое дам и все мужчины за исключением Халлорсена уже сидели за столом или прохаживались около буфета. Она легко опустилась на стул рядом с лордом Саксенденом, который чуть приподнялся и поздоровался:

- Доброе утро!

- Динни! - окликнул ее стоявший у буфета Майкл. - Кофе, какао или оршад?

- Кофе и лососину, Майкл.

- Лососины нет.

Лорд Саксенден вскинул голову, пробурчал: - Лососины нет?" - и снова принялся за колбасу.

- Трески? - спросил Майкл.

- Нет, благодарю.

- А вам что, тетя Уилмет?

- Рис с яйцом и луком.

- Этого нет. Почки, бекон, яичница, треска, ветчина, заливное из дичи.

Лорд Саксенден поднялся, пробормотал: "А, ветчина!" - и направился к буфету.

- Динни, выбрала?

- Будь добр, Майкл, немного джема.

- Крыжовник, клубника, черная смородина, мармелад?

- Крыжовник.

Лорд Саксенден вернулся на свое место с тарелкой ветчины и, уписывая ее, стал читать письмо. Динни не очень ясно представляла себе, как он выглядит, потому что рот у него был набит, а глаз она не видела. Но ей казалось, что она понимает, чем он заслужил свое прозвище. Лицо у Бантама было красное, короткие усики и шевелюра начинали седеть. За столом он держался необыкновенно прямо. Неожиданно он обернулся к ней и заговорил:

- Извините, что читаю. Это от жены. Она, знаете ли, прикована к постели.

- Как я вам сочувствую!

- Ужасная история! Бедняжка!

Он сунул письмо в карман, набил рот ветчиной и взглянул на Динни. Она нашла, что глаза у него голубые, а брови темнее, чем волосы, и похожи на связку рыболовных крючков. Глаза его слегка таращились, словно он собрался во всеуслышание объявить: "Вот я какой! Вот какой!" Но в эту минуту девушка заметила входящего Халлорсена. Он нерешительно, осмотрелся, увидел Динни и подошел к свободному стулу слева от нее.

- Мисс Черрел, - осведомился он, кланяясь, - могу я сесть рядом с вами?

- Разумеется. Если хотите есть, все в буфете.

- Это кто такой? - спросил лорд Саксенден, когда Халлорсен отправился на фуражировку. - По-моему, он американец.

- Профессор Халлорсен.

- Вот как? Тот, что написал книгу о Боливии? Да?

- Да.

- Интересный малый.

- Мужчина с большой буквы.

Лорд Саксенден удивленно уставился на девушку:

- Попробуйте ветчины. Я когда-то знал вашего дядю. В Хэрроу, если не ошибаюсь.

- Дядю Хилери? - переспросила Динни. - Да, он мне рассказывал.

- Мы с ним однажды заключили пари на три порции клубничного джема, кто скорей добежит с холма до гимнастического зала.

- Вы выиграли, лорд Саксенден?

- Нет. И до сих пор не расплатился с вашим дядей.

- Почему?

- Он растянул себе связки, а я вывихнул колено. Он еще кое-как доковылял до зала, а я свалился и не встал. Мы оба проболели до конца семестра, потом я уехал. - Лорд Саксенден хихикнул. - Так я и должен ему

до сих пор три порции клубничного джема.

- Я думал, что у нас в Америке завтраки плотные. Но оказывается, это пустяки в сравнении с вашими, - сказал Халлорсен, усаживаясь.

- Вы знакомы с лордом Саксенденом?

- Лорд Саксенден? - переспросил Халлорсен и поклонился.

- Как поживаете? У вас в Америке нет таких куропаток, как у нас, а?

- Нет. Полагаю, что нет. Я мечтаю поохотиться на этих птиц. Дивный кофе, мисс Черрел.

- Да, - подтвердила Динни. - Тетя Эм гордится своим кофе.

Лорд Саксенден поплотнее устроился на стуле:

- Попробуйте ветчины. Я еще не читал вашей книги.

- Разрешите вам прислать? Мне будет лестно, если вы ее прочтете.

Лорд Саксенден продолжал жевать.

- Вам следует ее прочесть, лорд Саксенден, - вмешалась Динни. - А я пришлю вам другую книжку по тому же вопросу.

Лорд Саксенден широко открыл глаза.

- Очень мило с вашей стороны. Это клубничный? - спросил он и потянулся за джемом.

- Мисс Черрел, - понизил голос Халлорсен, - я хотел бы, чтобы вы просмотрели мою книгу и отметили места, которые сочтете несправедливыми по отношению к вашему брату. Я был страшно зол, когда писал ее.

- Не понимаю, какой мне смысл читать ее теперь?

- Я мог бы, если вы пожелаете, выбросить все это во втором издании.

- Вы очень добры, профессор, но зло уже совершено, - ледяным тоном отрезала Динни.

Халлорсен еще больше понизил голос:

- Страшно сожалею, что причинил вам неприятность.

Чувство, которое можно было бы, пожалуй, приблизительно выразить словами: "Ты сожалеешь? Ах ты..." - преисполнило все существо Динни злостью, расчетливым торжеством и сарказмом.

- Вы причинили зло не мне, а моему брату.

- Давайте подумаем вместе, нельзя ли его исправить.

- Сомневаюсь.

Динни встала. Халлорсен поднялся, пропустил ее и поклонился,

"Вежлив до ужаса!" - подумала девушка.

Остальную часть утра она просидела над дневником в одном из уголков парка, настоящем тайнике - до того густо он зарос тисом. Здесь грело солнце, над цинниями, пенстемонами, мальвами и астрами

успокоительно гудели пчелы. В этом уединении Динни снова почувствовала, как тяжело ей будет выставить переживания Хьюберта на суд толпы. Нет, в дневнике не было никакого хныканья, но, предназначенный для глаз лишь того, кем был написан, он с предельной откровенностью обнажал все раны души и тела. Издалека долетали выстрелы. Облокотясь на заросшую тисом изгородь, девушка смотрела в поле, откуда доносилась стрельба.

Сзади раздался голос:

- Вот ты где!

Ее тетка в соломенной шляпе с такими широкими полями, что они задевали за плечи, стояла внизу на дорожке в обществе двух садовников.

- Я за тобой. Босуэл и Джонсон, вы можете идти. Портулаком займемся после обеда.

Леди Монт подняла голову и выглянула из-под своей огромной шляпы:

- Такие носят на Майорке. Отлично защищает от солнца.

- Босуэл и Джонсон, тетя?

- Сначала у нас служил один Босуэл, но твой дядя не успокоился до тех пор, пока не подыскал Джонсона. Он требует, чтобы они всюду ходили вместе. Ты веришь доктору Джонсону, Динни?

- Я считаю, что он слишком часто употребляет слово "сэр".

- Флер унесла мои садовые ножницы. Что это у тебя, Динни?

- Дневник Хьюберта.

- Тяжело читать?

- Да.

- Я следила за профессором Халлорсеном. Е'о следовало бы кое от че'о отучить.

- Прежде всего от самоуверенности, тетя Эм.

- Надеюсь, наши подстрелят пару зайцев. Суп с зайчатинной был бы прекрасным добавлением к меню. Уилмет и Хенриет Бентуорт уже разошлись во мнениях.

- По какому поводу?

- Не знаю. Я была занята. Не то насчет премьер-министра, не то насчет портулака. Они вечно спорят. Хен, видишь ли, все'да была принята при дворе.

- Это так опасно?

- Хен - прелестное создание. Люблю ее, хотя она вечно кудахчет. Зачем ты привезла дневник?

- Хочу показать его Майклу и посоветоваться с ним.

- Не делай это'о, - сказала леди Монт. - Майкл - хороший мальчик, но

ты это'о не делай. У не'о масса каких-то странных знакомых - издатели там и прочие.

- Потому-то я и хочу с ним посоветоваться.

- Посоветуйся лучше с Флер: она человек с головой. А у вас в Кондафорде тоже такие циннии? Знаешь, Динни, мне кажется, что Эдриен скоро сойдет с ума.

- Тетя Эм!

- Он ходит как во сне. Я думаю, если его уколоть булавкой, он и то не заметит. Конечно, не следовало бы говорить с тобой об этом, но он должен на ней жениться.

- Согласна, тетя.

- Но он это'о не сделает.

- Или она не захочет.

- Они оба не захотят. Словом, не понимаю, чем все это кончится. Ей уже сорок.

- А дяде Эдриену?

- Он еще совсем мальчик. Моложе е'о один Лайонел. Мне пятьдесят девять, - решительно объявила леди Монт. - Мне пятьдесят девять, я знаю, а твоему отцу шестьдесят. Твоя бабушка была очень чадолюбива. Она непрерывно рожала. Что ты думаешь насчет детей?

Пузырек поднялся на поверхность, но Динни успела проглотить его и ответила только:

- Ну, раз люди женаты, это неплохо - в меру, конечно.

- У Флер будет еще один в марте. Плохой месяц - какой-то ле'комысленный. А ты, Динни, ко'да собираешься замуж?

- Когда заговорят мои юные чувства, не раньше.

- Весьма бла'оразумно! Не за американца, надеюсь?

Динни покраснела, улыбнулась - в улыбке было что-то опасное - и ответила:

- С какой стати мне выходить за американца?

- Не зарекайся, - возразила леди Монт, обрывая увядшую астру. - Ко'да я выходила за Лоренса, он так за мной ухаживал!

- И сейчас еще" ухаживает, тетя Эм. Замечательно, правда?

- Перестань смеяться!

И леди Монт так глубоко погрузилась в воспоминания, что, казалось, окончательно исчезла под шляпой - еще более необъятной, чем раньше.

- Кстати, раз уж мы заговорили о браке, тетя Эм, - я хотела бы подыскать Хьюберту девушку. Ему нужно отвлечься.

- Твой дядя посоветовал бы ему отвлечься с какой-нибудь

танцовщицей, - заметила леди Монт.

- Может быть, дядя Хилери знает что-нибудь подходящее?

- Динни, ты - испорченное существо. Я все'да это говорила. По'оди, дай подумать. У меня была одна девушка; нет, она вышла замуж.

- Может быть, она уже развелась.

- Нет, кажется, пока только разводится, но это дол'ая история.

Очаровательное создание.

- Не сомневаюсь. Подумайте еще, тетя.

- Это пчелы Босуэла, - ответила тетка. - Их привезли из Италии.

Лоренс говорит, что они - фашистки.

- Черные рубашки и никаких лишних мыслей. В самом деле, они производят впечатление очень агрессивных.

- О да! Стоит их потревожить, как они налетают целым роем и начинают тебя жалить. Но ко мне они относятся хорошо.

- Одна уже сидит у вас на шляпе, милая тетя. Согнать ее?

- Подожди! - воскликнула леди Монт, сдвигая шляпу на затылок и слегка открыв рот. - Вспомнила одну.

- Кого это "одну"?

- Джин Тесбери, дочь здешнего пастора. Старинный род. Денег, разумеется, нет.

- Совсем?

Леди Монт покачала головой. Шляпа ее заколыхалась.

- Разве у девушки с такой фамилией мо'ут быть день'и? Но она хорошенькая. Немно'о похожа на ти'рицу.

- Как бы мне познакомиться с ней, тетя? Я ведь знаю, какой тип не нравится Хьюберту.

- Я при'лашу ее к обеду. У них дома плохо питаются. Кто-то в нашем роду уже был женат на одной из Тесбери. Насколько я помню, это произошло при Иакове, так что они с нами в родстве, но страшно отдаленном. У нее есть еще брат. Он моряк: у них все служат во флоте. Знаешь, он не носит усов. Сейчас, по-моему, он здесь, в увольнении.

- В отпуске, тетя Эм.

- Да, да, я чувствовала, что это не то слово. Сними пчелу с моей шляпы. Какая прелесть!

Динни обмотала носовым платком руку, сняла с огромной шляпы крохотную пчелку и поднесла к уху.

- До сих пор люблю слушать, как они жужжат, - сказала она.

- Я е'о тоже при'лашу, - отозвалась тетка. - Е'о зовут Алэн. Славный мальчик.

Леди Монт взглянула на волосы Динни:

- Я назвала бы их каштановыми. Кажется, он не без перспектив, но какие они - не знаю. Во время войны взлетел на воздух.

- Приземлился, надеюсь, благополучно, тетя?

- Да. Даже что-то получил за это. Рассказывает, что во флоте сейчас очень стро'о. Всякие, знаешь, там азимуты, машины, запахи. Ты расспроси е'о.

- Вернемся к девушке, тетя Эм. Что вы имели в виду, назвав ее тигрицей?

- Понимаешь ли, она так смотрит на тебя, словно из-за у'ла вот-вот появится ее детеныш. Мать ее умерла. Она вертит всем приходом.

- Хьюбертом она тоже будет вертеть?

- Нет. Но справится с каждым, кто захочет им вертеть.

- Это лучше. Можно мне отнести ей записку с приглашением?

- Я пошлю Босуэла и Джонсона. - Леди Монт взглянула на ручные часы: Нет, они сейчас обедают. Все'да ставлю по ним часы. Сходим сами - туда все'о четверть мили. Моя шляпа не очень неприлична?

- Напротив, милая тетя.

- Вот и прекрасно. Выйдем прямо здесь.

Они дошли до конца тисовой поросли, спустились в длинную заросшую травой аллею, миновали калитку и вскоре достигли дома пастора. Динни, полускрытая шляпой тетки, остановилась в увитой плющом подворотне. Дверь была открыта, в полутемной отделанной панелями прихожей, словно приглашая войти в нее, гостеприимно пахло ветхим деревом. Из дома донесся женский голос:

- А-лен!

Мужской голос ответил:

- Хэл-ло!

- Будешь завтракать?

- Звонка нет, - сказала племяннице леди Монт. - Придется стучать.

Они дружно постучали.

- Какого черта!

На пороге вырос молодой человек в сером спортивном костюме. Широкое загорелое лицо, темные волосы, открытый взгляд глубоких серых глаз.

- О! - воскликнул он. - Леди Монт! Эй, Джин!

Затем, взглянув поверх шляпы, встретился глазами с Динни и улыбнулся, как умеют улыбаться только во флоте.

- Ален, не зайдете ли вместе с Джин к нам вечером пообедать? Динни,

это Ален Тесбери. Нравится вам моя шляпа?

- Превосходная вещь, леди Монт.

Появилась девушка, крепкая, словно отлитая из одного куска, с упругой, пружинящей походкой. Руки и лицо у нее были почти того же цвета, что светло-коричневые юбка и джемпер-безрукавка. Динни поняла, что имела в виду тетка. Лицо Джин, довольно широкое в скулах, суживалось к подбородку, зеленовато-серые глаза прятались под длинными черными ресницами. Взгляд открытый и светлый, красивый нос, широкий низкий лоб, коротко подстриженные темно-каштановые волосы. "Недурна", - решила Динни и, поймав улыбку девушки, ощутила легкую дрожь.

- Это Джин, - сказала ее тетка. - Моя племянница Динни Черрел.

Тонкая смуглая рука крепко сжала руку Динни.

- Где ваш отец? - продолжала леди Монт.

- Папа уехал на какой-то церковный съезд. Я просила его взять меня с собой, но он не согласился.

- Ну, он теперь в Лондоне ходит по театрам.

Динни заметила, как девушка метнула яростный взгляд, потом вспомнила, что перед нею леди Монт, и улыбнулась.

- Значит, вы оба придете? Обедаем в восемь пятнадцать. Динни, нам пора, иначе опоздаем к ленчу. Ласточка! - заключила леди Монт и вышла из подворотни.

- В Липпингхолле гости, - объяснила Динни, увидев, что брови молодого человека недоуменно поднялись. - Тетя имела в виду фрак и белый галстук.

- Ясно. Форма парадная. Джин.

Брат и сестра, держась за руки, стояли в подворотне. "Красивая пара!" - подумала Динни.

- Ну что? - спросила ее тетка, когда они снова выбрались на заросшую травой аллею.

- Да, я тоже увидела тигрицу. Она показалась мне очень интересной.

Такую надо держать на коротком поводке.

- Вон стоит Босуэл-и-Джонсон! - воскликнула леди Монт, словно вместо двух садовников перед ней был всего один. - Боже милостивый, значит, уже третий час!

IX

После завтрака, к которому Динни и ее тетка опоздали, Эдриен и четыре молодые дамы, захватив с собой оставшиеся от охотников раскладные трости, полевой тропинкой двинулись туда, где к вечеру ожидалась самая хорошая тяга. Шли двумя группами: сзади - Эдриен с

Дианой и Сесили Масхем, впереди - Динни с Флер. В последний раз родственницы виделись чуть ли не за год до этого и представление друг о друге имели, во всяком случае, весьма отдаленное. Динни изучала голову, о которой с похвалой отозвалась тетка. Голова была круглая, энергичная и под маленькой шляпкой выглядела очень изящно. Личико хорошенькое, правда, чуточку жестковатое, но неглупое, решила Динни. Фигурка подтянутая, одета превосходно, - настоящая американка. Чувствовалось, что из такого ясного источника можно кое-что почерпнуть - по крайней мере здравые мысли.

- Я слышала, как читали ваш отзыв в полицейском суде, Флер.

- Ах, эту бумажку! Разумеется, я написала то, о чем просил Хилери. На самом-то деле я ничего не знаю об этих девушках. К ним просто не подступиться. Конечно, есть люди, которые умеют войти в доверие к кому угодно. Я же не умею, да и не стремлюсь. А с деревенскими девушками иметь дело проще?

- Там, где я живу, все так давно связаны с нашей семьей, что мы все узнаем о них раньше, чем они сами.

Флер испытующе посмотрела на Динни:

- У вас есть хватка, Динни. Готова поручиться за это. С вас можно бы написать замечательный портрет для фамильной галереи. Не знаю только, кто возьмется за это. Пора уже появиться художнику, владеющему ранней итальянской манерой. Прерафаэлиты ее не постигли: их картинам недостает музыки и юмора. А без этого вас писать нельзя.

- Скажите, - смутившись, спросила Динни, - был Майкл в палате, когда сделали запрос насчет Хьюберта?

- Да. Он вернулся совершенно взбешенный.

- Боже милостивый!

- Он собирался вторично поставить вопрос на обсуждение, но все случилось накануне закрытия сессии. Кроме того, какое значение имеет палата? В наше время это последнее, на что обращают внимание.

- Боюсь, что мой отец обратил слишком большое внимание на запрос.

- Что поделаешь! Старое поколение. Но вообще-то из всего, чем занимается парламент, публику интересует одно - бюджет. Неудивительно: в конечном счете все сводится к деньгам.

- Майклу вы тоже так говорите?

- Не было случая. В наше время парламент - просто налоговая машина.

- Однако он еще все-таки издает законы.

- Да, дорогая, но лишь после того, как событие уже совершилось. Он лишь закрепляет то, с чем давно свыклось общество или по крайней мере

общественное мнение. И никогда не берет на себя инициативу. Да он к этому и не способен. Это было бы недемократично. Хотите доказательств? Взгляните, в каком положении страна. А ведь об этом в парламенте беспокоятся меньше всего.

- Откуда же тогда исходит инициатива?

- Откуда ветер дует? Все сквозняки возникают за кулисами. Великое место эти кулисы! С кем в парке вы хотите стоять, когда мы присоединимся к охотникам?

- С лордом Саксенденом.

Флер уставилась на Динни:

- Надеюсь, не ради его beaux yeux [5] и beau titre [6]. А тогда зачем?

- Затем, что я должна поговорить с ним о Хьюберте, а времени остается мало.

- Понятно. Хочу вас предупредить, дорогая: не судите о Саксендене по внешности. Он - хитрый старый лис, и даже не такой уж старый. Если он становится на чью-либо сторону, то лишь в надежде что-то за это получить. Чем вы можете с ним расплатиться? Он потребует расчета на месте.

Динни состроила гримаску:

- Сделаю, что могу. Дядя Лоренс дал мне кое-какие наставления.

- "Поберегись, она тебя дурачит", - пропела Флер. - Ладно, пойду к Майклу. При мне он стреляет лучше, а это ему, бедняге, так необходимо. Помещик и Барт обойдутся и без нас. Сесили, разумеется, будет с Чарлзом: у них еще не кончился медовый месяц. Значит, Диана достанется американцу.

- Надеюсь, уж она-то заставит его промазать! - воскликнула Динни.

- Думаю, что его ничто не заставит промазать. Я забыла Эдриена. Ему придется сесть на раскладную трость и помечтать о костях и Диане. Вот мы и пришли. Они за этой изгородью, видите? Вон Саксенден, - ему дали теплое местечко. Обойдите калитку - дальше есть перелаз - и подберитесь к лорду с тыла. Как далеко загнали Майкла! Вечно ему достается самое неудобное место.

Флер рассталась с Динни и пошла по тропинке через поле. Сожалея, что не узнала у Флер ничего существенного, Динни миновала калитку, перемахнула через перелаз и осторожно подкралась к лорду Саксендену сзади. Пэр расхаживал между изгородями, отделявшими отведенный ему угол поля. Близ длинного, воткнутого в землю шеста, к которому была прикреплена белая карточка с номером, стоял молодой егерь, державший два ружья. У ног его, высунув язык, лежала охотничья собака. Жнивье и засаженный какими-то корнеплодами участок в дальнем конце тропинки

довольно круто поднимались вверх, и Динни, искушенная в сельской жизни, сразу сообразила, что птицы, которых поджидали охотники, потянут стремительно и высоко. "Только бы сзади не было подлеска", - подумала она и обернулась. Подлеска сзади не было. Вокруг расстилалось широкое поросшее травой поле. До ближайших посадок было не меньше трехсот ярдов. "Интересно, - спросила себя Динни, - как он стреляет в присутствии женщины? По виду не скажешь, что у него есть нервы". Она повернулась и обнаружила, что он заметил ее.

- Не помешаю, лорд Саксенден? Я не буду шуметь.

Пэр поправил фуражку, с обеих сторон которой были приделаны специальные козырьки.

- Н-нет! - буркнул он. - Гм!

- Похоже, что помешаю. Не уйти ли мне?

- Нет, нет, все в порядке. Сегодня не взял ни одной. Может быть, при вас посчастливится.

Динни уселась на свою раскладную трость, расставив ее рядом с собакой, и стала трепать пса за уши.

- Этот американец три раза утер мне нос.

- Какая бестактность!

- Он стреляет по любой цели и, черт его подери, никогда не мажет. Попадает с предельной дистанции в каждую птицу, по которой я промахнулся. У него повадки браконьера: пропускает дичь, а потом бьет вдогонку с семидесяти ярдов. Говорит, что иначе ничего не видит, хоть они ему чуть ли не на мушку садятся.

- Однако! - сказала Динни: ей захотелось быть чуточку справедливой.

- Верите ли, он сегодня ни разу не промахнулся, - прибавил лорд Саксенден с обидой в голосе. - Я спросил его, где он так наострился, а он ответил: "В таких местах, где промахнуться нельзя, не то умрешь с голоду".

- Начинается, милорд, - раздался голос молодого егеря.

Собака повела ушами. Лорд Саксенден схватил ружье, егерь взял на изготовку второе.

- Выводок слева, милорд!

Динни услышала резкое хлопанье крыльев: восемь птиц ниточкой летели к тропинке.

Бах-бах!.. Бах-бах!..

- Боже правый! - вскрикнул лорд Саксенден. - Черт меня побери!..

Динни увидела, как все восемь птиц перелетают через изгородь в другом конце поля.

Собака издала сдавленное ворчание и задрожала.

- Вам, наверно, ужасно мешает свет, - сказала девушка.
- При чем тут свет? Это печень, - ответил лорд Саксенден.
- Три птицы прямо на вас, милорд!

Бах... Ба-бах!.. Одна из птиц дернулась, сжалась, перевернулась и упала ярдах в четырех позади девушки. У Динни перехватило дыхание. Жил комочек плоти и вдруг умер! Она часто видела, как охотятся на куропаток, но никогда еще не испытывала такого щемящего чувства. Две другие птицы скрылись вдаль за изгородью. Когда они исчезли, у Динни вырвался вздох облегчения. Собака с мертвой куропаткой в зубах подошла к егерю, который отобрал у нее добычу. Пес опустился на задние лапы и, не сводя с птицы глаз, высунул язык. Динни увидела, как с языка закапала слюна, и закрыла глаза.

Лорд Саксенден что-то невнятно буркнул. Потом невнятно буркнул еще раз. Динни открыла глаза: пэр поднимал ружье.

- Фазанья курочка, милорд! - предупредил молодой егерь.

Фазанья курочка протянула на самой умеренной высоте, словно понимая, что ее время еще не наступило,

- Гм! - проворчал лорд Саксенден, опуская приклад на полусогнутое колено.

- Выводок справа! Нет, слишком далеко, милорд.

Прогремело несколько выстрелов, и Динни увидела, как над изгородью взлетели две птицы. Одна из них теряла перья.

- Эта готова, - сказал егерь, и Динни увидела, как он прикрыл глаза рукой, наблюдая за полетом птицы.

- Падает! - крикнул он. Собака задрожала и посмотрела на егеря.

Выстрелы загремели слева.

- Проклятье! - выругался Саксенден. - В мою сторону ни одна не тянет.

- Заяц, милорд! - отрывисто бросил егерь. - Вдоль изгороди!

Лорд Саксенден повернулся и поднял ружье.

- Ой, не надо! - вскрикнула Динни, но голос ее потонул в грохоте выстрела. Заяц перебило заднюю лапу. Он споткнулся, остановился, затем, жалобно крича, заковылял вперед.

- Пиль! - разрешил егерь.

Динни заткнула уши руками и закрыла глаза.

- Попал, черт побери! - пробормотал лорд Саксенден.

Даже сомкнув веки, Динни ощущала на себе его ледяной взгляд. Когда она открыла глаза, рядом с птицей лежал мертвый заяц. Он был весь какой-то неправдоподобно мягкий. Девушка вскочила, порываясь уйти, но тут же снова села. Пока охота не кончилась, уходить нельзя: угодишь под

выстрелы. Динни снова закрыла глаза, Стрельба не прекращалась.

- Порядочно настреляли, милорд.

Лорд Саксенден передавал егерю ружье. Возле зайца лежали еще три птицы.

Слегка пристыженная всем только что пережитым, Динни сложила свою трость и направилась к перелазу. Не считаясь с устарелыми условностями, перебралась через него и подождала лорда Саксендена.

- Простите, что подшиб зайца, - извинился он. - У меня сегодня весь день в глазах точки мелькают. С вами такое бывает?

- Нет. Искры иногда сыплются. Ужасно, когда заяц кричит, правда?

- Согласен. Сам не люблю.

- Однажды у нас был пикник, и я заметила зайца. Он сидел позади нас, как собака, уши у него просвечивали на солнце и были совсем розовые. С тех пор люблю зайцев.

- Зайцы - это не настоящая охота, - снисходительно произнес лорд Саксенден. - Я лично предпочитаю их жареными, а не тушеными.

Динни украдкой взглянула на пэра. Он был красен и, казалось, доволен собой.

"Пора рискнуть", - решила Динни.

- Лорд Саксенден, вы когда-нибудь говорите при американцах, что они выиграли войну?

Он отчужденно взглянул на девушку:

- Почему я должен им это говорить?

- Но они же ее выиграли. Разве не правда?

- Уж не ваш ли американец это утверждает?

Нет, я от него этого не слышала, но уверена, что он думает именно так.

Динни снова заметила пронизательное выражение на лице пэра.

- Что вам о нем известно?

- Мой брат ездил с ним в экспедицию.

- А, ваш брат!

Лорд Саксенден произнес эти слова так, как если бы, рассуждая сам с собой, вслух сказал: "Этой девице от меня что-то нужно".

Динни внезапно почувствовала, что ходит по краю пропасти.

- Надеюсь, - заговорила она, - что, прочитав книгу профессора Халлорсена, вы прочтете затем и дневник моего брата.

- Никогда ничего не читаю, - изрек лорд Саксенден. - Нет времени.

Впрочем, теперь припоминаю. Боливия... Он кого-то застрелил - не так ли? - и растерял транспорт.

- Он вынужден был застрелить человека, который покушался на его

жизнь, а двоих ему пришлось наказать плетью за жестокое обращение с мулами. Тогда все, кроме троих, сбежали и увели с собой мулов. Он был один белый на целую шайку индейцев-полукровок.

И, вспомнив совет сэра Лоренса: "Смотри на него боттичеллиевским взглядом, Динни", - она пристально посмотрела в холодные, пронизательные глаза Саксендена.

- Не разрешите ли мне прочесть вам отрывки из дневника?

- Отчего же! Если найдется время...

- Когда?

- Как насчет вечера? Завтра после охоты я должен уехать.

- В любое время, какое вас устроит, - бесстрашно объявила Динни.

- До обеда случай не представится. Я должен написать несколько срочных писем.

- Я могу лечь и попозже.

Динни перехватила взгляд, которым Саксенден окинул ее.

- Посмотрим, - отрывисто бросил он.

В этот момент к ним присоединились остальные охотники.

Динни уклонилась от участия в заключительной сцене охоты и отправилась домой одна. Ей было присуще чувство юмора, и она не могла не смеяться над своим положением, хотя прекрасно понимала, насколько оно затруднительно. Было совершенно ясно, что дневник не произведет желаемого впечатления, пока лорд Саксенден не уверится, что за согласие послушать Отрывки из тетради он кое-что получит. И еще острее, чем раньше, Динни поняла, как трудно что-то дать и в то же время не дать.

Стая лесных голубей, испугнутой девушкой, поднялась левее тропинки и полетела к роще, тянувшейся вдоль реки. Свет стал неярким и ровным, вечерний шум наполнил посвежевший простор. Лучи заходящего солнца золотили жнивье; листья, чуть тронутые желтизной, потемнели; где-то внизу, за каймой деревьев, сверкала синяя лента реки. В воздухе стоял влажный, немного терпкий аромат ранней осени, к которому примешивался запах дыма, уже за клубившегося над трубами коттеджей. Мирный час, мирный вечер!

Какие места из дневника следует прочитать? Динни колебалась. Перед ней стояло лицо Саксендена. Как он процедил: "А, ваш брат!" Это жестокий, расчетливый, чуждый всякой сентиментальности характер. Динни вспомнились слова сэра Лоренса: "Еще бы, дорогая!.. Ценнейшие ребята!" На днях она прочла мемуары человека, который всю войну мыслил только комбинациями и цифрами и после недолгих усилий приучил себя не думать о страданиях, стоящих за этими комбинациями и цифрами.

Одушевленный одним желанием - выиграть войну, он, казалось, никогда не вспоминал о чисто человеческой ее стороне и, - Динни была в этом уверена, - не смог бы ее себе представить, даже если бы захотел. Ценнейший парень! Она не забыла, как дрожат губы Хьюберта, когда он рассказывает о "кабинетных стратегах" - о тех, кто наслаждался войной, как увлекательной игрою комбинаций и цифр, кто упивался сознанием своей осведомленности, придававшей этим людям небывалую значительность. Ценнейшие ребята! Ей вспомнилось одно место из другой недавно прочитанной ею книги. Там говорилось о тех, кто руководит так называемым прогрессом; кто сидит в банках, муниципалитетах, министерствах, играя комбинациями и цифрами и не обращая внимания на плоть и кровь людскую - за исключением своей собственной, разумеется; кто, набросав несколько строк на клочке бумаги, вызывает к жизни огромные предприятия и приказывает окружающим: "Сделайте то-то и то-то, да смотрите, черт побери, сделайте хорошо!" О людях в цилиндрах на шелковой подкладке и брюках-гольф, о людях, которые распоряжаются факториями в тропиках, копиями, универсальными магазинами, строительством железных дорог, концессиями - и тут, и там, и повсюду. Ценнейшие ребята! Жизнерадостные, здоровые, упитанные, неумолимые люди с ледяными глазами. Они присутствуют на всех обедах, они всегда все знают, их никогда не заботит цена человеческих чувств и человеческой жизни. "И все же, - успокаивала себя Динни, - они, должно быть, действительно ценные люди: без них у нас не было бы ни каучука, ни угля, ни жемчуга, ни железных дорог, ни биржи, ни войн, ни побед!" Она подумала о Халлорсене. Этот по крайней мере трудится и терпит лишения ради своих идей, чего-то добивается сам, а не сидит дома, всегда все зная, поедая ветчину, стреляя зайцев и распоряжаясь Другими.

Динни вошла в пределы поместья и остановилась у площадки для крокета. Как раз в эту минуту тетя Уилмет и леди Хенриет опять разошлись во мнениях. Они апеллировали к ней:

- Правильно ведь, Динни?

- Нет. Если шары коснулись друг друга, надо просто продолжать игру, и вы, милая тетя, не должны трогать шар леди Хенриет, когда бьете по своему.

- Я же ей говорила, - вставила леди Хенриет.

- Как же, как же, вы это говорили, Хен. В хорошенькое положение я попала! Но я все-таки не согласна.

С этими словами тетя Уилмет вогнала шар в ворота, сдвинув на несколько дюймов шар партнерши.

- Ну, не бессовестная ли женщина! - простонала леди Хенриет, и Динни немедленно оценила огромные практические преимущества, скрытые в формуле: "Но я все-таки не согласна".

- Вы прямо Железный герцог, тетя, - сказала девушка. - Разве что чертыхаетесь реже.

- Вовсе не реже, - возразила леди Хенриет. - У нее ужасный жаргон.

- Играйте, Хен! - отозвалась польщенная тетя Уилмет.

Динни рассталась с ними и пошла к дому.

Переодевшись, она постучала в комнату Флер.

Горничная ее тетки машинкой подстригала Флер шею, а Майкл стоял на пороге туалетной, держа на вытянутых руках свой белый галстук.

Флер обернулась:

- Хэлло, Динни! Входите и садитесь. Достаточно, благодарю вас, Пауэре. Иди сюда, Майкл.

Горничная исчезла. Майкл приблизился к жене, чтобы та завязала ему галстук.

- Готово, - бросила Флер и, взглянув на Динни, прибавила: - Вы насчет Саксендена?

- Да. Вечером буду читать ему отрывки из дневника Хьюберта. Вопрос в одном: где найти место, подходящее моей юности и...

- Невинности? Ну, нет, Динни: невинной вы никогда не будете. Верно, Майкл?

Майкл ухмыльнулся:

- Невинной - никогда, добродетельной - неизменно. Ты еще в детстве, Динни, была многоопытным ангелочком. Ты выглядела так, словно удивлена, почему у тебя нет крылышек. Вид у тебя был вдумчивый, - вот точное слово.

- Вероятно, я удивлялась, зачем ты мне их оторвал.

- Тебе следовало бы носить панталончики и гоняться за бабочками, как две девчурки Гейнсборо в Национальной галерее.

- Довольно любезничать, - перебила мужа Флер. - Гонг уже ударил. Можете воспользоваться моей маленькой гостиной. Если стукнете в стену, Майкл выйдет к вам с ботинком в руках, как будто пугает крыс.

- Отлично, - согласилась Динни, - но я уверена, что он окажется сущим ягненком.

- Это еще вопрос, - возразил Майкл. - В нем есть что-то от козла.

- Вот эта дверь, - сказала Флер, когда они вышли из спальни. Cabinet particulier [7]. Желаю успеха!

Х

Динни сидела между Халлорсеном и молодым Тесбери. Наискось от нее, во главе стола - ее тетка и лорд Саксенден с Джин Тесбери по правую руку. "Тигрица, конечно, но до чего ж хороша!" Смуглая кожа, удлиненное лицо и чудесные глаза девушки совершенно очаровали Динни. Они, видимо, очаровали и лорда Саксендена. Лицо его стало еще краснее и благожелательнее, чем доводилось до сих пор видеть Динни. Он был так внимателен к Джин, что леди Монт пришлось целиком посвятить себя выслушиванию резкостей Бентуорта. "Последний из помещиков" в качестве личности еще более выдающейся, чем Саксенден, настолько выдающейся, чтобы отказаться от пэрства, по праву старшинства восседал слева от хозяйки. Рядом с ним Флер занимала Халлорсена, так что Динни сразу же попала под обстрел со стороны молодого Тесбери. Он говорил непринужденно, прямо, искренне, как человек, еще не пресытившийся обществом женщин, и открыто выказывал девушке то, что Динни про себя назвала "непритворным восхищением". Это не помешало ей несколько раз устремлять взгляд на его сестру и впадать в состояние, которое он квалифицировал как мечтательность.

- Ну, что вы о ней скажете? - спросил моряк.
- Обворожительная.
- Я, разумеется, передам ей это, но она и бровью не поведет. Сестра самая трезвая женщина на свете. Она, кажется, не без успеха обольщает своего соседа. Кто он?
- Лорд Саксенден.
- Ого! А кто этот Джон Буль на углу стола, поближе к нам?
- Уилфрид Бентуорт, по прозвищу Помещик.
- А рядом с вами - тот, что разговаривает с миссис Майкл?
- Профессор Халлорсен из Америки.
- Интересный парень!
- Да, все говорят, - сухо отрезала Динни.
- А вы не находите?
- Мужчина не должен быть таким интересным.
- Счастлив слышать это от вас.
- Почему?
- Потому что тогда у неинтересных тоже появляются шансы.
- О! Часто вам удается выпускать такие торпеды?
- Поверьте, я страшно рад, что наконец встретил вас.
- Наконец? Еще вчера вы обо мне даже не слыхали.
- Это верно. Тем не менее вы - мой идеал.
- Боже правый! У вас во флоте все такие?

- Да. Первое, чему нас обучают, - это мгновенно принимать решение.

- Мистер Тесбери...

- Ален.

- Я начинаю понимать, почему у моряков жены в каждом порту.

- У меня не было ни одной, - серьезно возразил молодой Тесбери. - Вы первая, на которой я хотел бы жениться.

- О! Или вернее сказать - ого!

- Что поделаешь! Моряку приходится быть напористым. Если увидел то, что тебе нужно, бери сразу. Ведь у нас так мало времени.

Динни рассмеялась.

- Сколько вам лет?

- Двадцать восемь.

- Значит, под Зеэбрюгге не были?

- Был.

- Вижу. Вы привыкли швартоваться с хода.

- И взлетать за это на воздух.

Взгляд девушки потеплел.

- Сейчас я сцеплюсь со своим врагом.

- С врагом? Могу я чем-нибудь вам помочь?

- Нет. Смерть его мне не нужна - пусть сначала выполнит то, чего я хочу.

- Очень жаль. Он кажется мне опасным.

- Займитесь миссис Чарлз Масхем, - шепнула Динни и повернулась к Халлорсену, который почтительно, словно она спустилась к нему с небес, воскликнул:

- Мисс Черрел!

- Я слышала, что вы потрясающе стреляете, профессор.

- Что вы! Я не привык к таким птицам, как ваши, - они сами подвертываются под выстрел. Со временем, даст бог, освоюсь. Как бы то ни было, это полезный для меня опыт.

- Парк вам понравился?

- Еще бы! Находиться там же, где и вы, большая удача, мисс Черрел, и я ее глубоко ценю.

"Обстрел с двух сторон!" - подумала Динни и в упор спросила:

- Вы уже решили, как исправить зло, причиненное вами моему брату?

Халлорсен понизил голос:

- Я восхищен вами, мисс Черрел, и сделаю все, что вы прикажете. Если хотите, напишу в ваши газеты и возьму назад обвинения, которые выдвинул в книге.

- А что вы потребуете взамен, профессор Халлорсен?
- Ничего - кроме вашего расположения, разумеется.
- Брат дал мне свой дневник. Он согласен опубликовать его.
- Если так вам будет легче, публикуйте.
- Интересно, поймете ли вы когда-нибудь друг друга?
- Полагаю, что нет.
- Странно. Ведь вас, белых, там было всего четверо. Могу я узнать, что именно так раздражало вас в моем брате?
- Если я отвечу, вы используете это против меня же.
- О нет, я умею быть справедливой.
- Ну что ж, извольте. Во-первых, я нашел, что у вашего брата предвзятое мнение о слишком многих вещах и что менять его он не собирается. Мы находились в стране, которой никто из нас не знал, среди дикарейиндейцев и людей, едва тронутых цивилизацией. Но капитан хотел, чтобы все шло так, как у вас в Англии. Он придерживался определенных правил и от других требовал того же. Честное слово, дай мы ему волю, он стал бы переодеваться к обеду.
- Я полагаю, вам не следует забывать, - возразила чуточку растерявшаяся Динни, - что мы, англичане, давно доказали, насколько важна внешняя форма. Мы преуспевали в любой дикой и дальней стране именно потому, что и там оставались англичанами. Читая дневник, я поняла, в чем причина неудачи брата. Он недостаточно твердолюб.
- Конечно, он не из породы ваших Джонов Булей вроде лорда Саксендена или мистера Бентуорта, - Халлорсен кивком указал на конец стола. - Будь он таким, мы скорее бы нашли общий язык. Нет, он предельно сдержан и умеет скрывать свои эмоции. Они скупают его изнутри. Он похож на кровного скакуна, которого запрягли в телегу. Если не ошибаюсь, мисс Черрел, вы принадлежите к очень старому роду?
- К старому, но еще не впавшему в детство.
- Динни увидела, как взгляд Халлорсена оторвался от нее, остановился на Эдриене, сидевшем напротив, перешел на тетю Уилмет, затем на леди Монт.
- О старинных родах я с удовольствием побеседовал бы с вашим дядей, хранителем музея, - сказал американец.
- Что еще не понравилось вам в моем брате?
- Он дал мне почувствовать, что я здоровенный, неотесанный чурбан.
- Брови Динни приподнялись.
- Мы попали, - продолжал Халлорсен, - в дьявольскую, - прошу прощенья! - в первобытную страну. Так вот, я и сам стал первобытным,

чтобы устоять в борьбе с нею и победить. А он не захотел.

- А может быть, не мог? Не кажется ли вам, что вся беда в другом: вы - американец, он - англичанин. Сознайтесь, профессор, что мы, англичане, вам не нравимся.

Халлорсен рассмеялся.

- Вы-то мне ужасно нравитесь.

- Благодарю вас, но из каждого правила...

Халлорсен насупился:

- Мне, видите ли, просто не нравится, когда люди напускают на себя превосходство, в которое я не верю.

- Разве мы одни это делаем? А французы?

- Мисс Черрел, если бы я был орангутангом, мне было бы решительно наплевать, считает ли себя шимпанзе выше меня.

- Понимаю. Родство в данном случае слишком отдаленное. Но, простите, профессор, что вы скажете о самих американцах? Разве вы не избранный народ? Разве вы сами частенько не заявляете об этом? Поменялись бы вы участью с любым другим народом?

- Разумеется, нет.

- Что же это, как не то самое напускное превосходство, в которое мы не верим?

Халлорсен засмеялся.

- Вы меня поймали. Но вопрос все-таки еще не исчерпан. В каждом человеке сидит сноб, - согласен. Но мы - народ молодой, у нас нет ни вашей древности, ни ваших традиций. В отличие от вас мы еще не свыклись с мыслью о своей предызбранности. Для этого мы слишком многочисленны, разношерстны и заняты. Кроме долларов и ванн, у нас есть много такого, чему вы могли бы позавидовать.

- Чему же мы должны завидовать? Буду признательна, если вы мне объясните.

- Пожалуйста, мисс Черрел. Мы знаем, что не лишены достоинств, энергии, веры в себя, что у нас большие возможности, которым вам следовало бы завидовать. Но вы этого не делаете, и нам трудно примириться с таким безнадежно устарелым высокомерием. Вы - как шестидесятилетний старик, который смотрит сверху вниз на тридцатилетнего мужчину. А уж это, извините меня, самое идиотское заблуждение, какое бывает на свете.

Подавленная, Динни молча смотрела на него.

- Вы, англичане, - продолжал Халлорсен, - раздражаете нас тем, что утратили всякую пытливость, а если она у вас еще осталась, вы с

поразительным снобизмом умеете это скрывать. Знаю, в нас тоже масса такого, что раздражает вас. Но мы раздражаем лишь вашу эпидерму, вы же - наши нервные центры. Вот приблизительно все, что следовало сказать, мисс Черрел.

- Я поняла вас, - отозвалась Динни. - Все это ужасно интересно и, смею утверждать, бесспорно. Моя тетка встает из-за стола. Поэтому мне придется удалиться вместе с моей эпидермой и дать отдых вашим нервным центрам.

Девушка поднялась и через плечо с улыбкой глянула на американца.

У дверей стоял молодой Тесбери. Ему она тоже улыбнулась и шепнула:

- Побеседуйте с моим любезным врагом, - он стоит того.

В гостиной Динни подошла к Тигрице, но разговор у них долго не клеился, потому что обе испытывали взаимное восхищение и ни одна не желала дать ему выход. Джин Тесбери был двадцать один год, но она показалась Динни старше ее самой. Ее суждения о жизни и людях отличались четкостью и категоричностью, пожалуй, даже глубиной. Какого бы вопроса ни коснулась беседа, у Джин по каждому было свое мнение. Она будет замечательным другом в трудную минуту, думала Динни. В самом отчаянном положении она не изменит своим, хотя всегда будет стремиться ими командовать. Но помимо деловитой твердости, в Джин есть, - Динни это чувствовала, - необычное, по-кошачьи вкрадчивое обаяние. Стоит ей этого пожелать, перед нею не устоит ни один мужчина. Хьюберта она покорит мгновенно! Придя к такому выводу, его сестра усомнилась, действительно ли ей, Динни, этого хочется. Перед ней именно такая девушка, какую она подыскивает для брата. Она быстро поможем ему отвлечься. Но достаточно ли силен и жизнеспособен Хьюберт для той, кто его отвлечет? Предположим, он влюбится в нее, а она его отвергнет? Или наоборот - он влюбится, а она полностью завладеет им? И потом - деньги! На что им жить, если Хьюберт уйдет в отставку и лишится жалованья? У него всего триста фунтов в год, у нее, очевидно, - вовсе ничего. Сложный переплет! Если Хьюберт снова с головой уйдет в службу, его незачем отвлекать. Если будет принужден подать в отставку, отвлечься ему необходимо, но он не сможет себе это позволить. И все-таки Джин именно та девушка, которая любым путем обеспечит карьеру человека, чьей женой станет.

А пока что собеседницы разговаривали об итальянской живописи.

- Кстати, - неожиданно заметила Джин, - лорд Саксенден говорит, что вам от него что-то нужно.

- Да?

- Что именно? Я могла бы заставить его согласиться.

- Как? - улыбнулась Динни.

Джин приподняла ресницы и посмотрела на Динни:

- Это нетрудно. Что вы от него хотите?

- Я хочу, чтобы брат вернулся в часть или - еще лучше - получил другое назначение. Его репутация опорочена в связи с боливийской экспедицией профессора Халлорсена.

- Этого верзилы? Поэтому вы и пригласили его сюда?

Динни показалось, что с нее срывают последние одежды.

- Если говорить откровенно, - да.

- Очень интересный мужчина.

- То же самое находит и ваш брат.

- Ален самый великодушный человек на свете. Он без ума от вас.

- Это он мне сказал.

- Он искренен, как ребенок. Так, серьезно, нажать мне на лорда Саксендена?

- Зачем вам-то беспокоиться?

- Не люблю сидеть сложа руки. Предоставьте мне свободу действий, и я поднесу вам назначение на тарелочке.

- Мне достоверно известно, что лорд Саксенден не из покладистых, сказала Динни.

Джин потянулась.

- Ваш брат Хьюберт похож на вас?

- Ни капли. Волосы у него темные, глаза карие.

- Вы знаете, когда-то наши семьи были в родстве - кто-то на ком-то женился. Вы интересуетесь селекцией животных? Я вывожу эрдельтерьеров и не верю в передачу наследственности исключительно по мужской или по женской линии. Доминирующие признаки могут передаваться потомству как по той, так и по другой и в любом колене родословной.

- Возможно. Однако мой отец и брат оба чрезвычайно похожи на самый ранний портрет нашего предка по мужской линии, если не считать того, что они не покрыты пожелтевшим от времени лаком.

- А вот у нас в семье была одна урожденная Фицхерберт, которая вышла за Тесбери в тысяча пятьсот сорок седьмом году. Если откинуть в сторону брыжи, она - моя точная копия, даже руки у нее мои.

Джин вытянула вперед две длинные смуглые ладони, слегка хрустнув при этом пальцами.

- Наследственность проявляется порой через много поколений,

которые, по видимости, были свободны от нее, - продолжала она. - Все это страшно интересно. Мне хочется взглянуть на вашего брата, который выглядит совсем не так, как вы.

Динни улыбнулась:

- Я попрошу его приехать за мной из Кондафорда. Может быть, вы даже не сочтете его достойным внимания.

Дверь отворилась, и мужчины вошли в гостиную.

- У них такой вид, - шепнула Динни, - словно они задают себе вопрос: "Угодно ли мне посидеть с дамами, и если да, то почему?" Все мужчины после обеда становятся ужасно смешными.

Голос сэра Лоренса прервал наступившее молчание:

- Саксенден, не хотите ли вы с Бентуортом сыграть в бридж?

При этих словах тетя Уилмет и леди Хенриет автоматически поднялись с дивана, где вполголоса расходились во мнениях, и проследовали туда, где им предстояло заниматься тем же самым весь остаток вечера. Помещик и Саксенден двинулись за ними.

Джин Тесбери скорчила гримаску:

- Вы не находите, что любители бриджа как бы обрастают плесенью?

- Еще один стол? - спросил сэр Лоренс. - Эдриен? Нет? Вы, профессор?

- Пожалуй, нет, сэр Лоренс.

- Флер, значит, вы со мной против Эм и Чарлза. Все решено. Идем.

- На дяде Лоренсе плесени не видно, - тихо отпарировала Динни. - А, профессор! Вы знакомы с мисс Тесбери?

Халлорсен поклонился.

- Изумительный вечер! - воскликнул молодой Тесбери, подходя к Динни с другой стороны. - Не прогуляться ли нам?

- Майкл, мы идем гулять, - объявила, поднимаясь, Динни.

Вечер был в самом деле изумительный. Листва вязов и каменных дубов застыла в неподвижном темном воздухе. Звезды сверкали, как бриллианты, роса еще не выпала. Только нагнувшись к цветам, можно было их различить. Каждый звук - и уханье совы, доносившееся с реки, и мимолетное гуденье майского жука - казался отчетливым и одиноким. Освещенный дом смутно вырисовывался в теплом воздухе сквозь подстриженные кипарисы.

Динни с моряком ушли вперед.

- Только в такие вечера и постигаешь план творца, - заговорил Ален. Мой родитель - чудесный старик, но его проповеди способны убить веру в ком угодно. А у вас она еще осталась?

- Вы имеете в виду веру в бога? - переспросила Динни. - Д-да. Но я его себе не представляю.

- Не кажется ли вам, что о нем можно думать лишь тогда, когда ты одинок и вокруг тебя простор?

- Когда-то я испытывала душевное волнение даже в церкви.

- По-моему, одних эмоций человеку мало. Хочется еще охватить разумом тот беспредельный акт творения, который совершается в беспредельном молчании. Вечное движение и в то же время вечный покой! Этот американец, кажется, неплохой парень.

- Вы беседовали с ним о родственной любви?

- Я приберегу эту тему для вас. У нас ведь еще при Анне был общий пра-пра-пра-прадед. В нашем доме висит его портрет в парике, правда ужасный. Так что родственные узы налицо. Дело за любовью, но она придет.

- Придет ли? Родственные узы обычно ее исключают - и между людьми, и между народами. Они подчеркивают не столько сходство, сколько различие.

- Вы намекаете на американцев?

Динни утвердительно кивнула.

- Что бы мне ни говорили, - возразил моряк, - одно для меня бесспорно: лучше иметь под боком американца, чем любого другого иноземца. Скажу больше - это мнение всего флота.

- Не потому ли, что у нас с ними общий язык?

- Нет. Но у нас общая закваска и общий взгляд на вещи.

- Это распространяется только на англо-американцев?

- В любом случае все зависит от того, каков сам американец, - даже когда дело идет о людях голландского или скандинавского происхождения, как этот Халлорсен. Мы ведь и сами из той же породы, что они.

- А германо-американцев вы к ней не относите?

- Отношу, но лишь в некоторой степени. Вспомните, какой, формы голова у немцев. По существу они центрально - или восточноевропейцы.

- Вам бы лучше поговорить с моим дядей Эдриеном.

- Это такой высокий с козлиной бородкой? У него симпатичное лицо.

- Он чудесный, - подтвердила Динни. - Мы отбились от остальных, и роса уже падает.

- Еще минутку. То, что я сказал за обедом, сказано совершенно серьезно. Вы - мой идеал, и, надеюсь, мне разрешат следовать за ним?

Динни покраснела и сделала реверанс:

- Юный сэр, вы мне льстите. Спешу напомнить вам, что ваше

благородное ремесло...

- Вы бываете когда-нибудь серьезной?

- Не часто - особенно когда падает роса.

Ален сжал ей руку:

- Ладно. В один прекрасный день станете... И причиной этому буду я.

Динни слегка ответила на его пожатие, высвободила руку и пошла дальше.

- Эта аллея - словно коридор. Вам по вкусу такое сравнение? Оно многим нравится.

- Прелестная родственница, я буду думать о вас день и ночь. Не утруждайте себя ответом, - сказал молодой Тесбери и распахнул перед ней балконную дверь.

Сесили Масхем сидела за роялем, рядом с ней стоял Майкл.

Динни подошла к нему:

- Я отправляюсь в гостиную Флер, Майкл. Не покажешь ли лорду Саксендену, где она находится. Буду ждать до двенадцати, потом пойду спать. А пока что подберу отрывки, которые надо ему прочесть.

- Все будет сделано, Динни. Доведу его до самого порога. Желаю успеха!

Достав дневник, Динни распахнула окно маленькой гостиной и уселась выбирать отрывки. Было уже половина одиннадцатого. Ни один звук не отвлекал девушку. Она выбрала шесть довольно длинных отрывков, которые, на ее взгляд, доказывали невыполнимость задачи, стоявшей перед ее братом. Затем закурила сигарету, высунулась из окна и стала ждать.

Вечер был такой же изумительный, как и раньше, но сейчас Динни воспринимала его гораздо острее. Вечное движение в вечном покое? Если бог существует, он, видимо, избегает непосредственного вмешательства в дела смертных. Да и зачем ему вмешиваться? Внял ли он крику зайца, подстреленного Саксенденом, и содрогнулся ли? Увидел ли бог, как пальцы Алена сжали ее руку? Улыбнулся ли он? Послал ли он ангела с хинином к Хьюберту, когда тот, сраженный лихорадкой, лежал в боливийских джунглях, слушая, как вопят болотные птицы? Если бы миллиарды лет тому назад вон та звезда погасла и повисла в космосе холодной черной массой, записал ли бы это бог на своей манжете? Внизу - мириады мириадов листьев и былинки, сплетающих ткань непроглядной мглы; вверху - мириады мириадов звезд, излучающих свет, который помогает глазам Динни ощущать тьму. И все это порождено бесконечным движением в бесконечном покое, все это - частица бога. Сама она, Динни; и дымок ее сигареты; и жасмин, до которого рукой подать и цвет которого неразличим;

и работа ее мозга, заключающего, что этот цвет - не желтый; и собака, лающая так далеко, что звук кажется ниточкой - потяни за нее и схватишь рукой тишину, - все, все имеет свое далекое, беспредельное, всеобъемлющее, непостижимое назначение, все исходит от бога.

Динни вздрогнула и отошла от окна. Села в кресло, положила дневник на колени и оглядела комнату. Чувствуется вкус Флер. Здесь все преобразилось - тон ковра выбран удачно, свет мягко затенен и, не раздражая глаз, падает на платье цвета морской волны и покоящиеся на дневнике руки Динни. Долгий день утомил девушку. Она откинула голову и сонно уставилась на лепных купидонов, украшающих карниз, которым какая-то из предшествующих леди Монт распорядилась обвести комнату. Толстенные забавные создания. Они скованы цепью из роз и обречены вечно разглядывать спину соседа, к которому так и не могут приблизиться. Пробегают розовые миги, пробегают... Веки Динни опустились, рот приоткрылся. Девушка спала. А свет, скользя по лицу, волосам и шее уснувшей, нескромно обнаруживал их небрежную прелесть, наводящую на мысль о тех подлинно английских итальянках, которых писал Боттичелли. Густая прядка подстриженных волос сбилась на лоб, на полуоткрытых губах мелькала улыбка; тень ресниц, чуть более темных, чем брови, трепетала на щеках, казавшихся прозрачными; в такт зыбким снам морщился и вздрагивал нос, словно посмеиваясь над тем, что он немножко вздернут. Казалось, довольно самого легкого прикосновения, чтобы сорвать запрокинутую головку с белого стебелька шеи...

Внезапно голова выпрямилась. Посередине комнаты, строго глядя на девушку немигающими голубыми глазами, стоял тот, кого называли Бантамский петух.

- Простите, - извинился он. - Вы славно вздремнули.

- Мне снились сладкие пирожки, - сказала Динни. - Очень любезно, что вы пришли, хотя сейчас уже, наверное, поздно.

- Семь склянок. Надеюсь, вы не долго? Не возражаете, если закурю трубку?

Пэр уселся на диван напротив Динни и стал набивать трубку. У него был вид человека, который ждет, что ему все выложат, а он возьмет и оставит свое мнение при себе. В эту минуту Динни особенно отчетливо поняла, как вершатся государственные дела. "Все ясно, - думала она. - Он оказывает услугу, не надеясь на плату. Работа Джин!" Никто - ни сама Динни, ни любая другая женщина не смогла бы определить, что испытывала сейчас девушка - то ли признательность к Тигрице за то, что та отвлекла внимание пэра на себя, то ли известную ревность по отношению к

ней. Как бы то ни было, сердце Динни усиленно забилося, и она начала читать быстро и сухо. Прочла три отрывка, потом взглянула на Саксендена. Лицо его, - если не считать посасывающих трубку губ, - было похоже на раскрашенное деревянное изваяние. Глаза по-прежнему смотрели на Динни с любопытством, к которому теперь примешивалась легкая неприязнь, словно он думал: "Эта девица хочет, чтобы я расчувствовался. Слишком поздно".

Испытывая все возрастающую ненависть к взятой на себя задаче, Динни поспешила продолжить чтение. Четвертый отрывок был самым душераздирающим из всех, кроме последнего, - по крайней мере для самой Динни. Когда она кончила, голос ее слегка дрожал.

- Это уж он хватил! - сказал лорд Саксенден. - У мулов, знаете ли, никаких чувств не бывает. Просто бессловесная скотина.

Гнев Динни нарастал. Она больше не могла смотреть на Саксендена и стала читать дальше. Теперь, излагая этот мучительный рассказ, впервые произнесенный вслух, она дала себе волю. Она кончила, задыхаясь, вся дрожа, силясь, чтобы голос не изменил ей. Подбородок лорда Саксендена опирался на ладонь. Пэр спал.

Динни стояла, глядя на него так, как незадолго до того он сам смотрел на нее. Был момент, когда она чуть не выбила у него руку из-под головы. Ее спасло чувство юмора. Взирая на Саксендена, словно Венера с картины Боттичелли на Марса, девушка вырвала листок из блокнота, лежавшего на бюро Флер, написала: "Страшно сожалею, что утомила вас", - и с предельной осторожностью положила записку на колени пэру. Свернула дневник, подкралась к двери, открыла ее и оглянулась. До нее донеслись слабые звуки, которым суждено было вскоре перейти в храп. "Взываешь к его чувствам, а он спит, - подумала она. - Вот так же и войну выиграл".

Динни повернулась и увидела профессора Халлорсена.

XI

У Динни перехватило дыхание, когда она заметила, что глаза Халлорсена устремлены поверх ее головы на спящего пэра. Что он подумает о ней, видя, как она крадучись уходит в полночь из маленькой уединенной гостиной от влиятельного человека? Американец опять строго уставился на нее. И в ужасе от мысли, что сейчас он скажет: "Простите!" - и разбудит спящего, она прижала к себе дневник, поднесла палец к губам, шепнула: "Не будите бэби!" - и скользнула в темноту коридора.

У себя в комнате Динни досыта нахохоталась, затем уселась и попыталась разобраться в своих впечатлениях. Известно, какой репутацией пользуются титулованные особы в демократических странах. Халлорсен,

видимо, предположил самое худшее. Но девушка полностью воздавала ему должное: что бы он ни подумал, дальше него это не пойдет. При всех своих недостатках он - человек крупный. Однако она уже представляла себе, как утром за завтраком он сурово скажет ей: "Восхищаюсь вами, мисс Черрел, вы превосходно выглядите". Динни подсадовала на себя за то, что так плохо ведет дела Хьюберта, и легла. Спала плохо, проснулась усталая и бледная и завтракала у себя наверху.

Когда в поместье бывают гости, дни удивительно похожи один на другой. Мужчины надевают все те же гольфы и пестрые галстуки, едят все те же завтраки, постукивают все по тому же барометру, курят все те же трубки и стреляют все тех же птиц. Собаки виляют все теми же хвостами, делают все ту же стойку в тех же неожиданных местах, заливаются тем же сдавленным лаем и гоняют тех же голубей на тех же лужайках. Дамы все так же завтракают в постели или за общим столом, сыплют те же соли в те же ванны, бродят по тому же парку, болтают о тех же знакомых с той же привычной недоброжелательностью, хотя каждая, разумеется, страшно их любит, сосредоточенно склоняются над теми же грядками с тем же неизменным пристрастием к портулаку, играют в тот же крокет или теннис с тем же писком, пишут те же письма, чтобы опровергнуть те же слухи или заказать ту же старинную мебель, расходятся в тех же мнениях и соглашаются с теми же расхождениями. Слуги все так же остаются невидимыми за исключением все тех же определенных моментов жизни. В доме стоит все тот же смешанный запах цветов, табака, книг и диванных подушек.

Динни написала брату письмо, где, ни словом не упомянув о Халлорсене, Саксендене и Тесбери, весело болтала о тете Эм, Босуэле-Джонсоне, дяде Эдриене, леди Хенриет и просила Хьюберта приехать за ней на машине. В полдень явилась тать в теннис Тесбери; поэтому до конца охоты Динни не видела ни лорда Саксендена, ни американца. Однако за чаем, восседая на углу стола, тот, кого прозвали Бантамским петухом, окинул ее таким долгим и странным взглядом, что девушка поняла: он ей не простил. Она постаралась сделать вид, что ничего не заметила, но сердце у нее упало. Пока что, видимо, она принесла Хьюберту только вред. "Напущу-ка на него Джин", - подумала она и пошла разыскивать Тигрицу. По дороге наткнулась на Халлорсена, немедленно решила вернуть утраченные позиции и заговорила:

- Появись вы вчера чуточку раньше, профессор Халлорсен, вы бы слышали, как я читала отрывки из дневника моего брата лорду Саксендену. Вам это было бы полезней, чем ему.

Лицо Халлорсена прояснилось.

- Вот оно что! - воскликнул он. - А я-то удивлялся, какое снотворное вы подсунули бедному лорду!

- Я подготавливала его к вашей книге. Пошлете ему экземпляр?

- По-моему, не стоит, мисс Черрел. Я ведь не так уж сильно заинтересован в его здоровье. По мне, пусть совсем не спит. Меня не устраивает человек, который способен заснуть, слушая вас. Чем вообще занимается этот ваш лорд?

- Чем он занимается? Он из тех, кого у вас как будто называют "важными шишками". Не знаю, в какой именно области, но мой отец утверждает, что с Саксенденом считаются. Надеюсь, вы сегодня снова утерли ему нос?

Чем основательнее вы это сделаете, тем больше у брата шансов вернуть себе положение, которое он утратил из-за вашей экспедиции.

- В самом деле? Разве личные отношения влияют у вас на такие дела?

- А у вас разве нет?

- Увы, да. Но я предполагал, что в старых странах для этого слишком прочные традиции.

- Ну, мы-то, конечно, никогда не сознаемся, что личные отношения могут влиять на дела.

Халлорсен улыбнулся:

- Удивительно, почему весь мир устроен на один манер. Америка понравилась бы вам, мисс Черрел. Я был бы счастлив показать ее вам.

Он говорил так, словно Америка была антикварной вещью, лежащей у него в чемодане, и Динни заколебалась, как истолковать его последнюю реплику - то ли придать ей невероятно огромное значение, то ли никакого. Затем, взглянув Халлорсену в лицо, поняла, что он имел в виду первое, и, выпустив коготки, отпарировала:

- Благодарю, однако вы все еще мой враг.

Халлорсен протянул ей руку, но Динни отступила.

- Мисс Черрел, я сделаю все возможное, чтобы опровергнуть то отрицательное мнение, которое сложилось у вас обо мне. Я ваш самый покорный слуга и надеюсь, что мне еще посчастливится стать для вас чем-то большим.

Он выглядел страшно высоким, красивым, здоровым, и это возмущало Динни.

- Профессор, не следует ничего воспринимать слишком серьезно: это приводит к разочарованиям. А теперь простите, - я должна разыскать мисс Тесбери.

С этими словами она ускользнула. Смешно! Трогательно! Лестно! Отвратительно! Это какое-то безумие! Что бы человек ни задумал, все идет вкривь и вкось, безнадежно запутывается. В конце концов, разумнее всего положиться на случай.

Джин Тесбери, только что закончив партию с Сесили Масхем, снимала с волос сетку.

- Идем пить чай, - объявила Динни. - Лорд Саксенден тоскует по вас.

Однако в дверях комнаты, где был сервирован чай, ее задержал сэр Лоренс, который сказал, что за эти дни еще ни разу не поговорил с ней, и позвал к себе в кабинет взглянуть на миниатюры.

- Моя коллекция национальных типов. Все женщины мира, как видишь: француженка, немка, итальянка, голландка, американка, испанка, русская. Не хватает только тебя. Не согласишься ли попозировать одному молодому человеку?

- Я?

- Ты.

- Почему я?

- Потому что, - ответил сэр Лоренс, рассматривая племянницу через монокль, - твой тип - ключ к разгадке английской леди, а я коллекционирую такие, которые выявляют различие между национальными культурами.

- Это звучит страшно интригующе.

- Взгляни-ка на эту. Вот французская культура в чистом виде: быстрота восприятия, остроумие, трудолюбие, эстетизм, но не эмоциональный, а интеллектуальный, отсутствие юмора, условная, чисто внешняя сентиментальность, склонность к стяжательству, - обрати внимание на глаза, чувство формы, неоригинальность, четкое, но узкое мировоззрение, никакой мечтательности, темперамент пылкий, но легко подавляемый. Весь облик гармоничный, с отчетливыми гранями. А вот редкий тип американки, первоклассный образец национальной культуры. Заметь, какой взгляд - словно у нее во рту лакомый кусочек и она об этом знает. В глазах запрятана целая батарея. Она ее пускает в ход, но непременно с соблюдением приличий. Прекрасно сохранится до глубокой старости. Хороший вкус, знаний порядочно, системы мало. Теперь взгляни на эту немку. Эмоционально менее сдержанна, чем предыдущие, чувства формы тоже меньше, но совестлива, старательна, обладает острым чувством долга. Вкуса мало. Не лишена довольно неуклюжего юмора. Если не примет мер - растолстеет. Полна сентиментальности и в то же время здравого смысла. Во всех отношениях восприимчивее двух первых. Может быть, это и не самый типичный образец. Другого достать не удалось. А вот итальянка,

моя любимая. Интересная, не правда ли? Великолепная отделка снаружи, а внутри что-то дикое, вернее сказать - естественное. Словом, с изяществом носит красивую маску, которая легко с нее спадает. Знает, чего хочет, - пожалуй, слишком ясно знает. Если может, добивается этого сама; если не может, добивается того, чего хочет кто-то другой. Поэтична лишь там, где задеты ее переживания. Чувствует остро - и в семейных делах, и во всех прочих. Не закрывает глаза на опасность, смела до безрассудства, но легко теряет равновесие. Вкус имеет тонкий, но способна на крупные промахи. Любовью к природе не отличается. В интеллектуальном плане решительна, но не предприимчива и не любознательна. А здесь, - сказал сэр Лоренс, неожиданно оборачиваясь к Динни, я повешу милый моему сердцу образец англичанки. Хочешь послушать - какой?

- Караул!

- Не бойся. Личностей касаться не буду. Здесь налицо застенчивость, развитая и подавленная до такой степени, что превратилась в беззастенчивость. Для этой леди собственная личность - самый назойливый и непрошенный гость. Мы наблюдаем в ней чувство не лишнего остроумия юмора, которое ориентирует и несколько стерилизует все остальные. Нас поражает облик, свидетельствующий о призвании не к семейной жизни, а, я бы сказал, к общественной, социальной деятельности, - особенность, не свойственная вышерассмотренным типам. Мы обнаруживаем в нем некоторую прозрачность, словно воздух и туман попали в организм. Мы приходим к выводу, что данному типу недостает целенаправленности - целенаправленности в образовании, деятельности, мышлении, суждениях, хотя решимость наличествует в полной мере. Чувства развиты не слишком сильно; на эстетические эмоции гораздо энергичнее воздействуют естественные, чем искусственные возбудители. Отсутствуют - восприимчивость немки, определенность француженки, индивидуальное своеобразие и двойственность итальянки, дисциплинированное обаяние американки. Зато есть нечто особое, - слово, моя дорогая, подбери сама, - за что я страшно хочу включить тебя в мою коллекцию образцов национальных культур.

- Но я же несколько не культурна, дядя Лоренс!

- Я употребляю это дьявольское слово лишь за неимением лучшего. Под культурой я подразумеваю не образованность, но тот отпечаток, который налагают на нас происхождение плюс воспитание, если оба эти фактора рассматривать совокупно. Получи эта француженка твое воспитание, Динни, она все-таки не была бы похожа на тебя, равно как и ты, получив ее воспитание, не была бы похожа на нее. Теперь погляди на

эту русскую довоенных лет. Тип более расплывчатый и неопределенный, чем у всех остальных. Я отыскал ее на Каледонском рынке. Эта женщина, по всей видимости, стремилась глубоко входить во все и никогда ничему не отдавалась надолго. Держу пари, что она не шла, а бежала по жизни, да и теперь еще бежит, если уцелела, причем это отнимает у нее гораздо меньше сил, чем отняло бы у тебя. Судя по ее лицу, она извела больше эмоций и была ими опустошена меньше, чем остальные. А вот моя испанка, может быть, самый интересный экземпляр коллекции. Это женщина, воспитанная вдали от мужчин. Подозреваю, что такой тип встречается все реже. В ней есть свежесть отпечаток монастыря, мало любопытства и энергии, масса гордости, почти никакого тщеславия; она сокрушительна в своих страстях, - ты не находишь? - и столкнуться с ней трудно. Ну, Динни, будешь позировать моему молодому человеку?

- Разумеется, если вам этого в самом деле хочется.

- В самом деле. Коллекция - моя слабость. Я все устрою. Он может приехать к вам в Кондафорд. А теперь мне пора обратно. Нужно проводить Бантама. Ты уже сделала ему предложение?

- Вчера я вогнала его в сон, читая ему дневник Хьюберта. Он меня просто ненавидит. Не смею ни о чем его просить. Дядя Лоренс, он действительно важная шишка?

Сэр Лоренс с таинственным видом кивнул и сказал:

- Бантам - идеальный общественный деятель. Практически не способен ни к каким чувствам: все, что он чувствует, неизменно связано с Бантамом. Такого нельзя раздавить: он всегда выскользнет и окажется наверху. Не человек, а резина. Притом он нужен государству. Кто же воссядет в сонме сильных, если мы все окажемся тонкокожими? Эти же люди - непробиваемые, Динни. У них не только лбы - все медное. Значит, ты даром потратила время?

- Думаю, что теперь у меня есть в запасе другой выход.

- Вот и прекрасно. Халлорсен тоже уезжает. Этот парень мне нравится. Типичный американец, но крепок как дуб.

Сэр Лоренс расстался с племянницей, и Динни, не испытывая желания встречаться ни с "резиной", ни с "дубом", ушла в свою комнату.

На следующий день в десять часов утра Липпингхолл опустел с той быстротой, с какою всегда происходит разъезд гостей из загородного дома. Флер и Майкл увезли в своей машине в Лондон Эдриена и Диану. Масхемы уехали поездом. Помещик и леди Хенриет отбыли на автомобиле в свою Нортгемптонскую резиденцию. Остались лишь Динни и тетя Уилмет, но Тесбери обещали прийти к завтраку и привести с собой отца.

- Он милый, Динни, - сказала леди Монт. - Старая школа. Очень изысканный. Вы'оваривает слова так протяжно: "Нико'да-а, все'да-а". Жаль, что они бедны. Джин - изумительна. Ты не находишь?

- Джин чуточку пугает меня, тетя Эм, - она чересчур хорошо знает, чего хочет.

- Очень забавно ко'о-нибудь сватать, - отозвалась тетка. - Я так давно нико'о не сватала. Интересно, что мне скажут Кон и твоя мать. Теперь буду плохо спать по ночам.

- Сперва уговорите Хьюберта, тетя;

- Я все'да любила Хьюберта, - лицом он настоящий Черрел. А ты нет, Динни. Не понимаю, откуда у тебя такая кожа. И потом, он такой интересный, ко'да сидит на лошади. У ко'о он заказывает себе бриджи?

- По-моему, он донашивает последнюю военную пару, тетя.

- И у не'о все'да такие приятные длинные жилеты. Теперь носят короткие полосатые. Они превращают мужчину в како'о-то коротышку. Я пошлю е'о вместе с Джин осматривать грядки. Портулак - самый удобный предлог, ко'да нужно свести людей. А-а! Вон Босуэл-и-Джонсон. Он мне нужен.

Хьюберт приехал в первом часу и чуть ли не сразу же объявил:

- Я раздумал публиковать дневник, Динни. Выставлять свои раны напоказ - это слишком мерзко.

Радуюсь, что не успела предпринять никаких шагов, Динни мягко ответила:

- Вот и хорошо, мой дорогой.

- Я все взвесил. Если не получу назначения здесь, переведусь в один из суданских полков или в индийскую полицию, - там, я слышал, нужны люди. Буду лишь рад снова уехать из Англии. Кто здесь сейчас?

- Только дядя Лоренс, тетя Эм и тетя Уилмет. К завтраку придет местный пастор с детьми. Это Тесбери, наши дальние родственники.

- Вот как? - угрюмо буркнул Хьюберт.

Динни ожидала прихода Тесбери чуть ли не с раздражением. Однако сразу же выяснилось, что Хьюберт и молодой Тесбери служили по соседству - один в Месопотамии, другой на Персидском заливе. Они обменивались воспоминаниями, когда Хьюберт увидел Джин. Динни заметила, как он бросил на девушку взгляд пристальный и вопросительный - взгляд человека, который подстерег птицу незнакомой породы; затем он отвел глаза, заговорил, засмеялся и опять посмотрел на Джин.

Тетя Эм подала голос:

- Хьюберт похудел.

Пастор вытянул руки, словно желая привлечь всеобщее внимание к своим ныне столь изысканно округлым формам:

- Сударыня, в его годы мне была свойственна еще большая худоба-а.

- Мне тоже, - вздохнула леди Монт. - Я была такая же тоненькая, как ты, Динни.

- Никто из нас не избегнет этого... э-э... незаслуженного приращения объема-а. Взгляните на Джин. Без преувеличения - она гибкая как змея. А через сорок лет... Впрочем, может быть, нынешняя молодежь никогда-а не потолстеет. Они ведь принимают... э-э... меры.

Во время завтрака за уже сдвинутым столом обе пожилые дамы сидели справа и слева от пастора. Напротив него - сэр Лоренс, напротив Хьюберта - Ален, напротив Джин - Динни.

- От всего сердца возблагодарим господу, в милости своей ниспославшего нам все эти благословенные дары.

- Странная милость! - шепнул молодой Тесбери на ухо Динни. - Выходит, убийство тоже благословенно?

- Сейчас подадут зайца, - сказала девушка. - Я видела, как его подшибли. Он кричал.

- Лучше уж собачина, чем заяц!

Динни бросила ему признательный взгляд:

- Не хотите ли вы с сестрой навестить нас в Кондафорде?

- Почту за счастье!

- Когда вам обратно на корабль?

- У меня еще месяц.

- Мне кажется, вы любите вашу профессию?

- Да, - просто ответил он. - Это в крови. У нас а семье все моряки.

- А у нас все военные.

- Ваш брат чертовски умен. Страшно рад, что познакомился с ним.

- Благодарю вас, Блор, не надо, - бросила Динни дворецкому. - Дайте лучше холодную куропатку. Мистер Тесбери тоже съест что-нибудь холодное.

- Говядины, сэр? Телятины? Куропатку?

- Куропатку. Благодарю вас.

- Я однажды видела, как заяц мыл уши, - вставила девушка.

- Когда у вас такой вид, - сказал молодой Тесбери, - я просто...

- Какой такой?

- Ну, словно вас нет.

- Весьма признательна.

- Динни, - спросил сэр Лоренс, - кто это сказал, что мир похож на

устрицу? А по-моему - на улитку. Как ты считаешь?

- Я не очень разбираюсь в моллюсках, дядя Лоренс.

- Твое счастье. Эта брюхокогая пародия на чувство собственного достоинства - единственное осязаемое воплощение американского идеализма. Американцы так стараются ей подражать, что готовы даже употреблять ее в пищу. Стоит американцам от этого отказаться, как они станут реалистами и вступят в Лигу наций. Тогда нам конец.

Но Динни не слушала, - она наблюдала за лицом Хьюберта. Взгляд его больше не светился тоской, глаза были прикованы к глубоким манящим глазам Джин. Динни вздохнула.

- Совершенно верно, - подхватил сэр Лоренс. - Мы, к сожалению, не доживем до того дня, когда американцы перестанут подражать улитке и вступят в Лигу наций. В конце концов, - продолжал он, прищурив левый глаз, она создана американцем и представляет собой единственное разумное начинание нашей эпохи. Тем не менее она вызывает непреодолимое отвращение у почитателей другого американца по имени Монро, который умер в тысяча восемьсот тридцать первом году и о котором люди типа СаксенДена никогда не вспоминают без насмешки.

Выпад, глумленье и грубый пинок.

Редкие фразы, но как они злобны!..

Читала ты эту вещь Элроя Флеккера?

- Да, - ответила пораженная Динни. - Хьюберт цитирует его в дневнике. Я прочла это место лорду Саксендену. Как раз на нем он заснул.

- Похоже на него. Но не забывай, Динни: Бантам дьявольски хитер и великолепно знает мир, в котором живет. Допускаю, что ты предпочтешь умереть, чем жить в таком мире, но ведь в нем и без того недавно умерло десять миллионов более или менее молодых людей. Не помню, - задумчиво заключил сэр Лоренс, - когда еще за собственным столом меня кормили лучше, чем в последние дни. На твою тетку что-то нашло.

После завтрака, затеяв партию в крокет - она сама с Аденом Тесбери против его отца и тети Уилмет, Динни стала свидетельницей того, как Джин с Хьюбертом отправились осматривать грядки портулака. Последние тянулись от заброшенного огорода до старого фруктового сада, за которым простиралась луга и начинался подъем.

"Они не ограничатся портулаком", - решила она.

В самом деле, закончилась уже вторая партия, когда Динни снова увидела их. Они возвращались другой дорогой и были поглощены разговором. "Вот самая быстрая победа, которая когда-либо одержана на свете!" - подумала она, изо всех сил ударив по шару священника.

- Боже милостивый! - простонал совершенно уничтоженный церковнослужитель.

Тетя Уилмет, прямая, как гренадер, громогласно изрекла:

- Черт побери, Динни, ты просто невозможна!..

Вечером Динни ехала рядом с братом в их открытой машине и молчала, приучая себя к мысли о втором месте, на которое ей, видимо, придется теперь отступить. Она добилась того, на что надеялась, и, несмотря на это, была удручена. До сих пор она занимала в жизни Хьюберта первое место. Девушке потребовалось все ее философское спокойствие, чтобы примириться с улыбкой, то и дело мелькавшей на губах брата.

- Ну, какого ты мнения о наших родственниках?

- Он славный парень. По-моему, неравнодушен к тебе.

- В самом деле? Когда им лучше приехать к нам, как ты считаешь?

- В любое время.

- На будущей неделе?

- Прекрасно.

Видя, что Хьюберт не склонен к разговорам, Динни отдалась созерцанию красоты медленно угасавшего дня. Возвышенность Уэнтедж и дорога на Фарингдон были озарены ровным сиянием заката. Впереди громоздились Уиттенхемские холмы, и тень их скрывала от глаз подъем дороги. Хьюберт взял вправо, машина выехала на мост. На середине его девушка тронула брата за руку:

- Вон тут мы видели с тобой зимородков. Помнишь, Хьюберт?

Хьюберт остановил машину. Они смотрели на тихую безлюдную реку, у которой так привольно живет веселым птицам. Брызги меркнувшего света, пробиваясь сквозь ветви ив, падали на южный берег. Темза кажется здесь самой мирной, самой покорной прихотям человека рекой на свете и в то же время, спокойно, но безостановочно струясь по светлым полям мимо деревьев, склонившихся к ее невозмутимо чистым водам, живет своей жизнью, обособленной и прекрасной.

- Три тысячи лет назад, - внезапно сказал Хьюберт, - эта древняя река текла по непроходимой чаще и была таким же хаотическим потоком, какие я видел в джунглях.

Он повел машину дальше. Теперь солнце светило им в спину, и казалось, что они въезжают в какой-то неестественный, нарочно нарисованный для них простор.

Так они ехали до тех пор, пока в небе не угас пожар заката и одинокие вечерние птицы не взмыли над потемневшими сжатыми полями.

У ворот Кондафорда Динни вылезла и, напевая сквозь зубы: "Она была пастушкой, ах, какой прекрасной!" - посмотрела брату в лицо. Но он возился с машиной и не уловил связи между словами и взглядом.

XII

Характер человека, относящегося к молчаливой разновидности молодых англичан, трудно поддается определению. Если же человек относится к их разговорчивой разновидности, сделать это довольно просто. Его манеры и привычки бросаются в глаза, хотя отнюдь не показательны для национального типа. Шумный, склонный все критиковать и все высмеивать, знающий все на свете и признающий только себе подобных, он напоминает ту радужную пленку на поверхности болота, под которой залегают торф. Он неизменно блистает умением говорить и ничего не сказать; те же, чья жизнь посвящена практическому применению заложенной в них энергии, не становятся менее энергичными оттого, что их никто не слышит. Непрестанно декларируемые чувства перестают быть чувствами, а чувствам, которые никогда не заявляют о себе, молчаливость придает особую глубину. Хьюберт не казался энергичным, но не был и флегматичным. У него отсутствовали даже внешние приметы молчаливой разновидности англичанина. Воспитанный, восприимчивый и неглупый, он судил о людях и событиях трезво и с такой меткостью, которая поразила бы его разговорчивых соотечественников, если бы он не так упорно избегал высказывать свои суждения вслух. К тому же до последнего времени у него не было для этого ни досуга, ни удобного случая. Однако, встретив его в курительной, или за обеденным столом, или в любом другом месте, где можно блеснуть красноречием, вы сразу же догадывались, что ни досуг, ни удобный случай не сделают его разговорчивым. Он рано ушел на войну, стал профессиональным военным и не испытал воздействия университета и Лондона, которое так расширяет горизонт. Восемь лет в Месопотамии, Египте, Индии, год болезни и экспедиция Халлорсена придали ему замкнутый, настороженный и несколько желчный вид. Он был наделен темпераментом, который сдает человека, если тот обречен на праздность. Он еще кое-как выносил ее, когда мог разъезжать верхом и бродить с ружьем и собакой, но без этих вспомогательных, отвлекающих средств просто погибал.

Дня через три после возвращения в Кондафорд он вышел на террасу к Динни с номером "Тайме" в руках:

- На, взгляни.

Динни прочла:

"Сэр,

Льщу себя надеждой, что вы простите мою назойливость. Мне стало известно, что некоторые места из моей книги "Боливия к ее тайны", опубликованной в июле прошлого года, доставили прискорбные неприятности моему помощнику капитану Хьюберту Черрелу, кавалеру ордена "За боевые заслуги", который во время нашей экспедиции ведал транспортом. Перечитав эти места, я пришел к выводу, что, обескураженный частичной неудачей экспедиции и крайне утомленный, я подверг поведение капитана Черрела незаслуженной критике. Хочу еще до выхода второго, исправленного издания книги, которое, надеюсь, не замедлит появиться, воспользоваться возможностью публично, через вашу широко известную газету взять обратно выдвинутые мной обвинения. Считаю приятным долгом принести капитану Черрелу, как человеку и представителю британской армии, мои искренние извинения по поводу тех огорчений, которые я ему причинил и о которых сожалею.

Ваш покорный слуга

Эдуард Халлорсен, профессор.

Отель "Пьемонт".

Лондон.

- Очень мило! - объявила Динни, незаметно вздрогнув.

- Халлорсен в Лондоне! Какого черта он все это затеял ни с того ни с сего?

Динни обрывала пожелтевшие лепестки африканской лилии. Только теперь ей стало понятно, насколько опасно устраивать чужие дела.

- Все это очень похоже на раскаяние, мой дорогой.

- Что? Этот тип раскаялся? Ну нет! За этим что-то стоит.

- Да. Стою я.

- Ты?

Динни скрыла испуг улыбкой.

- Я встретила Халлорсена у Дианы в Лондоне. В Липпингхолле он тоже был. Словом, я... м-м... взялась за него.

Желтоватое лицо Хьюберта побагровело.

- Ты его просила... клянчила...

- Что ты! Нет!

- Тогда как же?

- Похоже, что он увлекся мной. Странно, конечно, но что я могла поделать?

- Он это сделал, чтобы завоевать твое расположение?

- Я вижу, ты взял тон мужчины и старшего брата.

- Динни!

Теперь, скрывая злость под улыбкой, вспыхнула и Динни:

- Я его не поощряла. Вылила на него немало холодной воды, хотя не могла отучить от этого крайне неблагоразумного увлечения. Но если хочешь знать, Хьюберт, в нем много порядочности.

- То, что ты это находишь, - в порядке вещей, - холодно заметил Хьюберт. Лицо его снова приобрело желтоватый и даже какой-то пепельный оттенок.

Динни порывисто схватила брата за рукав:

- Не глупи, милый! Не все ли равно, какие у него мотивы - пусть даже дурные. Он же принес публичное извинение. Что в этом плохого?

- То, что в этом замешана моя сестра. Я выгляжу во всей этой истории, как... - Хьюберт стиснул голову руками. - Я взят в клещи. Каждый может щелкнуть меня по лбу, а я бессилён.

К Динни вернулось ее хладнокровие.

- Ты напрасно боишься, что я тебя скомпрометирую. Письмо - очень отрадная новость: оно делает всю эту историю совершенно беспочвенной. Кто посмеет раскрыть рот после такого извинения?

Но Хьюберт, не взяв назад газету, уже вернулся в дом.

Динни в общем была свободна от мелкого самолюбия. Чувство юмора спасало ее от переоценки собственных заслуг. Она понимала, что была обязана предвидеть и предотвратить то, что случилось, но как - не знала и сейчас.

Негодование Хьюберта было вполне естественным. Будь извинения Халлорсена подсказаны ему внутренним убеждением, они бы утешили молодого человека, но, продиктованные лишь желанием угодить его сестре, вызвали еще большую озлобленность. Хьюберт так ясно дал понять, насколько ему противно, что Халлорсен увлечен ею! И все-таки налицо было письмо - открытое и прямое признание несправедливости выдвинутых обвинений. Оно все меняло. Динни немедленно углубилась в размышления о том, какую пользу можно из него извлечь. Стоит ли послать его лорду Саксендену? Стоит, раз уже дело зашло так далеко. И Динни пошла писать сопроводительную записку.

"Кондафорд, 21 сентября.

Дорогой лорд Саксенден,

Я отваживаюсь послать Вам вырезку из сегодняшнего номера "Тайме", так как верю, что она в какой-то степени может оправдать мою дерзость в тот вечер. Я действительно не имела никакого права мучить Вас после столь утомительного дня чтением отрывков из дневника моего брата. Это было непростительно, и я не удивляюсь, что Вам пришлось искать

спасения. Однако прилагаемая вырезка подтвердит, что мой брат пострадал несправедливо, и я надеюсь, что Вы простите меня.

Искренне ваша Элизабет Черрел".

Заклеив конверт, она справилась о лорде Саксендене во "Всеобщем биографическом словаре" и адресовала письмо, написав на нем "Лично", в лондонскую резиденцию пэра.

Потом отправилась искать Хьюберта и узнала, что тот взял машину и уехал в Лондон.

Хьюберт гнал вовсю. Объяснение с Динни страшно расстроило его.

Меньше чем за два часа он покрыл добрых шестьдесят миль и в час дня уже был у отеля "Пьемонт". Он не обменялся с Халлорсеном ни словом с тех пор, как простился с ним шесть месяцев назад.

Молодой человек послал свою карточку и уселся в холле, плохо представляя себе, что скажет американцу. Когда вслед за мальчиком рассыльным перед ним выросла высокая фигура профессора, холод сковал все тело Хьюберта.

- Капитан Черрел! - воскликнул Халлорсен и протянул руку.

Отвращение к сценам возоблагодало в Хьюберте над первым естественным порывом. Он принял руку, но не ответил американцу даже легким пожатием пальцев.

- Из "Тайме" я узнал, что вы здесь. Нельзя ли нам куда-нибудь отойти?

Нужно поговорить.

Халлорсен отвел Хьюберта в нишу.

- Принесите коктейли, - бросил он официанту.

- Благодарю, я не хочу. Закурить разрешите?

- Надеюсь, это будет трубка мира, капитан?

- Не знаю. Извинения, которые сделаны не по убеждению, для меня ничто.

- Кто сказал, что они сделаны не по убеждению?

- Моя сестра.

- Ваша сестра, капитан Черрел, - редкостный человек и очаровательная юная леди. Я не хотел бы ей противоречить.

- Не возражаете, если я буду говорить откровенно?

- Конечно, нет!

- Тогда я скажу, что предпочел бы вовсе не получать извинений, чем знать, что обязан ими симпатии, которую вы питаете к одному из членов моей семьи.

- Видите ли, - помолчав, произнес Халлорсен, - я не могу снова написать в "Тайме" и заявить, что ошибался, когда приносил эти

извинения. Надо думать, они этого не допустят. Я был очень раздражен, когда писал книгу. Я сказал об этом вашей сестре и это же повторяю вам. Я утратил тогда всякое чувство жалости и теперь раскаиваюсь в этом.

- Мне нужна не жалость, а справедливость. Подвел я вас или не подвел?

- Бесспорно одно: ваше неумение справиться с этой шайкой окончательно обрекло меня на провал.

- Согласен. Но скажите, я подвел вас по своей вине или потому, что вы возложили на меня невыполнимую задачу?

С минуту мужчины стояли, глядя друг другу в глаза и не произнося ни слова. Затем Халлорсен протянул руку.

- Будем считать, что виноват я, - сказал он.

Рука Хьюберта порывисто потянулась к нему, но на полпути остановилась.

- Одну минуту. Вы так говорите, чтобы угодить моей сестре?

- Нет, сэр, я так думаю.

Хьюберт пожал ему руку.

- Вот и великолепно! - воскликнул Халлорсен. - Мы не ладили, капитан, но с тех пор как я побывал в одном из ваших старинных поместий, я понял, почему так получилось. Я ожидал от вас того, чего вы, классический англичанин, не можете дать, - открытого выражения ваших чувств. Вижу, что вас надо переводить на наш язык. Я этого не сумел. Потому мы и ходили вслепую друг около друга. А это верный способ испортить себе кровь.

- Почему - не знаю, но кровь мы друг другу попортили как следует.

- Ну, ничего. Я не прочь еще раз начать все сначала.

Хьюберт вздрогнул.

- Я - нет.

- А теперь, капитан, позавтракаем вместе, и вы расскажете мне, чем я могу вам быть полезен. Я сделаю все, что вы скажете, чтобы исправить свою ошибку.

Хьюберт помолчал. Лицо его было бесстрастно, но руки слегка тряслись.

- Все в порядке, - сказал он. - Это пустяки.

И они вошли в ресторан.

XIII

Если на свете есть что-нибудь бесспорное, - в чем с полным основанием можно усомниться, - так это то, что все дела, связанные с государственными учреждениями, пойдут не так, как рассчитывает частное

лицо.

Более опытная и менее преданная сестра, чем Динни, просто держалась бы от греха подальше. Но опыт еще не научил девушку, что письма обычно оказывают на важных персон воздействие, прямо противоположное тому, какого ожидает пишущий. Задев amoug-prorge [8] лорда Саксендена, чего, сталкиваясь с государственными деятелями, следует всемерно избегать, письмо привело лишь к одному результату: пэр решил устраниться от этой истории. Неужели эта молодая особа хотя бы на минуту могла предположить, что он не заметил, как американец увивался вокруг нее? Словом, - о незримая ирония, присущая всем человеческим делам! - извинения Халлорсена лишь обострили щепетильность и подозрительность властей, и за два дня до конца своего годичного отпуска Хьюберт был извещен о продлении его на неопределенный срок и о переводе на половинный оклад впредь до результатов расследования, предпринятого в связи с запросом, который был сделан в палате общин майором Мотли, членом парламента. В ответ на заявление Халлорсена этот преисполненный гражданских чувств воин опубликовал письмо, где спрашивал, следует ли понимать, что убийство человека и факт порки, упомянутые в книге, на самом деле не имели места, и если это так, то чем объясняет американский джентльмен столь разительное противоречие в своих высказываниях. Это в свою очередь вынудило Халлорсена заявить через печать, что факты были именно таковы, как изложено в книге, но что выводы из них были сделаны ошибочные, а действия капитана Черрела полностью оправдывались необходимостью.

Получив извещение о том, что отпуск его продлен, Хьюберт отправился в военное министерство. Он не узнал там ничего утешительного, кроме того, что в дело "впуталось" боливийское правительство, как неофициально сообщил ему один знакомый. Эта новость не вызвала особых опасений в Кондафорде. Никто из четырех молодых людей, - Тесбери все еще гостили там, а Клер гостила в Шотландии, - не придавал значения новому повороту дела, так как никто из них еще не представлял себе, до чего может дойти бюрократия, когда ее машина пущена в ход. Однако генералу все это показалось настолько зловещим, что он немедленно уехал к себе в клуб.

В этот день, после чая, натирая мелом кий в бильярдной, Джин Тесбери ровным голосом спросила:

- Что могут означать эти новости из Боливии, Хьюберт?
- Все, что угодно. Я, как вам известно, убил боливийца.
- Но ведь он покушался на вашу жизнь!

- Да, покушался.

Она отставила кий; ее смуглые тонкие и сильные руки сжали борт стола. Она неожиданно подошла к Хьюберту, тронула его за руку и сказала:

- Поцелуй меня. Я - твоя.

- Джин!

- Хьюберт, довольно рыцарства и прочей чепухи. Ты не должен страдать в одиночку от всего этого свинства. Я разделю твою судьбу. Поцелуй меня.

Поцелуй был дан - долгий и отраднй для обоих. Потом Хьюберт опомнился и сказал:

- Джин, это невысказано, пока мои дела не наладятся.

- Конечно, они наладятся, но я тоже хочу помочь их наладить. Поженемся поскорее, Хьюберт! Отец может выделить мне сотню в год. Сколько наскребешь ты?

- У меня триста в год своих и половинный оклад, но я могу его лишиться.

- Итак, твердых четыреста в год. Люди женятся, имея куда меньше.

К тому же это только временно. Словом, можно жениться. Где?

Хьюберт задыхался,

- Когда шла война, - сказала Джин, - люди женились не раздумывая.

Они не ждали, пока мужчину убьют. Поцелуй меня еще.

Хьюберт задохнулся еще больше. Джин обвила ему руками шею. Как Динни и застала их.

Не отнимая рук. Джин бросила:

- Динни, мы решили пожениться. Как ты думаешь, где лучше? В муниципалитете? Оглашение - это слишком долго.

Динни судорожно глотнула воздух.

- Я не думала, что ты так быстро сделаешь предложение, Джин.

- Пришлось. Хьюберт набит дурацким рыцарством. Нет, отец не согласится на гражданскую регистрацию. Почему бы нам не исхлопотать особое разрешение?

Руки Хьюберта, обнимавшие плечи Джин, отстранили девушку.

- Будь серьезней, Джин!

- А я и так серьезна. Если получим особое разрешение, никто ничего не узнает, пока все не кончится. Значит, никто и возражать не будет.

- Хорошо, - спокойно согласилась Динни. - Полагаю, что ты права. Раз уж делать, так делать быстро. Думаю, что дядя Хилери вас обвенчает.

Руки Хьюберта опустились.

- Вы обе рехнулись!

- Повежливей! - обрезала Джин. - Мужчины - нелепый народ. Сами чего-то хотят, а когда им это предложишь, торгуются, как старушонки. Кто этот дядя Хилери?

- Викарий прихода святого Августина в Лугах. Особым пристрастием к установленным порядкам не отличается.

- Чудно! Хьюберт, завтра поедешь и получишь разрешение. Мы отправимся вслед за тобой. Где мы можем остановиться, Динни?

- Думаю, что Диана нас приютит.

- Значит, все решено. По дороге заедем в Липпингхолл. Я захвачу свои платья и повидаюсь с отцом. Начну его подстригать и выложу все. Затруднений не будет. Заберем с собой Алена - нам потребуется шафер. Динни, посоветайся с Хьюбертом.

Оставшись наедине с братом, Динни сказала:

- Она замечательная девушка, Хьюберт, и, честное слово, нисколько не рехнулась. Все это страшно неожиданно, но совершенно разумно. Тесбери бедны, так что в этом отношении для нее разницы не будет.

- Дело не в деньгах. Предчувствие чего-то страшного, нависшего над мной, нависнет теперь и над ней.

- И нависнет еще грознее, если ты не согласишься. Право, соглашайся, мой дорогой мальчик! Отец возражать не будет. Она ему нравится, и он предпочтет, чтобы ты женился на мужественной девушке из хорошей семьи, а не на деньгах.

- Тебе не кажется, что в особом разрешении есть что-то неприличное? пробормотал Хьюберт.

- В нем есть романтика. К тому же оно пресечет разговоры - стоит тебе жениться или нет. Дело будет сделано, и люди примирятся с ним, как примиряются со всем на свете.

- А мама?

- Если хочешь, я сама ей скажу. Я уверена, уж она-то не станет жалеть, что брак не модный, что ты женишься не на хористке и так далее. Она в восхищении от Джин. Тетя Эм и дядя Лоренс - тоже.

Лицо Хьюберта просияло.

- Женюсь! Это так чудесно. В конце концов, я же не делаю ничего постыдного.

Он бросился к Динни, порывисто обнял ее и выбежал. Оставшись одна, девушка принялась разучивать карамболь на бильярде. Это прозаическое занятие помогало ей скрыть глубокую взволнованность. Объятие, которое она видела, было таким страстным. Джин представляла собой такой удивительный сплав неудержимого чувства и сдержанности,

лавы и стали, самоуверенности и юной наивности! Возможно, это рискованный шаг. Но Хьюберт уже стал другим человеком благодаря Джин. И тем не менее Динни отчетливо сознавала всю необычность того, что произошло. Она сама никогда бы не отважилась на такое ошеломляющее решение. Она не отдаст свое сердце так поспешно. Недаром ее старая няня шотландка говаривала: "Мисс Динни хоть резвушка, да вострушка: у нее ушки на макушке". Она отнюдь не гордится своим "чувством не лишеного остроты юмора, которое ориентирует и несколько стерилизует все остальные". Она завидует яркой решительности Джин, прямоте и убежденности Алена, здоровой предприимчивости Халлорсена. Но у нее тоже есть свои сильные стороны. И, полуоткрыв губы в улыбке, Динни отправилась разыскивать мать.

Леди Черрел сидела в святилище, прилегавшем к спальне, и шила муслиновые саше для листьев душистой вербены, которая росла возле дома.

- Мамочка, - сказала Динни, - приготовься к небольшому потрясению. Помнишь, я говорила, что мечтаю найти подходящую девушку для Хьюберта. Так вот, такая нашлась. Джин только что сделала ему предложение.

- Динни!

- Они решили пожениться немедленно, по особому разрешению.

- Но...

- Это точно, мамочка. Завтра мы едем. Джин поживет со мной у Дианы, пока все не устроится. Хьюберт скажет отцу.

- Но Динни, право...

Динни перешагнула через муслиновые заграждения, опустилась на колени и обняла мать.

- Я чувствую то же, что и ты, - сказала она, - только немножко не так, как ты, потому что не я произвела его на свет. Но, мамочка, милая, все в порядке! Джин - замечательная девушка, и Хьюберт по уши в нее влюблен. Это уже пошло ему на пользу, а дальше она сама о нем позаботится.

- Но как же с деньгами, Динни?

- Они ничего от папы не ждут. Как-нибудь справятся, а детей им пока заводить не надо.

- Думаю, что нет. Все это ужасно неожиданно. А зачем особое разрешение?

- Предчувствия.

И обняв тонкую талию матери, Динни пояснила:

- У Джин. Положение Хьюберта действительно сложное, мама.

- Да. Оно пугает и меня, и отца. Я это знаю, хотя он мне об этом не говорит.

Больше ничего о своих тревогах ни одна из них не сказала, и началось совещание об устройстве гнездышка для отважной пары.

- Почему бы им не пожить с нами, пока все не уладится? - спросила леди Черрел.

- Им интереснее обзавестись своим домом. Самое главное сейчас чем-нибудь занять Хьюберта.

Леди Черрел вздохнула. Переписка, садоводство, распоряжения по хозяйству, участие в приходских комитетах - все это, конечно, не очень интересно. А у молодежи и этого нет. Для них Кондафорд совсем уж неинтересен.

- Да, здесь тихо, - согласилась она.

- И слава богу, - понизила голос Динни. - Но я чувствую, что сейчас Хьюберт должен жить напряженной жизнью, и они с Джин найдут ее в Лондоне. Квартиру можно снять в каком-нибудь доходном доме. Ты же знаешь, это ненадолго. Итак, мамочка, милая, сегодня вечером сделай вид, будто ничего не знаешь, а мы будем знать, что на самом-то деле тебе все известно. Это на всех подействует успокоительно.

И, поцеловав печально улыбающуюся мать, Динни ушла.

На другой день заговорщики с самого раннего утра были на ногах. Хьюберт выглядел, по определению Джин, так, словно ему предстояла скачка с препятствиями; Динни держалась совершенно неестественно; Алэн расхаживал с блаженным видом начинающего шафера; одна Джин оставалась невозмутимой. Они сели в коричневую дорожную машину Тесбери, завезли Хьюберта на станцию и поехали в Липпингхолл. Джин вела машину. Ее брат и Динни сидели сзади.

- Динни, - сказал молодой человек, - не выхлопотать ли и нам особое разрешение?

- Оптовым покупателям скидка. Ведите себя прилично, Алэн. Вы уйдете в море и через месяц забудете меня.

- Разве похоже, что я из таких?

Динни взглянула на его загорелое лицо:

- Как вам сказать? Отчасти.

- Будьте же серьезной!

- Не могу. Все время представляю, как Джин отстригает вашему отцу прядь волос и приговаривает: "Ну, папа, благослови меня, или я выстригу тебе тонзуру!" А он отвечает: "Я? Никогда-а!.." Тут Джин отстригает ему другую прядь и говорит: "Вот и хорошо. Не забудь, что мне полагается

сотня в год, или прощайся с бровями!"

- Джин - гроза дома. Во всяком случае, Динни, вы обещаете мне не выходить замуж за другого?

- А если я встречу человека, который мне ужасно понравится? Неужели вы согласитесь разбить мою юную жизнь?

- Обязательно соглашусь.

- На экране отвечают не так.

- Вы способны заставить чертыхнуться святого!

- Но не флотского лейтенанта. Знаете, что все это мне напоминает? Заголовки на четвертой странице "Тайме". Сегодня утром мне пришло в голову, какой замечательный код можно было бы составить из "Песни песней" или псалма о Левиафане. "Друг мой похож на молодого оленя" означало бы: "Восемь немецких линкоров в Дуврском порту. Выступить немедленно". А "Этот Левиафан, которого бог сотворил играть в нем" значило бы: "Командует Тирпиц", - и так далее. Без ключа такой код никому не расшифровать.

- Набираю скорость, - бросила Джин, оглянувшись.

Стрелка спидометра побежала вправо. Сорок... Сорок пять... Пятьдесят... Пятьдесят пять! Рука Алена скользнула под руку Динни.

- Долго так нельзя - машина взорвется. Но дорога такая, что не соблазниться трудно.

Динни сидела с застывшей улыбкой - она ненавидела слишком быструю езду - и, когда Джин сбросила газ до нормальных тридцати пяти, взмолилась:

- Джин, помни, я - женщина девятнадцатого века!

В Фолуэле она снова наклонилась к переднему сиденью:

- Не хочу, чтобы меня видели в Липпингхолле. Поезжай, пожалуйста, прямо домой и спрячь меня где-нибудь, пока будешь объясняться со своим родителем.

Укрывшись в столовой, где висел портрет, о котором рассказывала Джин, Динни с любопытством принялась его разглядывать. Внизу было написано: 1533. Кэтрин Тесбери, урожденная Фицхерберт, 35 лет, супруга сэра Уолтера Тесбери". Через пятнадцать лет лицо Джин станет таким же, как это пожелтевшее от времени лицо, которое смотрит поверх брыжей, окутавших длинную шею. Оно так же сужается от широких скул к подбородку. Те же манящие продолговатые глаза с темными ресницами. Даже руки, сложенные на груди под высоким корсажем, в точности такие, как у Джин. Какою жизнью жил этот поразительный прототип? Известна ли она его потомкам и повторят ли они ее?

- Страшно похожа на Джин, правда? - спросил молодой Тесбери. - Я слышал, что это была потрясающая женщина. Говорят, она умела устраивать свои дела, а в шестидесятых годах, когда Елизавета взялась за католиков, уехала из Англии. Знаете, что в те времена полагалось тому, кто отслужит мессу? Четвертование - и то считалось сущим пустяком! Христианская религия! Да, штучка! Сдается мне, эта леди была кое в чем замешана. Держу пари - она набирала скорость, где только могла.

- Какая сводка с фронта?

- Джин проследовала в кабинет со старым номером "Тайме", полотенцем и ножницами. Остальное покрыто мраком.

- Найдется тут место, откуда можно увидеть их, когда они будут выходить?

- Посидим на лестнице. Они нас не заметят, если только не вздумают пойти наверх.

Они вышли и уселись в темном уголке лестницы, с которой через перила была видна дверь кабинета. С давно забытым трепетом детских лет Динни ожидала, когда она откроется. Внезапно оттуда вышла Джин с бумажным кулечком в одной руке и с ножницами в другой. Ален и Динни услышали, как она сказала:

- Помни, дорогой, сегодня не выходи без шляпы.

Захлопнувшаяся дверь помешала им расслышать невнятный ответ. Динни перегнулась через перила:

- Ну что?

- Все в порядке. Он немножко ворчит - не знает, кто теперь будет его стричь, и всякое такое. Считает, что особое разрешение - пустой перевод денег. Но сто фунтов в год мне обещал. Когда я уходила, он набивал трубку.

Джин замолчала и заглянула в бумажный кулек:

- Сегодня было страшно много стрижки. Сейчас позавтракаем, Динни, и в путь.

За завтраком пастор держался, как всегда, изысканно участливо, и восхищенная Динни не сводила с него глаз. Перед ней был вдовец, человек преклонных лет, которому предстояло расстаться с единственной дочерью, ведавшей в доме и в приходе всем, вплоть до стрижки, и тем не менее он невозмутим! Результат воспитания, доброты или недостойное чувство облегчения? Динни не могла с уверенностью ответить на этот вопрос. Сердце у нее слегка заныло: скоро на месте пастора окажется Хьюберт. Она взглянула на Джин. Эта, бесспорно, умеет устраивать свои дела - и даже чужие. Тем не менее в ее превосходстве нет ничего грубого или пошлого. Что бы она ни делала, семейная атмосфера не будет отравлена

вульгарностью. Лишь бы у них с Хьюбертом нашлось достаточно юмора!

После завтрака пастор отвел Динни в сторону:

- Моя дорогая Динни, - если я смею называть вас так, - что вы думаете обо всем этом? И что думает ваша матушка?

- Мы думаем, что это немножко напоминает песенку "Филин и кошка отправились в море..."

- "В красивой зеленой лодке". Да-а, действительно, но, боюсь, не "прихватив деньжонок с собою". И все-таки, - мечтательно прибавил он, Джин - хорошая девушка, очень... э-э... способная. Я рад, что оба-а наши семейства снова... э-э... породнятся. Мне будет ее недоставать, но человек не должен быть... э-э... эгоистом.

- Теряя на одном, выигрываешь на другом, - негромко бросила Динни. Голубые глаза пастора замигали.

- Да-а, конечно! - подхватил он. - Приятное с полезным. Джин не хочет, чтобы я присутствовал при венчании. Вот ее метрики на случай какихнибудь... э-э... вопросов. Она совершеннолетняя.

Он извлек из кармана длинный пожелтевший листок и вздохнул:

- Боже мой! - И тут же искренно повторил: - Боже мой!

Динни по-прежнему сомневалась, жалеет ли она его.

Вскоре они поехали дальше.

XIV

Высадив Алена Тесбери у его клуба, девушки направились в Челси, хотя Динни положила на счастье и не предупредила Диану телеграммой. Подъехав к дому на Оукли-стрит, она вышла из машины и позвонила. Двери открыла пожилая горничная с испуганным лицом.

- Миссис Ферз дома?

- Нет, мисс. Дома капитан. Ферз.

- Капитан. Ферз?

Оглянувшись по сторонам, горничная торопливо зашептала:

- Да, мисс. Мы все ужасно перепугались, просто не знаем, что делать. Капитан. Ферз пришел неожиданно, во время завтрака. Хозяйки не было дома. Ей пришла телеграмма. Капитан. Ферз забрал ее. Два раза звонили по телефону, но не сказали кто.

Динни подыскивала слова, чтобы спросить о самом страшном.

- Как он... Как он вам показался?

- Право, не знаю, мисс. Он спросил только: "Где ваша хозяйка?" Выглядит он хорошо, но все это так внезапно, и мы боимся. Дети дома, а где миссис Ферз, мы не знаем.

- Подождите минутку.

Динни вернулась к машине.

- Что случилось? - вылезая, спросила Джин.

Девушки стояли на мостовой и совещались, а горничная с порога наблюдала за ними.

- Я должна вызвать дядю Эдриена, - сказала Динни. - Ведь в доме дети.

- Поезжай за ним, а я войду и подожду тебя. Горничная совсем перепугалась.

- Джин, он бывает буйным. Может быть, он просто сбежал.

- Бери машину. За меня не беспокойся.

Динни пожала руку Джин:

- Я возьму такси. Если захочешь удрать, у тебя будет машина.

- Ладно. Объясни горничной, кто я, и поезжай. Уже четыре.

Динни посмотрела на дом и вдруг увидела чье-то лицо в окне столовой. Она встречалась с Ферзом лишь дважды, но сразу узнала его. Лицо у него было незабываемое - пламя за решеткой. Резкие суровые черты, подстриженные щеточкой усы, широкие скулы, густые темные с проседью волосы, сверкающие глаза со стальным отливом. Они глядели на нее так пристально, что зрачки словно плясали от напряжения. Девушка не выдержала и отвела взгляд.

- Не смотри наверх: он там! - шепнула она Джин. - Кроме глаз, все нормально - костюм приличный и прочее. Давай уедем вместе или вместе останемся.

- Нет. Со мной ничего не случится, а ты поезжай.

И Джин вошла в дом.

Динни отчаянно торопилась. Внезапное возвращение человека, которого все считали неизлечимо помешанным, ошеломило ее. Ей были неизвестны причины, заставившие изолировать Ферза. Она знала только, что он страшно мучил Диану, перед тем как окончательно сорвался, и считала Эдриена единственным человеком, достаточно осведомленным во всей этой истории. Поездка показалась ей долгой, - время мучительно тянулось. Динни застала дядю, когда тот уже выходил из музея, и торопливо стала рассказывать. Эдриен с ужасом смотрел на нее.

- Вы знаете, где Диана? - закончила она.

- Сегодня она должна была обедать у Флер и Майкла. Я тоже собирался туда. Где она сейчас - не знаю. Едем на Оукли-стрит. Все это - как гром среди ясного неба.

Они сели в такси.

- А вы не можете позвонить в эту психиатрическую лечебницу, дядя?

- Не повидав Диану, не имею права. Так, говоришь, он выглядит

нормально?

- Да. Только вот глаза... Впрочем, насколько я помню, они всегда у него были такие.

Эдриен схватился за голову:

- Это ужасно! Бедная моя девочка!

Сердце Динни сдавила боль - и за дядю, и за Диану.

- Самое ужасное, - сказал Эдриен, - испытывать такое только потому, что бедняга возвратился. Боже милостивый! Скверное дело, Динни, скверное дело!

Динни тронула его за руку:

- Дядя, что гласит на этот счет закон?

- Один бог знает! Его не подвергли официальному освидетельствованию, - Диана не захотела. В лечебницу его приняли как частного пациента.

- Не может быть, чтобы там ему разрешали выходить, когда вздумается, и никого об этом не предупреждали.

- Кто его знает, что случилось? Может быть, он так и не выздоровел, а ушел просто в минуту просветления. Но что бы мы ни предприняли, - Динни растрогало выражение лица Эдриена, - мы обязаны позаботиться о нем так же, как о самих себе. Нельзя делать ему жизнь еще мучительнее. Бедный Ферз! Любое горе, Динни, - болезнь, нищета, порок, преступление, хотя каждое из них - трагедия, - пустяк по сравнению с душевным расстройством.

- Дядя, - спросила Динни. - А ночь?

Эдриен застонал.

- От этого ее надо как-нибудь спасти.

В начале Оукли-стрит они отпустили такси и пошли к дому пешком.

Войдя в холл, Джин сказала горничной:

- Я - мисс Тесбери. Мисс Динни поехала за мистером Черрелом. Гостиная наверху? Я посижу там. Он видел детей?

- Нет, мисс. Он всего полчаса как пришел. Дети в классной с мадемуазель.

- Значит, я буду между ним и ими. Проводите меня, - распорядилась Джин.

- Остаться мне с вами, мисс?

- Нет. Поджидайте миссис. Ферз, чтобы сразу же ее предупредить.

Горничная с восхищением взглянула на девушку и оставила ее у дверей гостиной. Джин распахнула их и остановилась, прислушиваясь. Ни звука. Девушка медленно прошла к окну, потом обратно. Если она заметит,

что идет Диана, она побежит к ней вниз. Если Ферз поднимется сюда, выйдет к нему навстречу. Сердце ее билось немного быстрее, чем обычно, но никакого волнения она не испытывала. Так она патрулировала с четверть часа, потом услышала за спиной шаги, обернулась и увидела; что Ферз уже вошел в комнату.

- Простите, - сказала она. - Я ожидаю миссис Ферз. Вы - капитан Ферз?

Тот поклонился.

- А вы?

- Я - Джин Тесбери. Боюсь; что вы меня не знаете.

- Кто был с вами?

- Динни Черрел.

- Куда она делась?

- По-моему, поехала к одному из своих дядей,

- К Эдриену?

- Думаю, что да.

Ферз окинул уютную комнату сверкающим взглядом.

- Здесь стало еще уютнее, - сказал он. - Я некоторое время был в отсуствии. Вы знакомы с моей женой?

- Я встречалась с ней, когда гостила у леди Монт.

- В Липпингхолле? Диана здорова?

Слова слетали с его губ жадно и отрывисто.

- Да. Вполне.

- И красива?

- Очень.

- Благодарю вас.

Посматривая на Ферза из-под темных ресниц. Джин не могла обнаружить в нем никаких признаков умственного расстройства. Выглядел он, как обычно, - военный в штатском платье, очень подтянутый, держится независимо. Все в порядке... кроме глаз.

- Я не видел жену четыре года, - сказал он. - Хотелось бы побыть с ней наедине.

Джин направилась к двери.

- Нет! - Слово сорвалось с пугающей внезапностью. - Вы останетесь здесь!

И Ферз преградил девушке дорогу.

- Почему?

- Я хочу первым сообщить ей о своем возвращении.

- Естественное желание.

- Поэтому оставайтесь здесь.

Джин вернулась к окну и ответила:

- Как вам угодно.

Наступило молчание.

- Слышали вы обо мне? - внезапно спросил он.

- Очень мало. Я знаю, что вы были нездоровы.

Он отошел от двери.

- Замечаете вы во мне что-нибудь?

Джин подняла глаза и выдержала его взгляд; потом он отвел его.

- Ничего. Выглядите вы совершенно здоровым.

- Я здоров. Садитесь, пожалуйста.

- Благодарю вас.

Джин села.

- Правильно, - сказал он. - Следите за мной хорошенько.

Джин смотрела себе под ноги. У Ферза вырвалась какая-то пародия на смех.

- Я вижу, вы никогда не страдали душевной болезнью. Если бы болели, знали бы, что каждый за тобой следит и ты сам тоже следишь за каждым. А сейчас мне пора вниз. Au revoir [9].

Он быстро повернулся и вышел, захлопнув за собой дверь. Джин сидела не шевелясь: она ждала, что дверь сейчас опять распахнется. У нее было такое ощущение, как будто всю ее натерли шерстью. Тело покалывало, словно девушка села слишком близко к огню. Ферз не появлялся. Джин встала и подошла к двери. Заперто. Она стояла и раздумывала. Позволять? Постучать, чтоб услышала горничная? Решив не делать ни того, ни другого, девушка отошла к окну и стала наблюдать за улицей: Динни скоро вернется, отсюда можно ее окликнуть. Джин хладнокровно обдумывала сцену, в которой ей только что пришлось участвовать. Ферз запер ее, чтоб никто не помешал ему первым увидеть жену. Он никому не доверяет - вполне понятно! Ее юный, строгий разум начинал смутно понимать, каково человеку, когда в нем все видят помешанного. Бедняга! Джин прикинула, можно ли вылезти из окна незамеченной, решила, что нельзя, и стала вновь смотреть на угол улицы, из-за которого должна была появиться помощь. И вдруг без всякой причины вздрогнула, - встреча с Ферзом не прошла даром. О, эти глаза! Как страшно, наверно, быть его женой! Джин распахнула окно и высунулась наружу...

XV

Увидев Джин в окне, Динни и ее дядя замерли на пороге.

- Я заперта в гостиной, - невозмутимо объявила Джин. - Постарайтесь меня выпустить.

Эдриен отвел племянницу к машине:

- Остайся здесь, Динни. Я пришлю Джин к тебе. Не надо устраивать из этого спектакль.

- Будьте осторожны, дядя. У меня такое чувство, словно вы Даниил во...

Тускло улыбнувшись, Эдриен позвонил. Дверь открыл сам Ферз:

- А, Черрел! Входите.

Эдриен подал руку. Ее не приняли.

- Мне здесь вряд ли обрадуются, - сказал Ферз.

- Но, дорогой мой...

- Да, вряд ли. Но я должен увидеться с Дианой. И пусть мне лучше никто не мешает - ни вы, Черрел, ни другие.

- Кто об этом говорит! Вы не возражаете, если я вызову юную Джин Тесбери? Динни ждет ее в автомобиле.

- Я запер ее. Вот ключ. Уберите ее, - угрюмо сказал Ферз и ушел в столовую.

Эдриен отпер гостиную. Джин стояла на пороге.

- Ступайте к Динни и увезите ее. Я справлюсь. Надеюсь, все обошлось по-хорошему?

- Меня только заперли.

- Передайте Динни, - продолжал Эдриен, - что Хилери почти наверное сможет приютить вас. Отправляйтесь к нему; тогда я буду знать, где вас искать в случае необходимости. А вы не из трусливых, юная леди!

- Пустяки! До свидания!

Джин сбежала вниз по лестнице. Эдриен услышал, как захлопнулась входная дверь, и неторопливо спустился в столовую. Ферз стоял у окна, наблюдая за отъездом девушек. Он круто повернулся, как человек, привыкший, что за ним следят. Изменился он мало: похудел, осунулся, волосы поседели чуть больше - вот и все. Одет, как всегда, опрятно, держится подтянуто, только глаза... О, эти глаза!

- Конечно, - с жутким спокойствием начал. Ферз, - вы не можете не жалеть меня, но предпочли бы видеть меня мертвым. Кто бы не предпочел! Человек не должен терять рассудок! Но не надейтесь напрасно, Черрел, сейчас я вполне здоров.

Здоров ли? Судя по виду - да. Но какое напряжение он способен вынести?

Ферз заговорил снова:

- Вы все рассчитывали, что я окончательно свихнулся. Однако месяца три назад я начал поправляться. Как только заметил это, стал скрывать. Те, кто за нами смотрят, - он произнес эти слова с предельной горечью, хотя таких доказательств нашей нормальности, что мы никогда бы не выздоравливали, если бы все зависело только от них. Это, видите ли, не в их интересах.

Горящие глаза Ферза, устремленные на Эдриена, казалось, добавили: "И не в ее, и не в твоих".

- Так вот, я все скрывал. У меня хватило силы воли скрывать все в течение трех месяцев и оставаться там, хотя я был уже в здравом уме. Только в последнюю неделю я показал им, что отвечаю за себя. Но они выжидают куда больше недели, прежде чем сообщить об этом домой. Я не хотел, чтобы они писали домой. Я хотел явиться прямо сюда, показаться таким, какой есть. Не хотел, чтобы они предупреждали Диану или еще кого-нибудь. Я хотел увериться в себе и уверился.

- Ужасно! - чуть слышно вымолвил Эдриен.

Горящие глаза Ферза снова впились в него.

- Вы любили мою жену, Черрел, и сейчас любите. Так ведь?

- Мы остались тем, чем были, - друзьями, - ответил Эдриен.

- Вы сказали бы то же самое, если бы даже было не так.

- Вероятно. Могу утверждать одно - в первую очередь я обязан думать о ней, как делал всегда.

- Вот, значит, почему вы здесь?

- Боже милостивый! Да неужели вы не понимаете, какое это для нее потрясение? Неужели вы забыли, какую жизнь ей создали до того, как попасть в лечебницу? Или думаете, она забыла? Не лучше ли и для нее и для вас, если бы вы сначала отправились ко мне, ну, хоть в музей, и встретились с ней там?

- Нет, я увижусь с ней здесь, в моем собственном доме.

- Здесь она прошла через ад, Ферз. Вы, может быть, и правы, что скрывали свое выздоровление от врачей. Но вы безусловно неправы, когда собираетесь ошеломить этим ее.

Ферз весь напрягся.

- Хотите спрятать ее от меня?

Эдриен опустил голову.

- Возможно, что и так, - сказал он мягко. - Но послушайте, Ферз, вы и сами не хуже меня видите, какое положение создалось. Поставьте себя на ее место. Представьте себе: вот она входит, - это может произойти каждую минуту, - и неожиданно видит вас, не зная о вашем выздоровлении, не

успев свыкнуться с мыслью о нем да еще помня, каким вы были. На что вы обрекаете себя, идя на такую возможность?

Ферз застонал.

- А на что я обреку себя, отказываясь от единственной возможности? Вы думаете, я еще кому-нибудь верю? Попробуйте поживите так сами четыре года! Тогда поймете. - Глаза Ферза засверкали. - Попробуйте, каково, когда за вами следят, когда с вами обращаются, как с озорным ребенком. Последние три месяца я был совершенно нормален и насмотрелся, как со мной обращаются. Если уж моя собственная жена не примет меня таким, как я есть, - здоровым человеком в человеческой одежде, кому я еще нужен?

Эдриен подошел к нему:

- Успокойтесь! Вот тут-то вы и заблуждаетесь. Она одна видела вас в самое тяжелое время. Поэтому ей и будет тяжелей, чем другим.

Ферз закрыл лицо руками.

Посерев от волнения, Эдриен смотрел на него, но, когда Ферз снова открыл лицо, не смог вынести его взгляда и отвел глаза в сторону.

- И люди еще рассуждают об одиночестве! - выкрикнул Ферз. - Сойдите разок с ума, Черрел. Тогда вы поймете, что значит быть одиноким до конца ваших дней.

Эдриен положил руку ему на плечо:

- Послушайте, друг мой. В моей норе есть свободная комната. Переезжайте туда, поживите со мной, пока все не наладится.

Тень внезапного подозрения набежала на лицо Ферза, взгляд стал испытующим и подозрительным, потом признательность смягчила его, но он тут же посуровел, затем опять смягчился.

- Вы всегда были порядочным человеком, Черрел. Благодарю вас - не могу. Я остаюсь здесь. Даже у зверя есть берлога. Моя - тут.

Эдриен вздохнул.

- Хорошо. Подождем ее. Вы видели детей?

- Нет. Они помнят меня?

- Не думаю.

- Знают они, что я жив?

- Да. Они знают, что вы больны.

- Не..? - Ферз прикоснулся рукой ко лбу.

- Нет. Поднимемся к ним?

Ферз покачал головой, и в эту минуту Эдриен через окно заметил подходящую к дому Диану. Он спокойно направился к двери. Что делать, что сказать? Он уже взялся за ручку, когда Ферз, оттолкнув его, выскочил в

холл. Диана открыла дверь своим ключом. Эдриен увидел, как смертельно побледнело ее лицо под полями шляпки. Она прислонилась к стене.

- Все в порядке, Диана, - сказал он и поспешно распахнул двери столовой.

Диана отделилась от стены и прошла в комнату мимо мужчин. Ферз последовал за ней.

- Если вам потребуется мой совет, я буду в холле, - произнес Эдриен и закрыл дверь...

Муж и жена дышали так, словно прошли не три ярда, а пробежали сто.

- Диана! - воскликнул Ферз. - Диана!

Казалось, она утратила дар речи. Он возвысил голос:

- Со мной все в порядке. Ты не веришь?

Она по-прежнему молча наклонила голову.

- Что же ты молчишь? Или для меня даже слов не найдется?

- Это... это от потрясения.

- Я вернулся здоровым. Вот уже три месяца, как я здоров.

- Я так рада, так рада!

- Боже мой! Ты все так же хороша!

Неожиданно он схватил ее, крепко прижал к себе и стал жадно целовать.

Когда он отпустил ее, Диана, задыхаясь, упала на колени и взглянула на мужа с таким ужасом, что он закрыл лицо руками.

- Роналд... я не могу... не могу, как раньше... Не могу... Не могу...

Он опустился перед ней на колени:

- Я не хотел сделать тебе больно. Прости!

Затем, словно истощив всю силу чувства, оба встали и отошли друг от друга.

- Давай обсудим все спокойно, - предложил Ферз.

- Давай.

- Должен я уйти?

- Дом - твой. Поступай, как лучше для тебя.

У Ферза вырвалось что-то похожее на смех.

- Для меня было бы лучше, если бы и ты и все остальные относились ко мне так, как будто со мной ничего не случилось.

Диана молчала. Она молчала так долго, что у него снова вырвался тот же звук.

- Не надо! - попросила она. - Я попытаюсь. Но я должна... должна иметь отдельную комнату.

Ферз поклонился. Внезапно взгляд его мотнулся к ней.

- Ты любишь Черрела?

- Нет.

- Другого?

- Нет.

- Значит, боишься?

- Да.

- Понимаю. Это естественно. Что ж! Кто обижен богом, тот не выбирает. Что дадут, то и ладно. Не телеграфируешь ли в лечебницу, чтобы прислали мои вещи? Это избавит от шума, который они могут поднять. Я ведь ушел не попрощавшись. К тому же я, наверное, им что-нибудь должен.

- Разумеется, телеграфирую. Я все устрою.

- Нельзя ли теперь отпустить Черрела?

- Я ему скажу.

- Позволь мне.

- Нет, Роналд, я сама.

И Диана решительно прошла мимо него.

Эдриен стоял, прислонившись к стене напротив двери. Он посмотрел на Диану и попытался улыбнуться, - он уже угадал, чем все кончилось.

- Он останется здесь, но будет жить в отдельной комнате. Благодарю вас за все, мой дорогой. Не созвонитесь ли вместо меня с лечебницей? Я буду держать вас в курсе. А сейчас поведу Роналда к детям. До свидания.

Эдриен поцеловал ей руку и вышел.

XVI

Хьюберт Черрел стоял на Пэл-Мэл перед клубом отца, старинным учреждением, членом которого он сам пока еще не состоял. Он нервничал, так как питал к отцу уважение - несколько старомодное чувство в дни, когда в отце видят просто старшего брата и, упоминая о нем, употребляют выражение "мой старик". Поэтому Хьюберт не без волнения вошел в этот дом, где люди упрямее, чем кто-либо на земле, держатся за высокомерные предрассудки своего поколения. Однако облик тех, кто находился в комнате, куда провели Хьюберта, ничем не выдавал ни высокомерия, ни предрассудков. Низенький подвижный человечек с бледным лицом и усами щеточкой, покусывая ручку, сочинял письмо редакции "Тайме" о положении в Ираке; маленький скромного вида бригадный генерал с лысым лбом и седыми усами беседовал с высоким скромного вида генерал-лейтенантом о флоре острова Кипра; квадратный мужчина с квадратными скулами и львиным взглядом сидел у окна так тихо, словно только что схоронил тетку или размышлял, не попробовать ли ему будущим летом переплыть Ла-Манш. Сам сэръ Конуэй читал "Уайтейкеровский альманах".

- Хэлло, Хьюберт! Здесь слишком тесно. Спустимся в холл.

Хьюберт сразу же почувствовал, что не только он сам хочет поговорить с отцом, но и отец хочет что-то ему сказать. Они уселись в углу.

- Что привело тебя сюда?

- Я собираюсь жениться, сэр.

- Жениться?

- Да. На Джин Тесбери.

- О!

- Мы решили получить особое разрешение и не поднимать шума.

Генерал покачал головой:

- Она - славная девушка, и я рад, что ты ее любишь, но у тебя сложное положение, Хьюберт. Я тут кое-что слышал.

Хьюберт только сейчас заметил, какое измученное лицо у отца.

- Все это из-за того типа, которого ты пристрелил. Боливийцы требуют выдать тебя как убийцу.

- Что?

- Чудовищно, конечно. Не думаю, чтобы они настаивали, поскольку нападающей стороной был он - по счастью, у тебя на руке остался шрам. Но похоже, что боливийские газеты подняли дьявольский шум. Все эти полукровки так держатся друг за друга!

- Сегодня же увижусь с Халлорсеном.

- Полагаю, что власти не станут торопиться.

Отец и сын молча сидели в холле, глядя друг на друга с одним и тем же выражением лица. Где-то в тайниках их души зрел смутный страх перед угрожающим поворотом событий, но ни тот, ни другой не позволяли ему принять определенные формы. От этого их горе становилось лишь острее. Генерала оно угнетало еще больше, чем Хьюберта. Мысль, что его единственного сына могут потащить на край света по обвинению в убийстве, казалась ему дикой, как ночной кошмар.

- Мы не имеем права сдаваться, Хьюберт, - сказал он наконец. - Если в нашей стране еще есть здравый смысл, мы остановим дело. Я пытался вспомнить, кто может свести нас с нужными людьми. Я-то сам беспомощен в таких передрыгах, но, вероятно, найдутся такие, кто знаком со всеми и точно знает, кого и как можно обработать. Думаю, что нам лучше всего обратиться к Лоренсу Монту. Он уж, во всяком случае, знает Саксендена, а может быть, и кое-кого из министерства иностранных дел. Мне рассказал обо всем Топшем, но он бессилён помочь. Пройдемся пешком? Это полезно.

Глубоко растроганный тем, что отец воспринял его беду, как свою

собственную, Хьюберт пожал генералу руку, и они вышли. На Пикадилли генерал, сделав над собой явное усилие, заговорил:

- Мне не очень нравятся все эти перемены.

- Но, сэр, если не считать Девоншир-хаус, я не вижу здесь ничего нового.

- Да. Но вот что странно: дух Пикадилли долговечнее самой улицы: ее атмосфера незыблема. Здесь давно уже не увидишь цилиндра, а разницы вроде никакой и нет. Гуляя по Пикадилли после войны, я испытывал те же чувства, что и в день, когда еще юнцом вернулся из Индии: вот наконец я и дома. С другими бывало точно так же.

- Да, тоска по родине - странное чувство. Я испытал его в Месопотамии и в Боливии. Стоило закрыть глаза - и оно приходило, сразу.

- Национальная особенность англичан, - начал сэр Конуэй и оборвал фразу, словно удивляясь, как это ему так быстро удалось сказать все, что он хотел.

- Оно бывает даже у американцев, - заметил Хьюберт, когда они свернули на Хаф-Мун-стрит. - Халлорсен говорил мне, что нет хуже, чем - как он выразился - "быть не в фокусе влияния своей нации".

- Да, влияние они имеют, - вставил генерал.

- Без сомнения, сэр, но чем оно определяется? Быть может, темпом их жизни?

- Что дает им этот темп? В общем - все и в частности - ничего. Нет, по моему, все дело в их деньгах.

- А я вот замечал, хотя люди обычно по ошибке думают иначе, что деньги сами по себе мало волнуют американцев. Но они любят быстро их наживать и охотней согласятся вовсе лишиться их, чем наживать медленно.

- Странно видеть людей без национальных особенностей, - произнес генерал.

- У них слишком большая страна, сэр. Впрочем, у них есть что-то вроде этого - гордость за свою страну.

Генерал кивнул.

- Какие тут странные узкие улочки! Я помню, как шел здесь с отцом от Керзон-стрит до Сент-Джеймского клуба в восемьдесят втором году. Я тогда поступал в Хэрроу. Ничто не изменилось.

Так, занятые разговором, который не затрагивал их истинных чувств, они добрались до Маунт-стрит.

- Вон тетя Эм. Не говори ей.

В нескольких шагах впереди них плыла домой леди Монт. Они нагнали ее в ста ярдах от входа.

- Кон, - сказала она, - ты похудел.

- Я всегда был худым, моя девочка.

- Ты прав. Хьюберт, о чем я хотела тебя спросить? Вот, вспомнила!.. Динни говорит, что ты с самой войны не заказывал себе бриджи. Понравилась тебе Джин? Довольно привлекательна, да?

- Да, тетя Эм.

- Вам не пришлось ее выставить?

- За что?

- Это еще вопрос. Впрочем, она нико'да меня не терроризировала. Хотите видеть Лоренса? Там у не'о Вольтер и Свифт. Они никому не нужны, их все давно забыли, но он их любит, потому что они кусаются. Кстати, Хьюберт, а мулы?

- Что мулы?

- Никак не мо'у запомнить, кто у них осел - производитель или matka.

- Производитель - осел, а matka - кобыла, тетя Эм.

- Да, да. И у них не бывает детей. Как удобно! А где Динни?

- Где-то здесь, в городе.

- Ей пора замуж.

- Почему? - удивился генерал.

- Ну как же! Хен говорит, что из нее вышла бы замечательная фрейлина, - до то'о она бескорыстный друг. Это опасно.

И, достав из сумочки ключ, леди Монт вставила его в замочную скважину:

- Не мо'у вытащить Лоренса к чаю. А вы будете пить?

- Нет, Эм, благодарю.

- Идите в библиотеку, он там корпит.

Она поцеловала брата и племянника и проплыла к лестнице.

- Это что-то за'адочное! - услышали они ее голос, входя в библиотеку, где сидел сэр Лоренс, обложенный горами сочинений Вольтера и Свифта: он писал воображаемый диалог между этими серьезными мужчинами. Баронет мрачно выслушал генерала.

- Я слышал, - сказал он, когда его шурин кончил, - что Халлорсен раскаялся в своих грехах. Работа Динни. Думаю, что нам следует его повидать. Не здесь, конечно, - у нас нет повара: Эм еще продолжает худеть. Но мы можем пообедать в "Кофейне".

Он снял телефонную трубку.

- Профессор Халлорсен будет в пять. Ему сейчас же передадут.

- Это дело подведомственно скорее министерству иностранных дел, чем полиции, - продолжал сэр Лоренс. - Зайдемте потолкуем со старым

Шропширом. Он должен был хорошо знать вашего отца. Кон, а его племянник Бобби Феррар - самая неподвижная из звезд министерства иностранных дел. Старый Шропшир всегда дома.

Позвонив у дома Феррара, сэр Лоренс спросил:

- Можно видеть маркиза, Помметт?

- Боюсь, что у него сейчас урок, сэр Лоренс.

- Урок? Чего?

- Хейнштейна, сэр Лоренс.

- Ну, значит, слепой ведет слепого, и спасти его - доброе дело. Как только выберете подходящий момент, выпустите нас, Помметт.

- Слушаюсь, сэр Лоренс.

- Человеку восемьдесят четыре, а он изучает Эйнштейна! Кто сказал, что аристократия вырождается? Хотел бы я посмотреть на того болвана, который обучает маркиза! Он, видимо, обладает незаурядным даром убеждения, - старого Шропшира не проведешь.

В эту минуту вошел аскетического вида мужчина с холодными глубокими глазами и малым количеством волос, взял зонтик и шляпу и удалился.

- Видали? - спросил сэр Лоренс. - Интересно, сколько он берет? Эйнштейн ведь все равно что электрон или витамин, - он непостижим. Это самый явный случай получения денег обманным путем, с каким мне пришлось столкнуться. Пошли.

Маркиз Шропшир расхаживал по кабинету и, словно разговаривая сам с собою, оптимистически кивал седобородой головой.

- А, молодой Монт! - сказал он. - Видели вы этого человека? Если он предложит давать вам уроки теории Эйнштейна, не соглашайтесь. Он, как и я, не в состоянии объяснить, почему пространство ограничено и в то же время бесконечно.

- Но ведь и сам Эйнштейн тоже не в состоянии, маркиз.

- Для точных наук я, видимо, слишком стар, - сказал маркиз. - Я велел ему больше не приходить. С кем имею честь?

- Мой шурин, генерал сэр Конуэй Черрел, и его сын, капитан Хьюберт Черрел, кавалер ордена "За боевые заслуги". Вы, наверно, помните отца Конуэя, маркиз? Он был послом в Мадриде.

- Боже мой, разумеется, помню. Я знаком также с вашим братом Хилери, генерал. Воплощенная энергия! Садитесь же, садитесь, молодой человек! Ваше дело имеет отношение к электричеству?

- Не совсем, маркиз. Скорее к выдаче английского подданного.

- Вот как!

Маркиз поставил ногу на стул, уперся локтем в колено и опустил голову на руку. И пока генерал рассказывал, он продолжал стоять в этой позе, глядя на Хьюберта, который сидел, сжав губы и потупив глаза. Когда генерал кончил, маркиз спросил:

- У вас орден "За боевые заслуги", так, по-моему, сказал ваш дядя? Получили на войне?

- Да, сэр.

- Сделаю, что смогу. Не разрешите ли взглянуть на шрам?

Хьюберт засучил левый рукав, расстегнул манжету и показал руку. Шрам был длинный, блестящий и тянулся от кисти почти до локтя.

Маркиз тихонько свистнул сквозь зубы - до сих пор свои.

- Вы уцелели чудом, молодой человек.

- Да, сэр. Когда он замахнулся, я прикрылся рукой.

- А потом?

- Отскочил назад и пристрелил его, когда он кинулся на меня снова. Затем потерял сознание.

- Вы говорите, этот человек был наказан плетью за жестокое обращение с мулами?

- Он постоянно жестоко обращался с ними.

- Постоянно? - переспросил маркиз. - Многие утверждают, что мясоторговцы и члены Зоологического общества постоянно жестоко обращаются с животными, но я не слышал, чтобы их наказывали плетью. О вкусах не спорят. Дайте подумать, чем я могу вам помочь. Бобби в городе, молодой Монт?

- Да, маркиз. Я вчера видел его в "Кофейне".

- Я приглашу его к завтраку. Насколько мне помнится, он не позволяет своим детям разводить кроликов и держит пса, который всех кусает. Это добрый знак. Кто любит животных, тот всегда готов отстегать того, кто их не любит. Молодой Монт, прежде чем вы уйдете, мне хотелось бы знать, что вы думаете об этой вещи?

Сняв ногу со стула, маркиз прошел в угол, взял прислоненную к стене картину и вынес на свет. На полотне с умеренной степенью правдоподобия была изображена нагая девушка.

- Стейнвич утверждает, что это не должно дурно повлиять на нравственность, - сказал маркиз, - А если ее повесить?

Сэр Лоренс вставил в глаз монокль:

- "Удлиненная" школа. Следствие сожительства с женщинами соответствующего телосложения. Нет, маркиз, это не может дурно повлиять на нравственность, но может испортить пищеварение: тело -

цвета морской воды, волосы - томатные, стиля - никакого. Вы купили ее?

- Пока что нет. Я слышал, она стоит уйму денег. А вы? Я хотел сказать, вы ее не купите?

- Для вас, сэр, я готов на что угодно, только не на это. Нет, только не на это, - повторил, попятившись, сэр Лоренс.

- Я этого опасался, - заметил маркиз. - А меня уверяют, что она не лишена динамизма. Ничего не поделаешь! Я любил вашего отца, генерал, продолжал он более серьезным тоном. - Если слово его внука окажется менее весомым, чем слово каких-то метисов - погонщиков мулов, значит, мы достигли такой степени альтруизма в нашей стране, что едва ли выживем. Я извещу вас о том, что ответит мой племянник. До свидания, генерал, до свидания, милый юноша. Шрам у вас жуткий. До свидания, молодой Монт. Вы неисправимы.

Спускаясь по лестнице, сэр Лоренс взглянул на часы:

- Это отняло у нас двадцать минут. С дорогой, скажем, двадцать пять. Такого темпа не знают и в Америке, а нам еще, кроме того, чуть не всучили удлиненную девицу. Теперь - в "Кофейню", к Халлорсену.

И они двинулись по направлению к Сент-Джеймс-стрит.

- Эта улица, - продолжал сэр Лоренс, - Мекка западного мужчины, так же как рю де ла Пе - Мекка западной женщины.

Он иронически оглядел спутников. Превосходные образцы англичан! В любой другой стране они стали бы предметом зависти и насмешек. Люди, которые во всей Британской империи работают и предаются исконно британским развлечениям, сотворены более или менее по образу и подобию этих. Над этой породой никогда не заходит солнце. История присмотрелась к ней и решила, что ей суждена долгая жизнь. Сатира мечет в нее стрелы, но они отскакивают, словно от невидимой брони. "Эта порода, - думал баронет, шагает по просторам Времени, ничем не выделяясь, не блистая ни ученостью, ни силой, ни прочими добродетелями, которые ей заменяет бессознательное, но непоколебимое убеждение в своей предызбранности".

- Я считаю, что абсолютный центр вселенной - здесь, - сказал сэр Лоренс у дверей "Кофейни". - Другие относят его на Северный полюс, в Рим, на Монмартр. Я же нахожу, что он - в "Кофейне", старейшем и, судя по состоянию умывальника, наихудшем клубе мира. Хотите умыться или отложите омовение до более приятного случая? Договорились. В таком случае присядем и подождем апостола патентованных ванн. Он кажется мне очень энергичным парнем. Жаль, что нельзя устроить матч между ним и маркизом. Я бы поставил на старика.

- Вот он, - сказал Хьюберт.

В низком холле старейшего клуба мира американец казался особенно высоким.

- Сэр Лоренс Монт! - окликнул он. - Здравствуйте, капитан! Генерал сэр Конуэй Черрел? Счастлив познакомиться, генерал. Чем могу служить, джентльмены?

Он выслушал рассказ сэра Лоренса со все возраставшей серьезностью.

- Это чересчур! Нет, не могу посидеть с вами. Сейчас же еду к боливийскому послу. Кстати, капитан, у меня сохранился адрес вашего Мануэля. Я телеграфирую нашему консулу в Ла Пас, чтобы тот немедленно сиял с него показания, подтверждающие вашу правоту. Ну кто бы мог предположить, что получится такая чертовщина! Прошу прощения, джентльмены, но я не успокоюсь, пока не отправлю телеграмму.

Сделав общий поклон, Халлорсен удалился. Трое англичан снова сели.

- Старику Шропширу нельзя зевать: он того и гляди его обгонимсказал сэр Лоренс.

- Так это и есть Халлорсен? Интересный мужчина! - заметил генерал.

Хьюберт помолчал. Он был растроган.

XVII

Встревоженные и притихшие девушки вели машину к приходу святого Августина в Лугах.

- Даже не знаю, кого мне больше всего жаль, - неожиданно заговорила Динни. - Я никогда раньше не думала о помешательстве. Его либо осмеивают, либо скрывают. А по-моему, это самое страшное на свете - особенно когда оно не полное, как у него.

Джин изумленно поглядела на подругу, - ей еще не доводилось видеть Динни без маски юмора.

- Куда теперь?

- Вот сюда. Пересечем Юстен-род. Вряд ли тетя Мэй сможет приютить нас. У нее вечно торчат разные благотворители, посещающие трущобы. Если там нельзя остановиться, позвоним Флер. Жаль, что я не вспомнила о ней раньше.

Предчувствия Динни оправдались: дом был набит гостями, и тетя Мэй куда-то ушла, дядя Хилери сидел у себя.

- Раз уж мы заехали, давай спросим, может ли Хилери обвенчать вас, шепнула Динни.

Улучив свободную минуту, в первый раз за трое суток, Хилери, без пиджака, делал модель норманской ладьи. Работа над моделями старинных кораблей стала теперь излюбленным отдыхом человека, у которого уже не

оставалось ни досуга, ни сил для альпинизма. Изготовление корабликов отнимало больше времени, чем любое другое занятие, а времени у Хилери было меньше, чем у кого бы то ни было. Но с этим он пока еще не считался. Обменявшись с Джин рукопожатием, он извинился и попросил разрешения продолжать работу.

Динни немедленно перешла к делу:

- Дядя Хилери, Джин выходит за Хьюберта. Они хотят пожениться по особому разрешению. Так вот, мы приехали спросить, не обвенчаете ли вы их.

Хилери отложил стамеску, прищурил глаза так, что они превратились в узкие щелочки, и спросил:

- Бойтесь передумать?

- Ни капельки, - возразила Джин.

Хилери пристально посмотрел на нее. Двумя словами и одним взглядом она ясно дала ему понять, что перед ним - женщина с характером.

- Я встречался с вашим отцом, - сказал он. - Он не любит торопиться в таких делах.

- У отца нет никаких возражений против брака.

- Это правда, - подтвердила Динни. - Я с ним говорила.

- А как твой отец, дорогая?

- Он согласится.

- Если так, я готов, - сказал Хилери, вновь прижав стамеску к корме кораблика. - Раз вы твердо все решили, нет смысла тянуть.

Он повернулся к Джин:

- Из вас должна получиться хорошая альпинистка. Жаль, что сейчас не сезон, не то я посоветовал бы вам провести медовый месяц в горах. А почему бы вам не поплавать на рыбацкой шхуне по Северному морю?

- Дядя Хилери отказался от места декана, - вставила Динни. - Он славится своим аскетизмом.

- Смирение - паче гордости, Динни. Признаюсь откровенно: виноград оказался для меня зелен. До сих пор не могу себе простить, что отказался от легкой жизни. А времени сколько было бы! Вырезай себе модели хоть всех судов на свете, читай газеты и отращивай брюшко. Твоя тетка тоже не устает попрекать меня. Как вспомню, чего достигал дядя Катберт своим достойным видом и каким он был на смертном одре, так и вижу всю свою попусту растраченную жизнь и то место, куда я пойду, когда меня вынесут ногами вперед. А ваш отец постарел, мисс Тесбери?

- Нет, он словно не замечает времени. Но мы ведь живем в деревне, ответила Джин.

- Дело не только в этом. Знаете, как можно назвать того, кто думает, что время идет, а он сам стоит на месте? Человек, который отжил.

- А вернее, человек, который не жил, - вставила Динни. - Да, я забыла, дядя. Сегодня капитан Ферз неожиданно вернулся к Диане.

- Ферз? Это либо самое страшное, либо самое отрадное, что могло произойти. Эдриен знает?

- Да, я привезла его. Он сейчас там с капитаном Ферзом. Дианы нет дома.

- Ты видела Ферза?

- Я вошла в дом и говорила с - ним, - вмешалась Джин. - Он совсем нормальный, если не считать того, что он запер меня.

Хилери не ответил.

- Нам пора, дядя. Мы идем к Майклу.

- До свидания. Очень признательна вам, мистер Черрел.

- Что ж, - с отсутствующим видом сказал Хилери, - будем надеяться на лучшее.

Девушки сели в машину и покатали к Вестминстеру.

- По-видимому, он ожидает самого худшего! - заметила Джин.

- Еще бы! Ведь обе возможности так ужасны!

- Благодарю!

Динни смутилась.

- Что ты! Я же не тебя имела в виду, - возразила она и про себя подумала: "Как прочно стоит Джин на избранном пути!"

Около дома Майкла в Вестминстере они наткнулись на Эдриена. Тот позвонил Хилери и узнал об изменении их маршрута. Убедившись в том, что Флер может принять девушек, он попрощался, но Динни, потрясенная выражением его лица, бросилась вслед за ним. Он шел по направлению к реке, и девушка нагнала его на углу площади:

- Вы не предпочитаете одиночество, дядя?

- Я рад тебе, Динни. Идем.

Они быстрым шагом вышли на набережную и двинулись вверх по реке. Динни взяла дядю под руку, но молчала, оставляя за ним возможность самому начать разговор.

- Знаешь, раньше я бывал в этой лечебнице, - немедленно начал он. Выяснял, как обстоят дела Ферза и хорошо ли с ним обращаются. Поделом мне, я не заглядывал туда уже несколько месяцев. У меня всегда было предчувствие. Сейчас я звонил туда по телефону. Они хотели приехать за ним, но я не позволил. Какой смысл? Они Признают, что последние две недели они был совершенно нормален. В таких случаях они обычно

выжидают месяц, прежде чем сообщить родным. Сам Ферз утверждает, что он уже три месяца как здоров.

- Что это за лечебница?

- Просторный загородный дом. Пациентов всего около десятка. У каждого своя комната и свой служитель. Полагаю, что лучшего места не найти. Но оно всегда внушало мне ужас: вокруг стена, утыканная остриями, вид у здания такой, словно в нем что-то прячут. Не знаю, Динни, я, наверно, слишком впечатлителен, но эти болезни кажутся мне особенно жуткими.

Динни прижала к себе его руку:

- Мне тоже. Как он выбрался оттуда?

- Он вел себя нормально, и они ослабили надзор. Во время завтрака он сказал, что пойдет полежать, и удрал. Вероятно, заметил, что в это время обычно является кто-то из торговцев, и пока привратник втаскивал мешки, Ферз выскользнул за дверь, добрался до станции и сел в первый попавшийся поезд. Оттуда до города всего двадцать миль. Когда его схватились, он уже был в Лондоне. Завтра еду туда.

- Бедный мой! - мягко сказала Динни.

- Да, дорогая, такова жизнь. Никогда не думал, что придется метаться между двумя кошмарами.

- У них в роду это не первый случай?

Эдриен кивнул:

- Его дед умер в припадке буйного помешательства, хотя, не будь войны, Ферз мог бы и не заболеть. Впрочем, об этом трудно судить. Подумай, Динни, какая жестокая вещь наследственное безумие! Не верю я в божественное милосердие. Во всяком случае, нам, людям, не дано ни постигнуть его, ни проявлять. Очевидно, бог - это просто всеобъемлющая созидательная сила, изначальная и бесконечная. Мы не вправе слепо полагаться на нее - вспомни о сумасшедшем доме! Нам, видите ли, страшно. А каково несчастным помешанным? Из сознательной боязни мы отдаем их во власть бессознательного ужаса. Помоги им, боже!

- Судя по вашим словам, бог не очень-то им помогает.

- Кто-то сказал, что бог - это помощь человека человеку. При любых обстоятельствах это единственная рабочая гипотеза, оправдывающая его существование.

- А что же тогда дьявол?

- Зло, которое человек причиняет человеку. Только я распространил бы это и на зверей.

- Прямо по Шелли, дядя!

- Хорошо еще, что по Шелли. Могло быть хуже. Но я вижу, что становлюсь нечестивцем, оскверняющим правоверную юность.

- Нельзя осквернить то, чего нет, мой дорогой. Вот мы и на Оуклистрит. Хочешь, я зайду? Может быть, Диане что-нибудь нужно.

- Хочу ли я? Еще бы. Я так благодарен тебе, Динни. Буду ждать тебя здесь на углу.

Не глядя по сторонам, Динни быстро подошла к дому и позвонила. Открыла все та же горничная.

- Я не буду заходить. Пожалуйста, узнайте потихоньку, как чувствует себя миссис Ферз и не надо ли ей чего-нибудь. Скажите, что я у миссис Майкл Монт и могу, если потребуется, в любой момент приехать и побыть с ней.

Пока горничная ходила наверх, Динни напряженно вслушивалась, но ни один звук не донесся до ее ушей.

- Миссис Ферз велела сердечно благодарить вас, мисс, и передать, что обязательно вызовет вас, если будет нужно. Сейчас она чувствует себя хорошо, мисс. Мы все надеемся на лучшее, но ужасно тревожимся. Она передает вам привет, мисс, и пусть мистер Черрел не беспокоится.

- Благодарю, - ответила Динни. - Передавайте привет от нас и скажите, что мы наготове.

Затем, так же быстро и не глядя по сторонам, девушка вернулась к Эдриену, рассказала все, как было, и они пошли дальше.

- Чувствовать, как ты висишь в воздухе! - воскликнул Эдриен. - Что может быть страшнее? Боже милостивый, сколько же это продлится! Впрочем, она сказала, чтобы мы не беспокоились, - прибавил он с невеселым смешком.

Стало смеркаться. В этот безотрадный час между светом и тьмою, когда расплываются все линии, улицы и мосты казались тусклыми и невзрачными. Потом стемнело, и при свете фонарей вещи вновь обрели форму, но контуры их смягчились.

- Динни, милая, - сказал Эдриен. - Я ведь спутник не из приятных. Вернемся-ка лучше обратно.

- Идем. Вы пообедаете у Майкла, дядя? Ну, пожалуйста.

Эдриен покачал головой:

- Скелету не место на пиру. Не знаю, для чего еще тянуть, как выразилась бы твоя няня.

- Она не сказала бы такого: она была шотландка. А Ферзы - шотландцы?

- По фамилии - пожалуй. Но родом они из западного Сэссекса - где-то

вблизи Меловых холмов. Старинная семья.

- Вы находите, что у всех, кто из старинной семьи, бывают странности?

- Не нахожу. Просто когда такое случается в старинной семье, это всем бросается в глаза, хотя прошло бы незамеченным, если бы случилось в любой другой. В старинных семьях родственники реже вступают в брак, чем в крестьянских.

Инстинктивно почувствовав, что эта тема может отвлечь Эдриена, Динни продолжала:

- Не кажется ли вам, дядя, что тут играет роль древность семьи?

- Что такое древность? Все семьи в определенном смысле одинаково древние. Может быть, ты имеешь в виду качества, выработанные благодаря тому, что браки многих поколений заключаются в пределах замкнутой касты? Конечно, чистокровность существует - в том смысле, в каком это слово применяют к собакам или к лошадям. Но такого же результата можно добиться и при известных благоприятных физических предпосылках - в горных долинах, вблизи от моря, всюду, где хорошие условия для жизни. От здоровой крови - здоровая кровь, это аксиома. На крайнем севере Италии я видел деревни, где нет ни одного знатного человека и тем не менее все обитатели отличаются красотой и породистым видом. Но когда дело касается продолжения рода у людей гениальных или обладающих иными свойствами, которые выдвигают их на передний план, то, боюсь, мы сталкиваемся скорее с вырождением, чем с повторением первоначального типа. Лучше всего дело обстоит в семьях, по рождению и традициям связанных с флотом или армией: крепкое здоровье, не слишком много ума. Наука же, юриспруденция и капитал больше способствуют деградации. Нет, преимущество старинных семей не в чистокровности. Оно гораздо более конкретное: определенное-воспитание, которое получают дети, подрастая, определенные традиции, определенные жизненные цели. Кроме того, больше шансов на удачный брак и, как правило, больше возможностей жить в деревне, самому выбирать свою линию поведения и придерживаться ее. То, что в людях называется чистокровностью, это скорее свойство интеллекта, чем тела. Мышление и чувства человека зависят прежде всего от традиций, привычек и воспитания. Но я, наверно, надоел тебе, дорогая?

- Нет, нет, дядя, мне страшно интересно. Значит, вы верите не столько в кровь, сколько в известное наследственное отношение к жизни?

- Да, но оба фактора тесно взаимосвязаны.

- И, по-вашему, старинным семьям приходит конец и с древностью

рода скоро перестанут считаться?

- Не знаю. Традиции - вещь удивительно стойкая, а в нашей стране достаточно механизмов, поддерживающих ее. Видишь ли, есть множество руководящих постов, которые надо кем-то занять. Наиболее подходящие для этого люди - как раз те, кто с детства приучен проводить собственную линию, не разглагольствовать о себе, а действовать, ибо так велит долг. Поэтому они и тащат на себе весь груз руководства различными областями нашей жизни. Надеюсь, и впредь будут тянуть. Но в наши дни такое привилегированное положение можно оправдать лишь одним - тащить, пока не упадешь.

- Очень многие, - заметила Динни, - сначала падают, а потом уже начинают тянуть. Ну, вот мы и вернулись к Флер. Входите же, дядя! Если Диане что-нибудь понадобится, вы будете под рукой,

- Слушаюсь, дорогая. А ведь ты поймала меня на вопросе, о котором я частенько размышляю. Змея!

XVIII

После настойчивых телефонных звонков Джин разыскала Хьюберта в "Кофейне" и узнала новости. Когда Динни и Эдриен подходили к дому, она попала им навстречу.

- Ты куда?

- Скоро вернусь, - крикнула Джин и скрылась за углом.

Она плохо знала Лондон и взяла первое попавшееся такси, которое привезло ее на Итон-сквер, к огромному мрачному особняку. Она отпустила машину и позвонила.

- Лорд Саксенден в городе?

- Да, миледи, но его нет дома.

- Когда он вернется?

- Его светлость будет к обеду, но...

- Тогда я подожду.

- Простите... миледи...

- Не миледи, - поправила Джин, вручая слуге карточку. - Но он все равно меня примет.

Слуга заколебался, Джин пристально посмотрела ему в глаза, и он выдавил:

- Прошу вас, пройдите сюда, ми..." мисс.

Джин вошла вслед за ним. Комната была небольшая и почти пустая: золоченые стулья в стиле ампир, канделябры, два мраморных столика - больше ничего.

- Как только он придет, вручите ему, пожалуйста, мою карточку.

Слуга собрался с духом:

- Его светлость будет очень стеснен временем.

- Не больше, чем я. Об этом не беспокойтесь.

И Джин уселась на раззолоченный стул. Слуга удалился. Поглядывая то на темнеющую площадь, то на мраморные с позолотой часы, девушка сидела, стройная, энергичная, подтянутая, и сплетала длинные пальцы смуглых рук, с которых сняла перчатки. Слуга вошел снова и опустил шторы.

- Может быть, мисс угодно что-нибудь передать или оставить записку? предложил он.

- Благодарю вас, нет.

Он постоял, словно раздумывая, есть ли при ней оружие.

- Мисс Тесберг? - спросил он.

- Мисс Тесбери, - поправила Джин и подняла глаза. - Лорд Саксенден меня знает.

- Понятно, мисс, - поторопился ответить слуга и ушел.

Когда девушка вновь услышала голоса в холле, стрелки часов уже доползли до семи. Дверь распахнулась, и вошел лорд Саксенден с карточкой Джин в руках и с таким выражением лица, словно всю жизнь ожидал ее визита.

- Страшно рад! - воскликнул он. - Страшно рад!

Джин подняла глаза, подумала: "Замурлыкал, сухарь!" - и подала руку.

- Вы чрезвычайно любезны, что согласились принять меня.

- Помилуйте!

- Я решила сообщить вам о своей помолвке с Хьюбертом Черрелом. Помните его сестру? Она гостила у Монтов. Слышали вы о нелепом требовании выдать его как преступника? Это настолько глупо, что не заслуживает даже обсуждения. Он выстрелил ради самозащиты. У него остался ужасный шрам. Он может показать его вам в любую минуту.

Лорд Саксенден пробурчал нечто невнятное. Глаза его словно подернулись льдом.

- Словом, я хотела просить вас прекратить эту историю. Власть у вас для этого есть, я знаю.

- Власть? Ни малейшей... Никакой.

Джин улыбнулась:

- Конечно, у вас есть власть. Это же каждый знает. Для меня это страшно важно.

- Но тогда, в Липпингхолле, вы не были помолвлены?

- Нет.

- Все это так внезапно.

- Может ли помолвка не быть внезапной?

Джин, вероятно, не поняла, как подействовало ее сообщение на человека, которому за пятьдесят и который вошел в комнату с надеждой, пусть даже неясной, что произвел впечатление на молодую девушку. Но Джин поняла, что она не та, за кого он ее принимал, и что он не тот, за кого принимала его она. Лицо пэра приняло осторожное и учтивое выражение.

"Он поупрямей, чем я думала", - решила Джин и, переменив тон, холодно сказала:

- В конце концов, капитан Черрел - кавалер ордена "За боевые заслуги" и один из вас. Англичане не оставляют друг друга в беде, не так ли? Особенно когда они учились в одной школе.

Это поразительно меткое замечание в момент, когда рушились все иллюзии, произвело должное впечатление на того, кого прозвали Бантамским петухом.

- Вот как? - удивился он. - Он тоже из Хэрроу?

- Да. И вы знаете, как ему досталось в экспедиции. Динни читала вам его дневник.

Красное лицо лорда побагровело, и он сказал с неожиданным раздражением:

- Вы, молодые девушки, видимо, полагаете, что у меня, только одна забота - вмешиваться в дела, к которым я не имею касательства. Выдачей преступников занимается юстиция.

Джин взглянула на него из-под ресниц, и несчастный пэр заерзал на стуле с таким видом, словно вознамерился втянуть голову в плечи.

- Что я могу? - проворчал он. - Меня не слушают.

- А вы попробуйте, - отрезала Джин. - Есть люди, которых всегда слушают.

Глаза лорда Саксендена чуть-чуть выкатились.

- Вы говорите, у него шрам? Где?

Джин закатала левый рукав:

- Вот отсюда и до сих пор. Он выстрелил, когда этот человек бросился на него вторично.

- Гм-м...

Не сводя глаз с руки девушки, он повторил это глубокомысленное замечание. Оба умолкли. Наконец Джин в упор спросила:

- Вы хотели бы, чтобы вас выдали, лорд Саксенден?

Он сделал нетерпеливый жест:

- Это дело официальное, юная леди.

Джин опять посмотрела на него:

- Значит, правда, что ни в каком случае ни на кого нельзя повлиять?

Пэр рассмеялся.

- Приходите позавтракать со мной в ресторан "Пьемонт" послезавтра, нет, через два дня, и я сообщу вам, удалось ли мне что-нибудь сделать.

Джин умела останавливаться вовремя: на приходских собраниях она никогда не говорила дольше, чем нужно. Она протянула лорду руку:

- Я вам так признательна. В час тридцать?

Лорд Саксенден растерянно кивнул. В этой девушке была прямота, которая импонировала тому, чье существование протекало среди государственных деятелей, блистающих ее отсутствием.

- До свидания! - сказала Джин.

- До свидания, мисс Тесбери. Желаю счастья.

- Благодарю. Это будет зависеть от вас. Не так ли?

И, прежде чем Пэр успел ответить, она уже была за дверью. Джин шла обратно, не испытывая ни малейшего смутения, мысль ее работала четко и ясно: она не привыкла полагаться на других, когда нужно устраивать собственные дела. Сегодня же вечером она должна повидать Хьюберта. Вернувшись домой, девушка прошла к телефону и вызвала "Кофейню".

- Ты, Хьюберт? Говорит Джин.

- Слушаю, дорогая.

- Приходи сюда после обеда. Нужно повидаться.

- К девяти?

- Да. Привет. Все.

И Джин повесила трубку.

Пора было идти переодеваться, но девушка немного помедлила, словно подтверждая свое сходство с тигрицей. Она и в самом деле казалась воплощением юности, крадущейся навстречу своему будущему. Гибкая, упорная, цепкая, она чувствовала себя как дома в изысканно стильной гостиной Флер и оставалась не менее чуждой ее атмосфере, чем настоящая тигрица.

Всякий обед, на котором одни сотрапезники чем-то серьезно встревожены, а другие об этом знают, вызывает у присутствующих желание свести разговор к самым общим темам. О Ферзе никто не вспомнил, и Эдриен ушел сразу же после кофе. Динни проводила его до дверей:

- Спокойной ночи, дядя, милый. Я буду спать буквально на чемодане. Такси здесь можно достать немедленно. Обещайте мне, что не будете беспокоиться.

Эдриен улыбнулся, но вид у него был измученный. Джин перехватила

Динни на пороге и выложила ей новости о Хьюберте. Первое, что почувствовала его сестра, было полное отчаяние; затем оно сразу же сменилось пылким негодованием.

- Какое беспредельное хамство!

- Да! - подтвердила Джин. - Хьюберт будет с минуты на минуту. Нам надо поговорить наедине.

- Тогда ступайте в кабинет. Я предупрежу Майкла. Ему следовало бы сделать запрос в палате. Только там сейчас каникулы, и вообще она заседает тогда, когда не надо.

Джин встретила Хьюберта в холле. Когда он поднялся вместе с ней в кабинет, вдоль стен которого в тисненых переплетах размещалась мудрость трех последних поколений, она усадила жениха в самое покойное кресло Майкла, прыгнула к нему на колени и провела несколько минут, обвив его шею руками и почти не отрываясь от его губ.

- Хватит, - сказала она, поднимаясь и раскуривая две сигареты - ему и себе. - Из этой затеи с твоей выдачей, Хьюберт, ничего не выйдет.

- Но предположим, что выйдет...

- Не выйдет. А если выйдет, тем больше у нас оснований немедленно пожениться.

- Девочка моя милая, я не могу это сделать.

- Должен. Или ты думаешь, что тебя выдадут, - это, разумеется, абсурд, - а я останусь? Нет, я поеду с тобой тем же пароходом - как жена или не жена, неважно.

Хьюберт поднял на нее глаза:

- Ты - чудо! Но...

- Знаю, знаю: твой отец, твоё рыцарство, твоё желание сделать меня несчастной ради моей же пользы и так далее! Я видела твоего дядю Хилери. Он готов нас обвенчать. А ведь он священник и человек с опытом. Теперь слушай. Я расскажу ему о новом повороте дела, и если он все-таки согласится, мы венчаемся. Завтра утром идем к нему.

- Но...

- Опять "но"? Ему-то уж ты можешь доверять. Он, по-моему, настоящий человек.

- Да, - подтвердил Хьюберт. - Второго такого нет.

- Вот и прекрасно. Значит, договорились. Теперь опять можно целоваться.

Джин снова уселась к жениху на колени, и, если бы не ее острый слух, их и застали бы в таком положении. Однако, когда Динни открыла дверь. Джин уже разглядывала висевшую на стене "Белую обезьяну", а Хьюберт

вытаскивал портсигар.

- Замечательная обезьяна! - воскликнула Джин. - Динни, мы венчаемся, несмотря на эту новую ерунду, если только ваш дядя Хилери не раздумает. Пойдешь к нему утром с нами?

Динни посмотрела на Хьюберта. Тот встал.

- Она безнадежна, - объявил он. - Я ничего не могу с ней поделать.

- И без нее - тоже. Ты только вообрази, Динни! Он думал, что я не поеду с ним, если случится самое худшее и его выдадут. Честное слово, мужчины ужасно похожи на детей.

- Я очень рада.

- Все зависит от дяди Хилери, - сказал Хьюберт. - Ты понимаешь это, Джин?

- Да. Он опытней нас в жизни. Как скажет, так и сделаем. Динни, отвернись. Я поцелую Хьюберта на прощанье, - ему пора.

Динни отвернулась.

- Ну, все, - сказала Джин.

Они спустились вниз, и вскоре после этого девушки отправились спать. Их комнаты располагались рядом и были обставлены с присущим Флер вкусом. Подруги немного поговорили, расцеловались и разошлись. Динни неторопливо стала раздеваться.

В домах, окружающих тихую площадь, светились лишь немногие окна: здесь жили преимущественно члены парламента, которые сейчас разъехались на каникулы. Ветер не колыхал темные ветви деревьев; сквозь открытое окно воздух вливался в комнату Динни, не принося с собой ночного покоя, и шум большого города не давал утихнуть звенящим впечатлениям этого долгого дня.

"Я бы не могла жить вместе с Джин", - подумала Динни, но тут же, справедливости ради, прибавила: "А Хьюберт может. Ему именно это и нужно". Девушка скорбно усмехнулась. Что еще остается делать, раз тебя выжили? Она лежала в постели, размышляя о тревоге и отчаянии Эдриена, о Диане и об этом несчастном - ее муже, жаждущем ее и отрезанном от нее, отрезанном от всех. В темноте Динни чудились его пляшущие зрачки, горящий и напряженный взгляд - глаза человека, который истосковался по семье, по покою и не находит ни того, ни другого. Девушка с головой укрылась одеялом и, чтобы успокоиться, принялась повторять про себя детскую песенку:

Упрямица Мери, глазам я не верю:

Уже расцветает твой сад.

И мак, и ромашка, и белая кашка

На клумбах, качаясь, стоят.

XIX

Если бы, проникнув в душу Хилери Черрела, викария прихода святого Августина в Лугах, вы исследовали ее тайники, скрытые под внешним обликом, словами и жестами, то оказалось бы, что он по существу не верит в полезность своей самоотверженной деятельности. Но у него в крови была потребность чему-то служить - служить так, как служат все, кто рожден руководить и возглавлять. Подобно сеттеру, который без всякой предварительной тренировки берет след, как только его выведут на прогулку, или догу, который сразу же пускается за лошадью, как только хозяин выезжает верхом, Хилери, отпрыск рода, на протяжении многих поколений руководившего различными областями социальной жизни, инстинктивно стремился изматывать себя, вечно кем-то распорядясь, что-то возглавляя, трудясь для ближних и не надеясь на то, что в своей общественной и пастырской деятельности ему удастся сделать больше, чем требует от него долг. В век, когда все поставлено под сомнение и каждого из нас непреодолимо тянет посмеяться над кастой и традициями, Хилери олицетворял старый порядок вещей, поколение, приученное владеть своей ношей не потому, что это полезно для других или выгодно для себя, а потому что отказ от этого равносителен дезертирству. Хилери никогда не приходила в голову мысль оправдывать или объяснять то служение или, вернее, рабство, на которые были обречены и он сам, и его отец дипломат, и его дядя епископ, и его братья - солдат, хранитель музея и судья (Лайонел только что получил назначение). Он полагал, что все они просто обязаны тянуть лямку. Кроме того, профессия каждого из них давала им известные преимущества, о которых он не забывал, хотя в глубине души и догадывался, что последние существуют скорее на словах, чем на деле.

На следующий день после возвращения Ферза Хилери просматривал свою обширную почту, когда около половины десятого утра Эдриен вошел в его довольно убогий кабинет. У Эдриена было немало друзей-мужчин, но лишь один Хилери до конца понимал его положение и считался с его переживаниями. Разница между братьями составляла всего два года, в детстве они крепко дружили; оба были альпинистами и еще в довоенные времена привыкли делить вдвоем трудности опасных восхождений и еще более опасных спусков; оба побывали на войне - Хилери во Франции как полковой капеллан, Эдриен, владевший арабским языком, - на Востоке как офицер связи; оба обладали совершенно разными темпераментами, что всегда способствует прочности дружеских чувств; оба не отличались склонностью к долгим душевным излияниям и поэтому немедленно

перешли к делу.

- Что нового? - спросил Хилери.

- Звонила Диана. Говорит, что все тихо. Но рано или поздно напряжение, которое он испытывает, находясь под одной крышей с Дианой, сломит его. Сейчас с него еще довольно сознания, что он свободен и вернулся домой, но больше чем на неделю этого не хватит. Я поеду, поговорю в лечебнице, но там скажут только то, что мы и сами знаем.

- Прости, старина, но полезней всего ему была бы нормальная жизнь с нею.

Лицо Эдриена дрогнуло.

- Хилери, это выше человеческих сил. В таких отношениях есть что-то невыразимо жестокое. Нельзя требовать их от женщины...

- Если только бедняга не выздоровел окончательно.

- Решать не ему, не тебе, не мне, а ей. Но такого никто не вынесет. Не забывай, через какие муки она прошла, пока он не попал в лечебницу. Его нужно как-нибудь удалить, Хилери.

- Проще ей самой поискать себе пристанище.

- Никто, кроме меня, ей его не предоставит, а это самый верный способ опять свести его с ума.

- Если ее не пугают наши условия, мы можем взять ее к себе, - сказал Хилери.

- А детей?

- Распишем куда-нибудь. Но он вряд ли выдержит, оставшись один, без всякого дела. Работать он в состоянии?

- Едва ли. Четыре таких года любого сломят. Да и кто даст ему работу? Эх, если бы убедить его переехать ко мне!

- Динни и эта другая девушка сказали, что он выглядит и разговаривает нормально.

- В известной мере - да. Может быть, в лечебнице что-нибудь посоветуют.

Хилери взял брата за руку:

- Это ужасно для тебя, старина. Но десять против одного - все кончится не так скверно, как мы предполагаем. Я поговорю с Мэй, а ты поезжай в лечебницу. Если сочтешь, что Диане стоит перебраться к нам, предложи ей.

Эдриен прижал к себе руку Хилери:

- Я пошел, а то опоздаю на поезд.

Оставшись один, Хилери нахмурился. На своем веку он столько раз убеждался в неисповедимости путей провидения, что в своих проповедях

давно перестал называть их благими. С другой стороны, он видел множество невзгод и столько же людей, побежденных невзгодами, но тем не менее живших совсем неплохо. Поэтому он был убежден, что человек склонен преувеличивать свои горести и что все потерянное обычно так или иначе наверстывается. Главное - держаться и не падать духом.

В эту минуту к нему постучалась вторая посетительница - девушка Миллисент Пол, которая потеряла работу у Петтера и Поплина, несмотря на то что была оправдана: утрата доброго имени не восполняется официальным признанием невиновности.

Она явилась к назначенному часу в опрятном синем платье и, видимо, без гроша в кармане и теперь ожидала, когда ей начнут читать мораль.

- Ну, Милли, как сестра?

- Вчера уехала, мистер Черрел.

- А ей уже можно было ехать?

- Едва ли, но она сказала, что если не поедет, то, наверное, тоже потеряет работу.

- Не понимаю - почему?

- Она сказала, что если еще задержится, то хозяева подумают, что она тоже замешана в том деле.

- Так. А как же с тобой? Поедешь в деревню?

- Ой, нет.

Хилери взглянул на нее. Хорошенькая девушка: стройные фигурка и ножки, беспечный рот. Она смотрела на него открыто, без тени смущения, словно собиралась вступить в законный брак.

- Есть у тебя друг, Милли?

Девушка улыбнулась:

- Не очень надежный, сэр.

- Не хочет жениться?

- Насколько я понимаю, нет.

- А ты?

- Мне не к спеху.

- Есть у тебя какие-нибудь планы?

- Я бы хотела... в общем, я бы хотела быть манекенщицей.

- Я думаю! У Петтера тебе дали рекомендацию?

- Да, сэр" Они сказали, что им жалко меня увольнять, но раз уж про это столько писали в газетах, то для других девушек...

- Понятно. Так вот, Милли, ты сама виновата, что попала в эту историю. Я заступился за тебя, потому что тебе пришлось туго, но я не слепой. Обещай мне, что такое, не повторится. Ведь это первый шаг к

гибели.

Девушка ответила именно так, как предполагал священник, - молчанием.

- Сейчас я сведу тебя к жене. Посоветуйся с ней. Если не найдешь себе работу вроде прежней, мы тебя определим куда-нибудь подучиться и устроим официанткой. Подойдет это тебе?

- Я бы с удовольствием...

Она бросила на него взгляд - полузастенчивый, полуулыбающийся, и Хилери пришло в голову: "Девушек с таким лицом должно обеспечить государство. Иного пути уберечь их нет".

- По рукам, Милли, и запомни, что я сказал. Твои родители были моими друзьями, и ты будешь достойна их.

- Да, мистер Черрел.

"Как бы не так! - подумал Хилери и проводил девушку через прихожую в столовую, где его жена работала за пишущей машинкой. Вернувшись в кабинет, он выдвинул ящик письменного стола, достал пачку счетов и приготовился к схватке с ними: он не мог избежать ее, потому что на земле были места, где казначейским билетам придавалось большее значение, чем в этом сердце трущоб христианского мира, чья религия презирает деньги.

"Полевые лилии не трудятся, не прядут, но все равно попрошайничают. Хилери усмехнулся. - Где" черт побери, добыть столько, чтобы комитет дотянул до конца года?" Проблема еще не была разрешена, как горничная уже доложила:

- Капитан и мисс Черрел и мисс Тесбери.

"Ну и ну! - удивился про себя Хилери. - Они не теряют времени".

Он не видел племянника с тех пор, как тот возвратился из экспедиции Халдорсена, и угрюмый вид постаревшего Хьюберта потряс его.

- Поздравляю, старица! - воскликнул он. - Я кое-что слышал вчера о твоих намерениях.

- Дядя, - объявила Динни, - приготовьтесь к роли Соломона.

- Репутация Соломона как мудреца - это, возможно, самая сомнительная вещь в истории, моя непочтительная племянница. Прими во внимание число его жен. Итак?

- Дядя Хилери, - сказал Хьюберт, - мне стало известно, что может последовать приказ о выдаче меня как преступника. Я ведь застрелил погонщика мулов. Джин хочет немедленно венчаться несмотря на это...

- Нет, из-за этого, - вставила Джин.

- Я же считаю, что в сущности поступаю очень рискованно и нечестно

по отношению к ней. Мы решили все изложить вам и сделать так, как вы найдете нужным.

- Весьма признателен, - буркнул Хилери. - Почему именно я?

- Потому что вы помогаете попасть в рай людям, ожидающим его, чаще, чем кто-либо другой, за исключением полицейского судьи, - ответила Динни.

Хилери скорчил гримасу:

- Ты так хорошо знаешь священное писание, Динни, что могла бы вспомнить об игольном ушке и верблюде. Однако...

Он посмотрел на Джин, потом на Хьюберта и опять на Джин.

- Нам нельзя ждать, - отрезала Джин. - Если его возьмут, я все равно поеду за ним.

- Серьезно?

- Разумеется.

- Можешь ты помешать этому, Хьюберт?

- Думаю, что нет.

- Значит, любовь с первого взгляда, молодые люди?

Ни Хьюберт, ни Джин не ответили, но Динни подтвердила:

- Вот именно. Я заметила это с крокетной площадки в Липпингхолле.

Хилери кивнул:

- Что ж, это не так уж плохо. Со мной получилось то же самое, и я об этом никогда не сожалел. Тебя действительно могут выдать как преступника, Хьюберт?

- Нет, - сказала Джин.

- Хьюберт?

- Не уверен. Вы знаете, у меня остался шрам. Отец встревожен, но многие люди делают все, что в их силах.

И молодой человек закатал рукав.

Хилери кивнул:

- Твое счастье.

Хьюберт усмехнулся:

- Тогда и в том климате это, поверьте, не было счастьем.

- Достали вы разрешение?

- Еще нет.

- В таком случае доставайте. Я окручу вас.

- Seriously?

- Да. Может быть, я и не прав, но вряд ли.

- Вы правы! - Джин пожала ему руку. - Устроит вас завтра в два часа, мистер Черрел?

- Дайте сообразить.

Хилери полистал записную книжку и кивнул.

- Великолепно! - вскричала Джин. - Хьюберт, едем за разрешением.

- Я страшно признателен вам, дядя, если только вы действительно считаете, что это не подло с моей стороны.

- Мой дорогой мальчик, - ответил Хилери, - когда имеешь дело с такой девушкой, как Джин, надо быть готовым к скоропалительным решениям. Au revoir, и да благословит вас обоих господь!

Когда они вышли, он повернулся к племяннице:

- Я очень тронут, Динни. Комплимент был очаровательный. Кто его придумал?

- Джин.

- Значит, она либо очень хорошо, либо очень плохо разбирается в людях. Как - не могу сказать. Быстро сработано: вы явились в десять пять, сейчас - десять четырнадцать. Не помню, приходилось ли мне распорядиться двумя жизнями за более короткий срок. У Тесбери с наследственностью в порядке?

- Да, только все они чуточку слишком стремительные.

- В общем, я таких люблю, - одобрил Хилери. - Мужественный человек обычно все делает с налета.

- Как в Зеебрюгге.

- Ах, да, да! Там ведь есть брат моряк, не правда ли?

Ресницы Динни затрепетали.

- Он еще не пришвартовался к тебе?

- Пытался несколько раз.

- И что же?

- Я не из стремительных, дядя.

- Значит, лучше тяжеловоз, чем рысак?

- Да, лучше.

Хилери с нежностью улыбнулся любимой племяннице:

- Синие глаза - верные глаза. Я еще обвенчаю тебя, Динни. А теперь извини - мне нужно повидать одного человека. Бедняга нарвался на неприятности с покупкой в рассрочку. Впутался в одно дело, а выпутаться не может и плавает в нем, как собака в пруду с крутыми берегами. Между прочим, девушка, которую ты на днях видела в суде, сейчас сидит в столовой с твоей теткой. Хочешь еще раз взглянуть на нее? Боюсь, что она - неразрешимая загадка. В переводе это означает - представительница рода человеческого. Попробуй раскуси ее.

- Я-то не прочь, да она не даст.

- Не уверен. Вы обе - девушки, и ты могла бы из нее кое-что вытянуть. Я не удивлюсь, если это будет по преимуществу дурное. Конечно, то, что я сказал, цинично, - прибавил он. - Но цинизм облегчает душу.

- Без него нельзя, дядя.

- Он - то преимущество, которое католики имеют перед нами. Ну, до свидания, дорогая. Увидимся завтра в церкви.

Спрятав свои счета, Хилери проводил девушку в прихожую, открыл дверь столовой, объявил: "Дорогая, у нас Динни!" - и вышел из дому с непокрытой головой.

XX

Девушки вышли из дома священника вместе и направились к Саутсквер, где собирались попросить у Флер еще одну рекомендацию.

- Знаете, - сказала Динни, преодолевая застенчивость, - на вашем месте я просто потребовала бы ее у кого-нибудь из начальства по работе. Не понимаю, за что у вас отняли место.

Девушка искоса посмотрела на нее, словно взвешивая, стоит ли сказать ей правду.

- Насчет меня пошли разговоры, - выдавила она наконец.

- Да, я случайно попала в суд в тот день, когда вас оправдали. Помоему, безобразия, что вас притащили туда.

- Я вправду заговорила с мужчиной, - неожиданно призналась девушка. Мистеру Черрелу я не сказала, но так оно и было. Мне тогда совсем уж стало тошно от безденежья. Вы считаете, что это нехорошо с моей стороны?

- Видите ли, я лично не заговорила бы из-за одних денег.

- Да ведь вы в них никогда не нуждались по-настоящему.

- Вероятно, вы правы, хотя их у меня совсем не много.

- Лучше уж так, чем воровать, - угрюмо бросила девушка. - Что тут такого, в конце-то концов? Это сразу забывается, - я, во всяком случае, так думала. Ведь про мужчину за это никто плохого не говорит, и ничего ему не бывает. А вы не расскажете миссис Монт о том, что я вам сказала?

- Разумеется, нет. Вам было очень трудно, да?

- Жутко. Мы с сестрой еле-еле сводим концы с концами, если обе работаем. Она проболела пять недель, а тут я еще потеряла кошелек. Там было целых тридцать шиллингов. Ей-богу, я не виновата.

- Да, вам не повезло.

- Чертовски! Будь я на самом деле такая, думаете, они замели бы меня? Все получилось потому, что я еще зеленая. Держу пари, девушкам из общества не приходится этим заниматься, когда их поджимает.

- Ну, наверно, и там бывают девушки, которые не побрезгуют любым путем увеличить свои доходы. Но все равно я считаю, что это можно сделать только по любви. Впрочем, у меня, наверно, старомодные взгляды.

Девушка снова окинула ее долгим и на этот раз чуть ли не восхищенным взглядом:

- Вы - леди, мисс. Скажу честно, я и сама не прочь быть леди, да ведь кем родился, тем и помрешь.

Динни поморщилась:

- А, далось вам это слово! Самые подлинные леди, каких я знавала, это старые фермерши.

- Правда?

- Да. Я считаю, что некоторые лондонские продавщицы не уступают любой леди.

- Знаете, между ними попадаются ужасно симпатичные девушки. Например, моя сестра. Она куда лучше меня. Никогда бы на такое не пошла. Ваш дядя мне кое-что растолковал, только я не могу на себя положиться. Не люблю отказываться от удовольствий. Да и зачем?

- Весь вопрос в одном: что такое удовольствие. Случайный мужчина это не удовольствие. Скорее наоборот.

Девушка кивнула:

- Это верно. Но когда некуда деваться, пойдешь и на такое, на что не согласишься в другое время. Можете мне поверить.

Настала очередь Динни кивнуть.

- Мой дядя - славный человек, правда?

- Настоящий джентльмен - никому не навязывает свою религию и всегда готов сунуть руку в кошелек, если там что-нибудь есть.

- Думаю, что это случается не часто, - вставила Динни. - Наша семья довольно бедна.

- Не деньги делают джентльмена.

Динни выслушала это замечание без особого восторга: ей уже приходилось его слышать.

- Давайте-ка сядем в автобус, - сказала она.

День был солнечный, и девушки поднялись на крышу.

- Нравится вам новая Риджент-стрит? - спросила Динни.

- О да! По-моему, замечательная улица.

- А разве старая вам не больше нравилась?

- Нет. Она была унылая и желтая - вся на один манер.

- Зато непохожая на другие улицы. Однообразие подходило к ее кривизне.

Девушка, видимо, сообразила, что речь коснулась вопросов вкуса. Она заколебалась, затем упрямо сказала:

- По-моему, она теперь гораздо светлее. Больше движения, все не так казенно.

- Вот как!

- Люблю ездить на крыше автобуса, - продолжала девушка. - Отсюда больше видно. Жизнь-то идет. Верно?

Эти слова, произнесенные Милли с характерным акцентом лондонских предместий, обрушились на Динни словно удар грома. Разве ее собственная жизнь не была размечена заранее? Какой риск, какие приключения ей суждены? Люди, чья судьба зависит от их работы, живут куда интереснее. Ее же работа до сих пор состояла в отсутствии всякой работы. И, подумав о Джин, Динни сказала:

- Боюсь, что я веду очень монотонную жизнь. Мне кажется, я вечно чего-то ожидаю.

Девушка опять украдкой взглянула на нее:

- Вам-то уж, наверно, скучать не приходится. Такая хорошенькая!

- Хорошенькая? У меня нос вздернутый.

- Пустяки. Зато в вас есть стиль, а это - все. Я всегда считала, что красота - это полдела. Главное - стиль.

- Я бы предпочла красоту.

- Ой, нет. Красивым всякий может быть.

- Но не всякий бывает.

И, взглянув на девушку в профиль, Динни прибавила:

- Вот вам повезло.

Девушка помолчала.

- Я сказала мистеру Черрелу, что хотела бы стать манекенщицей, но он, по-моему, не очень это одобряет.

- Признаюсь откровенно, это самая худшая из всех бесполезных профессий. Переодеваться перед кучей раздраженных женщин! Фу!

- Кому-то же нужно этим заниматься, - с вызовом возразила ее собеседница. - Я сама люблю одеться. Без знакомств такое место не получишь. Может быть, миссис Монт похлопочет за меня? Господи, какая манекенщица вышла бы из вас, мисс! Вы такая тоненькая и стильная!

Динни рассмеялась. Автобус остановился на углу Уайтхолла и Вестминстер-стрит.

- Нам выходить. Вы бывали в Вестминстерском аббатстве?

- Нет.

- Не зайти ли нам туда, пока его не снесли и не настроили здесь жилых

домов или кино?

- А что, уже собираются?

- К счастью, покамест об этом думают только про себя. Сейчас даже идут разговоры о реставрации.

- Шикарное место! - воскликнула девушка, но у стен аббатства на нее низошло молчание, и она не нарушила его, даже когда они вошли. Динни наблюдала за Миллисент: задрала голову, та созерцала памятники Четему и его соседу.

- Кто этот голый старикан с бородой?

- Нептун. Это символ. Знаете: "Правь, Британия, морями".

- Ну и ну!

Они шли все дальше, пока пропорции древнего храма не предстали им во всем величии.

- Бог ты мой, до чего же здесь много всякой всячины!

- Да, это настоящая лавка древностей. Здесь собрана вся история Англии.

- Только ужасно темно. И столбы такие грязные, верно?

- Заглянем в Уголок поэтов? - предложила Динни.

- А что это такое?

- Место, где хоронят великих писателей.

- За то, что они писали стихи? - удивилась девушка. - Умора!

Динни промолчала. Она не находила это таким уж уморительным - коекакие стихи были ей знакомы. Исследовав ряд надгробий, надписи на которых представляли для Динни лишь весьма относительный интерес, а для ее спутницы и вовсе никакого, они медленно прошли по приделу туда, где две красные ветви обвивают черную с золотом надпись: "Неизвестному Солдату".

- Интересно, видит он все это оттуда или нет? - любопытствовала девушка. - По-моему, ему все равно. Никто не знает, как его звали, так что он от этого ничего не имеет.

- Да. Зато мы имеем, - возразила Динни, ощутив в горле то щекотание, которое испытывает каждый у могилы Неизвестного Солдата.

Когда они вновь очутились на улице, девушка внезапно спросила:

- Вы верующая, мисс?

- В известной мере, - с сомнением в голосе ответила Динни.

- Меня не обучали катехизису. Отец с мамой любили мистера Черрела, но считали веру предрассудком. Знаете, мой папа был социалист. Он говорил, что религия - часть капиталистической системы. Конечно, люди нашего класса в церковь не ходят. Во-первых, времени нет. Потом, в церкви

надо уж очень тихо сидеть, а я больше люблю двигаться. И еще: почему, если бог существует, его называют Он? Меня это возмущает. Мне кажется, с девушками потому так и обращаются, что бога называют Он. После этой истории я много думала над тем, что рассказывал нам в участке проповедник. Один Он ничего сотворить не может. Для этого требуется еще Она.

Динни встрепенулась:

- Вам следовало бы поделиться этим соображением с моим дядей. Интересная мысль!

- Говорят, теперь женщины равны мужчинам, - продолжала девушка, - но, знаете, это же неправда. У меня на работе все девушки без исключения боялись хозяина. У кого деньги, у того и сила. Все чиновники, и судьи, и священники - мужчины. Генералы - тоже. Кнут у них в руках, и все-таки без нас им ничего не сделать. Будь я одна женщина на земле, я бы им показала.

Динни хранила молчание. Личный опыт девушки слишком горек, это бесспорно, и все-таки в ее словах есть правда. Создатель двупол. В противном случае процесс творения сразу же прервался бы. В этом причина изначального равенства, над которым Динни прежде не задумывалась. Будь эта девушка такой же, как она сама, Динни сумела бы ей, ответить, а так приходится сдерживаться. И, немного сожалея о своем снобизме, Динни вернулась к своему обычному ироническому тону:

- Экая бунтовщица!

- Конечно, бунтовщица, - согласилась девушка. - После такого любая взбунтуется.

- Ну, вот мы и у миссис Монт. Мне надо по делам, поэтому я вас оставляю. Надеюсь, еще встретимся.

Динни протянула руку, девушка пожала ее и сказала просто:

- Мне было очень приятно.

- И мне. Желаю успеха!

Оставив Миллисент в холле, Динни отправилась на Оукли-стрит в том настроении, какое бывает у человека, когда ему не удастся зайти так далеко, как хотелось. Она соприкоснулась с тем, что отмечено на карте белым пятном, и в испуге отпрянула. Ее мысли и чувства напоминали щебет весенних птиц, еще не сложивших свои песни. Эта девушка пробудила в Динни странное желание вступить в схватку с жизнью, но не дала ей ни малейшего представления о том, как это делается. Влюбиться, что ли? И то было бы легче! Приятно, наверно, понимать друг друга с полуслова. У Джин и Хьюберта это получилось сразу же. Халлорсен и Ален Тесбери тоже уверяли ее, что это возможно. Жизнь представала перед

Динни, словно какой-то призрачный театр теней. В полной растерянности девушка облокотилась на парапет набережной и устремила взгляд на бегущую реку. Где выход? Религия? В какой-то мере. Но в какой? Ей вспомнилась фраза из дневника

Хьюберта: "Тому, кто верит в рай, легче, чем таким, как я. Ему вроде как обещана пенсия". Неужели религия - это вера в расчете на награду? Если так, она цинична. Нет, это вера в добро ради добра, ибо оно прекрасно, как красивый цветок, звездная ночь, ласковая мелодия! Дядя Хилери выполняет тяжелую работу лишь ради того, чтобы делать ее хорошо. Религиозен ли он? Надо будет об этом спросить.

Рядом с Динни кто-то воскликнул:

- Динни!

Она круто повернулась и увидела Алена Тесбери. Он широко улыбался.

- Я искал Джин и вас. Поехал на Оукли-стрит, там сказали, что вы у Монтов. Я как раз направлялся туда и вот вижу вас. Какая удача!

- Я раздумывала, религиозна я или нет, - сказала Динни.

- Вот совпадение! Я думал о том же.

- Кого вы имеете в виду - себя или меня?

- Откровенно говоря, я смотрю на нас, как на одно целое.

- В самом деле? Ну и как, оно религиозно?

- С оговорами.

- Слышали, какие новости на Оукли-стрит?

- Нет.

- Капитан Ферз вернулся.

- Вот несчастье!

- Все того же мнения. Видели вы Диану?

- Нет, только горничную. Она как будто была чем-то взволнована. А этот бедняга все еще не в своем уме?

- Нет, он здоров. Но это ужасно для Дианы.

- Надо ее убрать оттуда,

- Я поселюсь у нее, если она позволит, - внезапно объявила Динни.

- Мне эта идея не нравится.

- Допускаю. Но я все равно так сделаю.

- Зачем? Вы не настолько уж близки с ней.

- Мне надоело отлынивать от своих обязанностей.

Молодой человек вытаращил глаза:

- Ничего не понимаю.

- Жизнь вдали от опасностей - ложный путь. Хочу все брать с бою.

- Тогда выходите за меня.
- Право, Ален, я в жизни не видела человека с меньшим количеством мыслей в голове.
- Лучше меньше, да лучше.
Динни направилась вверх по набережной:
- Мне на Оукли-стрит.
Они шли молча. Наконец молодой Тесбери участливо спросил:
- Что вас гложет, дорогая?
- Моя собственная натура: ей все мало тех хлопот, которые она мне причиняет.
- Я мог бы доставить их вам в любом количестве.
- Я говорю серьезно, Ален.
- Это хорошо. Пока вы не станете серьезной, вы не выйдете за меня. Зачем вы себя грызете?
Динни пожала плечами:
- У меня, видимо, все получается прямо по Лонгфелло: "Жизнь реальна, жизнь серьезна". Разве вы не понимаете, как бессодержательна жизнь дочери землевладельца в деревне?
- Я, пожалуй, лучше не скажу вам того, что хотел сказать.
- Нет, скажите.
- Это легко поправить: станьте матерью в городе.
- На этом месте полагается краснеть, - вздохнула Динни. - Я не люблю все превращать в шутку, но, кажется, превращаю.
Молодой Тесбери взял ее под руку:
- Вы будете первой, кто превратит в шутку жизнь жены моряка.
Динни улыбнулась:
- Я выйду замуж только тогда, когда мне этого очень сильно захочется. Я себя достаточно хорошо знаю.
- Ладно, Динни. Не буду надоедать вам.
Они опять замолчали. На углу Оукли-стрит Динни остановилась:
- Дальше не провожайте, Ален.
- Я заверну к Монтам вечером и узнаю, как вы. Помните: что бы вам ни потребовалось... насчет Ферза, вам стоит только позвонить мне в клуб. Вот номер.
Он записал его на карточке и протянул ее девушке.
- Будете завтра на свадьбе Джин?
- Еще бы! Ведь это я ее выдаю. Я только хочу...
- До свидания, - простилась Динни.

У дверей дома Ферзов девушка остановилась. Она спокойно рассталась с молодым человеком, но нервы у нее были натянуты, как струны скрипки. Ей никогда не приходилось сталкиваться с душевнобольными, и мысль о предстоящей встрече тем сильнее пугала ее. Открыла все та же пожилая горничная. Миссис Ферз с капитаном Ферзом. Не пройдет ли мисс Черрел в гостиную? Динни немного подождала в той комнате, где была заперта Джин. Вошла Шейла, спросила: "Хэлло! Вы ждете ма-а-моч-ку?" - и снова вышла. Когда появилась Диана, на лице Динни было такое выражение, словно она снимала допрос со своих собственных чувств.

- Простите, дорогая, мы просматривали газеты. Я изо всех сил стараюсь обращаться с ним так, словно ничего не было.

Динни подошла к Диане и погладила ее по руке.

- Но так нельзя без конца, Динни, нельзя. Я знаю, что нельзя.

- Позвольте мне остаться у вас. Скажете ему, что мы давно условились.

- Но ведь вам, может быть, придется трудно, Динни! Не знаю прямо, что с ним делать. Он боится выходить, встречаться с людьми, даже слышать не хочет о том, чтобы уехать туда, где его никто не знает, не хочет показаться врачу, не хочет ничего слушать, не желает никого видеть.

- Он будет видеть меня. Это приручит его. Думаю, что трудно будет лишь первые дни. Ехать мне за вещами?

- Если вы решили быть ангелом, поезжайте.

- Раньше чем вернуться сюда, я созвонюсь с дядей Эдриеном. Он с утра поехал в лечебницу.

Диана отошла к окну и смотрела в него, стоя к Динни спиной. Вдруг она обернулась:

- Я решилась, Динни. Я ни за что не дам ему пойти на дно! Если я хоть как-нибудь могу помочь ему выкарабкаться, я это сделаю.

- Благослови вас бог! Располагайте мною, - сказала Динни и, не полагаясь больше ни на выдержку Дианы, ни на свою, торопливо вышла и спустилась по лестнице. Проходя под окнами столовой, она вновь увидела лицо с горящими глазами, которые наблюдали за ее уходом. Всю обратную дорогу до Саут-сквер чувство трагической несправедливости не покидало Динни.

За завтраком Флер сказала:

- Нет смысла мучить себя раньше времени, Динни. Конечно, счастье, что Эдриен - сущий святой. Но все это прекрасный пример того, как мало закон влияет на нашу жизнь. Предположим, Диана получила бы свободу. Разве это помешало бы Ферзу вернуться прямо к ней? Или изменило бы ее

отношение к нему? Закон не властен там, где речь идет о чисто человеческой стороне дела. Диана любит Эдриена?

- Не думаю.

- Вы уверены?

- Нет. Мне трудно разобраться даже в том, что я сама чувствую.

- Кстати, вспомнила. Звонил ваш американец. Он хочет зайти.

- Пусть заходит. Но я буду на Оукли-стрит.

Флер бросила на нее пронизательный взгляд:

- Значит, ставить на моряка?

- Нет. Ставьте на старую деву.

- Дорогая, это ерунда.

- Не вижу, что мы выигрываем, вступая в брак.

Флер ответила с беглой жесткой улыбкой:

- Мы не можем стоять на месте, Динни. Во всяком случае не стоим.

Это было бы слишком скучно.

- Вы - современная женщина. Флер. Я - средневековая.

- Ну, лицом вы действительно напоминаете ранних итальянцев. Но и ранние итальянцы не бежали от жизни. Не обольщайтесь, - рано или поздно вы наскучите сами себе, а тогда...

Динни смотрела на Флер, изумленная этой вспышкой пронизательности в ее лишенной всяких иллюзий родственнице.

- Что же выиграли вы. Флер?

- По крайней мере стала полноценной женщиной, - сухо ответила та.

- Вы имеете в виду детей?

- Ими можно обзавестись и не выходя замуж. Так считают многие, хотя я этому не очень верю. Для вас, Динни, это просто невыносимо. Над вами тяготеет родовой комплекс: у всех подлинно старинных семей наследственная тяга к законности. Без этого они бы не были подлинно старинными.

Динни наморщила лоб:

- Я, правда, об этом не думала, но ни за что не хотела бы иметь незаконного ребенка. Кстати, вы дали той девушке рекомендацию?

- Да. Не вижу никаких оснований, почему бы ей не стать манекенщицей. Она достаточно худа. Фигурки под мальчика будут в моде еще по крайней мере год. Затем, - запомните мои слова, - юбки удлинятся, и все снова начнут сходиться с ума по пышным формам.

- Вы не находите, что это несколько унижительно?

- Что именно?

- Бегать по магазинам, менять фасон платья, прическу и все такое.

- Зато полезно для торговли. Мы отдаем себя в руки мужчин для того, чтобы они попадали в наши руки. Философия обольщения.

- Если эта девушка получит место манекенщицы, у нее будет меньше шансов остаться честной, правда?

- Наоборот, больше. Она даже сможет выйти замуж. Впрочем, я не утруждаю себя заботой о нравственности ближних. Вам в Кондафорде, наверно, приходится думать о таких вещах, - вы ведь осели там с самого норманнского завоевания. Между прочим, ваш отец помнит о налоге на наследство? Он принял меры?

- Он еще не стар. Флер.

- Да, но все люди смертны. Есть у него что-нибудь, кроме поместья?

- Только пенсия.

- Много у вас леса?

- Я не допускаю даже мысли о вырубке. Уничтожить за полчаса то, что двести лет росло и набиралось сил! Это отвратительно.

- Дорогая, в таких случаях остается одно: продать и удалиться.

- Как-нибудь справимся, - отрезала Динни. - Кондафорд мы не отдадим.

- Не забывайте про Джин.

Динни выпрямилась:

- И она не отдаст. Тесбери - такой же древний род, как и мы.

- Допустим. Но Джин удивительно многосторонняя и энергичная особа. Она не согласится прозябать.

- Жить в Кондафорде не значит прозябать.

- Не горячитесь, Динни. Я думаю только о вашей пользе. Если вас выставят, я обрадуюсь не больше, чем если Кит лишится Липпингхолла. Майкл решительно ненормальный. Он заявляет, что если уж он - один из столпов страны, то ему жаль ее. Какая глупость! Никто, кроме меня, никогда не узнает, какое он чистое золото! - прибавила Флер с неожиданно глубоким чувством; потом, видимо перехватив удивленный взгляд Динни, спросила: Значит, я могу отшить американца?

- Можете. Три тысячи миль между мной и Кондафордом!.. Не выйдет, мэм.

- По-моему, вам следовало бы сжалиться над беднягой. Он ведь поведал мне, что вы, как он выражается, его идеал.

- Опять это слово? - воскликнула Динни.

- Да, термин неудачный. Но он прибавил, что сходит с ума по вас.

- Велика важность!

- В устах человека, который едет на край света разыскивать истоки

цивилизации, это, вероятно, все-таки важно. Большинство из нас согласилось бы поехать на край света, только бы их не разыскивать.

- В тот день, когда прекратится история с Хьюбертом, я порву с Халлорсеном, - объявила Динни.

- Думаю, что для этого вам придется надеть фату. Вы будете прелестны в ней, когда под немецкую музыку выйдете с вашим моряком из деревенской церкви, как в добрые феодальные времена.

- Я ни за кого не собираюсь замуж.

- Это будет видно. Пока что не позвонить ли нам Эдриену?

У Эдриена ответили, что его ожидают к четверем. Динни попросила передать, чтобы он зашел на Саут-сквер, и отправилась собирать свои вещи. В половине четвертого она спустилась вниз и увидела на вешалке шляпу, поля которой напомнили ей нечто знакомое. Она, крадучись, повернула назад к лестнице, как вдруг услышала:

- Вот замечательно! Я так боялся, что не застану вас.

Динни подала Халлорсену руку, и они вместе вошли в гостиную Флер, где на фоне мебели времен Людовика XV он показался ей до нелепости мужественным.

- Я хотел сообщить вам, мисс Черрел, что предпринято мною в отношении вашего брата. Я условился с нашим консулом в Ла Пас. Он разыщет Мануэля и передаст по телеграфу его показания под присягой о том, что на капитана бросились с ножом. Для разумных людей этого достаточно, чтобы оправдать вашего брата. Я пресеку эту идиотскую историю, хотя бы мне самому пришлось поехать в Боливию.

- Я вам так благодарна, профессор.

- Пустое! Теперь я готов сделать для вашего брата все что угодно. Я полюбил его, как родного.

Эти зловещие слова были произнесены так просто, с такой душевной широтой и щедростью, что Динни почувствовала себя маленькой и жалкой.

- Вы нехорошо выглядите, - неожиданно объявил американец. - Если что-нибудь случилось, скажите мне, и я все улажу.

Динни рассказала ему о возвращении Ферза.

- Такая красивая леди! Скверное дело! Впрочем, может быть, она любит его и ей потом станет, наоборот, легче.

- Я буду жить у нее.

- Вы молодчина! Капитан Ферз опасен?

- Пока неизвестно.

Халлорсен сунул руку в задний карман и вытащил миниатюрный пистолет:

- Положите в сумочку. Меньшего калибра не бывает. Я купил его на то время, пока я здесь, убедившись, что в вашей стране люди ходят без ружей.

Динни рассмеялась.

- Благодарю вас, профессор, но он обязательно выстрелит там, где не нужно. И потом, если бы мне даже угрожала опасность, воспользоваться им было бы нечестно.

- Вы правы. Мне это не пришло в голову, а вы правы. Человек, пораженный таким недугом, заслуживает бережного обращения. Но мне очень неприятно знать, что вы можете подвергнуться опасности.

Вспомнив наставления Флер, Динни отважно спросила:

- Почему?

- Потому что вы мне дороги.

- Страшно мило с вашей стороны. Но вам не следует забывать, что я не товар на брачном рынке.

- Каждая женщина - такой товар, пока не вышла замуж.

- Кое-кто полагает, что лишь тогда она им и становится.

- Видите ли, мне лично адюльтер не нужен, - серьезно сказал Халлорсен. - И в вопросах пола, и во всем остальном я люблю, чтобы сделка была честной.

- Надеюсь, что вам удастся заключить ее.

Он выпрямился:

- Я хочу заключить ее с вами. Имею честь просить вас стать миссис Халлорсен, и, пожалуйста, не говорите сразу "нет".

- Я должна это сказать, раз вы хотите честной сделки, профессор.

Она увидела, как боль затуманила голубые глаза американца, и ощутила жалость. Он приблизился и показался ей таким огромным, что девушка вздрогнула.

- Дело в моей национальности?

- Не знаю, в чем.

- Или в неприязни, которую вы питали ко мне из-за брата?

- Не знаю.

- Могу я надеяться?

- Нет. Я польщена и признательна вам, но - нет.

- Простите, здесь замешан другой мужчина?

Динни покачала головой.

- Я думаю, что слишком мало сделал для вас, - сказал он. - Я должен вас заслужить.

- Я недостойна служения. Просто у меня нет к вам чувства.

- У меня чистые руки и чистое сердце.

- Я уверена в этом. Я восхищаюсь вами, профессор, но никогда не люблю вас.

Словно не полагаясь на себя, Халлорсен отошел на прежнее расстояние и отдал ей глубокий поклон. Он был действительно великолепен - статный, исполненный простоты и достоинства. Наступило молчание. Затем он сказал:

- Что ж, слезами горю не поможешь. Располагайте мной, как вам заблагорассудится. Я ваш самый покорный слуга.

Он повернулся и вышел.

Когда Динни услышала, как хлопнула входная дверь, ей что-то сдавило горло. Она испытывала боль из-за того, что сделала ему больно, и в то же время ощущала то облегчение, которое чувствует человек, когда ему перестает угрожать что-нибудь огромное, простое, первобытное - море, гроза, бык. Она стояла перед одним из зеркал Флер и презирала себя, словно в первый раз обнаружила, что у нее чересчур утонченные нервы. Как мог этот большой, красивый, здоровый мужчина полюбить ее, чье отражение в зеркале казалось таким изысканным и тоненьким? Он же переломит ее одной рукой. Не поэтому ли она так испугалась? О, эти широкие бескрайние просторы, частицей которых представлялись ей его рост, сила, здоровье, раскаты голоса! Смешно, пожалуй, даже глупо, но она по-настоящему испугалась! Нет, она будет с теми, кому принадлежит, - не с этими просторами, не с ним. Сопоставлять такие вещи просто комично.

Динни с кривой улыбкой все еще стояла перед зеркалом, когда вошел Эдриен. Она круто повернулась. Осунувшийся, измученный и морщинистый, худой, добрый и встревоженный! Трудно было придумать контраст более очевидный и более успокоительный для ее натянутых нервов. Поцеловав дядю, Динни сказала:

- Мне очень хотелось видеть вас до переезда к Диане.

- Ты переезжаешь к Диане?

- Да. Я не верю, что вы завтракали, пили чай и вообще что-нибудь ели.

Динни позвонила.

- Кокер, мистер Эдриен выпьет...

- Бренди с содовой, Кокер. Благодарю вас.

- Ну что, дядя? - спросила она, когда Эдриен осушил стакан.

- Боюсь, ничего существенного мне там не сказали. По их мнению, Ферз должен вернуться в лечебницу. Но зачем ему возвращаться, коль скоро он ведет себя нормально? Они сомневаются в его выздоровлении, но не могут указать никаких подозрительных симптомов за последние недели. Я разыскал его личного слугу и расспросил этого парня. Он

производит вполне приличное впечатление. Он считает, что в данный момент капитан Ферз так же нормален, как и он сам. Но - в этом-то вся беда - он говорит, что Ферз уже был однажды нормален целых три недели, а потом опять неожиданно сорвался. Если его что-нибудь всерьез разволнует - хотя бы малейшее противоречие, - Ферзу снова станет плохо, может быть, еще хуже, чем раньше.

- Он буйный во время приступов?

- Да. Он впадает в какое-то мрачное бешенство, направленное скорее на себя, чем на окружающих.

- Они не попытаются забрать его?

- Не имеют права. Он пошел туда добровольно: его не зарегистрировали, я же тебе рассказывал. Как Диана?

- Вид усталый, но прелестна. Говорит, что сделает все возможное, чтобы помочь ему выкарабкаться.

Эдриен кивнул:

- Это на нее похоже: в ней бездна отваги. И в тебе тоже, дорогая. Знать, что ты с ней - большое утешение. Хилери готов взять ее и детей к себе, если она захочет. Но ты говоришь, она не уйдет?

- Сейчас, конечно, нет.

Эдриен кивнул:

- Что ж! Придется тебе рискнуть.

- Ох, дядя, как мне жаль вас! - сказала Динни.

- Моя дорогая, какое имеет значение, что происходит с пятым колесом, раз телега все-таки катится? Не позволяй мне задерживать тебя. Ты всегда найдешь меня либо в музее, либо дома. До свидания, и да хранит тебя господь! Передавай ей привет и расскажи то, что слышала от меня.

Динни еще раз поцеловала Эдриена и, захватив вещи, поехала в такси на Оукли-стрит.

XXII

У Бобби Феррара было одно из тех лиц, на которых не отражаются грохочущие вокруг бури. Иными словами, он являл собой идеал не переменного должностного лица - настолько не переменного, что трудно было себе представить министерство иностранных дел без него. Министры приходили и уходили, Бобби Феррар оставался - белозубый, учтивый, загадочный. Никто не знал, есть ли у него в голове что-нибудь, кроме бесчисленных государственных тайн. Годы, казалось, никак не отразились на нем. Он был низкорослый, коренастый, голос имел глубокий и приятный, держался с видом полной отрешенности, носил темный костюм в узкую светлую полоску с неизменным цветком в петлице и обитал в

просторной приемной, куда проникал только тот, кто добивался приема у министра иностранных дел и попадал не к нему, а к Бобби, самой природой предназначенному для роли буфера. Слабостью Бобби была криминология. На каждом мало-мальски интересном процессе для него оставляли место, и он обязательно появлялся в зале хотя бы на полчаса. У него хранились специально переплетенные отчеты таких судебных заседаний. Он обладал характером, и, хотя последний трудно поддавался определению, наличие его явственно подтверждалось тем, что все, с кем сталкивался Бобби, охотно искали знакомства с ним. Люди шли к Бобби Феррару, а не он к людям. Почему? Чем он добился того, что для всех без исключения стал просто "Бобби"? Учтивый, всезнающий, непостижимый, он всегда умел сохранить за собой последнее слово, хотя был только сыном лорда с неподтвержденным титулом и не имел права даже на эпитет "высокопочтимый". Если бы Бобби с его цветком в петлице и легкой усмешкой исчез с Уайтхолла, тот утратил бы нечто, придающее ему почти человечность. Бобби обосновался там еще до войны, с которой его вернули как раз вовремя, чтобы - как острил кое-кто - эта улица не утратила своего прежнего облика, а сам Бобби снова успел стать средостением между Англией и ею. Она не могла превратиться в ту суетливую сердитую старую ведьму, какой пыталась ее сделать война, пока дважды в день между тусклых и важных особняков проходила по ней коренастая, медлительная, украшенная цветком фигура непроницаемого Бобби.

Утром в день свадьбы Хьюберта он просматривал каталог цветочной фирмы, когда ему подали карточку сэра Лоренса. Вслед за нею появился ее владелец и спросил:

- Вам известна цель моего прихода, Бобби?
- Безусловно, - ответил Бобби. Феррар. Глаза у него были круглые, голова откинута назад, голос глубокий.
- Вы видели маркиза?
- Вчера я завтракал с ним. Он удивительный!
- Самый замечательный из наших могикан, - согласился сэр Лоренс. Что вы собираетесь предпринять в этой связи? Старый сэр Конуэй Черрел был лучшим послом в Испании, которого когда-либо удалось откопать в недрах вашего заведения, а Хьюберт Черрел - его внук.
- У него действительно есть шрам? - осведомился Бобби Феррар с легкой усмешкой.
- Конечно, есть.
- А он действительно получил его во время этой истории?
- Вы - воплощенный скепсис. Конечно!

- Удивительно!

- Почему?

Бобби Феррар обнажил зубы в улыбке:

- А кто это может подтвердить?

- Халлорсен достанет свидетельские показания.

- Знаете, ведь это не по нашему ведомству.

- Разве? Но тогда вы можете поговорить с министром внутренних дел.

- Гм! - глубокомысленно изрек Бобби Феррар.

- Или, во всяком случае, столкнуться с боливийцами.

- Гм! - еще глубокомысленней повторил Бобби Феррар и протянул Монту каталог: - Видели этот новый тюльпан? Совершенство, правда?

- Послушайте, Бобби, - сказал сэр Лоренс, - это мой племянник. Он по-настоящему хороший парень, так что номер не пройдет. Понятно?

- Мы живем в век демократии, - загадочно произнес Бобби. - Порка, не так ли? Дело попало в парламент.

- Но его можно прекратить, а там пусть шумят. В общем, полагаюсь на вас. Вы ведь все равно ничего определенного не скажете, просиди я здесь хоть целое утро. Но вы должны сделать все от вас зависящее, потому что обвинение действительно скандальное.

- Безусловно, - подтвердил Бобби Феррар. - Хотите послушать процесс убийцы из Кройдона? Это потрясающе. У меня есть два места. Я предложил одно дяде, но он не желает ходить ни на какие процессы, пока у нас не введут электрический стул.

- Этот тип в самом деле виноват?

Бобби Феррар кивнул:

- Да, но улики очень шаткие.

- Ну, до свидания, Бобби. Я рассчитываю на вас.

Бобби Феррар слабо усмехнулся, обнажил зубы, протянул руку и ответил:

- До свидания.

Сэр Лоренс повернул налево к "Кофейне", где швейцар вручил ему телеграмму:

"Венчаюсь Джин Тесбери сегодня два часа церкви святого Августина в Лугах тчк Буду счастлив видеть вас тетей Эм Хьюберт".

Войдя в ресторан, сэр Лоренс сказал метрдотелю:

- Бате, я тороплюсь на свадьбу племянника. Срочно подкрепите меня.

Двадцать минут спустя баронет уже мчался в такси к церкви святого Августина. Он прибыл за несколько минут до двух и встретил Динни, поднимающуюся по ступеням.

- Динни, ты выглядишь бледной и очень интересной.
- Я всегда бледная и очень интересная, дядя Лоренс.
- Этот брак кажется мне несколько поспешным.
- Работа Джин. Я ужасно боюсь: на мне теперь вся ответственность.

Это я ее ему нашла.

Они вошли в церковь и направились к передним рядам. Пока что народу было немного: генерал, леди Черрел, миссис Хилери и Хьюберт, привратник и двое зевак. Чьи-то пальцы перебирали клавиши органа. Сэр Лоренс и Динни заняли отдельную скамью.

- Я рад, что Эм не приехала, - шепнул баронет. - Обряд до сих пор действует на нее. Когда будешь выходить замуж, вели напечатать на пригласительных билетах: "Просят не плакать". Почему на свадьбах всегда так влажно? Судебные приставы и те всхлипывают.

- Всему виною фата, - ответила Динни. - Сегодня ее нет, и слез не будет. Смотрите - Флер и Майкл!

Сэр Лоре не направил на вошедших свой монокль. Его невестка и сын шли по боковому проходу.

- Восемь лет назад я был на их свадьбе. В целом все получилось у них не так уж плохо.

- Да, - подтвердила Динни. - Флер вчера сказала мне, что Майкл - чистое золото.

- В самом деле? Это хорошо. Было время, Динни, когда я начал сомневаться.

- Не в Майкле, надеюсь?

- Нет, нет. Он - первоклассный паре'нь. Но Флер раза два переполошила их курятник. Впрочем, после смерти отца она ведет себя примерно. Идут!

Заблаговестил орган. Ален Тесбери шел по проходу под руку с Джин.

Динни залюбовалась его спокойной осанкой. Джин казалась воплощением яркости и живости. Когда она вошла, Хьюберт, который стоял, заложив руки за спину, словно по команде "вольно", обернулся, и Динни увидела, как его хмурое, изборожденное морщинами лицо посветлело, словно озаренное солнцем. Что-то сдавило девушке горло. Затем она увидела Хилери, уже в стихаре: он незаметно вошел и стоял на алтарной ступени.

"Люблю дядю Хилери!" - воскликнула про себя Динни.

Хилери заговорил.

Против своего обыкновения девушка слушала священника. Она ждала слова "повиновение" - оно не раздалось; ждала сексуальных намеков - они

были опущены. Хилери попросил кольцо. Надел его. Теперь он молится. Вот молитва уже окончена, и они направляются к алтарю. До чего же все это быстро!

Динни поднялась с колен.

- Безусловно удивительно, как сказал бы Бобби Феррар, - шепнул сэр Лоренс. - Куда они потом?

- В театр. Джин хочет остаться в городе. Она нашла квартиру в доходном доме.

- Затишье перед бурей. Хотелось бы, Динни, чтобы вся эта история с Хьюбертом была уже позади!

Новобрачные вышли из алтаря, и орган заиграл марш Мендельсона.

Глядя на идущую по проходу пару, Динни поочередно испытывала чувства радости и утраты, ревности и удовлетворения. Затем, заметив, что Ален Тесбери посматривает на нее так, словно и сам питает известные чувства, она поднялась со скамьи и направилась к Флер и Майклу, но увидела Эдриена у входа и повернула к нему.

- Что нового, Динни?

- Пока все благополучно, дядя. Я сразу же обратно.

У церкви, с присутствием людям интересом к чужим переживаниям, толпилась кучка прихожанок Хилери, проводивших пискливыми приветствиями Хьюберта и Джин, которые уселись в коричневую дорожную машину и укатили.

- Я подвезу вас в такси, дядя, - предложила Динни.

- Ферз не возражает против твоего пребывания у них? - спросил Эдриен, когда они сели в автомобиль.

- Он безукоризненно вежлив, но все время молчит и не спускает глаз с Дианы. Мне его ужасно жаль.

Эдриен кивнул.

- А как она?

- Изумительна. Ведет себя так, словно все идет как обычно. Вот только он не хочет выходить. Сидит целыми днями в столовой и за всем наблюдает.

- Ему кажется, что все в заговоре против него. Если он продержится достаточно долго, это пройдет.

- А разве он обязательно должен опять заболеть? Бывают же случаи полного выздоровления.

- Насколько я понимаю, это не тот случай, дорогая. Против Ферза наследственность и темперамент.

- Он мне даже нравится - у него такое смелое лицо. Но глаза

страшные.

- Видела ты его с детьми?

- Пока что нет, но они говорят о нем очень любовно и непринужденно, так что он, видимо, их не напугал.

- В лечебнице я наслушался всякой тарабарщины - комплексы, одержимость, депрессия, диссоциация, но все-таки понял, что болезнь проявляется у него в крайней подавленности, которая перемежается приступами крайнего возбуждения. В последнее время эти симптомы настолько смягчились, что практически он превратился в нормального человека; однако нужно следить, не усилятся ли они снова. В Ферзе всегда сидел бунтарь: во время войны он восставал против диктаторских замашек правительства, после войны - против демократии. Теперь, вернувшись, он опять против чего-нибудь восстанет. Динни, если в доме есть оружие, его надо спрятать.

- Я скажу Диане.

Такси свернуло на Кингз-род.

- По-моему, мне лучше не подъезжать к дому, - печально вымолвил Эдриен.

Динни вылезла вместе с ним. С минуту постояла, глядя, как он удаляется - высокий, сутуловатый, - потом повернула на Оукли-стрит и вошла в дом. Ферз стоял на пороге столовой.

- Зайдите ко мне, - попросил он. - Хочу поговорить.

Комната с панелями была отделана в зеленовато-золотистые тона. Завтрак уже кончился, посуду убрали. На узком столе лежали газета, коробка с табаком и несколько книг. Ферз подал Динни стул и встал спиной к камину, где поблескивал слабый намек на пламя. Он смотрел в сторону, поэтому девушке впервые представилась возможность хорошенько разглядеть его. На это красивое лицо было тяжело смотреть. Высоко посаженные скулы, решительный подбородок, вьющиеся волосы с проседью лишь оттеняли его голодные, горящие, синевато-стальные глаза. Сама его поза - Ферз стоял прямо, упершись руками в бедра и наклонив голову вперед, - и та лишь оттеняла эти глаза. Испуганная Динни со слабой улыбкой откинулась на спинку стула. Ферз повернул голову и спросил:

- Что говорят обо мне?

- Я ничего не слыхала: я была на свадьбе брата.

- Вашего брата Хьюберта? На ком он женился?

- На девушке по имени Джин Тесбери. Вы ее видели позавчера.

- Как же, помню! Я ее запер.

- Зачем?

- Она показалась мне опасной. Знаете, я ведь сам согласился уйти в лечебницу. Меня туда не увезли.

- Это мне известно. Вы находились там по собственному желанию.

- Не такое уж плохое место. Ну, довольно об этом. Как я выгляжу?

Динни ответила мягко:

- Знаете, я раньше видела вас только издали. Но, по-моему, сейчас выглядите вы хорошо.

- Я здоров. Я сохранил мускулатуру. Мой служитель в лечебнице за этим следил.

- Вы много там читали?

- В последнее время - да. Так что же обо мне говорят?

Услышав этот повторный вопрос, Динни взглянула Ферзу в лицо:

- Как могут люди говорить о вас, если вы с ними не встречаетесь?

- По-вашему, это нужно?

- Не мне об этом судить, капитан Ферз. Впрочем, почему бы и нет? Вы же встречаетесь со мной.

- Да, но вы мне нравитесь.

Динни протянула ему руку.

- Только не говорите, что жалеете меня, - торопливо сказал Ферз.

- За что мне вас жалеть? С вами же все в полном порядке.

Он прикрыл глаза рукой:

- Надолго ли?

- Почему не навсегда?

Ферз отвернулся к огню.

Динни робко заметила:

- Если вы не будете расстраиваться, с вами ничего не случится.

Ферз круто обернулся:

- Вы часто видели моих детей?

- Нет, не очень.

- Есть у них сходство со мной?

- Нет, они похожи на Диану.

- Слава богу! А что она думает обо мне?

На этот раз его глаза впелись в Динни, и девушка поняла, что от ее ответа может зависеть все, - да, все.

- Диана просто рада.

Он яростно замотал головой.

- Невероятно!

- Правда часто бывает невероятной.

- Она меня очень ненавидит?

- За что ей вас ненавидеть?
- Ваш дядя Эдриен... Что между ними? И не уверяйте, что ничего.
- Мой дядя боготворит ее, - невозмутимо ответила Динни. - Поэтому они только друзья.

- Только друзья?

- Только.

- Это все, что вы знаете?

- Я знаю это наверняка.

Ферз вздохнул.

- Вы славная. Как бы вы поступили на моем месте?

На Динни опять навалилось беспощадное сознание своей ответственности.

- Думаю, что поступила бы так, как захочет Диана.

- Как?

- Не знаю. Пожалуй, она сама тоже не знает.

Ферз отошел к окну, затем вернулся обратно.

- Я обязан что-то сделать для таких горемык, как я.

- Что? - встревоженно воскликнула Динни.

- Мне ведь еще повезло. Другого бы просто зарегистрировали и упрятали подальше, не считаясь с его желаниями. Будь я беден, такая лечебница оказалась бы нам не по карману. Там тоже достаточно ужасно, но все-таки в тысячу раз лучше, чем в обычном заведении. Я расспрашивал моего служителя, - он работал в нескольких.

Ферз замолчал, и Динни вспомнила слова дяди: "Он против чего-нибудь восстанет, и это вернет его к прежнему состоянию".

Неожиданно Ферз заговорил снова:

- Взялись бы вы ухаживать за умалишенными, будь у вас возможность получить другую работу? Нет, не взялись бы - ни вы, ни никто, у кого есть нервы и сердце. Святой, может быть, и взялся бы, но где же набрать столько святых? Нет, чтобы ухаживать за нами, вы должны быть железной и толстокожей, должны забыть о жалости и нервах. У кого есть нервы, тот еще хуже толстокожих, потому что выходит из себя, а это отражается на нас. Это какой-то порочный круг! Боже мой, уж я ли не искал из него выхода! А тут еще деньги. Ни одного человека с деньгами нельзя отправлять ни в одно из подобных мест. Никогда, ни за что! Устраивайте ему тюрьму дома - какнибудь, где-нибудь! Не знай я, что могу в любое время уйти, не цепляйся я за эту мысль в самые жуткие минуты, меня бы здесь не было, я давно бы стал буйным. Господи, да я бы конечно стал буйным! Деньги! А у многих ли они есть? От силы у пяти из ста. А

остальные девяносто пять несчастных заперты - добром или силком, а заперты. Плевать мне на то, что это научные, что это полезные учреждения! Сумасшедший дом - это всегда смерть заживо. Иначе и быть не может. Кто на воле, тот считает нас все равно что мертвыми. Так кому какое дело до помешанных! Вот что кроется за научными методами лечения! Мы непристойны, мы больше не люди. Старое представление о безумии не умерло, мисс Черрел. Мы - позор семьи, мы - отщепенцы. Значит, надо упрятать нас подальше, - пусть мы хоть провалимся! - но сделать это гуманно - ведь сейчас двадцатый век. А вы попробуйте сделать это гуманно! Не выйдет! Так что остается одно - подлакировать картину. Больше ничего не поделаешь, поверьте моему слову, моему мужскому слову. Я-то знаю.

Динни слушала оцепенев. Вдруг Ферз рассмеялся.

- Но мы не мертвецы, вот в чем несчастье, - мы не мертвецы! Если мы хотя бы могли умереть! Все эти мученики - не мертвецы: они по-своему способны страдать - так же, как вы, сильнее, чем вы. Мне ли не знать? А где лекарство?

Ферз схватился за голову.

- Как замечательно было бы его найти! - сочувственно встала Динни.

Он удивленно взглянул на нее:

- Лекарство? Погуще развести лак - вот и все, что мы делаем и будем делать.

У Динни так и просилось на язык: "А тогда зачем же убиваться?" - но она сдержалась и сказала только:

- Может быть, вы и найдете лекарство, но это требует терпения и спокойствия.

Ферз расхохотался.

- Я, наверно, до смерти надоел вам.

Динни незаметно выскользнула из комнаты.

XXIII

Ресторан "Пьемонт", это прибежище людей, которые все знают, был полон всезнающими людьми: одни из них уже успели насытиться, другие только начинали насыщаться. Они тянулись друг к другу, словно еда была звеном, соединяющим их души, и сидели по двое, а порой и вчетвером и впятером. Лишь кое-где попадались отшельники, пребывавшие в дурном настроении и мрачно поглядывавшие вокруг поверх длинных сигар. Между столиками носились проворные худощавые официанты, и на лицах их было написано неестественное напряжение - следствие перегрузки памяти. Лорд

Саксенден и Джин, сидевшие в углу со стороны входа, успели съесть омара, выпить полбутылки рейнвейна и поболтать о всякой всячине, прежде чем она медленно отвела глаза от опустошенной клешни, подняла их на пэра и спросила:

- Итак, лорд Саксенден?

Он перехватил этот брошенный из-под густых ресниц взгляд, и глаза его слегка выпучились.

- Недурной омар, а? - спросил он.

- Потрясающий.

- Я всегда захожу сюда, когда хочу вкусно поесть. Официант, вы собираетесь подать нам куропатку?

- Да, милорд.

- Так поторопитесь. Попробуйте рейнвейн, мисс Тесбери, вы ничего не пьете.

Джин подняла свой зеленоватый бокал:

- Вчера я стала миссис Хьюберт Черрел. Об этом напечатано в газетах.

Щеки лорда Саксендена чуть-чуть надулись, - он раздумывал: "В какой мере это касается меня? Интереснее эта юная леди, когда она свободна или когда она замужем?"

- Вы не теряете времени, - сказал он и взглянул на нее так пристально, словно его глаза искали доказательств тому, что ее положение изменилось. - Знай я об этом, я не осмелился бы пригласить вас позавтракать без мужа.

- Благодарю вас, он сейчас будет здесь, - ответила Джин и взглянула из-под ресниц на пэра, глубокомысленно осушавшего свой бокал. - Есть у вас новости для меня?

- Я видел Уолтера.

- Какого Уолтера?

- Министра внутренних дел.

- Это ужасно мило с вашей стороны!

- Да, ужасно. Терпеть его не могу. Не будь волос, голова у него была бы форменное яйцо.

- Что он сказал?

- Юная леди, никто ни в одном официальном учреждении никогда ничего вам не скажет. Там не говорят, а "продумывают вопрос". Так и подобает власти.

- Но он, разумеется, прислушается к тому, что вы говорите. Что же вы сказали?

Ледяные глаза лорда Саксендена, казалось, ответили: "Ну, знаете, это уж слишком!" Но Джин улыбнулась, и они постепенно оттаяли.

- Вы самая непосредственная девушка, с какой я сталкивался. По существу, я сказал ему: "Уолтер, прекрати это!"

- Как чудесно!

- Ему это не понравилось. Он, видите ли, поборник законности.

- Можно мне повидаться с ним?

Лорд Саксенден расхохотался. Он смеялся, как человек, нашедший нечто очень драгоценное.

Джин выждала, пока он успокоится, и сказала:

- Итак, я еду к нему.

Последовавшую за этим паузу заполнила куропатка.

- Послушайте, - неожиданно начал лорд Саксенден, - если уж вы действительно решили это сделать, то есть один человек, который может устроить вам встречу. Это Бобби Ферар. Он работал с Уолтером, когда тот был министром иностранных дел. Я дам вам к нему записку. Сладкого хотите?

- Нет, благодарю. Но я бы выпила кофе. А вот и Хьюберт.

У входа, выскочив из вращающейся двери-клетки, стоял Хьюберт, отыскивая глазами жену.

- Позовите его сюда.

Джин пристально посмотрела на мужа. Лицо его прояснилось, и он направился к ним.

- Ну и взгляд у вас! - пробормотал лорд Саксенден, поднимаясь. Здравствуйте. Ваша жена - замечательная женщина. Хотите кофе? Здесь недурной бренди.

Пэр вынул карточку и написал на ней четким, аккуратным почерком:

"Роберту Феррару, эсквайру, М. И. Д.

Уайтхолл.

Дорогой Бобби,

Примите моего молодого друга миссис Хьюберт Черрел и, если возможно, устройте ей встречу с Уолтером.

Саксенден".

Затем подал карточку Джин и потребовал счет.

- Хьюберт, покажи лорду Саксендену свой шрам, - распорядилась Джин и, расстегнув манжету, закатала мужу левый рукав. На фоне белой скатерти синевато-багровый рубец выглядел особенно странным и зловещим.

- Н-да! - выдавил лорд Саксенден. - Полезный удар!

Хьюберт опустил рукав.

- Джин вечно вольничает, - проворчал он.

Лорд Саксенден уплатил по счету и предложил Хьюберту сигару:

- Простите, мне пора удирать. А вы оставайтесь и допивайте кофе. До свидания, и желаю вам обоим успеха!

Он пожал им руки и стал пробираться между столиками. Молодые люди смотрели ему вслед.

- Странно! Деликатность, насколько мне известно, не относится к числу его слабостей, - удивился Хьюберт. - Ну как. Джин?

- Что означает М.И.Д.?

- Министерство иностранных дел, моя провинциалочка.

- Допивай бренди, и едем к этому человеку.

У подъезда молодоженов окликнули:

- Кого я вижу! Капитан! Мисс Тесбери!

- Моя жена, профессор.

Халлорсен сжал им руки:

- Ну, не замечательно ли? У меня в кармане каблограмма, капитан. Она вполне заменит свадебный подарок.

Через плечо Хьюберта Джин прочла:

"Реабилитирующие показания Мануэля высылаем почтой тчк Американское консульство Ла Пас".

- Великолепно, профессор. Не хотите ли зайти с нами в министерство иностранных дел? Мы должны повидаться с одним человеком насчет Хьюберта.

- Что за вопрос! Но я не люблю терять время. Возьмем машину.

Сидя в такси напротив молодых, Халлорсен весь излучал изумление и благожелательность.

- Вы действовали с потрясающей быстротой, капитан!

- Это все Джин.

- О да, - сказал Халлорсен, как будто ее и не было в машине, - когда я встретился с ней в Липпингхолле, я сразу увидел, что она - энергичная особа. Ваша сестра довольна?

- Довольна она. Джин?

- Надеюсь.

- Замечательная юная леди! Знаете, в низких зданиях есть что-то приятное. Ваш Уайтхолл вызывает у меня симпатию. Чем больше солнца и звезд можно увидеть с улицы, тем выше моральный уровень народа. Вы венчались в цилиндре, капитан?

- Нет, так, как сейчас.

- Жаль. В нем есть что-то забавное: он похож на символ проигранного дела, водруженный вам на голову. Вы, кажется, тоже из старинной семьи,

миссис Черрел? В таких семьях у вас принято из поколения в поколение служить своей стране. Это очень достойный обычай, капитан.

- Я над этим не задумывался.

- В Липпингхолле я беседовал с вашим братом, мэ. Он рассказал, что у вас в семье испокон веков кто-нибудь обязательно служит во флоте. А у вас, капитан, - в армии. Я верю в наследственность. Это и есть министерство иностранных дел?

Халлорсен взглянул на часы.

- Интересно, на месте ли этот парень? У меня сложилось впечатление, что такие люди всю свою работу делают за едой. Пойдем-ка лучше в парк и до трех посмотрим на уток.

- Я только занесу ему эту карточку, - сказала Джин.

Вскоре она вернулась:

- Его ждут с минуты на минуту.

- Значит, он явится не раньше чем через полчаса, - заметил Халлорсен.

- Там есть одна утка. Я хотел бы слышать ваше мнение о ней, капитан.

Пересекая широкую дорожку, ведущую к пруду, они чуть не стали жертвой неожиданного столкновения двух автомобилей, водители которых растерялись в непривычной обстановке. Хьюберт судорожно прижал к себе Джин. Лицо его побелело под загаром. Машины разъехались. Халлорсен, успевший схватить Джин за другую руку, сказал, нарочито растягивая слова:

- Еще немного, и дело кончилось бы плохо.

Джин промолчала.

- Я иногда спрашиваю себя, - снова заговорил американец, когда они подошли к уткам, - окупается ли скорость теми деньгами, которые мы на ней зарабатываем. Что вы думаете, капитан?

Хьюберт пожал плечами:

- Число часов, которые мы теряем, разъезжая в автомобилях вместо поезда, в общем равно тому, которое мы выигрываем с их помощью.

- Верно, - согласился Халлорсен. - Самолеты - вот что реально экономит время.

- Сначала подведите окончательный итог, а потом уж расхваливайте их.

- Вы правы, капитан. Мы держим курс напрямиком в ад. Следующая война дорого обойдется тем, кто примет в ней участие. Допустим, Франция сцепится с Италией. Не пройдет и двух недель, как не останется ни Рима, ни Парижа, ни Флоренции, ни Венеции, ни Лиона, ни Марселя. Они превратятся в зараженные пустыни. А флот и армия, может быть, не успеют даже открыть огонь.

- Да. Все правительства это знают. Я - военный, но я не понимаю, зачем они продолжают тратить сотни миллионов на солдат и матросов, которых, видимо, никогда не пустят в дело. Если жизненные центры страны разрушены, армией и флотом управлять нельзя. Сколько продержатся Италия и Франция, если подвергнуть газовой атаке все их большие города? Англия и Германия не протянули бы и недели.

- Ваш дядя, хранитель музея, уверял меня, что при современных темпах человек снова быстро опустится до уровня рыбы.

- Рыбы? Каким образом?

- Очень просто: двигаясь по эволюционной лестнице в обратном направлении - млекопитающие, птицы, пресмыкающиеся, рыбы. Мы скоро станем птицами, в результате этого начнем пресмыкаться и ползать и кончим где-нибудь в море, когда суша станет необитаемой.

- Почему бы не закрыть воздух для войны?

- А как его закроешь? - встала Джин. - Государства не доверяют друг другу. Кроме того, Америка и Россия не входят в Лигу наций.

- Мы-то, американцы, согласились бы войти. Но наш сенат, пожалуй, заартачится.

- Сенат у вас, кажется, вечный камень преткновения, - проворчал Хьюберт.

- Такой же, каким была ваша палата лордов, пока ее не отхлестали в тысяча девятьсот десятом. Вот эта утка.

Халлорсен указал на редкую птицу. Хьюберт долго рассматривал ее.

- Я стрелял таких в Индии. Это... Забыл, как ее называют. Идемте. До нее можно дотянуться с мостков. Подержу в руках - тогда вспомню.

- Нет, нет, - запротестовала Джин. - Сейчас четверть четвертого. Он, наверно, уже на месте.

И, не определив породу утки, они возвратились в министерство иностранных дел.

Манера Бобби Феррара здороваться пользовалась широкой известностью. Он вздергивал руку антагониста кверху и оставлял ее висеть в воздухе. Не успела Джин водворить свою руку на место, как сейчас же приступила к делу:

- Вам известна эта история с выдачей, мистер Феррар?

Бобби Феррар кивнул.

- Вот профессор Халлорсен, который был главой экспедиции. Угодно вам взглянуть на шрам моего мужа?

- Очень, - сквозь зубы процедил Бобби Феррар.

- Покажи, Хьюберт.

Хьюберт со страдальческим видом вновь обнажил руку.

- Удивительно! - объявил Бобби Феррар. - Я же говорил Уолтеру...

- Вы виделись с ним?

- Сэр Лоренс просил меня об этом.

- А что сказал Уол... министр внутренних дел?

- Ничего. Он видел Бантама, а Бантама он не любит и поэтому отдал распоряжение на Боу-стрит.

- Вот как! Значит ли это, что будет выписан ордер на арест?

Бобби Феррар, погруженный в созерцание своих ногтей, кивнул.

Молодожены посмотрели друг на друга.

Халлорсен с расстановкой спросил:

- Неужели никто не в силах остановить эту банду?

Бобби Феррар покачал головой. Глаза его округлились.

Хьюберт встал:

- Сожалею, что разрешил посторонним впутаться в это дело. Идем, Джин.

Он отдал легкий поклон, повернулся и вышел. Джин последовала за ним.

Халлорсен и Бобби Феррар стояли, глядя друг на друга.

- Непонятная страна! - воскликнул американец. - Что же нужно было делать?

- Ничего, - ответил Бобби Феррар. - Когда дело попадет к судье, представьте все свидетельские показания, какие сможете.

- Разумеется, представим. Счастлив был встретиться с вами, мистер Феррар.

Бобби. Феррар усмехнулся. Глаза его округлились еще больше.

XXIV

В установленном законом порядке Хьюберт был препровожден на Боустрит по ордеру, выданному одним из судей. Пребывая в состоянии пассивного протеста, Джин вместе с остальными членами семьи высидела до конца заседания. Подтвержденные присягой показания шести боливийских погонщиков мулов, которые засвидетельствовали факт убийства и утверждали, что оно было неспровоцированным, - с одной стороны; прямо противоположные показания Хьюберта, демонстрация его шрама, оглашение его послужного списка и допрос Халлорсена в качестве свидетеля - с другой, составили тот материал, на основании которого судье предстояло вынести решение. Он вынес его. Обвиняемый заключался под стражу впредь до прибытия затребованных защитой документов. Затем началось обсуждение столь часто опровергаемой на практике презумпции

британской законности: "Пока преступление не доказано, задержанный считается невиновным", - в связи с просьбой последнего о передаче его на поруки, и Динни затаила дыхание. Мысль о том, что Хьюберт, только вчера женившийся и по закону считающийся невиновным, будет брошен в тюремную камеру вплоть до прибытия плывущих через Атлантику документов, была ей нестерпима. Однако солидный залог, предложенный сэром Конуэем и сэром Лоренсом, был в конце концов принят, и девушка вышла из зала, облегченно вздыхая и высоко подняв голову. На улице ее нагнал сэр Лоренс.

- Наше счастье, что у Хьюберта вид человека, неспособного солгать, сказал он.

- Этим, наверно, заинтересуются газеты, - пробормотала Динни.

- Голову даю на отсечение, что да, милая моя нимфа.

- Как это отразится на карьере Хьюберта?

- Думаю, что положительно. Запрос в палате общин дискредитировал его, но когда появятся заголовки: "Британский офицер против боливийских метисов", - они вызовут у публики чувства, которые мы питаем к нашим родным и близким.

- Больше всего мне жаль папу. С тех пор как это началось, волосы у него заметно поседели.

- В этой истории нет ничего позорного, Динни.

Девушка вздернула голову:

- Конечно, нет.

- Динни, ты напоминаешь мне необъезженного жеребенка-двухлетку. В загоне он брыкается, на старте отстает, а приходит все-таки первым. Вон летит твой американец. Подождем его? Он дал очень ценные показания.

Динни пожалала плечами и почти сразу же услышала голос Халлорсена:

- Мисс Черрел!

Динни обернулась:

- От души благодарю вас, профессор, за все, что вы сказали.

- Для вас я готов был даже солгать, только случай не представился. Как поживает больной джентльмен?

- Там покамест все в порядке.

- Рад слышать! Я беспокоился за вас.

Сэр Лоренс вступил в разговор:

- Профессор, ваше заявление о том, что легче умереть, чем иметь дело с этими погонщиками, совершенно ошарашило судью.

- Жить с ними тоже достаточно неприятно. Могу подвезти вас и мисс Черрел, - меня ждет машина.

- Если ваш путь лежит на запад, отвезите нас на границу цивилизации.
- Итак, профессор, - продолжал сэр Лоренс, когда все расселись, - что за мнение вы составили себе о Лондоне? Самый ли это варварский или самый цивилизованный город на свете?

- Я просто люблю его, - ответил Халлорсен, не сводя глаз с Динни.

- А я - нет, - тихо возразила та. - Ненавижу контрасты и запах бензина.

- Как мне, иностранцу, объяснить, за что я люблю Лондон? Наверное, за то, что он такой многообразный, что он - смешение свободы и порядка. Пожалуй, еще за то, что он так отличается от наших городов. Нью-Йорк великолепен, жить в нем интересней, но он не такой уютный.

- Нью-Йорк, - вставил сэр Лоренс, - подобен стрихнину: сперва взбадривает, потом валит с ног.

- Я бы не мог жить в Нью-Йорке. Мое место - Запад.

- Широкие бескрайние просторы, - вполголоса произнесла Динни.

- Правильно, мисс Черрел. Они бы вам понравились.

Динни тускло улыбнулась:

- Никого нельзя безнаказанно вырывать с корнем, профессор.

- Верно, - поддержал ее сэр Лоренс. - Мой сын как-то поднял в парламенте вопрос о необходимости организовать эмиграцию, но убедился, что у народа крепкие корни, и бросил эту затею, как горячую картофелину.

- Прямо не верится! - воскликнул Халлорсен. - Когда я смотрю на ваших горожан - низкорослых, бледных, разочарованных, я всегда удивляюсь, какие у них могут быть корни.

- Чем ярче выражен у человека городской тип, тем крепче у него корни. Широкие просторы для такого - пустой звук. Улицы, жареная рыба, кино вот и все, что ему нужно. Не высадите ли меня здесь, профессор? Динни, а ты куда?

- На Оукли-стрит.

Халлорсен остановил машину. Сэр Лоренс вышел.

- Мисс Черрел, окажите мне честь, позвольте доставить вас на Оуклистрит.

Динни наклонила голову.

Сидя рядом с американцем в закрытой машине, она испытывала неловкость. Как он использует представившуюся возможность? Внезапно, не глядя на нее, он сказал:

- Как только решится судьба вашего брата, я отплываю. Собираюсь предпринять экспедицию в Новую Мексику. Я всегда буду считать большим счастьем знакомство с вами, мисс Черрел.

Он стиснул руки, на которых не было перчаток, и сдавил их коленями.

Этот жест тронул девушку.

- Я искренне сожалею, профессор, что сначала, так же как мой брат, составила себе неверное представление о вас.

- Это было естественно. Когда закончу здесь свои дела и уеду, буду с радостью вспоминать, что заслужил ваше расположение.

Динни порывисто протянула ему руку:

- Да, заслужили.

Он взял руку девушки, медленно поднес к губам и осторожно опустил. Динни почувствовала себя глубоко несчастной. Она застенчиво прибавила:

- Вы научили меня по-новому смотреть на американцев, профессор.

Халлорсен улыбнулся:

- Это уже кое-что.

- Боюсь, что я очень заблуждалась. Я же, в сущности, их совсем не знала.

- В этом наша беда. Мы, в сущности, не знаем друг друга. Из-за какихто пустяков действуем друг другу на нервы. Но я всегда буду помнить вас как улыбку на лице вашей страны.

- Вы очень любезны, - сказала Динни. - Мне хочется, чтобы так было на самом деле.

- Если бы я мог получить вашу фотокарточку, я хранил бы ее, как сокровище.

- Разумеется, получите. Не знаю, найдется ли у меня приличная, но лучшая из всех - за вами.

- Благодарю. Если разрешите, я, пожалуй, сойду здесь. Я что-то не слишком уверен в себе. Такси вас довезет.

Халлорсен постучал в стекло и отдал распоряжение шоферу.

- До свидания, - сказал он и снова взял ее руку, подержал в своих, пожал и вышел из машины.

- До свидания! - прошептала Динни, откидываясь на спинку сиденья и чувствуя, как что-то сжимает ей горло.

Пять минут спустя машина остановилась у подъезда Ферзлов, и Динни, подавленная, вошла в дом.

Когда она проходила мимо комнаты Дианы, дверь открылась и Диана, которую девушка не видела со вчерашнего дня, шепнула:

- Зайдите ко мне, Динни.

Голос был такой настороженный, что у Динни по коже побежали мурашки. Они сели на кровать с пологом, и Диана тихо и торопливо заговорила:

- Ночью он вошел ко мне и пожелал остаться. Я не посмела отказать.

Он изменился. Я чувствую, что это опять начало конца. Он теряет контроль над собой. По-моему, надо отправить куда-нибудь детей. Хилери не согласится их взять?

- Разумеется, согласится. И моя мама тоже.

- Пожалуй, лучше второе.

- А не уехать ли и вам?

Диана со вздохом покачала головой:

- Это только ускорит развязку. Можете вы отвезти детей без меня?

- Конечно. Но неужели вы действительно думаете, что он...

- Да. Он опять пришел в возбужденное состояние. Я ведь изучила симптомы. Вы заметили, Динни, каждый вечер он все больше пьет. А это тоже признак.

- Если бы он мог преодолеть свой страх и начал выходить!

- Вряд ли это поможет. Здесь, что бы ни произошло, - пусть даже самое худшее, - мы хоть знаем, как быть. А случись это при посторонних, мы сразу же лишимся свободы действий.

Динни пожала ей руку:

- Когда увезти детей?

- Поскорее. Я ему ничего не скажу, а вы постарайтесь уехать как можно незаметнее. Мадемуазель приедет потом, если ваша мама не будет возражать.

- Я, разумеется, сразу же обратно.

- Динни, это было бы нечестно по отношению к вам. У меня есть горничные. Утруждать вас моими горестями просто недостойно.

- Ну что вы! Я, разумеется, вернусь. Я попрошу у Флер ее машину. Он не будет возражать против того, что детей увозят?

- Только если догадается, что это связано с его состоянием. Я скажу, что вы давно уже приглашали их погостить.

- Диана, - внезапно спросила Динни, - вы его еще любите?

- Люблю? Нет.

- Значит, просто жалость?

Диана покачала головой:

- Не могу объяснить. Тут и прошлое, и сознание того, что покинуть Роналда - значит помочь враждебной ему судьбе. А это страшная мысль!

- Понимаю. Мне так жаль вас обоих и дядю Эдриена!

Диана провела руками по лицу, словно стирая с него следы тревог.

- Не знаю, что будет, только ничего хорошего не жду. А вы, дорогая, ни в коем случае не позволяйте мне портить вам жизнь.

- Вы напрасно тревожитесь. Встряска мне полезна. Старая дева - все

равно что лекарство: перед употреблением взбалтывать.

- Когда же вы найдете себе употребление, Динни?

- Я только что отвергла широкие бескрайние просторы и чувствую себя изрядной скотиной.

- Слева - широкие бескрайние просторы, справа - глубокие моря, а вы на распутье. Так?

- И, по-видимому, останусь на нем. Любовь достойного человека и прочие подобающие случаю слова - все это словно замораживает меня.

- Подождите. Цвет ваших волос не подходит для монастыря.

- Я их перекрашу в свой истинный цвет - светло-зеленый, как морская вода. Это цвет айсбергов.

- Я уже сказала вам - подождите!

- Подожду! - согласилась Динни.

Два дня спустя Флер в своем автомобиле подъехала к дому Ферзов. Детей и кое-какую поклажу погрузили без инцидентов, и машина тронулась.

Эта несколько бурная поездка - дети еще не привыкли к машинам - принесла Динни подлинное облегчение. До сих пор она не отдавала себе отчета, как сильно трагическая атмосфера Оукли-стрит уже отразилась на ее нервах, хотя после ее приезда в город из Кондафорда прошло всего десять дней. Краски осенней листвы стали темнее. Погожий октябрьский день заливал землю ровным мягким светом. Чем дальше от Лондона, тем чище и звонче становился воздух; из труб коттеджей поднимался пахнущий лесом дымок; над нагими полями кружились грачи.

Машина прибыла как раз к завтраку. Оставив детей с мадемуазель, приехавшей поездом, Динни свистнула собак и пошла прогуляться. Осевшая дорога привела ее к старому коттеджу. Динни остановилась. Дверь открывалась прямо в жилую комнату. У камелька, где горел слабый огонь, сидела старая женщина.

- Ох, мисс Динни! - вскрикнула она. - Я уж так вам рада. Весь месяц ни разу вас не видела.

- Я уезжала, Бетти. Как вы себя чувствуете?

Маленькая, в полном смысле миниатюрная старушка торжественно сложила руки на животе:

- Опять с животом плохо. Все остальное - лучше не надо, доктор говорит - прямо замечательно. Только вот животом маюсь. Он говорит, надо есть побольше. Аппетит у меня, слава богу, хороший, мисс Динни, а проглотить ничего не могу - сразу тошно. Истинная правда!

- Как мне вас жаль, милая Бетти! Живот - очень болезненное место. Живот

и зубы. Не понимаю, зачем они нам. Нет у нас зубов - желудок не варит, есть - тоже не варит.

Старушка хихикнула.

- Он говорит, мне надо выдернуть все зубы, какие остались, да мне с ними неохота расставаться, мисс Динни. Вот у хозяина моего их вовсе нет, а он все-таки может жевать яблоко, ей-богу, может. Но в мои годы десны уж так не затвердеют.

- Но ведь вам, Бетти, можно сделать красивые вставные зубы.

- Ох, не хочу я вставных - один обман. Вы бы и сами не стали носить фальшивые зубы, мисс Динни. Ведь не стали бы, а?

- Конечно, стала бы. Теперь их чуть ли не все носят.

- Все смеетесь над старухой? Нет, это не по мне. Все равно что парик надеть. А волосы-то у меня остались густые, как прежде. Я ведь для своих лет замечательно сохранилась, есть за что бога благодарить. Только животом маюсь. Похоже, там что-то есть.

Динни увидела в ее глазах испуг и страдание.

- Как поживает Бенджамен, Бетти?

Взгляд старухи изменился. Глаза повеселели, хотя остались такими же рассудительными, словно она смотрела на ребенка.

- Ну, с отцом-то все в порядке, мисс. С ним, кроме ревматизма, никогда ничего не бывает. Он сейчас в огороде - пошел в земле покопаться.

- А как Голди? - осведомилась Динни, с грустью глядя на сидевшего в клетке щегла. Ей было невыносимо видеть птиц в клетках, но у нее не хватало духу намекнуть старикам на их маленького любимца, веселого даже за решеткой. Кроме того, они утверждали, что, если ручного щегла выпустить на волю, его сейчас же заклюют до смерти.

- Ох! - воскликнула старушка. - До чего же он заважничал, с тех пор как вы подарили ему клетку побольше. - Глаза ее загорелись. - Подумать только, мисс Динни! Капитан женился, а тут против него такое ужасное дело затеяли. Что они там думают? За всю жизнь такого не слыхивала. Чтобы одного из Черрелов таким манером потащили на суд, - это уж слишком!

- И все же это так, Бетти.

- Говорят, она славная молодая леди. А жить-то они где будут?

- Пока неизвестно. Надо подождать, - пусть сначала дело кончится.

Может быть, здесь; может быть, он получит место в колониях. Конечно, им придется туговато.

- Страхи какие! В старое время этого не бывало. Как теперь насели на дворянство, боже милостивый! Я все вспоминаю вашего прадедушку, мисс

Динни. До чего он ловко четверкой правил! Я тогда еще совсем пигалицей была. Такой славный старый джентльмен - обходительный, можно сказать!

Подобные замечания о дворянстве всегда вызывали у Динни чувство неловкости, тем более в устах старушки, которая, как знала девушка, была одной из восьми детей работника с фермы, чье жалованье равнялось одиннадцати шиллингам в неделю, и которая, вырастив семерых детей, существовала теперь вместе с мужем лишь на пособие по старости.

- Бетти, милая, что вам можно есть? Я скажу кухарке.

- Большое вам спасибо, мисс Динни. Кусочек постной свинины вроде иногда могу съесть.

Глаза старухи потемнели, в них снова мелькнула тревога.

- Так ужасно болит! Иногда прямо рада была бы богу душу отдать.

- Ну, что вы, Бетти, милая! Просто посидите немножко на подходящей пище и сразу начнете чувствовать себя лучше.

Старушка улыбнулась:

- Тревожиться-то нечего - я для своих лет замечательно сохранилась.

А когда для вас зазвонят колокола, мисс Динни?

- Не стоит об этом, Бетти. Я знаю одно: сами по себе они не зазвонят.

- Да, теперь люди женятся поздно. Семьи стали маленькие, не то что в мое время. Вот моя старая тетка - та родила восемнадцать детей и вырастила одиннадцать.

- В наши дни для них не нашлось бы ни жилья, ни работы.

- Эх, изменилась страна!

- Наша, слава богу, еще меньше, чем другие.

Взгляд Динни обежал комнату, где эти двое стариков провели лет пятьдесят жизни. Все - от кирпичного пола до потолочин - было тщательно выскоблено и дышало уютом.

- Ну, Бетти, мне пора. Я гощу у приятельницы в Лондоне и до ночи должна вернуться. Я велю кухарке прислать вам кое-какой еды. Это будет повкуснее, чем свинина. Не вставайте!

Но маленькая старушка была уже на ногах. Взгляд ее стал задушевно ласковым.

- Я так рада, что повидала вас, мисс Динни. Храни вас бог, и пусть у капитана больше не будет хлопот с этими ужасными людьми.

- До свидания, Бетти, милая. Передавайте привет Бенджамену.

Динни пожала руку старушке и вышла к собакам, ожидавшим ее на вымощенной плитам дорожке. Как всегда после таких визитов, она испытывала умиление, и ей хотелось поплакать. Вот они, корни! Их не хватало ей в Лондоне, их не хватало бы ей и на широких бескрайних

просторах. Она добралась до узкой, вытянутой в длину буковой рощи, толкнула незапертую расшатанную калитку, вошла и влезла на сырой поваленный ствол, от которого сладко пахло корой. Слева - иссиня-серое небо, расколотое искривленными стволами деревьев; справа - вспаханное под пар поле. Заяц, сидевший там на задних лапах, повернулся и пустился наутек вдоль живой изгороди. Под носом у одной из собак с пронзительным криком поднялся фазан и взмыл над макушками. Динни вышла из леска и остановилась, глядя вниз на свой длинный серый дом, полускрытый кустами магнолий и купама деревьев. Над двумя трубами курился дымок, на коньке крыши пятнышками белели трубастые голуби. Девушка глубоко вздохнула и простояла там целых десять минут, вбирая в себя живительный воздух, словно политое растение влагу. Пахло листьями, свежей землей и близким дождем. Последний раз Динни была здесь в конце мая. Тогда она дышала летним ароматом, и каждый глоток его был воспоминанием и надеждой, болью и радостью...

После чая они двинулись обратно. Флер снова вела машину, верх которой пришлось поднять.

- Должна признаться, никогда не видела большей глуши, чем Кондафорд, - объявила ее безжалостная молодая родственница. - Я бы здесь просто умерла. После него даже Липпингхолл не кажется деревней.

- Потому что здесь все так ветхо и запущено, да?

- Знаете, я всегда твержу Майклу, что ваша ветвь семьи - одна из наименее колоритных и наиболее интересных древностей, еще уцелевших в Англии. Вы совершенно незаметны, держитесь в самой глубине сцены.

Даже для писателей вы слишком несенсационны. Тем не менее вы существуете и будете существовать, хоть я и не понимаю - как. Против вас все начиная от налога на наследство и кончая граммофонами. Но вы все-таки упорно влачите свои дни в разных концах страны, занимаясь тем, чего никто не знает и до чего никому нет дела. У большинства таких, как вы, нет даже Кондафорда, куда можно вернуться умирать, и все же вы сохраняете корни и чувство долга. Вот у меня нет ни того, ни другого, - я наполовину французенка. У семьи моего отца, у Форсайтов, были корни, но отсутствовало чувство долга - по крайней мере в том виде, как у вас. Я хочу сказать - в смысле служения чему-то. Я восхищаюсь им, Динни, но оно нагоняет на меня смертную скуку. Это оно заставляет вас убивать молодость на историю с Ферзом. Чувство долга - это недуг, Динни, прекрасный недуг.

- Как же, по-вашему, я должна с ним бороться?

- Дать волю своим инстинктам. Трудно представить себе, что еще

старит человека быстрее, чем то, что вы делаете сейчас. Диана - из той же породы: у Монтжоев в Дамфришире есть нечто вроде своего Кондафорда. Я восхищаюсь ее терпением, но считаю это безумием с ее стороны. Все равно - конец один, и чем дольше его оттягивать, тем будет тяжелее.

- Я понимаю, что она поступает так во вред себе, но, надеюсь, и сама сделала бы то же.

- А я так не поступила бы, - весело призналась Флер.

- Я не верю, что человек знает, как он поступит, пока дело не дошло до самого главного.

- Вся соль в том, чтобы до него не дошло.

В голосе Флер зазвенел металл, складка губ стала жесткой. Динни всегда находила, что Флер обаятельна именно своей таинственностью.

- Вы не видели Ферза, - сказала девушка, - а не увидев его, нельзя понять жалость, которую он вызывает.

- Все это сантименты, дорогая, а я бесчувственна.

- Я уверена. Флер, - прошлое есть и у вас, а тот, у кого оно есть, не бывает бесчувственным.

Флер быстро взглянула на нее, прибавила газ и бросила:

- Время включить фары.

Остальную дорогу она болтала об искусстве, литературе и прочих ничего не значащих предметах. Было около восьми, когда она высадила Динни на Оукли-стрит.

Диана была дома. Она уже переоделась к обеду.

- Динни, - сказала она. - Он ушел.

XXV

Простые и злоещие слова!

- Утром, когда вы уехали, он был очень возбужден. Видимо, вообразил, что мы сговорились все от него скрывать.

- Так оно и было, - прошептала Динни.

- Отъезд мадемуазель его еще больше расстроил. Вскоре после этого я услышала, как хлопнула входная дверь. С тех пор его нет. Что будет, если он не вернется?

- Ох, Диана, я так этого хочу!

- Но куда же он ушел? Зачем? К кому? О господи, как это ужасно!

Динни с отчаянием смотрела на нее и молчала.

- Простите, Динни! Вы, должно быть, устали и голодны. Поедим, не дожидаясь обеда.

Тревожна была их трапеза в "берлоге" Ферза - этой комнате с панелями, отделанной в очаровательных зеленовато-золотистых тонах.

Затененный свет мягко ложился на обнаженные плечи и руки двух женщин, на фрукты, цветы, серебро. Разговор касался лишь самых нейтральных тем. Наконец горничная вышла.

- Есть у него ключ? - спросила Динни.

- Да.

- Позвонить дяде Эдриену?

- Чем он поможет? Если Роналд вернется и застанет его здесь, будет еще опаснее.

- Алэн Тесбери обещал мне приехать в любой момент, если понадобится,

- Нет, сегодня уж справимся как-нибудь сами, а завтра посмотрим.

Динни кивнула. Ей было страшно, но мысль, что Диана может это заметить, страшила девушку еще больше: она здесь для того, чтобы поддержать Диану своей твердостью и спокойствием.

- Пойдемте наверх. Вы мне споете, - предложила она наконец.

В гостиной Диана поочередно спела "Долину", "Хижину в Юрте", "Косьбу ячменя", "Ветку тимьяна", "Дроморский замок", и прелесть комнаты, песен и певички сняла с Динни тягостное ощущение кошмара. Она погрузилась в мечтательную дремоту, как вдруг Диана остановилась.

- Дверь хлопнула!

Динни вскочила и встала подле клавикордов:

- Пойте, пойте! Ни слова ему не говорите и не подавайте вида.

Диана снова заиграла и запела ирландскую песню "Долго ль мне плакать, тебе рас певать?" Дверь распахнулась, и в зеркале, стоявшем на другом конце комнаты, Динни увидела Ферза, который стоял и слушал.

- Пойте, - шепнула она.

Долго ль мне плакать, тебе распевать?

Долго ль еще мне по милой страдать?

Ах, почему не могу я забыть

Ту, что не хочет меня полюбить?

Ферз по-прежнему стоял и слушал. Вид у него был такой, словно он до предела разбит усталостью или мертвецки пьян: волосы растрепаны, рот растянут, зубы оскалены. Наконец он шагнул вперед, явно стараясь не шуметь. Прошел в дальний угол к кушетке и опустился на нее. Диана умолкла. Динни, рука которой обвивала ее плечи, почувствовала, как дрожит Диана, стараясь совладать со своим голосом.

- Ты обедал, Роналд?

Ферз не ответил. Он смотрел на противоположную стену со странной и жуткой усмешкой.

- Играйте, - шепнула Динни.

Диана заиграла "Красный сарафан". Она вновь и вновь повторяла эту простую и красивую мелодию, словно гипнотизируя ею безмолвную фигуру мужа. Наконец она остановилась. Наступило трагическое молчание. Нервы Динни не выдержали, и она отрывисто спросила:

- На улице дождь, капитан Ферз?

Ферз провел рукой по брюкам и кивнул.

- Ты бы пошел переоделся, Роналд.

Он уперся локтями в колени и опустил голову на руки.

- Ты, наверно, устал, милый. Не пора ли тебе лечь? Принести тебе есть?

Ферз не шелохнулся. Усмешка сбежала с его губ, глаза закрылись. У него был вид человека, который заснул так же внезапно, как загнанная лошадь валится наземь между оглоблями перегруженной телеги.

- Закройте инструмент, - шепотом бросила Динни. - Идемте ко мне.

Диана бесшумно опустила крышку и встала. Они немного подождали, держась за руки. Ферз не шевелился.

- Он в самом деле заснул? - чуть слышно спросила Динни.

Ферз вскочил:

- Где уж там заснуть! Начинается! Опять начинается! И я этого не вынесу, видит бог, не вынесу!

На мгновение гнев преобразил его. Но тут же он увидел, как они отшатнулись, и упал на кушетку, закрыв лицо руками. Диана шагнула к нему.

Ферз поднял голову. Взгляд у него был дикий.

- Не подходи! - зарычал он. - Оставьте меня в покое! Убирайтесь отсюда!

У дверей Диана обернулась и спросила:

- Роналд, не вызвать ли врача? Он даст тебе снотворное и сразу уйдет.

Ферз опять вскочил:

- Никого мне не надо. Убирайтесь!

Женщины выскочили из гостиной, взбежали наверх, в комнату Динни, и остановились, обнявшись и дрожа.

- Горничные уже легли?

- Они всегда ложатся рано, если только одна из них не уходит в город.

- Диана, я спущусь вниз и позвоню по телефону.

- Нет, Динни, пойду я. А кому звонить?

Весь вопрос заключался в этом. Они зашептались. Диана считала, что нужно звонить прямо ее врачу, Динни предлагала попросить Эдриена или

Майкла заехать за ним.

- Тогда, перед катастрофой, он был в таком же состоянии?

- Нет. Тогда он не знал, что впереди. Динни, я чувствую, что он может покончить с собой.

- У него есть оружие?

- Я отдала его служебный револьвер на сохранение Эдриену.

- Бритва?

- Только безопасная. Яда в доме нет.

Динни направилась к двери:

- Я должна пойти позвонить.

- Динни, я не допущу, чтобы вы...

- Меня он не тронет. Это вы в опасности. Заприте дверь, пока я хожу.

И, прежде чем Диана успела остановить ее, Динни выскользнула из комнаты. Свет еще горел. Девушка на мгновение задержалась. Спальня Дианы и комната Ферза - ниже, на одном этаже с гостиной. Придется пройти мимо них - иначе не попасть в холл и маленький кабинет, где находится телефон. Внизу все тихо. Диана отперла дверь и встала на пороге. В любой момент она может проскочить мимо Динни и спуститься. При этой мысли девушка кинулась вперед и побежала по лестнице. Ступеньки заскрипели, она остановилась и сняла туфли. Держа их в руке, на цыпочках прокралась мимо гостиной. Там - ни звука. Динни поспешила в холл, по дороге заметила пальто и шляпу Ферза, брошенные им на стул, вошла в кабинет, закрыла за собой дверь и перевела дух. Затем включила свет, взяла телефонную книгу, отыскала номер Эдриена и уже протянула руку к трубке, как вдруг чьи-то пальцы сдавили ей запястье. Она охнула и повернула голову. Перед ней стоял Ферз. Он рывком заставил ее обернуться и пальцем указал на туфли, которые девушка все еще держала в руке.

- Что, решили меня выдать? - прошипел он и, не отпуская девушку, вытащил из кармана складной нож. Откинувшись на всю длину вытянутой руки, Динни смотрела ему в лицо. Ей было гораздо менее страшно, чем раньше, и она не чувствовала ничего, кроме стыда за то, что держит туфли в руке.

- Глупо, капитан Ферз! - ледяным голосом процедила она. - Вы же знаете, что ни я, ни Диана не причиним вам вреда.

Ферз отбросил ее руку, открыл нож и одним яростным ударом перерезал шнур. Трубка упала на пол. Он сложил нож и спрятал его в карман. Динни показалось, что этот жест привел Ферза в несколько более уравновешенное состояние.

- Наденьте туфли, - приказал он.

Динни повиновалась.

- Запомните раз и навсегда: я не позволю соваться в мои дела и мешать мне. Я сделаю с собой что захочу.

Динни молчала. Сердце ее бешено колотилось; она боялась, что голос может ей изменить.

- Вы что, не слышите?

- Слышу. Никто не собирается ни соваться в ваши дела, ни раздражать вас. Мы желаем вам только добра.

- Знаю я это добро. Хватит с меня! - выкрикнул Ферз, подошел к окну, резко отдернул штору, посмотрел на улицу и проворчал:

- Льет как из ведра.

Затем повернулся и уставился на девушку, сжимая кулаки. Лицо его задергалось, он вертел головой из стороны в сторону. Вдруг он закричал:

- Убирайтесь из комнаты, живо! Убирайтесь! Убирайтесь!

Динни опрометью ринулась к двери, закрыла ее за собой и взлетела наверх. Диана по-прежнему стояла на пороге комнаты Динни. Та втокнула ее туда, заперла дверь и упала на постель.

- Он вошел вслед за мной, перерезал шнур, - задыхаясь, заговорила она. - Он достал себе нож. Боюсь, что у него начинается приступ. Выдержит ли дверь, если он станет ломиться? Не придвинуть ли к ней кровать?

- Тогда мы не заснем.

- Все равно не спать, - возразила Динни и взялась за спинку кровати. Они подперли ею дверь.

- Горничные запираются на ночь?

- Да, с тех пор как он вернулся.

Динни облегченно вздохнула, - мысль о том, что нужно будет снова выйти и предупредить их, приводила ее в содрогание. Она села на кровать и взглянула на стоявшую у окна Диану.

- О чем вы думаете, Диана?

- О том, что я переживала бы, если бы дети остались здесь.

- Да, слава богу, что их нет.

Диана опять подошла к кровати и взяла руку Динни. Рукопожатие было таким долгим и крепким, что у обеих заломило пальцы.

- Что же нам предпринять, Динни?

- Может быть, он уснет и к утру ему станет лучше. Теперь, когда он опасен, я чувствую, что мне вполонину меньше жаль его.

- Я давно уже ничего не чувствую, - тяжело сказала Диана. - Меня беспокоит одно: знает он, что я не у себя в комнате? Не следует ли мне

спуститься?

- Я вас не пущу.

Динни вынула ключ из замка и сунула за подвязку в чулок. Его холодное твердое прикосновение успокоило ее.

- Теперь ляжем - ногами к двери, - объявила она. - Не стоит зря изводить себя.

Охваченные странной апатией, они долго лежали, прижавшись друг к другу под одеялом, не бодрствуя, но и не засыпая. Когда, наконец, глаза Динни стали слипаться, ее неожиданно разбудил какой-то звук. Она взглянула на Диану. Та спала - по-настоящему, как мертвая. Свет снаружи полоской пробился под дверь, которая закрывалась неплотно. Динни приподнялась на локте и насторожилась. Дверная ручка повернулась и осторожно задержалась. Раздался тихий стук.

- В чем дело? - чуть слышно спросила Динни.

- Мне нужна Диана, - донесся приглушенный голос Ферза.

Динни подползла к замочной скважине:

- Диана нездорова. Она уснула, не надо ее тревожить.

Наступила тишина. Затем, к своему ужасу, девушка услышала долгий, страдальческий вздох, такой безысходный, словно он был последним. Еще немного, и Динни вытащила бы ключ. Ее остановил вид бледного, измученного лица Дианы. Нельзя! Что бы ни означал этот вздох, - нельзя! Она отползла, улеглась и стала слушать. Больше ни звука! Диана продолжала спать, но девушка уже не могла заснуть. "Буду ли я виновата, если он покончит с собой?" - думала она. Разве такой конец не лучше для всех - для Дианы, для детей, для него самого? Но каждый нерв девушки все еще отзывался эхом на этот долгий полувздох-полустон. Несчастный человек, какой несчастный! Динни переполняло теперь лишь одно чувство - беспредельная горькая жалость, возмущение против неумолимой природы, которая обрекает людей на подобную участь. Покориться неисповедимой воле провидения? У кого хватит на это сил? Как все бессмысленно и беспощадно! Динни лежала рядом с бессильно уснувшей Дианой, и дрожь била ее. Не сделано ли ими что-нибудь такое, чего они не должны были сделать? Нельзя ли было помочь ему больше, чем помогли они? Что можно будет предпринять, когда наступит утро? Диана шевельнулась. Неужели проснется? Но та лишь повернулась и снова погрузилась в тяжелый сон. Дремота медленно сковала Динни, и девушка уснула.

Ее разбудил стук в дверь. Уже рассвело. Диана еще спала. Динни взглянула на свои ручные часы. Восемь. Ее окликали по имени.

- Все в порядке, Мери! - отозвалась она. - Миссис Ферз у меня.

Диана села на постели, глядя на полураздетую девушку:

- Что случилось?

- Все в порядке, Диана. Уже восемь! Давайте встанем и отодвинем кровать. Вы по-настоящему хорошо выспались. Горничные уже встали.

Они накинули халаты и водворили кровать на место. Динни вытащила ключ из его необычного пристанища и отперла дверь:

- Ну, смелее! Пошли вниз!

На площадке лестницы они задержались и прислушались, затем спустились. В спальне Дианы царил порядок. Шторы были подняты, - горничная, видимо, уже побывала здесь. Они постояли у двери, которая вела в комнату Ферза. Оттуда не доносилось ни звука. Они вышли на площадку и приблизились к наружной двери. Опять ни звука.

- Спустимся лучше вниз, - шепнула Динни. - Что вы скажете Мери?

- Ничего. Она все понимает.

Столовая и кабинет были заперты. На полу валялась телефонная трубка единственное напоминание о ночном кошмаре.

Вдруг Динни сказала:

- Диана, нет его пальто и шляпы. Они лежали вот здесь, на стуле.

Диана вошла в столовую и позвонила. Из подвального этажа поднялась пожилая горничная. Вид у нее был испуганный и встревоженный.

- Мери, видели вы сегодня утром пальто и шляпу мистера Ферза?

- Нет, мэм.

- Когда вы встали?

- В семь часов.

- Вы не были у него в комнате?

- Нет еще, мэм.

- Ночью мне нездоровилось. Я спала наверху у мисс Динни.

- Понятно, мэм.

Втроем они поднялись наверх.

- Постучитесь к нему.

Горничная постучала. Динни и Диана стояли рядом с ней. Ответа не последовало.

- Стучите еще. Мери. Сильнее.

Горничная стучала снова и снова. Никакого ответа. Динни отстранила ее и повернула ручку. Дверь открылась. Комната была пуста и в полном беспорядке, словно кто-то метался по ней и с кем-то боролся. В грелке нет воды, всюду рассыпан табачный пепел, кровать не постелена, но смята. Никаких признаков приготовлений к отъезду, из ящиков стола ничего не

вынуто. Три женщины уставились друг на друга. Потом Диана сказала:

- Приготовьте завтрак. Мери, и побыстрее. Нам придется выйти.

- Слушаюсь, мэм. Там телефон...

- Поднимите трубку, вызовите монтера и никому ни о чем не говорите.

Отвечайте коротко: мистер Ферз уехал на несколько дней. Чтобы было на это похоже, приберите комнату. Идем скорей одеваться, Динни.

Горничная ушла вниз.

- Есть у него деньги? - спросила Динни.

- Не знаю. Можно посмотреть, здесь ли его чековая книжка.

Диана убежала. Динни ждала ее в холле. Наконец та вернулась.

- Здесь. Она на бюро в столовой. Живо, Динни! Одевайтесь!

Это означало... Что это означало? Надежда и страх боролись в душе девушки. Она помчалась к себе наверх.

XXVI

Торопливо завтракая, они совещались. К кому обратиться?

- Не в полицию, - сказала Динни.

- Конечно, нет.

- По-моему, прежде всего нам нужно выехать к дяде Эдриену.

Они послали горничную за такси и отправились на квартиру к Эдриену.

Было около девяти. Они застали его за чаем и одной из тех рыб, которые занимают тем больше места, чем дольше их едят, что и объясняет евангельское чудо с насыщением пяти тысяч человек.

Эдриен, еще более поседевший за последние дни, слушал их, набивая трубку; наконец он сказал:

- Предоставьте все это мне. Динни, можешь ты увезти Диану в Кондафорд?

- Разумеется.

- До отъезда разыщи молодого Алена Тесбери. Пусть он съездит в лечебницу и узнает, не там ли Ферз, но не говорит, что тот ушел из дому. Вот адрес.

Динни кивнула.

Эдриен поднес к губам руку Дианы:

- Дорогая, у вас измученный вид. Не волнуйтесь. Вы отдохнете в Кондафорде с детьми, а мы постараемся держать вас в курсе дела.

- Эдриен, оно получит огласку?

- Если только этому можно помешать, - нет. Я посоветуюсь с Хилери, и мы сделаем все, что в наших силах. Вы не знаете, сколько при нем было денег?

- Последний раз он выписал чек на пять фунтов третьего дня. Но вчера он где-то пропал до самого вечера.

- Как он одет?

- Синее пальто, синий костюм, котелок.

- Вы не знаете, где он провел вчерашний день?

- Нет. До этого он совсем не выходил.

- Он состоит еще членом какого-нибудь клуба?

- Нет.

- Кому из старых знакомых известно о его возвращении?

- Никому.

- Вы говорите, он не взял с собой чековой книжки? Динни, как скоро ты можешь разыскать этого молодого человека?

- Немедленно, если разрешите позвонить, дядя, ин ночует в своем клубе.

- Звони.

Динни вышла к телефону. Вскоре она вернулась и объявила, что Алэн Тесбери уже выезжает и обо всем известит Эдриена. Он представится как старинный друг больного, сделает вид, будто не знает, что тот ушел из лечебницы, и попросит в случае возвращения Ферза сообщить ему об этом, чтобы он мог навестить его.

- Молодчина, - одобрил Эдриен. - У тебя есть голова на плечах, дорогая. А теперь отправляйся и присмотри за Дианой. Дай мне номер вашего телефона в Кондафорде.

Он записал его и усадил женщин в такси.

- Дядя Эдриен - самый хороший человек на свете, - сказала Динни.

- Никто не знает этого лучше, чем я, Динни.

Вернувшись на Оукли-стрит, они поднялись наверх и уложили вещи. Динни боялась, что в последнюю минуту Диана откажется ехать, но та дала Эдриену слово. Вскоре они уже были на вокзале. Полуторачасовой переезд прошел в полном молчании. Обе они настолько обессилели, что забились по углам купе и словно оцепенели. Только сейчас Динни поняла, какое напряжение пришлось ей выдержать. А ведь, в сущности, ничего особенного не было ни грубостей, ни покушений, ни даже простой сцены. Какая жуткая вещь помешательство, какой оно вселяет страх, как разрушает нервы! Теперь, когда встреча с Ферзом больше не угрожала девушке, он опять вызывал в ней одну жалость. Динни представляла себе, как он бродит по городу, теряя рассудок, не зная, куда преклонить голову, на чью руку опереться, стоя на грани - может быть, уже за гранью! О этот страх, вечный спутник самых трагических несчастий! Преступники,

прокаженные, безумцы - все, чья судьба и недуг вселяют ужас в окружающих, безнадежно одиноки в напуганном ими мире. Теперь, после вчерашней ночи, Динни гораздо лучше понимала, почему Ферз с таким отчаянием говорил о порочном круге, в котором мечется умалишенный. Теперь она знала, что не вынесла бы общения с помешанным, - у нее недостаточно крепкие нервы и толстая кожа. Теперь ей стало ясно, за что так жестоко обращались с сумасшедшими в старину. Здоровые собаки кидаются на бешеную потому, что их собственные нервы не выдерживают. Презрение и грубость, которые обрушивались на слабоумных, были просто самозащитой. Здоровые мстили больным за свои измотанные нервы. Тем горше, тем мучительнее думать об этом! И по мере того как поезд подвозил девушку все ближе к ее мирному дому, она все больше разрывалась между желанием отбросить всякую мысль о несчастном отщепенце и жалостью к нему. Она посмотрела на Диану, полулежащую с закрытыми глазами в противоположном углу купе. Что же перечувствовала она, связанная с Ферзом воспоминаниями, узами закона, детьми? Лицо ее, прикрытое шляпкой, носило следы долгих испытаний: его тонкие черты стали суровыми. Губы Дианы еле заметно шевелились, - она не спала. "Какая же сила помогает ей держаться? - спрашивала себя Динни. - Она не религиозна, ни во что особенно не верит. На ее месте я бы все бросила и убежала куда глаза глядят. Так ли?" Видимо, в человеке живет сознание долга перед самим собой, и оно-то не позволяет ему ни отступить, ни сгибаться.

На станции их никто не встретил, поэтому они сдали вещи на хранение и двинулись в Кондафорд пешком по тропинке, ведущей через поле.

- Удивляюсь, - неожиданно заговорила Динни, - как плохо мы, современные люди, переносим волнение. Но была бы я счастлива, если бы провела тут всю жизнь, как наши старые фермеры? Вот Клер - той здесь не нравится. Ей нужно все время быть в движении. Наверное, в каждом человеке обязательно сидит какой-то чертик.

- Я не замечала, чтобы он выглядывал из вас, Динни.

- Жаль, что я была совсем маленькой во время войны. Когда она кончилась, мне едва стукнуло четырнадцать.

- Вам повезло.

- Не знаю. Вы, должно быть, испытали тогда много волнующего, Диана.

- Когда она началась, я была в вашем теперешнем возрасте.

- Замужем?

- Только-только обвенчалась.
- Он, наверное, прошел всю войну?
- Да.
- Это и послужило причиной?
- Вернее, поводом.
- Дядя Эдриен упоминал о наследственности. Дело в ней?
- Да.

Динни указала на крытый соломой коттедж:

- В этом домике живут двое стариков - мои любимцы. Эта пара провела здесь пятьдесят лет. Способны вы на такое, Диана?
- Теперь да. Я хочу покоя, Динни.

До поместья они дошли молча. Там их ожидало сообщение от Эдриена. Ферз в лечебницу не вернулся, но они с Хилери полагают, что напали на верный след.

Диана побыла с детьми и ушла к себе в комнату, а Динни отправилась в гостиную к матери.

- Мама, я должна об этом рассказать. Я молилась, чтобы он умер.
- Динни!
- Ради него самого, ради Дианы, ради детей, ради всех, ради меня самой, в конце концов.
- Конечно, если он безнадежен...
- Безнадежен он или нет - мне все равно. Это слишком страшно. Провидение - пустой звук, мама.
- Дорогая!..
- До него слишком далеко. Наверно, у творца был план, когда он создавал вселенную, но нам, как личностям, он уделил столько же внимания, сколько комарам.
- Тебе нужно выспаться, родная.
- Да. Но я и потом буду думать так же.
- Не позволяй таким мыслям укореняться, Динни. Это портит характер.
- Не вижу связи между убеждениями и характером. Я не начну вести себя хуже оттого, что перестану верить в провидение или загробную жизнь.
- Конечно, Динни, но...
- Нет, я начну вести себя даже лучше. Если я порядочная, то лишь потому, что быть порядочным - хорошо, а не потому, что я на этом выигрываю.
- Но чем же хороша порядочность, если бога нет?

- О дражайшая и нежная матушка, я ведь не сказала, что бога нет. Я только сказала, что до него слишком далеко. Представь себе, как творец

вопроса: "А что, этот шарик - Земля еще вертится?" И ангел отвечает: "О да, сэр, и вполне исправно". - "Надо взглянуть, не заплесневел ли он и не водятся ли на нем чрезвычайно беспокойные маленькие паразиты..."

- Динни!

- "Понятно, сэр. Вы имеете в виду людей?" - "Вот именно. Мне помнится, мы их так и назвали".

- Динни, это ужасно!

- Нет, мама, если я порядочна, то лишь потому, что порядочность завещана людьми на благо людям, как красота завещана людьми на радость людям. Я ужасно выгляжу, правда, дорогая? У меня такое состояние, словно я ослепла. Пойду прилягу. Не знаю, мама, почему меня все это так расстроило. Наверное, потому, что я видела его лицо.

Динни повернулась и вышла с подозрительной быстротой.

XXVII

Исчезновение Ферза было праздником для чувств того, кому его возвращение причинило столько страданий. Даже мысль о том, что он положил конец этому празднику, взяв на себя поиски Ферза, не мешала Эдриену испытывать облегчение. Он был исполнен почти энтузиазма, когда сел в такси и направился к Хилери, раздумывая по дороге, как разрешить задачу. Боязнь огласки закрывала для него такой прямой и естественный путь, как обращение к полиции, радио и прессе. Эти институты пролили бы чересчур яркий свет на судьбу Ферза. Размышляя о средствах, остающихся в его распоряжении, Эдриен чувствовал себя так, словно перед ним один из тех кроссвордов-головоломок, которыми он, как и все люди с развитым интеллектом, сильно увлекался в свое время. Рассказ Динни не позволял точно, в пределах нескольких часов, установить, когда ушел Ферз. Чем дольше откладывать опрос соседей по Оукли-стрит, тем меньше шансов наткнуться на тех, кто его видел. Не повернуть ли обратно в Челси? Эдриен, продолжая ехать к Лугам, подчинялся скорее инстинкту, чем разуму. Хилери был его вторым "я", а когда на человека возлагается такая задача, две головы бесспорно лучше одной. Он подъехал к дому священника, не наметив определенного плана и решив просто порасспросить людей на набережной и Кингз-род. Еще не было половины десятого, и Хилери сидел за своей корреспонденцией. Выслушав новость, он позвал в кабинет жену и предложил:

- Давайте подумаем три минуты и обменяемся выводами.

Все трое стояли треугольником перед камином. Мужчины курили, женщина нюхала октябрьскую розу.

- Ну, Мэй, надумала? - спросил наконец Хилери.

- Только одно, - ответила миссис Хилери, наморщив лоб. - Если бедняга действительно был в таком состоянии, как описывает Динни, следует поискать в больницах. Я позвоню в те, куда он мог скорее всего попасть, если с ним что-нибудь стряслось. Таких немного - три или четыре. К тому же сейчас так рано, что вряд ли туда успели многих понавезти.

- Очень мило с твоей стороны, дорогая. Полагаемся на тебя: ты сумеешь скрыть его имя.

Миссис Хилери вышла.

- Эдриен?

- У меня есть одно соображение, но я лучше сперва послушаю тебя.

- Я вижу две возможности, - объявил Хилери. - Во-первых, нужно выяснить в полиции, может быть, кого-нибудь вытащили из реки. Во-вторых, это вероятнее, - остается спиртное.

- Но где же он мог выпить так рано?

- А гостиницы? У него были деньги.

- Что ж, я готов попробовать, если не подойдет мой план.

- Какой?

- Я попытался поставить себя на место бедняги Ферза. Знаешь, Хилери, дойди я сам до такой крайности, я бежал бы в Кондафорд - вернее, не само поместье, а куда-нибудь поблизости, где мы играли мальчишками, - словом, туда, где жил, пока судьба не обрушилась на меня. Раненое животное ползет домой.

Хилери кивнул.

- Где был его дом?

- В западном Сэссексе, к северу от Меловых холмов, около станции Петуэрт.

- Да ну! Эта местность мне знакома. До войны мы с Мэй частенько ездили прогуляться в Богнор. Мы заглянем на вокзал Виктория и выясним, не садился ли в поезд кто-нибудь похожий на Ферза. Но раньше я все-таки справлюсь в полиции насчет реки. Скажу, что исчез один из моих прихожан. Какого роста Ферз?

- Примерно пять футов десять дюймов, коренастый, крупная голова, широкие скулы, твердый подбородок, темные волосы, синевато-стальные глаза, синие костюм и пальто.

- Понятно, - сказал Хилери. - Позвоню туда, как только Мэй кончит наводить справки.

Эдриен, оставшись один у огня, грустно задумался. Он был любителем детективных романов и понимал, что решает задачу на французский манер индуктивным методом психологической догадки; Хилери с Мэй избрали

английский путь - метод последовательного исключения. Он, конечно, превосходен, но до превосходства ли тут? Человек и без того теряется в Лондоне, как иголка в стогу сена, а они к тому же связаны необходимостью избежать огласки. Эдриен с тревогой ждал, что сообщит Хилери. Какая ирония судьбы - он, Эдриен, страшится, что несчастный Ферз утонул или попал под колеса и Диана стала свободна!

На столе Хилери он нашел расписание. На Петуэрт был поезд в 8.50, следующий в 9.56. Времени мало! И Эдриен, поглядывая на дверь, снова стал ждать. Торопить Хилери бесполезно - тот мастер экономить минуты.

- Ну? - спросил он, когда дверь открылась.

Хилери покачал головой:

- Все впустую. Ни в больницы, ни в полицию никого не доставляли, там ничего не знают.

- Тогда остается вокзал, - бросил Эдриен. - Поезд будет через двадцать минут. Можешь ты выехать немедленно?

Хилери взглянул на письменный стол:

- Не следовало бы, но поеду. Есть что-то греховное в том, как захватывают человека поиски. Вот что, старина, я предупрежу Мэй и возьму шляпу, а ты покамест ищи такси. Иди по направлению к святому Панкратию. Я догоню.

Эдриен крупными шагами пустился на розыски такси. Он поймал машину, съезжавшую с Юстен-род, велел шоферу развернуться и стал ждать. Вскоре он заметил худую темную фигуру бегущего к нему Хилери.

- Давно я не тренировался! - выдохнул тот и сел в автомобиль.

Эдриен заглянул в окно шоферской кабины:

- Вокзал Виктория. Гоните всю!

Рука Хилери сжала его локоть:

- Помнишь, как мы взбирались в тумане на Кармартен Вэн сразу после войны? Это была наша последняя прогулка с тобой, старина.

Эдриен вытащил часы:

- Боюсь, не успеем. Ужасное движение.

Они сидели молча и подсакивали при каждом судорожном рывке такси вперед.

Вдруг Эдриен заговорил:

- Однажды во Франции я проезжал мимо maison d'alienes, [10] как их там называют. Никогда не забуду. Огромное здание вдоль железной дороги, по всей длине фасада решетка, и к ней прижался какой-то бедняга: руки подняты, ноги раздвинуты, вцепился в прутья, как орангутанг. Что такое смерть в сравнении с этим? Снизу - мягкая чистая земля, сверху - небо.

Теперь я бы даже предпочел, чтобы Ферза нашли в реке.

- Это еще не исключено, так что наша попытка довольно безнадежна.

- Осталось три минуты. Опоздаем, - пробормотал Эдриен.

Однако в последний момент шофер, верный национальному характеру, развил противоестественную скорость. Машины, преграждавшие дорогу, словно растаяли перед такси, которое одним броском подкатило к вокзалу.

- Справься в первом классе. Я - в третий: священнику скорее скажут, бросил на бегу Хилери.

- Нет, - возразил Эдриен, - если он уехал, то в первом. Спроси там. В случае сомнений главная примета - глаза.

Эдриен увидел, как брат просунул худое лицо в окошечко и сейчас же отдернул голову.

- Он взял билет! - крикнул Хилери. - На этот поезд. До Петуэрта. Быстрее!

Братья ринулись вперед, но не успели достигнуть турникета, как состав тронулся. Эдриен рванулся вдогонку, но Хилери поймал его за руку:

- Брось, старина, все равно не поспеем. Он только заметит нас, и все будет испорчено.

Понурился, они побрели к выходу.

- Потрясающая догадка, старина! - сказал Хилери. - Когда этот поезд прибывает туда?

- В двенадцать двадцать три.

- Тогда можно поспеть машиной. Деньги у тебя есть?

Эдриен пошарил в карманах и уныло ответил:

- Восемь шиллингов шесть пенсов.

- У меня тоже всего одиннадцать. Дело дрянь! Стой, придумал: берем такси и едем к юной Флер. Если ее автомобиль на месте, она нам не откажет. Отвезет нас или Майкл или она сама. Нам нельзя связывать себя машиной, когда приедем.

Эдриен, слегка ошарашенный верностью своей догадки, только кивнул.

На Саут-сквер Майкла не оказалось, но Флер была дома. Эдриен, который знал ее гораздо хуже, чем Хилери, был поражен той быстротой, с какой она оценила ситуацию и вывела машину. Через десять минут они уже были в пути. Флер сидела за рулем.

- Поедем через Доркинг и Пулборо, - объявила она, обернувшись к братьям. - За Доркингом можно дать скорость. А что вы будете делать, если найдете его, дядя Хилери?

Этот простой, но неизбежный вопрос заставил братьев переглянуться.

Флер, казалось, затылком почувствовала их растерянность. Резко затормозив перед подвергавшейся опасности собакой, она повернула голову и посоветовала:

- Вы бы все-таки обдумали это, прежде чем двинемся.

Эдриен перевел взгляд с ее энергичного личика - подлинного воплощения спокойной, жесткой, уверенной в себе молодости - на длинное пронизательное лицо Хилери, умудренное многим пережитым и все-таки не ставшее жестким, и промолчал: пусть отвечает брат.

- Едем, - отрезал Хилери. - Обстоятельства подскажут.

- Когда будем проезжать мимо почты, остановите, пожалуйста, - попросил Эдриен. - Хочу послать телеграмму Динни.

Флер кивнула:

- На Кингз-род есть почта. Мне тоже где-нибудь придется заправляться.

Автомобиль нырнул в поток машин.

- Что сообщить в телеграмме? - спросил Эдриен. - Писать насчет Петуэрта?

Хилери покачал головой:

- Телеграфируй просто: напали на верный след.

Когда они отправили телеграмму, поезду оставалось два часа ходу.

- До Пулборо пятьдесят миль, да за ним еще пять, - прикинула Флер. Не знаю, хватит ли горючего. Ну, рискнем, а в Доркинге увидим.

С этого момента она целиком отдалась езде и была потеряна как собеседница, несмотря на то что автомобиль, как известно, представляет собой небольшой закрытый салон.

Братья молчали, не сводя глаз с часов и спидометра.

- Не часто мне случается совершать загородные прогулки, - мягко заметил Хилери. - О чем задумался, старина?

- Решительно не понимаю, что мы будем делать.

- Если бы при моей работе я обо всем думал заранее, я не протянул бы и месяца. В труппе приходило тебе, как в джунглях, окружен дикими кошками и приобретаешь что-то вроде инстинкта, на который и остается полагаться.

- У меня нет твоей практики: я живу среди мертвецов, - ответил Эдриен.

- Наша племянница хорошо ведет машину, - вполголоса сказал Хилери. Взгляни на ее затылок: воплощенная жизнеспособность!

Затылок - круглый и коротко подстриженный - держался на белой шее изумительно прямо и убедительно доказывал, что тело пребывает под

острым и точным контролем мозга.

Следующие несколько миль прошли в полном молчании.

- Бокс-Хилл, - бросил Хилери. - Здесь со мной случилось происшествие, о котором я тебе никогда не рассказывал, хотя не могу его забыть. Оно подтверждение того, что мы все удивительно близки от грани безумия. - Он понизил голос и продолжал: - Помнишь веселого священника Даркотта, нашего общего знакомого? Я ведь не сразу попал в Хэрроу - сначала учился в Бикере. Он там преподавал. Как-то в воскресенье он пригласил меня прогуляться на Бокс-Хилл. Возвращались поездом. В вагоне никого, кроме нас, не было, и мы немножко повздорили. Вдруг на него нашло какое-то бешенство, глаза стали голодными и дикими. Я, конечно, ничего не понял и страшно перепугался. Затем, так же внезапно, он овладел собой. Все это как гром среди ясного неба! Тут и подавленные желания, и краткий приступ безумия... Словом, ужас! Между прочим, очень хороший парень. Да, Эдриен, в нас всех живут какие-то силы!..

- Демонические. И как только они вырвутся... Бедный Ферз!

Голос Флер донесся до них:

- Мотор чихает. Пора заправляться, дядя Хилери. Здесь есть колонка.

- Чудно!

Машина остановилась у заправочной станции.

- До Доркинга всегда тащишься медленно, - сказала, потягиваясь, Флер. - Зато теперь нажмем. Осталось всего тридцать две мили, а времени еще целый час. Ну, подумали?

- Нет. Мы избегали этого, как чумы, - ответил Хилери.

Глаза Флер, сверкнув яркими белками, бросили на него один из тех быстрых пронизательных взглядов, которые лучше всего убеждали окружающих в ее уме.

- Вы намерены увезти его обратно? На вашем месте я этого бы не делала.

И, достав сумочку, она подкрасила губы и попудрила свой короткий прямой носик.

Эдриен следил за ней с почти благоговейным любопытством: ему не часто приходилось сталкиваться с современной молодежью. На него произвели впечатление не лаконичные фразы Флер, а заключенный в них глубокий подтекст. Грубо говоря, вот что она хотела сказать: "Пусть он идет навстречу своей судьбе. Вы бессильны". Права ли она? Может быть, он и Хилери просто потворствуют свойственной им, как и всем людям, страсти вмешиваться не в свои дела и заносят святотатственную руку на самое Природу. И все-таки ради Дианы они должны узнать, что делает Ферз, что

он задумал сделать. Ради самого Ферза они должны позаботиться, чтобы он не попал в дурные руки. Хилери чуть заметно улыбается. У него есть дети, думал Эдриен. Он знает молодежь или, по крайней мере, понимает, как далеко она может зайти в своей ясной и безжалостной философии.

Флер вела машину по нескончаемой улице Доркинга, пробиваясь сквозь суетливый поток автомобилей и пешеходов.

- Теперь уж ясно: вы его поймаете, если только действительно хотите поймать, - бросила она через плечо и дала полный газ. Следующие четверть часа они летели мимо пожелтевших рощ, полей и покрытых дроком пастбищ, где разгуливали гуси и старые клячи, мимо деревенских домиков, огородов и прочих атрибутов сельской жизни, все еще не желающей уйти в прошлое. А затем машина начала скрежетать и подскакивать, хотя до этого шла очень плавно.

- Баллон спустил, - объявила Флер, оборачиваясь к братьям. - На что-то напоролась.

Она остановила машину, и они вышли. Задняя шина была проколота.

- Не было печали! - воскликнул Хилери, сбрасывая пальто. - Поддомкрать машину, Эдриен, а я сниму запасное колесо.

Голова Флер исчезла в багажнике, где лежали инструменты, и оттуда донеслось:

- Слишком много нянек. Я лучше сама.

Познания Эдриена по части автомобилей равнялись нулю, - он был беспомощен во всем, что касалось машин. Поэтому он покорно отошел в сторону, восхищенно наблюдая за Флер и братом. Они работали хладнокровно, четко, споро, но и у них почему-то домкрат оказался не в порядке.

- Вот так всегда, когда торопишься, - заметила Флер.

Прошло двадцать минут, прежде чем они тронулись.

- К поезду мне теперь не поспеть, - объявила Флер. - Но при желании вы легко обнаружите следы Ферза. Станция - сразу за городом.

Они проскочили на полной скорости Биллингхерст, Пулборо и Стопхемский мост.

- Поезжайте прямо в Петуэрт, - попросил Хилери. - Если он со станции пойдет обратно к городу, мы его встретим.

- Остановиться в таком случае?

- Нет. Проезжайте мимо и сразу разворачивайтесь.

Они проехали Петуэрт и полторы мили, отделяющие город от станции, но так и не встретили Ферза.

- Поезд уже минут двадцать как пришел. Давайте спросим, -

предложил Эдриен.

Носильщик действительно принял билет от джентльмена в синем пальто и черной шляпе. Нет, багажа у него не было. Он пошел к холмам? Когда? С полчаса будет.

Они вскочили в машину и направились к холмам.

- Насколько я помню, чуть дальше - поворот на Саттен. Вопрос в одном: повернул он или пошел прямо. Там, кажется, есть несколько домов. Мы наведем справки, - может быть, кто-нибудь его видел.

Сразу за поворотом оказалась почта, располагавшаяся в маленьком домике. Со стороны Саттена к нему приближался почтальон на велосипеде.

Флер остановила машину у обочины:

- Вы не встретили по дороге в Саттен джентльмена в синем пальто и котелке?

- Нет, мисс, ни души не встретил.

- Благодарю. Поедем дальше к холмам, дядя Хилери?

Хилери взглянул на часы:

- Помнится, отсюда до вершины холма, что около Данктен Бикон, примерно с милю. От станции мы проехали полторы. Значит, у него не больше двадцати пяти минут форы, и, поднявшись наверх, мы, видимо, нагоним его. С холмов видно далеко, так что он не скроется. Если не обнаружим его и там, значит, он пошел в обход. Но какой дорогой?

Эдриен понизил голос до шепота:

- Он держит к дому.

- То есть на восток? - спросил Хилери. - Поехали, Флер, только помедленней.

Флер повела машину к холмам.

- Залезьте в карман моего пальто, - скомандовала она. - Я захватила с собой три яблока.

- Что за головка! - восхитился Хилери. - Но они вам самой понадобятся.

- Нет. Я худею. Впрочем, оставьте мне одно.

Братья, жуя яблоки, внимательно следили за лесом, тянувшимся по обе стороны шоссе.

- Нет, заросли слишком густы, - решил Хилери. - Он должен держаться дороги. Если увидите его, Флер, жмите на все тормоза.

Но Ферза они не увидели и, все медленней преодолевая подъем, достигли вершины холма. Справа - купа буков: роща Данктен Бикон, слева - гряда Меловых холмов. Впереди по дороге - никого.

- Стоп! - бросил Хилери. - Что будем делать, старина?

- Послушайтесь моего совета, едем домой, дядя Хилери.

- Поедешь, Эдриен?

Эдриен покачал головой:

- Нет, буду продолжать поиски.

- Ладно. Я тоже.

- Смотрите! - вскрикнула Флер, протягивая руку.

Ярдах в пятидесяти слева от дороги на каменистой тропинке лежал темный предмет.

- Мне кажется, это пальто.

Эдриен выскочил из машины и побежал. Он возвратился с синим пальто в руках:

- Сомнений больше нет. Либо он сидел здесь и забыл его, либо устал нести и бросил. И то, и другое - плохой признак. Хилери, пошли!

Эдриен бросил пальто в машину.

- Какие инструкции мне, дядя Хилери?

- Вы молодчина, дорогая. Будьте еще больше молодчиной и подождите здесь часок. Вытерпите? Если мы не вернемся за это время, спускайтесь вниз и держите поближе к холмам. Поезжайте, не торопясь, на Саттен Богнор и Уэст Бартон. Если не обнаружите наших следов и там, выбирайтесь на шоссе и через Пулборо возвращайтесь в Лондон. Если у вас есть при себе деньги, можете одолжить нам.

Флер вынула портмоне:

- Три фунта. Хватит вам двух?

- Принято с благодарностью, - ответил Хилери. - У нас с Эдриеном никогда не бывает денег. Мы, по-моему, самая бедная семья в Англии. Благодарю, дорогая, и до свидания. Пошли, старина!

XXVIII

Помахав Флер, которая стояла у машины и ела яблоко, братья направились по тропинке, уходившей в холмы.

- Иди первым, - распорядился Хилери. - Зрение у тебя лучше и костюм не так бросается в глаза. Если заметишь Ферза, остановись - решим, что делать.

Вскоре они натолкнулись на длинную высокую изгородь из колючей проволоки, тянущуюся через холмы.

- Она кончается вон там, налево, - сказал Эдриен. - Обогнем-ка ее лесом. Чем ниже мы спустимся, тем лучше.

Они двинулись в обход по склону холмов. Трава здесь была грубее и не такая ровная. Они шли, как альпинисты, - высоко поднимая ноги, словно опять совершали длительный и трудный подъем. С одной стороны, они

боялись, что им не удастся нагнать Ферза, несмотря на все усилия; с другой - понимали, что их, может быть, ожидает встреча с буйным маньяком, и это придавало их лицам то выражение, которое отличает солдат, моряков, альпинистов, - словом, людей, привыкших зорко смотреть вперед.

Они спустились в неглубокий заброшенный меловой карьер и уже выбрались на его противоположный край, высотой всего в несколько футов, как вдруг Эдриен прыгнул обратно и потянул за собой Хилери.

- Он здесь! - шепнул Эдриен. - До него ярдов семьдесят.

- Он тебя заметил?

- Нет. Он без шляпы, растрепан и жестикулирует. Что делать?

- Следи за ним из-за этого куста.

Эдриен опустился на колени и высунул голову из-за прикрытия. Ферз перестал жестикулировать, сложил руки на груди и опустил непокрытую голову. Он стоял спиной к Эдриену. Эта неподвижная настороженная поза была единственным признаком, выдававшим его состояние. Вдруг он опустил руки, замотал головой и быстро пошел вперед. Эдриен выждал, пока Ферз не исчез за кустами, покрывавшими склон, и поманил Хилери за собой.

- Не давай ему слишком опережать нас, иначе мы не увидим, если он свернет в лес, - пробормотал Хилери.

- Бедняга вынужден держаться открытых мест - ему необходим воздух. Осторожней!

Эдриен прыгнул брата к земле. Пологий склон неожиданно перешел в откос, который круто спускался к заросшей травой ложбинке. Фигура Ферза отчетливо виднелась на полпути к ней. Он шел медленно - очевидно, не заметил преследователей. Время от времени он подносил руку к непокрытой голове, словно отгоняя что-то докучающее ему.

- Боже! Нет сил смотреть на него! - простонал Эдриен.

Хилери кивнул.

Они лежали и следили за Ферзом. Перед ними широко раскинулась холмистая местность, залитая светом погожего осеннего полудня. Трава еще пахла после обильной утренней росы; неяркое небо было прозрачно-голубого цвета, а над гребнями Меловых холмов казалось почти белым. Было тихо, как будто день затаил дыхание. Братья молча выжидали.

Ферз спустился на дно ложбинки, затем тяжело зашагал по каменистому полю к рощице. У него из-под ног поднялся фазан. Братья увидели, как Ферз вздрогнул, словно пробуждаясь от сна, и остановился, следя за полетом птицы.

- Я уверен, ему здесь знакома каждая пядь земли, - сказал Эдриен. Он

был заядлым охотником.

Неожиданно Ферз вскинул руки, как будто прицеливаясь. В этом жесте было что-то до нелепости успокоительное.

- Теперь бежим! - бросил Хилери, когда Ферз исчез в рощице. Они устремились вниз по откосу, выскочили на каменистое поле и помчались по нему.

- А если он задержится в рощице? - задыхаясь, спросил Эдриен.

- Рискнем. Теперь осторожно, пока не увидим подъем.

Ярдах в двадцати за рощицей Ферз медленно взбирался на следующий холм.

- Покамест все идет хорошо, - шепнул Хилери. - Сейчас выждем, пока не кончится подъем и Ферз не скроется из виду. Странное у нас занятие, старина! Недаром Флер спросила: "А что вы будете делать, если найдете его?"

- Мы должны узнать, что с ним, - отозвался Эдриен.

- Он уже исчезает. Дадим ему еще пять минут. Засаекаю время.

Пять минут показались братьям целой вечностью. С лесистого склона донесся крик сойки; откуда-то выскочил кролик и присел на задние лапки прямо перед людьми; в рощице потянуло ветерком.

- Время! - сказал Хилери. Они встали и в хорошем темпе одолели травянистый склон.

- Лишь бы он не повернул обратно!

- Чем скорей мы столкнемся с ним, тем лучше, - возразил Эдриен. - Если же он заметит, что его преследуют, он бросится бежать и мы его потеряем.

- Медленней, старина. Подъем кончается.

Они осторожно выбрались наверх. Холм понижался влево, в сторону меловой тропинки, пролежавшей над буковым леском. Следов Ферза не было видно.

- Либо он спустился в лесок, либо решил забраться еще выше и пошел направо, вон через те кусты. Идем быстрее и проверим.

Они бежали по тропинке, которая шла по довольно глубокой выемке, и уже собирались свернуть в кусты, когда впереди, в каких-нибудь двадцати ярдах от них, послышался голос. Они остановились, спрятались в выемке и затаили дыхание. Где-то в зарослях Ферз разговаривал сам с собой. Слов было не разобрать, но тон их пробуждал жалость.

- Бедняга! - прошептал Хилери. - Может быть, нам пойти и успокоить его?

- Слушай!

До них донесся хруст сломавшейся под ногой ветки, бормотание, похожее на проклятие, и затем жуткий в своей неожиданности охотничий крик. Братья похолодели. Эдриен сказал:

- Да, страшно. Но это он просто испугнул дичь.

Они осторожно вошли в заросли. Ферз бежал к следующему холму, который возвышался там, где кончались кусты.

- Он не видел нас?

- Нет. Иначе он бы оглядывался. Подожди, пусть скроется из виду.

- Мерзкое занятие! - неожиданно вскипел Хилери. - Но нужное - согласен с тобой. Что за кошмарный крик! Однако пора все же решить, что мы будем делать, старина.

- Я уже думал, - сказал Эдриен. - Если удастся убедить его вернуться в Челси, уберем оттуда Диану и детей, рассчитаем горничных и найдем ему специальных служителей. Я проживу с ним, пока все не наладится. По моему, единственный его шанс - это собственный дом.

- Я не верю, что он согласится.

- Тогда один бог знает! Пусть его прячут за решетку, но я к этому руку не приложу.

- А если он попытается покончить с собой?

- Тут уж тебе решать, Хилери.

Хилери помолчал.

- Не очень полагайся на мое облачение, - сказал он наконец. - Трущобные священники - люди не из жалостливых.

Эдриен схватил брата за руку:

- Он скрылся из виду.

- Пошли!

Они почти бегом пересекли ложбину и начали подниматься по склону. Наверху растительный покров изменился. Холм был усеян редкими кустами боярышника, тисом и куманикой, кое-где попадались молодые буки. Все это обеспечивало надежное прикрытие, и братьям стало легче идти.

- Мы подходим к перекрестку над Богнором, - бросил Хилери. - Того и гляди потеряем его: он может найти тропинку, ведущую вниз.

Они опять побежали, потом круто остановились и притаились за тисом.

- Он не спускается. Смотри! - шепнул Хилери.

Ферз бежал к северной стороне холма по открытому, поросшему травой пространству, минуя то место, где сходились тропинки и был вкопан столб с указателями.

- Вспомнил! Там есть еще одна тропинка вниз.

- В любом случае медлить нельзя.

Ферз пошел шагом. Опустив голову, он медленно поднимался по склону. Братья наблюдали за ним из-за тиса, пока он не исчез за бугром, вздымавшимся над плоской вершиной.

- Живо! - скомандовал Хилери.

Расстояние составляло добрых полмили, к тому же обоим было за пятьдесят.

- Помедленней, старина! - задыхаясь, попросил Хилери. - Как бы наши мехи не лопнули.

Упорно продвигаясь вперед, они достигли бугра, за которым исчез Ферз, и обнаружили травянистую тропинку, которая вела вниз.

- Теперь можно и потише, - шепотом объявил Хилери.

Этот склон холма также был усеян кустами и молодыми деревьями, и они сослужили братьям хорошую службу, прежде чем те не наткнулись на заброшенный меловой карьер.

- Давай приляжем на минутку и отдохнем. Он еще не спустился с холма, иначе мы заметили бы его. Слышишь?

Снизу донеслись звуки песни. Эдриен приподнялся над краем карьера и выглянул. Ферз лежал на спине невдалеке от тропинки, чуть ниже братьев. Слова, которые он пел, были слышны совершенно отчетливо:

Долго ль мне плакать, тебе распевать?

Долго ль еще мне по милой страдать?

Ах, почему не могу я забыть

Ту, что не хочет меня полюбить?

Песня смолкла. Ферз лежал, не издавая ни звука. Затем, к ужасу Эдриена, лицо его исказилось, он потряс сжатыми кулаками, выкрикнул: "Не сойду... не сойду с ума!" - и припал лицом к земле.

Эдриен отпрянул:

- Это ужасно! Я должен спуститься и поговорить с ним.

- Лучше давай вместе... Обойдем по тропинке. Тише! Не спугни его.

Они пошли по тропинке, огибавшей меловой карьер. Ферз исчез.

- Спокойней, дружище! - бросил Хилери.

Они шли с поразительной неторопливостью, словно отказались от погони.

- Кто после этого поверит в бога? - уронил Эдриен.

Кривая улыбка исказила длинное лицо Хилери:

- Я верю в бога, но не в милосердного, как мы понимаем это слово. Я помню, на этой стороне холма ставились ловушки. Сотни кроликов

претерпели здесь все муки ада. Мы обычно вытаскивали их и добивали ударом по голове. Если бы мои убеждения стали известны, я лишился бы духовного сана, а кому от этого польза? Сейчас я все-таки хоть что-то делаю для людей. Смотри - лиса!

На мгновение они задержались, проводив взглядом небольшого красновато-рыжего хищника, кравшегося через тропинку.

- Замечательный зверь! Раздолье здесь для всякой твари земной - голубей, соек, дятлов, кроликов, лисиц, зайцев, фазанов: в этих крутых лесистых оврагах их никто не потревожит.

Начался спуск. Вдруг Хилери вытянул руку, - внизу по ложбине, вдоль проволочной изгороди шел Ферз.

Они увидели, как он исчез из виду, затем, обогнув угол изгороди, опять появился на склоне.

- Что теперь?

- Оттуда ему нас не видно. Подойдем поближе, потом окликнем. Иначе он просто убежит.

Они пересекли откос и под прикрытием кустов боярышника обогнули изгородь.

- Загон для овец, - сказал Хилери. - Видишь? Они пасутся по всей возвышенности. Это южные Меловые холмы.

Они опять выбрались на вершину. Ферза нигде не было видно.

Держась поближе к проволоке, братья взобрались на следующий холм и осмотрелись. Чуть дальше влево холм круто переходил в ложбину. Впереди была луговина, за нею - лес. Справа от них вдоль пастбища все еще тянулась проволочная изгородь. Внезапно Эдриен сдвинул руку брата. Ферз лежал, уткнувшись лицом в траву, ярдах в семидесяти по ту сторону проволоки. Рядом паслись грязновато-серые овцы. Братья спрятались за куст, откуда можно было наблюдать, оставаясь незамеченным. Оба молчали. Ферз лежал не шевелясь, овцы не обращали на него внимания. Жирные, коротконогие, курносые, они щипали траву с невозмутимостью, свойственной сэссекской породе.

- Как ты думаешь, он уснул?

Эдриен покачал головой:

- Нет, но по крайней мере успокоился.

В позе Ферза было что-то, хватавшее за сердце: он напоминал малыша, который прячет голову в коленях матери. Казалось, что трава, которую он ощущал лицом, телом, раскинутыми руками, дарует ему успокоение. Он словно искал возврата к незыблемой безмятежности матери-земли. У кого хватило бы духу потревожить его в такую минуту?

Солнце уже перевалило к западу и светило братьям в спину. Эдриен повернул голову и подставил лучам щеку. Всей душой влюбленного в природу сельского жителя он тянулся к этому теплу, запаху травы, песне жаворонков, синеве неба. Он заметил, что Хилери тоже повернул лицо к солнцу. Было так тихо, что если бы не пение жаворонков да глухое чавканье жующих овец, природа казалась бы немой. Ни голоса людей, ни рев скота, ни шум машин не доносились сюда с равнины.

- Три часа. Вздремни, старина. Я покараулю, - шепотом предложил Эдриен брату.

Похоже, что Ферз уснул. Его больной мозг несомненно отдыхает. Если воздух, форма, цвет действительно обладают целительными свойствами, то где же последние проявляются сильнее, чем здесь, на этом зеленом прохладном холме, где уже больше тысячелетия нет ни людей, ни их суеты? В древности человек жил на нем, но с тех пор по нему скользят только ветры и тень облаков. А сегодня не было даже ни ветра, ни облачка, которое отбросило бы на траву свою безмолвную беглую тень.

Жалость к несчастному, лежавшему так неподвижно, словно ему никогда больше не придется встать, охватила Эдриена. Он не думал о себе и даже не сочувствовал Диане. Поверженный Ферз пробудил в нем глубокое и невыразимое, стадное и родственное чувство, которое испытывает человек к человеку перед лицом судьбы, чьи удары кажутся ему незаслуженными. Да! Ферз спал, цепляясь за землю, как за последнее прибежище. Цепляться за вечное прибежище - землю - это все, что ему оставалось. И те два часа, которые Эдриен провел, наблюдая за распростертым телом, сердце его переполнялось не бесполезной и строптивой горечью, а странным, печальным изумлением. Древнегреческие поэты понимали, какую трагическую игрушку сделали бессмертные из человека. На смену эллинам пришли христиане с их учением о милосердном боге. Милосердном ли? Нет! Хилери был прав. Что же делать, когда сталкиваешься с таким вот Ферзом и его участью? Что делать, пока в нем еще остается хоть проблеск разума? Когда жизнь человека сложилась так, что он не может больше выполнять свою долю работы и становится жалким, обезумевшим пугалом, для него должен наступить миг вечного успокоения в безмятежной земле. Хилери, по всей видимости, думал так же. И все-таки Эдриен не знал до конца, как поступит его брат в решающий момент. Он ведь живет и работает с живыми, а тот, кто умирает, для него потерян, так как уносит с собой возможность послужить себе. Эдриен ощутил нечто вроде тайной признательности судьбе за то, что его собственная работа протекает среди мертвых: он классифицирует кости

единственную часть человека, которая не подвержена страданиям и век за веком пребывает нетленной, принося потомкам весть о чудесном древнем животном. Так он лежал; срывая травинку за травинкой, растирая их пальцами и вдыхая аромат.

Солнце клонилось к западу и опустилось уже почти до уровня его глаз; овцы кончили пастись, сгрудились и медленно двигались по склону, как будто ожидая, чтобы их загнали в овчарню. Из нор вылезли кролики и принялись грызть траву. Жаворонки один за другим стремительно падали с высоты. В воздухе потянуло холодком; деревья внизу на равнине потемнели и застыли; в побелевшем небе вот-вот должен был вспыхнуть закат. Трава перестала пахнуть, но роса еще не выпала.

Эдриен вздрогнул. Через десять минут солнце зайдет за холм и станет холодно. Как Ферз будет чувствовать себя, когда проснется? Лучше? Хуже? Нужно рискнуть. Он дотронулся до Хилери, который все еще спал, поджав колени. Тот мгновенно проснулся:

- Хэлло, старина!

- Тс-с... Ферз еще спит. Что делать, когда он проснется? Может, подойти к нему сейчас и подождать?

Хилери дернул брата за рукав. Ферз был на ногах. Они увидели из-за куста, как он бросил вокруг затравленный взгляд, словно зверь, почуявший опасность и решающий, куда бежать. Он не видит их, - это ясно, - но почуял чье-то присутствие. Ферз подошел к проволоке, пролез через нее, остановился и выпрямился, обернувшись к багровому солнцу, которое, как огненный мяч, подпрыгивало теперь над самым дальним лесистым холмом. Отблески падали на лицо Ферза, и, неподвижный, словно жизнь уже покинула его, он стоял с непокрытой головой, пока солнце не закатилось.

- Живей! - прошептал Хилери и вскочил. Эдриен увидел, как Ферз внезапно ожил, с диким вызовом взмахнул руками, повернулся и побежал.

Потрясенный, Хилери воскликнул:

- Он в бешенстве, а там, у шоссе, - меловой карьер! Скорей, старина, скорей!

Братья ринулись вперед. Но они окоченели и не могли поспеть за Ферзом, с каждым шагом набиравшим дистанцию. Безумец бежал, размахивая руками; преследователи слышали его крики. Хилери, задыхаясь, бросил:

- Стой! Он все-таки бежит не к карьере. Тот остался справа. Видишь? Он берет к лесу. Пусть лучше думает, что мы отстали.

Братья смотрели, как Ферз сбегает по склону, затем, когда он все так же бегом достиг леса, потеряли его из виду.

- Вперед! - крикнул Хилери.

Они помчались вниз к лесу и вбежали в него, держась как можно ближе к месту, где исчез Ферз. Лес был буковый, кустарник рос только на опушке. Братья остановились и прислушались. Ни звука! Свет здесь стал уже сумеречным, однако полоса леса оказалась узкой, и они вскоре выскочили на ее противоположную сторону. Внизу виднелись коттеджи и службы.

- Давай спустимся на шоссе.

Братья ускорили шаг, неожиданно очутились на краю глубокого мелового карьера и в ужасе замерли.

- Я не знал о его существовании, - выдавил Хилери. - Обойдем его по краю. Ты иди вверх, а я влево.

Эдриен начал подниматься, пока не достиг верхнего края карьера.

Внизу, на дне, до которого было футов шестьдесят крутого спуска, он различил какой-то темный, неподвижный предмет. Он не шевелился, никаких звуков оттуда не доносилось. Неужели это конец? Неужели Ферз очертя голову прыгнул в полутьму? Эдриен почувствовал, что задыхается, и на мгновение оцепенел, не в силах ни двинуться, ни крикнуть. Затем торопливо побежал назад по краю карьера, пока не достиг места, где стоял Хилери.

- Ну что?

Эдриен махнул рукой и побежал дальше вниз. Они пробрались через кустарник, окаймлявший карьер, спустились и по травянистому дну направились к дальнему концу ямы, под самый высокий край обрыва.

Темный предмет оказался Ферзом. Эдриен опустился на колени и приподнял ему голову. Безумец сломал себе шею. Он был мертв.

Прыгнул ли он умышленно, стремясь покончить с собой, или сорвался в бешеной спешке? Они не могли на это ответить и молчали. Хилери опустил руку на плечо брата.

Наконец он сказал:

- Тут неподалеку есть сарай. Там можно достать телегу. Но, помоему, лучше его не двигать с места. Останься с ним, а я схожу в деревню и позвоню. Мне кажется, надо вызвать полицию.

Эдриен, склоненный над распростертым телом, кивнул, не вставая с колен.

- Почта в двух шагах. Я не задержусь.

С этими словами Хилери торопливо ушел.

Эдриен одиноко сидел на дне тихой темнеющей ямы. Он скрестил ноги, на коленях у него покоилась голова мертвеца. Он закрыл ему глаза,

набросил на лицо носовой платок. Наверху, в кустах, приготавливаясь ко сну, суетились и чирикали птицы. Выпала роса, в синих сумерках над землей поплыл осенний туман. Контурь предметов расплылись, но высокие откосы карьера белели по-прежнему отчетливо. Несмотря на то что до шоссе, по которому шли машины, не было и пятидесяти ярдов, место, где Ферз обрел вечный покой, казалось Эдриену жутким, всеми забытым и далеким от мира. Хотя он понимал, что должен был радоваться - за Ферза, за Диану, за себя, он не испытывал ничего, кроме беспредельной жалости к человеку, который вынес такие муки и был сломлен во цвете лет, и чувства постепенного и все более глубокого слияния с природой, окутавшей саваном таинственности и покойника и место его последнего отдыха.

Чей-то голос вывел Эдриена из этого странного состояния. Старый усатый фермер стоял перед ним со стаканом в руке.

- Я слышал, тут несчастье приключилось, - сказал старик. - Джентльмен священник велел снести вам вот это. Бренди, сэр.

Он подал стакан Эдриену.

- Он свалился, что ли?

- Да, упал.

- Я давно твержу - здесь загородку поставить надо. Джентльмен велел вам передать, что доктор и полиция уже едут.

- Благодарю, - сказал Эдриен, возвращая пустой стакан.

- Тут неподалеку есть хороший, удобный сарай для телег. Может, перетащим его туда.

- Его нельзя трогать до приезда властей.

- И то верно, - согласился старик. - Я читал, есть такой закон на случай убийства или самоубийства.

Он нагнулся:

- Вид-то у него спокойный, правда? Часом не знаете, сэр, кто он такой?

- Знаю. Некий капитан Ферз. Он родом отсюда.

- Ну? Один из Ферзов с Бартон Райз? Боже ты мой, да я ж у них работал мальчишкой: я ведь в этом приходе и родился.

Он опять нагнулся - на этот раз еще ниже:

- Уж не мистер ли это Роналд, упаси господи, а?

Эдриен кивнул.

- Скажите на милость! Теперь, значит, никого из них не осталось. Дед его рехнулся и помер. Скажите на милость! Мистер Роналд! Я знавал его, когда он еще парнишкой был.

Старик попытался заглянуть мертвецу в лицо, воспользовавшись последними угасающими лучами, затем выпрямился и горестно покачал

головой. Для него, - Эдриен ясно видел это, - было важно, что покойник - не "чужой".

Внезапно треск мотоцикла разорвал тишину. Сверкая фарой, он спустился вниз по тропинке, и с него сошли две фигуры. Они робко подошли к группе, освещенной фарой их машины, и остановились, глядя на землю:

- Мы слышали, случилось несчастье.

- Д-да! - протянул старый фермер.

- Можем мы быть чем-нибудь полезны?

- Нет, благодарю, - ответил Эдриен. - Врач и полиция уже вызваны.

Остается ждать.

Он увидел, как молодой человек открыл рот, видимо собираясь еще о чем-то спросить, но тут же закрыл его, не проронив ни слова, и обнял девушку за плечи. Как и старик, пара стояла молча, устремив глаза на тело, чья голова и сломанная шея покоились на коленях Эдриена. Мотор мотоцикла, который позабыли выключить, стучал в тишине, и свет фары придавал еще более жуткий вид кучке живых, окружавших мертвого.

XXIX

Телеграмма, прибывшая в Кондафорд как раз перед обедом, гласила:

"Бедный Ферз умер упал меловой карьер тчк Перевезен Чичестер тчк Эдриен и я поехали покойником расследование состоится там Хилери".

Телеграмму принесли прямо в комнату Динни, и девушка опустилась на кровать с тем чувством стеснения в груди, какое испытывает человек, когда горе и облегчение борются в нем и не находят выхода. Произошло то, о чем она молилась, но Динни помнила сейчас лишь об одном - о последнем вздохе несчастного, который она слышала, о его лице, когда он стоял в дверях, а Диана пела. Девушка сказала горничной, подавшей ей телеграмму:

- Элен, приведите Скарамуша.

Когда шотландский терьер с блестящими глазами и видом, исполненным сознания собственной важности, вбежал в комнату, Динни обняла его так крепко, что тот чуть не задохнулся. Сжав в руках это теплое упругое волосатое тело, девушка вновь обрела способность чувствовать. Все ее существо ощутило облегчение, но на глаза навернулись слезы жалости. Такое странное поведение оказалось выше понимания ее пса. Он лизнул Динни в нос, завилял хвостом, и ей пришлось отпустить его. Наспех одевшись, она направилась в комнату матери.

Леди Черрел, уже переодетая к обеду, расхаживала между отпертым платяным шкафом и выдвинутыми ящиками комода, размышляя, с чем ей

будет легче всего расстаться ввиду приближения благотворительного базара, который призван был пополнить перед концом года приходский фонд помощи бедным. Динни, ни слова не говоря, вложила ей в руку телеграмму. Леди Черрел прочла и спокойно заметила:

- Вот то, о чем ты молилась, дорогая.

- Это самоубийство?

- Думаю, что да.

- Сказать мне Диане сейчас или подождать до утра, чтобы она выпалась?

- Лучше сейчас. Если хочешь, могу я.

- Нет, нет, родная. Это моя обязанность. Вероятно, она будет обедать у себя наверху. Завтра мы, наверно, уедем в Чичестер.

- Как все это ужасно для тебя, Динни!

- Мне это полезно.

Девушка взяла телеграмму и вышла.

Диана была с детьми, которые изо всех сил затягивали процесс отхода ко сну, так как не достигли еще тех лет, когда он становится желанным. Динни увела ее к себе в комнату и, по-прежнему ни слова не говоря, подала ей телеграмму. Хотя за последние дни она очень сблизилась с Дианой, между ними все-таки оставалось шестнадцать лет разницы. Поэтому девушка не сделала соболезнующего жеста, который могла бы позволить себе с ровесницей. Она никогда не знала, как Диана воспримет то или иное известие. То, которое принесла ей Динни, Диана встретила с каменным спокойствием, как будто оно вообще не было для нее новостью. Ее лицо, тонкое, но потускневшее, как изображение на монете, не выразило ничего. Глаза, устремленные на Динни, остались сухими и ясными. Она проронила только:

- Я не спущусь вниз. Завтра в Чичестер?

Динни подавила первое душевное движение, кивнула и вышла. За обедом, сидя вдвоем с матерью, она сказала:

- Хотела бы я владеть собой так, как Диана.

- Ее самообладание - результат того, что она пережила.

- В ней есть что-то от леди Вир де Вир.

- Это не так уж плохо, Динни.

- Чем будет для всех нас это расследование?

- Боюсь, что ее самообладание скоро ей пригодится.

- Мама, а мне придется давать показания?

- Насколько известно, ты была последней, с кем он разговаривал. Так ведь?

- Да. Должна я рассказать о том, как он подходил к двери прошлой ночью?

- По-моему, если тебя спросят, ты должна рассказать все, что знаешь.

Румянец пятнами выступил на щеках Динни.

- А по-моему, нет. Я этого не сказала даже Диане и не понимаю, в какой мере это может касаться посторонних.

- Я тоже не понимаю, но в данном случае мы не имеем права на собственное мнение.

- Ну, а у меня оно будет. Я не собираюсь потакать отвратительному любопытству бездельников и причинять боль Диане.

- А вдруг кто-нибудь из горничных слышал?

- Никто не докажет, что я слышала.

Леди Черрел улыбнулась:

- Жаль, твой отец уехал.

- Мама, не говори ему, что я тебе сказала. Я не желаю обременять этим совесть мужчины - довольно одной моей. У нас, женщин, она растяжимей, но это уж от природы.

- Хорошо.

- Я не стану терзаться угрызениями, если сумею что-нибудь скрыть, не подвергаясь опасности, - объявила Динни, у которой были еще свежи воспоминания о лондонском полицейском суде. - Вообще, к чему затевать следствие, раз он умер? Это отвратительно.

- Я не должна ни поощрять, ни подстрекать тебя, Динни.

- Нет, должна, мама. Ты в душе согласна со мной.

Леди Черрел промолчала. Она действительно была согласна.

На другой день с первым утренним поездом прибыли генерал и Ален Тесбери, и через полчаса они все вместе выехали в открытой машине. Ален сидел за рулем, генерал рядом с ним; леди Черрел, Диана и Динни кое-как разместились сзади. Поездка была долгая и невеселая. Полулежа на сиденье, так что из мехового боа высовывался только нос, Динни размышляла. Понемногу ей становилось ясно, что на предстоящем расследовании она до некоторой степени окажется в центре внимания. Она выслушала исповедь Ферза; она увезла детей; она спускалась ночью вниз к телефону; она слышала то, о чем намеревалась не рассказывать; она - и это главное - вызвала Эдриена и Хилери. Только вмешательством ее, их племянницы, которая заставила Диану обратиться к ним за помощью, можно было замаскировать дружеские чувства Эдриена к миссис Ферз. Как все, Динни читала газеты и не без любопытства следила за горестями и неприятностями ближнего, которые там предавались гласности; как все,

она возмущалась газетами, как только там печаталось нечто такое, что могло оказаться тягостным для ее родных и друзей. Если выплывет наружу, что ее дядя - старый и близкий друг Дианы, ему и ей начнут задавать самые разнообразные вопросы, которые возбудят самые разнообразные подозрения у падкой до всего сексуального публики. Возбужденное воображение девушки закусило удила. Если раскроется давняя и тесная дружба Эдриена с Дианой, как помешать публике заподозрить ее дядю в том, что он столкнул Ферза в меловой карьер? Ведь неизвестно, был с ним Хилери или нет: девушка и сама покамест не знала подробностей. Мысль ее опережала события. Сенсационному объяснению всегда верят охотнее, чем прозаическому и правдивому! И в Динни крепла почти злобная решимость обмануть публику, лишив ее тех острых ощущений, которых так жаждет толпа.

Эдриен встретил их в холле чичестерской гостиницы, и Динни, улучив минуту, отозвала его в сторону:

- Дядя, можно мне поговорить с вами и дядей Хилери наедине?

- Хилери пришлось уехать в Лондон, дорогая, но к вечеру он обязательно вернется. Тогда поговорим. Расследование назначено на завтра. Этим ей и пришлось удовольствоваться.

Когда Эдриен закончил свой рассказ, Динни, решив, что вести Диану взглянуть на тело Ферза следует не ему, объявила:

- Дядя, с Дианой отправлюсь я. Только объясните, как пройти.

Эдриен кивнул. Он понял.

Диана вошла в покойницкую одна. Динни ожидала ее в коридоре, пропахшем карболкой. Муха, удрученная приближением зимы, уныло ползала по окну, которое выходило на глухую боковую улочку. Динни смотрела через стекло на тусклое холодное небо и чувствовала себя глубоко несчастной. Жизнь казалась ей мрачной и безысходной, будущее - зловещим. Это расследование, угроза, нависшая над Хьюбертом... Нигде ни света, ни отрады! Даже мысль о нескрываемой привязанности к ней Алена не утешала девушку.

Она обернулась, увидела стоящую рядом Диану и внезапно, забыв о собственном горе, обняла ее и поцеловала в холодную щеку. Они молча вернулись в гостиницу. Только Диана уронила:

- Он выглядит умиротворенным.

После обеда Динни сразу же ушла к себе в номер и в ожидании дядей взяла книгу. Было уже десять, когда подъехало такси Хилери. Несколько минут спустя он и Эдриен вошли к Динни. Она заметила, что вид у обоих измученный и мрачный, но в выражении лица есть что-то успокоительное:

оба были из тех, кто держится до тех пор, пока стоит на ногах. Эдриен и Хилери с неожиданной теплотой расцеловали племянницу и уселись по обе стороны постели. Динни, стоя между ними в ногах кровати, обратилась к Хилери:

- Речь пойдет о дяде Эдриене, дядя. Я много думала. Если мы не примем мер, следствие будет ужасным.

- Да, Динни. Я ехал сюда с кучей журналистов, не подозревавших, что я имею касательство к этой истории. Они побывали в психиатрической лечебнице и страшно возбуждены. Уважаю газетчиков: они добросовестно делают свое дело.

Динни повернулась к Эдриену:

- Позвольте говорить откровенно, дядя?

Эдриен улыбнулся:

- Позволяю, Динни. Ты - честная плутовка. Валяй!

- В таком случае, - начала она, взявшись за спинку кровати" - мне кажется, что самое важное - не впутывать сюда дружбу дяди Эдриена с Дианой. По-моему, просьба разыскать Ферза, с которой я к вам обратилась, должна быть всецело отнесена на мой счет. Как известно, я была последней, с кем он разговаривал, когда перерезал телефонный шнур. Поэтому, когда меня вызовут, я могу вбить судье в голову, что это я предложила прибегнуть к вам, моим дядям, которые к тому же так ловко умеют решать всякие головоломки. В противном случае чем объяснить наше обращение к дяде Эдриену? Только тем, что он близкий друг Дианы. А тогда публика сразу начнет делать всевозможные предположения, особенно если услышит, что капитана Ферза не было дома целых четыре года.

Наступило молчание. Потом Хилери сказал:

- Она умница, старина. Четырехлетняя дружба с красивой женщиной в отсутствие мужа означает для публики многое, а для присяжных - только одно.

Эдриен кивнул:

- Согласен. Но я не понимаю, как можно скрыть мое длительное знакомство с обоими.

- Все зависит от первого впечатления, - вмешалась Динни. - Я скажу, что Диана предложила обратиться к ее врачу и Майклу, а я переубедила ее, помня, как хорошо, в силу вашей профессии, вы умеете анализировать ход событий и как вам легко позвать на помощь дядю Хилери, большого знатока людей. Если мы с самого начала направим следствие на нужный путь, я уверена, что вашему знакомству с Ферзами не придадут никакого

значения. По-моему, страшно важно, чтобы меня вызвали одной из первых.

- Это значит многое возложить на тебя, дорогая.

- О нет! Если меня не вызовут раньше, чем вас и дядю Хилери, вы оба скажете, что я пришла к вам и попросила о помощи, а я потом в долблю присяжным то же самое.

- После доктора и полиции первым свидетелем будет Диана.

- Пусть. Я сговорюсь с ней, так что мы все будем твердить в один голос.

Хилери улыбнулся:

- Думаю, что нам так и следует поступить: это вполне невинная ложь. Я сам вверну, что знаком с Ферзами так же давно, как и ты, Эдриен. Мы встретились с Дианой впервые, когда она была еще подростком, на пикнике в Лендз Энд, который устроил Лоренс, а с Ферзом - на ее свадьбе. Словом, дружили домами. Так?

- Посещение мною психиатрической лечебницы неминуемо выплывет наружу, - заметил Эдриен. - Главный врач вызван свидетелем.

- Что в этом особенного? - возразила Динни. - Вы ездили туда как друг Ферза и человек, интересующийся психическими расстройствами. В конце концов, дядя, предполагается, что вы - ученый.

Братья улыбнулись, Хилери сказал:

- Ладно, Динни. Мы потолкуем с судебным приставом - он очень приличный парень - и попросим вызвать тебя пораньше, если можно.

С этими словами он вышел.

- Спокойной ночи, маленькая змея, - попрощался Эдриен.

- Спокойной ночи, милый дядя. У вас ужасно усталый вид. Вы запаслись грелкой?

Эдриен покачал головой:

- У меня нет ничего, кроме зубной щетки, - сегодня купил.

Динни вытащила из постели свою грелку и заставила дядю взять ее.

- Значит, мне поговорить с Дианой обо всем, что мы решили?

- Если можешь, поговори, Динни.

- Послезавтра солнце взойдет для вас.

- Взойдет ли? - усомнился Эдриен.

Когда дверь закрылась, Динни вздохнула. Взойдет ли? Диана, видимо, мертва для чувства. А впереди еще дело Хьюберта!

XXX

Когда на другой день Эдриен с племянницей входили в здание следственного суда, они рассуждали примерно так.

Слушать дело в следственном суде - это все равно что есть в

воскресенье йоркширский пудинг, ростбиф или иную будничную пищу. Раз уж люди стали тратить дни отдыха на спорт и такие забавы, как присутствие при разборе несчастных дел о насильственной смерти или о самоубийстве, жертв которого давно уже не хоронят на перекрестках дорог, вне кладбищенской ограды, значит все обычаи утратили свой первоначальный мудрый смысл. В старину правосудие и его слуги почитались врагами рода человеческого, и поэтому было естественно рассматривать такие дела в суде присяжных этом гражданском средостении между законом и смертью. Но не противоестественно ли предполагать в век, именуемый полицию "оплотом порядка", что она неспособна к здравому суждению в тот момент, когда ей нужно безотлагательно действовать? Итак, ее некомпетентность не может явиться основанием для сохранения устарелого обычая. Этим основанием является другое - боязнь публики остаться в неведении. Каждый читатель и каждая читательница газет убеждены, что чем больше они услышат сомнительного, сенсационного, грязного, тем будет лучше для души. Между тем известно, что там, где нет разбирательства в следственном суде, подробности чьей-то нашумевшей смерти могут не получить огласки и доследование вряд ли состоится. Когда же вместо этого молчания производится судебное следствие, а иногда и доследование, публике гораздо приятнее! Каждому индивидууму в отдельности свойственна неприязнь к людям, всюду сующим нос; но как только индивидуумы соединяются в толпу, оно исчезает. Ясно, что таким людям в толпе особенно привольно. Поэтому чем чаще им достаются места в следственном суде, тем горячее они благодарят господа. Псалом "Хвала всевышнему творцу, подателю всех благ" нигде не звучит так громко, как в сердцах тех, кто имел счастье получить доступ туда, где расследуются обстоятельства чьей-то смерти. Последнее всегда означает пытку для живых, а значит, как раз и рассчитано на то, чтобы доставлять публике наивысшее наслаждение.

Тот факт, что зал суда был полон, подтверждал эти выводы. Дядя с племянницей прошли в тесную комнату для свидетелей. Эдриен на ходу бросил:

- Ты пойдешь пятой, Динни, - после меня и Хилери. Не входи в зал, пока тебя не вызовут - иначе скажут, что мы сговорились и повторяем друг друга.

Они сидели в тесной пустой комнате и молчали. Полицейских, врача, Диану и Хилери должны были допрашивать раньше.

- Мы словно двенадцать негрят из песенки, - пробормотала Динни. Глаза ее были устремлены на противоположную стену. Там висел

календарь. Девушка не могла разобрать букв, но ей почему-то казалось страшно необходимым это сделать.

Эдриен вытащил из внутреннего кармана пиджака бутылочку и предложил:

- Дорогая моя, отпей пару глотков - не больше. Это пятидесятипроцентный раствор летучих солей - он тебя подкрепит. Только осторожно!

Динни глотнула. Жидкость обожгла ей горло, но не сильно.

- Выпейте и вы, дядя.

Эдриен тоже сделал осторожный глоток.

- Ничто так не взбадривает, когда попадаешь в передрагу, - прибавил он.

Они снова замолчали, выжидая, пока организм усвоит снадобье. Наконец Эдриен заговорил:

- Если душа бессмертна, во что я не верю, каково сейчас бедному Ферзу смотреть на этот фарс? Мы все еще варвары. У Мопассана есть рассказ о клубе самоубийц, который обеспечивал легкую смерть тем, кто испытывал в ней потребность. - Я не верю, что нормальный человек может покончить с собой - кроме разве редчайших случаев. Мы обязаны держаться, Динни, но я хотел бы, чтобы у нас устроили такой клуб для тех, кто страдает умственным расстройством, или тех, кому оно угрожает. Ну как, подбодрила тебя эта штука?

Динни кивнула.

- Порции тебе хватит примерно на час.

Эдриен встал:

- Кажется, подходит моя очередь. До свидания, дорогая, желаю удачи. Не забывай иногда вворачивать "сэр", обращаясь к судье.

Увидев, как выпрямился дядя, входя в двери зала, Динни почувствовала душевный подъем. Она восхищалась Эдриеном больше, чем любым из тех, кто ей был знаком. Девушка помолилась за него - коротко и нелогично. Снадобье, несомненно, подкрепило ее: прежняя подавленность и неуверенность исчезли. Она вынула зеркальце и пуховку. По крайней мере, нос не будет блестеть, когда она встанет у барьера.

Однако прошло еще четверть часа, прежде чем ее вызвали. Она провела их, по-прежнему устремив взгляд на календарь, думая о Кондафорде и воскрешая в памяти лучшие дни, проведенные там, далекую невозвратную пору детства - уборку сена, пикники в лесу, сбор лаванды, катание верхом на охотничьей собаке, пони, подаренного ей после отъезда Хьюберта в школу, веселое новоселье в перестроенном доме: девушка хоть

и родилась в Кондафорде, но до четырех лет кочевала - то Олдершот, то Гибралтар. С особенной нежностью она вспоминала, как сматывала золотистый шелк с коконов своих шелковичных червей, которые пахли так странно и почемуто наводили ее на мысль о беззвучно крадущихся слонах.

- Элизабет Черруэл.

Как скучно носить имя, которое все произносят неправильно! Девушка встала, чуть слышно бормоча:

Один из негрят пошел купаться в море,
Попался там судье и был утоплен вскоре.

Она вошла. Кто-то взял ее под свое покровительство и, проводив через зал, поместил в ложу, отдаленно напоминавшую клетку. К счастью, Динни незадолго до того побывала в таком же месте. Присяжные, сидевшие прямо перед нею, выглядели так, словно их извлекли из архива; вид у судьи был забавно торжественный. Слева от ложи, у ног Динни сидели остальные негрятя; за ними, до голой задней стены - десятки и сотни лиц, словно головы сардин, напиханных хвостами вниз в огромную консервную банку. Затем девушка поняла, что к ней обращаются, и сосредоточила внимание на лице судьи.

- Ваше имя Элизабет Черрел? Вы дочь генерал-лейтенанта сэра Конуэя Черрела, кавалера орденов Бани, Святого Михаила и Святого Георгия, и его супруги леди Черрел?

Динни поклонилась и подумала: "По-моему, он ко мне за это благоволит".

- И проживаете с ними в поместье Кондафорд, в Оксфордшире?

- Да.

- Мисс Черрел, вы гостили у капитана и миссис Ферз до того дня, когда капитан Ферз покинул свой дом?

- Да, гостила.

- Вы их близкий друг?

- Я друг миссис Ферз. Капитана Ферза до его возвращения я видела, если не ошибаюсь, всего один раз.

- Кстати, о его возвращении. Вы уже находились у миссис Ферз, когда он вернулся?

- Я приехала к ней как раз в этот день.

- То есть в день его возвращения из психиатрической лечебницы?

- Да. Фактически же я поселилась у нее на другой день.

- И оставались там до тех пор, пока капитан не ушел из дома?

- Да.

- Как он вел себя в течение этого времени?

При этом вопросе Динни впервые осознала, как невыгодно не иметь представления о том, что говорилось до вас. Кажется, ей придется выложить все, что она знает и чувствует на самом деле.

- Он производил на меня впечатление абсолютно нормального человека, если не считать одного - он не желал выходить и видаться с людьми. Он выглядел совершенно здоровым, только глаза были какие-то особенные: увидишь их и сразу чувствуешь себя несчастным.

- Точнее, пожалуйста. Что вы имеете в виду?

- Они... они были как пламя за решеткой - то вспыхивали, то гасли.

Динни заметила, что при этих словах вид у присяжных стал менее архивный.

- Вы говорите, он не желал выходить? И так было все время, пока вы там находились?

- Нет, один раз он вышел - накануне ухода из дома. По-моему, его не было целый день.

- По-вашему? Разве вы отсутствовали?

- Да. В этот день я отвезла обоих детей к моей матери в Кондафорд и возвратилась вечером, перед самым обедом. Капитана Ферза еще не было.

- Что побудило вас увезти детей?

- Меня попросила миссис Ферз. Она заметила в капитане Ферзе перемену и решила, что детей лучше удалить.

- Можете вы утверждать, что и сами заметили эту перемену?

- Да. Мне показалось, что он стал спокойнее и, вероятно, подозрительнее. Он больше пил за обедом.

- Кроме этого - ничего особенного?

- Нет. Я...

- Да, мисс Черрел?

- Я хотела рассказать о том, чего не видела лично.

- То есть о том, что вам рассказала миссис Ферз?

- Да.

- Вы можете этого не рассказывать.

- Благодарю вас, сэр.

- Вернемся к тому, что вы обнаружили, после того как отвезли детей и вернулись. Вы говорите, капитана Ферза не было дома. А миссис Ферз?

- Она была дома и одета к обеду. Я тоже быстро переоделась, и мы пообедали вдвоем. Мы очень беспокоились.

- Дальше.

- После обеда мы поднялись в гостиную и я, чтобы отвлечь миссис Ферз, попросила ее спеть. Она очень нервничала и волновалась. Спусти

некоторое время мы услышали, как хлопнула входная дверь. Потом капитан Ферз вошел и сел.

- Он что-нибудь сказал?

- Ничего.

- Как он выглядел?

- Мне показалось, что ужасно. Он весь был такой странный и напряженный, словно у него в голове засела какая-то страшная мысль.

- Продолжайте.

- Миссис Ферз спросила, пообедал ли он и не пора ли ему лечь. Но он не отвечал и сидел с закрытыми глазами, как будто спал. Наконец я шепотом спросила: "Он в самом деле заснул?" Тогда он внезапно закричал: "Где уж там заснуть! Опять начинается, и я этого не вынесу, видит бог, не вынесу!"

Когда Динни повторила эти слова Ферза, она впервые по-настоящему поняла, что означает фраза: "Оживление в зале суда". По какому-то таинственному наитию девушка восполнила нечто, чего не хватало в показаниях предыдущих свидетелей. Динни никак не могла решить, разумно поступила она или нет, и взгляд ее отыскал лицо Эдриена. Тот кивнул ей - еле заметно, но одобчительно.

- Продолжайте, мисс Черрел.

- Миссис Ферз подошла к нему, и он закричал: "Оставьте меня в покое! Убирайтесь отсюда!" Потом она, кажется, сказала: "Роналд, не вызывать ли врача? Он даст тебе снотворное и сразу уйдет". Но капитан вскочил и неистово закричал: "Никого мне не надо! Убирайтесь!"

- Так, мисс Черрел. И что же дальше?

- Нам стало страшно. Мы поднялись ко мне в комнату и стали советоваться, что предпринять, и я сказала, что нужно позвонить по телефону.

- Кому?

- Врачу миссис Ферз. Она хотела пойти сама, но я опередила ее и побежала вниз. Телефон находился в маленьком кабинете на первом этаже. Я уже назвала номер, как вдруг почувствовала, что меня схватили за руку. Капитан Ферз стоял позади меня. Он перерезал шнур ножом. Он все еще не отпускал мою руку, и я сказала ему: "Глупо, капитан Ферз! Вы знаете, что мы не причиним вам вреда". Он выпустил меня, спрятал нож и велел мне надеть туфли, потому что я держала их в другой руке.

- Вы хотите сказать, что сняли их?

- Да, чтобы сойти вниз без шума. Я их надела. Он сказал: "Я не позволю мне мешать. Я сделаю с собою что захочу". А я сказала: "Вы же знаете, мы желаем вам только добра". Тогда он сказал: "Знаю я это добро!"

Хватит с меня". Потом посмотрел в окно и сказал: "Льет как из ведра, - повернулся ко мне и закричал: - Убирайтесь из комнаты, живо! Убирайтесь!" И я снова побежала наверх.

Динни остановилась и перевела дух. Она вторично пережила сейчас эти минуты, и сердце ее отчаянно колотилось. Она закрыла глаза.

- Дальше, мисс Черрел.

Она открыла глаза. Перед нею снова были судьи и присяжные, рты которых, казалось, слегка приоткрылись.

- Я все рассказала миссис Ферз. Мы не знали, что делать и чего ждать. Я предложила загородить дверь кроватью и попытаться уснуть.

- И вы это сделали?

- Да, но мы долго не спали. Миссис Ферз была так измучена, что, наконец, заснула. Я тоже, кажется, задремала под утро. Во всяком случае, разбудила меня горничная, когда постучалась.

- Вы больше не говорили ночью с капитаном Ферзом?

Старая школьная поговорка: "Если уж врать, то всерьез", - мелькнула в голове Динни, и она решительно отрезала:

- Нет.

- Когда постучалась горничная?

- В восемь утра. Я разбудила миссис Ферз, и мы сейчас же спустились вниз. Комната капитана Ферза была в беспорядке, - он, видимо, лежал на кровати не раздеваясь, но в доме его не оказалось, его пальто и шляпа исчезли со стула, на который он их бросил в холле.

- Что вы предприняли тогда?

- Мы посоветовались. Миссис Ферз хотела обратиться к своему врачу и еще к нашему общему родственнику мистеру Майклу Монту, члену парламента. Но я подумала, что, если застану дома двух моих дядей, они скорее помогут нам разыскать капитана Ферза. Я убедила ее отправиться со мной к моему дяде Эдриену, попросить его съездить к моему дяде

Хилери и выяснить, не могут ли они вдвоем разыскать капитана Ферза. Я знала, что оба они очень умные и тактичные люди...

Динни заметила, что судья сделал легкий поклон в сторону ее дядей, и заторопилась:

- ...и старые друзья семьи Ферзов. Я подумала, что если уж они не сумеют разыскать его без лишнего шума, то другие и подавно. Мы отправились к моему дяде Эдриену" тот согласился позвать на помощь дядю Хилери, и тогда я отвезла миссис Ферз в Кондафорд к детям. Это все, что мне известно, сэр.

Следственный судья поклонился ей и сказал:

- Благодарю вас, мисс Черрел. Вы дали чрезвычайно ценные показания.

Присяжные неуклюже задвигались, словно намереваясь тоже отдать поклон; Динни сделала над собой усилие, вышла из клетки и заняла место рядом с Хилери, который положил на ее руку свою. Девушка сидела не шевелясь. Она чувствовала, как слеза, словно последняя капля летучей смеси, медленно скатывается у нее по щеке. Апатично слушая дальнейшее - допрос главного врача психиатрической лечебницы и обращение судьи к присяжным, Динни страдала от мысли, что, желая быть честной по отношению к живым, казалась нечестной по отношению к мертвому. Как это ужасно! Она дала показания о ненормальности человека, который не мог ни оправдаться, ни объясниться. Со страхом и любопытством увидела она, что присяжные вновь занимают места, а их старшина встает, готовясь огласить вердикт.

- Мы полагаем, что покойный скончался вследствие падения в меловой карьер.

- Это означает смерть от несчастного случая, - пояснил судья.

- Мы выражаем наше соболезнование вдове.

Динни чуть не захлопала в ладоши. Итак, эти извлеченные из архива люди оправдали его за недостатком улик. Она подняла голову и с неожиданной, почти задушевной теплотой улыбнулась им.

XXXI

Динни наконец опомнилась, подавила улыбку и заметила, что Хилери лукаво смотрит на нее.

- Нам можно идти, дядя Хилери?

- Пожалуй, даже нужно, пока ты окончательно не соблазнила старшину присяжных.

Выйдя на улицу и глотнув сырого октябрьского воздуха - был типичный английский осенний день, девушка предложила:

- Пройдемся немного, дядя. Передохнем и дадим выветриться запаху суда.

Они повернули и быстро пошли вниз, к видневшемуся вдали морю.

- Дядя, мне страшно интересно, что говорилось до меня. Я ни с кем не впала в противоречие?

- Нет. Из показаний Дианы сразу стало ясно, что Ферз вернулся из психиатрической лечебницы, и судья обошелся с ней очень деликатно. Меня, к счастью, вызвали раньше Эдриена, так что его показания лишь повторили мои, и он не привлек к себе особого внимания. Жаль мне журналистов: присяжные не любят констатировать самоубийство и смерть

в припадке безумия. В конце концов, никто не знает, что произошло с Ферзом. Там было глухо, темно - он легко мог оступиться.

- Вы действительно так считаете, дядя?

Хилери покачал головой:

- Нет, Динни, он задумал это с самого начала и выбрал место поближе к своему прежнему дому. И, хоть не следовало бы, скажу: слава богу, что он это сделал и обрел покой.

- О да! А что теперь будет с Дианой и дядей Эдриеном?

Хилери набил трубку и остановился, чтобы прикурить.

- Видишь ли, моя дорогая, я дал Эдриену один совет. Не знаю, воспользуется ли он им, но ты поддержи меня при случае. Все эти годы он ждал. Пусть подождет еще один.

- Дядя, я с вами целиком согласна.

- Неужели? - удивился Хилери.

- Диана просто не способна ни о ком думать - даже о нем. Ей нужно пожить одной с детьми.

- Интересно, - протянул Хилери, - не готовится ли сейчас какая-нибудь экспедиция за костями? Его надо бы на год удалить из Англии.

- Халлорсен! - воскликнула Динни, всплеснув руками. - Он же опять едет. Дядя Эдриен ему нравится.

- Чудно! А он его возьмет?

- Возьмет, если я попрошу, - просто ответила Динни.

Хилери опять бросил на нее лукавый взгляд:

- Какая опасная девица! Не сомневаюсь, что кураторы предоставят Эдриену отпуск. Я напущу на них старика Шропшира и Лоренса. А теперь мне пора обратно, Динни: тороплюсь на поезд. Это огорчительно - воздух здесь хороший. Но Луга чахнут без меня.

Динни взяла его руку:

- Восхищаюсь вами, дядя Хилери.

Хилери воззрился на девушку:

- Я что-то не улавливаю ход твоих мыслей, дорогая.

- Вы знаете, что я имею в виду. Вы сохранили старые традиции - служение долгу и все такое, - и в то же время вы ужасно современный, терпимый и свободомыслящий.

- Гм-м! - промычал Хилери, выпуская клуб дыма.

- Я даже уверена, что вы одобряете противозачаточные меры.

- Видишь ли, по этой части мы, священники, - в смешном положении. Было время, когда мысль ограничить рождаемость считалась непатриотичной. Но боюсь, что теперь, когда самолеты и газы

ликвидировали нужду в пушечном мясе, а число безработных неудержимо растет, непатриотичным становится скорее отказ от противозачаточных мер. Что же касается христианской догмы, то во время войны мы, как патриоты, уже не соблюдали одну заповедь: "Не убий". Сейчас, оставаясь патриотами, мы логически не можем соблюдать другую: "Плодитесь и размножайтесь". Противозачаточные меры большое дело, по крайней мере для трущоб.

- И вы не верите в ад?

- Нет, верю: он как раз там и находится.

- Вы стоите за спорт в воскресные дни, верно?

Хилери кивнул.

- И за солнечные ванны в голом виде?

- Стоял бы, будь у нас солнце.

- И за пижамы, и за курящих женщин?

- Нет, с сигаретами я не примирюсь - не люблю дешевки и вони.

- По-моему, это недемократично.

- Ничего не могу с собой поделаться. На, понюхай!

Динни вдохнула дым трубки.

- Пахнет хорошо - сразу чувствуется латакия. Но женщинам нельзя курить трубку. Впрочем, у каждого свой конек, о котором человек не умеет судить здраво. Ваш - отвращение к сигаретам. За этим исключением вы поразительно современны, дядя. В суде я разглядывала присутствующих, и мне показалось, что единственное современное лицо - у вас.

- Не забывай, дорогая: Чичестер держится древним своим собором.

- По-моему, мы преувеличиваем степень современности в людях.

- Ты живешь не в Лондоне, Динни. Впрочем, в известной мере ты права. Мы стали откровеннее в некоторых вещах, но это еще не означает серьезной перемены. Вся разница между годами моей юности и сегодняшним днем - в степени сдержанности. Сомнения, любопытство, желания были и у нас, но мы их не показывали. А теперь показывают. Я сталкиваюсь с кучей молодых универсантов: они приезжают работать в Лугах. Так вот, их с колыбели приучили выкладывать все, что им взбредет в голову. Они и выкладывают. Мы этого не делали, но в голову нам взбрело то же самое. Вся разница в этом. В этом и в автомобилях.

- Значит, я старомодна, - совершенно не умею выкладывать разные вещи.

- Это у тебя от чувства юмора, Динни. Оно служит сдерживающим началом и порождает в тебе застенчивость. В наши дни молодежь редко обладает им, хотя часто наделена остроумием, но это не одно и то же. Разве

наши молодые писатели, художники, музыканты стали бы делать то, что они делают сейчас, будь у них способность посмеяться над собой? А ведь она и есть мерило юмора.

- Я подумаю над этим.

- Подумай, Динни, но все-таки юмора не теряй. Для человека он то же, что аромат для розы. Ты едешь обратно в Кондафорд?

- Собираюсь. Дело Хьюберта назначат к вторичному слушанию не раньше, чем прибудет пароходом почта, а до этого еще дней десять.

- Передай привет Кондафорду. Вряд ли для меня снова наступят такие же славные дни, как те, что мы прожили там детьми.

- Я как раз думала об этом, когда ожидала своей очереди в качестве последнего из негрят.

- Динни, ты молода для такого вывода. Подожди, влюбишься.

- Я уже.

- Что, влюбилась?

- Кет, жду.

- Жуткое занятие быть влюбленным, - сказал Хилери. - Впрочем, никогда не раскаиваюсь, что предавался ему.

Динни искоса взглянула на него и выпустила коготки:

- Не предаться ли вам ему снова, дядя?

- Куда уж мне! - ответил Хилери, выколачивая трубку о почтовый ящик. - Я вышел из игры. При моей профессии не до этого. К тому же первого раза мне хватает до сих пор.

- Да, - с раскаянием в голосе согласилась Динни, - тетя Мэй такая милочка.

- Замечательно верно сказано! Вот и вокзал! До свидания, и будь здорова. Вещи я отправил утром.

Хилери помахал девушке рукой и скрылся.

Динни вернулась в гостиницу и поднялась к Эдриену, но его в номере не оказалось. Несколько расстроенная этим, девушка отправилась в собор. Она уже собиралась присесть на скамью и насладиться успокоительной красотой здания, как вдруг увидела своего дядю. Он прислонился к колонне и разглядывал витраж круглого окна.

- Любите цветное стекло, дядя?

- Если оно хорошее - очень. Бывала ты в Йоркском соборе, Динни?

Динни покачала головой и, видя, что навести разговор на нужную тему не удастся, спросила напрямик:

- Что вы теперь будете делать, милый дядя?

- Ты говорила с Хилери?

- Да.
- Он хочет, чтобы я убрался куда-нибудь на год.
- Я тоже.
- Это большой срок, Динни, а я старею.
- Поедете с Халлорсеном в экспедицию, если он вас возьмет?
- Он меня не возьмет.
- Нет, возьмет.
- Я поеду, если Диана скажет мне, что ей так угодно.
- Она этого никогда не скажет, но я совершенно уверена, что ей на какое-то время нужен полный покой.
- Когда поклоняешься солнцу, трудно уйти туда, где оно не сияет, чуть слышно произнес Эдриен.
- Динни пожала ему руку.
- Знаю. Но можно жить мыслями о нем. Экспедиция на этот раз приятная и полезная для здоровья - всего лишь в Новую Мексику. Вы вернетесь обратно помолодев, с волосами до пят, как полагается в фильмах. Вы будете неотразимы, дядя, а я так этого хочу. Требуется только одно - дать улечься суматохе.
- А моя работа?
- Ну, это уладить просто. Если Диана сможет целый год ни о чем не думать, она станет другим человеком, и вы начнете казаться ей землей обетованной.
- Эдриен улыбнулся своей обычной сумрачной улыбкой:
- Ты - маленькая змея-искусительница!
- Диана тяжело ранена.
- Иногда мне кажется, что рана смертельна, Динни.
- Нет, нет!
- Зачем ей думать обо мне, раз я уйду?
- Затем, что все женщины так устроены.
- Что ты в твои годы знаешь о женщинах! Много лет назад я вот так же ушел, и она начала думать о Ферзе. Наверно, я сделан не из того теста.
- Тогда Новая Мексика тем более вам подходит. Вы вернетесь оттуда "мужчиной с большой буквы". Подумайте об этом. Я обещаю последить за Дианой, да и дети не дадут ей вас забыть. Они только о вас и говорят. А я уж постараюсь, чтобы так было и впредь.
- Все это очень заманчиво, - уныло согласился Эдриен, - но я чувствую, что сейчас она еще дальше от меня, чем при жизни Ферза.
- Так будет некоторое и даже довольно длительное время. Нов конце концов это пройдет, дядя. Честное слово!

Эдриен долго молчал, затем объявил:

- Динни, если Халлорсен согласится, я еду.

- Он согласится. Дядя, нагнитесь, я должна вас расцеловать.

Эдриен нагнулся. Поцелуй пришелся ему в нос. Привратник кашлянул...

Возвращение в Кондафорд состоялось после полудня. Отъезжающие расселись в прежнем порядке, машину снова вел Ален. Все эти сутки он держался чрезвычайно тактично, ни разу не сделал Динни предложения, и она была ему за это соответственно благодарна. Покоя хотелось не только Диане, но и ей, Ален уехал в тот же вечер, Диана с детьми - на другой день, и в Кондафорде, куда после длительного пребывания в Шотландии вернулась Клер, остались только свои. И все-таки Динни не обрела покоя. Теперь, когда забота о несчастном Ферзе свалилась с нее, девушку угнетала и мучила мысль о Хьюберте. Поразительно, каким неиссякаемым источником тревог была эта нависшая над семьей угроза! Хьюберт и Джин писали с Ист Кост жизнерадостные письма. По их словам, они нисколько не волновались. Зато Динни волновалась. И она знала, что ее мать и отец - особенно отец - тоже волнуются. Клер не столько волновалась, сколько злилась, и злость подстегивала ее энергию: по утрам она ходила с отцом охотиться на лисят, а потом, взяв машину, удирала к соседям, откуда нередко возвращалась уже после обеда. Она была самым жизнерадостным членом семьи, и ее охотно приглашали. Динни жила наедине со своими тревогами. Она написала Халлорсену насчет Эдриена и послала обещанную фотографию, которая запечатлела ее в парадном туалете два года тому назад, когда обеих сестер из соображений экономии одновременно представили ко двору. Халлорсен незамедлительно ответил:

"Фотография изумительная. Что может быть приятней для меня, чем поездка с вашим дядей? Сейчас же свяжусь с ним".

И подписался:

"Ваш неизменно покорный слуга".

Динни прочитала письмо с благодарностью, но без всякого трепета, за что и выругала себя бесчувственной скотиной. Успокоенная таким образом относительно Эдриена, - она знала, что заботу о годовичном отпуске можно целиком возложить на Хилери, - девушка сосредоточила все свои мысли на Хьюберте. Ее все сильнее одолевали недобрые предчувствия. Она пыталась доказать себе, что это - следствие ее бездеятельной жизни, истории с Ферзом и постоянного нервного возбуждения, в котором тот ее держал, но все эти объяснения были неубедительны. Если уж здесь Хьюберту верят так мало, что власти готовы его выдать, то на что же рассчитывать ему там?

Динни украдкой склонялась над картой Боливии, словно очертания этой страны могли помочь проникнуть в психику ее жителей. Девушка никогда не любила Кондафорд более пылко, чем в эти трудные дни. Поместье - майорат. Если Хьюберта выдадут, осудят, уморят в тюрьме или он будет убит одним из этих погонщиков мулов, а у Джин не окажется сына, Кондафорд перейдет к старшему из детей Хилери - двоюродному брату Динни, которого она видела всего несколько раз: мальчик учился в закрытой школе. Имение, правда, останется в семье, но для Динни оно будет потеряно. Судьба ее любимого дома была неотделима от судьбы Хьюберта. Девушка возмущалась тем, что думает о себе, когда над

Хьюбертом нависла бесконечно более страшная угроза, но все-таки не могла отделаться от мысли о Кондафорде.

Однажды утром она попросила Клер отвезти ее в Липпингхолл. Динни терпеть не могла сама водить машину - и не без основания: присущая ей манера замечать все, мимо чего она проезжала, нередко навлекала на нее неприятности. Сестры прибыли к завтраку. Леди Монт, садившаяся за стол, приветствовала их восклицанием:

- Мои доро'ие, как досадно! Вы же не едите морковь... Вашего дяди нет дома... Она так очищает. Блор, взгляните, нет ли у О'юстины жареной дичи. Да, еще! Попросите ее, Блор, приготовить те чудесные блинчики с вареньем, которых мне нельзя есть.

- Бога ради, тетя Эм, ничего такого, что вам нельзя есть!

- Мне сейчас ниче'о нельзя есть. Ваш дядя поправляется, поэтому я должна худеть. Блор, подайте поджаренный хлеб с тертым сыром и яйцами, вино и кофе.

- Но этого слишком много, тетя Эм!

- И вино'рад, Блор. И папиросы - они наверху, в комнате мистера Майкла. Ваш дядя их не курит, а я курю си'ареты с фильтром, поэтому они не убывают. Да, еще, Блор...

- Да, миледи?

- Коктейли, Блор.

- Тетя Эм, мы не пьем коктейлей.

- Нет, пьете. Я сама видела. Клер, ты плохо вы'лядишь. Ты тоже худеешь?

- Нет. Я просто была в Шотландии, тетя Эм.

- Значит, ходила на охоту и рыбную ловлю. Ну, ступайте, про'уляйтесь по дому. Я вас подожду.

Прогуливаясь по дому. Клер спросила Динни:

- Скажите на милость, где это тетя Эм приучилась глотать "г"?

- Папа как-то рассказывал, что в ее школе непроглоченное "г" считалось худшим грехом, чем проглоченное "р". Тогда ведь в моду входило все сельское - протяжный вы'овор, охотничьи ро'а и всякое дру'ое. Она чудная, правда?

Клер, подкрашивая губы, кивнула.

Возвращаясь в столовую, они услышали голос леди Монт:

- Брюки Джеймса, Блор.

- Да, миледи?

- У них такой вид, словно они сваливаются. Займитесь ими.

- Да, миледи.

- А, вот и вы! Динни, твоя тетя Уилмет собирается погостить у Хен. Они будут расходиться во мнениях на каждом у'лу. Вы получите по холодной куропатке. Динни, что ты решила насчет Алена? Он такой интересный, а завтра у не'о кончается отпуск.

- Ничего я не решила, тетя Эм.

- Вот это и плохо. Нет, Блор, мне дайте морковь. Ты не намерена выйти за не'о замуж? Я слышала, у не'о есть перспективы. Какое-то наследство в Уилтшире. Дело в верховном суде. Он является сюда и не дает мне покоя раз'оворами о тебе.

Под взглядом Клер Динни оцепенела. Вилка ее повисла в воздухе.

- Если ты не примешь мер, он добьется перевода в Китай и женится на дочке судово'о казначея. Говорят, в Гонкон'е таких полно. Да, мой портулак по'иб - Босуэл и Джонсон полили его фекальным раствором. Они совершенно лишены обоняния. Знаешь, что они однажды сделали?

- Нет, тетя Эм.

- Заразили сенной лихорадкой мое'о племенно'о кролика - чихнули над клеткой, и бедняжка издох. Я предупредила их об увольнении, но они не ушли. И не уходят, представляешь себе! А ты собираешься осупружиться. Клер?

- Тетя Эм, что за выражение?

- Я нахожу е'о довольно приятным. Оно так часто попадает в этих невоспитанных газетах. Итак, ты собираешься замуж?

- Конечно, нет.

- Почему? У тебя нет времени? Нет, все-таки не люблю морковь - она такая однообразная. Но у ваше'го дяди сейчас такой период... Я должна быть предусмотрительна. По существу, ему уже пора выйти из него.

- Он и вышел, тетя Эм. Дяде Лоренсу - шестьдесят девять. Разве вы не знали?

- Он еще не подает никаких признаков. Блор!

- Да, миледи.
- Можете идти.
- Да, миледи.

Когда дверь закрылась, леди Монт сказала:

- Есть некоторые темы, которых при Блоре нельзя касаться, - противозачаточные меры, ваш дядя и прочее. Бедная киска!

Она поднялась, подошла к окну и сбросила кошку на цветочную клумбу.

- Как любовно к ней относится Блор! - шепнула Динни сестре.

- Мужчины, - объявила леди Монт, возвращаясь, - сбиваются с пути и в сорок пять, и в шестьдесят пять, и еще не знаю ко'да. Я нико'да не сбивалась с истинно'о пути, но мы думали об этом с пастором.

- Он теперь очень одинок, тетя?

- Нет, - отрезала тетя Эм. - Он развлекается. Он очень часто заходит к нам.

- Вот было бы замечательно, если бы о вас начали сплетничать!

- Динни!

- Дяде Лоренсу это понравилось бы.

Леди Монт впала в оцепенение.

- Где Блор? - воскликнула она. - Я все-таки съем блинчик.

- Вы отослали Блора.

- Ах да!

- Позвонить, тетя Эм? - предложила Клер. - Кнопка как раз под моим стулом.

- Я поместила ее там из-за твое'о дяди. Он пытался мне читать "Путешествия Гулливера". А это непристойно.

- Меньше, чем Рабле или даже Вольтер.

- Как! Ты читаешь непристойные кни'и?

- Но это же классики.

- Есть еще какая-то кни'а - "Ахиллес" - или что-то в этом роде. Твой дядя купил ее в Париже, но в Дувре ее отобрали. Ты читала?

- Нет, - сказала Динни.

- Я читала, - вмешалась Клер.

- Не следовало бы, судя по тому, что мне рассказывал твой дядя.

- Ну, сейчас все все читают, тетя. Это не имеет никакого значения.

Леди Монт поочередно окинула взором племянниц и глубокомысленно заметила:

- Но ведь есть же библия. Блор!

- Да, миледи?

- Кофе подайте в холл к ти'ру, Блор. И подбросьте что-нибудь в камин для запаха. Где мое виши?

Леди Монт выпила свой стакан виши, и все поднялись.

- Просто как в сказке! - шепнула Клер на ухо Динни.

- Что вы предпринимаете насчет Хьюберта? - спросила леди Монт, усаживаясь у камина в холле.

- Обливаемся холодным потом, тетя.

- Я велела Уилмет по'оворить с Хен. Вы же знаете, она встречается с особами королевской фамилии. Существует, наконец, авиация. Почему он не улетит?

- Сэр Лоренс внес за него залог.

- Лоренс не будет возражать. Мы можем обойтись без Джеймса - у не'о аденоиды - и нанять одно'о садовника вместо Босуэла и Джонсона.

- Но Хьюберт будет возражать.

- Люблю Хьюберта, - объявила леди Монт. - Он женился слишком быстро... Сейчас запахнет.

Появился Блор с кофейницей и папиросами. За ним шествовал Джеймс с кипарисовым поленом. Наступила благоговейная тишина - леди Монт заваривала кофе.

- Сколько сахара, Динни?

- Две ложечки, пожалуйста.

- Я кладу себе три. Знаю, знаю - от это'о полнеют. Тебе, Клер?

- Одну.

Девушки отхлебнули. Клер охнула:

- Потрясающе!

- О да! Тетя Эм, а ведь у вас кофе несравнимо лучше, чем у других.

- Ты права, - сказала тетя. - Я так рада за несчастно'о Ферза: в конце концов, он мог вас просто покусать. Теперь Эдриен женится на ней. Это так отратно.

- Это будет не так скоро, тетя Эм. Дядя Эдриен едет в Америку.

- Зачем?

- Мы все считаем, что так лучше всего. Он сам - тоже.

- Ко'да он вознесется на небо, с ним надо отправить провожато'о, иначе он не попадет в рай, - сказала леди Монт.

- Ну, уж ему-то там уготовано место.

- Это еще вопрос. В прошлое воскресенье пастор произнес проповедь на эту тему.

- Он хорошо говорит?

- Как тебе сказать? Приятно.

- По-моему, проповеди ему писала Джин.
 - Пожалуй. В них была изюминка. От ко'о я подхватила это слово?
 - Наверное, от Майкла, тетя.
 - Он вечно нахватается всякой всячины. Пастор сказал, что мы должны уметь отрешаться от себя. Он часто приходит сюда позавтракать.
 - Чтобы вкусно поесть?
 - Да.
 - Сколько он весит, тетя Эм?
 - Без одежды - не знаю.
 - А в одежде?
 - О, страшно мно'о! Он собирается писать кни'у.
 - О чем?
 - О Тесбери. У них была в роду дама, - правда, не Тесбери, а Фицхерберт, которую все уже похоронили, а она оказалась во Франции. Был еще один - он участвовал в сражении при Спагетти - нет, дру'ое слово. Я все'да вспоминаю о нем, если О'юстина подает слишком жирный суп.
 - При Наварине. А он действительно сражался?
 - Да, хотя кое-кто утверждает противное. Пастор собирается это выяснить. Потом был еще один - ему отсекали голову, и он не позаботился упомянуть об этом в хрониках. Но наш пастор раскопал эту историю.
 - В чье царствование это случилось?
 - Я не мо'у запоминать все царствования, Динни. При Эдуарде Шестом или Эдуарде Четвертом - почему я знаю... Он был сторонник Красной розы. Затем был еще какой-то, который женился на одной из наших. Е'о звали Роланд или в этом роде. Он натворил что-то страшное, и у не'о отобрали землю. Он не признал короля главой церкви. Что это значит?
 - При государе-протестанте это значило, что он католик.
 - Сначала сож'ли е'о дом. О нем упоминается в "Mercurius rusticus" [11] или в какой-то дру'ой книг'е. Пастор утверждает, что е'о у нас очень любили. Не помню, что было сперва - то ли дважды сож'ли е'о дом, то ли о'рабили. Там был еще ров с водой. Есть даже список все'о, что взяли.
 - Как интересно!
 - Варенье, и серебро, и цыплят, и белье, и даже зонтик или что-то смешное в этом роде.
 - Когда все это было, тетя?
 - Во время гражданской войны. Он был роялистом. Вспомнила - это'о звали не Роланд, а по-дру'ому. Ее звали Элизабет, как тебя, Динни. История повторяется.
- Динни смотрела на полено в камине.

- Потом был еще последний в роду адмирал при Виль'ельме Четвертом, который умер пьяным. Не Виль'ельм, а он. Пастор это отрицает. Он и пишет для то'о, чтобы это опровер'нуть. Он говорит, что адмирал прозяб и выпил от простуды рому, а ор'анизм не сработал. Где я подхватила это слово?

- Я иногда употребляю его, тетя.

- Ну, конечно. Так что у не'о целая масса выдающихся предков, не считая всяких обыкновенных, и они восходят прямо к Эдуарду Проповеднику или кому-то еще. Пастор хочет доказать, что Тесбери древнее нас. Какая нелепость!

- Не волнуйтесь, милая тетя! - замурлыкала Клер. - Ну кто станет это читать?

- Не скажи. Он просто любит разы'рывать сноба - это е'о поддерживает. А, вот и Ален! Клер, ты видела мой портулак? Не пойти ли нам посмотреть?

- Тетя Эм, вы бесстыдница, - шепнула Динни ей на ухо. - И потом, это ни к чему.

- Помнишь, что нам твердили по утрам в детстве? Час терпеть - век жить. Клер, подожди, я возьму шляпу.

- Итак, ваш отпуск кончен, Ален? - спросила Динни, оставшись наедине с молодым человеком. - Куда вас направляют?

- В Портсмут.

- Это хорошо?

- Могло быть хуже. Динни, я хочу поговорить с вами о Хьюберте. Если дело плохо обернется в суде, что тогда?

Динни разом утратила свою "шипучесть". Она опустилась на подушку перед камином и подняла на Алена встревоженный взгляд.

- Я наводил справки, - продолжал молодой Тесбери. - В таких случаях дается отсрочка на две-три недели, чтобы министр внутренних дел мог ознакомиться с решением суда. Как только он утверждает его, виновного немедленно выдают. Отправляют обычно из Саутгемптона.

- Вы серьезно думаете, что до этого дойдет?

- Не знаю, - угрюмо ответил Ален. - Представьте себе, что боливиец кого-то здесь убил и уехал. Мы-то ведь тоже постарались бы заполучить его и нажали бы для этого на все пружины.

- Это чудовищно!

Молодой человек посмотрел на нее с решительным и сочувственным видом:

- Будем надеяться на лучшее, но если дело пойдет плохо, придется

принять меры. Ни я, ни Джин так просто не сдадимся.

- Но что же делать?

Молодой Тесбери прошелся по холлу, заглянул за двери. Затем наклонился к девушке и сказал:

- Хьюберт может улететь. После возвращения из Чичестера я ежедневно практикуюсь в пилотировании. На всякий случай мы с Джин разработали один план.

Динни схватила его за руку:

- Это безумие, мой мальчик!

- На войне приходилось делать и не такое.

- Но это погубит вашу карьеру!

- К черту карьеру! Что же, по-вашему, лучше сложить руки и смотреть, как вас и Джин сделают несчастными на долгие годы, а такого человека, как Хьюберт, навсегда изломают?

Динни конвульсивно сжала его руку, потом выпустила ее.

- Этого не может быть. До этого не дойдет. Кроме того, как вы доберетесь до Хьюберта? Он же будет под стражей.

- Пока не знаю, но буду знать, когда наступит время. Мне ясно одно: если его увезут, там уж совсем никаких шансов не останется.

- Вы говорили с Хьюбертом?

- Нет. Покамест все очень неопределенно.

- Я уверена, что он не согласится.

- Этим займется Джин.

Динни покачала головой:

- Вы не знаете Хьюберта. Он никогда вам не позволит.

Ален усмехнулся, и Динни внезапно заметила, что в нем есть какая-то всепокрушающая решительность.

- Профессор Халлорсен посвящен в ваш план?

- Нет, и не будет без крайней необходимости, хотя, должен сознаться, он - славный малый.

Девушка слабо усмехнулась:

- Да, славный, только чересчур большой.

- Динни, вы не увлечены им?

- Нет, мой дорогой!

- Ну и слава богу! Видите ли, - продолжал моряк, - с Хьюбертом вряд ли станут обращаться, как с обыкновенным преступником. Это облегчит нам задачу.

Динни смотрела на него, потрясенная до мозга костей. Последняя реплика окончательно убедила ее в серьезности его намерений.

- Я начинаю понимать, что произошло в Зеебрюгге. Но...

- Никаких "но" и встряхнитесь! Пакетбот прибывает послезавтра, и дело назначат к вторичному слушанию. Увидимся в суде. Мне пора, Динни, - у меня каждый день тренировочный полет. Я просто хотел поставить вас в известность, что мы не сложим оружие, если дела обернутся плохо. Кланяйтесь леди Монт. Я ее больше не увижу. До свидания. Желаю удачи.

И, прежде чем она успела сказать хоть слово, он поцеловал ей руку и вышел из холла.

Притихшая и растроганная, Динни сидела у камина, где тлело кипарисовое полено. До сих пор мысль о бунте никогда не приходила ей в голову, девушка никогда по-настоящему не верила, что Хьюберта могут предать суду, не верила даже сейчас, и "безумный" план казался ей от этого еще более рискованным: давно замечено, что опасность тем страшней, чем она маловероятней. К волнению девушки примешивалось теплое чувство, - Ален даже не сделал ей очередного предложения. Это лишний раз убеждало Динни в том, что он говорил серьезно. И, сидя на шкуре тигра, доставившего не слишком много волнений восьмому баронету, который со спины слона застрелил ее владельца в ту минуту, когда тот отнюдь не стремился обратить на себя внимание, Динни согревала тело жаром кипарисового полена, а душу сознанием того, что она никогда еще не была так близка к пламени жизни. Куинс, черный с белыми подпалинами старый спаниель ее дяди, который во время частых отлучек хозяина обычно не проявлял особого интереса к людям, медленно пересек холл, улегся на пол, опустил голову на лапы и поднял на Динни глаза в покрасневших ободках век. Взгляд его как будто говорил: "Может быть, будет, а может, и нет". Полено негромко затрещало, и высокие стоячие часы в дальнем углу холла, как, всегда медлительно, пробили три часа.

XXXII

Там, где речь идет о деле, исход которого сомнителен - будь то спортивный матч, ньюмаркетские скачки, ультиматум или отправка человека на виселицу, возбуждение всегда достигает апогея в последнюю минуту. Поэтому в день, когда Хьюберт должен был вторично предстать перед судом, ожидание стало для семьи Черрелов особенно мучительным. Родственники Хьюберта собрались в полицейском суде, словно древний шотландский клан, который немедленно стекался, как только опасность грозила одному из его сочленов. Налицо были все за исключением Лайонела, у которого шла сессия, и детей Хилери, уже уехавших в школу. Все это напоминало бы свадьбу или похороны, не будь лица так угрюмы и не таись в душе у каждого обида на незаслуженную несправедливость.

Динни и Клер сидели между отцом и матерью; справа от них расположились Джин, Ален, Халлорсен и Эдриен. Сзади них - Хилери с женой. Флер с Майклом и тетя Уилмет. На третьей скамье сэр Лоренс и леди Монт. Пастор Тесбери в последнем ряду замыкал этот боевой порядок, имевший вид перевернутого треугольника.

Хьюберт, входя в зал со своим адвокатом, улыбнулся сородичам, как горец клану перед боем.

Теперь, когда наконец дошло до суда, Динни испытывала нечто похожее на апатию. Все преступление ее брата заключалось в самозащите. Он останется невиновным, даже если его осудят. Ответив на улыбку Хьюберта, девушка сосредоточила все внимание на лице Джин. Ее сходство с тигрицей стало особенно явственным - странные, глубоко посаженные глаза Джин непрерывно перебегали с ее "детеныша" на тех, кто угрожал его отнять.

Были оглашены те же свидетельские показания, что и в первый раз.

Затем адвокат Хьюберта представил новый документ - сделанное под присягой заявление Мануэля. Затем апатия слетела с Динни: обвинение отпарировало удар защиты, предъявив суду опять-таки данное под присягой свидетельство четырех погонщиков о том, что Мануэль не присутствовал при выстреле.

Наступило время ужаснуться по-настоящему. Четыре метиса против одного!

Динни заметила, что по лицу судьи пробежала тень замешательства.

- Кто представил это второе свидетельство, мистер Баттел?

- Адвокат в Ла Пас, ведущий это дело, ваша честь. Ему стало известно, что погонщика Мануэля просили дать показания.

- Понятно. А что вы скажете по поводу шрама, который нам показал обвиняемый?

- Ни вы, сэр, ни я не располагаем никакими данными, кроме утверждений самого обвиняемого, о том, каким образом и когда был нанесен удар.

- Согласен. Но не допускаете же вы, что удар был нанесен мертвецом, после того как его застрелили.

- Кастро, державший в руке нож, мог после выстрела упасть лицом вперед. Я полагаю, это удовлетворительное объяснение.

- По-моему, не слишком, мистер Баттел.

- Может быть. Но свидетельские показания, которыми я располагаю, подтверждают, что выстрел был сделан преднамеренно, хладнокровно и с дистанции в несколько ярдов. О том же, обнажил Кастро нож или нет, мне

ничего не известно.

- Итак, можно сделать один вывод: либо лгут шесть ваших свидетелей, либо обвиняемый и погонщик Мануэль.

- Да, видимо, дело обстоит так, ваша честь. Вам остается решить, что предпочесть - данные под присягой показания шести граждан или данные под присягой показания двух.

Динни видела, что судья старается уклониться от прямого ответа.

- Я все превосходно понял, мистер Баттел. Что скажете вы, капитан Черрел, по поводу представленных нам показаний об отсутствии погонщика

Мануэля?

- Ничего, сэр. Мне неизвестно, где был Мануэль. Я был слишком занят спасением своей жизни. Я знаю только одно - он подбежал ко мне почти сразу же.

- Почти? А точнее?

- Право, затрудняюсь ответить. Может быть - через минуту. Я пытался остановить кровотечение и лишился чувств как раз в тот момент, когда он подбежал.

Затем последовали речи двух адвокатов, и апатия снова охватила Динни.

Это состояние прошло, как только после речей в зале на пять минут воцарилась тишина. Казалось, что во всем суде занят делом лишь один человек - судья - и что он никогда его не кончит. Из-под приспущенных ресниц девушка видела, как он смотрит то в одну бумагу, то в другую; у него было красное лицо, длинный нос, острый подбородок и глаза, которые нравились Динни, когда он их поднимал. Она чувствовала, что судье не по себе. Наконец он заговорил:

- В данном случае мой долг - спросить себя не о том, совершено ли преступление и совершил ли его обвиняемый, но лишь о том, достаточны ли, во-первых, представленные мне свидетельства для того, чтобы я признал предполагаемое преступление основанием для выдачи обвиняемого; во-вторых, о том, должным ли образом удостоверена подлинность показаний иностранцев, и, наконец, о том, располагаю ли я такими уликами, которые в нашей стране дали бы мне право привлечь обвиняемого к суду.

Судья помолчал, потом прибавил:

- Предполагаемое преступление, бесспорно, может служить основанием для выдачи обвиняемого, а подлинность показаний иностранцев должным образом удостоверена.

Он снова сделал паузу, и в наступившей гробовой тишине Динни услышала долгий вздох, такой далекий и слабый, словно его издал призрак. Судья перевел взгляд на лицо Хьюберта и заключил:

- Я с большой неохотой прихожу к выводу, что на основании вышеприведенных улик обвиняемый должен быть взят под стражу для выдачи его иностранной державе по приказу министра внутренних дел, если тот сочтет за благо отдать таковой. Я выслушал показания обвиняемого, который ссылается на обстоятельства, предшествовавшие совершенному им деянию и лишают последнее характера преступления, причем эти показания подтверждены заявлением одного из свидетелей, которому противоречит заявление четырех других свидетелей, сделанное ими под присягой. Я лишен возможности вынести суждение об этих опровергающих друг друга документах и могу утверждать лишь одно: их соотношение составляет четыре к одному. Поэтому я не стану входить в дальнейшее их рассмотрение. Я располагаю, кроме того, данными под присягой свидетельскими показаниями шести человек, утверждающих, что выстрел был сделан преднамеренно, и не нахожу, что ничем не подтвержденные слова обвиняемого, который это отрицает, могли бы оправдать мой отказ предать его суду, будь этот проступок совершен в нашей стране. Поэтому я не вправе считать заявление обвиняемого основанием для отказа предать его суду за проступок, совершенный в другой стране. Я, не колеблясь, признаю, что прихожу к данному выводу с большой неохотой, но считаю, что другого пути у меня нет. Повторяю, вопрос не в том, виновен или невиновен обвиняемый, а в том, должен или не должен он быть предан суду. Я не вправе взять на себя ответственность и сказать, что не должен. Последнее слово в делах такого свойства принадлежит министру внутренних дел, от которого исходит приказ о выдаче. Поэтому я беру вас под стражу, капитан Черрел, впредь до отдачи вышеназванного приказа. Вы не будете выданы ранее истечения двух недель и имеете право сослаться на Habeas corpus, [12] если считаете арест незаконным. Не в моей власти предоставить вам возможность и дальше находиться на поруках, но таковая может быть вам предоставлена судом королевской скамьи, если вы к нему обратитесь.

Динни полными ужаса глазами увидела, как Хьюберт, который все время держался очень прямо, слегка поклонился судье, оставил скамью подсудимых и медленно, не оглядываясь, вышел из зала. Его адвокат последовал за ним.

Сама Динни была настолько ошеломлена, что несколько минут ее сознание воспринимало только два впечатления - окаменевшее лицо Джин

и смуглые руки Алена, судорожно стиснутые на рукояти стека.

Она пришла в себя, заметив, что отец встает, а по лицу матери катятся слезы.

- Идем! - бросил сэра Конуэй. - Прочь отсюда.

В этот момент Динни больше всего жалела отца. Он так мало говорил и так много переживал с тех пор, как началась эта история! Для него она была особенно ужасна. Динни прекрасно понимала его бесхитростную душу. Отказ поверить слову Хьюберта был оскорблением, брошенным не только в лицо его сыну и ему самому, как его отцу, но и всему, за что они стояли и во что верили, - всем солдатам и всем джентльменам! Он никогда не оправится, чем бы все это ни кончилось. Как безысходно несовместимы правосудие и справедливость! Разве найдутся люди благороднее, чем ее отец, ее брат и - может быть - даже этот судья? Выйдя вслед за отцом на Боу-стрит - пенящийся водоворот людей и машин, Динни заметила, что все ее близкие, кроме Джин, Алена и Халлорсена, налицо. Сэр Лоренс сказал:

- Мы должны "нанять такси и ездить хлопотать". Отправимся сначала на Маунт-стрит и посоветуемся, что может сделать каждый из нас.

Полчаса спустя, когда семья собралась в гостиной тети Эм, трое беглецов все еще отсутствовали.

- Куда они запропастились? - спросил сэра Лоренс.

- Наверно, отправились к адвокату Хьюберта, - ответила Динни, хотя прекрасно понимала, в чем дело. Замышлялся какой-то отчаянный шаг. Поэтому она лишь краем уха следила за ходом семейного совета.

Сэр Лоренс по-прежнему считал, что ставить нужно на Бобби Феррара.

Если уж он не уломает Уолтера, рассчитывать больше не на что. Баронет вызвался снова съездить к нему и к маркизу.

Генерал хранил молчание. Он стоял поодаль, глядя на одну из картин, принадлежавших его шурина, и явно не видя ее. Динни поняла, что он не присоединяется к остальным просто потому, что не может. О чем он думал? О тех ли временах, когда он был так же молод, как его сын, и только что женился; о долгих днях, проведенных под палящим солнцем в песках Индии и Южной Африки; о еще более долгих днях штабной рутины; о напряженном сидении над картой, с устремленными на часы глазами и прижатой к уху телефонной трубкой; о своих ранах и затяжной болезни сына; о двух жизнях, отданных службе и так чудовищно за это вознагражденных?

Сама Динни держалась поближе к Флер, инстинктивно чувствуя, что именно ее ясный и быстрый ум способен подать подлинно ценный совет.

Она услышала голос Хилери:

- Помещик имеет вес в правительстве. Я могу съездить к Бентуорту.

Пастор Тесбери поддержал его:

- Я поеду с вами - мы с ним знакомы по Итону.

Она услышала, как тетя Уилмет проворчала:

- Я снова напомню Хен насчет королевской семьи.

Майкл подхватил:

- Через две недели начнется сессия парламента.

Флер нетерпеливо возразила:

- Бесплезно, Майкл. От прессы тоже толку мало. Не позволят ли мне развить одно положение?

"Наконец-то!" - подумала Динни и пересела поближе.

- Мы поверхностно подходим к делу. Что за ним кроется? Почему боливийское правительство так близко приняло к сердцу смерть простого погонщика-полукровки? Суть не в том, что его застрелили, а в умалении национального достоинства. Еще бы! Иностранцы порют и расстреливают боливийцев! Необходимо нажать на их посла. Пусть он скажет Уолтеру, что им все это, в сущности, не так уж важно.

- А как нажмешь? Мы не можем похитить его, - ввернул Майкл. - В высших сферах так не принято.

Слабая улыбка скользнула по губам Динни, - она не была в этом уверена.

- Подумаем, - сказала Флер, словно рассуждая сама с собой, - Динни, вы должны ехать с нами. Сидя здесь, далеко не уйдешь.

Глаза Флер обежали девятерых представителей старшего поколения.

- Я еду к дяде Лайонелу и тете Элисон. Сам он лишь недавно назначен судьей и не смеет пикнуть, но она посмеет. Кроме того, она знакома со всем дипломатическим корпусом. Едете, Динни?

- Я должна быть с мамой и отцом.

- Они останутся здесь. Эм только что их пригласила. Ну, раз вы остаетесь с ними, хоть забегайте почаще: вы можете понадобиться.

Динни кивнула, радуясь, что остается в Лондоне: ожидать развязки в Кондафорде было бы невыносимо.

- Нам пора, - бросила Флер. - Я немедленно еду к Элисон.

Майкл задержался и крепко потряс руку Динни:

- Не вешай нос, Динни! Мы все-таки вызволим его. Если бы только не этот Уолтер!.. Недаром у него голова как яйцо: кто вообразил себя поборником законности, у того наверняка мозги протухли.

Когда все, за исключением членов семьи генерала, разошлись, Динни

подошла к отцу. Он все еще рассматривал картину - правда, уже другую. Девушка взяла его под руку и сказала:

- Все будет хорошо, папочка, милый. Ты же видел, судья сам был расстроен. У него нет власти, но у министра она должна быть.

- Я думал, - ответил сэр Конуэй, - что стало бы с нашими соотечественниками, если бы мы не обливались потом и не рисковали ради них жизнью.

Генерал говорил без горечи и даже без волнения.

- Я думал, зачем нам продолжать тянуть ляжку, если нашему слову не верят? Интересно, где был бы этот судья, если бы... О, со своей точки зрения он действует правильно! Но где он был бы сейчас, если бы такие же парни, как Хьюберт, безвременно не отдали свою жизнь? Интересно, зачем мы избрали жизнь, которая привела меня на грань разорения, а Хьюберта впутала в эту историю, хотя мы могли тепло и уютно устроиться в Сити или в судах? Неужели прошлое человека сбрасывается со счетов, как только с ним случается что-нибудь? Я оскорблен за армию, Динни.

Она видела, как судорожно сжимаются его тонкие смуглые руки, сложенные так, словно он стоял по команде "вольно", и всем сердцем была согласна с отцом, хотя отчетливо понимала, насколько невыносимо то особое положение, которого он требовал для военных. "Доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота не прейдет из закона". Не эти ли слова она прочла на днях там, откуда предлагала почерпнуть секретный морской код?

- Мы с Лоренсом сейчас уедем, - сказал сэр Конуэй. - Поухаживай за матерью, Динни. У нее болит голова.

Динни завесила окна в комнате матери, дала ей обычные в таких случаях лекарства, оставила ее одну, чтобы не мешать ей уснуть, и спустилась вниз. Клер тоже ушла, и гостиная, только что полная народу, казалась вымершей. Девушка пересекла комнату и открыла рояль. Внезапно она услышала:

- Нет, Полли, мне слишком грустно. Тебе пора спать.

Динни увидела тетку, которая стояла в угловой нише и водворяла попугая в клетку.

- Можно мне погрустить с вами, тетя Эм?

Леди Монт обернулась:

- Прижмись ко мне щекой, Динни.

Динни прижалась. Щека тетки была розовая, круглая, мягкая, и девушке стало легче.

- Я с само'о начала предчувствовала, что он скажет, - объявила леди Монт. - У не'о такой длинный нос. Через десять лет он дойдет до

подбородка. Не понимаю, как его назначили судьей. От тако'о не жди хороше'о. Давай поплачем, Динни. Ты садись тут, а я сяду здесь.

- Вы плачете громко или тихо, тетя Эм?

- Средне. Начинай ты. Что за мужчина, который боится взять на себя ответственность! Вот я с удовольствием взяла бы. Почему он просто не сказал Хьюберту: "Ступайте и больше не грешите"?

- Хьюберт ни в чем не грешен.

- Тем хуже. Стоит обращать внимание на иностранцев! На днях я сидела у окна в Липпин'холле, а на террасе было три скворца, и я два раза чихнула. Ты думаешь, они обратили на меня внимание? Где эта Боливия?

- В Южной Америке, тетя Эм.

- Нико'да не знала гео'рафии. Я чертила карты хуже всех в школе, Динни. Однажды меня спросили, где Ливин'стон обнялся со Стенли, и знаешь, что я ответила? У Ниа'арско'о водопада. А это неправильно.

- Вы ошиблись всего на один континент, тетя.

- Да. Нико'да не видела, чтобы люди смеялись так, как моя учительница. Это неразумно, - она была полная. По-моему, Хьюберт похудел.

- Он всегда был худой, но с тех пор как женился, вид у него не такой изможденный.

- Джин полнее е'о, это естественно. Пора и тебе замуж, Динни.

- Я не знала, что вы стали свахой, тетя!

- Что произошло вчера на ти'ровой шкуре?

- Не смею рассказать вам об этом, тетя Эм.

- В таком случае все, видимо, кончилось скверно?

- Не хотите ли вы, наоборот, сказать "хорошо"?

- Ты смеешься надо мной?

- Разве вы когда-нибудь могли упрекнуть меня в непочтительности?

- Да. Я прекрасно помню, как ты написала про меня стихотворение:

Хоть тетя Эм убеждена,

Что, как швея, я не сильна,

Сама уменья лишена

Сшить даже чертика она. Я сохранила эти стихи. Мне казалось, что в них чувствуется характер.

- Неужели я была таким чертенком?

- Да. Скажи, нет ли способа укорачивать собак?

Леди Монт обернулась к светло-рыжей охотничьей собаке, которая лежала на коврикe:

- У Бонзо слишком длинное туловище.

- Я вас предупреждала, тетя Эм, когда он был еще щенком.

- Да, но я не замечала это'о, пока он не начал гоняться за кроликами. Он не может влезть к ним в нору. И потом у не'о из-за это'о такой беспомощный вид. Ну, Динни, что же нам делать, раз мы не в состоянии плакать?

- Наверно, смеяться, - вздохнула Динни.

XXXIII

Ее отец и сэр Лоренс не вернулись к обеду, мать не вставала с постели, Клер осталась у знакомых, и Динни пообедала вдвоем с теткой.

- Тетя Эм, вы не возражаете, если я съезжу к Майклу? - спросила девушка, покончив с едой. - Флер тут выдвинула одно положение.

- При чем здесь положение? - удивилась леди Монт. - До марта еще далеко.

- Речь идет не о ее состоянии, тетя, а об одной мысли, которая пришла ей в голову.

- Почему бы ей так прямо и не сказать?

И, вынеся этот приговор излишней вычурности речи, леди Монт позвонила.

- Блор, такси для мисс Динни. Блор, ко'да вернется сэр Лоренс, доложите мне. Я хочу принять горячую ванну и вымыть голову.

- Да, миледи.

- Ты моешь голову, ко'да тебе грустно, Динни?

Направляясь в этот мрачный туманный вечер на Саут-сквер, Динни была в таком отчаянии, какого ей еще не довелось испытывать. При мысли, что Хьюберт томится в тюремной камере, что он оторван от жены через три недели после свадьбы, что ему угрожает разлука, которая может стать вечной, и участь, о которой страшно даже подумать, и что виной всему нелепая щепетильность властей, не желающих поверить его слову, страх и гнев разливались в душе девушки, как нерастраченный зной в предгрозовом воздухе.

Она застала у Флер свою тетку - леди Эдисон. Обе были погружены в обсуждение различных ходов и комбинаций. Боливийский посол находился в отпуске после болезни, и его замещал один из атташе. По мнению леди Эдисон, это осложняло задачу, так как последний, вероятно, побоится взять на себя ответственность. Тем не менее она берется устроить завтрак, на который пригласит Флер и Майкла, а если Динни угодно, то и ее. Динни покачала головой: она разуверилась в своем умении уламывать государственных мужей.

- Если уж вы и Флер не уладите дело, тетя Эдисон, то я и подавно. Вот

Джин - та бывает совершенно неотразима, когда ей это нужно.

- Она только что звонила, Динни, и просила передать, чтобы вы зашли к ней, если будете сегодня в наших краях; если нет, она вам напишет.

Динни поднялась:

- Я пошла.

Она торопливо миновала окутанную туманом набережную и свернула в квартал, застроенный доходными домами, в одном из которых Джин сняла квартиру. Мальчишки газетчики на углу выкрикивали самые животрепещущие новости дня. Динни решила посмотреть, занялась ли пресса делом ее брата, купила газету, остановилась под фонарем и развернула ее. Вот оно: "Британский офицер под судом. Выдача по обвинению в убийстве". Как мало внимания обратила бы Динни на такой заголовок, если бы он не касался ее брата! То, что означало смертную муку для нее самой и ее родных, было для публики лишь щекочущей нервы забавой. Несчастье ближнего - развлечение для толпы, источник дохода для прессы. У человека, продавшего ей газету, было худое лицо, заношенная одежда и хромая нога, и девушка, осушая до последней капли жертвенную чашу своей горечи, вернула ему газету и дала шиллинг. Остолбеневший газетчик выпучил глаза, раскрыл рот. Дай бог, чтобы она принесла успех хоть ему!

Динни поднялась по лестнице. Квартира находилась на третьем этаже. У дверей в погоне за собственным хвостом вертелась большая черная кошка. Она раз шесть повернулась на одном месте, села, подняла заднюю лапу и начала ее вылизывать.

Джин сама открыла дверь. Динни застала невестку в самый разгар приготовлений к отъезду: через руку Джин была переброшена пара комбинаций. Динни расцеловалась с ней и осмотрелась. Она была здесь в первый раз. Двери крошечной гостиной, спальни, кухни и ванной распахнуты; стены выкрашены светло-зеленой клеевой краской; пол выстелен темно-зеленым линолеумом. Обстановка скромная: двуспальная кровать, несколько чемоданов; обеденный стол и два кресла в гостиной; кухонный столик, стенной шкафчик с солями для ванны; ни ковров, ни картин, ни книг; на окнах - набивные ситцевые занавески; во всю стену спальни - гардероб, откуда Джин уже вынула платья, свалив их кучей на кровати. Воздух лучше, чем на лестнице, - пахнет кофе и лавандой.

Джин уложила комбинации.

- Выпьем кофе, Динни? Я только что сварила.

Она налила две чашки, положила сахару, подала одну Динни вместе с пачкой сигарет, указала ей на одно из кресел и опустилась в другое сама.

- Тебе передали мою просьбу? Рада, что ты пришла: не надо писать. Терпеть не могу писанины.

Ее хладнокровие и невозмутимость казались Динни настоящим чудом.

- Ты видела Хьюберта?

- Да. Там довольно удобно. Ему дали книги и бумагу. Можно получать еду из дома, но курить не разрешается. Надо об этом похлопотать. По английским законам, Хьюберт покамест так же невиновен, как сам министр внутренних дел, а разве есть закон, запрещающий министру курить? Я больше не увижу его, а ты ведь пойдешь к нему, - передай привет от меня особо и захвати с собой сигареты на случай, если разрешат.

Динни удивленно уставилась на нее:

- А куда же ты?

- Вот потому я и хотела повидаться с тобой. О том, что услышишь, никому ни слова. Обещай, что будешь всем беззастенчиво врать, иначе ничего не скажу.

Динни решительно сказала:

- Ручаюсь, как говорится, головой. Выкладывай.

- Завтра я уезжаю в Брюссель. Ален - сегодня. Отпуск ему продлен по неотложным семейным обстоятельствам. Мы просто хотим подготовиться к худшему - вот и все. Я должна срочно научиться летать. Если буду подниматься в воздух три раза в день, трех недель мне хватит. Наш адвокат гарантировал нам самое малое три недели. Он, конечно, ни о чем не знает. Никто ничего не должен знать, кроме тебя. У меня к тебе просьба.

Джин поднялась и достала из сумочки небольшой предмет, завернутый в папиросную бумагу:

- Мне нужно пятьсот фунтов. Говорят, там можно купить хорошую подержанную машину по дешевке, но остальное тоже будет нелишним.

Взгляни, Динни: это старинная фамильная штучка. Она стоит кучу денег. Заложи ее за пятьсот. Если столько под заклад не дадут, продай. Закладывай или продавай от своего имени, обменяй английские деньги на бельгийские и вышли их мне до востребования в Брюссель, на главный почтамт. Нужно умудриться проделать все это в три дня.

Джин развернула пакет и показала старомодную, но очень красивую изумрудную подвеску.

- О!

- Да, недурна! - согласилась Джин. - Можешь смело запрашивать лишнее. Пятьсот дадут обязательно. Изумруды в цене.

- Почему ты не заложил ее сама до отъезда?

Джин покачала головой:

- Нет, это может возбудить подозрения. На тебя никто не обратит внимания, Динни; ты не собираешься нарушать закон. Мы, возможно, нарушим, но не собираемся попадаться.

- Ты не можешь рассказать мне все? - спросила Динни.

- Нельзя и не нужно. Мы сами пока ничего толком не знаем. Но будь спокойна, - Хьюберта мы увезти не дадим. Значит, сделаешь?

Она снова завернула подвеску в бумагу.

Динни взяла пакет и опустила за вырез платья, - она не захватила с собой сумочку. Потом наклонилась вперед и строго потребовала:

- Джин, обещаю ничего не предпринимать, пока остается хоть малейшая надежда.

Джин кивнула:

- Обещаю, до последней крайности - ничего. Иначе и быть не может.

Динни схватила ее за руку:

- Джин, во всем виновата только я. Это я вас свела.

- Дорогая моя, не сделай ты этого, я бы тебе никогда не простила. Я влюблена.

- Но это же так ужасно для тебя!

Джин уставилась куда-то в пустоту, и Динни показалось, что из-за угла вот-вот выйдет тигренок.

- Нет! Мне приятно думать, что я вытащу его из этой истории. У меня никогда еще не было столько энергии.

- Ален многим рискует?

- Если сработаем чисто, нет. У нас несколько планов в зависимости от обстановки.

Динни вздохнула:

- Дай бог, чтобы ни один не понадобился.

- Надеюсь на это. Но нельзя же полагаться на судьбу, когда имеешь дело с таким "поборником законности", как Уолтер.

- До свидания, Джин, и желаю успеха.

Они расцеловались, и Динни вышла на улицу с изумрудной подвеской, свинцовым грузом лежавшей у нее на сердце. Моросило, и девушка вернулась на Маунт-стрит в такси. Ее отец и сэр Лоренс приехали как раз перед ней. Нового почти ничего. Хьюберт, видимо, не хочет, чтобы его опять взяли на поруки. "Работа Джин!" - подумала Динни. Министр внутренних дел отбыл в Шотландию и проведет там недели две до начала парламентской сессии. До его возвращения приказ отдан не будет. По мнению сведущих людей, у Черрелов еще три недели, чтобы все поставить на ноги. Да, но "доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота не прейдет из

закона". Кроме того, разве такая уж чепуха все эти "связи", "влияние", "ходы" и "умение устраиваться", о которых теперь столько говорят? Неужели нет какого-нибудь чудодейственного, хотя пока еще не найденного, средства?

Отец, подавленный, поцеловал Динни и отправился спать. Девушка осталась вдвоем с сэром Лоренсом. Даже он был невесел.

- Не осталось в нас с тобой больше шипучки, - сказал баронет.

Иногда мне кажется, Динни, что мы слишком много носимся с Законом.

Эта придуманная на скорую руку система настолько же точна в определении наказания за проступок, насколько точен диагноз врача, который видит больного в первый раз; тем не менее по каким-то таинственным причинам мы приписываем ей святость Грааля и видим в каждой ее букве глагол господень. Дело Хьюберта - на редкость удачный для министра внутренних дел случай проявить свою гуманность. Но я не верю, что он это сделает, Динни. Бобби Феррар тоже не верит. На наше несчастье, один не в меру ретивый идиот недавно обозвал Уолтера "воплощенной неподкупностью". По словам Бобби, это не только не вызвало у того тошноту, но, наоборот, ударило ему в голову, и с тех пор он не отменил ни одного приговора. Я уже думал, не написать ли мне в "Тайме", объявив во всеуслышание: "В некоторых вопросах эта поза неумолимой неподкупности опаснее для правосудия, чем чикагские нравы". Чикагцам следовало бы переманить Уолтера к себе. Он, по-моему, уже побывал там. Что может быть страшнее для человека, чем перестать быть человеческим?

- Он женат?

- Теперь даже не женат, - ответил сэр Лоренс.

- Бывают люди, которые бесчеловечны от рождения.

- Такие лучше: по крайней мере знаешь, с кем имеешь дело, и, отправляясь к ним, не забываешь прихватить с собой кочергу. Нет, самое вредное - это чурбан, которому вскружили голову. Кстати, я сказал моему молодому человеку, что ты согласна позировать для миниатюры.

- Что вы, дядя! Я просто не в состоянии позировать сейчас, когда все мои мысли заняты Хьюбертом.

- О, разумеется, не сейчас: Но обстоятельства должны рано или поздно измениться.

Он проникательно посмотрел на племянницу:

- Между прочим, Динни, что думает юная Джин?

Динни подняла на дядю невозмутимо ясные глаза:

- При чем здесь Джин?

- Мне кажется, она не из тех, кто даст наступить себе на горло.

- Это верно, но что она, бедняжка, может поделаться?

- Странно, очень странно, - процедил сэр Лоренс, приподняв брови.

"Женщины невинные и милые, да, да, - это херувимчики бескрылые, да, да", - как распевал Панч, когда ты еще не появилась на свет, Динни. Он будет распевать то же самое и после твоей смерти, только вот крылышки у него поотрастут.

Динни, по-прежнему глядя на него невинными глазами, подумала: "Дядя Лоренс прямо волшебник!" - и вскоре отправилась спать.

Но до сна ли тут, когда у тебя сердце переворачивается! И сколько еще других, у которых так же переворачивается сердце, лежит без сна, прикинувшись к подушке! Девушке казалось, что все огромное, неподвластное разуму людское горе затопляет ее комнату. В таких случаях человек с талантом вскакивает и пишет стихи об Азраиле или о чем-нибудь в том же роде. Но увы! Это не для нее. Ей остается одно: лежать и мучиться - мучиться, тревожиться и злиться. Она до сих пор не забыла, что пережила в тринадцать лет, когда Хьюберт, которому еще не было восемнадцати, ушел на войну. Тогда было ужасно, но теперь еще хуже. Странно - почему? Тогда его могли каждую минуту убить, теперь он, может быть, в большей безопасности, чем те, кто на свободе. Его будут заботливо охранять, даже отправляя на край света, чтобы предать суду в чужой стране, где судьи - люди чужой крови. Ничто не угрожает ему в ближайшие месяцы. Почему же это кажется ей страшнее, чем все опасности, через которые он прошел, с тех пор как стал солдатом, страшнее, чем бесконечные жуткие дни экспедиции Халлорсена? Почему? Не потому ли, что былым опасностям и трудностям он подвергался по доброй воле, тогда как нынешняя беда ему навязана? Его держали под стражей, лишив двух величайших для человека благ - свободы и права на личную жизнь, которых объединенные в общество люди добивались в течение тысячелетий; благ, необходимых каждому и в особенности тем, кто, подобно ее родным, приучен подчиняться лишь одному кнуту - собственной совести. И Динни лежала в постели с таким ощущением, словно это она лежит в тюремной камере, вглядываясь в будущее, тоскуя по Джин и с ненавистью чувствуя, как в душе нарастает болезненное, бессильное и горькое отчаяние. Что, господи, что же он сделал такого, чего не сделал бы на его месте любой, в ком есть мужество и сердце?

Неясный шум большого города, доносившийся с Парк Лейн, как бы оттенял бунтующую тоску девушки. Ее охватило такое беспокойство, что

она вскочила с постели, набросила халат и стала бесшумно расхаживать по комнате, пока ее не пробрал озноб: окно было открыто, несмотря на конец октября. Наверно, в браке все-таки есть что-то хорошее: грудь, к которой можно прижаться, если хочется выплакаться; ухо, в которое можно излить жалобу; губы, которые могут бормотать слова сочувствия. Но Одиночество - это еще не самое скверное в дни испытаний; самое скверное - сидеть сложа руки. Динни завидовала отцу и сэру Лоренсу: они, по крайней мере, могли "нанять такси и ездить хлопотать"; еще больше она завидовала Джин и Алену. Пусть замышляют что им угодно, - это лучше, чем не делать ничего, как она сама! Динни достала изумрудную подвеску и посмотрела на нее: на худой конец завтра будет чем заняться. Девушка уже представляла себе, как с подвеской в руках она выжимает кругленькую сумму из какого-нибудь твердолобого типа, склонного давать деньги взаймы.

Засунув подвеску под подушку, словно близость драгоценности избавляла от сознания бессилия, Динни наконец уснула.

Она поднялась рано: ей пришло в голову, что можно успеть заложить подвеску, достать деньги и передать их Джин еще до ее отъезда. Девушка решила посоветоваться с дворецким Блором. В конце концов, она знает его с пяти лет. Это - не человек, а нечто незыблемое. В детстве она поверяла ему свои горести, и он никогда ее не выдавал.

Поэтому она подошла к нему, как только он появился, неся кофейницу ее тетки, сделанную по особому заказу.

- Блор!

- Да, мисс Динни?

- Будьте так любезны, скажите мне по секрету, кто самый известный ростовщик в Лондоне?

Удивленный, но бесстрастный, - в наши дни у любого может явиться необходимость что-нибудь заложить, - дворецкий опустил кофейную машину на верхний конец стола и погрузился в размышления.

- Что ж, мисс Динни, есть, конечно, Эттенборо, но я слышал, что знатные люди обращаются к некоему Феруэну на Саут-Молтон-стрит. Могу разыскать вам адрес по телефонной книге. Говорят, он человек надежный и честный.

- Великолепно, Блор! У меня еще один вопрос...

- Какой, мисс?

- Да так... Блор, назвали бы вы... назвать ли мне свое имя?

- Нет, мисс Динни. Осмелюсь посоветовать: назовите имя моей жены и дайте наш адрес. Если нужно будет что-нибудь передать, я вам позвоню и

никто ничего не узнает.

- Ох, вы сняли с меня такую тяжесть! А миссис Блор не станет возражать?

- Что вы, мисс, она будет рада услужить вам. Если угодно, я сам все сделаю вместо вас.

- Благодарю, Блор, но боюсь, что мне придется сделать это самой.

Дворецкий погладил себя по подбородку и взглянул на Динни; взгляд его показался ей благожелательным, но чуть-чуть насмешливым.

- Смотрите, мисс, даже с лучшими из них надо держаться, я бы сказал, малость свысока. Если этот не даст настоящей цены, найдутся другие.

- Страшно признательна вам, Блор. Я извещу вас, если с ним ничего не выйдет. Половина девятого - это не слишком рано?

- Мне говорили, это самое подходящее время: вы застанете его свежим и сердечным.

- Какой вы милый, Блор!

- Я слышал, он человек понимающий и сразу узнает, когда к нему заходит леди. Он вас не спутает с разными вертихвостками.

Динни приложила палец к губам:

- Ручайтесь головой, Блор...

- О, тайна абсолютная, мисс. Мистер Майкл и вы всегда были моими любимцами.

- А вы моим, Блор.

В эту минуту вошел ее отец. Динни взялась за "Тайме", Блор удалился.

- Хорошо спалось, папа?

Генерал кивнул.

- Как мамина голова?

- Лучше. Мать спустилась к завтраку. Мы решили, что нет смысла Зря убиваться, Динни.

- Конечно, нет, дорогой. Как ты думаешь, можно нам позавтракать?

- Эм не выйдет к столу. Лоренс завтракает в восемь. Завари кофе.

Динни, разделявшая пристрастие тетки к хорошему кофе, благоговейно взялась за работу.

- Как Джин? - неожиданно спросил генерал. - Она переедет к нам?

- Вряд ли, папа: у нас ей было бы слишком тяжело. Думаю, что в одиночку она лучше справится. Будь я на ее месте, я так бы и сделала.

- Бедная девочка! Мужества, во всяком случае, у нее хватает. Рад, что Хьюберт женился на смелой девушке. У всех Тесбери сердце на месте. Я знавал в Индии одного из ее дядей. Смелый парень. Командовал полком, турки на него молились. Подожди-ка, где он убит?

Динни еще ниже склонилась над кофе.

Около половины девятого она вышла из дому, надев свою лучшую шляпу и спрятав подвеску в сумочку. Точно в половине девятого она вошла в контору на Саут-Молтон-стрит и поднялась на второй этаж. В просторной комнате за столом красного дерева сидели два джентльмена, которых девушка приняла бы за букмекеров высшего разбора, если бы знала, как таковые выглядят. Она с опаской взглянула на них: никаких признаков сердечности, но вид у обоих свежий. Один из них направился к ней.

Динни незаметно провела языком по губам.

- Насколько я слышала, вы так любезны, что ссужаете деньги под ювелирные изделия.

- Совершенно верно, мадам.

Джентльмен был седой, лысоватый, довольно краснолицый, глаза светлые. Он взглянул на нее через пенсне, которое держал в руке, водрузил его на нос, придвинул к столу стул, сделал приглашающий жест и вернулся на свое место.

- Мне нужно порядочно - пятьсот фунтов, - сказала девушка и улыбнулась. - У меня фамильная вещь, очень недурная.

Оба джентльмена, не вставая, поклонились.

- И деньги мне нужны немедленно: мне предстоит платеж. Вот она.

Динни вынула подвеску из сумочки, развернула, положила на стол и подвинула к ним. Затем, вспомнив, что держаться надо "малость свысока", откинулась назад и заложила ногу на ногу.

Оба джентльмена с минуту смотрели на подвеску, не шевелясь и не говоря ни слова. Затем второй из них выдвинул ящик стола и вынул лупу. Пока он разглядывал подвеску, первый - Динни чувствовала это - разглядывал девушку. Очевидно, предположила она, у них принято такое разделение труда. Интересно, кого они сочтут более подлинной - ее или драгоценность? У Динни слегка перехватило дыхание, но она не опустила чуть приподнятых бровей и не подняла приспущенных ресниц.

- Это ваша собственность, мадам? - спросил первый джентльмен.

Снова вспомнив старую школьную поговорку, Динни подчеркнуто бросила:

- Да.

Второй джентльмен отложил лупу и взял подвеску в руку, словно прикидывая, сколько она весит.

- Недурна, - сказал он, - старомодна, но недурна. А на какой срок желательно вам получить деньги?

Динни, у которой на этот счет не было никаких соображений, храбро

ответила:

- На полгода. Но думаю, что смогу выкупить раньше.

- Вот как? Вы сказали - пятьсот?

- Совершенно верно.

- Если вы не возражаете, мистер Бонди, - сказал второй джентльмен, я согласен.

Динни подняла глаза на мистера Бонди. Неужели он скажет: "Нет, она мне только что солгала"? Однако тот лишь выпятил верхнюю губу, поклонился девушке и произнес:

- Нисколько.

"Интересно, - подумала девушка, - всегда они верят тому, что слышат, или, наоборот, никогда. Впрочем, все равно - подвеска у них. Это не они мне, а я, или, вернее, Джин, должна им верить".

Тем временем второй джентльмен спрятал подвеску, достал конторскую книгу и начал писать. Мистер Бонди направился к сейфу:

- Мадам угодно получить кредитными билетами?

- Да, пожалуйста.

Второй джентльмен, у которого были усы, гетры и слегка выпученные глаза, протянул девушке книгу:

- Вашу фамилию и адрес, мадам.

Пока Динни писала фамилию миссис Блор и номер дома тетки на Маунт-стрит, в голове ее раздавалось "караул!" и она сжимала левую руку, пряча палец, на котором полагалось быть кольцу: ее перчатки плотно облегли руку и выдавали отсутствие необходимой выпуклости.

- Если вы пожелаете выкупить заклад, вы должны будете уплатить пятьсот пятьдесят фунтов до двадцать девятого апреля. Если по истечении данного срока вы не явитесь за ним, он поступит в продажу.

- Да, конечно. А если я выкуплю его раньше?

- Тогда сумма соответственно уменьшается. Мы взимаем двадцать процентов, так что, скажем, через месяц, считая с сегодняшнего дня, мы потребуем пятьсот восемь фунтов шесть шиллингов восемь пенсов.

- Понятно.

Первый джентльмен оторвал полоску бумаги и подал девушке:

- Вот квитанция.

- Разрешается ли выкупить заклад другому лицу, которое предъявит квитанцию, если я не смогу явиться сама?

- Да, мадам.

Динни как можно глубже засунула в сумочку квитанцию и левую руку и стала слушать, как мистер Бонди отсчитывает у стола кредитки. Он

считал превосходно; бумажки тоже издавали приятный хруст и казались совсем новенькими. Она взяла их правой рукой, опустила в сумочку и, придерживая ее спрятанной туда левой рукой, поднялась:

- Весьма признательна.

- Не за что, мадам. Счастливы были вам услужить. До свидания.

Динни поклонилась и медленно направилась к двери. Там, взглянув из-под опущенных ресниц, она отчетливо увидела, как первый джентльмен прищурил один глаз.

Спускаясь по лестнице и застегивая сумочку, она размышляла: "Интересно, что они вообразили: я жду ребенка или просто проигралась на скачках в Ньюмаркете?" Как бы то ни было, деньги в кармане, а времени только четверть десятого. Обменять их можно у Томаса Кука, а если нельзя, там скажут, где достать бельгийские.

Но прежде чем большую часть полученной суммы удалось превратить в бельгийскую валюту, Динни потратила целый час на визиты в различные учреждения, и, когда она с перронным билетом проследовала через турникет вокзала Виктория, ей было довольно жарко. Она медленно шла вдоль поезда, заглядывая в каждый вагон, и миновала уже две трети состава, когда за ее спиной раздался возглас:

- Динни!

Она оглянулась и увидела Джин в дверях купе.

- Вот ты где, Джин! Фу, как жарко, - я так торопилась. Нос у меня блестит?

- Ты никогда не выглядишь разгоряченной, Динни.

- Итак, все готово. Вот результат - пятьсот, почти целиком бельгийскими.

- Великолепно.

- Держи квитанцию. Она на предъявителя. Они берут двадцать процентов годовых, день в день, но после двадцать восьмого апреля подвеска пойдет в продажу, если ты ее не выкупишь.

- Храни ее у себя, Динни, - понизила голос Джин. - Если придется действовать, нас здесь не будет. Существует несколько стран, у которых нет Дипломатических отношений с Боливией. Там мы и обоснуемся, пока все так или иначе не устроится.

- О! - беспомощно вздохнула Динни. - Я могла бы получить больше. Они прямо-таки схватились за нее.

- Ничего. Ну, пора садиться. Брюссель, главный почтамт. До свидания! Передай Хьюберту мой самый горячий привет и скажи, что все в порядке.

Джин обняла Динни, прижала к себе и вскочила в вагон. Поезд тут же

тронулся, и Динни долго махала рукой, глядя на повернутое к ней смуглое, сверкающее здоровьем лицо.

XXXIV

Оборотная сторона успеха, которого добилась Динни, так деятельно начав день, заключалась в том, что девушка оказалась теперь вовсе без дела.

Отсутствие министра внутренних дел и боливийского посла неизбежно парализовало всякую попытку воздействовать на них, даже если бы она могла принести пользу, что было маловероятно. Оставалось одно - ждать, изнывая от тоски! Динни все утро пробродила по городу, разглядывая витрины и людей, разглядывавших витрины. Позавтракала яичницей в закуской и пошла в кино, смутно чувствуя, что планы Алена и Джин покажутся ей более правдоподобными, если она увидит нечто похожее на экране. Но ей не повезло. В фильме, который она смотрела, не показывали ни самолетов, ни бескрайних просторов, ни сыщиков, ни бегства от правосудия. Это было подробнейшее повествование о некоем французском джентльмене не первой молодости, попадающем в чужие спальни, хотя никто из персонажей до самого конца так и не поступает своей добродетелью. Динни непритворно наслаждалась картиной, - герой был очень милый и, вероятно, самый законченный из всех виденных ею лжецов.

Посидев в тепле и уюте, она вновь направила путь на Маунт-стрит.

Там выяснилось, что ее родители уехали дневным поездом в Кондафорд.

Динни заколебалась. Что делать? Уехать и ограничиться пассивной ролью преданной дочери или остаться и ждать, не подвернется ли случай что-нибудь сделать?

Так и не приняв решения, она ушла к себе в комнату и нехотя начала укладывать вещи. Выдвинула ящик комода, увидела дневник Хьюберта, который по-прежнему возила с собой, бесцельно полистала страницы и неожиданно наткнулась на место, показавшееся ей незнакомым, так как оно не имело никакого касательства к лишениям, перенесенным ее братом.

"В книге, которую читаю, попалась фраза: "Мы принадлежим к особому поколению. Оно много видело, убедилось в тщете всего и обладает достаточным мужеством, чтобы сказать себе: нам осталось одно - развлекаться, кто как умеет". Да, это действительно мое поколение, видевшее войну и ее последствия, и такова точка зрения очень и очень многих. Но если хорошенько подумать, оказывается, что такие же слова мог необдуманно бросить представитель любого поколения, например

предыдущего, на чьих глазах Дарвин нанес удар религии. Стоит ли бросать такие фразы? Предположим, вы до конца поняли, что такое религия, брак, порядочность, коммерческая честность и всякие идеалы, поняли, что они отнюдь не безусловны и сами по себе еще не дают права на определенную награду ни в этом, ни в потустороннем мире, которого, может быть, нет, и что безусловно лишь одно удовольствие, которое вы и намерены получить. Разве, поняв все это, вы облегчили себе получение удовольствия? Нет! Напротив, затруднили. Если каждый беззастенчиво объявит своим кредо: "Хватай наслаждение любой ценой", - то каждому придется хватать его за счет ближнего, а в выигрыше неизменно останется дьявол: поскольку так будут поступать почти все, особенно лентяи, которым это кредо наиболее близко, - урвать наслаждение наверняка почти никому не удастся. Все то, что вы так мудро поняли до конца, представляет собой лишь правила движения, выработанные человечеством на его тысячелетнем пути для того, чтобы держать людей в узде и предоставлять каждому из них разумный шанс на наслаждение, которое в противном случае досталось бы лишь немногим сильным, бессердечным, опасным и умелым. Все наши установления, религия, брак, порядочность, закон и прочее - лишь формы нашего уважения к другим, без которых другие не будут уважать вас. Без них общество превратилось бы в моторизованное скопище жалких бандитов и проституток, поработанных немногими архиплутами. Поэтому, отказывая в уважении другим, человек превращается в идиота и лишает себя возможности получить наслаждение. Самое смешное, что мы прекрасно отдаем себе в этом отчет, какие бы фразы мы при этом ни произносили. Люди, которые бросаются словами, как этот парень в книге, забывают о своем кредо, как только доходит до дела. Даже моторизованные бандиты не выдают сообщников. В сущности, эта новая философия, которая призывает быть достаточно мужественным и хватать наслаждение, свидетельствует лишь о неумении глубоко мыслить, хоть она и казалась мне весьма приемлемой, когда я читал книгу".

Динни изменилась в лице и, как ужаленная, выронила тетрадь. Эту перемену вызвали не слова, которые она прочла, - смысл их еле доходил до ее сознания. Нет! На нее низошло вдохновение, и девушка не могла понять, почему это не случилось раньше. Она бросилась вниз к телефону и позвонила Флер,

- Слушаю, - донесся голос Флер.
- Флер, мне нужен Майкл. Он дома?
- Да. Майкл, тебя просит Динни. " - Майкл? Можешь немедленно приехать? Насчет дневника Хьюберта. У меня родилась одна мысль, но

лучше не по телефону. Не приехать ли мне самой? Значит, приедешь? Хорошо. Захвати Флер, если она хочет; если нет - ее голову.

Майкл приехал через десять минут один. Он прибыл в состоянии деловитой возбужденности: в голосе Динни было что-то заразительное. Она увела его в нишу и уселась с ним на диване под клеткой попугая.

- Майкл, дорогой, мне вдруг пришла такая мысль: если бы мы могли быстро напечатать дневник Хьюберта, - в нем тысяч пятнадцать слов, держать весь тираж наготове и назвать книжку как-нибудь позвучней, например "Преданный"...

- "Покинутый", - вставил Майкл.

- Вот именно - "Покинутый"... Написать хлесткое предисловие и показать ее до выпуска в свет министру внутренних дел, это, вероятно, Удержало бы его от приказа о выдаче. С таким заглавием и предисловием, Да еще разрекламированная прессой, книжка произвела бы сенсацию и была бы для него неприятным сюрпризом. В предисловии нужно нажать на то, как соотечественника покинули в беде, на раболепство перед иностранцами и так далее. А уж газеты за это ухватятся.

Майкл взъерошил себе волосы:

- Это мысль, Динни! Но есть несколько щекотливых моментов. Впервых, как сделать, чтобы нас не заподозрили в шантаже. Без этого не стоит и начинать. Если Уолтер почует, что пахнет шантажом, он упрется.

- Но ведь суть в этом и заключается. Пусть почувствует, что, отдав приказ, он о нем пожалеет.

- Дитя мое, - сказал Майкл, пустив клуб дыма в попугая, - это нужно сделать гораздо тоньше. Ты не знаешь государственных деятелей. Вся штука в том, чтобы заставить их поступать себе же на благо из высоких побуждений и по собственному почину. Мы должны вынудить Уолтера отдать приказ из низких побуждений, но уверить его, что они высокие. Это неременное условие.

- Так ли обязательно, чтобы он в это уверовал? Пусть просто скажет, что они высокие.

- Нет, он должен в это верить - хотя бы при дневном свете. То, о чем он думает в три часа ночи, не имеет значения. Но он не дурак. - Майкл снова взъерошил себе волосы. - По-моему, единственный, кто сумел бы все устроить, это Бобби Феррар. Он знает Уолтера до косточек.

- А он хороший человек? Он согласится?

- Бобби - сфинкс, но сфинкс благожелательный. Кроме того, он всегда все знает. Он вроде звукоулавливателя: до него доходит любой слух. Нам даже не придется открыто предпринимать никаких шагов.

- Но, Майкл, разве не самое главное - напечатать дневник и сделать вид, что мы готовы выпустить его в продажу?

- Это полезно, но главное - предисловие.

- Почему?

- Мы хотим, чтобы Уолтер прочел напечатанный дневник и на основании его сделал вывод: отдать приказ - значит нанести дьявольски тяжелый удар Хьюберту, как оно, впрочем, будет и на самом деле. Иными словами, мы хотим воздействовать на него как на частное лицо. Я уже представляю себе, что он скажет, прочитав дневник. "Да, это большое горе для молодого Черрела, но суд вынес постановление, боливийцы нажимают, да и сам он принадлежит к высшему классу. Следует быть осторожным, чтобы не пошли разговоры о лицеприятии..."

- Как это несправедливо! - горячо перебила Майкла Динни.

Неужели с человеком можно обращаться хуже, чем с другими, лишь потому, что он не простолюдин? Это трусость.

- Эх, Динни, все мы трусы в этом смысле. Так о чем говорил Уолтер, когда ты его прервала? "Однако чрезмерная уступчивость тоже нежелательна. Малые страны требуют, чтобы мы относились к ним с особым почтением..."

- погоди! - снова воскликнула Динни. - Это кажется...

Майкл предостерегающе поднял руку:

- Понял, Динни, понял. Это и мне самому кажется тем психологическим моментом, когда Бобби Феррар должен внезапно объявить: "Между прочим, к дневнику есть предисловие. Мне его показывали. В нем проводится мысль, что Англия вечно проявляет справедливость и великодушие за счет собственных подданных. Материал благодарный, сэр. Газеты за него ухватятся. Это их старая и популярная песенка: "Не умеем мы стоять за своих". И знаете, сэр, - продолжает Бобби, - мне всегда казалось, что такой сильный человек, как вы, просто обязан поколебать мнение, будто мы не умеем постоять за своих. Оно ошибочно - иначе и быть не может, но оно существует, и многие его разделяют. Вы, сэр, больше чем кто-либо способны восстановить равновесие в этом вопросе. Случай, разумеется частный, но он дает нам неплохую возможность вернуть утраченное доверие к себе. По-моему, было бы правильно, - скажет Бобби, - не отдавать приказ, потому что шрам подозрений не внушает, выстрел был действительно актом самозащиты, а стране полезно почувствовать, что она снова может полагаться на правительство, которое не даст своим в обиду". И тут Бобби прервет разговор. Уолтер поверит, что никто на него не нападает и что он сам смело совершает поступок, идущий

на благо страны, - это неперемное условие для каждого государственного мужа.

Майкл закатил глаза. Потом продолжал:

- Разумеется, Уолтер великолепно поймет, хоть и не признается себе в этом, что, если он не отдаст приказ, предисловие не появится. Смеею полагать, что к середине ночи он станет откровенен сам с собой, но уже в шесть утра сочтет, что, не отдав приказ, совершит смелый поступок, и то, о чем он думал в три ночи, потеряет всякое значение. Поняла?

- Ты замечательно все растолковал, Майкл. А вдруг он захочет прочесть предисловие?

- Едва ли. Но оно должно быть у Бобби в кармане на тот случай, если ему понадобится осадная артиллерия. На Бобби можно положиться.

- Пойдет ли на это мистер Феррар?

- Да, - отрезал Майкл. - В целом - да. Мой отец оказал ему однажды большую услугу, а старый Шропшир - его дядя.

- А кто напишет предисловие?

- Надеюсь, что уломаю старого Блайта. В нашей партии его до сих пор побаиваются, - он умеет задать жару, когда захочет.

Динни захлопала в ладоши:

- Ты думаешь, он согласится?

- Все зависит от дневника.

- Тогда согласится.

- Можно мне его прочесть раньше, чем сдать в типографию?

- Конечно! Только помни, Майкл: Хьюберт не хочет, чтобы он увидел свет.

- Ясно! Если это подействует на Уолтера и он не отдаст приказ, выпускать книгу незачем; если не подействует, - опять-таки незачем, потому что "дело уже сделано", как говаривал старый Форсайт.

- Во сколько обойдется печатание?

- Недорого. Скажем, фунтов двадцать.

- Тогда справлюсь, - объявила Динни, и мысль ее обратилась к двум Джентльменам, так как в денежных делах ей, как обычно, приходилось туговато.

- Насчет этого не беспокойся.

- Майкл, это моя идея, и платить буду я. Ты не представляешь себе, как ужасно сидеть сложа руки, когда Хьюберт в опасности! Я ведь знаю, что, если его выдадут, у него не будет уже никаких шансов.

- Там, где замешаны государственные мужи, нельзя ничего предсказать заранее, - заметил Майкл. - Люди их недооценивают. Они куда сложнее,

чем мы думаем, может быть, даже принципиальнее и уж подавно пронципательнее. Но неважно: если мы как следует обработаем Блайта и Бобби Феррара, успех за нами. Я возьмусь за Блайта, а на Бобби напущу Барта. Тем временем дневник отпечатают.

Майкл взял тетрадь:

- До свиданья, Динни, и не волнуйся больше, чем нужно, дорогая.

Динни поцеловала его, он ушел, но в тот же вечер около десяти позвонил ей:

- Дорогая, я все прочел. Если это не проймет Уолтера, значит, у него кожа дубленая. Во всяком случае он над ним не заснет, как тот чурбан: какой он ни есть, добросовестности от него не отнимешь. Он обязан понять всю серьезность положения - речь ведь идет по существу об отмене приговора. Если дневник попадет к нему в руки, он его обязательно прочтет, а материал там красноречивый и к тому же проливающий новый свет на события. Итак, выше нос!

Динни пылко воскликнула: "Дай-то бог!" - и, когда она легла спать, у нее впервые за трое суток немного отлегло от сердца.

XXXV

Дни тянулись медленно и казались бесконечными. Динни по-прежнему оставалась на Маунт-стрит, - там она всегда будет под рукой, какое бы положение ни создалось. Главная задача, стоявшая перед ней, заключалась сейчас в том, чтобы скрыть от окружающих замыслы Джин. Это удалось ей в отношении всех, кроме сэра Лоренса, который, приподняв бровь, загадочно изрек:

- Pour une gaillarde c'est une gaillarde! [13]

И, поймав невинный взгляд Динни, прибавил:

- Ну совсем боттичеллиевская дева! Хочешь повидать Бобби Феррара? Мы завтракаем с ним в погребке Дюмурье на Друри Лейн. Меню в основном грибное.

Динни возлагала на Бобби Феррара большие надежды, поэтому вид его перепугал девушку: он держался так, словно абсолютно непричастен ко всей этой истории. Его гвоздика, глубокий медлительный голос, широкое учтивое лицо и слегка отвисшая нижняя челюсть не вызывали в ней никакого душевного подъема.

- Вы любите грибы, мисс Черрел?

- Только не французские.

- Неужели?

- Бобби, - сказал сэр Лоренс, посматривая то на племянницу, то на ее собеседника, - глядя на вас, трудно предположить, что вы один из самых

глубоких умов в Европе. По-видимому, вы собираетесь предупредить нас, что вам едва ли удастся назвать Уолтера сильным человеком, когда вы будете говорить с ним о предисловии.

Часть ровных зубов Бобби Феррара обнажилась.

- Я не могу повлиять на Уолтера.

- А кто может?

- Никто, за исключением...

- Ну?

- Самого Уолтера.

Прежде чем Динни успела совладать с собой, у нее уже вырвалось:

- Разве вы не понимаете, мистер Феррар, что практически это означает одно - смерть для моего брата и ужас для всех нас?

Бобби Феррар взглянул на запыхавшееся лицо девушки и не ответил. Пока шел завтрак, он так ничего и не обещал, но когда все поднялись и сэр Лоренс стал расплачиваться, Бобби предложил:

- Не хотите ли поехать со мной, мисс Черрел, когда я отправлюсь к Уолтеру по этому делу. Я устрою так, что вы будете как бы в стороне.

- Ужасно хочу.

- Значит, пока это между нами. Я вас уведомя.

Динни стиснула руки и улыбнулась ему.

- Поразительный тип! - сказал сэр Лоренс по дороге домой. - Ейбогу, в нем бездна сердечности. Он просто не выносит, когда людей вешают. Ходит на все процессы об убийствах. Ненавидит тюрьмы, как чуму. А ведь никогда не подумаешь!

- Да, - задумчиво ответила Динни.

- Бобби, - продолжал сэр Лоренс, - способен быть секретарем инквизиции, и судьям даже в голову не придет, что у него руки чешутся сварить их живьем в масле. Уникальная личность. Дневник в наборе, Динни; старый Блайт пишет предисловие. Уолтер возвращается в четверг. Ты была у Хьюберта?

- Нет еще, но завтра иду с отцом.

- Я воздерживался от расспросов, но, по-моему, молодые Тесбери что-то задумали. До меня случайно дошло, что молодой Тесбери сейчас не на корабле.

- Неужели!

- Святая невинность! - воскликнул сэр Лоренс. - Вот что, дорогая, не будем напускать на себя вид заговорщиков. Я всячески надеюсь, что они не нанесут удар, пока не исчерпаны все мирные средства.

- О, разумеется, нет!

- Такие молодые люди заставляют нас верить в историю. Тебе не приходило в голову, Динни, что история - это не что иное, как повесть о тех, кто берет дела в свои руки и впутывает в неприятность или вытаскивает из нее и себя и других. В этом ресторанчике недурно кормят. Я съезжу туда твою тетку, когда она достаточно похудеет.

Динни поняла, что допрос ей больше не угрожает.

На другой день за ней заехал отец, и они отправились на свидание с Хьюбертом. Было ветрено, стоял суровый, пасмурный ноябрь. Вид здания пробудил в девушке те же чувства, какие испытывает собака, собираясь завывать. Начальник тюрьмы был военным. Он принял их чрезвычайно любезно и с той подчеркнутой предупредительностью, с которой люди его профессии относятся к старшим по чину. Он откровенно дал понять, что симпатизирует им и Хьюберту, и позволил им побыть с арестованным гораздо дольше, чем это предусмотрено правилами.

Хьюберт вошел улыбаясь. Динни чувствовала, что, останься она с ним вдвоем, он, пожалуй, раскрыл бы ей свои подлинные переживания, но в присутствии отца упорно будет трактовать эту историю как скверную шутку. Генерал, который всю дорогу был угрюм и молчалив, немедленно взял прозаический и даже слегка иронический тон. Динни невольно подумала, что за вычетом разницы в возрасте они до нелепости похожи друг на друга и обликом и манерой держаться. В обоих было что-то ребяческое, вернее, нечто такое, что созрело в них с ранней молодости и навсегда останется неизменным. За эти полчаса о чувствах не было сказано ни слова. Свидание стоило всем большого напряжения и, если говорить об интимной беседе, все равно что не состоялось. По словам Хьюберта, тюремная жизнь не доставляла ему никаких беспокойств, и вообще он несколько не тревожился; по словам генерала, вопрос сводился к нескольким дням, в течение которых все будет улажено. Затем он довольно долго обсуждал с сыном положение на индийской границе. Правда, когда они обменялись прощальным рукопожатием, лица их дрогнули, но и то лишь потому, что они пристально, серьезно и просто посмотрели друг другу в глаза. Отец отвернулся. Динни пожала брату руку и поцеловала его.

- Как Джин? - чуть слышно спросил Хьюберт.

- Все в порядке. Шлет тебе горячий привет. Велела передать, чтобы ты не беспокоился.

Губы Хьюберта дернулись и застыли в легкой улыбке. Он стиснул сестре руку и отвернулся.

У выхода привратник и два тюремщика проводили их почтительным поклоном. Они сели в такси и до самого дома не сказали ни слова. Все

виденное казалось им кошмаром, от которого они в один прекрасный день должны очнуться.

В эти дни Динни находила утешение лишь в обществе тети Эм, чья врожденная непоследовательность постоянно сбивала мысли девушки с логического пути. Гигиенические свойства такой непоследовательности становились тем очевиднее, чем острее становилась тревога. Тетка искренне беспокоилась о Хьюберте, но ее хаотичный мозг не мог сосредоточиться на одном предмете и довести себя до страдания. Пятого ноября она подозвала Динни к окну гостиной, чтобы показать ей, как при свете фонарей, раскачиваемых ветром, мальчишки волокут чучело по безлюдной Маунтстрит.

- Пастор как раз этим занимается, - объявила леди Монт. - Оказывается, был какой-то Тесбери, которого повесили или обезлавили, словом, казнили. Пастор хочет доказать, что так и следовало: он продал посуду или еще что-то и купил порох, а е'о сестра вышла за Кейтсби или за ко'о-то друго'о. Твой отец, я и Уилмет, Динни, делали чучела Роббинз, нашей гувернантки. У нее были очень большие но'и. Дети такие бесчувственные. А ты?

- Что я, тетя Эм?

- Делала чучела?

- Нет.

- Мы еще ходили и распевали гимны, вымазав лицо сажей. Уилме была просто потрясающая. Высокая, но'и прямые как палки, расставлены широко знаешь, как у ан'елов на картинах. Сейчас такие не в моде. Я думаю, пора принять меры. А вот и виселица. Мы тоже однажды ее устроили и повесили котенка. Правда, сначала е'о утопили. Нет, не мы, слу'и.

- Какой ужас, тетя Эм!

- Да. Но это же было не всерьез. Твой отец воспитывал нас, как краснокожих индейцев. Ему хорошо - он делал, что хотел, а плакать нам не позволял. Хьюберт тоже такой?

- О нет! Хьюберт воспитывал, как краснокожего, только себя.

- Это у не'о от твоей матери, Динни, - она нежное создание. Наша мать была не такая. Разве ты не замечала?

- Я не помню бабушку.

- Да, да, она умерла до твоего рождения. От испанки. Это какие-то особенные микробы. Твой дед тоже. Мне было в то время тридцать пять. У не'о были прекрасные манеры. То'да они еще встречались. Подумай, все'о шестьдесят! Кларет, пикет и смешная маленькая бородка. Ты видела такие,

Динни?

- Эспаньолки?

- Да, у дипломатов. А теперь их носят те, кто пишет статьи об иностранных делах. Люблю козлов, хотя они бодаются.

- Но от них же так пахнет, тетя Эм!

- Да, пронзительно. Джин тебе пишет?

В сумочке Динни лежало только что полученное письмо, но она ответила: "Нет". Это уже вошло у нее в привычку.

- Такое бе'ство - просто малодушие. В медовый-то месяц!

Сэр Лоренс, видимо, не поверял своих подозрений супруге.

Динни ушла к себе наверх и, перед тем как уничтожить письмо, перечитала его.

"Брюссель. До востребования.

Дорогая Динни,

Все идет как нельзя лучше и доставляет мне массу удовольствия. Тут говорят, что я в этой стихии, как рыба в воде. Теперь уже не скажешь, кто лучше - я или Ален, а рука у меня даже уверенней. Страшно благодарна за твои письма. Трюк с дневником меня ужасно порадовал. Допускаю, что он сотворит чудо. Однако мы обязаны быть готовы к худшему. Почему не пишешь, как подвигаются дела у Флер? Кстати, не достанешь ли мне турецкий разговорник с указанием произношения? Твой дядя Эдриен наверное знает, где его купить. Здесь он мне не попадался. Привет от Алена. От меня тоже. Держи нас в курсе дела; если нужно, телеграфируй.

Преданная тебе Джин".

Турецкий разговорник! Это первое указание на то, куда направлены мысли молодых Тесбери, задало работу и Динни. Она вспомнила, что Хьюберт рассказывал, как в конце войны спас жизнь одному турецкому офицеру, с которым до сих пор поддерживал связь. Итак, Турция избрана убежищем на тот случай, если... Но план все-таки отчаянный. Нет, до этого не дойдет, не должно дойти! Тем не менее на другое утро Динни отправилась в музей.

Эдриен, с которым она не виделась со дня ареста Хьюберта, принял ее, как обычно, со сдержанной радостью, и она чуть было не поддалась искушению все ему рассказать. Неужели Джин не понимает, что посоветоваться с ним насчет турецкого разговорника значит неминуемо пробудить его любопытство. Однако девушка удержалась и сказала только:

- Дядя, нет ли у вас турецкого разговорника? Хьюберт, чтобы убить время, хочет освежить свой турецкий язык.

Эдриен посмотрел на нее, прищулив один глаз:

- Освежать ему нечего, - турецкого он не знает. Но неважно. Вот тебе... Он выудил с полки тоненькую книжку и подал племяннице:

- Змея!

Динни улыбнулась.

- Не стоит хитрить со мной, Динни, - продолжал Эдриен. - Я все уже угадал.

- Тогда расскажите мне, дядя.

- Видишь ли, - сказал Эдриен, - тут замешан Халлорсен.

- О!

- И поскольку моя дальнейшая деятельность связана с ним, мне остается только сложить два и два. В итоге получается пять, и я убежден, что к сумме прибавлять ничего не надо. Халлорсен - замечательный парень.

- Это я знаю, - невозмутимо ответила Динни. - Дядя, скажите мне толком: что они замышляют?

Эдриен покачал головой:

- Они, видимо, и сами не могут сказать, пока не узнают, каков будет порядок выдачи Хьюберта. Известно одно: боливийцы Халлорсена уезжают не в Штаты, а обратно в Боливию, и для них изготавливается ящик с мягкой обивкой изнутри и хорошей вентиляцией.

- Вы имеете в виду его черепа?

- Или их копии. Они уже заказаны.

Ошеломленная Динни уставилась на дядю. Тот пояснил:

- И заказаны человеку, который считает, что копирует сибирские черепа, и притом не для Халлорсена. Вес черепов измерен совершенно точно сто пятьдесят фунтов, то есть примерно вес взрослого мужчины. Сколько весит Хьюберт?

- Около одиннадцати стонов.

- Правильно.

- Продолжайте, дядя.

- Раз уж я зашел так далеко, изложу тебе мою гипотезу, а ты хочешь принимать ее, хочешь - нет. Халлорсен с ящиком, набитым копиями, отправляется тем же пароходом, что и Хьюберт. В первом же порту, где будет остановка, скажем, в Испании или Португалии, он сходит на берег с ящиком, в котором спрятан Хьюберт. Предварительно он ухитряется вытащить и выбросить за борт все копии. Настоящие кости уже ждут его в порту. Он наполняет ими ящик, а Хьюберт удирает на самолете. Вот тут в игру входят Алэн и Джин. Они улетают - видимо, в Турцию, судя по тому, что тебе понадобилось. Перед твоим приходом я как раз обдумывал - куда. Если власти начнут приставать, Халлорсен

выкладывает подлинники черепов, а исчезновение Хьюберта будет объяснено прыжком за борт - копии-то падали с плеском! - или просто останется загадкой. По-моему, довольно рискованная затея.

- А если корабль не зайдет в порт?

- Вероятнее всего, зайдет. Если же нет, им остается устроить что-нибудь, пока Хьюберта будут везти на пароход или по прибытии в Южную Америку. Последнее мне кажется наиболее безопасным, хотя самолет в данном случае исключается.

- Но чего ради профессор Халлорсен идет на такой риск?

- Тебе ли спрашивать, Динни!

- Это чересчур. Я... я не согласна.

- Ну, дорогая, помимо всего прочего, он сознает, что сам втравил Хьюберта в эту историю и обязан вытащить его. Не забывай - он представитель нации, которая воплощает собой энергию и убеждена, что каждый имеет право осуществлять закон своими руками. Но он не из тех, кто торгует услугами. К тому же он ходит в одной упряжке с Аденом Тесбери, а тот сам увяз еще глубже, чем он. Словом, тебе ничто не угрожает.

- Но я не желаю быть обязанной ни одному из них. Дело не должно зайти так далеко. Наконец остается сам Хьюберт... Неужели вы думаете, что он согласится?

Эдриен стал серьезен.

- Думаю, он уже согласился, Динни. В противном случае он просил бы отпустить его на поруки. Вероятно, его передадут представителям Боливии, так что он не будет чувствовать себя нарушителем английских законов. По-моему, наши убедили его, что сами ничем не рискуют. Вся эта история, несомненно, ему осточертела, и он готов на все. С ним действительно обошлись крайне несправедливо, а он к тому же недавно женился.

- Да, - беззвучно согласилась Динни. - А вы, дядя? Решили?

Эдриен так же тихо ответил:

- Твой совет правилен. Я уезжаю, как только все это кончится.

XXXVI

Ощущение немислимости того, что готовится, не покидало Динни после ее свидания с Эдриеном: она слишком часто читала о таких вещах в книгах. Тем не менее существовала история и существовали воскресные газеты. Мысль о воскресных газетах почему-то успокаивала Динни и укрепляла ее в решимости добиться того, чтобы дело Хьюберта не попало в них. Но она добросовестно послала Джин турецкий разговорник и, пользуясь отлучками сэра Лоренса, продолжала изучать карты в его

кабинете. Она ознакомила также с расписанием южноамериканских пароходных линий.

Два дня спустя сэр Лоренс объявил за обедом, что Уолтер вернулся из отпуска, но что, несомненно, пройдет некоторое время, прежде чем руки У него дойдут до такой мелочи, как дело Хьюберта.

- Мелочь! - возмутилась Динни. - Его жизнь и наше счастье - это мелочь?

- Моя дорогая, жизнь и счастье людей - предмет повседневных занятий министра внутренних дел.

- Какая страшная должность! Мне она была бы ненавистна!

- Вот в этом и заключается твое отличие от государственного деятеля, Динни. То, что ненавистно государственному деятелю, не имеет никакого отношения к жизни и счастью его соотечественников. Все ли готово для блефа в случае, если Уолтер займется Хьюбертом немедленно?

- Дневник отпечатан, - я подписала корректуру; предисловие написано. Сама я его не читала, но Майкл утверждает, что это шедевр.

- Отлично! Шедевры мистера Блайта кого угодно заставят призадуматься. Бобби даст нам знать, когда Уолтер примется за дело.

- Что такое Бобби? - спросила леди Монт.

- Незыблемое учреждение, дорогая.

- Блор, напомните мне, чтобы я выписала щенка-овчарку.

- Да, миледи.

- Ты замечала, Динни? У них в глазах есть какое-то божественное безумие, особенно если морда белая. Их всех зовут Бобби.

- Найдется ли что-нибудь менее божественно безумное, чем наш Бобби, а, Динни?

- Дядя, он всегда держит слово?

- Да, на Бобби можно положиться.

- Я хочу посмотреть на состязания овчарок, - сказала леди Монт.

Умные создания. Говорят, они знают, какую овцу нельзя кусать. И потом, они такие худые - одна шерсть и понятливость. У Хен их две. А твои волосы, Динни?

- Не понимаю, тетя Эм.

- Ты сохраняешь их после стрижки?

- Да.

- Пусть остаются. Они мо'ут понадобиться. Говорят, мы опять станем старомодными. Старинными на современный лад, понимаешь?

Сэр Лоренс подмигнул племяннице:

- А разве ты бывала иной, Динни? Вот потому я и хочу, чтобы ты

позировала. Постоянство типа.

- Как о типа? - спросила леди Монт. - Зачем тебе быть типом, Динни? Они такие скучные. Кто-то говорил, что Майкл - это тоже тип. Я это о не замечала.

- Почему бы вам, дядя, не заставить позировать тетю Эм вместо меня? Она ведь гораздо моложе. Правда, тетя?

- Не будь непочтительной. Блор, мое виши.

- Дядя, сколько лет Бобби?

- Точно никто не знает. Наверно, за пятьдесят. Не сомневаюсь, что настанет день, когда его возраст будет установлен, но для этого придется сделать на Бобби срез, как на дереве, и отсчитать года по кольцам. Ты не собираешься за него замуж, Динни? Между прочим, Уолтер - вдовец. Но он из невоспламеняемого материала - новообращенный тори с квакерской кровью в жилах.

- За Динни нужно дол о ухаживать, - заметила леди Монт.

- Можно мне встать из-за стола, тетя Эм? Я хочу съездить к Майклу.

- Скажи Флер, что завтра утром я приду навестить Кита. Я купила ему новую и'ру. Она называется "Парламент". Это звери, разделенные на партии. Визжат, рычат, - словом, ведут себя непристойно. Премьер-министр зебра, министр финансов - ти'р. Он полосатый. Блор, такси для мисс Динни.

Майкл был в палате, но Флер оказалась дома. Она сообщила, что предисловие мистера Блайта уже отослано Бобби Феррару. Что касается боливийцев, то посол еще не вернулся, но атташе, который замещает его, обещал неофициально поговорить с Бобби. Он изумительно учтив, поэтому Флер не сумела угадать, что у него на уме. Она подозревает, что там вообще ничего нет.

Динни вернулась на Маунт-стрит, по-прежнему терзаясь неизвестностью. Ясно, что все упирается в Бобби. Но ему за пятьдесят, он всего навидался, давно утратил пылкость и дар убеждения. Впрочем, может быть, это к лучшему. Взывать к чувствам - рискованно. Хладнокровие, расчет, уменье намекнуть на неприятные последствия и тонко указать на возможные выгоды - это, вероятно, как раз то, что требуется. Динни была в полной растерянности. Какими же, в конце концов, мотивами руководствуются власти? Майкл, Флер, сэр Лоренс разговаривали порой таким тоном, словно им это известно, но Динни чувствовала, что на самом деле они знают не больше, чем она сама. Все балансировало на острие ножа. Исход любого дела зависел от настроения и характера. Девушка легла в постель, но так и не смогла уснуть.

Прошел еще один такой же день, а затем Динни поняла, что испытывает моряк, когда его судно, выйдя из штилевой полосы, вновь начинает двигаться: за завтраком ей подали конверт без марки со штампом министерства иностранных дел.

"Дорогая мисс Черрел,

Вчера вечером я вручил министру внутренних дел дневник вашего брата. Он обещал прочесть книгу ночью, и сегодня в шесть вечера я увижусь с ним. Если вы можете быть в министерстве иностранных дел без десяти шесть, мы отправимся к нему вместе.

Искренне ваш Р. Феррар".

Наконец-то! Но впереди еще целый день. Сейчас Уолтер уже прочел дневник, возможно, уже принял решение. Получив эту записку, Динни почувствовала себя заговорщицей, обязанной хранить тайну. Инстинктивно она умолчала о записке; инстинктивно захотела остаться одна, пока все не кончится. Должно быть, больной перед операцией переживает то же самое. Утро было погожее, Динни вышла на улицу и остановилась, размышляя, куда пойти. Подумала о Национальной галерее и решила, что картины требуют слишком напряженного внимания; подумала о Вестминстерском аббатстве и вспомнила Миллисент Пол. Флер устроила ее манекенщицей к Фриволлу. Почему бы не сходить туда посмотреть зимние модели и, возможно, увидеться с этой девушкой? Довольно противно заставлять показывать себе платья, раз ты не собираешься покупать и только зря беспокоишь людей. Нет, если только Хьюберта освободят, она разойдется и купит настоящее платье, хотя бы это стоило всех ее карманных денег. Отбросив колебания, Динни повернула к Бонд-стрит, форсировала этот узкий, медлительный поток пешеходов и машин, добралась до Фриволла и вошла в магазин.

- Прошу вас, мадам!

Динни провели и усадили на стул. Она сидела, слегка склонив голову набок, улыбаясь и говоря продавщицам приятные слова, - девушка помнила, что ей однажды сказали в универсальном магазине: "Вы не представляете, мэм, как важно для нас, когда покупатель улыбается и проявляет немножко интереса. У нас бывает так много привередливых клиенток и... А, да что говорить!" Модели были самых последних фасонов, очень дорогие и в большинстве случаев совершенно неподходящие для нее, как решила Динни вопреки неизменным уверениям: "Это платье вам замечательно пойдет, мадам. У вас такая фигура и цвет лица!"

Колеблясь, вызвать ли ей Миллисент Пол - может быть, она этим только повредит девушке, Динни выбрала два вечерних платья. Первое -

сооружение из черного с белым - демонстрировалось тоненькой надменной девушкой с приятной маленькой головкой и широкими плечами. Она прохаживалась взад и вперед, уперев руку туда, где полагается быть правому бедру, и повернув голову так, словно отыскивала левое, чем и укрепила в Динни отвращение к платью, которое и без того не приглянулось ей. Затем, во втором платье цвета морской воды с серебром, которое понравилось Динни всем, кроме цены, появилась Миллисент Пол. С профессиональным безразличием она не удостоила клиентку взглядом, как будто желая дать ей понять: "Нечего заноситься! Попробовала бы сама целый день разгуливать в нижнем белье и прятаться от взглядов стольких мужей!" Затем, повернувшись, она на лету поймала улыбку Динни, ответила на нее с неожиданным удивлением и радостью и опять двинулась дальше с обычным томным видом. Динни встала, подошла к манекенщице, остановила ее и зажала двумя пальцами складку на подоле платья, словно желая попробовать качество ткани.

- Рада видеть вас.

Нежная улыбка тронула похожие на цветок губы девушки.

"До чего же прелестна!" - подумала Динни.

- Я знакома с мисс Пол, - объяснила она продавщице. - Это платье замечательно на ней сидит.

- Но, мадам, оно же совершенно в вашем стиле. Мисс Пол для него чуть-чуть полновата. Разрешите примерить на вас?

Динни, не очень уверенная, что получила комплимент, ответила:

- Сегодня я ничего не решаю: я не знаю, смогу ли себе его позволить.

- Это не важно, мадам. Мисс Пол, пройдите на минутку сюда, снимите платье, и мы примерим его мадам.

В примерочной манекенщица разделась. "Так она еще прелестней! Хотела бы я выглядеть в нижнем белье так же!" - подумала Динни и позволила снять с себя платье.

- Мадам чудо какая тоненькая! - восхитилась продавщица.

- Худа, как щепка.

- О нет! Мадам в хорошей форме.

- У мадам все как раз в меру. У нее есть стиль! - с некоторой пылкостью воскликнула манекенщица.

Продавщица застегнула крючок.

- Как на заказ! - объявила она. - Пожалуй, вот здесь чуть-чуть широковато, но это мы подгоним.

- Не чересчур открыто? - усомнилась Динни.

- Но это же очень красиво при вашей коже!

- Нельзя ли мне взглянуть, как выглядит на мисс Пол то, первое платье - черное с белым?

Динни сказала это, рассчитывая, что девушку не пошлют за платьем в одном белье.

- Разумеется. Я сейчас принесу. Помогите мадам, мисс Пол.

Оставшись вдвоем, девушки улыбнулись друг другу.

- Нравится вам работа, Милли? Вы же мечтали о такой.

- Не совсем о такой, мисс.

- Бесперспективная?

- Не то. Я ведь и не жду того, о чем вы думаете. Могло быть, конечно, куда хуже.

- Знаете, я пришла, чтобы повидать вас.

- Верно? Но платье вы все-таки купите, мисс, - оно вам очень идет. Вы в нем чудесно выглядите.

- Осторожней, Милли, не то вас живо переведут в продавщицы.

- Ну, нет, за прилавок я не пойду. Там только я делать, что комплименты отпускать.

- Где оно расстегивается?

- Вот здесь. Очень удобно: всего один крючок... Можно и самой - нужно только изогнуться. Я читала насчет вашего брата, мисс. По-моему, с их стороны это просто срам.

- Да, - ответила Динни, забыв, что на ней нет платья. Затем порывисто протянула девушке руку. - Желаю счастья, Милли.

- И вам также, мисс.

Не успели они отдернуть руки, как вернулась продавщица

Динни встретила ее улыбкой.

- Мне так неудобно, что я побеспокоила вас, но я окончательно решила взять вот это, если, конечно, смогу его себе позволить. Безумная цена!

- Вы находите, мадам? Это же парижская модель. Я выясню, не может ли мистер Беттер чем-нибудь вам помочь, - платье создано для вас. Мисс Пол, не пригласите ли сюда мистера Беттера?

Манекенщица, теперь уже одетая в сооружение из черного с белым, вышла.

Динни снова натянула свое платье и спросила:

- Манекенщицы подолгу работают у вас?

- Нет, не очень. Весь день раздеваться и одеваться - довольно хлопотно.

- Куда же они деваются?

- Так или иначе выходят замуж.

Как благоразумно! Вслед за тем мистер Беттер, худощавый мужчина с седыми волосами и превосходными манерами, объявил, что "ради мадам" снизит цену до такой, которая все еще казалась безумной. Динни ответила, что решит завтра, и вышла на бледное ноябрьское солнце. Оставалось убить еще шесть часов. Она двинулась на северо-восток, к Лугам, пытаясь успокоить тревогу мыслью о том, что у каждого встречного, как бы он ни выглядел, тоже есть свои тревоги. Все семь миллионов лондонцев чемнибудь да встревожены. Одни это скрывают, другие - нет. Динни посмотрела на свое отражение в зеркальной витрине и нашла, что она относится к первым. И все-таки самочувствие у нее ужасное. Вот уж верно: человеческое лицо маска. Динни добралась до Оксфорд-стрит и остановилась на краю тротуара, ожидая, когда можно будет перейти улицу. Рядом с девушкой оказалась костлявая с белыми ноздрями голова ломовой лошади. Динни погладила ее по шее и пожалела, что не захватила с собой кусок сахара. Ни лошадь, ни возчик не обратили на нее внимания. Да и зачем им обращать? Из года в год они проезжают здесь и останавливаются, останавливаются и проезжают через эту стремнину - медленно, натужно, ничего не ожидая от будущего, пока оба не свалятся и тела их не оттащат с дороги. Полисмен поменял местами свои белые рукава, возчик натянул поводья, фургон покатился, и длинная вереница автомобилей последовала за ним. Полисмен опять взмахнул руками, и Динни пересекла улицу, дошла до Тоттенхем-корт-род и снова остановилась в ожидании. Какое кипение, какая путаница людей и машин! К чему, с какой тайной целью они движутся? Чего ради суеются? Поесть, покурить, посмотреть в кино на так называемую жизнь и закончить день в кровати! Миллион дел, выполняемых порой добросовестно, порой недобросовестно, - и все это для того, чтобы иметь возможность поесть, немного помечтать, выспаться и начать все сначала! Девушке показалось, что сама жизнь неумолимо схватила ее за горло здесь, на перекрестке. Она издала сдавленный вздох. Какой-то толстый мужчина извинился:

- Прошу прощения, мисс. Я, кажется, наступил вам на ногу.

Динни улыбнулась и ответила: "Нет", - но тут полисмен поменял местами свои белые рукава. Она пересекла улицу, очутилась на удивительно безлюдной Гауэр-стрит и быстро пошла по ней. "Еще одну реку, еще одну реку осталось теперь переплыть", - и девушка очутилась в Лугах, этом сплетении сточных канав и грязных мостовых, на которых играла детвора. Вот и дом священника. Дядя Хилери и тетя Мэй еще не выходили. Они собирались завтракать. Динни тоже села за стол. Она не уклонилась от обсуждения с ними предстоящей "операции", - они ведь

жили в самом центре всевозможных "операций". Хилери сказал:

- Старый Тесбери и я просили Бентуорта поговорить с министром внутренних дел. Вчера я получил от Помещика записку: "Уолтер ответил кратко: он поступит в соответствии с истинным характером дела и безотносительно к тому, что он назвал "социальным положением" вашего племянника. Что за стиль! Я всегда говорил, что этому типу следовало остаться либералом".

- Мне только и нужно, чтобы он поступил в соответствии с истинным характером дела! - вскричала Динни. - Тогда Хьюберт был бы в безопасности. Ненавижу это раболепие перед тем, что они именуют демократией! Будь это не Хьюберт, а шофер такси, Уолтер решил бы в его пользу.

- Это реакция на прошлое, Динни, и, как всякая реакция, она зашла слишком далеко. В годы моего детства людей из привилегированных классов все-таки не осуждали несправедливо. Теперь стало иначе: положение в обществе - отягчающее обстоятельство перед законом. В любом деле самое трудное - выбрать средний путь. Каждому хочется быть справедливым, да не каждому удается.

- Я все думала, дядя, пока шла, какой смысл для вас, и Хьюберта, и папы, и дяди Эдриена, и для тысяч других честно выполнять свою работу, если отбросить хлеб с маслом, который вы получаете за нее?

- Спроси свою тетку, - ответил Хилери.

- Тетя Мэй, какой смысл?

- Не знаю, Динни. Меня воспитали так, чтобы я видела в этом смысл. Вот я и вижу. Выйди ты замуж и будь у тебя семья, ты не задавала бы таких вопросов.

- Я так и знала, что тетя Мэй уклонится от ответа. Ну, дядя?

- Я тоже не знаю, Динни. Мэй же сказала тебе: мы делаем то, что привыкли делать, - вот и все.

- Хьюберт пишет в дневнике, что уважение к людям есть в конечном счете уважение к самому себе. Это правда?

- Сформулировано довольно примитивно. Я бы сказал иначе: мы настолько зависим друг от друга, что человек, заботясь о себе, не может не заботиться и о других.

- А стоят ли другие, чтобы мы о них заботились?

- Ты хочешь спросить, стоит ли вообще жить?

- Да.

- Через пятьсот тысяч лет (Эдриен утверждает - миллион) после появления человека население мира стало гораздо многочисленнее, чем

раньше. Так вот, прими во внимание все бедствия и войны и подумай, продолжалась ли бы сознательная жизнь человека, если бы жить не стоило?

- Думаю, что нет, - задумчиво проговорила Динни. - Видимо, в Лондоне теряешь чувство пропорции.

В этот момент вошла горничная:

- К вам мистер Камерон, сэр.

- Ведите его сюда, Люси. Он поможет тебе обрести утраченное, Динни. Это ходячее воплощение любви к жизни: болел всеми болезнями на свете, включая тропическую лихорадку, участвовал в трех войнах, дважды попадал в землетрясение и во всех частях света делал самую всевозможную работу. Сейчас сидит вообще без всякой, а у него вдобавок больное сердце.

Вошел мистер Камерон, невысокий худощавый человек с яркими серыми глазами кельта, темной седеющей шевелюрой и чуть-чуть горбатым носом. Одна рука у него была забинтована, как будто он растянул связки.

- Хэлло, Камерон! - поздоровался, вставая, Хилери. - Опять воюете?

- Знаете, викарий, там, где я живу, есть парни, которые жутко обращаются с лошадьми. Вчера сцепился с одним: он лупил послушную лошадь, а бедняжка просто была перегружена... Не могу такого вытерпеть!

- Надеюсь, дали ему жару?

Глаза мистера Камерона сверкнули.

- Разбил ему нос всмятку и повредил себе руку. Я зашел сказать, сэр, что получил работу в ризнице. Это не густо, но меня выручит.

- Чудно! Вот что. Камерон, мне очень жаль, но мы с миссис Черрел уходим на собрание. Оставайтесь, выпейте чашку кофе и поболтайте с моей племянницей. Расскажите ей о Бразилии.

Мистер Камерон взглянул на Динни. У него была обаятельная улыбка.

Следующий час пролетел быстро и принес девушке облегчение.

Мистер Камерон был хороший рассказчик. По существу, он изложил ей свою биографию - начал с детства, проведенного в Австралии, перешел к бурской войне, на которую уехал шестнадцати лет, и кончил мировой войной. Он всего навиделся - кормил собой насекомых и микробов всего мира, имел дело с лошадьми, китайцами, кафрами и бразильцами, сломал себе ключицу и ногу, был отравлен газами и контужен, но сейчас, как он подробно объяснил, у него все в порядке, только вот сердце пошаливает. Лицо его светилось каким-то внутренним светом, а речь доказывала, что он отнюдь не считает себя человеком из ряда вон выходящим. Камерон был самым лучшим противоядием, какое Динни могла принять в данную

минуту, и она постаралась предельно затянуть беседу. Наконец он ушел. Динни вскоре последовала за ним и, душевно освеженная, вступила в уличную толчею. Была половина четвертого, и девушке предстояло убить еще два с половиной часа. Динни отправилась в Риджент-парк. На деревьях почти не осталось листвы, в воздухе стоял запах костров, на которых ее сжигали. Девушка шла через синеватый дымок, раздумывая о мистере Камероне и борясь с новым приступом уныния. Что за жизнь он прожил! И какой интерес сохранил к ней до сих пор! Она обогнула Большой пруд, озаренный последними лучами бледного солнца, выбралась на Мерилебонрод и вспомнила, что до появления в министерстве иностранных дел ей следовало бы куданибудь зайти и привести себя в порядок. Она выбрала магазин Хэрриджа и вошла. Была половина пятого, у прилавков кишела толпа. Она потолкалась в ней, купила новую пуховку, выпила чаю, привела себя в порядок и вышла. Оставалось еще добрых полчаса, и Динни опять пошла пешком, хотя уже устала. Ровно без четверти шесть она вручила свою карточку швейцару министерства иностранных дел, и ее провели в приемную. Зеркал там не было, поэтому Динни вынула пудреницу и посмотрела на свое отражение в этом заляпанном кусочке стекла. Она показалась себе чересчур простенькой, и это ей не понравилось, хотя, в конце-то концов, она даже не увидит Уолтера - сядет в сторонке и опять будет ждать. Вечное ожидание!

- Мисс Черрел!

Бобби Феррар показался в дверях. Он выглядел как всегда. Еще бы!

Ему ведь все безразлично. А с какой стати ему должно быть не безразлично?

Бобби похлопал себя по нагрудному карману:

- Предисловие у меня. Двинулись?

Он завел разговор об убийстве в Чингфорде. Следит ли мисс Черрел за газетами? Случай абсолютно ясный. И без всякого перехода прибавил:

- Боливиец не берет на себя ответственность, мисс Черрел.

- Ох!

- Не стоит расстраиваться.

Лицо Бобби расплылось в улыбке.

"Зубы у него свои, - подумала Динни. - Видны золотые пломбы".

Они добрались до министерства внутренних дел и вошли. Их провели сперва по широкой лестнице, потом по коридору в просторную пустую комнату, в конце которой горел камин. Бобби Феррар подвинул стул к столу, вытащил из бокового кармана плоскую книжечку и спросил:

- "Грэфик" или это?

- И то и другое, пожалуйста, - устало попросила Динни.

Бобби положил перед ней журнал и "это", оказавшееся томиком военных стихов в красном переплете.

- Начните с книжки. Я купил ее сегодня после завтрака.

- Хорошо, - согласилась Динни и села.

Дверь в соседний кабинет открылась. Оттуда высунулась голова:

- Мистер Феррар, министр внутренних дел просит вас.

Бобби Феррар взглянул на Динни, пробормотал сквозь зубы: "Не унывайте!" - выпрямился и удалился.

Никогда в жизни Динни не чувствовала себя более одинокой, чем в этой большой приемной, никогда так не радовалась своему одиночеству, никогда так не боялась, что оно кончится. Она открыла томик и прочла:

Увидел над камином он
Красивое уведомленье,
Что может в некоем учрежденье
Со скидкой инвалид-герой
Приобрести протез любой.
И добавлялось в примечанье,
Что лицам в офицерском званье
Дадут там даром хоть сейчас
Ступню иль челюсть, кисть иль глаз:
Все, что утратил безвозвратно,
Ты обретаешь вновь бесплатно.
Вошла сестра и говорит...

В камине внезапно затрещало, оттуда вылетела искра. Динни с сожалением увидела, как она погасла на коврике. Девушка прочла еще несколько стихотворений, но они не дошли до ее сознания, и, закрыв книжку, она взялась за "Грэфик", перелистала его до самого конца, но не удержала в памяти ни одного рисунка. Сердце у нее куда-то проваливалось, и в этом ощущении растворялся любой предмет, на который она смотрела. Динни подумала, чего легче ожидать - чтобы оперировали тебя самое или близкого тебе человека, и решила, что второе хуже. Давно ли Бобби ушел, а кажется, что промелькнули целые часы. Всего половина седьмого! Динни встала, отодвинула стул. На стенах висели портреты государственных деятелей-викторианцев. Она поочередно обошла их и осмотрела, но все они были на одно лицо - этакий многоликий государственный деятель с бакенбардами в разных стадиях развития. Она вернулась на место, пододвинула стул, села, оперлась на стол локтями и опустила голову на руки, словно эта полусогнутая поза давала ей некоторое облегчение. Слава

богу, Хьюберт не знает, что решается его судьба. Ему не надо проходить через это страшное ожидание. Она думала о Джин и Алене и всем сердцем надеялась, что они готовы к худшему, ведь с каждой минутой это худшее становилось все более неотвратимым. Динни постепенно впадала в оцепенение. Мистер Феррар никогда не выйдет - никогда, никогда! И пусть не выходит, - он принесет смертный приговор. Наконец она вытянула руки вдоль стола и прижалась к ним лбом. Она сама не знала, сколько времени пробыла в этой странной летаргии, из которой ее вывело чье-то покашливание. Девушка откинулась назад.

У камина стоял не Бобби Феррар, а высокий человек с красноватым, гладко выбритым лицом и серебряными волосами ежиком. Слегка расставив ноги и заложив руки под фалды фрака, он пристально посмотрел на Динни широко раскрытыми светло-серыми глазами и слегка приоткрыл рот, словно собираясь сделать какое-то замечание. Динни уставилась на него, но не поднялась, - она была слишком ошеломлена.

- Мисс Черрел? Не вставайте.

Он вытащил руку из-под фалды и сделал предупредительный жест. Динни осталась сидеть и обрадовалась этому: ее начала бить дрожь.

- Феррар говорит, что вы издали дневник вашего брата.

Динни наклонила голову. Дышать глубже!

- Он напечатан в своем первоначальном виде?

- Да.

- Это точно?

- Да. Я не изменила и не выпустила ни слова.

Она глядела ему в лицо, но видела только светлые круглые глаза и слегка выпяченную нижнюю губу. Наверно, так же смотрят на бога! При этой эксцентричной мысли девушку бросило в трепет, и губы ее сложились в слабую отчаянную улыбку.

- Могу я задать вам один вопрос, мисс Черрел?

- Да, - задыхаясь выдавила Динни.

- Сколько страниц дневника написано после возвращения вашего брата?

Она широко открыла глаза; затем ее словно ужалило, смысл вопроса дошел до нее.

- Ни одной! О, ни одной! Весь дневник написан там, во время экспедиции.

И девушка вскочила на ноги.

- Могу я узнать, откуда вам это известно?

- Мой брат... - Только сейчас она осознала, что у нее нет никаких

доказательств, кроме слова Хьюберта, - ...мой брат мне так сказал.

- Его слово священо для вас?

У Динни осталось достаточно юмора, чтобы не взорваться, но голову она все-таки вздернула:

- Да, священо. Мой брат солдат и...

Она резко оборвала фразу и, увидев, как выпятилась нижняя губа, возненавидела себя за то, что употребила такое избитое выражение.

- Несомненно, несомненно! Но вы, конечно, понимаете, насколько важен этот момент?

- У меня есть оригинал... - пробормотала Динни. (Ох, почему она не захватила тетрадь!) - По нему ясно видно... Я хочу сказать, что он весь грязный и захватанный. Вы можете посмотреть его, когда угодно. Если прикажете, я...

Он снова сделал предупредительный жест:

- Не беспокойтесь. Вы очень преданы брату, мисс Черрел?

Губы Динни задрожали.

- Беспредельно. Мы все.

- Я слышал, он недавно женился?

- Да, только что.

- Ваш брат был ранен на войне?

- Да. Пулевое ранение в левую ногу.

- Рука не задета?

Снова укол!

- Нет!

Короткое словечко прозвучало как выстрел. Они стояли, глядя друг на друга полминуты, минуту; слова мольбы и негодования, бессвязные слова рвались с ее губ, но она остановила их, зажала их рукой. Он кивнул:

- Благодарю вас, мисс Черрел. Благодарю.

Голова его склонилась набок, он повернулся и, как будто неся ее на подносе, пошел к дверям кабинета. Когда он исчез, Динни закрыла лицо руками. Что она наделала? Зачем восстановила его против себя? Она провела руками по лицу, по телу и замерла, стиснув их, уставившись на дверь, в которую он вышел, и дрожа с ног до головы. Дверь опять открылась, и вошел Бобби Феррар. Динни увидела его зубы. Он кивнул ей, закрыл дверь и произнес:

- Все в порядке.

Динни отвернулась к окну. Уже стемнело, но если бы даже было светло, девушка все равно ничего бы не видела. В порядке! В порядке! Она прижала кулаки в глазам, обернулась и вслепую протянула обе руки вперед.

Руки не были приняты, но голос Бобби Феррара сказал:

- Счастлив за вас.

- Я думала, что все испортила.

Теперь Динни увидела его глаза, круглые, как у щенка.

- Не прими он решение заранее, он не стал бы разговаривать с вами, мисс Черрел. В конце концов, он не такой уж бесчувственный. Признаюсь вам: за завтраком он виделся с судьей, разбиравшим дело... Это сильно помогло.

"Значит, я прошла через эту муку напрасно!" - подумала Динни.

- Он прочел предисловие, мистер Феррар?

- Нет, и хорошо: оно скорее навредило бы. По существу, мы всем обязаны судье. Но вы произвели на него хорошее впечатление, мисс Черрел. Он сказал, что вы прозрачная.

- О!

Бобби Феррар взял со стола маленький красный томик, любовно взглянул на него и сунул в карман:

- Пойдем?

Выйдя на Уайтхолл, Динни вздохнула так глубоко, что этот долгий, отчаянный, желанный глоток, казалось, вобрал в себя весь туман ноября.

- На почту! - воскликнула она. - Как вы думаете, он не возьмет решение назад?

- Он дал мне слово. Ваш брат будет освобожден сегодня же.

- О, мистер Феррар!

Слезы неожиданно хлынули у нее из глаз. Она отвернулась, чтобы скрыть их, а когда повернулась обратно, Бобби уже не было.

XXXVII

Отправив телеграммы отцу и Джин, позвонив Флер, Эдриену и Хилери, Динни помчалась в такси на Маунт-стрит и ворвалась в кабинет к дяде.

- Что случилось, Динни?

- Спасен!

- Благодаря тебе!

- Нет, благодаря судье. Так сказал Бобби Феррар. А я чуть все не испортила, дядя.

- Позвони.

Динни позвонила.

- Блор, доложите леди Монт, что я прошу ее прийти.

- Хорошие новости, Блор! Мистер Хьюберт освобожден.

- Благодарю вас, мисс. Я ставил шесть против четырех, что так и будет.

- Как мы отметим это событие, Динни?

- Я должна ехать в Кондафорд, дядя.

- Поедешь после обеда. Сначала выпьем. А как же Хьюберт? Кто его встретит?

- Дядя Эдриен сказал, что мне лучше не ходить. Он съездит за ним сам. Хьюберт, конечно, отправится к себе на квартиру и дождетя Джин.

Сэр Лоренс лукаво взглянул на племянницу.

- Откуда она прилетит?

- Из Брюсселя.

- Так вот где был центр операций! Конец этой затеи радует меня не меньше, чем освобождение Хьюберта. В наши дни такие штуки никому не сходят с рук, Динни.

- Могло и сойти, - возразила девушка. Теперь, когда необходимость в побеге отпала, мысль о нем казалась девушке менее фантастической. - Тетя Эм! Какой красивый халат!

- Я одевалась. Блор выи'рал четыре фунта. Динни, поцелуй меня. Дядю тоже. Ты так приятно целуешь - очень осязательно. Я завтра буду больна, если выпью шампанско'о.

- А разве вам нужно пить, тетя?

- Да. Динни, обещай, что поцелуешь это'о молодо'о человека.

- Вы получаете комиссионные с каждого поцелуя, тетя Эм?

- Только не уверяй меня, что он не собирался вырвать Хьюберта из тюрьмы, и вообще. Пастор рассказывал, что он неожиданно прилетел домой, бородатый, взял спиртовой уровень и две книжки о Порту'алии. Так уж принято - все бе'ут в Порту'алию. Пастор очень обрадуется: он из-за это'о уже похудел. Поэтому ты должна е'о поцеловать.

- В наши дни поцелуй не много стоит, тетя. Я чуть не поцеловала Бобби Феррара, только он это почувствовал и скрылся.

- Динни некогда целоваться, - объявил сэр Лоренс. - Она должна позировать моему миниатюристу. Динни, этот молодой человек завтра явится в Кондафорд.

- У твое'го дяди есть пункт помешательства, Динни: он коллекционирует леди. А их давно не осталось. Они вымерли. Мы все теперь только женщины.

Динни уехала в Кондафорд единственным вечерним поездом. За обедом ее напоили, и она пребывала в сонном и блаженном состоянии, радуясь всему: и езде, и безлунной тьме, летящей мимо окон вагона. Ее ликование находило себе выход в постоянных улыбках. Хьюберт свободен! Кондафорд спасен! Отец и мать снова обрели покой! Джин счастлива!

Алену не грозит разжалование! Ее спутники, - она ехала в третьем классе, - смотрели на нее с тем откровенным или скрытым удивлением, какое может вызвать в голове налогоплательщика такое невероятное количество улыбок. Она навеселе, придурковата или просто влюблена? Или то, и другое, и третье сразу? В свою очередь она смотрела на них со снисходительным сожалением: они-то не переполнены счастьем. Полтора часа пролетели незаметно, и девушка вышла на слабо освещенную платформу менее сонная, но еще более радостная, чем в момент отъезда. Отправляя телеграмму, она забыла прибавить, что возвращается. Поэтому ей пришлось сдать вещи на хранение и пойти пешком. Она двинулась по шоссе: это удлиняло дорогу, но девушке хотелось побродить и вдоволь надышаться родным воздухом. Местность, как всегда ночью, выглядела необычно, и девушке казалось, что она идет мимо домов, изгородей, деревьев, которых никогда до этого не видала. Шоссе вело через лес. Прошла машина, сверкая фарами, и в свете их Динни заметила, как чуть ли не под самыми колесами дорогу перебежала ласка - странный маленький зверек с изогнутой по-змеиному спиной. С минуту Динни постояла на мосту через узкую извилистую речку. Мосту много сотен лет, он такой же древний, как самые древние постройки Кондафорда, но еще вполне прочный. Ворота поместья находились сразу же за мостом, и в дождливые годы, когда речка выходила из берегов, вода подбиралась по лугу к обсаженной кустами аллее, разбитой на месте бывшего рва. Динни миновала ворота и пошла по травянистой обочине дорожки, окаймленной рододендронами. Она приблизилась к длинному, низкому, неосвещенному фасаду здания, - он только считался передним, а на самом деле был задним. Ее не ждали, время уже подходило к полуночи, и девушке захотелось обойти и осмотреть дом, контуры которого, полускрытые деревьями и вьющимися растениями, казались в лунном свете расплывчатыми и жуткими. Она прокралась к лужайке мимо тисов, отбрасывавших короткие тени на расположенный выше сад, и остановилась, глубоко дыша и поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, словно боясь, что ее взгляд не найдет того, рядом с чем она выросла. Луна заливала призрачным сиянием окна и сверкающую листву магнолий, каждый камень старого здания дышал тайной. Как хорошо! Свет горел только в одном окне - в кабинете отца. Странно, что ее родные легли так рано, когда в душе у них пенится радость. Динни тихонько поднялась на террасу и заглянула в окно: шторы были только приспущены. Генерал сидел за письменным столом перед грудой бумаг, зажав руки между коленями и опустив голову. Впалые виски, волосы, сильно поседевшие за последние месяцы, сжатые губы,

подавленное выражение лица - поза человека, готового молча и терпеливо встретить беду. На Маунт-стрит Динни читала о гражданской войне в Америке и сейчас подумала, что генералы южан в ночь перед капитуляцией Ли выглядели, наверно, точно так же, как ее отец, если не считать отсутствующей у него бороды. Вдруг Динни сообразила: произошла какая-то досадная ошибка, и он не получил телеграмму. Она постучала в окно. Отец поднял голову. В лунном свете лицо его казалось пепельно-серым, и она поняла, он воспринял ее появление, как весть о том, что случилось самое худшее. Сэр Конуэй открыл окно, Динни перегнулась через подоконник и положила руки на плечи отцу:

- Папа, разве вы не получили моей телеграммы? Все в порядке. Хьюберт свободен.

Руки генерала взметнулись и стиснули ее запястья, на лице появилась краска, губы разжались, - он внезапно помолодел на десять лет.

- Это... это точно, Динни?

Динни кивнула. Она улыбалась, но в глазах у нее стояли слезы.

- Боже правый, вот это новость! Входи же! Я пойду скажу матери.

Не успела она влезть в окно, как он уже выбежал из комнаты.

В этом кабинете, который устоял перед натиском Динни и леди Черрел, пытавшихся насадить в нем эстетическое начало, и сохранил свою напоминающую канцелярию наготу, на каждом шагу виднелись следы поражения, нанесенного искусству, и девушка смотрела на них с улыбкой, приобретающей уже хронический характер. Здесь, в окружении своих бумаг, военных сочинений, выцветших фотографий, реликвий, вывезенных из Индии и Южной Африки, картины в старомодном вкусе, изображающей его боевого коня, карты поместья, шкуры леопарда, который когда-то подмял сэра Конуэя, и двух чучел лисьих голов, живет ее отец. Он снова счастлив! Слава богу!

Динни догадалась, что ее родители предпочтут порадоваться в одиночестве, и проскользнула наверх, в комнату Клер. Самый жизнерадостный член семьи спал, высунув из-под простыни рукав пижамы и подложив ладонь под щеку. Динни ласково взглянула на темную стриженую головку и снова вышла. Страшись тревожить сон молодой красы! Динни стояла у открытого окна своей спальни, всматриваясь в ночь - прямо перед ней почти оголенные вязы, а дальше залитые луной поля, за ними лес. Она стояла и силилась не верить в бога. Низко и недостойно верить в него больше теперь, когда дела идут хорошо, нежели раньше, когда они грозили завершиться трагедией. Это так же низко и недостойно, как молиться ему, если вам от него что-то нужно, и не молиться, если

надобность в нем отпала. В конце концов бог только вечный и непостижимый разум, а не любящий и понятный вам отец. Чем меньше думать обо всем этом, тем лучше. Буря кончилась, корабль пришел в порт. Она дома, и этого довольно! Динни качнуло, и она поняла, что засыпает стоя. Кровать была незастелена, но девушка вытащила старый теплый халат и, сбросив туфли, платье и пояс с подвязками, накинула его. Потом нырнула под одеяло и через две минуты уже спала, по-прежнему улыбаясь...

В телеграмме Хьюберта, прибывшей во время завтрака, сообщалось, что они с Джин приедут к обеду.

- Молодой помещик возвращается. Везет молодую жену, - пробурчала Динни. - Слава богу, к обеду уже станет темно, и мы сможем заклать тучного тельца без шума. А тучный телец найдется, папа?

- У меня осталось от твоего прадеда две бутылки шамбертена тысяча восемьсот шестьдесят пятого года. Подадим их и старый бренди.

- Хьюберт больше всего любит блинчики и вальдшнепов. Нельзя ли настрелять их, мама? А как насчет отечественных устриц? Он их обожает.

- Постараюсь достать, Динни.

- И грибов, - добавила Клер.

- Боюсь, что тебе придется объехать всю округу, мама.

Леди Черрел улыбнулась. Сегодня она казалась совсем молодой.

- Погодка охотничья, - заметил сэр Конуэй. - Что скажешь, Клер? Встречаемся в Уивел-кросс, в одиннадцать.

- Отлично!

Проводив отца с Клер и возвращаясь из конюшни, Динни остановилась, чтобы приласкать собак. Избавление от бесконечного ожидания и мысль о том, что беспокоиться больше не о чем, были настолько упоительны, что девушку не возмущало даже такое странное обстоятельство, как сходство теперешнего положения Хьюберта с тем, которое причиняло ей так много горя два месяца назад. Положение его не улучшилось, а еще более осложнилось в связи с женитьбой. И все-таки Динни была полна веселья, как уличный мальчишка разносчик. Эйнштейн прав: все относительно.

Напевая "Браконьера из Линкольншира", девушка шла к саду, как вдруг треск мотоцикла заставил ее обернуться. Какой-то человек в костюме мотоциклиста помахал ей рукою, вогнал машину в куст рододендронов и направился к ней, откидывая капюшон.

"Это Ален!" Динни мгновенно почувствовала себя девицей, которой сейчас сделают предложение. Сегодня, - она понимала это, - ему уже ничто

не помешает: он даже не совершил опасного героического подвига, который придал бы такому предложению слишком явный характер просьбы о награде.

"Но, может быть, он все еще небрит и это остановит его!" - подумала Динни. Увы! Подбородок отличался от остального лица лишь несколько менее смуглой кожей.

Он подошел и протянул обе руки, Динни подала ему свои. Так, взявшись за руки, они стояли и смотрели друг на друга.

- Ну, рассказывайте, - потребовала наконец Динни. - Вы чуть не довели нас всех до помешательства, молодой человек.

- Присядем где-нибудь, Динни.

- С удовольствием. Осторожнее, - Скарамуш вертится под ногами, а они у вас внушительные.

- Не очень, Динни, вы выглядите...

- ...измученной, что не слишком лестно, - перебила его Динни. - Я уже знаю о профессоре, специальном ящике для боливийских костей и предполагавшейся замене их Хьюбертом на корабле.

- Откуда?

- Мы же не кретины, Алэн. В чем состоял ваш второй план - с бородой и прочим? Хорошо бы сесть вот тут, на камень, но сперва надо что-то подложить.

- Могу предложить вам свое колено.

- Благодарю, достаточно вашего комбинезона. Кладите его. И так?

- Что ж, извольте, - сказал Алэн, недовольно поглядывая на свой ботинок. - Мы не приняли определенного решения: все зависело от того, как отправят Хьюберта. Пришлось предусмотреть несколько возможностей. Если бы корабль зашел по дороге в испанский или португальский порт, мы прибегли бы к фокусу с ящиком. Халлорсен поехал бы пароходом, а Джин и я встретили бы его в гавани с самолетом и настоящими костями. Вызволив Хьюберта, Джин села бы в машину, - она прирожденный пилот, - и улетела в Турцию.

- О последнем мы догадались, - вставила Динни.

- Как?

- Неважно. А другие варианты?

- Если бы выяснилось, что захода в гавань не будет, дело усложнилось бы. Мы подумывали о ложной телеграмме. Ее вручили бы охране Хьюберта, когда поезд придет в Саутгемптон или в другой порт. В ней предписывалось бы отвезти арестованного в ближайший полицейский участок и ожидать там дальнейших распоряжений. По дороге Халлорсен на

мотоцикле врезался бы в такси с одной стороны, я - с другой. Хьюберт выскочил бы, сел в мою машину и удрал туда, где ожидает самолет.

- Н-да! - промывчала Динни. - Все это прекрасно на экране, но так ли уж легковерна полиция в действительности?

- В общем, мы этот план всерьез не разрабатывали. Больше рассчитывали на первый.

- Деньги ушли целиком?

- Нет, еще осталось триста. Аэроплан тоже можно перепродать.

Динни глубоко вздохнула, посмотрела на него и сказала:

- Знаете, вы, по-моему, дешево отделались.

Ален усмехнулся:

- Я думаю! Кроме того, если бы похищение удалось, я уже не мог бы так просто заговорить с вами. Динни, я сегодня должен уехать. Согласны вы...

Динни мягко перебила его:

- Разлука смягчает сердце, Ален. Когда приедете в следующий раз, я решу.

- Можно вас поцеловать?

- Да.

Девушка подставила ему щеку. "Вот теперь, - подумала она, - мужчине полагается властно целовать вас в губы. Нет, не поцеловал! Кажется, он и в самом деле уважает меня". Динни поднялась:

- Поезжайте, мой дорогой мальчик, и огромное вам спасибо за все, что вы, к счастью, не сделали. Честное слово, я постараюсь и перестану быть недотрогой.

Он сокрушенно посмотрел на нее, видимо раскаиваясь в своей" сдержанности, затем ответил ей улыбкой на улыбку, и вскоре треск мотоцикла растаял в беззвучном дыхании тихого дня.

Динни, по-прежнему улыбаясь, пошла домой. Ален чудный! Но неужели нельзя подождать? Ведь даже в наши дни люди на досуге начинают жалеть об упущенном.

После легкого и раннего завтрака леди Черрел отбыла в "форде" с конюхом за рулем на поиски тучного тельца. Динни уже собралась обшарить сад и конфисковать там все цветы, которые может предложить ноябрь, когда ей подали карточку:

Мистер Нейл Уинтни,

Мастерские Фердинанда,

Орчард-стрит.

Челен.

"Караул! - мысленно вскричала Динни. - Молодой человек дяди Лоренса!"

- Где он, Эми?

- В холле, мисс.

- Проведите его в гостиную и попросите минутку обождать. Я сейчас.

Она освободилась от садовых перчаток и корзинки, осмотрела нос с помощью карманного зеркальца, вошла в гостиную через балконную дверь и с удивлением увидела "молодого человека", который уселся на стул, поставив рядом с собой какие-то аппараты. У него были густые седые волосы и монокль на черной ленточке, а когда он встал, девушка увидела, что ему по меньшей мере шестьдесят. Он осведомился:

- Мисс Черрел? Ваш дядюшка сэра Лоренс Монт заказал мне вашу миниатюру.

- Я знаю, - ответила Динни, - только я думала...

Она не закончила. В конце концов, дядя Лоренс, наверно, доволен своей шуткой. А может быть, у него просто уж такое представление о молодости?

"Молодой человек" вставил на место свой монокль, прижав его щекой приятного красного оттенка, и его большой голубой глаз пристально посмотрел на девушку через стекло. Затем он наклонил голову набок и сказал:

- Если мне удастся схватить общий рисунок лица и у вас найдется несколько фотографий, я не стану долго докучать вам. Вы останетесь в вашем голубом платье - цвет великолепен. На заднем плане, за окном - небо. Не слишком голубое, скорее белесое. Это ведь Англия. Не начать ли нам, пока светло?..

И, не прерывая разговора, он занялся приготовлениями.

- Характерная черта английской леди, по сэру Лоренсу, - глубокая внутренняя, но скрытая культура. Повернитесь немножко в профиль. Благодарю вас... Нос...

- Что, безнадежен? - вздохнула Динни.

- О нет, напротив, очарователен! Насколько я понимаю, сэра Лоренс хочет приобщить вас к своей коллекции национальных типов. Я уже написал для него две миниатюры. Не будете ли любезны опустить глаза? Нет, не так. Теперь смотрите прямо на меня. Ах, какие великолепные зубы!

- Пока еще собственные.

- Очень удачная улыбка, мисс Черрел. Она дает ощущение шутливости, но не чересчур сильное, в меру. Это как раз то, что нам нужно.

- Надеюсь, вы не заставите меня все время улыбаться так, чтобы в

каждой улыбке было ровно три унции шутливости?

- Нет, нет, моя милая юная леди. Попробуем ограничиться одной. Теперь повернитесь, пожалуйста, в три четверти. Ага! вижу линию волос, цвет у них восхитительный.

- В меру рыжие? Не слишком?

"Молодой человек" промолчал. Он с поразительной быстротой рисовал и делал заметки на полях бумаги.

Брови Динни приподнялись, но шевелиться ей не хотелось. Он остановился, кисло-сладко улыбнулся и объявил:

- Да, да. Вижу, вижу.

Что он видел? Жертва занервничала и стиснула руки.

- Поднимите руки, мисс Черрел. Не так. Слишком похоже на мадонну. В волосах должен прятаться чертик. Глаза прямо на меня.

- Взгляд радостный? - спросила Динни.

- Не слишком. Просто... Словом, английские глаза: искренние, но сдержанные. Теперь поворот шеи. Ага! Чуть выше. Да, да, как у лани... Немножко такого, знаете... Нет, не испуга, а тревоги.

Он снова принялся рисовать и делать заметки, с отсутствующим видом уйдя в работу.

"Если дяде Лоренсу нужна неуклюжая застенчивость, он ее получит", решила Динни.

"Молодой человек" прервал работу и отступил назад. Голова его склонилась набок так сильно, что монокль заслонил от девушки все лицо.

- Дайте выражение! - бросил он.

- Вам нужен беззаботный вид? - спросила Динни.

- Нет, отрешенный, - уточнил "молодой человек". - И более подчеркнутый. Можно мне поиграть на рояле?

- Разумеется. Но боюсь, что он расстроен - его давно не открывали.

- Ничего, сойдет.

Он сел, открыл рояль, подул на клавиши и заиграл - Он играл сильно, нежно, умело. Динни подошла к роялю, прислушалась и мгновенно пришла в восторг. Это несомненно Бах, но что? Чарующая, мирная и прекрасная мелодия, наплывающая снова и снова, монотонная и в то же время взволнованная, - такое бывает только у Баха.

- Что вы играли?

- Хорал Баха, переложенный для фортепьяно, - указал моноклем на клавиши "молодой человек".

- Восхитительно! Дух витает в небесах, а ноги ступают по цветущему полю, - прошептала Динни.

"Молодой человек" закрыл рояль и встал:

- Вот это мне и требуется, юная леди.

- А! - сказала Динни. - Только и всего?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вместо отца (лат.).

2. Здесь иронич. - благородный атлантический человек (лат.).

3. Согласен! (франц.)

4. Непременное условие (лат.).

5. Прекрасные глаза (франц.).

6. Высокий титул (франц.).

7. Отдельный кабинет (франц.).

8. Самолюбие (франц.).

9. До свидания (франц.).

10. Сумасшедший дом (франц.).

11. "Сельский Меркурий" (лат.).

12. Английский закон о защите личности от административного произвола.

13. Это всем молодцам молодчина! (франц.).

Джон Голсуори

Цветок в пустыне

(Конец главы)

Изд. "Знаменитая книга", 1992 г.

OCR Палек, 1998 г.

I

В 1930 году, вскоре после того как был опубликован бюджет, неподалеку от вокзала Виктория можно было наблюдать восьмое чудо света - трех совершенно непохожих друг на друга англичан, одновременно предававшихся созерцанию одного из лондонских памятников. Каждый пришел сам по себе и стоял на некотором расстоянии от других в юго-западном углу площадки, где не было деревьев и не бил в глаза медлительный предвечерний свет весеннего солнца. Группа состояла из девушки лет двадцати шести, молодого мужчины, которому можно было дать года тридцать четыре, и пожилого человека в возрасте от пятидесяти до шестидесяти. Девушка была тоненькая и на вид далеко не глупая; она стояла, слегка склонив голову на плечо, подняв подбородок, полураскрыв губы и улыбаясь. Мужчина помоложе, в синем пальто, с тонкой талией, плотно схваченной поясом, словно его владельца знобило на свежем весеннем ветру, был желт от сходящего загара; его презрительно сжатый рот явно противоречил устремленным на памятник глазам, в которых

читалось подлинно глубокое чувство. Пожилой мужчина, человек очень высокого роста, одетый в коричневый костюм и коричневые замшевые ботинки, стоял в небрежной позе, засунув руки в карманы брюк, и на его длинном обветренном красивом лице застыла маска пронизательного скептицизма.

Памятник, который представлял собой конную статую маршала Фоша, возвышался среди деревьев еще более молчаливо, чем смотрели на него трое зрителей.

Молодой человек неожиданно сказал:

- Он выручил нас.

Двое остальных по-разному восприняли такое нарушение этикета. Пожилой мужчина слегка приподнял брови и направился к постаменту, словно намереваясь повнимательней разглядеть ноги коня. Девушка обернулась, непринужденно взглянула на заговорившего, и лицо ее немедленно выразило изумление.

- Уилфрид Дезерт? Молодой человек поклонился.

- В таком случае мы с вами встречались, - объявила девушка. - На свадьбе Флер Монт. Если помните, вы были шафером - первым, которого я видела в жизни. Мне тогда было только шестнадцать. Меня вы, конечно, не помните. Я - Динни Черрел, в крещении Элизабет. Мне пришлось быть подружкой невесты - в последнюю минуту выяснилось, что больше никому.

Рот молодого человека утратил свою надменность.

- Я превосходно помню ваши волосы.

- Почему все запоминают только мои волосы?

- Неправда! Я и сейчас не забыл, как мне тогда пришло в голову, что вы могли бы позировать Боттичелли. Вижу, что и теперь можете.

Динни подумала: "Его глаза впервые взволновали меня. В самом деле, очень хороши!"

Упомянутые глаза снова устремились на памятник.

- Он действительно выручил нас, - повторил Дезерт.

- Вы ведь были на фронте? Кем?

- Летчиком, и сыт по горло.

- Вам нравится памятник?

- Лошадь нравится.

- Да, - согласилась Динни. - Это настоящая лошадь, а не гарцующее чучело с зубами, ногами и холкой.

- Сделано ловко. Сам Фош тоже.

Динни наморщила лоб:

- По-моему, статуя поставлена очень удачно. Она так спокойно

возвышается между деревьев.

- Как поживает Майкл? Насколько помнится, вы его двоюродная сестра.

- С Майклом все в порядке. По-прежнему в парламенте. У него такое место, которое нельзя потерять.

- А как Флер?

- Цветет. Вы знаете, у нее в прошлом году родилась дочка.

- У Флер? Гм... Значит, у нее теперь двое?

- Да. Девочку назвали Кэтрин.

- Я не был в Англии с тысяча девятьсот двадцать седьмого. Черт возьми! Сколько воды утекло после этой свадьбы!

- У вас такой вид, как будто вы долгое время провели на солнце, сказала Динни.

- Без солнца для меня нет жизни.

- Майкл рассказывал мне, что вы живете на Востоке.

- Да, обретаюсь в тех краях.

Лицо его потемнело еще больше, он слегка вздрогнул.

- У вас в Англии дьявольски холодно весной.

- А вы по-прежнему пишете стихи?

- Ого! Вам известны даже мои слабости?

- Я читала все ваши книжки. Последняя мне особенно понравилась.

Дезерт усмехнулся:

- Благодарю. Вы погладили меня по шерстке. Поэтам, знаете, это нравится. Кто этот высокий? По-моему, я с ним встречался.

Высокий мужчина обошел памятник и возвращался обратно.

- Он и мне почему-то помнится. Тоже в связи со свадьбой, - негромко бросила Динни.

Высокий мужчина подошел к ним.

- Подколенные жилы не удались, - объявил он.

Динни улыбнулась:

- Я всегда радуюсь, что у меня не подколенные жилы, а просто поджилки. Мы только что пытались выяснить, откуда мы вас знаем. Вы не были на свадьбе Майкла Монта лет десять назад?

- Был, юная леди. А вы кто такая?

- Мы все встречались там. Я - Динни Черрел, его двоюродная сестра по матери. Мистер Дезерт был его шафером.

Высокий мужчина кивнул:

- Да, верно. Меня зовут Джек Масхем. Я двоюродный дядя Майкла по отцу.

Он повернулся к Дезерту:

- Вы как будто восхищаетесь Фошем?

- Да.

Динни с удивлением увидела, как помрачнело лицо молодого человека.

- Что ж, - сказал Масхем, - он был хороший вояка. Таких мало. Но я-то пришел взглянуть на коня.

- Это, конечно, весьма существенная деталь, - вполголоса вставила Динни.

Высокий мужчина подарил ее скептической улыбкой:

- За одно мы во всяком случае должны быть благодарны Фошу: он не бросил нас в трудную минуту.

Дезерт неожиданно в упор взглянул на собеседника:

- У вас есть особые причины сделать подобное замечание? Масхем пожал плечами, приподнял шляпу, поклонился Динни и ушел, небрежно покачиваясь.

Наступило глубокое, как омут, молчание.

- Вам в какую сторону? - спросила наконец Динни.

- В ту, куда пойдете вы.

- Чувствительно признательна, сэр. Удовлетворит ли вас такой ориентир, как моя тетка, проживающая на Маунт-стрит?

- Вполне.

- Вы должны ее помнить. Это мать Майкла. Она - чудная. Самый законченный образец непоследовательности: говорит так, будто прыгает с камушка на камушек, и вам тоже приходится прыгать, чтобы поспеть за ней.

Они пересекли улицу и по Гросвенор-плейс направились к Букингемскому дворцу.

- Простите меня за смелую попытку завязать разговор, но вы, наверное, находите в Англии большие перемены всякий раз, как возвращаетесь?

- Порядочные.

- Разве вы "не любите родимую страну", как принято выражаться?

- Она внушает мне отвращение.

- А вы случайно не из тех, кто хочет казаться хуже, чем есть на самом деле?

- Абсурд. Спросите Майкла.

- Майкл ни про кого не скажет плохо.

- Майкл - как ангелы: он живет за пределами реальности.

- Нет, - возразила Динни. - Майкл - типичный англичанин и большой

реалист.

- Это его счастье и его беда.
- Зачем вы поносите Англию? Старо.
- Я поношу ее только при англичанах.
- Уже лучше. А зачем вы ее поносите при мне?

Дезерт рассмеялся.

- Затем, что вы такая, какой мне хотелось бы видеть Англию.
- Сильной и справедливой, без самодовольства и спеси?
- Больше всего меня раздражает наша вера в то, что Англия до сих пор

выше всех.

- Разве это не так?
- Так, - согласился озадаченный Дезерт. - Но у нее нет оснований так

считать.

Динни подумала:

- Брат Уилфрид, упрям ты и спорщик большой, - Сказала девица ему.

Зачем вверх ногами и вниз головой

Ты ходишь - убей, не пойму.

Вслух же сказала:

- Если Англия все еще выше всех, а мы верим в это, хотя и не имеем для этого оснований, значит, у нас, по крайней мере, есть интуиция. Вы, например, интуитивно невзлюбили мистера Масхема.

Затем взглянула на него и сообразила: "Я ляпнула лишнее".

- С чего вы взяли? Обычный твердолобый англичанин, помешанный на охоте и скачках. Просто мне такие до смерти надоели.

"Нет, здесь что-то другое!" - решила Динни, все еще глядя на него. Какое необычное и несчастное лицо: на нем отражен глубокий внутренний разлад, словно добрый и злой ангелы непрерывно борются за эту душу. Но его глаза по-прежнему ее волнуют - как в то давнее время, когда она, шестнадцатилетняя девочка с косами, стояла подле него на свадьбе Флер.

- Вам серьезно нравится скитаться по Востоку?

- На мне проклятие Исава.

"Когда-нибудь он мне расскажет - почему. Только я, наверно, больше его не увижу", - подумала Динни, и холодок пробежал у нее по спине.

- Интересно, знаете ли вы моего дядю Эдриена? Он был на Востоке во время войны. Сейчас служит в музее - ведает костями. А с Дианой Ферз знакомы? Он женился на ней в прошлом году.

- Я не знаю никого, о ком стоило бы говорить.
- Значит, у нас одна точка соприкосновения - Майкл.
- Не верю в то, что посторонние могут служить точкой

соприкосновения. Где вы живете, мисс Черрел?

Динни улыбнулась:

- По-видимому, мне пора дать краткую биографическую справку. Моя семья с незапамятных времен осела в Кондафорде, Оксфордшир. Мой отец генерал в отставке, я - старшая из двух его дочерей, брат у меня один. Он военный, состоит в браке и скоро приедет в отпуск из Судана.

- Вот как! - произнес Дезерт, и лицо его снопа помрачнело.

- Мне двадцать шесть, я не замужем, детей у меня пока нет. Моя слабость - устройство чужих дел. Откуда она у меня, не знаю. Приезжая в Лондон, я останавливаюсь у леди Монт на Маунт-стрит. Хотя я получила скромное воспитание, наклонности у меня разорительные, а средств для удовлетворения их нет. Думаю, что умею понимать шутки. Теперь ваш черед.

Дезерт улыбнулся и покачал головой.

- Рассказать за вас? - предложила Динни. - Вы - второй сын лорда Маллиена; вам осточертела война; вы пишете стихи, склонны к кочевому образу жизни и сами себе враг. Последнее свойство ценно лишь своей новизной. Вот мы и на Маунт-стрит. Не зайдете ли повидаться с тетей Эм?

- Благодарю вас, не стоит. Что вы делаете завтра? Давайте позавтракаем вместе, а потом пойдем на дневной спектакль.

- Хорошо. Где?

- В половине второго у Дюмурье.

Они обменялись рукопожатием и расстались. Входя в дом тетки, Динни дрожала всем телом. Странное ощущение! Она остановилась у дверей гостиной и улыбнулась.

II

Шум, доносившийся из-за дверей, стер улыбку с ее губ. "Боже правый! Я совсем забыла, что сегодня у тетя Эм "прием" по случаю дня рождения".

Рояль, игравший в гостиной, умолк; беготня, толчея, скрип передвигаемых стульев, несколько возгласов, тишина, - и музыка зазвучала снова.

"Играют в "кто лишний", - догадалась Динни и тихо открыла дверь. Диана Ферз сидела за роялем. Восемь ребятишек в ярких бумажных колпаках и один взрослый держались за восемь стульев, составленных попарно спинками друг к другу. Семеро уже вскочили, двое еще сидели - разом на одном стуле. Динни увидела слева направо: Роналда Ферза; маленького китайчонка; Энн, младшую дочь тети Эдисон; Тони, младшего сына Хилери; Селию и Динго - детей Селии Мористон, старшей сестры Майкла; Шейлу Ферз и - на одном стуле - дядю Эдриена и Кита Монта.

Затем в поле ее зрения попали тетя Эм в большом ярко-красном бумажном колпаке, которая, несколько запыхавшись, остановилась у камина, и Флер, уносившая первый стул из того ряда, где только что сидел Роналд.

- Кит, вставай. Ты лишний.

Кит не пошевелился. Поднялся Эдриен:

- Ладно, старина, выйду я, а ты уж оставайся с ровесниками. Ну, играй!

- Не держаться за спинки! - надсаживалась Флер. - У Фын, пока не кончилась музыка, садиться нельзя, Дишо, не цепляйся за крайний стул.

Музыка оборвалась. Шарканье ног, возня, визг, - маленькая Энн, самая крохотная из всех, осталась стоять.

- Вот и хорошо, детка, - сказала Динни. - Иди сюда и бей в барабан. Когда музыка перестанет, перестань и ты. Вот так. Теперь опять. Наблюдай за тетей Ди.

Снова, и снова, и снова. Наконец вышли все, кроме Шейлы, Динго и Кита.

"Ставлю на Кита!" - подумала Динни.

Шейла лишняя! Предпоследний стул убран! Динго, похожий на шотландца, и Кит, со светлых волос которого свалился бумажный колпак, кружат вокруг последнего стула. Вот оба плюхнулись на сиденье, потом вскочили и опять забегали кругом. Диана старательно отводит глаза. Флер стоит чуть поодаль и улыбается, лицо тети Эм разругалось. Музыка оборвалась, на стуле сидит Динго, Кит оказался лишним. Он вспыхнул и насупился.

- Кит, плати фант! - раздался окрик Флер.

Кит вздернул голову и засунул руки в карманы.

"Поделом Флер!" - подумала Динни.

Голос позади нее произнес:

- Ярко выраженное пристрастие твоей тетки к молодому поколению сопряжено с чрезмерным шумом. Не вкусить ли нам капельку покоя у меня в кабинете?

Динни обернулась и увидела тонкое, худое и подвижное лицо сэра Лоренса Монта с совершенно побелевшими усиками, хотя в волосах седина едва начала пробиваться.

- Я еще не внесла свою лепту, дядя Лоренс.

- Пора тебе вообще отучиться ее вносить. Пусть язычники беснуются, а мы пойдем вниз и по-христиански предадимся мирной беседе.

Динни подумала: "Что ж, я не прочь побеседовать об Уилфриде Дезерте". Эта мысль отеснила на задний план ее инстинктивную

потребность вечно чему-то служить, и девушка последовала за баронетом.

- Над чем вы сейчас работаете, дядя?

- Пока что отдыхаю и почитываю мемуары Хэрриет Уилсон. Замечательная девица, доложу тебе, Динни! Во времена Регентства в высшем свете трудно было испортить чью-либо репутацию, но Хэрриет делала все, что могла. Если ты о ней не слышала, могу сообщить, что она верила в любовь и дарила своей благосклонностью многих любовников, из которых любила лишь одного.

- И все-таки верила в любовь?

- Что тут особенного? Ведь остальные-то любили ее, - она была добросердечная бабенка. Какая огромная разница между нею и Нинон де Ланкло, та любила всех своих любовников. А в общем обе - колоритные фигуры. Представляешь, какой диалог о добродетели можно написать от их лица? Сядь же, наконец.

- Дядя Лоренс, сегодня днем я ходила смотреть памятник Фошу и Встретила вашего кузена мистера Масхема.

- Джека?

- Да.

- Последний из денди. Между прочим, существует огромная разница между щеголем, денди, светским франтом, фатом, "чистокровным джентльменом" и хлыщом. Есть еще какая-то разновидность, да я всегда забываю слово. Я перечислил их в нисходящем порядке. По возрасту Джек относится к поколению фатов, но по своему складу он чистый денди - типичный персонаж Уайт-Мелвила. А что он такое, на твой взгляд?

- Лошади, пикет и невозмутимость.

- Долой шляпу, дорогая. Люблю смотреть на твои волосы.

Динни сняла шляпу.

- Я встретила там еще одного человека - шафера Майкла.

Густые брови сэра Лоренса приподнялись:

- Что? Молодого Дезерта? Он опять вернулся? Легкий румянец выступил на щеках Динни.

- Да, - ответила она.

- Редкая птица, Динни.

Чувство, которого Динни еще никогда не испытывала, охватило ее.

Она не сумела бы его выразить, но оно напоминало ей о фарфоровой статуэтке, которую девушка подарила отцу в день его рождения две недели назад. Маленькая превосходно выполненная группа китайской работы: лиса и четыре забившихся под нее лисенка. На морде лисы написаны нежность и настороженность - то самое, что сейчас на душе у Динни.

- Почему редкая?

- Давняя история. Но тебе могу рассказать. Я точно знаю, что этот молодой человек увивался вокруг Флер года два после ее свадьбы. Из-за этого он и стал бродягой.

Вот, значит, что имел в виду Дезерт, упоминая об Исаве? Нет, дело не в том. Она помнит: когда он спрашивал о Флер, у него было самое обычное выражение лица.

- Это же было сто лет назад! - возразила девушка.

- Ты права. Седая старина. Впрочем, ходят и другие слухи. Клубы рассадники жестокости.

Соотношение нежности и настороженности, переполнявших Динни, изменилось: доля первой уменьшилась, второй возросла.

- Какие слухи? Сэр Лоренс покачал головой:

- Мне этот молодой человек нравится, и даже тебе, Динни, я не стану повторять то, о чем, в сущности, ничего не знаю. Стоит человеку начать жить иначе, чем другие, и люди готовы бог знает что о нем выдумать.

Он внезапно посмотрел на племянницу, но глаза Динни были прозрачны.

- Кто этот китайчонок наверху?

- Сын бывшего мандарина, который оставил семью здесь из-за неурядиц на родине. Милый малыш. Приятный народ китайцы. Когда приезжает

Хьюберт?

- Через неделю. Они летят из Италии. Вы же знаете, Джин - старый пилот.

- Что с ее братом?

- С Аденом? Служит в Гонконге.

- Твоя тетка все еще сокрушается, что у тебя с ним ничего не вышло.

- Милый дядя, я готова на все, чтобы угодить тете Эм, но в данном случае, испытывая к нему чувства сестры, я боялась погрешить против библии.

- Не хочу, чтобы ты выходила замуж и уезжала в какую-нибудь варварскую страну, - сказал сэр Лоренс.

В голове Динни мелькнуло: "Дядя Лоренс просто волшебник!" - и глаза ее стали еще прозрачнее, чем раньше.

- Эта проклятая бюрократическая машина скоро поглотит всех наших близких, - продолжал баронет. - Обе мои дочери за морем: Селия в Китае, флора в Индии; твой брат Хьюберт в Судане; твоя сестра Клер уедет, как только обвенчается, - Джерри Корвен получил назначение на Цейлон;

Чарли Масхем, по слухам, прикомандирован к канцелярии генерал-губернатора в Кейптауне; старший сын Хилери служит в индийской гражданской администрации, младший - во флоте. Ну их всех! Ты и Джек Масхем - единственные пеликаны в моей пустыне. Конечно, остается еще Майкл.

- Дядя, вы часто встречаетесь с мистером Масхемом?

- Довольно часто: либо в "Бэртоне", либо он заходит ко мне в "Кофейню" поиграть в пикет, - мы с ним последние любители этой забавы. Но это только зимой, пока не начался сезон. Теперь я не увижу его до самого конца Ньюмаркетских скачек.

- Он, наверно, замечательно разбирается в лошадях?

- Да, Динни. В остальном - нет, как все люди его типа. Лошадь - это такое животное, которое закупоривает поры нашей души, делает человека чересчур бдительным. Нужно следить не только за лошадью, но и за всеми, кто имеет к ней касательство. Как выглядит молодой Дезерт?

- Дезерт? - замялась Динни, чуть было не захваченная врасплох. - Он изжелта-темный. - Как пески под солнцем. Он ведь настоящий бедуин. Отец его живет отшельником, они все немного странные. Майкл любит его, несмотря на ту историю. Это лучшее, что я могу о нем сказать.

- А что вы думаете о его стихах?

- Хаос и разлад: одной рукой творит, другой разрушает.

- Он, видимо, еще не нашел себе места в жизни. Глаза у него довольно красивые, вы не находите?

- Мне больше запомнился рот - нервный и горький.

- Глаза говорят о том, каков человек от природы, рот - о том, каким он стал,

- Да. Рот и брюшко.

- У него нет брюшка, - возразила Динни. - Я обратила внимание.

- Привычка питаться горстью фиников и чашкой кофе. Неправда, что арабы любят кофе. Их слабость - зеленый чай с мятой. Боже правый! Вот и твоя тетка. "Боже правый!" относилось не к ней, а к чаю с мятой.

Леди Монт сняла свой бумажный головной убор и перевела дух.

- Тетя, милая, - взмолилась Динни, - я забыла, что у вас день рождения и не принесла подарка.

- В таком случае поцелуй меня. Я все'да говорю, Динни, что ты целуешь особенно приятно. Как ты сюда попала?

- Я приехала за покупками для Клер.

- Ты захватила с собой ночную рубашку?

- Нет.

- Неважно. Возьмешь мою. Ты их еще носишь?
- Да, - ответила Динни.
- Умница. Не люблю женских пижам. Твой дядя тоже. От них такое ощущение, словно что-то ниже талии тебе мешает. Хочешь избавиться и не можешь. Майкл и Флер остаются обедать.
- Благодарю, тетя Эм, я переночую у вас. Сегодня я не достала и половины того, что нужно Клер.
- Мне не нравится, что Клер выходит замуж раньше тебя, Динни.
- Этого следовало ожидать, тетя.
- Вздор! Клер - блестящая женщина: на таких, как правило, не женятся. Я вышла замуж в двадцать один.
- Вот видите, тетя!..
- Ты смеешься надо мной! Я блеснула все'о один раз. Помнишь слона, Лоренс? Я хотела, чтобы он сел, а он становился на колени. Слоны мо'ут наклоняться только в одну сторону. И я сказала, что он следует своим наклонностям.
- Тетя Эм! За исключением этого случая вы - самая блестящая женщина, какую я знаю. Все остальные чересчур последовательны.
- Мне так отрадно видеть твой нос, Динни. Я устала от горбатых. У нас у всех такие - и у твоей тетки Уилмет, и у Хен, и у меня.
- Тетя, милая, у вас совсем незаметный изгиб.
- В детстве я ужасно боялась, что будет хуже. Я прижималась горбинкой к шкафу.
- Я тоже пробовала, только кончиком.
- Однажды, ко'да я этим занималась, твой отец спры'нул со шкафа и прокусил себе губу. Представь себе, он спрятался там, как леопард, и подсматривал за мной.
- Какой ужас!
- Да, Лоренс, о чем ты задумался?
- Я думал о том, что Динни, по всей вероятности, не завтракала.
- Я собиралась проделать это завтра, дядя.
- Вот еще! - возмутилась леди Монт. - Позвони Блору. Ты все равно не пополнишь, пока не выйдешь замуж.
- Пусть сначала Клер обвенчается, тетя Эм.
- Надо бы у Святого Георгия. Служит Хилери?
- Разумеется!
- Я поплачу.
- А почему, собственно, вы плачете на свадьбах, тетя?
- Невеста будет так похожа на ан'ела, а жених в черном фраке, с

усиками даже не почувствует, что она о нем думает. Как это о'орчительно!

- А вдруг он все почувствует? Я уверена, что так было и с Майклом, когда он женился на Флер, и с дядей Эдриеном, когда Диана выходила за него.

- Эдриену пятьдесят три и у не'о борода. Кроме то'о, Эдриен - особая статья.

- Допускаю, что это несколько меняет дело. Но, по-моему, оплакивать следует скорее мужчину. Женщина переживает самую торжественную минуту в своей жизни, а у мужчины наверняка слишком узкий жилет.

- У Лоренса жилет не жал. Твой дядя все'да был худ как щепка. А я была то'да стройной, как ты, Динни.

- Вы, наверно, были изумительны в фате, тетя Эм. Правда, дядя?

Тут она заметила, какое непривычно тоскливое выражение приняли лица обоих ее пожилых собеседников, и торопливо прибавила:

- Где вы встретились впервые?

- На охоте, Динни. Я увязла в болоте. Твоему дяде это не понравилось, он подошел и вытащил меня.

- Идеальное место для знакомства!

- Слишком грязное. Потом мы целый день не раз'оваривали.

- Как же вы сошлись?

- Так уж все сложилось. Я гостила у Кордроев, знакомых Хен, а твой дядя заехал посмотреть щенят. Ты почему меня допрашиваешь?

- Просто хочу знать, как это делалось в ваше время.

- Выясни лучше сама, как это делается в наши дни.

- Дядя Лоренс не хочет, чтобы я избавила его от себя.

- Все мужчины - э'оисты, кроме Майкла и Эдриена.

- Кроме того, я не желаю, чтобы вы из-за меня плакали.

- Блор, коктейль и сандвич для мисс Динни. Она не завтракала. Да, Блор, мистер и миссис Эдриен и мистер и миссис Майкл остаются обедать. И скажите Лауре, Блор, чтобы она отнесла мою ночную рубашку и прочее в синюю комнату для гостей. Мисс Динни ночует у нас. Ах, эта детвора!

И леди Монт, слегка раскачиваясь, выплыла из комнаты в сопровождении своего дворецкого.

- Какая она чудная, дядя!

- Я этого никогда не отрицал, Динни.

- Стоит мне ее повидать, и на душе становится легче. Она когданибудь сердится?

- Иногда собирается, но раньше чем успеет выйти из себя, уже перескакивает на другое.

- Какое спасительное свойство!..

Вечером за обедом Динни все время прислушивалась, не упомянет ли ее дядя о возвращении Уилфрида Дезерта. Он не упомянул.

После обеда она под села к Флер, восхищаясь - как всегда чуточку недоуменно - своей родственницей, лицо и фигура которой были так прелестны, а глаза пронизательны, которая держалась так мило и уверенно, не питала никаких иллюзий на собственный счет и смотрела на Майкла сверху вниз и снизу вверх одновременно.

"Будь у меня муж, - думала Динни, - я была бы с ним не такой. Я смотрела бы ему прямо в глаза, как грешница на грешника".

- Флер, вы помните вашу свадьбу? - спросила она.

- Помню, дорогая. Удручающая церемония.

- Я видела сегодня вашего шафера.

Круглые сверкающие белками глаза Флер расширились.

- Уилфрида? Неужели вы его помните?

- Мне было тогда шестнадцать, и он привел в трепет мои юные нервы.

- Это, конечно, главная обязанность шафера. Ну, как он выглядит?

- Очень смуглый и очень беспокойный.

Флер расхохоталась.

- Он всегда был такой.

Динни взглянула на нее и решила не терять времени.

- Да, дядя Лоренс рассказывал мне, что он пытался внести беспокойство и в вашу жизнь.

- Я даже не знала, что Барт это заметил, - удивилась Флер.

- Дядя Лоренс немножко волшебник, - пояснила Динни.

- Уилфрид вел себя примерно, - понизила голос Флер, улыбаясь воспоминанию. - Уехал на Восток послушно, как ягненок.

- Но не это же, надеюсь, удерживало его до сих пор на Востоке?

- Разве корь может удержать вас навсегда в постели? Нет, ему просто там нравится. Наверно, обзавелся гаремом.

- Нет, - возразила Динни. - Он разборчив, или я ничего не понимаю в людях.

- Совершенно верно, дорогая. Простите меня за дешевый цинизм. Уилфрид - удивительнейший человек и очень милый. Майкл его любил. Но, - прибавила Флер, неожиданно взглянув на Динни, - женщине любить его невозможно: это олицетворенный разлад. Одно время я довольно пристально изучала его, - так уж пришлось. Он неуловим. Страсть и комок нервов. Мягкосердечный и колючий. Неизвестно, верит ли во что-нибудь.

- За исключением красоты и, может быть, правды, если он в состоянии

их найти? - полувопросительно произнесла Динни.

Ответ. Флер оказался неожиданным.

- Что ж, дорогая, все мы верим в них, когда видим вблизи. Беда в том, что их никогда вблизи не бывает, разве что... разве что они скрыты в нас самих. А последнее исключается, если человек в разладе с собой. Где вы его видели?

- У памятника. Фошу.

- А, вспоминаю! Он боготворил. Фоша. Бедный Уилфрид! Не везет ему: контузия, стихи и семья - отец спрятался от жизни, мать, полуитальянка, убежала с другим. Поневоле будешь беспокойным. Самое лучшее в нем - глаза: возбуждают жалость и красивы - роковое сочетание. Ваши юные нервы не затрепетали снова?

- Нет. Но мне было интересно, не затрепещут ли ваши, если я упомяну о нем.

- Мои? Деточка, мне под тридцать, у меня двое детей и... - лицо Флер потемнело, - мне сделали прививку. Я могла бы о ней рассказать только вам, Динни, но есть вещи, о которых не рассказывают.

У себя в комнате наверху Динни, несколько обескураженная, погрузилась в чересчур вместительную ночную рубашку тети Эм и подошла к камину, в котором, несмотря на ее протесты, развели огонь. Она понимала, как нелепы ее переживания - странная смесь застенчивости и пылкой смелости в предчувствии близких и неотвратимых поступков. Что с ней? Она встретила человека, который десять лет тому назад заставил ее почувствовать себя дуручкой, человека, судя по всем отзывам, совершенно для нее неподходящего. Динни взяла зеркало и стала рассматривать свое лицо поверх вышивок чересчур вместительной ночной рубашки. То, что она видела, могло бы ее удовлетворить, но не удовлетворяло.

Такие лица приедаются, думала она. Всегда одно и то же боттичеллиевское выражение!

Вздернутый нос,

Цвет глаз голубой!

Рыжая нимфа, в себя не верь

И зря не гордись собой!

Он так привык к Востоку, к черным, томным глазам под чадрой, соблазнительным, скрытым одеждой формам, к женственности, тайне, белым, как жемчуга, зубам - см, в словаре статью "Гурия"! Динни показала зеркалу собственные зубы. На этот счет она спокойна, - лучшие зубы в семье. И волосы у нее вовсе не рыжие: они, как любила выражаться мисс Бреддон, каштановые. Приятное слово! Жаль, что оно устарело. Разве

разглядишь себя, когда на тебе покрытая вышивкой рубашка времен Виктории? Не забыть проделать это завтра перед ванной! Обрадует ли ее то, что она увидит? Дай бог! Динни вздохнула, положила зеркало и легла в постель.

III

Уилфрид Дезерт все еще сохранял за собой квартиру на Корк-стрит. Платил за нее лорд Маллиен, который пользовался ею в тех редких случаях, когда покидал свое сельское уединение. У пэра-отшельника было больше общего с младшим сыном, чем со старшим, членом парламента, хотя это еще ничего не означало. Тем не менее встречи с Уилфридом он переносил не слишком болезненно. Но, как правило, в квартире обитал только Стэк, вестовой Уилфрида во время войны, питавший к нему ту сфинксообразную привязанность, которая долговечнее, чем любая словесно выраженная преданность. Когда Уилфрид неожиданно возвращался, он заставал квартиру в том же точно виде, в каком оставил, - не более пыльной, не более душной, те же костюмы на тех же плечиках, те же грибы и превосходно прожаренный бифштекс, чтобы утолить первый голод. Дедовская мебель, уставленная и увешанная вывезенными с Востока безделушками, придавала просторной гостиной незыблемо обжитой вид. Диван, стоявший перед камином, встречал Уилфрида так, словно тот никогда не расставался с ним.

На другое утро после встречи с Динни Дезерт лежал на нем и удивлялся, почему кофе бывает по-настоящему вкусным лишь тогда, когда его готовит Стэк. Восток - родина кофе, но турецкий кофе - ритуал, забава и, как всякий ритуал и всякая забава, только щекочет душу. Сегодня третий день пребывания в Лондоне после трехлетнего отсутствия. За последние два года он прошел через многое такое, о чем не хочется ни говорить, ни вспоминать - особенно об одном случае, которого он до сих пор не может себе простить, как ни старается умалить его значение. Иными словами, он вернулся, отягощенной тайной. Он привез также стихи - в достаточном для четвертой книжки количестве.

Он лежал на диване, раздумывая, не следует ли увеличить скромный сборник, включив в него самое длинное и, по мнению автора, самое лучшее из всего написанного им в стихах - поэму, навеянную тем случаем. Жаль, если она не увидит света. Но... И это "но" было столь основательным, что Уилфрид сто раз был готов разорвать рукопись, уничтожить ее так же бесследно, как ему хотелось стереть воспоминание о пережитом. Но... Опять "но"! Поэма была его оправданием - она объясняла, почему он допустил, чтобы с ним случилось то, о чем, как он надеялся, никто не знал.

Разорвать ее - значит утратить надежду на оправдание: ведь ему уже никогда так полно не выразить все, что он почувствовал во время того случая; это значит - утратить лучшего защитника перед собственной совестью и, может быть, единственную возможность избавиться от кошмара: ведь ему иногда казалось, что он не станет вновь безраздельным хозяином собственной души, пока не объявит миру о случившемся.

Он перечитал поэму, решил: "Она куда лучше и глубже путаной поэмы Лайела", - и без всякой видимой связи стал думать о девушке, которую встретил накануне. Удивительно! Столько лет прошло после свадьбы Майкла, а он все не забыл эту тоненькую, словно прозрачную девочку, похожую на боттичеллиевскую Венеру, ангела или мадонну, что, в общем, одно и то же. Тогда она была очаровательной девочкой! А теперь она очаровательная молодая женщина, полная достоинства, юмора и чуткости. Динни! Черрел! Фамилия пишется Черруэл, это он помнит. Он не прочь показать ей свои стихи: ее суждениям можно доверять.

Отчасти из-за того, что думал о ней, отчасти из-за того, что взял такси, он опоздал и столкнулся с Динни у дверей Дюмурье как раз в ту минуту, когда она уже собиралась уйти.

Пожалуй, нет лучше способа узнать истинный характер женщины, чем заставить ее одну ждать в общественном месте в час завтрака. Динни встретила его улыбкой:

- А я уже думала, что вы забыли.

- Во всем виновато уличное движение. Как могут философы утверждать, что время тождественно пространству, а пространство - времени? Чтобы это опровергнуть, достаточно двух человек, которые решили позавтракать вместе. От Корк-стрит до Дюмурье - миля. Я положил на нее десять минут и в результате опоздал еще на десять. Страшно сожалею!

- Мой отец считает, что с тех пор как такси вытеснили кэбы, время нужно рассчитывать с запасом в десять процентов. Вы помните кэбы?

- Еще бы!

- А я попала в Лондон, когда их уже не было.

- Если этот ресторан вам знаком, показывайте дорогу. Я о нем слышал, но сам здесь не бывал.

- Он помещается в подвале. Кухня - французская.

Они сняли пальто и заняли столик с краю.

- Мне, пожалуйста, поменьше, - попросила Динни. - Ну, скажем, холодного цыпленка, салат и кофе.

- Что-нибудь со здоровьем?

- Просто привычка к умеренности.
- Ясно. У меня тоже. Вина выпьете?
- Нет, благодарю. Как вы считаете, мало есть - это хороший признак?
- Если это делается не из принципа, - да.
- Вам не нравятся вещи, которые делаются из принципа?
- Я не доверяю людям, которые их делают. Это фарисеи.
- Это чересчур огульно. Вы склонны к обобщениям?
- Я имел в виду тех, кто не ест потому, что видит в еде проявление плотских чувств. Надеюсь, вы так не считаете?

- О нет! - воскликнула Динни. - Я только не люблю чувствовать себя набитой. А чтобы это почувствовать, мне нужно съесть совсем немного. О плоти я мало что знаю, но чувства, по-моему, это хорошая вещь.

- Вероятно, единственная хорошая на свете.
- Поэтому вы и сочиняете стихи? Дезерт усмехнулся:
- Я думаю, у вас они тоже получались бы.
- Стишки - да, стихи - нет.
- Пустыня - вот место для поэзии. Бывали вы в пустыне?
- Нет, но хотела бы.

Она сказала это и сама удивилась своим словам, вспомнив, как отрицательно отнеслась к профессору американцу и его широким бескрайним просторам. Впрочем, трудно представить себе больший контраст, чем Халлорсен и этот смуглый беспокойный молодой человек, который смотрит на нее. Ох, эти глаза! Холодок снова пробежал у нее по спине. Динни разломала булочку и сообщила:

- Вчера я обедала с Майклом и Флер.

Губы Дезерта искривились.

- Вот как? Когда-то я сходил с ума из-за Флер. Она - совершенство... в своем роде, правда?

- Да, - согласилась Динни и глазами добавила: "Не надо ее унижать!"

- Превосходное оснащение, редкая выдержка!

- Думаю, что вы ее не знаете, - заметила девушка, - А я и подавно.

Он наклонился над столом:

- Вы кажетесь мне верным человеком. Откуда это в вас?

- Слово "верность" - наш фамильный девиз. От этого так просто не отделаешься, не так ли?

- Не знаю, - отрезал он. - Я не понимаю, что такое верность. Чему? Кому? В нашем мире нет ничего неизблемого - все относительно. Верность показатель статичности мышления или просто предрассудок. В любом случае она исключает пытливость ума.

- Есть вещи, которые стоят, чтобы им хранили верность. Например, кофе или религия.

Он посмотрел на нее так странно, что Динни почти испугалась.

- Религия? А вы сами веруете?

- В общем, пожалуй, да.

- Что? Вы способны проглотить догмы катехизиса? Считать одну легенду правдивее другой? Предположить, что один набор представлений о непознаваемом представляет собой большую ценность, чем остальные? Религия! Но у вас же есть чувство юмора. Неужели оно покидает вас, как только речь заходит о ней?

- Нет. Я только допускаю, что религия - просто ощущение присутствия всеобъемлющего духа и то этическое кредо, которое помогает служить ему.

- Гм!.. Довольно далеко от общепринятой точки зрения. Откуда же в таком случае вам известно, как лучше всего служить всеобъемлющему духу?

- Это мне подсказывает вера.

- Вот здесь мы и расходимся! - воскликнул Дезерт, и девушке показалось, что в голосе его зазвучало раздражение. - Вспомните, как мы пользуемся силой нашего мышления, нашими умственными способностями! Я беру каждую проблему, как она есть, оцениваю ее, делаю вывод и действую. Словом, действую, решив с помощью разума, как лучше действовать.

- Лучше для кого?

- Для меня и для мира в широком смысле слова.

- Кто на первом месте - вы или мир?

- Это одно и то же.

- Всегда ли? Сомневаюсь. Кроме того, все это предполагает такую длительную оценку, что я даже не представляю себе, как вам удастся перейти к действию. Этические же нормы, несомненно, являются результатом бесчисленных решений, которые люди, сталкиваясь с одними и теми же проблемами, принимали в прошлом. Почему бы вам не следовать этим этическим нормам?

- Потому что ни одно из этих решений не было принято людьми, обладавшими моим темпераментом или находившимися в сходных со мной обстоятельствах.

- Понимаю. Вам нужно то, что называется судебным прецедентом.

Как это типично по-английски!

- Простите! - оборвал ее Дезерт. - Я вам надоедаю. Хотите сладкого?

Динни оперлась локтями о стол, положила голову на руки и серьезно

посмотрела на него:

- Вы мне несколько не надоели. Наоборот, ужасно меня заинтересовали. Я только думаю, что женщины действуют более импульсивно. Практически это означает, что они считают себя более похожими друг на друга, чем мужчины, и больше доверяют своему интуитивному восприятию коллективного опыта.

- Так было раньше. Как будет дальше - не знаю.

- Надеюсь, по-прежнему, - сказала Динни. - Мне кажется, что мы, женщины, никогда не станем вдаваться в оценку. А сладкого я хочу. Пожалуй, съем сливовый компот.

Дезерт взглянул на нее и расхохотался.

- Вы изумительная! Мы оба возьмем по компоту. У вас очень церемонная семья?

- Но то чтобы церемонная, но верит в традиции и в прошлое.

- А вы?

- Боюсь сказать. Бесспорно одно - я люблю старинные вещи, старинные здания и стариков. Люблю все, что отчеканено, как монета. Люблю чувствовать, что у меня есть корни. Всегда увлекалась историей. Тем не менее не могу над этим не смеяться. В нас всех заложено что-то очень комическое: мы - как курица, которой кажется, что ее привязали веревкой, если по земле провести меловую черту от ее клюва.

Дезерт протянул руку, и Динни вложила в нее свою.

- Пожмем друг другу руки и порадуемся этому спасительному свойству.

- Когда-нибудь вы мне еще кое-что расскажете, - объявила Динни. - А пока скажите, на какую вещь мы идем.

- Играл ли где-нибудь пьесы человека по фамилии Шекспир? Не без труда им удалось обнаружить театр на заречной стороне города, где в этот день давали пьесу величайшего в мире драматурга. Они отправились туда, и после спектакля Дезерт неуверенно предложил:

- Не заедем ли ко мне выпить чаю? Динни улыбнулась, кивнула и сразу же почувствовала, как изменилось его обращение. Оно стало и более непринужденным и более почтительным, как будто он сказал себе: "Она мне ровня".

Час, проведенный за чаем, который подал Стэк, странная личность с пронзительными глазами и аскетическим обликом, показался девушке упоительным. Таких часов в ее жизни еще не было, и когда он кончился, Динни поняла, что влюбилась. Семя, брошенное в почву десять лет назад, проросло и стало цветком. Двадцатишестилетняя девушка, которая уже

потеряла надежду влюбиться, сочла это таким невероятным чудом, что несколько раз задерживала дыхание и всматривалась в лицо Уилфрида. Откуда взялось это чувство? Оно нелепо! И оно будет мучительным, потому что он ее не полюбит. А раз он не полюбит, она должна скрывать свою любовь, но как удержаться и не показать ее?

- Когда я увижу вас снова? - спросил Дезерт, видя, что Динни собирается уходить.

- А вы хотите?

- Очень.

- Почему?

- А почему бы мне не хотеть? Вы - первая женщина, с которой я разговаривал за последние десять лет, может быть, даже первая, с которой я вообще заговорил.

- Вы не будете смеяться надо мной, если мы снова увидимся?

- Над вами? Разве это мыслимо? Итак, когда?

- Когда?.. В настоящее время я сплю в чужой ночной рубашке на Маунт-стрит, хотя мне пора бы вернуться в Кондафорд. Но моя сестра через неделю венчается в Лондоне, а брат в понедельник возвращается из Египта. Поэтому я пошлю домой за вещами и останусь в городе. Где вы Хотите встретиться?

- Поедем завтра за город? Я тысячу лет не был в Ричмонде и Хэмптон-корте.

- А я никогда не была.

- Вот и прекрасно. Я подхватчу вас у памятника. Фошу в два часа дня при любой погоде.

- Буду счастлива видеть вас, юный сэра.

- Великолепно.

Он внезапно наклонился, взял ее руку и поднес к губам.

- В высшей степени учтиво, - промолвила Динни. - До свиданья.

IV

Динни была так поглощена своей бесконечно важной для нее тайной, что в тот день ей больше всего на свете хотелось одиночества, но мистер, и миссис Эдриен Черрел пригласили ее к обеду. После того как ее дядя женился на Диане Ферз, новобрачные выехали из дома на Оукли-стрит, связанного с тяжелыми воспоминаниями, и скромно устроились в одном из тех обширных кварталов Блумсбери, которые теперь вновь привлекают к себе аристократию, покинувшую их в тридцатых - сороковых годах прошлого века. Район был выбран ввиду близости его к "костям" Эдриена: памятью о своем возрасте, тот дорожил каждой минутой, проведенной в

обществе жены. Здоровая мужественность, которую, согласно предсказаниям Динни, должен был придать ее дяде год, прожитый им с Халлорсеном в Новой Мексике, проявлялась теперь в более темном оттенке его морщинистых век и в улыбке, гораздо чаще мелькавшей на длинном лице Эдриена. Динни с неизменным удовольствием думала, что дала ему верный совет и что он последовал ему. Диана быстро обретала прежний блеск, обеспечивший ей место в высшем обществе до ее замужества с несчастным Ферзом. Однако полная бесперспективность профессии Эдриена и время, которое она должна была уделять ему, препятствовали ее возвращению в священный круг "света". Поэтому она все больше входила в роль жены и матери, что Динни, питавшая пристрастие к своему дяде, находила вполне нормальным. По дороге в Блумсбери она размышляла, говорить ей или нет о своих делах, и, не отличаясь склонностью к притворству и уверткам, решила быть откровенной. "Кроме того, - думала она, - влюбленной девушке всегда приятно говорить о предмете своих чувств". К тому же, если без наперсника не обойтись, лучшего, чем дядя Эдриен, ей все равно не найти: во-первых, он немного знаком с Востоком, а во-вторых, это дядя Эдриен.

Однако разговор за обедом естественно и прежде всего коснулся свадьбы

Клер и возвращения Хьюберта. Выбор сестры несколько тревожил Динни.

Сэр Джералд (Джерри) Корвен был сорокалетний мужчина среднего роста с энергичным и отважным лицом. Динни не отрицала за ним большого обаяния, именно это и пугало ее. Он занимал высокое положение в министерстве колоний и был одним из тех людей, на которых достаточно взглянуть, чтобы решить: "Он далеко пойдет!" Боялась Динни и того, что смелая, блестящая, наделенная душой игрока Клер слишком похожа на жениха и к тому же моложе его на семнадцать лет. Диана, хорошо знакомая с Корвеном, возразила:

- Семнадцать лет разницы - это как раз самое утешительное во всей истории. Джерри пора остепениться. Если он сумеет быть Клер и мужем и отцом одновременно, дело наладится. У него огромный жизненный опыт. Я рада, что они уезжают на Цейлон.

- Почему?

- Он избежит встреч со своим прошлым.

- А у него богатое прошлое?

- Дорогая моя, сейчас он слишком влюблен, по с таким человеком, как Джерри, нельзя загадывать - в нем масса обаяния и он постоянно стремится

играть с огнем.

- Женитьба всех нас делает трусами, - вставил Эдриен.

- На Джерри Корвена она не повлияет: он клюет на риск, как золотая рыбка на москита. Динни, Клер очень увлечена?

- Да. Но она сама любит играть с огнем.

- И все же, - вмешался Эдриен, - я ни одного из них не назвал бы вполне современным. У обоих голова на плечах и оба умеют найти ей применение.

- Совершенно верно, дядя. Клер берет от жизни все, что может, но бесконечно верит в нее. Она может стать второй Эстер Стенхоп.

- Bravo, Динни! Но для этого ей сначала пришлось бы отделаться от Джералда Корвена. А Клер, насколько я в ней разбираюсь, способна испытывать угрызения совести.

Динни широко раскрыла глаза и посмотрела на дядю:

- Вы говорите так, дядя, потому, что знаете Клер, или потому, что вы Черрел?

- Вернее всего потому, что она тоже Черрел, дорогая моя.

- Угрызения совести? - повторила Динни. - Не верю, что тетя Эм испытывает их. А она такая же Черрел, как любой из нас.

- Эм, - возразил Эдриен, - напоминает мне кучу разрозненных первобытных костей, которые никак не составишь вместе. Трудно сказать, какой у нее скелет. Угрызения же совести всегда составляют единое целое.

- Пожалуйста, без "костей" за обедом, Эдриен, - попросила Диана. Когда приезжает Хьюберт? Мне не терпится увидеть его и юную Джин. Кто из них теперь кем командует после восемнадцати месяцев блаженства в Судане?

- Конечно, Джин, - ответил Эдриен.

Динни покачала головой:

- Не думаю, дядя.

- В тебе говорит сестринская гордость?

- Нет. В Хьюберте больше последовательности. Джин сразу набрасывается на все и хочет со всем управиться, а Хьюберт неуклонно идет своей дорогой. Я в этом уверена. Дядя, где находится Дарфур и как надо произносить это название?

- Через "у" или через "о" - безразлично. Это область на западе Судана, пустынная и, кажется, очень труднодоступная местность. А что?

- Я завтракала сегодня с мистером Дезертом. Помните шафера Майкла? Он упомянул это название.

- Он был там?

- По-моему, он объездил весь Ближний Восток.

- Я знакома с его братом, - заметила Диана. - Чарлз Дезерт - один из самых напористых молодых политических деятелей. Он почти наверняка будет министром просвещения, как только консерваторы снова придут к власти. После этого лорд Маллиен окончательно станет затворником. С Уилфридом я никогда не встречалась. Он славный?

- Видите ли, я только на днях познакомилась с ним, - ответила Динни, стараясь быть беспристрастной. - Он вроде рождественского пирога с начинкой: берешь кусок и не знаешь, с чем он, а если ты в состоянии съесть его целиком, тебе предстоит счастливый год.

- Я с удовольствием повидал бы этого молодого человека, - сказал Эдриен. - Он хорошо воевал, и я знаю его стихи.

- В самом деле, дядя? Я могу это устроить: мы с ним встречаемся каждый день.

- Вот как? - произнес Эдриен и посмотрел на нее. - Мне хочется поговорить с ним о хеттском типе. Я полагаю, ты знаешь, Динни, что расовые признаки, которые мы привыкли считать безусловно иудейскими, на самом деле - чисто хеттские, как явствует из древних хеттских росписей.

- А разве иудеи и хетты относятся к разным расам?

- Несомненно, Динни. Израильтяне были ветвью арабов. Кем были хетты нам предстоит еще выяснить. У современных евреев, как наших, так и немецких, тип скорее хеттский, чем семитический.

- Вы знакомы с мистером Джеком Масхемом, дядя?

- Только понаслышке. Он двоюродный брат сэра Лоренса и авторитет по части племенного коневодства. Помешан на том, чтобы вторично влить арабскую кровь в наших скаковых лошадей. Если ему удастся улучшить породу, в этом есть смысл. Был ли молодой Дезерт в Неджде? Насколько мне известно, чистокровок можно достать только там.

- Не знаю, а где этот Неджд?

- В центре Аравии. Но Масхему никогда не провести свою идею в жизнь: аристократы, играющие на скачках, - наихудшая разновидность тугодумов. Он сам такой же во всем, кроме своего пунктика.

- Джек Масхем когда-то был романтически влюблен в одну из моих сестер, - сказала Диана. - Это превратило его в женоненавистника.

- Гм! Таинственная история!

- Мне он показался довольно интересным, - призналась Динни.

- Великолепно носит костюм и слывет человеком, ненавидящим все современное. Я не виделся с ним давно-давно, хотя раньше знал его довольно близко. А в чем дело, Динни?

- Я просто встретила его позавчера, и мне стало интересно, что он такое.

- Кстати о хеттах, - вмешалась Диана. - Я всегда была убеждена, что в старинных корнуэлских семьях, вроде Дезертов, есть что-то финикийское. Посмотрите на лорда Маллиена! Какой странный тип!

- Вернее, чудаковатый, любовь моя. Финикийские черты чаще встречаются у людей из народа. Дезерты из поколения в поколение женились не на корнуэлках. Чем выше вы поднимаетесь по социальной лестнице, тем меньше шансов сохранить в чистоте первоначальный тип.

- А Дезерты очень старинная семья?

- Очень старинная и очень странная. Но мои взгляды на древность рода тебе известны, Динни, поэтому я не стану распространяться.

Динни кивнула: она отлично помнила мучительную прогулку по набережной Челси в день возвращения Ферза. Девушка с нежностью взглянула на дядю. Приятно думать, что он наконец добился своего...

Когда вечером Динни вернулась на Маунт-стрит, ее тетка и дядя уже легли, но дворецкий еще сидел в холле. Увидев девушку, он встал:

- Я не знал, что у вас свой ключ, мисс.

- Страшно сожалею, что потревожила вас, Блор: вы так сладко вздремнули.

- Верно, мисс Динни. Доживете до известного возраста и сами увидите, как приятно вздремнуть в неподходящий момент. Вот возьмите сэра Лоренса. Он не любитель поспать, поверьте слову, но каждый день, когда вхожу к нему в кабинет, я вижу, как он открывает глаза, хотя сидит за работой. Миледи, та спит свои восемь часов, и все равно я замечал, как ей случается вздремнуть, когда кто-нибудь слишком долго говорит, особенно липпингхоллский пастор мистер Тесбери. Такой учтивый старый джентльмен, а как действует на нее! И даже на мистера Майкла. Ну, да ведь тот в парламенте, там они к этому привыкли. Но я все-таки думаю, мисс, что тут или война виновата, или просто люди ни на что больше не надеются, а бегать им приходится слишком много, и от этого их бросает в сон. Что ж, от него вреда нет. Поверите ли, мисс, я уже языком шевельнуть не мог, а вот поспал немного и снова готов разговаривать с вами хоть целый час.

- Это было бы чудесно, Блор, но меня тоже клонит ко сну по вечерам.

- Подождите, выйдете замуж - все переменится. Только, я надеюсь, ни еще малость с этим повремените. Прошлой ночью я так и сказал миссис Блор: "Если у нас заберут мисс Динни, в доме вся жизнь замрет, - души у него не будет". Мисс Клер я близко не знал, так что ее замужество меня не

трогает. Но я слышал, как миледи советовала вам вчера самой выяснить, как это делается, и сразу сказал миссис Блор: "Мисс Динни здесь все равно как дочка и..." Ну, в общем, вы мои чувства знаете, мисс Динни.

- Милый Блор!.. Боюсь, что мне уже пора наверх - день был утомительный.

- Разумеется, мисс. Приятных снов!

- Доброй ночи.

Приятных снов! Да, сны наверно, будут приятными, а вот будет ли такой же действительность? В какую не отмеченную на карте страну вступила она, руководимая лишь своей путеводной звездой? А вдруг эта неподвижная звезда окажется лишь ослепительной мгновенной кометой? По меньшей мере пять мужчин хотели жениться на ней, и она всех их хорошо понимала, так что в замужестве не было особенного риска. Теперь она хочет выйти лишь за одного, но он - совершенно неизвестная величина. Ей ясно только, что он вызвал в ней не изведенное до сих пор чувство. Жизнь обманчива, как мешок с подарками на ярмарке; запускаешь в него руку, а что вытянешь? Завтра она едет с ним на прогулку. Они будут вместе смотреть на деревья и траву, дома и сады, реку и цветы, может быть, даже на картины. Она по крайней мере узнает, сходятся ли они во взглядах на многое из того, что ей дорого. А что делать, если они не сходятся? Изменит ли это ее чувства? Нет, не изменит.

"Теперь я понимаю, - думала девушка, - почему все считают влюбленных сумасшедшими. Я хочу одного: пусть чувствует то же, что и я, пусть сходит с ума, как и я. Но разве он сойдет? С чего бы?"

V

Поездка в Ричмонд-парк, оттуда через Хэм Коммон и Кингстонский мост в Хэмптон-корт и обратно через Туикэнхэм и Кью была примечательна тем, что вспышки разговорчивости то и дело перемежались минутами полного молчания. Динни, так сказать, взяла на себя роль летчика-наблюдателя, возложив обязанности пилота на Уилфрида. Чувство делало ее застенчивой, и, кроме того, ей было ясно, что Дезерт меньше всего похож на тех, кого можно направлять, - малейшее принуждение, и он не раскроется.

Они, как полагается, заблудились в лабиринте улочек Хэмптон-корта, где, по словам Динни, могли найти дорогу лишь пауки, поскольку они выпускают из себя нить, или призраки, следующие чередой друг за другом.

На обратном пути они остановились у Кенсингтонского сада, отпустили наемный автомобиль и зашли в чайный павильон. Попивая бледную жидкость, Уилфрид внезапно спросил девушку, не согласится ли

она прочесть его новые стихи в рукописи.

- Соглашусь? Да я буду счастлива.

- Мне нужно услышать непредвзятое мнение.

- Вы его услышите, - обещала Динни. - Когда вы их мне дадите?

- Я занесу их на Маунт-стрит после обеда и опущу в почтовый ящик.

- Не зайдете и на этот раз? Он покачал головой.

Прощаясь с девушкой у Стенхопских ворот, Дезерт отрывисто бросил:

- Замечательный день! Благодарю вас!

- Это я вас должна благодарить.

- Вы? Да у вас больше друзей, чем "игл на взъяренном дикобразе".

А я одинокий пеликан.

- Прощайте, пеликан!

- Прощайте, цветок в пустыне!

Эти слова, как музыка, звучали в ушах девушки, пока она шла по Маунт-стрит.

Около половины десятого с последней почтой прибыл толстый конверт без марки. Динни взяла его из рук Блора и сунула под "Мост в Сан Луис

Рей": она слушала, что говорит тетка.

- Ко'да я была девушкой, Динни, я заты'ивала талию. Мы страдали за принцип. Говорят, это мода возвращается. Я-то уж не буду заты'иваться так жарко и неудобно! - а тебе придется.

- Мне нет.

- Придется, если талия станет модной.

- Осиние талии больше никогда не войдут в моду, тетя.

- И шляпы. В тысяча девятисотом мы ходили в них так, словно на голове корзина с яйцами и те вот-вот побьются. Цветная капуста, гортензии, птичьи перья - такие о'ромные! И все это торчало. В парках было сравнительно чисто. Динни, цвет морской волны тебе идет. Ты должна в нем венчаться.

- Я, пожалуй, отправлюсь наверх, тетя Эм. Я очень устала.

- Потому что мало ешь.

- Я ем страшно много. Спокойной ночи, милая тетя.

Девушка, не раздеваясь, уселась и взялась за стихи. Она трепетно желала, чтобы они ей понравились, так как отчетливо понимала: Уилфрид заметит малейшую фальшь. На ее счастье, стихи, написанные в том же ключе, что и его прежние известные ей сборники, были менее горькими и более красивыми, чем раньше. Прочтя пачку разрозненных листков, Динни увидела довольно длинную поэму под названием "Барс", приложенную отдельно и завернутую в белую бумагу. Почему она завернута? Он не хочет,

чтобы ее читали? Тогда зачем было посылать? Динни все же решила, что Дезерт сомневается, удалась ли ему вещь, и хочет услышать отзыв о ней. Под заглавием стоял эпиграф: "Может ли барс переменить пятна свои?"

Это была история молодого монаха-миссионера, в душе неверующего. Он послан просвещать язычников, схвачен ими и, поставленный перед выбором смерть или отречение, совершает отступничество и переходит в веру тех, кем взят в плен. В поэме встречались места, написанные с такой взволнованностью, что Динни испытывала боль. В стихах были глубина и пыл, от которых захватывало дух. Они звучали гимном во славу презрения к условностям, противостоящим сокрушительно реальной воле к жизни, но в этот гимн непрерывно вплетался покаянный стон ренегата. Оба мотива захватили девушку, и она закончила чтение, благоговей перед тем, кто сумел так ярко выразить столь глубокий и сложный духовный конфликт. Но ее переполняло не только благоговение: она и жалела Уилфрида, понимая, что он должен был пережить, прежде чем создал поэму, и с чувством, похожим на материнское, жаждала спасти его от разлада и метаний.

Они условились встретиться на другой день в Национальной галерее, и Динни, захватив с собой стихи, отправилась туда раньше времени. Дезерт нашел ее около "Математика" Джентиле Беллини. Оба с минуту молча стояли перед картиной.

- Правда, мастерство, красочность. Прочли мою стряпню?

- Да. Сядем где-нибудь. Стихи со мною.

Они сели, и Динни протянула Уилфриду конверт.

- Ну? - спросил он, и девушка увидела, как дрогнули его губы.

- По-моему, замечательно.

- Серьезно?

- Истинная правда. Одно, конечно, лучше всех.

- Какое? Динни улыбнулась, как будто говоря: "И вы еще спрашиваете!"

- "Барс"?

- Да. Мне было больно читать.

- Выбросить его? Интуиция подсказала Динни, что от ее ответа будет зависеть его решение, и девушка нерешительно попросила:

- Не придавайте значения тому, что я скажу, ладно?

- Нет. Как вы скажете, так и будет.

- Тогда, конечно, вы не имеете права выбрасывать: это лучшее из всего, что вы сделали.

- Иншалла! [1]

- Почему вы сомневались?

- Чересчур обнаженно.
 - Да, обнаженно, - согласилась Динни, - Зато прекрасно. Нагота всегда должна быть прекрасна.
 - Не очень модная точка зрения.
 - Цивилизованный человек стремится прикрыть свои увечья и язвы, это естественно. По-моему, быть дикарем, даже в искусстве, совсем не лестно.
 - Вы рискуете быть отлученной от церкви. Уродство возведено сейчас в культ.
 - Реакция желудка на конфеты, - усмехнулась Динни.
 - Тот, кто изобрел все эти современные теории, погрешил против духа святого: соблазнил малых сих.
 - Художники - дети? Вы это имеете в виду?
 - А разве нет? Разве они продолжали бы делать то, что делают, будь это не так?
 - Да, они, по-видимому, любят игрушки. Что подсказало вам идею этой поэмы?
 - Когда-нибудь расскажу. Пройдемся немного?
- Прощаясь, Уилфрид спросил:
- Завтра воскресенье. Увидимся?
 - Если хотите.
 - Как насчет Зоологического сада?
 - Нет, только не там. Ненавижу клетки.
 - Вот это правильно. Устроит вас Голландский сад у Кеисингтонского дворца?
 - Да.

Так состоялась их пятая встреча.

Динни испытывала то же, что чувствует человек с наступлением хорошей погоды, когда каждый день ложишься спать с надеждой, что она продлится, и каждое утро встаешь, протираешь глаза и видишь, что она продолжается.

Каждый день девушка отвечала на вопрос Уилфрида: "Увидимся?" - кратким: "Если хотите"; каждый день она старательно скрывала от всех, где, когда и с кем встречается, и это было так на нее не похоже, что Динни удивлялась: "Кто эта молодая женщина, которая тайком уходит из дома, встречается с молодым человеком и, возвращаясь, не чует под собой ног от радости? Уж не снится ли мне какой-то долгий сон?" Однако во сне никто не ест холодных цыплят и не пьет чаю.

Наиболее показательным для состояния Динни был момент, когда

Хьюберт и Джин вошли в холл дома на Маунт-стрит, где собирались пробыть до свадьбы Клер. Первая встреча с любимым братом после восемнадцатимесячной разлуки, казалось, должна была бы взволновать девушку. Но она обняла его с незыблемым, как скала, спокойствием и даже сохранив способность к трезвой оценке. Хьюберт выглядел великолепно, - он загорел и поправился, но сестра нашла его несколько прозаичным. Она силилась объяснить это тем, что ему больше ничто не угрожает, что он женат и вернулся на военную службу, но в глубине души сознавала, что сравнивает его с Уилфридом. Она словно только теперь поняла, что Хьюберт не способен на глубокий духовный конфликт: он принадлежит к тому хорошо знакомому ей типу людей, которые видят лишь проторенную дорогу и, не задавая лишних вопросов, идут по ней. Кроме того, женитьба на Джин существенно ее меняла. Динни уже не станет для брата, а он для нее тем, чем они были до его брака.

Джин излучала здоровье и жизнерадостность. Весь путь от Хартума до Кройдона они проделали на самолете, посадок было всего четыре. Динни с чувством стыда поймала себя на том, что проявляет лишь показной интерес к рассказам брата и невестки, а на самом деле слушает невнимательно. Только упоминание о Дарфуре заставило ее насторожиться: в Дарфуре с Уилфридом что-то случилось. Насколько она поняла, там все еще орудовали махдисты. Затем разговор перешел на личность Джерри Корвена. Хьюберт восторгался огромной работой, которую тот проделал. Джин дополнила картину, сообщив, что жена одного из резидентов сходила с ума по Корвену. По слухам, он недостойно вел себя в этой истории.

- Ну, ну! - вмешался сэр Лоренс. - Нечего женщинам сходиться по нему с ума, раз им известно, какой он пират.

- Правильно, - поддержала его Джин. - В наши дни сваливать все на мужчин просто глупо.

- В прежнее время, - вмешалась леди Монт, - обольщали мужчины, а виноваты были женщины. Теперь обольщают женщины, а виноваты мужчины.

При этом поразительно логичном замечании все онемели от изумления. К счастью, леди Монт тут же прибавила:

- Я однажды видела двух верблюдов. Помнишь, Лоренс? Они такие приятные!

Хьюберт вернулся к прерванной теме:

- Не знаю, так ли уж это глупо. Он ведь женится на нашей сестре.

- Клер ему не уступит, - перебила его леди Монт. - Уступчивы только те, у ко'о носы с горбинкой. Пастор утверждает, что у всех Тесбери такие, -

прибавила она, обращаясь к Джин. - Вот у вас не такой, а вздернутый. Зато у ваше'о брата Алена чуточку изо'нутый.

Она взглянула на Динни и объявила:

- Он в Китае. Я же сказала, что он женится на дочке судово'о казначея.

- Боже правый! Он и не думает жениться, тетя Эм! - вскричала Джин.

- Я и не говорю. И потом, я уверена, что это очень порядочные девочки - не чета разным дочкам священников.

- Благодарю вас!

- Я имела в виду тех, которые попадают в парке. Они все'да так представляются, ко'да хотят познакомиться. Я думала, это всем известно.

- Джин выросла в доме пастора, тетя Эм, - укоризненно произнес Хьюберт.

- Но она уже два года замужем за тобой. Кто это сказал: "Плодитесь и размножайтесь"?

- Не Моисей ли? - предположила Динни.

- А почему бы и нет? Глаза леди Монт остановились на Джин. Та вспыхнула. Сэр Лоренс торопливо вставил:

- Надеюсь, Хилери обвенчает Клер так же быстро, как Джин и тебя, Хьюберт. Это был рекорд.

- Хилери - замечательный проповедник, - возгласила леди Монт.

Ко'да скончался Эдуард, он сказал проповедь про Соломона во всей славе е'о. Тро'ательно! А ко'да мы вешали Кейсmenta, помните? - страшная глупость с нашей стороны! - Хилери говорил про бревно и сучок. Оно было у нас в глазу.

- Я терплю проповеди лишь в том случае, когда их читает дядя Хилери, - заметила Динни.

- Да, - поддержала ее леди Монт. - Он умел стянуть больше ячменно'о сахару, чем любой дру'ой мальчишка, и при этом казаться невинным, как ан'ел. Твоя тетка Уилмет и я переворачивали его головой вниз - знаешь, как куклу, - и трясли, но обратно ниче'о не получали.

- Вы, видимо, были примерными детьми, тетя Эм?

- По мере сил. Наш отец, который то'да еще был не на небесах, старался видеть нас поменьше. А мама, бедняжка, ниче'о не мо'ла поделать. Мы были лишены чувства дол'а.

- Странно, что теперь его у всех вас больше, чем нужно.

- Разве у меня есть чувство дол'а, Лоренс?

- Решительно нет, Эм.

- Так я и думала.

- Дядя Лоренс, вы не находите, что у Черрелов в целом слишком много

чувства долга?

- А разве его может быть слишком много? - отпарировала Джин.

Сэр Лоренс вставил в глаз монокль:

- Динни, я чую ересь.

- Чувство долга лишает человека широты, верно, дядя? И у отца, и у дяди Лайонела, и у дяди Хилери, и даже у дяди Эдриена первая мысль всегда одна и та же: что они должны сделать. Они отказываются считаться с тем, чего они хотят. Спору нет, это прекрасно, но довольно скучно.

Сэр Лоренс выронил свой монокль.

- Пример твоей семьи, - сказал он, - превосходно иллюстрирует мандарина как определенный человеческий тип. На нем стоит империя. Из поколения в поколение - закрытые школы, Осборн, Сэндхерст и многое другое! А до этого - семья, где с молоком матери всасывается мысль о служении церкви и государству. Такое служение - вещь очень интересная, очень редкая в наши дни и очень похвальная.

- Особенно когда помогает удержаться наверху, - пробормотала Динни.

- Чушь! - отрезал Хьюберт. - Когда служат, об этом не думают.

- Не думают потому, что нет надобности думать, а если уж понадобится, быстро сообразят.

- Несколько туманно выражено, Динни, - вмешался сэр Лоренс. - По-твоему, если бы таким, как мы, что-нибудь угрожало, мы воскликнули бы: "Нас нельзя устранить: мы - это все"?

- А разве мы - это действительно "все", дядя?

- С кем ты общалась в последние дни, дорогая?

- Ни с кем. Просто надо иногда и самой думать.

- Это так о'орчительно! - объявила леди Монт. - Русская революция, и вообще.

Динни почувствовала, что Хьюберт смотрит на нее и задает себе вопрос: "Что случилось с Динни?"

- Можно, конечно, вынуть чеку из оси, но тогда колесо соскочит, сказал он.

- Метко сказано, Хьюберт, - одобрил сэр Лоренс. - Ошибается тот, кто полагает, что можно создать в короткое время целый социальный тип или заменить его другим. Джентльменом не делаются, а рождаются - если под словом "рождение" понимать не только сам процесс, но и атмосферу дома, где он совершается. Но должен сознаться, этот тип быстро вымирает. Жаль, что его нельзя как-нибудь сохранить, - например, устроив национальные заповедники, как в Америке для бизонов.

- Нет, не хочу, - объявила леди Монт.

- Чего вы не хотите, тетя Эм?
- Пить шампанское в пятницу. Отвратительная шипучка.
- А нужно ли его вообще подавать, дорогая?
- Я боюсь Блора. Он так привык. Я мо'у сказать ему, но он все равно подаст.

- Динни, что слышно о Халлорсене? - неожиданно спросил Хьюберт.
- После возвращения дяди Эдриена - ничего. По-моему, он в Центральной Америке.

- Он был о'ромный, - сказала леди Монт. - Обе дочери Хилери, Шейла, Селия и маленькая Энн. Пять. Я рада, что обойдемся без тебя, Динни. Конечно, это суеверие.

Динни откинулась назад - так, чтобы свет не падал ей на лицо:

- Быть подружкой невесты один раз - вполне достаточно, тетя Эм.

На другой день, встретясь с Уилфридом в Уоллесовской галерее, Динни спросила:

- Вы случайно не будете завтра на свадьбе Клер?

- У меня нет ни цилиндра, ни фрака, - я подарил их Стэку.

- Я помню, как вы замечательно выглядели тогда. У вас был серый галстук и гардения в петлице.

- А вы были в платье цвета морской волны.

- Eau-de-ni [2]. Мне хочется, чтобы вы взглянули на мою семью. Там соберутся все наши. А мы могли бы потом поговорить о них.

- Я зайду как простой зритель и постараюсь не попадаться на глаза.

"Мне-то попадешься!" - подумала Динни. Значит, ей не придется жить два дня, не видя его!

При каждой новой встрече он, казалось, все больше примирялся с самим собой; иногда он так пристально посматривал на девушку, что сердце ее начинало учащенно биться. Она же, глядя на него, - это случалось редко и лишь тогда, когда он этого не видел, - старалась, чтобы ее глаза оставались ясными. Какое счастье, что женщина все-таки в более выгодном положении, чем мужчины: она чувствует, когда они на нее смотрят, и умеет смотреть на них так, чтобы они этого не почувствовали!

На этот раз, прощаясь, он предложил:

- Едем снова в Ричмонд в четверг? Я подхвачу вас, как тогда, - в два часа у Фоша.

Динни ответила:

- Хорошо.

VI

Свадьба Клер Черрел на Ганновер-сквер относилась к числу

"фешенебельных", и отчет о ней вместе со списком гостей должен был занять четверть газетной колонки, что, по мнению Динни, было "так лестно для приглашенных".

Накануне вечером Клер с родителями прибыла на Маунт-стрит. Леди Черрел и Динни, которая до последней минуты хлопотала вокруг младшей сестры, маскируя свое волнение юмором, приехали в церковь незадолго до невесты. Девушка задержалась, чтобы перекинуться словечком со старым причетником, и заметила Уилфрида: он стоял далеко позади в левом углу придела и смотрел на нее. Динни бегло улыбнулась ему, прошла через придел и присоединилась к матери, сидевшей на первой скамье слева. По дороге она поравнялась с Майклом, и тот шепнул ей:

- Народу-то наехало, а? Действительно, наехало! Клер хорошо знали и любили в обществе, Джерри Корвена знали еще лучше, хотя любили меньше. Динни окинула взглядом собрание, - тех, кто присутствует на свадьбе, неудобно именовать сборищем. Лица гостей, очень разные и по своему характерные, не поддавались классификации. Это были лица людей, у каждого из которых свои убеждения и взгляды. Собравшихся здесь нельзя было отнести ни к какому определенному единому типу, и это отличало их от немецкой офицерской касты с ее безобразной одинаковостью.

На передней скамье рядом с Динни и ее матерью сидели Хьюберт и Джин, дядя Лоренс и тетя Эм; на второй - Эдриен с Дианой, миссис Хилери и леди Элисон. Еще подальше назад, на краю четвертой или пятой скамьи, девушка заметила Джека Масхема. Высокий, элегантно одетый, вид скучающий. Он кивнул ей, и Динни удивилась: "Неужели он помнит меня?"

На правой стороне, где располагались родственники жениха, лица и фигуры были столь же разнообразны. Элегантно одеты только трое: Джек Масхем, жених и его шафер; остальные, кажется, меньше всего на свете озабочены своим костюмом. Но на всех этих лицах Динни читала веру в определенное житейское кредо. Ни одно из них не вызывало у нее того же чувства, что лицо Уилфрида, - ощущения духовной борьбы и разлада, исканий, боли и порыва. "Я привередничаю", - решила девушка, и глаза ее остановились на Эдриене, сидевшем прямо позади нее. Над его козлиной бородкой, удлинявшей тонкое смуглое лицо, светилась спокойная улыбка. "У него милое лицо, не самодовольное, как у тех, кто носит бороду клинышком, - подумала Динни. - На свете нет человека лучше".

Она шепнула:

- Недурная коллекция костей, дядя, а?

- Пожалуй. Я охотно приобрел бы для музея твой скелет, Динни.

- При чем тут музей? Я сожгла бы их и развеяла пепел. Тс-с!..

Вошли певчие, за ними священник. Джерри Корвен обернулся. Усики щеточкой, улыбается, как кот, резкие черты лица, дерзкие, настойчивые глаза! Динни, охваченная внезапным отчаянием, подумала: "Как Клер могла!.. Впрочем, я теперь сказала бы то же самое обо всех лицах - кроме одного. Я начинаю сходить с ума!" Затем под руку с отцом по приделу прошла Клер. "Выглядит чудесно! Дай бог ей счастья!" Волнение сдавило Динни горло, она взяла мать за руку. Бедная мама! Какая она бледная! Нет, церемония, в самом деле, нелепая. Зачем люди затягивают волнующие и мучительные минуты? Слава богу, старый фрак ее отца выглядит еще вполне прилично - она вывела пятна нашатырем. Отец держится так, словно стоит перед войсками, - она видела его на смотрах. Нарушь дядя Хилери установленную форму хоть словом, отец это заметит. Но никаких нарушений не произойдет. Динни страстно захотелось уйти в угол, к Уилфриду, стать рядом с ним. Он сказал бы ей что-нибудь приятно еретическое, и они подбодрили бы друг друга незаметной улыбкой!

А вот и подружки! Ее двоюродные сестренки Моника и Джоан, дочки Хилери, тоненькие, энергичные; маленькая Селия Мористон, прелестная как ангел (если только ангелы бывают женского рода); смуглая яркая Цейла. Ферз и ковыляющая позади крошка Энн - настоящая клецка!

Динни преклонила колени, и это успокоило ее. Она вспомнила, как они, трехлетняя Клер и уже "большая" шестилетняя Динни, вот так же вставали В ночных рубашонках на молитву около своих кроваток. Она всегда опиралась подбородком о спинку кровати, чтобы коленкам было не так больно, а малышка Клер - какая она была прелестная! - вытягивала ручонки, как ребенок на картине Рейнолдса! "Этот человек принесет ей горе, - думала Динни. - Я знаю, так будет!" Она снова мысленно перенеслась на свадьбу Майкла. Десять лет назад она стояла вон там, в двух шагах от того места, где преклонила колени сейчас. Рядом с ней была незнакомая девочка кто-то из родственниц. Флер. Взгляд Динни, с трепетным любопытством юности взиравший на все кругом, остановился тогда на Уилфриде: он стоял в стороне и наблюдал за Майклом. Бедный Майкл! В тот день он, казалось, совсем потерял голову от торжества. Динни отчетливо помнила, как подумала в ту минуту: "Вот Майкл и его падший ангел!" В лице Уилфрида было что-то презрительное и тоскливое, наводившее на мысль об утраченном навек счастье. Свадьба Майкла состоялась всего два года спустя после перемирия, и Динни знала теперь, какое разочарование и ощущение всеобщего краха испытал Уилфрид, когда кончилась война. Последние два дня он был настолько откровенен с нею, что, пренебрежительно иронизируя над собой, рассказал ей даже о своем

увлечении Флер через полтора года после той свадьбы, из-за чего, собственно, ему и пришлось бежать на Восток. Раньше война, заставшая Динни в десятилетнем возрасте, была связана для нее главным образом с воспоминаниями о том, как мать вечно тревожилась об отце и непрерывно вязала носки, - у них дома был целый склад; как все ненавидели немцев; как ей не давали сладостей, потому что они были сплошь приготовлены на сахарине, и, наконец, о том, как она горевала и волновалась, когда Хьюберт ушел на фронт и письма от него стали приходить редко. За последние же дни, послушав Уилфрида, она гораздо отчетливей и болезненней представила себе, что война означала для тех, кто, подобно ему и Майклу, провел несколько лет в самом пекле. Образность его речи помогла ей почувствовать, каково человеку, когда он теряет корни, подвергает безнадежной переоценке все ценности и постепенно утрачивает веру в то, что установлено веками и освящено традицией. Уилфрид говорит, что больше не думает о войне. Возможно, он искренне в это верит, но его искалеченные нервы еще не зажили и дают себя знать. Недаром же Динни, встречаясь с ним, всегда испытывает желание положить ему на лоб прохладную руку.

Кольцо было уже надето, роковые слова сказаны, напутствие произнесено. Новобрачные двинулись к алтарю. - Ее мать и Хьюберт последовали за ними. Динни сидела не шевелясь, устремив глаза на восточное окно церкви. Брак! Он невыносим для нее ни с кем - кроме одного.

Над ее ухом раздался шепот:

- Дай мне платок, Динни. Мой совсем мокрый, а у твоего дяди - синий.

Динни передала тетке кусочек батиста и украдкой попудрила себе нос.

- Это надо было делать в Кондафорде, - продолжала леди Монт.

Тут столько народа. Так утомительно вспоминать, кто они такие. Это е'о мать, да? Значит, она еще жива?

"Не взглянуть ли мне еще раз на Уилфрида?" - подумала Динни.

- Ко'да я венчалась, все целовали меня, - прошептала ее тетка.

Такая неразбериха! Я знала девушку, которая вышла замуж для то'о, чтобы ее поцеловал шафер жениха. Эгги Теллюсон. Странно, правда? Идут!

Да, идут. Динни хорошо знакома эта улыбка новобрачной. Как может

Клер чувствовать себя счастливой? Она ведь вышла не за Уилфрида! Динни встала и присоединилась к родителям. Хьюберт, оказавшийся рядом, шепнул ей: "Выше нос, старушка, - могло быть хуже!"

Динни, отчужденная от брата всецело поглотившей ее тайной, пожалала ему руку. И в этот момент она увидела Уилфрида, - он смотрел на нее, скрестив руки на груди. Она снова бегло улыбнулась ему, а затем началась суматоха. Она опомнилась только у дверей гостиной на Маунт-стрит, когда тетя Эм попросила:

- Стань рядом со мной, Динни, и старайся вовремя ущипнуть меня.

Затем начался съезд гостей, сопровождаемый комментариями ее тетки:

- Это е'о мать. Копченая селедка! Вот и Хен Бентуорт!.. Хен, Уилмет даже здесь и хочет поделиться с вами каким-то мнением... Здравствуйте! Не утомительно, не правда ли?.. Здравствуйте! Кольцо наделось очень ле'ко, верно? Прямо фокусники!.. Динни, кто это?.. Здравствуйте! Отлично! Нет, Черрел. Не так, как пишется. Да, да, ужасно странно! Подарки, пожалуйста, вон туда, где стоит лакей и смотрит в сторону. По-моему, это глупо. Но всем так хочется... Здравствуйте! Вы Джек Масхем? Се'одня Лоренсу приснилось, что вы взлетели на воздух... Динни, позови Флер: она всех знает.

Динни отправилась на поиски Флер. Та разговаривала с новобрачным.

Когда они проталкивались к двери гостиной, Флер спросила:

- Я видела в церкви Уилфрида Дезерта. Как он туда попал?

Честное слово. Флер не в меру проникательна!

- Наконец-то явились! - встретила их леди Монт. - Кто из этих трех дам герцо'иня? А, тощая!.. Здравствуйте! Да, очаровательно! Какая скука эти свадьбы!: Флер, проводите герцо'иню туда, где подарки... Здравствуйте! Нет, мой брат Хилери. Он прекрасно венчает, правда? Лоренс говорит без осечки. Съешьте морожено'о - внизу, в буфете... Динни, кто-нибудь присматривает за подарками? О, здравствуйте, лорд Бивенхэм! Это должна была бы делать моя племянница. Но она уклоняется - занята с Джерри... Динни, кто это сказал: "Питье, питье, питье!" Гамлет? Он страшно мно'о говорит. Как! Не он?.. Ах, здравствуйте!.. Как поживаете?.. Добро'о здоровья!.. Что? Вы нездоровы? Еще бы, такая давка!.. Динни, дай твой Платок!

- Он в пудре, тетя.

- Ну вот, значит, я вымазалась?.. Здравствуйте! Ну, не глупо ли все это? Знаете, им ведь не нужны посторонние... А, вот и Эдриен! Доро'ой мой, у тебя галстук сбился. Динни, поправь. Здравствуйте! Да, вот сюда. Не люблю цветов на похоронах - бедняжки лежат себе и умирают... Как ваша собачка? Разве у вас нет собаки? Совершенно верно!.. Динни, ты должна была меня ущипнуть... Здравствуйте! Здравствуйте! Я сказала моей племяннице, что ей следовало ущипнуть меня. У вас хорошая память на

лица? Нет. Как приятно! Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте!.. Еще трое! Динни, кто эта образина?.. О, здравствуйте! Значит, вы приехали? Я думала, вы в Китае... Динни, напомни мне спросить у твоего дяди, Китай ли это был. Он так зло взглянул на меня. Можно мне смыться от остальных? Где я подхватила такое выражение? Динни, передай Блору - напитки! Вот еще целый выводок!.. Здравствуйте!.. Здравствуйте!.. Здравствуйте!.. Здравствуй!.. Здравствуй!.. Здравствуй!.. Как мило с вашей стороны! Динни, мне хочется сказать: "Будьте вы все Прокляты!"

Разыскивая Блора, Динни прошла мимо Джин, беседовавшей с Майклом, и удивилась, как у такой здоровой и яркой женщины хватает терпения изнывать в этой толчее. Она нашла Блора и повернула обратно. Странное лицо Майкла, которое с каждым годом становилось симпатичнее, словно доброта оставляла на нем все более глубокий отпечаток, показалось ей взволнованным и несчастным. Она услышала, как он сказал:

- Я не верю этому. Джин.

- Конечно, по базарам ходят всякие слухи. А все-таки дыма без огня не бывает, - ответила Джин.

- Бывает, и сколько угодно! Во всяком случае, он снова в Англии. Флер видела его сегодня в церкви! Я спрошу у него.

- По-моему, не стоит, - возразила Джин. - Если это правда, он сам, наверно, вам все расскажет, если нет, зачем зря волновать человека?

Ясно! Они говорят об Уилфриде. Как бы узнать - что, не показав, насколько ее это интересует? - подумала Динни и тут же решила: "Не стану, даже если смогу. Все важное он должен сказать мне сам. Не хочу слышать это от посторонних". Но девушка была встревожена, - интуиция всегда подсказывала ей, что на душе у него лежит какая-то непонятная тяжесть.

Когда долгое жертвоприношение на алтарь сердечности пришло к концу и новобрачная уехала, Динни ушла в кабинет дяди - единственное место в доме, где не было следов беспорядка, и опустилась в кресло. Ее родители отправились обратно в Кондафорд, удивляясь, почему она не едет с ними. Действительно, оставаться в Лондоне, когда дома раскрылись тюльпаны, распускается сирень и яблони все гуще покрываются цветами, - это не похоже на Динни. Но при одной мысли, что, уехав, она лишится возможности ежедневно видеть Уилфрида, девушке становилось по-настоящему больно.

"Я увлеклась слишком сильно, сильнее, чем могла предполагать. Что же будет?" - думала Динни, полулежа с закрытыми глазами.

Неожиданно она услышала голос дяди:

- Ах, Динни, как приятно отдохнуть от полчищ мадиамских!

Мандарины в парадных одеяниях! Знаешь ли ты хоть четверть тех, кто сегодня был здесь? Зачем люди ходят на свадьбы? Затем, что, будь ты регистратор или император, это единственный способ не нарушать приличий. Твоя бедная тетка легла в постель. Насколько все-таки удобней быть магометанином, если не считать того, что сейчас у них модно ограничиваться одной женой и не прятать ее под чадру! Кстати, ходят слухи, будто молодой Дезерт принял ислам. Рассказывал он тебе что-нибудь об этом?

Пораженная Динни приподняла голову.

- Такое проделали на Востоке только двое моих знакомых, да и то французы, - они хотели завести гарем.

- Для этого нужно только одно, дядя, - деньги.

- Динни, ты становишься циником. Не забывай, люди любят, чтобы религия санкционировала их поступки. Но у Дезерта была другая причина.

Насколько я помню, он человек разборчивый.

- Дядя, какое значение имеет религия до тех пор, пока люди не вмешиваются в чужие дела?

- Видишь ли, у некоторых мусульман довольно примитивные представления о правах женщины. Они, например, полагают, что в случае неверности ее следует замуравывать. Я видел в Маракеше одного шейха - отвратительный тип!

Динни вздрогнула.

- С незапамятных времен, как принято у нас выражаться, религия была виновницей всех наихудших злодейств, происходивших на земле, - продолжал сэр Лоренс. - Интересно, не решился ли молодой Дезерт на этот шаг, чтобы попасть в Мекку? Не думаю, чтобы он во что-нибудь верил, но ничего толком не знаю, - странная семья.

"Не хочу и не стану говорить о нем", - решила Динни.

- Дядя, как вы думаете, какой процент составляют верующие в наши дни?

- В северных странах? Трудно сказать. У нас, видимо, от десяти до пятнадцати среди взрослых. Во Франции и в южных странах, где есть крестьянство, - больше, по крайней мере с точки зрения внешней.

- А среди тех, кто был сегодня у вас?

- Большинство из них было бы шокировано, если бы им сказали, что они не христиане, и шокировано еще больше, если бы их попросили отдать половину своих богатств бедным. Такая просьба доказала бы только, что они всего лишь благодушные фарисеи или, вернее, саддукеи.

- Дядя Лоренс, а вы христианин?

- Нет, дорогая, скорее последователь Конфуция, который, как тебе известно, был просто философом-моралистом. Большая часть английской привилегированной касты - не христиане, а конфуцианцы: вера в предков и традицию, почтение к родителям, честность, сдержанность в обращении, мягкость с животными и с подчиненными, ненавязчивость в жизни и стойкость перед лицом болезни и смерти.

- Чего же еще желать? - спросила Динни, задумчиво наморщив носик. Пожалуй, одного - любви к прекрасному.

- Любви к прекрасному? Она зависит от темперамента.

- Но разве она не самое характерное, что отличает одного человека от других?

- Да, но независимо от его воли. Ты ведь не можешь заставить себя любить заход солнца.

- "Вы мудрец, дядя Лоренс, и взгляд ваш остер, племянница молвит ему". Пойду прогуляюсь и порастрясу свадебный пирог.

- А я останусь, Динни, и выпью шампанское.

Динни долго блуждала по улицам. Ходить одной было грустно. Но каштаны начинали серебриться, цветы в парке были прекрасны, озаренные закатом воды Серпентайна невозмутимы, и Динни отдалась своему чувству, а чувством этим была любовь.

VII

Вспоминая второй день, проведенный в Ричмонд-парке, Динни так и не могла понять, не выдала ли она себя раньше, чем он отрывисто бросил:

- Выйдете вы за меня, Динни, если придаете значение браку? У нее так перехватило дыхание, что она даже не пошевелилась и сидела, все больше бледнея; затем кровь бросилась ей в лицо.

- Зачем вы спрашиваете об этом? Вы же меня совсем не знаете.

- Вы - как Восток: его либо полюбишь с первого взгляда, либо никогда не полюбишь. И узнать его тоже нельзя.

Динни покачала головой:

- О, я совсем не таинственная.

- Я никогда не узнаю вас до конца. Вы непроницаемы, как фигуры на лестнице в Лувре. Я жду ответа, Динни.

Она вложила в его руку свою, кивнула и сказала:

- Мы, вероятно, поставили рекорд.

Его губы тут же прижались к ее губам, и, когда он отнял их, она лишилась чувств.

Поцелуй, бесспорно, явился наиболее примечательным событием в ее жизни, потому что, почти сразу же придя в себя, она сказала:

- Это лучшее, что ты мог сделать.

Если его лицо и раньше казалось ей необыкновенным, то каким же оно стало сейчас? Губы, обычно презрительно сжатые, полураскрылись и дрожали; глаза, устремленные на нее, блестели; он поднял руку, откинул волосы назад, и Динни впервые увидела скрытый ими небольшой шрам на лбу. Солнце, луна, звезды и все светила небесные остановились для них: они смотрели друг другу в лицо.

Наконец Динни сказала:

- Все правила нарушены, - не было ни ухаживания, ни даже обольщения.

Он рассмеялся и обнял ее. Девушка прошептала:

- "Так юные любовники сидели, в блаженство погрузясь". Бедная мама!

- Она милая женщина?

- Чудная! К счастью, влюблена в моего отца.

- Что представляет собою твой отец?

- Самый милый из всех известных мне генералов.

- А мой - затворник. Тебе не придется принимать его в расчет. Мой брат - осел; мать убежала, когда мне было три года; сестер у меня нет. Тебе будет трудно с таким бродягой и неудачником, как я.

- "Куда б ты ни пошел, я за тобой". По-моему, с дороги на нас смотрит какой-то старый джентльмен. Он напишет в газеты о безнравственных картинах, какие можно наблюдать в Ричмонд-парке.

- Охота тебе обращать внимание?

- Я и не обращаю. Такая минута бывает в жизни один раз. Я уж думала, что она для меня не наступит.

- Ты никого не любила? Она покачала головой.

- Как чудесно! Когда мы поженимся, Динни?

- А ты не находишь, что нам нужно сначала познакомиться домами?

- Полагаю, что да. Но твои не согласятся, чтобы ты вышла за меня.

- Конечно, юный сэр, - вы выше меня родом.

- Нельзя быть выше родом, чем семья, восходящая к двенадцатому веку. Мы восходим только к четырнадцатому. Дело в другом: я - кочевник и пишу язвительные стихи. Они поймут, что я увезу тебя на Восток. Кроме того, у меня всего полторы тысячи годовых и практически никаких надежд.

- Полторы тысячи в год! Отец сможет мне выделить только двести - как Клер.

- Ох, слава богу, что хоть твое состояние не будет препятствием! Динни повернулась к нему. В глазах ее светилось трогательное доверие.

- Уилфрид, я слышала, что ты якобы принял мусульманство. Для меня это не имеет значения.

- Но для твоей семьи будет иметь.

Лицо его исказилось и потемнело. Она обеими руками сжала его руку:

- Ты написал "Барса" о самом себе? Он попытался вырвать руку.

- Это так?

- Да. Дарфур, арабы - фанатики. Я отрекся, чтобы спасти свою шкуру. Теперь можешь прогнать меня.

Пустив в ход всю свою силу, Динни прижала его руку к груди:

- Что бы ты ни сделал, это неважно. Ты - это ты!

К испугу и в то же время облегчению девушки, он опустился на землю и зарылся лицом в ее колени.

- Родной мой! - прошептала Динни. Материнская нежность почти заглушила в ней другое, более пылкое и сладостное чувство. - Знает ли об этом еще кто-нибудь, кроме меня?

- На базарах известно, что я принял ислам; но предполагается, что добровольно.

- Я знаю, что есть вещи, за которые ты отдал бы жизнь. Этого достаточно, Уилфрид. Поцелуй меня!

День клонился к закату. Тени дубов доползли до поваленного ствола, на котором они сидели; четко очерченный край полосы солнечного света отступил за молодые папоротники; за кустами, осторожно пробираясь к оде, мелькнула лань. Сверкающее чистой синевой небо, где, предвещая погожее утро, плыли белые облака, повечерело; крепкий запах папоротников и цветущих каштанов медлительно пополз по земле; выпала роса. Густой живительный воздух, ярко-зеленая трава, голубая даль, ветвистые и неуклюжие в своей мощи дубы - это был самый английский из всех пейзажей, на фоне которых когда-либо происходили любовные свидания.

- Если мы еще немножко посидим здесь, я превращусь в настоящую девчонку-кокни, - объявила наконец Динни. - И кроме того, дорогой мой, "вечерняя роса уже ложится"...

Поздно вечером в гостиной на Маунт-стрит ее тетка неожиданно воскликнула:

- Лоренс посмотри на Динни! Динни, ты влюблена?

- Вы застали меня врасплох, тетя Эм. Да.

- Кто он?

- Уилфрид Дезерт.

- Я же говорила Майклу, что этот человек попадет в беду. А он тебя

тоже любит?

- Он настолько любезен, что утверждает это.
- Ах, боже мой! Я выпью лимонаду. Кто из вас сделал предложение?
- Фактически он.
- Говорят, у его брата не будет потомства.
- Бога ради, тетя Эм, не надо!
- Почему? Поцелуй меня.

Через плечо тетки Динни посмотрела на дядю. Тот молчал.

Позже, когда она направилась к дверям, он остановил ее:

- Ты думаешь, что делаешь, Динни?
- Да. Вот уже девятый день.
- Не хочу быть дядей-брюзгой, но все-таки спрошу: тебе известны его отрицательные стороны?

- Вероисповедание, Флер, Восток. Что еще?

Сэр Лоренс пожал худыми плечами:

- Эта история с Флер стоит у меня поперек горла, как сказал бы старый Форсайт. Тот, кто позволит себе такое по отношению к другу, которого вел к алтарю, не может быть верным мужем.

Динни вспыхнула.

- Не сердись, дорогая... Мы просто все очень любим тебя.
- Он откровенно рассказал мне все, дядя.

Сэр Лоренс вздохнул.

- Тогда, я полагаю, говорить больше не о чем. Но, прошу тебя, загляни вперед, пока еще не поздно. Существуют сорта фарфора, которые нельзя склеить. По-моему, ты сделана из такого же материала.

Динни улыбнулась, поднялась к себе, и мысли ее немедленно возвратились к тому, что произошло.

Теперь ей было нетрудно представить себе физическое упоение любовью и не казалось больше невозможным открыть свою душу другому. Любовные истории, о которых она читала, любовные отношения, которые она видела, - каким пресным все это было в сравнении с ее чувством! А ведь она знает Уилфрида всего девять дней, если не считать мимолетной встречи десять лет тому назад! Неужели все эти годы над нею тяготело то, что называют комплексом? Или любовь, этот дикий цветок, чьи семена разносит ветер пустыни, всегда приходит внезапно?

Она долго сидела так, полураздетая, зажав руки между коленями, опустив голову, опьяняя себя наркотиком воспоминаний, и ей казалось - странное чувство! - что вся любовь, которая существует в мире, заключена сейчас в ней одной, сидящей на этой купленной у Палбрета с

Тоттенхемкорд-род кровати.

VIII

Кондафорд, словно выражая недовольство всеми этими любовными перипетиями и оплакивая утрату двух своих дочерей, встретил Динни мелким дождем.

Девушка нашла, что ее родители усиленно стараются не "разводить трагедий" по поводу отъезда Клер, и возымела надежду, что они будут держаться так же и в отношении ее самой. Чувствуя себя, по своему же выражению, "чересчур огорожанившейся", она решила пройти испытание водой перед ордалией окончательного объяснения и отправилась побродить. Кроме того, к обеду ожидалось Хьюберт и Джин, их надо было встретить, и Динни хотела убить двух зайцев сразу. Капли дождя, падавшие ей на лицо, хмельной запах земли, голоса кукушек и вид деревьев, одни из которых уже успели расцвести, а другие только начинали зеленеть, освежили ее тело и повергли в уныние ее сердце. Девушка по тропинке углубилась в лес. Он состоял из буков и ясеней; кое-где попадался английский тис, так как почва была известковатой. Дождь накрапывал чуть-чуть, с листвы не капало, и тишину нарушал лишь частый стук дятла. Динни, если не считать раннего детства, была за границей трижды - в Италии, в Париже, в Пиренеях и всякий раз возвращалась домой еще более влюбленной в Англию и в Кондафорд. Теперь она не знала, куда лежит ее путь. Нет сомнения, впереди пески, смоковницы, молчаливые фигуры у колодцев, плоские крыши, волосы муэдзинов, взгляды из-под чадры. Но Уилфрид, конечно, почувствует прелесть Кондафорда и согласится время от времени гостить в нем. Отец Дезерта жил в замке, построенном словно напоказ, но, к всеобщему огорчению, закрыл доступ туда и никому его не показывал. Отчий замок, Итон, Лондон - вот и все, что Уилфрид, который провел четыре года на войне и восемь лет на Востоке, знает об Англии.

"Мне предстоит открыть ему Англию, а он откроет мне Восток", - подумала Динни.

В ноябре прошлого года буря повалила несколько буков. Глядя на их обнаженные разлапые корни, Динни вспомнила, как Флер говорила, что продать лес - единственный способ выполнить последний долг перед детьми. Но отцу Динни только шестьдесят два! Как вспыхнули щеки Джин в день приезда, когда тетя Эм процитировала: "Плодитесь и размножайтесь"! Она ждет ребенка! Разумеется, сына, - Джин из тех женщин, у которых рождаются мальчишки. Еще одно поколение Черрелов по прямой линии!

А вдруг у нее с Уилфридом тоже будет малыш? Что тогда? С детьми

кочевать нельзя. Тревога и неуверенность охватили Динни. Будущее - сплошное белое пятно на карте! Мимо застывшей на месте девушки пробежала белка и взобралась на дерево. Динни с улыбкой проводила взглядом проворного рыженького зверька с пушистым хвостом. Слава богу, Уилфрид любит животных. "Аллах и тот в свой рай ослов пускает". Он не может не полюбить Кондафорд, его лесных птиц, рощи, ручьи, высокие окна, магнолии, голубей и зеленые пастбища! Но понравятся ли ему ее родные - Отец, мать, Хьюберт, Джин? Понравится ли он им? Нет, им он не понравится - слишком непринужден, порывист, горек, прячет все лучшее, что в нем есть, словно стыдится этого. Они не оценят его поклонения красоте, а переход в другую веру повергнет их в удивление и замешательство, даже если они не узнают того, что он ей рассказал.

В Кондафорде не было ни дворецкого, ни электричества, и Динни выбрала для объяснения тот момент, когда горничные, поставив графины и десерт на озаренный свечами стол из полированного ореха, удалились.

- Простите, что отвлекаю вас личными делами, - внезапно объявила Девушка. - Я помолвлена.

Сначала никто не ответил. Каждый из четырех присутствовавших привык думать и говорить, хотя это не всегда одно и то же, что Динни создана для брака; поэтому они могли только радоваться, что она выходит замуж. Затем Джин спросила:

- С кем, Динни?

- С Уилфридом Дезертом, вторым сыном лорда Маллиена... Он был шафером Майкла...

- О! Но...

Динни обвела взглядом трех остальных. Лицо отца невозмутимо, что вполне естественно, - он понятия не имеет об этом молодом человеке; тонкие черты ее матери выражают вопрос и тревогу; Хьюберт, казалось, с трудом подавляет раздражение.

Наконец леди Черрел спросила:

- Динни, давно ты знакома с ним?

- Всего десять дней, но мы виделись ежедневно. Боюсь, что это любовь с первого взгляда, как и у тебя, Хьюберт. Мы помнили друг друга со свадьбы Майкла.

Хьюберт уставился в свою тарелку:

- Известно ли тебе, что он перешел в мусульманство? По крайней мере, в Хартуме шли такие разговоры.

Динни кивнула.

- Неужели? - воскликнул генерал.

- В том-то и беда, сэр.
 - Зачем он это сделал? Динни чуть не брякнула: "Не все ли равно - ислам или христианство, если ты неверующий!" - но вовремя спохватилась. Вряд ли это было бы особенно лестной рекомендацией.
 - Не понимаю людей, меняющих веру, - резко бросил генерал.
 - Я вижу, что новость не вызвала особого восторга, - пробормотала Динни.
 - До восторгов ли тут? Мы ведь его совсем не знаем, дорогая.
 - Ты права, мама. Можно мне пригласить его сюда? Он в состоянии содержать семью, и тетя Эм говорит, что у его брата не будет потомства.
 - Динни! - остановил ее генерал.
 - Я шучу, дорогой.
 - Но он же вроде бедуина: вечно кочует, а это уже не шутки, - отозвался Хьюберт.
 - Кочевать можно и вдвоем, Хьюберт.
 - Ты всегда говорила, что тебе тяжело даже на время уезжать из Кондафорда.
 - Я помню, как ты говорил, Хьюберт, что не видишь ничего хорошего в браке. Я уверена, что в свое время и вы с отцом, мама, говорили то же самое. Но разве вы утверждали это потом?
 - Злючка! - отпарировала Джин, и это простое слово положило конец сцене.
- Однако перед сном Динни зашла к матери и снова спросила:
- Значит, я могу пригласить Уилфрида?
 - Разумеется, и когда захочешь. Мы будем рады познакомиться с ним.
 - Я понимаю, мама, этот удар последовал слишком быстро за браком Клер. Но вы же знали, что рано или поздно я уйду от вас.
- Леди Черрел вздохнула:
- Догадывались.
 - Я забыла сказать, что он поэт, и притом настоящий.
 - Поэт? - переспросила ее мать, словно не хватало только этого штриха, чтобы довершить ее опасения.
 - В Вестминстерском аббатстве немало поэтов. Но не беспокойся, он туда не попадет.
 - Различие в религии - очень серьезное обстоятельство, Динни, особенно когда дело касается детей.
 - Почему, мама? Говорить о религиозных убеждениях человека, пока он не стал взрослым, просто смешно. Кроме того, к тому времени, когда подрастут мои дети, если они у меня будут, вопрос станет чисто

академическим.

- Динни!

- Он уже почти стал им, если не считать узких религиозно настроенных кругов. Для нормальных людей религия все больше превращается в этическую проблему.

- Я слишком мало знаю, чтобы судить об этом, да и ты тоже.

- Мамоchка, милая, погладь меня по голове.

- Ох, Динни, как мне хочется думать, что ты сделала разумный выбор!

- Не я, а меня выбрали, мама.

Динни чувствовала, что вряд ли успокоила мать таким способом, но, не зная другого, поцеловала ее на сон грядущий и ушла.

У себя в комнате она села и написала:

"Кондафорд. Пятница.

Дорогой мой,

Это бесспорно и безоговорочно первое любовное письмо в моей жизни, поэтому я едва ли сумею выразить мои чувства. По-моему, будет довольно, если я просто скажу: "Люблю тебя". Я объявила родным радостную весть. Она, естественно, заставила их призадуматься и пробудила в них желание поскорее тебя увидеть. Когда ты приедешь? Если ты будешь со мной, вся эта история перестанет мне казаться только прекрасным сном наяву. Жизнь у нас здесь простая. Мы, пожалуй, не стали бы жить на широкую ногу, даже если бы на это были средства. Три горничные, шофер и два егеря - вот и вся наша прислуга. Я думаю, что моя мать тебе понравится, и не думаю, что ты сойдешься с моим отцом и братом, хотя, надеюсь, его жена Джин расшевелит твоё поэтическое воображение: она удивительно яркая женщина. Сам же Кондафорд тебе полюбится, - в этом я уверена. Тут чувствуется подлинная старина. У нас можно поехать верхом; мы с тобой будем бродить и болтать, и я покажу тебе все мои любимые уголки и местечки. Погода, надеюсь, будет хорошая, - ведь ты так любишь солнце. Здесь для меня сейчас пасмурен каждый день, с тобой же любой станет погожим. Комната, которая тебе предназначена, - на отлете; в ней царит прямо-таки неземная тишина. К ней ведут пять веерообразных ступеней, и называется она комнатой священника, потому что в ней был замурован Энтони Черрел, брат Джилберта, владевшего Кондафордом при Елизавете. Пищу ему доставляли в корзинке, которую на веревке спускали ночью к его окну. Он был священник и видный католик, а Джилберт, хотя и перешел в протестантство, любил брата больше, чем религию, как и подобает порядочному человеку. Энтони скрывался там три месяца, а потом,

однажды ночью, брат разобрал стену, переправил его через весь остров до самой Бьюли-ривер и посадил на флюгер. Стену, чтобы не вызвать подозрений, восстановили, и окончательно снес ее лишь мой прадед, последний из нашего рода, кто располагал более или менее значительными средствами. Стена действовала ему на нервы, и он с ней быстро разделался. Внизу, под ступенями, есть ванная. Окно, разумеется, расширили, и вид из него изумительный, особенно сейчас, когда цветут сирень и яблони. У меня самой (если тебе это интересно) комната узкая и похожа на келью, но выходит она прямо на луга и холмы, за которыми виден лес. Я живу в ней с семи лет и не променяю ни на какую другую, пока ты не подарить мне

... на радость и на утешенье

Свет звезд по ночам, по утрам птичье пенье. Я склонна считать маленького "Стивенсона" своим любимым стихотворением; как видишь, во мне тоже есть что-то от кочевницы, хотя по натуре я домоседка. Между прочим, мой отец глубоко чувствует природу, любит животных, птиц и деревья. Мне кажется, большинство военных похожи на него, как это ни странно. Но, разумеется, они воспринимают лишь видимую и познаваемую, а не эстетическую сторону природы. Они усматривают в фантазии лишь проявление известной ненормальности. Я подумывала, не подсунуть ли нашим книжку твоих стихов, но решила, что, в общем, не стоит: они могут понять тебя слишком буквально. Человек всегда больше располагает к себе, чем его произведения. Уснуть не надеюсь, - сегодня, в первый раз с сотворения мира, я не видела тебя. Спокойной ночи, дорогой мой, желаю счастья и целую.

Твоя Динни.

P.S. Для тебя выбрана фотография, на которой я больше всего похожа на ангела, то есть та, где мой нос меньше всего вздернут. Пошлю ее завтра, а пока вот тебе два моментальных снимка. Когда же, сэр, я получу вашу карточку?

Так закончился этот отнюдь не лучший день ее жизни.

IX

Сэр Лоренс Монт, недавно избранным членом Бэртон-клуба, вследствие чего он вышел из "Аэроплана" и остался лишь в так называемом "Снуксе", "Кофейне" и "Партенеуме", любил повторять, что, если он проживет еще лет десять, каждое посещение одного из этих клубов будет стоить ему целых двенадцать шиллингов шесть пенсов.

Однако на другой день после того, как Динни объявила ему о своей помолвке, он зашел в "Бэртон", взял список членов и открыл на букве "Д". Так и есть: "Высокоcht. Уилфрид Дезерт". Это естественно - клуб по

традиции стремится монополизировать путешественников.

- Мистер Дезерт навещает вас? - спросил баронет у швейцара.

- Да, сэр Лоренс, он несколько раз был на прошлой неделе, хотя до этого я не видел его несколько лет.

- Да, он большей частью живет за границей. Когда он обычно приходит?

- Чаще всего к обеду, сэр Лоренс.

- Ясно. А мистер Масхем здесь?

Швейцар покачал головой:

- Сегодня скачки в Ньюмаркете, сэр Лоренс.

- Да, конечно! Как это вы все запоминаете?

- Привычка, сэр Лоренс.

- Завидую.

Сэр Лоренс повесил шляпу и некоторое время постоял в холле, глядя, как телетайп отстукивает биржевой курс. Безработица и налоги растут, а денег на автомобили и развлечения тратится все больше. Миленькое положеньеице! Затем он направился в библиотеку, рассчитывая, что там-то уж он никого не встретит. И первый, кого он увидел, был Джек Масхем, который из уважения к месту шепотом беседовал в углу с худощавым смуглым человечком.

"Это объясняет, почему я никогда не могу найти упавшую запонку, - подумал сэр Лоренс, - Мой друг швейцар был так уверен, что Джек в Ньюмаркете, а не у этих полок, что принял его за другого, когда тот все-таки явился".

Он взял томик "Арабских ночей" Бертона, позвонил и заказал чай, но не успел уделить внимание ни книге, ни напитку, как оба собеседника покинули свой угол и подошли к нему.

- Не вставай, Лоренс, - с некоторой томностью произнес Джек Масхем. Телфорд Юл - сэр Лоренс Монт, мой кузен.

- Я читал ваши сенсационные романы, мистер Кл, - сказал сэр Лоренс и подумал: "Странная личность!"

Худой смуглый человек с обезьяньим лицом осклабился и ответил:

- Жизнь бывает сенсационнее всякого романа.

- Юл вернулся из Аравии, - пояснил Джек Масхем с обычным для него видом человека, над которым не властно ни время, ни пространство. - Он разнюхивал, нельзя ли там раздобыть парочку чистокровных арабских кобыл, чтобы использовать их у нас. Жеребцы есть, маток не достать. В Неджде сейчас такое же положение, как в те времена, когда писал Палгрейв. Все же дело, по-моему, двинулось. Владелец лучшего табуна

требует самолет, но, если мы забросим туда бильярд, ему наверняка придется расстаться по крайней мере с одной дочерью солнца.

- Боже правый, какие низкие методы! - усмехнулся сэра Лоренс. - Все мы становимся иезуитами, Джек.

- Юл видел там интересные вещи. Кстати, об одной из них я хочу с тобой поговорить. Разрешешь присесть?

Он опустился в кресло и вытянулся во всю длину; смуглый человек уселся на другое, устремив черные мигающие глаза на сэра Лоренса, который инстинктивно насторожился.

- Когда Юл был в аравийской пустыне, - продолжал Джек Масхем, - бедуины рассказали ему о смутных слухах насчет одного англичанина, которого арабы якобы поймали и вынудили перейти в мусульманство. Юл поскандалил с ними, заявив, что никто из англичан не способен на такое. Но когда он вернулся в Египет и вылетел в Ливийскую пустыню, он встретил Другую шайку бедуинов, возвращавшихся с юга, и услышал от них ту же самую историю, только в более подробном изложении - они утверждали, что это случилось в Дарфуре, и назвали даже имя отступника - Дезерт. Когда же Юл попал в Хартум, он услышал, что весь город только и говорит о том, что молодой Дезерт принял ислам. Юл, естественно, сделал из всего этого логические выводы. Но, конечно, весь вопрос в том, как это произошло. Одно дело переменить веру по доброй воле, другое - отречься от прежней под пистолетом. Англичанин, совершающий подобный поступок, предаст всех нас.

Сэр Лоренс, который в продолжение речи своего кузена перепробовал все известные ему способы вставлять монокль, выронил его и сказал:

- Дорогой Джек, неужели ты не понимаешь, что, если человек принял мусульманство в мусульманской стране, молва обязательно представит дело так, как будто его к этому принудили.

Джек, извивавшийся на самом краю своего кресла, возразил:

- Я сперва так и подумал, но последние сведения были чрезвычайно определенными. Мне сообщили даже имя шейха, который заставил его отречься, и месяц, когда это случилось. Я выяснил также, что мистер Дезерт действительно вернулся из Дарфура вскоре по истечении упомянутого месяца. Возможно, ничего и не было. Но так или иначе, мне незачем объяснять вам, что такого рода история, если она своевременно не опровергнута, обрастает сплетнями и вредит не только этому человеку, но и нашему общему престижу. Мне кажется, наш долг - поставить мистера Дезерта в известность о слухах, которые распространяют о нем бедуины.

- Кстати, он сейчас здесь, - мрачно бросил сэра Лоренс.

- Знаю, - ответил Джек Масхем, - Я видел его на днях, и он член этого клуба.

Беспредельное уныние волной захлестнуло сэра Лоренса. Вот они, последствия злосчастного решения Динни! Динни была дорога этому ироничному, независимому в суждениях и разборчивому в привязанностях человеку. Она поразительно украшала его давно установившееся представление о женщинах. Не будь он ее дядей по браку, он мог бы даже влюбиться в нее, если бы снова стал молодым.

Пауза продолжалась. Сэр Лоренс отчетливо сознавал, что оба его собеседника чувствуют себя крайне неловко, и, странное дело, их замешательство лишь усугубляло в его глазах серьезность положения. Наконец он сказал:

- Дезерт был шафером моего сына. Я должен поговорить с Майклом.

Мистер Юл, надеюсь, воздержится пока от дальнейших шагов.

- Непременно, - ответил К, л. - Хочу верить, что все это только сплетни. Мне нравятся его стихи.

- А ты, Джек?

- Мое дело сторона. Но я не примирюсь с мыслью, что англичанин способен на такой поступок, пока не буду убежден в бесспорности этого факта так же, как в существовании собственного носа. Вот все, что могу сказать. Юл, если мы хотим поспеть на роystонский поезд, нам пора двигаться.

Оставшись в одиночестве, сэр Лоренс не встал с кресла. Ответ Джека Масхема расстроил его еще больше. Он доказывал, что, если наихудшие опасения подтвердятся, рассчитывать на снисходительность "настоящих саибов" не придется. Наконец сэр Лоренс поднялся, взял с полки небольшой томик, снова сел и начал его перелистывать. Это были "Индийские стихи!" сэра Альфреда Лайела, а поэма, которую разыскивал баронет, называлась "Богословие перед казнью".

Он прочел ее, поставил книгу на место и стоял, потирая подбородок. Вещь, конечно, написана лет сорок с лишним тому назад, но можно не сомневаться, что взгляды, выраженные в ней, ни на йоту не изменились. Существует еще стихотворение Доила о капрале Восточно-Кентского полка, который, когда его привели к китайскому генералу и предложили под страхом смерти поцеловать землю у ног врага, ответил: "В нашем полку так не принято!" - и погиб. Что поделаешь! Такое поведение и сейчас - закон для людей, принадлежащих к определенной касте и чтящих традиции. Война подтвердила это на бесчисленных примерах. Неужели молодой Дезерт действительно изменил традициям? Невероятно! А вдруг

он в самом деле трус, несмотря на свой образцовый послужной список? Или, может быть, бьющая из него ключом горечь довела его до полного цинизма и он попрам традицию только ради того, чтобы ее попрам?

Сэр Лоренс напряг все свои духовные способности и попробовал поставить себя перед аналогичным выбором. Но он был неверующим, и единственный вывод, который ему удалось сделать, сводился к следующему: "Мне бы страшно не хотелось, чтобы на меня оказали давление в таком вопросе". Понимая, что это заключение ни в коей мере не соответствует важности проблемы, он спустился в холл, закрылся в телефонной кабине и позвонил Майклу. Затем, опасаясь оставаться в клубе дольше: того и глядишь наскочишь на самого Дезерта, взял такси и отправился на Саутсквер.

Майкл только что вернулся из палаты, столкнулся с отцом в холле, и сэр Лоренс изъявил желание уединиться с сыном в его кабинете, интуитивно чувствуя, что Флер при всей ее проницательности не подходит роль участницы совещания по столь щекотливому пункту. Он начал с того, что объявил о помолвке Динни. Майкл выслушал это сообщение с такой странной смесью удовлетворения и тревоги, какая не часто выражается на человеческом лице.

- Что за плутовка! Как она умеет прятать концы в воду! - воскликнул он, - Флер - та заметила, что Динни в последние дни выглядит уж как-то особенно невинно, но я сам никогда бы не подумал. Мы слишком привыкли к ее безбрачию. Помолвлена, да еще с Уилфридом! Ну что ж, теперь, надеюсь, парень покончит с Востоком.

- Остается еще вопрос о его вероисповедании, - мрачно вставил сэр Лоренс.

- Не понимаю, какое это имеет значение. Динни - не фанатичка. Зачем Уилфрид переменял веру? Вот уж не предполагал, что он религиозен. Меня это прямо-таки ошеломило.

- Тут дело посложнее.

Когда сэр Лоренс кончил рассказывать, уши у Майкла стояли торчком и лицо было совершенно подавленное.

- Ты знаешь его ближе, чем кто бы то ни было, - закончил сэр Лоренс. - Твое мнение?

- Мне тяжело так говорить, но возможно, что это правда. Для Уилфрида это, пожалуй, даже естественно, хотя никто никогда не поймет - почему. Ужасная неприятность, папа, тем более что здесь замешана Динни.

- Дорогой мой, прежде чем расстраиваться, надо выяснить, насколько это верно. Удобно тебе зайти к нему?

- Было время - заходил запросто.

Сэр Лоренс кивнул:

- Мне все известно. Но ведь с тех пор прошло столько лет.

Майкл тускло улыбнулся:

- Я подозревал, что вы кое-что заметили, но не был уверен. После отъезда Уилфрида на Восток мы виделись редко. Все же зайти могу...

Майкл запнулся, потом прибавил:

- Если это правда, он, вероятно, все рассказал Динни. Он не мог сделать ей предложение, не сказав.

Сэр Лоренс пожал плечами:

- Кто струсил раз, струсит и в другой.

- Уилфрид - одна из самых сложных, упрямых, непонятных натур, какие только бывают на свете. Подходить к нему с обычной меркой - пустое занятие. Но если он и сказал Динни, от нее мы ни слова не добьемся.

Отец и сын взглянули друг на друга.

- Помните, в нем много героического, но проявляется оно там, где не нужно: он ведь поэт.

Бровь сэра Лоренса задергалась: верный признак того, что он пришел к определенному решению.

- Придется заняться этой историей вплотную. Люди не пройдут мимо нее - не такая у них природа. Мне, конечно, нет дела до Дезерта...

- Мне есть, - возразил Майкл.

- ...но я беспокоюсь о Динни.

- Я тоже. Впрочем, она поступит так, как сочтет нужным, папа, и переубедить ее - напрасный труд.

- Это одно из самых неприятных событий в моей жизни, - с расстановкой вымолвил сэр Лоренс. - Итак, мой мальчик, пойдешь ты к нему или сходить мне?

- Пойду, - со вздохом ответил Майкл.

- Он скажет тебе правду?

- Да. Останетесь обедать?

Сам Лоренс покачал головой:

- Боюсь встречаться с Флер, пока у меня на душе эта забота. Я полагаю, тебе не нужно напоминать, что до твоего разговора с ним никто ничего не должен знать, даже она?

- Разумеется. Динни еще у вас?

- Нет, вернулась в Кондафорд.

- Ее семья! - воскликнул Майкл и свистнул.

Ее семья! Эта мысль не оставляла его за обедом, во время которого

Флер завела речь о будущем Кита. Она склонялась к тому, чтобы отдать его в Хэрроу, так как Майкл и его отец учились в Уинчестере. Майклу нравились оба варианта, и вопрос все еще оставался открытым.

- Вся родня твоей матери училась в Хэрроу, - убеждала Флер. - Уинчестер кажется мне слишком педантичным и сухим. И потом, те, кто учился там, никогда не достигают известности. Если бы ты не кончил Уинчестер, ты давно бы уже стал любимцем газет.

- Тебе хочется, чтобы Кит стал известным?

- Да, но, разумеется, с хорошей стороны, как твой дядя Хилери. Знаешь, Майкл, Барт - чудесный, но я предпочитаю Черрелов твоей родне с отцовской стороны.

- Мне казалось, что Черрелы чересчур прямолинейны и чересчур служаки, - возразил Майкл.

- Согласна, но у них есть характер и держатся они как джентльмены.

- По-моему, ты хочешь отдать Кита в Хэрроу просто потому, что там все разыгрывают из себя лордов, - усмехнулся Майкл.

Флер выпрямилась:

- Да, хочу. Я выбрала бы Итон, если бы это не было слишком уж откровенно. К тому же я не терплю светло-голубого.

- Ладно, - согласился Майкл. - Я все равно за свою школу, а выбор за тобой. Во всяком случае, школа, которая создала дядю Эдриена, меня устраивает.

- Никакая школа не могла создать дядю Эдриена, дорогой, - поправила Флер. - Он древен, как палеолит. Самая древняя кровь в жилах Кита - это кровь Черрелов, а я, как выразился бы Джек Масхем, намерена разводить именно такую породу. Кстати, помнишь, на свадьбе Клер он приглашал нас посетить его конский завод в Ройстоне. Я не прочь прокатиться. Джек образцовый экземпляр денди-спортсмена: божественные ботинки и неподражаемое умение владеть лицевыми мускулами.

Майкл кивнул:

- Джек словно вышел из рук не в меру усердного чеканщика: изображение стало таким рельефным, что под ним не видно самой монеты.

- Заблуждаешься, дорогой: на обратной стороне достаточно металла.

- Он - "настоящий саиб", - подтвердил Майкл. - Никак не могу решить, что это - почетное прозвище или бранная кличка. Черрелы - лучшие представители людей такого типа: с ними можно церемониться меньше, чем с Джеком. Но даже вблизи них я всегда чувствую, что "в небе и в земле сокрыто больше, чем снится их мудрости".

- Не всем дано божественное разумение.

Майкл пристально взглянул на жену, подавил желание сделать колкий намек и подхватил:

- Вот я, например, никак не могу уразуметь, где тот предел, за которым нет места пониманию и терпимости.

- В таких вещах вы уступаете нам, женщинам. Мы полагаемся на свои нервы и просто ждем, когда этот предел обозначится сам по себе. Бедняжки мужчины так не умеют. К счастью, в тебе много женского, Майкл. Поцелуй меня. Осторожней! Кокер всегда входит внезапно. Значит, решили: Кит поступает в Хэрроу.

- Если до тех пор Хэрроу еще не закроется.

- Не говори глупостей. Даже созвездия менее незыблемы, чем закрытые школы. Вспомни, как они процветали в прошлую войну.

- В следующую это уже не повторится.

- Значит, ее не должно быть.

- Пока существуют "настоящие саибы", войны не избежать.

- Не кажется ли тебе, мой дорогой, что наша верность союзным обязательствам и прочее была самой обыкновенной маскировкой? Мы попросту испугались превосходства Германии.

Майкл взъерошил себе волосы:

- Во всяком случае, я верно сказал, что в небе и в земле сокрыто больше, чем снится мудрости "настоящего саиба". Да и ситуации там бывают такие, до которых он не дорос.

Флер зевнула.

- Нам необходим новый обеденный сервис, Майкл.

Х

После обеда Майкл вышел из дома, не сказав, куда идет. После смерти тестя, когда он понял, что произошло у Флер с Джоном Форсайтом, его отношения с женой остались прежними, но с существенной, хотя с виду еле заметной, разницей: теперь Майкл был у себя дома не сконфуженным просителем, а человеком, свободным в своих поступках. Между ним и Флер не было сказано ни слова о том, что произошло уже почти четыре года тому назад, и никаких новых сомнений на ее счет у него не возникало. С неверностью было покончено навсегда. Майкл внешне остался таким же, как прежде, но внутренне освободился, и Флер это знала. Предостережение отца насчет истории с Уилфридом было излишним, - Майкл и так ничего бы не сказал жене: он верил в ее способность сохранить тайну, но сердцем чувствовал, что в деле такого свойства она не сможет оказать ему реальной поддержки.

Он шел пешком и размышлял: "Уилфрид влюблен. Следовательно, к

десяти он должен быть уже дома, если только у него не начался приступ поэтической горячки. Однако даже в этом случае невозможно писать стихи на улице или в клубе, где сама обстановка преграждает путь потоку вдохновения". Майкл пересек Пэл-Мэл, пробрался сквозь лабиринт узких улочек, заселенных свободными от брачных уз представителями сильного пола, и вышел на Пикадилли, притихшую перед бурей театрального разъезда. Оттуда по боковой улице, где обосновались ангелы-хранители мужской половины человечества - портные, букмекеры, ростовщики, свернул на Корк-стрит. Было ровно десять, когда он остановился перед памятным ему домом. Напротив помещалась картинная галерея, где он впервые встретил Флер. Майкл с минуту постоял, - от наплыва минувших переживаний у него закружилась голова. В течение трех лет, пока нелепое увлечение Уилфрида его женой не разрушило их дружбу, он оставался его верным Ахатом. "Мы были прямо как Давид с Ионафаном", - подумал Майкл, поднимаясь по лестнице, и былые чувства захлестнули его.

При виде Майкла аскетическое лицо оруженосца Стэка смягчилось.

- Мистер Монт? Рад видеть вас, сэр.

- Как поживаете, Стэк?

- Старею, конечно, а в остальном, благодарю вас, держусь. Мистер Дезерт дома.

Майкл снял шляпу и вошел.

Уилфрид, лежавший на диване в темном халате, приподнялся и сел:

- Хэлло!"

- Здравствуй, Уилфрид.

- Стэк, вина!

- Поздравляю, дружище!

- Знаешь, я ведь впервые встретил ее у тебя на свадьбе.

- Без малого десять лет назад. Ты похищаешь лучший цветок в нашем семейном саду, Уилфрид. Мы все влюблены в Динни.

- Не хочу говорить о ней, - тут слова бессильны.

- Привез новые стихи, старина?

- Да. Сборник завтра пойдет в печать. Издатель тот же. Помнишь мою первую книжку?

- Еще бы! Мой единственный успех.

- Эта лучше. В ней есть одна настоящая вещь.

Стэк возвратился с подносом.

- Хозяйничай сам, Майкл.

Майкл налил себе рюмку бренди, лишь слегка разбавив его. Затем сел и закурил.

- Когда женитесь?
- Брак зарегистрируем как можно скорее.
- А дальше куда?
- Динни хочет показать мне Англию. Поездим, пока погода солнечная.
- Собираешься назад в Сирию? Дезерт заерзал на подушках:
- Не знаю. Может быть, позднее. Динни решит.

Майкл устался себе под ноги, - рядом с ними на персидский ковер упал пепел сигареты.

- Старина... - вымолвил он.
- Да?
- Знаешь ты птичку по имени Телфорд Юл?
- Фамилию слышал. Бульварный писака.
- Он недавно вернулся из Аравии и Судана и привез с собою сплетню.

Майкл не поднял глаз, но почувствовал, что Уилфрид выпрямился, хотя и не встал с дивана.

- Она касается тебя. История странная и прискорбная. Он считает, что тебя нужно поставить в известность.

- Ну? У Майкла вырвался невольный вздох.

- Буду краток. Бедуины говорят, что ты принял ислам под пистолетом. Ему рассказали это в Аравии, затем вторично в Ливийской пустыне. Сообщили все: имя шейха, название местности в Дарфуре, фамилию англичанина.

И снова Майкл, не поднимая глаз, почувствовал, что взгляд Уилфрида устремлен на собеседника и что лоб его покрылся испариной.

- Ну?

- Он хочет, чтобы ты об этом знал, и поэтому сегодня днем в клубе все рассказал моему отцу, а Барт передал мне. Я обещал поговорить с тобой. Прости.

Наступило молчание. Майкл поднял глаза. Какое необычайное, прекрасное, измученное, неотразимое лицо!

- Прощать не за что. Это правда.

- Старина, дорогой!..

Эти слова вырвались у Майкла непроизвольно, но других за ними не последовало.

Дезерт встал, подошел к шкафу и вынул оттуда рукопись:

- На, читай! В течение двадцати минут, которые заняло у Майкла чтение поэмы, в комнате не раздалось ни звука, кроме шелеста переворачиваемых страниц. Наконец Майкл отложил рукопись:

- Потрясающе!

- Да, но ты никогда бы так не поступил.

- Понятия не имею, как бы я поступил!

- Нет, имеешь. Ты никогда бы не позволил рефлексии или черт знает еще чему подавить твоё первое побуждение, как это сделал я. Моим первым побуждением было крикнуть: "Стреляй и будь проклят!" Жалею, что тогда промолчал и теперь сижу здесь! Удивительнее всего то, что я не дрогнул бы, если бы он пригрозил мне пыткой, хотя, конечно, предпочитаю ей смерть.

- Пытка - жестокая штука.

- Фанатики не жестоки. Я послал бы его ко всем чертям, но ему в самом деле не хотелось стрелять. Он умолял меня - стоял с пистолетом и умолял меня не вынуждать его выстрелить. Его брат - мой друг. Странная вещь фанатизм! Он стоял, держал палец на спуске и упрасивал меня. Чертовски гуманно! Он, видишь ли, был связан обетом. А когда я согласился, он радовался так, что я в жизни ничего подобного не видел.

- В поэме про это нет ни слова, - вставил Майкл.

- Чувство жалости к палачу еще не может служить оправданием.

Я не горжусь им, тем более что оно спасло мне жизнь. Кроме того, не уверен, сыграло ли оно решающую роль. Религия - пустой звук, когда ты неверующий. Если уж умирать, так за что-нибудь стоящее.

- А ты не думаешь, что тебя оправдают, если ты все будешь отрицать? спросил подавленный Майкл.

- Ничего я не буду отрицать. Если это выплывет наружу, я за это отвечу.

- Динни в курсе?

- Да. Она прочла поэму. Я не собирался ей говорить, да вот пришлось. Она держалась так, как никто бы не сумел, - изумительно!

- Ясно. Я считаю, что тебе следует отрицать все - хотя бы ради Динни.

- Нет, я просто обязан отказаться от нее.

- Это уж решать не тебе одному, Уилфрид. Если Динни любит, так беззаветно...

- Я тоже.

Удрученный безвыходностью положения, Майкл встал и налил себе еще бренди.

- Правильно! - одобрил Дезерт, следя за ним глазами. - Представь минуту, что это стало достоянием прессы! И Дезерт расхохотался.

- Но ведь Юл оба раза слышал эту историю только в пустыне, - сказал Майкл с внезапной надеждой.

- Что сегодня сказано в пустыне, завтра разнесется по базарам. Нет, рассчитывать не на что. Мне не отвертеться.

Майкл положил ему руку на плечо:

- В любом случае можешь располагать мною. Мое мнение такое: кто смел, тот и преуспел. Но я, конечно, предвижу, что тебе придется вытерпеть.

- Мне приклеят ярлык "трус", а с ним хорошего не жди. И правильно приклеят.

- Чушь! Уилфрид, не обратив внимания на этот возглас, продолжал:

- При мысли, что придется погибнуть ради жеста, ради того, во что я не верю, все мое существо взбунтовалось. Легенды, суеверия - ненавижу этот хлам. Я готов пожертвовать жизнью, только бы нанести им смертельный удар. Если бы меня заставили мучить животных, вешать человека, насиловать женщину, я бы, конечно, скорее умер, чем уступил. Но какого черта умирать только для того, чтобы доставить удовольствие тем, кого я презираю за то, что они исповедуют устаревшие верования, которые принесли миру больше горя, чем любой из смертных. Скажи, какого черта?

Эта страстная вспышка напугала Майкла. Расстроенный и мрачный, он пробормотал:

- Религия - символ!..

- Символ? Не сомневайся, я сумею постоять за любое стоящее дело - за честность, человечность, мужество. Как-никак я прошел войну. Но почему я должен стоять за то, что считаю насквозь прогнившим?

- Мы обязаны это скрыть! - взорвался Майкл. - Мне нестерпимо думать, как куча болванов будет воротить нос при виде тебя.

Уилфрид пожал плечами:

- Поверь, я сам от себя его ворочу. Никогда не подавляй свое первое побуждение, Майкл.

- Что же ты собираешься делать?

- Не все ли равно? Будь что будет. Так или иначе, меня не поймут, а если даже поймут, никто не станет на мою сторону. Да и зачем? Я ведь в разладе с самим собой.

- По-моему, в наши дни найдется немало таких, кто поддержит тебя.

- Да, таких, с которыми стоять рядом и то противно. Нет, я - отверженный.

- А Динни?

- С ней я все улажу.

Майкл взял за шляпу:

- Если я могу быть полезен, рассчитывай на меня. Спокойной ночи, старина,

- Благодарю. Спокойной ночи!

Прежде чем Майкл вновь обрел способность рассуждать, он уже был на улице. Уилфрид попал в ловушку! Он до того ослеплен своим бунтарским презрением к условностям и почитателям их, что разучился здраво смотреть на вещи, - это ясно. Но нельзя безнаказанно зачеркивать ту или иную черту в едином образе Англичанина, - кто изменит в одном, того и в другом сочтут изменником. Разве те, кто не знает Уилфрида близко, поймут это нелепое чувство сострадания к своему же палачу? Горькая и трагичная история. Ему без суда и разбора публично приклеят ярлык труса.

"Конечно, - думал Майкл, - у него найдутся защитники: всякие там маньяки-эгоцентристы или красные, но от этого ему будет только хуже. Нет ничего отвратительнее, чем поддержка со стороны людей, которых ты не понимаешь и которые не понимают тебя. И какой прок от такой поддержки для Динни, еще более далекой от них, чем Уилфрид? Все это..."

Предаваясь этим невеселым размышлениям, Майкл пересек Бондстрит и через Хэй-хилл вышел на Беркли-сквер. Если он не повидает отца до возвращения домой, ему не уснуть.

На Маунт-стрит его родители принимали из рук Блора белый глинтвейн особого изготовления - средство, гарантирующее сон.

- Кэтрин? - спросила леди Монт. - Корь?

- Нет, мама, мне нужно поговорить с отцом.

- Насчет это'о молодо'о человека... который переменял рели'ию? Мне все'да было при нем не по себе: он не боялся грозы, и вообще.

Майкл вытаращил глаза от удивления:

- Да, об Уилфриде.

- Эм, абсолютная тайна! - предупредил сэр Лоренс. - Ну, Майкл?

- Все правда. Он не хочет и не станет отрицать. Динни об этой истории знает.

- Что за история? - спросила леди Монт.

- Арабы-фанатики под страхом смерти принудили его стать ренегатом.

- Какая нелепость!

"Боже мой, почему бы всем не встать на такую же точку зрения?" мелькнуло в голове у Майкла.

- Итак, по-твоему, я должен предупредить Юла, что опровержения не последует? - мрачно произнес сэр Лоренс.

Майкл кивнул,

- Но ведь дело на этом не остановится, мой мальчик.

- Знаю. Он ничего не хочет слушать.
- Гроза, - неожиданно объявила леди Монт.
- Совершенно верно, мама. Он написал об этом поэму, и превосходную.

Завтра он посылает издателю новый сборник, в который включил и ее. Папа, заставьте Юла и Джека Масхема по крайней мере молчать. Им-то, в конце концов, какое дело?

Сэр Лоренс пожал худыми плечами, которые, несмотря на груз семидесяти двух лет, только-только начинали выдавать возраст баронета.

- Все сводится к двум совершенно различным вопросам, Майкл. Первый как обуздать клубные сплетни. Второй касается Динни и ее родных. Ты говоришь, что Динни знает; но ее родные, за исключением нас, не знают. Она не сказала нам; значит, им тоже не скажет. Это не очень красиво. Это даже не умно, - уточнил сэр Лоренс, не ожидая возражений, - так как все равно рано или поздно обнаружится и они никогда не простят Дезерту, что он женился, не сказав им правду. Я и сам бы не простил, - дело слишком серьезное.

- О'орчительное! - изрекла леди Монт. - Посоветуйтесь с Эдриеном.

- Лучше с Хилери, - возразил сэр Лоренс.

- Папа, во втором вопросе решающее слово, по-моему, за Динни, - вмешался Майкл. - Ей надо сообщить, что кое-какие слухи уже просочились. Тогда она или Уилфрид сами расскажут ее родным.

- Если бы только Динни позволила ему оставить ее! Не может же Дезерт настаивать на браке, когда в воздухе носятся такие слухи!

- Не думаю, что Динни оставит е'о, - заметила леди Монт. - Она слишком дол'о выбирала. Мечта всей юности!

- Уилфрид сказал, что считает себя обязанным оставить ее. Ах, черт побери!

- Вернемся к первому вопросу, Майкл. Я, конечно, могу попытаться, но сомневаюсь, что из этого будет толк, особенно если выйдет его поэма. Что она собой представляет? Оправдание?

- Скорей объяснение.

- Горькое и бунтарское, как его прежние стихи? Майкл утвердительно кивнул.

- Из сострадания они, пожалуй, еще промолчали бы, но с такой позицией ни за что не примирятся. Я знаю Джека Масхема. Бравада современного скепсиса для него ненавистней чумы.

- Не стоит гадать, что будет, но, по-моему, мы все обязаны оттягивать развязку как можно дольше.

- Уповайте на отшельника, - изрекла леди Монт. - Спокойной ночи, мой мальчик. Я иду к себе. Присмотрите за собакой, - ее еще не выводили.

- Ладно. Сделаю, что могу, - обещал сэра Лоренс.

Майкл получил материнский поцелуй, пожал руку отцу и удалился.

Он шел домой, а на сердце у него было тяжело и тревожно: на карте стояла судьба двух горячо любимых им людей, и он не видел выхода, который не был бы сопряжен со страданиями для обоих. К тому же у него не выходила из головы навязчивая мысль: "Как бы я вел себя в положении Уилфрида?" И чем дальше он шел, тем больше крепло в нем убеждение, что ни один человек не может сказать, как он поступил бы на месте другого. Так, ветреной и не лишенной красоты ночью Майкл добрался до Саутсквер и вошел в дом.

XI

Уилфрид сидел у себя в кабинете. Перед ним лежали два письма: одно он только что написал Динни, другое только что получил от нее. Он смотрел на моментальные снимки и пытался рассуждать трезво, а так как после вчерашнего визита Майкла он только и делал, что пытался рассуждать трезво, это ему никак не удавалось. Почему он выбрал именно эти критические дни для того, чтобы по-настоящему влюбиться, почему именно теперь осознал, что нашел того единственного человека, с которым мыслима постоянная совместная жизнь? Он никогда не думал о браке, никогда не предполагал, что может испытывать к женщине иное чувство, кроме мимолетного желанья, угасавшего, как только оно бывало удовлетворено. Даже в кульминационный момент своего увлечения Флер он не верил, что оно будет долгим. К женщинам он вообще относился с тем же глубоким скептицизмом, что и к религии, патриотизму и прочим общепризнанно английским добродетелям. Он считал, что прикрыт скептицизмом, как кольчугой, но в ней оказалось слабое звено, и он получил роковой удар. С горькой усмешкой он обнаружил, что чувство беспредельного одиночества, испытанное им во время того дарфурского случая, породило в нем произвольную тягу к духовному общению, которой так же произвольно воспользовалась Динни. То, что должно было их разобщить, на самом деле сблизило их.

После ухода Майкла он не спал до рассвета, снова и снова обдумывая положение и неизменно приходя к первоначальному выводу: когда точки над "и" будут поставлены, его непременно объявят трусом. Но даже это не имело бы для него значения, если бы не Динни. Что ему общество и его мнение? Что ему Англия и англичане? Предположим, они пользуются престижем. Но с большим ли основанием, чем любой другой народ? Война

показала, что все страны, равно как их обитатели, более или менее похожи друг на друга и одинаково способны на героизм и низость, выдержку и глупости. Война показала, что в любой стране толпа узколоба, не умеет мыслить здраво и чаще всего заслуживает только презрения. По природе своей он был бродягой, и если бы даже Англия и Ближний Восток оказались для него закрыты, мир все равно был широк, солнце светило во многих краях, звезды продолжали двигаться по орбитам, книги сохраняли свой интерес, женщины - красоту, цветы - благоухание, табак - крепость, музыка - власть над душой, кофе - аромат, лошади, собаки и птицы оставались теми же милыми сердцу созданиями, а мысль и чувство повсеместно нуждались в том, чтобы их облекали в ритмическую форму. Если бы не Динни, он мог бы свернуть свою палатку, уехать, и пусть досужие языки болтают ему вдогонку! А теперь он не может! Или все-таки может? Разве долг чести не обязывает его к этому? Вправе ли он обременить ее супругом, на которого будут показывать пальцем? Если бы она возбуждала в нем только вожделение, все было бы гораздо проще, - они утолили бы страсть и расстались, не причинив друг другу горя. Но он испытывал к ней совершенно иное чувство. Она была для него живительным источником, отысканным в песках, благовонным цветком, встреченным среди иссохших кустарников пустыни. Она вселяла в него то благоговейное томление, которое вызывают в нас некоторые мелодии или картины, дарила ему ту же щемящую радость, которую приносит нам запах свежескошенного сена. Она проливала прохладу в его темную, иссушенную ветром и зноем душу. Неужели он должен отказаться от нее из-за этой проклятой истории?

Когда Уилфрид проснулся, борьба противоречивых чувств возобновилась. Все утро он писал Динни и уже почти закончил письмо, когда прибыло ее первое любовное послание. И теперь он сидел, поглядывая на обе лежавшие перед ним пачки листов.

"Такого посылать нельзя, - внезапно решил он. - Все время об одном и том же, а слова пустые. Мерзость!" Он разорвал то, что было написано им, и в третий раз перечитал ее письмо. Затем подумал: "Ехать туда немислимо. Бог, король и прочее - вот чем дышат эти люди. Немислимо!",

Он схватил листок бумаги и написал:

"Корк-стрит. Суббота.

Бесконечно благодарен за письмо. Приезжай в понедельник к завтраку. Нужно поговорить.

Уилфрид".

Отослав Стэка с запиской на почту, он почувствовал себя спокойнее.

Динни получила его в понедельник утром и ощутила еще большее облегчение. Последние два дня она старательно избегала каких бы то ни было разговоров об Уилфриде и проводила время, выслушивая рассказы Хьюберта и Джин об их жизни в Судане, гуляя и осматривая деревья вместе с отцом, переписывая налоговую декларацию и посещая с родителями церковь. Никто ни словом не упомянул о ее помолвке, что было очень характерно для семьи, члены которой, связанные глубокой взаимной преданностью, привыкли бережно относиться к переживаниям близкого человека. Это обстоятельство делало всеобщее молчание еще более многозначительным.

Прочтя записку Уилфрида, Динни беспощадно сказала себе: "Любовные письма пишутся по-другому", - и объяснила матери:

- Уилфрид стесняется приехать, мама. Я должна съездить к нему и поговорить. Если смогу, привезу его. Если нет, устрою так, чтобы ты увиделась с ним на Маунт-стрит. Он долго жил один. Встречи с людьми стоят ему слишком большого напряжения.

Леди Черрел только вздохнула в ответ, но для Динни этот вздох был выразительнее всяких слов. Она взяла руку матери и попросила:

- Мамочка, милая, ну будь повеселее. Я же счастлива. Разве это так мало значит для тебя?

- Это могло бы значить бесконечно много, Динни.

Динни не ответила, - она хорошо поняла, что подразумевалось под словами "могло бы".

Девушка пошла на станцию, к полудню приехала в Лондон и через Хайдпарк направилась на Корк-стрит. День был погожий, весна, неся с собою сирень, тюльпаны, нежно-зеленую листву платанов, пение птиц и свежесть травы, окончательно вступала в свои права. Облик Динни гармонировал с окружающим ее всеобщим расцветом, но девушку терзали мрачные предчувствия. Она не сумела бы объяснить, почему у нее так тяжело на душе, в то время как она идет к своему возлюбленному, чтобы позавтракать с ним наедине. В этот час в огромном городе нашлось бы немного людей, которым открывалась бы столь радужная перспектива, но Динни не обманывала себя. Она знала: все идет плохо. Она приехала раньше времени и зашла на Маунт-стрит, чтобы привести себя в порядок. Блор сообщил, что сэра Лоренса нет, но леди Монт дома. Динни велела передать, что, возможно, будет к чаю.

На углу Бэрлингтон-стрит, где на нее, как всегда, пахнуло чем-то вкусным, Динни ощутила то особое чувство, которое появляется по временам у каждого человека и многим внушает веру в переселение душ:

ей показалось, что она уже существовала прежде.

"Это означает одно, - я что-то позабыла. Так и есть! Здесь же надо свернуть", - подумала она, и сердце ее усиленно забилося.

Динни чуть не задохнулась, когда Стэк открыл ей дверь. "Завтрак будет через пять минут, мисс". Черные глаза Стэка, слегка выкаченные, но тем не менее вдумчивые, крупный нос и благожелательно искривленные губы придавали ему такой вид, словно он выслушивал исповедь девушки, хотя исповедоваться ей пока что было не в чем. Он распахнул дверь в гостиную, закрыл ее за Динни, и она очутилась в объятиях Уилфрида. Этот долгий и радостный миг, равного которому она никогда не испытывала, разом рассеял все мрачные предчувствия. Он был таким долгим, что ей стало немножко не по себе: а вдруг Уилфрид не успеет вовремя разомкнуть руки? Она нежно шепнула:

- Милый, если верить Стэку, завтрак был готов еще минуту назад.

- Стэк не лишен такта.

Удар, неожиданный, как гром среди ясного неба, обрушился на девушку лишь после завтрака, когда они остались одни.

- Все раскрылось, Динни.

Что? Что раскрылось? Неужели? Девушка подавила порыв отчаяния.

- Каким образом?

- Эту историю привез сюда человек по имени Телфорд Юл. О ней ходят слухи у разных племен. Сейчас она, видимо, уже обсуждается на базарах, завтра будет обсуждаться в лондонских клубах, а еще через несколько недель меня начнут сторониться. Тут уже ничем не поможешь.

Динни молча поднялась, прижала голову Уилфрида к своему плечу, затем села рядом с ним на диван.

- Боюсь, ты не до конца отдаешь себе отчет... - мягко начал он.

- В том, что это меняет дело? Да, не отдаю. Это могло его изменить, когда ты сам рассказал мне обо всем. Но не изменило. Теперь и подавно не изменит.

- Я не имею права жениться на тебе!

- Оставь книжное геройство, Уилфрид! Зачем связывать себя мыслью о несчастье, которое еще не произошло?

- Ложный героизм вовсе не в моем характере, но, мне кажется, ты все-таки не отдаешь себе отчет...

- Отдаю, отдаю. Выпрямись и опять ходи в полный рост, а до тех, кто тебя не поймет, нам нет дела.

- Значит, тебе нет дела до твоих близких?

- Нет, есть.

- Но не предполагаешь же ты, что они поймут?

- Я заставлю их понять.

- Бедная моя девочка! Его спокойная нежность показалась Динни зловещим предзнаменованием. Уилфрид продолжал:

- Я не знаком с твоими, но если они действительно такие, как ты их описала, то не обольщайся, - они не порвут с наследственными убеждениями, не поднимутся над ними. Просто не смогут.

- Они любят меня.

- Тем нестерпимей будет им думать, что ты связана со мной.

Динни чуть-чуть отстранилась и подперла подбородок руками. Затем, не глядя на Дезерта, спросила:

- Ты хочешь отделаться от меня, Уилфрид?

- Динни!

- Нет, отвечай! Он притянул ее к себе. Наконец она сказала:

- Я верю тебе. Но раз ты не хочешь расстаться со мной, предоставь все мне. В любом случае незачем ускорять развязку. В Лондоне еще ничего не знают. Подождем, пока узнают. Я понимаю, что до этого ты на мне не женишься. Значит, я должна ждать. Потом увидим, что делать. Но ты и тогда не смей разыгрывать из себя героя, - это обошлось бы мне слишком, слишком дорого...

Динни обняла Уилфрида, и он не успел возразить.

Прижавшись щекой к его щеке, она тихо спросила:

- Хочешь, я стану совсем твоей до свадьбы? Если да, возьми меня.

- Динни!

- Находишь меня чересчур смелой?

- Нет. Просто подождем. Я слишком сильно благоговею перед тобой.

Девушка вздохнула.

- Может быть, так оно и лучше.

Затем спросила:

- Значит, ты согласишься, чтобы я сама рассказала моим?

- Я согласен на все, что ты сочтешь нужным.

- И не будешь возражать, если я захочу, чтобы ты встретился с кемнибудь из них?

Уилфрид кивнул в знак согласия.

- Я не прошу тебя приехать в Кондафорд... пока. Итак, все решено. Теперь рассказывай подробно, как ты об этом узнал.

Когда он закончил, Динни вдумчиво промолвила:

- Майкл и дядя Лоренс. Это облегчает задачу. А теперь я пойду, милый. Так лучше, - Стэк дома. Кроме того, я хочу подумать, а вблизи тебя я на это

не способна.

- Ангел! Она стиснула ему голову руками:

- Перестань воспринимать все трагически. Я тоже не буду. Поедем в четверг за город? Чудесно! У Фоша в полдень. И запомни, я не ангел, а твоя любимая.

Когда Динни спускалась по лестнице, у нее кружилась голова. Теперь, оставшись одна, девушка до ужаса ясно понимала, какое испытание предстоит им обоим. Неожиданно Динни свернула на Оксфорд-стрит. "Зайду поговорю с дядей Эдриеном", - решила она.

Эдриен сидел у себя в музее и предавался спокойным раздумьям о недавно выдвинутой гипотезе, согласно которой колыбелью Homo sapiens объявлялась пустыня Гоби. Идея была запатентована, выброшена на рынок и, по всей видимости, должна была войти в моду. Он размышлял о неустойчивости антропологических концепций, когда ему доложили о приходе племянницы.

- А, Динни! Я все утро проблуждал в пустыне Гоби и уже подумывал насчет чашки горячего чая. Что ты на это скажешь?

- От китайского чая у меня бывает икота, дядя.

- Мы не гонимся за так называемой роскошью. Моя дуэнья готовит мне добрый старый дуврский чай крупной резки. Кроме того, будут домашние булочки с изюмом.

- Великолепно! Я пришла сообщить вам, что отдала свое юное сердце.

Эдриен вытаращил глаза.

- История действительно жуткая. Поэтому я, с вашего позволения, сниму шляпу.

- Снимай, что хочешь, дорогая, - разрешил Эдриен. - Но прежде всего выпьем чаю. Вот и он.

Пока она пила чай, Эдриен смотрел на нее со спокойной улыбкой, терявшейся где-то между усами и козлиной бородкой. После трагической истории с Ферзом Динни в еще большей степени, чем раньше, олицетворяла для него идеал племянницы. К тому же он заметил, что она в самом деле встревожена.

Затем Динни уселась в единственное кресло, откинула голову назад, вытянула ноги, сложила вместе кончики пальцев и показала Эдриену такой воздушной, что он не удивился бы, если бы она улетела. Он с удовольствием остановил свой взгляд на шапке ее каштановых волос. Но по мере того, как девушка излагала ему свою историю, длинное лицо ее дяди вытягивалось все больше. Наконец она умолкла, но тут же попросила:

- Пожалуйста, дядя, не смотрите на меня так.

- А я смотрел?

- Да.

- Это не удивительно, Динни.

- Я хочу знать, как вы "отреагируете" (сейчас любят так выражаться) на поступок Уилфрида.

- Я лично? Никак. Я с ним не знаком и от суждений воздержусь.

- Я познакомлю вас, если вы ничего не имеете против.

Эдриен кивнул, и Динни прибавила:

- Можете сказать мне самое худшее. Что подумают и предпримут все остальные, кто его не знает?

- А как ты сама отреагировала, Динни?

- Я его знала.

- Всего неделю.

- И десять лет.

- Только не уверяй меня, что беглый взгляд и несколько слов, сказанных на свадьбе...

- Горчичное зерно, милый дядя! Кроме того, я прочла его поэму и по ней угадала, что он пережил. Он - неверующий. То, что с ним произошло, показалось ему просто чудовищной шуткой.

- Да, да, я читал его стихи. Скептицизм и культ красоты. Такой тип людей расцветает в результате долгих усилий нации, когда индивидуальность окончательно обесценена и государство отняло у нее все, что могло. Вот тут "я" и вылезает на первый план, посылая к черту И государство и моральные нормы. Я понимаю это, но... Ты ведь не бывала за границей, Динни?

- Нет, бывала. Правда, только в Италии, Париже и Пиренеях.

- Они в счет не идут. Ты никогда не бывала там, где Англии необходимо сохранять определенный престиж. В таких странах все англичане отвечают за одного и один за всех.

- Вряд ли он думал об этом в тот момент, дядя.

Эдриен взглянул на племянницу и покачал головой.

- Да, да, не думал, - настаивала Динни. - И слава богу, что не думал, иначе я никогда не увидела бы его. Разве человек обязан жертвовать собой во имя ложных ценностей?

- Не в том суть, дорогая. На Востоке, где религия до сих пор - все, переход в другую веру приобретает огромное значение. Ничто не роняет англичанина в глазах жителей Востока больше, чем отречение под пистолетом. Вот как стоял перед ним вопрос: "Настолько ли мне важно, какое мнение сложится о моей стране и моем народе, чтобы я предпочел

скорее умереть, чем унижить их?"

Динни помолчала, затем возразила:

- Я совершенно уверена, что Уилфрид предпочел бы смерть унижению своей страны, если бы речь шла о чем-нибудь другом. Но он просто не мог допустить, чтобы восточное представление об англичанах зависело от того, христианин он или нет.

- Это особая статья. Он ведь не только отрекся от христианства. Он принял ислам, сменив один набор суеверий на другой.

- Неужели вы не понимаете, дядя, что вся эта история казалась ему чудовищной шуткой?

- Нет, дорогая, не понимаю.

Динни откинулась в кресле, и Эдриен нашел, что вид у нее совершенно измученный.

- Ну, если уж вы не понимаете, никто не поймет. Я хочу сказать - никто из нашего круга.

У Эдриена защемило под ложечкой.

- Динни, у тебя за плечами двухнедельное увлечение, а впереди - вся жизнь. Ты сказала, что он готов отказаться от тебя. Уважаю его за это. Не лучше ли порвать - если уж не ради себя самой, так хоть ради него?

Динни улыбнулась:

- Дядя, вы ведь прославились тем, что бросаете друзей в беде. И вы так мало знаете о любви! Ждали каких-нибудь восемнадцать лет? Вам не смешно себя слушать?

- Смешно, - согласился Эдриен. - Не стану отрицать, слово "дядя" переубедило меня. И если бы я твердо знал, что Дезерт будет так же верен тебе, как ты ему, я сказал бы: "Идите своей дорогой, и да поможет вам бог не упасть под крестной ношей".

- Тогда вы просто обязаны познакомиться с ним.

- Да. Но помни: я видел людей, которые были влюблены так безоглядно, что разводились через год после брака. Я знал человека, настолько упоенного своим медовым месяцем, что еще через два дня он завел любовницу.

- Наше поколение не отличается такой пылкостью, - возразила Динни. Я столько раз видела в кино такие поцелуи, что во мне давно возобладало духовное начало.

- Кто в курсе дела?

- Майкл и дядя Лоренс, может быть, тетя Эм. Не знаю, стоит ли рассказывать в Кондафорде.

- Разрешите мне посоветоваться с Хилери. Он взглянет на вещи свежим

глазом и уж, конечно, не с ортодоксальной точки зрения.

- Разумеется, я не возражаю против дяди Хилери.

Динни встала:

- Значит, я могу привести к вам Уилфрида? Эдриен кивнул; затем проводил племянницу, снова подошел к карте Монголии, и безлюдная Гоби показалась ему цветущим розовым садом в сравнении с той пустыней, по которой брела его любимая племянница.

XII

Динни осталась обедать на Маунт-стрит, чтобы повидаться с дядей Лоренсом.

Она ждала его а кабинете и, когда он вошел, сразу же спросила:

- Дядя Лоренс, тетя Эм знает то, что известно вам и Майклу?

- Да, Динни. Как ты догадалась?

- Она была что-то уж очень сдержанна. Я все рассказала дяде Эдриену. Он, кажется, тоже находит, что Уилфрид уронил престиж Англии на Востоке. Что это вообще за престиж? Я думала, что нас всюду считают просто нацией удачливых лицемеров. А в Индии, кроме того, - высокомерными хвастунами.

Бровь сэра Лоренса задергалась.

- Ты смешиваешь репутацию народа с репутацией отдельных его представителей, а это совершенно разные вещи. На Востоке каждый англичанин рассматривается как человек, которого не возьмешь на испуг, который держит слово и умеет постоять за своих.

Динни вспыхнула: она поняла, на что намекал ее дядя.

- На Востоке, - продолжал сэр Лоренс, - англичанин, точнее британец, потому что он может быть и шотландцем, и валлийцем, и северным ирландцем, выступает обыкновенно как обособленная личность - путешественник, инженер, солдат, чиновник, частный человек, плантатор, врач, археолог, миссионер. Он почти всегда возглавляет небольшую самостоятельную группу и, сталкиваясь с трудностями, опирается на престиж англичанина вообще. Если один англичанин роняет свое достоинство, страдает репутация всех англичан, действующих обособленно. Наши это знают и считаются с этим. Вот к чему сводится проблема, и недооценивать ее не следует. Нельзя требовать, чтобы люди Востока, для которых религия значит многое, понимали то, что для многих из нас она ничего не значит. Англичанин для них убежденный христианин, и если он отрекается от своей веры, это истолковывается как отречение от самых дорогих для него убеждений.

- Тогда Уилфриду действительно нет оправдания в глазах людей, - сухо

согласилась Динни.

- Боюсь, что да, Динни, - по крайней мере, в глазах людей, правящих империей. Да и может ли быть иначе? Если бы этих обособленных англичан не объединяла полная взаимная уверенность в том, что ни один из них не поддастся нажиму, не побоится принять вызов и не подведет остальных, отказала бы вся машина. Ну, посуди сама!

- Я об этом не думала.

- Тогда поверь на слово. Майкл объяснил мне ход мыслей Дезерта, и с точки зрения человека неверующего, как, например, я сам, их нетрудно развить. Мне бы тоже безумно не хотелось погибнуть из-за такой вздорной причины. Но суть была не в ней, и если ты скажешь мне: "В тот момент он не понимал, что делает", - я, к сожалению, должен буду уточнить: "Не понимал из-за непомерной гордыни". А это не послужит ему оправданием, потому что гордыня - бич каждого, кто чему-то служит, да и вообще всего человечества. Это порок, навлекший, если помнишь, неприятности на Люцифера.

Динни, которая слушала, не сводя глаз с подергивающегося лица дяди, сказала:

- Просто поразительно, сколько может сделать человек, когда он один.

Сэр Лоренс недоуменно вставил в глаз монокль:

- Ты позаимствовала у тетки привычку перескакивать с одного на другое?

- Кто не встретил одобрения у мира, тот может обойтись и без него.

- "Отдать весь мир за любовь" - очень рыцарственный девиз, Динни, но его уже пробовали претворить в жизнь и сочли неосуществимым. Одностороннее самопожертвование - ненадежная основа совместной жизни, потому что оскорбляет другую сторону.

- Я не требую больше счастья, чем получает большинство людей.

- Я мечтал об иной участи для тебя, Динни.

- Обедать! - скомандовала леди Монт, появляясь в дверях. - Динни, есть у вас дома пылесос?

По дороге в столовую она пояснила:

- Теперь этой машиной стали чистить лошадей.

- Хорошо бы пройтись ею по людям, чтобы выбить из них страхи и предрассудки, - отозвалась Динни. - Впрочем, дядя Лоренс не одобрил бы такое предложение.

- А, значит вы по'оворили! Можете идти, Блор.

Когда дворецкий вышел, леди Монт прибавила:

- Я все думаю о твоём отце, Динни.

- Я тоже.

- Мне удавалось убеждать е'о. Но ты ведь ему дочь. А все-таки надо...

- Эм! - предостерег сэр Лоренс.

В столовую вошел Блор.

- Да, - объявила леди Монт, - обряды - это так тя'остно! Я нико'да не любила крестин. Только зря мучишь ребенка и суешь его в руки постороннему, а тому бы только купель да библия. А почему на купелях изображают папоротник? Нет, не на купелях, а на призовых кубках за стрельбу из лука. Дядя Катберт выи'рал однажды такой кубок, ко'да был викарием. Так принято. Все это очень о'орчительно.

- Тетя Эм, - сказала Динни, - пусть, мои мелкие личные дела никого не огорчают. Это все, чего я прошу. Если люди не станут огорчаться и беспокоиться из-за нас, мы с Уилфридом можем быть счастливы.

- Ты умница! Лоренс, передай это Майклу. Блор, хересу мисс Динни.

Динни пригубила херес и взглянула через стол на тетку. Вид ее действовал успокоительно - приподнятые брови, опущенные веки, орлиный нос и словно припудренная шевелюра над еще красивыми шеей, плечами и бюстом.

В такси, увозившем ее на Пэддингтонский вокзал, девушка так живо представила себе Уилфрида наедине с нависшей над ним угрозой, что чуть было не наклонилась, чтобы бросить шоферу: "На Корт-стрит". Машина сделала поворот. Прид-стрит? Да, видимо, так. Все горести мира рождаются из столкновения любви с любовью. Как все было бы просто, если бы родные Динни не любили ее, а она не любила их!

Носильщик спросил:

- Прикажете помочь, мисс?

- Благодарю, я без вещей.

В детстве она мечтала выйти замуж за носильщика! Потом за своего учителя музыки, выписанного из Оксфорда. Он ушел на фронт, когда ей было десять. Динни купила журнал и села в поезд, но усталость так разморила ее, что она сразу же прикорнула в углу на скамейке, - вагон был третьего класса, так как железнодорожные поездки тяжким бременем ложились на почти всегда пустой кошелек девушки. Она откинула голову назад и уснула.

Когда Динни вылезла на своей станции, луна уже вошла и наступила ночь, ветреная и благоуханная. Домой предстояло возвращаться пешком. Было достаточно светло, и девушка решила пойти напрямик. Она проскользнула через живую изгородь и двинулась тропинкой через поле. Ей вспомнилась та ночь, почти два года тому назад, когда, вернувшись тем же

поездом, она привезла новость об освобождении Хьюберта и застала отца в кабинете, где он сидел не в силах заснуть, измученный и поседевший. На сколько лет он помолодел, когда она принесла ему добрую весть! А теперь она везет новость, которая причинит ему боль. Именно объяснение с отцом больше всего пугало девушку. С матерью - пожалуйста! Конечно, та, несмотря на свою доброту, упряма, но женщина все-таки меньше верит в непререкаемость слова "нельзя", чем мужчина. Хьюберт? В былое время она прежде всего посчиталась бы с ним. Странно, но теперь он для нее потерян. Он, разумеется, ужасно расстроится, - он же непреклонен во всем, что касается его взглядов на "правила игры". Что ж, пусть. Его неудовольствие она перенесет. Но отец! Нечестно причинить ему такое горе после сорока лет службы.

От изгороди к стогам метнулась коричневая сова. Совы любят лунные ночи. Сейчас в тихой мгле прозвучит жуткий вопль пойманной жертвы. И все-таки как можно не любить сов, их неслышный, плавный и быстрый полет, их мерный и зловещий крик? Еще один перелаз, и девушка была уже в своих владениях. На поле возвышался сарай, где находил себе по ночам пристанище старый строевой конь ее отца. Кто это сказал - Плутарх или Плиний: "Я не продал бы даже старого вола, на котором пахал". Кто бы ни сказал хороший человек! Грохот поезда уже замер вдали, всюду царила тишина, слышался лишь шелест молодой листвы под ветром и топот старого Кысмета в сарае. Девушка пересекла еще одно поле и вышла к узкому бревенчатому мостику. Ночь была так же сладостна, как чувство, которое теперь ни на минуту не покидало Динни. Она перебралась через деревянный настил и вошла под сень яблонь. Они, казалось, жили своей, особой, радостной жизнью между нею, ступавшей по земле, и залитым луною небом, где под ветром бежали облака. Казалось, деревья дышат и безмолвно поют, прославляя свои распускающиеся цветы. Они сверкали тысячами побелевших ветвей самой причудливой формы и были прекрасны, словно каждую из них изваял и залил звездным светом какой-то страстно влюбленный в свое ремесло безумец. Так бывало здесь каждую весну на протяжении многих сотен лет. В такую лунную ночь мир всегда кажется полным чудес, но больше их всех Динни потрясало ежегодно свершавшееся чудо цветения яблонь. Она остановилась между их старых стволов, вдыхая воздух, пропитанный запахом мшистой коры, и ей припомнилась вся чудесная природа Англии. Горные луга и поющие над ними жаворонки; тихий шум капель, стекающих с листвы после дождя, когда проглядывает солнце; дрок на пустошах, где гуляет ветер; лошади, которые прочерчивают длинные рыжие борозды, поворачивают обратно и

снова поворачивают, реки, то прозрачные, то зеленоватые в тени склоненных над водой ив; соломенные крыши, над которыми курится дымок; скошенные травы, золотистые поля пшеницы, голубые дали и вечно изменчивое небо, - все это, как драгоценные камни, светилось в памяти девушки, и все это затмевалось белым чародейством весны. Динни заметила, что насквозь промочила туфли и чулки, - высокую траву обильно увлажняла роса. Было достаточно светло, чтобы разглядеть в траве звездочки жонкилей, гроздья гиацинтов и пока еще неяркие чашечки тюльпанов. Встречались еще белые буквицы, колокольчики и баранчики, но их было немного. Динни, осторожно ступая, поднялась вверх по склону, вышла изпод деревьев и опять на минуту остановилась, чтобы окинуть взглядом кипящую позади белизну. "Все словно с луны упало, - подумала она. - Боже, мои лучшие чулки!"

Через обнесенный невысокой стеной цветник и лужайку девушка приблизилась к террасе. Скоро двенадцать. В нижнем этаже светится только окно в кабинете отца. До чего похоже на ту ночь!

"Не скажу ему", - решила Динни и постучала в окно.

Отец впустил ее:

- Хэлло, Динни! Ты не осталась на Маунт-стрит?

- Нет, папа. Я больше не в силах брать займы чужие ночные рубашки.

- Садись, выпьем чаю. Я как раз собирался заварить.

- Дорогой, у меня ноги до колен мокрые, - я прошла садом.

- Снимай чулки. Вот тебе старые шлепанцы.

Динни стянула чулки и сидела, созерцая свои освещенные лампой ноги. Генерал разжигал спиртовку. Он не терпел, чтобы за ним ухаживали. Девушка смотрела, как он, наклонившись, хлопчет над чайной посудой, и думала, какие у него быстрые и точные движения, как ловки длинные пальцы его смуглых рук, поросших короткими черными волосами. Он выпрямился и, не шевелясь, следил за разгоравшимся пламенем.

- Пора сменить фитиль, - заметил он. - Похоже, что в Индии нас ждут неприятности.

- Она, кажется, начинает доставлять нам их столько, что уже не окупает их.

Генерал повернул к дочери лицо с высоко посаженными, но в меру широкими скулами. Глаза его остановились на ней, тонкие губы под седыми усиками улыбнулись.

- Это часто случается с имуществом, отданным во временное пользование. У тебя красивые ноги, Динни.

- Неудивительно, папа, если вспомнить, какие у меня родители.

- Мои хороши только в сапогах. Чересчур жилистые. Пригласила ты мистера Дезерта?

- Пока что нет.

Генерал сунул руки в карманы. После обеда он снял смокинг и был теперь в старой охотничьей куртке табачного цвета. Динни заметила, что манжеты у нее обтрепались и одной кожаной пуговицы недостает. Темные высокие брови отца сдвинулись к переносице, посередине лба обозначились три морщинки. Наконец он мягко сказал:

- Знаешь, Динни, не понимаю я, как можно отказаться от своей религии... С молоком или с лимоном?

- Лучше с лимоном.

"А почему бы не сейчас? Ну, смелей!" - решила девушка.

- Два кусочка?

- Три, папа, - я же пью с лимоном.

Генерал взял щипцы. Он опустил в чашку три кусочка сахара, затем ломтик лимона, положил на место щипцы и нагнулся над чайником.

- Закипел, - объявил он, налил чашку, насыпал туда полную ложечку чая, вынул ее и подал чашку дочери.

Динни сидела, потягивая прозрачную золотистую жидкость. Затем сделала глоток, опустила чашку на колени и подняла глаза на отца.

- Я тебе все объясню, папа, - сказала она и подумала: "После моих объяснений он окончательно перестанет что-нибудь понимать".

Генерал наполнил свою чашку и сел. Динни стиснула пальцами ложечку:

- Видишь ли, когда Уилфрид был в Дарфуре, он попал в руки фанатиков-арабов, которые держатся там со времен махди. Их начальник приказал привести пленника к себе в палатку и объявил, что сохранит ему жизнь, если тот примет ислам.

Девушка увидела, что рука отца конвульсивно сжалась. Чай плеснул на блюдечко. Генерал поднял чашку и слил чай обратно. Динни продолжала:

- Уилфрид такой же неверующий, как большинство из нас, только относится к религии гораздо непримиримее. Он не только не верит в христианского бога, но решительно ненавидит религию в любой ее форме, считая, что она разобщает людей и приносит больше вреда и страданий, чем что бы то ни было. И потом, ты знаешь... вернее, знал бы, если бы прочел его стихи, что война оставила в нем глубокий и горький след: он нагляделся, как швыряются человеческой жизнью. Просто выплескивают ее, как воду, по приказу тех, кто сам не понимает, чего хочет.

Рука генерала снова конвульсивно дернулась.

- Папа, Хьюберт рассказывал то же самое. Я ведь слышала. Во всяком случае, война научила Уилфрида ненавидеть все, что попусту губит жизнь, и вселила в него глубочайшее недоверие ко всяким красивым словам и прописным истинам. Ему дали пять минут на размышление. Это была не трусость, а горькое презрение. Он не захотел примириться с тем, что люди могут лишать друг друга жизни ради верований, которые казались ему в равной степени бессмысленными. Он пожал плечами и согласился. А согласившись, должен был сдержать слово и пройти через установленные обряды. Конечно, ты его не знаешь. Поэтому бесполезно объяснять.

Динни вздохнула и одним глотком допила чай.

Генерал отставил свою чашку. Он встал, набил трубку, раскурил ее и подошел к камину. Его морщинистое лицо помрачнело и стало еще более темным. Наконец он сказал:

- Это выше моего понимания. Значит, религия, которой веками придерживались наши отцы, ничего не стоит? Значит, по приказу какого-то араба можно послать к черту все то, что сделало нас самой гордой нацией на свете? Значит, такие люди, как Лоуренсы, Джон Николе он, Чемберлен, Сендмен и тысячи других, отдавших свою жизнь во имя того, чтобы весь мир считал англичан смелыми и верными людьми, могут быть сброшены со счетов любым англичанином, которого припугнут пистолетом?

Чашка Динни заходила по блюдцу.

- Пусть даже не любим, а хотя бы одним. На каком основании, Динни?

Динни не ответила, - ее била дрожь. Ни Эдриен, ни сэр Лоренс не вызвали у нее такой острой реакции: она в первый раз была задета и растрогана тем, с кем спорила. Отец затронул в ней какую-то древнюю струну, а может быть, ее заразило волнение дорогого ей человека, которым она всегда восхищалась и который был всегда чужд красноречия. У девушки не находилось слов.

- Не знаю, верующий ли я, - снова заговорил генерал. - С меня довольно веры моих отцов.

Он махнул рукой, словно добавив: "Мое дело, конечно, сторона", - и продолжал:

- Я не мог бы подчиниться такому насилию. Да, не мог бы и не могу понять, как мог он.

Динни тихо ответила:

- Я не стану больше ничего объяснять, папа. Будем считать, что ты не понял. Почти каждый человек совершает в жизни такие поступки, которых окружающие не могли бы понять, если бы узнали о них. Вся разница в том, что поступок Уилфрида известен.

- Ты хочешь сказать, что стала известна угроза... причина, по которой...
Динни кивнула.

- Каким образом?

- Некий мистер Юл привез эту историю из Египта; дядя Лоренс считает, что замять ее не удастся. Я хочу, чтобы ты был готов к самому худшему.

Динни взяла в руку свои мокрые чулки и туфли:

- Папа, не поговорить ли мне вместо тебя с мамой и Хьюбертом? Она встала.

Генерал глубоко затянулся, в трубке всхлипнуло.

- Пора почистить твою трубку, милый. Завтра я этим займусь.

- Он же превратится в парию! - вырвалось у генерала. - Динни, Динни! Никакие слова не могли бы вернее потрясти и обезоружить девушку, чем два эти короткие возгласа. Динни разом забыла о себе, опять стала альтруисткой и отказалась от возражений.

Она закусил губу и сказала:

- Папа, я разревусь, если останусь. И у меня очень озябли ноги. Спокойной ночи.

Динни повернулась, быстро направилась к двери и с порога оглянулась: ее отец дрожал, как лошадь, которую остановили на всем скаку.

Девушка поднялась к себе и села на кровать, потирая замерзшие ноги одну об другую. Все сказано. Теперь остается только преодолеть ту стену глухого сопротивления, которой отныне окружают ее родные и через которую она должна перебраться, чтобы отстоять свое счастье. И чем дольше она сидела, растирая ноги, тем больше удивлялась тому, что слова отца встретили тайное сочувствие в ее душе, ни в коей мере не умалив ее чувства к Уилфриду. Значит, между любовью и разумом действительно нет ничего общего? Значит, древний образ слепого бога в самом деле исполнен правды? Значит, правда и то, что недостатки любимого человека делают его еще дороже для нас? Это, видимо, объясняется той неприязнью, которую вызывают к себе чересчур положительные герои в книгах, бунтом против героической позы, раздражением при виде вознагражденной добродетели.

"Зависит ли все от того, что нравственный уровень моей семьи выше моего, или мне просто нужно, чтобы Уилфрид был рядом со мной, и безразлично, кто он и как поступает, раз он со мной?" - подумала Динни и внезапно ощутила необъяснимую уверенность в том, что знает Уилфрида насквозь, со всеми его ошибками и недостатками и какими-то особыми искупающими и восполняющими их свойствами, которые никогда не дадут угаснуть ее любви к нему. Только эти его свойства и представлялись ей

загадочными. "Дурное я чувю инстинктом, а разумом постигаю лишь добро, правду и красоту", - решила девушка и легла в постель, не раздеваясь; она была вконец разбита усталостью.

XIII

Брайери, ройстонская резиденция Джека Масхема, представляла собой здание старомодное, низкое и непритязательное снаружи, зато комфортабельное внутри. Оно было увешано головами скаковых лошадей и эстампами спортивного содержания. Только одна из комнат, ныне почти всегда пустовавшая, сохранила следы прежнего образа жизни владельца поместья.

"В ней, - как писал один американский журналист, приехавший к "последнему денди" за интервью о чистокровках, - собраны предметы, свидетельствующие о том, что в былое время этот аристократ посетил наш великолепный Юго-Запад: навахские ковры и серебряные изделия, заплетенная конская грива из Эль Пасо, огромные ковбойские шляпы и выложенная ' серебром мексиканская сбруя.

Я расспросил хозяина об этом периоде его жизни.

- О! - ответил он, растягивая слова, как это любят делать англичане, - в молодости я пять лет служил ковбоем. У меня, видите ли, с детства всегда была одна страсть - лошади, и мой отец счел, что мне будет полезней пасти у вас стада, чем тратить здесь время на скачки с препятствиями.

- Не могли бы вы уточнить даты? - попросил я этого высокого худощавого патриция с зоркими глазами и томными манерами.

- Отчего же? Я вернулся обратно в тысяча девятьсот первом и с тех пор непрерывно, если не считать войны, занимаюсь разведением чистокровок.

- А во время войны? - поинтересовался я.

- О! - процедил он, и я почувствовал, что кажусь ему навязчивым, обычная история: сначала территориальная кавалерия, потом регулярный полк, окопы и все прочее.

- Скажите, мистер Масхем, понравилось ли вам у нас? - спросил я.

- Понравилось ли? Я, знаете ли, просто был в восторге! - ответил он".

Интервью, опубликованному в одной из газет американского Запада, был предпослан заголовок:

БРИТАНСКИЙ ДЕНДИ В ВОСТОРГЕ ОТ ЖИЗНИ НА НАШЕМ ЮГЕ

Конский завод располагался в доброй миле от Ройстона, и точно без четверти десять утра, если только Джек Масхем не уезжал на скачки, торги или еще куда-нибудь, он садился на своего пони-иноходца и отбывал в то

место, которое журналист окрестил "конским питомником". Джек Масхем любил демонстрировать своего пони, чтобы показать, чего можно добиться от лошади, если никогда не повышать на нее голос. Это была умная, на три четверти кровная кобылка-трехлетка мышиной масти и с такими крапинами, словно на нее кто-то опрокинул бутылку чернил и не сумел дочиста отмыть пятна. Белой у нее была только подпалина в форме полумесяца на лбу; гриву лошадке подстригали коротко, а ее длинный хвост опускался ниже подколенок. Глаза у нее были веселые и кроткие, а зубы - для лошади - прямо-таки жемчужные. На ходу она почти не вскидывала ног и, сбившись с аллюра, легко брала его снова. Рот ее не оскверняли уздечкой и перед ездой просто набрасывали ей на шею поводья. Рост ее составлял четырнадцать с половиной пядей, ноги Масхема, которому приходилось сильно отпускать стремяна, свисали довольно низко. Он утверждал, что ездить на ней - все равно что сидеть в покойном кресле. Кроме него самого, иметь с ней дело разрешалось лишь одному мальчику жокею, выбранному за спокойные руки, голос, нервы и характер.

Джек Масхем слезал с пони у ворот образованного конюшнями квадратного двора и входил, держа в зубах янтарный мундштучок с сигаретой, - сигареты изготовляли для него по особому заказу. У лужайки в центре двора его встречал управляющий. Джек бросал сигарету, обходил конюшни, где в стойлах содержались матки с жеребятами и однолетки, или давал распоряжение вывести ту или иную лошадь для проминки на дорожку, которая шла мимо конюшни, опоясывая двор. Закончив осмотр, Джек Масхем и управляющий проходили через арку на задней стороне двора, как раз напротив ворот, и направлялись к загонам, где на свободе резвились матки, жеребята и однолетки. Дисциплина в конском питомнике Джека была образцовой; служащие его были так же спокойны, опрятны и вышколены, как и лошади, вверенные их попечениям. С момента приезда на завод и до той минуты, когда он отбывал обратно на своем пони мышиной масти, Джек говорил только о лошадях спокойно и деловито. Каждый день ему приходилось сталкиваться с таким количеством неотложных мелочей, что он редко возвращался домой раньше часа. Он никогда не пускался в обсуждение теоретических проблем коневодства с управляющим, несмотря на солидные познания этого должностного лица, потому что для Джека Масхема лошади были предметом такой же политики, как внешние сношения его страны для министра иностранных дел. Его решения о том, с каким производителем спарить ту или иную матку, принимались единолично и основывались на тщательном изучении вопроса, подкрепленном тем, что он сам назвал бы чутьем, а другие -

предубеждениями. Звезды падали с неба, премьер-министры возводились в дворянское достоинство, эрцгерцоги восстанавливались в наследственных правах, землетрясения и всяческие иные катаклизмы сметали города, а Джек Масхем все так же занимался скрещиванием мужских потомков Сен-Симона и Ласточки с законными наследниками Хэмптона и Золотой Опояски или же, опираясь на более оригинальную теорию собственного изобретения, случал отпрысков старого Ирода с наследниками Де Санси, к родословному дереву которых у корня и у вершины были сделаны прививки за счет крови Карабина и Баркалдайна. Джек Масхем в сущности представлял собою мечтателя. Его идеал - выведение совершенной лошади, вероятно, был столь же неосуществим, как все другие идеалы, но, по крайней мере для самого Масхема, гораздо более привлекателен, хотя он никогда не высказывал этого вслух: о таких вещах не говорят! Он никогда не заключал пари, и поэтому земные страсти не влияли на его суждения. Высокий, в темно-коричневом, подбитом верблюжьей шерстью пальто, в буро-коричневых замшевых ботинках и с таким же буро-коричневым цветом лица, он был, пожалуй, самой заметной фигурой в Ньюмаркете. Только три члена Жокей-клуба соперничали с ним в авторитетности своих мнений. По существу Джек Масхем являл собой наглядный пример того высокого положения, какого может достичь на жизненном пути человек, безраздельно, молча и преданно посвятивший себя служению одной-единственной цели. Идеал "совершенной лошади" был поистине наиболее полным выражением души Джека Масхема. Будучи одним из последних приверженцев внешней формы в век всеобщего потрясения основ, он перенес свою любовь к ней на лошадь. Объяснялось это отчасти тем, что судьба скаковой лошади неотделима от генеалогии чистокровных пород, отчасти тем, что это животное олицетворяет собою гармоническую соразмерность; отчасти и тем, что культ его служил Джеку Масхему прибежищем, куда он бежал от грохота, беспорядка, мишуры, крикливости, безграничного скепсиса и шумной назойливости эпохи, которую он именовал "веком ублюдков".

В Брайери было двое слуг, выполнявших всю работу по дому, кроме уборки, для которой приходила поденщица. За исключением последней, ни - что в Брайери не напоминало о существовании на земле женщин. Здание отличалось тем монашеским обликом, который характерен для клубов, обходящихся без женской прислуги, но было меньше их и потому комфортабельнее. Потолки в первом из двух этажей были низкие; наверху, куда вели две широкие лестницы, - еще ниже. Книжки, если отбросить бесчисленные тома, посвященные скаковой лошади, охватывали

исключительно три жанра: путешествия, историю, детектив. Романы с их скептицизмом, жаргонной речью, описаниями, сентиментальностью и сенсационными выводами отсутствовали полностью, и лишь собрания сочинений Сертиза, УайтМелвила и Теккеря не подпали под общее правило.

Погоня людей за идеалом неизбежно приобретает легкую, но спасительную ироническую окраску. Так было и с Джеком Масхемом. Задавшись целью вывести идеально чистокровную лошадь, он по существу стремился отместить все, ранее считавшиеся безусловными, признаки чистокровности, начиная с морды и кончая крупом, и создать животное такой смешанной крови, какого еще не знала "Родословная книга племенных производителей и маток".

Не отдавая себе отчета в противоречивости своих стремлений, Джек Масхем обсуждал за завтраком с Телфордом Юлом вопрос о переброске кобыл из Аравии, когда слуга доложил о сэре Лоренсе Монте.

- Позавтракаешь с нами, Лоренс?

- Уже завтракал, Джек. Впрочем, от кофе не откажусь. От рюмки бренди тоже.

- Тогда перейдем в другую комнату.

- У тебя здесь настоящая холостяцкая квартира времен моей юности, какую я уже не надеялся еще раз увидеть, - объявил баронет. - Джек - поразителен, мистер Юл. Человек, который в наши дни смеет идти не в ногу со временем, - гений. Что я вижу? Полные Сертиз и Уайт-Мелвил! Вы помните, мистер Юл, что сказал мистер Уафлз во время "увеселительной поездки" мистера Спонджа, когда они держали Кейнджи за пятки, чтобы у того из сапог и карманов вытекла вода?

Ироническая мордочка Юла расплылась в улыбке, но он промолчал.

- Так и есть! - воскликнул сэр Лоренс. - Теперь этого никто не знает. Он сказал: "Кейнджи, старина, ты выглядишь, как вареный дельфин под соусом из петрушки". А что ответил мистер Срайер в "Маркет Харборо", когда достопочтенный Крешер подъехал к заставе и осведомился: "Ворота, я полагаю, открыты?"

Лицо Юла расплылось еще больше, словно было сделано из резины, но он по-прежнему молчал.

- Ай-ай-ай! Ты, Джек?

- Он ответил: "А я не полагаю".

- Молодец! - Сэр Лоренс опустил в кресло. - Кстати говоря, ворота были действительно закрыты. Ну, организовали вы похищение той кобылы? Великолепно. А что будет, когда ее привезут?

- Я пушу ее к наиболее подходящему производителю. Затем скрещу жеребенка с наиболее подходящим производителем или маткой, каких только сумею подыскать. Затем случу их потомство с лучшей из наших чистокровок того же возраста. Если окажется, что я прав, я смогу внести моих арабских маток в "Родословную книгу". Между прочим, я пытаюсь раздобыть не одну, а трех кобыл.

- Джек, сколько тебе лет?

- Около пятидесяти трех.

- Прости, что спросил. Кофе у тебя хороший.

Затем все трое помолчали, выжидая, пока выяснится истинная цель визита. Наконец сэр Лоренс неожиданно объявил:

- Мистер Юл, я приехал по поводу истории с молодым Дезертом.

- Надеюсь, это неправда?

- К несчастью, правда. Он и не пытается скрывать.

И, направив свой монокль на лицо Джека Масхема, баронет увидел на нем именно то, что рассчитывал увидеть.

- Человек обязан соблюдать внешние формы, даже если он поэт, - с расстановкой произнес Джек Масхем.

- Не будем обсуждать, что хорошо и что плохо, Джек. Я готов согласиться с тобой. Дело не в этом. - В голосе сэра Лоренса зазвучала непривычная торжественность. - Я хочу, чтобы вы оба молчали. Если эта история всплывет, тогда уж ничего не поделаешь, но пока что я прошу, чтобы ни один из вас не вспоминал о ней.

- Мне этот парень не нравится, - кратко ответил Масхем.

- То же самое приложимо по меньшей мере к девяти десяткам людей, которых мы встречаем. Довод недостаточно веский.

- Он один из пропитанных горечью современных молодых скептиков, лишенных подлинного знания жизни и не уважающих ничего на свете.

- Знаю, Джек, ты - защитник старины, но ты не должен привносить сюда свои пристрастия.

- Почему?

- Не хотел я рассказывать, но придется. Он помолвлен с моей любимой племянницей Динни Черрел.

- С этой милой девушкой!

- Да. Помолвка не по душе никому из нас, кроме Майкла, который до сих пор боготворит Дезерта. Но Динни держится за него, и, думаю, ее ничем не заставишь отступить.

- Она не может стать женой человека, от которого все отвернутся, как только его поступок получит огласку.

- Чем больше будут его сторониться, тем крепче она будет держаться за него.

- Люблю таких, - объявил Масхем. - Что скажете вы. Юл?

- Дело это не мое. Если сэру Лоренсу угодно, чтобы я молчал, я буду молчать.

- Разумеется, это не наше дело. Но если бы огласка могла остановить твою племянницу, я бы его разгласил. Черт знает какой позор!

- Результат был бы прямо противоположный, Джек. Мистер Юл, вы ведь хорошо знакомы с прессой. Предположим, что историей Дезерта займется газета. Это вполне возможно. Как они себя поведут?

Глаза Юла сверкнули.

- Сначала они туманно сообщат о некоем английском путешественнике; затем выяснят, не опровергнет ли Дезерт слухи; затем расскажут уже конкретно о нем, по обыкновению исказив целую кучу деталей, что печально, но все-таки менее прискорбно, чем вся эта история. Если Дезерт признает факт, то возражать уже не сможет. Пресса в общем ведет себя честно, хотя чертовски неточна.

Сэр Лоренс кивнул:

- Будь я знаком с человеком, который собирается стать журналистом, я сказал бы ему: "Будь абсолютно точен и будешь в своем роде уникалом". С самой войны я не встречал в газетах заметки, которая касалась бы личностей и была при этом достаточно точной.

- Такая уж у газет тактика, - пояснил Юл. - Наносят двойной удар: сперва неточное сообщение, потом поправки.

- Ненавижу газеты! - воскликнул Масхем. - Был у меня как-то американский журналист, вот тут сидел. Я его чуть не выставил. Уж не знаю, как он меня там расписал.

- Да, ты отстал от века, Джек. Для тебя Маркони и Эдисон - два величайших врага человечества. Значит, относительно Дезерта договорились?

- Да, - подтвердил Юл.

Масхем кивнул головой.

Сэр Лоренс быстро переменял тему:

- Красивые тут места. Долго пробудете здесь, мистер Юл?

- Мне надо быть в городе к вечеру.

- Разрешите вас подвезти?

- С удовольствием.

Они выехали через полчаса.

- Мой кузен Джек Масхем должен остаться в памяти нации. В

Вашингтоне есть музей, где под стеклом стоят группы, изображающие первых обитателей Америки. Они курят из одной трубки, замахиваются друг на друга томагавками и так далее. Следовало бы экспонировать и Джека...

Сэр Лоренс сделал паузу.

- Вот тут возникает трудность. В какой позе законсервировать Джека? Увековечить невыразимое всегда сложно. Схватить то, что носится в воздухе, сумеет каждый. А как быть, если поза вечно одна и та же - настороженная томность, и к тому же у человека осталось свое собственное божество.

- Внешняя форма, и Джек Масхем ее пророк.

- Его, конечно, можно было бы представить дерущимся на дуэли, - задумчиво продолжал сэр Лоренс. - Дуэль - единственный человеческий акт, при котором полностью соблюдаются все внешние формы.

- Они обречены на исчезновение, - отрезал Юл.

- Гм, так ли? Нет ничего труднее, чем убить чувство формы. Что такое жизнь, как не чувство формы, мистер Юл? Сведите все на свете к мертвому единообразию, форма останется даже тогда.

- Верно, - согласился Юл. - Но культ внешней формы доводит это чувство до совершенства и стандарта, а совершенство давно приелось нашим блестящим юнцам.

- Удачно сказано! Но разве они существуют и в жизни, а не только в книгах?

- А как же! Существуют и, выражаясь их же словечком, чихают на все. Да я лучше соглашусь до смерти кормиться в бесплатных столовых для безработных, чем хоть раз провести конец недели в обществе таких блестящих юнцов!

- Я что-то не сталкивался с ними, - усомнился сэр Лоренс.

- Тогда возблагодарите господа. И днем, и ночью, и даже совокупляясь, они заняты одним - разговорами.

- Вы, кажется, их недолюбливаете?

- Еще бы! - выдавил Юл и стал похож на изваяние средневековой химеры. - Они не выносят меня, а я их. Надоедливая, хотя, к счастью, немногочисленная шайка!

- Надеюсь, Джек не впал в ошибку и не принял молодого Дезерта за их собрата? - осведомился сэр Лоренс.

- Масхем никогда не встречал блестящих юнцов. Нет, его просто раздражает лицо Дезерта. Оно у него чертовски странное.

- Падший ангел! Гордыня - враг мой! - сказал сэр Лоренс. - В нем есть

что-то прекрасное.

Юл утвердительно кивнул головой:

- Лично я ничего против него не имею. И стихи он пишет хорошие. Но Масхем каждого бунтаря готов предать анафеме. Он любит интеллект с заплетенной гривой, выезженный и послушный узде.

- Мне кажется, что они с Дезертом могли бы столкнуться, если бы предварительно обменялись парой выстрелов. Станный народ мы, англичане! - заключил сэр Лоренс.

XIV

Когда примерно в тот же час дня Эдриен, направляясь к брату, пересекал убогую улочку, которая вела к дому викария прихода святого Августина в Лугах, он увидел в шестом подъезде от угла картину, достаточно полно характеризующую англичан.

Перед этим лишенным будущего домом стояла санитарная карета, и на нее глазели все окрестные жители, которым она пока еще была не нужна. Эдриен присоединился к кучке зрителей. Два санитар и сестра вынесли из жалкого здания безжизненно вытянувшегося ребенка; за ними выскочили краснолицая женщина средних лет и бледный мужчина с обвислыми усами, рычащий от ярости.

- Что тут происходит? - спросил Эдриен полисмена.

- Ребенка нужно оперировать. А эти орут, словно его не лечить, а резать собираются. А, вот и викарий! Ну, уж если он их не уймет, тогда никому не справиться.

Эдриен заметил брата. Тот вышел из дома и приблизился к бледному мужчине. Рычание прекратилось, но женщина завопила еще громче. Ребенка положили в автомобиль; мать неуклюже рванулась к задней дверце машины.

- Рехнулись они, что ли? - удивился полисмен и шагнул вперед.

Эдриен увидел, как Хилери опустил руку на плечо женщины. Та обернулась" видимо собираясь издать громогласное проклятие, но ограничилась тихим хныканьем. Хилери взял ее под руку и неторопливо повел в дом. Карета тронулась. Эдриен подошел к бледному человеку и предложил ему сигарету. Тот принял ее, сказал: "Благодарю, мистер", - и последовал за женой.

Все закончилось. Кучка зрителей рассеялась, остался один полисмен.

- Наш викарий - просто чудо! - воскликнул он.

- Это мой брат, - сообщил Эдриен.

Полисмен взглянул на него гораздо почтительнее, чем раньше.

- Викарий - редкий человек, сэр.

- Согласен с вами. А ребенок очень плох?

- Без операции до ночи не доживет. Родители как нарочно тянули до последнего. Еще счастье, что викарий оказался поблизости. Бывают же такие - скорей помрут, чем лягут в больницу, а уж детей и подавно туда не пустят.

- Чувство независимости, - пояснил Эдриен. - Я их понимаю.

- Ну, раз уж вы так рассуждаете, сэр, мне приходится соглашаться, но все-таки странно: живут они жутко, а в больнице им дают все самое лучшее.

- Смирение - паче гордости, - процитировал Эдриен.

- И то верно. По-моему, они сами виноваты в том, что существуют трущобы. Здесь кругом самые трущобные кварталы, а попробуйте людей с места тронуть, - они вам покажут. Викарий вот затеял реконструкцию домов вроде бы так это называется. Хорошее дело! Я схожу за ним, если он вам нужен.

- Ничего, я подожду.

- Удивительно, чего только люди не терпят, чтобы никто в их жизнь не лез! - продолжал полисмен. - Эй, парень, проваливай! Нашел место, где харкать!

Человек с ручной тележкой, который сложил губы так, словно собирался выкрикнуть: "Ух ты!" - мгновенно изменил их положение.

Эдриен, заинтересованный путаной философией полисмена, медлил в надежде услышать еще что-нибудь, но в этот момент появился Хилери и подошел к ним.

- Не их вина будет, если она выздоровеет, - буркнул он, поздоровался с полисменом и осведомился: - Ну как петунии, Белл? Растут?

- Растут, сэр. Моя жена на них не наглядится.

- Чудно! Вот что, Белл, когда сменитесь, зайдите в больницу, - вам ведь по дороге, - и справьтесь там от моего имени, как девочка. Если плохо, звоните мне.

- Обязательно зайду. Рад услужить вам.

- Благодарю, Белл. А теперь, старина, пойдём выпьем чаю.

Миссис Хилери была на собрании, и братья пили чай вдвоем.

- Я пришел насчет Динни, - объявил Эдриен и рассказал то, что было ему известно.

Хилери долго раскуривал трубку, потом заговорил:

- "Не судите, да не судимы будете". До чего же удобная заповедь, пока тебе самому никого судить не надо! А когда надо, так сразу видишь, что ей грош цена: всякое действие основано на суждении, вслух или про себя

неважно. Динни сильно влюблена?

Эдриен кивнул. Хилери сделал глубокую затяжку.

- Не предвижу ничего хорошего. Мне всегда хотелось, чтобы небо над Динни было ясным, а эта история смахивает на самум. Мне кажется, сколько ни разубеждай девочку с точки зрения постороннего человека, толку будет все равно мало.

- По-моему, вовсе не будет.

- Ты хочешь, чтобы я предпринял какие-то шаги? Эдриен покачал головой:

- Я только хотел знать, как ты отреагируешь.

- Очень просто: огорчусь, что Динни придется пережить тяжелые минуты. Что же касается отречения, то у меня при одной мысли о нем ряса дыбом встает. Может быть, потому, что я священник, может быть, потому, что я англичанин и воспитанник закрытой школы, - не знаю. Наверное, потому, что я такой, как все.

- Если Динни решила за него держаться" мы обязаны ее поддержать, сказал Эдриен. - Я всегда считал так: если с человеком, которого ты любишь, делается такое, что тебе не по сердцу, выход один - со всем примириться. Я постараюсь привыкнуть к Дезерту и понять его точку зрения.

- У него ее, вероятно, вовсе не было, - вставил Хилери. - Au fond [3] он, как лорд Джим, просто взял и прыгнул. В душе он наверняка это сознает.

- Тем трагичнее для обоих и тем обязательнее нужно их поддержать.

Хилери кивнул:

- Бедный старик Кон! Это для него тяжелый удар. Фарисеи-то до чего обрадуются! Я уже воочию представляю себе, как дамы подбирают юбки, чтобы случайно не коснуться парии.

- А может быть, современный скепсис возьмет да и скажет, пожав плечами: "Еще одному предрассудку конец"?

Хилери покачал головой:

- Людям в целом, в силу самой их природы, легче стать на иную точку зрения: он унизился, чтобы спасти свою шкуру. Как бы скептически наши современники ни относились к религии, патриотизму, империи, слову "джентльмен" и прочему, они, грубо говоря, все-таки не любят трусости. Я не хочу сказать, что среди них самих мало трусов, но тем не менее в других они ее не любят и, когда эту нелюбовь можно высказать без риска для себя, высказывают:

- А может быть, все останется в тайне?

- Нет, так или иначе, а всплывет. И чем скорее, тем лучше для молодого Дезерта, потому что это даст ему возможность снова обрести себя. Бедняжка Динни! Какой экзамен для ее врожденного юмора! Ох, боже правый, я чувствую, как старею! Что говорит Майкл?

- Не видел его со дня рождения Эм.

- А Эм и Лоренс знают?

- Вероятно.

- Для всех остальных это секрет, так?

- Да. Ну, мне пора двигаться.

- А я, - сказал Хилери, - вырежу свои чувства на римской галере. Посижу над ней полчаса, пока не узнаю, жива ли девочка.

Эдриен пошел по направлению к Блумсбери. По дороге он пытался поставить себя на место человека, над которым внезапно нависла угроза смерти. Впереди - ни минуты жизни, ни надежды еще раз увидеть тех, кого любишь, ни упований, пусть даже смутных, на то, что в будущем тебя ждет нечто похожее на земное бытие!

"Случай исключительный и неожиданный, как гром с неба, которому нет дела до человека. Кто из нас выдержал бы такое страшное испытание?" думал Эдриен.

Его братья - солдат и священник - приняли бы смерть покорно, как требует их долг. Так же, видимо, поступил бы и его брат - судья, хотя он постарался бы оспорить приговор и, возможно, переубедил бы своего палача. "А я? - спрашивал себя Эдриен. - Как ужасно умирать за убеждения, которых не разделяешь, умирать на краю света, не утешаясь даже тем, что твоя смерть кому-то принесет пользу, что о ней кто-то узнает!" Когда человеку не нужно защищать кастовую или национальную честь, когда его ставят перед дилеммой, требующей немедленного решения, ему некогда взвешивать и обдумывать свои поступки и приходится полагаться на интуицию. Тут все зависит от характера. А если характер таков, каким, судя по стихам, наделен молодой Дезерт; если человек привык противопоставлять себя окружающим или, по крайней мере, внутренне отчужден от них; если он презирает условности и прозаическую английскую твердолобость; если он втайне, вероятно, больше симпатизирует арабам, чем своим соотечественникам, он почти неизбежно должен выбрать то, что выбрал Дезерт. "Бог знает, как поступил бы я сам, но я понимаю его и в какой-то мере сочувствую ему. Что бы ни было" я на стороне Динни и помогу ей, как она помогла мне в деле Ферза".

И, придя к заключению, Эдриен почувствовал, что ему стало легче.

Хилери вырезал модель римской галеры. В молодости он пренебрегал

классическими науками и по этой причине стал священником, хотя давно уже перестал понимать, как это случилось. С чего ему тогда вздумалось, что он создан для духовного сана? Почему он не сделался лесничим или, скажем, ковбоем, не взялся за любое ремесло, которое позволило бы ему жить на воздухе, а не в самом центре прокопченных городских трущоб? Верил он или нет в свое призвание? А если не верил, то к чему же он был призван? Размечая палубу корабля, подобную тем, под которыми по воле римлян, этой древнейшей разновидности твердолобых, исходило потом великое множество иноплеменников, Хилери размышлял: "Я служу идее, ставшей фундаментом для такой надстройки, которая не выдерживает критического рассмотрения". А все-таки на благо человечества стоит поработать! Каждый делает свое дело - и врач, чья профессия сопряжена с шарлатанством и формализмом, и государственный деятель, прекрасно сознающий, что демократия, которая сделала его государственным деятелем, олицетворяет собой ничтожество и невежество. Каждый пользуется формами, в которые не верит; больше того, каждый призывает ближних уверовать в эти формы. Практически жизнь - это непрерывный компромисс. "Мы все - иезуиты и прибегаем к сомнительным средствам во имя благих целей, - подумал Хилери. - Мой долг - умереть, если нужно, за мое облачение, как солдат умирает за честь мундира. Но я, кажется, понес ерунду!"

Зазвонил телефон, и в трубке раздалось:

- Викария!.. Да, сэр!.. По поводу девочки. Оперировать поздно. Хорошо бы вам приехать, сэр.

Священник положил трубку, схватил шляпу и выбежал из дому. Бдение у смертного одра Хилери считал самой тягостной из своих многообразных обязанностей, и, когда он выскочил из такси у подъезда больницы, на его морщинистом лице читалось подлинное смятение. Такая малышка! И он ничем ей не поможет, разве что пробормочет несколько молитв да подержит ее за руку. Родители преступно запустили болезнь, оперировать поздно. Их стоило бы упрятать в тюрьму, но прежде нужно засадить туда всю британскую нацию, которая до последней минуты не позволяет ущемить свою независимость, а когда наконец позволит, уже бывает поздно!

- Сюда, сэр! - сказала сиделка.

В приемном покое, сверкающем белизной и порядком, Хилери увидел распростертую под белой простыней фигурку с окаменевшим и помертвевшим лицом. Он сел рядом, подыскивая слова, которые могли бы скрасить последние минуты ребенка.

"Молиться не буду, - решил он. - Слишком молода".

Глаза девочки, поборов вызванное морфием оцепенение, испуганно забегали по комнате и наконец остановились - сперва на белой фигуре сиделки, затем на халате врача. Хилери предостерегающе поднял руку и попросил:

- Вы не оставите меня с ней на минутку? Доктор и сестра вышли в соседнюю палату.

- Лу! - тихонько окликнул Хилери, Звук его голоса отвлек девочку и рассеял ее испуг. Глаза ее перестали блуждать, - она поймала улыбку священника.

- Здесь чисто, хорошо, правда? Лу, что ты больше всего любишь?

С бескровных запекшихся губ слетел чуть слышный ответ: "Кино".

- Тут показывают его каждый день, два раза в день. Ты подумай только! Теперь закрой глазки и как следует усни, а когда проснешься, начнется кино. Закрой глазки! Я тебе кое-что расскажу. Ничего здесь с тобой не случится, - я же рядом, видишь?

Ему показалось, что ребенок закрыл глаза, но внезапно боль снова пронизала девочку. Она захныкала, потом вскрикнула.

- Боже милостивый! - тихо простонал Хилери. - Доктор, еще укол, скорее!

Врач впрыснул морфий.

- Оставьте нас опять вдвоем.

Врач выскользнул из комнаты, и улыбка Хилери медленно притянула к себе взгляд девочки. Он притронулся пальцами к исхудалой ручонке:

- Ну, слушай, Лу.

Шел плотник берегом морским плечом к плечу с моржом

И горевал, зачем там все усеяно песком.

"Коль семь служанок, - молвил морж, - семь метел взяли б враз,

Они бы берег привели в порядок хоть сейчас".

"Навряд ли!" - плотник возразил, смахнув слезинку с глаз.

Хилери все читал и читал "Алису в Стране Чудес". И под его шепот глаза девочки закрылись и ручонка ее похолодела.

Почувствовав, как холод леденит руку и ему, Хилери мысленно воскликнул: "А теперь, господи, если ты существуешь, покажи ей кино!"

XV

Когда утром, после ночного разговора с отцом, Динни открыла глаза, она сперва никак не могла понять, что ее тревожит, а поняв, так и осталась сидеть в постели, охваченная ужасом. Что, если Уилфрид решит бежать - обратно на Восток или еще подальше?

"Я не могу ждать до четверга, - подумала она. - Нужно ехать. Если бы только у меня были деньги на случай..." Девушка вытащила свои безделушки и сгребла их в кучу. Два джентльмена с Саут-Молтон-стрит! В деле с изумрудной подвеской Джин они вели себя вполне достойно. Динни отобрала все, что можно было заложить, и сделала из этого небольшой пакетик, не тронув лишь тех украшений, которые носила обычно. Ничего подлинно ценного у нее не было, и Динни не сомневалась, что при самом благожелательном к себе отношении не получит больше сотни фунтов.

За завтраком все держались так, словно ничего не произошло. Значит, всем известно самое худшее!

"Разыгрывают из себя ангелов!" - рассердилась Динни.

Когда отец объявил, что едет в город, девушка попросила захватить и ее.

Генерал посмотрел на дочь. Так могла бы взглянуть обезьяна, недоумевающая, вправе ли человек отрицать свое родство с ней. Динни удивилась, почему она раньше не замечала, какой печалью умеют светиться темные глаза ее отца.

- Прекрасно, - согласился он.

- Хотите, я поведу машину? - предложила Джин.

- Принято с благодарностью, - ответила Динни.

Никто ни словом не коснулся, темы, занимавшей мысли всей семьи.

Динни сидела рядом с отцом в открытой машине. Весна в этом году несколько запоздала, но теперь май был в разгаре, все цвело, и благоухание заглушало вонь бензина. В небе висели серые, набухшие дождем тучи. Черрелы, минуя Чилтернские холмы, ехали через Хэмпден, Грейт Миссенден, Челфонт и Чорли Вуд - местность настолько типично английскую, что, если привезти сюда спящего и неожиданно разбудить, он сразу понял бы: это Англия, а не другая страна. Обычно такие поездки никогда не оставляли Динни равнодушной. Однако сегодня ни весенняя зелень, ни радостный май, ни цветущие яблони, ни крутые повороты, ни старые деревушки не могли отвлечь внимание девушки от человека, бесстрастно сидевшего рядом с ней. Она инстинктивно чувствовала, что отец намерен увидеться с Уилфридом, а раз так - она тоже должна повидать его. Генерал говорил об Индии. Когда раскрывала рот Динни, она говорила о птицах. А Джин яростно гнала машину, ни разу не обернувшись назад. Только когда автомобиль выехал на Финчли-род, генерал спросил:

- Куда тебя отвезти, Динни?

- На Маунт-стрит.

- Значит, останешься там?

- Да, до пятницы.

- Мы забросим тебя, а потом я съезжу к себе в клуб. Отвезете меня вечером домой, Джин?

Джин, не оборачиваясь, наклонила голову, и машина проскользнула между двумя ярко-красными автобусами, водители которых одновременно употребили одно и то же выразительное словечко.

В голове Динни шло бурное брожение. Решится ли она позвонить Стэку, чтобы тот протелефонировал ей, когда явится ее отец? Если да, можно будет рассчитать с точностью до минуты, когда ей прийти к Уилфриду. Динни относилась к тем, кто умеет сразу находить общий язык с прислугой. Не успевала она проглотить картофелину, которую ей клал в тарелку лакей, как тот уже чувствовал, что девушка бессознательно признает его человеком. Она никогда не забывала прибавить "благодарю" и редко уходила, не сказав слугам двух-трех слов, свидетельствовавших о ее интересе к ближнему. Динни встречалась со Стэком всего три раза, но твердо знала, что для него она - человек, хотя и не родилась в Барнстепле. Она вызвала в памяти его облик: уже немолодое аскетическое лицо, черные волосы, крупный нос, выразительные глаза и губы, искривленные иронической, но в то же время благожелательной улыбкой. Он держался прямо, двигался быстро. Она представляла себе, как он смотрит на нее с таким выражением, словно размышляет: "Смогу ли я поладить с ней, раз уж так случилось? Смогу". Она догадывалась, что он безгранично предан Уилфриду. Динни решила рискнуть. Когда ее высадили на Маунтстрит и машина уехала, девушка подумала: "Хорошо мне, - я никогда не буду отцом!"

- Можно позвонить, Блор?

- Разумеется, мисс.

Динни назвала номер Уилфрида.

- Это Стэк? Говорит мисс Черрел... Не окажете ли мне маленькую услугу? Мой отец зайдет сегодня к мистеру Дезерту. Да, генерал сэра Конуэй Черрел. Не знаю, в котором часу, но хочу сама явиться в то же время... Вы позвоните мне сюда, как только он придет? Буду ждать - Очень, очень признательна... Мистер Дезерт здоров?.. Не говорите, пожалуйста, что я приду... Да, да, ни ему, ни моему отцу. Еще раз благодарю!

"Все в порядке, - подумала она. - Если, конечно, я правильно поняла отца. Там напротив есть картинная галерея. Я увижу в окно, когда он выйдет".

До завтрака, за который она села вдвоем с теткой, звонка не последовало.

- Твой дядя ездил к Джеку Масхему, - объявила леди Монт в середине завтрака. - В Ройстон. И привез обратно второ'о, ну, это'о, похоже'о на мартышку. Они будут молчать, но Майкл говорит, что не надо, Динни.

- Чего не надо, тетя Эм?

- Опубликовать поэму.

- Да, но он все-таки ее опубликует.

- Зачем? Так хороша?

- Лучше всего, что он написал.

- Совершенно лишнее.

- Уилфрид не стыдится себя, тетя Эм.

- Как это неприятно для тебя! Я думаю, гражданский брак тебя не устроит?

- Я сама предложила ему это, милая тетя.

- Поражаюсь тебе, Динни!

- Он не согласился.

- Слава бо'у! Не хочу, чтобы ты попала в газеты.

- Я не больше, тетя.

- Флер попала в газеты за клевету.

- Помню.

- Как называется та штука, которая летит обратно и бьет тебя, если промахнешься?

- Бумеранг.

- Я же знала, что это австралийское. Почему у австралийцев такой вы'овор?

- Право, не знаю, тетя.

- И там еще кен'уру. Блор, налейте мисс Динни.

- Благодарю, тетя Эм. Я больше не хочу. Можно мне спуститься вниз?

- Спустимся вместе.

Леди Монт встала и, склонив голову набок, посмотрела на племянницу:

- Дышать по'лубже и есть морковь для охлаждения крови. Что такое Гольфштрем? Откуда он взялся?

- Из Мексики, тетя.

- Я читала, там водятся у'ри. Ты уходишь?

- Я жду телефонного звонка.

- Ко'да телефонистки говорят: "Выз-з-ываю", - у меня начинают ныть зубы. А они славные девушки, я уверена. Кофе?

- Да, пожалуйста!

- Действует. От не'о становишься сбитым, как пудинг.

"Тетя Эм всегда видит больше, чем мы предполагаем", - подумала Динни.

- В деревне влюбляться хуже, - продолжала леди Монт. - Там кукушки. Кто-то говорил, что в Америке их нет. Может быть, там не влюбляются. Твой дядя, наверно, знает. Он привез оттуда историю про како'о-то папашу из Нупорта. Но это было давным-давно. Я вижу человека насквозь, - сделала непостижимый вывод леди Монт. - Куда поехал твой отец?

- В свой клуб.

- Ты сказала ему, Динни?

- Да.

- Ты же е'о любимица.

- Нет, не я, а Клер,

- Вздор!

- Ваш роман протекал гладко, тетя Эм?

- У меня была хорошая фигура, - ответила тетка. - Может быть, чуть пышноватая, но в то время так пола'алось. Лоренс был у меня первым.

- Серьезно?

- Если не считать мальчиков из хора, нашего грума и двух-трех офицеров. Там был еще один капитан с черными усиками. Но ко'да тебе четырнадцать, это не имеет значения.

- Ваш роман протекал, наверно, вполне пристойно?

- Нет, твой дядя был очень страстный. Девяносто первый год. Тридцать лет не было дождя.

- Такого сильного?

- Нет, вообще никак'о. Я только забыла, где. Телефон!

Динни подбежала к аппарату на секунду раньше дворецкого:

- Это меня, Блор. Благодарю.

Она схватила трубку дрожащей рукой:

- Да?.. Понятно... Благодарю, Стэк... Очень, очень признательна...

Блор, не вызовете ли такси?

Динни примчалась на такси в галерею, расположенную напротив дома Дезерта, купила каталог, поднялась наверх и встала у окна. Здесь, под предлогом детального изучения экспоната N 35, который именовался "Ритм", хотя, как показалось девушке, на то не было никаких оснований, она впиалась глазами в подъезд на противоположной стороне улицы. После телефонного звонка прошло всего семь минут. Отец еще не мог уйти. Однако вскоре она увидела, как он появился в дверях и вышел на улицу. Динни проводила его взглядом. Голова генерала была опущена, он несколько раз покачал ею. Лица не было видно, но девушка представляла

себе, какое на нем сейчас выражение.

"Кусает усики, - подумала она. - Бедный, бедный!"

Как только генерал завернул за угол, Динни скатилась вниз по лестнице, перебежала улицу и взлетела на второй этаж. Остановилась у квартиры Уилфрида, протянула руку к звонку и помедлила. Затем позвонила.

- Я опоздала, Стэк?

- Генерал только что вышел, мисс.

- Вот как? Можно видеть мистера Дезерта? Не докладывайте.

- Слушаюсь, мисс, - ответил Стэк.

Приходилось ли ей когда-нибудь смотреть в столь же пронизательные глаза?

Динни глубоко вздохнула и открыла дверь. Уилфрид стоял у камина, опираясь на него руками и опустив на них голову. Девушка подкралась к нему и замерла, ожидая, пока он ощутит ее присутствие.

Внезапно он поднял голову и заметил ее.

- Дорогой мой, прости, что мешаю, - извинилась Динни.

Подняв голову так, что шея обнажилась, и полураскрыв губы, она следила за внутренней борьбой, отражавшейся на его лице.

Уилфрид не выдержал и поцеловал ее.

- Динни, твой отец...

- Знаю, я видела, как он выходил. "Мистер Дезерт, я полагаю? Моя дочь уведомила меня о помолвке и о вашем... э-э... положении. Я явился в этой... э-э... связи. Представляете ли вы себе, что произойдет, когда ваше э-э... поведение на Востоке получит... э-э... огласку? Моя дочь совершеннолетняя, она вправе поступать, как ей заблагорассудится, но все мы горячо любим ее, и, я надеюсь, вы согласитесь, что в предвидении таких... э-э... неприятностей вам не подобает... э-э... претендовать сейчас на ее руку".

- Слово в слово.

- Что ты ответил?

- Что подумаю. Он совершенно прав.

- Он совершенно неправ. Я уже говорила тебе: "Любовь, - которая боится препятствий, - не любовь". Майкл считает, что ты не должен публиковать "Барса".

- Нет, должен. Мне нужно отвести душу. Когда тебя нет и я остаюсь один, я прямо схожу с ума.

- Знаю! Но, родной мой, те двое будут молчать. Может быть, это и не всплывет? То, о чем долго не вспоминают, часто совсем забывается. Зачем

лезть на рожон?

- Дело не в огласке. Во мне самом живет проклятый страх, - я боюсь, не струсил ли я. Пусть все будет известно. Тогда, трус я или не трус, я смогу высоко держать голову. Неужели ты не понимаешь, Динни?

Она понимала. Достаточно взглянуть на его лицо. "Мой долг - чувствовать так же, как чувствует он, что бы я при этом ни думала, - размышляла девушка. - Только таким путем я могу помочь ему и удержать его".

- Я все прекрасно понимаю. Майкл не прав. Мы выдержим эту свистопляску, и наши головы будут "в крови, но подняты высоко". Что бы ни случилось, душу свою мы в жертву не принесем.

И, вызвав у Дезерта улыбку, Динни села сама и усадила его рядом. Затем, после долгого молчания, открыла глаза и посмотрела на него долгим взглядом, как это умеют делать все женщины.

- Уилфрид, завтра четверг. Ты не будешь возражать, если мы по дороге домой заедем к дяде Эдриену? Он на нашей стороне. А что касается помолвки, то ее можно и отрицать, а на деле все останется как было. До свиданья, любовь моя.

Внизу, в подъезде, когда Динни открывала входную дверь, ее окликнул Стэк:

- Прошу прощенья, мисс.

- Да. В чем дело?

- Я давно живу у мистера Дезерта и много о нем думал. Если не ошибаюсь, вы помолвлены с ним, мисс?

- И да, и нет, Стэк. Но я все же надеюсь выйти за него.

- Понятно, мисс. И, с вашего позволения, очень хорошо сделаете. Мистер Дезерт - джентльмен стремительный, и я полагал, что, если бы мы с вами были, как говорится, заодно, это пошло бы ему на пользу.

- Совершенно согласна. Поэтому я позвонила вам утром.

- Я видел много разных молодых леди, но вы первая, мисс, на ком я желал бы ему жениться. Вот я и взял на себя смелость.

Динни протянула ему руку:

- Я ужасно рада. Это как раз то, чего я хотела, потому что дела плохи и, боюсь, будут еще хуже.

Стэк вытер руку о штаны, принял руку девушки, и они обменялись горячим рукопожатием.

- Я чувствую, что он что-то задумал, - сказал слуга. - Конечно, не мне судить, но ему не впервой принимать внезапные решения. Вы бы дали мне номера ваших телефонов, - может, я и пригожусь вам обоим.

Динни записала номера.

- Это городской - моего дяди Лоренса Монта, Маунт-стрит; это иногородний - нашего дома в Кондафорде, Оксфордшир. Вы меня обязательно найдете по одному из них. Бесконечно вам признательна. У меня камень с души свалился.

- И у меня, мисс. Мистер Дезерт может на меня положиться. Я ему хочу только добра. Мистер Дезерт не с каждым уживается, но, по мне, он хорош.

- И по мне, Стэк.

- Не люблю отпускать комплименты, мисс, но, с вашего позволения, скажу, что он счастливчик.

Динни улыбнулась:

- Нет, это я счастливица. До свидания, и еще раз благодарю.

Обратно с Корк-стрит она не шла, а, так сказать, летела. У нее нашелся союзник в самом логове льва, соглядатай в дружественном лагере, изменник-доброжелатель! Так, изобретая немыслимые катахрезы, она торопилась обратно к тетке: отец непременно зайдет туда до возвращения в Кондафорд.

В холле дома Монтов она заметила его старый котелок, который невозможно было спутать с другим, и предусмотрительно сняла шляпу, прежде чем подняться в гостиную. Генерал разговаривал с сестрой, и, когда Динни вошла, оба смолкли. Теперь все замолкали, когда она входила! Спокойно и открыто взглянув на родных, девушка села.

Глаза генерала встретились с ее глазами.

- Я был у мистера Дезерта, Динни.

- Знаю, дорогой. Он думает. В любом случае мы подождем, пока все не станет известно.

Генерал неловко поднялся.

- И, если тебе от этого станет легче, формально мы не помолвлены.

Генерал слегка поклонился, и Динни повернулась к тетке, которая обмахивала раскрасневшееся лицо куском фиолетовой промокательной бумаги.

Наступило молчание. Затем генерал спросил:

- Когда ты едешь в Липпингхолл, Эм?

- На будущей неделе, - ответила леди Монт. - А может быть, через две? Лоренс знает. Я показываю двух садовников на цветочной выставке в Челси. Босуэла и Джонсона, Динни.

- Как! Они все еще держатся за вас?

- Крепче, чем раньше. Кон, вам нужно завести у себя анемии... Нет, не

то слово. Ну, знаешь, такие яркие.

- Анемоны, тетя.

- Очаровательные цветы. Для них нужна глина.

- В Кондафорде нет глины, - возразил генерал. - Тебе, Эм, следовало бы это знать.

- В этом году азалии у нас - просто мечта, тетя Эм.

Леди Монт положила промокашку:

- Я говорила твоему отцу, Динни, чтобы тебя оставили в покое.

Динни, искоса наблюдавшая за мрачным лицом генерала, обошла скользкую тему:

- Тетя, знаете вы магазинчик на Бонд-стрит, где продают фигурки животных? Я купила там чудесную лисичку с лисенятами, чтобы папа перестал ненавидеть этих зверьков.

- Ах, охота! - вздохнула леди Монт. - Они такие трогательные, ко'да высовываются из норы!

- Даже папа не любит раскапывать их жильё и брать их прямо в земле. Правда, папа?

- Н-нет, не люблю, - ответил генерал.

- Они кусают детей до крови, - объявила леди Монт. - Я помню, как у тебя шла кровь. Кон.

- Грязный и бесцельный способ. В наше время к нему прибегают только охотники старой школы, приверженцы арапника.

- Кон выглядел то'да отвратительно, Динни.

- У тебя не хватает выдержки для такого способа, папа. Тут нужны курносые, рыжие, веснушчатые мальчишки, способные убивать ради того, чтобы убивать.

Генерал поднялся:

- Мне пора обратно в клуб. Джин заедет туда за мной. Когда мы увидим тебя, Динни? Твоя мать...

Он оборвал фразу.

- Тетя Эм оставляет меня у себя до субботы.

Генерал кивнул. Он принял поцелуи сестры и дочери с таким видом, как будто хотел сказать: "Да, но..."

Динни посмотрела ему вслед из окна, и сердце у нее сжалось.

- Твой отец! - раздался за спиной голос тетки. - Все это очень тя'остно, Динни.

- Я считаю, что с папиной стороны крайне любезно не напоминать о своих правах на меня.

- Кон - чудный, - согласилась леди Мон. - Он сказал, что молодой

человек был очень почтителен. Кто это ворчал: "Гр-гр"?

- Старый еврей в "Дэвиде Копперфилде".

- Вот, вот. Я чувствую себя точно так же.

Динни оторвалась от окна:

- Тетя! А я чувствую, что стала совсем другой, чем две недели назад. Тогда у меня не было никаких желаний; сейчас я - одно сплошное желание, и мне совершенно безразлично, пристойно я себя веду или нет. И не уверяйте, что это пройдет.

Леди Монт потрепала племянницу по руке.

- "Почитай отца своего и мать свою", - напомнила она. - Но ведь есть еще: "Оставь все и следуй за мной". Нико'да не - знаешь, какой заповедью руководствоваться.

- Нет, я знаю, - сказала Динни. - Как вы думаете, на что я сейчас надеюсь? На то, что завтра все раскроется. Если это произойдет, мы можем немедленно пожениться.

- Выпьем чаю, Динни. Блор, чаю! Индийского и покрепче.

XVI

На другой день Динни привела своего возлюбленного к дверям музея, где служил Эдриен, и там рассталась с ним. Оглянувшись, она увидела, что Уилфрид, высокий, перехваченный в талии поясом, снял шляпу и дрожит. Но он улыбнулся девушке, и его взгляд согрел ее даже на расстоянии.

Эдриен, предупрежденный заблаговременно, принял молодого человека с "нездоровым", как он сформулировал про себя, любопытством и тут же мысленно сопоставил его с Динни. Удивительно несхожая между собой пара! Однако его чутье, обостренное, вероятно, длительным изучением скелетов, сразу же подсказало ему, что сточки зрения физической племянница выбрала правильно. Этот человек имел право стоять рядом с ней. Его мужественная грация и мускулистая элегантность была под стать ее стильной хрупкости. А смуглое усталое и напоенное горечью лицо озарялось такими глазами, заглянув в которые даже Эдриен, воспитанник закрытой школы, не выносивший кинозвезд мужского рода, признал, что они обладают притягательной силой для представительниц слабого пола. Разговор зашел о костях, и это растопило первый лед; когда же началась дискуссия о принадлежности к хеттской расе одного не слишком хорошо сохранившегося скелета, отношения стали почти сердечными. Люди и страны, с которыми они оба познакомились в несколько необычных условиях, явились следующим стимулом для упрочения взаимной симпатии. Но лишь взявшись за шляпу, Уилфрид наконец неожиданно спросил:

- Мистер Черрел, а как поступили бы вы? Эдриен поднял голову и молча окинул собеседника взглядом прищуренных глаз.

- Я плохой советчик, но за Динни стоит держаться.

- Да.

Эдриен наклонился и запер дверь кабинета:

- Сегодня утром, принимая ванну, я наблюдал за одиноким муравьем, который пытался отыскать дорогу и разобратся, куда он попал. Со стыдом признаюсь, что стряхнул на него пепел из трубки, - мне захотелось выяснить, что он будет делать. Провидение тоже постоянно осыпает нас пеплом и смотрит, каков результат. Я обдумал много вариантов и пришел к такому выводу: если вы по-настоящему любите Динни...

Уилфрид судорожно передернулся, но все кончилось тем, что пальцы его стиснули шляпу.

- ...а я вижу, что это так, и знаю, что она всей душой с вами, то крепитесь и вместе с ней пробивайте себе путь сквозь пепел. Она охотнее сядет с вами в телегу, чем в пульман с любимым из нас. Я уверен, - продолжал Эдриен, и лицо его засветилось искренностью, - что она из тех, о ком в Писании позабыли сказать: "И будут двое дух один".

Лицо молодого человека дрогнуло.

"Настоящий!" - решил Эдриен.

- Словом, думайте прежде всего о ней, но только не в таком плане: "Я люблю тебя, поэтому ничто не заставит меня жениться на тебе. Сделайте то, чего она хочет, если она, конечно, этого хочет. Ей здравого смысла не занимать. И, честно говоря, я не сомневаюсь, что никому из вас не придется раскаиваться.

Дезерт шагнул к нему, и Эдриен увидел, что он глубоко тронут. Но молодой человек справился с наплывом чувств, не выдав его ничем, кроме судорожной улыбки, махнул рукой, повернулся и вышел.

Эдриен неторопливо задвинул ящики и запер дверцы шкафов, где хранились кости. "Да, у него самое своеобычное и в каком-то смысле самое красивое из всех лиц, виденных мною, - думал он. - Оно - глубокое озеро: дух шествует по его водам и порой чуть не тонет. Я, может быть, дал ему преступный совет. Хотелось бы знать, так ли это, ибо мне почему-то кажется, что он его примет".

Несколько минут Эдриен сидел молча, с язвительной усмешкой на губах. Доктринеры, экстремисты! Этот араб, приставивший пистолет к виску молодого Дезерта, олицетворял собой наихудшее свойство человеческой природы. Идеи и кредо! Что они такое, как не полуправда, полезная лишь постольку, поскольку она помогает соблюдать равновесие в

жизни? Географический журнал соскользнул с колен Эдриена.

Возвращаясь в Блумсбери, он задержался в сквере на площади перед домом, чтобы подставить лицо солнцу и послушать пение черного дрозда. Он обладал всем, чего желал от жизни: любимой женщиной: крепким здоровьем; приличным жалованьем - семьсот фунтов в год и надеждами на пенсию; двумя очаровательными детьми, притом неродными, так что его не терзали присущие родителям страхи. У него была увлекательная работа, он любил природу и мог прожить еще лет тридцать. "Если бы сейчас мне приставили к виску пистолет и потребовали: "Эдриен Черрел, отрекись от христианской веры, или тебе разmozжат башку!" - крикнул бы я, как Клайв в Индии: "Стреляйте и будьте прокляты"?" - задавал он себе вопрос и не мог на него ответить. Дрозд пел, молодая листва трепетала в воздухе, солнце грело Эдриену щеку, и в тиши этого когда-то фешенебельного сада жизнь казалась особенно желанной...

Динни, оставив мужчин на пороге знакомства, постояла в раздумье и двинулась на север, к приходу святого Августина в Лугах. Девушка инстинктивно стремилась прежде всего сломить сопротивление побочных родственников, чтобы обойти с тыла позиции прямых. Поэтому к центру практического приложения христианских догматов она приближалась с какой-то опасливой бодростью.

Тетя Мэй поила чаем двух молодых универсантов перед уходом их в клуб, где они заведовали кеглями, шашками, шахматами и пинг-понгом.

- Тебе нужен Хилери, Динни? Он собирался заседать сегодня в двух комитетах, но заседания могут и сорваться, потому что он чуть ли не единственный член обоих.

- Я полагаю, дядя в курсе моих дел? Миссис Хилери кивнула. На ней было пестренькое платьице, и выглядела она очень молодо.

- Вы не расскажете мне, какое мнение сложилось у дяди?

- Я предпочла бы, чтобы он сделал это сам, Динни. Никто из нас не помнит мистера Дезерта как следует.

- Люди, которые его как следует не знают, не могут верно судить о нем. Но ведь ни вы, ни дядя не обращаете внимания на то, что говорят посторонние.

Динни произнесла эту фразу с простодушным видом, который ни в коей мере не обманул миссис Хилери, имевшую опыт работы в женских учреждениях.

- Как тебе известно, Динни, мы с Хилери оба не слишком ортодоксальны, но глубоко верим в то, чему учит христианство, и не надо притворяться, будто ты об этом не знаешь.

"Стоит ли эта вера больше, чем доброта, отвага, самопожертвование, и обязательно ли нужно быть христианином, чтобы ею обладать?" - мелькнуло в голове у Динни.

- Я воздержусь обсуждать твою помолвку. Боюсь сказать что-нибудь такое, что противоречит точке зрения Хилери.

- Тетя, какая вы примерная жена! Миссис Хилери улыбнулась, и Динни поняла, что ничего не сумеет вытянуть из нее.

Она посидела еще, разговаривая о посторонних вещах, и наконец дождалась Хилери. Он был бледен и казался озабоченным. Тетя Мэй подала ему чай, провела рукой по его лбу и вышла.

Хилери вылил чашку и набил в трубку щепоть табаку, придавив его сверху бумажным кружком.

- Зачем только существуют муниципалитеты? Почему просто не собрать вместе трех врачей, трех архитекторов, трех инженеров, прибавив к ним счетную машину и человека, который будет работать на ней и держать остальных в руках?

- У вас неприятности, дядя?

- Да. Очищать дома от жильцов, когда кредит в банке исчерпан, - достаточно сложно и без муниципального бюрократизма.

Глядя на его усталое, но улыбающееся лицо, Динни подумала: "Я просто не имею права лезть к нему со своими мелкими делами!"

- Не выкроите ли вы часок во вторник, чтобы посмотреть с тетей Мэй цветочную выставку в Челси? Вряд ли, да?

- Боже правый! - воскликнул Хилери, втыкая зажженную спичку в центр бумажного кружка. - С каким наслаждением я постоял бы в павильоне, вдыхая запах азалий!

- Мы собирались пойти к часу, чтобы не угодить в самую давку. Тетя Эм может прислать за вами машину.

- Обещать не могу, поэтому не присылайте. Если в час не увидите нас у главного входа, значит, такова воля провидения. Ну, что слышно у тебя? Эдриен мне рассказал.

- Не хочу надоедать вам, дядя.

Голубые пронизательные глаза Хилери почти закрылись. Он выпустил облако дыма.

- То, что касается тебя, дорогая, не может мне надоесть. Словом, если не тяжело, - рассказывай. Ты считаешь, что должна выйти за него, так?

- Да, должна.

Хилери вздохнул.

- В таком случае остается с этим примириться. Но люди любят мучить

себе подобных. Боюсь, что он получит, как говорится, плохую прессу.

- Я в этом уверена.

- Я смутно припоминаю его - высокий, надменный молодой человек в светло-коричневом жилете. Отделался он от своей надменности?

Динни улыбнулась:

- Сейчас он раскрылся для меня скорее с другой стороны.

- Надеюсь, он свободен от того, что называется всепожирающими страстями? - спросил Хилери.

- Насколько я могла заметить, да.

- Я хочу сказать, что, когда человек добился своего, в нем с особой силой проявляется порочность нашей природы. Ты меня понимаешь?

- Да. Но я думаю, что в нашем случае речь идет о "союзе душ".

- Тогда желаю счастья, дорогая! Только смотри, не раскаивайся, когда вас начнут побивать камнями. Ты идешь на это сознательно и будешь не вправе жаловаться. Плохо, когда тебе наступают на ноги, но видеть, как топчут того, кого любишь, - еще хуже. Поэтому с самого начала держи себя в руках, и чем дальше, тем крепче, не то ему станет совсем тошно. Я ведь помню, Динни, что бывают вещи, от которых и ты приходишь в бешенство.

- Постараюсь не приходить. Когда сборник Уилфрида появится, прочтите поэму "Барс" и вы поймете его душевное состояние во время того случая.

- Как! Он оправдывается? Это ошибка, - отрезал Хилери.

- Майкл говорит то же самое. Прав он или нет - не знаю. Думаю, что в конечном итоге - нет. Так или иначе книжка выйдет.

- А тогда начнется собачья свалка и будет уже бесполезно твердить "подставь другую щеку" или не "снисходи до ответа". Печатать поэму значит лезть на рожон. Вот все, что можно сказать.

- Тут я бессильна, дядя.

- Понимаю, Динни. Я прихожу в уныние именно тогда, когда вспоминаю, сколько на свете такого, в чем мы бессильны. А как с Кондафордом? Тебе же придется от него оторваться.

- Люди не меняются только в романах, да и там они либо меняются в конце, либо умирают, чтобы героиня могла быть счастлива. Дядя, вы замолвите за нас словечко отцу, если его увидите?

- Нет, Динни. Старший брат никогда не забывает, насколько он превосходил тебя, когда он был уже большим, а ты еще нет.

Динни встала:

- Ну что ж, дядя, благодарю за то, что вы не верите в бесповоротное осуждение грешника, а еще больше за то, что не высказываете этого вслух.

Я все запомнила. Во вторник, в час, у главного входа; и не забудьте предварительно закутить, - обход выставки утомительное занятие.

Динни ушла. Хилери вторично набил трубку.

"И еще больше за то, что вы не высказываете этого вслух!" - мысленно повторил он. - Девица умеет съязвить. Интересно, часто ли я говорю не то, что думаю, при исполнении своих профессиональных обязанностей?"

И, увидав в дверях жену, громко добавил:

- Мэй, считаешь ты, что я обманщик в силу своей профессии?

- Да, считаю. А как же иначе, мой дорогой?

- Ты хочешь сказать, что формы деятельности священника слишком узки и не могут охватить все разнообразие человеческих типов? А чьи могут? Хочешь пойти во вторник на выставку цветов в Челси?

"Динни могла бы пригласить меня сама", - подумала миссис Хилери и веселым тоном ответила:

- Очень.

- Постарайся устроить все так, чтобы мы успели туда к часу.

- Ты говорил с ней о ее деле?

- Да.

- Она непоколебима?

- Предельно.

Миссис Хилери вздохнула.

- Ужасно ее жаль. Разве человек выдержит такое?

- Двадцать лет назад я сказал бы: "Нет!" Теперь не знаю. Как ни странно, бояться им нужно отнюдь, не истинно религиозных людей.

- Почему?

- Потому что те их не тронут. Армия, имперский аппарат, англичане в колониях - вот с кем они придут в столкновение. И первый очаг враждебности - ее собственная семья.

- Сделанного не воротишь, так что убиваться не стоит. Давай-ка напишем новое воззвание. Сейчас, к счастью, ожидается спад в торговле. Люди с деньгами ухватятся за нашу идею.

- Как хочется, чтобы в трудное время люди не стали прижимистее! Если станут, безработных будет еще больше.

Хилери достал блокнот и застрочил. Жена заглянула в него через плечо мужа и прочла:

"Всем, кого это касается!

А разве найдется человек, которого не касался бы факт существования рядом с ним тысяч людей, от рождения до смерти лишенных элементарных жизненных удобств, не знающих, что такое подлинная чистота, подлинное

здоровье, подлинно свежий воздух, подлинно доброкачественная пища?"

- Хватит и одного "подлинно", милый.

XVII

Прибыв на цветочную выставку в Челси, леди Монт глубокомысленно объявила:

- Босуэл и Джонсон встречаются со мной у башмачков. Какая толчея!

- Да, тетя. И больше всего здесь людей из народа. Они пришли потому, что тянутся к красоте, которой лишены.

- Я не в силах заставить тянуться Босуэла и Джонсона. Вон Хилери! Он носит этот костюм уже десять лет. Бери день'и и бе'и за билетами, не то он сам уплатит.

Динни проскользнула к кассе с пятифунтовой бумажкой, стараясь не попасться дяде на глаза, взяла четыре билета и с улыбкой обернулась.

- Видел, видел твои змеиные повадки, - усмехнулся Хилери. - С чего начнем? С азалий? На выставке цветов я имею право быть чувственным.

Леди Монт двигалась так неторопливо, что в людском потоке то и дело возникали небольшие водовороты, и глаза ее из-под приспущенных век рассматривали посетителей, призванных, так сказать, служить фоном для цветов.

Несмотря на сырой и холодный день, павильон, в который они вошли, был согрет человеческим теплом и благоуханием растений. Здесь перед искусно подобранными группами цветов предавались созерцанию их прелести самые различные представители людского рода, объединенные лишь тем непостижимым родственным чувством, которое порождается любовью к одному и тому же делу. Все вместе они составляли великую армию цветоводов - людей, выращивающих в горшках примулы, в лондонских садиках на задах - ирисы, настурции и гладиолусы, в маленьких пригородных усадьбах - левкои, мальвы и турецкую гвоздику. Попадались среди них и служащие крупных цветочных фирм, владельцы теплиц и опытных участков, но таких было немного: они либо пришли раньше, либо должны были появиться позже. На лицах проходивших читалось любопытство, словно они присматривались к чему-то такому, за что им вскоре предстоит приняться; уполномоченные цветочных фирм отходили в сторону и делали заказы с видом людей, заключающих пари. Приглушенные голоса, которые обменивались замечаниями о цветах и выговаривали слова на все лады - лондонский, провинциальный, интеллигентский, сливались в единое жужжание, похожее на пчелиный гул, хотя и не такое приятное. Цветочный аромат и это приглушенное выражение национальной страсти, бурлившей меж парусиновых стен,

оказали на Динни столь гипнотическое действие, что она притихла и переходила от одной блистательной комбинации красок к другой, растерянно поводя своим слегка вздернутым носиком.

Возглас тетки вывел ее из оцепенения.

- Вот они! - объявила она, указывая вперед подбородком.

Динни увидела двух мужчин, стоявших так неподвижно, что девушка подумала, не забыла ли эта пара, зачем явилась сюда. У одного были рыжеватые усы и печальные коровьи глаза; второй напоминал птицу с подшибленным крылом. Они стояли застыв, в неразношенных праздничных костюмах, не говоря ни слова и даже не глядя на цветы, как будто провидение закинуло их сюда, не дав им никаких предварительных инструкций.

- Который из них Босуэл, тетя?

- Тот, что без усов, - ответила леди Монт. - У Джонсона зеленая шляпа. Он глухой. Это так на них похоже!

Они направились к садовникам, и к Динни донесся ее возглас:

- А! Садовники вытерли руки о штаны, но по-прежнему молчали.

- Нравится? - услышала Динни вопрос тетки. Губы Босуэла и Джонсона зашевелились, но девушка не уловила ни одного членораздельного звука. Тот, кого она считала Босуэлом, приподнял шляпу и почесал голову. Затем тетка указала рукой на башмачки, и второй, тот, что в зеленой шляпе, внезапно заговорил. Он говорил так, что - как заметила Динни - даже ее тетка не могла разобрать ни слова, но речь его все лилась и лилась и, казалось, доставляла ему немалое удовлетворение. Время от времени тетка восклицала: "А!" - но Джонсон продолжал говорить. Внезапно он умолк, леди Монт еще раз воскликнула: "А!" - и снова присоединилась к племяннице.

- Что он сказал? - спросила Динни.

- Ниче'о. Ни слова, - ответила тетка. - Это просто невысказано. Но ему приятно.

Она помахала рукой обоим садовникам, которые вновь застыли, и двинулась дальше.

Теперь они вошли в павильон роз. Динни взглянула на ручные часы, она условилась с Уилфридом встретиться здесь у входа.

Девушка торопливо оглянулась. Пришел! Хилери идет не оборачиваясь, тетя Мэй следует за ним, тетя Эм беседует с кем-то из цветоводов. Под прикрытием колоссальной группы розовых кустов Динни пробралась к выходу. Уилфрид сжал ей руки, и она позабыла, где находится.

- Хватит у тебя сил, милый? Здесь тетя Эм, мой дядя Хилери и его жена. Мне страшно хочется познакомить тебя с ними, - они ведь тоже иксы в нашем уравнении.

В эту минуту Уилфрид напоминал ей напрягшуюся перед прыжком лошадь, которой предстоит взять незнакомое препятствие.

- Как тебе угодно, Динни.

Они отыскали тетю Эм, занятую беседой с представителями Плентемских оранжерей.

- Для этих - солнечная сторона, известковая почва. А для немезий не надо. Их можно сажать где у'одно. Они так впитывают вла'у! Флоксы по'ибли. По крайней мере, они так сказали. Не знаю, правда ли. О, вот и моя племянница! Знакомься, Динни - мистер Плентем. Он часто присылает... О, мистер Дезерт! Я помню, как вы вели Майкла под руку в день е'о свадьбы.

Леди Монт подала Уилфриду руку и, видимо не очень спеша ее отдернуть, приподняла брови и уставилась на него умеренно удивленным взглядом.

- Дядя Хилери, - шепотом напомнила Динни.

- Да, да, - спохватилась леди Монт. - Хилери, Мэй, - мистер Дезерт.

Дядя Хилери, разумеется, остался самим собою, но у тети Мэй вид стал такой, точно она здороваается с деканом. И почти сразу же родственники, не сговариваясь, оставили Динни наедине с возлюбленным.

- Что ты скажешь о дяде Хилери?

- По-моему, он из тех, к кому можно обратиться, когда тебе трудно.

- Именно так. Он инстинктивно умеет не прошибать стены лбом, но зато непрерывно их обходит. Это у него привычка, - он ведь живет в трущобах. Он согласен с Майклом, что публикация "Барса" - ошибка.

- Потому что я прошибаю стену лбом, да?

- Да.

- Жребий, как говорится, брошен. Жалею, если тебя это огорчает, Динни.

Рука Динни отыскала его руку.

- Нет. Мы не сложим оружия до конца. Но, Уилфрид, постарайся хоть ради меня принять все, что произойдет, так же спокойно, как я. Давай спрячемся за этим фейерверком фуксий и удерем. Мои к этому готовы.

Они выбрались из павильона и пошли к выходу на набережную мимо выложенных камнем цветочных клумб, перед каждой из которых, невзирая на сырость, стоял ее создатель, всем своим видом говоря: "Полюбуйтесь на нее и дайте мне работу!"

- Люди создают такую красоту, а им еще приходится упрашивать, чтобы на них обратили внимание! - возмутилась девушка.

- Куда пойдём, Динни?

- В Баттерси-парк.

- Тогда нам через мост.

- Ты был такой милый, когда разрешил представить тебя, только очень похож на лошадь, которая не даёт надеть хомут. Мне хотелось погладить тебя по шее.

- Я отвык от людей.

- Не зависеть от них - приятно.

- Люди - самая большая помеха в жизни. Но тебе, по-моему...

- Мне нужен один ты. У меня, наверно, собачья натура. Без тебя я просто пропаду.

Губы его дрогнули, и это было для нее красноречивее всякого ответа.

- Ты бывала в приемнике для бездомных собак? Это вот тут.

- Нет. О бездомных собаках страшно думать. А надо бы. Зайдем!

Заведение всем своим видом напоминало больницу, то есть доказывало, что все идет как нельзя лучше, хотя на самом деле все шло как нельзя хуже. Здесь раздавалось положенное количество лая, и собачьи морды выражали положенное количество растерянности. При появлении посетителей хвосты начинали вилять. Породистые собаки вели себя спокойнее и выглядели более печальными, чем численно преобладавшие здесь дворняги. В углу проволочной клетки, понуриив длинноухую голову, сидел спаниель. Уилфрид и Динни подошли к нему.

- Как могли забыть такого замечательного пса? - удивилась Динни. - Он тоскует.

Уилфрид просунул пальцы сквозь сетку. Собака подняла голову. Они увидели красные ободки век и шелковистую челку, свисающую со лба. Животное медленно встало и начало подрагивать, словно в нем шла какая-то борьба или оно что-то соображало.

- Иди сюда, старина.

Пес медленно подошел. Он был весь черный, квадратный, с лохматыми ногами, словом, явно породистый, отчего пребывание его среди бездомных сородичей казалось еще более необъяснимым. Он стоял так близко от проволоки, что до него можно было дотянуться. Сначала его короткий хвост повиливал, затем снова повис, как будто животное хотело сказать: "Я не пропускаю ни одной возможности, но вы - не то, что мне надо".

- Ну что, старина? - окликнул Уилфрид собаку.

Динни наклонилась к спаниелю:

- Поцелуй меня.

Собака взглянула на них, вильнула хвостом и снова опустила его.

- Не слишком общительный характер, - заметил Уилфрид.

- Ему не до разговоров. Он же тоскует.

Динни наклонилась еще ниже. На этот раз ей удалось просунуть через сетку всю руку:

- Иди сюда, мой хороший! Пес обнюхал ее перчатку. Хвост его опять качнулся, розовый язык на мгновение высунулся, словно желая удостовериться в существовании губ. Динни отчаянным усилием дотянулась пальцами до его гладкой, как шелк, морды.

- Уилфрид, он замечательно воспитан!

- Его, наверно, украли, а он удрал. Видимо, он из какой-нибудь загородной псарни.

- Вешала бы тех, кто крадет собак! Темно-карие глаза пса были по краям подернуты влагой. Они смотрели на Динни с подавленным волнением, будто говоря: "Ты - не мое прошлое, а будет ли у меня будущее - не знаю".

Девушка подняла голову:

- Ох, Уилфрид!..

Он кивнул и оставил ее наедине с собакой. Динни присела на корточки и стала почесывать животное за ушами. Наконец вернулся Уилфрид в сопровождении служителя, который нес цепочку и ошейник.

- Я забираю его, - объявил Уилфрид. - Срок вчера кончился, но его решили подержать еще неделю, из-за того что он породистый.

Динни отвернулась, глаза ее увлажнились. Она торопливо вытерла их и услышала, как служитель сказал:

- Я сперва надену на него ошейник, сэр, а потом уж выпущу. Он того гляди убежит. Никак не привыкнет к месту.

Динни обернулась:

- Если хозяин объявится, мы ею немедленно вернем.

- На это надежды мало, мисс. По-моему, владелец собаки просто умер. Она сорвала ошейник, отправилась искать хозяина и потерялась, а к нам послать за ней не догадались. Вы не промахнулись, - песик-то славный. Рад за него. Мне было бы жалко его прикончить: он ведь совсем молодой.

Служитель надел ошейник, вывел собаку и передал цепочку Уилфриду; тот оставил ему свою карточку.

- На тот случай, если наведается хозяин. Пойдем, Динни, прогуляем его. Идем, старина.

Безымянный пес, услышав сладчайшее слово собачьего лексикона, кинулся вперед, насколько позволяла цепочка.

- По-видимому, служитель прав. Дай бог, чтобы его предположение подтвердилось. Собака у нас приживется, - заметил Уилфрид.

Выйдя на траву, они попытались завоевать доверие пса. Тот терпеливо переносил их заигрывания, но не отвечал на них. Он опустил глаза и поджал хвост, воздерживаясь от слишком поспешных выводов.

- Отвезем-ка его домой, - предложил Уилфрид. - Посиди с ним, а я сбегаю за такси.

Он обмахнул скамейку носовым платком, передал Динни цепочку и скрылся.

Динни села и стала наблюдать за псом. Тот рванулся вслед Уилфриду на всю длину цепочки, затем улегся наземь в той же позе, в какой девушка увидела его впервые.

Насколько глубоко чувствуют собаки? Они, безусловно, понимают, что к чему: любят, ненавидят, страдают, покоряются, сердятся и радуются, как, люди. Но у них маленький запас слов и поэтому - никаких идей! И всетаки лучше любой конец, чем жить за проволокой и быть окруженной собаками, уступающими тебе в восприимчивости!

Пес подошел к Динни, потом повернул голову в том направлении, где скрылся Уилфрид, и заскулил.

Подъехало такси. Пес перестал скулить, бока у него заходили.

"Хозяин!" Спаниель натянул цепочку.

Уилфрид подошел к нему. Цепочка ослабела. Динни почувствовала, что пес разочарован. Затем цепочка опять натянулась, и животное завиляло хвостом, обнюхивая отвороты брюк Уилфрида.

В такси пес уселся на пол, цепочка опустилась на ботинок Уилфрида. На Пикадилли его охватило беспокойство, и он положил голову на колени девушки. Эта поездка между Уилфридом и псом привела эмоции Динни в такое смятение, что, выйдя из машины, она облегченно вздохнула.

- Интересно, что скажет Стэк? - усмехнулся Уилфрид. - Спаниель - не слишком желанный гость на Корк-стрит.

По лестнице пес поднялся спокойно.

- Приучен к дому, - растроганно констатировала Динни.

В гостиной спаниель долго обнюхивал ковер. Наконец установил, что ножки мебели не представляют для него интереса и что подобные ему здесь не проживают, и положил морду на диван, кося краем глаза по сторонам.

- Хоп! - скомандовала Динни. Спаниель вскочил на диван.

- Боже! Ну и запах! - ужаснулся Уилфрид.

- Давай выкупаем его. Ступай напусти воды в ванну, а я тем временем его осмотрю.

Динни придержала пса, который порывался вдогонку Уилфриду, и принялась перебирать ему шерсть. Она заметила несколько желтых блох, но других насекомых не обнаружила.

- Плохо ты пахнешь, мой хороший! Спаниель повернул голову и лизнул девушке нос.

- Ванна готова, Динни.

- Я нашла только блох.

- Если хочешь помогать, надевай халат, не то испортишь платье.

Уилфрид встал к ней спиной. Динни сбросила платье и надела голубой купальный халат, смутно надеясь, что Уилфрид обернется, и уважая его за то, что он этого не сделал. Она закатала рукава и встала рядом с ним. Когда спаниеля подняли над ванной, собака высунула длинный язык.

- Его не стошнит?

- Нет, собаки всегда так делают. Осторожно, Уилфрид, - они пугаются всплеска. Ну!

Спаниель, опущенный в воду, побарахтался и встал на ноги, опустив голову и сиюсь устоять на скользкой поверхности.

- Вот шампунь. Это все-таки лучше, чем ничего. Я буду держать, а ты намыливай.

Динни плеснула шампунем на черную, словно полированную спину, окатила псу водой бока и принялась его тереть. Эта первая домашняя работа, которую она делала сообща с Уилфридом, рождала в девушке чистую радость, она сближала ее и с любимым и с его собакой. Наконец она выпрямилась.

- Уф! Спина затекла. Отожми на нем, шерсть и спускай воду. Я его придержу.

Уилфрид спустил воду. Спаниель, который вел себя так, словно был не слишком огорчен расставанием с блохами, яростно отряхнулся, и обоим пришлось отскочить.

- Не отпускай! - закричала Динни. - Его нужно вытереть тут же в ванне.

- Понятно. Обхвати его за шею и держи.

Закутанный в простыню, пес с растерянным и несчастным видом потянулся к девушке мордой.

- Потерпи, бедный мой, сейчас все кончится и ты будешь хорошо пахнуть.

Собака опять начала отряхиваться.

Уилфрид размотал простыню.

- Подержи его минутку, я притащу старое одеяло. Мы его завернем, пусть обсыхает.

Динни осталась с собакой, которая пыталась выскочить из ванны и уже поставила передние лапы на край. Девушка придерживала их, наблюдая за тем, как из глаз животного исчезает накопившаяся в них тоска.

- Вот так-то лучше! Они завернули притихшего пса в старое армейское одеяло и отнесли его на диван.

- Как мы назовем его, Динни?

- Давай перепробуем несколько кличек. Может быть, угадаем, как его зовут.

Собака не откликнулась ни на одну.

- Ладно, - сказала Динни. - Назовем его Фошем. Если бы не Фош, мы никогда бы не встретились.

XVIII

Настроение, возобладавшее в Кондафорде после возвращения генерала, было тревожным и тяжелым. Динни обещала вернуться в субботу, но настала среда, а она все еще находилась в Лондоне. Даже ее слова: "Формально мы не помолвлены", - никому не принесли облегчения, потому что генерал пояснил: "Это просто вежливая отговорка". Под нажимом леди Черрел, жаждавшей точного отчета о том, что произошло между ним и Уилфридом, сэр Конуэй лаконично ответил:

- Он почти все время молчал. Вежлив, и, скажу честно, похоже, что не из трусливых. Отзывы о нем тоже прекрасные. Необъяснимый случай!

- Ты читал его стихи, Кон?

- Нет. Как их достать?

- У Динни где-то есть. Страшно горькие... Сейчас многие так пишут. Я готова примириться с чем угодно, лишь бы Динни была счастлива.

- Динни рассказывала, что у него в печати поэма, посвященная этой истории. Парень, должно быть, тщеславен.

- Все поэты такие.

- Не знаю, кто может повлиять на Динни. Хьюберт говорит, что потерял с ней контакт. Начинать семейную жизнь, когда над головой нависла гроза!

- Мне кажется, мы, живя здесь, в глуши, перестали понимать, что вызывает грозу, а что нет, - возразила леди Черрел.

- В таких вопросах не может быть двух мнений, - по крайней мере, у людей, которые идут в счет, - отрезал генерал.

- А разве в наши дни такие еще сохранились? Сэр Конуэй промолчал. Затем жестко произнес:

- Аристократия осталась костяком Англии. Все, что держит страну на плаву, - от нее. Пусть социалисты болтают что угодно, - тон у нас задают те, кто служит и хранит традиции.

Леди Черрел, удивленная такой длинной тирадой, подняла голову.

- Допустим, - согласилась она. - Но что же все-таки делать с Динни?

Сэр Конуэй пожал плечами:

- Ждать, пока не наступит кризис. Оставить ее без гроша - устарелый прием, да о нем и вообще не может быть речи, - мы слишком любим Динни. Ты, конечно, поговори с ней, Лиз, если представится случай...

У Хьюберта и Джин дискуссия по этому вопросу приняла несколько иной оборот.

- Ей-богу. Джин, мне хочется, чтобы Динни вышла за твоего брата.

- Ален уже переболел. Вчера я получила от него письмо. Он в Сингапуре. По всей видимости, там у него кто-то есть. Дай бог, чтобы незамужняя. На Востоке мало девушек.

- Не думаю, чтобы он увлекся замужней. Ален не из таких. Может быть, туземка? Говорят, среди малаек попадаются очень недурные.

Джин скорчила гримаску:

- Малайка после Динни! Затем помолчала и прибавила:

- А что, если мне повидаться с этим мистером Дезертом? Уж я-то ему объясню, что о нем подумают, если он втянет Динни в эту грязную заваруху.

- Смотри, с Динни надо быть начеку.

- Если можно взять машину, я завтра съезжу посоветуюсь с Флер. Она должна его хорошо знать, - он был у них шафером.

- Я обратился бы не к ней, а к Майклу. Но, ради бога, будь осторожна, старушка.

На другой день Джин, привыкшая не отделять слов от дела, ускользнула, пока все еще спали, и в десять утра была уже на Саут-сквер в Вестминстере. Майкл, как сразу же выяснилось, пребывал в своем избирательном округе.

- Он считает, что чем прочнее сидит в палате, тем чаще должен встречаться с избирателями. Благодарность - это у него своеобразный комплекс. Чем могу быть полезна?

Джин, созерцавшая Фрагонара с таким видом, будто находит его чересчур французским, медленно отвела от картины глаза, опущенные длинными ресницами, и Флер чуть не подпрыгнула. В самом деле -

тигрица!

- Дело касается Динни и ее молодого человека. Я полагаю, вы знаете, что с ним случилось на Востоке.

Флер кивнула.

- Что можно предпринять? Флер насторожилась. Ей - двадцать девять, Джин - всего двадцать три, но держаться с ней, как старшая, бесполезно.

- Я давным-давно не видела Уилфрида.

- Кто-то должен сказать ему в глаза, что о нем подумают, если он втянет Динни в эту грязную заваруху.

- Я отнюдь не уверена, что она начнется, даже если поэма увидит свет.

Люда склонны прощать Аяksam их безумства.

- Вы не бывали на Востоке.

- Нет, бывала, - я совершила кругосветное путешествие.

- Это совсем не то.

- Дорогая, простите, что я так говорю, - извинилась Флер, - но Черрелы отстали от века лет на тридцать.

- Я - не Черрел.

- Верно. Вы - Тесбери, а эти еще почище. Сельские приходы, кавалерия, флот, индийская гражданская администрация, - разве они теперь идут в счет?

- Да, идут - для тех, кто связан с ними. А он связан, и Динни тоже.

- Ни один по-настоящему любящий человек ничем и ни с кем не связан.

Много вы раздумывали, когда выходили за Хьюберта? А ведь над ним тяготело обвинение в убийстве!

- Это совсем другое дело. Хьюберт не совершал ничего постыдного.

Флер улыбнулась:

- Вы верны себе. Застану ли я вас врасплох, как выражаются в судебных отчетах, если скажу, что в Лондоне не найдется и одного человека из двадцати, который не зевнул бы вам в лицо, если бы вы поинтересовались у него, заслуживает ли Уилфрид осуждения, и не найдется даже одного из сорока, который не забыл бы обо всем этом ровно через две недели.

- Я вам не верю, - решительно отпарировала Джин.

- Дорогая, вы не знаете современного общества.

- Современное общество в счет не идет, - еще решительнее отрезала Джин.

- Допустим. А что же тогда идет?

- Вам известен его адрес? Флер расхохоталась.

- Корк-стрит, напротив картинной галереи. Уж не собираетесь ли вы сцепиться с ним, а?

- Посмотрим.

- Уилфрид умеет кусаться.

- Ну, мне пора, - объявила Джин. - Благодарю.

Флер восхищенно посмотрела на нее. Молодая женщина вспыхнула, и румянец на смуглых щеках придал ей еще большую яркость.

- Что ж, дорогая, до свиданья. Заезжайте рассказать, чем все кончилось. Я ведь знаю, - вы дьявольски отважны.

- Я не уверена, что пойду к нему. До свиданья! - попрощалась Джин.

Она промчалась мимо палаты общин, кипя от злости. Темперамент так сильно увлекал ее в сторону непосредственных действий, что светская мудрость Флер лишь привела ее в раздражение. Однако ясно, что отправиться к Уилфриду Дезерту и сказать: "Уйдите и оставьте мою золовку", - совсем не так просто, как казалось вначале. Тем не менее Джин доехала до Пэл-Мэл, оставила машину на стоянке у Партенеума и пешком вышла на Пикадилли. Встречные, в особенности мужчины, оборачивались и смотрели ей вслед, пораженные ее грацией, гибкостью и цветом лица, которое словно светилось. Джин понятия не имела о Корк-стрит и знала только, что это по соседству с Бонд-стрит. Когда она все-таки добралась туда, ей пришлось промерить улицу из конца в конец, прежде чем она обнаружила картинную галерею. "Его квартира, видимо, в подъезде напротив", - решила она, вошла и в нерешительности остановилась перед дверью без таблички с фамилией. Вслед за ней поднялся мужчина с собакой на поводке и остановился рядом с Джин:

- Чем могу служить, мисс?

- Я миссис Хьюберт Черрел. Здесь живет мистер Дезерт?

- Да, мэм, но я не уверен, может ли он вас принять. Фош, к ноге! Ты умный пес! Если вы подождете минутку, я выясню.

Минутой позже, решительно глотнув воздух, она предстала перед Дезертом. "В конце концов, не страшнее же он приходского комитета, когда из того нужно выколачивать деньги", - подумала Джин.

Уилфрид стоял у окна. Лицо его выразило недоумение.

- Я - невестка Динни, - представилась Джин. - Прошу прощения, что беспокою, но мне хотелось увидеться с вами.

Уилфрид поклонился.

- Фош, ко мне! Спаниель, обнюхивавший юбку Джин, повиновался только после второго окрика. Он лизнул Уилфриду руку и уселся за его

спиной. Джин вспыхнула.

- Это страшное нахальство с моей стороны, но я надеялась, что вы не обидитесь. Мы на днях вернулись из Судана.

Взгляд Уилфрида остался, как прежде, ироническим, а ирония всегда выводила Джин из равновесия. Она запнулась и выдавила:

- Динни никогда не бывала на Востоке.

Уилфрид снова поклонился. Дело оборачивалось серьезно, - это не заседание приходского комитета.

- Не соблаговолите ли присесть? - предложил он.

- О нет, благодарю вас, я на минутку. Видите ли, я хотела сказать, что Динни пока еще не представляет себе, какое значение приобретают там некоторые вещи.

- Я, знаете ли, так вас и понял.

- О! Наступило минутное молчание. Румянец Джин стул ярче, улыбка Уилфрида - ироничнее. Наконец он сказал:

- Благодарю за визит. У вас ко мне еще что-нибудь?

- Н-нет... До свиданья!

Спускаясь по лестнице, Джин острее, чем когда-либо в жизни, чувствовала себя маленькой и жалкой. Однако первый же мужчина, с которым она разминулась на улице, отскочил в сторону, потому что ее взгляд потрянул его, как электрический ток. Однажды в Бразилии этот прохожий дотронулся до электрического угля, но и тот произвел на него меньшее впечатление. Как ни странно, возвращаясь к машине. Джин не злилась на Уилфрида, хотя он и нанес ей поражение. И, еще удивительнее, - рассеялось чувство, подсказывавшее ей, что Динни в опасности.

Джин добралась до машины и после легкой перебранки с полисменом повернула обратно в Кондафорд. Ведя автомобиль с угрожающей скоростью, она поспела домой к завтраку. Она не обмолвилась ни словом о своем приключении, объявив, что вернулась с дальней прогулки. И только вечером, лежа на кровати с пологом в лучшей комнате для гостей, сказала Хьюберту:

- Я виделась с ним. Знаешь, Хьюберт, теперь я уверена, что у Динни все будет в порядке. В нем есть обаяние.

- Боже мой! - удивился Хьюберт, приподнимаясь на локте. - Какое это имеет отношение к делу?

- Самое непосредственное, - ответила Джин. - Поцелуй меня и не рассуждай...

Когда странная юная посетительница ушла, Уилфрид бросился на диван и устался в потолок. Он чувствовал себя как генерал, одержавший

победу, то есть пребывал в полнейшей растерянности. Жизнь его сложилась так, что, прожив тридцать лет в атмосфере всеобщего эгоизма, он не привык к чувствам, которые пробудила в нем Динни с первой же минуты их знакомства. Старомодное слово "поклонение" выражало их весьма неполно, а более подходящего выражения не находилось. В ее присутствии Уилфрид испытывал такое спокойствие и умиротворенность, что, когда она уходила, он сам себе казался человеком, вынувшим из себя душу и отдавшим ее в заклад. Вместе с этим не изведанным до сих пор блаженством в нем крепла уверенность, что его собственное счастье не будет полным, если она не будет счастлива. Динни не раз говорила ему, что бывает счастливой, лишь когда он рядом. Но это абсурд! Он не может заменить ей все житейские интересы и привязанности, которые предшествовали их знакомству у памятника Фошу. А если не может, что он даст ей взамен? Именно об этом спрашивали Уилфрида глаза молодой женщины, продолжавшие сверкать перед ним и после ее ухода. Ему удалось обратить ее в бегство, но вопрос остался и носился в воздухе.

Спаниель, чужавший присутствие незримого острее своего хозяина, положил длинную морду на его колено. Даже собакой он обязан Динни! Он отвык от людей. Эта история, нависшая над ним, отрезала его от мира. Женившись на Динни, он обречет на одиночество и ее. Честно ли так поступать?

Но тут он вспомнил, что через полчаса у него назначена встреча с ней, и позвонил:

- Я ухожу, Стэк.

- Хорошо, сэр.

Уилфрид вывел собаку и направился к парку. У памятника кавалерии он сел в ожидании Динни, стал раздумывать, рассказать ли ей о посетительнице, и в этот момент заметил девушку.

Она торопливо шла со стороны Парк Лейн, но еще не видела Уилфрида. Динни казалась стремительной, прямой и, по излюбленному в романах выражению, "воздушной". Она была как весна и улыбалась так, словно узнала ' что-то очень приятное для себя. Девушка не подозревала о его присутствии, и первый же взгляд, брошенный на нее Уилфридом, успокоил его. Пока она может быть такой довольной и беспечной, ему не о чем тревожиться. У бронзового коня, которого Динни окрестила "норовистым пузанчиком", она остановилась, высматривая Уилфрида, весело повертела головой из стороны в сторону, но на лице ее выразилась некоторая тревога. Уилфрид поднялся. Девушка помахала ему рукой и перебежала через дорожку.

- Позировала перед Боттичелли, Динни?
- Нет, перед ростовщиком. На всякий случай рекомендую - Феруэн, Саут-Молтон-сквер.
- Ты - у ростовщика?
- Да, милый. У меня теперь в кармане столько собственных денег, сколько за всю жизнь не было.
- Зачем они тебе? Динни наклонилась и погладила собаку.
- С тех пор как я встретила тебя, я знаю, чем хороши деньги.
- Чем?
- Тем, что позволяют не расставаться с тобой из-за их отсутствия. Широкие бескрайние просторы - вот что теперь нам нужно. Спусти Фоша с поводка, Уилфрид. Он и так побежит за нами.

XIX

В таком литературном центре, как Лондон, где чуть ли не каждый день на прилавки выбрасываются добрых полдюжины книг, появление тоненького томика стихов обычно проходит незамеченным. Однако обстоятельства сложились так, что выход в свет сборника "Барс" и другие стихотворения превратился в "литературное событие". Это была первая книга Уилфрида после четырехлетнего молчания. Его одинокая фигура привлекала к себе всеобщее внимание редким в среде старинной аристократии поэтическим талантом, горечью и силой прежних стихов, постоянным пребыванием на Востоке и отчужденностью от литературных кругов, а в последнее время и слухами о переходе его в мусульманство. Четыре года тому назад, когда вышла его третья книжка, кто-то прозвал его "Байроном в пеленках", и определение стало крылатым. Кроме того, он сумел найти себе молодого издателя, который владел искусством "запускать машину", как он выражался. Немногие недели, прошедшие с момента поступления к нему рукописи Уилфрида, он только и делал, что завтракал и обедал с разными людьми, настоятельно советуя всем прочесть "Барса", который станет самой сенсационной поэмой со времен "Пса небес". На вопрос "почему?" он отвечал кивками, подмигиванием и улыбкой во весь рот. Правда ли, что молодой Дезерт перешел в ислам? О да! Он в Лондоне? О да! Но он, конечно, самая неуловимая и редкая птица в литературных кругах.

Этот издатель, именовавший свою фирму "Компсон Грайс лимитед", с самого начала сообразил, что "Барс" - беспроигрышная ставка: поэмой не будут наслаждаться, но зато о ней заговорят. Задача Компсона Грайса сводилась, по существу, к тому, чтобы пустить снежный ком по склону, а это он, когда одушевлялся верой в успех, умел делать, как никто. За три дня

до выхода книги он преднамеренно нечаянно встретился с Телфордом Юлом.

- Хэлло, Юл! Вернулись из Аравии?

- Как видите.

- Знаете, в понедельник у меня выходит изумительный сборник стихов "Барс" Уилфрида Дезерта. Хотите экземпляр? Заглавная поэма - нечто потрясающее.

- Неужели?

- Она станет в десять раз известней, чем поэма, из "Индийских стихов" Альфреда Лайела о человеке, который предпочел умереть, но не изменил своей религии. Помните?

- Помню.

- Правда, что Дезерт перешел в магометанство?

- Спросите у него.

- Он, видимо, написал эту поэму о самом себе. Она носит насквозь личный характер.

- В самом деле?

Компсону Грайсу внезапно пришла в голову мысль: "Эх, если бы так!.. Вот был бы шум!"

- Вы знакомы с ним, Юл?

- Нет.

- Вы Должны прочесть эту штуку. Я просто оторваться не мог.

- Вот как?

- Как человек решается печатать поэму о своих собственных переживаниях?

- Затрудняюсь ответить.

И еще более внезапно Компсон Грайс подумал: "Эх, если бы так!.. Сто тысяч экземпляров распродать можно!"

Он вернулся к себе в контору, рассуждая: "Юл чертовски скрытен. Думаю, что я прав, - он знает об этой истории. Он только что вернулся, а на базарах, говорят, все уже известно. Теперь сообразим, что у нас получается. Сборник идет по пять шиллингов. Разберут его нарасхват. После уплаты гонорара остается шесть пенсов чистой прибыли с экземпляра. Сто тысяч экземпляров дадут две с половиной тысячи фунтов. Дезерт получит столько же. Клянусь святым Георгием, для него слишком много! Нет, нет, честность в расчетах с клиентом превыше всего".

И тут на Компсона Грайса низошло вдохновение, которое нередко осеняет честных людей, узревших возможность заработать.

"Я должен указать ему на риск, связанный с тем, что поэму могут

счесть выражением личных переживаний. Сделаю это сразу же по выходе книги. А пока что подготовлю второе издание".

Накануне появления сборника Марк Хенна, известный критик, который еженедельно отзывался кому-нибудь заупокойную в соответствующем отделе "Колокола", где он сотрудничал, уведомил Компсона Грайса, что "выложил им все" в рецензии на поэму "Барс". Более молодой литературный деятель, известный своими пиратскими приемами, ни о чем издателя не известил, но статью тоже подготовил. Обе рецензии были напечатаны в день выхода сборника. Компсон Грайс вырезал их и прихватил в собой в ресторан "Жасмин", куда он пригласил Уилфрида позавтракать.

Они встретились у входа и проследовали к столику в дальнем конце зала. Помещение было набито людьми, знавшими всех и всякого в мире литературы, искусства и театра. Компсон Грайс, умудренный опытом угощения многих авторов, выждал, пока опорожнится бутылка "Мутон Ротшильд" 1870 года. Затем вытащил из кармана обе рецензии, положил перед собеседником статью Марка Хенны и спросил:

- Читали? Довольно сочувственная.

Уилфрид пробежал вырезку.

Критик действительно "выложил им все". Почти вся статья была посвящена превознесению "Барса", который объявлялся произведением, наиболее полно раскрывшим человеческую душу со времен Шелли.

- Чушь! Шелли раскрывается только в лирике.

- Шелли так Шелли! - отозвался Компсон Грайс. - Надо же ему на кого-то сослаться.

Рецензент утверждал, что поэма "срывает последние покровы лицемерия, к которому на протяжении всей истории литературы приходилось прибегать музе, как только дело касалось религии". Кончалась статья словами: "Эта поэма, которая представляет собой неудержимый поток повествования о муках души, поставленной перед жестокой дилеммой, есть поистине одно из высочайших достижений художественно-психологического анализа, известных нам в двадцатом столетии".

Подметив выражение, с каким его гость отложил вырезку, Компсон Грайс осторожно вставил:

- Очень неплохо! Личный пафос вещи - вот что всех покоряет.

Уилфрид судорожно передернулся.

- Есть у вас чем обрезать сигару? Компсон Грайс подал ему гильотинку вместе со второй рецензией:

- Думаю, что вам следует прочесть и эту, из "Дейли фейз".

Рецензии был предпослан заголовок:

ВЫЗОВ.

БОЛЬШЕВИЗМ ПРОТИВ ИМПЕРИИ.

Уилфрид взял статью.

- Кто такой Джеффи Колтем? - спросил он.

Рецензия начиналась с некоторых довольно точных сведений о прошлом поэта, его ранних работах и жизни вплоть до принятия им магометанства, о чем тоже упоминалось. Затем, после нескольких благосклонных замечаний об остальных стихотворениях сборника, рецензент переходил к "Барсу", который, по его словам, берет человека за горло мертвой хваткой бульдога. Ниже он цитировал строки:

Давно все догмы обветшали,
Проклятье вере и морали,
Что мысль цепями оковали!
От них лекарство есть одно
Сомненья горькое вино.

Пей скепис иль иди на дно! - и с расчетливой жестокостью продолжал:

"Повествовательная форма поэмы - тонкий способ замаскировать ту всеразрушающую горечь, которую невольно хочется объяснить раной, нанесенной непомерной гордыне того, кто изменил и себе и всему британскому. Намеревался ли мистер Дезерт раскрыть в поэме свой личный опыт и переживания в связи со своим обращением в ислам, религию, которой, заметим мимоходом, он, судя по вышеприведенным горьким и жалким строкам, достоин не более, чем христианства, - ответить мы, разумеется, не беремся, но советуем автору быть до конца искренним и сказать нам правду. Раз в нашей среде находится поэт, который с безусловным талантом проникает к нам в душу, подрывая наши верования и наш престиж, мы имеем право знать, не является ли он таким же ренегатом, как и его герои".

- По-моему, это пасквиль, - невозмутимо констатировал Компсон Грайс.

Уилфрид глянул на него так, что тот впоследствии признавался: "Я не подозревал, что у Дезерта такие глаза".

- Да, я ренегат. Я перешел в магометанство под пистолетом, и вы можете предать это гласности.

Еле удержавшись от возгласа: "Слава богу!" - Компсон Грайс протянул ему руку, но Уилфрид откинулся назад, и лицо его потонуло в клубе сигарного дыма. Издатель сполз на самый кончик стула:

- Значит, я должен послать в "Дейли фейз" письмо и заявить, что "Барс" написан вами на основании ваших личных переживаний? Так я вас понял?

- Так.

- Дорогой мой, это же замечательно! Это, если хотите знать, акт мужества!

Улыбка Уилфрида заставила Компсона Грайса отодвинуться назад к спинке стула, проглотить вертевшуюся на языке фразу: "Спрос на книгу чудовищно возрастет", - и заменить ее другой:

- Письмо чрезвычайно укрепит ваши позиции. Надо бы также щелкнуть по носу этого парня.

- Пусть занимается своей стряпней!

- Пожалуй, верно, - согласился Компсон Грайс. Он был отнюдь не намерен впутываться в драку, - влиятельная "Дейли фейз" могла подвергнуть избиению издаваемых им авторов.

Уилфрид поднялся:

- Весьма признателен. Мне пора.

Компсон Грайс посмотрел ему вслед. Дезерт уходил медленным шагом, высоко подняв голову. "Бедняга! - подумал издатель. - Вот будет сенсация!"

Вернувшись в контору, он потратил некоторое время на поиски фразы, которую можно было бы вырвать из рецензии, чтобы использовать для рекламы. Наконец он подобрал нужную выдержку:

"Дейли фейз": "В литературе последних лет поэма не имеет равных себе по мастерству".

(Остальную часть предложения Компсон Грайс опустил, потому что она гласила: "... выбивания почвы из-под ног у всего, на чем мы стоим".) Затем он сочинил письмо редактору газеты. Он пишет, сообщил Компсон Грайс, по просьбе мистера Дезерта, которому вовсе не нужно бросать вызов, чтобы добиться от него искренности, и который сам жаждет объявить во всеуслышание, что в основу "Барса" им действительно положены собственные переживания. Лично он, Компсон Грайс, считает такое откровенное признание самым поразительным актом мужества за последние годы. Он гордится тем, что первым печатает поэму, которая по своей психологической глубине, художественным достоинствам и чисто человеческой ценности представляет собой наиболее выдающееся явление современности.

Он подписался: "Ваш покорный слуга Компсон Грайс", - затем увеличил предполагаемый тираж второго издания, распорядился заранее

подготовить объявление: "Первое издание разошлось; второй, расширенный тираж - в наборе", - и поехал к себе в клуб играть в бридж.

Компсон Грайс, как и Майкл, состоял членом "Полиглота" и поэтому наткнулся в холле на Монта. Волосы его бывшего компаньона были растрепаны, уши стояли торчком, и заговорил он немедленно:

- Грайс, что вы собираетесь предпринять против этого молодого негодяя Колтема?

Компсон Грайс успокоительно улыбнулся и заверил:

- Не волнуйтесь! Я показал рецензию Дезерту, и он поручил мне вырвать у змеи жало, объявив, что он полностью все признает.

- О господи!..

- А что? Разве вы не знали?

- Знал, но...

Эти слова пролили бальзам на сердце Компсона Грайса, который усомнился было в правдивости признания Уилфрида. В самом деле, мог ли он решиться напечатать эту поему, если она написана о нем самом? Кто же станет разглашать такие подробности своей биографии? Но слова Монта разрешили его недоумение: тот в свое время открыл Дезерта и был ближайшим другом поэта.

- Словом, я написал в "Дейли фейз" и все объяснил.

- Так просил Уилфрид?

- Да, просил.

- Публикация поэмы - безумие. Quern Deus... [4]

Майкл перехватил выражение, мелькнувшее на лице Компсона Грайса, и горько прибавил:

- Впрочем, вам ведь важно, чтобы была сенсация.

Тот холодно возразил:

- Покамест трудно сказать, что это нам принесет - пользу или вред.

- Чушь! - вскипел Майкл. - Теперь все, будь они прокляты, кинутся читать поэму! Видели вы сегодня Уилфрида?

- Мы завтракали вместе.

- Как он выглядит?

"Как Азраил", - пришло на ум Компсону Грайсу, но ответил он подругому:

- О, прекрасно! Совершенно спокоен.

- Как грешник в аду! Слушайте, Грайс, если вы не встанете рядом с ним и не поддержите его всем, что только в ваших силах, я с вами навеки порву.

- За кого вы меня принимаете, дорогой друг? - не без достоинства

осадил его Компсон Грайс и, одернув жилет, проследовал в карточный салон.

Майкл, бормоча под нос: "Рыбья кровь!" - помчался на Корк-стрит.

"Не знаю, захочет ли бедняга видеть меня", - тревожно думал он.

Но, дойдя до угла этой улицы, Майкл впал в такой ужас, что отправился не к Уилфриду, а на Маунт-стрит. Дворецкий сообщил ему, что его родителей нет дома, но мисс Динни приехала утром из Кондафорда.

- Хорошо, Блор. Если она не ушла, я ее сам найду.

Он поднялся по лестнице и осторожно приоткрыл дверь гостиной.

В нише под клеткой с попугаем тетки тихо и прямо, как девочка на уроке, сидела Динни, сложив руки на коленях и устремив взгляд в пространство. Она не заметила Майкла, пока тот не положил ей руку на плечо:

- Маленькая моя!

- Как сделать так, чтобы тебе не хотелось убить человека?

- Ах, ядовитый гаденыш! Твои прочли "Дейли фейз"? Динни кивнула.

- Какая реакция?

- Молчание и поджатые губы.

Майкл кивнул:

- Бедная девочка! И ты все-таки приехала?

- Да. Мы идем с Уилфридом в театр.

- Передай ему привет и скажи, что я буду у него, как только понадобится. Да, вот что, Динни, постарайся дать ему почувствовать, что мы восхищены тем, как он сжег мосты.

Динни подняла на Майкла глаза, и выражение их тронуло его.

- Он поступил так не от гордости, Майкл. В нем зреет что-то страшное. В глубине души он не доверяет себе: ему кажется, что он отрекся из трусости. Я знаю, он не может выбросить это из головы. По его мнению, он обязан доказать, - и не столько другим, сколько себе, - что он не трус. О, я-то знаю, что он не такой! Но пока он не докажет этого себе и окружающим, от него можно ожидать всего.

Майкл кивнул. Из своей единственной встречи с Уилфридом он вынес примерно такое же впечатление.

- А тебе известно, что он сам просил издателя написать письмо?

- Что же теперь будет? - беспомощно спросила Динни.

Майкл пожал плечами.

- Майкл, неужели никто не поймет, в каком положении он тогда оказался?

- Люди с воображением встречаются редко. Я не смею утверждать, что

сам могу понять его. А ты можешь?

- Только потому, что это - Уилфрид.

Майкл стиснул ей руку:

- Я рад, что у тебя старомодный недуг, а не просто современная "физиологическая потребность".

XX

Пока Динни одевалась, к ней в комнату вошла тетка:

- Твой дядя прочел мне эту статью. Удивляюсь!

- Чему, тетя?

- Я знавала одно'о Колтема, но он умер.

- Этот тоже когда-нибудь умрет.

- Динни, где ты заказываешь такие лифы на косточках? Очень удобные.

- У Хэрриджа.

- Твой дядя говорит, что Дезерт должен выйти из свое'о клуба.

- Уилфриду решительно наплевать на клуб, - он за все время там и десяти раз не был. Но я не надеюсь, что он напишет туда о своем выходе.

- Заставь е'о.

- Тетя, мне никогда не придет в голову заставлять его что-нибудь делать.

- Это так ужасно, ко'да тебе кладут черные шары!

- Тетя, милая, можно мне подойти к зеркалу? Леди Монт пересекла комнату и взяла с ночного столика тоненькую книжечку:

- "Барс"! Но он же изменил их, Динни.

- Нет, тетя. У него не было пятен, которые можно менять.

- А крещение, и вообще?

- Если в крещении есть какой-то смысл, значит, оно - надругательство над детьми, которые не в состоянии понять, в чем оно заключается.

- Динни!

- Да, я так считаю. Нельзя ни на что обречь людей без их согласия. К тому времени, когда Уилфрид научился мыслить, у него уже не было веры.

- Значит, он не отрекся, а принял.

- Он это знает.

- Поделом этому арабу, - объявила леди Монт, направляясь к двери. Какая навязчивость! Если тебе нужен ключ от двери, возьми у Блора.

Динни торопливо закончила туалет и побежала вниз. Блор был в столовой.

- Тетя Эм велела дать мне ключ, Блор, и вызовите, пожалуйста, такси.

Дворецкий позвонил на стоянку такси, принес девушке ключ и сказал:

- Миледи привыкла высказывать свои мысли вслух, так что я поневоле все знаю, мисс. Утром я и говорю сэру Лоренсу: "Если бы мисс Динни могла его увезти в горную Шотландию, куда газеты не доходят, это сэкономило бы им много нервов". В наше время, если замечали, мисс, что ни день - новое событие, да и память у людей не такая, как прежде. Вы простите, что я об этом заговорил.

Динни взяла ключ:

- Наоборот, я благодарна вам, Блор. Я и сама ничего лучшего не желала бы. Только боюсь, он сочтет такой шаг недостойным.

- В наше время молодые леди умеют добиваться всего, чего захотят.

- Мужчинам все-таки приходится соблюдать осторожность, Блор.

- Конечно, мисс. Родные - трудный народ, но все как-нибудь образуется.

- Думаю, что мы выдержим эту свистопляску.

Дворецкий сокрушенно покачал головой:

- По-моему, тот, кто ее начал, изрядно виноват. Зачем без нужды причинять другим неприятности? Такси у подъезда, мисс.

В машине девушка опустила оба боковых стекла и наклонилась вперед, чтобы ей обдувало сквозняком разгоряченные щеки. Она была полна таким сладостным волнением, что в нем тонули даже злоба и негодование, которое вызвала у нее рецензия. На углу Пикадили она увидела плакат: "Все на дерби!" Завтра дерби! Оказывается, она перестала замечать время! Дин ни ехала в Сохо, где они с Уилфридом собирались пообедать у Блафара, но такси двигалось медленно - накануне национального праздника уличное движение было особенно оживленным. У дверей ресторана со спаниелем на поводке стоял Стэк. Он протянул ей конверт:

- Мистер Дезерт послал меня к вам с запиской, а я прихватил с собой пса, - пусть погуляет.

"Динни, родная,

Прости, что сегодня подвел. Весь день терзаюсь сомнениями. Дело вот в чем: пока я не узнаю, как на меня посмотрят после этой истории, мне не отделаться от мысли, что я не вправе компрометировать тебя. Ради тебя самой я должен избегать появляться с тобой на людях. Надеюсь, ты прочла "Дейли фейз"? Травля началась. С неделю хочу побыть один - посмотрю, как все обернется. Я не сбегу, мы сможем переписываться. Ты меня поймешь. Собака стала моей отрадой. Ею я тоже обязан тебе. До скорого свидания, любимая.

Твой Уилфрид".

Динни стоило величайшего напряжения не схватиться руками за сердце на глазах у шофера. Вот и свершилось то, чего она все время втайне боялась, - она отрезана в самый разгар боя. Сделав над собой еще одно усилие, она дрожащими губами выдавила: "Подождите минутку", - и повернулась к Стэку:

- Я отвезу вас с Фошем домой.

- Благодарю, мисс.

Девушка нагнулась над собакой. Панический страх все сильнее овладевал ею. Собака! Вот связующее их звено!

- Посадите его в машину, Стэк.

По дороге она вполголоса спросила:

- Мистер Дезерт дома?

- Нет, мисс, он дал мне записку и ушел.

- Как он себя чувствует?

- По-моему, немного встревожен, мисс. Признаюсь честно, я бы не прочь поучить манерам джентльмена из "Дейли фейз".

- Значит, вы тоже прочли?

- Прочел. Они не смели ее пропускать, - вот что я вам доложу.

- Свобода слова, - пояснила Динни. Собака прижалась мордой к ее колену. - Фош хорошо себя ведет?

- С ним никаких хлопот, мисс. Он у нас настоящий джентльмен. Верно, старина?

Спаниель по-прежнему прижимался к ноге девушки, и его прикосновение успокаивало ее.

Когда такси остановилось на Корк-стрит, Динни вынула из сумочки карандаш, оторвала чистый листок от письма Уилфрида и написала:

"Родной мой,

Делай как знаешь. Но помни: я с тобой навсегда. Нас не разлучит никто, пока ты меня любишь.

Твоя Динни.

Ты не сделаешь этого, правда? Ох, не надо!"

Она лизнула оставшийся на конверте клей, вложила туда половинку листка и сдавила письмо в пальцах. Когда клей схватился, Динни вручила конверт Стэку, поцеловала собаку в голову и сказала шоферу:

- Маунт-стрит, со стороны парка, пожалуйста. Спокойной ночи, Стэк.

- Спокойной ночи, мисс.

Взгляд и склад губ неподвижно стоявшего вестового выражали такое глубокое понимание происходящего, что девушка отвернулась. И на этом закончилась прогулка, которой она с нетерпением ждала с самого утра.

Динни вылезла на углу Маунт-стрит, зашла в парк и села на ту скамейку, где раньше сидела с Уилфридом. Она забыла, что с ней нет провожатого, что она без шляпы и в вечернем платье, что пробило уже восемь, и сидела, подняв воротник, втянув каштановую головку в плечи и пытаясь стать на точку зрения Уилфрида. Понять его нетрудно. Гордость! Она сама достаточно горда, чтобы его понять. Не впутывать других в свою беду - это же элементарное правило. Чем дороже тебе человек, тем сильнее хочется и оберечь его. Странная ирония судьбы: любовь разделяет людей именно тогда, когда они всего нужнее друг другу! И выхода, по-видимому, нет! Слабые звуки гвардейского оркестра донеслись до слуха девушки. Что играют? "Фауста"? Нет, "Кармен"! Любимая опера Уилфрида! Динни встала и по траве, напрямик, направилась туда, где играла музыка. Сколько здесь народу! Девушка отошла в сторону, отыскала свободный садовый стул, вернулась назад и села под кустом рододендронов. Хабанера! Первые такты всегда вызывают дрожь. Какая дикая, внезапная, непонятная и неотвратимая вещь - любовь! "L'amour est l'enfant de Boheme..." [5]. В этом году поздние рододендроны. Какой красивый вон тот, темно-розовый! В Кондафорде у нас свои такие же... Ох, где он, где он сейчас? Почему, даже любя, нельзя сорвать с себя плотские покровы, чтобы призраком скользнуть рядом с Уилфридом, вложив в его руку свою? Лучше уж держаться за руку призрака, чем остаться одному! И неожиданно Динни почувствовала, что такое одиночество, почувствовала так остро, как ощущают его только по-настоящему влюбленные люди, когда мысленно рисуют себе жизнь без любимого существа. Отрезанная от Уилфрида, она поникнет, как поникают цветы на стебельках. "Хочу побыть один - посмотрю, как все обернется". Сколько он захочет побыть один? Всю жизнь? При мысли об этом девушка вздрогнула. Какой-то прохожий, предположив, что она собирается с ним заговорить, остановился и взглянул на нее. Лицо девушки внесло поправку в его первое впечатление, и он пошел дальше. Динни предстояло убит еще два часа: она не желает, чтобы родные догадались, как печально кончился для нее вечер. Оркестр завершает концерт арией тореадора. Самая популярная и самая банальная мелодия оперы! Нет, не банальная, она нужна для того, чтобы ее грохот заглушил безысходность смерти, точно так же, как страсть двух влюбленных тонет в грохоте окружающего их мира. Что он такое, как не бессмысленные и безжалостные подмости, по которым движутся статисты-люди, сталкиваясь и на мгновение обнимая друг друга в темных закоулках кулис? Как странно звучат аплодисменты на открытом воздухе! Динни взглянула на ручные часики. Половина десятого. Окончательно стемнеет не раньше чем через час, но уже стало прохладно, в

воздухе поплыл аромат трав и листвы, краски рододендронов потускнели, пенье птиц смолкло. Люди шли и шли мимо Динни. Она не замечала в них ничего необычного, и они не замечали ничего необычного в ней. Динни подумала: "Да бывает ли вообще в жизни что-нибудь необычное? Бывает, - я не обедала". Зайти в кафе? Пожалуй, слишком рано. Но не может быть, чтобы здесь нигде нельзя было поесть! Не обедать, завтракать кое-как и не пить чаю, - кажется, так и полагается при любовных терзаниях? Динни направилась к Найтс-бридж, убыстряя шаг скорее инстинктивно, чем на основании опыта, потому что впервые бродила по Лондону в такой поздний час. Она без приключений добралась до ворот, пересекла проспект и пошла по Слоун-стрит. На ходу ей было легче, и Динни отметила про себя это обстоятельство. "Когда томишься от любви, - ходи!" Широкая и прямая улица была почти пуста, на Динни некому было обращать внимание. Тщательно запертые высокие и узкие дома с казенного вида фасадами и железными шторами на окнах, казалось, еще более подчеркивали равнодушие упорядоченного мира к переживаниям одиноких прохожих вроде нее. На углу Кингз-род стояла женщина.

- Не скажете, где здесь поблизости можно поесть? - осведомилась Динни.

Только после этого она заметила, что у женщины, к которой она обратилась, круглое скуластое лицо с сильно подведенными глазами, добродушный рот, губы немного мясистые, нос тоже. Выражение глаз было такое, словно они утратили соприкосновение с душой, - следствие постоянной привычки попеременно казаться то неприступными, то обольстительными. На темном облегающем платье поблескивала нитка искусственного жемчуга. Динни не могла удержаться от мысли, что не раз видела в обществе женщин, похожих на эту.

- Налево недурной ресторанчик.

- Не хотите ли зайти со мной перекусить? - предложила Динни, не то повинувшись первому импульсу, не то уловив в глазах женщины голодный блеск.

- Еще бы! - ответила та. - По правде сказать, вышла-то я не поевши. Да и в компании посидеть приятно.

Она свернула на Кингз-род, и Динни пошла рядом с ней, подумывая, что если встретит знакомых, может получиться неудобно, но в общем испытывая облегчение.

"Бога ради, Динни, держись естественно", - мысленно увещевала она себя.

Женщина привела ее в небольшой ресторанчик, вернее - кабачок,

потому что при нем был бар. В обеденном зале, куда вел отдельный вход, было пусто. Они сели за столик, где стояли судок, ручной колокольчик, бутылка вустерской минеральной воды и вазочка с осыпающимися ромашками, которые, видимо, попали в нее уже несвежими. В воздухе припахивало уксусом.

- Я не отказалась бы от сигареты, - объявила женщина.

У Динни не было сигарет. Она позвонила.

- Какой сорт вы курите?

- А, любую дешевку.

Появилась официантка, взглянула на женщину, взглянула на Динни и осведомилась: "Что вам?"

- Пачку "Плейере", пожалуйста. Мне большую чашку свежего кофе покрепче с кексом или булочкой. А вам?

Женщина посмотрела на Динни, словно оценивая ее возможности, посмотрела на официантку и нерешительно попросила:

- По правде сказать, я здорово голодная. Холодного мяса и бутылку портера, что ли.

- Гарнир или салат? - спросила Динни.

- Благодарю, лучше салат.

- Прекрасно. Возьмем еще пикули. И будьте добры, поскорее.

Официантка провела языком по губам, кивнула и ушла.

- Знаете, это очень мило с вашей стороны, - неожиданно выпалила женщина.

- С вашей стороны тоже очень любезно, что вы согласились. Без вас я совсем растерялась бы.

- Она не понимает, в чем дело, - сказала женщина, кивнув в сторону исчезнувшей официантки. - Сказать по правде, я тоже.

- Почему? Мы же обе хотим есть.

- Ну, в этом сомневаться не приходится, - согласилась женщина. - Увидите, как я буду уплетать. Ужасно рада, что вы заказали пикули. Обожаю маринады, хоть они мне и не по карману.

- Я забыла про коктейли, - смущенно призналась Динни. - Но, может быть, их тут не готовят?

- Сгодится и шерри. Сейчас принесу.

Женщина встала и вышла в бар.

Динни воспользовалась случаем и попудрила нос. Потом сунула руку за, лиф, где были спрятаны трофеи с Саут-Молтон-сквер, и вытащила пятифунтовую бумажку. Ею овладело какое-то мрачное возбуждение.

Женщина принесла два бокала:

- Я сказала, чтобы их приписали к счету. Выпивка здесь что надо.

Динни подняла бокал и пригубила. Женщина осушила свой одним глотком.

- Не могу без этого. Представляете себе страну, где не достанешь выпить!

- Люди все равно достают.

- Еще бы! Но, говорят, спиртное там дрянь.

Динни отметила жадное любопытство, с каким глаза женщины скользнули по ее пальто, платью и лицу.

- Простите, у вас свидание? - неожиданно спросила та.

- Нет. Я поем и пойду домой.

Женщина вздохнула.

- Скорей бы уж она принесла эти чертовы сигареты! Официантка вернулась с бутылкой портера и пачкой сигарет. Поглядывая на волосы Динни, она откупорила бутылку.

- Уф! - вздохнула женщина, глубоко затянувшись своей "дешевкой". Очень курить хотелось.

- Остальное сейчас подам, - объявила официантка.

- Я вас случайно не видела на сцене? - поинтересовалась женщина.

- Нет, я не актриса.

Возвращение официантки помешало очередному вопросу. Кофе оказалось горячим и лучше, чем предполагала Динни. Она успела выпить почти всю чашку и проглотить большой кусок сливового пирога, прежде чем женщина, сунув в рот маринованный орех, заговорила снова.

- В Лондоне живете?

- Нет, я из Оксфордшира.

- Я тоже люблю деревню, только теперь почти не бываю за городом. Я ведь выросла около Мейдстоуна, - отсюда рукой подать.

Женщина испустила отдающий портером вздох.

- Говорят, коммунисты в России покончили с проституцией. Ну не здорово ли! Мне один американец рассказывал. Он был журналист. До чего бюджет изменился! Ничего подобного еще не бывало, - продолжала она, с таким усердием выпуская клубы дыма, как будто это облегчало ей душу. - Жуткая у нас безработица!

- Да, она на всех отражается.

- Насчет всех не знаю, а на мне здорово. - Взгляд женщины стал тяжелым. - Вам, наверно, неудобно такие вещи слушать?

- В наши дни надо много наговорить, чтобы человеку стало неудобно.

- Вы же понимаете, я не с епископами путаюсь.

Динни расхохоталась.

- А они, что, не такие, как все? - вызывающе бросила женщина. - Правда, как-то раз я наскочила на одного священника. Вот он говорил так, как я еще не слыхивала. Ну, конечно, я не могла сделать то, что он советовал.

- Пари держу, я его знаю, - отозвалась Динни. - Его фамилия Черрел.

- Точно! - воскликнула женщина, и глаза ее округлились.

- Он мой дядя.

- Вот оно что! Так-так. Смешной все-таки наш мир. И не такой уж большой. Хороший он был человек, - прибавила женщина.

- Он и сейчас жив.

- На свете таких мало.

Динни, ожидавшая этих неизбежных слов, подумала: "Вот тут и полагается заводить: "Заблудшая сестра моя!.."

Женщина насытилась и удовлетворенно вздохнула.

- С удовольствием поела, - объявила она и встала. - Очень вам благодарна. А теперь пойду, иначе ничего не заработаю: для нашего дела, поздно будет.

Динни звякнула колокольчиком. Официантка появилась с подозрительной быстротой.

- Счет, пожалуйста. И не можете ли разменять вот это?

Официантка опасливо взяла кредитку.

- Я сейчас, - только приведу себя в порядок, - предупредила женщина и скрылась в дверях.

Динни допила кофе. Она пыталась понять, что значит жить так, как живет эта женщина. Официантка принесла сдачу, получила на чай, поблагодарила и ушла. Динни вернулась к прерванным размышлениям.

- Ну, - раздался позади нее голос женщины, - не думаю, что нам придется встретиться, но все-таки скажу: вы - молодчага.

Динни подняла на нее глаза:

- Вы сказали, что вышли без ничего. Это значит, что у вас и дома ничего не было?

- Ясное дело, - подтвердила женщина.

- Не откажите взять себе сдачу. Остаться в Лондоне без денег - просто ужасно.

Женщина кусала губы. Динни заметила, что они дрожат.

- Не хочется мне брать у вас денег: вы были так добры ко мне, - замялась женщина.

- А, пустяки! Ну, прошу вас, возьмите! И, схватив руку женщины,

Динни сунула в нее деньги. К ужасу девушки, женщина громко засопела. Динни уже собралась удирать, как вдруг та воскликнула:

- Знаете, что я сделаю? Пойду домой и завалюсь спать. Ей-богу, пойду! Да, пойду домой и отосплюсь.

Динни торопливо возвратилась на Слоун-стрит. Проходя мимо высоких домов, с зашторенными окнами, она с облегчением почувствовала, что ее тоска потеряла свою остроту. Надо спешить, - до Маунт-стрит не близко. Окончательно стемнело, и, несмотря на электрическую дымку, окутавшую город, в небе стали видны звезды. Динни решила не пересекать парк вторично, а пошла вдоль решетки. Ей казалось, что она уже бесконечно давно простилась со Стэком и собакой на Корк-стрит. По мере приближения к Парк Лейн движение становилось все оживленнее. Завтра все эти машины отхлынут к Эпсомскому ипподрому, город опустеет. И Динни с болью поняла, каким пустым всегда будет для нее Лондон, если отнять у нее Уилфрида и надежду на встречу с ним.

Девушка подошла к воротам напротив "норовистого пузанчика" и вдруг, как будто весь этот вечер ей только приснился, увидела, что у памятника стоит Уилфрид. Она глотнула воздух и ринулась вперед. Он протянул руки и прижал ее к себе.

Минуты встречи затягивать было нельзя, - вокруг сновали автомобили и пешеходы, и они под руку направились к Маунт-стрит. Динни молча прижалась к Уилфриду, он тоже не раскрывал рта. Но ведь он пришел сюда, чтобы ощутить ее близость, - и при одной мысли об этом девушка испытывала бесконечное облегчение.

Они ходили взад и вперед мимо подъезда, как простые слуга и горничная, которым удалось вырваться на четверть часа. Происхождение и национальность, привычки и мораль, - все забылось, и, может быть, в эти короткие минуты среди всех семи миллионов лондонцев не было двух более взволнованных и прочнее слитых воедино людей.

Наконец чувство юмора взяло верх.

- Милый, нельзя же всю ночь провожать друг друга. Итак, последний поцелуй!.. Ну, еще один!.. Еще один!

Девушка взбежала по ступеням и повернула ключ.

XXI

Уилфрид расстался со своим издателем злой и встревоженный. Не вдаваясь в исследование душевных глубин Компсона Грайса, он тем не менее чуял какую-то махинацию. Весь этот тревожный день Дезерт пробродил по городу, раздираемый борьбой двух чувств: облегчения, потому что он сжег корабли, и негодования, потому что он не желал

примириться с неотвратимым. Поглощенный своими переживаниями, он даже не сообразил, каким ударом для Динни будет его записка, и только по возвращении домой, когда он получил ее ответ, сердце его, а вслед за сердцем и тело потянулись к ней, и Уилфрид отправился туда, где она случайно столкнулась с ним. За те немногие минуты, которые они провели на Маунт-стрит, молча, полуобнявшись и прохаживаясь мимо дома Монтов, девушка сумела вселить в Уилфрида веру в то, что теперь миру противостоит не он один, а они вдвоем. Зачем же отстраняться и делать ее несчастнее, чем нужно? Поэтому на другое утро Уилфрид послал ей через Стэка записку с приглашением "прокатиться". Но Уилфрид забыл про дерби, и, как только их машина тронулась, поток автомобилей подхватил ее и унес с собой.

- Я никогда не бывала на дерби, - сказала Динни. - Съездим?

Оснований поехать было тем больше, что никаких оснований не ехать не было.

Динни пришла в изумление при виде всеобщей сдержанности. Ни пьяных, ни лент, ни тележек, запряженных осликами, ни приставных носов, ни шуток, ни экипажей четверкой, ни разносчиков, ни торговков - один клинообразный неудержимый поток автобусов и машин, по большей части закрытых.

Когда наконец они вылезли из автомобиля на стоянке у ипподрома, съели свои сандвичи и смешались с толпой, их инстинктивно повлекло туда, где можно увидеть лошадь. Если картина Фрита "Дерби" и соответствовала когда-нибудь жизненной правде, то теперь, казалось, давно утратила это соответствие. На ней изображены живые люди, живущие настоящей минутой; толпа же, окружавшая Уилфрида и Динни, казалось, не жила, а только куда-то стремилась.

В паддоке, который, казалось, тоже заполнен исключительно одними людьми, Уилфрид неожиданно сказал:

- Мы сделали глупость, Динни, - нас кто-нибудь да увидит.

- Ну и пускай. Смотри, наконец-то лошади.

Действительно, на круге проминали лошадей. Динни заторопилась к ним.

- Они все такие красивые, - вполголоса заметила она. - Для меня они все как на подбор, кроме вон той. Не нравится мне ее спина.

Уилфрид заглянул в программу:

- Это фаворит.

- А мне все равно не нравится. Ты понимаешь, что я имею в виду? Она какая-то угловатая - до хвоста ровно, а потом сразу вниз.

- Согласен, но ведь резвость не зависит от формы спины.

- Я поставлю на ту, которая понравится тебе, Уилфрид.

- Тогда подожди, пока я присмотрюсь.

Со всех сторон люди на ходу сыпали кличками лошадей.

Динни протискалась к барьеру, Уилфрид встал позади нее.

- Не лошадь, а сущая свинья, - объявил кто-то слева от Динни. - Ни за что не поставлю больше на эту клячу.

Девушка взглянула на говорившего. Широкоплечий мужчина, рост футов пять с половиной, на шее жирная складка, на голове котелок, во рту сигара. Лучше уж быть лошастью, чем таким.

Дама, сидевшая на раскладной трости справа от нее, негодовала:

- Неужели нельзя очистить дорогу? Лошади того и гляди споткнутся. В позапрошлом году я из-за этого проиграла.

Рука Уилфрида легла на плечо девушки.

- Мне нравится вон тот жеребец - Бленхейм, - шепнул он. - Пойдем поставим на него.

Они проследовали туда, где перед окошечками, вернее перед отверстиями, напоминавшими голубиные гнезда, стояли недлинные очереди.

- Побудь здесь, - попросил Уилфрид. - Я только положу яичко и назад.

Динни остановилась, глядя ему вслед.

- Здравствуйте, мисс Черрел! Перед нею стоял высокий мужчина в сером цилиндре, с переброшенным через плечо большим футляром от полевого бинокля.

- Мы встречались с вами у памятника Фошу и на свадьбе вашей сестры.

Помните?

- Ну как же! Вы - мистер Масхем.

Сердце девушки учащенно забилось. Она старалась не смотреть в сторону Уилфрида.

- Сестра пишет?

- Да, было письмо из Египта. В Красном море они, видимо, попали в страшную жару.

- Выбрали, на какую поставить?

- Нет еще.

- Я не связывался бы с фаворитом, - не вытянет.

- Мы хотели на Бленхейма.

- Что ж, хорошая лошадь и на поворотах послушная. Но у ее владельца в конюшне есть другая, поинтереснее. Я вижу, вы - новичок. Подскажу вам

две приметы, мисс Черрел, и смотрите, чтобы у вашей лошади была хоть одна из них: во-первых, подъемность сзади; во-вторых, индивидуальность, не внешний вид, а именно индивидуальность.

- Подъемность сзади? То есть круп выше, чем остальная спина? Джек Масхем улыбнулся:

- Примерно так. Как только заметите это в лошади, особенно если ей надо брать подъем, ставьте не колеблясь.

- А что такое индивидуальность? Это, когда она поднимает голову и смотрит поперек людей в пространство? Я однажды видела такую.

- Честное слово, из вас получилась бы замечательная ученица. Вы прямо-таки прочли мою мысль.

- Но я не знаю, какая это была лошадь, - призналась Динни.

- Очень странно.

Девушка увидела, что благожелательный интерес словно застыл на лице

Масхема. Он приподнял шляпу и отвернулся. За ее спиной раздался голос

Уилфрида.

- Ну, я поставил десятку.

- Пойдем на трибуну и посмотрим скачки.

Уилфрид, по-видимому, не заметил Масхема, и Динни, идя с ним под руку, старалась забыть внезапно застывшее лицо ее собеседника. Вид толпы, где каждый из всех сил протискивался вперед, чтобы поскорее "узнать свою судьбу", отвлек девушку, и, когда они подошли к трибуне, ей уже было безразлично все на свете, кроме Уилфрида и лошадей. Им достались стоячие места у барьера, поблизости от букмекеров.

- Я запомнила - зеленый и шоколадный, как конфеты. Фисташки - моя любимая начинка. Сколько я могу выиграть, милый?

- Послушаем.

В общем шуме они различили слова:

- Бленхейм - восемнадцать против одного.

- Сто восемьдесят! - воскликнула Динни. - Вот замечательно!

- Видишь, у Бленхейма прочная репутация, она идет не из конюшен.

Скоро следующий заезд. Смотри, уже выводят. Жокеев в зеленом и шоколадном двое. Вторая из лошадей - наша.

Парад, упоительный для всех, кроме самих лошадей, позволил Динни разглядеть выбранного ими гнедого, масть которого прекрасно гармонировала с цветами наездника.

- Нравится он тебе, Динни?

- Мне почти все лошади нравятся. Правду говорят, что можно определить по виду, какая лучше?

- Нет, неправду.

Лошади повернули и легким галопом проскакали мимо трибун.

- Ты не находишь, что у Бленхейма круп выше остальной спины?

- Нет. Красиво идут. А почему ты спрашиваешь?

Но Динни только прижала к себе его руку и слегка вздрогнула.

Биноклей у них не было, и когда начался заезд, они ничего не смогли разглядеть толком. Позади них какой-то мужчина то и дело вскрикивал:

- Фаворит ведет!.. Фаворит ведет!..

Когда лошади прошли Тэттенхэм Корнер, тот же мужчина, захлебываясь, переменил мнение:

- Паша... Паша возьмет!.. Нет, Фаворит... Нет, не он!.. Илиада!.. Илиада вырвалась!..

Уилфрид стиснул руку Динни.

- Наш! Смотри - вон там! - бросил он.

Динни увидела на другой стороне круга лошадь под розово-коричневым жокеем, которого обходил шоколадно-зеленый. Обошел, обошел! Они выиграли!

Толпа пришла в замешательство и умолкла, а они стояли и улыбались друг другу. Этот выигрыш - знамение!

- Я получу твои деньги, разыщем машину и домой.

Уилфрид настоял, чтобы Динни взяла себе все деньги, и она присоединила их к своему сокровищу. Лишняя гарантия на тот случай, если ему вздумается избавиться ее от себя!

На обратном пути они снова заехали в Ричмонд-парк и долго сидели среди молодых папоротников, слушая кукушек и чувствуя себя бесконечно счастливыми в успокоительно шепчущей тишине солнечного дня.

Они пообедали в одном из ресторанов Кенсингтона, и Уилфрид в конце концов расстался с ней на углу Маунт-стрит.

Ночью Динни не тревожили ни сны, ни сомнения, и к завтраку она вышла с ясными глазами и легким загаром на щеках. Ее дядя читал "Дейли фейз". Он отложил газету и сказал:

- Пробеги ее, Динни, когда выпьешь кофе. В ней есть кое-что, заставляющее усомниться в том, что редакторы - тоже люди и наши братья. И кое-что, не оставляющее сомнений в том, что издатели к последним не относятся.

Динни прочла письмо Компсона Грайса, напечатанное под шапкой:

ОТСТУПНИЧЕСТВО МИСТЕРА ДЕЗЕРТА.

НАШ ВЫЗОВ ПРИНЯТ.
ПРИЗНАНИЕ.

Под заголовком были помещены две строфы из поэмы сэра Альфреда Лайела "Богословие перед казнью".

Для чего? Ни за славу я жизнь отдаю,
Я и жил и погибну безвестно;
Не за право на место в небесном раю,
Торговаться с всевышним невместно.
Но, блюдя англичанина имя и честь,
Предпочту умереть, чем позор перенести.
Я сегодня усну меж несчетных костей
Тех, о ком все давно позабыли,
Кто служил безымянно отчизне своей,
Кто лежит в безымянной могиле
И о ком не расскажет надгробный гранит,
Как солдат и в мучениях верность хранит.
Розоватый загар на лице Динни сменился багровым румянцем.

- Да, - печально вымолвил сэр Лоренс, наблюдая на нею, - дело сделано, как сказал бы старый Форсайт. Тем не менее я вчера разговаривал с одним человеком, и он считает, что в наше время больше нет неизгладимых пятен. Сжувничал в карты? Украл ожерелье? Поезжай за границу года на два, - и все забудется. А сексуальные аномалии, с его точки зрения, давно уже в порядке вещей. Так что мы можем еще утешаться!

- Меня возмущает лишь одно: теперь каждый червяк будет вправе болтать все, что ему заблагорассудится.

Сэр Лоренс кивнул:

- Чем крупнее червяк, тем больше он убежден в своих правах. Но бес покоиться надо не о червях, а о тех, кто "блюдет англичанина имя и честь". Такие еще попадают.

- Дядя, каким способом Уилфрид может публично доказать, что он не трус?

- Он хорошо воевал.

- Кто же помнит о войне!

- Может быть, бросить бомбу в его автомобиль на Пикадилли? - печально усмехнулся сэр Лоренс. - Пусть небрежно взглянет на нее и закурит сигарету. Умнее ничего придумать не могу.

- Вчера я видела мистера Масхема.

- Значит, была на дерби? Баронет вытащил из кармана крошечную сигару:

- Джек убежден, что ты - жертва.
- Ох, ну что бы людям оставить нас в покое!
- Очаровательных нимф не оставляют в покое. Джек ведь женоненавистник.

Динни безнадежно рассмеялась.

- Смешно, наверно, смотреть на чужие переживания.

Она встала и подошла к окну. Ей казалось, весь мир вокруг нее лает, как собаки на загнанную в угол кошку, и, однако, Маунт-стрит была совершенно пустынной, если не считать фургона, развозившего молоко.

XXII

Когда скачки задерживали Джека Масхема в Лондоне, он ночевал в Бэртон-клубе. Он прочел в "Дейли фэйз" отчет о дерби и лениво перевернул страницу. Остальные отделы "этой газетенки" обычно мало интересовали его. Ее стиль был несовместим с его приверженностью к внешним формам, новости, печатаемые в ней, претили его вкусу, а политические убеждения раздражали тем, что слишком напоминали его собственные. Тем не менее у него все же хватило внимания заметить шапку: "Отступничество мистера Дезерта". Прочтя половину набранной под ней колонки, Джек Масхем отшвырнул газету и сказал себе: "Парня придется осадить!"

Упиваясь своей трусостью, Дезерт добьется того, что и эту милую девушку сделает парией! Он настолько непорядочен, что осмеливается появляться с ней на людях в тот самый день, когда публично признал свою трусость в такой же грязной, как он сам, газете!

В век, когда терпимость и всепрощение стали чуть ли не повальной болезнью, Джек Масхем не стеснялся следовать своим антипатиям и выражать их. Он невзлюбил молодого Дезерта с первого же взгляда. У парня даже фамилия и та ему под стать. И подумать только, что эта милая девушка, которая безо всякой подготовки делает такие меткие замечания о скаковых лошадях, испортит себе жизнь из-за хвостуна и трусливого мальчишки! Нет, это уж чересчур! Если бы не Лоренс, давно пора бы принять меры. Внезапно Масхем мысленно запнулся. Как!.. Человек публично признается в своем позоре. Старая уловка - вырвать жало у критики, выдать необходимость за доблесть. Похваляться дезертирством! Петушок не стал бы драться, будь у него другой выход!.. Но тут Масхем опять запнулся. Конечно, не дело посторонних вмешиваться. Но если открыто и явно не осудить поведение этого типа, вся история будет выглядеть так, словно она никого не касается.

"Черт побери! - воскликнул он про себя. - Пусть хоть клуб возвысит'

голос и выскажет свое мнение. Нам в "Бэртоне" не нужны крысы!"

В тот же вечер Джек Масхем поставил вопрос на заседании правления и чуть не ужаснулся, увидев апатию, с какой тот был встречен. Из семи присутствовавших, - председательствовал Уилфрид Бентуорт, Помещик, - четверо считали, что все это, во-первых, дело личной совести молодого Дезерта, а во-вторых, смахивает на газетную утку. С тех пор как Лайел написал свою поэму, времена изменились! Один из четырех вообще заявил, что не желает связываться: он не читал "Барса", не знает Дезерта и терпеть не может "Дейли фейз".

- Я тоже, - согласился Джек Масхем. - Но вот поэма.

Он утром послал лакея купить ее и читал целый час после завтрака.

- Позвольте прочесть вам отрывок?

- Бога ради, Джек, не надо! Пятый член, который до сих пор хранил молчание, высказался в том смысле, что, если Масхем настаивает, придется всем прочесть эту вещь.

- Да, настаиваю.

Помещик, не проронивший покамест ни слова, объявил:

- Секретарь достанет нужные экземпляры и разошлет членам правления. Следует послать им, кроме того, по номеру сегодняшней "Дейли фейз". Правление обсудит вопрос на будущей неделе в пятницу. Так как же, покупаем кларет?

И они перешли к рассмотрению текущих дел.

Давно замечено, что, когда газета откапывает факт, который дает ей возможность выступить в роли поборницы добродетели и ударить в литавры собственной политики, она эксплуатирует этот факт в пределах, допускаемых законом о клевете, и не считается с чувствами отдельных личностей. Застрахованная от неприятностей письмом Компсона Грайса с признанием Уилфрида, "Дейли фейз" максимально использовала свои возможности и за неделю, предшествовавшую очередному заседанию правления, лишила членов последнего всяких оснований ссылаться на неосведомленность или выказывать равнодушие. В самом деле, весь Лондон читал "Барса" или говорил о нем, а утром в день заседания "Дейли фейз" напечатала длинную и прозрачную передовую о чрезвычайной важности достойного поведения британцев на Востоке. В номере был также помещен большой анонс: "Барс" и другие стихотворения" Уилфрида Дезерта, издание Компсона Грайса; распродано 40 000 экземпляров; третий, расширенный тираж поступает в продажу".

Обсуждение вопроса о предании остракизму одного из сочленов, естественно, должно было привлечь на заседание большинство остальных;

поэтому на правление явились лица, которые никогда на нем не бывали.

Джек Масхем поставил на обсуждение следующую формулировку:

"На основании 23-го параграфа устава предложить достойному Уилфриду Дезерту отказаться от членства в Бэртон-клубе ввиду поведения, не подобающего члену такового".

Он открыл заседание следующими словами:

- Каждый из вас получил по экземпляру поэмы Дезерта "Барс" и по номеру "Дейли фейз" за прошлую неделю. Дело не вызывает сомнений. Дезерт публично признался, что отрекся от своей религии под пистолетом, и я заявляю, что он не вправе оставаться членом нашего клуба. Последний был основан в честь великого путешественника, который не отступил бы даже перед силами ада. Нам не нужны люди, презирающие английские традиции и открыто хвастающиеся этим.

Наступило краткое молчание, после чего пятый из членов правления, присутствовавших на прошлом заседании, возразил:

- А поэма все-таки чертовски хороша! Известный королевский адвокат, который когда-то совершил поездку в Турцию, прибавил:

- Не следует ли пригласить его на заседание?

- Зачем? - спросил Джек Масхем. - Он не скажет больше, чем сказано в поэме и письме его издателя.

Четвертый из членов правления, присутствовавших на прошлом заседании, объявил:

- Я не собираюсь обращать внимание на "Дейли фейз".

- Не наша вина, что он выбрал именно эту газетенку, - отпарировал Джек Масхем.

- Вмешиваться в вопросы совести - всегда противно, - продолжал четвертый член правления. - Многие ли из нас решатся утверждать, что не поступили бы так же на его месте?

Послышался звук, напоминающий шарканье ног, и сморщенный знаток раннецейлоксской цивилизации прохрипел:

- По-моему, Дезерт заслуживает нагоняя не за отступничество, а за шум, поднятый им вокруг этого. Приличия ради он обязан был молчать, а не рекламировать свою книгу! Она выходит уже третьим изданием, ее все читают. Делать из подобной истории деньги - это переходит всякие границы.

- Вряд ли он думал о деньгах, - возразил четвертый член. - Спрос на книгу - следствие сенсации.

- Он мог изъять книгу из продажи.

- Смотря какой договор. Кроме того, такое решение могло быть

истолковано, как бегство от бури, которую он сам же поднял. По существу, открыто во всем признаться - очень порядочно с его стороны.

- Театральный жест! - бросил королевский адвокат.

- Будь это военный клуб, там не стали бы миндальничать, - заявил Джек Масхем.

Один из присутствующих, автор книги "Второе открытие Мексики", сухо отпарировал:

- Наш клуб не военный.

- Не знаю, можно ли мерить поэтов той же меркой, что и обычных людей, - задумчиво произнес пятый член.

- В вопросах житейских - безусловно, - ответил знаток цейлонской цивилизации.

Человечек, сидевший в конце стола, напротив председателя, поежился, как от сквозняка, и прошипел:

- Ах, эта "Д-дейли ф-фейз"!

- Об этой истории говорит весь Лондон, - заметил королевский адвокат.

- Мои дети смеются над ней, - вмешался человек, до сих пор молчавший. - Они заявляют: "Кому какое дело до его поступка!" - рассуждают о лицемерии, издеваются над поэмой Лайела и считают, что империи будет только полезно, если с нее пособьют спесь.

- Именно так! - поддержал его Джек Масхем. - Вот их современный жаргон! Все нормы летят за борт. А мы будем терпеть?

- Знаком ли кто-нибудь из присутствующих с молодым Дезертом? - осведомился пятый член.

- Я. Но знакомство шапочное, - отозвался Джек Масхем.

Больше никто в знакомстве не сознался.

Очень смуглый человек с глубокими живыми глазами неожиданно воскликнул:

- Только бы это не дошло до Афганистана! Я через месяц еду туда.

- Почему вас это беспокоит? - спросил четвертый член.

- Просто потому, что это усугубит презрение, с которым там и без того ко мне отнесутся.

Последнее замечание, исходившее от известного путешественника, произвело большее впечатление, чем все ранее сказанное. Два члена правления, которые, равно как и председатель, еще не брали слова, одновременно выпалили:

- Верно!

- Я не привык осуждать человека, не выслушав его, - заметил

королевский адвокат.

- Ваше мнение, Бентуорт? - осведомился у председателя четвертый член.

Помещик, куривший трубку, вынул ее изо рта:

- Хочет еще кто-нибудь высказаться?

- Да, - откликнулся автор "Второго открытия Мексики". - Ему нужно вынести порицание за то, что он опубликовал эту поэму.

- Нельзя, - проворчал Джек Масхем. - В этой истории все связано друг с другом. Вопрос ясен: достоин он быть членом нашего клуба или нет? Прощу председателя поставить вопрос на голосование.

Но Помещик по-прежнему посасывал трубку. Опыт руководства многими и различными комитетами подсказывал ему, что время голосовать еще не наступило. Пусть сначала люди выговорятся. Споры, конечно, ни к чему не приведут, но зато убедят всех, что вопрос обсужден должным образом.

Джек Масхем сидел молча. Его длинное лицо было бесстрастно, длинные ноги вытянуты. Дискуссия продолжалась.

- Ну, что же решим? - спросил наконец член правления, вторично открывший Мексику.

Помещик выколотил трубку и сказал:

- Я полагаю, следует попросить мистера Дезерта изложить нам причины, побудившие его опубликовать поэму.

- Слушайте! Слушайте! - возгласил королевский адвокат.

- Верно! - поддержали два члена правления, уже сделавшие тот же вывод несколько раньше.

- Согласен! - одобрил знаток Цейлона.

- Кто против? - осведомился Помещик.

- Считаю нецелесообразным, - бросил Джек Масхем. - Он струсил и сознался в этом.

Поскольку других возражений не оказалось. Помещик продолжал:

- Секретарь предложит ему явиться и дать объяснения. Повестка дня исчерпана, джентльмены.

Хотя всем было ясно, что дело еще остается *sub judice* [6], три члена правления, включая самого Джека Масхема, в тот же день подробно информировали сэра Лоренса, а он к обеду доставил эти сведения на Саутсквер.

После опубликования поэмы и письма Компсона Грайса Майкл и Флер, осаждаемые настоятельными расспросами всех своих знакомых, только и делали, что говорили о Дезерте. Мнения их радикально

расходились. Майкл, который первоначально возражал против публикации поэмы, теперь, когда она вышла, отважно превозносил честность и смелость Уилфрида, решившегося на подобное признание. Флер не могла простить Дезерту того, что она именовала "противоестественной глупостью". Если бы он сидел себе тихо да поменьше носился со своей совестью и гордостью, все мгновенно забылось бы, не наложив на него никакого пятна. Поступать так, как Уилфрид, утверждала Флер, нечестно по отношению к Динни и бессмысленно с точки зрения его собственных интересов, но ведь он всегда был такой. Флер и поныне помнила, как он не пошел на компромисс восемь лет назад, когда просил ее стать его любовницей, и, получив отказ, бежал на Восток. Когда сэр Лоренс сообщил Майклу и ей о заседании в "Бэртоне", она сказала только:

- А на что еще он мог надеяться?

Майкл удивился:

- Чем он так насолил Джеку Масхему?

- Одни собаки бросаются друг на друга с первого взгляда. Другие распяляются постепенно. Здесь же, по-видимому, сочетались оба варианта. Мне кажется, костью послужила Динни.

Флер расхохоталась.

- Джек Масхем и Динни!

- Подсознательно, дорогая. Нам не постичь ход мыслей женоненавистника. Это умеют только в Вене. Там все могут объяснить - даже, природу икоты.

- Сомневаюсь, чтобы Уилфрид явился на правление, - мрачно вставил Майкл.

- Конечно, не явится, Майкл, - подтвердила Флер.

- Что же тогда будет?

- Его почти наверняка исключат, подведя под любой параграф устава.

Майкл пожал плечами:

- Плевать ему на это. Одним клубом больше, одним меньше - велика разница!

- Ты не прав, - возразила Флер. - Делу дан ход, в городе лишь о нем и говорят. Исключение из клуба будет означать, что Дезерт окончательно осужден. Только это и нужно, чтобы общественное мнение высказалось против него.

- И за него.

- Да, и за него тоже. Но ведь нам заранее известно, кто за него вступится - кучка недовольных, самое большее.

- Зря на него накинудись, - проворчал Майкл. - Я-то знаю, что мучит

Уилфрида. Его первым побуждением было не поддаваться арабу, и он горько раскаивается, что уступил.

Сэр Лоренс кивнул:

- Динни спрашивала меня, как Дезерту публично доказать, что он не трус. На первый взгляд, придумать что-нибудь такое легко, а на деле совсем не просто. Люди упорно не желают подвергаться смертельной опасности ради того, чтобы их спасителями занялись газеты. Ломовые лошади на Пикадилли тоже боятся не часто. Конечно, можно сбросить кого-нибудь с Вестминстерского моста и прыгнуть вдогонку, но это расценят как убийство и самоубийство. Странно! В мире так много героизма и так мало возможностей проявить его, когда это тебе нужно.

- Он должен явиться на заседание и, надеюсь, явится, - сказал Майкл. - Он мне признался в одной вещи, Звучит глупо, но, зная Уилфрида, нетрудно понять, что для него она существенно все меняла.

Флер поставила локти на полированный стол, подперла подбородок руками и наклонилась вперед. В такой позе она выглядела совсем как та девочка, которая разглядывает китайские тени на картине Альфреда Стевенса, доставшейся Флер от отца.

- Ну, в какой? - спросила она.

- Он сказал, что пожалел своего палача.

Ни жена Майкла, ни его отец не шелохнулись. У них только слегка приподнялись брови. Майкл с вызовом в голосе продолжал:

- Разумеется, это звучит абсурдно, но он сказал, что араб умолял не принуждать его к выстрелу, - он дал обет обратить неверного.

- Рассказывать об этом членам правления - все равно, что угощать их баснями, - с расстановкой произнес сэр Лоренс.

- Он и не подумает рассказывать, - заверила свекра Флер. - Он скорее умрет, чем даст себя высмеять.

- Вот именно! Я упомянул об этом лишь с одной целью - показать, что с Уилфридом все обстояло не так просто, как воображают настоящие саибы.

- Давно я не слышал ничего более парадоксального, - задумчиво вымолвил сэр Лоренс. - Но от этого Динни не легче.

- По-моему, я должен еще раз зайти к нему, - сказал Майкл.

- Самый простой выход для него - немедленно отказаться от членства, заключила Флер.

И на этом практичном выводе дискуссия оборвалась.

XXIII

Любящий обязан уметь одновременно и скрывать и выказывать

сочувствие любимому человеку, когда тот попадает в беду. Динни это давалось нелегко. Она рысьими глазами следила, а возлюбленным, ловя случай смягчить его душевную горечь, но он не давал ей возможности к тому, хотя встречались они по-прежнему ежедневно. - Если не считать выражения, появлявшегося у него на лице, когда он предполагал, что его не видят, Уилфрид никак не реагировал на постигшую его трагедию. В течение двух недель, следовавших за дерби, Динни приходила к нему домой, они ездили гулять в сопровождении спаниеля Фоша, но Уилфрид ни разу не упомянул о том, о чем говорил весь официальный и литературный Лондон. Тем не менее через сэра Лоренса девушка узнала, что Уилфриду было предложено явиться на заседание правления Бэртон-клуба и что он ответил отказом от членства. А Майкл, который снова зашел к другу, рассказал ей, что Дезерту известно, какую роль сыграл в его исключении Джек Масхем. Поскольку Уилфрид так непреклонно отказывался поделиться с нею своими переживаниями, она старалась еще бесповоротное, чем он, забыть о чистилище, хотя это стоило ей дорого. Взгляд, брошенный на лицо любимого, нередко причинял ей боль, но она силилась не дать ему прочесть эту боль на ее лице. Между тем Динни терзалась мучительными сомнениями. Права ли она, воздерживаясь от попытки заглянуть ему в сердце? Жизнь давала ей долгий и жестокий урок, поучая ее, что даже настоящая любовь не способна ни проникнуть в глубину душевных ран, ни умастить их. Второй источник ее горестей - молчаливый нажим со стороны семьи, пребывавшей в тревоге и отчаянии, приводил Динни в раздражение, которого она сама стыдилась.

И тут произошел случай, крайне прискорбный и чреватый последствиями, но все же принесший девушке облегчение хоть тем, что пробил стену молчания.

Возвращаясь из галереи Тэйта, они поравнялись со ступенями Карлтонхаус-террас. Динни, увлеченная разговором о прерафаэлитах, "сначала ничего не заметила, и только изменившееся лицо Уилфрида заставило ее оглянуться. В двух шагах от них стояли Джек Масхем, приподнявший цилиндр с таким официально бесстрастным видом, как будто он здоровался с кем-то отсутствующим, и черномазый человечек, одновременно со спутником снявший серую фетровую шляпу. Когда Динни с Уилфридом прошли, Масхем отчетливо произнес:

- Это переходит все границы, Рука Динни инстинктивно рванулась к руке Уилфрида, но было уже поздно. Он повернулся и нагнал их. Динни увидела, как он тронул Масхема за плечо, и оба застыли лицом к лицу в трех ярдах от нее; черномазый человечек остановился сбоку, глядя на них,

как терьер смотрит на двух больших, готовых сцепиться псов. Она услышала сдавленный голос Уилфрида:

- Вы трус и хам, вот вы кто! Затем последовало молчание, показавшееся ей нескончаемым. Ее глаза перебежали с судорожно искаженного лица Уилфрида то на каменное, угрожающее лицо Масхема, то на человечка-терьера, уставившегося на противника. Она услышала, как человечек сказал: "Пойдем, Джек!" - и увидела, как Масхем, вздрогнув всем телом, сжал кулаки и разжал губы:

- Слышали, Юл? Человечек взял его под руку и потянул в сторону; высокий Масхем повернулся, и оба пошли дальше. Уилфрид присоединился к ней.

- Трус и хам! - повторял он. - Трус и хам! Слава богу, что я ему все выложил.

Он поднял голову, перевел дух и бросил:

- Так оно лучше. Извини, Динни.

Смятение, овладевшее девушкой, помешало ей ответить. Эта первобытному грубая стычка вселила в Динни кошмарный страх, что дело не ограничится только словами. Интуиция также подсказывала ей, что она сама послужила поводом и тайной причиной выходки Масхема. Ей вспомнились слова сэра Лоренса: "Джек убежден, что ты - жертва". Ну и что, если даже так? Неужели этому длинному фланеру, который ненавидит женщин, есть до нее дело? Абсурд! Она услышала, как Уилфрид бормочет:

- "Переходит границы"! Мог бы, кажется, понять, каково другому!

- Но, родной мой, если бы мы понимали, каково другому, мы давно уже стали бы ангелами. А он всего лишь член Жокей-клуба.

- Он сделал все возможное, чтобы выставить меня, и даже сейчас не пожелал воздержаться от хамства!

- Сердиться должна я, а не ты. Это я заставляю тебя всюду ходить со мной. Что поделаешь? Мне так нравится. Я, дорогой, уже ничего не боюсь. Зачем мне твоя любовь, если ты не хочешь быть со мной откровенным.

- К чему тревожить тебя тем, чего не изменишь?

- Я существую для того, чтобы ты меня тревожил. Пожалуйста, очень прошу, тревожь меня!

- Динни, ты - ангел!

- Повторяю тебе - нет. У меня в жилах красная кровь.

- Эта история - как боль в ухе: трясешь, трясешь головой, а оно все болит. Я надеялся покончить с этим, издав "Барса". Не помогло, Динни, скажи, трус я или не трус?

- Я не любила бы тебя, если бы ты был трусом.

- Ах, не знаю! Женщины всяких любят.

- Мы прежде всего ценим в мужчинах смелость. Это же старо, как поговорка. Слушай, я буду откровенной до жестокости. Ответь мне: твои терзания вызваны тем, что ты сомневаешься в своей смелости? Или тем, что в ней сомневаются другие?

Он горько рассмеялся.

- Не знаю. Я знаю только одно - меня гложет сомнение.

Динни взглянула на него:

- Ох, родной, не страдай! Я так не хочу, чтобы ты страдал.

Они на секунду остановились, глядя друг другу в глаза, и торговец спичками, которому безденежье не позволяло предаваться духовным терзаниям, предложил:

- Не угодно ли коробочку, сэр? Хотя этот вечер как-то особенно сблизил Динни с Уилфридом, она вернулась на Маунт-стрит совершенно раздавленная страхом. Она не могла забыть ни выражения лица Масхема, ни его вопроса: "Слышали, Юл?"

Как глупо бояться! В наши дни такие столкновения-вспышки кончаются всего-навсего удовлетворением в судебном порядке. Но среди ее знакомых именно Масхема труднее всего представить себе в роли истца, взывающего к закону. В холле девушка заметила чью-то шляпу, а проходя мимо кабинета дяди, услышала голоса. Не успела она снять свою шляпу, как он уже прислал за нею. Динни застала сэра Лоренса за беседой с человеком-терьером, который сидел верхом на стуле, словно был скаковой лошастью.

- Знакомься, Динни. Мистер Телфорд Юл - моя племянница Динни Черрел.

Человечек склонился к ее руке.

- Юл рассказал мне о стычке. У него беспокойно на душе, - объяснил сэр Лоренс.

- У меня тоже, - отозвалась Динни.

- Я уверен, мисс Черрел, Джек не хотел, чтобы его слова услышали.

- Не согласна. По-моему, хотел.

Юл пожал плечами. Он был явно расстроен, и Динни даже нравилась его до смешного уродливая мордочка.

- Во всяком случае он не хотел, чтобы их услышали вы.

- Напрасно. Мне полезно было их услышать. Мистер Дезерт предпочитает не появляться со мной в общественных местах. Я сама заставляю его.

- Я пришел предупредить вашего дядю. Когда Джек избегает о

чемнибудь говорить, - значит, дело принимает серьезный оборот. Я ведь давно его знаю.

Динни молчала. От румянца на ее щеках осталось только два красных пятнышка. А мужчины смотрели на нее и, наверно, думали, что такие испытания не под силу этой хрупкой девушке с васильковыми глазами и копной каштановых волос. Наконец она спросила:

- Что я могу предпринять, дядя Лоренс?

- Я не знаю, кто вообще может что-нибудь предпринять при таком положении, дорогая. Мистер Юл говорит, что простился с Джеком, когда тот собирался обратно в Ройстон. Не съездить ли нам, с тобой к нему завтра, чтобы объясниться? Он - странная личность; не будь он человеком прошлого столетия, я не тревожился бы. Такие столкновения, как правило, остаются без последствий.

Динни подавила внезапную дрожь.

- Что вы имеете в виду, называя его человеком прошлого столетия? Сэр Лоренс посмотрел на Юла и ответил:

- Мы не хотим выглядеть смешными. Насколько мне известно, в Англии уже лет семьдесят - восемьдесят как прекратились дуэли. Но Джек - пережиток. Мы не знаем, что и думать. Грубости - не в его стиле; суды тоже. Но все-таки нельзя предполагать, что он оставит оскорбление без ответа.

- Может быть, он поразмыслит и поймет, что виноват больше, чем Уилфрид? - спросила Динни, собравшись с духом.

- Нет, не поймет, - ответил Юл. - Поверьте, мисс Черрел, я глубоко сожалею о случившемся.

Динни поклонилась:

- Вы очень любезны, что пришли; Благодарю вас.

- Я думал, ты вряд ли сможешь заставить Дезерта послать Джеку свои извинения, - с сомнением в голосе промолвил сэр Лоренс.

"Вот зачем я им понадобилась!" - мелькнуло в голове у Динни.

- Нет, дядя, не смогу. Больше того - даже не заикнусь об этом. Я заранее уверена, что он не согласится.

- Понимаю, - мрачно бросил сэр Лоренс.

Динни поклонилась Юлу и направилась к двери. В холле ей показалось, что она видит сквозь стену, как они снова пожимают плечами, как мрачают их расстроенные лица, и она поднялась к себе. Извинения? Сама мысль о них оскорбляла девушку, - перед нею стояло затравленное, измученное лицо Уилфрида. Он задет за живое тем, что его мужество поставлено под сомнение, и ни за что не станет извиняться. Динни долго и

печально бродила по комнате, затем вытащила его фотографию. Любимое лицо глянуло на нее со скептическим безразличием посмертной маски. Своенравный, переменчивый, надменный, эгоистичный, глубоко двойственный - какой угодно, но только не жестокий, не трусливый.

"Любимый!" - подумала Динни и спрятала карточку.

Она подошла к окну и высунулась. Прекрасный вечер! Сегодня пятница Эскотской недели - первой из двух, когда в Англии почти всегда хорошая погода. В среду был форменный потоп, а сейчас уже лето в полном разгаре. К дому подъехало такси, - ее дядя и тетка приглашены куда-то на обед. Они выходят в сопровождении Блора; тот усаживает их и стоит, глядя им вслед. Теперь слуги включают радио. Так и есть. Grand opera. [7] "Риголетто". Щебет давно знакомых мелодий донесся к девушке во всем великолепии века, который лучше, чем нынешний, умел выражать порывы своенравных сердец.

Гонг! Хорошо бы не спускаться, - есть совсем не хочется, но придется, иначе она расстроит Блора и Огюстину. Динни торопливо умылась, кое-как переоделась и сошла вниз.

За обедом девушкой овладело еще большее беспокойство, словно сидение за столом, где приходится медлительно заниматься одним делом, до предела обострило ее тревогу. Дуэль? В наши дни - немыслимо! И все же дядя Лоренс - человек проникательный, а Уилфрид в таком состоянии, что пойдет на все, лишь бы доказать свое бесстрашие. Запрещены ли дуэли во Франции? Слава богу, что она не истратила деньги. Нет, это абсурдно! Вот уже целое столетие, как люди безнаказанно поносят друг друга. Волноваться нет смысла. Завтра они с дядей Лоренсом поедут к этому человеку. Как ни странно, все произошло из-за нее. Как поступил бы один из членов ее собственной семьи - отец, брат, дядя Эдриен, если бы его обозвали трусом и хамом? Что они могли предпринять? Хлыст, кулаки, суд? Безнадёжно грубо и уродливо. И впервые Динни почувствовала, что Уилфрид поступил дурно, употребив такие слова. Как! Разве он не имел права ответить ударом на удар? Конечно, имел! Девушка снова увидела его откинутую назад голову, услышала слова: "Так оно лучше!"

Проглотив кофе, Динни встала и перешла в гостиную. На диване валялось вышивание ее тетки; девушка без особого интереса стала рассматривать его. Сложный старинный французский рисунок, - на такой нужна шерсть многих цветов. Серые зайцы поглядывают через плечо на странных длинных рыжих собак, которые сидят на еще более рыжих задних лапах, поблескивая красными глазами и высунув языки; деревья, листва, кое-где на ветвях птички; фон из темно-коричневой шерсти;

десятки тысяч стежков. Потом работа будет кончена, ляжет под стекло на маленький столик и останется там долго-долго, пока все не умрут и никто уже не вспомнит, кем она сделана. Tout lasse, tout passe. [8] Снизу все еще доносятся звуки "Риголетто". Наверное, Огюстина пережила в молодости какую-то драму, раз она способна прослушать целую оперу разом.

"La donna e mobile!" [9]

Динни взялась за "Мемуары Хэрриет Уилсон", книгу, в которой любимым изменяют все, кроме самой писательницы. Да и та соблюдала верность лишь в своем понимании этого слова, - у этой распущенной, блестящей, остроумной, тщеславной и добросердечной кокетки был действительно всего один большой роман, но зато целая куча легких интрижек.

"La donna e mobile!" Мелодия насмешливо взлетает по лестнице, словно тенор уже достиг Мекки своих желаний. "Mobile!". Нет. Это скорее относится к мужчине, чем к женщине. Женщина не меняется. Она любит - и теряет. Динни сидела, закрыв глаза, пока не замерли последние звуки последнего акта; затем легла спать. Ночь она провела тревожную, видела дурные сны и была разбужена стуком в дверь.

- Мисс Динни, вас к телефону.

- Меня? А который час?

- Половина восьмого, мисс.

Она села на постели:

- Иду. Кто просит?

- Он не сказал, мисс, но говорит, что вы нужны ему по важному делу.

"Уилфрид!" - подумала она, вскочила, накинула халатик и домашние туфли и побежала вниз.

- У телефона. Кто говорит?

- Это Стэк, мисс. Простите, что беспокою так рано, но ничего другого не оставалось. Мистер Дезерт, мисс, лег вчера в обычное время, но утром собака начала скулить у него в комнате. Я вошел и увидел, что постель не смята. Он, видимо, ушел очень рано, потому что сам я встал примерно в половине седьмого. Я не стал бы вас тревожить, мисс, но только вид его мне вчера не понравился... Вам слышно, мисс?

- Да. Он взял с собой одежду или другие вещи?

- Нет, мисс.

- Был у него кто-нибудь вечером?

- Нет, мисс. Но примерно в половине десятого пришло письмо. Я как раз подавал ему виски и заметил, что он не в себе. Возможно, ничего и не случилось, но ведь он такой стремительный, и я... Вам слышно, мисс?

- Да. Я оденусь и сейчас же еду. Стэк, вы достанете мне такси или лучше машину на целый день к тому моменту, когда я буду у вас?

- Я достану машину, мисс.

- А он не мог уехать на континент?

- До девяти утра нет никакого транспорта.

- Постараюсь быть у вас как можно скорее.

- Понятно, мисс. Не волнуйтесь, мисс. Может быть, он просто вышел погулять...

Динни повесила трубку и взлетела наверх.

XXIV

Такси Уилфрида, который распорядился полностью заправить бак, медленно перевалило через Хейверсток-хилл в направлении Спаньярдз-род. Дезерт взглянул на часы. До Ройстона сорок миль. Он поспеет туда к девяти даже на этой колымаге. Уилфрид вытащил письмо и перечитал его.

"Ливерпул-стрит-стейшн.

Пятница.

Сэр,

Вы, надеюсь, согласитесь, что сегодняшний случай не может остаться без последствий. Поскольку закон отказывает мне в подобающем удовлетворении, я заблаговременно уведомляю Вас, что публично отстегаю Вас хлыстом при первой же встрече в любом месте, где Вас не будет охранять присутствие дамы.

С совершенным почтением

Дж. Масхем. Брайери, Ройстон".

"При первой же встрече в любом месте, где вас не будет охранять присутствие дамы"! Свинья! Встреча произойдет скорее, чем он предполагает! Какая жалость, что этот тип намного старше его!

Такси достигло вершины и, выехав на пустынную Спаньярдз-род, набирало скорость. Местность, залитая лучами раннего солнца, заслуживала внимания поэта, но Уилфрид, поглощенный своими мыслями, полулежал на сиденье, не глядя по сторонам. Он должен ответить на удар! Любой ценой помешать этому типу и дальше глумиться над ним! У Дезерта не было никакого определенного плана. Прочитав слова: "где Вас не будет защищать присутствие дамы", - он просто искал любой возможности столкнуться с Масхемом на людях. Этот тип считает, что он прячется за женскую юбку? Жаль, что невозможна настоящая дуэль! Ему вспомнились дуэли, воспетые литературой. Милый друг, Базаров, доктор Слеммер, сэр Льющее О'Триггер, д'Артаньян, сэр Тоби, Уинкл, все эти вымышленные герои, вселившие в читателя почтение к дуэли. Но обе жемчужины

мелодрамы - дуэли и налеты на банки ушли в прошлое. Что ж, он, во всяком случае, побрился - не согрев воды - и оделся с такой тщательностью, словно его ждет не вульгарная уличная драка. Денди Джек Масхем и грубое рукоприкладство! До чего забавно! Такси спустилось с холма и, гудя, прокладывало себе дорогу среди еще редких тележек огородников и молочников. Уилфрид подремывал после почти бессонной ночи. Машина проскочила Бернет и Хэтфилд, объехала Уэлвин-гарден-сити, миновала Небуорт и вытянутые вдоль дороги деревни Стивенедж, Грейвли и Болдок. Дома и деревья, окутанные прозрачной утренней дымкой, казались какими-то нереальными. Этот фантастический пейзаж был населен лишь почтальонами, служанками, мелькавшими в дверях домов, мальчишками верхом на фермерских лошадях и попадавшимися там и сям велосипедистами. А Уилфрид с кривой улыбкой полулежал на подушках, упираясь ногами в переднее сиденье и почти закрыв глаза. Ему не надо ни обдумывать сцену заранее, ни затевать ссору. Он должен лишь попасться Масхему на глаза, - так ведь сказано в письме... Что ж, за ним дело не станет.

Такси замедлило ход.

- Подъезжаем к Ройстону, хозяин; теперь куда?

- Остановитесь у гостиницы.

Шофер дал газ. Утренний свет стал ярче. Вплоть до возвышавшихся по сторонам буковых рощиц все стало отчетливым. Справа от дороги, на травянистом склоне, Уилфрид увидел вереницу покрытых попонами скаковых лошадей, медленно возвращавшихся с выездки. Машина промчалась по длинной деревенского вида улице и остановилась в конце ее, у гостиницы. Уилфрид вылез:

- Поставьте машину в гараж. Отвезете меня обратно.

- Слушаю, хозяин.

Уилфрид вошел и заказал завтрак. Ровно девять! За едой он спросил официанта, где находится Брайери.

- Прямо задами и направо, сэр. Такое длинное низкое здание. Но если вам нужен мистер Масхем, вы просто выйдете на улицу и подождите у ворот. Он появится на своем пони в пять минут одиннадцатого. Когда нет скачек и он едет на завод, по нему часы ставить можно.

- Благодарю. Это избавит меня от лишних хлопот.

Без пяти десять Уилфрид с сигаретой в зубах занял позицию у ворот гостиницы. Подтянутый, неподвижный, он стоял и улыбался, вновь и вновь припоминая сцену между Томом Сойером и слишком нарядным мальчиком, когда они примериваются друг к другу и выкладывают весь запас

ритуальных оскорблений, перед тем как вихрем закружиться в схватке. Сегодня ритуал не будет соблюден! "Если смогу сбить его с ног, собью!" - решил Уилфрид. Руки его, заложенные в карманы, сжались, но в остальном Дезерт был так же неподвижен, как воротный столб, к которому он прислонился; прозрачный дымок сигареты полускрывал его лицо. Он с удовлетворением отметил, что его шофер вышел за ворота и разговаривает с другим шофером, что на другой стороне улицы какой-то мужчина моет окна и стоит тележка мясника. Масхем не сошлетя на отсутствие свидетелей! Если он, как и сам Уилфрид, не дрался со школьных лет, сцена превратится в самую низкопробную потасовку. Что ж, тем больше шансов испытать и причинить боль! Вдали, над вершинами деревьев, встало солнце; свет упал на лицо Уилфрида. Он сделал несколько шагов в сторону и подставил голову лучам. Солнце! Все, что есть в жизни хорошего, - от солнца. И внезапно он подумал о Динни. Для нее солнце не было тем же, чем было для него. Не приснилась ли она ему? Или, вернее, не была ли она и вся эта история с Англией неожиданным и кратковременным пробуждением от сна? Бог его знает! Уилфрид переступил с ноги на ногу и взглянул на часы. Три минуты одиннадцатого. Вот он! Как и предсказывал официант, в конце улицы показался всадник, невозмутимо, равнодушно и уверенно восседавший на маленькой породистой лошадке. Он ничего не подозревает. Ближе, ближе! Всадник посмотрел по сторонам, подбородок его дернулся. Он поднес руку к шляпе, осадил пони, повернул и поскакал обратно.

"Ага, отправился за хлыстом!" - подумал Уилфрид и раскурил вторую сигарету от первой. Позади него раздался голос:

- Что я вам говорил, сэр? Это мистер Масхем.

- Он, видимо, что-то забыл.

- Ну? - удивился официант. - Обычно он точен. На заводе говорят, что он сущий турок там, где дело касается порядка. Смотрите, уже возвращается. Не очень-то он любит копаться, верно?

Масхем приближался легким галопом. Ярдах в тридцати от ворот он остановился и слез. Уилфрид слышал, как он скомандовал пони: "Стоять, Бетти!" Сердце Уилфрида забило, руки в карманах сжались еще крепче, но он по-прежнему стоял, прислонясь к воротам. Официант отошел, но уголком глаза Уилфрид видел, что тот задержался на пороге гостиницы, словно желая взглянуть, как пройдет встреча, которой он способствовал. Шофер все еще был занят одним из тех нескончаемых разговоров, каким так любят предаваться водители; лавочник все еще мыл свои окна; мясник вернулся к тележке. Масхем неторопливо приближался, держа в руке

плетеный хлыст.

"Вот оно!" - подумал Уилфрид.

Не доходя трех ярдов, Масхем остановился:

- Готовы? Уилфрид вытащил руки из карманов, выплюнул сигарету и кивнул. Высокая фигура взмахнула хлыстом и прыгнула. Масхем успел нанести удар, но Уилфрид сразу же обхватил врага. Бой завязался на такой короткой дистанции, что хлыст только мешал, и Масхем отбросил его. Противники качнулись, прижались к воротам, потом, словно осененные одной и той же мыслью, разжали руки и встали в позицию. С первых же секунд стало ясно, что ни тот ни другой не искушены в боксе. Они бросались друг на друга неумело, но зато исступленно. На стороне одного были рост и вес, на стороне другого - молодость и ловкость. Несмотря на град ударов и неистовое ожесточение схватки, Уилфрид успел заметить, что вокруг них собирается толпа. Они стали потехой для уличных зевак! Бой был таким всепоглощающе яростным, что безмолвие противников передалось зрителям - в толпе лишь тихо перешептывались. Вскоре у обоих на разбитых губах выступила кровь, оба начали задыхаться и словно отупели. В полном изнеможении они опять обхватили друг друга и топтались на месте, качаясь и силясь поймать врага за горло.

Кто-то крикнул:

- Так его, мистер Масхем! Этот голос словно подстегнул Уилфрида. Он оторвал от себя руки противника и прыгнул вперед; Масхем встретил его ударом кулака в грудь, но вытянутые руки Уилфрида уже сомкнулись на шее врага. Они зашатались и с шумом рухнули на землю. Затем, словно их опять осенила одна и та же мысль, отпустили друг друга и вскочили на ноги. Несколько секунд они переводили дух, свирепо поглядывая друг на друга и выжидая удобного случая, чтобы начать снова. Затем оба торопливо осмотрелись по сторонам, и Уилфрид увидел, что окровавленное лицо Масхема изменилось и застыло, он опустил руки, сунул их в карманы, круто повернулся и пошел прочь. И внезапно Уилфрид понял - почему. На другой стороне улицы в открытой машине стояла Динни, одной рукой зажимая себе рот и закрыв другой глаза.

Уилфрид повернулся не менее круто и вошел в гостиницу.

XXV

Одеваясь, а затем мчась по пустынным улицам, Динни торопливо обдумывала положение. Письмо, доставленное Уилфриду поздно вечером, неоспоримо доказывает, что причина его раннего ухода - Масхем. Поскольку Уилфрид потерялся, как иголка в стогу сена, единственный выход для нее - начать действовать с другого конца. Зачем ждать, пока ее

дядя переговорит с Джеком Масхемом? Она и сама сумеет поговорить с ним. Так будет не хуже, а, может быть, даже лучше. В восемь девушка добралась до Коркстрит и сразу же осведомилась:

- Стэк, у мистера Дезерта есть револьвер?

- Да, мисс.

- Он взял его?

- Нет.

- Я спрашиваю потому, что вчера у него вышла ссора.

Стэк погладил рукой небритый подбородок:

- Я, конечно, не знаю, куда вы собираетесь, мисс, но не поехать ли и мне с вами?

- Лучше справьтесь, не сел ли он в поезд, согласованный с пароходным расписанием.

- Хорошо, мисс. Я прихвачу с собой собаку и схожу узнаю.

- Машина внизу у подъезда - для меня?

- Да, мисс. Верх опустить?

- Пожалуйста. Чем больше воздуха, тем лучше.

Вестовой кивнул; его глаза и нос показались Динни особенно большими и понятливыми.

- Как мне связаться с вами, если я первым найду мистера Дезерта?

- Я справлюсь на почте в Ройстоне, нет ли телеграммы до востребования. Я еду туда к мистеру Масхему. Ссора вышла с ним.

- Вы что-нибудь ели, мисс? Не приготовить ли вам чашку чая?

- Благодарю, я уже пила.

Это была ложь, но она сэкономила девушке время.

Поездка по незнакомой дороге показалась Динни бесконечной, тем более что у нее в ушах раздавались слова дяди: "Не будь он человеком прошлого столетия, я не тревожился бы... Джек - пережиток". А вдруг сейчас в каком-нибудь укромном уголке - Ричмонд-парке, Кен Вуде, да где угодно, они воздают эту старомодную дань чести? Динни рисовала себе сцену: Джек Масхем, высокий, уравновешенный; Уилфрид, перетянутый поясом, дерзкий; вокруг деревья, воркуют лесные голуби; противники медленно поднимают руки, прицеливаются!.. Да, но кто подаст команду? Где им взять пистолеты? В наши дни люди не таскают в карманах дуэльные пистолеты. Будь ее предположение правильным, Уилфрид уж, конечно, захватил бы с собой револьвер! Что сказать, если она застанет Масхема дома? "Пожалуйста, не обращайтесь внимания на то, что вас обозвали хамом и трусом, считайте эти слова выражением дружеских чувств"? Уилфрид не должен узнать о том, что она пыталась вмешаться. Это еще больше ранило

бы его гордость. Раненая гордость! Существует ли более древняя, глубокая, неискоренимая и в то же время более естественная и прощительная причина бед, постигающих людей? Как тяжело тому, кто сознает, что изменил себе? Побезденная силой, не признающей ни законов, ни разума, Динни любила Уилфрида целиком, и то, что он изменил себе, не умаляло ее любви, но она не закрывала глаза на его вину. С тех пор как фраза отца о "любом англичанине, которого припугнут пистолетом", задела какую-то сокровенную струну ее души, Динни чувствовала, что раздваивается между своей любовью и своим бессознательным представлением об англичанине и его долге.

Шофер остановил такси, чтобы осмотреть заднюю шину. С холма потянуло ветерком, к Динни донесся запах цветущей бузины. Девушка закрыла глаза. Скромные белые пахучие цветы! Шофер сел на место, машина рванулась вперед. Неужели жизнь всегда будет вот так же отрывать ее от любви? Неужели любовь никогда не убаюкает ее, опьяненную и счастливую, в своих объятиях?

"Ужасно! - подумала она. - Лучше бы уж я избрала члена Жокейклуба!"

Начался Ройстон, девушка попросила шофера:

- Остановите, пожалуйста, у почты.

- Слушаю, мисс.

Телеграммы для Динни не было; тогда она осведомилась, как найти мистера Масхема. Служащая взглянула на часы:

- Это почти напротив, мисс, но если вам нужен лично мистер Масхем, так он только что проехал мимо, я сама видела. Он направлялся к себе на завод. Прямо через весь город, потом направо.

Динни села в такси, и машина медленно двинулась дальше.

Впоследствии девушка так и не могла вспомнить, кто из них - она или шофер - остановил машину, повинувшись инстинкту. Когда он обернулся и предупредил: "Похоже, что здесь драка, мисс", - Динни уже вскочила на ноги, пытаясь заглянуть через головы зрителей, стоявших кольцом на мостовой. Она увидела окровавленные лица мужчин, градом сыплющиеся удары, отчаянную и молчаливую схватку. Она открыла дверцу, но подумала: "Он никогда мне не простит!" - снова захлопнула ее и прикрыла рукой глаза, зажав другою рот и чувствуя, что шофер тоже стоит.

- Вроде как всерьез сцепились! - услышала она его восхищенный возглас.

Каким страшным, диким выглядит Уилфрид! Но голыми руками они друг друга не убьют. К ужасу девушки примешивалось ликование: он

приехал сюда для того, чтобы драться! И все же ей казалось, что каждый удар падает на ее тело, что она сама повторяет каждое усилие и движение борющихся.

- Как назло ни одного полисмена! Так ему! Ставлю на молодого! - горячился увлеченный зрелищем шофер.

Динни увидела, как противники расцепились, как Уилфрид, вытянув руки, ринулся вперед; услышала, как кулак Масхема ударился о его грудь; затем они снова обхватили друг друга, зашатались, рухнули, опять вскочили, задыхаясь и обмениваясь свирепыми взглядами. Потом она увидела, что ее заметили - сначала Масхем, за ним Уилфрид. Противники отвернулись, и все кончилось. Шофер пробормотал: "Эх, жаль!" Динни опустила на сиденье и тихо попросила:

- Поезжайте, пожалуйста.

Прочь, прочь отсюда! Достаточно того, что они видели ее, - может быть, более чем достаточно!

- Проезжайте еще немного вперед, затем разворачивайтесь и обратно в город.

Снова они не начнут.

- Драться-то как следует ни один не умеет, но ребята смелые.

Динни кивнула. Рукой она все еще прикрывала рот, потому что губы у нее дрожали.

- Вы что-то побледнели, мисс. Крови испугались? Вы зашли бы куданибудь да выпили глоток бренди.

- Не здесь, - выдавила Динни. - В следующей деревне.

- В Болдоке? Ладно.

И шофер дал газ.

Когда они снова проезжали мимо гостиницы, толпа уже разошлась. На улице не было никаких признаков жизни, если не считать двух собак, мужчины, мывшего окна, и полисмена.

В Болдоке Динни кое-как позавтракала. Понимая, что теперь, когда взрыв произошел, ей должно стать легче, она с удивлением ощутила, что на нее навалилось какое-то мрачное предчувствие. Не возмутил ли Уилфрида ее приезд? Он может вообразить, что она явилась его защищать! Ее случайное появление прервало драку, она видела их растерзанными, окровавленными, утратившими достоинство. Девушка решила никому не рассказывать, где была, - даже Стэку и дяде.

Но подобные предосторожности бесполезны в столь цивилизованной стране, как Англия. Уже в вечернем номере "Ивнинг сан", под заголовком "Кулачная расправа в высшем свете", появилось красочное, хотя и не

совсем точное, сообщение о "стычке в Ройстоне между известным коннозаводчиком мистером Джеком Масхемом, кузеном баронета сэра Чарлза Масхема, и высококочтимым Уилфридом Дезертом, вторым сыном лорда Маллиена и автором поэмы "Барс", вызвавшей недавно такую сенсацию". Написано оно было живо и образно и кончалось следующими словами: "Полагают, что причиной ссоры явилась, вероятно, позиция мистера Масхема в вопросе о пребывании мистера Дезерта в членах некоего клуба. Мистер Масхем, видимо, возражал против оставления мистера Дезерта в списках клуба, поскольку тот довел до всеобщего сведения, что "Барс" написан им на основе личных переживаний. Хотя эта стычка вряд ли поднимет престиж аристократии в глазах народа, она, несомненно, свидетельствует о большом мужестве обеих сторон".

За обедом дядя, ни слова не говоря, положил газету перед Динни и воздержался от комментариев. Девушка напустила на себя бесстрастный вид и хранила его, пока баронет не спросил прямо:

- Ты была там, Динни?

"Проницателен, как всегда", - подумала девушка и кивнула, потому что даже теперь, приобретя привычку манипулировать правдой, она все-таки была не способна на заведомую ложь.

- В чем дело? - осведомилась леди Монт.

Динни подвинула газету тетке, которая пробежала заметку, щуря глаза, так как страдала дальностью зрения.

- Кто одолел, Динни?

- Никто. Они просто прекратили драку.

- Где находится Ройстон?

- В Кембриджшире.

- Из-за чего дрались? Этого ни Динни, ни сэр Лоренс не знали.

- Он спрятал тебя в багажник, Динни?

- Нет, тетя. Я просто случайно проезжала мимо.

- Религия ужасно разжигает страсти, - изрекла леди Монт.

- Да, - с горечью согласилась Динни.

- Их остановило твое присутствие? - спросил сэр Лоренс.

- Да.

- Мне это не нравится. Я предпочел бы полисмена или нокаут.

- Я старалась, чтобы они меня не заметили.

- Видалась ты с ним потом? Динни покачала головой.

- Мужчины тщеславны, - объявила тетка.

На этом разговор прервался.

После обеда Стэк по телефону сообщил ей о возвращении своего

хозяина, но интуиция подсказала Динни, что ей не следует искать встречи с Уилфридом.

Она провела беспокойную ночь и с утренним поездом вернулась в Кондафорд. Было воскресенье, и все ушли к обедне. Как поразительно далека она теперь от семьи! У Кондафорда тот же вид и тот же запах, живут в нем те же люди, занимаясь теми же делами, что и раньше, и однако все стало иным! Даже шотландский терьер и спаниели обнюхивают ее с таким выражением, словно сомневаются, своя ли она.

"А может быть, я уже чужая? - спросила себя Динни. - "Не слышит человек благоуханья, когда он сердцем далеко".

Первой вернулась Джин, так как леди Черрел осталась у причастия, генерал подсчитывал кружечный сбор, а Хьюберт отправился осмотреть деревенское поле для крикета. Она застала Динни сидящей около старых солнечных часов перед клумбой дельфиниумов. Расцеловавшись с золовкой, Джин с минуту постояла, глядя на нее, потом посоветовала:

- Выпей чего-нибудь, дорогая, иначе ты совсем обессилеешь.

- Мне нужен только завтрак, - ответила Динни.

- Мне тоже. Раньше я думала, что проповеди моего отца даже после моей цензуры - настоящая пытка, но у вас здесь пастор еще почище.

- Да, его всегда нужно останавливать.

Джин снова сделала паузу, и глаза ее впились в лицо Динни.

- Динни, я целиком на твоей стороне. Выходи за него немедленно и уезжай.

Динни усмехнулась.

- В брак вступают двое, а не один.

- Статейка в сегодняшней газете насчет драки в Ройстоне - правда?

- Вероятно, нет.

- Я хочу сказать - драка была?

- Да.

- Из-за чего они подрались?

- Из-за меня. Я единственная женщина во всей этой истории.

- Ты очень изменилась, Динни.

- Да, я перестала быть милой и бескорыстной.

- Ну, вот что! - объявила Джин. - Если тебе доставляет удовольствие играть роль страждущей от любви девицы, я мешать не стану.

Динни успела поймать ее за юбку. Джин опустилась на колени и обняла ее:

- Ты держалась молодцом по отношению ко мне, когда я была против вашего брака.

Динни рассмеялась.

- Что говорят теперь отец и Хьюберт?

- Твой отец молчит и ходит мрачный. А Хьюберт ворчит: "Надо что-то предпринять" или "Это переходит всякие границы".

- Мне ни до чего нет дела, - внезапно призналась Динни. - Все уже в прошлом.

- Ты хочешь сказать, что не знаешь, как он поступит? Но он должен поступить так, как захочешь ты.

Динни снова рассмеялась.

- Боишься, что он может сбежать и бросить тебя? - спросила Джин с изумительной проникательностью и присела на корточки, чтобы видеть лицо Динни. - Да, он может. Знаешь, я ведь была у него.

- Неужели?

- Да, он меня совершенно подавил. Я не сумела слова сказать. Он очень обаятелен, Динни.

- Тебя послал Хьюберт?

- Нет, я поехала сама. Я хотела объяснить ему, что о нем подумают, если он женится на тебе, но не смогла. Я предполагала, что он тебе рассказывал. Видимо, он решил, что это огорчит тебя.

- Не знаю, - ответила Динни. Она действительно не знала. В эту минуту ей казалось, что она вообще ничего не знает.

Джин молча и яростно обрывала ранний одуванчик.

- На твоём месте я соблазнила, бы его, - наконец сказала она. - Если бы ты хоть раз принадлежала ему, он не бросил бы тебя.

Динни поднялась:

- Обойдем сад, посмотрим, что расцвело.

XXVI

Поскольку сама Динни ни словом не обмолвилась о деле, занимавшем всех, никто из ее родных также не сказал о нем ни слова, за что девушка была им искренне признательна. Следующие три дня стоили ей постоянного напряжения, - она старалась скрыть, что несчастна. Ни известий от Стэка, ни писем от Уилфрида; если бы что-нибудь случилось, он, конечно, дал бы ей знать. На четвертый день, чувствуя, что она больше не вынесет этой неизвестности, Динни позвонила Флер и осведомилась, нельзя ли ей приехать к ним.

Лица ее родителей, когда она объявила им, что должна уехать, растрогали девушку, как трогают нас морды и хвосты собак, которых приходится покинуть. Насколько все-таки сильнее действует на человека молчаливое горе, чем нытье!

В поезде девушкой овладела паника. Неужели ее обманула интуиция, советовавшая ей выждать, пока Уилфрид не сделает первый шаг? Может быть, ей следовало сразу же кинуться к нему? Поэтому, приехав в Лондон, она бросила шоферу:

- Корк-стрит.

Но Уилфрида не оказалось дома, и Стэк не знал, когда он вернется. Поведение слуги тоже показалось девушке странным. Похоже было, что он занял выжидательную позицию и не собирается ее менять. Здоров ли мистер Дезерт? Да. А как собака? С собакой все в порядке. Динни уехала в совершенном отчаянии. На Саут-сквер дома тоже никого не оказалось. Весь мир словно сговорился дать ей почувствовать, как она одинока. Она позабыла про Уимблдон, выставку лошадей и прочие события, приходившиеся на данное время года. Все эти проявления интереса к жизни настолько противоречили теперешнему состоянию духа девушки, что она просто не понимала, как могут люди заниматься подобными делами.

У себя в комнате она села за письмо к Уилфриду. Больше нет никаких оснований молчать, - Стэк все равно скажет, что она заходила.

Динни написала:

"Саут-сквер, Вестминстер.

С самой субботы я мучилась сомнениями - писать тебе или ждать, пока ты напишешь. Милый, у меня и в мыслях не было вмешиваться в твои дела. Я просто ехала к мистеру Масхему, намереваясь сказать ему, что во всем виновата я одна, что это я заставила тебя "перейти границы", как он имел глупость выразиться. Я никак не предполагала, что ты можешь там оказаться. В сущности, я даже не слишком надеялась застать его. Пожалуйста, позволь повидаться с тобой.

Твоя несчастная

Динни".

Девушка сама опустила письмо в ящик. На обратном пути она встретила

Кита, который возвращался домой в сопровождении гувернантки, собаки и двух младших детей тети Эдисон. Они казались совершенно счастливыми; Динни стало стыдно не казаться такой же, и она отправилась вместе с ними пить чай в классную комнату Кита. Чаепитие еще не закончилось, когда вернулся Майкл. Динни, редко видевшая его в обществе сынишки, была очарована непринужденностью их взаимоотношений. Глядя на них, трудно было сказать, кто старше, хотя некоторая разница в росте и отказ от второй порции клубничного варенья говорили в пользу

Майкла. Час, проведенный с детьми, был для Динни самым счастливым за пять дней, прошедших с тех пор, как она рассталась с Уилфридом. Затем она отправилась вместе с Майклом к нему в кабинет.

- Что-то случилось, Динни? Перед ней лучший друг Уилфрида, человек, которому легче всего излить душу, а у нее нет слов! И вдруг, опустившись в кресло Майкла, подперев голову руками и глядя не на него, а в пространство, словно присматриваясь к своему будущему, Динни заговорила. Майкл устроился на подоконнике; лицо его попеременно принимало то горестное, то чудаковатое выражение; время от времени он тихо вставлял успокоительное словечко. Ничто не испугало бы ее, говорила Динни, ни общественное мнение, ни газеты, ни даже ее семья, если бы в самом Уилфриде не таилась глубокая горькая тревога, всепоглощающее сомнение в правильности своего поступка, если бы он не стремился постоянно доказывать другим, а главное, самому себе, что он не трус. Динни впервые решилась дать выход долго сдерживаемой тревоге, которую вселяло в нее ощущение того, что она словно пробирается по болоту и каждую минуту может провалиться в бездонную трясиину, прикрытую лишь тонким и обманчивым слоем дерна. Наконец она замолчала и бессильно откинулась на спинку кресла.

- Но разве он не любит тебя по-настоящему, Динни? - мягко спросил Майкл.

- Не знаю, Майкл. Раньше я думала, что да. Теперь не знаю. За что ему меня любить? Я - обыкновенный человек, он - нет.

- Все мы кажемся себе обыкновенными. Не хочу тебе льстить, но ты кажешься мне гораздо менее обыкновенной, чем Уилфрид.

- О нет!

- Поэты доставляют окружающим одно беспокойство, - мрачно констатировал Майкл. - Итак, что же будем делать?

Вечером после обеда он ушел якобы на вечернее заседание палаты, а на самом деле отправился на Корт-стрит.

Уилфрида дома не оказалось, и Майкл попросил у Стэка разрешения подождать. Сидя на диване в этой причудливо обставленной и плохо освещенной комнате, он корил себя за то, что пришел. Намекнуть, что его послала Динни? Бесполезно и даже вредно. Кроме того, она же тут ни при чем. Он пришел сам, чтобы попробовать выяснить, в самом ли деле Уилфрид любит ее. Если не любит, - что ж, тем легче и быстрее она переживет свое горе. Новость, может быть, разобьет ей сердце, и все же лучше это, чем гоняться за призраком. Майкл знал или догадывался, что Уилфрид совершенно не способен поддерживать односторонние

отношения. Самое страшное для Динни - связать себя с ним, переоценив его чувство к ней. Возле дивана на маленьком столике с виски лежала вечерняя почта - всего два письма. Одно из них, как заметил Майкл, - от Динни. Дверь приоткрылась, и вошла собака. Она обнюхала брюки Майкла и легла, положив морду на лапы и уставившись на дверь. Он заговорил с ней, но она не обратила на него внимания. Ученая собака! "Буду ждать до одиннадцати", - решил Майкл, и почти сразу же вслед за этим вошел Уилфрид. На щеке у него был кровоподтек, подбородок заклеен пластырем. Собака завертелась у него под ногами.

- Похоже, вы крепко подрались, старина? - осведомился Майкл.

- Да. Виски?

- Нет, благодарю.

Он наблюдал за Уилфридом. Тот взял письма, отвернулся и вскрыл их.

"Я должен был догадаться, что он это сделает! - подумал Майкл.

Пропали мои надежды! Теперь он просто обязан притворяться, что влюблен в Динни".

Уилфрид, все еще стоя спиной к гостю, налил себе виски и выпил. Затем обернулся и спросил:

- Ну? Обескураженный таким кратким обращением и мыслью, что он пришел выпрашивать друга, Майкл молчал.

- Что ты хотел спросить?

- Любишь ли ты Динни, - отрезал Майкл.

Уилфрид рассмеялся.

- Ну, знаешь ли!..

- Знаю. Так не может больше продолжаться. Черт побери, Уилфрид, ты обязан подумать о ней.

- Я думаю.

Уилфрид бросил это с таким измученным и отрешенным видом, что Майкл решил: "Не лжет".

- Тогда, бога ради, докажи ей это! - взмолился он. - Не заставляй ее терзаться.

Уилфрид отвернулся к окну и, не глядя назад, сказал:

- Ты никогда не был вынужден доказывать, что ты не трус. И не пытайся - все равно случай не подвернется. Он приходит, когда не нужно, а не тогда, когда ты его ищешь.

- Естественно. Но это же не вина Динни, дружище.

- Ее беда.

- Как же быть? Уилфрид повернулся на каблуках:

- О, черт бы тебя побрал, Майкл! Уходи! В такие вещи нельзя

вмешиваться. Они слишком личные.

Майкл вскочил и взялся за шляпу. Уилфрид сказал именно то, о чем он и сам думал перед его приходом.

- Ты совершенно прав, - смиренно согласился он. - Спокойной ночи, старина. Хороший у тебя пес.

- Прости, - извинился Уилфрид. - У тебя добрые намерения, но тут ты бессилён. Тут все бессильны. Спокойной ночи.

Майкл вышел и спустился с лестницы, напоминая побитую собаку.

Когда он вернулся домой, Динни уже поднялась к себе, но Флер ждала его внизу. Он не собирался поведать ей о своем визите, но жена пристально посмотрела на него и объявила:

- Ты не был в палате, Майкл. Ты ходил к Уилфриду.

Майкл кивнул.

- Ну как?

- Ничего не вышло.

- Я заранее могла сказать тебе то же самое. Как ты поступишь на улице, увидев, что мужчина ссорится с женщиной?

- Перейду на другую сторону, если, конечно, успею вовремя их заметить.

- Тогда в чем же дело?

- Они же не ссорятся.

- Допустим. Но у них свой особый мир, вход в который закрыт для всех остальных.

- Так Уилфрид и ответил.

- Естественно.

Майкл пристально посмотрел на Флер. У нее тоже был однажды свой особый мир. И не с ним!

- Это глупость с моей стороны. Но я вообще глуп.

- Нет, ты не глупый. Ты чересчур благожелательный. Идешь спать?

Поднимаясь вверх, Майкл не мог отделаться от странной уверенности, что не он хочет лечь с ней в постель, а она с ним. Что ж, в постели все разом изменится, - такова уж природа мужчины!

Через окно своей комнаты, расположенной над спальней Майкла и Флер,

Динни слышала тихое журчание их голосов и, уронив голову на руки, дала волю отчаянию. Звезды враждебны ей! Внешние препятствия можно разрушить или обойти, но путь к сердцу любимого человека, когда им владеет глубокий душевный разлад, закрыт непреодолимой преградой, которую нельзя ни отодвинуть, ни пробить, ни сломать. Девушка взглянула

на враждебные ей звезды. Неужели древние действительно верили во влияние светил, или у них, как и у нее самой, просто была такая манера выражаться? Неужели этим ярким бриллиантам, поблескивающим на синем бархате ночного простора, есть дело до крошечных людей, человекообразных насекомых, которые рождаются из объятия, встречаются себе подобного, сливаются с ним, умирают и становятся прахом? Все ли поминаются названия этих пылающих солнц, вокруг которых вращаются крошечные осколки-планеты, или воистину их бег и расположение предвещают грядущее?

Нет, человек всегда переоценивает свою значимость. Он пытается впрячь вселенную в ничтожное колесо своей судьбы. Спускайся вниз, милый Возничий! Но он не спускается, а уносит человека с собой в бесконечность...

XXVII

Два дня спустя Черрелы в полном составе собрались на семейный совет, так как Хьюберт получил приказ срочно вернуться в свой суданский полк и требовал, чтобы до его отъезда было принято решение относительно Динни. Поэтому четверо братьев Черрел, сэр Лоренс, Майкл и сам Хьюберт сошлись у Эдриена в музее, после того как мистер Черрел-судья освободился из присутствия. Все знали, что совещание, видимо, ни к чему не приведет, поскольку, - как понимает даже правительство, - бесполезно принимать решения, которые невозможно провести в жизнь.

Майкл, Эдриен и генерал, лично встречавшиеся с Уилфридом, оказались наименее разговорчивыми; больше всех разглагольствовали сэр Лоренс и судья; Хьюберт и Хилери то подавали голос, то замолкали.

Предпосылка у всех была одна и та же: "Это дело скверное", - но, развивая ее, ораторы разделились на два лагеря: Эдриен, Майкл и отчасти Хилери утверждали, что сделать ничего нельзя, надо подождать и посмотреть, чем все кончится, остальные считали, что сделать можно очень многое, но ничего конкретно не предлагали.

Майкла, впервые увидевшего всех своих четырех дядей одновременно, поразило сходство черт и цвета их лиц, сходство почти полное, за исключением глаз - серо-голубых у Хилери и Лайонела, карих у генерала и Эдриена. У всех были скупые жесты, неторопливые движения. В Хьюберте эти характерные приметы подчеркивались молодостью; его карие глаза по временам казались почти серыми.

- Не дает ли закон возможности помешать ей, Лайонел? - услышал Майкл голос отца.

Эдриен нетерпеливо перебил:

- Оставьте Динни в покое. Пытаться решать за нее - нелепо. У нее горячее сердце, бескорыстная натура и достаточно здравого смысла.

Хьюберт возразил:

- Все мы знаем это, дядя, но дело кончится для нее большим горем, и мы должны сделать, что можем.

- А что мы можем?

"Вот именно!" - подумал Майкл и сказал:

- Она сейчас и сама не знает, что делать.

- Почему бы тебе не увезти ее с собой в Судан, Хьюберт? - спросил судья.

- Я потерял всякий контакт с нею.

- Если бы кто-нибудь очень нуждался в ней... - начал и не кончил фразу генерал.

- Даже это реально лишь в том случае, если она будет совершенно уверена, что больше не нужна Дезерту, - отпарировал Эдриен.

Хилери вынул трубку изо рта:

- Кто-нибудь говорил с Дезертом?

- Я был у него один раз, - отозвался генерал.

- Я два, - подхватил Майкл.

- Теперь съезжу к нему я, - мрачно предложил Хьюберт.

- Нет, мой мальчик, если только ты не ручаешься, что сумеешь держать себя в руках, - вмешался сэр Лоренс.

- Я никогда в этом не поручусь.

- Поэтому не езд.

- Не сходишь ли ты сам, папа? - спросил Майкл.

- Я?

- Он всегда уважал тебя.

- Но ведь я даже не кровный родственник!

- Пожалуй, вам стоит попробовать, Лоренс, - поддержал Майкла Хилери.

- Почему?

- Потому что по тем или иным причинам ни одному из нас не стоит пробовать.

- Какие, собственно, соображения препятствуют браку Динни с Дезертом? - осведомился Эдриен.

Генерал круто повернулся к нему:

- На нее навсегда ляжет пятно.

- А что было с тем парнем, который продолжал держаться за жену и после того, как ее осудили? Все только стали больше уважать его.

- Нет хуже ада, чем видеть, как все указывают пальцами на спутника твоей жизни, - сказал судья.

- Динни научится ничего не замечать.

- Простите, но все вы не понимаете, в чем суть, - вмешался Майкл. - А суть в переживаниях самого Уилфрида. Если он женится на ней, оставаясь в разладе с самим собой, вот тогда ее действительно ждет ад. И чем сильнее Динни будет любить Уилфрида, тем тяжелее ей придется.

- Ты прав, Майкл, - неожиданно согласился сэр Лоренс. - Если я сумею втолковать ему это, мне стоит сходить.

Майкл вздохнул.

- Куда ни кинь, для Динни все равно ад.

- Утро вечера мудренее, - уронил Хилери сквозь облако табачного дыма.

- Вы верите в это, дядя Хилери?

- Не слишком.

- Динни двадцать шесть. Он - ее первая любовь. Что она будет делать, если кончится плохо?

- Выйдет замуж.

- За другого? Хилери кивнул.

- Весело!

- Жизнь вообще веселая штука.

- Ну, Лоренс, пойдете? - в упор спросил генерал.

Сэр Лоренс посмотрел на шурина и ответил:

- Пойду.

- Благодарю.

Никто не представлял себе, что получится из такого решения, но его, по крайней мере, можно было выполнить.

В тот же вечер на углу Корк-стрит сэр Лоренс встретил Уилфрида. Кровоподтек на лице Дезерта уже почти рассосался, а подбородок освободился от пластыря. Баронет спросил:

- Не возражаете, если я пройду с вами?

- Нисколько, сэр.

- Вы никуда не торопитесь? Уилфрид пожал плечами, и они пошли вместе. Наконец сэр Лоренс заговорил:

- Нет хуже, чем не знать, куда идешь.

- Вы правы.

- Тогда зачем вообще идти, особенно если вы тащите с собой другого человека. Простите за прямолинейность, но я хочу спросить: расстроила бы вас эта история, не будь Динни? Что, кроме нее, привязывает вас к Англии?

- Ничто. Но я не склонен входить в обсуждение. Простите, мне лучше уйти.

Сэр Лоренс остановился:

- Еще одну минуту, и потом уйду я. Понимаете ли вы, что человек, находящийся в разладе с самим собой, не годится для совместной жизни, пока не избавится от этого разлада? Вот все, что я хотел сказать, но это не так уж мало. Поразмыслите над моими словами.

И, приподняв шляпу, сэр Лоренс удалился. Ей-богу, дешево отделался!

Какой трудный молодой человек! В конце концов ему сказано все, что нужно.

Баронет шел по направлению к Маунт-стрит, размышляя, в каких тисках держат человека традиции. Если бы не они, разве стал бы Уилфрид обращать внимание на то, считают его трусом или нет? Разве написал бы Лайел свою проклятую поэму? Разве не согласился бы капрал Восточно-Кентского полка коснуться лицом земли? Был ли хоть один из Черрелов, присутствовавших на семейном совете, подлинно верующим христианином? Головой можно ручаться, - Хилери и тот не религиозен! И все-таки ни один из них не в силах примириться с отступничеством Дезерта. Не религия, а отказ принять вызов вот в чем для них загвоздка! Обвинение в трусости или, по меньшей мере, в пренебрежении добрым именем страны? Что ж, ради него на войне погибло около миллиона британцев. Неужели все они умерли за пустой звук? Дезерт сам чуть не погиб ради спасения этого доброго имени, за что и получил "Военный крест", или орден "За боевые заслуги", или что-то в этом роде! Как все противоречиво! Тот, кто готов постоять за свою страну на людях, забывает о ней в пустыне, тот, кто умирал за нее во Франции, не хочет умирать в Дарфуре.

Сэр Лоренс услышал за спиной торопливые шаги, обернулся и увидел Дезерта. Его потрясло изможденное, потемневшее лицо Уилфрида с искривленным ртом и глубокими страдальческими глазами.

- Вы были совершенно правы, - выдавил Дезерт. - Я решил, что лучше поставить вас в известность. Можете сказать ее родным, я уезжаю.

Столь полный успех возложенной на него миссии поверг сэра Лоренса в уныние.

- Будьте осторожны, - предупредил он, - иначе вы нанесете ей тяжелую рану.

- Это неизбежно в любом случае. Благодарю за все, что вы сказали. У меня открылись глаза. До свидания.

Дезерт повернулся и ушел.

Его страдальческий вид так подействовал на сэра Лоренса, что тот долго смотрел ему вслед. Баронет вернулся домой, побаиваясь, как бы лекарство не оказалось страшной болезнью. Пока он вешал шляпу и ставил в угол трость, по лестнице к нему спустилась леди Монт:

- Мне так грустно, Лоренс. Куда ты ходил?

- К молодому Дезерту и, кажется, внушил ему, что, пока он не научился жить в мире с самим собой, ему нельзя ни с кем жить.

- Это жестоко.

- Как!

- Он уедет. Я всегда знала, что он уедет. Ты сейчас же должен рассказать Динни о том, что наделал.

И леди Монт устремилась к телефону.

- Это вы, Флер?.. О, Динни!.. Это тетя Эм... Да... Можешь ты приехать немедленно?.. Почему нет?.. Это не основание... Ты должна! Лоренсу нужно с тобой поговорить... Да, немедленно. Он сделал большую глупость... Что?.. Нет... Он тебе объяснит... Через десять минут?.. Хорошо...

"Боже правый!" - подумал сэр Лоренс. Ему внезапно открылась великая истина: чтобы утратить чутье в любом вопросе, нужно только посидеть на совещании, посвященном ему. Когда правительство попадает в затруднительное положение, оно назначает комиссию. Когда человек совершает ложный шаг, он идет совещаться со стряпчим или адвокатом. Разве он отправился бы к молодому Дезерту и совершил непоправимое, если бы не посидел предварительно на семейном совете? Заседание притупило его чутье. Он пошел к Уилфриду, как присяжный выходит и оглашает вердикт после многодневного сидения на процессе. Теперь придется оправдываться перед Динни, а как тут, черт возьми, оправдаешься! И сэр Лоренс удалился в кабинет, зная, что жена следует за ним по пятам.

- Лоренс, расскажи ей точно, что ты сказал и как он это принял. Иначе может оказаться слишком поздно. Я не уйду, пока ты не расскажешь.

- Эм, поскольку тебе неизвестно, ни что я сказал, ни что он ответил, ты, по-моему слишком усердствуешь.

- Нет, - отрезала леди Монт. - Нельзя переусердствовать, когда исправляешь ошибку.

- Меня заставили пойти и переговорить с ним твои же родственники.

- Тебе следовало быть умнее. Если с поэтом обращаются, как с трактирщиком, он взрывается.

- Напротив, он благодарил меня.

- Еще хуже! Я распоряжусь, чтобы такси Динни не отпускали.

- Эм, предупреди меня, когда вздумаешь составлять завещание, - попросил сэр Лоренс.

- Зачем?

- Затем, чтобы я настроил тебя на последовательный лад прежде, чем ты начнешь писать.

- Все, чем я владею, перейдет под опеку Майкла для Кэтрин, - объявила леди Монт. - А если я умру, ко'да Кит уже поступит в Хэрроу, он получит "прощальный кубок" мое'о деда, тот, что стоит у меня в липпин'холлской гостиной. Но пусть он не берет е'о с собой в школу, потому что там е'о расплавят или будут варить в нем мятные лепешки, и вообще. Ясно?

- Совершенно.

- В таком случае при'отовься и начинай, как только Динни войдет, приказала леди Монт.

- Хорошо, - кротко согласился сэр Лоренс, - Но как, черт возьми, изложить это Динни?

- Просто рассказывай и ниче'о не выдумывай.

Сэр Лоренс забарабанил пальцами по подоконнику, выстукивая какойто мотив. Жена его уставилась в потолок. В таком положении застала их Динни.

- Задержите такси мисс Динни, Блор.

Взглянув на племянницу, сэр Лоренс понял, что действительно утратил чутье. Ее лицо под шапкой каштановых волос заострилось и побледнело, а глаза и вовсе не понравились баронету.

- Начинай, - потребовала леди Монт.

Сэр Лоренс, как будто защищаясь, приподнял худое плечо:

- Моя дорогая, твой брат отозван в полк, и меня попросили сходить поговорить с молодым Дезертом. Я пошел. Я сказал ему, что раз он в разладе с самим собой, он не может ни с кем жить, пока не переборет себя. Он ничего не ответил и ушел. Затем нагнал меня уже на нашей улице и признал, что я прав. Попросил передать твоим родным, что уезжает. У него был очень странный и расстроенный вид. Я предупредил: "Будьте осторожны, иначе вы нанесете ей тяжелую рану". Он возразил: "Это неизбежно в любом случае", - и ушел. С тех пор прошло минут двадцать.

Динни взглянула на дядю, потом на тетку, зажала рот рукой и выбежала.

Через несколько секунд они услышали, как отъехало такси.

XXVIII

За исключением той минуты, когда Динни получила коротенькую

записку в ответ на свое письмо, она провела последние два дня в полном отчаянии. Выслушав сообщение сэра Лоренса, она почувствовала, что все зависит от того, поспеет ли она на Корк-стрит до возвращения Уилфрида. Сев в такси, она крепко стиснула руки между коленями и уставилась в спину шофера, такую широкою, что было действительно невозможно устремить глаза на что-нибудь другое. Бесплезно подыскивать нужные слова. Она скажет те, что придут ей в голову, когда она увидит Уилфрида. Она посмотрит ему в лицо и найдет их. Девушка догадывалась, что стоит ему уехать из Англии и она потеряет его навеки. Она остановила машину на Бэрлингтон-стрит и торопливо зашагала к дому Дезерта. Если Уилфрид никуда по пути не зашел он уже у себя. За последние два дня она поняла, что Стэк, заметив перемену в хозяине, соответственно изменился и сам; поэтому, когда слуга отпер ей, она предупредила:

- Не останавливайте меня, Стэк. Я должна видеть мистера Дезерта.

И, проскользнув мимо него, распахнула дверь в гостиную. Уилфрид расхаживал по комнате.

- Динни! Она почувствовала, что, если скажет хоть одно неверное слово, всему придет конец, и ответила молчаливой улыбкой. Он прикрыл глаза рукой и замер, словно ослепленный. Девушка подкралась и обвила ему шею руками.

Может быть. Джин права? Не следует ли ей?..

Затем через открытую дверь вошел Фощ. Он ткнулся шелковистой мордой в руки Динни. Она опустилась на колени и поцеловала его. Когда она подняла голову, Уилфрид отвернулся. Она мгновенно вскочила и остановилась в растерянности. Динни не знала, о чем она думает и думает ли вообще, не знала, способна ли она еще что-нибудь воспринимать. Внутри нее, казалось, была полная пустота. Уилфрид открыл окно и высунулся наружу, стиснув голову руками. Уж не выброситься ли он собрался? Девушка сделала над собой яростное усилие, справилась с нервами и нежно окликнула: "Уилфрид!" Он обернулся, посмотрел на нее, и она подумала: "Боже милостивый! Он меня ненавидит!" Затем его лицо изменилось, стало прежним, знакомым, и девушка еще отчетливей поняла, в какой тупик уязвленная гордость заводит человека - особенно такого сложного, стремительного и переменчивого!

- Что же мне делать? - спросила она.

- Не знаю. Вся эта история - безумие. Мне уже давно следовало уехать и похоронить себя в Сиаме.

- Хочешь, я останусь сегодня у тебя?

- Да. Нет. Не знаю.

- Уилфрид, зачем воспринимать все так трагически? Можно подумать, что любовь для тебя - ничто. Правда, ничто?

Вместо ответа он протянул ей письмо Джека Масхема:

- На, прочти.

Она прочла.

- Понимаю. Мой приезд был вдвойне роковым.

Уилфрид опустился на диван и сидел, глядя на нее.

"Если уйду, буду потом рваться обратно", - подумала Динни и спросила:

- Как у тебя насчет обеда?

- Кажется, Стэк что-то приготовил.

- На меня хватит?

- Еще останется, если ты в таком же настроении, как я.

Динни позвонила.

- Я остаюсь обедать, Стэк. Еды мне нужно две ложки.

И, найдя предлог на минуту уединиться и восстановить душевное равновесие, спросила:

- Можно мне умыться, Уилфрид? Вытирая лицо и руки, она напрягала все силы, чтобы овладеть собой; затем внезапно отказалась от борьбы. Что бы она ни решила, все неправильно, мучительно и, видимо, неосуществимо. Будь что будет!

Когда Динни вернулась в гостиную, Уилфрида там не оказалось. Спальня была отперта, но тоже пуста. Динни рванулась к окну. На улице никого. За спиной девушки раздался голос Стэка:

- Извините, мисс. Мистера Дезерта вызвали. Он просил вам передать, что напишет. Обед будет через минуту.

Динни подошла к нему:

- Ваше первое впечатление от меня было верным, Стэк; второе - нет. Я ухожу. Мистеру Дезерту больше не нужно прятаться. Передайте ему, пожалуйста.

- Мисс, - остановил ее Стэк, - я говорил вам, что он очень стремительный, но таким, как сегодня, я его еще не видел. Простите, мисс, но боюсь, он решил выйти из игры.

- Если он покинет Англию, я хотела бы взять Фоша, - объявила Динни.

- Насколько я знаю мистера Дезерта, мисс, он, видно, задумал уехать. Я догадался, что это на него нашло еще в тот вечер, когда он получил письмо, а на другой день утром вы приехали сюда.

- Ну что ж, - отозвалась Динни, - попрощаемся, и помните, что я сказала.

Они обменялись долгим рукопожатием, и девушка, по-прежнему неестественно спокойная, вышла и спустилась по лестнице. Она шла быстро; у нее кружилась голова, в которой раздавалось только одно слово: "Все!" В этих трех буквах заключалось и то, что она пережила, и то, что ей еще предстояло пережить. Ни разу в жизни она не чувствовала себя такой отрешенной от мира, неспособной к слезам, безразличной к тому, куда она идет, что делает, кого видит. Мир бесконечен, но для нее конец уже наступил! Вряд ли Уилфрид обдуманно избрал такой способ разрыва. Для этого он слишком плохо ее знает. Но, по существу, более удачного, более бесповоротного способа не выбрать. Бегать за мужчиной? Ну нет! Динни даже не пришлось формулировать свою мысль, - она родилась самопроизвольно.

Целых три часа девушка ходила и ходила по улицам Лондона и наконец повернула к Вестминстеру, чувствуя, что иначе свалится. Вернувшись на Саут-сквер, она собрала остаток сил, чтобы казаться оживленной, но когда Динни поднялась к себе, Флер сделала вывод:

- Майкл, случилось что-то очень скверное.

- Бедная Динни! Что он опять выкинул, черт его побери? Флер подошла к окну и отдернула занавески. Ночь еще не наступила, но улица была пустынна, если не считать двух кошек, такси, проезжавшего по другой стороне, и человека на мостовой, который держал в руке связку ключей и внимательно изучал ее.

- Не подняться ли мне поговорить с ней?

- Нет. Понадобись мы Динни, она бы сама нас позвала. Если твое предположение правильно, ей никто не нужен. Она становится дьявольски гордой, когда ее припирают к стенке.

- Ненавижу гордость! - воскликнула Флер и, задернув занавески, направилась к двери. - Она всегда проявляется в неподходящий момент и валит человека с ног. Не преодолев ее, не сделаешь карьеры.

Флер вышла.

"Не знаю, горд ли я, но карьеры я не сделал", - подумал Майкл. Он медленно поднялся по лестнице, немного постоял в дверях своей туалетной. Наверху ни звука.

Динни ничком лежала на постели. Вот он, конец! Почему сила, именуемая любовью, вознесла ее, измучила и опять сбросила на землю, где ей, изломанной, опустошенной, дрожащей, больной, раненой и раздавленной, остается лишь терзаться тоской и отчаянием? Любовь и гордость! Вторая сильнее первой. Эти признания рвались из сердца девушки, их приходилось зажимать подушкой. Ее любовь против его

гордости! Ее любовь против ее собственной гордости! И победила гордость. Бесплезная и горькая победа! Весь прожитый вечер казался девушке сном. Явью был только один его момент - когда Уилфрид, стоявший у окна, обернулся и она подумала: "Он меня ненавидит!" Да, он ненавидел ее, - она укор его раненому самоуважению, она единственное, что мешало ему крикнуть: "Будьте вы все прокляты и прощайте!"

Что ж, теперь он может крикнуть и уйти! А ей - страдать и страдать, медленно избывая боль. Нет! Лежать, подавив эту боль, заставить ее замолчать, задушить подушкой! Не думать о ней, не считаться с нею, не замечать ее, хотя она растет и раздирает душу! Именно таков был смысл той молчаливой борьбы, которую, задыхаясь, вела с собой Динни, потому что даже неосознанные переживания таят в себе определенный смысл, хотя человек, охваченный инстинктивным порывом, и не умеет ясно выразить его. Она не могла вести себя с Уилфридом иначе. Разве она виновата, что Масхем прислал ему письмо с фразой о даме, чье присутствие охраняет его? Разве она виновата, что кинулась в Ройстон? В чем ее ошибка? Вздорный, беспричинный разрыв! Наверно, пути любви всегда таковы. Динни казалось, что, пока она лежит, ночь надсадно, как старые часы, отстукивают мгновения. Быть может, и для нее, брошенной и поверженной, в жизни наступила ночь?

XXIX

Уилфрид убежал с Корк-стрит, повинувшись внезапному порыву. С той минуты в Ройстоне, когда Динни, стоя в автомобиле и закрыв глаза рукой, вдруг прервала своим появлением их жестокою и непристойною схватку, он испытывал к ней безнадежно противоречивое чувство. Сегодня ее нежданный приход, аромат, голос, теплота возобладали над этим болезненным чувством, и оно растворилось в поцелуе; но стоило Динни на минуту оставить Уилфрида, как оно вернулось и унесло его в водоворот Лондона, где, по крайней мере, можно часами бродить и никого не встретить. Он двинулся в южном направлении и скоро наткнулся на хвост желающих попасть в "Королевский театр". Он решил: "Что здесь, что в другом месте!.." - и присоединился к ним, но, когда очередь дошла до него, повернулся и пошел к востоку. Пересек безлюдный, пропахший отбросами Ковент-гарден и очутился на Ледгейт-хилл. Здесь запах рыбы напомнил ему, что он с утра ничего не ел.

Уилфрид зашел в ресторан, заказал коктейль и легкую закуску. Затем потребовал бумаги и написал:

"Я должен был уйти. Если бы остался, мы уже принадлежали бы друг другу. Не знаю, на что решусь, - кончу вечер в реке, уеду за границу или

вернусь к тебе. Что бы ни случилось, прости и верь: я любил тебя.

Уилфрид".

Дезерт написал адрес и сунул конверт в карман, но не отправил его. Он смутно сознавал: ему все равно не выразить того, что он чувствует. Затем пошел дальше на восток и через Сити, вымершее словно после газовой атаки, выбрался на оживленную Уайтчепел-род. Он шел и шел, стараясь вымотать себя и унять вихрь мыслей. Теперь он двигался к северу, около одиннадцати очутился поблизости от Чингфорда и прошел мимо гостиницы, направляясь к лесу. Всюду царил залитая лунным светом тишина. Шофер одинокой машины, запоздалый велосипедист, несколько парочек и трое бродяг, вот и все, кого он встретил, прежде чем свернул с дороги и вошел под сень деревьев. День угас, луна серебрила листву и стволы. Усталость сморила Уилфрида, и он лег на землю, усыпанную буковыми орешками. Ночь была словно ненаписанная поэма. Блики и брызги света, напоминая бессвязную игру воображения, то трепетали, то уплотнялись, то снова становились призрачными. Ни секунды покоя, ни мгновения серебристой металлической неподвижности - одно непрерывное, как во сне, чередование вспышек и тьмы. Вверху сверкали бесчисленные звезды, и, время от времени поглядывая на них, Уилфрид видел Большую Медведицу и мириады других светил, незаметных и безымянных для жителя большого города.

Он перевернулся, лег на живот и прижался лбом к земле. Внезапно до него донесся рокот аэроплана, но сквозь густолиственные ветви Уилфриду не удалось разглядеть быстро скользнувшую по небу машину. Ночной самолет на Голландию, или пилот англичанин, огибающий очерченные светом контуры Лондона, или учебный полет между Хендоном и какой-нибудь базой на восточном побережье. Во время войны Уилфрид был летчиком, но после нее летать ему уже не хотелось. Жужжание мотора разом пробудило в нем то болезненное чувство, от которого его избавило перемирие. Он сыт по горло! Гул пронесся и замер над головой. Где-то вдали раздавался слабый рокот Лондона, но здесь теплую ночную тишину оглашало лишь кваканье лягушки, тихое чириканье какой-то птицы да попеременное уханье двух сов. Уилфрид снова лег ничком и погрузился в тяжелый сон.

Когда он проснулся, свет только-только начинал пробиваться сквозь мглу. Роса выпала обильная, Уилфрид продрог и заоченел, но голова работала ясно. Он встал, размял руки, закурил сигарету и глубоко затянулся. Потом сел, обхватил руками колени и докурив сигарету до конца, ни разу не вынув ее изо рта и выплюнув превратившийся в столбик

пепла окурков лишь после того, как тот чуть не обжег ему губы. Вдруг Уилфрида затрясло. Он встал и побрел обратно к дороге. Он так закоченел и устал, что еле шел. Уже совсем рассвело, когда он выбрался на шоссе и, понимая, что должен вернуться в Лондон, поплелся тем не менее в противоположную сторону. Он с трудом передвигал ноги, время от времени его начинала бить неистовая дрожь. В конце концов он сел, прижался головой к коленям и впал в оцепенение. Его привел в себя окрик: "Эй!" Свежевыбритый молодой человек остановил рядом с ним свой маленький автомобиль:

- Что-нибудь случилось?

- Ничего, - пробормотал Уилфрид.

- Все равно вид у вас неважный. Вы знаете, который час?

- Нет.

- Садитесь, я подвезу вас до гостиницы в Чингфорде. Деньги у вас есть?

Уилфрид мрачно взглянул на него и засмеялся:

- Да.

- Не обижайтесь. Вам нужно выспаться и выпить чашку крепкого кофе.

Поехали!

Уилфрид встал. Ноги под ним подгибались, и, кое-как забравшись в машину, он тут же рухнул на сиденье рядом с молодым человеком. Тот заверил:

- Доедем в два счета.

Через десять минут, которые показались пятью часами смятенному и лихорадочному мозгу Уилфрида, автомобиль остановился у гостиницы.

- У меня здесь знакомый чистильщик сапог. Я попрошу его присмотреть за вами, - объявил молодой человек, - Как вас зовут?

- К черту! - пробормотал Уилфрид.

- Эй, Джордж! Я подобрал этого джентльмена на дороге. Он еле стоит. Устройте ему приличный номер, приготовьте грелку погорячей и суньте к нему в кровать. Заварите кофе покрепче да заставьте его выпить.

Чистильщик осклабился:

- Это все?

- Нет. Измерьте ему температуру и вызовите врача. Слушайте, сэр, обратился молодой человек к Уилфриду. - Я рекомендую вам этого парня. Сапоги он чистит - лучше не надо. Положитесь на него и ни о чем не беспокойтесь, а мне пора дальше - уже шесть часов.

Молодой человек подождал, пока Уилфрид, опираясь на руку чистильщика, доковыляет до гостиницы, и уехал.

Чистильщик отвел Уилфрида в номер:

- Разденетесь сами, хозяин?

- Да, - выдавил Уилфрид.

- Тогда я схожу за грелкой и кофе. Насчет постели будьте спокойны, они у нас всегда сухие. Вы что, всю ночь провели на улице?

Уилфрид сидел на кровати и не отвечал.

- Вот что! - объявил чистильщик. - Давайте-ка руку.

Он стянул с Уилфрида пиджак, затем жилет и брюки.

- По-моему, вы всерьез простыли. Белье у вас хоть выжми. Стоять можете?

Уилфрид покачал головой.

Чистильщик выдернул из-под него верхнюю простыню, стащил с Уилфрида через голову рубашку, затем не без борьбы снял с него нижнее белье и завернул больного в одеяло.

- Ну, а теперь, хозяин, ложитесь как следует.

Он опустил голову Уилфрида на подушку, закинул ему ноги на кровать и накрыл его еще двумя одеялами:

- Лежите пока. Я минут через десять вернусь.

Уилфрид лежал, и его сотрясала такая дрожь, что он утратил способность связно мыслить и не мог уже членораздельно произносить слова, так как зубы у него неистово стучали. Все же он, заметил, что в номер вошла горничная, а затем услышал голоса:

- Он раздавит градусник зубами. Куда еще можно поставить?

- Попробую под мышку.

Ему сунули под мышку термометр и прижали руку к телу.

- Вы не болели желтой лихорадкой, сэр? Уилфрид качнул головой.

- Можете приподняться, хозяин? Ну-ка, выпейте.

Сильные руки приподняли Уилфрида; он выпил.

- Сто четыре. [10]

- Ого! Суньте грелку ему в ноги, а я позвоню доктору.

Уилфрид разглядел горничную, которая наблюдала за ним с таким видом, словно спрашивала себя, какую лихорадку подцепит она сама.

- Малярия, - неожиданно объявил он. - Не заразно. Дайте мне сигарету. Возьмите в жилете.

Горничная поднесла ему к губам сигарету и дала прикурить. Уилфрид глубоко затянулся, потом попросил:

- Е-еще.

Горничная вторично поднесла сигарету к его губам:

- Говорят, в лесу есть малярийные комары. Вас не укусили ночью,

сэр?

- О... она у ме... меня давно.

Сейчас его трясло меньше, и он видел, как горничная ходит по комнате, собирая его одежду и задергивая занавески, чтобы свет не падал на кровать. Затем она подошла к нему. Он улыбнулся ей.

- Еще чашечку горячего кофе? Уилфрид потряс головой, снова закрыл глаза и опустил на постель, продолжая дрожать и сознавая, что она по-прежнему наблюдает за ним. Потом опять раздались голоса:

- Фамилия нигде не указана, но видно, он из высокопоставленных. В карманах деньги и письмо. Доктор будет через пять минут.

- Ладно, я дождусь, но я ведь на работе.

- Ничего, мне тоже на работу. Позовите хозяйку и объясните.

Уилфрид заметил, что горничная стоит и смотрит на него с благоговейным испугом. Чужой, из высокопоставленных, да еще с редкою болезнью любопытная загадка для неискушенного ума. Голова его уткнулась в подушку; смуглая щека, ухо, прядь волос, прищуренный глаз под густой бровью, - вот все, что ей видно. Он почувствовал робкое прикосновение ее пальца ко лбу. Ого, как пышет!

- Не хотите ли сообщить вашим друзьям, сэр? Уилфрид замотал головой.

- Доктор сейчас придет.

- Я проваляюсь дня два... Ничем не поможешь... Хинин... апельсиновый сок...

Его снова неудержимо затрясло, и он замолчал. Затем вошел врач; горничная, по-прежнему прислонясь к комоду, покусывала мизинец. Потом вытатила палец изо рта, и Уилфрид услышал, как она спросила:

- Остаться мне, сэр?

- Да, можете остаться.

Пальцы врача нащупали пульс Уилфрида, приподняли ему веки, раздвинули губы.

- Как самочувствие, сэр? Давно этим болеете? Уилфрид кивнул.

- Ну что ж, полежите здесь и поглотайте хинин. Ничего другого посоветовать не могу. Приступ весьма острый.

Уилфрид кивнул.

- Ваших визитных карточек не нашли. Как вас зовут?

Уилфрид замотал головой.

- Хорошо, хорошо, не волнуйтесь! Примите-ка вот это.

XXX

Динни вылезла из автобуса и выбралась на простор Уимблдонского

парка. Она ускользнула из дому после почти бессонной ночи, оставив записку, что ее не будет до вечера. Торопливо ступая по траве, она вошла в березовую рощицу и легла на землю. Однако ни облака, проплывавшие высоко над головой, ни солнечный свет, пробивавшийся сквозь ветки берез, ни трясгузки, ни холмики сухого песка, ни зобатый лесной голубь, которого даже не встревожило ее распростертое тело, не принесли ей успокоения и не обратили ее мысли к природе. Девушка лежала на спине с сухими глазами и вздрагивала. Неужто есть существо, которому ее страдания доставляют неизъяснимое наслаждение? Человек, потерпевший поражение, должен не ждать поддержки извне, а искать ее в самом себе. Динни не могла ходить и показывать людям, что переживает трагедию. Это отвратительно, и она так не сделает! Но ничто: ни благоуханный воздух, ни бегущие облака, ни шорох листвы под ветром, ни голоса детей не подсказывали девушке, как обновить себя и начать жить сначала. Одиночество, на которое она обрекла себя после первой встречи с Уилфридом у памятника! Фошу, стало теперь особенно ощутимым. Она все поставила на одну карту, и карта была бита. Динни врылась пальцами в песчаную почву; чья-то собака, заметив норку, подбежала и обнюхала девушку. Она только-только начала жить и уже мертва. "Венков просим не возлагать!"

Вчера вечером она предельно отчетливо поняла, что все кончилось, и теперь даже не думала о возможности связать порванную нить. Он горд, но и она горда! По-другому, но тоже до мозга костей. Она никому по-настоящему не нужна. Почему бы ей не уехать? У нее ведь почти триста фунтов. Отъезд не принесет ей ни радости, ни облегчения, но избавит от необходимости огорчать близких, которые ждут, что она станет прежней веселой Динни. Девушке вспомнились часы, проведенные вместе с Уилфридом в таких же парках. Воспоминание было таким острым, что Динни зажала рот рукой, боясь, как бы у нее не вырвался стон отчаяния. До встречи с ним она не знала одиночества. А теперь она одинока! Холод, холод - леденящий, беспредельный! Вспомнив, как она установила, что быстрая ходьба успокаивает сердечную боль, держась за сердце, перешла через шоссе, по которому из города уже выплескивался воскресный поток машин. Дядя Хилери уговаривал ее однажды не терять чувства юмора. Да было ли оно у нее? В конце Барнзкоммон Динни села в автобус и поехала обратно в Лондон. Она должна что-нибудь съесть, иначе упадет в обморок. Она вылезла около Кенсингтонского сада и завернула в первую попавшуюся гостиницу.

После завтрака Динни посидела в саду, затем отправилась на

Маунтстрит. Дома никого не застала, прилегла в гостиной на диван и, сломленная усталостью, заснула. Ее разбудил приход тетки. Динни приподнялась, села и объявила:

- Все вы можете порадоваться за меня, тетя Эм. Все кончено.

Леди Монт посмотрела на племянницу, на ее тихую бесплотную улыбку, и две слезинки одна за другой скатились по ее щекам.

- Я не знала, что вы плачете и на похоронах, тетя Эм.

Динни встала, подошла к тетке и своим платком стерла следы, оставленные слезами:

- Ну вот! Леди Монт тоже встала.

- Я должна вырваться. Мне это просто необходимо! - сказала она и поспешно выплыла из комнаты.

Динни с той же бесплотной улыбкой снова опустилась на диван. Блор внес чайный прибор; она поговорила с ним о его жене и Уимблдоне. Он вряд ли полностью отдавал себе отчет о состоянии Динни, но все же, выходя, обернулся и посоветовал:

- С вашего позволения, мисс Динни, вам не повредил бы морской воздух.

- Да, Блор, я уже об этом думала.

- Очень рад, мисс. В это время года все переутомлены.

Он, видимо, тоже знал, что ее игра проиграна. И неожиданно почувствовав, что у нее больше нет сил присутствовать на собственных похоронах, девушка прокралась к двери, прислушалась, спустилась по лестнице и выскользнула из дома.

Но она была так вымотана физически, что еле дотащиась до СентДжеймс-парка. Там она посидела у пруда. Вокруг люди, солнце, утки, тенистая листва, остроконечные тростники, а внутри нее - самум! Высокий мужчина, появившийся со стороны Уайтхолла, машинально сделал легкое движение, словно собираясь поднести руку к шляпе, но увидел ее лицо, спохватился и прошел мимо. Сообразив, что, наверно, написано у нее на лице, Динни встала, добралась до Вестминстерского аббатства, вошла и опустилась на скамью. Так, наклонясь вперед и закрыв лицо руками, девушка просидела целых полчаса. Она не помолилась, но отдохнула, и лицо ее приобрело иное выражение. Она почувствовала, что опять способна смотреть людям в глаза и не показывать при этом слишком много.

Уже пробило шесть, и Динни направилась на Саут-сквер. Пробралась незамеченной к себе в комнату, долго сидела в горячей ванне, потом надела вечернее платье и решительно спустилась вниз в столовую. Обедала она вместе с Майклом и Флер; ни один из них ни о чем ее не спросил. Ясно, что

они знают. Динни кое-как продержалась до ночи. Когда она собралась к себе наверх, они оба поцеловали ее и. Флер сказала:

- Я велела сунуть вам в постель горячую грелку. Если ее положить за спину, легче заснуть. Спокойной ночи.

Девушка снова почувствовала, что. Флер когда-то уже выстрадала ту муку, которая терзает теперь ее, Динни. Ночью ей спалось лучше, чем можно было ожидать.

За утренним чаем ей подали письмо со штампом чингфордской гостиницы:

"Мадам,

В кармане джентльмена, который лежит здесь в остром приступе малярии, было обнаружено нижеприлагаемое адресованное Вам письмо. Пересылаю его Вам.

С совершенным почтением

Роджер Куили, доктор медицины".

Девушка прочла письмо. "Что бы ни случилось, прости и верь: я любил тебя. Уилфрид". И он болен! Динни мгновенно подавила первый порыв. Нет, она не бросится во второй раз туда, куда боятся входить ангелы! Тем не менее она побежала вниз, позвонила Стэку и сообщила, что Уилфрид лежит в чингфордской гостинице с острым приступом малярии.

- Значит, ему понадобятся пижамы и бритва, мисс. Я отвезу.

Динни сдержалась и вместо: "Передайте ему привет", - сказала:

- Он знает, где меня найти, если я буду нужна.

Письмо смягчило душевную горечь Динни, но девушка по-прежнему была отрезана от Уилфрида. Она не может пальцем шевельнуть, пока он не придет или не пришлет за ней, а он не придет и не пришлет, - в этом она была втайне уверена. Нет! Он снимет свою палатку и покинет места, где слишком много страдал.

Около двенадцати заехал Хьюберт, чтобы проститься с ней. Она сразу же поняла, что он тоже знает. Он пробудет в Судане до октября, потом вернется заканчивать отпуск. Джин остается в Кондафорде до родов, которые, видимо, будут в ноябре. Врачи считают, что африканское лето вредно отразилось бы на ее здоровье. В это утро брат показался Динни прежним Хьюбертом. Он распространялся о том, какое преимущество - родиться в Кондафорде, И девушка, напустив не себя притворную оживленность, подтрунила:

- Странно слышать это от тебя, Хьюберт. Ты раньше не особенно любил Кондафорд.

- Все меняется, когда у тебя есть наследник.

- Вот как? Вы ждете наследника?
- Да, мы настроились на то, что будет мальчик.
- А уцелеет ли Кондафорд до тех пор, пока он вступит в права наследства?

Хьюберт пожал плечами:

- Попробуем сберечь. Сохраняется только то, что хотят сохранить.
- И даже при этом условии - не всегда, - поправила Динни.

XXXI

Слова Уилфрида: "Можете сказать ее родным, что я уезжаю", - и слова Динни: "Все кончено", - с почти сверхъестественной быстротой облетели всех Черрелов, но их не охватило то ликование, которым сопровождается обычно раскаяние грешника. Все слишком жалели ее, и жалость эта граничила с печалью. Каждый стремился выразить ей сочувствие, но никто не знал - как. Сочувствовать слишком явно - хуже, чем не сочувствовать вовсе. Прошло три дня, но ни один из членов семьи так его и не выразил. Наконец Эдриена осенило, и он решил пригласить ее позавтракать, хотя ему, как, впрочем, и всем на свете, было неясно, почему еда может служить утешением. Он позвонил ей и договорился о встрече в одном кафе, репутация которого, вероятно, не соответствовала истинным его достоинствам.

Поскольку Динни не относилась к числу тех молодых женщин, для кого житейские бури - удобный случай приукрасить свою внешность, Эдриен имел полную возможность заметить бледность племянницы. От комментариев он воздержался. В сущности, он вообще не знал, о чем говорить, так как понимал, что мужчина, увлеченный женщиной, все равно живет своей прежней духовной жизнью, тогда как женщина, мен'ее увлеченная физически, непременно сосредоточивает свою духовную жизнь на любимом мужчине. Тем не менее он стал рассказывать девушке, как ему пытались "всучить липу".

- Он заломил пятьсот фунтов, Динни, за череп кроманьонца, найденный в Сэффолке. Вся история выглядела вполне правдоподобно. Но мне посчастливилось встретить археолога графства. Тот и говорит: "Ого! Значит, теперь он пытается сбить его вам? Старая уловка! Он откапывал этот череп, по меньшей мере, три раза. По парню тюрьма плачет. Он держит череп в шкафу, каждые пять-шесть лет роет яму, кладет его туда, а потом пытается сбить. Возможно, что череп действительно кроманьонский, но он-то подобрал его во Франции лет двадцать назад. Будь череп найден в Англии, это был бы уникам". Словом, я отправился на то место, где он откопал его в последний раз, и, как ты понимаешь, сразу

убедился, что парень сам зарыл его в землю. В древностях есть нечто такое, что подрывает "моральный уровень", как выражаются американцы.

- Что он за человек, дядя?

- С виду энтузиаст; немного похож на моего парикмахера.

Динни рассмеялась.

- Примите меры, не то он в следующий раз все-таки продаст свою находку.

- Ему помешает кризис, дорогая. Кости и первопечатные издания - на редкость чувствительны к конъюнктуре. Пройдет еще лет десять, прежде чем за череп дадут мало-мальски приличные деньги.

- А многие пытаются вам что-нибудь всучить?

- Некоторым это даже удастся. Я жалею, что с этой "липой" ничего не вышло. Череп - превосходный. В наши дни такие редко встретишь.

- Мы, англичане, безусловно, становимся уродливей.

- Неправда. Надень на тех, с кем ты встречаешься в гостиных и лавках, сутаны и капюшоны, доспехи и камзолы, и на тебя глянут лица людей четырнадцатого или пятнадцатого века.

- Но мы презираем красоту, дядя. В нашем представлении она связывается с изнеженностью и безнравственностью.

- Да, люди склонны презирать то, чего лишены. С точки зрения примитивности, мы стоим на третьем, нет, на четвертом месте в Европе. А если исключить кельтскую примесь, то и на первом.

Динни оглядела кафе, но осмотр ничего не прибавил к ее выводам - отчасти потому, что восприятие у нее притупилось, отчасти потому, что завтракали здесь преимущественно евреи и американцы.

Эдриен с болью следил за племянницей. Какой у нее безразличный взгляд!

- Значит, Хьюберт уехал? - спросил он.

- Да.

- А ты что намерена делать, дорогая? Динни сидела, уставившись в тарелку. Затем неожиданно подняла голову и объявила:

- Думаю поехать за границу, дядя.

Рука Эдриена потянулась к бородке.

- Понимаю, - согласился он наконец. - А деньги?

- У меня хватит.

- Куда?

- Куда угодно.

- Одна?

Динни кивнула.

- У отъезда есть обратная сторона - возвращение, - напомнил Эдриен.
- По-моему, сейчас мне здесь нечего делать. Почему бы мне не порадовать окружающих, избавив их от необходимости видеть меня?

Эдриен замялся.

- Конечно, дорогая, тебе виднее, что для тебя лучше. Но если ты подумываешь о длительном путешествии, я уверен, что Клер была бы рада видеть тебя на Цейлоне.

Перехватив удивленный жест племянницы, Эдриен понял, что такая мысль не приходила ей в голову, и продолжал:

- Мне почему-то кажется, что жизнь у нее будет нелегкая.

Их взгляды встретились.

- Я подумала о том же на ее свадьбе, дядя. Мне не понравилось его лицо.

- У тебя, Динни, особый дар - умение помогать ближним, а христианство, при всех своих недостатках, все-таки учит одному хорошему правилу: "Блаженнее давать, нежели принимать".

- Даже Сын человеческий любил иногда пошутить, дядя.

Эдриен пристально посмотрел на девушку и предупредил:

- Если поедешь на Цейлон, помни: манго надо есть над тарелкой.

Вскоре он расстался с Динни, но настроение помешало ему вернуться на службу, и он отправился на выставку лошадей.

XXXII

На Саут-сквер "Дейли фейз" рассматривалась как одна из тех газет, которые приходится пробегать политикам, если они хотят правильно определить температуру Флит-стрит. За завтраком Майкл протянул Флер свежий номер.

Со дня приезда Динни прошла уже неделя, но никто из них ни словом не напомнил ей об Уилфриде, и сейчас Динни сама осведомилась:

- Можно взглянуть? Флер передала ей газету. Девушка прочла, вздрогнула и снова принялась за завтрак. Наступила пауза, которую прервал Кит, пожелавший выяснить рост Хоббза. Как считает тетя Динни, он такой же длинный, как У. Г. Грейс?

- Я никогда не видела ни того, ни другого.

- Не видели Грейса?

- По-моему, он умер до того, как я родилась.

Кит с сомнением посмотрел на нее:

- Ну?

- Он умер в тысяча девятьсот пятнадцатом, - вмешался Майкл. - Тебе, Динни, было тогда одиннадцать.

- Вы в самом деле не видели Хоббза, тетя?

- Нет.

- А вот я видел его три раза. Я учусь водить мяч, как он. "Дейли фейз" пишет, первый игрок в крикет сейчас Брэдмен. По-вашему, он лучше Хоббза?

- Он - новинка, а к Хоббзу все привыкли.

Кит уставился на нее:

- Что такое новинка?

- То, чем занимаются газеты.

- Они их делают?

- Не всегда.

- А какую новинку вы сейчас прочли?

- Для тебя ничего интересного.

- Почему вы знаете?

- Кит, не надоедай тете! - прикрикнула Флер.

- Можно мне яйцо?

- Возьми.

Новая пауза длилась до тех пор, пока Кит не задержал ложку в воздухе, показав Динни отставленный палец:

- Смотрите! Ноготь черней, чем вчера. Он сойдет, тетя?

- Как тебя угораздило?

- Прищемил, когда задвигал ящик. Я не плакал.

- Кит, не смей хвастаться.

Кит поднял на мать ясные глаза и доел яйцо.

Полчаса спустя, когда Майкл разбирал почту, к нему в кабинет вошла Динни:

- Ты занят, Майкл?

- Нет, дорогая.

- Что нужно этой газете? Почему она не оставит его в покое?

- Потому что "Барса" расхватывают, как горячие пирожки. Что слышно об Уилфриде, Динни?

- Я знаю, что у него был приступ малярии. Но где он сейчас и что с ним - неизвестно.

Майкл посмотрел ей в лицо, на котором улыбка маскировала отчаяние, и нерешительно предложил:

- Хочешь, я выясню?

- Если я ему понадобится, он знает, где меня найти.

- Я схожу к Компсону Грайсу. С самим Уилфридом у меня не получается.

Когда Динни ушла, Майкл наполовину расстроенный, наполовину обозленный, долго сидел над письмами, на которые еще не успел ответить. Бедная, милая Динни! Как ему не стыдно! Потом отодвинул письма и вышел.

Контора Компсона Грайса помещалась неподалеку от Ковент-гарден, поскольку тот, по еще не изученным причинам, оказывает притягательное действие на литературу. Когда к двенадцати Майкл добрался туда, молодой издатель сидел в единственной прилично обставленной комнате здания, держал в руках газетную вырезку и улыбался. Он встал навстречу Майклу и поздоровался:

- Хелло, Монт! Видели это в "Фейз"?

- Да.

- Я послал вырезку Дезерту, а он сделал сверху надпись и возвратил ее.

Недурно, правда?

Майкл прочел строки, написанные Уилфридом:

Когда ему хозяин скажет:

"Пиль!" - он куснет. "Ложись!" - он ляжет.

- Значит, он в городе?

- Полчаса назад еще был.

- Вы его видели?

- С тех пор как вышла книжка - нет.

Майкл пристально посмотрел на пригожее полноватое лицо Грайса:

- Удовлетворены спросом?

- Мы перевалили на сорок первую тысячу, и берут бойко.

- Я полагаю, вам неизвестно, собирается ли Уилфрид обратно на

Восток?

- Понятия не имею.

- Ему, наверно, тошно от этой истории.

Компсон Грайс пожал плечами:

- Много ли поэтов получали тысячу фунтов за сто страничек стихов?

- За душу - не много, Грайс.

- Он получит вторую тысячу еще до окончания распродажи.

- Я всегда считал опубликование "Барса" глупостью. Раз уж он на нее пошел, я его поддерживал, но это была роковая ошибка.

- Не согласен.

- Естественно. Поэма сделала вам репутацию.

- Смейтесь сколько угодно, - возразил Грайс с некоторым пафосом, - но если бы он не хотел ее печатать, то бы не прислал ее мне. Я не сторож ближнему моему. То, что эта штука вызвала сенсацию, к делу не относится.

Майкл вздохнул.

- Конечно, не относится. Но для него это не шутка, а вопрос всей жизни.

- Опять-таки не согласен. Все началось с того, что он отрекся, спасая свою шкуру. А то, что последовало, - только возмездие, которое к тому же обернулось для него изрядной выгодой. Его имя стало известно тысячам людей, слухом о нем не слыхивавших до "Барса".

- Да, - задумчиво согласился Майкл. - Вы правы. Ничто так не способствует популярности, как нападки газет. Грайс, можете вы кое-что сделать для меня? Найдите предлог и выясните намерения Уилфрида. Мне это очень важно, но я ввязался в одно дело, касающееся его, и не могу пойти сам.

- Гм-м! - протянул Грайс. - Он кусается.

Майкл ухмыльнулся:

- Не укусит же он своего благодетеля! Я серьезно спрашиваю: выясните?

- Попробую. Между прочим, я только что издал книжку одного Франко-канадца. Послать вам экземпляр? Вашей жене понравится.

"И она будет говорить про нее", - мысленно прибавил он, откинул назад гладкие черные волосы и протянул руку. Майкл пожал ее несколько горячее, чем ему втайне хотелось, и ушел.

"В конце концов для Грайса это - только дело. Уилфрид ему никто! В наше время надо хвататься за все, что бог ни пошлет", - решил он и погрузился в размышления о том, что заставляет публику покупать книжку, не имеющую касательства к вопросам пола, скандальным воспоминаниям или убийствам. Империя? Престиж англичанина? В них Майкл не верил. Нет, она раскупается потому, что связана с непреходящим интересом, который всегда пробуждается в связи с вопросом: как далеко может зайти человек, желая спасти свою жизнь и не погубить то, что принято называть душой. Другими словами, книга расхватывается благодаря тому ничтожному обстоятельству, - по мнению известных кругов, давно ставшему пустым звуком, - которое именуется совестью. Дилемма, поставленная поэтом перед совестью каждого читателя, такова, что от нее легко не отмахнешься; а так как сам автор лично столкнулся с нею, читатель неизбежно приходит к выводу, что и он в любой момент может стать лицом к лицу с какой-нибудь страшной альтернативой. А как он, бедняга, тогда поступит? И Майкла охватил один из тех приступов сочувствия и даже уважения к публике, которые частенько накатывали на него и за которые его более разумные друзья называли Монта не иначе, как

"бедный Майкл".

Предаваясь таким размышлениям, он добрался до своего крошечного кабинета в палате общин и сел составлять частный билль об охране некоторых красот природы, но ему вскоре подали карточку:

Генерал сэр Конуэй Черрел.

Можешь принять меня?

Майкл надписал: "Буду счастлив, сэр", - отдал карточку служителю и встал. Он знал отца Динни меньше, остальных своих дядей и поэтому ожидал его не без трепета.

Генерал вошел и объявил:

- У тебя здесь настоящий садок для кроликов.

Он держался профессионально твердо и подтянуто, но лицо у него было усталое и встревоженное.

- К счастью, мы их тут не разводим, дядя Кон.

Генерал усмехнулся:

- Да, действительно. Надеюсь, Я тебе не помешал? Я по поводу Динни.

Она все у вас?

- Да, сэр.

Генерал поколебался, потом сложил обе руки на набалдашнике трости и спросил:

- Ты - ближайший друг Дезерта, так ведь?

- Был. А кто я ему теперь - не знаю.

- Он еще в городе?

- Да. У него, кажется, был приступ малярии.

- Динни встречалась с ним?

- Нет, сэр.

Генерал снова заколебался, стиснул руками трость и, казалось, благодаря этому снова обрел решительность.

- Знаешь, мы, ее мать и я, хотим ей только добра. Мы хотим, чтобы она была счастлива. Остальное для нас неважно. А что ты думаешь?

- По-моему, что бы мы ни думали - все неважно.

Генерал нахмурился:

- Как это понимать?

- Решать не нам, а им вдвоем.

- Я слышал, он уезжает?

- Он сказал так моему отцу, но не уехал. Его издатель только что сообщил мне, что сегодня утром он еще был у себя.

- Как Динни?

- В очень тяжелом настроении. Но держится.

- Он должен что-то предпринять.
- Что, сэр?
- Это нечестно по отношению к Динни. Он обязан либо жениться на ней, либо немедленно уехать.

- А легко ли было вам, сэр, принять решение на его месте?
- Вероятно, нет.

Майкл беспокоило заходил по кабинету:

- Я считаю, что эта история куда сложнее любого вопроса, на который можно ответить "да" или "нет". Все упирается в раненую гордость, а когда она затронута, остальные чувства тоже приходят вразброд. Вы не можете не понимать этого, сэр. Вы же наблюдали аналогичные случаи, когда людей предавали военному суду.

Слова Майкла, казалось, поразили генерала, как откровение. Он смотрел на племянника и молчал.

- Уилфрида также судят военным судом, - продолжал Майкл, - но здесь не краткая и беспощадная процедура, к которой сводится настоящий военный суд, а затяжное безнадежное дело, и конца ему я не вижу.

- Понимаю, - спокойно согласился генерал. - Но он не имел права впутывать в него Динни.

Майкл улыбнулся:

- Разве любовь думает о правах?
- Точка зрения у тебя во всяком случае современная.
- Если верить преданиям, скорее древняя.

Генерал отошел к окну и стоял, поглядывая на площадь.

- Я не хочу встречаться с Динни, - сказал он не оборачиваясь. - Это растрожит ее. Моя жена того же мнения. Кроме того, мы бессильны ей помочь.

Слова дяди, в которых не было даже намека на беспокойство о самом себе, растрогали Майкла.

- Думаю, что так или иначе все это скоро кончится, - отозвался он. А лучшего как им, так и всем нам желать не приходится.

Генерал обернулся:

- Будем надеяться. Прошу тебя, держи нас в курсе и не позволяй Динни ничего предпринимать, прежде чем она не поставит нас в известность. Сидеть в Кондафорде и ждать - тяжело. Не стану больше тебя задерживать. Благодарю, ты мне помог. До свиданья, Майкл.

Он схватил руку племянника, крепко пожал ее и вышел.

Майкл подумал: "Вечная неизвестность! Что может быть хуже? Бедный старик!"

XXXIII

Компсон Грайс был человек не злой и питал некоторое расположение к Майклу. Поэтому, отправляясь завтракать, он помнил о своем обещании. Веруя в еду, как разрешительницу всяких трудностей, он, будь это обычный случай, просто послал бы приглашение к завтраку и получил нужные сведения за второй и третьей рюмкой хорошего старого бренди. Но Уилфрида он побаивался. Поэтому, заказав простую *sole meuniere* [11] и полбутылки шабли, он решил ему написать. Он сочинил письмо в маленькой отделанной зелеными панелями библиотеке клуба, сидя за чашкой кофе и покуривая сигару.

"Клуб "Всякая всячина".

Пятница.

Дорогой Дезерт,

Ввиду необычайного успеха "Барса", на которого и в дальнейшем, видимо, будет большой спрос, я должен точно знать, как мне выписывать Вам чеки на авторский гонорар. Окажите мне любезность и сообщите, едете ли Вы обратно на Восток, и если едете, то когда? Одновременно укажите и адрес, куда я могу, не опасаясь что-нибудь перепутать, направлять переводы. Возможно, Вы пожелаете, чтобы я просто вносил гонорары под расписку в Ваш банк - какой, для меня безразлично. До сих пор наши денежные расчеты выражались в скромных цифрах, но "Барс" несомненно окажет - фактически уже оказал - влияние на продажу двух Ваших предшествующих сборников. Поэтому желательно, чтобы я был осведомлен о Вашем местопребывании. Долго ли Вы еще пробудете в Лондоне? Если у Вас появится желание заглянуть ко мне, я всегда счастлив видеть Вас.

С сердечными поздравлениями и наилучшими пожеланиями искренне
Ваш

Компсон Грайс".

Он адресовал это написанное изящным прямым почерком письмо на Корк-стрит и тут же отправил его с клубным рассылным. Остальную часть перерыва в работе он посвятил восхвалению своего франко-канадского издания, затем нанял такси и поехал обратно в Ковент-гарден. В приемной его встретил клерк:

- Мистер Дезерт ожидает вас в кабинете, сэр.

- Прекрасно! - ответил Компсон Грайс, подавив легкую дрожь и подумав: "Быстро сработано!"

Уилфрид стоял у окна, откуда в ракурсе был виден Ковент-гарден. Когда он обернулся, его потемневшее, измученное лицо и горький взгляд

потрясли Компсона Грайса. Здороваться с ним тоже было не очень приятно, - сухая рука прямо-таки пылала.

- Вы получили мое письмо? - осведомился издатель.

- Да, благодарю. Вот адрес моего банка. Лучше всего вносите туда чеки под расписку.

- Вы не слишком хорошо выглядите. Опять уезжаете?

- Вероятно. Ну, до свидания, Грайс. Благодарю за все, что вы сделали.

- Ужасно сожалею, что эта история так отразилась на вас, - с неподдельным чувством ответил Компсон Грайс.

Уилфрид пожал плечами и направился к выходу.

Когда он ушел, издатель постоял, комкая в руках записку с адресом банка. Потом неожиданно громко выпалил: "Не нравится мне его вид. Решительно не нравится!" - и снял телефонную трубку...

Уилфрид повернул на север, - ему предстоял еще один визит. Он пришел в музей как раз в тот момент, когда Эдриен взялся за свой дуврский чай и булочку с изюмом.

- Чудесно! - сказал тот, вставая. - Рад видеть вас. Вот чашка. Присаживайтесь.

Вид Уилфрида и пожатие его руки потрясли Эдриена не меньше, чем Грайса.

Уилфрид глотнул чай.

- Разрешите закурить?

Он закурил сигарету и сгорбился на стуле. Эдриен ждал, когда он заговорит. Наконец Уилфрид сказал:

- Простите, что так бесцеремонно ворвался, но я ухожу обратно в неизвестность. Я хотел посоветоваться, как будет Динни легче, - если я просто

Исчезну или предварительно напишу.

На душе у Эдриена стало беспросветно темно.

- Вы имеете в виду, что не сможете ручаться за себя, если увидите с ней?

Плечи Уилфрида судорожно передернулись.

- Не совсем то. Жестоко так говорить, но я до такой степени сыт всей этой историей, что больше ничего не чувствую. При встрече я могу сделать Динни больно. Она - ангел. Вряд ли вы поймете, что со мной произошло. Я и сам не понимаю. Знаю только, что хочу бежать от всех и вся.

Эдриен кивнул:

- Я слышал, вы были больны. Не кажется ли вам, что это отразилось на вашем настроении? Бога ради, не ошибитесь в себе теперь.

Уилфрид улыбнулся:

- Я свыкся с малярией. Дело не в ней. Вы будете смеяться, но у меня такое ощущение, как будто душа истекает кровью. Я должен уехать туда, где ничто и никто не напомнит мне о прошлом. А Динни напоминает мне о нем больше, чем что-либо другое.

- Понятно, - выдавил Эдриен и замолчал, поглаживая рукой бородку. Затем встал и начал ходить по кабинету: - Вы уверены, что отказываться от последней встречи с Динни честно и по отношению к ней и по отношению к вам самому?

Уилфрид ответил, еле сдерживая раздражение:

- Я же сказал, что могу сделать ей больно.

- Вы сделаете ей больно в любом случае, - она все поставила на одну карту. И вот что, Дезерт! Вы опубликовали свою поэму сознательно. Я всегда понимал, что для вас это был способ искупить свою ошибку, хотя вы одновременно и просили Динни стать вашей женой. Я не дурак и не желаю, чтобы ваши отношения с Динни продолжались, если чувства у вас изменились. Но действительно ли они изменились?

- Мои чувства не изменились. У меня просто их не осталось. Их убило то, что я превратился в парию.

- Вы понимаете, что говорите?

- Отлично. Я знал, что превратился в парию еще тогда, когда отрекся, а знали об этом другие или нет - не играло роли. Впрочем, нет, играло.

- Понимаю, - снова согласился Эдриен и понял, что зашел в тупик. Это естественно.

- Не знаю, так ли это для других, но для меня это так. Я отбился от стаи и не вернусь в нее. Я не жалею и не оправдываю себя! - с энергией отчаяния воскликнул Уилфрид.

Эдриен мягко спросил:

- Итак, вы просто хотите знать, как причинить поменьше боли Динни? Не могу вам ничего посоветовать. Хотел бы, но не могу. Когда вы были у меня в тот раз, я дал вам неверный совет. Советы вообще бесполезны. Каждый управляет, как умеет.

Уилфрид поднялся:

- Ирония судьбы, не правда ли? К Динни меня толкнуло мое одиночество. И оно же оторвало меня от нее. Ну что ж, прощайте, сэр. Не думаю, что увидимся. И благодарю за попытку помочь мне.

- Хотел бы я, чтобы она удалась! Уилфрид улыбнулся своей неожиданной улыбкой, придававшей ему такое обаяние:

- Похожу, пожалуй, еще немного. Может быть, и увижу какое-нибудь

зловещее предзнаменование. Как бы там ни было, вы теперь знаете, что я не хотел причинить ей больше боли, чем это необходимо. Прощайте!

Чай Эдриена остыл, булочка осталась нетронутой. Он отодвинул их. Он чувствовал себя так, словно предал Динни, и в то же время никакими силами не мог понять, что он должен был сделать. Станный, странный молодой человек! "У меня душа истекает кровью!" Страшные слова. И, судя по его лицу, правдивые! Сверхчувствительные нервы и всепоглощающая гордость! "Ухожу обратно в неизвестность". Скитаться по Востоку наподобие Вечного жида, стать одним из тех таинственных англичан, которых встречаешь порою на краю света, которые молчат о своем прошлом, ничего не ждут от будущего и живут сегодняшним днем! Эдриен набил трубку и начал убеждать себя, что в конце концов для Динни лучше не выходить за Дезерта. Но это ему не удалось. В жизни женщины настоящая любовь расцветает только раз, а любовь Динни была настоящей. На этот счет Эдриен сомнений не питал. Она, понятно, справится с собой, но утратит

"свой блеск золотой и певучесть". Эдриен схватил свою помятую шляпу, вышел и двинулся по направлению к Хайд-парку, затем, уступая внезапному порыву, повернул на Маунт-стрит.

Когда Блор доложил о нем, его сестра накладывала последние красные стежки на язык одной из собак в своей французской вышивке. Леди Монт подняла ее:

- Должно капать. Она же смотрит на это'о зайчонка. Голубой цвет для капель подойдет?

- На таком фоне нужен серый, Эм.

Леди Монт посмотрела на брата; тот сидел на низеньком стульчике, подтянув к подбородку длинные ноги.

- Ты похож на военно'о корреспондента: раскладной стул и неко'да побриться. Эдриен, я хочу, чтобы Динни вышла замуж. Ей уже двадцать шесть. Все из-за этой трусости. Они мо'ли бы уехать на Корсику.

Эдриен улыбнулся. Эм одновременно и права и бесконечно неправа.

- Се'одня заходил Кон, - продолжала его сестра. Он виделся с

Майклом. Никто ниче'о не знает. А. Флер говорит, что Динни ходит гулять с Китом и Дэнди, нянчится с Кэтрин и сидит, читает книжку, не переворачивая страниц.

Эдриен раздумывал, сказать ли ей о приходе Дезерта.

- И Кон говорит, - не умолкала его сестра, - что в этом году ему не свести концы с концами - свадьба Клер, и новый бюджет, и Джин в положении... Придется вырубить часть леса и продать лошадей. Нам тоже

приходится ту'о. Счастье, что у. Флер мно'о денег. День'и - это так тя'остно!
Как ты думаешь?

Эдриен вздрогнул.

- В наше время хорошего ждать не приходится, но жить на что-то все-таки надо.

- Все оттого, что есть иждивенцы, У Босуэла сестра без но'и, а у жены Джонсона рак. Бедняжка! У каждо'о свои о'орчения. Динни говорит, что в Кондафорде ее мать делает что может для фермеров. Словом, не знаю, что будет дальше. Лоренс не может отложить ни пенни.

- Мы сидим между двух стульев, Эм, и в один прекрасный день с треском грохнемся на пол.

- По-моему, нам придется умирать в бо'адельне.

И леди Монт поднесла свою работу к свету.

- Нет, капель делать не буду. Может быть, переехать в Кению? Там, говорят, нетрудно начать вы'одное дело.

- Мне противно даже думать, что какой-нибудь олух купит Кондафорд, чтобы наезжать туда пьянствовать под воскресенье, - с неожиданной энергией объявил Эдриен.

- Я хотела бы стать лесным духом и от'онять чужих от Кондафорда.

Он немислим без Черрелов.

- Чертовски удачно сказано, Эм. Но на свете существует проклятый процесс, называемый эволюцией, и родина его - Англия.

Леди Монт вздохнула, поднялась и подплыла к своему попугаю:

- Полли, мы умрем с тобой в бо'адельне.

XXXIV

Когда Компсон Грайс позвонил Майклу, или, вернее. Флер, потому что Майкла не было дома, голос его звучал несколько растерянно.

- Что-нибудь передать ему, мистер Грайс?

- Ваш муж просил меня выяснить, каковы планы Дезерта. Так вот, Дезерт только что заходил ко мне и фактически сказал, что опять уезжает, но... э-э... мне не понравился его вид, и рука у него была горячая, - наверное, температурит.

- Он болел малярией, она еще не прошла.

- А! Кстати, посылаю вам книгу; уверен, что она вам понравится; ее написал один франко-канадец.

- Благодарю. Я скажу Майклу, когда он вернется.

Флер задумалась. Рассказать ли Динни об этом звонке? Ей не хотелось этого делать, не посоветовавшись с Майклом, а тот, может быть, не явится даже к обеду, - парламентская сессия в полном разгаре. Мучить человека

неизвестностью - как это похоже на Уилфрида! Она всегда чувствовала, что знает его лучше, чем Майкл и Динни. Они убеждены, что он - чистое золото. Она же, к которой он когда-то тянулся с такой неистовой страстью, уверена, что если он и золото, то самой низкой пробы. "Это, наверно, потому что я, как человек, - ниже их", - решила Флер. Люди меряют других собственной меркой, не так ли? И все-таки трудно высоко ценить того, чьей любовницей она не стала и кто ушел из-за нее в неизвестность. Майкл всегда был нелеп в своих привязанностях, а Динни... Что ж, Динни просто не понимает.

Флер снова села за прерванные письма. Они были очень важные: она приглашает к себе интереснейших и виднейших людей Лондона для встречи с индийскими леди из высших каст, приехавших сюда в связи с конференцией. Она уже почти кончила писать, когда ей позвонил Майкл. Он осведомился, не передавал ли ему что-нибудь Компсон Грайс. Изложив ему новости, Флер спросила:

- Будешь к обеду?.. Очень хорошо! Мне страшно обедать вдвоем с Динни: она такая веселая, что у меня мурашки бегают. Я понимаю, она не хочет расстраивать окружающих, но нам было бы легче, если бы она поменьше прятала свои переживания... Дядя Кон?.. Забавно, честное слово, - вся семья теперь хочет того, от чего раньше шарахалась! По-моему, они просто увидели, как она мучится... Да, она взяла машину и поехала с Китом на Круглый пруд пускать его лодку. Они отослали машину с Дэнди и лодкой, а сами идут пешком... Хорошо, милый. В восемь. Если можно, не опаздывай... О, вот и Динни с Китом! До свиданья.

В комнату вошел Кит. Лицо загорелое, глаза голубые, свитер под цвет глаз, темно-синие штанишки, зеленые чулки-гольфы, коричневые спортивные башмаки, светлые волосы.

- Тетя Динни пошла прилечь. Она сидела на траве. Она говорит - скоро поправится. Как ты думаешь, у нее будет корь? Я уже болел, мамочка. Если на нее накладывают карантин, я все равно буду к ней заходить. Она испугалась, - мы встретили одного мужчину.

- Какого мужчину?

- Он не подошел к нам. Такой высокий, шляпу держал в руке, а когда увидел нас, чуть не побежал.

- Откуда ты знаешь, что он заметил вас?

- Ну как же! Он шел прямо на нас, а потом раз - и в сторону.

- Вы встретили его в парке?

- Да.

- В каком?

- В Грин-парке.

- Худой, смуглый?

- Да. Ты его тоже знаешь?

- Почему "тоже". Кит? Разве тетя Динни его знает?

- По-моему, да. Она сказала: "Ох!" - и положила руку вот сюда. А потом посмотрела ему вслед и села на траву. Я обмахивал ее шарфом. Я люблю тетю Динни. У нее есть муж?

- Нет.

Когда Кит ушел. Флер обдумала положение. Динни догадается, что малыш все рассказал. Поэтому она решила только послать наверх нюхательную соль и справиться о состоянии девушки.

Та велела передать: "К обеду буду в порядке".

Однако перед обедом пришло второе сообщение: она еще чувствует слабость, хочет лечь и как следует выспаться.

Таким образом. Флер и Майкл обедали вдвоем.

- Разумеется, это был Уилфрид.

Майкл кивнул:

- Как я хочу, чтобы он наконец убрался! Вся эта история - сплошная попытка. Помнишь то место у Тургенева, где Литвинов смотрит, как дымок поезда вьется над полями?

- Нет, а что?

- Все, чем Динни жила, рассеялось, как дым.

- Да, - уронила Флер, не разжимая губ. - Но огонь скоро отгорит.

- А что останется?

- То же, что и было.

Майкл пристально посмотрел на спутницу жизни. Она подцепила вилкой кусочек рыбы и сосредоточенно рассматривала его. Потом с легкой застывшей улыбкой поднесла ко рту и начала жевать так, словно пережевывала Старые воспоминания. То же, что и было! Да, она такая же прелестная, как была, разве что чуточку полнее, - пышные формы опять входят в моду. Майкл отвел глаза: ему до сих пор становится не по себе, как только он подумает о том, что произошло четыре года назад и о чем он знал так мало, догадывался так ясно и не говорил ничего. Дым! Неужели всякая человеческая страсть перегорает и синей пеленой стелется над полями, на мгновение заслоняя солнце, всходы и деревья, а затем тает в воздухе, и день попрежнему беспощадно ясен? Неужели все остается, как было? Не совсем! Нет дыма без огня, а где прошел огонь, там что-то должно измениться. Наверно, и облик Динни, которую он знает с детства, тоже изменится - станет суровее, резче, точнее, утратит свежесть? Майкл

объявил:

- К девяти мне нужно обратно в палату, - выступает министр финансов. Почему его полагается слушать, не знаю, но так нужно.

- Почему нужно кого-нибудь слушать - всегда загадка. Видел ты в палате оратора, которому удалось бы кого-нибудь в чем-нибудь убедить?

- Нет, - ответил Майкл с кривой улыбкой. - Но человек живет надеждой. Мы отсиживаем там целые дни, обсуждаем разные благотворные меры, затем голосуем и добиваемся тех же результатов, какие получили бы после двух первых речей. И так тянется уже столетия!

- Ребячество! - вставила Флер. - Кит думает, что у Динни будет корь. И еще он спросил, есть ли у нее муж... Кокер, кофе, пожалуйста. Мистер Монт должен уходить.

Когда Майкл поцеловал ее и удалился, Флер поднялась в детские. У Кэтрин сон на редкость здоровый. На нее приятно смотреть - хорошенькая девочка. Волосы будут, наверно, как у матери, а цвет глаз так колеблется между серым и карим, что обещает стать зеленым. Она подложила ручонку под голову и дышит легко, как цветок. Флер кивнула няне и открыла дверь второй детской. Будить Кита опасно. Он потребует бисквитов и, вероятно, молока, захочет поговорить и попросит ему почитать. Дверь скрипит, но он не проснулся. Его светлая решительная головка откинута на подушку, изпод которой выглядывает дуло пистолета. На улице жарко, он сбросил одеяло, и ночник освещает его раскрывшуюся до колен фигурку в голубой пижаме. Кожа у него смуглая и здоровая, подбородок форсайтовский. Флер подошла вплотную к кровати. Кит очарователен, когда он засыпает с таким решительным видом, словно приказал уняться своему возбужденному воображению. Флер осторожно, кончиками пальцев, приподняла простыню, подтянула ее и прикрыла сына; затем постояла, упираясь руками в бедра и приподняв одну бровь. У Кита сейчас - самая лучшая пора, и она продлится еще года два, пока он не пойдет в школу. Вопросы пола его еще не волнуют. Все к нему добры; вся жизнь для него - как приключение из книжек. Книжки! Старые книжки Майкла, ее собственные и те немногие, написанные со времени ее детства, какие можно давать ребенку. Замечательный возраст у Кита! Флер быстро окинула взглядом еле освещенную комнату. Его ружье и меч лежат рядом на стуле в полной боевой готовности. Проповедуем разоружение и вооружаем детей до зубов! Остальные игрушки, большей частью заводные, - в классной комнате. Нет, на подоконнике стоит лодка, которую он пускал с Динни; паруса все еще подняты; в углу на подушке лежит серебристая собака, давно заметившая Флер, но слишком ленивая, чтобы встать.

Шерсть у нее на хвосте приподнялась; хвост виляет, приветствуя гостью. И, боясь, что пес нарушит этот упоительный покой, Флер послала им обоим воздушный поцелуй и прокралась обратно к двери. Снова кивнула няне, посмотрела на ресницы Кэтрин и вышла. Потом на цыпочках спустилась по лестнице до следующего этажа, где находилась комната, расположенная над ее спальней и отведенная Динни. Не будет ли бестактностью, если она заглянет к девушке и спросит, не нужно ли ей чего-нибудь? Флер подошла к двери. Только половина десятого! Динни еще не могла заснуть. Вероятно, совсем не заснет. Страшно даже подумать, как она лежит одна, безмолвная и несчастная! Может быть, разговор принесет ей облегчение, отвлечет ее? Флер подняла руку, собираясь постучать, и внезапно услышала приглушенный, но исключавший всякие сомнения звук - судорожное всхлипывание человека, который плачет в подушку. Флер словно окаменела. В последний раз она слышала этот звук четыре года назад, когда он вырывался у нее самой. Воспоминание было таким острым, что ей чуть не стало дурно от этого страшного и священного звука. Она ни за что на свете не войдет к Динни! Флер заткнула уши, отпрянула от двери, бросилась вниз и включила радио, чтобы защититься от этого обжигающего звука. Передавали второй акт "Чио-Чио-сано. Флер выключила приемник и снова села за бюро. Быстро набросала нечто вроде формулы: "Буду счастлива, если и т, д... Вы увидите настоящих очаровательных индийских леди и т, д... Флер Монт". Еще одно письмо, еще и еще, а в ушах стоит рыдающий звук! Как душно сегодня! Флер отдернула занавески и распахнула окно: пусть воздух входит свободно. Опасная штука жизнь, - вечно таит в себе угрозу и непрерывно причиняет мелкие огорчения. Если кидаешься вперед и хватаешь ее руками за горло, она отступит, но затем все равно подло ударит исподтишка. Половина одиннадцатого! О чем они так долго тараторят у себя в парламенте? Опять какой-нибудь грошовый налог? Флер закрыла окно, задернула занавески, заклеила письма и, собираясь уходить, в последний раз оглядела комнату. И вдруг пришло воспоминание - лицо Уилфрида за окном в тот вечер, когда он бежал от нее на Восток. Что, если сейчас он снова там, если второй раз за свою нелепую жизнь он, как бестелесный призрак, стоит за этим окном и хочет войти но уже не к ней, а к Динни? Флер погасила свет, ощупью нашла дорогу, осторожно раздвинула занавески и выглянула. Ничего - одни последние медлительные лучи гаснущего дня. Флер раздраженно опустила занавески и поднялась наверх в спальню. Встала перед трюмо, на мгновение прислушалась, потом старалась уже не слушать. Такова жизнь! Человек пытается заткнуть уши и закрыть глаза на все, что причиняет боль,

- если, конечно, удастся. Можно ли его за это винить? Все равно сквозь вагу и опущенные веки проникает многое такое, на что не закроешь глаза, перед чем не заткнешь уши. Не успела Флер лечь, как явился Майкл. Она рассказала ему о всхлипываньях; он в свою очередь постоял, прислушиваясь, но сквозь толстый потолок звуки не проходили. Майкл исчез у себя в туалетной, вскоре вернулся оттуда в голубом халате с шитьем на воротнике и манжетах, который ему подарила жена, и начал расхаживать по комнате.

- Ложись, - окликнула Флер. - Этим ей не поможешь.

В постели они почти не разговаривали. Майкл заснул первым, Флер лежала с открытыми глазами. Большой Бэн пробил двенадцать. Город еще шумел, но в доме было тихо. Время от времени легкий треск, словно распрямляются доски, которые целый день попирались ногами; легкое посапыванье Майкла; лепет ее собственных мыслей, - больше ничего. В комнате наверху - молчание. Флер стала обдумывать, куда поехать на летние каникулы. Майкл предлагает в Шотландию или Корнуэл; она же предпочитает хоть на месяц, но на Ривьеру. Хорошо возвращаться смуглой, - она еще ни разу как следует не загорала. Детей они не возьмут, - на мадемуазель и няню можно положиться. Что это? Где-то закрылась дверь. Скрипнули ступеньки. Нет, она не ошиблась. Флер толкнула Майкла.

- Что?

- Слушай.

Снова слабый скрип.

- Сначала заскрипело наверху, - шепнула Флер. - Пойди. Нужно посмотреть.

Майкл вскочил, надел халат и домашние туфли, приоткрыл дверь и выглянул. На площадке никого, но внизу в холле кто-то ходит. Он осторожно спустился с лестницы.

У входной двери смутно виднелась фигура. Майкл тихо спросил:

- Динни, ты?

- Я.

Майкл двинулся вперед. Фигурка отошла от двери, и Майкл натолкнулся на девушку, когда та уже опустилась на вешалку - саркофаг". Он различил поднятую руку, которой она придерживала шарф, окутывавший ей лицо и голову.

- Тебе чего-нибудь дать?

- Нет. Я вышла подышать воздухом.

Майкл подавил желание зажечь свет. Он шагнул вперед и в темноте погладил девушку по руке.

- Я не думала, что вы услышите. Прости, - извинилась она.

Решиться и заговорить о ее горе? Возненавидит она его за это или будет благодарна?

- Делай как хочешь, родная, лишь бы тебе стало легче, - сказал он.

- Эта была глупость. Я пойду наверх.

Майкл обвил ее рукой и почувствовал, что она совершенно одета. Потом напряжение, в котором находилась Динни, ослабело, и она прижалась к Майклу, все еще придерживая рукой шарф, скрывавший ее лицо и голову. Он стал осторожно покачиваться, словно стараясь убаюкать ее. Динни поникла, голова ее опустилась ему на плечо. Майкл перестал покачиваться, почти перестал дышать. Он простоит так, сколько будет нужно. Пусть она отдохнет!

XXXV

Когда Уилфрид оставил кабинет Эдриена в музее, он не знал, ни куда, ни зачем идет, и двигался, как человек, погруженный в один из тех снов, которые, повторяясь снова и снова, кончаются только с пробуждением. Он вышел по Кингз-уэй к набережной, очутился у Вестминстерского моста, поднялся на него и остановился, облокотясь на парапет. Прыжок - и он свободен! Был отлив - воды Англии уходили в море, радуясь тому, что не вернутся. Уйти! Уйти от всего, что напоминает ему о нем самом. Избавиться от вечного копания в себе, от вечного самоистязания! Покончить с проклятой слезливой нерешительностью, с хнычущим беспокойством о том, как бы не сделать ей слишком больно! Она поплачет и переживет. Чувствительность уже подвела его однажды. Хватит! Видит бог, хватит!

Уилфрид долго стоял на мосту, перегнувшись через парапет, глядя на светлые воды и проходящие мимо суда. То и дело какой-нибудь кокни останавливался рядом с ним в полной уверенности, что он видит что-то страшно интересное! Он и видел! Он видел свою судьбу, видел, как, навсегда уходя в неизвестность, он снимается с якоря и, подобно Летучему голландцу, мчится по дальним океанам к дальним концам земли. Больше не нужно ни бравады, ни унижений, ни мольбы, ни притворства. Он поплывет под своим собственным флагом, не приспуская его.

- Говорят, посмотришь вот так в воду, а потом возьмешь да прыгнешь, донесся чей-то голос.

Уилфрид вздрогнул и отошел. Боже, до чего чувствительным и неуравновешенным может стать человек! Он спустился с моста, обогнул Уайтхолл, добрался до Сент-Джеймс-парка, прошел берегом пруда до гераней и боль ших каменных статуй, затем свернул в Грин-парк и

растянулся на теплой траве. Он провел там, наверное, около часа, лежа на спине, прикрыв глаза и с благодарным чувством впитывая в себя лучи солнца. Когда он встал, у него закружилась голова; он постоял несколько минут, пришел в равновесие и направился к Хайд-парк Корнер. Сделал несколько шагов, остановился и круто повернул направо. Навстречу, по обочине дорожки, шла молодая женщина с мальчуганом. Динни! Он увидел, как она охнула и схватилась рукой за сердце. А он повернулся и ушел. Жестоко, бесчеловечно, зато бесповоротно! Такое же ощущение испытывает, вероятно, человек, всадив в ближнего нож. Жестоко, бесчеловечно, зато бесповоротно! Конец колебаниям! Теперь остается только одно - как можно скорее уехать! Уилфрид повернул к дому и помчался как одержимый, растянув губы в улыбке и напоминая лицом человека, сидящего в зубоврачебном кресле. Он сбил с ног единственную женщину, на которой ему стоило жениться, единственную, к которой он испытывал то, что достойно называться любовью. Что ж! Лучше вот так разом сбить ее с ног, чем медленно убивать совместной жизнью! Он - Исав, Исмаил, он не создан для дочери Израиля. Мальчик рассыльный остановился и посмотрел ему вслед, - Уилфрид двигался с скоростью, показавшейся пареньку несколько необычной. Он пересек Пикадилли, не обращая внимания на машины, и нырнул в узкую горловину Бонд-стрит. Внезапно ему в голову пришла мысль, что он уже никогда не увидит шляп в витринах Скотта. Магазин только что закрылся, но за окнами рядами стояли шляпы - сверхмодные мужские, тропические, дамские, модернизованные образцы трильби и хомбургов, или как там их еще называют. Уилфрид постоял, двинулся дальше, обогнул источающее ароматы заведение Эткинсона и вошел в свой подъезд. Здесь ему пришлось посидеть на лестнице, прежде чем он нашел в себе силы подняться: прилив энергии - результат нервной встряски в момент встречи с Динни - уже сменился полным изнеможением. Не успел он преодолеть первые ступеньки, как на площадке появился Стэк с собакой. Фош рванулся к Уилфриду и встал на задние лапы, пытаясь дотянуться до его лица. Он потрепал собаку за уши. Бедняга, опять остается без хозяина!

- Стэк, завтра на рассвете я уезжаю. В Сиам. Вероятно, больше не вернусь.

- Совсем, сэр?

- Совсем.

- Не возьмете ли меня с собой, сэр? Уилфрид положил руку слуге на плечо:

- Очень великодушно с вашей стороны, Стэк, но там вы затоскуете,

- Прошу прощения, сэр, но сейчас вам не стоило бы путешествовать одному.

- Может быть, но я все-таки поеду.

Стэк взглянул Уилфриду в лицо. Взгляд был серьезный и напряженный, словно слуга хотел навсегда запечатлеть это лицо в своем сердце.

- Я долго служил у вас, сэр.

- Знаю, Стэк. Другой не стал бы так ко мне относиться. Я сделал распоряжение в завещании на тот случай, если со мной что-нибудь случится. Надеюсь, вы останетесь у меня и присмотрите, чтобы квартира была в порядке, если мой отец захочет ею воспользоваться?

- Останусь хоть сторожить квартиру, раз уж нельзя поехать с вами.

А вы твердо решили, сэр?

Уилфрид кивнул:

- Твердо, Стэк. Что делать с Фошем?

Стэк помялся и выпалил:

- Мне кажется, я должен рассказать вам, сэр... Когда мисс Черрел была здесь в последний раз... в тот вечер, когда вы ушли в Чингфорд... Она сказала, что, если вы уедете, она с радостью возьмет собаку. А Фош ее любит, сэр.

Лицо Уилфрида превратилось в маску.

- Ведите его гулять, - приказал он и поднялся по лестнице.

В нем снова все всколыхнулось. Убийство совершено! Труп раскаянием не воскресит. Конечно, если ей хочется взять собаку, пусть берет. Но почему женщины держатся за воспоминания, когда нужно только одно - забыть? Он сел за письменный стол и написал:

"Я уезжаю. Так лучше. Фоша доставят к тебе вместе с письмом. Если хочешь взять его, он твой. Я должен быть один. Прости, если можешь, и забудь меня.

Уилфрид".

Он написал адрес и, не вставая, медленным взглядом обвел комнату.

После его возвращения сюда не прошло и трех месяцев, а ему кажется, что он прожил целую жизнь. Вот там, у камина, стояла Динни после визита ее отца. Здесь, на диване, она сидела, глядя на него. Динни здесь, Динни там!

Ее улыбка, глаза, волосы! Динни и воспоминания о палатке кочевникабедуина, боровшиеся за него, Уилфрида, и попеременно бравшие верх! Почему он с самого начала не предвидел, каков будет конец? Он должен был знать себя.

Дезерт взял листок бумаги и написал:

"Дорогой отец,

Англия мне пришлось не по душе, и завтра я уезжаю в Снам. Время от времени буду извещать свой банк о перемене адреса. Стэк, как и раньше, присмотрит за квартирой, так что она будет в порядке, когда бы Вам ни понадобилась. Надеюсь, что Вы побережете себя. Постараюсь присылать Вам иногда монеты для коллекции. До свиданья.

Преданный Вам

Уилфрид".

Отец прочтет и скажет: "Боже мой, какая поспешность! Странный мальчик!" А больше никто ничего не подумает и не скажет, кроме...

Уилфрид взял еще один листок и написал в банк, затем, окончательно разбитый, лег на диван.

Пусть вещи уложит Стэк, - у него самого больше нет сил. К счастью, он позаботился привести в порядок паспорт - удивительный документ, делающий человека независимым от себе подобных, пропуск, открывающий ту дорогу к одиночеству, какой тебе хочется идти. В комнате было тихо: в этот предобеденный час, когда движение на время затихает, с улицы не доносилось никакого шума. Лекарство, которое он принимал после приступа малярии, содержало опиум, и Уилфрид постепенно впадал в дремотное состояние. Он глубоко вздохнул, нервное напряжение ослабло. В его полудурманенном мозгу оживали запахи - запахи верблюжьего помета, жарящихся зерен кофе, кошм, пряностей, людных базаров, пустыни с ее режущим безжизненным воздухом, зловонных испарений в приречных деревушках; ожили и звуки - причитания нищих, надсадный кашель верблюдов, плач шакала, зов муэдзина, топот ослиных копыт, перестук молотков в руках у чеканщиков серебра, скрип и стоны колодезного журавля. Перед его полузакрытыми глазами поплыли видения, давно знакомые и желанные картины Востока. Теперь это будет другой Восток - еще более далекий и удивительный!.. И Дезерт погрузился в настоящий сон.

XXVI

Увидев, как Уилфрид отвернулся от нее в Грин-парке, Динни поняла, что все кончено навсегда. Его опустошенное лицо взволновало ее до глубины души. Она примирится с чем угодно, лишь бы это вновь сделало его счастливым! С того вечера у него на квартире, когда он убежал от нее, Динни готовила себя к самому худшему, втайне не веря больше в возможность другого исхода. После кратких минут, проведенных ею с Майклом в темном холле, она немного поспала и утром выпила кофе у себя

в комнате. Около десяти утра ей доложили, что ее спрашивает какой-то человек с собакой.

Девушка торопливо закончила туалет, надела шляпу и спустилась в холл. К ней может прийти только Стэк.

Слуга стоял у "саркофага", держа на поводке Фоша. Его лицо, понятливое, как всегда, было прорезано морщинами и бледно, как будто он не спал целую ночь.

Он протянул девушке конверт:

- Мистер Дезерт велел вам передать.

Динни открыла дверь в гостиную:

- Входите, пожалуйста, Стэк. Давайте посидим.

Он сел и выпустил из рук поводок. Собака подошла к Динни и положила морду ей на колени. Динни прочла записку.

- Мистер Дезерт пишет, что я могу взять. Фоша.

Стэк устался на свои ботинки:

- Его уже нет, мисс. Он уехал утренним поездом через Париж на Марсель.

Девушка увидела капли влаги в складках щек Стэка. Он громко засопел и сердито провел рукой по лицу:

- Я прожил с ним четырнадцать лет, мисс. Такое даром не проходит.

Он сказал, что не вернется.

- Куда он уехал?

- В Сиам.

- Дальняя дорога! - улыбнулась Динни. - Главное - чтобы он снова был счастлив.

- Вот именно, мисс. Может, вам интересно послушать, как кормить собаку? В девять утра давайте ей галету, между шестью и семью вечера - овсяную похлебку с кусочком говядины или баранины. Больше ничего не надо... Фош - хороший, спокойный пес. Дома ведет себя как настоящий джентльмен. Если захотите, он может спать у вас в комнате.

- Вы остаетесь на прежнем месте, Стэк?

- Да, мисс. Квартира-то ведь их светлости. Я всегда говорил вам, мисс, что мистер Дезерт - человек стремительный, но в этот раз он, по-моему, долго думал. Не было ему в Англии счастья.

- Я тоже уверена, что он все хорошо обдумал. Могу я быть чем-нибудь вам полезна, Стэк?

Слуга покачал головой, глаза его остановились на лице девушки, и она поняла, что он хочет, но не решается высказать ей свое сочувствие.

Девушка встала:

- Я, пожалуй, пойду прогуляюсь с Фошем. Пусть привыкает ко мне.

- Правильно, мисс. Я всегда держу его на поводке, спускаю только в парках. Если понадобится что-нибудь спросить насчет него, номер телефона у вас есть.

Динни протянула руку:

- Ну, до свиданья, Стэк. Желаю вам всего наилучшего.

- Того же и вам, мисс.

В глазах слуги светилось нечто большее, чем понятливость; рукопожатие его было судорожно крепким. Пока он не ушел и дверь не закрылась, Динни продолжала улыбаться; затем опустила на кушетку и закрыла глаза руками. Собака, проводившая Стэка до дверей, поскулила и вернулась к девушке. Та открыла глаза, взяла лежавшую у нее на коленях записку Уилфрида и порвала ее.

- Ну, Фош, что будем делать? Пойдем погуляем? - предложила Динни.

Хвост завилял. Собака опять тихонько заскулила.

- Тогда пошли, милый.

Динни чувствовала, что держится она твердо, но какая-то пружинка внутри лопнула. Ведя собаку на поводке, она направилась к вокзалу Виктория и остановилась возле памятника. Здесь все по-старому, только листва вокруг него стала гуще. Человек и лошадь - далекие, отрешенные, сдержанные! Искусно сделано! Девушка долго стояла перед группой, подняв вверх исхудалое, осунувшееся лицо с сухими глазами, а пес терпеливо сидел рядом с ней.

Потом Динни вздрогнула, повернулась и быстро повела его к парку. Погуляла там немного, отправилась на Маунт-стрит и осведомилась, дома ли сэр Лоренс. Он сидел у себя в кабинете.

- Какая симпатичная собака, дорогая! Твоя? - спросил он.

- Да. Дядя Лоренс, можно вас попросить об одной вещи?

- Разумеется.

- Уилфрид уехал. С утренним поездом. Он не вернется. Будьте так, добры, предупредите моих, и Майкла, и тетю Эм, и Эдриена, что я не желаю больше разговоров об этом.

Сэр Лоренс наклонил голову, взял руку племянницы и поднес к губам.

- Я хотел тебе кое-что показать, Динни.

Баронет взял со стола небольшую статуэтку Вольтера:

- Я купил ее по случаю позавчера. До, чего восхитительный старый циник! Француз в роли циника куда приятней всех остальных. Почему - загадка, хотя и ясно, что цинизм терпим лишь в комбинации с изяществом и остроумием. Без них он просто невоспитанность. Циник англичанин - это

человек, который всем недоволен. Циник немец - нечто вроде вепря. Циник скандинав - чума. Американец циником не бывает, - он слишком суетлив. У русского чересчур непостоянный для циника склад ума. По-моему, подлинный циник возможен, помимо Франции, также в Австрии и в Северном Китае. Видимо, тут все зависит от географической широты.

Динни улыбнулась:

- Кланяйтесь, пожалуйста, тете Эм. Я сегодня еду домой.

- Благослови тебя бог, дорогая. Приезжай сюда или в Липпингхолл, когда захочешь; мы любим, когда ты у нас, - ответил сэр Лоренс и поцеловал племянницу в лоб.

Когда она ушла, он сначала позвонил по телефону, потом разыскал жену:

- Эм, только что заходила бедняжка Динни. Она похожа на улыбающийся призрак. Все кончено. Дезерт уехал сегодня утром. Она не желает больше об этом говорить. Запомнила, Эм?

Леди Монт, которая ставила цветы в китайский кувшин, выронила их и обернулась:

- О боже мой! Поцелуй меня, Лоренс.

С минуту они постояли обнявшись. Бедная Эм! Сердце у нее мягкое, как масло! Леди Монт, уткнувшись в плечо мужа, сказала:

- У тебя воротник весь в волосах. Вечно ты причесываешься после то'о, как наденешь пиджак! Повернись, я сниму.

Сэр Лоренс повернулся.

- Я позвонил Майклу, Эдриену и в Кондафорд. Запомни, Эм, все должно выглядеть так, как будто ничего не было!

- Конечно, запомню. Зачем она приходила?

Сэр Лоренс пожал плечами.

- У нее новая собака - черный спаниель.

- Спаниели очень преданные, но быстро жиреют. Да! Что тебе ответили по телефону?

- Только "О!", "Понимаю" и "Разумеется".

- Лоренс, мне хочется плакать. Возвращайся поскорее и поведи меня куда-нибудь.

Сэр Лоренс потрепал жену по плечу и быстро вышел. Он тоже был в несколько необычном состоянии. Возвратись в кабинет, он сел и задумался. Бегство Дезерта - единственное реальное решение вопроса. Он понимал Уилфрида яснее и глубже, чем все остальные, кого затронули события. Видимо, в этом парне действительно есть крупинка чистого золота, которую он, повинувшись своей натуре, изо всех сил пытается скрыть. Но связать с ним

жизнь?.. Ни за что на свете! Он трус? Конечно, нет. Эта история совсем не так проста, как предполагают Джек Масхем и настоящие саибы, наивно считающие, что белое не есть черное и наоборот. О нет! Молодой Дезерт попал в переплет при исключительных обстоятельствах. Учитывая его строптивость, бунтарство, гуманизм, неверие в бога и дружбу с арабами, сравнивать его с любым другим англичанином, который мог бы оказаться на его месте, - это все равно что сравнивать сыр с мелом. Но как бы то ни было, связывать с ним жизнь нельзя. Бедняжка Динни дешево отделалась. Какие шутки играет с людьми судьба! Почему выбор Динни пал именно на Дезерта? Чем объяснить его? Только любовью. А любовь не подчиняется законам - даже законам здравого смысла. Какая-то часть души Динни потянулась к такой же, родственной ей части его души, пренебрегая всем, что в той было ей чуждого и не считаясь с внешними препятствиями. Может быть, Динни уже никогда не представится возможность еще раз "угодить в самую точку", как сказал бы Джек Масхем. Но, ей-богу, брак даже в наши дни не минутная забава, а дело целой жизни. Он требует всего счастья, всей заботы, которую два человека могут дать друг другу. А что мог бы дать Дезерт? Немного, у него беспокойный характер, он в разладе с самим собой и к тому же поэт. Кроме того, он горд - горд той внутренней самоуничижающей гордостью, от которой мужчине никогда не отделаться. Незаконная связь, одно из тех неустойчивых содружеств, на какие отваживаются современные молодые люди? Они не для Динни, - это почувствовал даже Дезерт. Физическое немислимо для нее без духовного. Что ж, в мире стало одной долгой сердечной мукой больше! Бедная Динни!

"Куда же мне пойти с Эм в такой ранний час? - подумал сэр Лоренс.

Зоологический сад не любит она. Галерея Уоллеса надоела мне. К мадам Тюссо! Это ее развеселит. К мадам Тюссо!"

XXXVII

В Кондафорде Джин прямо от телефона побежала к свекрови и передала ей слова сэра Лоренса. Кроткое, немного застенчивое лицо леди Черрел стало тревожным и озабоченным.

- О!

- Пойти мне сказать генералу?

- Пожалуйста, дорогая.

Снова оставшись наедине со своими счетами, леди Черрел задумалась.

Из всей семьи только она, которой, как и Хьюберту, не довелось лично видеть Дезерта, старалась не поддаваться предубеждению, и совесть у нее была чиста, - она ни разу не возразила дочери открыто. Сейчас она испытывала только беспокойство и сострадание. Чем помочь Динни? И, как

всегда бывает в тех случаях, когда нашего ближнего постигает утрата, она смогла придумать только одно - цветы.

Леди Черрел выскользнула в сад и подошла к клумбам роз, сгруппированным вокруг старых солнечных часов и защищенным сбоку живой изгородью из высоких тисов. Она наполнила корзину лучшими цветами, отнесла их в узкую, монастырского вида спальню Динни и расставила в вазах возле кровати и на подоконнике. Затем, распахнув двери и стрельчатое окно, позвонила горничной, велела убрать комнату и приготовить постель. Потом поправила висевшие на стенах репродукции с флорентийских картин, которые немного перекошились, и сказала:

- Пыль с рамок я стерла, Энни. Не закрывайте окно и дверь: пусть в комнате хорошо пахнет. Можете вы прибраться ее сейчас же?

- Да, миледи.

- Тогда не откладывайте, - я не знаю точно, когда приезжает мисс Динни.

Леди Черрел вернулась к своим счетам, но не смогла привести их в порядок, сунула в ящик и отправилась к мужу. Тот тоже сидел над счетами и бумагами, и вид у него был подавленный. Она подошла к нему и прижала его голову к себе:

- Джин тебе сказала, Кон?

- Это, конечно, единственный выход. Но мне будет больно видеть, как Динни тоскует.

Они помолчали, потом леди Черрел посоветовала:

- По-моему, нужно рассказать Динни о наших затруднениях. Это ее хоть немного отвлечет.

Генерал взъерошил себе волосы:

- В этом году мне не хватит трехсот фунтов. Двести я выручу за лошадей, остальное покроет лес. Даже не знаю, что тяжелее. По-твоему, Динни что-нибудь придумает?

- Нет, но это ее беспокоит и помешает ей так сильно тревожиться изза другого.

- Понимаю. Ну, тогда расскажи ей сама или попроси Джин. Я не могу. Динни еще решит, что я намерен урезать ее карманные деньги, а она и так получает жалкие гроши. Дайте ей понять, что об этом даже речи нет. Самое лучшее для нее - уехать путешествовать, но на что?

Этого его жена тоже не знала, и разговор иссяк.

Весь дом Черрелов, на который надежды, страхи, рождения, смерти и суета повседневных переживаний его обитателей наложили за долгие века отпечаток степенной осторожности, подобающей преклонному возрасту,

испытывал в этот день неловкость, и она давала себя знать в каждом слове и жесте не только его хозяев, но даже горничных. Как держаться? Как выказать сочувствие и в то же время не показать его? Как встретить человека так, чтобы он не почувствовал в словах приветя намека на ликование? Всеобщее замешательство заразило самое Джин. Сперва она вымыла и вычесала собак, потом настоятельно потребовала дать ей машину, решив встречать все дневные поезда.

Динни приехала с третьим. Она вышла из вагона с Фошем и сразу же попала в объятия Джин.

- Хэлло, вот и ты, дорогая! - поздоровалась та. - Новая собака?

- Да, и чудесная.

- Много у тебя вещей?

- Только то, что со мной. Бесплезно искать носильщика, - они вечно заняты с велосипедами.

- Я снесу.

- Ни в коем случае. Веди Фоша!

Оттащив чемодан и саквояж к машине, Динни спросила:

- Джин, не возражаешь, если я пройду полем? Фошу будет полезно, да и в поезде было душно. Я с удовольствием подышу запахом сена.

- Да, его еще не убрали. А я отвезу вещи и приготовлю чай.

Динни проводила Джин улыбкой, и всю дорогу до поместья ее невестка вспоминала эту улыбку и вполголоса отводила душу...

Динни вышла на полевою тропинку и спустила, Фоша с поводка. Он ринулся к живой изгороди, и девушка поняла, как ему не хватало зелени и простора. Деревенская собака! На минуту его деловитая радость отвлекла внимание девушки; затем мучительная и горькая боль вернулась снова. Динни позвала собаку и двинулась дальше. На первом из черрелских лугов сено еще не скопили, и девушка прилегла на него. Как только она попадет домой, нужно будет следить за каждым словом и взглядом, без конца улыбаться и таиться! Ей отчаянно нужно хоть несколько минут передышки. Динни не плакала, а только приникла к усыпанной сеном земле, и солнце обжигало ей затылок. Она перевернулась на спину и посмотрела на небо. У нее не было никаких мыслей, - все растворилось в тоске об утраченном и невозвратимом. А над нею плыл сонный голос лета - гудение пчел, одуревших от жары и меда. Девушка скрестила руки и сдавила себе грудь, пытаясь заглушить сердечную боль. Если бы умереть здесь, сейчас, в разгар лета, под жужжание насекомых и пение жаворонков! Умереть и больше не испытывать боли! Динни долго лежала не шевелясь; наконец пес подошел к ней и лизнул в щеку. Пристыженная, она встала и стряхнула

сено и травинки с платья и чулок.

Она прошла мимо старого Кысмета, перебралась через узенький, как ниточка, ручей и проникла в давно сбросивший с себя весенние чары сад, где пахло крапивой и старыми деревьями; оттуда, миновав цветник, добралась до каменной террасы. Один цветок магнолии уже распустился, но девушка не посмела понюхать его из боязни, что лимонно-медовый запах разбередит ее рану. Она подошла к балконной двери и заглянула внутрь.

Ее мать сидела с таким лицом, которое бывало у нее, по выражению Динни, "в ожидании отца". Отец ее стоял с таким лицом, которое бывало у него "в ожидании мамы". Джин выглядела так, словно из-за угла вот-вот появится ее детеныш.

"И этот детеныш - я", - подумала Динни, перешагнула через порог и попросила:

- Мамочка, можно мне чаю? Вечером, когда все уже пожелали друг другу спокойной ночи, она снова спустилась вниз и вошла в кабинет генерала. Он сидел за письменным столом, держа карандаш и, видимо, обдумывая то, что написал. Девушка подкралась к отцу и прочла через его плечо:

"Продаются лошади:

1) Жеребец - гнедой, рост пятнадцать три четверти, десять лет, здоровый, красивый, выносливый, хорошо берет препятствия.

2) Кобыла - чалая, рост пятнадцать с четвертью, девять лет, послушная, годится под дамское седло, хорошо берет препятствия, отличная резвость.

Обращаться к владельцу, Кондафорд, Оскфордшир".

- М-м! - промычал сэра Конуэй и вычеркнул слова "отличная резвость".

Динни нагнулась и выхватила листок.

Генерал вздрогнул и повернул голову.

- Нет! - отчеканила Динни и разорвала объявление.

- Что ты! Нельзя же так! Я столько над ним просидел.

- Нет, папа, лошадей продать невозможно. Ты же без них пропадешь!

- Я должен их продать, Динни.

- Слышала. Мама мне сказала. Но в этом нет необходимости.

Случайно мне досталась куча денег.

И девушка выложила на письменный стол отца так долго хранимые ею кредитки.

Генерал поднялся.

- Ни в коем случае! - запротестовал он. - Это очень благородно с твоей

стороны, Динни, но ни в коем случае!

- Ты не имеешь права отказываться, папа. Позволь и мне сделать что-нибудь для Кондафорда. Мне их девать некуда, а тут как раз три сотни, которые, по словам мамы, тебе и нужны.

- Как некуда девать? Вздор, дорогая! Их тебе хватит на хорошее длительное путешествие.

- Не надо мне хорошего длительного путешествия! Я хочу остаться дома и помочь вам обоим.

Генерал пристально посмотрел ей в лицо.

- Мне стыдно их брать, - сознался он. - Я сам виноват, что не справился.

- Папа! Ты же никогда ничего на себя не тратишь!

- Просто не знаю, как это получается, - там мелочь, здесь мелочь, а глядишь, деньги и разошлись.

- Мы с тобой во всем разберемся и посмотрим, без чего можно обойтись.

- Самое ужасное, что в запасе ничего нет и все расходы приходится покрывать только за счет поступлений. Страховка стоит дорого, государственные и местные налоги растут, а доходы падают.

- Я понимаю, это ужасно. Может быть, нам стоит разводить что-нибудь на продажу?

- Чтобы начать дело, нужны деньги. Конечно, в Лондоне, Челтенхеме или за границей мы прожили бы безбедно. Вся беда - поместье и прислуга.

- Бросить Кондафорд? О нет! Кроме того, кому он нужен? Несмотря на твои усилия, мы здесь все равно отстали от века.

- Конечно, отстали.

- Мы никому не можем предложить, не краснея, это "уютное гнездышко". Люди не обязаны платить за чужих предков.

Генерал отвел глаза:

- Честно скажу. Динни, я устал от бесконечной ответственности. Я терпеть не могу думать о деньгах, подкручивать гайку то здесь, то там и ломать себе голову, удастся ли свести концы с концами. Но ты же сама сказала - продажа исключается. Сдать? А кто снимет? Кондафорд не превратишь в школу для мальчиков, сельский клуб или психиатрическую лечебницу. А на что еще в наше время годится загородный дом? Твой дядя Лайонел единственный из нас, у кого есть деньги. Может быть, он купит его, чтобы проводить здесь конец недели?

- Нет, папа, нет! Будем держаться за Кондафорд. Я уверена, как-нибудь извернемся. Давай я займусь подкручиванием гаек. А пока что ты должен

взять вот это. Начало будет хорошее.

- Динни, я...

- Сделай мне удовольствие, дорогой! Генерал притянул дочь к себе.

- А тут еще эта история с тобой! - шепнул он, целуя ее волосы. - Видит бог, я...

Девушка замотала головой:

- Я выйду на минутку. Просто поброжу. На улице так хорошо, тепло...

Динни накинула на шею шарф и вышла в сад.

Последние лучи долгого дня уже погасли на горизонте, но было еще тепло, потому что роса не выпала и в воздухе не тянуло ветерком. Ночь стояла тихая, сухая, звездная. Динни сразу же затерялась в ней, хотя все еще различала смутные очертания обвитого ползучими растениями старого дома, где до сих пор светились четыре окна. Девушка встала под вязом, прижалась к нему спиной, отвела руки назад и обхватила ствол. Ночь - ее друг: ночью нет ни глаз, которые видят, ни ушей, которые слышат. Динни, не шевелясь, смотрела во мрак, черпая утешение в несокрушимой крепости того, что возвышалось позади нее. Мимо, касаясь ее лица, пролетали мотыльки. Равнодушная, пышущая жаром, не знающая тревог, деятельная даже во сне природа! Миллионы крохотных созданий забились в норки и уснули, тысячи существ летают и ползают вокруг, мириады травинки и цветов медленно оправляются после знойного дня. Природа! Безжалостная и безразличная даже к тем единственным из ее детей, кем она увенчана и воспета в прекрасных словах! Нити рвутся, сердца разбиваются, горести обрушиваются на ее глупых сынов и дочерей, а Природа не отвечает им не звуком, ни вздохом! Один звук из уст Природы облегчил бы Динни больше, чем сочувствие всех людей, вместе взятых. Ах, если бы как в "Рождении Венеры" ветерок обдувал ее, волны, словно голубки, ластились к ее ногам, а пчелы летали вокруг нее в поисках меда! Если бы хоть на мгновение она могла слиться во тьме с сиянием звезд, запахом земли, верещанием летучей мыши, полетом мотылька, чье крыло задело ее нос!

Девушка стояла, подняв голову, прильнув всем телом к стволу вяза, пьянея от мглы, тишины и звезд. Почему у нее нет ушей ласки и нюха лисы, чтобы слышать и обонять все, волнующее душу! В ветвях над головой чирикнула птица. Издалека, нарастая, донесся грохот последнего поезда, сменился отчетливым стуком колес и свистом пара, замер, потом возобновился и растаял вдали. Все опять стихло. На том месте, где она стоит, был когда-то ров, засыпанный так давно, что с тех пор здесь успел вырасти огромный вяз. Жизнь деревьев, их долгая борьба с ветром так же медлительна и упорна, как жизнь ее семьи, цепляющейся за этот клочок

земли.

"Не буду думать о нем, не буду думать о нем!" - повторила Динни, как ребенок, который не хочет вспоминать о том, что причинило ему боль. И сразу же в темноте перед нею возникло его лицо - его глаза, его губы. Она повернулась и прижалась лбом к шершавой коре ствола. Но его лицо снова встало между деревом и ею. Она отшатнулась и быстро пошла прочь, бесшумно ступая по траве, невидимая, как призрак. Потом долго-долго ходила по саду, и движение успокоило ее.

"Что ж, - решила девушка. - Мой час минул. Ничего не поделаешь. Пора домой".

Она остановилась еще на мгновение, взглянула на звезды - далекие, неисчислимы, яркие и холодные, слабо улыбнулась и подумала. "Какая же из них моя счастливая звезда?"

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Да будет (Да будет воля аллаха!) (араб.).
2. Цвета нильской воды (франц.).
3. По существу (франц.)
4. Начальные слова латинского изречения: "Quern Deus perdere vult, dementat prius" - "Кого боги хотят погубить, того они сперва лишают разума".
5. "Любовь свободна. Век кочуя..." (франц.).
6. Нерешенным (буквально "перед судьей") (лат.).
7. Большая опера (парижская) (франц.).
8. Все ветшает, все проходит (франц.).
9. "Женщина переменчива" (итал.).
10. По Фаренгейту.
11. Камбала (франц.).

Джон Голсуори

Через реку

(Конец главы)

Изд. "Знаменитая книга", 1992 г.

OCR Палек, 1998 г.

I

Клер, которая возвращалась в Англию после полутора лет брака с сэром Джералдом Корвенем из министерства колоний, стояла на верхней палубе пакетбота Восточной линии, поднимавшегося по Темзе, и ждала, когда тот пришвартуется. Было десять утра, октябрь выдался погожий, но Клер, за время путешествия привыкшая к жаре, надела толстое пальто из твида. Лицо ее казалось бледным, даже болезненно желтоватым, но ясные

карие глаза были нетерпеливо устремлены на берег, слегка подкрашенные губы полураскрыты, и весь облик дышал обычной, присущей ей жизнерадостностью. Она долго стояла одна, потом услышала возглас:

- О, вот вы где!

Из-за шляпки вышел молодой человек и встал рядом с ней. Не поворачивая головы, Клер уронила:

- Замечательный день! До чего, наверно, хорошо у нас дома!

- Я думал, вы хоть на сутки задержитесь в Лондоне. Мы могли бы вместе пообедать, а вечером пошли бы в театр. Неужели нельзя остаться?

- Милый юноша, меня встречают.

- Ужасно все-таки, когда что-нибудь приходит к концу.

- Порой гораздо ужаснее, когда что-нибудь начинается.

Он пристально посмотрел на нее и неожиданно спросил:

- Вы понимаете. Клер, что я вас люблю?

Она кивнула:

- Да.

- А вы меня не любите?

- Я - человек без предрассудков.

- Почему... почему вы не можете загореться хоть на минуту!

- Тони, я же почтенная замужняя дама...

- Которая возвращается в Англию...

- Из-за цейлонского климата.

Он стукнул носком ботинка о борт:

- В самое-то лучшее время года? Я молчал, но я прекрасно знаю, что ваш... что Корвен...

Клер приподняла брови, он оборвал фразу, и оба стали смотреть на берег, все больше поглощавший их внимание.

Двое молодых людей, которые провели почти три недели на борту одного парохода, знают друг друга гораздо хуже, чем предполагают. Ничем не заполненные дни, когда останавливается все, кроме машин, воды, плещущей за бортом, и солнца, катящегося по небу, необычайно быстро сближают живущих бок о бок людей и вносят в их отношения своеобразную ленивую теплоту. Они понимают, что становятся предметом пересудов, но не обращают на это внимания: все равно с парохода не сойдешь, а заняться больше нечем. Они постоянно танцуют вдвоем, и покачивание корабля, пусть даже почти незаметное, благоприятствует дальнейшему сближению. Дней через десять они начинают жить общей жизнью, еще более устойчивой, чем брак, если не считать того, что на ночь они все-таки расстаются.

А затем судно неожиданно останавливается; они останавливаются вместе с ним, и у них - иногда у одного, а часто и у обоих - рождается ощущение, что они слишком поздно разобрались в своих чувствах. Тогда они приходят в возбуждение, лихорадочное, но не лишенное приятности, потому что наступил конец бездействию, и становятся похожими на сухопутных животных, которые побывали в море, а теперь возвращаются в родную стихию.

Первой заговорила Клер:

- Вы так и не объяснили, почему вас зовут Тони, хотя на самом деле А ваше имя Джеймс.

- Потому что потому. Клер, неужели с вами нельзя говорить серьезно? Поймите, времени мало: проклятый пароход того и гляди причалит. Мне просто нестерпимо думать, что я больше не буду видеть вас каждый - день!

Клер быстро взглянула на него и снова уставилась на берег. "Какое тонкое лицо!" - отметила она про себя. Лицо у Тони в самом деле было тонкое, удлиненное, смуглое, решительное, но смягченное добродушием; глаза темно-серые и, пожалуй, слишком искренние; фигура стройная и подвижная.

Молодой человек завладел пуговицей ее пальто:

- Вы ни словом не обмолвились о себе, но я все равно знаю, что вы несчастливы.

- Не люблю, когда люди распространяются о личных делах.

Он всунул ей в руку визитную карточку:

- Возьмите. Вы всегда найдете меня через этот клуб.

Клер прочла:

Мистер Джеймс Бернارد Крум.

"Кофейня".

Сент-Джеймс-стрит.

- По-моему, ужасно старомодный клуб.

- Да. Но неплох даже сейчас. Отец записал меня туда, как только я родился.

- В нем состоит муж моей тетки сэр Лоренс Монт. Он высокий, тонкий, лицо подергивается. Самая безошибочная примета - черепаховый монокль.

- Постараюсь его найти.

- Чем вы намерены заняться в Англии?

- Поисками работы. Здесь, по-видимому, это удел многих.

- Какой работы?

- Любой. Не согласен быть только школьным учителем и

коммивояжером.

- А что другое можно найти в наше время!

- Ничего. Перспективы безрадостные. Больше всего меня устроило бы место управляющего поместьем или что-нибудь по части лошадей.

- Поместья и лошади доживают свой век.

- Я знаком с несколькими владельцами скаковых конюшен. Впрочем, наверно, кончу шофером. А где обоснуетесь вы?

- У родных. Во всяком случае на первых порах. Если вы, пожив с неделю на родине, все еще не забудете меня, мой адрес - Кондафорд, Оксфордшир.

- Зачем я вас встретил! - вырвалось у неожиданно помрачневшего молодого человека.

- Весьма признательна!

- Оставьте, вы отлично знаете, что я имею в виду. О господи, уже бросают якорь! А вот и катер. Клер, послушайте...

- Сэр?

- Неужели то, что было, ничего не значит для вас?

Клер бросила на него долгий взгляд, потом ответила:

- Нет, пока значит. Что будет дальше - трудно сказать. Во всяком случае благодарю за то, что вы помогли мне скоротать три долгие недели.

Молодой человек молчал, как умеют молчать только те, чьи чувства слишком бурно ищут выхода...

Начало и конец любого задуманного человеком предприятия - постройка дома, работа над романом, снос моста и, уж подавно, высадка с парохода всегда сопровождаются беспорядком. Клер, все еще экспортируемая молодым Крумом, сошла с катера среди обычной в таких случаях суматохи и тут же попала в объятия сестры.

- Динни! Как мило с твоей стороны, что ты не побоялась этой толкотни! Моя сестра Динни Черрел - Тони Крум. Больше меня незачем опекать, Тони. Ступайте, займитесь своими вещами.

- Я приехала на автомобиле Флер, - предупредила Динни. - А где твой багаж?

- Его отправят прямо в Кондафорд.

- Тогда можно ехать.

Молодой человек проводил их до машины, с наигранной, но никого не обманувшей бодростью произнес: "До свиданья!" - и автомобиль отъехал от пристани.

Сестры сидели рядом, опустив сплетенные руки на ковровую обивку сиденья, и не могли наглядеться друг на друга.

- Ну, родная, - заговорила наконец Динни, - как хорошо, что ты снова здесь! Я правильно прочитала между строк?

- Да. Я не вернусь к нему, Динни.

- Никогда?

- Никогда.

- Бедняжка моя!

- Не хочу входить в подробности, но жить с ним стало невыносима Клер помолчала, потом резко вздернула подбородок и добавила:

- Совершенно невыносимо!

- Ты уехала с его согласия?

Клер покачала головой:

- Нет, сбежала. Он был в отъезде. Я дала ему телеграмму, а из Суэца написала.

Наступила новая пауза. Затем Динни пожала сестре руку и призналась:

- Я всегда боялась этого.

- Хуже всего, что я без гроша. Не заняться ли мне шляпами, Динни?

Как ты полагаешь?

- Отечественной фабрикации? По-моему, не стоит.

- Или, может быть, разведением собак - ну, например, бультерьеров?

Что скажешь?

- Пока ничего. Надо подумать.

- Как дела в Кондафорде?

- Идут потихоньку. Джин уехала к Хьюберту, но малыш с нами. На днях ему стукнет год. Катберт Конузэй Черрел. Должно быть, будем звать его Кат. Чудный мальчишка!

- Слава богу, я хоть ребенком не связана. Во всем есть своя хорошая сторона.

Черты Клер стали суровыми, как у лиц на монетах.

- Он тебе написал?

- Нет, но напишет, когда поймет, что это всерьез.

- Другая женщина?

Клер пожала плечами.

Динни снова стиснула руку сестры.

- Я не намерена разглагольствовать о своих личных делах, Динни.

- А он не явится сюда?

- Не знаю. Даже если приедет, постараюсь избежать встречи с ним.

- Но это невозможно, дорогая.

- Не беспокойся, - что-нибудь придумаю. А как ты сама? - спросила Клер, окидывая сестру критическим взглядом. - Ты стала еще больше

похожа на женщин Боттичелли.

- Специализируюсь на урезывании расходов. Кроме того, занялась пчеловодством.

- Это прибыльно?

- На первых порах нет. Но на тонне меда можно заработать до семидесяти фунтов.

- А сколько вы собрали в этом году?

- Центнера два.

- Лошади уцелели?

- Да, покамест их удалось сохранить. Я задумала устроить в Кондафорде пекарню, проект у меня уже есть. Хлеб обходится нам вдвое дороже того, что мы выручаем за пшеницу, а мы можем сами молотить, печь и снабжать им всю округу. Пустить старую мельницу недорого, помещение для пекарни найдется. Чтобы начать дело, требуется фунтов триста. Поэтому мы решили свести часть леса.

- Местные торговцы лопнут со злости.

- Вероятно.

- А это действительно может дать прибыль?

- Средний урожай составляет тонну с акра - смотри "Уайтейкер".

Если прибавить к сбору с наших тридцати акров столько же канадской пшеницы, чтобы хлеб получался по-настоящему белый, у нас все равно остается восемьсот пятьдесят фунтов стерлингов. Вычтем отсюда стоимость помола и выпечки - скажем, фунтов пятьсот. На них можно выпекать сто шестьдесят двухфунтовых хлебов в день, или пятьдесят шесть тысяч в год. Для сбыта нужны восемьдесят постоянных покупателей, то есть примерно столько, сколько у нас в деревне хозяйств. А хлебом мы их снабдим самым лучшим и белым.

- Триста пятьдесят годового дохода! - изумилась Клер. - Я просто поражена.

- Я тоже, - отозвалась Динни. - Конечно, опыт, - вернее, чутье, так как опыта у меня нет, - подсказывает мне, что цифру предполагаемого дохода всегда следует уменьшать вдвое. Но даже половина позволит нам свести концы с концами; а потом мы постепенно расширим дело и сумеем распахать все наши луга.

- Но это только план. Поддержит ли вас деревня? - усомнилась Клер.

- По-моему, да. Я зондировала почву.

- Значит, вам потребуются управляющий?

- Да, но такой, кто не боится начинать с малого. Конечно, если дело

наладится, он не прогадает.

- Я просто поражена, - повторила Клер и сдвинула брови.

- Кто этот молодой человек? - внезапно спросила Динни.

- А, Тони Крум? Он служил на чайной плантации, но владельцы закрыли предприятие, - ответила Клер, выдержав взгляд сестры.

- Приятный человек?

- Да, очень славный. Кстати говоря, нуждается в работе.

- Кроме него, в ней нуждается еще три миллиона англичан.

- Считаю и меня.

- В нашей стране жизнь сейчас не из легких, дорогая...

- Кажется, как раз когда я плыла Красным морем, мы отказались от золотого стандарта или от чего-то еще. А что такое золотой стандарт?

- Такая штука, отмены которой требуют, пока она существует, и введения которой требуют, когда она отменена.

- Понятно.

- Беда, очевидно, в том, что наш вывоз, фрахтовая прибыль и проценты с зарубежных вложений перестали покрывать наш ввоз, так что мы теперь живем не по средствам. По мнению Майкла, это легко было предвидеть, но мы тешились надеждой, что все как-нибудь образуется. А оно не образовалось. Отсюда - национальное правительство и новые выборы.

- Способно ли оно что-то предпринять, если продержится?

- Майкл считает, что да, но он ведь неисправимый оптимист. Дядя Лоренс утверждает, что можно покончить с паникой, прекратить отлив денег из страны, вернуть фунту устойчивость и пресечь спекуляцию. Но это осуществимо лишь путем всеобщей и радикальной реконструкции, а на нее уйдет лет двадцать, в течение которых мы будем все больше беднеть. Правительство ведь не может заставить нас полюбить работу больше игры, восстать против чудовищных налогов и предпочесть будущее настоящему. И потом - дядя Лоренс говорит, что было бы ошибкой думать, будто люди согласятся всегда работать так, как работали во время войны, чтобы спасти страну. Тогда мы были единым народом, дравшимся против внешнего врага; теперь у нас два народа, каждый из которых видит в другом внутреннего врага и придерживается прямо противоположных взглядов на то, откуда ждать спасения.

- Выходит, дядя Лоренс возлагает упования на социалистов?

- Нет. По его словам, они забывают, что никто не станет кормить народ, не способный ни производить свой хлеб, ни платить за него. Он убежден, что коммунизм или социализм возможны только в такой стране, которая сама себя прокормит. Видишь, какая я стала ученая! И потом, эти

социалисты через каждые два слова поминают Немезиду.

- Вот вздор! Куда ты везешь меня, Динни?

- Я думаю, ты не прочь позавтракать у Флер. Затем с поездом три пятьдесят отправимся в Кондафорд.

Сестры замолчали и погрузились в глубокие и безрадостные размышления друг о друге. Клер угадывала в старшей ту трудно уловимую перемену, которая происходит в человеке, когда облетает весенний цвет жизни и он учится жить дальше без него. А Динни говорила себе: "Бедная девочка! Нам обеим досталось. Что ей теперь делать? И как я могу ей помочь?"

II

- Какой вкусный завтрак! - объявила Клер, доев сахар, оставшийся на дне чашки. - До чего приятно в первый раз поесть на суше! Когда садишься на пароход и читаешь первое меню, прямо диву даешься - чего в нем только нет. А потом его сводят к холодной ветчине без малого три раза в день. Вам приходилось испытывать такое разочарование?

- А как же! - ответила Флер. - Впрочем, нам подавали кэрри - неплохое блюдо.

- Только не тогда, когда возвращаешься. Мне даже смотреть на него противно. Как идет конференция Круглого стола?

- Заседают. Цейлон заинтересован в Индии?

- Не слишком. А Майкл?

- Мы оба заинтересованы.

Брови Клер приподнялись с очаровательной стремительностью.

- Но вы же ничего о ней не знаете!

- Видите ли, я была в Индии и одно время часто встречалась с индийскими студентами.

- Ах, эти студенты. В них вся беда. Они такие передовые, а народ страшно отсталый.

- Клер, если хочешь взглянуть на Кита и Кэт, попроси Флер свести нас наверх, - напомнила Динни.

Сестры посетили детские и снова сели в автомобиль.

- Поражаюсь Флер, - призналась Клер. - Она всегда точно знает, что хочет.

- Ив общем получает, хотя исключения и бывали. Я никогда не верила, что ей хотелось получить Майкла.

- Неудачный роман?

Динни кивнула. Клер посмотрела в окошечко автомобиля:

- Обычная история. Не у нее одной.

Динни ничего не ответила.

- Теперь в поездах всегда свободно, - заметила она, когда они с сестрой заняли пустое купе в вагоне третьего класса.

- Знаешь, Динни, после той жуткой истории, которую я затеяла, я побаиваюсь встречи с отцом и мамой. Честное слово, мне совершенно необходимо приискать работу.

- Да, в Кондафорде ты быстро затоскуешь.

- Не в этом дело. Мне нужно доказать, что я не круглая идиотка. Интересно, сумела бы я заведовать гостиницей? Они у нас на редкость старомодные.

- Мысль неглупая. Такое место требует напряжения, зато дает возможность общаться с массой людей.

- Это что, насмешка?

- Нет, дорогая, просто голос здравого смысла: ты же никогда не согласишься похоронить себя в глуши.

- А как попасть на такое место?

- Ума не приложу. Кроме того, теперь людям не на что разъезжать.

Боюсь также, что заведение гостиницей требует предварительного изучения технической стороны дела. Впрочем, тебе поможет твой титул.

- Я не желаю носить его имя. Лучше буду просто миссис Клер.

- Понятно. Тебе не кажется, что мне следовало бы знать обо всем несколько подробнее?

Клер помолчала и вдруг выпалила:

- Он - садист.

Динни посмотрела на запыхавшее лицо сестры и созналась:

- Никогда не понимала толком, что это такое.

- Человек, который ищет сильных ощущений, причиняя боль тому, кто их доставляет. Жена - самый удобный объект.

- Родная моя!..

- Всякое бывало. Мой хлыст для верховой езды - это уж последняя капля.

- Неужели он?.. - в ужасе вскрикнула Динни.

- Да.

Динни пересела на скамейку сестры и обняла Клер:

- Дорогая, ты должна освободиться!

- Как? Доказательств-то нет. И, кроме того, не выставлять же напоказ такую мерзость! Ты - единственная, кому я могу об этом рассказать.

Динни встала и опустила окно. Лицо у нее пылало так же, как у сестры. Клер угрюмо продолжала:

- Я ушла от него, как только подвернулась возможность. Но все это не подлежит огласке. Видишь ли, нормальное влечение быстро теряет остроту, а климат на Цейлоне жаркий.

- О господи! - вырвалось у Динни. Она снова села напротив сестры.

- Это моя вина. Я ведь всегда знала, что лед тонкий, ну вот и провалилась. Только и всего.

- Но, дорогая, нельзя же в двадцать четыре года быть замужем и жить без мужа.

- Почему бы нет? Manage mangue [1] хорошо охлаждает кровь. Меня заботит одно - где достать работу. Я не собираюсь садиться отцу на шею. Вы тут еще держитесь на плаву, Динни?

- Не очень. До сих пор сводили концы с концами, но последний налог нас прямо топит. Трудность в том, чтобы не пожертвовать никем из прислуги. Мы ведь все сидим в одной лодке. Я всегда считала, что Кондафорд и деревня - одно целое. Мы или выплывем вместе, или вместе пойдём ко дну. Так или иначе - надо бороться. Отсюда моя затея с пекарней.

- Можно мне заняться доставкой, если я не найду другой работы? Старая машина, наверное, еще цела?

- Дорогая моя, ты будешь помогать нам так, как захочешь. Но дело только начинается. Налаживать его придется до самого рождества. А пока что скоро выборы.

- Кто наш кандидат?

- Некий Дорнфорд, человек здесь новый, но очень приличный.

- Ему нужны избирательные агенты?

- Я думаю!

- Вот и прекрасно. Для начала займусь хоть этим. А будет толк от национального правительства?

- Они уверяют, что "завершат начатую работу", но как - покамест не говорят.

- Мне кажется, что они передерутся, как только им предложат первый же конструктивный план. Впрочем, мое дело сторона. Буду просто разъезжать по округе и агитировать: "Голосуйте за Дорнфорда!" Как тетя Эм?

- Завтра приезжает погостить. Неожиданно написала, что не видела малыша, что пребывает в романтическом настроении и хочет пожить в комнате священника. Просит меня присмотреть, "чтобы там не навели порядка к ее приезду". Тетя Эм не меняется.

- Я часто думала о ней, - сказала Клер. - Она вся какая-то успокоительная.

Затем последовало долгое молчание. Динни думала о Клер, Клер - о себе. Размышления скоро утомили приезжую, и она искоса взглянула на сестру. Забыла ли та историю с Уилфридом Дезертом, о которой Хьюберт писал с такой тревогой, пока она длилась, и с таким облегчением, когда она кончилась? Динни, сообщила Хьюберт, потребовала прекратить всякие разговоры о ее романе, но с тех пор прошел уже целый год. Рискнуть заговорить, или она ошестинится, как ежик? "Бедная Динни! - подумала Клер. - Мне двадцать четыре; значит, ей уже двадцать семь!" Она молча сидела и поглядывала на профиль сестры. Очаровательный - особенно благодаря чуть вздернутому носу, который придает лицу решительное выражение! Глаза не поблекли по-прежнему красивые и синие, как васильки; ресницы кажутся неожиданно темными на фоне каштановой шевелюры. А все-таки лицо осунулось и утратило то, за что дядя Лоренс прозвал Динни "шипучкой". "Будь я женщиной, я влюбилась бы в нее, - решила Клер. - Она хорошая. Но лицо у нее теперь печальное и проясняется только, когда она заговорит". И Клер полузакрыв глаза, поглядывая на сестру через опущенные ресницы. Нет! Спрашивать нельзя. На лице, за которым она наблюдала, лежал отпечаток выстраданной отрешенности. Было бы непозволительно снова растревожить ее.

- Займешь свою прежнюю комнату, дорогая? - спросила Динни.

Боюсь, что голуби чересчур сильно расплодились. Они непрерывно воркуют под твоим окном.

- Мне они не помешают.

- А как насчет завтрака? Сказать, чтобы его подали к тебе в комнату?

- Не беспокойся обо мне, дорогая. Мне будет ужасно неловко, если я кому-нибудь причиню беспокойство. До чего замечательно вернуться в Англию, да еще в такой день! Какая чудесная трава, и вяза, и голубое небо!

- Еще один вопрос, Клер. Хочешь, чтобы я рассказала обо всем отцу и маме, или мне лучше молчать?

Клер стиснула губы.

- По-моему, им следует знать, что я не вернусь к нему.

- Да. Но нужно привести какие-то причины.

- Скажем просто, что это невозможно.

Динни кивнула:

- Я не хочу, чтобы они считали виноватой тебя. Для всех же остальных - ты приехала домой для поправки здоровья.

- А тетя Эм? - спросила Клер.

- Ее я беру на себя. Кроме того, она будет поглощена малышом. Ну вот, подъезжаем.

Показалась кондафордская церковь и небольшая группа домиков, большей частью крытых соломой, - ядро и сердцевина разбросанного прихода. За ними виднелись службы, примыкавшие к поместью, но сам дом, построенный предками в милой их сердцу низине, был скрыт деревьями.

Клер, прижавшись носом к оконному стеклу, сказала:

- У меня прямо мурашки бегают. Ты по-прежнему любишь Кондафорд, Динни?

- Больше.

- Странно. Я вот тоже люблю его, а жить в нем не могу.

- Типично по-английски. Отсюда - Америка и доминионы. Бери саквояж, а я захвачу чемодан.

Краткая поездка по аллеям, окаймленным вязами, которые пестрели золотыми пятнышками увядшей листвы в лучах заходящего солнца, оказалась неустойчивой и закончилась обычным ликованием собак, выскочивших из темного холла навстречу сестрам.

- Новая? - осведомилась Клер, увидев черного спаниеля, который обнюхивал ей чулки.

- Да, это Фош. Они со Скарамушем подписали пакт Келлога и поэтому вечно ссорятся, а я у них вроде Маньчжурии, - пояснила Динни и распахнула двери гостиной: - Мама, вот она!

Подходя к бледной, взволнованной и улыбающейся матери. Клер в первый раз почувствовала себя потрясенной. Приехать вот так обратно и нарушить их покой!

- Твоя заблудшая овечка вернулась, мамочка! - сказала она. - Слава богу, ты не изменилась!

После пылких объятий леди Черрел застенчиво взглянула на дочь и сообщила:

- Отец у себя в кабинете.

- Я схожу за ним, - предложила Динни.

В своем одиноком убежище, на котором до сих пор лежал отпечаток военных и аскетических привычек его владельца, генерал возился с приспособлением, изобретенным им для того, чтобы экономить время при натягивании охотничьих сапог и бриджей.

- Ну что? - спросил он.

- Клер здорова, дорогой, но порвала с ним и, боюсь, окончательно.

- Скверно! - нахмурился генерал.

Динни взялась руками за отвороты его куртки:

- Виновата не она. Но я не стала бы задавать никаких вопросов.

Сделаем вид, что она просто приехала погостить, и постараемся, чтобы этот приезд был ей по возможности приятен.

- Что он натворил?

- Ничего. Причина - его характер. Я знала, что в нем есть, какая-то жестокость.

- Знала? Что ты имеешь в виду, Динни?

- Догадывалась по тому, как он улыбается, - по губам.

Генерал издал звук, выражающий крайнее огорчение.

- Идем, - позвал он. - Доскажешь после.

С Клер отец повел себя подчеркнуто радушно и дружелюбно и не расспрашивал ее ни о чем, кроме Красного моря и Цейлона, знакомство с которым ограничивалось у него воспоминаниями о пряных ароматах побережья и прогулке по Коричному саду в Коломбо. Клер, все еще взволнованная встречей с матерью, была благодарна ему за сдержанность. Она довольно скоро ускользнула к себе в комнату, где ее ждали уже распакованные вещи.

Она встала у мансардного окна и прислушалась к воркованию голубей, к внезапным всплескам и хлопанью их крыльев, когда они взмывали в воздух над садом, обнесенным живой изгородью из тисов. Солнце почти закатилось, но свет все еще пробивался сквозь вязы. Ветра не было, и нервы

Клер отдыхали в этой тишине, нарушаемой только голубями и напоенной непохожим на ароматы Цейлона благоуханием. Родной воздух, чудесный, здоровый, свежий, с легким привкусом горьковатого дымка! Клер увидела над садом синие ниточки, - садовники жгли сухие листья, сложив их небольшими кучками. И почти сразу же она закурила сигарету. В этом нехитром жесте сказала вся Клер. Она никогда не умела целиком отдыхать, отдаваться покою и вечно стремилась вперед, к тому полному наслаждению, которое остается вовеки недоступным для людей с ее натурой. Трубастый голубь, сидевший на желобе крутой шиферной крыши, следил за ней кротким черным маленьким глазом и неторопливо чистил себе перья. Белизна его была прекрасна, осанка - горда, и такой же гордостью дышало круглое тутовое деревце, листья которого, слетая сначала с верхних, потом с нижних веток, кольцом устилали землю и расцветивали траву. Последние лучи заката пронизывали его редкую изжелта-зеленую листву, и деревце казалось сказочным. Семнадцать месяцев назад Клер стояла у этого же окна, глядя поверх тутового деревца на поля и зеленеющие рощи. Семнадцать месяцев чужих небес и деревьев, чужих ароматов, звуков, вод - незнакомых, дразнящих, обманчивых и, как

прежде, чуждых! И ни минуты покоя. Его не было и в белом доме с просторной верандой, который они занимали в Канди. Сначала он нравился ей, потом она усомнилась в этом, потом поняла, что он ей не нравится, и, наконец, просто возненавидела его. А теперь все прошло, и она снова дома. Клер стряхнула пепел с сигареты, потянулась, и голубь, заплескав крыльями, взмыл в воздух.

III

Динни "взяла на себя" тетю Эм. Это была не простая задача. Обычному человеку задают вопрос, он отвечает, и дело с концом. С леди Монт такой последовательный разговор был невозможен. Она стояла посреди комнаты с надушенным вербеной саше в руках и нюхала его, а Динни распаковывала ее чемодан.

- Восхитительно пахнет, Динни. Клер что-то желтая. Ждет маленько'о, а?

- Нет, тетя.

- Жаль. Ко'да мы были на Цейлоне, все обзаводились маленькими. У слонов они такие приятные! В этой комнате мы и'рали в католическо'о священника, которому спускали еду в корзинке. Твой отец залезал на крышу, а я была священником. Но в корзинку нико'да не клали ниче'о вкусно'о. Твоя тетка Уилмет сидела на дереве. В случае появления протестантов ей пола'алось кричать: "Куй, куй!"

- Это было несколько преждевременно, тетя Эм. При Елизавете Австралию еще не открыли.

- Знаю. Лоренс говорит, что в те времена протестанты были сущими дьяволами. Католики тоже. И мусульмане.

Динни вздрогнула и постаралась заслонить лицо корсетом.

- Куда положить белье?

- Куда хочешь. Не наклоняйся так низко. Все они были то'да сущими дьяволами. Страшно мучили животных. Клер понравилось на Цейлоне?

Динни выпрямилась, держа в руках охапку белья:

- Не очень.

- Почему? Печень?

- Тетя, я вам все объясню, но вы не говорите никому, кроме дяди Лоренса и Майкла. Это разрыв.

Леди Монт погрузила нос в саше, потом изрекла:

- Можно было предвидеть - стоило вз'лянуть на е'о мать. Ты веришь в по'оворку: "Яблочко от яблоньки... "?

- Не слишком.

- Я все'да утверждала, что семнадцать лет разницы - слишком мно'о, а

Лоренс говорит, что люди сначала восклицают: "А, Джерри Корвен!" и больше ни слова не прибавляют. Что у них вышло?

Динни склонилась над комодом, укладывая белье в ящик:

- Я не спрашивала о подробностях, но, по-моему, он - настоящее животное.

Леди Монт сунула саше в ящик и пробормотала:

- Бедняжка Клер!

- Словом, тетя, она вернулась домой для поправки здоровья.

Леди Монт зарылась носом в цветы, наполнявшие вазу:

- Босуэл и Джонсон называют их "бо'оснедники". Они без запаха.

Какая болезнь может быть у Клер? Нервы?

- Ей нужно переменить климат, тетя.

- Но, Динни, сейчас столько ан'ло-индийцев возвращается обратно...

- Знаю. Пока сойдет и такое объяснение, а дальше видно будет.

Словом, не говорите, пожалуйста, даже Флер.

- Скажу я или нет. Флер все равно узнает! От нее не скроешь. Клер завела себе молодого человека?

- Что вы, тетя?

И Динни извлекла из чемодана коричневый халат, вспоминая, с каким выражением лица молодой человек сказал им: "До свиданья!"

- На пароходе? - усомнилась тетя.

Динни переменяла тему:

- Дядя Лоренс сейчас очень увлекается политикой?

- Да. Это так тя'остно. Что хочешь приедается, если о нем вечно раз'оваривать. А у вас надежный кандидат? Как Майкл?

- Он в наших краях человек новый, но, видимо, пройдет.

- Женат?

- Нет.

Леди Монт склонила голову набок, прищурила глаза и пристально взглянула на племянницу.

Динни вынула из чемодана последнюю вещь - пузырек с жаропонижающим:

- Вот уж не по-английски, тетя!

- От груди. Е'о сунула мне Делия. Я болела грудью. Давно. Ты лично говорила с вашим кандидатом?

- Да.

- Сколько ему лет?

- По-моему, под сорок.

- Чем он занимается?

- Он королевский адвокат.
- Фамилия?
- Дорнфорд.
- Я что-то слышала про Дорнфордов, ко'да была девушкой. Но где? А, вспомнила - в Альхесирасе. Он командовал полком в Гибралтаре.
- Наверно, все-таки не он, а его отец?
- В таком случае, у не'о ниче'о нет.
- Он живет тем, что зарабатывает в суде.
- Ко'да тебе меньше сорока, там мно'о не заработаешь.
- Не знаю, он не жаловался.
- Энер'ичный?
- Очень.
- Блондин?
- Скорее шатен. Он выдвинулся как адвокат именно в этом году. Затопить камин сейчас, тетя, или когда вы будете переодеваться к обеду?
- Потом. Сначала сходим к малышу.
- Хорошо. Его, должно быть, уже принесли с прогулки. Ваша ванная внизу, под лестницей. Я подожду вас в детской.
Под детскую была отведена та же низкая комната со стрельчатыми окнами, где и Динни и сама тетя Эм получили первое представление о неразрешимой головоломке, именуемой жизнью. Теперь там обучался ходить малыш. В кого он пойдет, когда станет постарше, - в Черрелов или Тесбери, - было еще неясно. Няня, тетка и бабка образовали вокруг него треугольник, чтобы он мог поочередно падать в их восхищенно распростертые объятия.
- Он не гулит, - заметила Динни.
- Он гулит по утрам, мисс.
- Падает! - воскликнула леди Монт.
- Не плачь, маленький!
- Он никогда не плачет, мисс.
- Весь в Джин. Мы с Клер до семи лет любили пореветь.
- Я ревела до пятнадцати, а после сорока пяти начала снова, - объявила леди Монт. - А вы, няня?
- Некогда было, миледи: у нас большая семья.
- У няни была замечательная мать. Их пять сестер - все чистое золото. Румяные щеки няни заалели еще ярче, она улыбнулась застенчиво, как девочка, и потупилась.
- Смотрите, он скривит себе ножки, - предупредила леди Монт. - Довольно ему ковылять.

Няня, подхватив упиравшегося мальчугана, водворила его в кроватку; он важно нахмурился и устался на Динни.

- Мама в нем души не чает, - сообщила та. - По ее мнению, он будет вылитый Хьюберт.

Леди Монт издала звук, который, как убеждены все взрослые, должен привлекать внимание детей.

- Когда вернется Джин?

- Не раньше очередного отпуска Хьюберта.

Леди Монт остановила взгляд на племяннице:

- Пастор говорит, что Аллен остается в Гонконге еще на год.

Динни, покачивая погремушкой перед ребенком, оставила без ответа реплику тетки. С того летнего вечера год назад, когда она приехала домой после бегства Уилфрида, она не говорила сама и никому не позволяла заговаривать о ее чувствах. Никто, да, вероятно, и она тоже, не знал, затянулась или нет ее сердечная рана. Казалось, у нее вообще больше нет сердца. Девушка так долго и упорно подавляла в нем боль, что оно словно ушло в самые сокровенные глубины ее существа и биение его стало едва уловимым.

- Теперь куда, тетя? Маленькому пора спать.

- Пройдемся по саду.

Они спустились по лестнице и вышли на террасу.

- Ой! - огорченно вскрикнула Динни. - Гловер отряс листья с тутового дерева. А они так красиво дрожали на ветках и слетали кольцом на траву. Честное слово, садовники лишены чувства красоты.

- Просто ленятся подметать. А где же кедр, который я посадила, когда мне было пять лет?

Они обогнули угол старой стены и подошли к ветвистому красавцу лет шестидесяти, поблекшую листву которого золотил закат.

- Мне хочется, чтобы меня похоронили под ним, Динни. Только наши не со'ласятся. Они потребуют, чтобы все было чин чинном.

- А я мечтаю, чтобы меня сожгли и рассеяли прах по ветру. Взгляните, вон там пашут. Люблю смотреть, как лошади медленно движутся по полю, а за ними на горизонте виден лес.

- "Люблю мычание коров", - несколько некстати процитировала леди Монт.

С востока, из овечьего загона, донесся слабый перезвон колокольчиков.

- Слышите, тетя?

Леди Монт взяла племянницу под руку.

- Я часто думала, как хорошо быть козой, - сообщила она.

- Только не в Англии: у нас их привязывают и заставляют пастись на крохотном кусочке земли.

- Нет, не так, а с колокольчиком в горах. Впрочем, лучше быть козлом: е'о не доят.

- Посмотрите, тетя, вот наша новая клумба. Конечно, на ней сейчас мало что осталось - одни георгины, гортензии, хризантемы, маргаритки да немного пенстемон и козмий.

- Динни, как же с Клер? - спросила леди Монт, зайдя за георгины. - Я слышала, теперь с разводом стало ле'че.

- Да, пока не начнешь его требовать.

- Но если тебя бросают...

- Сначала нужно, чтобы тебя бросили.

- Ты же сказала, что он вынудил ее уйти.

- Это разные вещи, тетя.

- Юристы просто помешаны на своих законах. Помнишь длинноносо'о судью, который хотел выдать Хьюберта?

- Он-то как раз оказался очень человечным.

- То есть как?

- Он доложил министру внутренних дел, что Хьюберт показал правду.

- Страшная история! - поежилась леди Монт. - Но вспомнить приятно.

- Еще бы! Она ведь кончилась хорошо, - быстро отозвалась Динни.

Леди Монт с грустью взглянула на нее.

Динни долго смотрела на цветы, затем неожиданно объявила:

- Тетя Эм, нужно сделать так, чтобы и для Клер все кончилось хорошо.

IV

В окрестностях Кондафорда полным ходом шла традиционная шумиха, известная под названием избирательной кампании и, может быть, еще более нелепая, чем это название. Местным жителям доказывалось, что единственно правильное для них решение - голосовать за Дорнфорда и что будет не менее правильно, если они проголосуют за Стринджера. В общественных местах их громогласно убеждали в этом дамы, сидевшие в автомобилях, и дамы, вылезавшие из машин; дома их призывали к тому же голоса, вырывавшиеся из репродукторов. Газеты и листовки уверяли их, что только они призваны спасти страну. Их приглашали проголосовать пораньше, но лишь один раз. Их непрерывно ставили перед парадоксальной дилеммой: как бы они ни проголосовали, страна все равно будет спасена. К ним обращались люди, знавшие, казалось, все на свете, кроме одного: каким все-таки путем следует ее спасать. Ни кандидаты, ни превозносившие их дамы, ни таинственные бестелесные голоса в

репродукторах, ни еще более бестелесные голоса в газетах, - короче говоря, никто даже не пытался это объяснить. Оно и лучше. Во-первых, этого все равно никто не знал. А во-вторых, какое значение имеют частности, когда вся суть в общем принципе? Поэтому не стоит привлекать внимание ни к тому факту, что общее складывается из частных, ни к той аксиоме всякой политики, что обещать - не значит выполнить. Лучше, куда лучше выбрасывать широковещательные лозунги, дискредитировать противника и величать избирателей самым здоровым и разумным народом в мире.

Динни не участвовала в избирательной кампании. По ее собственным словам, она для этого не годилась и к тому же, видимо, понимала всю нелепость поднятой шумихи. Зато Клер, хотя и она не без иронии взирала на происходящее, обладала слишком деятельной натурой, чтобы оставаться в стороне. Ее активности весьма способствовало то, что люди вообще положительно реагируют на подобные начинания. Они ведь привыкли, что их убеждают, и любят, чтобы их убеждали. Предвыборная агитация для их ушей довольно безобидное развлечение, нечто вроде жужжания мошкары, которая не кусает. Когда же настает время отдать голоса, они руководствуются совсем иными мотивами: тем, за кого голосовали их отцы; тем, как голосование может отразиться на их работе; тем, на чьей стороне их лендлорд, церковь, профсоюз; тем, что они жаждут перемены, хотя ничего всерьез от нее не ждут; а нередко просто тем, что им подсказывает здравый смысл.

Опасаясь вопросов, Клер старалась разглагольствовать поменьше и побыстрее переводить разговор на детей и самочувствие избирателей. Она обычно заканчивала тем, что спрашивала, в каком часу за ними заехать, отмечала время в записной книжке и уходила, чувствуя себя такой же растерянной, как и они. Поскольку она была Черрел, а не "чужая", они воспринимали ее как нечто само собой разумеющееся, хотя лично были знакомы только с Динни, а не с ней. Клер представлялась им элементом чего-то незыблемого, потому что никто из них не мыслил себе Кондафорд без Черрелов.

В субботу, накануне выборов, Клер к четырем часам выполнила свои добровольные обязательства и, объехав избирателей, направлялась домой, когда ее обогнала двухместная машина; человек, сидевший за рулем, окликнул ее по имени, и она узнала молодого Тони Крума.

- Каким ветром вас занесло сюда. Тони?
- Я не мог больше выдержать без вас.
- Приезд сюда - вещь слишком заметная, милый мальчик.
- Согласен. Зато я увидел вас.

- Уж не собирались ли вы зайти к нам?

- Только в том случае, если бы не встретил вас. Клер, вы прелестны!

- Допустим. Но это еще не дает вам права ставить меня в неудобное положение перед родными.

- У меня такого и в мыслях не было. Но я рехнусь, если хоть изредка не буду видеть вас.

Он сказал это так взволнованно и с таким серьезным лицом, что Клер в первый раз почувствовала смятение в той банальной области нашего "я", которую принято именовать сердцем.

- Нехорошо! - объявила она. - Я должна стать на ноги и не могу осложнять свое положение.

- Дайте хоть поцеловать вас, и я уеду счастливый.

Клер пришла в еще большее смятение, подставила ему щеку и бросила:

- Только быстро!

Тони прильнул к ее щеке, но когда он стал искать ее губы, она отстранилась:

- Не надо. Уезжайте, Тони. Если хотите видеть меня, подождите, пока я вернусь в город. Впрочем, зачем вам встречаться со мной? Это сделает нас обоих несчастными - и только.

- Я так вам благодарен за это "нас"!

Карие глаза Клер улыбнулись. Они были цвета малаги, если поднять бокал к свету.

- Нашли работу, Тони?

- Ничего нет.

- Подождите выборов. После них станет легче. Сама я подумываю поступить в модистки.

- Вы?

- Надо же на что-то жить. Моей семье так же несладко, как и остальным. Тони, вы, кажется, собирались уехать?..

- Обещайте, что дадите мне знать, как только будете в городе.

Клер кивнула и нажала на стартер. Когда автомобиль мягко тронулся с места, она повернула голову и еще раз улыбнулась молодому человеку.

Тот стоял на дороге, стиснув руками виски, пока ее машина не исчезла за поворотом.

Загнав - автомобиль под навес, Клер подумала: "Бедный мальчик!" - и на душе у нее отлегло. Каждой молодой и красивой женщине, вне зависимости от ее положения перед лицом закона и морали, становится легче дышать, когда она вдыхает фимиам поклонения. Какие бы благие

намеренья ее ни преисполняли, она знает, что ей должны поклоняться, и страдает, когда этого не происходит. Поэтому весь вечер Клер чувствовала себя более интересной и счастливой. Потом наступила ночь, такая лунная, что полный месяц, заглядывая в комнату Клер, долго не давал ей уснуть. Она вскочила, раздвинула занавески и, кутаясь в шубу, встала у окна. На улице, очевидно, подморозило, потому что низко над полями, как руно, стелился туман. Причудливые контуры вязов медленно плыли над его белой пеленой. Земля, раскинувшаяся за окном, казалась Клер незнакомой, словно упавшей с луны. Она вздрогнула. Картина, может быть, и красивая, но в этом морозном великолепии слишком уж холодно и неудобно. Она вспомнила о ночах в Красном море, когда приходилось спать без простыней и сама луна казалась раскаленной. Судя по некоторым признакам, пассажиры парохода сплетничали о ней и Тони, но она не обращала на это внимания. Да и с какой стати? Он ни разу не поцеловал ее за весь переезд - даже в тот вечер, когда зашел к ней в каюту, и она показывала ему фотографии, и они долго болтали. Милый скромный мальчик, настоящий джентльмен! Она не виновата, что он влюбился, - его никто не завлекал. А о будущем не стоит думать: что ни делай, жизнь все равно подставит тебе ножку. Пусть все идет само собой. Задаваться целью, строить планы, заранее обдумывать так называемую "линию поведения" - пустая трата времени. Она уже перепробовала все это с Джерри. Клер вздрогнула, рассмеялась и опять застыла, охваченная какой-то яростью. Нет! Тони жестоко ошибается, если думает, что она бросится в его объятия. Физическая любовь! Она знает, что у той за изнанка. Нет, довольно. Теперь она холодна, как лунный свет! Но говорить об этом она не может. Ни с кем - даже с матерью, и пусть они с отцом думают что хотят.

Динни, видимо, на что-то им намекнула, - они были страшно деликатны. Но всего не знает даже Динни. И никто никогда не узнает! Главное - чтобы у нее были деньги, остальное - неважно. Разумеется, "разбитая жизнь" и прочее - просто старомодная чушь. Каждый сам делает свою жизнь интересной. Она не намерена сидеть сложа руки и хныкать. Отнюдь! Но зарабатывать как-то надо. Клер дрожала, хотя на ней была меховая шубка. Лунный свет, казалось, леденил ее до самых костей. Ах, эти старые дома! В них нет даже центрального отопления, - владельцы не могут себе его позволить. Сразу же после выборов она отправляется в Лондон на разведку. Может быть. Флер что-нибудь подскажет. Если шляпное дело бесперспективно, она поищет место секретаря у какого-нибудь политического деятеля. Она хорошо печатает, свободно владеет французским, у нее разборчивый почерк. Умеет водить машину, объезжать

лошадей. Досконально знает загородную жизнь, ее обычаи и порядки. Немало членов парламента были бы, наверно, не прочь заполучить к себе человека, который научит их, как надо одеваться, как, не обидев никого, отклонять приглашения, и вообще поможет им решать разные житейские головоломки. У нее изрядный опыт по части собак, кое-какой - по части цветов: она на редкость красиво расставляет их по кувшинам и вазам. Если потребуется войти в курс политических вопросов, - что ж, она и здесь быстро набьет себе руку. Так, в призрачном и холодном свете луны, Клер убеждала себя, что людям без нее не обойтись. Жалованья и ее двухсот фунтов в год ей хватит за глаза. Луна, стоявшая теперь позади одного из вязов, уже не представлялась Клер грозной и безличной, а с добродушным лукавством соучастницы подмигивала ей из-за все еще густых ветвей дерева. Клер обхватила руками плечи, сделала несколько антраша, чтобы согреть ноги, и снова юркнула в постель...

Молодой Крум возвращался в Лондон и незаметно для себя выжимал миль шестьдесят в час из взятой им напрокат машины. Впервые поцеловав холодную и вместе с тем жгучую щеку Клер, он пребывал в некотором умоисступлении. Поцелуй означал для него гигантский шаг вперед: Тони был неиспорченный молодой человек. Он не усматривал преимущества в том, что Клер замужняя женщина, но и не задавал себе вопрос, остались ли бы его чувства столь же пламенными, если бы она не состояла в браке. Новое и неуловимое очарование, которое приобретает женщина, познав физическую любовь, и острота, которую оно придает влечению знающего об этом мужчины, - такие вещи интересны для психолога, а не для непосредственного юноши, впервые в жизни влюбленного по-настоящему. Он хотел обладать ею если можно, как женою; если нельзя - все равно как, лишь бы обладать. Он провел три года на Цейлоне, где работал, не разгибая спины, встречал очень многих белых женщин и не встретил ни одной, к которой не остался бы равнодушен. До знакомства с Клер страстью его было поло, а познакомился он с ней тогда, когда лишился и поло и работы. В денежном смысле положение у него было такое же, как у Клер, только еще хуже. Он сумел отложить двести фунтов, но это было все, на что он мог рассчитывать, пока не найдет место.

Он отвел машину в гараж к приятелю, прикинул, где дешевле пообедать, и остановил выбор на своем клубе. Он фактически и жил там, а у себя в комнате на Райдер-стрит только ночевал и завтракал по утрам чашкой чая и яйцами всмятку. Это была скромная комнатка в первом этаже, с кроватью, платяным шкафом и окнами, выходившими на высокую заднюю стену соседнего дома, - словом, такая же, как та, где его отец,

наезжая в город, ночевал и завтракал в девяностых годах за половину теперешней цены.

Под воскресенье в "Кофейне" оставались лишь немногие "ветераны", привыкшие проводить конец недели на Сент-Джеймс-стрит. Молодой Крум заказал обед из трех блюд и съел его без остатка. Потом выпил пива и пошел в курительную выкурить трубку. Он уже готов был опуститься в кресло, как вдруг заметил, что перед камином стоит высокий худой мужчина с темными подергивающимися бровями и седыми усиками и рассматривает его в перепалочной монокль. Повинуясь инстинкту влюбленного, который всеми путями старается приблизиться к предмету своих желаний. Тони осведомился:

- Простите, вы не сэр Лоренс Монт?

- Всю жизнь пребывал в этом убеждении.

Молодой человек улыбнулся:

- В таком случае, сэр, я знаю вашу племянницу - леди Корвен. Мы познакомились, возвращаясь вместе с Цейлона, и она говорила, что вы член этого клуба. Моя фамилия Крум.

- А! - ответил сэр Лоренс, роняя монокль. - По-моему, я знал вашего отца. Он часто бывал здесь до войны.

- Да. Он записал меня сюда, как только я родился. Я, по-видимому, самый молодой член клуба.

Сэр Лоренс кивнул.

- Значит, вы познакомились с Клер. Как ее здоровье?

- Насколько я мог судить, в порядке, сэр.

- Давайте сядем и поболтаем о Цейлоне. Угодно сигару?

- Благодарю, сэр, я курю трубку.

- Выпьете кофе? Официант, две чашки кофе. Моя жена гостит сейчас в Кондафорде у родных Клер. Клер - интересная женщина.

Крум заметил, как пристально следят за ним темные глаза собеседника, раскаялся в своем порыве и покраснел, но храбро ответил:

- Да, сэр, очаровательная.

- Вы знакомы с Корвеном?

- Нет, - отрезал Крум.

- Неглупый человек. Понравился вам Цейлон?

- О да. Но пришлось уехать.

- Собираетесь вернуться?

- Боюсь, что нет.

- Я был там, но давным-давно. Индия задушила его. В Индии были?

- Нет, сэр.

- Трудно понять, в какой степени народ Индии жаждет независимости. Индусы на семьдесят процентов крестьяне. А крестьяне хотят устойчивости и спокойной жизни. Помню, в Египте перед войной усилилось националистическое движение. Но феллахи были за Китченера и твердое британское руководство. Когда же во время войны мы отозвали Китченера, положение в Египте стало неустойчивым, и они переметнулись на другую сторону. Чем вы занимались на Цейлоне?

- Заведовал чайной плантацией, но владельцы из соображений экономии слили три плантации, и я остался без места. Как вы думаете, сэр, можно ли надеяться на оздоровление? Я сам не разбираюсь в экономике.

- А кто разбирается? Сегодняшнее положение создано в результате многих причин, а люди всегда стремятся все объяснить одной. В Англии, например, оно вызвано тем, что русская торговля нокаутирована, европейские страны стали относительно самостоятельнее, товарооборот с Индией и Китаем резко сократился, уровень жизни британцев после войны повысился и национальный бюджет возрос с двухсот до восьмисот миллионов, а это значит, что из сферы производительных затрат изъято целых шестьсот. Кое-кто пытается свести проблему к перепроизводству, но это к нам, конечно, неприменимо: мы давно уже не производили так мало. Тут дело и в демпинге, и в бездарной организации, и в неумении довести до потребителя даже то малое количество пищи, которое мы производим сами. Ко всему этому добавляются наши замашки балованного ребенка и милая привычка надеяться, что все как-нибудь образуется. Все эти причины специфичны для Англии, но две из них - замашки балованного ребенка и повышение жизненного уровня действуют и в Америке.

- А еще какие причины действуют в Америке, сэр?

- Американцы, разумеется, и перепроизвели и переспекулировали. Они привыкли жить с таким размахом, что прозакладывали свое будущее, - система продажи в рассрочку и так далее. Они сидят на золоте, но из золота ничего не высидишь. И - это, пожалуй, хуже всего - они не отдают себе отчета, что деньги, которые они одолжили Европе во время войны, были фактически деньгами, которые они нажили на войне. Их согласие на всеобщий отказ от долгов означало бы оздоровление для всех, в том числе - и для их страны.

- Разве они пойдут на это?

- Никогда нельзя предсказать, как поступят американцы - они гораздо импульсивнее нас, жителей Старого Света. Они способны на многое, даже действуя в собственных интересах. Вам нужна работа?

- Еще как!

- Ваше образование?

- Пробыл два года в Веллингтоне и Кембридже. Потом подвернулось место на чайной плантации, и я, не долго думая, упорхнул туда.

- Сколько вам лет?

- Двадцать шесть.

- Решили, чем хотели бы заняться?

Молодой человек выпрямился:

- Вообще-то я согласен на все, сэр. Но особенно хорошо знаю лошадей. Я уже думал, нельзя ли устроиться в скаковую конюшню, или на конский завод, или где-нибудь при манеже.

- Это мысль! Странная судьба у лошади: чем больше вымирает, тем больше входит в моду. Я поговорю с моим кузеном Джеком Масхемом. Он коннозаводчик и вбил себе в голову, что в английскую лошадь нужно вторично влить арабскую кровь. Он уже выписал арабских маток из-за границы. Не исключено, что ему потребуется помощник.

Молодой человек вспыхнул и улыбнулся:

- Страшно любезно с вашей стороны, сэр. О лучшем я и не мечтаю. Я ведь имел дело с арабскими лошадьми для игры в поло.

- Видите ли, - задумчиво произнес сэр Лоренс, - я никому так не сочувствую, как людям, которые действительно нуждаются в работе и не могут ее найти. Конечно, надо подождать конца выборов. Если социалистов не свалят, коннозаводчикам придется пустить свои табуны на мясо. Вы только представьте себе, как за чаем вы кладете на кусок хлеба с маслом ломтик победителя дерби! Вот уж истинная "отрада джентльмена"!

Баронет встал:

- А пока - спокойной ночи. Этой сигары мне как раз хватит до дому.

Крум тоже поднялся и стоял, пока худая, подвижная фигура собеседника не исчезла в дверях.

"Страшно славный старик!" - подумал он, опустился в глубокое кресло и, решив не терять надежд, замечтался о Клер, лицо которой рисовал перед ним дым его трубки.

V

В холодный туманный вечер, который газеты единодушно провозгласили "историческим", Черрелы собрались в своей кондафордской гостиной вокруг портативного приемника - подарка Флер. Что возвестит голос диктора блаженство рая или приговор судьбы? Все пять членов семьи были непоколебимо убеждены, что на карту поставлено будущее Великобритании и что это убеждение не продиктовано им ни классовой, ни партийной принадлежностью. Они полагали, что руководствуются

патриотизмом и чужды личной заинтересованности. И если, думая так, они совершали ошибку, то вместе с ними в нее впадало множество других британцев. Правда, у Динни порой мелькала мысль: "Да разве кто-нибудь знает, что спасет страну и что погубит?" Но даже она не представляла себе, каковы те не поддающиеся учету силы и причины, которые преобразуют и направляют жизнь народов. Газеты и политики сделали свое дело: день выборов приобрел и в ее глазах значение поворотного пункта. Динни сидела в платье цвета морской воды около подарка Флер и ждала десяти часов, чтобы включить приемник и настроить его на нужную волну. Тетя Эм трудилась над новым куском французской вышивки, и очки в черепаховой оправе еще больше подчеркивали орлиный изгиб ее носа. Генерал нервно перелистывал "Тайме", то и дело вытаскивая из кармана часы. Леди Черрел сидела не шевелясь и слегка подавшись вперед, как ребенок в воскресной школе, когда он еще не знает, будет ли ему скучно. Клер прилегла на диван; Фош свернулся у нее в ногах.

- Пора, Динни, - объявил генерал. - Включай эту штуку. - Динни повернула рукоятку, и "штука" разразилась музыкой.

- "Кольца у нас на пальцах, бубенчик привязан к ногам. Музыка всюду с нами, звучит она в такт шагам", - вполголоса продекламовала девушка.

Музыка смолкла, и раздался голос:

- Передаем предварительные результаты выборов: Хорнси... Консерваторы - без перемен.

Генерал вставил: "Гм!" - и музыка загремела снова.

Тетя Эм поглядела на приемник и попросила:

- Уйми его, Динни! Он меня о'лушает.

- Он всегда такой громкий, тетя.

- Блор что-то делает с нашим при помощи пенни. А где это Хорнси? На острове Уайт?

- В Мидлсексе, дорогая.

- Да, конечно. А я как раз думала о Саутси. Он опять за'оворил!

- Прослушайте дополнительные данные о ходе выборов... Победа консерваторов, поражение лейбористов... Консерваторы - без перемен... Победа консерваторов, поражение лейбористов...

Генерал вставил: "Ага!" - и музыка загремела снова.

- Какое приятное большинство! - заметила леди Монт. - Очень отраднo.

Клер поднялась с дивана и устроилась на скамеечке у ног матери. "Тайме" выпал из рук генерала. Голос продолжал:

- Победа национал-либералов, поражение лейбористов... Консерваторы

без перемен... Победа консерваторов, поражение лейбористов...

Музыка то гремела, то замирала, и тогда раздавался голос.

Лицо Клер становилось все жизнерадостней, оттеняя снизу бледное и чуткое лицо леди Черрел, с которого не сходила улыбка. Сэр Конуэй то и дело восклицал: "Ото!" или "Недурно!"

Динни думала: "Бедные лейбористы!"

А голос по-прежнему сулил блаженство рая.

- Потрясающе, - восхитилась леди Монт. - Меня что-то клонит ко сну.

- Идите ложитесь, тетя. Я суну вам под дверь записку, когда пойду наверх.

Леди Черрел тоже встала. Когда они ушли, Клер снова прилегла на диван и, казалось, задремала. Генерал сидел неподвижно, словно загипнотизированный песней победы. Динни заложила ногу на ногу, закрыла глаза и думала: "Переменится ли что-нибудь на самом деле, и если да, какое мне до этого дело? Где он? Сидит у приемника, как и мы? Где? Где?" Тоска по Уилфриду охватывала ее теперь реже, чем раньше, но все еще достаточно часто. С того дня, шестнадцать месяцев назад, когда он бежал от нее, она ничего о нем не слышала. Возможно, он умер. Только раз, только один раз она изменила своему решению никогда не возвращаться к постигшей ее катастрофе и спросила о нем Майкла. Тот ответил, что Компсон Грайс, издатель Уилфрида, кажется, получил от него письмо из Бангкока. Дезерт сообщал, что здоров и снова начал писать. С тех пор минуло уже девять месяцев. Покров чуть приподнялся и опять упал. Сердце болит, но она к этому привыкла.

- Папа, два часа. Дальше будет одно и то же. Клер уже заснула.

- Я не сплю, - возразила Клер.

- И напрасно. Я выпущу. Фоша погулять, и пойдем наверх.

Генерал поднялся:

- Сегодня настоящий праздник! Думаю, что теперь нам станет полегче.

Динни распахнула балконную дверь и подождала, пока обрадованный Фош выскочит в сад. Было холодно, над землю плыл туман, и девушка закрыла дверь. Не сделай она этого, Фош пренебрежет обычным ритуалом и с еще большей радостью вернется в дом. Динни поцеловала отца и Клер, потушила свет и вышла в холл. Камин почти догорел. Девушка поставила ногу на край решетки и задумалась. Клер говорит, что не прочь поступить секретарем к одному из новых членов парламента. Судя по последним известиям, таких будет немало. Почему бы ее сестре не устроиться к их собственному депутату? Он однажды обедал у них и сидел рядом с Динни. Симпатичный человек, начитанный, не ханжа. Он даже сочувствует

лейбористам. Но считает, что они еще не вышли на собственную дорогу. Словом, он - то, что подвыпившие молодые люди в какой-то пьесе называют "тори-социалистом". Он держался с нею вполне откровенно, непринужденно и весело. Как мужчина тоже привлекателен: вьющиеся каштановые волосы, загорелый, темные усики, голос высокий, но довольно мягкий; в общем, достойная личность - характер энергичный и прямой. Но у него, видимо, уже есть секретарь. Впрочем, если Клер всерьез подумывает об этом, можно узнать.

Девушка пересекла холл и открыла дверь, ведущую в сад. Снаружи стоит скамейка; Фош, наверно, забился под нее и ждет, когда его впустят. Так и есть; он вылез, вильнул хвостом и побрел к площадке, где держат воду для собак. Как холодно и тихо! На дороге - ни души; не слышно даже сов; застывшие, залитые лунным светом сад и поля безлюдны вплоть до виднеющейся вдалеке линии роц. Это Англия, убеленная инеем, равнодушная к будущему, не верящая в голос, который сулит ей блаженство рая, старая, неизменная и все-таки прекрасная, несмотря на падение фунта и отказ от золотого стандарта! Динни смотрела в умиротворенную ночь. Люди, политика - как мало они значат, как быстро исчезают, испаряясь, словно роса, в прозрачную беспредельность сотворенной богом, игрушки! Какой удивительный контраст - страстная напряженность человеческого сердца и непостижимо холодное безразличие времени и пространства! Как примирить их, как сочетать?

Динни вздрогнула и закрыла дверь.

Утром, за завтраком, она спросила Клер:

- Будем ковать железо, пока оно горячо. Поедешь со мной к мистеру Дорнфорду?

- Зачем?

- Узнать, не нужен ли ему секретарь, - он ведь теперь член парламента.

- Ну? Разве он избран?

- А как же!

Динни прочла вслух сообщение о результатах выборов. Прежде столь мощная либеральная оппозиция свелась теперь к жалким пяти тысячам голосов, поданных за лейбористов.

- Победу на выборах нам принесло слово "национальный", - пояснила Клер. - Когда я агитировала в городе, там все стояли за либералов. Но стоило мне заговорить о "национальном правительстве", как картина менялась.

Динни и Клер выехали около одиннадцати, - им стало известно, что новый член парламента пробудет всю первую половину дня в своей штаб-

квартире. Но в дверях ее сновало взад и вперед столько народа, что сестрам расхотелось входить.

- Не люблю выступать в роли просительницы, - объявила Клер.

Динни, которой эта роль была так же не по душе, как и сестре, ответила:

- Подожди здесь. Я войду и поздравлю его. Может быть, речь пойдет и о тебе. Он же, наверно, тебя видел?

- Ну еще бы!

Королевский адвокат Юстейс Дорнфорд, только что избранный членом парламента, сидел в комнате, состоящей, казалось, из одних лишь распахнутых дверей, и пробегал глазами списки, которые его избирательный агент клал перед ним на стол. С порога одной из этих дверей Динни заметила под столом ноги в сапогах для верховой езды, а на столе - котелок, перчатки и хлыст. Теперь, когда девушка вошла, она сочла себя не вправе вторгаться к нему в такую минуту и уже решила ускользнуть, как вдруг он поднял глаза:

- Извините, Мине, одну секунду. Мисс Черрел!

Динни задержалась и обернулась. Он улыбался, видимо довольный ее приходом.

- Чем могу служить?

Она протянула ему руку:

- Ужасно рада, что вы прошли. Мы с сестрой хотели вас поздравить.

Дорнфорд ответил крепким пожатием.

"О господи, вот уж неподходящий момент для просьб!" - подумала Динни, но вслух сказала:

- Блестящий успех! В наших краях еще никто не получал такого большинства.

- И не получит. Мне просто повезло. Где ваша сестра?

- В машине.

- Хочу поблагодарить ее за агитацию.

- О, она с удовольствием занималась ею! - воскликнула Динни и, неожиданно почувствовав, что если не решится сейчас, то потом будет поздно, прибавила: - Она, знаете, сейчас не устроена и мечтает о какой-нибудь работе. Не подумайте, мистер Дорнфорд... это, конечно, некрасиво... Короче говоря, не подойдет ли она вам в качестве секретаря? ("Наконец-то решилась!") Сестра хорошо знает графство, умеет печатать, владеет французским и немножко немецким, если, конечно, нужны языки...

Динни выпалила свою тираду и в полной растерянности умолкла. Однако лицо Дорнфорда не утратило выражения любезной готовности.

- Выйдем и поговорим с ней, - предложил он.

"Боже правый, уж не влюбился ли он в нее?" - удивилась Динни и украдкой взглянула на депутата. Он по-прежнему улыбался, но взгляд его стал строже. Клер стояла у машины. "Вот бы мне такое хладнокровие!" - позавидовала Динни. Она молча наблюдала за происходящим. Люди входили и выходили с торжествующим и деловитым видом, сестра и Дорнфорд оживленно и доброжелательно беседовали друг с другом, а вокруг сверкало ясное утро. Наконец Дорнфорд вернулся:

- Страшно признателен вам, мисс Черрел. Это же великолепно: мне как раз нужен человек, а требования вашей сестры более чем скромны.

- Я-то думала, вы никогда не простите мне, что я докучаю вам просьбой в такую минуту.

- Всегда счастлив служить вам чем могу и когда угодно. Сейчас мне пора, но, надеюсь, мы скоро увидимся.

Он направился к дому. Динни поглядела ему вслед, подумала: "Какой превосходный покррой бриджей!" - и пошла к машине.

- Динни, - рассмеялась Клер, - да он в тебя влюблен!

- Что?

- Я запросила двести, а он сразу назначил двести пятьдесят. Как тебе удалось покорить его за один вечер?

- Не выдумывай. Если уж он влюблен, то не в меня, а в тебя.

- Нет, дорогая. У меня есть глаза, и я знаю - в тебя. Ты ведь тоже сразу догадалась, что Тони Крум влюблен в меня.

- Это было видно.

- И сейчас видно.

- Вздор! - невозмутимо отрезала Динни. - Когда приступаешь?

- Сегодня Дорнфорд возвращается в Лондон. Живет он в Темпле, в Харкурт Билдингс. Я уезжаю в город вечером, а послезавтра выхожу на службу.

- А жить где будешь?

- Сниму комнату без мебели или маленькую студию, а потом сама отделаю и обставлю. Это даже интересно.

- Тетя Эм тоже возвращается сегодня. Пока не найдешь комнату, поживи у нее.

- Что ж, придется, - задумчиво согласилась Клер.

Когда сестры подъезжали к дому, Динни спросила:

- Как же с Цейлоном, Клер? Ты все обдумала?

- А какой смысл думать? Джерри, наверно, что-нибудь предпримет, но что именно - не знаю и знать не хочу.

- Он тебе писал?
 - Нет.
 - Дорогая, будь осторожна...
- Клер пожала плечами:
- Постараюсь.
 - Дадут ему отпуск, если потребуется?
 - Несомненно.
 - Ты будешь держать меня в курсе, да?

Клер наклонилась, не выпуская из рук руля, и чмокнула Динни в щеку.

VI

Через три дня после разговора в "Кофейне" Крум получил письмо от сэра Лоренса Монта, который сообщил, что его кузен Джек Масхем ожидает прибытия арабских маток не раньше весны, но будет иметь мистера Крума в виду и не прочь увидеться с ним в ближайшее время. Знает ли мистер Крум какое-нибудь из арабских наречий?

"Не знаю, - подумал молодой человек, - зато знаю Стейплтона".

Стейплтон из Королевского уланского полка был в Веллингтоне курсом старше Крума и недавно прибыл в отпуск из Индии. Он известный игрок в поло и наверняка знаком с жаргоном восточных барышников. К тому же он сломал себе бедро, готовя лошадь к скачкам с препятствиями, и, видимо, задержится в Англии. Однако необходимость немедленно найти работу не становилась от этого менее настоящей, и Крум продолжал поиски, всюду получая один и тот же ответ: "Подождите до выборов!"

Поэтому на другое же утро после голосования он покинул Райдер-стрит, лаская себя самыми радужными надеждами, но к вечеру явился в клуб, изрядно их порастеряв. С таким же успехом он мог бы провести день в Ньюмаркете на скачках.

Однако, когда швейцар подал ему конверт, сердце Крума учащенно забилось. Он уселся в уголке и прочел:

"Милый Тони,

Я получила место секретаря у нашего нового депутата Юстейса Дорнфорда, королевского адвоката в Темпле. Поэтому мне пришлось перебраться в Лондон. Пока не обзаведусь собственным жильем, остановилась на Маунтстрит у моей тетки леди Монт. Надеюсь, вам повезло не меньше, чем мне? Я обещала вас известить, как только буду в городе, и держу слово, но одновременно взываю к вашему чувству - реальности, конечно, и прошу вас воздать должную дань гордости и предрассудкам.

Ваша попутчица и благожелательница

Клер Кореей".

"Милая! - подумал Тони. - Какое счастье!" Он перечитал письмо, спрятал его в левый карман жилета, где хранил портсигар, и отправился в курительную. Там, на листке бумаги со старинным девизом клуба, он излил свое бесхитростное сердце.

"Клер, родная,

Ваше письмо бесконечно обрадовало меня. Ваш приезд в Лондон - замечательная новость. Ваш дядя был так добр ко мне, что я просто обязан зайти и поблагодарить его. Словом, завтра часов около шести буду у вас. Трачу все время на поиски места и начинаю понимать, каково беднягам, изо дня в день получающим отказ. Когда же мой кошелек опустеет, - а этого недолго ждать, - мне станет еще хуже. К несчастью, безденежье - болезнь, от которой нет лекарства. Ваш патрон, надеюсь, порядочный человек. Члены парламента всегда рисовались мне несколько чужаковатыми, и я с трудом представляю себе вас среди биллей, петиций, прошений о патенте на открытие пивной и так далее. Как бы то ни было, ваше стремление к независимости делает вам честь. Какое сокрушительное большинство на выборах! Если консерваторы ничего не добьются даже при такой поддержке, значит, они вообще ни на что не годны. Что до меня, то я не в силах не любить вас и не мечтать о вас днем и ночью. Впрочем, постараюсь, насколько могу, быть послушным, так как меньше всего на свете хочу огорчать вас. Думаю о вас постоянно - даже тогда, когда на меня рыбьими глазами смотрит какой-нибудь субъект, чью каменную неподвижность я пытаюсь растрогать своей грустной повестью. В общем, я страшно люблю вас. Итак, завтра, в четверг, около шести.

Спокойной ночи, моя дорогая, чудная. Ваш Тонм".

В справочнике он отыскал номер дома сэра Лоренса на Маунт-стрит, надписал адрес, старательно облизал края конверта и вышел, чтобы собственноручно опустить письмо в ящик. И вдруг ему захотелось возвращаться в клуб. Он был в настроении, которое плохо вязалось с клубной атмосферой. Клубы всегда пропитаны мужским духом, отношение к женщине в них, так сказать, послеобеденное - полупренебрежительное, полуразнузданное. Это крепости, комфортабельные и недоступные для женщин, где мужчина чувствует себя свободным от всяких обязательств перед ними, и стоит ему туда войти, как он сразу же напускает на себя независимый и высокомерный вид. К тому же "Кофейня", одно из самых старых учреждений такого типа, вечно полна завсегдатаями, людьми, которых невозможно представить себе вне клуба. "Нет! - решил Крум. - Пойду пообедаю где-нибудь на скорую руку и посмотрю новое обозрение в

Друри Лейн".

Место ему досталось неважное, в одной из лож верхнего яруса, но он отличался острым зрением и все прекрасно видел. Спектакль скоро захватил его. Он достаточно долго жил за пределами Англии, чтобы не испытывать некоторого волнения при мысли о ней. Красочная панорама ее истории за три последние десятилетия взволновала его так сильно, что он ни за что не признался бы в этом своим соседям по залу. Бурская война, смерть королевы Виктории, гибель "Титаника", мировая война, перемирие, встреча нового 1931 года... Спроси его кто-нибудь потом о пьесе, он, наверно ответил бы: "Замечательно! Впрочем, под конец мне взгрустнулось". Но, сидя в театре, он испытывал не грусть, а нечто гораздо большее - сердечную боль влюбленного, который жаждет счастья с любимой и не в силах его добиться; чувства человека, который пытается не сдаться, выстоять и тем не менее шатается из стороны в сторону под ударами жизни. Когда он выходил, у него в ушах звучали заключительные слова: "Величие, достоинство, мир". Трогательно и чертовски иронично! Он вытащил портсигар и закурил сигарету. Ночь была сухая, Крум шел пешком, осторожно пробираясь через потоки машин, и в ушах его звучали меланхолические жалобы уличных певцов из пьесы. Рекламы в небе - и кучи отбросов! Люди, разъезжающиеся по домам в собственных машинах, - и бездомные бродяги! "Величие, достоинство, мир!"

"Я должен выпить", - решил молодой человек. Теперь он мог возвратиться в клуб: тот уже не отталкивал, а привлекал его, и Крум повернул к Сент-Джеймс-стрит. "Прощай, Пикадилли! Прощай, Лестерсквер!" Замечательная сцена, когда томми, насвистывая, маршируют по спирали сквозь туман, а на освещенной авансцене три накрашенные девчонки трещат: "Жаль вас отпускать, но вам пора идти". Публика в литерных ложах перегибалась через барьер и хлопала. До чего правдиво! Особенно эта веселость на лицах накрашенных девчонок, когда она становится все более наигранной и душераздирающей! Надо пойти еще раз вместе с Клер. Взволнует ли это ее? И вдруг Крум понял, что не знает. Да разве человек знает что-нибудь о другом, даже о женщине, которую любит? Сигарета обожгла ему губы, он выплюнул окурок... А сцена с молодоженами, решившими провести медовый месяц на "Титанике"! Они облокотились о борт, им кажется, что перед ними раскрывается вся жизнь, а на самом деле впереди только холодная бездна океана. Что знали эти двое? Только одно - они желают друг друга. Поразмыслить - так жизнь дьявольски странная штука! Крум поднялся по лестнице "Кофейни" с таким чувством, словно прожил целую жизнь, с тех пор как спустился по

ней...

На другой день, точно в шесть вечера, он позвонил у подъезда Монтов на Маунт-стрит.

Дворецкий, который открыл ему, вопросительно приподнял брови.

- Сэр Лоренс Монт дома?

- Нет, сэр. Дома леди Монт, сэр.

- К сожалению, я не знаком с леди Монт. Нельзя ли вызвать на минутку леди Корвен?

Одна из бровей дворецкого поднялась еще выше. "Ага!" - казалось, подумал он.

- Как доложить, сэр?

Молодой человек протянул ему карточку.

- "Мистер Джеймс Бернارد Крум", - нараспев прочитал дворецкий.

- Доложите, пожалуйста, иначе: "Мистер Тони Крум".

- Хорошо. Соблаговолите минутку подождать. Да вот и сама леди Корвен.

С лестницы донесся возглас:

- Тони! Какая пунктуальность! Поднимайтесь сюда и познакомьтесь с тетей.

Клер перегнулась через перила; дворецкий исчез.

- Снимайте шляпу. Как это вы решаетесь выходить без пальто? Я вот все время зябну.

Молодой человек подошел вплотную к перилам.

- Милая! - прошептал он.

Она приложила палец к губам, затем протянула его Круму, который с трудом дотянулся до него своими.

- Идемте!

Когда он добрался до верхней площадки. Клер уже распахнула дверь и объясняла:

- Это мой попутчик, тетя Эм. Мы вместе ехали на пароходе. Он пришел к дяде Лоренсу. Мистер Крум - моя тетя, леди Монт.

Молодой человек увидел плывущую ему навстречу фигуру, и чей-то голос произнес:

- А, на пароходе! Ясно. Здравствуйте.

Крум понял, что положение его, так сказать, определилось, и перехватил чуть насмешливую улыбку, мелькнувшую на лице Клер. Останься он с ней вдвоем хоть на пять минут, он стер бы эту улыбку поцелуями. Он бы...

- Расскажите мне о Цейлоне, мистер Крейвен.

- Крум, тетя. Тони Крум. Зовите его просто Тони. Имя у него другое, но все зовут его так.

- Все Тони - герои. Почему - не знаю.

- Этот Тони - совсем обыкновенный.

- Да, Цейлон. Вы там познакомились с Клер, мистер... Тони?

- Нет. Мы встретились уже на пароходе.

- Вот как! Мы с Лоренсом все'да спали на палубе. Это было в те ужасные девяностые годы. Река то'да, помнится, была прямо запружена плоскодонками.

- И теперь тоже, тетя Эм.

Молодому человеку внезапно представилось, как он и Клер скользят вдвоем в плоскодонке по тихой заводи. Он отогнал видение и заговорил:

- Вчера я был на "Кавалькаде". Грандиозно!

- Вот как? - удивилась леди Монт. - Это мне напомнило...

И она выплыла из гостиной.

Крум вскочил.

- Тони! Не забываетесь!

- Но она ведь для того и вышла!

- Тетя Эм - воплощенная доброта, но я не намерена злоупотреблять ее любезностью.

- Клер, вы не знаете, как...

- Знаю, знаю. Садитесь-ка лучше.

Молодой человек повиновался.

- Теперь слушайте. Тони. В моей жизни было столько физиологии, что мне этого хватит надолго. Если хотите, будем друзьями, но только платоническими.

- О господи! - простонал молодой человек.

- Да, только. Иначе - давайте совсем не встречаться.

Крум сидел не шевелясь, не сводя с нее глаз, и у Клер мелькнула мысль:

"Для него это пытка. Он ее не заслуживает - слишком хорош. По моему, нам лучше не встречаться".

- Послушайте, - мягко начала она. - Вы ведь хотите мне помочь, правда? Время у нас есть. Может быть, потом...

Молодой человек стиснул ручки кресла. В глазах его засветилось страдание.

- Хорошо, - с расстановкой ответил он, - чтобы видеть вас, я пойду на все. Подождем, пока это перестанет быть для вас только физиологией.

Клер, которая тихонько покачивала ногой, рассматривая лакированный

носок своей туфли, неожиданно взглянула прямо в тоскливые глаза Тони и отчеканила:

- Будь я не замужем, вы бы спокойно ждали и не мучились. Считайте, что оно так и есть.

- К несчастью, не могу. Да и кто смог бы?

- Понятно. Я уже не цветок, а плод, - на мне клеймо физиологии.

- Не надо, Клер! Я стану для вас всем, чем вы захотите. Но не сердитесь, если я не всегда буду при этом весел, как птичка.

Она посмотрела на него из-под опущенных ресниц и сказала:

- Хорошо.

Затем наступило молчание, и Клер почувствовала, что Тони пожирает ее глазами с ног до головы - от темных стриженных волос до кончика лакированной туфельки. Пожив с Джерри Корвенем, она не могла не понимать, насколько привлекательно ее тело. Разве она виновата, что оно чарует и возбуждает мужчин? Она не хочет мучить этого мальчика, но ей приятно, что он мучится. Странно, как это можно разом испытывать и жалость, и удовольствие, и легкую скептическую горечь? А стоит уступить - и через месяц он потребует большего! И она неожиданно объявила:

- Кстати, я нашла квартиру - настоящую маленькую берлогу. Раньше там был антикварный магазинчик, а до этого - конюшня.

- Недурно. Когда переезжаете? - нетерпеливо осведомился Тони.

- На той неделе.

- Моя помощь нужна?

- Если сумеете покрасить стены клеевой краской - да.

- Сумею. Я несколько раз сам красил свои бунгало на Цейлоне.

- Только работать придется по вечерам, - я на службе.

- Как ваш патрон? Приличный человек?

- Очень, и к тому же влюблен в мою сестру. Так мне, по крайней мере, кажется.

- Неужели? - усомнился Крум.

Клер улыбнулась. Ей была совершенно ясна его мысль: "Может ли мужчина видеть вас целыми днями и влюбиться в другую?"

- Когда приступим?

- Если хотите, завтра вечером. Мой адрес: Мелтон-Мьюз, два, за Малмсбери-сквер. С утра я куплю краску, и начнем с верхней комнаты. Скажем, в шесть тридцать.

- Отлично!

- Но помните, Тони, - никакой назойливости. "Жизнь реальна, жизнь серьезна..."

Он грустно усмехнулся и прижал руку к сердцу.

- А теперь уходите. Я провожу вас вниз и посмотрю, не вернулся ли дядя.

Молодой человек встал.

- Что слышно с Цейлона? - отрывисто спросил он. - Вас не тревожат?

Клер пожала плечами:

- Пока все тихо.

- Вряд ли так будет долго. Что-нибудь надумали?

- Какой смысл думать? Похоже, что он вообще ничего не предпримет.

- Я не могу вынести, что вы... - начал и оборвал фразу Крум.

- Пойдемте, - позвала Клер и отвела его вниз.

- Я, пожалуй, уже не зайду к вашему дяде, - объявил Крум. - Значит, завтра в половине седьмого.

Он поднес ее руку к губам и направился к двери. На пороге снова обернулся. Клер стояла, слегка наклонив голову, и улыбалась. Он вышел в полной растерянности.

Молодой человек, внезапно пробужденный воркованием голубок Цитеры, ощутивший на себе таинственное магнетическое притяжение женщины, которая в просторечии именуется соломенной вдовой, и вынужденный держаться на расстоянии из-за условностей или щепетильности, заслуживает всяческого сожаления. Не он избрал свою судьбу - она настигла его исподтишка, безжалостно лишив его всех остальных жизненных интересов. Он одержим своего рода манией, которая подменяет все его обычные стремления одной всепоглощающей тоской. Такие заповеди, как "не прелюбодействуй", "не желай жены ближнего твоего", "блаженны чистые сердцем", звучат теперь для него особенно академично. Школа приучила Крума к тому, что, когда раздается звонок с урока, это означает: "Играй!" Сейчас он понял всю ограниченность такого правила. Какая уж тут игра? С одной стороны - обворожительная женщина, которая на семнадцать лет моложе своего мужа и бежала от него, потому что тот - сущее животное, Клер этого не говорит, но он. Тони, в этом уверен. С другой стороны - он сам, влюбленный в нее без памяти и нравящийся ей не так, как она ему, но все же нравящийся, насколько это вообще возможно в данных обстоятельствах. А впереди - одни совместные чаепития. Нелепо до кощунства!

Погруженный в размышления. Тони Крум не заметил человека среднего роста, с глазами, как у кота, тонкими губами и множеством мелких, словно царапины, морщин на загорелом лице, который поглядел ему вслед, искривив рот в отдаленном подобии улыбки.

VII

Когда Крум ушел, Клер с минуту постояла в холле, вспоминая тот день, полтора года назад, когда она сама, в светло-коричневом дорожном костюме и коричневой шляпке, уходила через ту же дверь мимо гостей, стоявших шпалерами и провожавших ее возгласами: "Желаем счастья! ", "До свиданья, дорогая! ", "Привет Парижу!" Всего восемнадцать месяцев, а сколько воды утекло! Губы ее дрогнули, и она отправилась в кабинет к дяде.

- Вы дома, дядя Лоренс? К вам только что заходил Тони Крум.

- А, этот приятный молодой человек, у которого нет работы?

- Да. Он хотел поблагодарить вас.

- Боюсь, пока не за что.

Глаза сэра Лоренса, быстрые и черные, как у кулика или вальдшнепа, скользнули по хорошенькому личику племянницы. Клер, конечно, не то, что его любимица Динни, но бесспорно привлекательна. Как быстро выяснилось, что ее брак неудачен! Эм все рассказала ему и предупредила, что этого вопроса касаться нельзя. Да, Джерри Корвен - штука! При его имени люди всегда пожимали плечами и многозначительно усмехались. Дурной знак! Но в общем его, сэра Лоренса, все это касается мало.

С порога донесся приглушенный голос:

- К вам сэр Джералд Корвен, сэр Лоренс.

Сэр Лоренс инстинктивно поднес палец к губам. Дворецкий понизил голос еще больше.

- Я провел его в маленькую гостиную и сказал, что пойду узнаю, дома ли леди Корвен.

Сэр Лоренс заметил, что Клер стиснула руками спинку кресла, возле которого стояла.

- Ты дома. Клер?

Она не ответила, но ее побледневшее лицо словно окаменело.

- Минутку, Блор. Вернетесь, когда позвоню.

Дворецкий вышел.

- Ну, дорогая?

- Он, наверно, выехал следующим пароходом. Дядя, я не хочу его видеть.

- Если просто ответить, что тебя нет, он, безусловно, явится снова.

Клер вскинула голову:

- Хорошо, я выйду к нему.

Сэр Лоренс ощутил легкую дрожь.

- Скажи мне, что ответить, и я выйду к нему вместо тебя.

- Благодарю, дядя, но не вижу оснований взваливать грязную работу на вас.

"Слава богу!" - подумал сэра Лоренс.

- На всякий случай я буду под рукой. Желаю успеха, дорогая.

И баронет вышел.

Клер встала около камина - так, чтобы можно было дотянуться до звонка. Она испытывала то хорошо знакомое ей чувство, которое бывает, когда садишься в седло, чтобы взять головокружительное препятствие. "Прикоснуться ко мне я ему во всяком случае не дам", - решила она и услышала голос Блора:

- Сэр Джералд Корвен, миледи.

Недурно! Жене докладывают о муже! Впрочем, неудивительно, - слуги всегда все знают.

Даже не поднимая глаз, Клер отчетливо видела, где он стоит. Щеки ее вспыхнули от стыда и гнева. Он околдовал ее, он сделал из нее игрушку своих прихотей. Он ее...

Корвен заговорил саркастически и хладнокровно:

- Дорогая моя, вы чрезвычайно стремительно приняли решение.

Он такой же, как всегда, - подтянутый, щеголеватый, похожий на кота; на тонких губах усмешка, глаза дерзкие и хищные.

- Чего вы хотите?

- Только вас.

- Меня вы не получите.

- Вздор!

Он сделал неувлимо быстрое движение и сжал ее в объятиях. Клер откинула голову и опустила палец на кнопку звонка:

- Назад или позвоню! - Другой рукой она прикрыла лицо. - Либо отойдите и будем разговаривать, либо вам придется уйти.

- Извольте. Но это смешно.

- Вот как? Вы думаете, я уехала бы, если бы это не было серьезно?

- Я думал, вы просто рассердились. Впрочем, и было за что. Крайне сожалею о случившемся.

- Не стоит о нем говорить. Я знаю вас и не вернусь к вам.

- Прощу у вас прощения, дорогая, и обещаю, что подобное не повторится.

- Какое великодушие!

- Это был только эксперимент. Некоторые женщины обожают такие вещи.

- Вы - животное!

- "И красавица стала моей женой..." Бросьте глупить, Клер! Не превращайте нас в посмешище! Можете поставить любые условия.

- И верить, что вы их выполните? Такая жизнь меня не устраивает: мне всего двадцать четыре.

Улыбка исчезла с его губ.

- Понятно. Я ведь заметил, как из дома вышел молодой человек. Как его зовут? Кто он?

- Тони Крум. Что еще?

Он отошел к окну, посмотрел на улицу, обернулся и сказал:

- Вы имеете несчастье быть моей женой.

- Это и мое мнение.

- Клер, я серьезно говорю: вернитесь ко мне.

- А я серьезно отвечаю - нет.

- Я занимаю официальный пост и не могу с этим шутить! Послушайте! Он подошел ближе. - Считайте меня кем угодно, но я не старомоден и не брюзглив. Я не спекулирую ни своим положением, ни святостью брака, ни прочим вздором в том же роде. Но у меня на службе до сих пор придают всему этому значение, и вину за развод я на себя не взвалю.

- Я не рассчитываю на это.

- Тогда на что же?

- Не знаю. Знаю одно: я не вернусь.

- Только потому что...

- И по многим другим причинам.

Кошачья улыбка снова заиграла на его лице и помешала Клер прочесть мысли мужа.

- Хотите, чтобы я взвалил вину на вас?

Клер пожала плечами:

- У вас нет для этого оснований.

- По-другому вы и не можете ответить.

- Я по-другому и не поступаю.

- Вот что, Клер, вся эта нелепая история недостойна женщины с вашим умом и знанием жизни. Вечно быть соломенной вдовой нельзя. Кроме того, вам ведь нравилось на Цейлоне.

- Есть вещи, проделывать которые с собой я никому не позволю, а вы их проделали.

- Я же сказал, что это не повторится.

- А я уже сказала, что не верю вам.

- Мы толчем воду в ступе. Кстати, вы собираетесь жить на средства родителей?

- Нет. Я нашла место.
- О! Какое?
- Секретаря у нашего нового депутата.
- Вам быстро надоест работать.
- Не думаю.

Он пристально посмотрел на нее, теперь уже не улыбаясь. На какую-то секунду она прочла его мысли, потому что его лицо приняло выражение, предшествующее известным эмоциям. Неожиданно он бросил:

- Я не потерплю, чтобы вы принадлежали другому.

Клер поняла, какие побуждения руководят им, и ей стало легче. Она промолчала.

- Слышали?
- Да.
- Я говорю серьезно.
- Не сомневаюсь.
- Вы бесчувственный чертенок!
- Хотела бы им быть.

Он прошелся по кабинету и остановился перед ней:

- Вот что! Я не уеду без вас. Здесь я остановился в "Бристоле". Перестаньте капризничать, - вы же умница! - приходите ко мне. Начнем сначала. Увидите, какой я буду.

Потеряв самообладание, Клер закричала:

- Да поймете ли вы наконец? У меня нет чувства к вам, - вы его убили!
- Зрачки Корвена расширились, затем сузились, ниточка губ растянулась.

Он стал похож на берейтора, объезжающего лошадь.

- Поймите и меня, - отчеканил он негромко. - Или вы вернетесь ко мне, или я с вами разведусь. Я не позволю вам остаться здесь и выделывать все, что вам взбредет в голову.

- Уверена, что каждый здравомыслящий муж одобрит вас.

Улыбка снова заиграла на его губах.

- За это мне полагается поцелуй, - объявил он и, прежде чем она успела его оттолкнуть, прижался к ее губам. Она вырвалась и нажала на кнопку звонка. Корвен заторопился к дверям.

- Au revoir! - бросил он и вышел.

Клер отерла губы. Она была растеряна, подавлена и не понимала, кто же остался победителем - она или он.

Она стояла лицом к камину, опустив голову на руки, как вдруг почувствовала, что сэр Лоренс вошел в кабинет и молча смотрит на нее.

- Мне ужасно неловко, что я беспокою вас, дядя. Через неделю я уже перееду в свою берлогу.

- Дать тебе сигарету, дорогая?

Клер закурила и с первой же затяжкой ощутила облегчение. Сэр Лоренс сел, и она увидела, как иронически приподнялись его брови.

- Сопровождение, как всегда, прошло плодотворно?

Клер кивнула.

- Обтекаемая формула. Людей никогда не удовлетворяет то, чего им не хочется, как бы ловко им это ни подсовывали. Интересно, распространяется ли это правило и на нас самих?

- На меня - нет.

- Досадно, что сопровождение обычно предполагает наличие двух сторон.

- Дядя Лоренс, - внезапно спросила Клер, - какие у нас теперь законы о разводе?

Баронет вытянул длинные худые ноги:

- Мне еще не приходилось с ними сталкиваться. Думаю, что они менее старомодны, чем раньше, но все-таки заглянем в "Уайтейкер".

Он снял с полки том в красном переплете:

- Страница двести пятьдесят восьмая, дорогая, - вот тут.

Клер молча погрузилась в чтение, а баронет печально смотрел на нее. Наконец она подняла глаза и объявила:

- Чтобы получить развод, я должна нарушить супружескую верность.

- Очевидно, это и есть та изящная форма, в которую облакает его закон. Однако среди порядочных людей грязную работу берет на себя мужчина.

- Да, но Джерри не согласен. Он требует, чтобы я вернулась. И потом, он не может рисковать своим положением.

- Естественно, - задумчиво отозвался сэр Лоренс. - Карьера в нашей стране - хрупкое растение.

Клер закрыла "Уайтейкер" и сказала:

- Если бы не родители, я завтра же дала бы ему искомый предлог, и дело с концом.

- А тебе не кажется, что самое разумное - еще раз попробовать начать семейную жизнь?

Клер покачала головой:

- Я просто не в силах.

- Тогда да будет так, хотя это очень грустное "так", - согласился сэр Лоренс. - Каково мнение Динни?

- Мы с ней об этом не говорили. Она не знает, что он приехал.

- Значит, тебе даже не с кем посоветоваться?

- Нет. Динни знает, почему я ушла, но и только.

- Мне кажется, Джерри Корвен - человек не из терпеливых.

Клер рассмеялась.

- Нам обоим не свойственно долготерпение.

- Известно тебе, где он остановился?

- В "Бристоле".

- Может быть, целесообразно установить за ним наблюдение, - неторопливо предложил сэр Лоренс.

Клер передернуло.

- Это унизительно. Кроме того, я не собираюсь губить его карьеру. Вы же знаете, он очень способный человек.

Сэр Лоренс, пожав плечами, возразил:

- Для меня и твоих родных его карьера - ничто в сравнении с твоим добрым именем. Давно он приехал?

- По-моему, недавно.

- Хочешь, я схожу к нему и попытаюсь договориться, как вам наладить раздельную жизнь?

Клер молчала, и, наблюдая за ней, сэр Лоренс думал: "Хороша, но характер нелегкий. Много решительности и ни капли терпения". Наконец Клер заговорила:

- Во всем виновата я одна, - я ведь вышла за него по своей воле.

Не хочу затруднять вас. И потом, он не согласится.

- Это еще вопрос, - возразил сэр Лоренс. - Так попробовать мне, если подвернется случай?

- Вы очень любезны, но...

- Значит, договорились. Кстати, безработные молодые люди умеют сохранять благоразумие?

Клер рассмеялась.

- Ну, его-то я приучила. Страшно вам благодарна, дядя Лоренс. Поговоришь с вами - и на душе легче. Конечно, я ужасно глупая, но, знаете, Джерри имеет какую-то власть надо мной, а меня, к тому же, всегда тянуло на риск. Прямо не понимаю, в кого я такая, - мама его не терпит, а Динни допускает лишь в принципе.

Клер вздохнула.

- Ну, больше не смею вам надоедать.

Она послала ему воздушный поцелуй и вышла.

Сэр Лоренс сидел в кресле и думал: "Зачем я-то впутываюсь? История скверная, а будет еще хуже. Но у Клер такой возраст, что ей надо помочь."

Придется поговорить с Динни".

VIII

Накаленная предвыборная атмосфера в Кондафорде посвежела, и генерал резюмировал изменившуюся обстановку короткой фразой:

- Что ж, они получили по заслугам.

- Папа, а тебе не страшно при мысли, что получают наши, если тоже не сумеют ничего сделать.

Генерал улыбнулся:

- Довлеет гневи злоба его, Динни. Клер обжилась в Лондоне?

- Устраивает себе жилье. Работа у нее сейчас, кажется, простая - пишет благодарственные письма людям, взявшим на себя перед выборами самую черную работу - агитацию на улицах.

- То есть с машин? Довольна она Дорнфордом?

- Пишет, что он в высшей степени достойный человек.

- Отец его был хорошим солдатом. Я одно время служил у него в бригаде в бурскую войну.

Генерал пристально посмотрел на дочь и спросил:

- Слышно что-нибудь о Корвене?

- Да. Он приехал.

- О-о!.. Не понимаю, почему я должен бродить вслепую. Конечно, родителям в наши дни возбраняется подавать голос и приходится полагаться на то, что они услышат через замочную скважину...

Динни завладела рукой отца:

- Нет, мы просто должны их щадить. Они ведь чувствительные растения, правда, папа?

- Мы с твоей матерью считаем, что эта история ничего хорошего не сулит. Нам очень хочется, чтобы все как-нибудь утряслось.

- Надеюсь, не ценой счастья Клер?

- Нет, - неуверенно ответил генерал. - Нет. Но вопросы брака - вещь путаная и сложная. В чем состоит и будет состоять ее счастье? Этого не знает никто: ни она сама, ни ты, ни я. Как правило, люди, пытаясь выкарабкаться из одной ямы, тут же попадают в другую.

- Выходит, не стоит и пытаться? Знай сиди себе в яме, так? А ведь лейбористы именно к этому и стремились.

- Я обязан поговорить с ним, но не могу действовать вслепую, - продолжал сэр Конуэй, обойдя сравнение молчанием. - Что ты посоветуешь, Динни?

- Не дразнить собаку, чтобы не укусила.

- Думаешь, укусит?

- Обязательно.

- Скверно! - бросил генерал. - Клер слишком молода.

Та же мысль давно уже тревожила Динни. Она сразу сказала сестре: "Ты должна освободиться!" - и до сих пор пребывала в этом убеждении. Но как? Изучение законов о браке не было предусмотрено воспитанием Динни. Она знала, что бракоразводные процессы - обычное дело, и, как все ее поколение, была в этом смысле свободна от предрассудков. Но ее родителям такой процесс доставил бы немало огорчений, особенно в том случае, если бы Клер взяла вину на себя: с их точки зрения, это - пятно, которого нужно избежать любой ценой. После своего трагического романа с Дезертом девушка редко наезжала в Лондон. Каждая улица и в особенности парки напоминали ей об Уилфриде и отчаянии тех дней, когда он ушел от нее. Но теперь ей стало ясно, что при любом обороте дела Клер нельзя оставлять без поддержки.

- Мне, пожалуй, следует съездить к ней, папа, и узнать, что происходит.

- Буду только рад. Если еще не поздно, нужно постараться все уладить. Динни покачала головой:

- Думаю, что ничего не выйдет. Да ты и сам не захотел бы этого, расскажи тебе Клер то, что рассказала мне.

Генерал широко раскрыл глаза:

- Я же говорю, что брежу вслепую.

- Согласна, папа, но все-таки ничего тебе не скажу, пока она сама не скажет.

- Тогда поезжай, и чем скорее, тем лучше.

Мелтон-Мьюз избавился от былых запахов конюшни, но зато пропитался острым ароматом бензина: в этом мощном брусчаткой переулке нашли себе приют автомобили. Когда под вечер того же дня Динни вошла в него, ее глазам слева и справа представились две линии гаражей, запертые или распахнутые двери которых сверкали более или менее свежей краской. За одной из них виднелась спина шофера в комбинезоне, склонившегося над карбюратором; по мостовой настороженно прогуливались кошки. Других признаков жизни не было, и название "Мьюз" [2] не подтверждалось даже благоуханием навоза.

Сине-зеленый цвет дома N 2 напоминал о прежней владелице, которую, как и других торговцев предметами роскоши, кризис вынудил свернуть дело. Динни потянула к себе резную ручку звонка, и он ответил ей позвякиванием, слабым, как звук колокольчика заблудившейся овцы. Затем наступила тишина, потом на уровне глаз девушки мелькнуло светлое пятно,

исчезло, и дверь открылась. Клер в зеленом халате стояла на пороге.

- Входи, дорогая, - пригласила она. - Львица у себя в логове, и "Дуглас в замке у ней".

Динни вошла в тесную, почти пустую комнатку, которая была задрапирована зеленым японским шелком, купленным у антиквара, и устлана циновками. В противоположном углу виднелась винтовая лесенка; с потолка, излучая слабый свет, свисала единственная лампочка, затененная зеленым абажуром. Было холодно: медная электрическая печка не давала тепла.

- За эту комнату я еще не принималась, - пояснила Клер. - Пойдем наверх.

Динни совершила винтообразное восхождение и очутилась в гостиной, пожалуй, еще более тесной. Там были два зашторенных окна, выходящие на конюшни, кушетка с подушками, маленькое старинное бюро, три стула, шесть японских гравюр, приколачиванием которых, видимо, занималась Клер перед приходом сестры, старинный персидский ковер, брошенный на устилавшие пол циновки, полупустой книжный шкафчик и несколько семейных фотографий на нем. Стены были выкрашены светло-серой клеевой краской; в помещении горел газовый камин.

- Флер прислала мне гравюры и ковер, а тетя Эм заставила взять бюро. Остальное я привезла с собой.

- Где ты спишь?

- На кушетке - очень удобно. Рядом - туалетная комната с душем, гардеробом и прочим.

- Мама велела спросить, что тебе нужно.

- Немного: наш старый примус, пара одеял, несколько ложек, ножей и вилок, небольшой чайный сервиз, если найдется лишний, и какие-нибудь книги.

- Будет сделано, - ответила Динни. - А теперь, дорогая, рассказывай как себя чувствуешь.

- Физически - превосходно, морально - беспокойно. Я же писала тебе, он приехал.

- Он знает об этой квартире?

- Пока нет. О ней известно только тебе, Флер и тете Эм. Да, забыла, еще Тони Круму. Мой официальный адрес - Маунт-стрит. Но Джерри, разумеется, отыщет меня, стоит ему только захотеть.

- Ты видела его?

- Да. Я сказала ему, что не вернусь. И на самом деле не вернусь, Динни. Решение окончательное, так что не уговаривай. Выпьешь чаю? Я

сейчас вскипячу - у меня есть глиняный чайничек.

- Нет, благодарю, я пила в поезде.

Динни сидела на одном из стульев, которые Клер привезла с собой, и темно-зеленый костюм удивительно шел к ее волосам цвета опавших буковых листьев.

- До чего ты сейчас хороша! - восхитилась Клер, свертываясь в клубок на кушетке. - Хочешь сигарету?

То же самое подумала о сестре и Динни. Обворожительная женщина, одна из тех, кто обворожителен при любых обстоятельствах: темные стриженные волосы, живые карие глаза, бледное лицо цвета слоновой кости, в слегка подкрашенных губах сигаретка... Да, соблазнительна! Впрочем, вспомнив, как складывается жизнь сестры, Динни сочла это выражение неуместным. Клер всегда была жизнерадостной и обаятельной, но брак, бесспорно, еще более усилил и углубил это обаяние, придав ему какой-то неуловимо колдовской оттенок.

- Ты сказала. Тони Крум тоже знает? - неожиданно спросила она.

- Он помогал мне красить стены. Фактически всю гостиную отделал он, а я занималась туалетной. Но у него получилось лучше.

Динни с явным интересом оглядела стены:

- Очень недурно. Знаешь, дорогая, отец и мама встревожены.

- Верю.

- Ты не находишь, что это естественно?

Клер сдвинула брови, и вдруг Динни вспомнила, как они спорили когда-то, надо ли выщипывать брови. Слава богу, Клер к этому не прибегает!

- Ничем не могу помочь, Динни: я не знаю, что решил Джерри.

- Я думаю, он не пробудет здесь долго, - иначе потеряет место.

- Видимо, так. Но я не хочу волноваться заранее. Будь что будет.

- Как быстро можно получить развод? Я хочу сказать - если дело возбудить ты.

Клер покачала головой, и темный локон упал ей на лоб, напомнив Динни детские годы сестры.

- Устанавливать за ним слежку - мерзко. Объяснять на суде, как он меня истязал, я не в силах. А на слово мне никто не поверит, - мужчинам все сходит гладко.

Динни встала и под села к сестре на кушетку.

- Я готова убить его, - вырвалось у нее.

Клер рассмеялась.

- Во многом он не плохой человек. Но я к нему не вернусь. С кого

содрали кожу, тот во второй раз не дастся.

Динни молчала, закрыв глаза.

- Скажи, что у тебя за отношения с Тони Крумом? - спросила она наконец.

- Он проходит испытание. Пока ведет себя смирно, и мне приятно встречаться с ним.

- Послушай, - медленно продолжала Динни, - если бы стало известно, что он у тебя бывает, этого было бы достаточно, правда?

Клер опять рассмеялась.

- Для светских людей, по-видимому, вполне. А присяжные, как я полагаю, причисляют себя к таковым. Но для меня, Динни, легче не жить, чем смотреть на вещи с точки зрения коллегии присяжных. А я не испытываю никакого желания хоронить себя. Поэтому скажу тебе прямо: Тони знает, что я надолго сыта физиологией.

- Он влюблен в тебя?

Глаза сестер - синие и карие - встретились.

- Да.

- А ты в него?

- Он мне нравится. Очень. Но и только; по крайней мере, сейчас.

- А тебе не кажется, что пока Джерри в Англии...

- Нет. По-моему, его пребывание здесь гораздо менее опасно для меня, чем его отъезд. Так как я с ним не поеду, он, вероятно, установит за мной слежку. Одно у него не отнимешь: что сказал, то сделает.

- Не знаю, такое ли уж это достоинство. Пойдем куда-нибудь пообедаем.

Клер потянулась:

- Не могу, дорогая. Я обедаю с Тони в скверном ресторанчике, который нам обоим по карману. Честное слово, жить почти без гроша - даже забавно.

Динни встала и принялась поправлять японские гравюры. Беспечность сестры была ей не внове. Но она - старшая и не должна расхолаживать Клер. Ни в коем случае!

- Отличные вещи, дорогая, - сказала она. - У Флер чудесные вещи.

- Не возражаешь, если я пойду переоденусь? - спросила Клер и вышла в туалетную.

Динни осталась один на один с мыслями о положении сестры и почувствовала полную беспомощность - состояние, знакомое каждому, если не считать тех, кто всегда и все знает лучше других. Подавленная, она подошла к окну и отдернула штору. В переулке было сумрачно и грязно. Из

соседнего гаража выкатилась машина и остановилась в ожидании седока.

"Как это додумались устроить здесь антикварный магазин?" - удивилась девушка и вдруг увидела, что из-за угла вышел человек и задержался у крайнего дома, рассматривая номер. Затем он прошел вдоль переулка по противоположной стороне, повернул назад и остановился перед домом N 2. Динни обратила внимание на уверенность и гибкость каждого движения этой фигуры, которых не скрывало даже пальто.

"Боже правый! Джерри!" - сообщила она.

Девушка опустила штору и кинулась в туалетную. Распахивая дверь, она услышала меланхолическое позвякивание овечьего колокольчика, оставшегося от прежней владелицы - антикварши.

Клер в одном белье стояла под единственной лампочкой и с помощью ручного зеркала осматривала свои губы. Динни разом заполнила помещение, где и одному человеку было тесно.

- Клер! - выдавила она. - Он!

Клер обернулась. Белизна обнаженных рук, переливчатое мерцание шелкового белья, изумленный блеск темных глаз - настоящее видение, даже для сестры.

- Джерри?

Динни кивнула.

- Не хочу его видеть. - Клер посмотрела на ручные часы. - Ах, черт, я же должна поспеть к семи.

Динни, меньше всего заинтересованная в том, чтобы это несвоевременное свидание состоялось, неожиданно для самой себя предложила:

- Давай я выйду к нему. Он, должно быть, увидел, что у тебя горит свет.

- А ты сумеешь его увести, Динни?

- Попытаюсь.

- Тогда иди, дорогая. Если тебе удастся, будет замечательно. И как только Джерри нашел меня, будь он проклят! Теперь не отстанет.

Динни вышла в гостиную, выключила свет и спустилась по винтовой лесенке. Когда она очутилась внизу, над нею снова зазвенел колокольчик. Направляясь через пустую комнату к выходу, девушка думала: "Дверь открывается внутрь. Надо ее захлопнуть за собой". Сердце Динни учащенно забилось, она глубоко вздохнула, открыла дверь, вышла, шумно захлопнула ее за собой и отпрянула с хорошо разыгранным изумлением: прямо перед нею стоял ее зять.

- Кто здесь?

Корвен приподнял шляпу; они молча посмотрели друг на друга.

- Динни, вы? Клер дома?

- Да. Но она никого не принимает.

- Вы хотите сказать, не примет меня?

- Считайте, что так.

Он в упор взглянул на нее дерзкими глазами:

- Что ж, зайду в другой раз. Вам куда?

- На Маунт-стрит.

- Позвольте вас проводить?

- Пожалуйста.

Она шла бок о бок с ним и твердила себе: "Осторожнее!" Когда он рядом, к нему относишься иначе, чем в его отсутствие. Недаром все говорят, что в Джерри Корвене есть обаяние!

- Клер, вероятно, скверно отзывалась обо мне?

- С вашего позволения, переменим тему. Каковы бы ни были чувства Клер, я их разделяю.

- Еще бы! Ваша преданность близким вошла в поговорку. Но вы забываете, Динни, как хороша Клер!

Он посмотрел на нее круглыми улыбающимися глазами, и ей вспомнилось недавнее видение - шея сестры, изгиб плеч, сверкание кожи, темные волосы и глаза. "Голос плоти" - какое отвратительное выражение!

- Динни, вы даже не представляете себе, насколько это притягательно.

А я к тому же всегда был экспериментатором.

Динни круто остановилась:

- Знаете, она мне все-таки сестра.

- Вы так уверены? А ведь увидев вас обеих рядом, этого не скажешь.

Динни не ответила и пошла дальше.

- Послушайте, Динни, - вкрадчиво начал он. - Я, конечно, чувственный человек, но что в этом особенного? Половое влечение неизбежно вынуждает нас совершать ошибки. Не верьте тому, кто это отрицает. Но со временем они забываются, не оставляя никакого следа. Если Клер вернется ко мне, она через год-другой перестанет об этом думать. Наш образ жизни ей нравится, а я непривередлив. Брак в конце концов позволяет обеим сторонам жить, как им хочется.

- Это значит, что впоследствии вы начнете экспериментировать на других?

Он пожал плечами, искоса взглянул на нее и улыбнулся:

- Довольно щекотливый разговор, правда? Поймите хорошенько: во мне уживаются два человека. Первый, - а считаться нужно только с ним, -

занят своим делом и намерен заниматься им и впредь. Клер должна держаться за него, потому что он даст ей возможность жить, а не прозябать. Она попадет в самую гущу деловой жизни, ее окружают крупные люди; она получит то, что любит, - риск и напряжение. У нее будет известная власть, а власть ее привлекает. Другой человек - да, его можно кое в чем упрекнуть, если хотите, даже нужно. Но для Клер самое худшее позади, вернее, будет позади, как только мы опять сойдемся. Как видите, я откровенен или бесстыден, - выбирайте, что вам больше нравится.

- Не понимаю, какое отношение все это имеет к любви? - сухо бросила Динни.

- Может быть, никакого. Основа брака - обоюдная выгода и влечение.

Роль первой с годами возрастает, роль второго уменьшается. Это как раз то, что ей нужно.

- Не берусь ответить за Клер, но думаю, что нет.

- Вы ведь не испытали этого сами, дорогая.

- И, надеюсь, никогда не испытаю, - отрезала Динни. - Меня не устраивает комбинация деловых отношений и разврата.

Корвен рассмеялся.

- Мне нравится ваша прямота. Но говорю вам, серьезно, Динни, - повлияйте на Клер. Она совершает страшную ошибку.

Динни неожиданно пришла в ярость.

- По-моему, ее совершили вы, - процедила она сквозь зубы. - Бывают лошади, которых вы никогда не приручите, если будете обращаться с ними не так, как нужно.

Корвен помолчал.

- Вряд ли вам хочется, чтобы бракоразводный процесс задел вашу семью, - сказал он наконец, в упор глядя на нее. - Я предупредил Клер, что не дам ей развода. Сожалею, но решения не переменю. Даже если она ко мне не вернется, я все равно не позволю ей жить, как ей заблагорассудится.

- Вы хотите сказать, что она получит такую возможность, если вернется? - все так же сквозь зубы спросила Динни.

- В конце концов, видимо, да.

- Понятно. По-моему, нам пора расстаться.

- Как желаете. Вы находите, что я циник? Спорить не стану, но сделаю все возможное, чтобы вернуть Клер. А если она не согласится, пусть остерегается.

Они остановились под фонарем, и Динни, сделав над собой усилие, посмотрела Корвену в глаза. Какая улыбка на тонких губах, какой немигающий гипнотический взгляд! Это не человек, а чудовищный,

бессовестный, жестокий кот!

- Я все поняла, - спокойно сказала она. - До свидания!

- До свидания, Динни! Мне очень жаль, но лучше, когда точки над "и" поставлены. Руку дадите?

К своему немалому удивлению, она позволила пожать себе руку и свернула на Маунт-стрит.

IX

Она вошла в дом тетки, негодуя всей своей страстно преданной близким душой и вместе с тем отчетливей понимая, что заставило Клер выйти замуж за Джерри Корвена. В нем было нечто гипнотическое, какая-то откровенно бесстыдная, но не лишенная своеобразного обаяния дерзость. Взглянув на него, нетрудно было представить себе, какой властью он пользуется среди туземцев, как мягко и в то же время беспощадно подчиняет их своей воле, какое колдовское влияние оказывает даже на своих коллег по службе. Девушка понимала также, как трудно отказать ему в сфере физиологии, если он не вознамерится полностью попрасть человеческое достоинство.

От печальных раздумий ее отвлек голос тетки, объявившей:

- Вот она, Эдриен.

На верхней площадке лестницы Динни увидела козлиную бородку Эдриена, который выглядывал из-за плеча сестры.

- Доро'ая, твои вещи прибыли. Где ты была?

- У Клер, тетя.

- Динни, а ведь я не видел тебя почти год, - заговорил Эдриен.

- Я вас тоже, дядя. В Блумсбери все ли в порядке? Кризис не отразился на костях?

- С костями *in esse* [3] все обстоит прекрасно; *in posse* [4] - весьма плачевно. Денег на экспедиции нет. Вопрос о прародине *Номо sariens* еще более темен, чем раньше,

- Динни, можешь не переодеваться. Эдриен обедает с нами. Лоренс очень обрадуется. Вы поболтайте, а я схожу распушу немно'о лиф. Не хочешь ли подтянуть свой?

- Нет, тетя, благодарю.

- То'да иди сюда.

Динни вошла в гостиную и подсела к дяде. Серьезный, худой, бородатый, морщинистый и загорелый даже в ноябре, он сидел, скрестив длинные ноги, сочувственно глядя на племянницу, и, как всегда, казался ей идеальным вместилищем для душевных излияний.

- Слышали о Клер, дядя?

- Голые факты без причин и обстоятельств.
- Они не из приятных. Вы сталкивались с садистами?
- Только раз. В закрытой маргейтской школе, где я учился. Тогда я, разумеется, ничего не понимал, догадался уже потом. Корвен тоже садист? Ты это имела в виду?
- Так сказала Клер. Я шла от нее вместе с ним. Странный человек!
- Не душевнобольной? - вздрогнув, осведомился Эдриен.
- Здравее нас с вами, дорогой дядя. Любит все делать по-своему, не считаясь с окружающими, а если не выходит, кусается. Не может ли Клер добиться развода, не вдаваясь публично в интимные подробности?
- Только при наличии бесспорных доказательств его неверности.
- А где их добудешь? Здесь?
- Видимо, да. Добывать их на Цейлоне слишком дорого, и вообще вряд ли это удастся.
- Клер пока не хочет устанавливать за ним слежку.
- Разумеется, занятие не слишком чистоплотное, - согласился Эдриен.
- Знаю, дядя. Но на что ей надеяться, если она не пойдет на это?
- Не на что.
- Сейчас она хочет одного - чтобы они оставили друг друга в покое. А он предупредил меня, что если она не уедет с ним обратно, пусть остерегается.
- Значит, тут замешано третье лицо, Динни?
- Да, один молодой человек, который влюблен в нее. Но она уверяет, что между ними ничего нет.
- Гм! "Мы ведь молоды не век", - говорит Шекспир. Симпатичный юноша?
- Я виделась с ним всего несколько минут. Он показался мне очень славным.
- Это отрезает оба пути.
- Я безусловно верю Клер.
- Дорогая, ты, конечно, знаешь ее лучше, чем я, но, по-моему, она бывает порой очень нетерпеливой. Долго пробудет здесь Корвен?
- Клер считает, самое большее - месяц. Он уже неделя как приехал.
- Он виделся с ней?
- Один раз. Сегодня сделал новую попытку, но я его увела. Я знаю, она боится встречаться с ним.
- Знаешь, при нынешнем положении вещей он имеет полное право видаться с ней.
- Да, - вздохнув, согласилась Динни.

- Не подскажет ли что-нибудь ваш депутат, у которого она служит? Он же юрист.

- Мне не хочется, чтобы он об этом знал. Дело ведь сугубо личное. Кроме того, люди не любят впутываться в чужие семейные дразги.

- Он женат?

- Нет.

Девушка перехватила пристальный взгляд Эдриена и вспомнила, как Клер рассмеялась и объявила: "Динни, да он в тебя влюблен!"

- Он зайдет сюда завтра вечером, - продолжал Эдриен. - Насколько я понял, Эм пригласила его к обеду. Клер, кажется, тоже будет. Скажу честно, Динни: я не вижу никакого выхода. Либо Клер придется переменить решение и вернуться, либо Корвен должен передумать и дать ей жить, как она хочет.

Динни покачала головой:

- На это рассчитывать нельзя: они не из таких. А теперь, дядя, я пойду умоюсь.

После ее ухода он задумался над той неоспоримой истиной, что у каждого своя забота. У Эдриена она сейчас тоже была: его приемные дети, Шейла и Роналд Ферз, болели корью, вследствие чего он был низведен до уровня парии в собственном доме, так как его жена, испытывавшая священный ужас перед заразными болезнями, обрекла себя на затворничество. Судьба Клер волновала его не слишком сильно. Он всегда считал ее одной из тех молодых женщин, которые склонны закусывать удила и платятся за это тем, что рано или поздно ломают себе шею. Динни в его глазах стоила трех Клер. Но семейные неприятности Клер тревожили Динни, а тем самым приобретали значение и для Эдриена. У Динни, кажется, особый дар взваливать на себя чужое горе: так было с Хьюбертом, затем с ним самим, потом с Уилфридом Дезертом, а теперь с Клер.

И Эдриен обратился к попугаю сестры:

- Несправедливо, Полли, верно?

Попугай, который привык к Эдриену, вышел из незапертой клетки, уселся к нему на плечо и ущипнул его за ухо.

- Тебе это тоже не нравится, да?

Зеленая птица издала слабый скрипучий звук и передвинулась поближе к его жилету. Эдриен почесал ей хохолок.

- А ее кто погладит по голове? Бедная девочка!

Его размышления были прерваны возгласом сестры:

- Я не позволю еще раз мучить Динни!

- Эм, - спросил Эдриен, - а мы беспокоились друг о друге?

- В больших семьях это'о не бывает. Ко'да Лайонел женился, я была с ним ближе всех. А теперь он судья. О'орчительно! Дорнфорд... Ты е'о видел?

- Не приходилось.

- У не'о не лицо, а прямо портрет. Я слышала, в Оксфорде он был чемпионом по прыжкам в длину. Это хорошо?

- Как говорится, желательно.

- Превосходно сложен, - заметила леди Монт. - Я присмотрелась к нему в Кондафорде.

- Эм, милая!..

- Ради Динни, разумеется. Что делать с садовником, который вздумал укатывать каменную террасу?

- Сказать, чтобы перестал.

- К о'да ни выглянешь из окна в Липпин'холле, он вечно тащит куда-то каток. Вот и гонг, а вот и Динни. Идем.

В столовой у буфета стоял сэр Лоренс и вытаскивал из бутылки раскрошившуюся пробку:

- Лафит шестьдесят пятого года. Один бог знает, каким он окажется.

Открывайте полегоньку, Блор. Подогреть его или нет? Ваше мнение, Эдриен?

- Раз вино такое старое, лучше не надо.

- Согласен.

Обед начался молчанием. Эдриен думал о Динни, Динни думала о Клер, а сэр Лоренс - о лафите.

- Французское искусство, - изрекла леди Монт.

- Ах, да! - спохватился сэр Лоренс. - Ты напомнила мне, Эм: на ближайшей выставке будут показаны кое-какие картины старого. Форсайта. Поскольку он погиб, спасая их, мы все ему обязаны.

Динни взглянула на баронета:

- Отец Флер? Он был хороший человек, дядя?

- Хороший? - отозвался сэр Лоренс. - Не то слово. Прямой, да; осторожный, да - чересчур осторожный по нынешним временам. Во время пожара ему, бедняге, свалилась на голову картина. А во французском искусстве он разбирался. Он бы порадовался этой выставке.

- На ней нет ничего, равного "Рождению Венеры", - объявил Эдриен.

Динни с благодарностью взглянула на него и вставила:

- Божественное полотно!

Сэр Лоренс приподнял бровь:

- Я часто задавал себе вопрос, почему народы утрачивают чувство

поэзии. Возьмите старых итальянцев и посмотрите, чем они стали теперь.

- Но ведь поэзия немыслима без пылкости, дядя. Разве она не синоним молодости или, по меньшей мере, восторженности?

- Итальянцы никогда не были молодыми, а пылкости у них и сейчас хватает. Посмотрела бы ты, как они кипятились из-за наших паспортов, когда мы были прошлой весной в Италии!

- Очень трогательно! - поддержала мужа леди Монт.

- Весь вопрос в способе выражения, - вмешался Эдриен. - В четырнадцатом веке итальянцы выражали себя с помощью кинжала и стихов, в пятнадцатом и шестнадцатом им служили для этого яд, скульптура и живопись, в семнадцатом - музыка, в восемнадцатом - интрига, в девятнадцатом - восстание, а в двадцатом их поэтичность находит себе выход в радио и правилах.

- Было так тягостно вечно видеть правила, которых не можешь прочитать, - вставила леди Монт.

- Тебе еще повезло, дорогая, а я вот читал.

- У итальянцев нельзя отнять одного, - продолжал Эдриен. - Из века в век они дают великих людей в той или иной области. В чем здесь дело, Лоренс, - в климате, расе или ландшафте?

Сэр Лоренс пожал плечами:

- Что вы скажете о лафите? Понюхай, Динни. Шестьдесят лет назад тебя с сестрой еще не было на свете, а мы с Эдриеном ходили на помочах. Вино такое превосходное, что этого не замечаешь.

Эдриен пригубил и кивнул:

- Первокласное!

- А ты как находишь, Динни?

- Уверена, что великолепно. Жаль только тратить его на меня.

- Старый Форсайт сумел бы его оценить. У него был изумительный херес. Эм, чувствуешь, каков букет?

Ноздри леди Монт, которая, опираясь локтем на стол, держала бокал в руке, слегка раздулись.

- Вздор! - отрезала она. - Любой цветок - и тот лучше пахнет.

За этой сентенцией последовало всеобщее молчание.

Динни первая подняла глаза:

- Как чувствуют себя Босуэл и Джонсон, тетя?

- Я только что рассказывала о них Эдриену. Босуэл укатывает каменную террасу, а у Джонсона умерла жена. Бедняжка. Он стал дружим человеком. Целыми днями что-то насвистывает. Надо бы записать его мелодий.

- Пережитки старой Англии?
- Нет, современные мотивы. Он ведь просто придумывает их.
- Кстати, о пережитках, - вставил сэра Лоренса. - Динни, читала ты такую книжку: "Спросите маму"?

- Нет. Кто ее написал?
- Сертиз. Прочти: это корректив.
- К чему, дядя?
- К современности.

Леди Монт отставила бокал; он был пуст.

- Как умно сделали в тысяча девятисотом, что закрыли выставку картин. Помнишь, Лоренс, в Париже? Там были какие-то хвостатые штуки, желтые и голубые пузыри, люди вверх ногами. Динни, пойдём, пожалуй, наверх.

Вскоре вслед за ними туда же поднялся Блор и осведомился, не спустится ли мисс Динни в кабинет. Леди Монт предупредила:

- Опять по поводу Джерри Корвена. Пожалуйста, Динни, не поощряй своего дядю. Он надеется все уладить, но у него ничего не получится не может...

- Ты, Динни? - спросил сэра Лоренса. - Люблю поговорить с Эдриеном: уравновешенный человек и живет своей головой. Я обещал Клер встретиться с Корвеном, но это бесполезно, пока я не знаю, что ему сказать. Впрочем, боюсь, что в любом случае толку будет мало. Как ты считаешь?

Динни, присевшая на край кресла, оперлась локтями о колени. Эта поза, как было известно сэру Лоренсу, не предвещала ничего доброго.

- Судя по моему сегодняшнему разговору с ним, дядя Лоренс, он принял твердое решение: либо Клер вернется к нему, либо он возложит вину за развод на нее.

- Как посмотрят на это твои родители?
- Крайне отрицательно.
- Тебе известно, что в дело замешан некий молодой человек?
- Да.
- У него за душой ничего нет.

Динни улыбнулась:

- Нас, Черрелов, этим не удивишь.
- Знаю. Но когда вдобавок не имеешь никакого положения - это уже серьезно. Корвен может потребовать возмещения ущерба; он, по-моему, мстительная натура.

- А вы уверены, что он решится на это? В наши дни такие вещи - дурной тон.

- Когда в человеке пробуждается зверь, ему не до хорошего тона. Ты, видимо, не сумеешь убедить Клер, что ей надо порвать с Крумом!

- Боюсь, что Клер никому не позволит указывать ей, с кем можно встречаться. Она утверждает, что вся вина за разрыв ложится на Джерри.

- Я за то, чтобы установить за ним наблюдение, - сказал сэр Лоренс, неторопливо выпуская кольца дыма, - собрать улики, если таковые найдутся, и открыть ответный огонь, но Клер такой план не по душе.

- Она убеждена, что он пойдет далеко, и не хочет портить ему карьеру. К тому же это мерзко.

Сэр Лоренс пожал плечами:

- А что же тогда остается? Закон есть закон. Постой, Корвен - член Бэртон-клуба. Что, если мне поймать его там и уговорить на время оставить Клер в покое, поскольку разлука, может быть, смягчит ее сердце?

Динни сдвинула брови:

- Попробовать, вероятно, стоит, но я не верю, что он уступит.

- А какую позицию займешь ты сама?

- Буду помогать Клер во всем, что бы она ни делала.

Сэр Лоренс кивнул. Он ждал такого ответа и получил его.

Х

То качество, которое с незапамятных времен делает государственных деятелей Англии тем, что они есть, которое побудило стольких адвокатов добиваться места в парламенте и стольких духовных лиц стремиться к епископскому сану, которое уберегло стольких финансистов от краха, стольких политиков от мыслей о завтрашнем дне и стольких судей от угрызений совести, было в немалой степени свойственно и Юстейсу Дорнфорду. Короче говоря, он обладал превосходным пищеварением и мог, не боясь последствий, есть и пить в любое время суток. Кроме того, он был неутомимым работником во всем, включая даже спорт, где ему помогал дополнительный запас нервной энергии, отличающий того, кто побеждает на состязаниях по прыжкам в длину, от того, кого на них побеждают. Поэтому за последние два года он стал королевским адвокатом, хотя практика у него отнюдь не всегда шла гладко, и был избран в парламент. Тем не менее к нему ни в коей мере не могло быть отнесено слово "карьерист". Его умное, пожалуй, даже чувствительное, красивое и слегка смуглое лицо со светло-кариими глазами становилось особенно приятным, когда он улыбался. У него были темные, коротко подстриженные усики и темные вьющиеся волосы, которых еще не успел испортить парик. После Оксфорда он начал готовиться к адвокатуре и поступил в контору известного знатока обычного права. Обер-офицер Шропширского

территориального кавалерийского полка, он после объявления войны добился перевода в регулярный полк, а вслед за тем угодил в окопы, где ему повезло больше, чем почти всем тем, кто туда попадал. Его адвокатская карьера после войны оказалась стремительной. Частные поверенные охотно обращались к нему. Он не давал сбить себя с толку ни одному судье и прекрасно справлялся с перекрестными допросами, потому что вел их с таким видом, словно сожалеет о том, что ему приходится снисходить до спора. Он был католик - скорее по воспитанию, чем по убеждениям. Наконец, он отличался сдержанностью во всем, ' что касалось пола, и его присутствие на обедах во время выездных сессий если и не пресекало вольные разговоры, то во всяком случае оказывало умеряющее воздействие на распущенные языки.

Он занимал в Харкорт Билдингс квартиру, удобную и как жилье и как место для занятий. Каждое утро в любую погоду он совершал раннюю верховую прогулку по Роу, причем успевал до нее часа два посидеть над своими делами. В десять утра, приняв ванну, позавтракав и просмотрев утреннюю газету, он отправлялся в суд. После четырех, когда присутствие закрывалось, он опять работал над делами до половины седьмого. Раньше вечера были у него свободны, но теперь он проводил их в парламенте и, так как редко ложился спать, не посвятив час-другой изучению того или иного дела, вынужден был сокращать время сна до шести, пяти, а то и четырех часов.

Обязанности, возложенные им на Клер, были простыми: она приходила без четверти десять, просматривала корреспонденцию и от десяти до четверти одиннадцатого выслушивала инструкции патрона. Затем оставалась столько, сколько было нужно, чтобы выполнить их, а в шесть являлась опять и получала новые указания или заканчивала то, что не успела сделать утром.

На другой день после описанного выше, в восемь пятнадцать вечера Дорнфорд вошел в гостиную на Маунт-стрит, поздоровался и был представлен Эдриену, которого пригласили снова. Они пустились в обсуждение курса фунта и других важных материй, как вдруг леди Монт изрекла:

- Суп. А куда вы дели Клер, мистер Дорнфорд?

Он с легким изумлением перевел на хозяйку взгляд, до сих пор прикованный к Динни:

- Она ушла из Темпла в половине шестого, сказав, что еще увидится со мной.

- Тогда идемте вниз, - распорядилась леди Монт.

Затем начался один из тех тягостных и так хорошо знакомых воспитанным людям часов, когда четверо присутствующих с тревогой думают о деле, в которое им нельзя посвящать пятого, а пятый замечает их тревогу.

Людей за столом сидело меньше, чем желательно в таких случаях, потому что любое слово одного могло быть услышано всеми. Юстейс Дорнфорд тоже был лишен возможности углубиться в конфиденциальный разговор; поэтому, едва лишь инстинкт подсказал ему, что, будучи единственным непосвященным, он того и гляди совершит какую-нибудь бестактность, он постарался свести беседу к наиболее общим темам, вроде вопроса о премьер-министре, о нераскрытых случаях отравления, о вентиляции палаты общин, о том, что там некуда сдать на хранение шляпу, и прочих предметах, повсеместно возбуждающих интерес. Но к концу обеда он так остро ощутил, насколько необходимо его сотрапезникам поделиться друг с другом вещами, которых ему не следует слышать, что сослался на деловой звонок по телефону и покинул столовую в сопровождении Блора.

Не успели они выйти, как Динни объявила:

- Тетя, он ее куда-нибудь заманил. Можно мне извиниться и съездить узнать, в чем дело?

- Лучше подожди, пока мы не кончим обедать, Динни, - возразил сэр Лоренс. - Две-три минуты не играют роли.

- А вам не кажется, что Дорнфорда следует ввести в курс событий? спросил Эдриен. - Клер ведь ежедневно является к нему.

- Я введу, - вызвался сэр Лоренс.

- Нет, - отрезала леди Монт. - Ему должна сказать Динни. Подожди его здесь, Динни, а мы пойдем наверх.

Позвонив по междугородному телефону человеку, которого, как заранее знал Дорнфорд, не было дома, и вернувшись в столовую, он застал там только поджидавшую его Динни. Она предложила ему сигареты и сказала:

- Извините нас; мистер Дорнфорд. Дело касается моей сестры. Курите, прошу вас. Вот кофе. Блор, не вызовете ли мне такси?

Они выпили кофе и подошли к камину. Динни отвернула лицо к огню и торопливо начала:

- Понимаете, Клер порвала с мужем, и он приехал, чтобы увезти ее обратно. Она не соглашается, и сейчас ей очень трудно.

Дорнфорд издал звук, напоминающий деликатное "гм!"

- Страшно рад, что вы мне сказали. За обедом я чувствовал себя очень

неловко.

- А теперь, простите, мне пора: я должна выяснить, что случилось.

- Позвольте поехать с вами?

- О, благодарю вас, но...

- Я был бы искренне рад.

Динни заколебалась. С одной стороны, лучшей помощи в беде и желать нечего; с другой... И она ответила:

- Весьма признательна, но боюсь, что сестра будет недовольна.

- Понятно. Если я понадобится, вам стоит только сообщить.

- Такси у подъезда, мисс.

- Как-нибудь я попрошу вас рассказать мне о разводе, - уронила, прощаясь, Динни.

В автомобиле она принялась ломать себе голову, что делать, если дверь не откроют, и как быть, если, войдя в дом, она застанет там Корвена. Девушка остановила машину на углу Мелтон-Мьюз.

- Подождите, пожалуйста, здесь. Я вернусь через несколько минут и скажу, нужны вы мне еще или нет.

Переулок, тихий, как заводь, был темен и неприветлив.

"Словно наша жизнь", - подумала Динни и потянула к себе изукрашенную ручку звонка. Послышалось одинокое позвякивание, затем все смолкло. Девушка дернула еще несколько раз, потом отошла от двери и взглянула на окна. Шторы, - она помнит, какие они плотные, - спущены, горит ли за ними свет - угадать невозможно. Она позвонила еще раз, затем прибегла к дверному молотку и прислушалась, затаив дыхание. Опять ни звука! Наконец, растерянная и встревоженная, она вернулась к машине и дала шоферу адрес "Бристоля": Клер говорила, что Корвен остановился в этом отеле. Конечно, исчезновение сестры можно объяснить хоть дюжиной причин, но почему Клер не предупредила их? Ведь в городе есть телефон. Половина одиннадцатого! Теперь та, наверно, уже позвонила.

Такси подкатило к отелю.

- Подождите, пожалуйста.

Девушка вошла в умеренно раззолоченный холл и нерешительно остановилась: для семейных сцен обстановка явно неподходящая.

- Что угодно мадам? - раздался рядом с ней голос мальчика-рассыльного.

- Не могли бы вы узнать, здесь ли мой зять сэр Джералд Корвен?

Что она скажет, если его вызовут? Она, взглянула в зеркало, где отражалась ее фигура в вечернем туалете, и удивилась, что стоит прямо; у нее было такое ощущение, будто она вся извивается и корчится. Но Джерри

не оказалось ни в номере, ни в общих помещениях. Динни вернулась к машине:

- Обрати на Маунт-стрит, пожалуйста.

Дорнфорд и Эдриен ушли, дядя и тетка играли в пикет.

- Ну что, Динни?

- Я не могла попасть в квартиру. В отеле его нет.

- Ты и там была?

- Да. Ничего другого мне в голову не пришло.

Сэр Лоренс поднялся:

- Пойду позвоню в Бэртон-клуб.

Динни подседа к тетке:

- Я чувствую, что с Клер что-то стряслось. Она всегда такая точная.

- Похищена или заперта, - объявила леди Монт. - В молодости я слышала об одной такой истории. Томсон или Уотсон, - словом, нечто похожее. Был ужасный шум. Habeas corpus или что-то в этом роде. Теперь мужьям тако'о не разрешают. Ну как, Лоренс?

- Он ушел из клуба в пять часов. Придется ждать до утра. Клер могла просто забыть, или у нее переменились планы на вечер.

- Но она же сказала мистеру Дорнфорду, что еще увидится с ним.

- Она увидится - завтра утром. Бесполезно ломать себе голову, Динни.

Динни поднялась в свою комнату, но раздеваться не стала. Сделала ли она все, что в ее силах? Ночь для ноября сравнительно светлая и теплая. До Мелтон-Мьюз, этой тихой заводи, каких-нибудь четверть мили. А что, если тихонько выбраться из дома и еще раз сходить туда?

Девушка сбросила вечернее платье, надела уличное, шляпу, шубку и прокралась по лестнице. В холле было темно. Она бесшумно отодвинула засов, вышла на улицу и направилась к Мьюз. Добралась до переулка, куда на ночь загнали несколько машин, и увидела свет в верхних окнах дома N 2. Они были открыты, шторы подняты. Динни позвонила.

Через несколько секунд Клер в халате открыла ей дверь:

- Динни, это ты звонила раньше?

- Нет.

- Жалею, что не могла впустить тебя. Идем наверх.

Клер первой поднялась по винтовой лесенке, Динни последовала за ней.

Наверху горел яркий свет и было тепло. Дверь крошечной туалетной распахнута, кушетка в беспорядке. Клер посмотрела на сестру вызывающими и несчастными глазами:

- Да. У меня был Джерри. Ушел всего минут десять назад.

Динни с ужасом почувствовала, как по спине у нее побежали мурашки.

- В конце концов он же приехал издалека, - продолжала Клер. - Как мило с твоей стороны, Динни, так беспокоиться обо мне!

- Девочка моя!..

- Он поджидал у дверей, когда я вернусь. Я, идиотка, впустила его, а потом... Впрочем, это пустяки. Я постараюсь, чтобы это не повторилось.

- Остаться мне с тобой?

- Нет, не надо. Но выпей чаю. Я как раз заварила. Динни, об этом никто не должен знать.

- Еще бы! Я скажу, что у тебя ужасно разболелась голова и ты не смогла выйти позвонить.

За чаем Динни спросила:

- Это не меняет твои планы?

- Бог с тобой! Конечно, нет!

- Дорнфорд был сегодня на Маунт-стрит. Мы решили, что самое лучшее рассказать ему, как трудно тебе сейчас приходится.

Клер кивнула:

- Скажи, тебе все это кажется очень смешным?

- Нет, трагичным.

Клер пожала плечами, затем поднялась и прижала к себе сестру. После молчаливого объятия Динни вышла в переулок, темный и пустынный в этот час. На углу, поворачивая к площади, она чуть не налетела на молодого человека.

- Мистер Крум?

- Мисс Черрел? Вы были у леди Корвен?

- Да.

- Там все в порядке?

Лицо у него было измученное, голос встревоженный. Прежде чем ответить, Динни глотнула воздух.

- Разумеется. Почему вы спрашиваете?

- Вчера вечером она сказала, что этот человек приехал сюда. Я страшно тревожусь.

"Что, если бы он встретил этого человека!" - мелькнуло в голове у Динни, но она невозмутимо предложила:

- Проводите меня до Маунт-стрит.

- Не стану от вас скрывать, - заговорил Крум. - Я с ума схожу по Клер. Да и кто бы не сошел? Мисс Черрел, по-моему, ей нельзя жить одной в этом доме. Она рассказывала, что он приходил вчера, когда вы были у нее.

- Да. Я увела его, как увожу вас. Я считаю, что мою сестру нужно

вообще оставить в покое.

Крум весь словно съежился.

- Вы были когда-нибудь влюблены?

- Была.

- Тогда вы понимаете, что это такое!

Да, она понимала.

- Не быть рядом, не знать, что с ней все в порядке, - настоящая пытка!

Она смотрит на вещи легко, но я не могу.

Легко смотрит на вещи! Ох, какое лицо было у Клер! И Динни не ответила.

- Пусть люди думают и говорят, что угодно, - внешне непоследовательно продолжал молодой человек. - Чувствуй они то же, что я, они бы просто не выдержали. Я не собираюсь быть навязчивым, честное слово, но мысль, что этот человек смеет ей угрожать, невыносима для меня.

Динни сделала над собой усилие и спокойно возразила:

- По-моему, Клер ничто не угрожает. Но может угрожать, если станет известно, что вы...

Он выдержал ее взгляд.

- Я рад, что вы рядом с ней. Ради бога, оберегайте ее, мисс Черрел!

Они дошли до угла Маунт-стрит. Девушка подала ему руку:

- Можете не сомневаться: я буду с Клер, что бы ни случилось. Спокойной ночи. И не унывайте.

Он стиснул ей руку и бросился прочь, словно дьявол гнал за ним по пятам. Динни вошла в холл и осторожно закрыла дверь на засов.

Какой тонкий лед под ногами! Девушка еле нашла в себе силы подняться по лестнице и, опустошенная, рухнула на постель.

XI

На другой день к вечеру, входя в Бэртон-клуб, сэра Лоренс Монт испытывал чувство, хорошо знакомое каждому, кто берет на себя заботу об устройстве чужих дел, - смесь неловкости; сознания своей значительности и желания удрать подальше от того, что предстоит. Баронет не знал, что он скажет Корвену, черт бы его побрал, и зачем он должен ему это говорить, если, по его, сэра Лоренса, мнению, самый разумный выход для Клер - еще раз попробовать начать семейную жизнь. Узнав от швейцара, что сэра Джералд в клубе, он осторожно заглянул в несколько комнат и в четвертой по счету, такой маленькой, что у нее могло быть только одно назначение служить для писания писем, обнаружил зверя, за которым охотился. Корвен сидел в углу, спиной к входу. Сэр Лоренс занял место за столиком, поближе к двери, чтобы разыграть удивление, когда Корвен будет выходить и

наткнется на него. Нет, этот тип сидит непозволительно долго! Сэр Лоренс увидел на столе "Справочник британского государственного деятеля" и от нечего делать перелистал раздел об английском импорте. Наткнулся на картофель: потребление - шестьдесят шесть с половиной миллионов тонн, производство - восемь миллионов восемьсот семьдесят четыре тысячи тонн. Где-то на днях он читал, что мы ежегодно ввозим свинины на сорок миллионов фунтов стерлингов. Сэр Лоренс взял листок бумаги и набросал:

"Ограничение ввоза и покровительственные пошлины на те продукты, которые можно производить самим. Годичный ввоз: свинины - на сорок миллионов фунтов, птицы, скажем, - на двенадцать, картофеля - бог его знает на сколько. Всю свинину, все яйца и добрых пятьдесят процентов картофеля производить у себя. Почему бы не составить пятилетний план? Уменьшать с помощью покровительственных пошлин ввоз свинины и яиц на одну пятую, ввоз картофеля - на одну десятую в год, постепенно заменяя привозную продукцию отечественной. К концу пятилетия перейти на свою свинину и яйца и наполовину на свой, английский картофель. Сэкономить, таким образом, восемьдесят миллионов на импорте и практически сбалансировать внешнюю торговлю".

Он взял второй лист бумаги и начал писать:

"Редактору "Тайме".

План грех "К".

Сэр,

Нижеследующий простой план сбалансирования нашей торговли заслуживает, по нашему мнению, внимания всех, кто предпочитает идти к цели кратчайшим путем. Есть три продукта питания, ввоз которых обходится нам в... фунтов ежегодно, но которые мы можем производить сами, причем, смею утверждать, это не повлечет за собой повышения стоимости жизни, если, конечно, мы примем элементарную меру предосторожности, повесив первого же, кто начнет ими спекулировать. Эти продукты суть картофель, яйца, свинина, для краткости именуемые нами тремя "К" (картофель, курица, кабан). Наш план не обременит бюджет, так как для осуществления его нужно только..."

Но в этот момент сэр Лоренс заметил, что Корвен направился к двери, и окликнул его:

- Хэлло!

Корвен обернулся и подошел.

Сэр Лоренс встал, уповая на то, что обнаруживает так же мало признаков замешательства, как и муж его племянницы.

- Жаль, что вы не застали меня, когда заходили к нам. Долго пробудете

в отпуске?

- Осталась всего неделя, а потом, видимо, придется лететь через Средиземное море.

- Ноябрь - нелетный месяц. Что вы думаете о нашем пассивном торговом балансе?

Джерри Корвен пожал плечами:

- Надо же людям чем-то заниматься. Наши никогда не видят дальше собственного носа.

- *Tiens! Une montagne?* [5] Помните карикатуру Каран д'Аша на Буллера под Ледисмитом? Нет, конечно, не помните: с тех пор прошло тридцать два года. Но национальный характер так быстро не меняется, верно? А как Цейлон? В Индию, надеюсь, не влюблен?

- В нас во всяком случае нет, но мы не огорчаемся.

- Клер, видимо, противопоказан тамошний климат.

Настороженное лицо Корвена по-прежнему слегка улыбалось.

- Жара - да, но сезон ее уже прошел.

- Увозите Клер с собой?

- Конечно,

- Разумно ли это?

- Оставляйте ее здесь еще неразумнее. Люди либо женаты, либо нет.

Сэр Лоренс перехватил взгляд собеседника и решил: "Не стану продолжать. Безнадежное дело. К тому же он бесспорно прав. Но держу пари..."

- Прошу прощения, - извинился Корвен. - Я должен отправить письма.

Он повернулся и вышел, подтянутый, уверенный в себе. "Гм! Нельзя сказать, чтобы наше объяснение прошло плодотворно", - подумал сэр Лоренс и опять сел за письмо в "Тайме".

- Надо раздобыть точные цифры. Поручу-ка я это Майклу... - пробормотал он, и мысли его вернулись к Корвену. В таких случаях всегда неясно, кто же действительно виноват. В конце концов неудачный брак - это неудачный брак, и тут уж ничто не поможет - ни похвальные намерения, ни мудрые советы. "Почему я не судья?" - посетовал сэр Лоренс. - Тогда я мог бы высказать свои взгляды. Судья Монт в своей речи заявил: "Пора предостеречь народ нашей страны от вступления в брак. Этот союз, вполне уместный во времена Виктории, следует заключать в наши дни лишь при условии явного отсутствия у обеих сторон сколько-нибудь выраженной индивидуальности..." Пойду-ка я домой к Эм".

Баронет промокнул давно уже сухое письмо в "Тайме" и вышел на темнеющую и тихую в этот час Пэл-Мэл. По дороге остановился на

СентДжеймс-стрит, заглянул в витрину своего виноторговца и стал соображать, как покрыть добавочные десять процентов налога, когда услышал возглас:

- Добрый вечер, сэр Лоренс.

Это был молодой человек по фамилии Крум.

Они вместе перешли через улицу.

- Хочу поблагодарить вас, сэр, за то, что вы поговорили насчет меня с мистером Масхемом. Сегодня я встретился с ним.

- Он вам понравился?

- Да. Он очень любезен. Разумеется, влить арабскую кровь в наших скаковых лошадей - это у него просто навязчивая идея.

- Он заметил, что вы так считаете?

Крум улыбнулся:

- Вряд ли. Но ведь наша лошадь много крупнее арабской.

- А все-таки затея Джека не лишена смысла. Его ошибка в другом - он надеется на быстрые результаты. В коннозаводстве все равно как в политике: люди не желают думать о будущем. Если начинание не приносит плодов к исходу пяти лет, от него отказываются. Джек сказал, что берет вас?

- Пока на испытательный срок. Я отправлюсь к нему на неделю, и он посмотрит, как я управляюсь с лошадьми. Сами матки придут не в Ройстон. Он нашел для них местечко в окрестностях Оксфорда, около Беблок-хайт. Там я и поселюсь около них, если окажется, что я ему подхожу. Но это уже весной.

- Джек - педант, - предупредил сэр Лоренс, когда они входили в "Кофейню". - Вам нужно это учесть.

Крум улыбнулся:

- Я уже догадался. У него на заводе образцовый порядок. На мое счастье, я действительно разбираюсь в лошадях и нашел, что сказать мистеру Масхему. Было бы замечательно снова оказаться при деле, а уж лучше такого я и желать не могу.

Сэр Лоренс улыбнулся: энтузиазм всегда был ему приятен.

- Вам следует познакомиться с моим сыном, - сказал он. - Тот тоже энтузиаст, несмотря на свои тридцать семь. Вы, наверно, будете жить в его избирательном округе. Хотя нет, не в нем, а где-то поблизости. Вероятно, в округе Дорнфорда. Между прочим, известно вам, что моя племянница - его секретарь?

Крум кивнул.

- Может быть, теперь, в связи с приездом Корвена, она бросит работу, -

заметил сэр Лоренс и пристально посмотрел молодому человеку в лицо.

Оно явственно помрачнело.

- Нет, не бросит. На Цейлон она не вернется.

Фраза была произнесена так отрывисто и мрачно, что сэр Лоренс объявил:

- Здесь я обычно взвешиваюсь.

Крум проследовал за ним к весам, как будто у него не хватало духу расстаться с собеседником. Он был пунцово-красен.

- Откуда у вас такая уверенность? - спросил сэр Лоренс, воссев на исторический стул.

Молодой человек стал еще краснее.

- Люди уезжают не для того, чтобы сейчас же возвратиться.

- Бывает, что и возвращаются. Жизнь - не скаковая лошадь, которая никуда не сворачивает от старта до финиша.

- Я случайно узнал, что леди Корвен решила не возвращаться, сэр.

Сэру Лоренсу стало ясно, что разговор дошел до такой точки, за которой чувство может возобладать над сдержанностью. Этот молодой человек влюблен-таки в Клер! Воспользоваться случаем и предостеречь его? Или человечнее не обратить внимания?

- Ровно одиннадцать стонов, - объявил баронет. - А вы прибавляете или убавляете, мистер Крум?

- Я держусь примерно на десяти стонах двенадцати фунтах.

Сэр Лоренс окинул глазами его худощавую фигуру:

- Да, сложены вы удачно. Просто удивительно, как брюшко омрачает жизнь! Вам, впрочем, можно до пятидесяти не беспокоиться.

- По-моему, сэр, у вас тоже для этого нет оснований.

- Серьезных - нет. Но я знал многих, у кого они были. А теперь мне пора идти. Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, сэр. Честное слово, я вам страшно благодарен.

- Не за что. Мой кузен Джек не прогадает, вы, если прислушаетесь к моему совету, - тоже.

- Я-то уж, конечно, нет! - искренне согласился Крум.

Они обменялись рукопожатием, и сэр Лоренс вышел на Сент-Джеймсстрит.

"Не понимаю, - рассуждал он про себя, - почему этот молодой человек производит на меня благоприятное впечатление? Он еще доставит нам немало хлопот. Я должен был бы ему сказать: "Не желай жены ближнего твоего". Но бог так устроил мир, что мы никогда не говорим того, что должны сказать". Интересно наблюдать за молодежью! Считается, что она

непочтительна к старикам и вообще, но, право, он, сэр Лоренс, этого не замечал. Современные молодые люди воспитаны ничуть не хуже, чем он сам был в их годы, а разговаривать с ними даже легче. Разумеется, никогда не угадаешь, что у них на уме, но так оно, наверно, и должно быть. Рано или поздно смиряешься с мыслью, - и сэр Лоренс поморщился, споткнувшись о камни, окаймлявшие тротуар на Пикадилли, - что старики годятся лишь на то, чтобы с них снимали мерку для гроба. *Tempora mutantur et nos mutamur in illis.* [6] Впрочем, так ли уж это верно? Его поколение отличается от нынешнего не больше, чем манера произносить латинские слова в дни его юности от того, как их произносят теперь. Молодежь - всегда молодежь, а старики - это старики; между ними всегда останутся расхождения и недоверие; старики всегда будут испытывать горячее, но нелепое желание думать и чувствовать, как молодежь, сетовать на то, что не могут так думать и чувствовать, а в глубине души сознавать, что, будь у них возможность начать жить сначала, они бы не воспользовались ею. И это милосердно по отношению к человеку! Когда он изнашивается, жизнь исподволь и мягко приучает его к летаргии. На каждом этапе существования ему отпущено ровно столько воли к жизни, сколько требуется, чтобы дотянуть до конца. Чудак Гете обрел бессмертие под мелодии Гуно благодаря тому, что раздул потухающую искру в яркое пламя. "Чушь! - подумал сэр Лоренс. - Типично немецкая чушь! Да неужели бы я, если бы даже мог, поменялся судьбой с этим мальчиком, чтобы вздохнуть, рыдать, украдкой предаваться восторгам и чахнуть от тоски? Ни за что! А поэтому хватит со стариков их старости. Когда же наконец полисмен остановит эти проклятые машины? Нет, практически ничто не изменилось. Шоферы ведут машины, повинуясь тому же ритму, в каком кучера омнибусов и кэбов погоняли своих спотыкающихся, скользящих по мостовой, гремевших копытами кляч. Молодые люди и девушки испытывают то же законное или незаконное влечение друг к другу.

Конечно, мостовые стали иными, и жаргон, которым выражаются эти юношеские желания, тоже иной, но, видит бог, правила движения по жизни остались неизменными: люди скользят друг мимо друга, сталкиваются, чудом не ломают себе шею, торжествуют и терпят поражение независимо от того, хорошие они или плохие. Нет, - думал сэр Лоренс, - пусть полиция издает циркуляры, священники пишут в газеты, судьи произносят речи, - человеческая природа идет своим путем, как шла в дни, когда у меня прорезался зуб мудрости".

Полисмен поменял местами свои белые рукава, сэр Лоренс перешел

через улицу и направился к Беркли-сквер. А вот здесь изрядные перемены! Аристократические особняки быстро исчезают. Лондон перестраивается - по частям, исподволь, как-то стыдливо, - словом, чисто по-английски. Эпоха монархов со всеми ее атрибутами, с феодализмом, с церковью ушла в прошлое. Теперь даже войны ведутся только из-за рынков и только самими народами. Это уже кое-что. "А ведь мы все больше уподобляемся насекомым, - думал сэр Лоренс. - Забавно все-таки: религия почти мертва, потому что практически больше никто не верит в загробную жизнь, но для нее уже нашелся заменитель - идеал служения, социального служения, символ веры муравьев и пчел! До сих пор социальное служение было уделом старинных семей, которые каким-то образом ухитрились понять, что они должны приносить какую-то пользу и тем самым оправдывать свое привилегированное положение. Выживет ли идеал социального служения теперь, когда они вымирают? Сумеет ли народ подхватить его? Что ж, кондуктор автобуса; приказчик в магазине, который лезет из кожи, подбирая вам носки нужной расцветки; женщина, которая присматривает за ребенком соседки или собирает на беспризорных; автомобилист, который останавливает свою машину и терпеливо ждет, пока вы не наладите вашу; почтальон, который благодарит вас за чаевые, и тот, безымянный, кто вытаскивает вас из воды, если видит, что вы в самом деле тонете, - все они в конце концов существуют, как и прежде. Требуется только одно - расклеить в автобусах лозунг: "Дышите свежим воздухом и упражняйте ваши лучшие склонности!" - заменив им призывы вроде "Пушки позорное преступление!" или "Тотализатор - тщетная трата тысяч!" Последний, кстати, напоминает мне, что нужно расспросить Динни об отношениях Клер с ее молодым человеком".

С этой мыслью он подошел к дверям своего дома и вставил ключ в замок.

XII

Хотя сэр Джералд Корвен держался по-прежнему уверенно, положение его, как и всякого мужа, вознамерившегося вновь сойтись с женой, было отнюдь не из легких, тем более что для осуществления этого замысла у него оставалась всего неделя. После его второго визита Клер держалась настороже. Назавтра же, в субботу, она с половины дня ушла из Темпла и поехала в Кондафорд, где постаралась не подавать виду, что ищет там убежища. В воскресенье утром она долго лежала в постели и через распахнутые окна смотрела на небо, раскинувшееся за высокими обнаженными вязами. Солнце светило ей в лицо, в мягком воздухе звучали голоса пробуждающегося утра щебетали птицы, мычала корова, изредка

раздавался хриплый крик грача, непрерывно ворковали голуби. Клер была лишена поэтической жилки, но покой и возможность беззаботно вытянуться в постели на миг приобщили к мировой симфонии даже ее. Сплетение нагих ветвей и одиноких листьев на подвижном фоне неяркого светло-золотого неба; грач, покачивающийся на суку; зеленыя и пары на склонах холмов, и линия роц вдалеке, и звуки, и чистый, светлый, ласкающий лицо воздух; щебечущая тишина, полная отъединенность каждого существа от остальных и беспредельная безмятежность пейзажа - все это отрешило ее от самой себя и растворило в мгновенном, как вспышка, слиянии со вселенной.

Но видение скоро исчезло, и она стала думать о вечере, проведенном в четверг с Тони Крумом, о грязном мальчугане у ресторанчика в Сохо, который так проникновенно убеждал: "Не забудьте бедного парня, леди! Не забудьте бедного парня!" Если бы Тони видел ее вечером в пятницу! Как мало общего между чувствами и обстоятельствами, как мало мы знаем о других, даже самых близких людях! У Клер вырвался короткий горький смешок. Поистине, неведение - благо!

В деревне на колокольне заблаговестили. Забавно, ее родители до сих пор ходят по воскресеньям в церковь, надеясь, видимо, на лучшее будущее. А может быть, просто хотят подать пример фермерам, - иначе церковь придет в запустение и ее переименуют в простую часовню. Как хорошо лежать в своей старой комнате, где тепло и безопасно, где в ногах у тебя свернулась собака и можно побездельничать! До следующей субботы ей, как лисице, которую травят, придется прятаться за каждым прикрытием. Клер стиснула зубы, как лисица, заметившая гончих. Он сказал, что должен уехать с ней или без нее. Что ж, пусть едет без нее!

Однако около четырех часов дня чувство безопасности разом покинуло ее: возвращаясь после прогулки с собаками, она увидела стоявшую около дома машину, а в холле ее встретила мать.

- Джерри в кабинете у отца.

- О!

- Пойдем ко мне, дорогая.

Комната леди Черрел, расположенная во втором этаже и примыкающая к спальне, носила на себе гораздо более явственный отпечаток ее личности, чем остальные помещения старого, словно вросшего в землю дома с его закоулками, полными реликвий и воспоминаний о былом. У этой серо-голубой гостиной, где пахло вербеной, было свое, хотя и поблекшее изящество. Она была выдержана в определенном стиле, тогда как все остальное здание представляло собой пустыню, усеянную обломками

прошлого, которые лишь изредка чередовались с маленькими оазисами современности.

Стоя перед камином, где тлели поленья, Клер вертела в руках одну из фарфоровых безделушек матери. Приезда Джерри она не предвидела. Теперь против нее все: традиции, условности, соображения комфорта; у нее лишь одно оружие для защиты, но обнажать его ей мерзко. Он выждала, пока мать не заговорит первая.

- Дорогая, ты ведь нам ничего не объяснила. Абсолютно ничего.

А как объяснить такие вещи той, кто смотрит такими глазами и говорит таким голосом? Клер вспыхнула, потом побледнела и выдавила:

- Могу сказать одно: в нем сидит животное. Он этого не показывает, но я-то знаю, мама.

Леди Черрел тоже покраснела, что было несколько странно для женщины, которой за пятьдесят.

- Мы с отцом сделаем все, чтобы помочь тебе, дорогая. Только помни, что сейчас очень важно не сделать ошибки.

- А так как я уже сделала одну, то от меня ждут и второй? Поверь, мама, я просто не в состоянии говорить об этом. Я не вернусь к нему, и конец.

Леди Черрел села, над ее серо-голубыми устремленными в пространство глазами обозначилась морщина. Затем она перевела их на дочь и нерешительно спросила:

- Ты уверена, что это не то животное, которое сидит почти в каждом мужчине?

Клер рассмеялась.

- Нет, не то. Я ведь не робкого десятка.

Леди Черрел вздохнула;

- Не расстраивайся, мамочка. Все образуется, лишь бы покончить с этим. В наше время таким вещам не придают значения.

- Говорят. Но мы придаем. Что поделаешь - застарелая привычка.

Клер уловила в голосе матери иронию и быстро добавила:

- Важно одно - не потерять уважения к себе. А с Джерри я его потеряю.

- Значит, говорить больше не о чем. Отец, наверно, позовет тебя. Пойди пока сними пальто.

Клер поцеловала мать и вышла. Внизу все было тихо, и она поднялась в свою комнату. Она чувствовала, что решимость ее окрепла. Времена, когда мужья распоряжались женами, как собственностью, давно миновали, и, что бы отец и Джерри ни придумали, она не отступит! И когда ее

позвали, она сошла вниз, твердая, как камень, и острая, как клинок.

Мужчины стояли в похожем на канцелярию кабинете отца, и Клер сразу увидела, что они уже обо всем договорились. Кивнув мужу, она подошла к отцу:

- Слушаю.

Первым заговорил Корвен:

- Прошу вас, скажите вы, сэр.

Морщинистое лицо генерала выразило огорчение и досаду, но он тут же взял себя в руки.

- Мы все обсудили, Клер. Джерри согласен, что ты во многом права, но дает мне слово больше тебя не оскорблять. Прошу тебя, попробуй понять его точку зрения. Он говорит, - и, по-моему, резонно, - что это даже не столько в его интересах, сколько в твоих. Может быть, теперь не те взгляды на брак, что в наше время, но вы в конце концов дали обет... и не говоря уже о нем...

- Я слушаю, - вставила Клер.

Генерал одной рукой пощипал усики, другую засунул в карман:

- Подумай, какая у вас обоих будет жизнь. Разводиться вам нельзя: тут и твое имя, и его положение, и... всего через полтора года. Что же остается? Раздельное жительство? Это нехорошо ни для тебя, ни для него.

- И все-таки для обоих это лучше, чем жить вместе.

Генерал взглянул на ее ожесточившееся лицо:

- Так ты говоришь сейчас, но у нас с ним опыта больше, чем у тебя.

- Я ждала, что рано или поздно ты мне это скажешь. Словом, ты хочешь, чтобы я уехала с ним?

Вид у генерала стал совсем несчастный.

- Ты знаешь, дорогая, что я хочу тебе только хорошего.

- А Джерри убедил тебя, что самое лучшее для меня - уехать с ним. Так вот - это самое худшее. Я с ним не поеду, и давай закончим разговор.

Генерал посмотрел сначала на нее, потом на зятя, пожал плечами и принялся набивать трубку.

Зрачки Джерри сузились, взгляд, перебежавший от отца к дочери, остановился на лице Клер. Они долго смотрели друг на друга: никто не хотел опустить глаза первым.

- Отлично, - процедил он наконец. - Я приму другие меры. До свиданья, генерал. До свиданья, Клер.

Он повернулся кругом и вышел.

В наступившей тишине раздалось отчетливое шуршание - автомобиль уехал. Генерал мрачно курил и смотрел в сторону. Клер подошла к окну. На

дворе темнело; теперь, миновав критическую точку, она ощущала полный упадок сил.

- Господи, да неужели я так ничего и не пойму в этой истории! - раздался голос ее отца.

Клер, по-прежнему стоя у окна, спросила:

- Он не рассказал, как попробовал на мне мой же хлыст для верховой езды?

- Что? - задохнулся генерал.

Клер круто обернулась:

- Да.

- На тебе?

- Да. Я ушла, конечно, по другим причинам, но это было последней каплей. Прости, что огорчаю тебя, папа.

- Боже!

Внезапно Клер осенило. Конкретный факт! Вот что нужно мужчине!

- Негодяй! - вспыхнул генерал. - Негодяй! Он уверял меня, что на днях провел у тебя целый вечер. Это правда?

Краска медленно залила щеки Клер.

- Он попросту вломился ко мне.

- Негодяй! - еще раз повторил генерал.

Когда Клер снова осталась одна, на душе у нее стало горько. Как неожиданно изменился ее отец, узнав об этой подробности с хлыстом! Он воспринял его как личную обиду, как оскорбление, нанесенное его собственной плоти и крови. Клер подозревала, что, если бы это случилось с дочерью другого человека, он остался бы невозмутим; она вспомнила, что он даже одобрял порку, которой Хьюберт подверг погонщика мулов и которая позже принесла им всем столько тревог. Как бесконечно много предвзятого и личного в людях! Они все воспринимают и оценивают, исходя из собственных предрассудков! Ну, полно. Самое худшее позади: теперь родители на ее стороне, а она уж постарается, чтобы Джерри больше не остался наедине с нею. Каким долгим взглядом он на нее посмотрел! Он из тех, кто умеет примиряться с проигрышем, потому что никогда не считает игру законченной. Его увлекает бытие в целом, а не отдельные его эпизоды. Он вскакивает жизни на спину, она выбрасывает его из седла, он поднимается и снова вскакивает на нее; если встречает препятствие, берет его и едет дальше, а на полученные царапины смотрит, как на неизбежное следствие повседневных усилий. Он околдовал Клер, растоптав на ходу ее душу и тело; теперь чары рассеялись, и она даже не знает, была ли околдована на самом деле. Что он собирается предпринять?

Ясно одно: он отыграется любой ценой.

XIII

При взгляде на ровный зеленый дерн Темпла, на его стройные деревья, каменные здания и зобастых голубей, вы приходите в восторг, который, однако, быстро остывает, как только вы представите себе однообразные кипы бумаг, перехваченные красной тесьмой, бесчисленных клерков, томящихся в тесных комнатках и посасывающих свой большой палец в ожидании стряпчих, тома в переплетах из телячьей кожи, содержащие такие подробные отчеты о делах, что, взглянув на них, легкомысленный человек начинает вздыхать и думать о кафе "Ройяль". Кто дерзнет отрицать, что Темпл представляет приют in exselsis [7] человеческому духу и в креслах - человеческой плоти; кто станет оспаривать, что, попадая в Темпл, люди отрешаются от человечности и оставляют ее у входа, как башмаки у врат мечети? Сюда ее не допускают даже во время торжественных приемов, поскольку мышление юриста должно быть свободно от всякой сентиментальности; поэтому на пригласительных билетах в порядке предосторожности указывается: "Просят быть при регалиях". Конечно, осенью, редкими солнечными утрами, обитатель Темпла, вероятно, чувствует то же замирание сердца, которые испытываешь, стоя на вершине горы, или слушая симфонию Брамса, или увидев первые весенние нарциссы; но, даже если это так, он быстро вспоминает, где находится, и берется за дело "Коллистер против Девердея, посредник Попдик".

Как ни странно, однако Юстейс Дорнфорд, человек, уже подходивший к середине своего земного пути, и в солнечную и в пасмурную погоду испытывал чувство, которое бывает, когда сидишь на низкой ограде, нежась в первых весенних лучах, и видишь, как из сада, полного апельсиновых деревьев и ранних цветов, к тебе выходит сама жизнь в образе женщины с картины Боттичелли. Говоря без лишних слов, он был влюблен в Динни. Каждое утро с появлением Клер он изнывал от желания бросить диктовать ей на парламентские темы и перевести разговор на ее сестру. Но, умея владеть собой и обладая к тому же чувством юмора, он не выходил из круга своих профессиональных обязанностей и только однажды осведомился у Клер, не пообедает ли она и ее сестра с ним в субботу здесь или в кафе "Ройяль".

- Здесь, пожалуй, будет оригинальнее.
- Пригласите, пожалуйста, четвертым кого-нибудь из знакомых мужчин.
- А почему вы сами не хотите, мистер Дорнфорд?
- У вас могут быть определенные планы на этот счет.

- Хорошо, позовем Тони Крума. Я ехала вместе с ним на пароходе. Он славный мальчик.

- Отлично. Итак, в субботу. Сестру тоже пригласите сами.

Клер не сказала ему: "Да она, наверно, за дверью", - потому что Динни действительно ждала сестру на лестнице. Всю неделю она заходила за Клер в половине седьмого вечера и провожала ее до Мелтон-Мьюз: различные случайности были еще не исключены, и сестры не хотели рисковать.

Выслушав приглашение, Динни призналась:

- Когда я вышла от тебя в тот вечер, я наткнулась на Тони Крума, и он проводил меня до Маунт-стрит.

- Ты не сказала ему, что у меня был Джерри?

- Разумеется, нет.

- Ему и без того тяжело. Он в самом деле славный, Динни.

- Я это сразу увидела. Поэтому мне хочется, чтобы он уехал из Лондона.

Клер улыбнулась:

- Он тут не засидится: мистер Масхем решил поручить ему своих арабских маток в Беблок-хайт.

- Как? Ведь Джек Масхем живет в Ройстоне.

- Для маток требуется отдельная конюшня и местность, где более мягкий климат.

Динни, с трудом отогнав воспоминания, спросила:

- Ну, дорогая, будем толкаться в подземке или возьмем для шика такси?

- Мне хочется подышать воздухом. Прогуляемся пешком?

- Конечно. Пойдем по набережной, а затем через парки.

Было холодно, и сестры шли быстро. Под звездным пологом тьмы эта обширная, залитая электрическим светом часть города казалась незабываемо прекрасной; даже на зданиях, контуры которых расплылись во мгле, лежал отпечаток величия.

- Ночной Лондон прекрасен, - вполголоса заметила Динни.

- Да. Но ложишься спать с красавицей, а встаешь с трактирщицей. Город - сплошной сгусток энергии, он - как муравейник, а чего ради люди суетятся!

- Это так тя'остно, как сказала бы тетя Эм.

- А все-таки, Динни, почему же люди суетятся?

- Потому что жизнь - мастерская, пытающаяся выпускать совершенные изделия: одно удаётся, миллион идет в брак.

- Есть ли смысл надрываться?

- Почему нет?
- А во что верить?
- В характер.
- Что ты понимаешь под этим словом?
- Характер - способ, каким мы выражаем наше стремление к совершенству и культивируем то лучшее, что живет в нас.
- Гм! - недоверчиво усмехнулась Клер. - А кто же решит, что во мне худшее и что лучшее?
- Хотя бы я, дорогая.
- Нет, я до всего этого еще не доросла.
Динни взяла сестру под руку:
- Ты старше меня, Клер.
- Нет, хотя, вероятно, опытнее. Но я еще не успокоилась и не познала себя. А покамест я нутром чувствую, что Джерри бродит около МелтонМьюз.
- Зайдем на Маунт-стрит, а потом отправимся в кино.
В холле Блор вручил Динни письмо:
- Заходил сэръ Джералд Корвен, мисс, и велел вам это передать.
Динни вскрыла конверт.
"Дорогая Динни,
Я покидаю Англию не в субботу, а завтра. Если Клер передумала, буду счастлив взять ее с собой. Если нет, пусть не надеется на мое долготерпение. Я оставил такую же записку у нее на квартире, но, не зная, где она, пишу для верности и вам. Она или ее письмо застанут меня завтра, в четверг, до трех часов в "Бристоле". После этого срока - *a la guerre comme a la guerre*. [8]
Глубоко сожалею, что все сложилось так нелепо, и желаю вам всего хорошего.
Искренне ваш
Джералд Корвен".
Динни прикусила губу.
- На, прочти!
Клер прочла письмо.
- Не пойду, и пусть делает, что хочет.
Когда сестры приводили себя в порядок в комнате Динни, туда вплыла леди Монт.
- А! Теперь и у меня есть новости, - объявила она. - Ваш дядя вторично виделся с Джерри Корвеном. Что ты решила насчет не'о, Клер?
Клер повернулась спиной к зеркалу; свет упал ей на щеки и губы,

которые она еще не успела подкрасить.

- Я никогда не вернусь к нему, тетя Эм.

- Можно присесть на твою кровать, Динни? Нико'да - дол'ий срок а тут еще этот... как е'о... мистер Крейвен. Я не сомневаюсь, Клер, что у тебя есть принципы, но ты слишком хорошенькая.

Клер перестала подводить губы:

- Вы очень добры, тетя Эм, но, честное слово, я знаю, что делаю.

- Очень успокоительно! Стоит мне это сказать себе, как я уже знаю, что наделаю глупостей.

- Если Клер обещает, она держит слово, тетя.

Леди Монт вздохнула.

- Я обещала моему отцу еще год не выходить замуж, а через семь месяцев подвернулся ваш дядя. Все'да кто-нибудь подвертывается.

Клер поправила волосы на затылке:

- Обещаю не выкидывать никаких фокусов в течение года. За это время я разберусь в себе и приму решение, а если нет, значит, никогда не приму.

Леди Монт погладила рукой одеяло:

- Перекрести себе сердце.

- Лучше не надо, - торопливо вмешалась Динни.

Клер приложила пальцы к груди:

- Я перекрещу то место, где ему полагается быть.

Леди Монт поднялась:

- Динни, ты не находишь, что ей следует переночевать у нас?

- Нахожу, тетя.

- То'да я распоряджусь. Цвет морской воды - действительно твой цвет, Динни. А у меня вот нет определенно'о. Так уверяет Лоренс.

- Нет, тетя, есть - черный с белым.

- Как у сорок или у герцо'а Портлендско'о. Я не была на Эскотских скачках с тех пор, как мы отдали Майкла в Уинчестер, - из экономии. К обеду будут Хилери и Мэй. Они без вечерних туалетов.

- Да, тетя, - неожиданно перебила ее Клер. - Дядя Хилери знает обо мне?

- Он вольнодумец, - изрекла леди Монт. - А я, как ты понимаешь, не могу не о'орчаться.

Клер встала:

- Поверьте, тетя Эм, Джерри скоро утешится: такие подолгу не переживают.

- Померьтесь-ка спинами. Так и думала - Динни на дюйм выше.

- Во мне пять футов пять дюймов, - сказала Клер. - Без туфель.

- Вот и хорошо. Ко'да будете готовы, идите вниз.

С этими словами леди Монт поплыла к двери, рассуждая вслух: "Соломонова печать - напомнить Босуэлу", - и вышла.

Динни снова подошла к камину и уставилась на пламя.

Голос Клер зазвенел у нее за спиной:

- Мне хочется петь от радости, Динни. Целый год полного отдыха от всего. Я довольна, что тетя Эм вырвала у меня обещание. Но какая она смешная!

- Нисколько. Она - самый мудрый член нашей семьи. Если принимать жизнь всерьез, из нее ничего не получается. Тетя Эм не принимает. Допускаю, что хочет, но просто не может.

- Но у нее ведь и нет настоящих забот.

- Кроме мужа, троих детей, кучи внучат, жизни на два дома, трех собак, пары одинаково бестолковых садовников, безденежья и двух страстей всех женить и вышивать по канве, - действительно никаких. К тому же она вечно боится потолстеть.

- Ну, в этом смысле у нее все в порядке. Динни, что мне делать с этими вихрами? Вот наказание! Подстричь их опять?

- Пускай себе растут. Кто его знает, может быть, локоны снова войдут в моду.

- Скажи, зачем женщины так заботятся о внешности? Чтобы нравиться мужчинам?

- Конечно, нет.

- Значит, просто назло и зависть друг другу?

- Больше всего в угоду моде. Женщины - сущие овцы в отношении своей внешности.

- А в вопросах морали?

- Да разве она у нас есть? А если и есть, так создана мужчинами. От природы нам даны только чувства.

- У меня их нет.

- Так ли?

Клер рассмеялась.

- По крайней мере, сейчас.

Она надела платье, и Динни заняла ее место у зеркала.

Викарий труппы приходского храма обедает не для того, чтобы изучать человеческую природу. Он ест. Хилери Черрел, который убил большую часть дня, включая и время еды, на выслушивание жалоб своей паствы, не делавшей запасов на завтра, потому что ей не хватало их на сегодня, поглощал предложенную ему вкусную пищу с нескрываемым

удовольствием. Если даже он знал, что молодая женщина, обвенчанная им с Джерри Корвенем, разорвала узы брака, то ничем этого не выдавал. Хотя Клер сидела с ним рядом, он ни разу не намекнул на ее семейные дела и распространялся исключительно о выборах, французском искусстве, лесных волках в Уипснейдском зоопарке и школьных зданиях нового типа с крышами, которыми в зависимости от погоды можно пользоваться, а можно и не пользоваться. Иногда по его длинному, морщинистому, решительному и пронизательно-добродушному лицу пробегала улыбка, словно он что-то обдумывал, но догадываться о предмете его размышлений позволяли только взгляды, которые он изредка бросал на Динни с таким видом, как будто хотел сказать: "Вот мы сейчас с тобой потолкуем".

Однако потолковать им не пришлось, потому что не успел он допить свой портвейн, как его вызвали по телефону к умирающему. Миссис Хилери ушла вместе с ним.

Сестры вместе с дядей и теткой сели за бридж и в одиннадцать удалились к себе наверх.

- Ты не забыла, что сегодня годовщина перемирия? - спросила

Клер, расхаживая по комнате.

- Нет.

- В одиннадцать утра я ехала в автобусе и заметила, что у многих какие-то странные лица. Вот уж не думала, что буду переживать это так остро. Мне ведь было всего десять, когда кончилась война.

- Я помню перемирие, потому что мама плакала, - отозвалась Динни. Тогда у нас в Кондафорде гостил дядя Хилери. Он сказал проповедь на стих: "И те служат, кто стоит и ждет".

- Люди служат лишь тогда, когда надеются что-то получить за службу.

- Многие всю жизнь трудятся тяжело, а получают мало.

- Да, ты права.

- А почему они так поступают?

- Динни, мне порой кажется, что ты в конце концов станешь богомолкой, если, конечно, не выйдешь замуж.

- "Иди в монастырь - и поскорее".

- Серьезно, дорогая, мне хочется, чтобы в тебе было побольше от Евы. По-моему, тебе пора уже быть матерью.

- С удовольствием, если врачи найдут способ становиться ею без всего, что этому предшествует.

- Ты зря убиваешь годы, дорогая. Стоит тебе пальцем шевельнуть, и старина Дорнфорд у твоих ног. Неужели он тебе не нравится?

- Он самый приятный мужчина из всех, виденных мною за последнее

время.

- "Бесстрастно молвила она и повернулась к двери". Поцелуй меня.
- Дорогая, - сказала Динни, - я уверена, что все образуется. Молиться я за тебя не стану, хотя ты и подозреваешь меня в склонности к такому занятию, но буду надеяться, что и твой корабль придет в гавань.

XIV

Второй экскурс Крума в историю Англии был первым для трех остальных участников устроенного Дорнфордом обеда, причем по странному стечению обстоятельств, которому он, видимо, и сам способствовал, молодой человек достал такие билеты в Друри Лейн, что сидеть пришлось по двое: Тони с Клер - в середине десятого ряда, Дорнфорду с Динни - в ложе против третьего.

- О чем вы задумались, мисс Черрел?
- О том, насколько изменились лица англичан по сравнению с тысяча девятисотым годом.
- Все дело в прическе. Лица на картинах, которым лет сто - полтораста, куда больше похожи на наши.
- Конечно, свисающие усы и шиньоны маскируют выражение лица. Но разве лица людей начала века что-нибудь выражали?
- Вы, надеюсь, не думаете, что во времена Виктории в людях было меньше характерного, чем теперь?
- Возможно, даже больше, но они его прятали. У них даже в одежде было столько лишнего: фраки, рубашки со стоячими воротничками, не галстуки, а целые шейные платки, турнюры, ботинки на пуговицах.
- Ноги у них были невыразительные, зато шеи - очень.
- Согласна, но только насчет женских. А посмотрите на их меблировку: кисти, бахрома, салфеточки, канделябры, колоссальные буфеты. Они играли в прятки со своим "я", мистер Дорнфорд.
- Но оно все-таки то и дело выглядывало, как маленький принц Эдуард из-под стола матери, когда он разделся под ним за обедом в Уиндзоре.
- Это был самый примечательный его поступок за всю жизнь.
- Не скажите. Его царствование - вторая Реставрация, только в более умеренной форме. При нем словно открылись шлюзы...
- Он уехал наконец. Клер?
- Да, благополучно уехал. Посмотрите на Дорнфорда. Он окончательно влюбился в Динни. Мне хочется, чтобы она ответила ему взаимностью.
- А почему бы ей не ответить?
- Милый юноша, у Динни было большое горе. Оно до сих пор не

забылось.

- Вот из кого получится замечательная свояченица!
- А вы хотите, чтобы она стала ею для вас?
- Господи, конечно! Еще бы не хотеть!
- Нравится вам Дорнфорд?
- Очень приятный человек и совсем не сухарь.
- Будь он врачом, он, наверно, замечательно ухаживал бы за больными.

Кстати, он католик.

- Это не повредило ему на выборах?
- Могло бы повредить, не окажись его конкурент атеистом, так что вышло одно на одно.

- Политика - страшно глупое занятие.
- А все-таки интересное.
- Раз Дорнфорд сумел шаг за шагом пробиться в адвокатуру, значит, он человек с головой.

- И с какой еще! Уверяю вас, он любую трудность встретит так же спокойно, как держится сегодня. Ужасно люблю его.

- Вот как!
- Тони, у меня и в мыслях не было вас дразнить.
- Мы с вами все равно что на пароходе: сидим бок о бок, а ближе все равно не становимся. Пойдемте курить.

- Публика возвращается. Приготовьтесь объяснить мне, в чем мораль второго акта. В первом я не усмотрела никакой.

- Подождите!
- Как это жутко! - глубоко вздохнула Динни. - Я еще не забыла гибель "Титаника". Ужасно, что мир устроен так расточительно!

- Вы правы.
- Расточается все: и людские жизни, и любовь.
- Вы против такой расточительности?
- Да.
- А вам не очень неприятно об этом говорить?
- Нет.
- Не думаю, что ваша сестра расточит себя напрасно. Она слишком любит жизнь.

- Да, но она взята в клещи.
- Она из них выскользнет.
- Мне нестерпимо думать, что ее жизнь может пойти прахом. Нет ли в законе какой-нибудь лазейки, мистер Дорнфорд? Я хочу сказать - нельзя ли развестись без огласки?

- Если муж даст повод, ее почти не будет.

- Не даст. Он человек мстительный.

- Понятно. Боюсь, что тогда остается одно - ждать. Такие конфликты со временем разрешаются сами по себе. Конечно, предполагается, что мы, католики, отрицаем развод. Но когда чувствуешь, что для него есть основания...

- Клер только двадцать четыре. Она не может всю жизнь оставаться одна.

- А вы намерены оставаться?

- Я - другое дело.

- Да, вы не похожи на сестру, но если и вы расточите свою жизнь, будет еще хуже. Настолько же хуже, насколько обидней терять погожий день зимой, чем летом.

- Занавес поднимается...

- Странно! - призналась Клер. - Глядя на них, я все время думала, что их любви хватило бы ненадолго. Они жгли ее с двух концов, как свечку.

- Боже мой, будь мы с вами на этом пароходе...

- Вы очень молоды. Тони.

- Я старше вас на два года.

- И все равно моложе на десять.

- Клер, вы вправду не верите, что можно любить долго?

- Если вы имеете в виду страсть, - не верю. Вслед за ней, как правило, сразу же наступает конец. Конечно, для парочки с "Титаника" он наступил рановато. И какой - холодная бездна! Бр-р!

- Я подам пальто.

- Не скажу, чтобы я была в таком уж восторге от пьесы, Тони. Она выворачивает человека наизнанку, а я не испытываю ни малейшего желания выворачиваться.

- Мне тоже пьеса куда больше понравилась в первый раз.

- Весьма признательна!

- Она и задевает тебя и проходит мимо. Самое лучшее в ней то, что относится к войне.

- После этого спектакля мне что-то расхотелось жить.

- Он слишком сатиричен.

- Герои словно издеваются над собой. Удручающее зрелище, - слишком похоже на нас самих.

- Зря мы не пошли в кино. Там я хоть подержал бы вас за руку.

- Дорнфорд смотрит на Динни так, словно она мадонна будущего, а он хочет сделать из нее мадонну прошлого.

- Верно.

- Лицо у него в самом деле приятное. Интересно, понравилась ли ему та часть пьесы, которая посвящена войне? Внимание, занавес! Началось.

Динни сидела, закрыв глаза, чувствуя на щеках горячую влагу.

- Никогда бы она так не сделала, - хрипло сказала она. - Не стала бы ни размахивать флагом, ни кричать ура. Никогда в жизни! С толпой, может быть, смешалась бы, но так - никогда.

- Конечно, нет. Это просто сценический эффект. Жаль, потому что в целом акт превосходный. Очень удался.

- А эти несчастные нарумяненные девчонки с их песенкой! Вы заметили чем они несчастней, тем больше нарумянены. А как солдаты насвистывают "Типпеоери"! Страшная, должно быть, вещь война!

- Человек на ней как бы пребывает в исступлении.

- И подолгу?

- В известном смысле - всегда. Вы находите это отвратительным?

- Не берусь судить о чужих переживаниях. Впрочем, брат тоже рассказывал мне кое-что похожее.

- То, что мы испытывали, не похоже на боевой пыл. Можете мне поверить - я ведь по характеру совсем не солдат. Но что там ни говори, война самое большое событие в жизни человека. Это давно уже стало прописной истиной.

- Вы и теперь в нее верите?

- До сих пор верил. Но... Я должен вам сказать, пока есть возможность. Я люблю вас, Динни. Мы ничего не знаем друг о друге, но это неважно. Я полюбил вас, как только встретил, и люблю все сильнее. Я не жду ответа, я только прошу вас помнить об этом и...

Клер пожала плечами:

- Неужели люди на самом деле вели себя так в день перемирия? Тони, неужели они...

- Что?

- Действительно так себя вели?

- Не знаю.

- Где вы были тогда?

- В Веллингтоне. Только что поступил. Моего отца убили на войне.

- Моего тоже могли убить. И брата! Но все равно так нельзя. Динни говорит, что мама плакала, когда объявили перемирие.

- Моя, наверно, тоже.

- Больше всего мне понравилась сцена между сыном и девушкой. Но в целом пьеса отнимает слишком много нервов. Пойдемте, я хочу курить.

Нет, лучше останемся. Здесь того и гляди встретишь знакомых.

- Черт бы их побрал!

- Я пришла сюда с вами, и это самое большее, что я могу для вас сделать. Я ведь торжественно обещала целый год блюсти приличия. Ну, не надо огорчаться. Мы будем часто видеться...

- "Величие, достоинство, мир!" - повторила Динни, вставая. - Помоему, достоинство - это самое важное.

- Во всяком случае, самое труднодостижимое.

- Ах, как эта женщина пела в ночном клубе! И небо - все в рекламах! Я страшно благодарна вам, мистер Дорнфорд. Я долго буду помнить сегодняшней спектакль.

- А то, что я вам сказал?

- Вы очень добры, но алоэ цветет лишь один раз в столетие.

- Я умею ждать. Для меня вечер был чудесный.

- А где же наши?

- Наверно, ждут нас в вестибюле.

- Как по-вашему, были когда-нибудь величие, достоинство и мир уделом Англии?

- Нет.

- Но ведь "высится где-то зеленый холм вдали от стены городской"!.. Благодарю вас... Я ношу это пальто уже три года.

- Оно прелестно.

- По-видимому, теперь почти вся публика отправится в ночные клубы.

- Процентом пять, не больше.

- Сейчас мне хочется одного - подышать родным воздухом и долгодолго смотреть на звезды.

Клер отвернула голову:

- Нельзя, Тони.

- Ну, почему?

- Вы и так провели со мной целый вечер.

- Разрешите хоть проводить вас.

- Нельзя, дорогой. Пожмите мне мизинец и возьмите себя в руки.

- Клер!

- Смотрите, вон они, как раз перед нами. А теперь исчезайте. Пойдите в клуб, выпейте глоток чего-нибудь, и пусть вам ночью снятся лошади.

Ну, довольно! И так уж чересчур крепко. Спокойной ночи, милый Тони.

- О господи! Спокойной ночи!

XV

Время принято сравнивать с рекой, но оно отличается от нее, - через

его мутный, неиссякаемый и бесконечный, как вселенная, поток нельзя перебраться ни вброд, ни по мосту, и, хотя философы уверяют, что он может течь и вперед и вспять, календарь упорно регистрирует лишь одно направление.

Поэтому ноябрь сменился декабрем, но на смену декабрю не пришел ноябрь. За исключением нескольких кратких похолоданий погода стояла мягкая. Безработица сократилась, пассив торгового баланса возрос; люди гнались сразу за десятью зайцами, но ловили в лучшем случае одного; газеты трепетали от бурь в стаканах воды; большая часть подоходного налога была выплачена, но еще большая - нет; все по-прежнему ломали Себе голову над вопросом, почему пришел конец процветанию; фунт то поднимался, то падал. Короче говоря, время текло, а загадка бытия оставалась неразрешенной.

В Кондафорде забыли о проекте пекарни. Каждое пенни, которое удавалось отложить, вкладывалось в кур, кабанов и картофель. Сэр Лоренс И Майкл так увлеклись планом трех "К", что их вера в него заразила и Динни. Она с генералом целыми днями готовилась к встрече золотого века, который воспоследует, как только план трех "К" будет принят. Юстейс Дорнфорд обещал поддержать его в палате. Были подобраны цифры, имевшие целью доказать, что через десять лет Британия сможет экономить на импорте до ста миллионов ежегодно за счет постепенного сокращения ввоза трех вышеупомянутых пищевых продуктов, причем это не повлечет за собой удорожания жизни. При условии принятия кое-каких организационных мер, отказа британцев от некоторых привычек и увеличения производства отрубей успех не вызывает сомнений. А пока что генерал признавал денег под свой страховой полис и уплатил налоги.

Новый член парламента, который объезжал свой избирательный округ, встретил рождество в Кондафорде и говорил там исключительно о свиноводстве, так как инстинкт подсказывал ему, что это сейчас вернейший путь к сердцу Динни. Клер также провела рождество дома. Никто не спрашивал ее, на что она тратит время, свободное от секретарских обязанностей. Об этом можно было только догадываться. Джерри Корвен писем не слал, но из газет было известно, что он вернулся на Цейлон. В дни, отделяющие рождество от Нового года, жилая часть старого дома переполнилась до отказа: приехали Хилери с женой и дочерью Моникой, Эдриен и Диана с Шейлой и Роналдом, которые оправились после кори. Семейство Черрелов давно уже не собиралось в таком полном составе. В канун Нового года к завтраку прибыли даже сэр Лайонел и леди Элисон. Все были убеждены, что при таком подавляющем консервативном

большинстве 1932 год станет важной вехой в истории страны.

Динни сбилась с ног. Теперь она была меньше поглощена воспоминаниями о прошлом, хотя ничем не обнаруживала этого. Она в такой мере являлась душой и жизненным центром собравшегося общества, что никто не додумался задать себе вопрос, есть ли у нее своя собственная жизнь. Дорнфорд внимательно присматривался к ней. Что скрывается за этим неустанным и радостным самопожертвованием? Его любопытство зашло так далеко, что он решился расспросить Эдриена, которого, как представлялось Дорнфорду, она любила больше остальных родственников.

- На вашей племяннице держится весь дом, мистер Черрел.

- Вы правы. Динни - чудо.

- Она думает когда-нибудь о себе?

Эдриен украдкой взглянул на собеседника. Темные волосы, симпатичное лицо - немного смуглое, худощавое, кареглазое, пожалуй, слишком чуткое для юриста и политика. Однако едва лишь речь заходила о Динни, Эдриен настораживался, как овчарка; поэтому и сейчас он ответил сдержанно:

- По-моему, да, но лишь столько, сколько нужно, - немного.

- Иногда мне кажется, будто она пережила что-то очень тяжелое.

Эдриен пожал плечами:

- Ей двадцать семь.

- Вы необычайно меня обяжете, рассказав - что. Поверьте, это не праздное любопытство. Я... я люблю Динни и страшно боюсь причинить ей боль, разбередив по неведению ее рану.

Эдриен сделал такую глубокую затяжку, что в трубке засипело.

- Если ваши намерения серьезны...

- Безусловно.

- Что ж, постараюсь уберечь ее от нескольких тяжелых минут. Так вот, в позапрошлом году она очень сильно любила одного человека, но все кончилось трагически.

- Его смертью?

- Нет. Я не могу входить в подробности, но этот человек совершил нечто такое, что поставило его, так сказать, вне общества. По крайней мере он сам так думал. Не желая впутывать Динни в историю, он расторг помолвку и уехал на Дальний Восток. Разрыв был окончательным. Динни об этом не вспоминает, но, боюсь, никогда не забудет.

- Понятно. Я глубоко вам благодарен. Вы оказали мне огромную услугу.

- Сожалею, если огорчил вас, - ответил Эдриен, - но, по-моему, самое

лучшее - вовремя открыть человеку глаза.

- Бесспорно.

Посасывая трубку, Эдриен искоса поглядывал на молчаливого собеседника. На задумчивом лице Дорнфорда читались не растерянность и боль, а скорее глубокая озабоченность будущим. "Он ближе всех к идеалу мужа, которого я желал бы ей, - чуткого, уравновешенного, удачливого, - размышлял Эдриен. - Но жизнь чертовски сложная штука!"

- Она очень непохожа на свою сестру, - произнес он наконец вслух.

Дорнфорд улыбнулся:

- Она - смесь прошлого и современности.

- Однако Клер тоже очень милая девушка.

- О да, у нее масса достоинств.

- Они обе с характером. Как Клер справляется с работой?

- Превосходно: быстро схватывает, память отличная, большое savoirfaire [9].

- Жаль, что она сейчас в таком положении. Я не знаю, почему разладилась ее семейная жизнь, но сомневаюсь, чтобы ее можно было наладить.

- Я никогда не встречался с Корвеном.

- С ним приятно встречаться, пока к нему не присмотришься, - в нем есть что-то жестокое.

- Динни утверждает, что он мстителен.

- Похоже, что так. Скверное свойство, особенно когда встает вопрос о разводе. Но надеюсь, до него не дойдет, - грязное это дело, да и страдает чаще всего невинный. Не помню, чтобы у нас в семье кто-нибудь разводился.

- У нас тоже, но мы ведь католики.

- Не считаете ли вы, исходя из вашей судебной практики, что нравственный уровень англичан понижается?

- Нет. Скорей даже повышается.

- Оно и понятно: мораль стала менее строгой.

- Нет, просто люди стали откровеннее, - это не одно и то же.

- Во всяком случае вы, адвокаты и судьи, - исключительно нравственные люди, - заметил Эдриен.

- Вот как? Откуда вы это знаете?

- Из газет.

Дорнфорд рассмеялся.

- Ну что ж, - сказал Эдриен, поднимаясь, - сыграем партию на бильярде?..

В понедельник, встретив Новый год, гости разъехались. Часа в четыре Динни ушла к себе, прилегла на кровать и заснула. Тусклый день угасал, сумерки постепенно заполняли комнату. Девушке снилось, что, она стоит на берегу реки. Уилфрид держит ее за руку, показывает на противоположный берег и говорит: "Еще одну реку, переплывем еще одну реку!" Рука об руку они спускаются с берега, входят в воду, и Динни разом погружается во мрак. Она больше не чувствует руки Уилфрида и в ужасе кричит. Дно ускользает у нее из-под ног, течение подхватывает ее, она тщательно пытается найти руками точку опоры, а голос Уилфрида раздается все дальше и дальше от нее: "Еще одну реку, еще одну реку..." - и наконец замирает, как вздох. Динни проснулась в холодном поту. За окном нависало темное небо, верхушка вяза задевала за звезды. Ни звука, ни запаха, ни проблеска. Девушка лежала не шевелясь и стараясь дышать поглубже, чтобы справиться с испугом. Давно она не ощущала Уилфрида так близко, не испытывала такого мучительного чувства утраты.

Она поднялась, умылась холодной водой и встала у окна, всматриваясь в звездную тьму и все еще дрожа от пережитой во сне боли. "Еще одну реку!..."

В дверь постучали.

- Кто там?

- Мисс Динни, пришли от старой миссис Парди. Говорят, она помирает. Доктор уже там, но...

- Бетти? Мама знает?

- Да, мисс, она сейчас туда идет.

- Нет, пойду я сама. Не пускайте ее, Энни.

- Слушаю, мисс. У старушки последний приступ. Сиделка велела передать, что сделать ничего нельзя. Зажечь свет, мисс?

- Да, включите.

Слава богу, наконец-то хоть электричество удалось провести!

- Налейте в эту фляжку бренди и поставьте в холле мои резиновые ботики. Я буду внизу через две минуты.

Девушка натянула свитер и меховую шапочку, схватила свою кротовую шубку и побежала вниз, лишь на секунду задержавшись у двери в гостиную матери - сказать, что уходит. В холле она надела ботики, взяла наполненную фляжку и вышла. Ночь была непроглядная, но для января сравнительно теплая. Дорога обледенела, и, так как Динни не захватила с собой фонарь, у нее ушло на полмили чуть ли не четверть часа. Перед коттеджем стояла машина доктора с включенными фарами. Динни толкнула дверь и вошла в дом. Горела свеча, в камельке теплился огонек, но

в уютной комнате, где обычно бывалолюдно, не осталось никого, кроме щегла в просторной клетке. Девушка распахнула тонкую дощатую дверь, ведущую на лестницу, и поднялась наверх. Осторожно приоткрыла жиденькую верхнюю дверь и заглянула в комнату. Прямо напротив, на подоконнике, горела лампа, вырывая из мрака часть низкой комнатки и просевшего потолка. В ногах двуспальной кровати стоял доктор и шепотом разговаривал с сиделкой. В углу у окна Динни разглядела съездившегося на стуле старичка - мужа умирающей. Руки его лежали на коленях; морщинистые, темно-красные, как вишня, щеки подергивались. Старая хозяйка коттеджа полулежала на старой кровати, лицо у нее было восковое, и Динни казалось, что морщины на нем разгладились. С губ ее слетало слабое прерывистое дыхание. Веки были опущены только до половины, но глаза уже ничего не видели.

Врач подошел к двери.

- Наркоз, - сказал он. - Думаю, что не придет в сознание. Что ж, так ей, бедняжке, легче! Если очнется, сестра повторит впрыскивание. Единственное, что нам остается, - это облегчить ей конец.

- Я побуду здесь, - сказала Динни.

Доктор взял ее за руку:

- Не убивайтесь, дорогая. Смерть будет легкая.

- Бедный старый Бенджи! - прошептала Динни.

Доктор пожал ей руку и спустился по лестнице.

Динни вошла в комнату, неплотно притворив за собой дверь, - воздух был тяжелый.

- Сестра, если вам нужно отлучиться, я посижу.

Сиделка кивнула. В опрятном синем платье и чепце она выглядела бы совсем бесстрастной, если бы не нахмуренное лицо. Они постояли бок о бок, глядя на восковые черты старушки.

- Теперь мало таких, - неожиданно прошептала сиделка. - Ну, я пойду, захвачу кое-что необходимое и вернусь через полчаса. Присядьте, мисс Черрел, не утомляйтесь зря.

Когда она удалилась, Динни подошла к старичку, сидевшему в углу:

- Бенджи!

Он качал круглой головкой, потирая лежавшие на коленях руки. У Динни не повернулся язык сказать ему ободряющие слова. Она погладила его по плечу, вернулась к постели и придвинула к ней единственный жесткий деревянный стул. Потом села, молча следя за губами старой Бетти, с которых слетало слабое прерывистое дыхание. Девушке казалось, что вместе со старушкой умирает дух минувшего века. В деревне, вероятно,

были другие люди того же возраста, что старая Бетти, но они сильно отличались от нее: у них не было ее здравого смысла и бережливой любви к порядку; начитанности в библии и преданности господам; гордости тем, что в восемьдесят три года у нее еще свежа память и целы зубы, с которыми ей давно уж полагалось бы расстаться, и особой манеры обращаться с мужем так, будто он не старик, а непослушный ребенок. Бедный старый Бенджи! Он, конечно, никогда не был жене ровней, но как он теперь останется один - трудно себе представить. Видимо, найдет пристанище у одной из внучек. В то доброе старое время, когда шиллинг стоил столько же, сколько теперь стоят три, чета Парди произвела на свет семерых детей, и деревня кишела их потомством. Но уживутся ли внуки с этим маленьким старичком, вечным спорщиком, ворчуном и любителем пропустить стаканчик? Найдет ли он себе место у их более современных очагов? Что ж, уголок для него, конечно, подыщут. Здесь ему в одиночку не прожить. Два пособия по старости для двух стариков и одно для одного - это разные вещи.

"Ах, почему у меня нет денег!" - подумала девушка. Щегол ему теперь, разумеется, не нужен. Она возьмет его с собой, поместит в старой теплице, а клетку выбросит: она будет кормить Голди, пока он снова не приучится летать, а потом выпустит его на волю.

Старичок, прочищая глотку, кашлянул в своем темном уголке. Динни, спохватившись, наклонилась над кроватью: она так глубоко задумалась, что не заметила, как ослабело дыхание старушки. Бескровные губы Бетти поджались, морщинистые веки почти совсем закрыли незрячие глаза. С постели не доносилось ни звука. Девушка посидела несколько минут, не шевелясь, глядя на умирающую и прислушиваясь; затем встала, подошла к кровати сбоку и склонилась над ней.

Мертва? Словно в ответ веки Бетти дрогнули, на губах мелькнула почти неуловимая улыбка, и разом, как задутое ветром пламя, жизнь покинула тело. Динни задержала дыхание. Она впервые присутствовала при кончине человека. Ее глаза, прикованные к восковому лицу старушки, увидели, как на нем появилось выражение отрешенности, как оно преисполнилось того незыблемого достоинства, которое отличает смерть от жизни. Девушка пальцем расправила покойнице веки.

Смерть! Пусть спокойная, пусть безболезненная, и все-таки смерть! Древнее всеутоляющее средство, общий жребий! Под этим низким просевшим потолком, на этой кровати, в которой больше полувека подряд Бетти проводила ночи, только что отошла маленькая старушка с большою душой. У нее не было того, что принято называть знатностью, положением,

богатством, властью. Жизнь ее не осложнялась ни образованием, ни погоней за модой. Она рожала, нянчила, кормила и обмывала детей, шила, готовила, убирала, ела скудно, за всю жизнь ни разу никуда не съездила, много мучилась, не знала ни довольства, ни избытка, но держала голову высоко, шла прямой дорогой, взгляд ее был спокоен, а сердце приветливо. Если уж она не большой человек, значит, больших людей не бывает.

Динни стояла, опустив голову, до глубины души потрясенная этими мыслями. Старый Бенджи в своем темном уголке снова прочистил себе глотку. Динни опомнилась и, слегка дрожа, подошла к нему:

- Пойдите к ней, Бенджи. Она уснула.

Она взяла старика под руку и помогла ему встать, так как колени у него одеревенели. Даже выпрямившись, этот иссохший человечек был девушке почти по плечо. Поддерживая Бенджи, Динни помогла ему пересечь комнату.

Они стояли бок о бок и смотрели на покойницу, лоб и щеки которой постепенно приобретали странную красоту смерти. Лицо старичка стало малиновым; он надулся, как ребенок, потерявший игрушку, и сердито проскрипел:

- Э, да она не спит. Она померла. Она уже больше словечка не скажет. Посмотрите-ка сами! Нет больше матери... А сиделка где? Кто ей разрешал уходить?

- Тс-с, Бенджи!

- Да она же померла. Что мне-то теперь делать?

Он повернул к Динни свое сморщенное, как печеное яблоко, личико, и на нее повеяло запахом горя, немытого тела, табака и лежалой картошки.

- Не могу я тут оставаться, раз с матерью такое, - проворчал он. - Не годится так!

- И не надо! Пойдите вниз, выкурите трубку и скажите сиделке, когда та вернется.

- Что еще ей говорить? Я ей скажу - зачем ушла. О господи, господи!

Обняв старика рукой за плечо, Динни проводила его до лестницы и подождала, пока он, спотыкаясь, хватаясь за стену и охая, не спустился вниз. Затем вернулась к постели. Разгладившееся лицо покойницы неотразимо притягивало к себе девушку. С каждой минутой оно все более облагораживалось. Печать лет и страданий постепенно стиралась с него, оно выглядело почти торжествующим и в этот краткий промежуток между жизненной мукой и смертным тлением раскрывало истинный облик усопшей. "Чистое золото!" - вот какие слова нужно высечь на ее скромном надгробии. Где бы она ни была теперь, - пусть даже нигде, - неважно: она

выполнила свой долг. Прощай, Бетти!

Когда сиделка вернулась, девушка все еще стояла и всматривалась в лицо умершей.

XVI

После отъезда мужа Клер постоянно встречалась с Тони Крумом, но упорно держала его на расстоянии вытянутой руки. Влюбленность сделала его необщительным, да и показываться с ним на людях было бы неосторожно; поэтому Клер не знакомила его со своими друзьями, и молодые люди назначали друг другу свидания в дешевых ресторанах, ходили в кино или просто гуляли. Домой к себе она его снова не приглашала, а он не набивался в гости. Его поведение можно было бы назвать поистине безупречным, если бы он иногда не умолкал в самый неподходящий момент, так напряженно глядя на Клер, что у нее чесались руки встряхнуть его за плечи. Он, повидимому, неоднократно ездил на конский завод Джека Масхема и просиживал долгие часы над книгами, трактующими о том, обязан ли Эклипс своими редкостными статьями Листеру Турецкому или Дарли Арабскому и предпочтительнее ли слушать потомков Блеклока с мужскими, нежели с женскими отпрысками Сен-Симона и Ласточки.

Приехав из Кондафорда после встречи Нового года, Клер целых пять дней не получала от Тони никаких известий, вследствие чего он занял в ее мыслях гораздо большее место, чем раньше, и она написала ему на адрес "Кофейни":

"Дорогой Тони,

Где вы и что с вами? Я вернулась. Желаю вам счастья в Новом году.

Всегда ваша

Клеро.

Ответ прибыл только через три дня, в течение которых она сначала ощутила досаду, потом забеспокоилась и, наконец, немножко струхнула. Письмо было помечено беклок-хайтской гостиницей.

"Клер, дорогая,

Ваша записка меня страшно порадовала, потому что я решил не писать

Вам, пока не получу от Вас весточки; мне меньше всего на свете хочется докучать Вам своей персоной, а я иногда побаиваюсь, что так получается. У меня все хорошо - настолько, насколько может быть хорошо тому, кто не видит Вас. Присматриваю за оборудованием конюшен для маток. Они (конюшни) выйдут первоклассными. Главная трудность - акклиматизация. Впрочем, предполагается, что климат здесь довольно мягкий, пастбища тоже, кажется, на славу. Местность тут красивая,

особенно река. Жизнь в гостинице, слава богу, недорогая, а я могу сидеть на яичнице с ветчиной хоть до скончания века. Джек Масхем - замечательный парень: он назначил мне жалованье с Нового года, так что я подумываю, не выложить ли оставшиеся у меня шестьдесят с чем-то фунтов за старую двухместную машину Стейплтона, который уехал в Индию. Раз я осяду здесь, мне без машины просто зарез, так как, не располагая ею, я не смогу видеть Вас, а без этого вообще не стоит жить. Надеюсь, Вы прекрасно провели время в Кондафорде. Известно ли Вам, что я не виделся с Вами целых шестнадцать дней и прямо-таки чахну от тоски? Приеду в субботу к вечеру. Где встретимся?

Ваш навсегда

Тони.

Клер пробежала письмо, сидя на кушетке в своей комнате. Распечатывая его, она хмурилась; дочитывая - улыбалась.

Бедный милый Тони! Она взяла телеграфный бланк, написала: "Приходите пить чай Мелтон тире Мьюз тчк К", - и отправила телеграмму по дороге в Темпл.

Встреча двух молодых людей приобретает тем большее значение, чем больше значения люди придают тому, чтобы помешать этой встрече. Подходя к Мелтон-Мьюз, Тони думал только о Клер и, естественно, не заметил низенького человечка в роговых очках, винно-красном галстуке и черных ботинках, внешностью напоминавшего секретаря ученого общества. Этот ненавязчивый и неприметный субъект сопровождал его от самого Бэбллокхэйт до Пэддингтонского вокзала, от вокзала до "Кофейни", от "Кофейни" до угла Мелтон-Мьюз; проследив, как Тони вошел в дом N 2, он сделал заметку в записной книжке, развернул вечернюю газету и стал ждать, когда тот выйдет обратно. Но газету он не читал, а с трогательной преданностью впился взглядом в сине-зеленую дверь, готовый в любую минуту сложиться, как зонтик, и скрыться в первом попавшемся закоулке. Предаваясь ожиданию (что было его повседневным занятием), он, как и остальные граждане, раздумывал об удорожании жизни, о чашке чая, которого ему очень хотелось, о своей дочурке, о ее коллекции иностранных марок и о том, придется ли ему платить подоходный налог. Его воображение было также занято формами девицы из табачной лавочки, где он обычно покупал свои дешевые сигареты.

Звали его Чейн, и существовал он за счет того, что отличался редкой памятью на лица и неистощимым терпением, аккуратно заносил плоды своих наблюдений в записную книжку, умел быть незаметным и, на свое счастье, напоминал внешностью секретарей ученых обществ. Короче

говоря, он служил в агентстве Полтида, которое в свою очередь существовало за счет того, что знало о людях больше, чем тем было желательно. Он получил инструкции еще в тот день, когда Клер возвратилась из Кондафорда, "разрабатывал объект" уже пятые сутки, и об этом не знал никто, кроме самого Чейна и его хозяина. Поскольку, судя по прочитанным им книгам, люди, населяющие Британские острова, заняты главным образом тем, что следят за жизнью себе подобных, Чейн никогда не испытывал желания критически взглянуть на профессию, которой добросовестно занимался уже семнадцать лет. Наоборот, он гордился своим ремеслом и считал себя способным сыщиком. Невзирая на усиливающееся расстройство дыхательных путей - следствие сквозняков, на которых ему так часто приходилось стоять, Чейн даже не представлял себе ни иного времяпрепровождения, ни иного способа зарабатывать свой хлеб. Адрес Крума он раздобыл очень несложным путем - заглянув через плечо Клер, отправлявшей телеграмму; но так как текст последней он прочесть не успел, то немедленно отправился в Бэблук-хайт, после чего до самого Мелтон-Мьюз все шло гладко. Меняя время от времени свою позицию, он с наступлением темноты переместился в глубину переулка. В половине шестого сине-зеленая дверь распахнулась, и на улице появилась молодая пара. Она пошла пешком, и мистер Чейн пошел за нею. Она шла быстро, и мистер Чейн с профессионально обостренным чувством ритма следовал за нею в точно таком же темпе. Вскоре он удостоверился, что молодые люди направляются всего лишь туда, куда он уже два раза провожал леди Корвен, а именно - в Темпл. Это было чрезвычайно отрадно, так как подогревало его надежды выпить чашку чая, о чем он уже давно мечтал. Прячась за спинами прохожих, достаточно широкими, чтобы заслонить его, он дошел вслед за молодыми людьми до Мидл-Темпл Лейн и увидел, что у Харкорт Билдингс они расстались. Убедившись, что леди Корвен вошла в здание, а молодой человек стал медленно прохаживаться от подъезда до набережной и обратно, мистер Чейн посмотрел на карманные часы, повернул обратно вдоль Стрэнда и забежал в закусочную со словами: "Пожалуйста, мисс, чашку чая и булочку". Ожидая, пока подадут чай, он сделал пространную заметку в записной книжке. Затем, дую на чай, выпил его с блюдца, съел полбулочки, зажал вторую в руке, расплатился и опять вышел на Стрэнд. Он покончил с булочкой как раз в тот момент, когда подошел к Лейн. Молодой человек по-прежнему медленно прохаживался взад и вперед. Мистер Чейн выждал, пока тот повернется к нему спиной, и с видом клерка, который заставляет ждать своего стряпчего, устремился мимо Харкорт Билдингс во Внутренний Темпл. Там, остановившись у одного из

подъездов, он изучал доску с фамилиями до тех пор, пока Клер не появилась снова. Молодой человек присоединился к ней, и они пошли к Стрэнду, а мистер Чейн пошел за ними. Они завернули в ближайшее кино и взяли билеты; он тоже взял билет и сел сзади них. Он привык выслеживать людей, которые держатся начеку, и взирал на откровенную беспечность этой пары если уж не с презрительным сочувствием, то, во всяком случае, с легкой иронией. Они казались ему форменными детьми. Ему не было видно, соприкасаются ли их ноги, и он прошел между стульями позади них, чтобы взглянуть на положение их рук. Оно удовлетворило его, и он выбрал себе свободное место сбоку от прохода. Уверенный, что теперь целых два часа парочка от него не ускользнет, он сел, закурил, пригрелся и стал наслаждаться фильмом. Это была приключенческая картина: два главных героя, охотясь и путешествуя по Африке, все время попадали в опасные положения, при съемке которых оператор, несомненно, подвергался еще большей опасности. Мистер Чейн с интересом внимал их мужественным голосам, с американским акцентом предупреждавшим: "Эй, смотри, настигают!" хотя не забывал при этом, что вместе с ним картину смотрят и его подопечные. Когда зажегся свет, он увидел их профили. "Все мы были молоды", - подумал мистер Чейн, и его воображение еще отчетливей нарисовало себе юную леди из табачной лавочки. Парочка сидела с таким видом, словно обосновалась здесь надолго, и он отважился на минутку выскользнуть из зала. Кто знает, когда еще повторится такой благоприятный случай! По мнению Чейна, одним из слабых мест детективных романов (он тоже увлекался этим воскресным развлечением тех, кто ездит в автобусах) было то, что авторы изображают сыщиков такими ангелами, которые способны по целым дням буквально ни на минуту не выпускать из поля зрения своих подопечных. В жизни, разумеется, дело обстояло по-иному.

Он вернулся и сел позади парочки, хотя уже с другой стороны, как раз в ту минуту, когда свет опять погас. Сейчас должен был начаться фильм с участием одной из любимых кинозвезд Чейна, и, не сомневаясь, что она предстанет перед ним в ситуациях, позволяющих лицезреть ее прелести со всех сторон, он сунул в рот мятную лепешку и со вздохом развалился на стуле. Давно уже не доводилось ему так приятно проводить вечер при исполнении служебных обязанностей. Время года теперь суровое, а работа у него такая, что от нее не согреешься - и не надейся.

Но прошло всего минут десять, звезда еле-еле успела надеть вечерний туалет, а парочка уже поднялась.

- Не могу больше слышать ее голос, - донесся до Чейна шепот леди

Корвен.

Молодой человек поддержал спутницу:

- Мерзость!

Обиженный и удивленный, мистер Чейн выждал, пока за ними сомкнутся дверные портьеры, и, вздохнув, побрел им вслед. На Стрэнде они остановились, посоветовались и пошли дальше, но недалеко - в ресторан на другой стороне улицы. Он задержался у двери, купил себе еще одну газету и увидел, что они поднимаются по лестнице. Уж не в отдельный ли кабинет? Он осторожно последовал за ними. Нет, просто расположились на балконе, где за колоннами укромно стоят четыре столика.

Мистер Чейн спустился в туалет, где сменил роговые очки на пенсне и винно-красный галстук на свободную черно-белую бабочку. Он нередко и с неизменным успехом прибегал к этому приему. Вы надеваете броский галстук, а затем заменяете его другим - иной формы и более скромной расцветки. Броский галстук обладает свойством отвлекать внимание от лица. Вы превращаетесь просто в "этого человека с ужасным галстуком", и стоит вам его снять, как все принимают вас за другого. Мистер Чейн вновь поднялся наверх и, выбрав столик, откуда легко было наблюдать за остальными тремя, заказал рагу и пинту портера. Они, пожалуй, просидят здесь часа два; поэтому он постарался придать себе вид литератора, вытащил кисет, свернул самодельную папироску, подозвал официанта и попросил огня. Доказав таким образом свою принадлежность к определенному социальному типу, он сделал то же, что сделал бы на его месте всякий джентльмен, - принялся читать газету и разглядывать стенные росписи. Они отличались яркостью красок; запечатленные на них пейзажи с голубыми небесами, морем, пальмами и вилами говорили о радостях жизни и притягательно действовали на мистера Чейна. Он никогда не ездил дальше Булони и, судя по всему, уже не поедет. Естественно, что пятьсот фунтов, интересная леди и дача в солнечной местности с игорным домом неподалеку исчерпывали его представления о недостижимом, увы, рае. Он даже не мечтал о нем, но при виде таких соблазнительных картин не мог все-таки не испытывать известного томления. Ему всегда казалось нелепостью, что люди, которых он выслеживал перед бракоразводным процессом, уезжали в этот рай и ожидали там окончания дела только для того, чтобы опять жениться и вернуться на землю. Жизнь в Финчли, где солнце светит раз в две недели, и заработок, составлявший едва пятьсот фунтов в год, в зародыше подавили поэтические задатки мистера Чейна; поэтому он испытывал нечто вроде облегчения, когда жизнь тех, кого он выслеживал, давала пищу его фантазии. Вероятно, парочка, - а вид у обоих

шикарный, - поедет обратно на такси, и ему придется долго ждать, пока молодой человек расстанется с дамой. В предвидении этого он сдобрил красным перцем поданное ему рагу. Предстоит, видно, подежурить еще вечер-другой, прежде чем они попадутся. Что ж, заработок в общем не слишком тяжелый. Смакуя каждый кусок, чтобы полнее усвоить пищу, и с ловкостью знатока сдувая пену с портера, он наблюдал, как молодые люди, увлеченные разговором, склоняются над столом. Что они едят не видно. Жаль: детальное знакомство с их меню могло бы послужить дополнительным ключом к разгадке их отношений. Пища и любовь! После рагу он закажет сыр и кофе и занесет их в графу издержек.

Он доел последнюю крошку, извлек из газеты всю возможную информацию, исчерпал все свое воображение, разглядывая фрески, дал про себя характеристику немногим обедающим, расплатился по счету, выкурил три сигаретки, - и только тогда парочка поднялась. Он уже надел пальто и вышел на улицу, а они еще не успели спуститься с лестницы. Удостоверясь, что поблизости стоят три свободных такси, он перенес внимание на афишу ближайшего театра. Наконец швейцар позвал одну из машин; мистер Чейн вышел на середину Стрэнда и сел в другую.

- Подождите, пока вон та машина не тронется, и следуйте за нею, скомандовал он шоферу. - Когда остановится, близко не подъезжайте.

Устроившись в автомобиле, он вынул часы и сделал заметку в записной книжке. Недавно он совершил довольно дорого стоившую ему ошибку, перепутав машины во время преследования, и теперь не отрывал глаз от такси, номер которого предусмотрительно записал. Театральный разъезд еще не начался, движение было небольшое, и погоня протекала без всяких осложнений. Преследуемая машина остановилась на углу Мьюз. Мистер Чейн постучал в стекло к шоферу и откинулся назад. Он увидел, что парочка вылезла и молодой человек расплачивается. Затем они углубились в переулок. Мистер Чейн тоже расплатился и дошел до угла. Они остановились у сине-зеленой двери и о чем-то поговорили. Потом леди Корвен вставила ключ в замок и отперла дверь; молодой человек оглянулся по сторонам и вошел вслед за нею. Мистер Чейн испытал чувства не менее разнородные, чем составные части съеденного им рагу. С одной стороны, вот-вот произойдет то, на что он надеялся и чего ждал. С другой, это означает для него бог весть сколько часов стояния на холоде. Он поднял воротник пальто и осмотрелся, выбирая подъезд поудобней. Какая жалость, что нельзя выждать, скажем, полчаса и просто войти в дом! Судьи теперь так придирчивы насчет улики! Он переживал сейчас то же, что переживает охотник, когда видит, как лиса прячется в нору, а у него под

рукой нет лопаты. Мистер Чейн постоял несколько минут под фонарем, перечитал свои записи и прибавил к ним еще одну. Затем двинулся к облюбованному им подъезду и занял там позицию. Не пройдет и получаса, как автомобили начнут возвращаться сюда от театров и придется опять выбирать новое место, чтобы не привлечь к себе внимания. В окнах верхнего этажа дома N 2 горит свет, но само по себе это еще не улика. Дело дрянь! Двенадцать шиллингов обратный билет до Беблок-хайд, десять шиллингов шесть пенсов номер в гостинице, семь шиллингов три пенса такси, три шиллинга шесть пенсов кино, шесть шиллингов обед (чай он в счет не поставит) - итого тридцать девять шиллингов шесть пенсов - на круг два фунта! Мистер Чейн покачал головой, сунул в рот мятную лепешку и переступил с ноги на ногу. Мозоль что-то начинает постреливать! Он попробовал думать о приятных вещах - о Бродстэрзе, косах дочурки, печеных устрицах, своей любимой кинозвезде в одном белье и о стаканчике подогретого виски с лимоном на ночь. Ничто не помогало, - он все ждет и ждет, ноги у него болят, а уверенности, что удастся собрать достаточно веский материал, - никакой. Судьи теперь слишком привыкли к тому, что стороны приглашают друг друга "на чашку чая", и улики такого рода всегда кажутся им сомнительными. Он опять вытащил часы. Он стоит здесь уже с полчаса с лишком. А вот и первый автомобиль! Пора убираться с Мьюз. Он проследовал в дальний конец переулка, но не успел еще повернуть обратно, как из дома, сторбившись и засунув руки в карманы, вышел молодой человек и торопливо зашагал прочь. Мистер Чейн со вздохом облегчения сделал в записной книжке пометку: "М-р К, вышел в 11.40 вечера", - и направился к стоянке автобуса, идущего в Финчли.

XVII

Динни не была знатоком живописи, но в свое время усиленно посещала с Уилфридом все лондонские картинные галереи. В 1930 году она с огромным наслаждением побывала также на выставке итальянского искусства. Поэтому и в 1932-м она охотно приняла приглашение дяди Эдриена пойти с ним на выставку французских картин. Ровно в час дня 22 января, наскоро позавтракав на Пикадилли, они миновали входной турникет и задержались перед примитивами. Но так как, помимо Динни с Эдриеном, нашлось немало других охотников держаться подальше от толпы, они двигались так медленно, что только через час добрались до полотен Ватто.

- Смотри, Динни, - "Жиль", - сказал Эдриен, переступив с ноги на ногу. - Это, по-моему, лучшее из всего, что тут есть. Удивительно, до чего

сильно может потрясти зрителя жанрист декоративной школы, когда он захвачен своим сюжетом или типом! Приглядишься к этому Пьерро. Какое у него задумчивое, обреченное, непроницаемое лицо! Вот оно, воплощение актера со всеми его личными переживаниями!

Динни не ответила.

- Почему мы молчим, юная особа?

- Сомневаюсь, что художник творит так уж сознательно. Не кажется ли вам, что Ватто просто хотел написать этот белый костюм, а все остальное в картине - от самой модели? Конечно, у Пьерро удивительное выражение, но, возможно, оно было у него и в жизни. Такие лица встречаются.

Эдриен искоса посмотрел на лицо племянницы. О да, встречаются! Напишите ее, когда она отдыхает, запечатлейте ее в тот момент, когда она думает, что на нее не смотрят и ей не нужно держать себя в руках (или как там еще говорится?), и вы увидите лицо, которое потрясет вас отраженной на нем внутренней жизнью. Нет, искусство несовершенно. Если оно проливает свет на душу, раскрывает сущность, вам кажется, что оно не правдиво; если оно фиксирует грубую, пеструю, противоречивую видимость, вам кажется, что эту последнюю вообще не стоит воспроизводить. Намеки, мимолетные впечатления, световые эффекты - все эти потуги на правдоподобие ничего не раскрывают. И Эдриен неожиданно заметил:

- Великие книги и настоящие портреты так редки потому, что художники не умеют раскрыть сущность изображаемого, а если даже делают это, то впадают в преувеличения.

- Не знаю, дядя, можно ли отнести ваши слова к "Жилю". Это не портрет - это просто драматический момент плюс белый костюм.

- Допускаю. Но во всяком случае напиши я тебя, Динни, такой, какая ты есть на самом деле, все сказали бы, что портрет неправдоподобен.

- Весьма польщена!

- Большинство окружающих даже не может представить себе, какая ты.

- Простите за непочтительность, дядя, - а вы можете?

Эдриен покрутил свою козлиную бородку:

- Хочу надеяться, что могу.

- Ой, смотрите, "Помпадур" Буше!

Постояв минуты две перед картиной, Эдриен заговорил снова:

- Что ж, для человека, который предпочитал писать женщин нагими, он недурно изобразил ее наряды, а?

- Ментенон или Помпадур? Я всегда их путаю.

- Ментенон была синий чулок и вертела Людовиком XIV.

- Да, да, конечно. Дядя, теперь пойдем прямо к Мане.

- Почему?

- Я уже начала уставать.

Эдриен оглянулся по сторонам и сразу понял - почему. Перед "Жилем" стояла Клер с незнакомым ему молодым человеком. Эдриен взял Динни под руку, и они перешли в предпоследний зал.

- Хвалю за деликатность, - шепнул он перед "Мальчиком с мыльными пузырями". - Что такое этот молодой человек? Змея в траве, червяк в бутоне или...

- Просто очень милый мальчик.

- Как его зовут?

- Тони Крум.

- А, юный знакомец с парохода! Клер часто с ним встречается?

- Я не спрашивала, дядя. На год она застрахована от глупостей, - ответила Динни и, увидев, как приподнялась бровь Эдриена, добавила: - Она дала обещание тете Эм.

- А через год?

- Не знаю. Она тоже не знает. До чего хороши вещи Мане!

Они неторопливо пересекли зал и вошли в последний.

- Подумать только, что в тысяча девятьсот десятом Гоген казался мне верхом эксцентричности! - удивился Эдриен. - Лишнее доказательство того, как все изменчиво. В тот день я приехал на выставку постимпрессионистов прямо из зала китайской живописи в Британском музее. Сезанн, Матисс, Гоген, Ван Гог были тогда последней новинкой, а теперь они почтенные классики. Гоген, конечно, великолепный колорист. А все-таки я предпочитаю китайцев. Боюсь, что я неисправимо старомоден, Динни.

- Я понимаю, что все эти картины хороши, - вернее, почти все: но жить среди них я не могла бы.

- У французов много хорошего; ни в одной стране смена школ в живописи не происходила с такой четкостью, как у них. Каждый этап - от примитивов до Клуэ, от Клуэ до Пуссена и Клода Лоррена, от них до Ватто и его учеников, а затем к Буше и Грезу, к Энгру и Делакура, к барбизонцам, к импрессионистам, к постимпрессионистам - отмечен какой-нибудь вершиной вроде Шардена, Леписье, Фрагонара, Мане, Дега, Моне, Сезанна, означает разрыв с предыдущей стадией и переход к последующей.

- А бывали раньше такие резкие скачки, как теперь?

- Нет, раньше не бывало ни таких резких скачков в мировоззрении вообще, ни такой безысходной путаницы во взглядах художников на их

назначение.

- В чем оно, дядя?

- В том, чтобы доставлять наслаждение или раскрывать истину, или в том и другом одновременно.

- Не представляю себе, чтобы мне доставило наслаждение то, чем наслаждаются они, а истина... Что есть истина?

Эдриен покорно махнул рукой:

- Динни, я устал, как собака. Давай удерем отсюда.

В эту минуту Динни опять увидела сестру и Тони Крума, которые уже углубились под арку. Она не знала, заметила Клер ее и Эдриена или нет, но не сомневалась, что Крум никого, кроме Клер, не замечает. Она шла за Эдриеном и в свою очередь восхищалась его деликатностью. Разумеется, ни он, ни она сама никого никогда не поставят в неудобное положение. Кто с кем встречается - это в наши дни сугубо личное дело.

Они уже добрались до Бэрлингтон-Аркад, когда Эдриену в глаза бросилась бледность Динни.

- Динни, что случилось? Ты похожа на привидение!

- Если не возражаете, дядя, я зашла бы выпить чашку кофе.

- Тут есть одно заведение на Бонд-стрит. Идем.

Бескровные, хоть и улыбающиеся губы девушки так встревожили Эдриена, что он крепко прижал к себе ее руку и отпустил лишь тогда, когда они уселись за угловой столик.

- Две чашки кофе, и покрепче, - распорядился Эдриен и с инстинктивной бережностью, так располагавшей к нему женщин и детей, даже не попытался вызвать племянницу на откровенность.

- Смотреть картины - самое утомительное занятие. Прости, если я уподоблюсь Эм, но я тоже подозреваю, что ты слишком мало ешь. Нельзя же считать едой ту птичью порцию, какую мы проглотили, отправляясь сюда.

Но губы Динни уже приобрели свой обычный цвет.

- Я понимаю, что напрасно упрямлюсь, дядя, но еда - ужасно скучная вещь.

- Нам с тобой нужно прокатиться во Францию. Картины французов, может быть, и не трогают душу, но зато их стол возбуждает чувства.

- Вы тоже это испытали?

- Да, особенно когда сравнил его с тем, как едят итальянцы. У французов все всегда превосходно продумано. Они создают картины так же расчетливо, как делают часы. Они предельно сознательны в творчестве и всегда превосходные мастера. Требовать от них большего - нелепо; но все-

таки они насквозь непоэтичны. Надеюсь, Клер избежит бракоразводного процесса? Суд - самое непоэтичное место на свете.

Динни покачала головой:

- А по-моему, пусть она лучше пройдет через это. Я даже считаю, что ей не надо было давать обещание. С Джерри они ни при каких обстоятельствах не помирятся, а сейчас она все равно что птица с подбитым крылом. Кроме того, в наши дни никто не придает значения разводу.

Эдриен поежился:

- Мне даже подумать противно, что эти прожженные судейские крючки будут играть судьбой моих близких. Если бы они все были такие, как Дорнфорд!.. Но, увы, они не такие. Виделась ты с ним после Нового года?

- Он на днях обедал у нас перед выступлением.

Эдриен отметил про себя, что, заговорив о Дорнфорде, она и "ухом не повела", как выражается современная молодежь. Вскоре они расстались, и Динни на прощание уверила дядю, что снова чувствует себя прекрасно.

Эдриен ошибся, сказав, что Динни похожа на привидение: вернее было бы сказать, что она похожа на человека, увидевшего привидение. Когда она выходила на Корк-стрит из-под аркад, все ее прошлое, связанное с этой улицей, метнулось к ней, как одинокая птица, коснулось крылами ее лица и тут же улетело. Поэтому, простившись с дядей, девушка повернула назад. Решительно вошла в знакомый подъезд, поднялась по лестнице до квартиры Уилфрида и позвонила. Потом прислонилась к подоконнику на площадке и стала ждать, стиснув руки и думая: "Жаль, что у меня нет муфты!" Руки у нее совсем застыли. На картинах прошлого века женщин всегда изображают вот так - на лице вуаль, руки в муфте; но прошлый век миновал, и муфты у нее нет. Она уже решила уйти, как вдруг дверь отворилась. Стэк! В домашних туфлях! Вдумчивый, как всегда, взгляд его черных глаз упал на туфли, и Стэк смутился:

- Прошу прощения, мисс, я как раз переобувался.

Динни подала ему руку, которую он пожал точь-в-точь как раньше, - с таким видом, словно исповедовал гостью.

- Я шла мимо, и мне захотелось узнать, как вы живете.

- Прекрасно, мисс, благодарю вас. Надеюсь, вы здоровы? И собака тоже?

- С нами обоими все в порядке. Фошу нравится в деревне.

- Еще бы! Мистер Дезерт всегда говорил, что это деревенская собака.

- У вас есть известия о нем?

- Только косвенные. Я слышал, в банке говорили, что он в Сиаме. Его письма банк пересылает на свое отделение в Бангкоке. Недавно здесь останавливался их светлость. Как я понял из разговора, мистер Дезерт поднимается сейчас к верховьям какой-то реки.

- Реки?

- Да. Вот только название забыл. Что-то вроде "И и" и еще как будто "Сонг". Там, кажется, здорово жарко. С вашего позволения, мисс, вы малость бледны, хоть и живете в деревне. А я вот ездил на рождество домой в Барнстепль и сильно поправился.

Динни опять протянула руку:

- Очень рада была повидать вас, Стэк.

- Зайдите, мисс. В квартире все осталось как при нем, - вот увидите.

Динни подошла к дверям гостиной:

- Совершенно как при нем, Стэк, словно он и не уезжал.

- Приятно слышать, мисс.

- Впрочем, может быть, он и здесь, - сказала Динни. - Говорят же, что душа отделяется порой от тела. Благодарю вас, Стэк.

Она коснулась руки слуги, прошла мимо него, спустилась по лестнице. Лицо ее передернулось, застыло, и она быстро зашагала прочь.

Река! Ее сон! "Еще одну реку!"

На Бонд-стрит кто-то окликнул ее:

- Динни!

Девушка обернулась и увидела Флер.

- Куда вы, дорогая! Мы с вами не виделись целую вечность. Я прямо с французской выставки. Божественно, правда? Я столкнулась там с Клер и каким-то молодым человеком. Кто он?

- Тони Крум, попутчик по пароходу.

- Только попутчик?

Динни пожала плечами и, взглянув на элегантную собеседницу, мысленно посетовала: "Почему Флер всегда такая прямолинейная!"

- Деньги у него есть?

- Нет. Правда, он нашел место, но незавидное. Будет присматривать за арабскими матками мистера Масхема.

- Только-то? Триста, от силы пятьсот в год. Это не бог весть что. Знаете, Клер в самом деле совершает большую ошибку. Джерри Корвен пойдет далеко.

- Во всяком случае дальше Клер, - сухо отозвалась Динни.

- Вы полагаете, что разрыв окончательный?

Динни кивнула. Она никогда еще не испытывала к Флер такого

граничащего с антипатией чувства, как сегодня.

- Зря. Клер - это не то что вы. Она - человек нового века с его порядком или беспорядком, - как хотите. Вот потому я и говорю, что она совершает ошибку. Ей было бы легче жить, оставаясь с Джерри, пусть даже формально. Не представляю себе Клер в нужде.

- Деньги ее не привлекают, - холодно вставила Динни.

- Ах, вздор! Только деньги дают возможность делать то, что хочется. А это не может не привлекать Клер.

Динни, зная, что Флер права, произнесла еще холоднее:

- Не стоит тратить время на объяснения.

- Дорогая, тут и объяснять нечего. Он чем-то ее оскорбил, - это на него похоже. Но из этого еще не следует, что нужно устраивать историю. Вы же видели сегодня картину Ренуара - мужчина и дама в ложе. Великолепная вещь! Каждый из них живет особой жизнью, и все-таки они вместе. Почему бы Клер не пойти на это?

- А вы бы пошли?

Безупречные плечи Флер чуть заметно дрогнули:

- Но вы же знаете, какой Майкл милый. Кроме того, у меня дети.

И плечи Флер опять слегка дрогнули.

Динни оттаяла.

- Вы обманщица, Флер. Вы не делаете того, что проповедуете.

- Дорогая, у меня же исключительный случай.

- Он у каждого исключительный.

- Ладно, не будем спорить. Майкл говорит, что ваш новый депутат Дорнфорд пришелся ему по душе. Теперь они трудятся вместе над планом трех "К". Дело замечательное, да и взялись они за него с нужного конца.

- Мы в Кондафорде тоже занялись свиньями. Дядя Лоренс предпринимает что-нибудь на этот счет в Липпингхолле?

- Нет. Он придумал самый план и считает, что свое сделал. Ну, ничего, придет время, Майкл еще заставит его потрудиться. Послушали бы вы, как об этом плане рассуждает Эм! Умора! Нравится вам Дорнфорд?

Динни, с которой второй раз за утро заговаривали о Дорнфорде, посмотрела родственнице прямо в лицо:

- По-моему, он настоящее совершенство.

Флер неожиданно взяла ее под руку:

- Динни, дорогая, я хочу, чтобы вы за него вышли. Конечно, за совершенство не выходят, но ведь и его можно ввести в грех.

Теперь в свою очередь дрогнули плечи Динни, и она устремила взгляд в пространство.

XVIII

Третьего февраля день выдался на редкость теплый и до того напоминавший весну, что кровь в жилах людей потекла быстрее, пробуждая в них тягу к приключениям.

Поэтому Тони Крум рано утром дал телеграмму Клер, а в полдень уже выехал из Беблок-хайт на старом автомобиле Стейплтона - своем новом приобретении. Конечно, он мечтал не о такой машине, но даже из этой при желании можно было выжать миль пятьдесят в час. Он перебрался через реку по ближайшему мосту, проскочил Эбингдон и поехал через Бенсон на Хенли. Там он остановился, наскоро проглотил сэндвич, заправил бак и с минуту постоял на мосту, глядя на залитую солнцем обнаженную реку, медленно катившуюся меж нагих роц. Оттуда он поехал уже сообразуясь с часами, так как к двум должен был успеть на Мелтон-Мьюз.

Клер только что вернулась и была еще не готова. Тони уселся в нижней комнате, обставленной теперь тремя стульями, оригинальным старинным столиком, который удалось купить по дешевке, - кризис задел и антикваров, и резным аметистового цвета кувшином с терновой настойкой. Крум прождал без малого полчаса, прежде чем по винтовой лесенке спустилась Клер в светло-коричневом твиде и шляпке; через руку у нее было перекинута кожаное пальто на меху.

- Вот и я, дорогой мой. Простите, что заставила ждать. Куда поедем?

- Я подумал, не захочется ли вам взглянуть на Беблок-хайт. На обратном пути завернем в Оксфорд, выпьем чаю, посмотрим колледжи и будем здесь часам к одиннадцати. Идет?

- Отлично. А где вы переночуете?

- Я? Да просто вернусь обратно. Поспею домой еще до часа ночи.

- Бедный Тони! Нелегкий же у вас день!

- Ну что вы! Всего двести пятьдесят миль. Пальто вам ни к чему: на наше несчастье, машина закрытая.

Они выехали через западный конец переулка, чуть не сбили мотоциклиста, и помчались по направлению к парку.

- Тони, а ведь у машины легкий ход!

- Да, она славная старушка, только у меня такое чувство, что она того и гляди рассыплется. Стейплтон безжалостно гонял ее. И потом - я не люблю светлых машин.

Клер откинулась на спинку сиденья; судя по улыбке, не сходявшей с ее губ, она была довольна.

Их первая долгая экскурсия почти не сопровождалась разговорами. Оба еще не избавились от юношеской любви к быстрой езде, и там, где

позволяло движение, Крум старался выжать из машины все, что та могла дать. Меньше чем за два часа они уже добрались до последней переправы через реку.

- Вон гостиница, где я живу, - показал рукой Тони. - Не выпить ли нам чаю?

- Это было бы неосторожно, мой дорогой. Нет, я взгляну на конюшни и загоны, а потом поедem куда-нибудь, где вас не знают.

- Сперва я вам обязательно покажу реку.

За прибрежными ивами и тополями посверкивали светлые воды реки, чуть позолоченной закатом. Молодые люди вышли из машины, чтобы полюбоваться видом.

Сережки орешника уже набухли. Клер обломила ветку:

- Весна-обманка. Настоящей еще ждать и ждать.

С реки потянуло холодком; на противоположном берегу над лугами пополз туман.

- Здесь только перевоз, Тони? Моста нет?

- Нет. По той стороне дорога идет прямо на Оксфорд - миль пять, не больше. Я несколько раз ходил туда пешком. Красивые места.

- А как чудесно здесь будет, когда зацветут рощи и луга! Ну, едем. Покажите мне, где загоны, и в Оксфорд.

Они вернулись к машине.

- Зайдете в конюшни?

- Клер покачала головой:

- Подожду, пока привезут маток. Одно дело, когда вы привозите меня осматривать пустые стойла, другое - когда я приезжаю взглянуть на кобыл. Они в самом деле из Неджда?

- Масхем божится, что да. Но я сперва погляжу, что за конюхи с ними приедут, а уж потом поверю.

- Какой масти?

- Две гнедых, одна караковая.

Загоны, - их было три, - полого спускались к реке и были защищены от ветра вытянутой в длину рощицей.

- Сток здесь идеальный, место солнечное. Конюшни вон там, сразу за краем рощи. В них еще многое нужно доделывать; сейчас мы монтируем там отопление.

- Как здесь тихо!

- На дороге - практически никакого движения, разве что мотоцикл проедет. Вот как, например, этот.

Мимо с фырканием пролетел мотоцикл, затормозил, развернулся и,

фыркающая, помчался назад.

- Мотоцикл - ужасно горластая скотина! - проворчал Крум. - Впрочем, пока матки сюда доберутся, они уже попривыкнут к грохоту.

- Бедняжки! Их ждет резкая перемена.

- У них у всех в кличках золото: Золотая пыль, Золотая гурия, Золотая лань.

- Вот уж не думала, что Джек Масхем поэт!

- Только в том, что касается лошадей.

- Здесь действительно сказочная тишина, Тони!

- Шестой час. Рабочие уходят из моего коттеджа. Они его перестраивают.

- Сколько там будет комнат?

- Четыре: спальня, гостиная, кухня, ванная. Но можно пристроить и еще.

Тони впился в Клер глазами, но та смотрела в сторону.

- Ну, по местам! - отрывисто скомандовал он. - Нужно поспеть в Оксфорд дотемна.

Оксфорд, утопающий в огнях, как и все города в этот наихудший для них час, казалось, предупреждал: "Не ждите от меня ничего, - я обезличен вилами, автомобилями и современностью".

Он действительно не пробудил сначала в молодых людях никакого интереса: оба были голодны, а Крума к тому же личные воспоминания связывали с Кембриджем. Но стоило им очутиться в гостинице "Митра" и приняться за сэндвичи с анчоусами, яйца вкрутую, гренки, сдобные булочки, оладьи, варенье и содержимое огромного чайника, как с каждым глотком романтика Оксфорда стала раскрываться им все полнее. Посидев в этой старой гостинице, куда, кроме них, еще никто не завернул, где горел камин и окна были задернуты красными занавесками, молодые люди неожиданно насладились уютом и тишиной и теперь неизбежно должны были найти город восхитительным. Мотоциклист в кожаном комбинезоне заглянул в зал и снова исчез. Три студента последнего курса постояли в дверях, посоветовались в предвидении обеда, заказали столик и скрылись. Время от времени появлялась официантка, приносила свежие гренки, прибирала соседние столики и уходила. Упоенные одиночеством. Клер и Тони поднялись из-за стола только в половине седьмого.

- Пойдем пошатаемся, - предложила Клер. - Времени у нас много.

Оксфорд обедал, и улицы были пустынные. Молодые люди брели наугад, выбирая самые узкие переулки, то и дело натываясь на здания колледжей или длинную старую городскую стену. Теперь им уже казалось,

что здесь нет ничего современного. Прошлое оживало перед ними на каждом шагу. Перезвон колоколов, темные башни, древние, плохо освещенные каменные громады, извилистые, крытые, еле заметные в сумерках переходы; просторные квадраты дворов, обозначенные тусклыми фонарями и внезапно возникающие из мрака, - весь этот темный старинный безлюдный город, который скрытно бурлит новой жизнью, привел их в безмолвное восхищение, а так как они к тому же попали в него впервые, то скоро заблудились.

Крум взял Клер под руку и пошел в ногу с ней. Хотя ни тот, ни другая не были склонны к романтике, оба чувствовали себя так, словно затерялись в лабиринте истории.

- Жаль, что я не выросла здесь или в Кембридже, - посетовала Клер.

- В Кембридже прошлое не ощущается так остро. Колледжи там вытянуты в одну линию. Оксфорд же в темноте кажется еще более средневековым, чем днем. Конечно, в Кембридже на всем лежит отпечаток старины, но здесь он выражен гораздо более отчетливо.

- А мне, наверно, понравилось бы жить в старину. Верховые лошади и кожаные колеты! Вы, Тони, божественно выглядели бы в колете и шапочке с длинным зеленым пером.

- С меня довольно и современности, пока вы рядом. Мы никогда еще не были так долго вместе.

- Пожалуйста, без сантиментов. Помните, мы приехали сюда осматривать Оксфорд. Куда пойдём теперь?

- Куда хотите, - удрученно ответил Тони.

- Обиделся? Смотрите, какой большой колледж! Зайдем внутрь?

- Нельзя: скоро выйдут студенты - уже девятый час. Лучше побродим по улицам.

Через Корнмаркет они вышли на Брод, постояли на правой стороне перед статуями, затем свернули на темную площадь с круглым зданием в середине, колледжами по сторонам и церковью на дальнем конце.

- Это, видимо, центр, - объявила Клер'. - У Оксфорда тоже должна быть своя точка опоры. Пусть окраины перестраиваются, как угодно, - обезобразить сердце города никому не удастся:

Оксфорд ожил с таинственной внезапностью. На улицах появились молодые люди в коротких плащах, наброшенных на плечи, перекинутых через плечо или руку. Крум осведомился у одного из них, что это за площадь.

- Рэдклиф. Вон там Брейзнос, а дальше Хайз.

- А где "Митра"?

- Направо.
- Благодарю.
- Не за что.

Студент тряхнул непокрытой головой, поклонился Клер и поспешил дальше.

- Ну что, Гони?
- Зайдем в гостиницу и выпьем по коктейлю.

Когда они входили в "Митру", мотоциклист в кожаном комбинезоне и шлеме, стоявший около своей машины, внимательно посмотрел им вслед.

После коктейля и бисквитов они вышли на улицу, склоняясь к решению, которое Крум сформулировал вслух:

- Еще рано, и погода хорошая. Поедем домой через мост Магдалины на Бенсон, Дорчестер и Хенли.

- Остановитесь на мосту, Тони. Я хочу взглянуть на мою тезку.

Фонари отбрасывали светлые полосы на чернильно-темные воды реки Черрел; над нею в темноте хмуро высился массивный мост Магдалины, за которым в направлении Кристчерч-Медоу тянулась редкая цепочка огней. Позади молодых людей расстилалась широкая улица - два ряда серых слабо освещенных фасадов и подъездов; внизу, под мостом, беззвучно струилась река.

- Ее, наверно, называют здесь кратко - Черр.

- Летом я заведу себе плоскодонку. Знаете, Клер, в верховьях река еще красивее, чем здесь.

- Вы научите меня грести?

- А как же!

- Скоро десять. День прошел чудесно. Тони!

Он бросил на нее сбоку долгий взгляд и завел машину. Неужели ему всю жизнь вот так стремительно мчаться с нею вперед? Неужели им не суждена настоящая долгая остановка?

- Хотите спать. Клер?

- Не очень. Но коктейль был жутко крепкий. Если устали, я могу сесть за руль.

- Устал? Нет, что вы! Я просто подумал, что каждая миля удаляет меня от вас.

В темноте дорога всегда длиннее и совсем не та, что при свете. Глаз обнаруживает на ней сотни не замеченных днем предметов: изгороди, стога сена, деревья, дома, повороты. Деревни и те кажутся другими. В Дорчестере Тони остановил машину, чтобы узнать дорогу; их обогнал мотоциклист, и Крум крикнул ему:

- Куда на Хенли?

- Прямо.

Они доехали до следующей деревни.

- Это, должно быть, Неттлбед, - сказал Крум. - Теперь до самого Хенли - ничего, а оттуда до Лондона еще тридцать пять миль. В двенадцать будем дома.

- Бедняжка! Вам ведь предстоит еще один конец.

- Ничего, буду гнать как сумасшедший.

Клер погладила его по обшлагоу пальто, и они опять замолчали.

Когда машина въехала в лес, Тони неожиданно сбросил газ.

- Освещение отказало!

Мимо, резко притормозив, пролетел мотоциклист и на ходу крикнул:

- Сэр, у вас погасли фары.

Крум остановил машину:

- Этого еще не хватало. Наверно, сел аккумулятор.

Клер рассмеялась. Тони вылез и, обойдя вокруг машины, осмотрел ее.

- Я помню этот лес. Отсюда до Хенли добрых пять миль. Что ж, попытаем счастья, - поползем как-нибудь.

- А если я вылезу и пойду перед машиной?

- Нет, сейчас слишком темно. Я могу вас задавить.

Ярдов через сто Тони опять остановился:

- Мы съехали с дороги. Никогда не водил машину в такой темноте.

Клер снова рассмеялась.

- Вот вам и приключение, мой дорогой.

- А я еще и фонарь не захватил. Насколько помню, этот лес тянется мили на две.

- Ну что ж, попробуем еще раз.

Мимо со свистом пролетел автомобиль. Шофер что-то крикнул.

- Живо! Поезжайте за ним. Тони!

Но прежде чем Крум успел завести мотор, автомобиль уже скрылся. Наверно, съехал под гору или куда-нибудь свернул. Машина Тони медленно поползла вперед.

- Черт! - неожиданно выругался он. - Опять съехали с дороги.

- Выводите ее на шоссе, и подумаем, как быть. Жилья никакого до самого Хенли?

- Никакого. Кроме того, аккумулятор не везде зарядишь. Впрочем, надеюсь, дело не в нем: просто сгорел какой-нибудь контакт.

- Что, если оставить машину и пойти пешком? Здесь в лесу ее никто не тронет.

- А потом? - возразил Крум. - Мне ведь с нею нужно утром быть дома. Вот что, я провожу вас до гостиницы, достану фонарь и вернусь. С фонарем я как-нибудь доведу ее до Хенли; если не удастся, просто переночую в ней, а утром выеду пораньше и подхвачу вас на мосту.

- Но это же десять миль пешком! А почему нам не остаться здесь вместе до рассвета? Провести ночь в автомобиле - моя давняя мечта.

В Круме шла внутренняя борьба. Целую ночь с Клер! Наедине!

- А вы полагаетесь на меня?

- Тони, не будьте таким старомодным. Остаться здесь - разумнее всего и, кроме того, даже забавно. Будет гораздо хуже, если мы врежемся в другую машину или нас задержат за езду без света.

- Проклятая луна! Никогда ее нет, когда нужно! - проворчал Тони. - Вы серьезно это предлагаете?

Клер тронула его за руку:

- Отведите автомобиль подальше от шоссе. Помедленней. Осторожно! Стоп.

Машину слегка тряхнуло.

- Мы наехали на дерево и встали спиной к дороге, - сказала Клер. Пойду посмотрю, не видно ли нас.

В ожидании ее Крум поправил ковер и подушки сиденья. Он подумал: "Раз она относится к этому так спокойно, значит, любви ко мне у нее нет". При мысли о долгой темной ночи наедине с нею его пробирала дрожь: он понимал, какая пытка ему предстоит. Наконец до него донесся ее голос:

- Все в порядке. Машины совсем не видно. Теперь сходите проверьте вы, а я заберусь внутрь.

Тони двигался ощупью и, лишь почувствовав под ногами твердый грунт, сообразил, что выбрался на дорогу. Мрак здесь немного поредел, но звезд все равно не было видно. Тони постоял с минуту, затем по-прежнему ощупью побрел назад. Машина так безнадежно затерялась во тьме, что ему пришлось свистнуть и подождать, пока не раздастся ответный свист. Да, темно, хоть глаз выколи! Он влез в автомобиль.

- Стекло оставить открытым или поднять?

- Да, но только до половины. Мне очень удобно, Тони.

- Слава богу. Не возражаете, если закурю трубку?

- Разумеется, нет. Дайте мне сигаретку. Ну вот, теперь почти как в раю.

- Именно почти, - чуть слышно бросил Тони.

- Хотела бы я посмотреть на лицо тети Эм, если бы она увидела нас! Вам тепло?

- Кожаные подушки не пробьет никакой холод. А вам?

- Очень.

Опять наступило, молчание. Потом Клер сказала:

- Тони, вы меня простите, да? Я ведь дала обещание.

- Не беспокойтесь, все будет хорошо, - ответил Крум.

- Мне виден только кончик вашего носа - и то лишь когда вы затыгиваетесь.

В свою очередь при свете сигареты Клер он увидел ее зубы, улыбку на губах и нижнюю часть лица до глаз, утонувших в темноте.

- Снимите шляпу, Клер. И помните, мое плечо к вашим услугам.

- Смотрите, не давайте мне храпеть.

- Храпеть? Вам?

- При случае все храпят. Я тоже могу.

Они немного поговорили, но все, кроме ощущения ее близости в темноте, уже казалось ему нереальным. Изредка он различал шум проезжавших по дороге машин, но больше никаких звуков не доносилось: ночь была слишком темной даже для сов. Трубка потухла, и Тони сунул ее в карман. Клер полулежала на сиденье так близко от него, что он чувствовал ее локоть. Он затаил дыхание. Уже уснула? Ну, а ему предстоит бессонная ночь - где уж тут уснуть, когда легкий исходящий от нее аромат будоражит все его чувства, а его рука пылает от прикосновения ее руки! Даже если все ограничится только этим - и тогда грех тратить такую ночь на сон.

- Тони, если вы в самом деле не возражаете, я положу вам голову на плечо.

- Конечно, кладите!

Голова Клер погрузилась в шарф Тони; легкий аромат, напоминавший ему сосновый лес в солнечный день, стал сильнее. Прямо не верится, что она рядом с ним, что голова ее лежит у него на плече и что так будет еще целых шесть-семь часов. Тони вздрогнул. Как все спокойно и прозаично! Ничто в ней не выдает ни страсти, ни волнения, словно он ее брат. И вдруг его осенило: эта ночь - испытание, которое нужно выдержать, потому что иначе она отшатнется и уйдет от него. Теперь она спит. Да, по-настоящему. В этом не может быть сомнений: стоит только вслушаться в ритмический звук, издаваемый ее горлом, - звук, трогательно слабый, как клохтанье птенца, немножко забавный и бесконечно дорогой! Что бы ни было дальше, одного не зачеркнешь - он все-таки провел с нею ночь! Тони сидел тихо, как мышь, если, конечно, мышам случается сидеть тихо. Чем глубже Клер погружалась в сон, тем тяжелей становилась ее голова и тем доверчивей она прижималась к нему. Он сидел, вслушивался в ее дыхание, и чувство его к ней углублялось, превращалось в страстное желание защищать ее и

служить ей. А ночь, холодная, непроглядная, беззвучная, - машины по дороге больше не шли, - разделяла с ним его одиночество. Она бодрствовала и дышала, словно огромное, мрачное, всепоглощающее чудовище. Да, ночь не спит. Тони отдавал себе в этом отчет впервые в жизни. Ночь, как и день, не знает сна. Глухая и равнодушная ко всему, она тоже наделена жизнью: она не говорит, не движется, только бодрствует и дышит. Лунная и звездная или беспросветная и глухая, как сегодня, она всегда - великий спутник человека.

Рука Тони затекла, и Клер, словно почувствовав это, приподняла голову, хотя не проснулась. Он быстро растер плечо и еле успел отдернуть пальцы, как ее голова качнулась и опустилась на прежнее место. Он осторожно повернул лицо, так что губы его коснулись ее волос, и опять услышал те же слабые ритмические звуки, похожие на клохтанье птенца. Затем они смолкли и на смену им пришло глубокое дыхание - признак крепкого сна. Тогда, сморенный дремотой, уснул и он.

XIX

Крум проснулся, совершенно одеревенев и не соображая, где он. Кто-то поблизости от него сказал:

- Уже светает. Тони, но еще ничего не видно.

Он выпрямился:

- Боже правый! Неужели я заснул?

- Да, бедный мой. Я чудесно выспалась, только ноги немного затекли.

Который час?

Крум взглянул на светящиеся стрелки своих часов:

- Примерно половина седьмого. Ух, все тело как иголками колет!

- Давайте вылезем и встряхнемся.

Он отозвался голосом, который, как ему показалось, прозвучал откуда-то издалека:

- Итак, все кончилось.

- Было очень тяжело?

Он сжал руками виски и ничего не ответил. Мысль, что и следующую и все другие ночи он опять проведет без нее, была для него болезненна, как удар в сердце.

Клер открыла дверцу:

- Я немного пройду для разминки. А потом пробежимся, чтобы согреться. Позавтракать нам нигде раньше восьми не удастся.

Он запустил мотор для прогрева. Свет медленно разливался по лесу; ствол березы, под которой они провели ночь, уже выступил из мглы. Затем Тони тоже вылез из машины и дошел до дороги. Ее унылая одинокая

полоска терялась в лесу, все еще сумеречном и туманном, непроницаемом и таинственном. Ни ветерка, ни звука! Тони чувствовал себя как Адам, безвинно выставленный за ворота рая. Адам! Этаким чудаковатым, учтивым, чистеньким субъект с бородкой, мужчина до грехопадения, проповедник-диссидент с ручной змеей, яблоком познания и секретаршей, целомудренной и нестриженной, как леди Годива!

От ходьбы кровь в жилах Тони побежала быстрее. Он вернулся к машине.

Клер, стоя на коленях, приводила в порядок волосы с помощью карманного зеркальца и гребенки.

- Как самочувствие. Тони?

- Прескверно. Нам пора. Позавтракаем в Мейденхеде или Слау.

- А почему не у меня дома? В восемь мы уже приедем, а кофе я варю прекрасно.

- Отлично! - согласился Крум. - Тогда я всю дорогу буду выжимать пятьдесят миль в час.

Ехали они очень быстро и говорили мало. Оба были слишком голодны.

- Тони, пока я приготовлю завтрак, вы успеете побриться и принять ванну. Сэкономите таким образом время и поедете обратно свежим. А я выкупаюсь позже.

- Знаете, лучше поставить машину в гараж, - сказал Крум, миновав Мраморную арку. - Возвращайтесь-ка домой одна. Приехать так рано вдвоем на машине - значит возбудить подозрения. Наверно, шоферы уже вышли на работу. А я буду у вас через десять минут.

Когда в восемь часов он вошел в дом на Мелтон-Мьюз, Клер уже переделалась в голубой халат, столик в нижней комнате был накрыт для завтрака и по квартире разносился запах кофе.

- Я налила ванну. Тони, и приготовила вам бритву.

- Вы - чудная! - ответил Крум. - Я буду готов через десять минут.

Он вернулся через двенадцать и сел за столик напротив Клер. Она подала яйца вкрутую, гренки, кондафордское варенье из айвы и настоящий кофе... Все выглядело так, как если бы они были мужем и женой, и поэтому Тони казалось, что он никогда не ел более вкусного завтрака.

- Очень устали, дорогая?

- Нисколько. Наоборот, чувствую себя особенно бодрой. Понятно, повторять такие опыты не стоит. Мы были чересчур близко друг от друга.

- Но это уже не нарочно.

- Само собой разумеется. И потом, вы вели себя как ангел. Впрочем, наша прогулка - все-таки не то, что я обещала тете Эм. Для чистого не

всякая вещь чиста.

- К сожалению, нет. Господи! Как мне дожить до следующей встречи?

Клер через стол пожала ему руку:

- А теперь вам, пожалуй, пора уходить, но сначала я выгляну в окно посмотрю, свободен ли путь.

Когда она приняла эту меру предосторожности, Крум поцеловал ей руку, вернулся к машине и в одиннадцать утра уже беседовал с водопроводчиком в одной из беблук-хайтских конюшен...

Клер лежала в горячей ванне. Правда, как все ванны душевого типа, эта была несколько коротковата, но купание и в ней действовало освежающе. Клер чувствовала себя как девочка, которая нашалила, но не уличена гувернанткой. Ах, этот бедный милый Тони! Как жаль, что мужчины так нетерпеливы! Платоническое ухаживание столь же мало привлекает их, как хождение за покупками. Они врываются в магазин, спрашивают: "Есть у вас то-то и то-то? Нет?" - и так же стремительно выбегают. Им ненавистны примерки, когда вас вертят из стороны в сторону, а вы изо всех сил стараетесь увидеть, как платье сидит сзади. Женщины смакуют процесс выбора нужной вещи; для мужчины он - наказание. Тони - 'сущий ребенок. Она чувствует себя гораздо старше его и по годам и по опыту. Хотя многие ухаживали за Клер и до ее замужества, она никогда не сталкивалась близко с людьми, которые, почитая Лондон и самих себя центром мироздания, не верят ни во что, кроме иронии, быстрой езды и денег, позволяющих им изо дня в день "весело" проводить время. Она, конечно, встречалась с ними в разных загородных домах, но там они были вырваны из своей специфической атмосферы и вынуждены довольствоваться охотой и спортом. Именно к развлечениям подобного рода безотчетно тянулась Клер, выросшая на свежем воздухе, подвижная и гибкая, хотя отнюдь не сильная. Переехав на Цейлон, она осталась верна своим вкусам и проводила досуг в седле и на теннисном корте. Прочитав немало романов, она была убеждена, что идет в ногу с веком, отметающим всякие запреты. Но сейчас, лежа в ванне, она испытывала чувство неловкости. Нечестно подвергать Тони такому испытанию, как этой ночью. Чем ближе она подпустит его к себе, отказываясь от подлинной близости с ним, тем сильнее он будет мучиться. Вытираясь после купанья, она приняла ряд похвальных решений и еле-еле, да и то бегом, поспела к десяти часам в Темпл. Здесь выяснилось, что она могла бы спокойно понежиться в ванне еще несколько минут: Дорнфорд был занят каким-то важным юридическим казусом. Клер закончила оставшиеся со вчерашнего дня дела и лениво поглядела через окно на лужайку Темпля, над которой

рассеивался туман - предвестник погожего дня - и всходило по-зимнему блестящее солнце, касаясь ее щек своим косым лучом. Ей вспомнился Цейлон, где солнце никогда не приносит с собой бодрящую прохладу. Джерри! Как он там? - да простится ей этот затасканный оборот. И что он предпримет по отношению к ней? Конечно, хорошо, что она решила не мучить Тони, держать его на расстоянии и щадить его чувства, но без него ей будет и грустно и одиноко. Он стал для нее привычкой. Дурной - может быть, но ведь именно с дурными привычками труднее всего расставаться.

"Конечно, я легкомысленна, - решила она. - И Тони такой же, но в трудную минуту он не выдаст".

И вдруг зеленая лужайка Темпла показалась ей морем, а подоконник фальшбортом, перегнувшись через который она и Тони смотрят, как летучие рыбы выскакивают из пены и мелькают над сине-зелеными волнами. Теплота и краски! Воздушная сверкающая красота! Клер взгрустнулось.

"Хорошая верховая прогулка - вот что мне нужно, - подумала она. Завтра уеду в Кондафорд и проведу всю субботу на воздухе. Заберу с собой Динни: ей полезно почаще садиться в седло".

Вошел клерк и объявил:

- Мистер Дорнфорд вечером поедет из суда прямо в палату.

- Вот как? Скажите, Джордж, вам случается хандрить?

Клерк, круглое розовое лицо которого всегда смешило ее, - к нему так и хотелось прилепить бачки, - ответил сдобным голосом:

- Мне тут недостает собаки. Когда мой старый Тоби со мной, я не замечаю одиночества.

- Какой он породы, Джордж?

- Бультерьер. Сюда я его брать не могу - миссис Колдер соскучится.

Кроме того, он может покусать какого-нибудь стряпчего.

- Вот было бы здорово!

Джордж тяжело вздохнул:

- Эх, здесь в Темпле никому весело не бывает.

- Я тоже завела бы собаку, Джордж, но когда я ухожу, в квартире нет ни души.

- Вот увидите, мистер Дорнфорд здесь долго не останется.

- Почему?

- Он присматривает себе дом. Сдается мне, он не прочь жениться.

- На ком?

Джордж прищурил один глаз.

- Вы имеете в виду мою сестру?

- Кого же еще?
- Да, но откуда вы это узнали?
- Слухом земля полнится, леди Корвен.
- Что ж, выбор неплохой, хотя я не слишком верю в брак.
- Мы, судейские, видим только его плохую сторону. Но мистер Дорнфорд, по-моему, может сделать женщину счастливой.
- И по-моему, Джордж.
- Он человек внимательный, спокойный, и при этом энергии в нем хоть отбавляй. Стряпчие его любят, судьи тоже.
- И жена полюбит.
- Он, правда, католик...
- Все принадлежат к какой-нибудь религии.
- Миссис Колдер и я перешли в англиканство с тех пор, как умер мой отец. Он был плимутским братом, да еще каким ревностным! Чуть, бывало, выскажешь свое мнение, он тебя прямо придушить готов. То и дело стращал меня адскими муками. Понятное дело, для моего же блага. Словом, старик сам верил всерьез и не выносил, когда другие не верят. Настоящий горячий сомерсетец. Он никогда не забывал, откуда он родом, даром что жил в Пекхеме.
- Слушайте, Джордж, позвоните мне в пять, если я все-таки понадобится мистеру Дорнфорду. Я в это время на всякий случай загляну домой.

Клер пошла пешком. День был еще более весенний, чем накануне. Она миновала набережную и углубилась в Сент-Джеймс-парк. У воды уже пробивались из-под земли желтые нарциссы, и ветви деревьев набухали почками. Мягкое ласковое солнце светило Клер в спину. Такая погода долго не простоит. Зима еще ударит снова. Клер быстрым шагом прошла под колесницей, влекомой несколько неестественными конями, вид которых не столько раздражал, сколько смешил ее, миновала Памятник артиллерии, не удостоив его взглядом, и очутилась в Хайд-парке. Согретая солнцем, она медленно прогуливалась вдоль Роу. Верховая езда была ее страстью, и, видя кого-нибудь на хорошей лошади, она не могла не испытывать легкого волнения. Лошади - удивительные животные: то они горячи и норовисты, то через минуту вялы и апатичны.

Навстречу Клер приподнялись две-три шляпы. Очень высокий человек, проехавший мимо нее на холеной кобылке, остановил лошадь и повернул назад:

- Так и думал, что это вы. Лоренс говорил мне, что вы вернулись. Помните меня? Я Джек Масхем.

Клер подумала: "Слишком долговяз, но посадка отличная", - вслух ответила: "Разумеется!" - и разом насторожилась.

- Я пригласил одного вашего знакомого присматривать за моими арабскими матками.

- Да. Тони Крум мне рассказывал.

- Приятный юноша. Не знаю, конечно, достаточно ли у него подготовки, но остер он, как горчица. Как поживает ваша сестра?

- Превосходно.

- Вы должны привезти ее на скачки, леди Корвен.

- По-моему, Динни не очень интересуется лошадьми.

- Я быстро приохотил бы ее к ним. Помню...

Он оборвал фразу и нахмурился. Несмотря на томную позу, лицо у него, как отметила про себя Клер, было загорелое, прорезанное морщинами, решительное, с иронической складкой у губ. Интересно, как он отнесся бы к тому, что она провела прошлую ночь с Тони в автомобиле?

- Когда прибывают ваши матки, мистер Масхем?

- Они уже в Египте. Погрузят их на пароход в апреле. Вероятно, я сам поеду присмотрю за этим. Может быть, захвачу с собой Крума.

- С удовольствием взглянула бы на них, - сказала Клер. - У меня на Цейлоне была арабская лошадь.

- Обязательно приезжайте.

- Беблок-хайд - это около Оксфорда, правда?

- Милях в шести. Красивая местность. Буду ждать вас. До свиданья.

Джек Масхем приподнял шляпу, дал шенкеля и пустил лошадь легким галопом.

"До чего же невинной я прикинулась! Будем надеяться, что не переиграла. Я не хотела бы опростоволоситься перед ним. Мне кажется, он здорово себе на уме. Сапоги у него замечательные! А про Джерри он даже не спросил", - подумала слегка взволнованная Клер, свернула с Роу и пошла к Серпентаину.

На его залитой солнцем поверхности не было ни одной лодки, только у противоположного берега плескалось несколько уток. Разве ей не все равно, что о ней подумают? Она - как мельник с реки Ди. Только вправду ли ему не было дела до людей? Или он был просто философ? Клер села на скамейку, подставила голову солнцу, и вдруг ей захотелось спать. Что ни говори, провести ночь в автомобиле и провести ночь в постели - разные вещи. Клер скрестила руки на груди и закрыла глаза. Почти тотчас же она уснула.

Люди, проходившие между нею и сверкающим прудом, удивлялись,

что молодая, хорошо одетая женщина спит в такой ранний час. Два мальчугана с игрушечными самолетами в руках замерли перед нею, разглядывая ее черные ресницы, матовые щеки и вздрагивающие, чуть подкрашенные губы. Это были воспитанные дети - за ними присматривала гувернантка француженка; поэтому они не додумались ткнуть спящую булавкой или издать вопль у нее над ухом. Но у нее, как им казалось, не было рук; она скрестила ноги, спрятала их под скамейку, и бедра ее в такой позе выглядели неестественно длинными. Это было так занято, что, когда мальчишки проследовали дальше, один из них еще долго оборачивался и поглядывал назад.

Так, сном человека, который провел ночь в автомобиле. Клер проспала целый час этого мнимовесеннего дня.

XX

Прошло три недели, в течение которых Клер встретила с Крумом всего четыре раза. В субботу, укладывая чемодан перед вечерним кондафордским поездом, она услышала зов овечьего колокольчика и сошла вниз по винтовой лесенке.

На пороге стоял низенький человечек в роговых очках, чем-то неуловимо напоминавший представителя ученого мира. Он приподнял шляпу:

- Леди Корвен?

- Да.

- С вашего позволения, имею вручить вам вот это.

Он извлек из кармана синего пальто длинный документ и подал его Клер.

Она прочла:

"В Коронный суд,

Отделение завещательных, бракоразводных и морских дел.

Февраля двадцать шестого дня 1932 года.

По поводу прошения сэра Джералда Корвена".

Ноги у нее подкосились, она заглянула в роговые очки, скрывавшие глаза незнакомца, и выдавила:

- О!

Низенький человечек слегка поклонился. Она инстинктивно почувствовала, что он жалеет ее, и быстро захлопнула дверь у него под носом. Поднялась по винтовой лесенке, села на кушетку и закурила. Затем положила документ на колени и развернула его. Первая мысль ее была: "Какая чудовищная нелепость! Я ни в чем не виновата". Вторая: "Придется, видно, прочесть эту мерзость".

Не успела она пробежать первую строку: "Сэр Джералд Корвен, кавалер ордена Бани, покорнейше просит..." - как у нее возникла новая, третья по счету мысль: "Но это же то, чего я хочу! Я стану свободна!"

Дальше она уже читала спокойнее, пока не дошла до слов: "... истец требует взыскать с вышеназванного Джеймса Бернарда Крума, ввиду совершения последним упомянутого прелюбодеяния, возмещение в размере двух тысяч фунтов".

Тони! Да у него не то что двух тысяч фунтов - двух тысяч шиллингов не наберется. Животное! Мстительная гадина! Неожиданно сведя весь их конфликт к вульгарному чистогану, он не только глубоко возмутил ее, но и поверг в панику. Тони не должен, не может быть разорен из-за нее. Она обязана немедленно увидеться с ним! Неужели и ему?.. Конечно, ему тоже послали копию.

Клер дочитала прошение, сделала глубокую затяжку и поднялась. Подошла к телефону, вызвала междугородную и дала номер телефона в гостинице Крума.

- Можно попросить мистера Крума?.. Уехал в Лондон? На своей машине?.. Когда?

Час назад. Значит, едет к ней.

Несколько успокоившись. Клер быстро прикинула: на кондафордский поезд уже не поспеть... Она еще раз позвонила на междугородную и заказала разговор с поместьем.

- Динни? Это я. Клер. Сегодня вечером не могу приехать. Буду завтра утром... Нет! Здорова. Просто маленькие неприятности. До свиданья.

Маленькие неприятности! Она еще раз села и перечитала "эту мерзость". О них с Тони, кажется, известно все, кроме правды. А ведь ни ей, ни ему даже в голову не приходило, что за ними следят. Например, этот человек в роговых очках явно знает ее, но она его никогда не замечала. Клер ушла в туалетную и освежила лицо холодной водой. Вот тебе и мельник с реки Ди! Оказывается, играть эту роль не так-то просто.

"Он, наверно, не успел поест", - спохватилась она.

Накрыв столик в нижней комнате и поставив на него все, что было в доме съестного. Клер сварила кофе и в ожидании Крума села покурить. Она рисовала себе Кондафорд и лица родных, представляла себе также лица тети Эм и Джека Масхема, но все отеснялось на задний план лицом ее мужа с его легкой, жестокой, кошачьей усмешкой. Неужели она безропотно уступит? Неужели она даст ему восторжествовать и капитулирует без боя? Она раскаивалась, что не послушала отца и сэра Лоренса, предлагавших начать за ним слежку. Теперь поздно: пока дело не кончится, Джерри на

риск не пойдет.

Она еще сидела в раздумье у электрической печки, когда раздался шум подъехавшей машины и зазвонил колокольчик.

Крум был бледен и, видимо, продрог. Он остановился в дверях, всем своим видом выражая такое сомнение в доброжелательности приема, который его ожидает, что Клер разом протянула ему обе руки:

- Ну что, Тони, забавная история?

- Дорогая!..

- Вы совсем озябли. Выпейте бренди.

Не успел он допить, как она заговорила:

- Будем рассуждать не о том, чего мы могли бы не сделать, а только о том, что мы должны делать.

Он застонал.

- Мы, наверно, показались им ужасными простофилями. Мне и не снилось...

- Мне тоже. Да и почему нам было не поступать так, как мы поступали? Только виноватый боится закона.

Он сел и подпер голову руками:

- Видит бог, я сам хочу этого не меньше, чем ваш муж. Я мечтаю, чтобы вы освободились от него. Но я не имел права подвергать вас риску, раз вы не чувствуете ко мне того же, что я к вам.

Клер посмотрела на него и слегка улыбнулась:

- Тони, не будьте ребенком! Распространяться о чувствах сейчас бессмысленно. И увольте меня от глупых разговоров о том, что вы виноваты. Суть в том, что мы оба невиновны. Подумаем лучше, что делать.

- Не сомневайтесь в одном - я сделаю все, что вы сочтете нужным.

- По-моему, - с расстановкой произнесла Клер, - я должна поступить так, как потребуют от меня родители.

- Боже! - воскликнул Крум, вскакивая. - Ведь если мы будем защищаться и выиграем, вы останетесь привязанной к нему!

- А если не будем защищаться и проиграем, вас разорят, - отчеканила Клер.

- Черта с два! Разорить меня нельзя - можно только объявить несостоятельным.

- А ваша работа?

- Не понимаю, при чем здесь она?

- На днях я видела Джека Масхема. Он показался мне человеком, который не оставит у себя на службе соотечкича, не поставившего истца в известность о своих намерениях. Видите, я уже овладела судейским

жаргоном.

- Я не стал бы их скрывать, будь мы на самом деле любовниками.

- Seriously?

- Вполне.

- Даже, если бы я сказала: "Не надо".

- Вы бы так не сказали.

- Не знаю.

- Так или иначе, речь сейчас не об этом.

- Но о том, что, если мы не будем защищаться, вы сочтете себя непорядочным человеком.

- Боже, до чего все запутано!

- Садитесь и поедим. У меня только ветчина, но когда сердце не на месте, ветчина самое полезное блюдо.

Они уселись и пустили в ход вилки.

- Ваши родные уже знают, Клер?

- Нет, я сама всего час как узнала. Они вам тоже прислали этот миленький документик?

- Да.

- Еще кусочек?

Они молча ели еще несколько минут. Затем Тони встал:

- Благодарю, я сыт.

- Что ж, тогда покурим.

Она взяла у него сигарету и сказала:

- Вот что. Завтра утром я еду в Кондафорд, и, мне кажется, вам тоже следует поехать. Наши должны познакомиться с вами: что бы мы ни делали, все нужно делать в открытую. Есть у вас поверенный в делах?

- Нет.

- У меня тоже. Видимо, придется подыскать.

- Этим займусь я. Ах, если бы у меня были деньги!

Клер вздрогнула.

- Простите, что у меня оказался супруг, способный потребовать возмещения ущерба!

Крум сжал ей руку:

- Дорогая, я думал только об адвокатах.

- Помните, как я вам возразила на пароходе: "Порой гораздо ужаснее, когда что-нибудь начинается"?

- Никогда с этим не соглашусь!

- Я имела в виду свой брак, а не вас.

- Клер, а может быть, лучше не защищаться и предоставить событиям

идти своим ходом? Вы станете свободны, а потом... Словом, если захотите выбрать меня, я буду здесь; если нет - уеду.

- Вы очень милый, Тони, но я все-таки должна рассказать родным.

А кроме того... есть еще куча всяких обстоятельств.

Крум прошелся по комнате:

- Вы полагаете, что нам поверят, если мы будем защищаться? Не думаю.

- Мы будем говорить только голую правду.

- Люди никогда не верят голой правде. Когда вы едете завтра?

- С поездом десять пятьдесят.

- Возьмете и меня с собой или мне приехать позднее из Бебллокхайт?

- Лучше позднее, чтобы я успела им все выложить.

- Им будет очень тяжело?

- Да, не по себе.

- Ваша сестра там?

- Да.

- Это уже отратно.

- Сказать, что мои родители старомодны, было бы неточно. Они несовременны, Тони. Впрочем, когда люди задеты лично, они редко бывают современными. Адвокаты, судья и присяжные во всяком случае современными не будут. Теперь отправляйтесь, но дайте слово не гнать машину как сумасшедший.

- Можно вас поцеловать?

- Чтобы, говоря голую правду, сознаться и в этом поцелуе после трех предыдущих? Целуйте лучше руку, - рука не в счет.

Он поцеловал ей руку, пробормотал: "Храни вас бог!" - схватил шляпу и выбежал.

Клер придвинула стул к электрической печке, невозмутимо излучавшей тепло, и задумалась. Сухой жар так обжигал глаза, что под конец ей почудилось, будто у нее нет больше ни век, ни влаги под ними. Ярость медленно и бесповоротно нарастала в ней. Все, что она пережила на Цейлоне до того, как однажды утром решила на разрыв, ожило с удвоенной силой. Как он посмел обращаться с ней так, словно она девица легкого поведения, нет, хуже, потому что и та не потерпела бы такого обращения! Как он посмел поднять на нее хлыст! И как он посмел следить за ней и затеять процесс! Нет, она не сдастся.

Клер принялась методически мыть и убирать посуду. Распахнула дверь, пусть в доме гуляет сквозняк. Ночь, кажется, будет скверная, - в узком Мьюз то и дело кружится ветер.

"Как и во мне", - подумала Клер, захлопнула дверь, вынула карманное зеркальце и вздрогнула - таким бесхитростным и беспомощным показалось ей собственное лицо. Она попудрилась, подвела губы. Затем глубоко вздохнула, пожала плечами, закурила сигарету и пошла наверх. Горячую ванну!

XXI

На другой день не успела она приехать в Кондафорд, как сразу почувствовала, что атмосфера там напряженная. То ли слова, сказанные ею по телефону, то ли ее тон вселили тревогу в родителей Клер, и она сразу увидела, что притворяться веселой бесполезно, - все равно не поверят. К тому же погода стояла отвратительная - промозглая и холодная, и Клер с самого начала пришлось держать себя в напряжении.

После завтрака она избрала гостиную местом для объяснения. Вынув из сумочки полученную ею копию, она протянула ее отцу и сказала:

- Вот что мне прислали, папа.

Она услышала удивленный возглас генерала и увидела, как мать и Динни подошли к нему.

Наконец он спросил:

- В чем здесь дело? Говори правду.

Клер сняла ногу с каминной решетки и посмотрела отцу в глаза:

- Бумажка лжет. Мы ни в чем не виноваты.

- Кто он?

- Тони Крум. Мы встретились на пароходе, возвращаясь с Цейлона.

Ему двадцать шесть, он служил там на чайной плантации, а теперь получил место у Джека Масхема - будет присматривать за его арабскими матками в Беблок-хайт. Денег у него нет. Я попросила его приехать сюда к вечеру.

- Ты его любишь?

- Нет, но он мне нравится.

- А он тебя?

- Да.

- Ты говоришь, между вами ничего не было.

- Он поцеловал меня в щеку - раза два, по-моему. Это все.

- На каком же основании бумага утверждает, что третьего числа ты провела с ним ночь?

- Я поехала с ним на его машине посмотреть Беблок-хайт; на обратном пути в лесу, миль за пять до Хенли, отказали фары. Темень была непроглядная, я предложила остаться и подождать рассвета. Мы заснули, а когда рассвело, поехали дальше.

Она услышала, как мать судорожно глотнула воздух, а у отца вырвался странный горловой звук.

- А на пароходе? А у тебя на квартире? И ты утверждаешь, что между вами ничего нет, хотя он тебя любит?

- Ничего.

- Это правда?

- Да.

- Разумеется, это правда, - вмешалась Динни.

- Разумеется! - повторил генерал. - А кто в нее поверит?

- Мы не знали, что за нами слежка.

- Когда он приедет?

- С минуты на минуту.

- Ты видела его после того, как получила извещение?

- Да, вчера вечером.

- Что он говорит?

- Обещает сделать все, что я сочту нужным.

- Ну, это естественно. Надеется он, что вам поверят?

- Нет.

Генерал отошел с бумагой к окну, словно намереваясь получше разглядеть ее. Леди Черрел села. Она была очень бледна. Динни подошла к сестре и взяла ее за руку.

- Когда он приедет, - неожиданно объявил генерал, поворачиваясь к окну спиной, - я хочу повидаться с ним один на один. Попрошу, чтобы никто не говорил с ним до меня.

- "Свидетелей просят удалиться", - шепнула Клер.

Генерал вернул ей документ. Лицо у него было подавленное и усталое.

- Мне очень жаль, папа. Мы, конечно, наделали глупостей. Добродетель еще не служит себе наградой.

- Ею служит благоразумие, - отпарировал генерал. Он дотронулся до плеча Клер и пошел к двери в сопровождении Динни.

- Мама, он верит мне?

- Да, но только потому, что ты его дочь. И чувствует, что не должен бы верить.

- Ты тоже это чувствуешь, мама?

- Я верю тебе, потому что знаю тебя.

Клер наклонилась и поцеловала мать в щеку:

- Благодарю, мамочка, но мне все равно не легче.

- Ты говоришь, этот молодой человек тебе нравится. Ты познакомилась с ним на Цейлоне?

- Нет, я впервые встретила с ним на пароходе. И поверь, мама, мне сейчас не до страстей. Я даже не знаю, оживут ли они во мне. Наверно, нет.

- Почему?

Клер покачала головой:

- Я не желаю вдаваться в подробности нашей жизни с Джерри даже теперь, когда он так по-хамски потребовал возмещения ущерба. Честное слово, оно огорчает меня больше, чем мои собственные неприятности.

- Мне кажется, этот молодой человек пошел бы за тобой куда угодно и когда угодно.

- Да, но я этого не хочу. К тому же я дала обещание тете Эм. Я вроде как поклялась, что в течение года не натворю глупостей. И я держу слово - до сих пор. Но меня прямо подмывает отказаться от защиты и стать свободной.

Леди Черрел промолчала.

- А ты что скажешь, мама?

- Отец должен считаться с тем, как это отразится на репутации твоей семьи и твоей собственной.

- Что в лоб, что по лбу. В обоих случаях конец один и тот же. Если мы не будем защищаться, мне дадут развод, но он едва ли привлечет к себе внимание. Если будем, это вызовет сенсацию. "Ночь в машине" и так далее, если даже нам поверят. Представляешь себе, мама, как набросятся на нас газеты?

- Знаешь, - медленно сказала леди Черрел, - решение отца в конце концов predetermined тем, что ты рассказала про хлыст. Я никогда не видела его таким взбешенным, как после того разговора с тобой. Думаю, он потребует, чтобы вы защищались.

- Я ни за что не упомяну о хлысте перед судом. Это прежде всего бездоказательно, и потом, у меня тоже есть гордость, мама...

Динни последовала за отцом в его кабинет, который домашние иногда именовали казармой.

- Ты знакома с этим молодым человеком, Динни? - взорвался наконец генерал.

- Да. Он мне нравится. Он действительно любит Клер.

- Какой расчет ему ее любить?

- Папа, надо быть человечным!

- Ты веришь ей насчет автомобиля?

- Да. Я сама слышала, как она торжественно обещала тете Эм не делать глупостей в течение года.

- С чего ей пришло в голову давать такие обещания?

- С моей точки зрения, это ошибка.

- Как?

- Во всем этом важно одно - чтобы Клер стала свободной.

Генерал опустил голову, словно впервые услышал нечто, над чем стоит призадуматься; скулы его медленно побагровели.

- Рассказывала она тебе, - неожиданно спросил он, - то, что рассказала мне об этом субъекте и хлысте?

Динни кивнула.

- В былое время я мог бы вызвать и вызвал бы его к барьеру. Клер должна стать свободной - согласен, но только не таким путем.

- Значит, ты веришь ей?

- Она не могла солгать всем нам.

- Правильно, папа! Но поверят ли им посторонние? Поверил бы ты на месте присяжных?

- Не знаю, - угрюмо бросил генерал.

Динни покачала головой:

- Нет, не поверил бы.

- Юристов, черт бы их побрал, не проведешь. Я думаю, что Дорнфорд, например, не возьмется за такое дело.

- Он не выступает в бракоразводном суде. Кроме того. Клер - его секретарь.

- Надо посоветоваться с Кингсонами. Лоренс им верит. Отец Флер был их компаньоном.

- Тогда... - начала Динни, но дверь распахнулась.

- К вам мистер Крум, сэра.

- Остайся, Динни.

В дверях появился Крум. Он быстро взглянул на Динни и подошел к генералу:

- Клер сказала, чтобы я приехал, сэра.

Генерал кивнул. Прищурился, он в упор смотрел на предполагаемого любовника дочери. Молодой человек ответил на его взгляд, как солдат на параде, - твердо, но без вызова.

- Будем говорить без обвиняков, - резко начал генерал. - Вам не кажется, что вы впутали мою дочь в скверную историю?

- Да, сэра.

- Потрудитесь дать мне объяснения.

Крум положил шляпу на стол, расправил плечи и объяснил:

- Что бы она ни сказала вам, сэра, - все правда.

Динни с облегчением увидела, что губы ее отца дрогнули, словно по

ним пробежала улыбка.

- Это очень порядочно с вашей стороны, мистер Крум, но я жду другого. Клер изложила мне свою версию. Был бы рад услышать теперь вашу.

- Я люблю ее, сэр, люблю с первой нашей встречи на пароходе. В Лондоне мы встречались - ходили в кино, театр, картинные галереи. Я был у нее на квартире три... нет, пять раз. Третьего февраля я поехал с ней в Беблук-хайт, чтобы показать ей, где буду работать. На обратном пути, - надеюсь, она упомянула об этом? - у меня отказали фары и мы застряли из-за темноты в лесу, в нескольких милях от Хенли. Тогда мы... мы решили, что лучше не рисковать и дожидаться рассвета. Я ведь дважды съезжал с дороги. Было темно, хоть глаз выколи, фонарь я с собой не захватил. Словом, мы сидели в машине до половины седьмого утра, потом двинулись и около восьми были у нее на квартире.

Он сделал паузу, провел языком по губам, опять расправил плечи и порывисто закончил:

- Хотите верить, хотите нет, но клянусь вам, сэр, между нами ничего не было - ни в машине, ни вообще, кроме... кроме того, что она два-три раза позволила мне поцеловать ее в щеку.

Генерал, ни на секунду не спускавший с него глаз, сказал:

- Мы слышали от нее примерно то же самое. Дальше?

- Вчера, получив извещение, я сразу же поехал в город и увиделся с ней. Разумеется, сэр, я сделаю все, что она сочтет нужным.

- И вы не сговаривались с ней о том, что будете здесь рассказывать?

Динни увидела, что молодой человек весь напрягся:

- Отнюдь нет, сэр.

- Итак, вы готовы подтвердить под присягой, что между вами ничего нет, и повторить это суду? Правильно я вас понял?

- Да, сэр, если только есть надежда, что нам поверят.

Генерал пожал плечами.

- Каковы ваши денежные обстоятельства?

- Четыреста фунтов оклада в год, - криво улыбнулся Крум. - Это все, сэр.

- Знакомы вы с мужем моей дочери?

- Нет.

- И никогда с ним не встречались?

- Нет, сэр.

- Когда вы встретились с Клер?

- На второй день после отплытия в Англию.

- Чем вы занимались на Цейлоне?

- Служил на чайной плантации. Но потом ее из экономии слили с другими.

- Понятно. Ваше образование?

- Веллингтон, затем Кембридж.

- Вы поступили на службу к Джеку Масхему?

- Да, сэр, он поручил мне присматривать за его арабскими матками. Они прибудут весной.

- Значит, вы разбираетесь в лошадях?

- Да. Я их обожаю.

Динни увидела, как прищуренный взгляд генерала оторвался от молодого человека и упал на нее.

- Вы как будто знакомы с моей дочерью Динни?

- Да.

- Поручаю вас ей. Я должен все обдумать.

Молодой человек слегка поклонился, повернулся к Динни, затем снова повернулся к генералу и с достоинством произнес:

- Ужасно сожалею о случившемся, сэр, но не о том, что люблю Клер. Сказать, что жалею, - значило бы солгать. Я безумно люблю ее.

Он направился к двери, но генерал остановил его:

- Минутку. Как вы понимаете слово "любовь"?

Динни безотчетно стиснула руки. Опасный вопрос! Молодой человек круто обернулся. Лицо у него было каменное.

- Понимаю, сэр, - ответил он сдавленным голосом. - Вы спрашиваете, что это - вождение или нечто большее? Так вот - это нечто большее, иначе я не выдержал бы ночи в автомобиле.

Он опять повернулся к двери.

Динни подбежала, помогла ему открыть ее и проводила его в холл, где он остановился, хмуря брови и тяжело дыша. Она взяла его под руку и подвела к камину, где горел огонь. Они постояли, глядя на пламя; затем она сказала:

- Боюсь, что получилось чересчур резко. Но вы же понимаете: военный человек любит ясность. Во всяком случае вы, что называется, произвели на моего отца хорошее впечатление.

- Я чувствовал себя форменным чурбаном. А где Клер? Здесь?

- Да.

- Могу я видеть ее, мисс Черрел?

- Постарайтесь называть меня просто Динни. Вы можете ее видеть, но, по-моему, вам лучше повидаться и с моей матерью. Идемте в гостиную.

Он стиснул ей руку:

- Я всегда знал, что мы за вами, как за каменной стеной.

Динни поморщилась:

- Даже каменная стена не выдержит такого нажима.

- Ой, простите! Я всегда забываю, какая у меня хватка. Клер боится даже подавать мне руку. С ней все хорошо?

- Насколько это возможно в ее положении.

Тони Крум схватился за голову:

- Да, со мной ведь творится то же самое, только мне еще хуже. В таких переделках человеку просто необходимо знать, что впереди есть надежда. Вы думаете, она меня когда-нибудь полюбит?

- Надеюсь.

- А ваши родители не считают, что я гонюсь за нею просто так, - вы меня понимаете? - ну, ради забавы?

- После того, что было сегодня, - конечно, нет. Вы ведь такой, какой была когда-то и я, - прозрачный.

- Вы? Никогда не могу угадать ваши мысли.

- Это было давным-давно. Идем.

XXII

Когда Крум скрылся за снежной завесой хмурого и ветреного дня, в Кондафорде воцарилось мрачное уныние. Клер ушла к себе, объявив, что у нее головная боль и она хочет лечь. Остальные три члена семьи сидели за неубранным чайным столом и - верный признак душевной тревоги - разговаривали только с собаками.

Наконец Динни встала:

- Ну, вот что, мои дорогие, горем делу не поможешь. Во всем надо находить хорошую сторону. Ведь Клер и он могли бы оказаться не белыми как снег, а багровыми от стыда.

Генерал, словно рассуждая вслух сам с собой, заметил:

- Они должны защищаться. Нельзя давать волю этому субъекту.

- Но, папа, если Клер выйдет из переделки свободной и с чистой совестью, это же будет просто замечательно, хотя и парадоксально, а шуму будет меньше.

- Дать возвести на себя такое обвинение?

- Даже если она оправдается, ее имя будут трепать. Ночь в автомобиле с молодым человеком никому не сходит с рук. Правда, мама?

Леди Черрел слабо улыбнулась:

- Я согласна с отцом, Динни. По-моему, возмутительно, что Клер угрожает развод, хотя она не сделала ничего дурного, разве что была

неосторожна. Кроме того, не защищаться - значило бы обмануть закон, не так ли?

- Вряд ли закону есть до этого дело, дорогая. Впрочем...

И Динни замолчала, вглядываясь в удрученные лица родителей и сознавая, что в отличие от нее они придают браку и разводу некое таинственное значение, которого не умалят никакие ее слова.

- Этот юноша кажется мне порядочным человеком, - признался генерал. Нужно, чтобы он отправился к адвокатам вместе с нами.

- Папа, я, пожалуй, поеду с Клер и зайду попрошу дядю Лоренса устроить нам встречу с юристами днем в понедельник. С тобой и Тони Крумом я созвонюсь завтра утром.

Генерал кивнул и поднялся.

- Мерзкая погода! - сказал он и положил руку на плечо жене. - Не расстраивайся, Лиз. Пойми, у них один выход - говорить правду. Что ж, пойду в кабинет и посижу над планом нового свинарника. Зайди ко мне попозже, Динни...

В критические минуты жизни Динни чувствовала себя больше дома на Маунт-стрит, чем в Кондафорде. Сэр Лоренс все понимал гораздо лучше, чем ее отец, а непоследовательность тети Эм успокаивала и подбадривала девушку больше, чем тихое сочувствие ее отзывчивой матери. Кондафорд был хорош до кризиса или после него, но слишком безмятежен для душевных бурь и крутых решений. По мере того как поместья прекращали свое существование, этот загородный дом казался все более старинным, потому что в нем жила единственная семья графства, которая насчитывала не тричетыре, а множество поколений предков, обитавших в той же местности. Поместье как бы стало учреждением, освященным веками. Люди видели в "кондафордской усадьбе" и в "кондафордских Черрелах" своего рода достопримечательность. Они чувствовали, что Кондафорд живет совсем не так, как большие загородные резиденции, куда приезжают провести конец недели или поохотиться. Владельцы более мелких поместий возводили деревенскую жизнь в своеобразный культ; они наперерыв устраивали теннис, бридж, различные сельские развлечения, то и дело стреляли дичь, затевали состязания в гольф, посещали собрания, охотились на лисиц и так далее. Черрелы, пустившие здесь гораздо более глубокие корни, бросались в глаза куда меньше. Конечно, если бы они исчезли, соседям их не доставало бы; однако подлинно серьезное место они занимали только в жизни обитателей деревни.

Несмотря на то что Динни всегда находила себе в Кондафорде какоенибудь дело, она часто чувствовала себя как человек, который

проснулся глубокой ночью и пугается ее тишины; поэтому в дни испытаний - истории с Хьюбертом три года назад, ее личной трагедии позапрошлым летом и неприятностей у Клер теперь - ее немедленно начинало тянуть поближе к потоку жизни.

Она отвезла Клер на Мьюз, дала шоферу такси новый адрес и к обеду поспела на Маунт-стрит.

Там уже были Майкл с Флер, и разговор шел исключительно о литературе и политике. Майкл придерживался мнения, что газеты слишком рано принялись гладить страну по голове: этак правительство может почить на лаврах. Сэр Лоренс слушал сына и радовался, что оно этого еще не сделало.

- Как мальш, Динни? - неожиданно осведомилась леди Монт.

- Великолепно, тетя Эм, благодарю вас. Уже ходит.

- Я посмотрела родословную и высчитала, что он двадцать четвертый из кондафордских Черрелов, до это'о они были французами. Намерена Джин обзавестись вторым?

- Пари держу, что да! - воскликнула Флер. - Я не встречала женщины, более приспособленной для этого.

- Но у них не будет никако'о состояния.

- Ну, она-то уж сообразит, как обеспечить их будущее.

- Почему "сообразит"? Странное выражение! - удивилась леди Монт.

- Динни, как Клер?

- У нее все в порядке.

- Ничего нового?

Ясные глаза Флер словно вонзились в мозг девушки.

- Нет, но...

Голос Майкла нарушил воцарившееся молчание:

- Дорнфорд подал очень интересную мысль, папа. Он полагает...

Динни пропустила интересную мысль Дорнфорда мимо ушей, - она обдумывала, посвящать ли Флер в дела Клер. Конечно, никто не ориентируется в житейских вопросах быстрее, никто не судит о них с более здравым цинизмом, чем Флер. Хранить тайну она тоже умеет. Но поскольку тайна все-таки принадлежала Клер, Динни решила, что сперва посоветуется с сэром Лоренсом.

Это ей удалось лишь поздно вечером. Он выслушал новость, приподняв бровь.

- Целую ночь в автомобиле, Динни? Это уж чуточку слишком. К адвокатам я отправлюсь завтра в десять утра. Там теперь всем заправляет очень молодой Роджер, троюродный брат Флер. Я поговорю с ним: он,

вероятно, скорее поверит Клер, чем его престарелые компаньоны. Ты тоже пойдешь со мной как доказательство нашей правдивости.

- Я никогда не была в Сити.

- Любопытное местечко, - кажется, что попадаешь на край света. Романтика и ученый процент. Приготовься к легкому шоку.

- По-вашему, они должны защищаться?

Быстрые глаза сэра Лоренса остановились на лице племянницы:

- Если ты хочешь спросить меня, поверят ли им, я отвечу - вряд ли. Но в конце концов это мое личное и не обязательное для тебя мнение.

- А вы сами верите им?

- Здесь я полагаюсь на тебя, Динни. Тебя Клер не обманет.

Динни вспомнились лица сестры и Тони Крума и она ощутила внезапный наплыв чувств.

- Они говорят правду и всем своим видом подтверждают это. Грех не верить им.

- Таких грехов в нашем грешном мире не оберешься. Ты бы лучше ложилась, дорогая: у тебя утомленный вид.

В спальне, где Динни столько раз ночевала во время собственной драмы, она вновь испытала прежнее кошмарное чувство, что Уилфрид где-то рядом, но она не может до него дотянуться, и в ее усталой голове, как припев, звучали слова: "Еще одну реку, переплывем еще одну реку..."

На другой день, в четыре часа пополудни, контора "Кингсон, Кэткот и Форсайт", помещавшаяся в желтом, тихом, как заводь, закоулке Олд Джуэри, подверглась нашествию клана Черрелов.

- А где старик Грэдмен, мистер Форсайт? - услышала Динни вопрос дяди. - Все еще у вас?

"Очень молодой" Роджер, которому было сорок два, ответил голосом, несколько контрастировавшим с массивностью его подбородка:

- По-моему, он живет на покое не то в Пиннере, не то в Хайгете, словом, где-то в той стороне.

- Рад слышать, что он жив, - отозвался сэр Лоренс. - Старый Фор... ваш родственник отзывался о нем с большим уважением. Крепкий человек, викторианская порода.

"Очень молодой" Роджер улыбнулся:

- Почему бы нам всем не присесть?

Динни, впервые попавшая в адвокатскую контору, разглядывала тома свода законов, выстроившиеся вдоль стен, пухлые папки с делами, желтоватые жалюзи, унылый черный камин, где горела горсточка угля, не дававшая, казалось, никакого тепла, скатанный в трубку и

повешенный около двери, низенькую плетеную корзинку на письменном столе, перья, сургуч, самого "очень молодого" Роджера, и ей почему-то вспомнился гербарий ее первой гувернантки, которая собирала морские водоросли. Затем она увидела, как ее отец поднялся и вручил юристу бумагу:

- Мы пришли вот по этому делу.

"Очень молодой" Роджер взглянул на заголовок извещения, потом, поверх него, - на Клер.

"Откуда он знает, кто из нас двоих Клер? - удивилась Динни.

- Обвинение не соответствует истине, - пояснил генерал.

"Очень молодой" Роджер погладил подбородок и углубился в чтение.

Взглянув на него сбоку, Динни увидела, что профиль его стал почти острым.

Он заметил, что Динни наблюдает за ним, опустил бумагу и сказал:

- Видимо, они торопятся. Я вижу, что истец подписал прошение в Египте. Он поступил так ради экономии времени, - это ясно. Вы мистер Крум?

- Да.

- Вам угодно, что мы выступали также и от вашего имени?

- Да.

- Тогда попрошу остаться леди Корвен и вас. Я приглашу вас, сэр Конуэй, несколько позднее.

- Вы не будете возражать, если здесь останется моя сестра?

Динни встретила глазами с адвокатом.

- Отнюдь.

У девушки не было уверенности, что он действительно так думает.

Генерал и сэр Лоренс вышли. Наступило молчание. "Очень молодой" Роджер облокотился на камин и неожиданно для присутствующих взял понюшку табаку. Теперь Динни разглядела его как следует: худой, высокий, подбородок массивный, волосы тускло-песочного цвета, щеки тоже.

- Леди Корвен, ваш отец утверждает, что эти... э-э... обвинения не соответствуют истине.

- Факты достоверны, но освещены неправильно. Между мной и мистером Крумом не было ничего, кроме трех поцелуев в щеку.

- Понятно. А ночью в автомобиле?

- Совсем ничего, - ответила Клер. - Даже поцелуев в щеку.

- Ничего, - подтвердил Крум. - Абсолютно ничего.

"Очень молодой" Роджер провел языком по губам.

- С вашего позволения, я хотел бы услышать, каковы ваши истинные

чувства друг к другу, если они у вас, конечно, есть.

- Мы говорим голую правду, как сказали ее и моим родным, - подчеркнуто внятным голосом объявила Клер. - Вот почему я попросила, чтобы вы позволили моей сестре остаться. Так ведь, Тони?

Губы "очень молодого" Рождера разжались. Динни показалось, что он не совсем такой, каким обычно бывают законники; даже в его одежде было что-то неожиданное - то ли покрой жилета; то ли галстук. И потом, эта понюшка - характерный штрих. Не пропадает ли в Роджере художник?

- Слушаю вас, мистер Крум.

Тони густо покраснел и почти сердито взглянул на Клер.

- Я ее люблю.

- Так, - отозвался "очень молодой" Роджер, вторично вытаскивая табакерку. - А вы, леди Корвен, относитесь к нему, как к другу?

Клер кивнула, и на лице ее выразилось легкое удивление.

Динни почувствовала признательность к адвокату, который в эту минуту поднес к носу цветной платок.

- Автомобиль - просто случайность, - быстро добавила Клер. - В лесу не видно было ни зги, фары у нас отказали, и мы побоялись появиться вместе на людях в такой поздний час.

- Ясно. Простите за мой вопрос, но готовы ли вы оба заявить суду под присягой, что ни в ту ночь, ни ранее между вами не было ничего, за исключением, как вы говорите, трех поцелуев?

- В щеку, - уточнила Клер, - одного под Кондафордом - я сидела в машине, Тони стоял на шоссе; двух других... Где это было, Тони?

- У вас на квартире, - выдавил Тони сквозь зубы, - после того как мы не виделись больше двух недель.

- И никто из вас не замечал, что за вами... э-э... наблюдают?

- Мой муж угрожал мне этим, но мы оба ничего не подозревали.

- Вы сообщите мне причину, побудившую вас покинуть мужа, леди Корвен?

Клер покачала головой:

- Ни здесь, ни где бы то ни было я не стану говорить о нашей с ним жизни. И к нему не вернусь.

- Не сошлись характерами или что-нибудь худшее?

- Худшее.

- Но никакого конкретного обвинения? Вы понимаете, насколько это важно?

- Да, но не желаю обсуждать это даже в частной беседе.

Крума порвало:

- Он вел себя с ней как животное!
- Вы встречались с ним, мистер Крум?
- Ни разу в жизни.
- Но как же...

- Он думает так потому, что я ушла от Джерри внезапно. Больше он ничего не знает.

Динни увидела, что "очень молодой" Роджер перевел взгляд на нее. "Ты-то знаешь!" - говорили, казалось, его глаза. "Он не дурак", - подумала девушка.

Адвокат, слегка прихрамывая, отошел от камина, снова сел за стол, взял извещение, прищурился и объявил:

- Приводимые здесь улики вряд ли достаточны для суда. Я не уверен даже, что это вообще улики. Однако перспективы у нас не блестящие. Если бы вы могли мотивировать разрыв с мужем какой-нибудь веской причиной, а нам удалось обойти эту ночь в автомобиле... - Он метнул острый птичий взгляд сначала на Клер, потом на Крума. - Не можете же вы уплатить возмещение ущерба и принять на себя судебные издержки, раз вы ни в чем не виноваты.

Глаза его опустились, и Динни подумала: "Если он и поверил, это не бросается в глаза".

"Очень молодой" Роджер поднял нож для бумаги:

- Нам, возможно, удастся свести возмещение ущерба к сравнительно умеренной сумме. Для этого вы должны опротестовать иск и больше в суд не являться. Могу я узнать, каковы ваши денежные обстоятельства, мистер Крум?

- Ни пенса за душой, но это неважно.

- А что, собственно, означает "опротестовать иск"? - осведомилась Клер.

- Вы вдвоем являетесь в суд и отрицаете свою виновность. Вас подвергают перекрестному допросу, а мы подвергаем допросу истца и детективов. Но скажу откровенно: если вы не мотивируете разрыв с мужем достаточно веской причиной, судья почти наверняка будет против вас. И, - добавил он по-человечески просто, - ночь, пусть даже проведенная в машине, всегда остается ночью, особенно в бракоразводном процессе, хотя, повторяю, это не такие улики, каких обычно требует суд.

- Мой дядя считает, - спокойно вставила Динни, - что часть присяжных им все-таки поверит и что размеры возмещения ущерба в любом случае можно уменьшить.

"Очень молодой" Роджер кивнул:

- Посмотрим, что скажет мистер Кингсон. Теперь я хотел бы снова поговорить с вашим отцом и сэром Лоренсом.

Динни подошла к двери и распахнула ее перед сестрой и Крумом. Потом обернулась и взглянула на "очень молодого" Роджера. У него было такое лицо, как будто кто-то уговаривал его не быть реалистом. Он перехватил взгляд девушки, смешно дернул головой и вытащил табакерку. Динни закрыла дверь и подошла к нему:

- Вы ошибаетесь, если не верите им. Они говорят сушную правду.

- Почему она оставила мужа, мисс Черелл?

- Раз она не сказала этого сама, я тоже не скажу. Но я убеждена, что сестра права.

Он пристально посмотрел на нее все тем же острым взглядом:

- Я все-таки предпочел бы, чтобы на ее месте были вы, - сказал он вдруг, взял понюшку и повернулся к генералу и сэру Лоренсу.

- Итак? - спросил генерал.

Лицо "очень молодого" Роджера неожиданно приобрело еще более песочный оттенок.

- Если у нее и были достаточно веские основания порвать с мужем...

- Были.

- Папа!

- ...она, очевидно, не станет приводить их.

- Я тоже не стала бы, - спокойно вставила Динни.

- Но от этого может зависеть исход дела, - возразил "очень молодой" Роджер.

- А оно грозит юному Круму чем-нибудь серьезным? - осведомился сэр Лоренс.

- Безусловно, сэр Лоренс, и независимо от того, будут они защищаться или нет. Я еще поговорю с каждым из них в отдельности, затем выясню точку зрения мистера Кингсона, а завтра сообщу ее вам. Не возражаете, генерал?

- Больше всего в этой истории меня возмущает Корвен! - воскликнул сэр Конуэй.

- Разумеется, - отозвался "очень молодой" Роджер, и Динни подумала: "Впервые слышу, чтобы это слово произносили так неуверенно".

XXIII

Динни сидела в пустой, но тем не менее тесной приемной и листала "Тайме". Тони Крум стоял у окна.

- Динни, - спросил он, оборачиваясь, - не придумаете ли вы, как мне хоть немного помочь ей в этой мерзкой истории? Все ведь произошло в

известном смысле по моей вине, несмотря на то что я старался держать себя в руках.

Динни посмотрела на его удрученное лицо:

- Нет, не придумую. Я знаю только одно, - надо говорить правду.

- Этот адвокат внушает вам доверие?

- Пожалуй, да. Мне нравится, что он нюхает табак.

- Знаете, я не верю, что есть смысл опротестовывать иск. Чего ради выставлять Клер на позорище? Пусть меня объявляют несостоятельным. Какое это имеет значение?

- Мы обязаны это предотвратить.

- Неужели вы думаете, что я допущу...

- Оставим споры, Тони. На сегодня хватит. До чего здесь неуютно, верно? У дантиста и то не так голо: на стенах гравюры, на столе старые журналы; и потом, туда можно приходиться с собакой.

- А курить здесь разрешается?

- Несомненно.

- Вот сигареты, только у меня дешевка.

Динни взяла сигарету, и с минуту они помолчали, глубоко затягиваясь дымом.

- Как все мерзко! - внезапно вырвалось у Тони. - А ведь этому субъекту придется приехать на суд, правда? Он, наверно, никогда не любил Клер всерьез.

- Нет, любил. "Souvent homme varie, bien folte est qui s'y fie" [10].

- Ну, пусть он лучше со мной не встречается! - мрачно бросил Крум. Он снова отошел к окну и уставился на улицу. Динни сидела и думала о той отвратительной, как собачья травля, сцене, когда встреча двух мужчин всетаки состоялась и повлекла за собой такие печальные последствия для нее, Динни.

Вошла Клер. Ее обычно бледные щеки багровели румянцем.

- Тони, ваш черед.

Крум отошел от окна, заглянул ей в лицо и направился в кабинет адвоката. Динни стало глубоко жаль его.

- Уф! - перевела дух Клер. - Уйдем поскорей отсюда.

На улице она прибавила:

- Жалею, Динни, что мы с ним не любовники. Даже это было бы лучше, чем наше дурацкое положение, когда нам все равно никто не верит.

- Мы верим.

- Да, ты и отец. Но ни этот тип с табакеркой, ни остальные нам не поверят. Впрочем, я решила пройти через все. Я не брошу Тони в беде и,

насколько смогу, ни на шаг не отступлю перед Джерри.

- Давай выпьем чаю, - предложила Динни. - В Сити, наверно, тоже пьют где-нибудь чай.

Вскоре на одной из людных улиц они обнаружили ресторанчик.

- Итак, "очень молодой" Роджер тебе не понравился? - спросила Динни, усаживаясь за круглым столик.

- Да нет, он вполне приличный и, по-моему, даже славный. Видимо, юристы просто не умеют верить людям. Но помни, Динни, ничто не изменит моего решения - рассказывать о своей семейной жизни я не стану. Не желаю, и конец.

- Я понимаю Форсайта. Ты вступаешь в бой, заранее проиграв его.

- Я не позволю адвокатам касаться этой стороны вопроса. Мы им платим, и пусть они делают то, что нам угодно. Кстати, я прямо отсюда поеду в Темпл, а может, и в палату.

- Прости, что я еще раз вернулась ко всему этому, но как ты намерена вести себя с Тони Крумом до суда?

- Так же, как до сих пор, исключая ночь в автомобиле. Впрочем, я и сейчас не понимаю, какая разница между днем и ночью, машиной или любым другим местом!

- Юристы, видимо, исходят из представления о человеческой натуре вообще, - сказала Динни и откинулась на спинку стула. Сколько вокруг девушек и молодых людей, торопливо поглощающих чай, булочки, сдобу, какао! Взрывы болтовни сменяются тишиной; в спертом воздухе между столиками снуют проворные официанты. Что же такое человеческая натура вообще? Разве не модно сейчас утверждать, что пора изменить представление о ней и покончить с пуританским прошлым? И все-таки этот ресторанчик ничем не отличается от того, куда ее мать заходила с нею перед войной и где Динни было так интересно, потому что хлеб там выпекали не на дрожжах, а на соде. Да ведь и бракоразводный суд, в котором Динни никогда не бывала, тоже остался прежним.

- Ты допила, старушка? - спросила Клер.

- Да. Я провожу тебя до Темпла.

Прощаясь у Мидл-Темпл Лейн, они вдруг услышали высокий приятный голос:

- Вот удача!

Дорнфорд быстро, хотя и легко, сжал руку Динни.

- Если вы идете в палату, я забегу за вещами и сразу вернусь сюда, сказала Клер, удаляясь.

- Очень тактично! - обрадовался Дорнфорд. - Давайте постоим под

этим порталом. Динни, я - пропащий человек, когда слишком долго не вижу вас. Иаков служил четырнадцать лет, добиваясь Рахили. Теперь людской век стал короче, поэтому каждый мой месяц можно приравнять к году служения Иакова.

- Им было легче ждать - они странствовали.

- Знаю, но все-таки тоже буду ждать и надеяться. Да, мне остается только ждать.

Динни, прислонясь к желтому portalу, смотрела на Дорнфорда. Лицо его подергивалось. Охваченная жалостью, девушка сказала:

- Может быть, настанет день, когда я вернусь к жизни. Тогда я больше ждать не стану. До свиданья и благодарю.

Этот внезапный безотчетный порыв усугубил тревогу, в которой пребывала Динни. Возвращаясь домой на автобусе, она видела перед собой подергивающееся лицо Дорнфорду, и это вселяло в нее томительное беспокойство. Она не хочет быть причиной его страданий, - он симпатичный человек, внимателен к Клер, у него приятный голос и привлекательное лицо, а в смысле духовных интересов он гораздо ближе к ней, чем был Уилфрид, Но разве она испытывает к нему то неистовое и сладостное влечение, которое приводит к переоценке всех ценностей и заключает весь мир в одном существе, в единственном, долгожданном и любимом человеке? Динни сидела не шевелясь, устремив взгляд поверх головы какой-то женщины на противоположной скамье автобуса, которая судорожно сжимала рукой опущенную на колени сумочку и всем своим видом напоминала охотника, отыскивающего дорогу через незнакомый лес или поле. На Риджент-стрит зажигались огни - наступал холодный бесснежный вечер. Здесь раньше тянулась извилистая линия крыш - красивые невысокие желтые здания Квадранта. Динни вспомнила, как, едучи на крыше автобуса, она спорила с Миллисент Пол о старой Риджент-стрит. Все, все меняется на этом свете! Она закрыла глаза, и перед нею встало лицо Уилфрида с растянутыми в улыбке губами, каким она видела его в последний раз, когда столкнулась с ним в Грин-парке.

Кто-то наступил ей на ногу. Открыв глаза, она извинилась:

- Простите.

- Пожалуйста.

До чего вежливо! Люди с каждым годом становятся все вежливее!

Автобус остановился. Динни поторопилась выйти. На Кондюит-стрит она прошла мимо портного, у которого одевался ее отец. Бедный, он давно здесь не был: одежда стоит недешево. Поэтому он утверждает, что терпеть не может неразношенных костюмов. Динни выбралась на Бонд-стрит.

Как раз в эту минуту полисмен-регулирующий приостановил движение и вся улица превратилась в одну нескончаемую линию замерших машин. А ведь Англия разорена! Девушка свернула на Брутон-стрит и вдруг заметила впереди знакомую фигуру. Человек брел с опущенной головой. Девушка нагнала его:

- Стэк!

Он поднял голову, по его щекам катились слезы. Он заморгал темными, чуть выкаченными глазами и провел рукой по лицу.

- Вы, мисс? А я как раз шел к вам, - сказал он и подал ей телеграмму.

Она встала под тусклым фонарем, поднесла ее к глазам и прочла:

"Генри Стэку Лондон Корк-стрит 50-а тчк Прискорбием извещаем что высокочтимый У илффрид Дезерт утонул время экспедиции в глубь страны тчк Тело опознано погребено на месте тчк Известие получено только что зпт сведения абсолютно достоверные тчк Соболезнуем тчк Британское консульство Бангкоке".

Динни окаменела и стояла, ничего не видя. Пальцы Стэка осторожно вынули телеграмму из рук девушки.

- Так, - уронила она. - Благодарю. Снесите ее мистеру Монту, Стэк.

Не надо убиваться.

- Ох, мисс!

Динни коснулась пальцами его рукава, тихонько подтолкнула его и поспешно зашагала прочь.

Не надо убиваться! Пошел мокрый снег, Динни подняла лицо и ощутила легкое покалывание - прикосновение снежинок. Для нее Уилфрид давно уже мертв. Но теперь он мертв по-настоящему! Какая даль, какая страшная даль разделяет их! Он покоится где-то на берегу реки, чьи воды поглотили его, в лесном безмолвии, куда никто никогда не придет взглянуть на его могилу. Воспоминания навалились на Динни с такой силой, что она вдруг ощутила слабость во всем теле и чуть не рухнула на заснеженный тротуар. Она схватилась затянутой в перчатку рукой за ограду какого-то дома и с минуту постояла около нее. Вечерний почтальон замедлил шаг и посмотрел на девушку. Может быть, в глубине ее сердца еще тлел слабый огонек надежды на возвращение Уилфрида; а может быть, все дело в снеге и холоде, который пронизал ее до костей? Как бы то ни было, она чувствовала, что у нее внутри все мертвенно застыло и оцепенело.

Она кое-как добралась до Маунт-стрит и вошла в дом. Здесь ее охватил внезапный ужас: вдруг она выдаст себя, пробудит к себе жалость, участие - словом, сочувствие в любой форме? Она проскользнула в свою комнату. Эта смерть не касается никого, кроме нее. И гордость так всколыхнулась в

Динни, что даже сердце у нее стало холодным, как камень.

Горячая ванна до некоторой степени вернула ее к жизни. Она переоделась к обеду и сошла вниз.

Вечер прошел в тягостном молчании, изредка прерываемом вспышками разговора, поддерживать который было еще тягостнее. Динни совсем расхворалась. Когда она поднялась к себе с намерением лечь, к ней вошла тетя Эм:

- Динни, ты похожа на привидение.

- Я озябла, тетя.

- Еще бы! Юристы любо'о расхолодят. Я принесла тебе глинтвейн на молоке.

- Замечательно! Я давно хотела попробовать, что это за штука.

- Ну вот и пей!

Динни выпила и с трудом отдышалась.

- Жутко крепко!

- Да. Твой дядя сам при'отавлил. Звонил Майкл.

Леди Монт взяла стакан, наклонилась, поцеловала Динни в щеку и объявила:

- Это все. А теперь ложись, иначе заболеешь.

Динни улыбнулась:

- Я не заболею, тетя Эм.

На другое утро, выполняя это решение, она спустилась к завтраку.

Оракул изрек свой приговор: пришло отпечатанное на машинке письмо за подписями Кингсона, Кэткота и Форсайта. Оно рекомендовало леди Корвен и мистеру Круму опротестовать иск. Выполнив эту предварительную процедуру, они получают дальнейшие указания.

Все, даже Динни, чье сердце и без того мертвенно застыло, ощутили тот холодок в груди, который сопровождает получение письма от юриста.

Девушка вместе с отцом отправилась в Кондафорд утренним поездом, на прощанье повторив тете Эм ту же магическую формулу: "Я не заболею".

XXIV

Тем не менее она заболела и в течение месяца, проведенного ею в своей кондафордской келье, не раз испытывала желание умереть и уйти от всего. Оно легко могло бы осуществиться, но, к счастью, по мере того, как таяли силы Динни, ее вера в загробную жизнь не крепла, а слабела. Мысль о соединении с Уилфридом там, где нет ни скорби, ни суеты этого мира, таила в себе роковую притягательность; однако перспектива исчезновения в сонном небытии, хотя и не пугавшая девушку, несколько не соблазняла ее и казалась тем более противоестественной, что здоровье в конце концов

начало возвращаться к Динни. Внимание окружающих оказывало на нее незаметное, но непреодолимо целительное воздействие. Деревня ежедневно требовала бюллетень о состоянии ее здоровья; ее матери ежедневно звонил и писал добрый десяток знакомых. Каждую субботу Клер привозила ей цветы от Дорнфорда. Тетя Эм два раза в неделю посылала ей плоды трудов Босуэла и Джонсона, а Флер бомбардировала ее дарами Пикадилли. Эдриен без всякого предупреждения трижды наведлся в Кондафорд. Хилери, как только миновал кризис, начал присылать ей смешные записочки.

Тридцатого марта весна внесла к ней в комнату юго-западный ветер, первый букетик цветов, сережки вербы, веточку дрека. Динни сразу пошла на поправку и три дня спустя выбралась на воздух. Все в природе действовало на нее с давно уже не изведанной остротой. Крокусы, желтые нарциссы, набухшие почки, солнечные блики на крыльях голубей, контуры и цвет облаков, благоуханный ветер приводили ее в почти болезненное волнение.

Но ей все еще хотелось никого не видеть и ничего не делать. Эта странная апатия побудила ее принять приглашение Эдриена поехать с ним за границу на время его короткого отпуска.

Из Аржелеса в Пиренеях, где они прожили две недели, Динни увезла воспоминание о совместных прогулках, о цветах, которые они собирали, о пиренейских овчарках, о цветущем миндале и долгих беседах с дядей.

Захватив с собой завтрак, они уходили на целый день, а поводы поговорить представлялись на каждом шагу. В горах Эдриен становился разговорчивым. Он и сейчас оставался тем же страстным альпинистом, каким был в молодости, но Динни догадывалась, что дело не только в этом: он пытался вывести ее из летаргии, в которую она погрузилась.

- Когда перед войной мы с Хилери поднимались на Малого грешника в Доломитах, - сказал он однажды, - я впервые почувствовал близость бога. Это было давным-давно - девятнадцать лет назад. А когда ты чувствовала себя ближе всего к богу?

Динни промолчала.

- Сколько тебе сейчас лет, дорогая? Двадцать семь?

- Скоро двадцать восемь.

- Ты все еще на пороге. Разговор по душам, кажется, не приносит тебе облегчения?

- Вам пора знать, дядя, что разговоры по душам - не в обычаях нашей семьи.

- Верно, Динни! Чем нам тяжелей, тем мы молчаливей. Но не нужно

слишком замыкаться в своем горе.

- Теперь я понимаю женщин, которые уходят в монастырь или отдаются благотворительности, - неожиданно призналась Динни. - Раньше я объясняла это отсутствием чувства юмора.

- Это может также объясняться отсутствием мужества или его избытком и фанатическим характером.

- Или погубленной молодостью.

Эдриен взглянул на племянницу:

- Твоя еще не погублена, Динни, - надломлена, но не погублена.

- Будем надеяться, дядя. Но ей пора бы уже оправиться.

- Ты стала лучше выглядеть.

- Да, теперь даже тетя Эмили сказала бы, что я достаточно ем. Но заниматься своей персоной ужасно скучно.

- Согласен. Однако...

- Не зашивайте рану иглой, милый дядя, - она со временем затянется изнутри.

Эдриен улыбнулся:

- Я как раз подумал о детях.

- Мы пока еще не умеем делать их синтетическим путем. Я чувствую себя прекрасно и счастлива, что все сложилось именно так, как сейчас. Я рассказывала вам, что старая Бетти умерла?

- Добрая душа! Когда я был маленьким, она частенько совала мне карамельку.

- Она была настоящим человеком, неровня нам. Мы слишком много читаем, дядя.

- Безусловно. Нужно больше ходить, а читать меньше. Давай позавтракаем.

Возвращаясь в Англию, они на трое суток задержались в Париже, где остановились в маленьком отеле над рестораном, недалеко от вокзала Сен-Лазар. Камин там топили дровами, постели были удобные.

- Только французы понимают толк в настоящей постели, - заметил

Эдриен.

Кухня в ресторане была рассчитана на завсегдатаев скачек и вообще любителей хорошо поесть. Официанты в передниках выглядели, по выражению Эдриена, как монахи, которых заставили трудиться: они разливали вино и заправляли салаты так, словно совершали обряд. Динни и ее дядя были единственными иностранцами в отеле и почти единственными в Париже.

- Замечательный город, Динни! Если не считать Эйфелевой башни и

такси, сменивших фиакры, я не замечаю здесь при дневном свете никаких существенных перемен по сравнению с восемьдесят восьмым годом, когда твой дед был послан в Копенгагене "и я впервые приехал сюда. В воздухе тот же запах кофе и дров; у людей те же широкие спины и красные пуговицы; на улицах те же столики перед теми же кафе, те же афиши, те же смешные лотки букинистов, то же бешеное движение; повсюду тот же французский серый цвет, - даже небо серое, - и та же несокрушимая уверенность в том, что жить можно только в Париже. Париж - законодатель мод и в то же время самый консервативный город в мире. Известно, что этот неизменный город избрала ареной своей деятельности вся передовая литературная братия, которая считает, что мир начался самое раннее в тысяча девятьсот четырнадцатом году, выбрасывает на свалку все созданное до войны, презирает все долговечное и в большинстве своем состоит из евреев, ирландцев и поляков. То же относится к художникам, музыкантам и всем вообще экстремистам. Они съезжаются сюда, болтают и растрачивают жизнь на всякие эксперименты, а добрый старый Париж посмеивается и живет сам по себе, как всегда занятый практическими делами, тревоугодием и своим собственным прошлым. Анархия в Париже - все равно что пена на пиве.

Динни сжала локоть Эдриена:

- Поездка пошла мне на пользу, дядя. Должна признаться: я впервые за последние годы чувствую себя такой жизнерадостной.

- Ага! Я же говорил: Париж возбуждает чувства. Зайдем внутрь кафе сидеть на улице слишком холодно. Что будешь пить - чай или абсент?

- Абсент.

- Он тебе не понравится.

- Ладно, тогда чай с лимоном,

Дождаясь чая в неторопливой сумятице "Кафе де ла Пе", Динни смотрела на бородатое худое лицо дяди и видела, что он чувствует себя "в своей тарелке": выражение заинтересованности и довольства, появившееся у него здесь, делало Эдриена неотличимым от парижан.

Но можно ли одновременно проявлять интерес к жизни и пренебрегать собой? Динни осмотрелась. Ее соседи не были ни примечательны, ни типичны, но все поголовно казались людьми, которые делают то, что им нравится, а не стремятся к какой-то цели.

- Они поглощены данной минутой, верно? - неожиданно спросил Эдриен.

- Да, я думала именно об этом.

- Французы владеют искусством жить. Мы, англичане, либо надеемся

на будущее, либо скорбим о прошлом, упуская драгоценное настоящее.

- Почему они так отличны от нас?

- У них меньше северной крови, больше вина и масла, головы круглее наших, тела коренастее, а глаза преимущественно карие.

- Ну, этого все равно не изменишь.

- Французы в основе своей - люди золотой середины. У них в высшей степени развито чувство равновесия. Их интеллект и чувства умеряют и дополняют друг друга.

- Зато французы легко толстеют, дядя.

- Да, но равномерно: у них ничто не выходит из нормы, и они отлично сохраняются. Я, конечно, предпочитаю быть англичанином, но, не будь я им, я хотел бы родиться французом.

- А разве не стоит стремиться к чему-то лучшему, нежели то, чем уже обладаешь?

- А ты замечала, Динни, что там, где мы говорим: "Ведите себя хорошо", - они говорят: "Soyez sage" [11]. В этом есть глубокий смысл. Я не раз слышал, как французы объясняли нашу замкнутость пуританскими традициями. Но это значит - ошибочно принимать следствие за причину, кажимость за сущность. Допускаю, что в нас живет тоска по земле обетованной, но пуританство было только таким же элементом этой тоски, как наша страсть к путешествиям и колонизаторские способности, протестантизм, скандинавская кровь, море и климат. Ни один из этих элементов не способствует овладению искусством жить. Посмотри на наш индустриализм, на наших старых дев, оригиналов, филантропов, поэзию! Мы выходим из нормы во всех отношениях. У нас, правда, есть несколько в высшей степени уравнилельных институтов - закрытые школы, крикет во всех его формах, но в целом мы народ крайностей. Для среднего британца всегда характерна исключительность, и он втайне гордится ею, хотя панически боится ее обнаружить. Где еще на земле найдешь народ с более разнообразным строением скелета и большими странностями, чем англичане? Мы изо всех сил стараемся быть средними людьми, но, видит бог, вечно выходим из нормы.

- Вы изрекаете откровения, дядя.

- А ты оглянись вокруг, когда приедем домой.

- Оглянусь, - обещала Динни.

На другой день они успешно перебрались через канал, и Эдриен доставил девушку на Маунт-стрит.

Целуя его на прощание, она сжала ему мизинец:

- Вы сделали для меня бесконечно много, дядя.

За последние полтора месяца Динни почти не думала о злоключениях Клер; поэтому она немедленно потребовала сводку последних известий. Выяснилось, что иск уже опротестован со всеми вытекающими отсюда последствиями и что дело, видимо, будет назначено к слушанию в ближайшее время.

- Я не видел ни Клер, ни юного Крума, - сообщил сэр Лоренс, - но Дорнфорд рассказывал мне, что у них все по-прежнему. "Очень молодой" Роджер все так же твердит, что Клер должна рассказать о своей семейной жизни.

- Очевидно, юристы считают, что суд - это исповедадьня, где люди исповедуются в грехах своих врагов.

- А разве это не так?

- Вот что. Клер не желает и не будет говорить. Принуждать ее к этому - большая ошибка. Что слышно о Джерри?

- Наверно, уже выехал, если только хочет поспеть на суд.

- Что будет с Тони Крумом, если они, предположим, проиграют?

- Поставь себя на его место, Динни. Как бы ни повернулось дело, судья, видимо, будет против него. На то, чтобы истец простил его, он тоже не согласится. Просто не представляю себе, что с ним сделают, если он не сможет заплатить. Наверняка что-нибудь скверное. А тут еще встает вопрос, как отнесется к этому Джек Масхем. Он ведь человек со странностями.

- Да, - тихо согласилась Динни.

Сэр Лоренс выронил монокль:

- По мнению твоей тетки, юному Круму следует уехать на золотые прииски, разбогатеть, вернуться и жениться на Клер.

- Об этом надо спросить Клер.

- Разве она его не любит?

Динни покачала головой:

- Нет, но может полюбить, если его разорят.

- Гм! Ну, а как ты-то себя чувствуешь, дорогая? Оправилась?

- О да!

- Майкл хочет тебя видеть.

- Завтра заеду к ним.

Кроме этих скупых, хотя и многозначительных фраз, о событии, повлекшем за собой болезнь девушки, не было сказано ни слова.

XXV

На следующее утро Динни сделала над собой усилие и отправилась на Саут-сквер. С тех пор как Уилфрид уехал в Сиам, она была здесь один раз

вместе с Клер в день ее приезда с Цейлона.

- Он у себя в кабинете, мисс.

- Благодарю вас, Кокер, я пройду наверх.

Майкл не услышал, как она вошла, и девушка немного постояла, рассматривая карикатуры, которыми были увешаны стены. Ее всегда поражало, почему Майкл, склонный переоценивать человеческие достоинства, окружает себя работами тех, кто посвятил жизнь преувеличению человеческих недостатков.

- Не помешала, Майкл?

- Динни? Ты чудно выглядишь! И задала же ты нам страху, старушка! Садись. А я тут как раз занимался картофелем. Статистика - страшно путаная штука.

Они немного поговорили и вскоре умолкли: оба понимали, зачем она пришла.

- Ты хотел мне что-то передать или сказать, Майкл?

Он выдвинул один из ящичков стола и вынул оттуда сверточек. Динни положила его на колени и развернула. Там было письмо, маленькая фотография и орденская ленточка.

- Вот его карточка для паспорта и ленточка ордена "За боевые заслуги". В письме есть кое-что о тебе, вернее, оно целиком касается тебя. Словом, все это - тебе. Извини, мне нужно поговорить с Флер, пока она не ушла.

Динни сидела не шевелясь и глядя на снимок. Пожелтевшая от жары и сырости карточка отличалась тем неприкрашенным сходством с оригиналом, которое характерно для паспортных фотографий. Поперек нее шла надпись: "Уилфрид Дезерт", и он в упор смотрел со снимка на девушку. Перевернув фотографию лицом вниз, она долго разглаживала измятую и перепачканную орденскую ленточку. Потом собралась с силами и развернула письмо. Оттуда выпал сложенный листок. Она отодвинула его в сторону. Письмо было адресовано Майклу.

"Первый день Нового года.

Дорогой старина М. М.

Поздравляю тебя и Флер и желаю вам долгих лет счастья. Я забрался сейчас в самую северную и дикую часть страны с намерением, - осуществимым или нет, не знаю, - отыскать поселения одного племени, несомненно досиамского и не относящегося к монгольской расе. Оно очень заинтересовало бы Эдриена Черрела. Я уже не раз порывался сообщить вам о себе, но как только доходило до писания, бросал перо - отчасти потому, что описывать эти края тому, кто их не знает, бесполезно; отчасти потому,

что не верю в свою способность увлечь кого-нибудь этими описаниями. Я и сейчас пишу с одной целью: хочу попросить тебя передать Динни, что я наконец в мире с самим собой. Не знаю, в чем здесь дело - то ли в отдаленности и мощи здешних мест, то ли в передавшемся мне от жителей Востока убеждении, что каждый живет сам по себе, что человек - микрокосм, что он одинок от рождения до смерти и делит свое одиночество лишь с одним верным и древним другом - вселенной. Мир, который низошел на меня, так странно безмятежен, что я порой удивляюсь, чего ради я страдал и терзался. Думаю, что Динни будет рада узнать об этом, равно как и я был бы рад узнать, что она тоже обрела мир.

Я снова начал писать и, если вернусь из экспедиции, попробую издать отчет о ней. Через три дня мы выйдем к реке, переправимся через нее и по одному из ее притоков поднимемся на запад, к Гималаям.

Слабые отзвуки кризиса, который ударил по вам, просочились даже сюда. Бедная старая Англия! Не хотел бы увидеть ее еще раз: она все-таки славная мужественная старуха, и я не в силах смотреть, как ее добивают, тем более что она могла бы еще жить и здравствовать - нужно только правильно ее реорганизовать.

Будь здоров, старина! Привет вам обоим и особый - Динни.

Уилфрид".

Мир! Покой! А она? Динни снова завернула ленточку, снимок и письмо и спрятала сверток в сумочку. Бесшумно открыла дверь, спустилась по лестнице и вышла на залитую солнцем мостовую.

Выйдя к реке, она остановилась под еще нагим платаном, развернула листок, вынутый из письма, и прочла стихи:

УСНУТЬ!

То солнце, что несет земле
Жизнь и распад, расцвет и тленье,
Лишь огонек в небесной мгле,
Горящий краткое мгновенье;
Кружок, который нанесла
Рука творца на план вселенной;
Прокол, которым нет числа
В покрове ночи довременной.
И пусть предопределено
Им все мое существованье,
Жить, как у, мне, лишь миг дано
Ему, песчинке мирозданья.
Но не стихает в сердце боль:

Ведь каждая моя частица
Сыграть, как я, как солнце, роль
На сцене вечности стремится,
Хотя придет конец нам всем
И ждет нас бездна ледяная...
А если я спрошу: "Зачем?"
Ответит бог: "Усни. Не знаю".

Уснуть! Набережная была почти пуста - ни людей, ни машин. Динни пошла пешком, пересекая главные городские артерии, и добралась наконец до Кенсингтонского сада. У Круглого пруда, по которому плавали игрушечные кораблики, теснились увлеченные игрою дети. Светловолосый мальчуган, похожий на Кита Монта, подталкивал свой кораблик палкой, снова и снова пытаясь пустить его по ветру через пруд. Какое блаженное неведение! Не в нем ли залог счастья? Жить минутой, отрешиться от себя, уподобиться ребенку! Малыш вскрикнул:

- Смотри, плывет!

Паруса надулись, кораблик отошел от берега. Мальчуган подбоченился, метнул взгляд на Динни и объявил:

- Ну, я побежал.

Динни смотрела, как он бежит то останавливаясь, то опять пускаясь вперед и, видимо, соображая, где пристанет его кораблик.

Не так ли и человек бежит через жизнь, ловя каждую возможность пристать к берегу, а в конце концов все равно уснет? Он - словно птицы, которые поют, ловят червяков, чистят перья, беспричинно, от полноты жизни, летают взад и вперед, спариваются, выют гнезда, выкармливают птенцов и, отжив свой срок, превращаются в окоченевший комочек перьев, разлагаются и становятся прахом.

Динни медленно обогнула пруд, вновь увидела мальчика, толкавшего лодку палкой, и спросила:

- Что у тебя за кораблик?

- Катер. Раньше была шхуна, но наша собака съела снасти.

- Да, - заметила Динни, - собаки очень любят снасти - они вкусные.

- Как что?

- Как спаржа.

- Мне не дают спаржи, - она слишком дорого стоит.

- А ты ее пробовал?

- Да, Смотрите, ветер опять его погнал!

Кораблик уплыл, и светловолосый мальчуган убежал.

Динни вспомнила слова Эдриена: "Я как раз подумал о детях".

Она дошла до места, которое в прежнее время носило бы название лужайки. Земля была усеяна крокусами - желтыми, лиловыми, белыми - и нарциссами; деревья, на которых заливались черные дрозды, тянулись к солнцу каждой своей набухшей почками веткой. Девушка шла и думала: "Мир? Покой? Их нет. Есть жизнь и есть смерть!"

Те, кто встречался ей, думали: "Красивая девушка! ", "Как изящны эти маленькие шляпки! ", "Интересно, куда это она идет, задрав голову?" или просто: "Ого, какая!" Она пересекла аллею и подошла к памятнику Гудзону. Хотя считается, что это изваяние - приют птиц, их там не оказалось, если не считать нескольких воробьев и одного жирного голубя. И смотрели на них тоже только три человека. Она бывала здесь с Уилфридом; поэтому сейчас только взглянула на памятник и пошла дальше.

"Бедный Гудзон! Бедная Рома!" - сказал он когда-то.

Она спустилась к Серпентайну и пошла вдоль берега. Вода сверкала в лучах солнца, весенняя трава на другой стороне была сухая. Газеты уже предсказывают засуху. Звуки, потоками врывавшиеся сюда с севера, юга и запада, сливались в негромкий непрерывный гул. А там, где покоится Уилфрид, наверно, царит безмолвие; только диковинные птицы да зверьки навещают его могилу и деревья роняют на нее свои причудливые листья. Ей вспомнился фильм, виденный в Аржелесе, - пасторальные сцены из жизни нормандской деревушки, родины Бриана. "Жаль, что мы расстаемся со всем этим", - сказала она, посмотрев картину.

В воздухе разнеслось гудение, - высоко над головой шел на север маленький серебряный шумный аэроплан, Уилфрид ненавидел самолеты еще с войны. "Они возмущают покой богов!"

Отважный новый век! Нет больше бога на небесах!

Девушка взяла к северу, чтобы обойти то место, где она обычно ожидала Уилфрида. В открытой ротонде возле Мраморной арки не было ни души. Динни покинула парк и пошла по направлению к Мелтон-Мьюз. Все позади! Странно и еле заметно улыбаясь, она свернула на Мьюз и остановилась у дверей сестры.

XXVI

Она застала Клер дома. В первые минуты сестры старались не касаться пережитого; затем Динни спросила:

- Ну, что хорошего?

- Ничего. Я рассталась с Тони, - мои нервы истрепаны, его - тоже.

- Неужели он...

- Нет. Я просто сказала ему, что не в силах видаться с ним, пока все это не кончится. Встречаясь, мы избегаем говорить о процессе, но эта тема

неизбежно всплывает.

- Он, должно быть, страшно несчастен.

- Конечно. Но ведь осталось потерпеть всего три-четыре недели.

- А потом?

Клер рассмеялась. Смех был невеселый.

- Я серьезно спрашиваю, Клер.

- Мы проиграем, а тогда уже все равно. Если Тони захочет меня, я ему уступлю. Я обязана сделать для него хоть это, - он ведь будет разорен из-за меня.

- Я думаю, - с расстановкой сказала Динни, - что не дала бы исходу дела повлиять на мою жизнь.

Клер, сидевшая на кушетке, посмотрела на сестру снизу вверх:

- Это звучит слишком рассудочно.

- Не стоит доказывать свою невиновность, раз ты не намерена держаться до конца вне зависимости от того, как повернется дело. Если выиграешь, подожди, пока не разведешься с Джерри; если проиграешь, подожди, пока он сам не разведется с тобой. Крум от ожидания не умрет, да и тебе оно полезно; выяснишь по крайней мере, что ты чувствуешь к Тони.

- Джерри умен и не даст мне улики против себя, пока сам этого не захочет.

- Значит, мы должны быть готовы к тому, что ты проиграешь. Но твои друзья по-прежнему будут тебе верить.

- Будут ли?

- Это уже моя забота, - ответила Динни.

- Дорнфорд советует все рассказать Джеку Масхему до суда. Что ты скажешь?

- Я должна сначала повидать Тони Крума.

- За чем же остановка? Возвращайся сюда к вечеру и увидишь его. Он приезжает в город на субботу и воскресенье и в семь вечера уже торчит у меня под окнами. Как нелепо!

- Напротив, вполне естественно. Что у тебя во второй половине дня?

- Верховая прогулка с Дорнфордом в Ричмонд-парке. Теперь я также выезжаю с ним по утрам на Роу. Почему бы и тебе не ездить с нами?

- У меня для этого нет ни туалета, ни сил.

- Дорогая! - воскликнула Клер, вставая. - Мы ужасно переживали, когда ты болела. Всем нам было не по себе, а Дорнфорд прямо с ума сходил. Но теперь ты выглядишь даже лучше, чем до болезни.

- Да, я стала пневматичнее.

- Ото, значит, и ты читала эту книгу?

Динни кивнула:

- Вечером зайду. До свиданья и желаю успеха.

Незадолго до семи Динни выскользнула из дома на Маунт-стрит и торопливо пошла пешком по направлению к Мьюз. Еще не стемнело, но в небе уже встала полная луна и зажглась вечерняя звезда. Динни подошла к западному углу безлюдного Мьюз и сразу же заметила Крума, стоявшего под окнами дома N 2. Выждав, пока он, наконец, не двинется дальше, девушка пробежала по Мьюз и нагнала Тони в дальнем конце переуллка.

- Динни? Вот замечательно!

- Мне рассказали, что вас легче всего поймать, когда вы стоите под окнами королевы.

- Да. Сами видите, до чего я дошел.

- Могло быть хуже.

- Вы теперь совсем поправились? Во всем виноват тот злосчастный день в Сити, - вы тогда, наверно, и прозябли.

- Проводите меня до парка. Мне надо поговорить с вами насчет Джека Масхема.

- Я боюсь сказать ему.

- Я могу сделать это за вас.

- Как!

Динни взяла его под руку:

- Мы с ним в родстве через дядю Лоренса. Кроме того, мне довелось лично познакомиться с ним. Мистер Дорнфорд совершенно прав: от того, когда и как Масхем обо всем узнает, зависит многое. Позвольте мне рассказать ему.

- Я не знаю... Право, не знаю...

- Словом, я поговорю с ним.

Крум посмотрел на нее:

- Мне просто не верится...

- Честное слово!

- Вы страшно любезны и, конечно, сделаете это лучше меня, но...

- Ну, и довольно.

Они добрались до парка и пошли вдоль решетки в сторону Маунтстрит.

- Часто встречаетесь с адвокатами?

- Да. Они перебрали все наши аргументы, - прямо перекрестный допрос.

- Мне кажется, он не так уж страшен, если говоришь правду.

- Они переворачивают каждое слово на все лады. А тон какой!.. На

днях я зашел в бракоразводный суд, послушал одно дело. Дорнфорд говорил Клер, что ни за какие деньги не согласится выступать в таких процессах. Хороший он человек, Динни.

- Да, - согласилась Динни, заглянув в бесхитростное лицо Тони.

- По-моему, наши адвокаты не слишком интересуются этим делом. Оно не по их части. Исключение составляет только "очень молодой" Роджер: он немножко спортсмен и к тому же верит, что мы говорим правду, так как чувствует, насколько я жалею о том, что это правда. Ну, здесь вам сворачивать. А я поброжу по парку, иначе не засну. Луна-то какая!

Динни пожала ему руку.

Подойдя к дому, она оглянулась и увидела Крума на прежнем месте. Он приподнял шляпу - не то прощаясь с девушкой, не то здороваясь с луной...

По словам сэра Лоренса, Джек Масхем собирался в город в конце недели. Сейчас он снимает квартиру на Райдер-стрит. В свое время, когда дело шло об Уилфриде, Динни, не задумываясь, помчалась к Масхему в Ройстон; теперь, когда дело идет о Тони Круме и она явится на Райдер-стрит, придется задуматься Масхему. Поэтому на другой день, во время завтрака, она позвонила в Бэртон-клуб.

Голос Масхема мгновенно напомнил ей тот день, когда она в последний раз слышала его у Йорке кой колонны.

- Говорит Динни Черрел. Вы не могли бы встретиться со мной сегодня?

Голос медленно процедил:

- Э-э... разумеется. Когда?

- В любой час, который вас устроит.

- Вы звоните с Маунт-стрит?

- Да, но я предпочла бы заехать к вам.

- Э-э... прекрасно. Приходите к чаю на Райдер-стрит. Я снимаю ту же квартиру. Номер вам известен?

- Да, благодарю вас. Значит, в пять?

Когда Динни подходила к дому Масхема, ей пришлось собрать все силы. В последний раз она видела его в вихре схватки с Уилфридом. К тому же он олицетворял для нее ту скалу, о которую разбилась ее любовь к Дезерту. Ненавидеть Масхема ей мешало лишь сознание того, что его вражда к Уилфриду проистекала из его своеобразного отношения к ней, Динни. Так, шагая быстро и медленно размышляя, она добралась до его квартиры.

Дверь ей открыл человек, всем своим видом наводивший на мысль,

что он обеспечивает свою старость, сдавая комнаты тем, у кого когда-то служил. Он провел девушку на третий этаж.

- Мисс... э-э... Черрел, сэр.

В довольно уютной комнате около открытого окна стоял Джек Масхем, высокий, стройный, томный и, как всегда, изысканно одетый.

- Чаю, пожалуйста. Родни.

Он приблизился к Динни и протянул руку.

"Словно замедленный кинофильм", - подумала она. Он, видимо, был удивлен ее желанием встретиться с ним, но ничем этого не обнаруживал.

- Бывали на скачках с тех пор, как мы виделись на дерби Бленхейма?

- Нет.

- Я помню, вы ставили на него. На моей памяти это самая большая удача новичка.

Он улыбнулся, морщины на его загорелом лице стали особенно явственны, и Динни заметила, что их очень много"

- Прошу садиться. Вот чай. Не откажите разлить сами.

Она подала ему чашку, налила себе и спросила:

- Ваши арабские матки уже прибыли, мистер Масхем?

- Я жду их к концу следующего месяца.

- Вы поручили надзор за ними Тони Круму?

- О! Разве вы знакомы с ним?

- Через сестру.

- Приятный юноша.

- Да, - отозвалась Динни. - Я пришла к вам по поводу него.

- Вот как?

"Он слишком много мне должен, чтобы отказать", - мелькнуло в голове у девушки. Она откинулась назад, положила ногу на ногу и в упор посмотрела на Масхема:

- Я хочу, разумеется конфиденциально, сообщить вам, что Джерри

Корвен вчинил моей сестре бракоразводный иск и привлек Тони Крума в качестве соответчика.

Джек Масхем слегка повел рукой, державшей чашку.

- Он ее любит, они действительно проводили время вместе, но обвинение не соответствует истине.

- Понятно, - уронил Джек Масхем.

- Дело будет слушаться на днях. Я убедила Тони Крума позволить мне рассказать вам обо всем этом. Ему было бы неловко говорить о себе самом.

Масхем по-прежнему смотрел на нее. Лицо его было непроницаемо.

- Я знаком с Джерри Корветом, - сказал он. - Но я не знал, что ваша

сестра ушла от него.

- Мы не предаем это огласке.

- Разрыв произошел из-за Крума?

- Нет. Они впервые встретились на пароходе, когда она уже возвращалась в Англию. Клер порвала с Джерри по совсем другим причинам. Конечно, они с Тони Крумом вели себя неосмотрительно, за ними следили и видели их при так называемых компрометирующих обстоятельствах.

- Что вы конкретно имеете в виду?

- Однажды поздно вечером они возвращались из Оксфорда. У них отказали фары, и они провели ночь в машине.

Джек Масхем слегка приподнял плечи. Динни, не спуская с него глаз, наклонилась вперед:

- Я уже сказала, что обвинение не соответствует истине. Это действительно так.

- Но, дорогая мисс Черрел, мужчина никогда не признается, что...

- Вот почему вместо Тони к вам пришла я. Моя сестра не станет мне лгать.

Плечи Масхема снова слегка приподнялись.

- Я, собственно, не понимаю... - начал он.

- Почему это касается вас? Вот почему: я не надеюсь, что им поверят.

- Вы хотите сказать, что, прочитав об этом деле в газетах, я стал бы недоброжелателем Крума?

- Да. Мне кажется, вы решили бы, что он нарушил "правила игры".

Динни не сумела скрыть легкой иронии в голосе.

- А разве это не так? - спросил он.

- По-моему, нет. Он горячо любит Клер и все же сумел держать себя в руках. А что касается любви, то от нее никто не застрахован.

При этих словах воспоминания опять нахлынули на нее, и она потупилась, чтобы не видеть этого бесстрастного лица и насмешливо изогнутых губ. Затем, повинувшись внезапному наитию, объявила:

- Мой зять потребовал денежного возмещения ущерба.

- Вот как? - удивился Джек Масхем. - Я не знал, что так делается и в наши дни.

- Он требует две тысячи, а у Тони Крума ничего нет. Он заявляет, что ему все равно, но если они проиграют, он разорен.

Затем наступило молчание. Джек Масхем опять отошел к окну, сел на подоконник и спросил:

- Что же я могу сделать?

- Не отказывать ему от места - вот и все.

- Муж на Цейлоне, а жена здесь. Знаете, это...

Динни поднялась, шагнула к нему и остановилась:

- Мистер Масхем, вам не кажется, что вы в долгу передо мной? Разве вы забыли, как отняли у меня возлюбленного? Знаете ли вы, что он умер там, куда бежал из-за вас?

- Из-за меня?

- Да. Он отказался от меня из-за вас и того, что вы защищали. А теперь я прошу вас не добивать Тони Крума, как бы ни повернулось дело. До свиданья.

И, прежде чем Масхем успел открыть рот, Динни вышла.

Она почти бежала по направлению к Грин-парку. Все вышло совсем не так, как она предполагала! Может быть, ее вмешательство сыграет роковую роль. Но что поделаешь - слишком уж сильно закипел в ней былой протест против глухой стены внешних форм, против незримых, но беспощадных традиций, о которые разбилась ее любовь. Иначе и быть не могло! Весь вид этого долговязого денди, звук его голоса непреодолимо вернули ее к прошлому. А, будь что будет! Ей все-таки легче: горечь, которую она так долго таила в душе, наконец излилась.

На другой день утром она получила записку:

"Райдер-стрит.

Воскресенье.

Дорогая мисс Черрел,

Можете рассчитывать на меня в известном вам деле.

С искренним уважением

Ваш Джек Масхем".

XXVII

Заручившись этим обещанием" девушка на следующий день уехала в Кондафорд, где нашла атмосферу крайне напряженной и попыталась хоть немного ее разрядить. Родители Динни вели обычный образ жизни, но были явно подавлены и встревожены. Ее мать, женщина застенчивая и восприимчивая, вся сжималась при одной мысли о том, что Клер может пасть в мнении света. Ее отец, видимо, отдавал себе отчет, что независимо от исхода дела люди сочтут его дочь существом легкомысленным и лживым. Молодого Крума еще извинят, но никто не извинит женщину, которая поставила себя в такое положение. К тому же он испытывал гневное и мстительное чувство к Джерри Корвену, решив, насколько будет в его силах, помешать этому субъекту добиться своей цели. Такая чисто мужская позиция казалась Динни несколько смешной, но страдальческая

наивность, с которой отец гонялся за миражем, упуская из виду существенное, не могла не вызывать в девушке известного сочувствия. Поколению ее отца развод до сих пор казался внешним и видимым проявлением внутреннего и духовного бесчестия. Для нее же самой любовь была только любовью: когда она сменяется отвращением, половая близость теряет всякое оправдание. То, что Клер уступила Джерри Корвену здесь, на своей лондонской квартире, шокировало Динни гораздо больше, чем бегство сестры от мужа с Цейлона. Те бракоразводные процессы, с которыми она время от времени знакомилась по газетам, отнюдь не укрепляли ее веру в то, что браки заключаются на небесах. Но она считалась с переживаниями людей, воспитанных в старых понятиях, и старалась не усугублять растерянность и тревогу родителей. Она избрала другую, более практическую линию. Так или иначе, - по-видимому, иначе, - но дело скоро кончится. А люди в наши дни обращают мало внимания на чужие дела.

- Как! - сардонически возразил генерал. - "Ночь в машине" - броский газетный заголовок. Прочтешь такой и сразу же начинаешь думать, как ты сам повел бы себя в подобных обстоятельствах.

- Люди мало что замечают, дорогой. Они все валят в одну кучу - и разводы, и министра внутренних дел, и декана собора святого Павла, и принцессу Елизавету, - немногословно ответила Динни.

Когда ей сказали, что на пасху в Кондафорд приглашен Дорнфорд, она почувствовала смущение.

- Надеюсь, ты не возражаешь, Динни? Мы ведь не знали, успеешь ты вернуться или нет.

- Даже тебе, мама, я не скажу, что мне это очень приятно.

- Но, дорогая, пора уже и тебе снова выйти на поле боя.

Динни прикусила губы и промолчала. Эти слова тем сильнее растревожили ее, что в них заключалась доля правды. Они жалили особенно больно потому, что были сказаны ее матерью, оказавшейся такой нечуткой, несмотря на всю свою деликатность.

Бой! Да, жизнь - это война. Она сбивает человека с ног, загоняет его в госпиталь, а потом опять возвращает в строй. Ее родители больше всего на свете боятся потерять ее, но им хочется, чтобы она покинула их, выйдя замуж. И это в тот момент, когда Клер неизбежно ждет поражение!

Пасха принесла с собой ветер "от умеренного до сильного". В субботу с утренним поездом прибыла Клер, под вечер на машине приехал Дорнфорд. Он поздоровался с Динни так, словно сомневался, рада ли она его приезду.

Он наконец присмотрел себе новое жилище. Дом был расположен на Кемпден-хилл. Ему страшно хотелось выслушать мнение Клер, и в прошлое воскресенье она потратила целый вечер на осмотр резиденции своего патрона.

- На редкость удачно, Динни, - рассказывала она. - Фасад выходит на юг, есть гараж, конюшня на два стойла, хороший сад, службы, центральное отопление, - словом, все что надо. Он собирается переехать в конце мая. Крыша - старая, черепичная; поэтому я посоветовала ему выкрасить ставни в светло-серый цвет. Дом в самом деле очень удобный и просторный.

- Послушать тебя, так он просто сказочный. Надеюсь, теперь ты будешь ездить на службу туда, а не в Темпл?

- Да. Дорнфорд решил перебраться не то в Пемпкорт, не то в Брик Билдингс, - не помню точно. Знаешь, Динни, я просто удивляюсь; как это его не объявили моим соответчиком. Я вижу с ним гораздо чаще, чем с Тони.

Больше о "деле" речь не заходила. Оно, вероятно, должно было слушаться одним из первых, сразу после неопротестованных исков, и в Конда форде царило затишье перед бурей.

К этой теме вернулись лишь в воскресенье, после завтрака, когда Дорнфорд спросил:

- Вы будете в суде на слушании дела вашей сестры, Динни?

- Я должна быть.

- Боюсь, что вы придете в ярость. Обвинение поддерживает Брок, а он, если захочет, дойдет кого угодно, особенно когда сталкивался с явным запирательством, как в данном случае. Потому его и выбрали. Клер придется крепко взять себя в руки.

Динни вспомнила, как "очень молодой" Роджер говорил ей, что предпочел бы видеть на месте Клер ее.

- Надеюсь, вы ей это внушите?

- Я предварительно выслушаю ее показания и устрою репетицию перекрестного допроса. Но угадать, как Броу повернет дело, - невозможно.

- А вы сами придете на суд?

- Если смогу. Но шансов мало, - вероятно, буду занят.

- Долго протянется разбирательство?

- Боюсь, что несколько дней.

Динни вздохнула.

- Бедный отец! А у Клер надежный защитник?

- Да. Инстон. Но ему сильно мешает ее нежелание рассказать о том, что произошло на Цейлоне.

- Вы же знаете, решение Клер окончательно. Она об этом не скажет.
- Разделяю ее чувства, но боюсь, что это все погубит.
- И пускай, - возразила Динни. - Я хочу, чтобы она стала свободной. А больше всего мне жаль Тони Крума.

- Почему?

- Он - единственный из трех, который любит.

- Понятно, - отозвался Дорнфорд и умолк. Динни стало жаль его.

- Вы не прочь прогуляться?

- С восторгом!

- Мы пойдем лесом, и я покажу вам место, где Черрел убил вепря и завоевал наследницу де Канфоров, как гласит наш геральдический герб. А у вас в Шропшире тоже есть фамильные легенды?

- Конечно, есть, но ведь поместье ушло от нас. Его продали после смерти моего отца: нас было шестеро, а денег - ни пенса.

- Ох, как это ужасно, когда семья лишается своих корней! - вздохнула Динни.

Дорнфорд улыбнулся:

- "Живой осел лучше мертвого льва".

Они шли через рощу, и он описывал ей свой новый дом, ловко выпрашивая девушку о ее вкусах.

Наконец они выбрались на осевшую дорогу, которая вела к холму, заросшему боярышником.

- Вот это место. Здесь тогда, наверно, был дремучий лес. В детстве мы устраивали тут пикники.

Дорнфорд глубоко втянул в себя воздух.

- Настоящий английский пейзаж - ничто не бросается в глаза и все бесконечно прекрасно.

- Чарующий вид!

- Верно сказано.

Он расстелил свой дождевик на склоне холма:

- Садитесь и покурим.

Динни села:

- Вы сами тоже садитесь рядом, - земля еще сырая.

Он сидел подле нее, обхватив руками колени и тихо попыхивая трубкой, а девушка думала: "Если не считать дяди Эдриена, впервые вижу такого сдержанного и деликатного человека".

- Было бы совсем замечательно, если бы еще выскочил вепрь, - сказал Дорнфорд.

- "Член парламента убивает вепря у подножья Чилтернских холмов",

поддразнила его Динни, но воздержалась прибавить: "И завоевывает сердце дамы".

- Как ветер клонит дрок! Еще три недели, и все здесь зазеленеет.

Сейчас самое лучшее время года. Впрочем, нет, - бабье лето, наверно, еще лучше. А вам какая пора по душе, Динни?

- Когда все цветет.

- Гм... И еще жатва. Бескрайние хлеба, должно быть, - великолепное зрелище.

- Они как раз поспели, когда разразилась война. За два дня до ее начала мы устроили здесь пикник и смотрели, как всходит луна. Как вы думаете, мистер Дорнфорд, многие ли из тех, кто воевал, действительно сражались за Англию?

- Практически - все. Кто за тот или иной уголок страны, кто просто за улицы, автобусы и запах жареной рыбы. Я лично дрался за Шрусбери и Оксфорд. Кстати, меня зовут Юстейс.

- Запомню. А теперь, пожалуй, пойдем, а то опоздаем к чаю.

Всю дорогу домой их разговор сводился к певчим птицам и названиям растений.

- Благодарю за прогулку, - сказал Дорнфорд.

- Я тоже прошла с удовольствием.

Эта прогулка как-то очень успокоительно подействовала на Динни.

Выходит, с ним можно говорить и не касаясь любовной темы.

В понедельник на пасху ветер дул с юго-запада. Дорнфорд целый час мирно репетировал с Клер ее роль на суде, а затем, невзирая на дождь, отправился с ней кататься верхом. Динни потратила утро, подготавливая дом к весенней уборке и чистке мебели на то время, когда семья будет в городе. Ее родители собирались остановиться на Маунт-стрит, она сама с Клер - у Флер. После завтрака она совершила с генералом обход нового свинарника, постройка которого затягивалась, так как местный подрядчик не торопил своих рабочих, стремясь занять их здесь как можно дольше. Только после чая Динни осталась наедине с Дорнфордом.

- Ну, - объявил он, - думаю, что ваша сестра справится, если, конечно, сумеет сохранить самообладание.

- Клер бывает подчас очень резкой.

- Плохо. Адвокаты не любят, когда их срезает непосвященный, да еще в присутствии их же коллег. Судьи тоже не любят.

- Да, но ее не заставишь плясать под чужую дудку.

- Восставать против освященных веками институтов - неразумно: они слишком хорошо защищены.

- Да, - со вздохом согласилась Динни. - Все в руках богов.

- А они у них чертовски скользкие. Не подарите ли мне вашу фотографию? Лучше такую, где вы сняты девочкой.

- Надо посмотреть, что у нас сохранилось. Боюсь, одни любительские снимки. Впрочем, кажется, есть один, на котором мой нос не слишком вздернут.

Она подошла к комоду, вытащила один из ящичков и поставила его на бильярдный стол:

- Семейная фототека. Выбирайте!

Он встал рядом с ней, и они начали пересматривать снимки.

- Я лазила сюда много раз, поэтому моих карточек осталось мало.

- Это ваш брат?

- Да. А вот это он снялся, когда уходил на фронт. Это Клер за неделю до свадьбы. А вот я - видите, с распущенными волосами. Меня снял отец в первую послевоенную весну, когда вернулся домой.

- Вам тогда было тринадцать?

- Почти четырнадцать. Предполагается, что я здесь похожа на Жанну д'Арк, внимающую неземным голосам.

- Очаровательная фотография! Я отдам ее увеличить.

Дорнфорд поднес карточку к свету. Динни была снята на ней в три четверти, с лицом, повернутым к ветвям цветущего фруктового дерева. Снимок дышал жизнью: солнечный свет заливал цветы и волосы Динни, распущенные и доходящие ей до талии.

- Посмотрите, какой у меня восхищенный вид, - сказала девушка. - На дереве, наверно, сидела кошка.

Дорнфорд положил карточку в карман и опять нагнулся над столом.

- А эту? - осведомился он. - Можно мне взять обе?

На втором снимке Динни была уже постарше, но все еще с косами и круглым личиком; руки ее были сложены, голова чуть-чуть опущена, а глаза подняты кверху.

- К сожалению, нельзя. Я не знала, что она здесь.

Это была точно такая же карточка, какую она в свое время послала Уилфриду.

Дорнфорд кивнул, и девушка почувствовала, что он интуитивно догадался о причине отказа. Она смутилась и сказала:

- Впрочем, почему бы нет? Берите. Теперь это не имеет значения.

И вложила карточку ему в руку.

Когда во вторник утром Дорнфорд и Клер уехали, Динни посидела над картой, вывела автомобиль и отправилась в Беблук-хайт. Водить машину

она не любила, но ее тревожила мысль о Тони Круме, которому в прошлую субботу не удалось, как обычно, взглянуть на Клер. На двадцать пять миль у нее ушло больше часа. Она оставила машину у гостиницы, где ей сообщили, что мистер Крум, видимо, у себя в коттедже, и пошла пешком. Тони, в одной рубашке, красил деревянные стены своей низкой гостиной. Еще с порога Динни заметила, как заходила у него в зубах трубка.

- Что-нибудь с Клер? - выпалил он.

- Ничего. Просто мне захотелось взглянуть, как вы устроились.

- Очень мило с вашей стороны! А я все тружусь.

- Вижу.

- Клер любит зеленоватый цвет, как у утиных яиц. Эта окраска - ' самая близкая к нему, какую я смог достать.

- Она как раз в тон потолочинам.

Крум, глядя мимо нее, сказал:

- Не верю, что Клер когда-нибудь поселится здесь со мной, но не могу не мечтать об этом, иначе жизнь теряет и цель, и смысл.

Динни дотронулась до его рукава:

- От места вам не откажут. Я говорила с Джеком Масхемом.

- Уже? Да вы прямо волшебница. Я сейчас. Вымоюсь, оденусь и все вам покажу.

Динни подождала его у порога, на который ложилась полоса солнечного света. Дом Крума представлял собой не один, а два соединенных вместе коттеджа, сохранивших свои глицинии, вьющиеся розы и соломенные крыши. Со временем здесь будет очень хорошо.

- Сейчас, - рассказывал Крум, - стойла уже готовы, в загонь подведена вода. Остановка лишь за лошадьми, но их привезут только в мае. Масхем не хочет рисковать. Меня это тоже устраивает, - пусть процесс закончится до их прибытия. Вы прямо из Кондафорда?

- Да. Клер сегодня утром вернулась в город. Она, конечно, велела бы передать вам привет, но я не сказала ей, что поеду.

- А почему вы приехали? - в упор спросил Крум.

- Из товарищеских чувств.

Он стиснул ей руку.

- Ах да, простите... Вам не кажется, - неожиданно спросил он, - что когда думаешь о страданиях ближнего, то самому становится легче?

- Не слишком.

- Конечно, вы правы. Сильное желание - все равно что зубная боль или нарыв в ухе. От этого никуда не уйдешь.

Динни кивнула.

- А тут еще весна! - усмехнулся Крум. - Словом, между "нравился" и "люблю" - большая разница. Я в отчаянии, Динни. Я не верю, что чувства Клер ко мне могут измениться. Если бы уж ей было суждено полюбить меня, то она полюбила бы именно теперь. А раз она меня не любит, я здесь не останусь. Лучше уеду в Кению или еще куда-нибудь.

Она посмотрела в его доверчивые глаза, устремленные на нее в ожидании ответа, и ощутила волнение. Клер - ее сестра, но разве она знает что-нибудь о ней, о глубинах ее души?

- Не стоит загадывать наперед. На вашем месте я не отчаивалась бы.

Крум сжал ей локоть:

- Простите, что без конца болтаю о своей навязчивой идее. Но когда день и ночь...

- Знаю.

- Мне придется купить двух козлов. Лошади ослов не любят, да и козлов обычно не жалуют, но я хочу, чтобы у загона был домашний, обжитой вид. Я раздобыл для конюшни двух кошек. Как вы думаете, это полезно?

- Я разбираюсь только в собаках и - теоретически - в свиньях.

- Пойдемте завтракать. В гостинице недурная ветчина.

Больше Тони речь о Клер не заводил. Угостив Динни "недурною ветчиной", он усадил девушку в ее машину и проехал миль пять в сторону Кондарфорда, объявив, что обратно пройдет пешком.

- Бесконечно признателен вам за ваш приезд, - поблагодарил он, безжалостно стиснув ей руку. - Это очень по-товарищески с вашей стороны. Привет Клер.

Он повернул и пошел назад тропинкой через поле, на прощанье помахав Динни рукой.

Остальную часть обратного пути Динни думала о своем. Хотя югозападный ветер все еще не улегся, солнце то выглядывало, то скрывалось, и тогда начинала сыпаться колючая, как град, крупа. Загнав машину на место, девушка позвала спаниеля Фоша и направилась к новому свинарнику. Ее отец уже был там и осматривал постройку, как настоящий генерал-лейтенант подтянутой, зоркий и немного чудаковатый. Отнюдь не уверенная, что здание когда-нибудь в самом деле наполнится свиньями, Динни взяла отца под руку:

- Как идет сражение за "свинград"?

- Вчера заболел один из каменщиков, а плотник повредил себе большой палец. Я говорил со стариком Беллоузом, но ведь нельзя же, черт возьми, накидываться на него за то, что он хочет занять своих людей

подольше. Я симпатизирую тем, кто держится за своих рабочих, а не путается с разными там союзами. Он заверяет, что к концу следующего месяца все будет готово, но едва ли справится.

- Конечно, нет, - поддержала отца Динни. - Он уже дважды давал обещание.

- Где ты была?

- Ездила навестить Тони Крума.

- Что-нибудь новое?

- Нет. Я только сообщила ему, что видела мистера Масхема и что тот не откажет ему от места.

- Рад за него. Он парень с характером. Досадно, что он не военный.

- Мне очень жаль его, папа: он любит по-настоящему.

- На это все жалуются, - сухо отозвался генерал. - Ты видала, как ловко сбалансирован новый бюджет? Мы живем в эпоху сплошной истерии: каждое утро к завтраку тебе подают очередной европейский кризис.

- Все дело в наших газетах. Во французских шрифт мельче, поэтому они и тревожат человека вдвое меньше. Я, например, читала их совершенно равнодушно.

- Да, виноваты газеты и радио: все становится известно еще до того, как произойдет. А уж заголовки - те в два раза крупней самих событий. Как считаешь речи и передовицы, так тебе и начинает казаться, что мир впервые попал в такой переплет, хотя он испокон века в какомнибудь переплете, только раньше из-за этого не поднимали шум.

- Но без шума не удалось бы сбалансировать бюджет, дорогой!

- Да нет, просто сейчас все так делается. Но это не по-английски.

- Откуда нам знать, папа, что по-английски, а что - нет.

Генерал наморщил обветренный лоб, и по его изборожденному лицу поползла улыбка. Он указал на свинарник:

- Вот это по-английски. В конце концов мы всегда делаем то, что нужно, хотя и в последнюю минуту.

- Ты это одобряешь?

- Нет. Но еще меньше я одобряю истерику, как лекарство от всех болезней. Разве стране впервые оставаться без денег? Эдуард III был должен чуть ли не всей Европе. Стюарты не вылезали из банкротства. А после Наполеона мы пережили такие годы, с которыми нынешний кризис даже не идет в сравнение. Но эти неприятности не подавались вам ежедневно к завтраку.

- Значит, неведение - благо?

- Не знаю. Мне просто противна та смесь истерики с блефом, которая

составляет теперь нашу жизнь.

- И ты согласился бы упразднить голос, возвещающий райское блаженство?

- То есть радио? "Отживает порядок ветхий и другим сменяется, а господь творит свою волю путями многими, чтобы не прельстился мир никаким новшеством единым", - процитировал генерал. - Я помню, как старик Батлер в Хэрроу сказал на этот текст одну из лучших своих проповедей. Я - не рутинер, Динни; по крайней мере, надеюсь на это. Я только думаю, что люди стали слишком много говорить. Так много, что уже ничего не чувствуют.

- А я верю в нашу эпоху, папа: она сорвала все лишние покровы. Посмотри на старинные картинки в последних номерах "Тайме". От них пахнет догмой и фланелевой фуфайкой.

- В наше время фланель уже не носили, - возразил генерал.

- Тебе, конечно, виднее, дорогой.

- Мое поколение, Динни, в сущности, было подлинно революционным. Видела ты пьесу о Браунинге? Тогда действительно было так, как ты говоришь: но все это кончилось еще до моего поступления в Сэндхерст. Мы мыслили так, как считали нужным, и поступали так, как мыслили, но не разговаривали об этом. Сейчас люди сначала говорят, потом мыслят, а уж если доходит до дела, действуют так же, как мы, если вообще действуют. Разница между сегодняшним днем и тем, что было пятьдесят лет назад, сводится к вольности в речи: теперь говорят так свободно, что это лишает предмет разговора всякой соли.

- Глубокое замечание, папа.

- Но не новое. Я десятки раз встречал такие же мысли в книгах.

- "Не находите ли вы, сэр, что огромное влияние на людей оказала война?" - как спрашивают репортеры во всех интервью.

- Война? Во-первых, ее влияние давно уже сошло на нет. Во-вторых, мое поколение было слишком устойчиво, чтобы поддаться ему, а следующее за моим - перебито или раздавлено...

- Женщины остались.

- Да, они побунтовали, но не всерьез. А для твоего поколения война только слово.

- Благодарю, папа, - прервала Динни отца. - Все это очень поучительно, но сейчас опять пойдет крупа. Фош, за мной!

Генерал поднял воротник пальто и направился к плотнику, повредившему себе большой палец. Динни увидела, как он осмотрел повязку пострадавшего. Плотник улыбнулся, а отец потрепал его по плечу.

"Подчиненные, наверно, любили его, - решила она. - Он, конечно, старый ворчун, но хороший человек".

XXVIII

Если искусство медлительно, то правосудие еще медлительнее. Слова "Корвен против Корвен и Крума" по-прежнему не услаждали взоры тех, кто привык прилежно изучать отдел судебной хроники в "Тайме", и внимание судьи мистера Ковелла было все еще поглощено бесконечными неопротестованными исками. По приглашению Дорнфорда Динни с Клер заехали взглянуть на зал заседаний и минут пять простояли в дверях суда, словно игроки из крикетной команды, осматривающие поле накануне матча. Судья сидел так низко, что можно было разглядеть только его лицо; Динни заметила также, что над свидетельской ложей, где придется сидеть Клер, устроено нечто вроде балдахина или козырька для защиты от дождя.

- Если вы будете держаться в глубине ложи. Клер, - предупредил Дорнфорд, когда она выходила, - вашего лица будет почти не видно. Но говорите громко, чтобы судье все было слышно. Он злится, когда не слышит.

На другой день рассыльный доставил на Саут-сквер записку для Динни.

"Бэртон-клуб, I3/IV-32.

Дорогая Динни,

Был бы рад встретиться с вами на несколько минут. Время и место выберите сами, а я явлюсь точно. Излишне говорить, что дело касается Клер.

Искренне ваш

Джералд Корвен".

Майкла не было дома, но Динни посоветовалась с Флер.

- Разумеется, вы должны с ним встретиться, Динни. А вдруг в последнюю минуту он взял да раскаялся? Позовите его сюда, когда Клер не будет.

- На это я, пожалуй, не рискну: они могут столкнуться. Лучше повидаться с ним вне дома.

- Тогда либо у статуи Ахилла, либо у статуи Ромы.

- У Ромы, - решила Динни. - Оттуда мы куда-нибудь пройдем.

Она назначила встречу на другой день в три часа и долго ломала себе голову, зачем Джерри понадобилось ее видеть.

Следующий день был теплый - настоящий оазис в этом хмуром апреле.

Подходя к статуе Ромы, девушка еще издали заметила Корвен а, который стоял у решетки, спиной к изваянию. Он курил сигарету,

вставленную в коротенький красивый пенковый мундштучок, и, хотя ее зять выглядел точно так же, как в тот день, когда они виделись в последний раз, Динни вздрогнула, словно почувствовав толчок.

Он не протянул руки.

- Вы очень любезны, Динни, что пришли. Давайте пройдемся и поговорим на ходу.

Он" направились к Серпентайну.

- Что касается известного дела, - неожиданно начал Корвен, - то я вовсе не жажду его выиграть.

- Зачем же было начинать? Ведь обвинение не соответствует истине.

- По моим данным - соответствует.

- В части предпосылок - может быть; в части выводов - нет.

- Вернется ли ко мне Клер на любых угодных ей условиях, если я возьму иск назад?

- Едва ли, хотя, конечно, я могу ее спросить. Я, например, не вернулась бы.

- Какое безжалостное семейство!

Динни промолчала.

- Она влюблена в этого Крума?

- Если у них даже есть чувство друг к другу, я не вправе его обсуждать.

- Почему бы нам не говорить откровенно, Динни? Ведь нас же никто не слышит, кроме вон этих уток.

- Вы потребовали возмещения ущерба, и это не подогрело в нас нежные чувства к вам.

- Ах, вот в чем дело! Но я возьму назад все свои претензии, лишь бы она вернулась, пусть даже наделав глупостей.

- Иными словами, - спросила Динни, не глядя на него, - дело, затеянное вами, представляет собой нечто вроде шантажа? Я как будто правильно выбрала термин?

Он посмотрел на нее прищуренными глазами:

- Остроумная мысль! Мне она в голову не приходила. Нет, я знаю Клер лучше разных адвокатов и детективов и потому отнюдь не убежден, что улики на самом деле так вески, как кажутся.

- Благодарю.

- Да, но я уже предупредил вас или Клер, - Что все равно, - что не могу и не хочу уехать отсюда, пока не приведу все в ясность. Если Клер вернется, я просто поставлю на случившемся точку. Если нет, дам делу идти своим ходом. Такая позиция лишена смысла и на шантаж не похожа.

- А если она, предположим, выигрывает, вы ее опять будете

преследовать?

- Нет, не буду.

- Вы же могли освободить и ее и себя, - стоило только захотеть.

- Да, мог, но такой ценой, которая меня не устраивает. И потом, то, что вы говорите, сильно смахивает, - извините за резкость, - на предложение вступить в сделку.

Динни остановилась:

- Что ж, я поняла, чего вы хотите. Спрошу Клер. А сейчас расстанемся.

Дальнейшие разговоры ни к чему хорошему не поведут,

Джерри тоже остановился, глядя на нее, и лицо зятя взволновало девушку. Из-под маски его жестких смуглых черт проступили боль и растерянность.

- Мне очень жаль, что все так сложилось, - порывисто сказала она.

- Человеческая натура - дьявольская штука, Динни, и вырваться изпод ее власти невозможно. До свиданья. Желаю счастья!

Она подала ему руку. Он стиснул ее, повернулся и ушел.

Подавленная, Динни постояла под молодой березкой, чьи набухшие почками ветки, казалось, трепетали и тянулись к солнцу. Странное положение! Ей жалко всех - и Джерри, и Клер, и Крума, и никому из них она не в силах помочь.

Она вернулась на Саут-сквер со всей возможной для нее быстротой.

Флер встретил ее вопросом:

- Ну что?

- Мне очень неприятно, но говорить об этом я вправе только с Клер.

- Он, наверно, предложил взять иск обратно при условии, что Клер вернется. И если у нее голова на плечах, она должна согласиться.

Динни решительно сжала губы.

Она дождалась ночи и лишь тогда зашла в комнату Клер. Сестра только что легла, и Динни, усевшись в ногах кровати, без предисловий начала:

- Джерри попросил меня о встрече. Мы виделись с ним в Хайд-парке. Он обещал прекратить дело, если ты вернешься к нему на любых удобных тебе условиях.

Клер села на постели и обхватила руками колени:

- Так. А что ты ответила?

- Что спрошу тебя.

- Как по-твоему, почему он это предлагает?

- Отчасти потому, что хочет примирения с тобой; отчасти потому, что не слишком верит в неопровержимость улики.

- Вот как! - сухо отозвалась Клер. - Я в нее тоже не верю. Но к нему не вернусь.

- Я и сказала ему, что ты едва ли вернешься. А он назвал нас "безжалостным семейством".

У Клер вырвался короткий смешок.

- Нет, Динни, я уже извела всю мерзость бракоразводного дела. Я теперь как каменная, и мне безразлично, выиграем мы или проиграем. Больше того, мне кажется, что я предпочла бы проиграть.

Динни через одеяло погладила сестру по ноге. Она колебалась. Рассказать ли Клер о том, что она почувствовала, увидев лицо Джерри?

Клер, словно прочитав ее мысли, продолжала:

- Мне всегда смешно смотреть на людей, которые воображают, будто им известно, какими должны быть взаимоотношения супругов. Флер рассказывала мне о своем отце и его первой жене. Ей, видимо, кажется, что та наделала много шума из ничего. Скажу одно: судить о чужих отношениях - самоуверенное идиотство. Пока в спальнях не установили киносъёмочные камеры, всем улика - грош цена. Можешь поставить его в известность, Динни, что ничего уже изменить нельзя.

Динни поднялась:

- Хорошо. Скорей бы все кончилось!

- Да, - отозвалась Клер. - Поскорей бы! Не знаю только, что будет с нами, когда все кончится. Боже, суды храни!

Динни повторяла это горькое восклицание ежедневно в течение двух недель, посвященных судом разбору неопротестованных исков, под рубрикой которых могло бы пройти и дело ее сестры, не обратив на себя внимания и не вызвав никаких откликов. Она послала Корвену короткую записку с сообщением, что ее сестра не согласна. Ответа не последовало.

По просьбе Дорнфорда она вместе с Клер осмотрела его новый дом на Кемпден-хилл. Зная, что он выбрал себе этот кров в надежде разделить его с нею, если она согласится, Динни чувствовала себя неловко, отмалчивалась и сказала только, что здесь все очень мило и что в саду следует поставить скворечню. Дом стоял на отшибе, в нем было просторно и много воздуха, сад располагался на южном склоне холма. Огорченная своим безразличием, она обрадовалась, когда настало время уезжать, хотя подавленное и печальное лицо Дорнфорда искренне тронуло ее при расставании. В автобусе, по дороге домой, Клер сказала:

- Чем ближе я знакомлюсь с Дорнфордом, тем ясней вижу, что вы подходите друг другу. Он на редкость деликатен и с ним можно молчать. Прямо ангел, а не человек.

- Не сомневаюсь.

И в голове Динни, приравливаясь к ритму покачивающегося автобуса и без конца повторяясь, зазвучала строфа:

Как широка река, как берег крут!

Что ждет за нею - отдых иль скитанья?

Искать ли тучных пастбищ или тут,

На скудной почве, длить существованье?

Но лицо ее хранило то выражение отрешенности, маску которой, как знала Клер, не стоило и пытаться приподнять.

Ожидание события, даже когда последнее непосредственно вас не заденет, - занятие не из приятных. Однако для Динни оно заключало в себе то преимущество, что отвлекало девушку от мыслей о собственной особе и сосредоточивало их на ее близких. В первый раз на памяти Динни над именем Черрелов нависла реальная угроза публичного позора, и девушка особенно остро ощущала, как реагирует на это ее клан. Она радовалась, что Хьюберта нет в Англии: при его нетерпеливом характере он бы страшно нервничал. Конечно, четыре года назад его личные неприятности тоже стали достоянием гласности, но тогда опасности подвергалась его жизнь, а не честь. Сколько бы люди ни уверяли, что развод в наши дни - сущая безделица, все равно в стране, гораздо менее современной, чем предполагается, с понятием развода по традиции связывается представление о клейме позора. Во всяком случае у кондафордских Черрелов была своя гордость и свои предрассудки, и они больше всего на свете ненавидели гласность.

Когда в один прекрасный день Динни отправилась завтракать в приход святого Августина в Лугах, она обнаружила, что и там царит довольно натянутая атмосфера. Казалось, ее дядя и тетка объявили друг другу: "Мы примиряемся с тем, что процесс неизбежен, но не можем ни понять его, ни одобрить". Они не пытались ни высокомерно осуждать Клер, ни разыгрывать из себя оскорбленных в своей добродетели детей церкви, но всем своим видом говорили Динни, что Клер могла бы найти себе занятие получше, чем попадать в такие положения.

Направляясь с Хилери на Юстенский вокзал провожать партию юношей, уезжавших в Канаду, Динни испытывала неловкость, потому что искренне любила и уважала своего дядю, задавленного работой и совсем непохожего на священника. Он наиболее полно олицетворял собой принцип бескорыстного служения долгу, в рабстве у которого пребывала вся ее семья, и хотя девушка порой думала, что люди, на чье благо он трудится, вероятно, счастливее, чем он сам, она безотчетно верила, что он живет

подлинно реальной жизнью в мире, где так мало подлинно реального. Оставшись наедине с племянницей, Хилери высказался более определенно:

- В истории с Клер, Динни, мне противнее всего то, что в глазах общества она опустится до уровня молодой бездельницы, у которой одна забота - копаться в своих семейных дрязгах. Честное слово, я уж предпочел бы, чтобы она серьезно влюбилась и даже перешла границы дозволенного.

- Не беспокойтесь, дядя, за этим не станет, - вполголоса бросила Динни. - Дайте ей только время.

Хилери улыбнулся:

- Ладно, ладно! Ты же понимаешь, что я имею в виду. Глаза у общества холодные, слабые, близорукие: они всегда во всем видят самое худшее. За настоящую любовь я могу многое простить, но мне претит неразборчивость в вопросах пола. Это неопрятно.

- По-моему, вы несправедливы к Клер, - со вздохом возразила Динни. У нее были веские причины для разрыва. А если за ней ухаживают, то вы же знаете, дядя, что это неизбежно, если женщина молода и привлекательна.

- Ну, - проницательно заметил Хилери, - я вижу, ты могла бы коечто порассказать. Вот мы и пришли. Знай ты, с каким трудом я уговорил этих мальчиков поехать, а власти - дать согласие, ты поняла бы, почему мне порой хочется превратиться в гриб, чтобы ночью я вырастал, а утром меня съедали за завтраком.

Сказав это, он вошел с Динни в здание вокзала и проследовал к ливерпульскому поезду. Здесь они увидели семерых юнцов в кепках: одни из них уже сидели в вагоне третьего класса, другие стояли возле него и подбадривали друг друга на истинно английский манер, отпуская шуточки по поводу костюма товарищей и время от времени повторяя:

- Что? Мы приуныли? Ну, нет!

Они приветствовали Хилери возгласами:

- Хэлло, викарий!.. Вот мы и на старте!.. Сигаретку, сэр?

Хилери взял сигарету, и Динни, стоявшая поодаль, восхитилась тем, как быстро и легко он стал своим человеком в этой маленькой группе.

- Эх, что бы вам с нами поехать!

- Я не прочь бы, Джек.

- Расставайтесь-ка со старой Англией!

- С доброй старой Англией!

- Сэр!..

- Слушаю. Томми.

Динни не разобрала последних фраз: она была слегка смущена явным

интересом, который проявляли к ней уезжающие.

- Динни!

Девушка приблизилась к вагону.

- Поздоровайся с молодыми людьми. Моя племянница.

Разом стало удивительно тихо. Динни семь раз пожала руку семерым юнцам, сдернувшим кепки, и семь раз пожелала им счастливого пути.

Затем парни гурьбой ринулись в вагон, раздался взрыв грубоватых голосов, оборванное "ура", и поезд тронулся. Динни стояла рядом с Хилери, чувствуя, что у нее перехватывает горло, и махая рукой кепкам и лицам, высовывавшимся из окна.

- Вечером у них уже начнется морская болезнь, - заметил Хилери. - Это хорошо. Она - лучшее лекарство от мыслей о будущем и прошлом.

Простившись с Хилери, Динни поехала навестить Эдриена и, к своему неудовольствию, застала у него дядю Лайонела. Когда она вошла, мужчины замолчали. Затем судья спросил:

- Скажи, Динни, есть ли какая-нибудь надежда примирить Клер с Джерри до начала этого неприятного дела?

- Никакой, дядя.

- Так. Тогда, насколько я разбираюсь в законах, Клер разумней всего не являться на суд и от защиты отказаться. Зачем ей оставаться на мертвой точке в своих отношениях с мужем, если нет надежды на то, что они опять сойдутся?

- Я сама того же мнения, дядя. Но вы ведь знаете, что обвинение не соответствует истине.

Судья поморщился:

- Я рассуждаю с мужской точки зрения. Динни. Выиграет Клер или проиграет, огласка все равно нежелательна. Но если они с этим молодым человеком не станут защищаться, все пройдет почти незаметно. Эдриен уверяет, что Клер не примет от мужа никакой материальной поддержки. Следовательно, эта сторона вопроса тоже отпадает. В чем же тогда дело? Известны тебе ее мотивы?

- Весьма относительно и притом под секретом.

- Жаль! - вздохнул судья. - Если бы люди знали законы так же, как я, они не стали бы защищаться в таких обстоятельствах.

- Но Джерри, помимо всего прочего, требует возмещения ущерба.

- Да, Эдриен мне рассказывал. Это уж прямо какой-то средневековый пережиток.

- По-вашему, дядя Лайонел, месть тоже средневековый пережиток?

- Не совсем, - ответил судья с кривой усмешкой. - Но я никогда бы не

предположил, что человек с положением Корвена может позволить себе такое излишество. Посадить жену на скамью подсудимых - не очень красиво!

Эдриен обнял Динни за плечи:

- Динни переживает это острее нас всех.

- Догадываюсь, - пробормотал судья. - Корвен, конечно, положит эти деньги на имя Клер.

- Клер их не возьмет. Но почему вы уверены, что она обязательно проиграет? Мне кажется, закон создан для того, чтобы защищать справедливость, дядя Лайонел.

- Не люблю присяжных, - отрезал судья.

Динни с любопытством посмотрела на него. Он сегодня поразительно откровенен. Судья добавил:

- Передай Клер, что говорить надо громко, отвечать кратко. И пусть не острит. Право вызывать смех у публики принадлежит одному судье.

С этими словами он еще раз криво усмехнулся, пожал племяннице руку и ушел.

- Дядя Лайонел хороший судья?

- Говорят, что он вежлив и нелицеприятен. В суде я Лайонела не слышал, но насколько я знаю его как брат, он человек добросовестный и дотошный, хотя порою бывает не в меру саркастичен. А все, что им сказано о деле Клер, совершенно бесспорно, Динни.

- Я сама в этом убеждена. Все опирается в моего отца и в возмещение ущерба.

- По-моему, Джерри теперь раскаивается, что потребовал денег. У него не адвокаты, а скверные крючкотворы. Им бы лишь поудить рыбу в мутной воде!

- Разве это не призвание всех юристов?

Эдриен засмеялся.

- Вот чай! Утопим в нем наши горести и пойдем в кино. Говорят, сейчас идет замечательная немецкая картина. Подумай только, Динни, - подлинное великодушие на экране.

XXIX

Шорох бумаг и шарканье ног, знаменующие смену одной человеческой драмы другою, наконец прекратились, и "очень молодой" Роджер бросил:

- Мы входим в святая святых закона.

Динни села между сестрой и отцом; Джерри Корвена отделяли от них "очень молодой" Роджер и его соперник.

- Чему же воздвигнут жертвенник в этом святая святых - правде или

лжи? - прошептала она.

Девушка не видела, что творится у нее за спиной, но слышала, больше того, ощущала инстинктом, как наполняется зал. Безошибочное чутье подсказывало публике, что здесь пахнет если уж не титулами, то во всяком случае серьезной схваткой. Судья, видимо, тоже что-то унюхал, так как полузакрыв лицо цветным носовым платком изрядных размеров. Динни подняла глаза: внушительный зал, в нем есть что-то готическое. Над креслом судьи высоко - выше человеческого роста - висят красные драпри. Девушка перевела взгляд на присяжных, занимавших места на обеих скамьях своей ложи. Ее внимание сразу же приковал к себе старшина: яйцеобразная голова, почти голый череп, малиновые щеки, бесцветные глаза и лицо, в котором было одновременно что-то от барана и трески, а в целом нечто, не поддающееся определению. Его черты напомнили девушке одного из джентльменов с Саут-Молтон-сквер, и она решила, что он, наверно, ювелир. На передней скамье с краю сидели три женщины, ни одна из которых не провела бы, конечно, ночь в машине. Первая была осанистая женщина, с добрым, простоватым лицом экономки. Вторая, некрупная и довольно тощая брюнетка, походила на писательницу. Внешность третьей наводила на мысль о простуженной птице. Остальные восемь членов коллегии, мужчины, утомляли глаз своим не укладывающимся ни в какую классификацию разнообразием. Чей-то голос объявил:

- Корвен против Корвен и Крума - по иску супруга.

Динни судорожно стиснула локоть Клер.

- С соизволения вашей милости...

Девушка уголком глаза увидела приятную физиономию с короткими бачками, которая под париком казалась чуть не темно-красной.

Лицо судьи, замкнутое и отрешенное, как облик священника или головка черепахи, неожиданно высунулось вперед. Его безличный пронизательный взгляд словно обволок девушку, и она почувствовала себя до странности маленькой. Затем, так же неожиданно, он втянул голову обратно.

За спиной Динни неторопливый низкий голос огласил имена сторон, их общественное положение, место вступления в брак и жительства; потом сделал паузу и продолжал:

- В середине ноября минувшего года, в то время как истец находился в отъезде по служебным делам, ответчица безо всякого предупреждения покинула дом и вернулась в Англию. Соответчик ехал на том же пароходе. Насколько мне известно, защита утверждает, что до этого они не встречались. Я же утверждаю, что они встречались или во всяком случае

имели к тому возможность.

Динни увидела, что плечи сестры презрительно приподнялись.

- Как бы то ни было, - раздавался неторопливый низкий голос, - не подлежит сомнению, что на пароходе они были все время вместе, и я докажу, что перед концом рейса соответчика видели выходящим из каюты ответчицы.

Голос долго разглагольствовал в том же роде и наконец заключил:

- Господа присяжные, я не касаюсь результатов наблюдения, установленного за ответчицей и соответчиком: они будут изложены вам компетентными и достойными доверия свидетелями. Сэр Джералд Корвен!

Не успела Динни поднять глаза, как Джерри уже стоял в ложе. Его черты показались ей еще жестче, чем она ожидала. Она видела, как лицо ее отца выразило негодование, как судья взялся за перо, как Клер стиснула лежащие на коленях руки, как прищурился "очень молодой" Роджер, как старшина приоткрыл рот, как третья женщина-присяжная еле удержалась, чтобы не чихнуть: она видела каждую мелочь - даже тот липкий бурый налет, который лежал на всем, что находилось в зале, и словно пачкал все краски человеческой жизни - розовую, голубую, серебряную, золотую и даже зеленую.

Неторопливый голос перестал задавать вопросы так же внезапно, как и начал их задавать; обладатель его замолчал, словно опустил черные крылья. Сзади Динни раздался другой голос:

- Вы считали, сэр, что начать процесс вас обязывает долг?

- Да.

- У вас не было никаких привходящих мотивов?

- Никаких.

- Но требование возмещения ущерба - довольно редкий случай среди порядочных людей.

- Деньги будут положены на имя моей жены.

- Дала ли вам ваша жена понять в той или иной форме, что ожидает от вас материальной поддержки?

- Нет.

- Удивит ли вас, если она откажется принять от вас хотя бы пенс независимо от того, чьи это деньги - соответчика или другого лица?

Динни увидела, как под усиками Корвена заиграла кошачья усмешка.

- Меня ничто не удивит.

- Вас не удивило даже ее бегство?

Динни перевела взгляд на адвоката, ведущего допрос. Так это и есть Инстон, про которого Дорнфорд говорил, что он любому даст очко вперед!

"Человека с лицом, украшенным таким носом, действительно никому не заткнуть за пояс!" - подумала она.

- Да, оно меня удивило.

- Почему? Не опишите ли вы нам словами, сэр, ваше тогдашнее состояние?

- Жены, как правило, не уходят от мужей без объяснения причин.

- Да, кроме тех случаев, когда ввиду их очевидности нужда в объяснениях отпадает. У вас именно так и получилось?

- Нет.

- В чем же, по-вашему, заключалась причина? Кому, как не вам, знать об этом?

- Нет, не мне.

- А кому же?

- Моей жене.

- Но у вас же должны быть какие-то предположения. Не изложите ли их нам?

- Изложил бы, если бы они у меня были.

- Напоминаю, сэр, что вы принесли присягу. Скажите, не случилось ли вам дурно обращаться с женой?

- Признаю, что был один прискорбный инцидент, но я за него извинился.

- Какой инцидент?

Динни, которая сидела между сестрой и отцом выпрямившись и всем существом чувствуя, что их и ее гордость натянута как струна, услышала за своей спиной неторопливый низкий голос:

- Я полагаю, милорд, что мой коллега не уполномочен задавать подобный вопрос.

- Милорд...

- Я вынужден остановить вас, мистер Инстон.

- Подчиняюсь, милорд... Вы вспыльчивый человек, сэр?

- Нет.

- И вы обычно более или менее обдумываете ваши поступки?

- Смею надеяться.

- Даже когда это поступки не слишком, так сказать, доброжелательные?

- Да.

- Понимаю. Присяжные, несомненно, тоже понимают. Теперь, сэр, с вашего позволения перейдем к другому пункту. Утверждаете ли вы, что ваша жена и мистер Крум встречались на Цейлоне?

- Понятия не имею, встречались они или нет.
- Известно ли вам лично, что они были там знакомы?
- Нет.
- Мой коллега уверил нас, что докажет факт их встреч.
- Возможность их встреч, - поправил неторопливый низкий голос.
- Пусть так. Были у вас, сэр, основания предполагать, что они воспользовались такой возможностью?
- Не было.
- Встречали вы мистера Крума на Цейлоне или хоть слышали о нем?
- Нет.
- Когда вам впервые стало известно о существовании этого джентльмена?
- В ноябре прошлого года здесь, в Лондоне, я видел, как он выходил из дома, где остановилась моя жена, и я спросил у нее, как его зовут.
- Она пыталась это скрыть?
- Нет.
- И больше вы с этим джентльменом не встречались?
- Нет.
- Почему вы сочли его именно тем человеком, который может послужить вам предлогом для развода?
- Я возражаю против такой постановки вопроса.
- Что ж, тогда поставим его по-другому: почему именно этот джентльмен привлек к себе ваше внимание как возможный соответчик?
- Потому что я кое-что слышал о нем на пароходе, с которым возвращался в ноябре из Порт-Саида на Цейлон. Это было то же самое судно, на котором моя жена и соответчик плыли в Англию.
- Что же вы слышали?
- Что они проводили все время вместе.
- Довольно частое явление в плавании, не так ли?
- В пределах благоразумия - да.
- Вам это известно по собственному опыту?
- Насколько помнится, нет.
- Что еще побудило вас возыметь подозрения?
- Стюардесса сказала мне, что видела, как он выходил из каюты моей жены.
- В какое время? Днем или ночью?
- Перед самым обедом.
- Вам по долгу службы, наверно, не раз приходилось совершать поездки морем?

- Да, много раз.
- И вы не замечали, что пассажиры частенько заходят друг к другу в каюты?
- Замечал.
- Это всегда наводило вас на подозрение?
- Нет.
- Не вправе ли я пойти дальше и заключить, что раньше у вас в таких случаях никогда не возникало подозрений?
- Нет, не вправе.
- Вы по природе человек подозрительный?
- Не нахожу.
- Или, что называется, ревнивый?
- Не сказал бы.
- Намного вы старше вашей жены?
- На семнадцать лет.
- Тем не менее вы не в таких годах, чтобы не знать, как непринужденно и почти не считаясь с разницей полов держатся друг с другом молодые люди и женщины наших дней?
- Если вас интересует мой возраст, то мне сорок один.
- То есть практически вы принадлежите к послевоенному поколению?
- Я воевал.
- Тогда вам, вероятно, известно, что многое, считавшееся до войны подозрительным, давно уже не рассматривается как таковое?
- Мне известно, что теперь ко всему относятся легко и просто.
- Благодарю вас. Скажите, случалось ли вам подозревать в чем-нибудь вашу жену до того, как она покинула вас?
- Динни подняла глаза.
- Не случалось.
- И тем не менее такого ничтожного обстоятельства, как то, что соответчик вышел из ее каюты, оказалось достаточно, чтобы вы установили за ней наблюдение?
- Да. Кроме того, они все время на пароходе проводили вместе, и я своими глазами видел, как он выходил в Лондоне из дома, где она остановилась.
- Говорили вы ей, будучи в Лондоне, что, если она не вернется к вам, все последствия лягут на нее?
- Едва ли я мог употребить подобные выражения.
- А какие же вы употребили?
- Я сказал ей, что она имеет несчастье быть моей женой и поэтому не

может вечно оставаться соломенной вдовой.

- Тоже не слишком изящный оборот, правда?

- Допускаю.

- Итак, вы стремились воспользоваться любым предлогом и любым ее знакомством, чтобы освободиться от нее?

- Нет, я стремился вернуть ее.

- Невзирая на ваши подозрения?

- В Лондоне у меня еще не было подозрений.

- Остается предположить, что вы дурно обращались с ней и намеревались освободиться от брачного союза, унижавшего вашу гордость.

Неторопливый низкий голос вставил:

- Протестую, милорд.

- Милорд, поскольку истец признал...

- Согласен, мистер Инстон, но кто из мужей не совершает поступков, за которые потом хочется извиниться?

- Как угодно вашей милости... Во всяком случае, вы распорядились установить наблюдение за вашей женой. Когда именно?

- Как только вернулся на Цейлон.

- Сразу же?

- Почти.

- Это не свидетельствует о горячем желании вернуть ее. Не правда ли?

- После того что мне рассказали на пароходе, мои намерения решительно изменились.

- Ах, на пароходе. А ведь выслушивать сплетни о своей жене не очень красиво. Вы не находите?

- Нахожу. Но она отказалась вернуться, и я должен был внести ясность в положение вещей.

- Всего спустя два месяца после ее ухода от вас!

- Прошло уже больше двух месяцев.

- Но меньше трех. Мне кажется, вы просто вынудили ее покинуть вас, а затем использовали первую же возможность застраховать себя от ее возвращения.

- Неправда.

- Хорошо, допускаю. Скажите, вы обратились в сыскное агентство до отъезда из Англии на Цейлон?

- Нет.

- Вы можете подтвердить это под присягой?

- Да.

- Как же вы вошли с ним в контакт?

- Я поручил сделать это моим поверенным.
 - О, так, значит, до отъезда вы беседовали с вашими поверенными?
 - Да.
 - Невзирая на то, что у вас еще не было подозрений?
 - Когда человек уезжает так далеко, он должен побеседовать со своими поверенными. Это естественно.
 - Вы беседовали с ними о вашей жене?
 - И о ней и о других делах.
 - Что же вы сказали им о вашей жене?
- Динни опять подняла глаза. Ей было все омерзительнее видеть, как травят человека, пусть даже ее противника.
- По-моему, я сказал только, что она остается здесь у своих родителей.
 - И это все?
 - Возможно, я прибавил, что наши отношения усложнились.
 - И это все?
 - Помнится, я сказал еще: "Пока что не представляю себе, чем все это кончится".
 - Готовы ли вы подтвердить под присягой, что не сказали: "Я, может быть, поручу вам установить за ней наблюдение".
 - Готов.
 - Готовы ли вы присягнуть, что не сказали вашим поверенным ничего, наводящего их на мысль о желательности для вас развода?
 - Не могу отвечать за мысли, на которые навели их мои слова.
 - Попрошу не отклоняться в сторону, сэр. Упомянули вы о разводе или нет?
 - Не помню.
 - Не помните? Сложилось или не сложилось у них мнение, что вы намерены начать дело?
 - Не знаю. Я сказал им только, что наши отношения усложнились.
 - Мы это уже слышали, и это не ответ на мой вопрос.
- Динни увидела, как судья высунул голову.
- Мистер Инстон, истец показал, что не знает, какое мнение сложилось у его поверенных. Что еще вы хотите услышать?
 - Милорд, существо порученного мне дела, - я рад возможности кратко резюмировать его, - сводится к тому, что, как только истец так или иначе вынудил свою жену покинуть его, он решил развестись с ней и был готов схватиться за любой предлог, могущий послужить основанием для развода.
 - Что ж, вам предоставлено право вызвать его поверенного.
 - Ваша милость!..

Этот краткий возглас прозвучал так, словно адвокат собрался пожать плечами, но передумал и переложил этот жест на слова.

- Хорошо, продолжайте.

Динни со вздохом облегчения уловила заключительные нотки в голосе Инстона "не-заткнешь-за пояс".

- Итак, хотя вы начали дело, основываясь только на сплетнях, и осложнили его, потребовав возмещения ущерба от человека, с которым не сказали и двух слов, вы пытаетесь внушить присяжным, что вы терпимый и благоразумный супруг, чье единственное желание - вернуть жену обратно?

Динни в последний раз подняла глаза на лицо Корвена, скрытое под еще более непроницаемой, чем обычно, маской.

- Я вовсе не намерен что-либо внушать присяжным.

- Очень хорошо!

За спиной девушки зашуршал шелк мантии.

- Милорд, - произнес неторопливый звучный голос, - поскольку мой коллега придает этому такое значение, я вызову поверенного истца.

"Очень молодой" Роджер, перегнувшись к Динни, шепнул:

- Дорнфорд приглашает вас всех позавтракать с ним...

Девушка почти ничего не ела: она испытывала нечто вроде тошноты. Такого ощущения не вызывало у нее ни дело Хьюберта, ни расследование смерти Ферза, хотя и то и другое стоили ей гораздо больших страхов и волнений. Она впервые столкнулась с той безмерной злобой, которая сопровождает тяжбу между частными лицами. Упорное стремление уличить противника в низости, злонамеренности, лживости, проявлявшееся в каждой реплике перекрестного допроса, тяжело сказывалось на ее нервах.

Когда они возвращались в суд, Дорнфорд заметил:

- Я знаю, каково вам сейчас. Но не забудьте, что процесс - своего рода игра: обе стороны подчиняются одинаковым правилам, а судья присматривает, чтобы они их не нарушали. Я много раз прикидывал, нельзя ли устроить все это по-другому, но так ничего и не придумал.

- Посидев на таком процессе, перестаешь верить, что в мире есть что-нибудь до конца чистое.

- А я вообще в этом сомневаюсь.

- Здесь даже Чеширский кот разучится улыбаться, - отозвалась Динни.

- Здесь не улыбаются, Динни. Эти слова следовало бы высечь над входом в суд.

То ли благодаря этому краткому разговору, то ли потому, что она уже притерпелась, Динни легче перенесла дневное заседание, целиком ушедшее на простой и перекрестный допрос стюардессы и агентов

частного сыска. К четырем часам допрос истца и свидетелей обвинения закончился, и "очень молодой" Роджер подмигнул Динни с таким видом, словно хотел сказать: "Сейчас суд удалится и я позволю себе взять понюшку".

XXX

Возвращаясь в такси на Саут-сквер, Клер долго молчала и, лишь когда машина поравнялась с Большим Бэном, вдруг заговорила:

- Подумать только, Динни! Он заглянул в автомобиль, когда мы спали! А может быть, он просто приврал?

- Будь это так, его показания были бы еще убедительнее.

- Разумеется, я положила голову на плечо Тони. Как же иначе? Пусть попробуют сами поспать в двухместной машине.

- Удивляюсь, как он не разбудил вас своим фонарем.

- Вероятно, все-таки будил. Я припоминаю, что несколько раз просыпалась как от толчка. Нет, глупей всего я вела себя в тот вечер, после кино и обеда, когда пригласила Тони зайти ко мне и чего-нибудь выпить. Мы были до того наивны, что даже не подумали о возможной слежке. В зале было много публики?

- Да. Завтра будет еще больше.

- Ты видела Тони?

- Мельком.

- Напрасно я тебя не послушалась. Надо было предоставить события их течению. Эх, если бы я любила его!..

Динни промолчала.

В гостиной Флер они застали тетю Эм. Она подплыла к Клер и уже открыла рот, но спохватилась, пристально взглянула на племянницу и ни с того ни с сего объявила:

- Все едино! Ненавижу это выражение! От ко'о оно у меня? Динни, расскажи мне про судью. Он длинноносый?

- Нет. Но сидит он очень низко и все время высовывает голову вперед.

- Зачем?

- Я его не спрашивала, тетя.

Леди Монт повернулась к Флер:

- Можно подать Клер обед в постель? Ступай, доро'ая, прими хорошую ванну, ложись и не вставай до утра. Перед таким судьей нужно выглядеть свежей. Флер тебя проводит, а я по'оворю с Динни.

Когда они ушли, леди Монт подошла к камину, где горели дрова:

- Утешь меня, Динни. Как в нашей семье мо'ла случиться такая история? Это не к лицу никому из Черрелов, кроме разве твое'о прадеда, но

он ведь родился раньше королевы Виктории.

- Вы хотите сказать, что он был беспутным от природы?

- Да. И'рок. Любил удовольствия и компанию. Е'о жена мучилась с ним всю жизнь. Шотландка. Очень странно!

- В этом, наверно, и заключается причина того, что мы стали добропорядочными, - отозвалась Динни.

- В чем?

- В комбинации.

- Нет, скорее в день'ах, - возразила леди Монт. - Он их промотал.

- А их было много?

- Да. Е'о отец разбо'ател на хлебе.

- Нечестное богатство.

- Почему? Во всем виноват Наполеон. У нас было то'да шесть тысяч акров, а после твое'о прадеда осталось только тысяча сто.

- И те большей частью под лесом.

- Да, чтобы стрелять вальдшнепов. Успеет процесс попасть в вечерние газеты?

- Разумеется. Джерри - человек на виду.

- Надеюсь, туалета Клер не коснутся. Понравились тебе присяжные?

Динни пожала плечами:

- Я не умею читать чужие мысли по лицам.

- Это все равно как щупать нос у собаки: тебе кажется, что он горячий, а на самом деле она здорова. А что с молодым человеком?

- Он - единственный, кого мне по-настоящему жаль.

- Да, - согласилась леди Монт. - Каждый мужчина прелюбодействует, но в своем сердце, а не в автомобилях.

- Людям важно не то, что есть, а то, что кажется, тетя Эм.

- По мнению Лоренса, косвенные улики доказывают, что совершилось то, чего на самом деле никто не совершал. Он полагает, что так даже лучше: все равно Клер сочтут виновной в том, в чем она не виновата. Разве это справедливо, Динни?

- Нет, тетя.

- Ну, мне пора домой, к твоей матери. Она ниче'о не ест, только сидит, читает и все больше бледнеет. А Кон забыл даже про свой клуб. Флер собирается увезти их и нас на своей машине в Монте-Карло, ко'да все кончится. Она говорит, что нам будет там очень хорошо и что Ригз умеет держаться правой стороны, если не забывает об этом.

Динни покачала головой:

- Лучше всего у себя в норе, тетя.

- Не люблю ползать, - изрекла леди Монт. - Поцелуй меня и поскорей выходи замуж.

Когда тетка выплыла из комнаты, Динни отошла к окну и стала смотреть на сквер.

Это становится у них навязчивой идеей! Все - тетя Эм, дядя Эдриен, ее отец, мать. Флер, даже Клер - жаждут выдать ее за Дорнфорда, и поскорее!

Им-то какое дело? Откуда в них инстинктивное стремление толкать людей в объятия друг друга? Раз ей нечего делать в жизни сейчас, брак ничего не изменит. Зачем он ей? "Дабы множить потомство свое", - вспомнилась ей заповедь прошлого. Жизнь должна продолжаться. Но для чего? В наши дни ее никто не называет иначе как адом. А впереди - тоже ничего, кроме "прекрасного нового мира".

"Или католицизма, - мысленно добавила она. - Но я не верю ни в тот, ни в другой".

Она распахнула окно и облокотилась на подоконник. Вокруг девушки, жужжа, заметалась муха. Динни отогнала ее, но та сейчас же вернулась. Мухи! У них тоже есть свое назначение в жизни. Но какое? Они если уж существуют, так существуют; если умирают, так умирают, но никогда не живут наполовину. Она снова отогнала муху, которая на этот раз не вернулась.

За спиной Динни раздался голос Флер:

- Вы тут не простудитесь, дорогая? Ну и весна! Впрочем, я повторяю то же самое из мая в май. Пойдем выпьем чаю. Клер сидит в ванне с чашкой в одной руке и сигаретой в другой. Выглядит совершенно прелестно. Надеюсь, завтра все кончится.

- Ваш троюродный брат уверяет, что да.

- Он придет к обеду. К счастью, его супруга в Дройтиче.

- Почему "к счастью"?

- Ну, знаете, это такая дама!.. Если ему понадобится поговорить с

Клер, я отведу его к ней: она к тому времени уже вылезет из ванны. Впрочем, вы ее вполне можете заменить. Как вы думаете, Клер будет хорошо держаться во время допроса?

- Разве это кому-нибудь удастся?

- Мой отец уверял меня, что я держалась хорошо, но он был лицеприятен. Да ведь и вас хвалил следственный судья, который вел дело Ферза, верно?

- Тогда не было перекрестного допроса. Флер. А Клер к тому же нетерпелива.

- Посоветуйте ей поднимать брови и считать до пяти перед каждым

ответом. Это выведет Броу из себя.

- У него такой голос, что с ума сойти можно, - сказала Динни. - А паузы он делает такие, словно у него впереди целый свободный день.

- Обычный прием. Вся эта церемония сильно смахивает на инквизицию. Как вы находите защитника Клер?

- Будь я на другой стороне, я его возненавидела бы.

- Значит, хорош. Ну, Динни, какая же мораль вытекает из всей этой истории?

- Не выходи замуж.

- Несколько смелый вывод: мы еще не научились выращивать детей в бутылках. Вам не приходило в голову, что основа цивилизации - инстинкт материнства?

- А я думала - земледелие.

- Под цивилизацией я разумею все, что не сводится к применению голый силы.

Динни посмотрела на свою циничную и порой чуточку болтливую родственницу. Та выглядела такой уравновешенной, нарядной и тщательно отманикюренной, что девушке стало стыдно. Неожиданно Флер объявила:

- Вы - милая.

Обед, который Клер подали в постель и за которым не было посторонних, кроме "очень молодого" Роджера, прошел в высшей степени оживленно. Адвокат очень занятно рассказывал о том, как его семья реагировала на повышение налогов. Его дядя Томас Форсайт поселился на Джерси, но с возмущением покинул остров, как только там пошли разговоры о местном налоге. Он написал об этом в "Тайме" под псевдонимом "Индивидуалист", реализовал все свои ценности и поместил деньги в бумаги, не подлежащие обложению, но зато дающие гораздо меньший доход, чем те, которые ему подлежат. На последних выборах он голосовал за национальное правительство, но как только оно опубликовало новый бюджет, стал думать, какой партии он отдаст свой голос на следующих выборах. Сейчас он живет в Борнмауте

- Он замечательно сохранился, - заключил "очень молодой" Роджер. Флер, вы имели дело с пчелами?

- Да, я однажды села на пчелу.

- А вы, мисс Черрел?

- Мы их разводим.

- Занялись бы вы пчеловодством на моем месте?

- А где вы живете?

- Сразу за Хетфилдом. Там кругом большие посевы клевера.

Теоретически пчелы меня привлекают: они живут цветами и клевером с чужих участков; когда вы находите рой, вы можете его присвоить. А в чем минусы пчеловодства?

- Если пчелы роятся на чужом участке, вы их теряете в девяти случаях из десяти. Кроме того, всю зиму их нужно кормить. Наконец они требуют времени, ухода и жалят вас.

- Последнее не страшно: заниматься ими пришлось бы моей жене, - отозвался "очень молодой" Роджер, подмигнув одним глазом. - У нее ревматизм, а я слышал, что пчелиный яд - самое лучшее лекарство.

- Сперва нужно проверить, будут ли они ее кусать, - заметила Динни. Пчел не заставишь жалить тех, кого они любят.

- Ну, в крайнем случае на них можно садиться, - бросила Флер.

- Нет, серьезно, - настаивал "очень молодой" Роджер. - Полдюжины укусов не повредили бы ей, бедняжке.

- Почему вы пошли в адвокатуру, Форсайт? - вмешался в разговор Майкл.

- Во время войны я был уволен вчистую по ранению, и мне пришлось подыскать себе сидячее занятие. И потом, знаете, отчасти это ремесло мне нравится, отчасти...

- Понятно, - перебил Майкл. - У вас был дядя по имени Джордж?

- Старый Джордж? А как же! Когда я учился в школе, он всегда давал мне десять шиллингов и совет, на какую лошадь ставить.

- И вы часто выигрывали?

- Ни разу.

- Вот что, скажите откровенно: кто выиграет завтра?

- Говоря откровенно, - ответил адвокат, посмотрев на Динни, - все зависит от вашей сестры, мисс Черрел. Свидетели обвинения хорошо справились со своей задачей. К ним не подкопаешься, и показания их покамест не опровергнуты. Но если леди Корвен не потеряет самообладания, мы как-нибудь отобьемся. Если же хоть по одному из пунктов возникнет сомнение в ее правдивости, тогда... - Он пожал плечами и, как показалось Динни, разом постарел. - Среди присяжных есть несколько субъектов, которые мне не нравятся. Например, старшина. Для среднего человека жена, бросающая мужа без всякого предупреждения, - конченная личность. У меня было бы спокойней на душе, если бы ваша сестра рассказала о своей семейной жизни. Время еще есть.

Динни покачала головой.

- Ну что ж, тогда остается уповать на ее личное обаяние. Но вообще-то людям не нравится такое положение: нет кота дома, мыши ходят по столу.

Динни легла в постель с тяжелым чувством человека, которому предстоит наблюдать, как будут пытаться другого.

XXXI

Дни проходят, а каменное здание суда высится все так же неизменно. В зале повторяются одни и те же движения, скрипят одни и те же, скамейки, разносятся одни и те же запахи, не слишком острые, но достаточно крепкие.

На второй день Клер явилась туда вся в черном, с узким зеленым пером на черной шляпке, плотно облегающей голову. Бледная, с едва подкрашенными губами, она сидела так неподвижно, что никто не решался с ней заговорить. Слова "Бракоразводный процесс в высшем свете" и "броский" заголовок "Ночь в машине" возымели должное действие: зал не мог вместить всех желающих. Динни заметила Крума: он сидел позади своего защитника. Она заметила также, что вид у женщины-присяжной с птичьим обликом менее простуженный, а старшина не сводит бесцветных глаз с Клер. Судья, казалось, сидел еще ниже, чем раньше. Он слегка приподнялся, когда прозвучал голос Инстона:

- Итак, с позволения вашей милости и господ присяжных, ответом на обвинение в прелюбодеянии, якобы совершенном ответчицей и соответчиком, будет простое и полное отрицание. Попрошу ответчицу в ложу.

Динни подняла глаза на сестру с таким чувством, словно видела ее впервые. Клер, как советовал ей Дорнфорд, стояла в глубине ложи, и тень балдахина, ложившаяся на ее лицо, сообщала ему отрешенное и таинственное выражение. Однако говорила она ясным голосом, и, вероятно, только одна Динни заметила, что он несколько более сдавлен, чем обычно.

- Правда ли, что вы изменили мужу, леди Корвен?

- Нет, неправда.

- И вы готовы подтвердить это под присягой?

- Готова.

- Между вами и мистером Крумом не было никакой интимной близости?

- Никакой.

- Вы готовы подтвердить это под присягой?

- Готова.

- Здесь говорилось, что...

Вопрос следовал за вопросом, Динни сидела и слушала, не спуская с сестры глаз, восхищаясь отчетливостью ее ответов, невозмутимым спокойствием ее лица и жестов. Девушка с трудом узнавала голос Инстона,

он звучал совсем по-иному, чем накануне.

- Теперь, леди Корвен, я должен задать вам еще один вопрос, но прежде чем вы на него ответите, прошу вас принять во внимание, что от вашего ответа будет зависеть многое. Почему вы ушли от мужа?

Динни увидела, что сестра слегка откинула голову назад:

- Я ушла потому, что остаться с ним значило потерять уважение к себе.

- Понятно. Но не уточните ли вы, почему именно? Вы ведь не совершали поступков, которых могли бы стыдиться?

- Нет.

- Ваш муж признал за собою один проступок и сказал, что извинился за него.

- Да, так и было.

- В чем же он состоял?

- Простите, я органически не в состоянии говорить о своей брачной жизни.

Динни услышала, как отец буркнул: "Ей-богу, она права!" Затем она увидела, как судья вытянул шею, повернул лицо к ложе и задвигал губами.

- Вы сказали, что оставаться с мужем значило для вас потерять уважение к себе. Правильно я вас понял?

- Да, милорд.

- Вы считали, что, уйдя от него, вы сохраните уважение к себе?

- Да, милорд.

Судья слегка приподнялся всем телом, и, поводя головой из стороны в сторону, словно для того, чтобы не адресоваться ни к какому определенному лицу, произнес:

- По-моему, все ясно, мистер Инстон. Углубляться в этот вопрос бесполезно. Ответчица, видимо, твердо решила обойти его молчанием.

Его полузакрытые глаза по-прежнему словно присматривались к чемуто невидимому.

- Как угодно вашей милости. Еще раз спрашиваю вас, леди Корвен: обвинение в прелюбодеянии, якобы совершенном вами с мистером Крумом, не соответствует истине?

- Ни в коей мере.

- Благодарю вас.

Динни перевела дух, воспользовавшись паузой, а затем медлительностью, с которой выговорил первые фразы неторопливый низкий голос справа от нее.

- А не кажется ли вам, что, когда молодая женщина приглашает молодого человека к себе в каюту, сидит с ним наедине у себя на квартире

до половины двенадцатого, остается с ним на ночь в машине и в отсутствие мужа постоянно проводит с ним время, она тем самым совершает прелюбодеяние?

- Само по себе это еще не прелюбодеяние.

- Очень хорошо. Вы сказали, что никогда не видали соответчика до знакомства с ним на пароходе. Как вы объясните то обстоятельство, что на второй день плавания вы уже были с ним неразлучны?

- Сначала мы вовсе не были неразлучны.

- Вот как? Но ведь вы всегда проводили время вместе.

- Часто, но не всегда.

- Часто, хоть не всегда, - и это со второго дня?

- Да, пароход есть пароход.

- Совершенно верно, леди Корвен. И вы никогда с ним раньше не встречались?

- Насколько помню - нет.

- Разве Цейлон так уж велик с точки зрения человека, жаждущего общества?

- Нет, не велик.

- На всех развлечениях - состязаниях в поло, крикетных матчах и так далее - там, наверно, всегда присутствуют одни и те же люди?

- Да.

- И вы никогда не встречались с мистером Крумом? Несколько странно, правда?

- Нисколько. Мистер Крум жил на плантации.

- Но он как будто играет в поло?

- Да.

- А вы любите лошадей и вообще интересуетесь конным спортом?

- Да.

- И вы никогда не встречались с мистером Крумом?

- Я уже сказала, что нет. Спрашивайте об этом хоть до утра, - ответ будет тот же.

Динни затаила дыхание. Перед ней, как моментальный снимок, возник образ из прошлого: Клер девочкой отвечает на вопрос об Оливере Кромвеле.

Неторопливый низкий голос продолжал:

- Вы не пропускали ни одного состязания в поло, не правда ли?

- Когда могла, не пропускала.

- А не случилось ли вам однажды принимать у себя игроков в поло?

Динни увидела, как сдвинулись брови Клер.

- Да, принимала.
- Когда это было?
- По-моему, в июне прошлого года.
- Мистер Крум тоже участвовал в состязании, не так ли?
- Даже если это так, я его не заметила.
- Принимали у себя дома и не заметили?
- Да, не заметила.
- Очевидно, так принято у дам, живущих в Канди открытым домом?
- Я помню, что было очень много народу.
- Вот программа этих состязаний, леди Корвен. Взгляните, - быть может, она освежит ваши воспоминания.
- Я прекрасно помню эти состязания.
- Но не запомнили мистера Крума - ни на поле, ни у себя дома?
- Нет, не запомнила. Я болела за местную кандийскую команду, а потом ко мне явилось слишком много народу. Если бы я его помнила, я сразу же сказала бы об этом.

Пауза, наступившая перед новым вопросом, показалась Динни бесконечной.

- Я продолжаю настаивать на том, что вы уже были знакомы, когда встретились на пароходе.

- Настаивайте на чем угодно, но мы были незнакомы.

- Предположим.

Динни уловила шепот отца: "Чтоб ему пусто..." - и коснулась его локтя своим.

- Вы слышали показания стюардессы? Это был единственный случай посещения соответчиком вашей каюты?

- Единственный, когда он пробыл в ней больше минуты.

- Ага, значит, он заходил еще?

- Раз или два, чтобы взять или вернуть книгу.

- А в данном случае он зашел и просидел у вас... Сколько именно? Полчаса?

- Минут двадцать.

- Двадцать минут... Чем же вы занимались?

- Я показывала ему фотографии.

- Вот как! А почему же не на палубе?

- Не знаю.

- Вам не приходило в голову, что это нескромно?

- Я об этом просто не думала. У меня была с собой куча фотографий любительские снимки и карточки моих родных.

- Но ни одной, которой вы не могли бы показать ему в салоне или на палубе?

- По-моему, нет.

- Вы, видимо, полагали, что его визит останется незамеченным?

- Я уже сказала, что не думала об этом.

- Кто из вас предложил зайти к вам в каюту?

- Я.

- Вы знали, что находитесь в двусмысленном положении?

- Да, но это знала только я, а не посторонние.

- Вы же могли показать ему эти фотографии где угодно. Не находите ли вы, оглядываясь теперь назад, что совершили несколько необычный и весьма компрометирующий вас шаг, причем без всякой к тому необходимости?

- Показать их, не вынося из каюты, было проще всего. К тому же это были мои личные фотографии.

- И вы утверждаете, леди Корвен, что за эти двадцать минут между вами ничего не произошло?

- Расставаясь, он поцеловал мне руку.

- Это тоже важно, но это не ответ на мой вопрос.

- Не произошло ничего, о чем вы хотели бы услышать.

- Как вы были одеты?

- К сожалению, должна уведомить вас, что я была совершенно одета.

- Милорд, я вынужден просить, чтобы меня оградили от таких саркастических выпадов.

Динни восхитило спокойствие, с которым судья бросил:

- Отвечайте, пожалуйста, только по существу вопроса.

- Хорошо, милорд.

Клер вышла из тени, отбрасываемой балдахин, и, встав у самой решетки, взялась за нее руками; на щеках ее выступили красные пятна.

- Я предполагаю, что вы стали любовниками еще до конца плавания.

- Нет, не стали - ни тогда, ни потом.

- Когда вы снова увиделись с соответчиком после высадки?

- Примерно неделю спустя.

- Где?

- Около поместья моих родителей в Кондафорде.

- При каких обстоятельствах?

- Я ехала в автомобиле.

- Одна?

- Да. Я возвращалась домой к чаю после предвыборной агитационной

поездки.

- А соответчик?

- Он тоже ехал в автомобиле.

- То есть сразу вскочил в него?

- Милорд, прошу оградить меня от саркастических выпадов.

Динни услышала смешки в зале; затем голос судьи, опять, казалось, ни к кому не обращенный, произнес:

- Как аукнется, так откликнется, мистер Броу.

Смешки усилились. Динни не удержалась и украдкой глянула на Броу. Приятное лицо адвоката стало неповторимо бордового цвета. Рядом с девушкой "очень молодой" Роджер всем своим видом выражал удовольствие и некоторую озабоченность.

- Каким образом соответчик оказался на проселочной дороге в пятидесяти милях от Лондона?

- Он приехал повидать меня.

- Вы это признаете?

- Он сам так сказал.

- Не можете ли вы точно повторить слова, которые он при этом употребил?

- Не могу, но помню, что он спросил, нельзя ли ему поцеловать меня.

- И вы ему разрешили?

- Да. Я высунулась из автомобиля, он поцеловал меня в щеку, сел в свою машину и уехал.

- И тем не менее вы утверждаете, что не полюбили друг друга еще на пароходе?

- В вашем смысле слова - нет. Но я не отрицаю, что он меня, любит. По крайней мере он мне так говорил.

- А вы утверждаете, что не любите его?

- Боюсь, что не люблю.

- Но поцеловать себя вы все-таки позволили?

- Мне стало его жаль.

- Как вы находите, такое поведение подобает замужней женщине?

- Вероятно, нет. Но я не считаю себя замужней, с тех пор как порвала с мужем.

- О!

Динни показалось, что это "О!" выдохнул весь зал. "Очень молодой" Роджер вытащил руки из кармана, посмотрел на предмет, извлеченный им оттуда, и сунул его обратно. Доброе широкое лицо присяжной, похожей на экономку, огорченно нахмурилось.

- Что же вы делали после этого поцелуя?

- Поехала домой пить чай.

- Ив хорошем настроении?

- В прекрасном.

В зале снова раздались смешки. Судья повернул лицо к свидетельской ложе:

- Вы говорите серьезно?

- Да, милорд. Я хочу быть до конца правдивой. Женщина всегда благодарна за любовь, даже если не любит сама.

Глаза судьи опять устремились поверх головы Клер, присматриваясь к чему-то невидимому.

- Продолжайте, мистер Броу.

- Где вы встретились с соответчиком в следующий раз?

- В Лондоне, в доме моей тетки, у которой я остановилась.

- Он пришел к вашей тетке?

- Нет, к моему дяде.

- Он поцеловал вас при этой встрече?

- Нет. Я сказала, что, если он ищет встреч со мной, они должны быть платоническими.

- Очень удобное выражение!

- А какое же я должна была употребить?

- Мадам, вы здесь не для того, чтобы задавать мне вопросы. Что он ответил?

- Что согласен на все!

- Он виделся с вашим дядей?

- Нет.

- Это именно тот случай, который имел в виду ваш муж, показав, что заметил, как соответчик выходил из дома, где вы остановились?

- Думаю, что да.

- Ваш муж пришел сразу же вслед за его уходом?

- Да.

- Он говорил с вами и спросил, кто этот молодой человек?

- Да.

- И вы ответили?

- Да.

- Мне кажется, вы назвали соответчика "Тони"?

- Да.

- Это его настоящее имя?

- Нет.

- Значит, такое ласкательное имя дали ему вы?
- Вовсе нет. Его все так зовут.
- А он, наверно, звал вас "Клер" или "дорогая"?
- И так и так.

Динни увидела, как глаза судьи опять устремились на что-то невидимое.

- У современной молодежи, мистер Броу, принято запросто называть друг друга "дорогой".

- Мне это известно, милорд... Вы тоже называли его "дорогой"?
- Может быть, и да, но вряд ли.
- Вы виделись с мужем в тот раз наедине?
- Да.
- Как вы вели себя с ним?
- Холодно.
- Потому что как раз перед этим расстались с соответчиком?
- Одно с другим совершенно не связано.
- Муж просил вас вернуться?
- Да.
- И вы отказались?
- Да.
- И этот отказ тоже не стоит в связи с соответчиком?
- Нет.

- И вы, леди Корвен, всерьез утверждаете перед лицом присяжных, что ваши отношения с соответчиком или, если угодно, ваши чувства к нему несколько не повлияли на ваш отказ вернуться к мужу?

- Да, несколько.

- Ну, посудите сами: вы проводите три недели в тесном общении с молодым человеком; вы позволяете ему целовать себя, после чего приходите в прекрасное настроение; вы знаете о его чувствах к вам, расстаетесь с ним перед самым появлением мужа и еще уверяете присяжных, что это не повлияло на ваш отказ?

Клер опустила голову.

- Отвечайте, пожалуйста.
- Думаю, что не повлияло.
- Все это как-то не по-людски, правда?
- Не понимаю, что вы хотите сказать.
- Только то, леди Корвен, что присяжные несколько затруднятся вам

поверить.

- Я не могу их ни в чем уверить. Я могу одно - говорить правду.

- Очень хорошо! Когда же вы снова увиделись с соответчиком?
- Следующие два вечера он приходил на квартиру, которую я сняла, но еще не отделала, и помогал мне красить стены.
- Вот как! Довольно странная причина визита, не правда ли?
- Может быть. Но у меня не было денег, а он на Цейлоне сам красил свои бунгало.
- Понятно: обыкновенная дружеская услуга с его стороны. И в течение тех часов, что вы провели вместе, между вами не возникло никакой интимной близости?
- Между нами ее никогда не возникало.
- В котором часу он уходил?
- Оба раза мы уходили вместе около девяти часов, чтобы где-нибудь поесть.
- А после еды?
- Я шла ночевать к тетке.
- Никуда не заходя предварительно?
- Никуда.
- Очень хорошо! Встречались ли вы еще с вашим мужем до его отъезда на Цейлон?
- Да, дважды.
- Где в первый раз?
- У меня на квартире, после того как я уже переехала.
- Вы сказали мужу, что стены вам помогал красить соответчик?
- Нет.
- Почему?
- А зачем? Я вообще ничего ему не сказала, кроме того, что не вернусь. Я считала, что наша жизнь с ним кончена.
- Он и в этот раз просил вас вернуться?
- Да.
- И вы отказались?
- Да.
- В поносных выражениях?
- Простите, не понимаю.
- Грубо?
- Нет, решительно.
- Дал вам муж повод предполагать, что хочет развестись с вами?
- Нет. Но я не знала его истинных намерений.
- И сами, очевидно, не открыли ему своих?
- По возможности старалась не открывать.

- Встреча была бурная?

Динни затаила дыхание. Разогревшиеся щеки Клер разом побледнели, лицо увяло и осунулось.

- Нет, тяжелая и горькая. Я не хотела его видеть.

- Вы слышали, как ваш защитник утверждал, что вы своим отъездом с Цейлона уязвили гордость вашего мужа и что он якобы решил развестись с вами при первом же удобном случае. У вас тоже создалось такое впечатление?

- У меня не создалось и сейчас нет никакого впечатления. Впрочем, такая возможность не исключена. Я не претендую на умение читать его мысли.

- Хотя прожили с ним без малого полтора года?

- Да.

- Во всяком случае, вы и на этот раз наотрез отказались вернуться?

- Да, наотрез.

- Как по-вашему, он был искренен, когда просил вас вернуться?

- В тот момент - да.

- У вас была еще одна встреча до его отъезда?

- Да, но минутная и не наедине.

- Кто при ней присутствовал?

- Мой отец.

- Муж опять просил вас вернуться?

- Да.

- И вы отказались?

- Да.

- А после этого, перед самым отъездом из Лондона, он прислал вам записку и вновь просил вас изменить решение и уехать с ним?

- Да.

- И вы не согласились?

- Нет.

- Теперь напомню вам такую дату, как... э-э... третье января.

Динни облегченно вздохнула.

- ...то есть день, когда вы провели с соответчиком время с пяти часов вечера почти до двенадцати ночи. Вы признаете этот факт?

- Да, признаю.

- И никакой интимности?

- Никакой, если не считать того, что, придя в пять часов к чаю, он поцеловал меня в щеку, так как мы не виделись почти три недели.

- Вот как! Опять в щеку? Только в щеку?

- К сожалению, да.
- Не сомневаюсь, что он сожалел об этом.
- Вероятно.
- И после такой разлуки вы истратили первые полчаса на чаепитие?
- Да.
- Если не ошибаюсь, вы снимаете квартиру в бывших конюшнях - комната внизу, лестница и еще одна комната наверху, где вы спите?
- Да.
- И ванная, так? Вы, наверное, не только пили чай, но и беседовали?
- Да.
- Где?
- В нижней комнате.
- А затем, продолжая беседовать, вы отправились в Темпль, затем зашли в кино, пообедали в ресторане, опять-таки продолжая беседовать; наконец взяли такси и, беседуя, поехали к вам на квартиру, так?
- Совершенно точно.
- Где вы решили, что, проведя с соответчиком почти шесть часов, вы ему сказали еще далеко не все и вам необходимо пригласить его к себе? Он зашел к вам?
- Да.
- А ведь был уже двенадцатый час, верно?
- По-моему, самое начало.
- И долго он у вас пробыл?
- Примерно полчаса.
- Никакой интимности?
- Никакой.
- Глоток вина, пара сигарет, еще немножко разговоров - и все?
- Именно.
- О чем же вы столько часов подряд беседовали с молодым человеком, которому позволялось целовать вас в щеку?
- О чем вообще люди разговаривают?
- Прошу отвечать прямо на вопрос.
- Обо всем сразу и ни о чем в частности.
- Поточнее, пожалуйста.
- О лошадях, кинофильмах, моих родных, его родных, театре... да я уж и не помню.
- Тщательно обходя любовную тему?
- Да.
- От начала до конца сугубо платонически?

- Увы, да.

- Оставьте, леди Корвен! Неужели вы надеетесь убедить нас, что этот молодой человек, который, как вы сами признали, влюблен в вас и который не виделся с вами почти три недели, ни разу за долгие часы не намекнул вам на свои чувства?

- Кажется, он раза два сказал, что любит меня, но вообще-то он идеально держал свое обещание.

- Какое?

- Не добиваться от меня любви. Любить - не преступление, а только несчастье.

- Вы говорите с таким чувством на основании личного опыта?

Клер промолчала.

- Вы серьезно заявляете, что не были влюблены раньше и не влюблены сейчас в этого молодого человека?

- Он мне очень нравится, но не в вашем смысле слова.

В Динни вспыхнула острая жалость к Тони Круму, который должен все это выслушивать. Щеки у нее запылали, ее синие глаза впились в судью. Тот как раз кончил записывать ответ Клер, и Динни вдруг заметила, что он зевает. Он зевнул по-старчески - так долго, что казалось, рот его никогда не закроется. Настроение девушки разом изменилось: она преисполнилась странного сострадания. Ему ведь тоже приходится целыми днями выслушивать нескончаемые нападки одной стороны на другую и смягчать их!

- Вы слышали, как сыскной агент показал здесь, что после вашего с соответчиком возвращения из ресторана у вас горел свет в верхней комнате. Что вы на это скажете?

- Видимо, так и было. Мы там сидели.

- Почему там, а не внизу?

- Потому что там теплей и уютней.

- Это ваша спальня?

- Нет, гостиная. Спальни у меня нет. Я сплю на кушетке.

- Понятно. Словом, вы пробыли там с соответчиком от начала двенадцатого почти до полуночи?

- Да.

- И вы не усматриваете в этом ничего плохого?

- Нет, не усматриваю, но это, разумеется, чрезвычайно неблагоразумно.

- То есть вы не поступили бы так, если бы знали, что за вами следят. Вы это имеете в виду?

- Да, конечно.
- Почему вы сняли именно эту квартиру?
- Из-за дешевизны.
- А ведь она неудобна, правда? Ни спальни, ни людской, ни швейцара?
- Все это роскошь, которую нужно оплачивать.
- Вы хотите сказать, что сняли эту квартиру именно из-за отсутствия в ней указанных помещений?
- Именно. Я еле свожу концы с концами.
- И мысль о соответчике никак не повлияла на ваш выбор?
- Никак.
- И вы даже не подумали при этом о нем?
- Милорд, я уже ответила.
- Я думаю, она уже ответила, мистер Броу.
- В дальнейшем вы постоянно виделись с соответчиком?
- Нет, от случая к случаю. Он жил не в Лондоне.
- Понятно. Но приезжал повидать вас?
- Мы всегда виделись, когда он приезжал. Он бывал в городе раза два в неделю.
- Чем вы занимались, когда виделись?
- Шли в картинную галерею или в кино, один раз были в театре. Обедали обычно вместе.
- Вы замечали, что за вами следят?
- Нет.
- Он заходил к вам домой?
- До третьего февраля - нет.
- Да, я имел в виду именно эту дату.
- Я так и думала.
- Вы так и думали? Значит, этот день и эта ночь навсегда остались в вашей памяти?
- Я прекрасно их помню.
- Мой коллега детально допросил вас о событиях дня, который, если не считать часов, затраченных на осмотр Оксфорда, был целиком проведен вами в машине. Это так?
- Да, так.
- Автомобиль был двухместный, милорд, - так называемый "малютка". Судья пошевелился.
- Я не ездил в "малютке", мистер Броу, но знаю, что это такое.
- Вместительная, удобная и небольшая машина?
- Совершенно верно.

- И, кажется, закрытая?
- Да. Верх не опускается.
- Вел мистер Крум, а вы сидели рядом?
- Да.
- Вы сказали, что на обратном пути из Оксфорда у вас отказали фары. Это случилось около половины одиннадцатого в лесу, не доезжая мили четыре до Хенли?
- Да.
- Авария?
- Разумеется.
- Вы осмотрели аккумулятор?
- Нет.
- Вам известно, когда аккумулятор в последний раз перед этим был в зарядке?
- Нет.
- Вы заглянули в него после перезарядки?
- Нет.
- Тогда почему вы сказали "разумеется"?
- Если вы полагаете, что мистер Крум нарочно посадил аккумулятор...
- Отвечайте, пожалуйста, прямо на вопрос.
- Я вам и отвечаю: мистер Крум неспособен на такую грязную уловку.
- Ночь была темная?
- Очень.
- Лес большой?
- Да.
- Словом, на всем пути из Оксфорда в Лондон не выбрать места удачней?
- Удачней для чего?
- Для того, чтобы провести ночь в машине.
- Чудовищное предположение!
- Ну, что вы, леди Корвен! Скажите, вы считаете неисправность фар только случайностью?
- Конечно.
- Повторите нам, что сказал мистер Крум, когда фары погасли.
- Кажется, он сказал: "Вот тебе и раз! Освещение отказало". Потом вылез и осмотрел аккумулятор.
- У него был с собой фонарь?
- Нет.
- Но ведь было темным-темно. Как же он его осмотрел? Вас это не

удивило?

- Нет. Он чиркнул спичку.
- Что же оказалось неисправно?
- Помнится, он сказал, что сгорел какой-нибудь контакт.
- Затем, согласно вашим показаниям, он пытался вести машину, но дважды съезжал с дороги. Было, вероятно, очень темно?
- Страшно.
- Мне кажется, вы говорили, что провести ночь в машине посоветовали именно вы?
- Да, я.
- После того как мистер Крум предложил другое решение вопроса?
- Да. Он предложил дойти пешком до Хенли, откуда он, достав фонарь, опять вернулся бы к машине.
- Он горячо отстаивал свой план?
- Горячо? Не очень.
- Настаивал на нем?
- Н-нет.
- По-вашему, он предложил это всерьез?
- Конечно.
- Вы, видимо, безгранично доверяете мистеру Круму?
- Безгранично.
- Ясно. Вам знакомо выражение "вынужденный ход"?
- Да.
- Вы понимаете, что оно означает?
- Оно означает, что вы заставляете человека сделать нужный вам ход.
- Совершенно верно.
- Думать, будто мистер Крум добивался, чтобы я сама предложила провести ночь в машине, и глубоко ошибочно и низко.
- Почему вы решили, что я так думаю, леди Корвен? Может быть, вы сами так подумали?
- Нет. Когда я предложила провести ночь в машине, мистер Крум пришел в смущение.
- Вот как! В чем же оно проявилось?
- Он спросил меня, полагаюсь ли я на него. Я ответила ему, что нельзя быть таким старомодным. Конечно, я знала, что могу на него положиться.
- Положиться в том смысле, что он поступит так, как вы захотите?
- В том смысле, что он не станет домогаться меня. Сколько раз я с ним ни встречалась, я всегда могла на него положиться.
- Но до этого вам не случалось проводить с ним ночь?

- Конечно, нет.
- Вы несколько злоупотребляете словом "конечно" без достаточных на то оснований. Вы не раз имели полную возможность провести с ним ночь. Вспомните пароход и квартиру, где не живет никто, кроме вас.
- Имела, но не воспользовалась ею.
- Допустим. Но не странно ли, что в данном случае вы ею все-таки воспользовались, хотя раньше этого избегали?
- Нисколько. Я думала, это будет забавно.
- Забавно? Разве вы не знали, что мистер Крум страстно любит вас?
- Позднее я пожалела об этом. Поступать так было нехорошо по отношению к нему.
- Леди Корвен, для чего вы, замужняя опытная женщина, пытаетесь убедить нас, будто не понимали, на какое испытание огнем вы его обрекаете?
- После я поняла и страшно раскаивалась.
- Ах, после!.. А я говорю о том, что было сперва.
- Боюсь, что сперва я не понимала.
- Напоминаю, что вы дали присягу. Вы по-прежнему утверждаете, что ночью третьего февраля, в лесу, между вами ничего не было ни в машине, ни вне ее?
- Утверждаю.
- Слышали вы, как сыскной агент показал, что, подкравшись к машине около двух часов ночи и посветив туда фонарем, он увидел вас обоих спящими, причем ваша голова лежала на плече соответчика?
- Да, слышала.
- Это правда?
- Откуда мне знать, раз я спала? Впрочем, вполне возможно, я положила голову ему на плечо еще до того как заснуть.
- Значит, вы это признаете?
- Разумеется. Так было удобнее. Я спросила, не возражает ли он.
- И он, конечно, не возражал?
- Вам как будто не нравится слово "конечно"? Да, он во всяком случае не возражал.
- Ваш молодой и страстно влюбленный в вас поклонник, вероятно, на редкость хорошо владеет собой?
- После той ночи я тоже так думаю.
- Вы и тогда должны были это знать, если ваша версия правдива. Но правдива ли она, леди Корвен? Все рассказанное вами похоже на фантастику.

Динни увидела, как руки сестры стиснули решетку; краска прихлынула к ее щекам, отлила опять, и лишь тогда Клер ответила:

- Может быть, похоже, но это правда. Все, что я сказала здесь, правда.
- А утром вы проснулись как ни в чем не бывало и объявили: "Едем домой завтракать!" И вы поехали. К вам на квартиру?
- Да.
- Долго он у вас пробыл?
- Полчаса или около того.
- И ваши отношения остались такими же невинными?
- Такими же.
- А потом вам вручили копию прошения вашего мужа?
- Да.
- Вы были удивлены?
- Да.
- И даже оскорблены в сознании своей полной невиновности?
- После того как все обдумала - нет.
- Вот как! Вы все обдумали? Что конкретно вы имеете в виду?
- Я вспомнила, как муж предупредил, чтобы я остерегалась, и я поняла, какую глупость совершила, не предусмотрев возможной слежки.
- Скажите, леди Корвен, почему вы опротестовали иск?
- Потому что мы не делали ничего дурного, хотя, по видимости, и виноваты.

Динни увидела, что судья взглянул на Клер, записал ее ответ и, держа в руке поднятое перо, спросил:

- В ту ночь вы ехали по шоссе. Что помешало вам остановить другую машину и, следя за ней, доехать до Хенли?
- Мы просто не сообразили, милорд. Правда, я посоветовала мистеру Круму следовать за одним автомобилем, но тот проскочил слишком быстро.
- А что помешало вам добраться до Хенли пешком, оставив машину в лесу?
- Конкретно ничего, но в Хенли мы пришли бы не раньше полуночи, а я считала, что лучше остаться в машине, чем явиться так поздно и возбудить подозрения. Кроме того, я давно уже мечтала провести ночь в машине.
- Вам и теперь хочется того же?
- Нет, милорд, я переоценила прелесть такого развлечения.
- Мистер Броу, объявляю перерыв на завтрак.

XXXII

Динни отклонила все приглашения позавтракать и, взяв сестру под

руку, вывела ее на Кери-стрит. Они молча обошли Линколнз-Инн-Филдз.

- Скоро конец, дорогая, - не выдержав, заговорила старшая. - Ты держишься замечательно. Броу ни разу не сумел тебя запутать, и, по моему, судья это почувствовал. Он вообще нравится мне гораздо больше, чем присяжные.

- Ох, Динни, как я устала! Если человека все время подозревать во лжи, ему просто выть захочется.

- Броу только того и нужно. Не поддавайся на его уловки.

- А каково бедному Тони! Я чувствую себя форменной скотиной!

- Как насчет чашки горячего крепкого чаю? Времени хватит.

По Чансери Лейн они вышли на Стрэнд.

- Только чаю, дорогая. Есть я не могу.

Есть не могла ни та, ни другая. Они взболтали чайник, чтобы чай получился как можно крепче, выпили его и молча направились обратно в суд. Клер, даже не обратив внимания на тревожный взгляд отца, заняла прежнее место на передней скамье, сложила руки на коленях и потупилась.

Динни заметила, что Джерри Корвен о чем-то тихо беседует со своим поверенным и защитником. "Очень молодой" Роджер, пробираясь к своему месту, бросил:

- Обвинение собирается еще раз вызвать Корвена.

- Зачем?

- Не знаю.

С видом сомнамбулы вошел судья, слегка поклонился суду и сел. "Ниже, чем обычно", - отметила про себя Динни.

- Милорд, прежде чем продолжить допрос ответчицы, я, с вашего позволения, хотел бы еще раз допросить истца по тому пункту, которому мой коллега придает такую важность. Ваша милость, вероятно, помнит, что, подвергая истца перекрестному допросу, мистер Инстон приписал ему намерение развестись с женой, которое тот якобы возымел сразу же после ее отъезда. В этой связи истец имеет сделать дополнительное заявление, и мне удобнее всего вызвать его именно сейчас. Я буду предельно краток, милорд.

Сердце Динни неистово заколотилось: она увидела, с каким выражением лица Клер внезапно подняла глаза на судью.

- Пожалуйста, мистер Броу.

- Сэр Джералд Корвен.

Следя за движениями зятя, неторопливо направлявшегося в ложу, Динни успела заметить, что Клер тоже не сводит с него глаз, словно пытаясь поймать его взгляд.

- Вы сказали, сэра Джералда, что первого ноября, когда вы в последний раз виделись с женой перед возвращением на Цейлон, ваша встреча состоялась в ее квартире на Мелтон-Мьюз?

- Да.

Динни глотнула воздух. Вот оно!

- Эта встреча сопровождалась только разговорами или еще чемнибудь?

- Да. Мы опять стали мужем и женой.

- Вы хотите сказать, что между вами восстановились супружеские отношения?

- Да, милорд.

- Благодарю вас, сэра Джералда. Я полагаю, что это окончательно проливает свет на пункт, затронутый моим коллегой. Вот и все, что я хотел выяснить.

Настал черед Инстона вмешаться.

- Почему вы умолчали об этом факте при первом допросе?

- До того как вы подвергли меня перекрестному допросу, я не придавал ему значения.

- Вы готовы присягнуть, что не выдумали его?

- Разумеется, готов.

Динни откинулась на спинку деревянной скамьи и, закрыв глаза, не шевелясь, думала о молодом человеке, сидевшем сзади, в четвертом ряду от нее. Какая жестокость! Но кому здесь до этого дело? Здесь у человека вырезают самый сокровенный кусок души, холодно и даже не без удовольствия разглядывают его, а затем, истерзав, вставляют на место.

- Леди Корвен, не соблаговолите ли вы снова пройти в ложу?

Когда Динни открыла глаза. Клер уже стояла у решетки, высоко подняв голову и пристально глядя на адвоката.

- Ну, леди Корвен, - начал неторопливый низкий голос, - вы слышали новые показания истца?

- Да.

- Они соответствуют истине?

- Я не буду отвечать.

- Почему?

Динни увидела, как сестра повернулась к судье.

- Милорд, я уже отказалась говорить о моей семейной жизни, когда меня спрашивал о ней мой защитник; не буду говорить о ней и теперь.

Судья на мгновение устремил взгляд в сторону свидетельской ложи, затем снова перевел его на что-то невидимое.

- Заданный вам вопрос вытекает из показания, сделанного с целью

опровергнуть предположение вашего защитника. Вы обязаны на него ответить.

Ответа не последовало.

- Повторите ваш вопрос, мистер Броу.

- Правда ли, что в случае, о котором рассказал ваш муж, между вами восстановились супружеские отношения?

- Нет, неправда.

Динни, которая знала, что это правда, подняла глаза. Судья по-прежнему смотрел поверх ее головы, но ей было видно, что он слегка выпятил губы. Он не верит Клер!

Опять раздался неторопливый низкий голос, и девушка уловила в нем скрытое торжество.

- Вы даете в этом присягу?

- Да.

- Таким образом, ваш муж, утверждая это, совершил клятвопреступление?

- В данном случае приходится верить нам обоим на слово.

- И мне кажется, я знаю, кому поверят. Вы отрицательно ответили на мой вопрос только для того, чтобы пощадить чувства соответчика. Разве это неправда?

- Да, неправда.

- Есть ли у нас основания больше верить всем вашим предыдущим ответам, чем последнему?

- Я нахожу постановку вопроса неправомерной, мистер Броу. Ответчица не может знать, есть у нас основания верить ей или нет.

- Хорошо, милорд. Я поставлю его по-другому: вы с начала до конца говорили правду, леди Корвен, и только правду?

- Да.

- Очень хорошо. Больше вопросов к вам у меня нет.

Пока Клер отвечала на несколько дополнительных вопросов защиты, тщательно избегавшей всякого упоминания о последнем пункте, Динни не думала ни о ком, кроме Тони Крума. Она сердцем чувствовала, что процесс проигран, и хотела одного - незаметно увести отсюда Клер. Не попытайся человек с крючковатым носом, сидящий сзади нее, ошельмовать Корвена и доказать больше, чем было нужно, тот не пустил бы в ход свой последний козырь. Но ведь в шельмовании противной стороны и заключается смысл судебной процедуры!

Когда обессиленная и бледная Клер вернулась на свое место, девушка шепнула:

- Не уйти ли нам, дорогая?

Клер покачала головой.

- Джеймс Бернارد Крум.

В первый раз за все дни процесса Динни как следует разглядела Тони и еле узнала его. Вид у него был изможденный: загорелое лицо исхудало и поблекло, серые глаза запали, у крепко сжатых губ пролегла горькая складка. Он постарел по меньшей мере на пять лет, и Динни сразу догадалась, что отрицательный ответ Клер не обманул его.

- Ваше имя Джеймс Бернارد Крум, вы проживаете в Беблук-хайт и заведуете там конским заводом? Есть ли у вас частные источники дохода?

- Никаких.

Допрос вел не Инстон, а какой-то более молодой остроносый адвокат, сидевший за его спиной.

- До сентября прошлого года вы состояли управляющим одной из цейлонских чайных плантаций. Встречались вы с ответчицей на Цейлоне?

- Никогда.

- И никогда не бывали у нее дома?

- Нет.

- Вы слышали здесь о состязании в поло, в котором вы участвовали и после которого она устроила прием для всех игроков?

- Да, но я на нем не был. Мне пришлось вернуться на плантацию.

- Значит, вы впервые встретились с ней на пароходе?

- Да.

- Вы не делаете секрета из своей любви к ней?

- Нет.

- И невзирая на это, обвинение в прелюбодеянии не соответствует истине?

- Ни в какой мере.

Крум давал суду показания, а Динни не отрывала глаз от его лица, словно зачарованная сдержанной и горькой скорбью, которую оно выражало.

- Теперь, мистер Крум, поставлю вам последний вопрос. Вы, конечно, отдаете себе отчет, что, если обвинение в прелюбодеянии соответствует истине, вы попадаете в положение лица, соблазнившего жену в отсутствие мужа. Что вы можете сказать по этому поводу?

- Скажу, что, если бы леди Корвен питала ко мне те же чувства, какие я питаю к ней, я немедленно написал бы ее мужу о положении вещей.

- Вы хотите сказать, что предупредили бы его, прежде чем сблизиться с ответчицей.

- Этого я не говорил, но написал бы я как можно скорей.

- Но она не чувствовала к вам того же, что вы к ней?

- К сожалению, нет.

- Так что случай известить мужа вам не представился?

- Нет.

- Благодарю вас.

Чуть заметная скованность, появившаяся в облике Крума, возвестила, что сейчас раздастся неторопливый низкий голос Броу. Адвокат начал подчеркнуто сдержанно:

- Подсказывает ли вам ваш опыт, сэръ, что любовники непременно питают друг к другу одинаково сильное чувство?

- У меня нет опыта.

- Нет опыта? А вам известна французская поговорка: всегда есть тот, кто целует, и тот, кто подставляет щеку?

- Я слышал ее.

- Вы находите ее верной?

- Как всякую другую пословицу.

- Судя по высказываниям вас обоих, вы в отсутствие супруга преследовали замужнюю женщину, которая этого вовсе не хотела. Не слишком достойная позиция, не так ли? Не совсем то, что называется "соблюдением правил игры", а?

- Очевидно.

- Ну, а я полагаю, мистер Крум, что ваша позиция отнюдь не была недостойной и что, подтверждая французскую поговорку, ответчица хотела, чтобы вы ее преследовали.

- Нет, не хотела.

- И вы утверждаете это невзирая на эпизод в каюте, невзирая на выкрашенные вами стены ее комнат, приглашение к чаю и ваше более чем получасовое пребывание в ее удобной квартире около полуночи; невзирая на ее предложение провести с ней ночь в машине, а утром позавтракать у нее дома?.. Оставьте, мистер Крум, не старайтесь быть рыцарем сверх меры! Помните, что вы доказываете свою правоту перед лицом мужчин и женщин, знающих жизнь.

- Могу сказать одно: если бы она чувствовала ко мне то же, что я к ней, мы бы сразу же уехали вместе. Вина за случившееся целиком лежит на мне, а леди Корвен просто была со мной добра, потому что жалела меня.

- Если вы оба говорите правду, ответчица заставила вас в автомобиле, - прошу прощения, милорд, - пройти через адские муки. Какая же это доброта?

- Тот, кто не любит, вряд ли поймет, каково тому, кто любит.
- Вы человек холодного темперамента?
- Нет.
- Но она, конечно, да?
- Откуда соответчику это знать, мистер Броу?!
- Хорошо, милорд, спрошу по-другому. Кажется ли вам, мистер Крум, что она женщина холодного темперамента?
- По-моему, нет.
- А вы еще хотите нас убедить, что она из добрых чувств проспала целую ночь, положив голову вам на плечо? Так, так! Вы говорите, что сразу же уехали бы с ней, если бы она разделяла ваши чувства? А на что бы вы уехали? У вас были деньги?
- Двести фунтов.
- А у нее?
- Двести фунтов годовых плюс жалованье.
- Словом, бежать и питаться воздухом?..
- Я нашел бы работу.
- Не такую, как сейчас?
- Наверно, нет.
- Вы, очевидно, оба сознавали, что совместное бегство было бы совершенным безумием?
- Я так не думал.
- Зачем вы опротестовали иск?
- Жалею, что мы это сделали.
- И все-таки опротестовали. Почему?
- Она и ее родители считали, что, раз мы ни в чем не виноваты, нужно защищаться.
- Но вы-то сами так не считали?
- Я не надеялся, что нам поверят, но я хотел, чтобы она стала свободной.
- А репутация ее вас не заботила?
- Конечно, заботила, но я полагал, что жертвовать ради нее свободой слишком высокая цена.
- По вашим словам, вы не надеялись, что вам поверят. Почему? Чересчур неправдоподобная история, да?
- Нет. Просто чем правдивей человек, тем меньше шансов на то, что ему поверят.
- Динни увидела, что судья повернулся и смотрит на Крума.
- Вы имеете в виду мир вообще?

- Нет, милорд, то место, где нахожусь.

Судья повернул голову в прежнее положение и опять уставился поверх Динни на что-то невидимое:

- Я задаю себе вопрос, не следует ли мне привлечь вас к ответственности за оскорбление суда.

- Прошу прощения, милорд. Я хотел только сказать, что любые показания человека всегда оборачиваются против него.

- Вы говорите так по неопытности. На первый раз я вам этого не вменю, но в дальнейшем воздержитесь от подобных реплик. Продолжайте, мистер Броу.

- Опротестовать иск вас побудило, разумеется, не требование возмещения ущерба.

- Нет.

- Вы сказали, что у вас нет частных доходов. Это правда?

- Безусловно.

- Тогда почему же вы заявляете, что денежные соображения никак на вас не повлияли?

- Голова у меня была так занята всем остальным, что мне было безразлично, объявят меня несостоятельным или нет.

- Вы заявили на предварительном допросе, что не знали о существовании леди Корвен вплоть до отплытия в Англию. Известна вам на Цейлоне местность, называемая Нуварелья?

- Нет.

- Как!

Динни увидела, что по складкам и морщинам лица судьи поползла чуть заметная улыбка.

- Поставьте вопрос по-другому, мистер Броу. Обычно это название произносится Нувара-Элия.

- Нувара-Элию я знаю, милорд.

- Были вы там в июне прошлого года?

- Был.

- А леди Корвен?

- Вполне возможно.

- Разве вы остановились не в той же гостинице, что она?

- Нет, я жил не в гостинице, а у приятеля.

- И вы не встречали ее ни на гольфе, ни на теннисе, ни на верховой прогулке?

- Нет.

- Как! Нигде?

- Нигде.
- А ведь курорт вроде бы невелик?
- Да, не очень.
- А леди Корвен, мне кажется, заметная личность?
- Я тоже так думаю.
- Словом, вы никогда не встречались с ней до парохода.
- Нет.
- Когда вы впервые почувствовали, что любите ее?
- На второй или третий день плавания.
- Значит, любовь с первого - взгляда?
- Да.
- И вы даже не подумали, что должны избегать ее, поскольку она замужем?
- Думал, но не мог.
- А смогли бы, если бы она дала вам отпор?
- Не знаю.
- Но ведь она не дала вам отпор?
- Н-нет. По-моему, она некоторое время не догадывалась о моих чувствах.
- Женщины быстро разбираются в таких вещах, мистер Крум. Вы всерьез убеждены, что она не догадывалась?
- Я этого не знаю.
- А вы дали себе труд скрывать ваши чувства?
- Вас интересует, объяснился ли я ей во время плавания? Нет.
- А когда же?
- Я признался ей в своем чувстве перед самой высадкой.
- Были у вас серьезные причины посмотреть фотографии именно в ее каюте?
- Думаю, что нет.
- А вы их на самом деле смотрели?
- Конечно.
- Чем вы еще там занимались?
- Наверно, разговаривали.
- Ах, вы не помните! А ведь случай был неповторимый. Или таких случаев было много, но вы о них здесь умолчали?
- Это единственный раз, когда я зашел к ней в каюту.
- Тогда вы должны помнить.
- Мы просто сидели и разговаривали.
- Ага, начинаете припоминать! Где вы сидели?

- Я на стуле.
 - А она?
 - На койке. Каюта была маленькая, стул всего один.
 - Бортовая каюта?
 - Да.
 - Значит, заглянуть в нее никто не мог?
 - Нет. Впрочем, и видеть-то было нечего.
 - Это по-вашему. Вы, наверно, все-таки волновались, правда?
- Лицо судьи высунулось вперед.
- Не хочу прерывать вас, мистер Броу, но ведь свидетель не делает секрета из своих чувств.
 - Хорошо, милорд, я спрошу яснее. Я полагаю, сэр, что прелюбодеяние произошло именно тогда.
 - Его не произошло.
 - Гм! Объясните присяжным, почему после возвращения сэра Джералда Корвена в Лондон вы не отправились к нему и не признались откровенно, в каких вы отношениях с его женой.
 - В каких отношениях?
 - Оставьте, сэр! Ведь из ваших показаний следует, что вы проводили с ней время, любили ее и желали, чтобы она уехала с вами.
 - Но она не желала уезжать со мной. Я охотно отправился бы к ее мужу, но не осмеливался сделать это без ее разрешения.
 - А вы просили, чтобы она вам это разрешила?
 - Нет.
 - Почему?
 - Потому что она предупредила меня, что наши встречи будут только дружескими.
 - А я полагаю, что она вам ничего подобного не говорила.
 - Милорд, меня спрашивают, не лжец ли я.
 - Отвечайте.
 - Я не лжец.
 - Я нахожу, что ответ достаточно ясен, мистер Броу.
 - Вот вы слышали здесь показания ответчицы, сэр. Скажите, они, на ваш взгляд, целиком правдивы?
- Динни увидела, как судорожно передернулось лицо Крума, и попыталась убедить себя, что другие этого не заметили.
- Насколько я могу судить - да.
 - Допускаю, что мой вопрос был не совсем деликатен. Но я поставлю его по-другому: если ответчица утверждает, что она совершала то-то или не

совершала того-то, считаете ли вы долгом чести подтверждать ее показания, если можете это сделать, или хоть верить в них, если не можете?

- Ваш вопрос представляется мне не совсем деликатным, мистер Броу.

- Милорд, я считаю, что для решения по настоящему делу присяжным существенно важно уяснить себе душевное состояние соответчика с начала и до конца процесса.

- Хорошо, я не прерву допрос, но напомним вам, что для подобных обобщений есть известный предел.

Динни увидела первый проблеск улыбки на лице Крума.

- Милорд, я вовсе не затрудняюсь ответить на вопрос. Я не знаю, что такое долг чести вообще, в широком смысле слова.

- Хорошо, перейдем к частностям. По словам леди Корвен, она вполне полагалась на вас в том смысле, что вы не станете домогаться ее любви. Это правда?

Лицо Крума помрачнело.

- Не совсем. Но она знала, что я старался, как мог.

- Но иногда не могли с собой справиться?

- Я не знаю, какой смысл вы вкладываете в выражение "домогаться ее любви". Знаю только, что иногда обнаруживал свои чувства.

- Иногда? А разве не всегда, мистер Крум?

- Если вы имеете в виду, всегда ли было видно, что я ее люблю, отвечаю: безусловно да. Такого не скроешь.

- Это честное признание, и я не стану говорить обиняками. Я имею в виду не влюбленное выражение лица и глаз, а нечто большее - прямое физическое проявление любви.

- Тогда нет, кроме...

- Чего?

- Кроме трех поцелуев в щеку и время от времени пожатий руки.

- То есть того, в чем созналась и она. Вы готовы подтвердить под присягой, что между вами не было ничего другого?

- Готов присягнуть, что больше ничего не было.

- Скажите, вы действительно спали в ту ночь в автомобиле, когда она положила вам голову на плечо?

- Да.

- Это несколько странно, если учесть ваше душевное состояние, не так ли?

- Да. Но я с пяти утра был на ногах и проехал сто пятьдесят миль.

- Вы всерьез надеетесь убедить нас, что после пятимесячного ожидания вы не только не воспользовались таким неповторимым случаем,

но даже заснули?

- Да, не воспользовался. Но я уже сказал вам: я не надеюсь, что мне поверят.

- Неудивительно!

Неторопливый низкий голос так долго задавал вопросы и Динни так долго не отрывала глаз от расстроенного, полного горечи лица Крума, что под конец впала в странное оцепенение. Ее вывели из него слова:

- Мне кажется, сэр, все ваши показания от начала до конца продиктованы убеждением в том, что вы обязаны сделать все возможное для этой дамы независимо от того, насколько правдивыми представляются вам ее показания. Видимо, ваше поведение здесь определяется ложно понятыми рыцарскими чувствами.

- Нет.

- Отлично. Больше вопросов не имею.

Затем начался повторный допрос, после которого судья объявил заседание закрытым.

Динни и Клер встали, отец последовал за ними; они вышли в коридор и устремились на воздух.

- Инстон все испортил, без всякой нужды придравшись к этому пункту, заметил генерал.

Клер промолчала.

- А я рада, - возразила Динни. - Теперь ты наконец получишь развод.

XXXIII

Речи сторон были произнесены, и судья начал свое резюме. С одной из задних скамей, на которой расположились теперь Динни и ее отец, девушке были видны Джерри Корвен, по-прежнему занимавший место перед своими адвокатами, и "очень молодой" Роджер, сидевший один.

Судья говорил так медленно, словно слова застревали у него в зубах. Он показался Динни настоящим чудом, так как запомнил чуть ли не все, что здесь говорилось, и почти не заглядывал в свои записи; девушка нашла также, что он резюмирует показания без каких бы то ни было искажений. Время от времени он закрывал глаза, устремленные на присяжных, но речь его не прерывалась ни на минуту. Время от времени он высовывал голову, разом становясь похожим на священника и черепаху, затем втягивал ее обратно и продолжал говорить, словно рассуждая с самим собой:

- Поскольку улики не отличаются той безусловной неоспоримостью, которой требует от них характер данного процесса ("Приглашение на чашку чая не в счет", - подумала Динни), адвокат истца был совершенно прав, когда в своей примечательной речи особенно подробно остановился

на правдивости показаний в целом. Он, в частности, обратил ваше внимание на отрицание ответчицей факта возобновления супружеских отношений между истцом и ею в тот день, когда первый посетил ее квартиру. Он высказал предположение, что побудительным мотивом для такого отрицания могло явиться стремление пощадить чувства соответчика.

Но вам следует считаться и с другим обстоятельством: женщина, которая утверждает, что не влюблена в соответчика, не поощряет его и отнюдь не состояла в интимной близости с ним, едва ли пойдет на клятвопреступление ради того, чтобы пощадить его чувства. Согласно ее показаниям, соответчик с самого начала их знакомства был для нее другом - и только.

С другой стороны, поверив в этом пункте истцу, у которого вряд ли были достаточные основания для клятвопреступления, вы тем самым отказываетесь верить ответчице, опровергнув ее показание, которое говорит скорее в ее пользу, чем против нее. Трудно допустить, чтобы она пошла на это, не питая к соответчику чувства более горячего, чем простая дружба. Таким образом, этот пункт действительно приобретает чрезвычайную важность, и ваше решение о том, что считать правдой - заявление истца или опровержение его жены, представляется мне фактором кардинального значения для оценки всех остальных показаний ответчицы с точки зрения их правдивости. Вы располагаете только так называемыми косвенными уликами, а в таких случаях правдивость сторон особенно важна. Если вы придете к выводу, что одна из сторон дала ложные показания хотя бы по одному из пунктов, то под сомнение ставится вся совокупность ее показаний. Что же до соответчика, хотя он производит впечатление человека искреннего, вы должны помнить о традиции (хороша она или плоха - особый вопрос), которая существует в нашей стране и обязывает мужчину, домогающегося внимания замужней женщины, ни в коем случае, говоря вульгарно, "не выдавать" ее в подобной ситуации. Вам придется решить, в какой степени вы можете считать непредвзятым, нелицеприятным и правдивым свидетелем этого молодого человека, который явно и по его же собственному признанию влюблен в ответчицу.

С другой стороны, отвлекаясь от вопроса о правдивости показаний в целом, вы не вправе поддаваться первому впечатлению. В наши дни молодые люди обоих полов держатся друг с другом свободно и непринужденно. То, что считалось бы неопровержимой уликой в годы моей молодости, теперь не может считаться таковой. Что касается, однако, ночи, проведенной в автомобиле, вы должны обратить особое внимание на то, как отозвалась ответчица на мой вопрос, почему, когда отказало освещение,

они не остановили первую же проезжавшую машину и не попросили разрешения следовать за нею до Хенли. Она ответила: "Мы просто не сообразили, милорд. Правда, я посоветовала мистеру Круму следовать за одним автомобилем, но тот проскочил слишком быстро". В свете этих слов вам предстоит решить, действительно ли ответчица стремилась найти самый естественный выход из создавшегося для них положения, а именно - следовать за какой-нибудь машиной до Хенли, где неисправность, несомненно, была бы устранена и откуда на худой конец можно было вернуться в Лондон поездом. Правда, защитник ответчицы заявил, что появление в Хенли в столь поздний час могло бы показаться подозрительным. Но, по словам ответчицы, о которых вам следует помнить, она не замечала, что за ними следят. Если это так, вам надлежит решить, действительно ли она опасалась вызвать подозрения...

Глаза Динни оторвались от лица судьи и устремились на присяжных. Она силилась угадать, что кроется за этими двенадцатью невыразительными лицами, а из головы у нее не выходил тот "кардинальный фактор", что не поверить - легче, чем поверить. Как только голоса и лица свидетелей перестанут воздействовать на присяжных, наиболее пикантная версия немедленно покажется им самой убедительной. Но тут она услышала слово "возмещение" и снова перевела взгляд на лицо судьи.

- ...поскольку, - продолжал тот, - в случае положительного для истца вердикта немедленно встанет и вопрос о его денежных претензиях. В этой связи я должен обратить ваше внимание на несколько важных моментов. Нельзя сказать, чтобы в наши дни бракоразводные процессы часто сопровождалась исками о возмещении ущерба и чтобы суд сочувственно встречал подачу последних. Теперь не принято переводить отношения с женщиной на язык денежных расчетов. Лет сто назад еще бывали случаи, хотя уже и в то время считавшиеся противозаконными, когда муж уступал свою жену за определенную компенсацию. Но эти дни, слава богу, давно прошли. Конечно, возмещения по суду можно требовать и теперь, но такие претензии не должны иметь ничего общего с мстью и должны сообразоваться с материальными возможностями соответчика. В данном случае истец заявил, что, если ему присудят возмещение, он положит деньги на имя жены. Так в наши дни обычно и делается. Что касается материальных возможностей соответчика, то, обсуждая вопрос о возмещении, вы должны учитывать, что соответчик не располагает частными источниками доходов, как заявил и вызвался доказать его защитник. Юрист никогда не сделает подобного заявления без достаточно

веских оснований, и мне думается, вы можете поверить словам соответчика, показавшего, что единственным источником существования является для него... э-э... место с годовым окладом в четыреста фунтов. Таковы те соображения, которыми вам надлежит руководствоваться, обсуждая сумму возмещения ущерба, если вы решите взыскать таковое. А теперь, господа присяжные, я предлагаю вам приступить к выполнению вашей задачи. От вашего вердикта будет во многом зависеть будущее сторон, и я уверен, что вы отнесетесь к ним со всем возможным вниманием. Если вам угодно, можете удалиться.

Динни с изумлением увидела, что судья тут же взял какой-то лежавший перед ним на бюро документ и погрузился в изучение его.

"А ведь он славный старик!" - подумала девушка и перевела глаза на присяжных, встававших со своих мест. Теперь, когда ее сестра и Тони Крум прошли через все испытания, она утратила интерес к происходящему, как, впрочем, и публика, которой на сегодняшнем заседании почти не было.

"Люди приходят сюда только затем, чтобы полюбоваться, как мучат других", - мелькнула у нее горькая мысль.

Чей-то голос сказал:

- Если вам нужна Клер, она сидит в присутствии по морским делам.

Дорнфорд в парике и мантии сел рядом с Динни:

- Какое резюме сделал судья?

- Очень хорошее.

- Он вообще добрый человек.

- Зато на воротниках адвокатов следовало бы крупными буквами напечатать: "Доброта - качество, излишек которого не вредит".

- С таким же успехом можно выгравировать это на ошейниках ищущих след. Но даже теперешний суд лучше того, каким он был раньше.

- Очень рада.

Дорнфорд молча смотрел на нее, и девушка подумала: "Парик идет к его загорелому лицу".

Генерал перегнулся через нее:

- Какой срок дается для уплаты, Дорнфорд?

- Обычно две недели, но его можно продлить.

- Исход дела предрешен, - мрачно объявил генерал. - Зато она отделается от Корвена!

- А где Тони Крум? - осведомилась Динни.

- Я видел его, когда входил. Стоит в коридоре у окна сразу за дверью. Вы его легко найдете. Хотите, я схожу передам ему, чтобы он подождал?

- Пожалуйста.

- После суда прошу вас всех зайти ко мне.

Они кивнули, Дорнфорд вышел и больше не вернулся.

Динни и ее отец сидели и ждали. Появился судебный пристав и передал судье записку; тот что-то написал на ней, и пристав унес ее обратно к присяжным. Почти немедленно после этого возвратились и они.

Широкое доброе лицо женщины, похожей на экономку, казалось обиженным, словно с ней в чем-то не посчитались, и Динни мгновенно поняла, что сейчас будет.

- Вынесен ли ваш вердикт единогласно, господа присяжные?

Старшина поднялся:

- Да, единогласно.

- Считаете ли вы ответчицу виновной в прелюбодеянии с соответчиком?

- Да.

- Считаете ли вы соответчика виновным в прелюбодеянии с ответчицей?

"Разве это не одно и то же?" - удивилась про себя Динни.

- Да.

- Какое возмещение должен, по-вашему, уплатить соответчик?

- Мы полагаем, что он должен оплатить только судебные издержки сторон.

"Чем больше любишь, тем больше платишь", - мелькнуло в голове у Динни. Не обращая больше внимания на слова судьи, она что-то шепнула отцу и выскользнула в коридор.

Крум стоял, прислонясь к окну, и Динни показалось, что она никогда не видела фигуры, исполненной такого отчаяния.

- Ну что, Динни?

- Мы проиграли. Возмещение ущерба не взыскивается, платим только судебные издержки. Выйдем, мне нужно с вами поговорить.

Они молча вышли.

- Пойдем посидим на набережной.

Крум усмехнулся:

- На набережной? Замечательно!

Больше они не сказали ни слова, пока не уселись под платаном, листва которого из-за холодной весны еще не успела окончательно распуститься.

- Скверно! - сказала Динни.

- Я выглядел форменным болваном. Теперь хоть этому конец.

- Вы что-нибудь ели за последние два дня?

- Наверно. Пил во всяком случае много.

- Что вы собираетесь делать дальше, мой дорогой мальчик?
- Съезжу поговорю с Джеком Масхемом и постараюсь подыскать себе работу где-нибудь вне Англии.

Динни сообразила, что взялась за дело не с того конца. Пока она не знает намерений Клер, предпринимать ничего нельзя.

- Конечно, от советов мало пользы, - опять начала она, - но не могли бы вы подождать с месяц, прежде чем что-либо решать?

- Не знаю, Динни.

- Прибыли матки?

- Еще нет.

- Но не бросать же вам дело, не начав его?

- По-моему, у меня теперь только одно дело - как-нибудь и где-нибудь просуществовать.

- Мне ли не знать, что вы чувствуете! Но все-таки не поддавайтесь отчаянию. Обещаете? До свиданья, мой дорогой, я тороплюсь.

Девушка поднялась и крепко пожала ему руку.

Придя к Дорнфорду, она застала там отца, Клер и "очень молодого" Роджера.

У Клер было такое лицо, словно случившееся произошло не с нею, а с кем-то другим.

Генерал расспрашивал адвоката:

- Сколько составят издержки, мистер Форсайт?

- Думаю, что около тысячи.

- Тысяча фунтов за то, что люди сказали правду! Мы не можем допустить, чтобы Крум заплатил больше, чем придется на его долю. У него же за душой ни пенса!

"Очень молодой" Роджер взял понюшку.

- Ну, - объявил генерал, - пойду, а то жена совсем извелась. Динни, мы возвращаемся в Кондарфорд дневным поездом. Едешь с нами?

Динни кивнула.

- Отлично! Весьма вам признателен, мистер Форсайт. Значит, постановление о разводе будет к началу ноября? До свиданья.

Генерал ушел, и Динни, понизив голос, спросила:

- Теперь, когда все кончилось, скажите откровенно, что вы об этом думаете?

- То же, что и раньше: если бы на месте вашей сестры были вы, мы выиграли бы.

- Меня интересует другое, - холодно уточнила Динни. - Верите вы им или нет?

- В целом - да.

- Дальше этого юрист, очевидно, не может пойти?

"Очень молодой" Роджер усмехнулся:

- Никто не скажет правды, не умолчав при этом о чем-нибудь.

"Совершенно верно", - подумала Динни и спросила:

- Можно вызвать такси?

В машине Клер попросила:

- Сделаешь для меня кое-что, Динни? Привези мои вещи на Мьюз.

- С удовольствием.

- Кондафорд сейчас не для меня. Ты видела Тони?

- Да.

- Как он?

- Скверно.

- Скверно... - с горечью повторила Клер. - А что я могла сделать, когда они на меня накинулись? Во всяком случае, ради него я солгала.

Динни, не глядя на сестру, спросила:

- Можешь ты мне честно сказать, что у тебя за чувство к нему?

- Скажу, когда сама разберусь.

- Тебе надо поесть, дорогая.

- Да, я проголодалась. Я вылезу здесь, на Оксфорд-стрит. Когда ты приедешь с вещами, я уже приведу квартиру в порядок. Меня так клонит в сон, что я, кажется, проспала бы целые сутки, хотя, наверно, и глаз не сомкну. Если вздумаешь разводиться, Динни, не опротестовывай иск, иначе будешь потом думать, что отвечала на суде не так, как надо.

Динни сжала сестре локоть и велела шоферу ехать на Саут-сквер.

XXXIV

После боя дышится еще тяжелей, чем во время него. Вы упорно думаете о том, что "отвечали не так, как надо", и теряете всякую охоту жить. Основной закон существования доведен до его логического и - выиграла вы или проиграли - не удовлетворяющего вас конца. Игрушка сломана, а сами вы опустошены и обессилены. Хотя Динни пришлось только наблюдать за боем, она пребывала именно в таком состоянии. Сознавая, что она бессильна чем-нибудь помочь сестре, девушка опять занялась свиньями и провела в трудах целую неделю, после чего получила следующее письмо:

"Кингсон, Кэткот и Форсайт.

Олд Джуэри.

17 мая 1932.

Дорогая мисс Черрел,

Спешу сообщить Вам, что нам удалось устроить так, что судебные издержки не лягут ни на Вашу сестру, ни на мистера Крума. Буду признателен, если вы возьмете на себя труд успокоить их обоих и Вашего отца на этот счет.

Примите уверения в моей искренней преданности Вам, дорогая мисс Черрел.

Ваш Роджер Форсайт".

Это письмо, прибывшее теплым погожим утром, когда в воздухе разносился шум косилки и аромат травы, заинтриговало девушку, хотя Динни терпеть не могла этого слова. Она отошла от окна и объявила:

- Папа, адвокаты сообщают, чтобы мы не волновались насчет судебных издержек. Они все уладили.

- Как!

- Они об этом не пишут, но просят успокоить тебя.

- Не понимаю юристов, - буркнул генерал. - Но раз они так говорят, значит, все в порядке. Очень рад, - я ведь и в самом деле беспокоился.

- Еще бы, дорогой! Налить кофе?

Но Динни все же не перестала доискиваться смысла этого загадочного письма. Может быть, Джерри Корвен сделал какой-то промах, благодаря которому защита вынудила его пойти на соглашение? Кроме того, существует лицо, именуемое "королевским проктором" и наделенное правом кассировать постановление суда. Или здесь что-нибудь другое?

Первой мыслью Динни было поехать к Тони Круму, но девушка отказалась от нее из боязни, что он начнет задавать вопросы, и вместо этого написала ему и Клер. Однако чем больше она вдумывалась в письмо поверенного, тем больше убеждалась, что должна увидеться с "очень молодым" Роджером. Что-то в глубине души не давало ей покоя. Поэтому она условилась с адвокатом, что тот встретится с ней в кафе около Британского музея по пути домой из Сити, и прямо с поезда отправилась туда. Кафе было стильное, явно претендовавшее, насколько это возможно в здании времен Регентства, на сходство с теми кофейнями, в которых когда-то бывали Босуэл и Джонсон. Пол в нем, правда, песком не посыпали, но выглядел он так, как будто был им посыпан. Длинных глиняных трубок посетителю не предлагалось, но к его услугам имелись длинные мундштуки из папье-маше. Мебель была деревянная, освещение слабое. Поскольку выяснить, какое платье носила в те времена прислуга, не удалось, одежда официантов была цвета морской воды. На стенах, отделанных панелями с Тоттенхем-корд-род, были развешаны виды старинных постоялых дворов. Немногочисленные посетители пили чай и

курили сигареты. Ни один из них не прибежал к длинному мундштуку. Почти сразу вслед за Динни, прихрамывая, вошел "очень молодой" Роджер со своим обычным видом человека, который стал не тем, чем должен был стать; он обнажил свою тускло-песочную голову, и улыбка осветила его массивный подбородок.

- Китайский или индийский? - спросила Динни.

- То же, что и вы.

- Тогда, пожалуйста, две чашки кофе со сдобными булочками.

- Сдобные булочки! Да это же настоящий пир! Смотрите, какие старинные медные грелки, мисс Черрел. Интересно, продаются они или нет?

- Вы коллекционер?

- От случая к случаю. Нет смысла жить в доме времен королевы Анны, если не можешь хоть немного его украсить.

- А ваша жена это одобряет?

- Нет, ей по душе только модные новшества, бридж и гольф. А у меня руки сами прилипают к старинному серебру.

- У меня тоже, - отозвалась Динни. - Ваше письмо принесло нам всем большое облегчение. Неужели никому из нас в самом деле не нужно платить?

- Да, в самом деле.

Девушка обдумала следующий вопрос, поглядывая на "очень молодого" Роджера сквозь опущенные ресницы. При всех своих эстетических устремлениях он казался ей на редкость практичным.

- Скажите по секрету, мистер Форсайт, как вам удалось все устроить?

Не причастен ли к этому мой зять?

"Очень молодой" Роджер положил руку на сердце:

- "Язык Форсайта - клад его", смотри "Мармион". Но вам нечего беспокоиться.

- Не могу быть спокойной, пока не узнаю, что он не приложил к этому руку.

- Тогда все в порядке. Корвен тут ни при чем.

Динни молча съела булочку, потом завела разговор о старинном серебре. "Очень молодой" Роджер разразился целой лекцией о различных его марках и обещал сделать из девушки знатока, если она когда-нибудь соберется и проведет у него конец недели.

Расстались они сердечно, и Динни поехала к дяде Эдриену, хотя в глубине души продолжала испытывать какую-то неловкость. В последние дни стало тепло, и деревья оделись пышной листвой. В сквере на площади,

где квартировал Эдриен, было так тихо и зелено, словно там прогуливались не люди, а духи. Дома у дяди никого не оказалось.

- Но мистер Черрел обязательно будет к шести, мисс, - уверила девушку горничная.

Динни ждала Эдриена в маленькой комнатке с панелями, полной книг, трубок, фотографий Дианы и обоих детей Ферза. Старый колли составил ей компанию, и девушка сидела, прислушиваясь к шуму лондонских улиц, врывавшемуся сюда через открытое окно. Когда вошел Эдриен, она почесывала собаку за ушами.

- Ну, Динни, вот все и кончилось. Надеюсь, теперь тебе полегче?

Динни протянула ему письмо:

- Мне известно, что Джерри Корвен тут ни при чем. Но вы ведь знаете Юстейса Дорнфорда! Я хочу, чтобы вы потихоньку выпытали у него, не он ли уплатил издержки.

Эдриен пощипал бородку:

- Вряд ли он скажет.

- Кто-то же их уплатил, а кроме него - больше никому. Самой мне идти к нему не хочется.

Эдриен пристально поглядел на племянницу. Лицо у него было серьезное и задумчивое.

- Задача нелегкая, Динни, но я попытаюсь. А что же будет с нашей парочкой?

- Не знаю. Они тоже. Никто не знает.

- Как восприняли процесс твои родители?

- Ужасно рады, что все наконец позади. Теперь это больше их не интересует. Дядя, милый, сообщите мне поскорее, если что-нибудь узнаете, хорошо?

- Разумеется, дорогая. Но боюсь, что попытка будет напрасной.

Динни отправилась на Мелтон-Мьюз и столкнулась с сестрой на пороге ее дома. Щеки Клер пылали, в каждом движении и во всем ее облике чувствовалась нервозность.

- Я пригласила Тони Крума приехать сегодня вечером, - объявила она, когда Динни уже просталась, спеша на поезд. - Долги надо платить.

- О! - только и смогла выдавить Динни.

Слова сестры не выходили у нее из головы и в автобусе по дороге на Пэддингтонский вокзал, и в буфете, где она съела сэндвич, и в вагоне кондафордского поезда. Долги надо платить! Это первое условие самоуважения. А что делать, если судебные издержки покрыл Дорнфорд? Так ли уж драгоценна ее особа? Она отдала Уилфриду все - сердце,

надежды, желания. Если Дорнфорда устраивает то, что осталось, - почему бы и нет? Девушка перестала думать о себе и вернулась к мыслям о сестре. Та, наверно, уже расплатилась. Кто нарушил закон однажды, тот должен нарушать его и впредь. И все-таки как легко за несколько минут погубить свое будущее!

Девушка сидела не шевелясь, а поезд с грохотом летел навстречу сгущавшимся сумеркам.

XXXV

Неделя, которую Тоци Крум провел в своем перестроенном коттедже, была ужасна. Показания Корвена на повторном допросе словно выжгли ему душу, и опровержение Клер не смягчило ожога. Молодой человек был склонен к старомодной ревности. Он, конечно, знал, что жена обязана не уклоняться от супружеских объятий; но особые обстоятельства и душевное состояние, в котором пребывала Клер, придавали всему эпизоду нечистоплотный, более того - чудовищный характер. А то, что Тони пришлось давать показания сразу же вслед за таким жестоким ударом, еще больше растравило его рану. Человек прискорбно непоследователен в вопросах пола: Тони сознавал, что он не вправе ревновать, но легче ему от этого не становилось. И теперь, через неделю после суда, получив приглашение Клер, он долго колебался, как поступить - не отвечать вовсе, ответить резко или ответить по-джентльменски, хотя с первой минуты уже знал, что поедет.

С такой путаницей в мыслях и тупой болью в сердце он явился на Мьюз через час после ухода Динни. Клер открыла ему дверь, и они с минуту постояли, молча глядя друг на друга. Наконец она рассмеялась.

- Ну, Тони, смешная история, верно?

- В высшей степени забавная.

- У вас больной вид.

- А у вас прекрасный.

Она действительно была очень хороша в открытом красном платье без рукавов.

- Простите, Клер, я в дорожном костюме. Я не знал, что вы собираетесь выйти.

- А я и не собираюсь. Пообедаем у меня. Можете оставить машину на улице и пробыть здесь, сколько захочется. Теперь уж никто ничего не скажет. Приятно, правда?

- Клер!

- Кладите шляпу и пошли наверх. Я приготовила новый коктейль.

- Воспользуюсь случаем и скажу, что горько сожалею...

- Не будьте идиотом, Тони!

Она поднялась по винтовой лесенке, обернулась и позвала:

- Идите сюда!

Сняв шляпу и автомобильные перчатки, он последовал за ней.

Как ни был Крум удручен и расстроен, он сразу увидел, что комната выглядит так, словно здесь все приготовлено для какой-то церемонии или, может быть, жертвоприношения. На изящно сервированном столике стояли цветы, бутылка с узким горлышком, зеленые бокалы; на кушетке, покрытой нефритово-зеленой тканью, громоздились яркие подушки. Окна, открытые из-за жары, были задернуты шторами, свет затенен. Крум, задыхаясь от неудержимого волнения, устремился к окну.

- Хотя закон нас и благословил, шторы все-таки лучше задернуть, - посоветовала Клер. - Умыться хотите?

Он покачал головой, задернул шторы и сел на подоконник. Клер примостилась на кушетке.

- Мне было стыдно смотреть на вас, когда вы стояли в ложе, Тони. Я в таком долгу перед вами!

- В долгу? Вы мне ничего не должны. Должник - я.

- Нет, я.

Обнаженные, закинутые за голову руки, прелестное тело, слегка запрокинутое лицо, - перед ним было все, о чем он мечтал, к чему стремился долгие месяцы. Клер, бесконечно желанная Клер, как бы говорила ему: "Вот я, можешь меня взять!" Он сидел и не сводил с нее глаз. Ждать этой минуты так страстно и не воспользоваться ею!

- Почему так далеко, Тони?

Он встал. У него дрожали губы и все тело. Он дошел до стола, схватился за спинку стула и посмотрел на нее долгим, пристальным взглядом. Что прячется в темной глубине устремленных на него глаз? Нет, не любовь! Уступчивость из чувства долга? Готовность заплатить по своим обязательствам? Товарищеская снисходительность? Желание поскорее отделаться? Все, что угодно, только не любовь, нежная и сияющая! И вдруг перед ним встала картина: она и Корвен - здесь! Он закрыл лицо рукой, ринулся вниз по железной винтовой лесенке, схватил шляпу и перчатки, выскочил на улицу и прыгнул в машину. Он пришел в себя только на Эксбридж-род и долго не мог понять, как проехал такой перегон без аварии. Он вел себя как форменный идиот! Нет, он вел себя правильно! Ох, какое у нее было изумленное лицо! Принять его за кредитора? Заплатить ему? Там! На той же самой кушетке! Нет! Он исступленно дал газ и чуть не врезался в грузовик, тяжело громыхавший впереди. Спустилась ночь,

теплая и лунная. Крум загнал машину за какую-то изгородь и вылез. Прислонился к столбу, набил трубку и закурил. Куда он едет? Домой? Для чего? Для чего ехать вообще? Внезапно в голове у него прояснилось. Он отправится к Джеку Масхему, откажется от места - ив Кению. На дорогу денег хватит, а там подвернется работа. Только не оставаться здесь! К счастью, матки еще не прибыли. Тони перелез через изгородь и опустился на траву. Откинулся назад и посмотрел вверх. Как много звезд! Сколько у него денег? Фунтов пятьдесят, нет, шестьдесят, долгов никаких. Пароход, идущий в Восточную Африку; четвертый, палубный класс. Куда угодно, что угодно, только поскорее отсюда! Ромашки, усеивавшие склон, на котором лежал Тони, медленно светлели в лунном сиянии; воздух был напоен ароматом цветущих трав. Если бы в ее глазах был хоть намек на любовь! Голова Тони опять упала на траву. Она не виновата, что не любит его. Такая уж ему выпала судьба! Домой собрать вещи, запереть двери - и к Масхему! На это уйдет ночь. Повидать адвокатов и, если удастся, Динни. А Клер? Нет! Трубка Крума погасла. Луна и звезды, белые ромашки, аромат травы, наползающие тени, дерновый склон, где он лежал, - ничто больше не приносило ему облегчения. Встать, за что-то приняться, чем-то занять себя до тех пор, пока он не сядет на пароход! Он вскочил, перелез через изгородь и пустил мотор. Он ехал прямо, инстинктивно избегая дороги на Мейденхед и Хенли. Миновал Хай Уайком и обогнул Оксфорд с севера. Древний город был залит светом и, как всегда вечером, особенно красив; Тони въехал в него со стороны Хедингтона и покатыл по безлюдной Камнорской дороге. На маленьком старинном Новом мосту через верхнюю Темзу он затормозил. Здесь, в верховьях, извилистая река казалась особенно невозмутимой и чуждой человеческой суете. При свете теперь уже полной луны поблескивали камыши, и ветви ив словно роняли серебро в темневшую под ними воду. В гостинице, на противоположном берегу, еще светилось несколько окон, но обычных звуков граммофона не было слышно. Теперь, когда луна поднялась высоко, звезды казались крошечными проколами в иссиня-фиолетовом покрове неба. Запах заливных лугов и поросших камышом отмелей, которые прогрелись на солнце за эту погожую неделю, защекотал ноздри Крума своей гниловатой сладостью и всколыхнул в нем волну плотского томления, - Тони так часто и так долго мечтал о любовных прогулках с Клер между благоуханных берегов этой извилистой реки. Он рывком включил сцепление и свернул мимо гостиницы на узкую проселочную дорогу. Через двадцать минут он уже стоял на пороге своего коттеджа, глядя на залитую луной комнату, которая семь часов назад, перед его отъездом, была залита солнцем. Вон на

полу роман, который он пытался читать; на столе - не убранные после завтрака сыр и фрукты; в углу пара коричневых ботинок, которые он не успел почистить. Толстые потемневшие балки, идущие вдоль низкого потолка над большим старым очагом и очищенные теперь от копоти викторианских времен, медные таганы, оловянные тарелки, кувшины и жбаны, которые он рискнул собирать в надежде, что они понравятся Клер, весь его *res angusta domi* [12] уныло Приветствовал хозяина. Он вдруг почувствовал себя обессиленным, выпил полстакана разбавленного водой виски, съел несколько бисквитов и опустился в длинное плетеное кресло. Заснул он почти мгновенно, проснулся, когда уже рассвело, и сразу вспомнил, что собирался провести ночь в трудах. Косые лучи солнца заглядывали в комнату. Он допил остатки воды в кувшине и посмотрел на часы. Пять утра! Он распахнул дверь. Над полями стлался рассветный туман. Тони вышел, миновал конюшню и загоны для маток. Тропинка, спускавшаяся к реке, вела через луга, которые пересекались оврагами, поросшими кустарником, и пригорками, покрытыми орешником и ольхой. Роса не выпала, но от травы и кустов остро пахло свежестью.

Не доходя ярдов пятидесяти до берега, он улегся в ложбинке. Все еще спало, проснулись только кролики, пчелы и птицы. Тони лежал на спине, посматривая на траву, кусты и синее утреннее небо, слегка подернутое облачным руном. Из ложбинки было мало что видно, и, может быть, именно поэтому Тони казалось, что здесь, рядом с ним - вся Англия. У его руки дикая пчела погружала хоботок в чашечку цветка; земля источала благоухание, слабое, как аромат гирлянды маргариток, - это пахла удивительно свежая сочная зеленая трава. "Величие, достоинство и мир!" Какая пьеса! Тогда эти слова взволновали его. А публика смеялась. Клер тоже смеялась. "Сентиментально! - сказала она. - Ни в одной стране нет и не будет величия, достоинства и мира". Вероятно, нет; конечно, нет: любая страна, даже его собственная, - это смесь прекрасного и чудовищного, расплывчатое обобщение, воспевая которое драматурги впадают в преувеличения, а журналисты устраивают шумиху. И тем не менее на свете нет второго такого местечка, такой яркой и пахучей травы, такого чуть уловимого благоухания, мягко подернутого облачками неба и пения птиц, - второго такого древнего и вместе с тем молодого края. Пусть люди смеются - он не может. Уехать от такой травы? Он вспомнил, с каким трепетом снова увидел английскую траву полгода тому назад. Бросить работу, раньше чем она начнется, свалить ее на Масхема, который так тепло отнесся к нему!.. Тони перевернулся на живот и прижался щекой к траве. Так запах был еще слышней - не сладкий и не горький, но свежий, бодрящий, родной, запах,

знакомый с младенческих лет, запах Англии! Скорей бы привозили маток, скорей бы приняться за дело! Крум сел и прислушался. Ни поездов, ни автомобилей, ни самолетов, ни людей, ни четвероногих - только вдалеке чуть слышное пение птиц, бесконечная, вьющаяся над травой мелодия. Что ж, словами делу не поможешь. Раз тебе чего-то не дано, - значит, не дано!

XXXVI

Не успела Динни уйти, как Эдриен сделал обычное в таких случаях открытие, поняв, что взял на себя нелегкую задачу. Как заставить королевского адвоката проговориться? Как? Отправиться к нему - значит выдать себя. Позвать его к себе, а потом приставать к гостю с расспросами невозможно. Придется подсказать Эм, чтобы она пригласила их обоих к обеду; она, конечно, не откажет, особенно если дать ей понять, что дело касается Динни. Но даже в этом случае... Эдриен посоветовался с Дианой и после обеда поехал на Маунт-стрит. Он застал сестру и зятя за игрой в пикет.

- Четыре короля, - объявила леди Монт. - Мы все так старомодны - Лоренс, я и Муссолини. У тебя ко мне дело, Эдриен?

- Разумеется, Эм. Не пригласишь ли ты к обеду Юстейса Дорнфорда и меня? Мне нужно с ним повидаться.

- Значит, тут замешана Динни. Никак не приучу Лоренса быть рыцарем: как только у меня на руках четыре короля, у не'о обязательно четыре туза. Ко'да?

- Чем скорее, тем лучше.

- Позвони, доро'ой.

Эдриен позвонил.

- Блор, пойдите к телефону и пригласите мистера Дорнфорда пообедать с нами. Черный галстук.

- Когда, миледи?

- В первый же вечер, который у меня не расписан. Мы - прямо как зубные врачи, - прибавила она, когда Блор исчез. - Расскажи, что с Динни. Она ни разу не была у нас после процесса.

- Процесс, - подхватил сэр Лоренс, - кончился так, как и следовало ожидать, верно, Эдриен? Ничего нового?

- Кто-то оплатил издержки. Динни подозревает, что Дорнфорд.

Сэр Лоренс положил карты:

- Это смахивает на выкуп за нее!

- Он, конечно, не признается, но она попросила меня выяснить.

- Зачем же он это сделал, если не хочет признаться.

- Рыцари тоже носили перчатку дамы, - возгласила леди Монт. - Их

убивали, и никто не знал, чья перчатка. Ну что, Блор?

- Мистер Дорнфорд велел передать, что будет счастлив отобедать у вас в понедельник, миледи.

- Запишите е'о в мою книжечку, и мистера Эдриена.

- Постарайтесь уйти с ним вместе после обеда, Эдриен, и расспросите его по дороге, чтобы не вышло слишком явно, - посоветовал сэр Лоренс. А ты, Эм, смотри - ни слова, ни намека.

- Приятный мужчина, - заметила леди Монт. - Такой сму'лый и такой бледный...

В следующий понедельник Эдриен ушел после обеда вместе с "приятным смугло-бледным мужчиной". Дорнфорд еще не переехал в свой новый дом, и обоим было более или менее по дороге. Эдриен с облегчением увидел, что его попутчику не меньше хочется остаться с ним наедине, чем ему самому: Дорнфорд сразу же завел речь о Динни.

- Правильно ли я предположил, что у Динни недавно что-то случилось... Нет, еще до процесса, когда она заболела и вы повезли ее за границу.

- Правильно. Тот человек, которого она любила два года назад, - помните, я вам рассказывал, - утонул, путешествуя по Сиаму.

- О!

Эдриен украдкой взглянул на собеседника. Что выразит лицо Дорнфорда раздумье, облегчение, надежду, сочувствие? Но тот лишь слегка нахмурился.

- Я хотел кое-что спросить у вас, Дорнфорд. Кто-то покрыл издержки по процессу, возложенные на Крума.

Теперь адвокат приподнял брови, но лицо его по-прежнему осталось непроницаемым.

- Я думал, вы, возможно, знаете - кто. Адвокаты сказали только, что противная сторона здесь ни при чем.

- Представления не имею.

"Так! - подумал Эдриен. - Я узнал лишь одно: если он лжет, то умело".

- Крум мне нравится, - заметил Дорнфорд. - Он держал себя вполне достойно, но ему крепко не повезло. Теперь его хоть не объявят несостоятельным.

- Несколько загадочная история, - вставил Эдриен.

- Да, действительно.

"Наверно, все-таки он. Но до чего же каменное лицо!" - решил Эдриен и на всякий случай спросил:

- Как вы находите Клер после суда?

- Чуть циничнее, чем обычно. Сегодня утром на верховой прогулке она довольно откровенно высказалась по поводу моей профессии.

- Как вы считаете, выйдет она за Крума?

Дорнфорд покачал головой.

- Едва ли, особенно если то, что вы сказали насчет издержек, - правда. Она могла бы еще согласиться, если бы чувствовала себя обязанной ему, но процесс, по-моему, только повредил Круму в этом смысле. Она его не любит по-настоящему, - так мне по крайней мере кажется.

- Корвен отучил ее от иллюзий.

- Да, лицо у него такое, что трудно предположить противное, - отозвался Дорнфорд. - Но она, на мой взгляд, создана для того, чтобы жить интересно и в одиночку. Она решительна и, как все современные женщины, выше всего ценит независимость.

- Не представляю себе Клер в домашнем кругу.

Дорнфорд помолчал и вдруг спросил:

- Про Динни вы скажете то же самое?

- Видите ли, я не могу представить себе Клер в роли матери. А Динни могу. Не представляю себе Динни то здесь, то там, словом, повсюду, а Клер представляю. Но Динни тоже не назовешь домашней. Не то слово.

- Конечно! - пылко поддержал Дорнфорд. - Но какое нужно - не знаю. Вы очень верите в нее?

Эдриен кивнул:

- Безгранично.

- Для меня встреча с ней имела колоссальное значение, - тихо сказал Дорнфорд, - но для Динни, боюсь, никакого.

- Надо подождать, - возразил Эдриен. - Терпение - добродетель или по крайней мере было ею, пока мир не взлетел во время войны на воздух, так и не опустившись обратно на землю.

- Но ведь мне под сорок.

- А Динни двадцать восемь с лишком.

- Меняется ли положение в связи с тем, что вы мне сейчас рассказали?

- Насчет Сиама? По-моему, да, и очень сильно.

- Благодарю.

Они крепко пожали друг другу руки и расстались. Эдриен повернул к северу. Он неторопливо шел и раздумывал о балансе, который предполагает неограниченную ответственность каждого из любящих. Никакой резервный капитал, никакое страхование не обеспечивает и не гарантирует устойчивость этой пожизненной ценности. Любовь рождает человека на свет; с любовью он имеет дело почти до конца своих дней, занося ее то в

свой актив, то в свой пассив; когда же он умирает, плоды его любви, а если их нет - члены приходского совета, хоронят его и забывают. В переполненном людьми Лондоне нет никого, над кем не тяготела бы эта могучая, самовластная и неутолимая сила, с которой ни один мужчина, ни одна женщина не стали бы связываться по доброй воле. В активе - "удачная партия", "счастливый брак", "идеальная пара", "союз на всю жизнь"; в пассиве - "несходство характеров", "мимолетное увлечение", "недоразумение", "трагическая ошибка". Во всех других областях своей жизнедеятельности человек может застраховаться, изменить планы, предусмотреть разные возможности, парировать любые случайности (кроме самой неприятной из всех - смерти); в любви он бессилён. Любовь приходит к нему из тьмы и уходит во тьму. Она постоянно с ним и постоянно бежит от него. Она произвольно делает запись то на одной, то на другой стороне баланса, а человеку остается одно - подводить итог и покорно ждать следующей записи. Она смеется над диктаторами, парламентами, судьями, епископами, полицией и даже благими намерениями. Она сводит с ума радостью и горем, предаётся разврату, зачинает, крадет, убивает; она самоотверженна, верна, переменчива. Она не знает ни стыда, ни власти над собой; она строит домашний очаг и сметает его; она то безучастно проходит мимо, то сливает два сердца в одно до самой смерти. Эдриен шел по Чэринг-кросс-род и пытался представить себе Лондон, Манчестер, Глазго без любви. Легко сказать! Не будь ее, ни один из проходящих мимо сограждан не дышал бы пробензинным воздухом ночи, ни один унылый кирпич не ложился бы на другой, ни один автобус не пролетал бы с гудением мимо, ни один уличный певец не завывал бы под не освещенным ни единым лучом небом. Любовь - всеобщий первоисточник. И Эдриен, который, роясь в древних костях, искал первоисточник человечества, который знал, что только останки любви нельзя ни откопать, ни классифицировать, ни поместить под стекло, думал о том, подойдут ли друг другу Дорнфорд и Динни...

А Дорнфорд, возвращаясь в Харкорт Билдингс, был еще глубже погружен в размышления о себе и о Динни. Ему под сорок! Он должен осуществить свое непреодолимое желание. Теперь или никогда! Он должен жениться, иметь детей, иначе он опустится до уровня обыкновенного карьериста. Одна Динни способна придать вкус и смысл его жизни, похожей сейчас на недопеченный хлеб. Она стала для него... Чем только она для него не стала! И, проходя под узкими порталами Мидл-Темпл Лейн, он спросил ученого собрата, как и он, направлявшегося домой, чтоб отбыть ко сну:

- Кто будет победителем дерби, Стабз?

- А бог его знает! - ответил ученый собрат, размышлявший о том, зачем он в последний раз пошел с козырей, хотя делать это не следовало...

А на Маунт-стрит сэр Лоренс, надев свой черный шелковый халат и войдя в спальню жены, чтобы пожелать ей доброй ночи, увидел, что леди Монт в чепце с лентами, который так ее молодил, полулежит в кровати, и присел на край:

- Ну что, Эм?

- У Динни будет двое мальчиков и одна дочка.

- Черт его знает, что будет! Цыплят по осени считают.

- Вот увидишь. Поцелуй меня покрепче.

Сэр Лоренс наклонился и выполнил просьбу жены.

- Ко'да они поженятся, - продолжала леди Монт, закрывая глаза, - она еще дол'о будет замужней только наполовину.

- Лучше быть ею наполовину вначале, чем вовсе не быть в конце. Но с чего ты взяла, что она пойдет за него?

- Сердцем чувствую. В решительную минуту женщина не допустит, чтобы ее обошли...

- Инстинкт продолжения рода? Гм!..

- Хоть бы он попал в беду и сломал себе но'у...

- Намекни ему.

- У не'о здоровая печень.

- Ты-то откуда знаешь?

- Белки глаз у не'о голубые. Сму'лые мужчины часто страдают печенью.

Сэр Лоренс поднялся.

- Мне нужно одно, - сказал он, - чтобы Динни научилась интересоваться собой. Тогда она выйдет замуж. А в конце концов это ее личное дело.

- Кровати - у Хэрриджа, - изрекла леди Монт.

Сэр Лоренс приподнял бровь. Эм неисправима!

XXXVII

Та, что не интересовалась собой и тем самым вызывала интерес к себе в стольких людях, получила в среду утром три письма. Первое, которое она распечатала, гласило:

"Динни, родная,

Я сделала попытку расплатиться, но Тони не согласился и вылетел от меня, как ракета, так что я опять стала совершенно свободной. Если что-нибудь узнаешь о нем, сообщи.

Дорнфорд с каждым днем выглядит все более интересным. Разговариваем мы с ним только о тебе, за что мой оклад повышен до трехсот фунтов.

Привет тебе и всем нашим.

Клер".

Второе вскрытое ею письмо гласило:

"Дорогая Динни,

Я все-таки решил остаться. В понедельник прибывают матки. Вчера заезжал Масхем, был очень деликатен: ни слова о процессе. Пытаюсь заняться птицеводством. Вы меня страшно обяжете, если узнаете, кто уплатил издержки, - это не выходит у меня из головы.

С бесконечной признательностью за Вашу неизменную доброту.

Всегда Ваш

Тони Крум".

Третье прочитанное ею письмо гласило:

"Дорогая моя Динни,

Ничего не вышло. Он или не платил или прикинулся простачком, но прикинулся очень умело. Мне все-таки не верится, что это притворство. Если ты действительно хочешь докопаться до истины, спроси у него прямо. По-моему, тебе он не солжет ни а чем, даже в пустяке. Не скрою, он мне нравится. На мой, дядюшкин, взгляд, он - как незыблемый золотой стандарт.

Неизменно преданный тебе

Эдриен.

Так! Она ощутила смутное раздражение, и это чувство, сперва показавшееся ей мимолетным, не прошло. Ее настроение, как погода, снова стало холодным и вялым. Она написала сестре, изложив ей письмо Тони Крума и прибавив, что он о ней не упомянул. Она написала Тони Круму, не упомянув о Клер, не ответив на его вопрос относительно уплаты издержек и рассуждая исключительно о птицеводстве - теме безопасной и ни к чему не обязывающей. Она написала Эдриену:

"Чувствую, что мне пора подтянуться, иначе акционеры не получат дивидендов. Погода у нас холодная, пасмурная; мое единственное утешение маленький Кат, который уже умеет ходить и начал узнавать меня".

Затем, словно вступив в сговор с дирекцией Эскотского ипподрома, барометр встал на "ясно", и Динни неожиданно написала Дорнфорду. Она писала о свиньях и свинарниках, о правительстве и фермах. Заключила она следующим образом:

"Мы все страшно обеспокоены, не зная, кто уплатил судебные издержки по процессу моей сестры. Чувствовать себя обязанной неизвестному лицу крайне тягостно. Нельзя ли как-нибудь выяснить, кто это?"

Она довольно долго раздумывала, как подписать свое первое письмо к нему, и наконец подписалась:

"Преданная вам
Динни Черрел".

Ответ прибыл незамедлительно.

"Дорогая Динни,

Я был счастлив получить письмо от Вас. Прежде всего отвечаю на Ваш вопрос. Постараюсь по мере сил вытянуть из адвокатов всю подноготную, но раз они не сказали Вам то, наверняка не скажут и мне. Тем не менее попробую. Впрочем, если Ваша сестра или Крум проявят настойчивость, они, вероятно, сознаются. Теперь перехожу к свиньям..."

Затем следовала различная информация и жалобы на то, что за сельское хозяйство еще не взялись как следует.

"Если бы правительство поняло, что мы можем производить у себя в стране все потребные нам яйца, свинину и картофель, почти все овощи, значительную часть фруктов и молочные продукты в количестве, далеко превышающем наше теперешнее производство, что путем постепенного ограничения ввоза мы в состоянии побудить и даже просто принудить наших фермеров работать на внутренний рынок, то за десять лет мы возродили бы жизнеспособное и прибыльное сельское хозяйство, избежав удорожания жизни и сэкономив колоссальные деньги на импорте. Видите, насколько я прогрессивен в политике! Вопрос о пшенице и говядине не должен сбивать нас с толку. Да, пшеница и говядина из доминионов, но все остальное (кроме южных фруктов и овощей) - отечественное. Вот мое кредо. Надеюсь, Ваш отец его разделяет? Клер что-то нервничает, и я спрашиваю себя, не пора ли ей подыскать работу, требующую большего расхода энергии? Если подвернется что-нибудь подходящее, я посоветую ей перейти. Узнайте, пожалуйста, у Вашей матушки, не помешаю ли я, если приеду провести у вас конец последней недели этого месяца? Она была так любезна, что просила предупредить ее всякий раз, когда я объезжаю свой избирательный округ. На днях я вторично побывал на "Кавалькаде". Вещь хорошая, но мне не хватало там Вас. Не могу даже выразить, как мне Вас не хватает!

Искренне Ваш

Юстейс Дорнфорд".

Ему не хватает ее! Эти тоскливые слова вызвали теплый, хотя и слабый отклик в душе Динни, но мысли ее тут же обратились к Клер. Нервничает? А разве можно быть спокойной в ее ненормальном положении? После суда она ни разу не была в Кондафорде. Динни находила это вполне естественным. Пусть люди говорят, что им нет дела до мнения окружающих, - это неправда, особенно в тех случаях, когда человек, подобно Клер, вырос здесь и принадлежит к местной аристократии. "Не знаю, чего я для нее хочу, грустно подумала девушка. - И так даже лучше: наступит день, когда она сама наконец поймет, что ей нужно!" Как хорошо понимать, что тебе нужно! Она перечитала письмо Дорнфорда и вдруг впервые захотела разобраться в своих чувствах. Намерена она или нет выйти замуж? Если да, то почему не за Юстейса Дорнфорда? Он ей нравится, она им восхищается, с ним есть о чем поговорить. А ее... прошлое? Можно ли всерьез отнести к ней это слово? Да. Ее прошлое, задушенное при рождении, - это самое глубокое из того, что ей суждено пережить! "Пора уже и тебе снова выйти на поле боя". Неприятно выглядеть дезертиром в глазах собственной матери! Но это не дезертирство. На щеках Динни выступили алые пятна. Она испытывала нечто никому не понятное - боязнь изменить тому, кому отдалась всей душой, не успев отдаться телом; боязнь изменить полному отречению от самой себя, которое, - она знала это, - никогда не повторится.

"Я не люблю Юстейса, - думала она. - Он знает это, знает, что я не способна притворяться. Если он согласен взять меня на таких условиях, то как я должна поступить? Как я могу поступить?" Она вышла в старый защищенный тисами цветник, где распускались первые розы, и долго ходила взад и вперед, нюхая то одну, то другую, а за нею недовольно брел спаниель Фош, не питавший к цветам особой склонности.

"Что бы я ни решила, - подумала Динни, - решать надо немедленно. Я не имею права мучить его неизвестностью".

Она постояла у солнечных часов, где тень отставала на час от верного времени, и взглянула на солнце, взиравшее с высоты на фруктовые деревья и тисовую изгородь. Если она выйдет за Дорнфорда, появятся дети, - без них брак немислим. Она ясно представляла себе (или думала, что представляет) роль половой близости в супружестве. Ее беспокоило другое: как это отразится на ее и его духовной жизни. Девушка беспокойно переходила от куста к кусту, изредка раздавливая тлю обтянутыми перчаткой пальцами. А в сторонке сидел спаниель Фош и с тоской поедал траву.

В тот же вечер Динни написала Дорнфорду. Ее мать будет счастлива,

если он проведет у них конец недели. Отец вполне разделяет его точку зрения на сельское хозяйство, но сомневается, разделяет ли ее кто-нибудь еще, кроме Майкла, который однажды вечером в Лондоне, внимательно выслушав генерала, сказал "Да. Требуется одно - руководство, а откуда оно возьмется?" Сама она надеется, что к моменту приезда в Кондафорд Дорнфорд уже сможет сообщить ей, кто оплатил издержки. Смотреть "Кавалькаду" вторично было, наверно, страшно интересно. Знаком ли ему цветок, который, если она правильно запомнила, называется "меконopsis", исключительно красивая разновидность мака? Родина его Гималаи, поэтому он приживется на Кемпден-хилл, где климат, кажется, такой же, как там. Если бы Дорнфорд убедил Клер приехать с ним, он вселил бы ликование в сердце местных жителей. На этот раз она подписала письмо "Всегда ваша..." и оттенок оказался настолько тонким, что она сама не уловила его.

Предупредив мать о приезде Дорнфорда, девушка прибавила:

- Постараюсь залучить сюда Клер. Как ты считаешь, мама, не пригласить ли нам и Майкла с Флер? Мы же так долго пользовались их гостеприимством.

Леди Черрел вздохнула.

- У каждого свой образ жизни. Но, разумеется, пригласи, дорогая.

- Они будут разговаривать о теннисе, а это и приятно и полезно.

Леди Черрел взглянула на дочь, голос которой чем-то напомнил ей прежнюю Динни.

Затем, узнав, что приедут и Клер и Майкл с Флер, девушка стала подумывать, не пригласить ли ей также Тони Крума. В конце концов она оставила эту мысль, но с огорчением, потому что питала к нему товарищеские чувства человека, побывавшего в одинаковой передрыге.

Она растроганно наблюдала за тем, как ее родители пытаются замаскировать свое волнение. Дорнфорд приезжает в свой избирательный округ? Давно пора! Жаль, что у него нет здесь своего собственного пристанища: депутат должен постоянно поддерживать контакт с избирателями.

Видимо, он прибудет на машине и захватит с собой Клер; если нет, за ней заедут Флер и Майкл. Но в каждой из этих фраз Динни угадывала тревогу о Клер и о ней самой.

Первый автомобиль подкатил к дому как раз в тот момент, когда она расставила последние цветы в последней спальне. Динни спустилась в холл и встретила там Дорнфорда.

- У вашего дома есть душа, Динни. То ли она живет в голубях на

черепичной кровле, то ли сказывается во всем его местоположении, только ее чувствуешь сразу же.

Она обменялась с ним рукопожатием более долгим, чем собиралась.

- Он ведь уже врос в землю. Да и пахнет тут совсем особенно - старым сеном, цветущей вербеной и, наверно, подгнившими оконными рамами.

- Вы превосходно выглядите, Динни.

- Кажется, да, благодарю вас. В Уимблдоне вы, конечно, побывать не успели?

- Нет. Но Клер хотела поехать посмотреть. Оттуда она явится прямо сюда вместе с Монтами.

- Что вы хотели сказать, написав, что она нервничает?

- Насколько я знаю Клер, она любит быть в самой гуще событий, а сейчас она не у дел.

Динни кивнула.

- Вы ничего не слышали от нее насчет Тони Крума?

- Слышал. Она рассмеялась и сказала, что он выронил ее, как горячую картофелину.

Динни приняла у Дорнфорда шляпу и повесила ее.

- А насчет уплаты издержек? - спросила она, не оборачиваясь.

- Я специально ездил к Форсайту, но так ничего и не выпытал.

- Вот как?.. Вы сначала вымоетесь или прямо подниметесь к себе?

Обед в четверть девятого. Сейчас половина восьмого.

- С вашего разрешения, пройду прямо вверх.

- Теперь у вас будет другая комната. Я вас провожу.

Она дошла с ним до маленькой лестницы, ведущей в "комнату священника":

- Вот здесь ваша ванная. А теперь прямо вверх.

- "Комната священника"?

- Да. Но привидений в ней нет.

Она встала у окна:

- Вон тут, видите, ему по ночам спускали с крыши еду. Вид красивый, правда? А весной, когда все цветет, еще лучше.

- Замечательный!

Он стоял рядом с ней у окна, и Динни видела, как его побелевшие от напряжения пальцы сжимают каменный подоконник. Волна горечи захлестнула ее. Сколько раз она мечтала о том, как будет стоять здесь бок о бок с Уилфридом! Она прислонилась к оконной нише и закрыла глаза. Когда, она их открыла, Дорнфорд, не отрываясь, смотрел на нее. Губы его дрожали, руки, заложенные за спину, были стиснуты. Девушка направилась

к двери:

- Я велю принести и распаковать ваши вещи. Кстати, ответьте мне: вы сами уплатили издержки?

Он вздрогнул и отрывисто рассмеялся, словно его внезапно перенесли из трагедии в комедию.

- Я? Нет. Мне и в голову не пришло.

- Вот как? - опять повторила девушка. - Обед еще не скоро, вы успеете. И она сошла вниз по маленькой лестнице.

Верить ему или нет? А какая разница? Она должна была задать вопрос, он должен был ответить. "Еще одну реку, переплывем еще одну реку!.." Раздался шум второго автомобиля, и девушка побежала в холл.

XXXVIII

В эту странную субботу, когда всем, кроме Майкла и Флер, было не по себе, Динни, прогуливаясь с Флер по саду, неожиданно получила ключ к разгадке тайны.

- Эм говорит, - начала Флер, - что ваши ломают себе голову, кто уплатил издержки. По ее словам, вы лично подозреваете Дорнфорда и вам тяжело чувствовать себя обязанной ему.

- Ничего удивительного. Это все равно как сознавать, что ты задолжала портнихе.

- Дорогая моя, - сказала Флер, - строго по секрету признаюсь вам: заплатила я. Роджер пришел к нам обедать и стал сокрушаться, как неприятно направлять счет людям, у которых нет лишнего пенса. Я посоветовалась с Майклом и послала Роджеру чек. Мой отец составил себе состояние адвокатурой, так что все получилось тем более кстати.

Динни вытаращила глаза.

- Видите ли, - продолжала Флер, беря Динни под руку, - после того как правительство конвертировало заем, мои облигации вскочили на десять пунктов, так что, даже уплатив девятьсот с лишним, я все равно уже на пятнадцать тысяч богаче, чем была, а курс все повышается. Я рассказала вам только потому, что боялась, как бы это не помешало вам выйти за Дорнфорда. Скажите откровенно, помешало бы?

- Не знаю, - помрачнела Динни. Она в самом деле не знала.

- Майкл говорит, что давно не встречал такого настоящего человека, как Дорнфорд, а у Майкла острое чутье на людей. Знаете, - Флер остановилась и выпустила руку девушки, - я удивляюсь вам, Динни. Вы рождены быть женой и матерью, - это слепому видно. Конечно, я помню, что вы пережили, но ведь прошлое мертво и не встанет из могилы. Я-то знаю, - я ведь пережила то же самое. Нужно думать о настоящем и

будущем, то есть о нас самих и наших детях. Особенно это нужно вам, потому что вы - воплощение традиции, преемственности и всякого такого. Не позволяйте воспоминаниям портить вам жизнь. Простите меня, дорогая, но ваш случай абсолютно ясен: либо сейчас, либо никогда. А слово "никогда" применительно к вам - слишком грустная перспектива. Я, конечно, почти лишена морального чувства, заключила Флер, нюхая розу, - но зато у меня много здравого смысла, и я терпеть не могу, когда что-нибудь пропадает даром.

Динни, растроганная взглядом этих карих глаз с необыкновенно яркими белками, долго молчала, прежде чем ответить.

- Будь я католичкой, как он, я не колебалась бы.

- Монастырь? - иронически подхватила Флер. - О нет! Моя мать католичка, и все-таки - нет. А вы к тому же и не католичка. Нет, дорогая, единственное решение - семейный очаг. Другое было бы ошибкой. А совместить оба нельзя.

Динни улыбнулась:

- Мне остается лишь просить прощения за то, что я доставляю людям столько хлопот. Как вы находите эту Анжель Перне?

За весь субботний вечер Динни не пришлось больше поговорить с Дорнфордом: он агитировал соседних фермеров. Но после обеда, когда она вела счет за четырех игроков, заложивших русскую пульку, он подошел и встал рядом с ней.

- В доме ликование, - бросила она, приписывая Флер девять очков. Как фермеры?

- Самонадеянны.

- Неужели?

- Это еще больше осложняет дело.

- Такая уж у них манера держаться.

- Чем вы занимались сегодня, Динни?

- Собирала цветы, гуляла с Флер, играла с Котом, возилась со свиньями... Пять на тебя, Майкл, и семь на них. Вот уж подлинно христианская игра: делай партнеру то, что хочешь получить от него.

- Русская пулька! - задумчиво протянул Дорнфорд. - Странно слышать такое название от людей, еще отравленных религией.

- Кстати, если вы собираетесь завтра к мессе, то до Оксфорда рукой подать.

- А вы со мной поедете?

- О да! Я люблю Оксфорд и только раз слышала мессу. Езды туда минут сорок пять.

Он посмотрел на нее таким же взглядом, каким спаниель Фош встречал ее после долгого отсутствия:

- Значит, в четверть десятого на моей машине...

На другой день, когда она уселась с ним рядом в автомобиле, он спросил:

- Опустить верх?

- Пожалуйста.

- Динни, это прямо как сон!

- Хотела бы я, чтобы мои сны были такими же легкими, как ход у вашей машины.

- Вы часто их видите?

- Да.

- Приятные или дурные?

- Обыкновенные - всего понемногу.

- А бывают повторяющиеся?

- Один. Река, которую я не могу переплыть.

- А, знаю. Другие видят экзамен, который никак не выдержать. Сны безжалостны: они нас выдают. Были бы вы счастливы, если бы смогли во сне переплыть реку?

- Не знаю.

Они помолчали, затем он сказал:

- Эта машина новой марки: скорости переключаются совсем по-другому. Но вы, наверно, не интересуетесь автомобилями?

- Я просто ничего в них не понимаю.

- А ведь вы несовременны, Динни.

- Да. У меня все получается хуже, чем у других.

- Кое-что у вас получается лучше, чем у любого другого.

- Вы имеете в виду мое умение подбирать букеты?

- И понимать шутку, и быть такой милой...

Динни, убежденная, что за последние два года она была чем угодно, только не милой, не ответила и сама задала вопрос:

- В каком колледже вы были, когда учились в Оксфорде?

- В Ориеле.

И разговор опять иссяк.

Сено было уже частично сметано в стога, но кое-где оно еще лежало на земле, наполняя летний воздух благоуханием,

- Боюсь, - неожиданно признался Дорнфорд, - что мне расхотелось идти к мессе. Мне так редко удастся побыть с вами, Динни. Поедем лучше в Клифтон и возьмем лодку.

- Да, погода такая, что грех сидеть в помещении.

Они взяли влево, миновали Дорчестер и возле Клифтона выехали к склону извилистой реки. Вышли из машины, наняли плоскодонку, немного проплыли и пристали к берегу.

- Отличный пример того, как осуществляются благие намерения, - усмехнулась Динни. - Намечаем одно, а получается совсем другое, правда?

- Конечно. Но иногда так даже лучше.

- Жаль, что мы не прихватили с собой Фоша. Он готов ездить в чем угодно, только бы ему сидеть у кого-нибудь в ногах и чтобы его посильнее трясло.

Ни здесь на реке, где они провели около часа, ни потом они почти не разговаривали. Дорнфорд словно понимал (хотя на самом деле не понимал), что в этой дремотной летней тишине, на воде, то залитой солнцем, то затененной деревьями, он становится девушке гораздо ближе, чем раньше. Динни действительно черпала успокоение и бодрость в долгой лени этих минут, когда слова были не нужны, а тело каждой порой вбирало в себя лето - его благоухание, гул и неспешный ритм, его беспечно и беспечально парящую зеленую душу, чуть слышное колыхание камышей, хлюпанье воды и дальние зовы лесных голубей, доносящиеся из прибрежных рощ. Теперь она понимала, насколько права была Клер: с Дорнфордом в самом деле можно молчать.

Когда они вернулись в поместье, Динни почувствовала, что ей не часто выпадали на долю такие же молчаливые и отрадные утра, как это. Но она видела по глазам Дорнфорда, что между его словами: "Благодарю, Динни, я замечательно провел время", - и его подлинными переживаниями - огромная дистанция. Его умение держать себя в узде казалось ей прямотаки сверхъестественным. И, как всегда бывает с женщинами, сочувствие скоро сменилось у нее раздражением. Все, что угодно, - только не эта вечная принужденность, идеальная почтительность, терпение и бесконечное ожидание! Если все утро она провела с ним вместе, то всю вторую половину дня старалась избегать его. Глаза Дорнфорда, смотревшие на нее с грустью и некоторой укоризной, только усиливали раздражение Динни, и она изо всех сил притворялась, что ничего не замечает. "Экая вредная!" - сказала бы ее старая няня шотландка.

Пожелав ему спокойной ночи у лестницы, она с искренней радостью заметила, какое растерянное у него лицо, и с не меньшей искренностью обозвала себя скотиной. Она ушла к себе в странном смятении, злясь на себя, на него, на весь мир.

- А, черт! - пробормотала она, нащупывая выключатель.

Тихий смех заставил ее вздрогнуть. Клер в пижаме курила, забравшись с ногами на подоконник.

- Не зажигай, Динни. Иди сюда и посиди со мной. Давай подымим в окно.

Три настезь распахнутые рамы смотрели в ночь, простертую под синим ворсом неба, на котором трепетали звезды. Динни выглянула в окно и спросила:

- Где ты пропадала с самого завтрака? Я даже не заметила, как ты вернулась.

- Хочешь сигаретку? Ты что-то нервничаешь.

Динни выдохнула клуб дыма.

- Да. Я сама себе противна.

- То же было и со мной, - тихо отозвалась Клер, - но теперь стало легче.

- Что ты для этого сделала?

Клер снова рассмеялась, и смех прозвучал так, что Динни немедленно задала вопрос:

- Ездила к Тони Круму?

Клер откинула голову, обнажив белую шею:

- Да, дорогая, я побывала у него вместе с нашим фордом. Мы подтвердили правоту закона, Динни. Тони больше не похож на обиженного сиротку.

- О! - сказала Динни и снова повторила: - О!

Голос у сестры был такой теплый, томный, довольный, что щеки девушки вспыхнули и дыхание участилось.

- Да, как любовник он лучше, чем как друг. До чего же всеведущ закон, - он знал, чем мы должны стать. А в коттедже у Тони после ремонта очень мило. Только надо переделать камин на втором этаже.

- Значит, вы теперь поженитесь?

- Как можно, дорогая! Нет, сперва поживем в грехе. Потом посмотрим, а пока что приятно проведем время и все хорошенько обдумаем. Тони будет приезжать в город в середине, а я к нему - в конце недели. Словом, все как по закону.

Динни рассмеялась. Клер внезапно выпрямилась и обхватила руками колени:

- Я давно уже не была так счастлива. Нехорошо мучить людей. Женщина должна быть любимой, - она в этом нуждается. Да и мужчина тоже.

Динни высунулась в окно, и ночь постепенно охладила ей щеки.

Прекрасная, глубокая, темная ночь! Она задумчиво простерлась над землей, смягчая все контуры. Из звенящей тишины донеслось далекое жужжание, стало властным гулом бегущего мимо автомобиля. Дини увидела, как фары его на мгновение сверкнули за деревьями и снова исчезли во мраке. Жужжание начало замедляться, и вскоре опять наступила тишина. Пролетел мотылек; с кровли, кувыркаясь в неподвижном воздухе, плавно спустилось белое голубиное перышко. Клер обвила рукой талию сестры:

- Спокойной ночи, старушка. Потремся носами.

Оторвавшись от созерцания ночи, Динни обняла стройное тело в пижаме; щеки сестер соприкоснулись и взволновали обеих теплотой своей кожи: для Клер она была благословением, для Динни - заразой, которая словно обожгла ее томительным жаром бесчисленных поцелуев.

Когда Клер ушла, девушка беспокойно заходила по неосвещенной комнате: "Нехорошо мучить людей!.. Женщина должна быть любимой... Мужчина тоже". Стиль как у малых пророков! Озарение низошло на Динни, как на Павла, когда тот шел назначенным путем. Она ходила взад и вперед, пока не устала; потом зажгла свет, сбросила платье, надела халат и села причесаться на ночь. Причесываясь, взглянула на свое отражение в зеркале и долго не могла от него оторваться, словно давно не видела себя. Ее щеки, глаза, волосы еще дышали лихорадкой, передавшейся ей от Клер, и девушка казалась самой себе неестественно оживленной. А может быть, в этом виновато солнце, которое влило зной в ее жилы, пока она сидела с Дорнфордом в плоскодонке? Динни расчесала волосы, откинула их назад и легла. Окна она оставила распахнутыми, шторы не опустила, и звездная ночь беспрепятственно заглядывала ей в лицо сквозь мрак тесной комнатки. Часы в холле негромко пробили двенадцать - часа через три уже начнет светать. Девушка подумала о Клер: сестра спит за стеной и видит прекрасные сны. Она подумала о Тони Круме, пьяном от счастья в своем только что перестроенном коттедже, и память подсказала ей избитую фразу из "Оперы нищих": "Ее поцелуи блаженство дарят, приносят покой и отраду". А она? Динни не спалось. Как когда-то в детстве, ей хотелось побродить, проникнуть в тайны мертвенно тихой ночи, посидеть на лестнице, обойти комнаты, свернуться клубочком в кресле. Она встала, надела пеньюар, туфли, выскользнула из комнаты и села на лестнице, обхватив руками колени и прислушиваясь. В старом темном доме ни звука, лишь где-то тихонько скребется мышь. Динни встала, оцупью нашла перила и спустилась вниз. Навстречу ей из холла потянуло затхлостью, - его приходится оставлять на ночь открытым: там слишком много старого

дерева и мебели. Динни, вытянув руки, добралась до дверей гостиной и вошла в нее. Воздух здесь был тоже тяжелый: пахло цветами, табаком и ароматической смесью, купленной еще в прошлом году. Девушка подошла к балконной двери, отдернула портьеры, открыла ее и с минуту постояла, жадно вдыхая воздух. Было темно, тихо, тепло. При свете звезд она видела, как поблескивают листья магнолий. Она оставила дверь открытой, добралась до своего любимого кресла и прикорнула в нем, поджав под себя ноги. Потом обхватила плечи руками и опять попыталась вообразить себя маленькой девочкой. Ночной воздух вливался в дверь, часы тикали, и, следуя их ритму, остывал зной, разлитый по жилам девушки. Вскоре она закрыла глаза и, как всегда в этом старом кресле, почувствовала себя так уютно, словно была прикрыта и защищена со всех сторон; но заснуть ей все-таки не удавалось. Ей чудилось, что за ее спиной кто-то есть: это всходила луна и в гостиную через дверь проникал ее неуловимый призрачный свет, сообщавший свою таинственность каждому знакомому предмету. Комната словно оживала, чтобы разделить с Динни ее одиночество, и у девушки возникло не раз уже испытанное ощущение того, что старый дом живет своей особой жизнью, что он чувствует, видит, что он то засыпает, то бодрствует. Вдруг с террасы донеслись шаги; Динни вздрогнула и села.

Чей-то голос спросил:

- Кто это? Есть тут кто-нибудь?

В дверях выросла фигура; девушка по голосу узнала Дорнфорда и отозвалась:

- Только я.

- Только вы!

Она увидела, как он вошел и встал подле кресла, глядя на нее. Он все еще был в вечернем костюме и стоял спиной к свету, так что девушка лишь с трудом могла разглядеть его лицо.

- Что-нибудь случилось, Динни?

- Нет, просто не спится. А вы?

- Сидел в библиотеке, кончал работу. Потом вышел на террасу подышать и смотрю - дверь открыта.

- Кто же из нас скажет: "Как чудесно"?

Однако никто ничего не сказал. Динни разжала руки и спустила ноги на пол. Вдруг Дорнфорд схватился за голову и отвернулся.

- Простите, что я в таком виде, - растерялась девушка. - Я, право, не ожидала...

Он опять обернулся к ней и упал на колени:

- Динни, это конец, если...

Она провела руками по его волосам и тихо ответила:

- Нет, это начало.

XXXIX

Эдриен сидел и писал жене:

"Кондафорд, 10 августа.

Родная моя,

Посылаю, как обещал, точный и подробный отчет об отъезде Динни. Посмотри "Лэнтерн" - там есть снимок, изображающий "жениха и невесту при выходе из церкви". К счастью, репортер этой газеты снял их прежде, чем они двинулись: фотоаппараты, за исключением кинокамеры, не могут передавать движение, и на карточках всегда получается так, что одна нога задрана чуть ли не до глаз, закрывает колено другой ноги и обезображивает стрелку на брюках. Дорнфорд выглядел очень авантажно; Динни, да хранит ее господь, не улыбалась "улыбкой новобрачной", и вид у нее был такой, словно все происходящее только шутка. С самой их помолвки я без устали раздумывал, какие же у нее на самом деле чувства к нему. Это, конечно, не такая любовь, какую она питала к Дезерту, но мне кажется, что физически Дорнфорд ей не противен. Вчера я спросил ее: "От всего сердца?" и она ответила: "Во всяком случае не от половины". Мы-то с тобой знаем, на что она готова ради других. Но в брак она вступила и ради самой себя. Ей нужно жить, ей нужны дети и определенное положение. Это в порядке вещей, и, по-моему, она сама тоже так думает. Она, говоря языком нашей многообещающей молодежи, не сходит с ума по Дорнфорду, но ценит его, восхищается им - вполне, впрочем, заслуженно. Кроме того, он знает от меня, а вероятно, и от нее самой, что она может ему дать, и не станет просить большего, пока не получит его без всяких просьб. Погода стояла прекрасная; церковь, где, кстати сказать, воспринял крещение ваш специальный корреспондент, выглядела на редкость празднично. Правда, собрались в ней преимущественно обломки старой Англии, но мне почему-то кажется, что таких людей в Уолуорте сколько угодно.

На передних скамьях в наиболее чистейших позах разместились члены нашего клана, а также все, кто представляет графство или претендует на это. Чем дальше я смотрел на последних, тем горячее благодарил бога, который, правда, обрек Черрелов нашего поколения на жизнь в условиях современности, но все-таки не превратил их в провинциалов. Даже в Конне и Лиз, живущих здесь безвыездно, очень мало провинциального. Конечно, в наши дни странно слышать такое слово, как "провинция", но оно, видимо, будет существовать до тех пор, пока люди

будут стрелять и охотиться. Помню, что в детстве на этих охотах, если только мне удавалось выпросить лошадь в нашей или чьей-нибудь чужой конюшне, я всегда старался удрать подальше от охотников, чтобы уклониться от участия в разговорах, - так они были скучны. Быть просто человеком - гораздо лучше, чем представлять графство или претендовать на это. Должен сказать, что Клер, несмотря на недавние судебные мытарства, держалась изумительно, да и вообще, насколько я мог судить, никто не выказывал чувств, которые в этот час дня вряд ли мог испытывать. Позади, с несколько менее благочестивым видом, сидели обитатели деревни, - Динни их любимица, - настоящая выставка старожилков. Среди них было несколько интересных типов, например, старик Даунер в кресле на колесиках - сплошные уайтчепелские бакенбарды и борода; лишь кое-где резко выделяющиеся пятна смуглой кожи. Он отлично помнит, как мы с Хилери грохнулись с воза сена, забираться на который нам отнюдь не полагалось. Затем миссис Тибуайт, этакая симпатичная старая колдунья, - она всегда разрешала мне забираться к ней в малинник. Для школьников тоже устроили праздник. Лиз говорит, что среди них не найдется и одного на двадцать, кто бывал в Лондоне или уезжал дальше чем на десять миль от деревни. В наши-то дни! Зато парни и девушки - уже совсем другое дело. У девушек стройные ноги, шелковые чулки, со вкусом сшитые платья; у парней хорошие фланелевые костюмы, воротнички, галстуки, - к этому их приучили мотоцикл и кино. В церкви было много цветов, колокольного звона и оглушительных звуков органа. Хилери совершил венчальный обряд со свойственной ему быстротой, и старый приходский священник, помогавший при церемонии, только сокрушенно вздыхал, видя, в каком темпе тот служит и сколько всего пропускает. Тебя, конечно, интересуют туалеты. Так вот, стоя у алтаря, невеста и подружки напоминали мне дельфиниумы. Динни даже в белом выглядела точь-в-точь как этот цветок, а подружки - уж не знаю, нарочно или нет - были ей под стать. Рядом с ней Моника, Джоан и две молоденькие племянницы Дорнфорда, все как на подбор высокие и стройные, - ни дать ни взять клумба голубых дельфиниумов; впереди нее - четверо девочек в голубом, очень миленьких, но, конечно, не таких хорошеньких, как Шейла. Честное слово, эта ветряная оспа пришлась крайне некстати: тебя и детей ужасно доставало - Роналд в роли пажа был бы неподражаем. Домой из церкви я возвращался с Лоренсом и Эм, которая была необыкновенно величественна в своем серо-стальном платье, слегка перепачканном там, где "со слезами смешивалась пудра". Мне пришлось остановиться с ней под деревом, разбитым молнией, и хорошенько поработать одним из тех шелковых

носовых платков, которые ты мне дала в дорогу. Лоренс был в отличном настроении: он считает, что этот брак - наименее дутое из всех предприятий, виденных им за последнее время, и надеется, что падение фунта приостановится. Эм ездила осматривать дом на Кемпден-хилл; она предсказала, что не пройдет и года, как Динни влюбится в Дорнфорда, и пролила по этому поводу еще одну слезу, так что я был вынужден обратить ее внимание на дерево, в которое действительно ударила молния, когда мы втроем - она, я и Хилери стояли под ним. "Да, - вспомнила Эм, но вы же были то'да совсем маленькие! Очень предусмотрительно! А дворецкий сделал из отбито'о куска ручку для пера. Но перья в ней не держались, и я дала ее Кону с собой в школу, а он потом проклинал меня. Лоренс, я совсем старуха". Тогда Лоренс взял ее за руку, и так, рука об руку, они шли до самого дома.

Прием гостей происходил на террасе и на лужайке; явились все, вплоть до школьников. Суতোлка получилась отчаянная, но, по-моему, было весело. Я не знал, до чего люблю наш старый дом. Что там не толкуй о всеобщей нивелировке, в старых домах есть что-то неповторимое. Если дать им рухнуть, их уже не восстановишь; они - своеобразный фокус, в котором отражается вся округа. Бывают деревни и местности без сердцевины; они всегда почему-то пусты, плоски, нелепы. По-настоящему старый дом одухотворяет все, что примыкает к нему. Если владельцы его - не эгоистичные свиньи, он постепенно становится чем-то важным и для тех, кто им не владеет. Кондафорд - нечто вроде якоря для всех окрестных фермеров. Не думаю, чтобы кто-нибудь из жителей деревни, даже самых бедных, был недоволен тем, что поместье существует, или радовался, если бы его снесли. Как видишь, любовь и забота в течение многих поколений, а также некоторые, хотя не бог весть какие затраты привели к вполне осязательным результатам. Конечно, все меняется и должно меняться; именно поэтому спасение того старого, что заслуживает спасения, - ландшафтов, домов, обычаев, учреждений, людей определенного типа, - составляет одну из величайших проблем нашего времени, хотя мы меньше всего озабочены ею. Мы бережем произведения искусства, старую мебель, мы создали постоянный и очень ревностный культ старины, против которого не восстанут даже люди с ультрасовременным образом мышления. Почему мы не делаем того же самого в нашей социальной жизни? Да, бесспорно, "отживает порядок ветхий", но мы должны сохранить то, что в нем было достойного и прекрасного, то чувство долга, те манеры с большой буквы, которые были ему присущи, - словом, все, что приобретает медленно и будет быстро утрачено, если мы не сумеем как-

нибудь уберечь его. Исходя из знания человеческой природы, как она есть, я считаю величайшей нелепостью стремление сперва уничтожить то, что создано, а потом начать все сначала. Разумеется, ветхий порядок был далек от совершенства, его отнюдь нельзя назвать идеальным, но сейчас, когда это здание уже готово к сносу, мы не должны забывать, что за один час можно разрушить плоды многовекового труда; что, пытаясь заменить несовершенное более совершенным и не зная точно, как это делается, легче отбросить человечество назад, чем двинуть его вперед. Вся суть в том, как выбрать и сохранить то, что заслуживает сохранения, хотя я вовсе не утверждаю, что этого заслуживает многое.

Ну, оставим высокие материи и вернемся лучше к Динни. Они проведут медовый месяц в Шропшире, откуда Дорнфорд родом. Затем поживут в Кондафорде, а потом переберутся на Кемпден-хилл. Надеюсь, что погода, на их счастье, продержится: медовый месяц в дурную погоду - вещь утомительная, особенно когда один из молодоженов любит другого гораздо сильнее, чем тот его. Дорожный костюм Динни был, если тебя это интересует, синего цвета и не слишком ей шел. Мне удалось улучшить минутку и побыть с ней наедине. Я передал ей привет от тебя, она просила тебе кланяться и сказала: "Ну вот, я почти переплыла, милый дядя. Пожелайте мне счастья!" У меня защипало в глазах. Что она переплыла? Э, неважно. Если пожелания счастья могут его принести, то она уехала, нагруженная ими до отказа. Только вот прощальные поцелуи - нелегкая церемония. Кон и Лиз поцеловали ее уже после того, как она села в машину. Когда она уехала и я взглянул на их лица, я почувствовал себя бесчувственным чурбаном. Дорнфорд увез ее в своей машине, которую сам и вел. После ее отъезда я, скажу откровенно, захандрил. Все идет как надо, - я это знаю и тем не менее чувствую, что оно не так. Как ни легко теперь получить развод, в браке есть какая-то дьявольская бесповоротность; кроме того, Динни - не такая женщина, чтобы связать себя с любящим ее человеком, а потом бросить его. Она - из тех, кто придерживается старомодного правила: "Все пополам - и радость и горе". Дай бог, чтобы радости было больше. Я забрался подальше в сад, а оттуда полем ушел в лес. Надеюсь, у вас был такой же великолепный день, как здесь? Буковые леса на склонах куда красивей аккуратных посадок на Меловых холмах, хотя даже в тени последних чувствуешь себя как в храме, несмотря на то что они предназначены просто служить границей участка или давать приют овцам в жаркую погоду. Ручаюсь тебе, что этот лес в половине шестого вечера казался прямо заколдованным. Я взобрался на пригорок, сел и стал наслаждаться пейзажем. Мощные потоки косых лучей обрызгивали

древесные стволы, а в зеленых промежутках меж ними царила такая прохлада, которую можно назвать лишь одним словом - "блаженная". У многих деревьев ветви начинают расти на большой высоте, и стволы кажутся чуть ли не белыми. Подлеска под ними почти нет, "фауны" - тоже: одни сойки да рыжие белки. Когда, сидя в таком лесу, подумаешь о налоге на наследство и вырубке деревьев, сердце переворачивается, как будто ты поужинал одним чесноком. Скажу откровенно: вероятно, для бога двести лет - один день, но для меня они - вечность. Эти леса давно уже перестали быть заповедными: каждый может гулять здесь сколько вздумается. Молодежь, наверно, так и делает, - для любовных прогулок места лучше не найти! Я лег на солнце и стал думать о тебе, а два маленьких серых голубя мирно болтали, пристроившись на ветке, всего ярдах в пятидесяти от меня, так что я видел их в мой полевой бинокль. На месте срубленных и выкорчеванных деревьев выросли кипрей и пижма, наперстянка же, видимо, не прижилась. На душе у меня было безмятежно спокойно, хотя и немного тоскливо от всей этой зелени и красоты. Как странно, что красота может вселять в нас тоску! То ли, видя ее, мы ощущаем мрачную неотвратимость смерти, то ли сознаем, что любая вещь уходит от нас и что чем она прекраснее, тем тяжелее ее терять. Творец, создавая нас, сделал ошибку в своем плане. Нам следовало бы чувствовать вот как: чем прекрасней земля, чем чудесней свет, ветер, листва, чем ласковей природа, тем глубже и полней будет покой, который мы обретем в ее лоне. Непостижимая загадка! Я знаю, что мертвый кролик в лесу волнует меня больше, чем в мясной. На обратном пути я наткнулся на одного - его загрызла ласка. Он лежал так покорно и беспомощно, словно извинялся: "Простите, что я умер!" Может быть, умереть и хорошо, но жить все-таки лучше. Мертвая форма, еще не переставшая быть формой, - страшное зрелище. Ведь форма - это жизнь, и непонятно, зачем она сохраняется пусть даже ненадолго, если жизнь уже ушла. Мне захотелось подождать восхода луны и посмотреть, как она медленно зальет лес своим прозрачным сиянием; тогда я, наверно, почувствовал бы, что форма и после смерти продолжает жить в ином, разреженном виде, что все мы, сущие, - даже птицы, бабочки и мертвые кролики, - тоже продолжаем двигаться и жить и что это мое чувство меня не обманывает. Но в восемь в Кондафорде обедают, так что мне пришлось уйти, пока свет был еще зелен и золотист, - опять аллитерация! Они выскакивают у меня, как двухпенсовики. На террасе я увидел Фоша, спаниеля Динни. Мне показалось, что я встретился с бэнши: я ведь знаю его историю. Правда, голоса он не подал, но остро напомнил мне все, через что прошла Динни. Он сидел на задних лапах и

смотрел в землю невидящим взглядом, как умеют смотреть собаки, особенно спаниели, когда не понимают, почему все на месте, а одного, единственного, неповторимого запаха уже нет. Они, конечно, заберут его с собой на Кемпден-хилл, когда вернутся. Я поднялся к себе, принял ванну, переоделся и встал у окна, прислушиваясь к гудению трактора

(пшеница все еще не сжата) и слегка пьянея от запаха цветущей жимолости, которая вьется вокруг моего окна. Теперь я понял, что имела в виду Динни, сказав "переплыла". Она переплыла через реку, которую никак не могла преодолеть во сне. Что ж, в этом вся наша жизнь: мы переплываем реки или тонем. Надеюсь, нет, верю, что она уже выбралась на берег. Обед прошел, как любой другой обед: никто не говорил ни о Динни, ни о своих чувствах к ней. Я проиграл Клер на бильярде. Она показалась мне мягче и привлекательней, чем обычно. Потом мы с Коном просидели за полночь, по-видимому, для того, чтобы помолчать вдвоем. Боюсь, что им будет не хватать Динни.

Когда я наконец поднялся к себе в комнату, там было изумительно тихо и лунное сияние казалось почти желтым. Сейчас месяц уже прячется за вязы, и поверх сухой ветки мне видна вечерняя звезда. Высыпали и другие звезды, но их мало, и светят они тускло. Ночь сегодня - далекая от нашего времени, далекая от нашего мира. Не ухают даже совы, только жимолость все еще пахнет. Вот и сказке конец, любимая. Спокойной ночи!

Всегда твой Эдриен".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Неудачный брак (франц.).
2. Конюшня (англ.).
3. В смысле теперешнему состоянию (лат.).
4. В смысле перспектив (лат.).
5. Смотри-ка! Откуда здесь гора? (франц.)
6. Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними (лат.).
7. Вверху, в небесах (лат.).
8. На войне как на войне (франц.).
9. Умение, сметливость (франц.).
10. "Мужчина переменчив; безумна та, кто ему верит" (франц.).
11. Будьте благоразумны (франц.).
12. Убогий домашний скарб (лат.).